Игорь Бурдонов

ХРОНИКИ ПЕРЕМЕН

очень разная проза
очень разных времён

1967–2026

Наш мир

2026

УДК 821.581
ББК 83.3
Б91

Бурдонов И.Б.
Б91 ХРОНИКИ ПЕРЕМЕН. Очень разная проза очень разных времён. — Москва: Наш мир, 2026 — 608 с.

ISBN 978-5-908000-68-0

Об авторе: д-р физ.-мат. наук, гл. науч. сотр. Института системного программирования им. В.П. Иванникова (ИСП РАН). 40 лет занимается изучением Китая и столько же лет пишет «китайские» стихи и рисует «китайские» картины.

Из послесловия профессора Гу Юя (КНР, Тяньцзинь):

> То, что мне суждено переводить поэзию Игоря, это моя удача. Этот учёный увлечён китайской культурой, много читал древнекитайской классики в русских переводах и обладает широким международным кругозором. Он остроумен, обладает невероятно плодотворным творческим потенциалом, четырежды посещал Китай, постоянно сочиняя стихи и занимаясь живописью. Ему всегда удаётся создавать уникальные и оригинальные произведения, которые произвели на меня глубокое впечатление.

© И.Б. Бурдонов, текст, иллюстрации, 2026
© Л.В. Дубаков, предисловие 2026
© Гу Юй 谷羽 (Гу Хэндун 谷恒东), пер. на кит., 2026
© Гу Юй 谷羽 (Гу Хэндун 谷恒东), послесловие, 2026
© Мин Хайчжэнь 明海珍, пер. на кит., 2026
© Вэнь Синь 文心 (Ли Цуйвэнь 李翠文), пер. на кит., 2026
© Хао Эрци 郝尔启, пер. на кит., 2026
© Ли Цзянхуа 李江华, пер. на кит., 2026
© Хэ Фань 贺梵, пер. на кит., 2026
ISBN 978-5-908000-68-0
© Не Цзиньсин 聂金星, пер. на кит., 2026
© И.Б. Бурдонов, дизайн обложки, 2026
© А.Л. Белугин, дизайн обложки, 2026
© Издательство «Наш мир», оформление , 2026

18+

Предисловие автора

После того, как вышла моя книга "КИТАЙСКИЕ СТИХИ", жена сказала мне: почему бы тебе не издать свою книгу прозы, у тебя там есть кое-что неплохое, например, про деревенских инопланетян. И я начал собирать такую книгу. Просматривал тексты и выбирал те, которые показались мне хоть в чём-то любопытными. Но текстов много, и нужно было чем-то пожертвовать. Я решил пожертвовать всем, что носит характер статьи, заметок или эссе, кроме тех, что показались мне не лишёнными некоторой художественности. И всё равно получилось слишком и слишком разнообразно. Ограничиться одними инопланетянами мне не хотелось.

Тексты написаны в разное время, они разных жанрах, разного объёма, и вообще очень разные. Диапазон времени слишком велик: с 1967 года по 2026 год, 59 лет. Поэтому я назвал книгу "ХРОНИКИ ПЕРЕМЕН". Это название претенциозно, но ничего лучше я не придумал. Любое другое название, указывающее на что-то ещё, кроме перемен и хроник, будет неточно: какие-то тексты обязательно будут ему не соответствовать.

Кроме того, я решил расположить тексты в тупом хронологическом порядке, поскольку чувствовал, что никакая другая схема тут не сработает: что-нибудь да выломается за её пределы. А с хронологией не поспоришь — какая есть, такая есть. Нужно было только решить, как датировать тексты с несколькими датами. Дело в том, что некоторые тексты я менял: что-то исправлял, что-то добавлял, что-то удалял. Иногда в течение многих лет. Я решил указывать самую первую дату, когда текст или его заготовки появлялись первый раз. В конце концов, говоря о дате человека, мы называем в первую очередь дату его рождения, хотя потом он многажды меняется.

Перечитывая некоторые старые тексты, я ловил себя на мысли: Ну, нет, сейчас я бы так не написал. Кто-то в таких случаях переделывает текст под себя сегодняшнего или просто выбрасывает в мусорную корзину. Только я не таков. Это ведь всё равно, что, перебирая в памяти дни своей жизни, сказать: Ну, нет, этот день неправильный, его нужно исправить или вообще удалить из памяти. Но в памяти ничего нельзя исправить, из памяти ничего нельзя удалить.

Правда, говорят, что, когда человек вспоминает, он на самом-то деле не столько вспоминает прошлое, сколько его конструирует из каких-то деталей и обломков, сохранившихся в памяти. Так что на самом-то деле все наши воспоминания ложные. Но тогда тем более не надо менять старый текст, когда выуживаешь его из архивных папок: он-то как раз настоящий.

Разумеется, тут я сам себе противоречу, когда говорю, что какие-то тексты я менял на протяжении многих лет. Но это хорошее противоречие, я бы сказал, живое. Так я отдаю должно не только тому времени, когда текст был рождён, но и другим временам его жизни. Только не хочу примешивать к этому себя сегодняшнего, поскольку не уверен, что сегодня я чем-то лучше себя тогдашнего. Даже уверен, что в чём-то хуже. Единственное, что я себе позволил, это исправление грамматических ошибок: каюсь, тут я страшный зануда (кроме тех случаев, когда нарушение грамматики намеренное).

Из-за этого некоторые старые тексты выглядят довольно архаичными, в них упоминаются какие-то вещи, события, люди, явления и т.п., которых давно уже нет. Что же делать: текст отражает ту реальность, которая была, когда он создавался. Вот уж не знаю, хорошо это или плохо.

Ещё можно делить тексты на хорошие и плохие. Ха-ха! Да я так и делал. Но проблема в том, что идеального текста в природе не существует (тем более, у меня). Почти каждый текст в чём-то хорош, а в чём-то плох. В противоречии с этим какие-то тексты я всё же выбрасывал, так что тут моя совесть чиста.

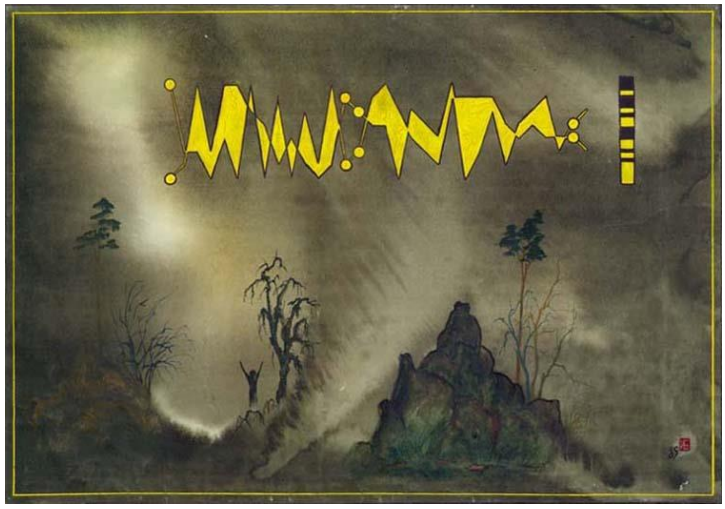
И ещё: я не стал даже заглядывать в совсем уже старую папку с названием "АРХИВ", где собраны ещё более древние тексты. Просто боялся, что мне там что-то может понравиться и я погибну под этой грудой текстов.

Открыв эту книгу, вы увидите, что это книга с картинками. Картинок много, все они мои, нарисованные в разные годы на протяжении 40 лет. Все картинки имеют прямое отношение к текстам, рядом с которыми они расположены. Более того, в некоторых случаях не картинки рисовались как иллюстрации к тексту, а наоборот, тексты писались, как расшифровка картинок. Ну, тут уж ничего не поделаешь.

Ещё есть маленькие графические чернобелые рисунки, вроде виньеток. Я не рисовал их специально при составлении книги, а только вырезал из старых картин и рисунков и обработал: сделал чернобелыми без полутонов. Для чего они нужны? Сам не знаю, мне показалось, что так будет забавнее. Это для развлечения читателя, чтобы он не уснул, читая сплошной текст там, где нет других картинок.

Разделы книги — это годы. На первой странице года вверху виньетка в виде двух ломаных линий с зачернённым пространством между ними. Она непосредственно связана с Переменами. Поясню.

У меня была акварель из цикла "Чжоуские Перемены", частью которой была эта виньетка, только жёлтого цвета. Акварель называлась "Магия Перемен". Для построения фигуры использована парность гексаграмм "Книги Перемен" (*И-цзин*) в их традиционном расположении в порядке Вэнь-вана. Гексаграмма с чётным номером получается из предыдущей гексаграммы с нечётным номером переворотом на 180 градусов, например, № 3 □ и № 4 □. А если при перевороте гексаграмма не меняется (симметрична), то вместо переворота используется инверсия черт: *инь* (прерванная черта) ↔ *ян* (сплошная черта), например, № 1 □ и № 2 □. Поэтому для пары гексаграмм первого типа достаточно указать две верхние триграммы гексаграмм пары: нижняя триграмма одной гексаграммы — это "опрокинутая вниз" верхняя триграмма другой гексаграммы. Для гексаграмм, получающихся друг из друга инверсией черт, также достаточно указать две верхние триграммы: нижняя триграмма одной гексаграммы — это "опрокинутая вниз" верхняя триграмма той же самой гексаграммы. После этого я взял вертикальную шкалу триграмм в порядке Фуси (на картине в правом верхнем углу сверху вниз: ☰ ☱☲☳☴☵☶☷) и, откладывая по горизонтали номер пары гексаграмм, получил последовательность пар точек. Осталось лишь соединить двумя ломаными линиями точки верхних триграмм первых гексаграмм пар и точки верхних триграмм вторых гексаграмм пар. Очерченное пространство я закрасил желтым цветом (в виньетке книги — чёрным). Кружками отмечены пары гексаграмм типа "инверсия черт". "И цзин" традиционно делится на две части (с номерами гексаграмм 1-30 и 31-64). Вторая часть начинается после третьей пары кружков.



Ах, да! Наверное, надо сказать о чём эта книга. Да ни о чём, то есть обо всём. Читатель наверняка найдёт в этой книге что-то скучное, неинтересное, а то и гадкое. Но, надеюсь, и что-то, что его позабавит или заставит задуматься.

А я пока пойду попью чаю.

17 ноября 2026 года

1967

УЛИЦА, НА КОТОРОЙ РАСТУТ КАШТАНЫ

рассказ

В переполненном автобусе толкались, смеялись, спорили; у кассы толпились в ожидании мелочи; то и дело меня дёргали за рукав, просили передать деньги или билет; кто-то всё время пытался пробиться к выходу, отчаянно работая локтями:

Суета... Как это похоже на всю нашу жизнь — вечная суета. Кто-то усердно лезет вперёд, кто-то уютно устроился на мягком сидении и замер, наслаждаясь покоем, кто-то висит на подножке, рискуя свалиться, кого-то толкают в разные стороны словно мячик. Ибо все мы пассажиры в переполненном автобусе, который зовётся жизнью. Каждый входит в него на одной остановке и выходит на другой, ему нет дела до случайных попутчиков, у него свои дела и свои мысли, он спешит, проклиная тесноту и час "пик".

Мне понравилось это сравнение и захотелось поразмышлять над ним в одиночестве. Я вышел на три остановки раньше и решил пройтись пешком. Вечер был тёплый, сухой и пустынный. Мне нравятся такие вечера, я люблю бродить по тихим улицам, согреваемым слабым и неровным светом жёлтых фонарей, прислушиваясь к звуку своих шагов, к неторопливому разговору мыслей, разглядывая случайные воспоминания...

Вдоль улицы росли высокие каштаны. Их широкие кроны закрывали звёзды, и казалось, что самые верхние листья, освещённые светом фонаря, касаются небесного свода, чёрного и тёплого как августовская ночь. Можно влезть на дерево и погладить рукой его поверхность, приятную как замша.

По одной стороне улицы за низкой изгородью тянулись фруктовые сады. В глубине каждого сада стоял двухэтажный каменный особняк, сквозь листву мелькал свет из маленьких окон. На другой стороне улицы дома подходили вплотную к тротуару, но стояли редко, отделённые друг от друга зарослями сирени или черёмухи. Изредка попадались небольшие провинциального типа

кабачки. Выбор закуски и напитков в них был довольно скудный, но всегда можно было поесть досыта, посидеть в тишине за стаканом неизменного красного чуть кисловатого вина или за кружкой пива, вздремнуть или поболтать с приятелем.

Я заметил этого человека только тогда, когда он меня окликнул. Он окликнул меня по имени, как старого знакомого, а, тем не менее, я видел его впервые. Он был низкого роста, кругленький с короткими руками, засунутыми в карманы осеннего пальто.

Он подошёл ко мне, улыбаясь приятной улыбкой, и протянул руку. "Здравствуй, Гарри! — сказал он. — Вот мы с тобой и встретились. Ты рад?" Я неуверенно пожал его пухлую мягкую ладонь и спросил, откуда он меня знает, и как его зовут, ведь я никогда раньше его не видел. Он улыбнулся как-то странно: ласково и успокаивающе, взял меня под руку и мы медленно пошли по тротуару.

— Видишь ли, Гарри, ты и не мог меня видеть раньше. Человек встречает меня только один раз. Я как душа, ведь она у человека одна. Или как рождение — согласись, человек не может родиться дважды. Или…

— Или как смерть…— произнёс я и удивился своим словам.

— Да ведь я и есть Смерть, Гарри. Разве ты не знаешь?

Действительно, подумал я, надо было догадаться сразу. Конечно, он и есть Смерть. Кем же ему ещё быть?

— Выходит, я должен умереть? — спросил я.

— Правильно! — кругленький человек шутливо ткнул меня в бок. — Может быть, ты не хочешь? А? — он весело засмеялся.

— Мне не приходилось думать над этим. И потом… я не знаю, как это делается.

— Это очень просто! Каждый легко может умереть. Я сейчас тебе всё объясню. Только давай зайдём вон в тот кабачок. У него смешное название, правда? "Двум смертям не бывать, а одной не миновать".

— Странно, я не помню, чтобы здесь был такой кабачок.

— Ты просто не обращал внимания, Гарри. Ведь если что-нибудь видишь каждый день, то перестаёшь обращать внимание, верно?

— Это правильно.

Мы зашли в кабачок и сели за столик в углу. Кроме нас в кабачке сидели ещё двое рабочих, дымивших папиросами, и какой-то старик в задумчивости потягивал пиво.

Смерть заказал бутылку молдавского вина и объявил, что сегодня платит он. Когда принесли вино и закуску, он налил по полным стаканам и предложил тост за моё здоровье. Мне показалось это очень смешным: в самом деле, что может быть нелепее пить за своё здоровье со Смертью?!

— А почему же не выпить? — изумился Смерть. — Я ведь отнимаю у тебя не здоровье, а только жизнь!

А ведь и, правда, подумал я, как это мне раньше не приходило в голову. Конечно же, здоровье останется при мне. А с другой стороны, зачем мне здоровье, если я уже не буду жить?

— Э-э, Гарри, откуда ты можешь знать, что будешь делать, когда умрёшь?

— А что же я, по-твоему, буду делать? Меня просто не будет.

— А вот и нет! — Смерть радостно потёр руки. — Вот ты и ошибаешься! Умереть — это значит перестать жить, понимаешь?

— Понимаю. Но ведь это и означает, что меня не будет.

— Ну и неправильно! — Смерть расплылся в улыбке. — Я тебе всё объясню. Ведь что такое жизнь? Это когда каждый день происходит что-нибудь новое. Не существует двух абсолютно похожих дней в жизни! Всё время происходят какие-то события, которых раньше не было, даже если ты их не замечаешь. Ведь так?

— Это ясно, — согласился я.

— Вот видишь! Значит, когда человек умирает, то есть просто-напросто перестаёт жить, то это означает только, что отныне ничего не меняется. Все дни совершенно похожи один на другой. Никаких новых событий!

— Ты хочешь сказать, что человек, который умер, продолжает жить, но только очень спокойной жизнью?

— Можно и так сказать. Только ведь это уже не жизнь, Гарри, когда ничего не меняется. Умереть — это обрести покой. А разве наша жизнь не полная противоположность покою? Наша жизнь — это суета. Ибо все мы пассажиры в переполненном автобусе.

— Тебе тоже приходило в голову это сравнение?

— Оно пришло в голову тебе, Гарри. И это ты вышел на остановке автобуса. Это был сигнал, понимаешь? Ты подал мне знак, и я пришёл.

— Но я не звал тебя.

— Ты захотел покоя, и я принёс его. Бери, если не раздумал.

— Где же он?

— Там, — Смерть неопределённо махнул рукой в сторону улицы. — Как выйдешь, сразу увидишь.

— Я только пойду посмотрю. И тут же вернусь.

Я вышел на улицу. Там ничего не было. Жёлтые фонари, высокие каштаны и тёплый асфальт под ногами. И больше ничего. Никакого покоя.

Значит, Смерть обманул меня? Я вернулся в кабачок, но там уже никого не было, и я снова вышел на улицу. Сделал несколько шагов по тротуару и... не смог остановиться. Что-то неодолимо влекло меня вперёд, хотелось идти и идти мимо зелёных каштанов, мимо каменных двухэтажных домов, мимо жёлтых фонарей всё дальше и дальше... прислушиваясь к звуку своих шагов, к неторопливому разговору мыслей, разглядывая случайные воспоминания...

Лёгкий ветерок потревожил сонные листья, они задрожали и тихий шорох, словно шёпот, пролетел в воздухе. "Прощай, Гарри. Прощай". Или мне послышалось?

1967

СОН

рассказ

Сегодня ночью…

Кажется, что не сегодня, а в каком-то другом времени. Я не знаю, как выразить это разделение времён, это прошлое, которое не предшествует настоящему, а как бы его оборотная сторона, существующая сама по себе. Условно я называю это словом «был», я злоупотребляю этим словом, как бы складывая из кирпичей стену, что разделяет моё время, время «сегодня» и то, другое, время, неправильное и странное. Я даже не знаю: оно «было» или его «не было».

Сегодня ночью мне приснился сон.

Я стоял в небольшой комнате с гладкими серыми стенами без окон. Не помню, чтобы была какая-нибудь мебель. Во всяком случае, было довольно просторно, хотя, кроме меня, там находилось ещё несколько человек. Эти люди были мне незнакомы, они стояли в стороне, тесной группой и о чём-то переговаривались. Сейчас почему-то кажется, что они были бородаты, хотя не только стариками, но даже пожилыми людьми их не назовёшь. Всё-таки люди эти были старше меня. Впрочем, я, кажется, совершенно напрасно пытаюсь описать внешность этих людей, тогда как дело вовсе не в ней. Допускаю, что у них не было никакой определённой внешности; недаром же их было несколько — каждый имел какую-то отдельную черту, всё остальное неважно, а вместе они составляли некий образ, который не только описать, но и представить в виде отдельного человека нельзя.

А дело заключалось в том положении, которое эти люди занимали по отношению ко мне. Если бы они занимали такое же положение по отношению к кому-нибудь другому, у них была бы совсем другая внешность. Каждому хотелось бы иметь таких людей, и ни у кого таких людей никогда не было. Разве что во сне. Люди эти определяются двумя свойствами. Во-первых, они всё про вас знают. Я имею в виду не вашу биографию, семейное положение, или образ жизни, хотя это им тоже известно. Но они знают гораздо больше: ваши мысли, ваши мечты, тайные желания, и даже менее чем желания. Всё это они знают и во всём хорошо разбираются, пожалуй, даже лучше вас. От вас они отличаются своим вторым свойством: умением всё чудесно устроить, исполнить ваши желания и даже менее чем желания. Особенно хорошо им удаётся исполнение тех ваших желаний, о которых вы даже не подозреваете, которые вы скрываете от самих себя и которые исполняются только во сне. Это вовсе не значит, что вы что-то приказываете этим людям, и они тотчас же исполняют словно слуги. Совсем наоборот, они действуют совершенно

самостоятельно, потому что лучше вас во всём разбираются. Всё происходит независимо от вас и помимо вашей воли, навязывается вам извне, и тем не менее всё происходит так, как бы вам хотелось, втайне хотелось.

Дверь открылась, и в комнату вошла девушка. На ней было платье, короткое серое платье, плотно облегающее фигуру. Кажется, воротник платья был отделан гладким и мягким мехом коричневого цвета, но, может быть, этого и не было. У неё были волосы, я не помню, какие у неё были волосы, но, мне кажется, они должны были быть не длинные, хотя и не очень короткие, скорее тёмные, чем светлые, и уложенные в несложную, но эффектную причёску. На ногах — туфли, да, на ногах должны были быть туфли, наверное, были даже чулки, скорее всего, капроновые, но это я уже не могу утверждать наверняка. Была ли девушка красива? Я бы сказал, что да.

Девушка посмотрела на меня. Все посмотрели на меня. Никто не сказал ни слова. Я молча вышел вместе с девушкой в длинный серый коридор. Мы пошли по длинному серому коридору, а люди, те люди, о которых я уже писал, стояли в дверях и смотрели, пока мы не скрылись за углом.

Здесь я должен остановиться и сделать некоторые пояснения. Очень трудно описывать сон, боюсь, мне это плохо удаётся. Ведь главное во сне — это тот особый настрой чувств, то особое восприятие происходящего, которое бодрствующему человеку припомнить почти невозможно. Но нельзя же писать во сне! Приходится длинными разъяснениями передавать мгновения и оттенки. Я написал, что никто не произнёс ни слова. Это верно. Однако когда вошла девушка, я знал всё, что нужно. Вот так совершенно необъяснимо, до того как открылась дверь, я пребывал в полном неведении, хотя, быть может, и догадывался о чём-то, а после уже всё знал. Смысл этих новых знаний сводился к следующему: я должен был любить девушку, которая вошла в комнату. Точнее, мы должны были любить друг друга, но с её стороны это подразумевалось само собой. Надо было сказать с самого начала, что я эту девушку видел в первый раз, однако подозреваю, что она меня знала лучше. Вообще, во всей этой истории есть одно странное обстоятельство: на протяжении всего сна я ни разу не принимал какого-либо решения, более того, ни разу не возникало никаких мыслей, кроме разве что автоматической констатации всего происходящего. Такая своеобразная пассивность объясняется, видимо, наличием тех людей, о которых я писал, что они исполняют мои желания так, как мне бы хотелось. Впрочем, в дальнейшем эти люди уже не участвовали в событиях, вроде как сделали своё дело и исчезли.

Девушка остановилась. Она остановилась сразу и повернулась ко мне. Она остановилась так сразу, что я, продолжая двигаться, подошёл близко к ней, слишком близко. Зачем стоять так близко? Это неудобно, неудобно разговаривать, неудобно двигаться, даже неудобно дышать. Девушка не

отстранилась, её глаза искали мои, её тело коснулось меня, едва коснулось. Меня охватил страх, и даже не страх, а робость, и даже не робость, а боязнь. Боязнь близости. Мне захотелось убежать, убежать и остаться одному, одному, так привычнее.

Кто-то засмеялся, заговорили голоса, захлопали двери, зашагали ноги. В коридоре стало много людей. Девушка разочарованно отодвинулась, и мы пошли дальше. У неё была красивая походка. Но я не смог бы её описать: я не помню движений её ног и бёдер.

Мы спустились в нижние этажи. Здесь были мрачные и массивные стены. Девушка коснулась моего плеча, я обернулся, и наши лица оказались рядом. Мне было неловко стоять так, полуобернувшись. Мне было неловко с девушкой, потому что в этом сне мы были друг для друга. И я не мог просто уйти, и мы не могли быть просто знакомыми или даже чужими.

На нижних этажах тоже ходили люди, и мы снова поднимались выше. Я и девушка должны были любить друг друга. Почему? Ну разве можно задавать такие вопросы! Ведь это сон. Надо и всё... Таковы правила, и мы ни разу не думали об этом. Это странное чувство, когда рядом девушка и ты знаешь: стоит вам остаться наедине, и ты будешь любить её, и она будет любить тебя. А пока мы не знакомы, и нам неловко друг с другом. Но уже известно заранее, что мы будем любить друг друга. Надо только остаться наедине, и мы ищем укромное место и облегчённо и разочарованно вздыхаем, когда появляются люди. И мы бродим по этажам, заходим в пустующие, но тут же заполняющиеся людьми комнаты, поднимаемся по узким лестницам. И везде много народу: прогуливаются старые люди, играют ребятишки, хозяйки развешивают бельё на верёвках, протянутых через огромные залы, и старушки на скамейках провожают нас взглядом. Но разве можно найти укромное место в этом огромном и однообразном доме? Все его этажи заполнены до отказа людьми и вещами, и нам нигде не скрыться от их глаз.

Мы заворачиваем за угол и, устало прислонившись к стене, смотрим в глаза друг друга. О, это удивительное, радостное и тревожное, робкое и дерзкое, пугающее и притягивающее чувство, когда глаза девушки открылись для меня, когда я вижу в них себя! Кто-то засмеялся, заговорили голоса, захлопали двери, зашагали ноги: стало много людей.

И мы идём дальше. Мы уже устали. Я бы не сказал, что теперь я пассивен, что только девушка ведёт меня за собой. Мы идём вместе, но мы устали. Странно, что в начале пути мы шли по длинным, серым, гулким и пустым коридорам, которые лишь в последний момент мгновенно заполнялись людьми, а здесь, на самом верхнем этаже, мы едва пробираемся в толпе людей и вещей. И держимся за руки, чтобы не потерять друг друга.

Вдруг видим отвесную железную лестницу, заржавленную лестницу, ведущую на чердак. Голые, крепкие, пружинистые и стремительные ноги девушки — так и хочется ухватить их и успокоить. Но они быстро-быстро мелькают по ступеням лестницы, и я едва поспеваю за ними. И вот мы наверху. Лишь узкий кружок вокруг люка освещён слабым светом, идущим снизу. Вокруг чернота. Почему это одежда девушки так износилась? Разве мы долго шли? Как будто не очень, не больше суток. Но где же тогда туфли и капроновые чулки? Серое платье стало ещё короче, с его краёв свисают лоскутки материи, воротник как будто никогда и не был отделан мехом. Эффектной причёски тоже нет, волосы растрепались, и запутанные прядки дрожат на ресницах.

Наши глаза уже привыкли к темноте. Мы видим, что по всему чердаку в беспорядке расставлены большие и маленькие поленницы дров. Осторожно проходя между ними, я и девушка идём в дальний угол чердака. Неожиданно на наши лица падает луч света. Сквозь щель в крыше видно солнце и кусочек неба. Это поразительно! Значит, вне этого огромного, тесного и однообразного дома тоже кое-что есть! Но мы устали. Мы находим большую кучу прошлогоднего сена и обессиленные падаем на неё. На чердаке прохладно, и мы, тесно прижавшись, согреваем друг друга. Засыпая, я касаюсь губами её обнажённого плеча.

Просыпаемся мы одновременно, но не встаём, а, немного смущённые, притворяемся спящими, сильнее обнимая друг друга. Мы любим друг друга — так и должно было быть. Вдруг слышится топот ног и голоса людей. Мы видим, как из люка поднимаются люди. Их становится всё больше и больше. Им уже тесно в узком кругу света вокруг люка, а по лестнице торопливо поднимаются ещё и ещё. Какая-то маленькая девочка, смеясь, показывает в нашу сторону и кричит звонким голоском: "Вот они! Вот они, смотрите!". Но люди не видят нас, их глаза ещё не привыкли к темноте. Мы пользуемся этим и, бесшумно передвигаясь, добираемся до того места, где вчера видели луч солнца из щели. Мы снова видим эту щель — это дверца на крышу неплотно закрыта. Мы открываем её и, выбравшись наверх, закрываем за собой снова. Теперь мы в безопасности: люди не могут выйти из этого дома. Почему? Я не знаю.

А мы сидим на крыше, прислонившись спинами к трубе и вытянув ноги. И видим не только солнце, но и небо, и облака... Сначала мне кажется, что крыша двускатная, но на такой крыше неудобно сидеть, и она становится плоской. Да, но где же тогда будет чердак? Всё-таки крыша, наверное, двускатная. Просыпающийся разум вносит свои коррективы в конец сна. Снова шумит поток, смывая неповторимое очарование сна, и сон забыт, и я снова один.

комментарий тридцать лет спустя

Лейтмотив этого сна, помимо очевидного эротического мотива, малоинтересного просто потому, что такой мотив присутствует в любом сне, как буквы алфавита присутствуют в любом тексте, а фонемы присутствуют в любой речи, — лейтмотив этого сна заключается в том, что он серый. Не чёрно-белый и не цветной. Точнее, цвета в этом сне присутствуют, например, мех на платье девушки как будто коричневого цвета, но эти цвета словно приглушены серой дымкой. Это не та дымка, которая бывает на китайских картинах, когда цвета не яркие, но прозрачные и влажные, как будто краска ещё не высохла. Да и откуда взяться такой дымке внутри здания? Пожалуй, только цвет неба, солнца и облаков в конце сна лишён этого серого налёта. Но ведь конец сна совпадает с пробуждением. Не началось ли пробуждение раньше, ещё до того, как мы выбрались на крышу? А может быть, ещё раньше, когда закончился сон во сне? И все эти люди, поднимающиеся на чердак, и эта маленькая девочка, которая кричала "Вот они!", — всё это тоже придумало пробуждающееся сознание? А не был ли весь сон целиком, с самого начала, придуман в момент пробуждения?

Запись сна осуществлена в конце 1967 года, и все эти тридцать лет я не могу ответить на простой вопрос: что же на самом деле было в этом сне? Когда я пытаюсь вспомнить сон, я вспоминаю только запись сна. Но вот что странно: через четыре года после сна, а августе 1971 года, я попытался переделать запись. То, что называется литературной обработкой. А вот теперь ясно вижу: ничего переделать не удалось. Первоначальная запись кажется безусловно достоверней, даже литературно она лучше. Это тем более странно, что запись содержит размышления и пояснения, явно придуманные после сна. А тем не менее такое чувство, что они составляют часть самого сна. Как будто во сне я пытался рационально анализировать сам сон. Как будто рационализирование сна — это и есть сам сон. Не от того ли этот серый налёт? И что скрывалось за этой дымкой рассудка? И скрывалось ли что-нибудь? Или не скрывалось ничего, и рассудок лишь констатировал происходящее, не способный управлять событиями, как будто ими управлял кто-то другой?

И при чём тут девушка и любовь?
Или правильнее сказать: при чём тут всё остальное?

сон 1967, запись сна 1967-1997-2012

1968

МУМИЯ

рассказ

У неё были волосы золотого цвета. Она была ростом ему по плечо и она была тонкая. Однажды, когда они ехали в метро и она сидела, а он стоял над ней, он смотрел на неё сверху вниз и он подумал: А ведь она тощая. Даже костлявая. Как мумия. Или как Баба-Яга. Он отогнал эти мысли.

Она работала воспитательницей в детском саду. Она рассказывала: "Я спрашиваю: Дети, вы знаете, кто я такая? Дети, конечно, знают и отвечают хором. А вот и нет, дети! Я Баба-Яга. Я вот тут сижу сейчас с вами, а потом пойду домой и возьму ступу и буду летать над улицами и ловить маленьких детей и сажать их в мешок. Дети не верят... Не бойтесь, дети! Я вовсе не Баба-Яга".

И всё же там, в метро, когда он стоял над ней, а она думала о чём-то, и черты лица её обострились, да ещё и пальто висело на ней, как на вешалке, и ноги тонкие... Он отогнал эти мысли. Ненужные мысли, непонятно почему приходящие в голову.

Они познакомились на вечеринке. Она пришла с подругой. С подругой, с которой он был давно знаком. Он провожал их обеих, потому что они жили рядом. Сначала он проводил подругу, и сто метров они прошли вдвоём до её дома. Он сказал: "Можно я приду к тебе завтра в гости"? "Ко мне"? — спросила она. Она подумала, он что-нибудь перепутал. "К тебе", — ответил он. "Приходи", — сказала она. Он пришёл на следующий день вечером. Они сидели при свете настольной лампы за столом, друг напротив друга. Она сказала: "Вот мы знакомимся". У неё были золотые волосы и большие глаза и серое шерстяное платье плотно прилегало к телу и она была тонкая. Позже пришла подруга и они сидели втроём. Подруга всё поняла, и обиделась, и ушла. Они мало внимания обратили на это.

Она любила Экзюпери. У неё была детская книжка "Маленький принц". Книжка с картинками. Он не читал Экзюпери. Она читала ему вслух "Маленького принца". "Я очень романтичная", — говорила она. Он соглашался, хотя иногда и думал: "Ну-ну". Она представляла себя маленьким принцем.

Они ездили с друзьями за город и гуляли по лесу. Пили вино из горлышка бутылки, пуская её по кругу. Дело было осенью, падали листья. Она шла сбоку от всех и говорила: "Я, может быть, фея. Или нет, я королева. Ведь вы же меня не знаете! Я вот тут болтаю с вами, а может быть где-то там, далеко пропадает без меня моё бедное королевство!". Все хихикали. И ему тоже было весело после вина, и он думал: "Она романтичная". "Ну-ну", — говорил его друг. Друг обнимал свою девушку, которая стала впоследствии его женой. Быть может, стала слишком поздно, потому что он изменял ей, а может быть, иначе и быть не могло.

Она читала ему "Маленького принца" Экзюпери. Позже он читал Экзюпери сам, ему нравилось, но не настолько, чтобы читать вслух. Она любила слово "фея", или даже "фея цветов". А он любил рассуждать на философские темы и анализировать. Однажды в гостях она увидела на стене фотографию. Она спросила хозяина дома: Это ваш дедушка? Хозяин был из интеллектуалов. Господи, какой дедушка? Ведь это же был Эйнштейн! Ему стало как-то странно, что она не знает Эйнштейна. Потом она говорила: "У него на стенке фотография Эйнштейна, а почему нет фотографии его дедушки? Кто ему Эйнштейн? И почему я должна знать Эйнштейна, что я — физик, что ли?" Он думал: "Наверное, в чём-то она права. Но как же можно не знать Эйнштейна в лицо? Ведь это невежество дремучее". Неловко вышло, и он старался не говорить на эту тему. Впрочем, он подумал: "Забавно, что хозяин дома в чём-то походил на Эйнштейна. Быть может, еврейской курчавостью волос?"

Они целовались, когда гуляли в лесу. Её дом был рядом с кольцевой автодорогой Москвы. Они гуляли в лесу и целовались. Она говорила: "Ты, наверное, не умеешь целоваться. У тебя губы мягкие. И я, наверное, тоже не умею целоваться". Он думал, что она права, но к чему говорить? Они целовались, но большего она не позволяла. А он не мог решить, то ли проявлять настойчивость, то ли не надо. Он ездил к ней каждый вечер. На другой конец Москвы, И возвращался поздно и уже точно знал, когда отправляется последний поезд метро и когда надо уходить, чтобы успеть на пересадку.

У неё была ещё одна подруга. Она говорила: "Вот у нас настоящая дружба. Мы всегда готовы помочь друг другу. Я вообще альтруистка. Какое смешное слово: альтруистка. Как альпинистка". А он развивал идеи разумного эгоизма, и на этой почве они почти ссорились. Он не понимал: почему надо ссориться, когда речь идёт о вещах отвлечённых и философских.

Она говорила: "Вот смысл жизни. Кто-то пишет стихи, кто-то сочиняет музыку, кто-то двигает науку. А я что? Стихи не пишу, музыку не сочиняю, в науке ничего не понимаю. Но вот однажды я пришла к своей подруге. Я пришла к ней, когда ей было плохо. И я помогла ей. Конечно, ты скажешь: мог придти кто-нибудь другой и тоже помочь. Это так, но тогда пришла я. И тогда только я помогла ей. Значит, вот уже есть какой-то смысл. Люди должны быть добрыми. Вот ты скажи: почему люди злые? Им надо быть добрыми, а они злые". Он развивал теории о принципе дополнительности добра и зла, об относительности того и другого, о различиях в людях и вытекающих отсюда конфликтах. Она сердилась и говорила, что он совсем не понимает её. А он не понимал, чего она сердится. К тому же, он не очень верил, что люди злые. Они не причинили ему никакого зла, и всё у него шло хорошо, поэтому то, что он называл злом, было абстрактно. Настоящее философское понятие.

У этой подруги был парень, они любили друг друга. Она говорила: "Вот смотри, как они любят друг друга. Они жить не могут друг без друга. Они заботятся друг о друге. Они поддерживают друг друга в трудную минуту". Она говорила: "Посмотри, как он её любит. Я даже завидую ей. Они поженятся, просто сейчас они не могут, им негде было бы жить. И потом, он только поступил в институт. Вот смотри, он три раза поступал в институт и проваливался. Думаешь, ему было легко? Наверное, ему было очень плохо, но он добился своего. Ему было трудно, но он терпел и стремился к своей цели и добился её. А у тебя всё как-то слишком легко получается". Он не понимал, что здесь плохого, когда легко получается.

Она говорила: "Ты знаешь, они, наверное, спят вместе. Но я понимаю, у них ведь такая любовь. Они всё равно поженятся. А я без любви не могу". Он, разумеется, говорил, что любит её. Она говорила: "Я не знаю, я, наверное, пока не люблю тебя. Может быть, я смогу полюбить тебя". Его это несколько раздражало, вроде как он должен добиваться любви.

С этими её друзьями, вчетвером они отправились в туристический поход, в лес с ночёвкой. Была весна, был май. Солнце светило, листья были светлые, зелёные. Они пили берёзовый сок. Романтично. С тех пор у него возникает странное чувство, когда он видит в магазине трёхлитровые банки берёзового сока. Но неловко становится не за консервную промышленность, а за романтику. В конце концов, берёзовый сок, наверное, полезен, но довольно-таки безвкусен. Собирали цветы, жгли костёр. Ему нравилось всё это, и он честно дружил с её друзьями. Поставили палатку. Он спал с ней в одном мешке, было тесно. Она не позволяла лишнего, и он гладил её белые маленькие груди меланхолично.

Она уехала со своими друзьями к Чёрному морю. А у него была сессия, и он чуть не завалил её. Она писала ему письма, в которых старалась его подбодрить. Она писала, что душою она с ним. И её подруга прислала письмо, в котором писала, что все они с ним и за него. Они писали ему: не отчаивайся, наберись мужества. Чёрт возьми, он и не думал отчаиваться! Просто несчастливое стечение обстоятельств. Однако, читая эти полные участия и искреннего сочувствия письма, он чуть было не отчаялся и в самом деле. Как будто ему вдруг раскрыли глаза на то бедственное положение, в котором он оказался. Слава богу, это случилось перед последним экзаменом, иначе он действительно завалил бы сессию. Но и этот последний экзамен он всё же сдал, применив простой тактический приём: решил, что всё ему до лампочки.

А потом каникулы. Она вернулась с юга и поехала отдыхать дальше в деревню в бабушке. Он напросился и приехал к ней на неделю. Там жили её бабушка, её мать, её отец, её сестра и она сама. Его приняли хорошо. У неё были хорошие простые родители: от него ничего не требовали, не выспрашивали. Они гуляли по окрестным лесам и полям. Они заходили на кладбище, где был похоронен её дедушка. И они посидели у его могилы. Она вообще любила кладбище. Ей даже как-то приснился сон.

Она плыла по затопленному кладбищу. И всё было зелёным, и зелёная вода, и зелёные ветви деревьев, и свет сквозь них пробивался зелёный — зелёный сумрак, и могилы были покрыты зелёным мхом. Она отталкивалась от дна веслом, и весло запутывалось в тине, и лодка почти не двигалась. И вот, наконец, она увидела камень, большой белый камень. И на камне была надпись, какая-то важная надпись, вся заросшая мхом. Она знала, что эта надпись написана для неё, что там какие-то главные слова, их надо прочесть, и всё прояснится. Она отдирала мох пальцами, скребла ногтями, но ничего не получалось. И она проснулась.

0н не решился комментировать сон, но запомнил его. Они посидели у могилы её дедушки. У могилы они не целовались — это было бы нехорошо. Они целовались потом, на лугу, у стога сена, когда встречали рассвет. Рассвет был неяркий, бледноватый. Он гладил её белые маленькие упругие груди и, раз уж большего она не позволяла, рассуждал о материях отвлечённых. Он говорил заодно и о взаимоотношениях мужчины и женщины, так сказать, в мировом масштабе и в разных аспектах. Она оскорбилась и сказала: как же ты — гладишь мне груди и рассуждаешь о всяких гадостях. Он ничего не понял и удивился весьма. Он сказал: "Да что ж я такого говорил? Какие гадости? Почему же нельзя говорить на такие темы, ведь так в жизни устроено всё". Она сказала: "И очень плохо, что так устроено. И нельзя же гладить мне груди и говорить о взаимоотношениях мужчины и женщины".

Они часто ссорились вот таким глупым способом. А потом она сказала: "Тут в деревне уже начали говорить про меня всякие слова. Что вот, мол, какой-то молодой человек у неё живёт. Ты не обижайся, мне может быть и всё равно, но тут ещё моя мама и папа". И он уехал в город, но подумал, что должно быть ей тоже не всё равно. И потом, в городе они снова встречались. И он думал: не проявить ли настойчивость? Он гладил её колено и продвигался вверх по внутренней поверхности бедра. А она сказала почти испуганно: "Ты что, нельзя, там же *это*". Он чертыхнулся про себя: "Ну, разумеется, *это*, а что ж ещё там должно быть, чёрт подери!". Он убрал руку, и они сидели просто так на траве, под деревьями и смотрели на реку, как плывут по ней вдалеке лодки, как ещё дальше по железнодорожному мосту двигается поезд и ещё дальше над всем этим плывут облака и то закрывают солнце, то опять открывают. И ветер был уже свеж, потому что начиналась осень.

Она говорила ему: "Ты какой-то робкий и слабый, почему ты не чувствуешь себя сильным с людьми? Какая-то у тебя слабость, ты, наверное, и боли боишься". Он думал: "Ну что ж, может быть, она и права". Недавно он возвращался от неё через парк, уже вечером и встретил хулиганов. Обычная мелковозрастная шпана. Их было человек восемь. Разумеется, попросили закурить. Окружили и молча, просто так, для развлечения стали крутить велосипедными цепями и приближаться, и задевать этими цепями его куртку. Он испугался, кажется, больше всего за куртку — у него не было другой Да и вообще он испугался, он успел заметить их лица и выражение глаз. Они ждали, что он побежит, и он побежал. Они даже и не преследовали, всё так и было задумано. Он знал, что если почувствовать злость, и дать ей волю и послать всё к чертям, включая куртку, то можно было бы и не бежать, а вовсе наоборот, заставить бежать их. Но зачем? К тому же, всё равно оставался риск. Он не верил, что люди с таким выражением глаз могут быть или стать другими, и он считал, что есть лишь два варианта: либо держаться от них подальше, либо расстреливать из пулемёта.

Так он себе объяснял своё бегство. Ей он не стал рассказывать эту историю. Он честно не понимал, зачем нужно уметь терпеть боль. Он считал, что тут больше подошло бы не мужество, а низкий уровень чувствительности нервной системы, для чего, впрочем, и существует анестезиология. Она говорила: "А как же герои? Ты мог бы выдержать пытку и не выдать тайну врагам, не стать предателем"? Про себя он думал: "Конечно, не мог бы". И отвечал: "Врага лучше обмануть хитростью, вроде бы согласиться, а потом обмануть. И вообще жизнь не состоит из таких экстремальных ситуаций".

А она повторяла: "А всё же?" Ему становилось тоскливо.

Так они говорили и в тот вечер. Она была одна, и он остался у неё на ночь. Они сидели и говорили при свете свечи. Она любила свечи. Он поглядывал на кровать, но разговор шёл в тяжёлую сторону. Они даже не целовались. За окном была ночь, и одинокий фонарь светил на вершине башенного крана. А в комнате было уютно, на ней было серое шерстяное платье, которое плотно прилегало к телу. У неё были золотые волосы и большие глаза.

В конце концов, он разозлился, почувствовал злость и дал ей волю. "Да, чёрт возьми, — сказал он, — если уж так надо, я могу и стерпеть боль".

Она сказала: "Вот свеча, попробуй". Он встал и сунул руку в пламя, он прикрыл пламя свечи ладонью. Он выбрал левую руку, правая нужнее. Видно, он сумел разозлиться, потому что почти не чувствовал боли. Он всё ждал, когда она скажет: хватит! не надо больше! Но она молчала и смотрела. Ему не понравился её взгляд. Но тут у него в ладони что-то треснуло, лопнуло и он испугался и отдёрнул руку. Пузырь был большой и белый.

Он сказал: "Что-то треснуло". Она сказала: "Ты испугался, ничего страшного, даже не обгорело". Он сник и, едва дождавшись утра, с первым поездом метро уехал домой.

На следующий день он уезжал в командировку. В поликлинике ему перевязали руку. Две недели он путешествовал с товарищем по районным городам Украины и в каждом городе приходилось искать поликлинику или медпункт, чтобы перевязать руку. Из-за этой командировки на ладони у него остался шрам, надо было лечиться в Москве — когда он приехал в Москву и рана ещё не зажила, он снова пошёл в поликлинику, и ему назначили УВЧ, и через четыре сеанса всё зажило.

Он писал ей письма из районных городов Украины. Он писал примерно через день. Когда он приехал, она сказала: разве любимым пишут такие письма? Ты только перечисляешь цены на базарах. Он действительно перечислял цены, ошеломлённый дешевизной фруктово-ягодного изобилия. Его товарищ был опытным командировочным и всё отговаривал его покупать фрукты и ягоды. "Подожди, — говорил товарищ, — там дальше будет ещё дешевле. Вот тогда уж купим и отошлём домой". В конце концов, он разозлился на этого товарища и накупил вишен и слив, и абрикосов и персиков и дыни и съел.

Потом они помирились и три дня с увлечением провели в Крыму: от Алушты до Севастополя. Товарищ был язвенник и, следовательно, трезвенник, а не то было бы ещё веселее. Он первый раз был на Чёрном море, при таком обилии воды и солнца. И поздно вечером автобус мчал его из Ялты в Севастополь, и свет фар выхватывал впереди то скалу, то пропасть, а водитель был лихой и это было хорошо. И он почти не думал о ней.

И вновь они встретились, когда он вернулся, и целовались, и говорили. Он гладил её колено и продвигался вверх по внутренней стороне бедра ровно до того места, после которого она скажет: ты что, нельзя, там же *это*. Он спрашивал: "Ты любишь меня"? Она говорила: "Сейчас нет, может быть я тебя полюблю".

Они решили сделать перерыв, паузу, антракт, передышку, чтобы понять, чтобы отдохнуть, переосмыслить. И он думал: вот пройдёт месяц-два и мы встретимся и... И через месяц у него появилась любовница, которая не требовала от него не только самопожертвования, но даже любви.

И прошло ещё два месяца и они встретились снова. Это было в Ново-Девичьем монастыре. Она любила монастыри и монашек. Она любила церкви и церковный хор. В тот день было много народу: все слушали хор. Он забыл, какой это был праздник. Ему понравился хор, но было слишком тесно, и он больше разглядывал публику, чем вслушивался в пение.

Они вышли из церкви и нашли укромное место и говорили. И он чувствовал, что всё безнадёжно. Наверное, он любил её, а сейчас... А она? Он так и не понял, что она...

Был месяц апрель, таял снег, сосульки свисали с крыш. Она пососала сосульку и сказала: "Невкусно". Он не стал и пробовать. На соседнем дереве шумели вороны. День был в общем-то безрадостным, но в этом он чувствовал прелесть. Она зябла в своём тонком пальто, он обнял её. У неё были золотые волосы. Он подумал: "Быть может не всё потеряно"? Они ни до чего не договорились и расстались. Он приехал домой и занялся делами.

И раздался телефонный звонок. Она сказала: "Это я". Он сказал: "Да". Она сказала: "Я люблю тебя". Он молчал. Она сказала: "Ты слушаешь"? Он сказал: "Да". Она сказала: "Я решила, что должна сказать тебе, что люблю тебя. Я позвонила просто, чтобы сказать".

Он знал, что надо крикнуть: где ты? откуда ты звонишь? стой на месте — я буду через полчаса. Но он сказал: "Я слушаю тебя". Она сказала: "Вот и всё". И повесила трубку. Он услышал гудки. Он почти ничего не почувствовал. Только где-то там, внутри, в долговременной памяти что-то замкнулось, произошло некое потрясение, и всё встало на свои места. И ещё он почувствовал облегчение, потому что теперь уже понял: вот и всё. Он аккуратно положил трубку на рычаги.

конец

Через тридцать лет он вспомнил эту историю и подумал: всё правильно. Просто ей был нужен кто-то другой. И ему была нужна другая. Так и получилось.

Тогда, в метро, он увидел в ней мумию. Это его заинтриговало. Он захотел, чтобы мумия ожила. Он думал оживить её, гладя колено и продвигаясь вверх по внутренней стороне бедра. Но мумию это не интересовало. Её интересовало пламя свечи. И он испугался и отступил. А мумия покинула ту девушку, дав ей возможность выйти замуж и нарожать детей. Мумия нашла другое тело. Или не нашла. И не было детей, и не было мужа. Он не знал, хотя иногда задумывался об этом — отвлечённо и философски.

Этот рассказик писался долго и нудно.
Первые записи относятся к 1968 или 1969 году.
Последние исправления — к 2012 году.

1971

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В ТУМБОЧКЕ 27 АПРЕЛЯ 1994 ГОДА *неидентифицируемый жанр*

Текст, написанный от руки красными чернилами на свободном поле второй страницы обложки:

Рукопись, найденная в тумбочке, имеет две истории: реальную и мифологическую. Мифологическая история отражена в самом тексте и, особенно, в предисловии и примечаниях издателя. Если читатель заинтересуется реальной историей рукописи, автор готов ответить на вопросы и рассказать, как всё было на самом деле.

Тем не менее, не следует думать, что миф и действительность не имеют между собой ничего общего. Скорее уж можно считать, что между ними нет разницы и дело только в точке зрения, интерпретации, способе мышления, вкусе восприятия, теоретической установке и т.п. несущественных вещах, выбор которых — это вопрос вкуса и эстетической ориентации.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ:

Публикуемая рукопись найдена в тумбочке 27 апреля 1994 года. Четыре основные проблемы связаны с этой рукописью: полнота, последовательность, авторство и датировка.

Полнота. Несколько машинописных и рукописных страниц с поправками красными чернилами вызывают одновременно ощущение полной завершённости и абсолютной незаконченности. Эти страницы содержат список эпиграфов к отсутствующему произведению. Неизвестно, что представляет собой это произведение: роман, дневник, философский трактат, диалог в письмах, сборник стихов? Неизвестно также, существовало ли вообще когдалибо это произведение. Утрачено оно или не написано?

В то же время сам список обнаруженных в тумбочке эпиграфов производит впечатление самостоятельного текста, завершённого, полного, хотя и противоречивого. Некоторые эксперты высказывают мнение, что основное произведение существует, не утрачено и найдено в тумбочке 27 апреля 1994 года. Этим произведением является сам список эпиграфов, так что каждый эпиграф — это эпиграф ко всему списку эпиграфов. Как вариант: только к последующим эпиграфам списка. Но здесь встаёт проблема последовательности текста.

Последовательность. Страницы текста не пронумерованы. Последовательность их расположения в тумбочке может оказаться случайной. Само содержание текста не даёт каких-либо намёков на последовательность страниц. Некоторые исследователи, правда, считают, что никакой фиксированной последовательности не существует: страницы можно (и должно!) читать в любом порядке. Кое-кто идёт ещё дальше, утверждая, что и последовательность эпиграфов на одной странице произвольна, ведь эпиграфы не нумеруются и ниоткуда не следует, что их нужно читать сверху вниз, а не снизу вверх, одновременно снизу и сверху, начиная с середины, или как-то ещё иначе.

В целом множество теорий на этот счёт можно разбить на три группы:

1. истинная последовательность эпиграфов существует, но неизвестна (или известна лишь частично);

2. любая последовательность эпиграфов истинна;

3. все последовательности эпиграфов ложны: текст следует читать не последовательно, а одновременно — сразу во всех его частях.

Вне этой классификации остаётся точка зрения, заключающаяся в том, что сама эта проблема надуманна и не имеет решения, поскольку в авторский замысел вообще не входила какая-либо схема прочтения текста.

Авторство. Но кто автор рукописи, найденной в тумбочке? Рукопись в целом никем не подписана, но почти у каждого эпиграфа (кроме одного) есть свой автор и он указан. На этом основании некоторые эксперты считают рукопись коллективным трудом авторов эпиграфов. Одни из экспертов на этом останавливаются, считая вопрос закрытым, другие идут дальше и ставят проблему составителя списка.

Эту "коллективистскую" концепцию опровергают исследователи-"индивидуалисты", настаивающие на одном авторе рукописи. Они обращают внимание на ряд совершенно неизвестных людей, чьими именами подписаны некоторые эпиграфы. Из этого наблюдения они делают вывод, что все эти люди — личные друзья автора текста. Кое-кто предполагает, что автор — один из этих людей, и пытается определить его по числу упоминаний его имени. Однако, другие исследователи резонно замечают, что в любом произведении чаще всего встречается имя главного героя, а вовсе не автора, чьё имя может не упоминаться вовсе. С этой точки зрения все неизвестные имена — это персонажи, а вовсе не друзья автора, и тем более, не автор или авторы.

Наиболее радикальная теория вообще отвергает проблему авторства и считает текст стихийно возникшим или исторически сложившимся. Человека (или группу людей), который напечатал на машинке и записал от руки эпиграфы, она рассматривает в лучшем случае как переписчика или хрониста. В пользу этой теории говорит и неопределённость датировки текста.

Датировка. Само собой разумеется, что на рукописи не проставлена дата её создания. В то же время многие эпиграфы принадлежат известным именам и для некоторых из них удалось определить источник и, тем самым, дату их создания (или публикации). Однако для большинства исследователей совершенно ясно, что дата создания эпиграфа к произведению — совсем не то же самое, что дата создания самого произведения. Единственно, что можно утверждать уверенно, что первая дата более ранняя, чем вторая. Впрочем, это очевидно не для всех: некоторые исследователи поднимают проблему интерполяций и экстраполяций.

Существуют две теории датировки: "синхронная" и "асинхронная". "Синхронная" теория считает текст созданным одномоментно и отвергает его эволюцию в течении исторически значимого времени. "Асинхронная" теория, напротив, отказывается фиксировать момент создания текста и пытается выстроить последовательность временных меток — моментов создания отдельных эпиграфов. Наиболее радикальные "асинхронисты" считают процесс создания текста незаконченным и предсказывают появление в будущем всё новых и новых эпиграфов.

Оригинальной, хотя и не имеющей большого числа сторонников, является так называемая континуум-гипотеза, согласно которой вообще бессмысленно фиксировать какие бы то ни было временные метки, поскольку процесс создания текста непрерывен, эпиграфы появляются и исчезают в каждый момент времени. Рукопись, найденную в тумбочке 27 апреля 1994 года, континуум-гипотеза рассматривает как моментальный снимок непрерывно модифицирующегося текста. Но в таком случае встаёт вопрос: в какой момент времени сделан этот снимок? Попытки решить этот вопрос возвращают нас всё к тем же проблемам датировки. Именно поэтому большинство исследователей считают континуум-гипотезу красивой пустышкой, не решающей проблему и даже не особенно меняющей её формулировку.

С континуум-гипотезой связана известная концепция метатекста, которая, правда, проблемы датировки касается лишь косвенно и концентрирует внимание на онтологическом статусе рукописи, найденной в тумбочке. Эта концепция различает ноуменальный и феноменальный варианты текста. Текст-ноумен выводится за пределы исторического времени и помещается а область вечности, а те несколько страниц, что были обнаружены 27 апреля 1994 года, рассматриваются как эманация вечного текста. Естественно, что датировка ноуменального текста становится бессмысленной, а дата эманации, хотя и может быть определена, но уже перестаёт быть принципиально значимой.

Разновидностью концепции метатекста является идея архепиграфа, согласно которой текст-ноумен состоит из единственного эпиграфа как архетипа всех существовавших, существующих и возможных эпиграфов. В рукописи, найденной в тумбочке, мы имеем дело сразу с несколькими воплощениями архепиграфа, количество, состав и даты создания

которых, по одной версии, случайны, а по другой версии, отвечают авторскому замыслу применительно к данной исторической эпохе.
В этом кратком предисловии издателя я не имею возможности остановиться подробнее и даже просто перечислить все многочисленные теории и проблемы, которые касаются рукописи, найденной в тумбочке 27 апреля 1994 года. Заинтересованных читателей отсылаю к обширной научной и популярной литературе по этому вопросу, список которой можно найти в любом библиотечном каталоге.

В заключение несколько пояснений технического характера.

Текст рукописи публикуется без сокращений и изъятий, за исключением двух эпиграфов (№ 5 и № 11 в общепринятой нумерации Таболовской специальной комиссии), которые подавляющим большинством исследователей идентифицируются как подделка. (Впрочем, смотри категорическое мнение проф. Шелберга в его книге "Апокалипсис из тумбочки", согласно которому именно эти два эпиграфа раскрывают общий замысел текста и имя его автора.) Что касается добавлений, то здесь я следую рекомендации Тайбэйского симпозиума 1981 года и включаю три эпиграфа (№ 6, № 9 и № 13), отсутствующие в оригинале.

Большинство эпиграфов снабжены примечаниями, текст которых принадлежит мне и за содержание которых я несу полную ответственность. Я старался не придерживаться какой-либо односторонней точки зрения и быть объективным в меру моих возможностей. Насколько мне это удалось, судить читателю.

27.04.94 *Игорь Бурдонов*

ТЕКСТ РУКОПИСИ:

Эпиграф N 01: **"Очевидно всё же, что сочинения этого незаурядного мастера слова при всей их неравноценности, причудливом сплетении в них принципиально для нас неприемлемого с подлежащим критическому освоению оставили свой след в культуре".**

С.Великовский

Примечание: Из предисловия к книге "Альбер Камю. Избранное".

Эпиграф N 02: **" Приятно иногда бывает почитать Игоря Бурдонова. Но очень трудно попасть с ним в одну струю".**

Н.Щучкин

Примечание: Неизвестно, кто такой Н.Щучкин. Одни исследователи считают его другом автора, другие — автором, третьи — случайным прохожим.

Эпиграф N 03: "**Книга рассчитана на советскую интеллигенцию, партийный актив, лекторов, преподавателей истории, военных работников, студентов высших учебных заведений».**

Авторский коллектив "Истории дипломатии"

Эпиграф N 04: "**Учитывая сложность и спорность многих вопросов, автор не стремился уложить весь материал в жёсткую схему, предпочитая дать читателю пищу для самостоятельных размышлений».**

И.С.Кон

Примечание: Из предисловия к "Социологии личности". Некоторые исследователи считают этот эпиграф ключом к прочтению текста снизу вверх и справа налево. На этом основании одни из них перемещают его в начало текста, а другие — в конец (являющийся началом при чтении снизу вверх). Таболовская специальная комиссия, однако, не согласилась с таким перемещением.

Эпиграф N 05: Опущен.

Эпиграф N 06: "**Я сижу и пишу. И так будет завтра. И послезавтра. И послепослезавтра. И через неделю. И через месяц. И через год. Так устроен мир, такова природа вещей, что я оказываюсь самым естественным образом сидящим и пишущим».**

И.Бурдонов

Примечание: После имени автора эпиграфа приписка "***недавний***". Эпиграф вместе с припиской добавлен в текст по рекомендации Тайбэйского симпозиума.

Эпиграф N 07: "**Хоть и прекрасно знаю, уверен про себя, что я очень умный, а не могу выразить... что выразить? Ах, да выразить это самое. В общем, умный я, а выразить не могу...»**

Н.Щучкин

Примечание: Ряд исследователей считают текст эпиграфа искажённым: вместо "я" следует читать "И.Бурдонов". Тем не менее, Женевский Постоянный Согласительный Комитет (ЖПСК) оставил всё как есть. Смотри в связи с этим следующий эпиграф N 8.

Эпиграф N 08: "**Вот ты умный, да... талантлив ты...**"

Н.Щучкин

Примечание: На полях рукописи приписка "***в меру***".

Эпиграф N 09: "**Снова шумит поток мыслей...**"

И.Бурдонов

Примечание: После имени автора эпиграфа приписка "***ранний***". Эпиграф вместе с припиской добавлен в текст по рекомендации Тайбэйского симпозиума.

Эпиграф N 10: "**ПИШИ, ГАД, таково тваё**
придназначинье.
Тут ничаво, брат ни папишешь.
продолжай своей мысли тиченья..."

А.Гусев

Примечание: Орфографические и пунктуационные ошибки одни эксперты считают случайностью, другие — намёком на автора текста, третьи — особенностью поэтической формы. Кто такой А.Гусев — неизвестно.

Эпиграф N 11: Опущен.

Эпиграф N 12: "**Создавая свою философскую систему, он преодолевает односторонние подходы своих предшественников**".

М.Розенталь

Примечание: Из предисловия к "Науке Логики" Гегеля, М., 1971 г.

Эпиграф N 13: "**Кроме того, надо ведь доставить моим будущим биографам достоверный материал, дабы они не имели возможности перевирать, передёргивать, интерпретировать, измышлять, фантазировать, злословить, клеветать, идеализировать, упрощать, усложнять и т.д. и т.п. реальную действительность в отношении меня**".

И.Бурдонов

Примечание: После имени автора эпиграфа приписка "***поздний***". На этот эпиграф как на главный аргумент ссылаются сторонники континуум-гипотезы. Эпиграф вместе с припиской добавлен по рекомендации Тайбэйского симпозиума.

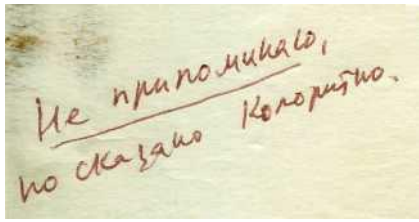
Эпиграф N 14: "**Бурдонов — это ярко выраженная романтическая б..дь**".

П.Коропп

Примечание: После имени автора эпиграфа приписка "***из реплик***". На полях ещё одна приписка "***эпиграф последний***". Эта приписка послужила основой теории существования и единственности истинного порядка эпиграфов. Впрочем, смотри следующий эпиграф N 15.

Эпиграф N 15: "*Не припоминаю, но сказано колоритно*".

П.Коропу



Примечание: Этот эпиграф, в отличии от других, не напечатан на машинке, а записан от руки красными чернилами. На этом основании некоторые исследователи считают его не эпиграфом, а припиской к предыдущему эпиграфу N 14. Другие, напротив, именно этот эпиграф N 15 считают основным и рассматривают его как наиболее адекватное воплощение архепиграфа.

Эпиграф N 16: **Автор выражает сердечную признательность С.Великовскому, Н.Щучкину, авторскому коллективу "Истории дипломатии", И.С.Кону, А.Гусеву, М.Розенталю, П.Коропу и др. за ценные пожелания и советы, которые сыграли значительную роль в создании настоящей работы".**

Примечание: Автор эпиграфа в рукописи не указан. На полях перед текстом приписка "**Вместо предисловия**". Это дало некоторым исследователям повод считать данный текст основным текстом, эпиграфами к которому выступают предыдущие тексты. Таболовская комиссия не приняла по этому поводу никакого решения, поскольку голоса её членов разделились поровну.

КОНЕЦ

Приписка от руки красными чернилами на свободном поле третьей страницы обложки:

Теперь можно задавать вопросы

Примечание: Непонятно, почему эта публикация отнесена к 2001 году. Женевский Постоянный Согласительный Комитет (ЖПСК), Тайбэйский симпозиум и Таболовская специальная комиссия не смогли внести ясность в этот вопрос. Само название рукописи отсылает к апрелю 1994 года. Асинхронная теория, ссылаясь на эпиграф № 15, отсылает к первой половине 80-х годов. Однако новейшие археологические раскопки, подвергнутые текстородному анализу, отсылают ещё дальше вглубь времён.

1971 — 1994 — 2001

ТАБОЛОВСКИЕ МИКРОЭТЮДЫ

13 миниатюр

1. Муки творчества

У писателя наступил творческий кризис. Он покачивался на стуле, закрыв глаза и мучительно напрягал свой ум, пытаясь отыскать какую-нибудь идею для написания рассказа или этюда. Потом он встал и пошёл на кухню, где жена писателя мыла посуду.

— Оленька, я тебя прошу, скажи какую-нибудь фразу.

— Какую фразу?

— Всё равно какую. Представь себе, что тебе дали выбор: либо скажи фразу, либо тебя расстреляют. Что бы ты сказала?

— Стреляйте, я бы сказала, — отвечала жена, протирая вымытые тарелки кухонным полотенцем.

— Н-да… — сказал писатель, повернулся и пошёл обратно в свой кабинет. Там он открыл ящик стола и долго-долго смотрел пристальным взглядом на воображаемый пистолет крупного калибра. Резкий сухой щелчок выстрела жена писателя слышать не могла, потому что он был тоже воображаемым.

2. Соавторы

— Это ты здорово написал, — сказал один соавтор другому.

— Это? Да, действительно хорошо. Только, по-моему, это ты написал.

— Нет, это не я.

— Гм… Я тоже этого не писал.

— Что ты хочешь этим сказать?

Они внимательно осмотрелись по сторонам. В комнате никого не было и на душе у соавторов стало тоскливо и тревожно…

3. Фраза

Я ходил по избе, почёсывал живот и медленно мучительно балдел. На столе стояла пишущая машинка со вставленным в неё чистым листом бумаги и графин с водкой. Полупустой.

Дверь бесшумно открылась и с грохотом захлопнулась. В комнату, постукивая модными каблуками, смеясь, подмигивая, подрагивая талией, вошёл Щучкин.

— Ну шо? Написал что-нибудь? А? Хе-хе. Я вот тут принёс пять страниц. Гениально по-моему. А? Ты как?

Я молча повернулся к нему и почесал живот. Он радостно помахивал своими страницами перед моим носом и был доволен весьма. Минуту я смотрел. Потом сказал хриплым голосом:

— Эта... Я тут... в голове всё... держу... Сядь бы... я эта... продиктую... фразу... ик... Руки у меня... того... дрожат...

Щучкин сунул руку в карман своих заграничных джинсов и вытащил жвачку. Он сел на стул перед машинкой и, быстро-быстро двигая челюстью, посмотрел на меня нагло:

— Так что писать?

— Пиши: многоточие...

— Написал.

— Теперь такую... фразу. "И тогда я его убил".

— Готово. Это что — всё?

— Да... Это конец, — я с размаху опустил графин на его голову. Пробка выскочила и водка вылилась ему на джинсы и на пол. Я посмотрел на всё это с минуту и почесал живот.

4. Столб

Когда ко мне подошёл пьяный, я стоял на остановке автобуса и курил сигарету.

— Врачи говорят, болезнь у меня хроническая, — начал он. — Какая ж это жизнь, а? Ни тебе радости, ни тебе... — он замолчал.

— Это, конечно, — мягко заметил я.

— Столб видишь?

— Ну… — не понял я.

— Вот подойти и головой об столб — раз! И никакая женщина тебе не нужна.

— Правильно, — поддержал я разговор.

— Какой хрен правильно! Сам бейся головой. Идиот! — он посмотрел на меня зло, сплюнул на сторону и пошёл дальше. Я поглядел на столб и пожал плечами.

5. День

Проснулся я — день солнечный.

— Что ты мне принесёшь, солнечный день? — сказал я вслух.

А он отвечает:

— Ничего.

— Как ничего?

— А так, — он повернулся и медленно начал уходить.

Я ему кричу вслед:

— Подожди! Надо же что-то сделать. Нельзя просто так уходить.

Не слышит. Я поглядел вокруг — вечер уже. Темно. Я снова лёг спать.

6. Натуралистический этюд

— Возможно… — сказал я и стал смотреть в пол. По полу проползла муха. Я мысленно представил себе, как хлопаю по ней журналом "Здоровье", свёрнутом в трубку, и она замирает навеки посередине широкой половицы. И по лицу у меня ползла бессмысленная блуждающая улыбка. На кровати лежал Щучкин, положив руку себе на лоб. Вероятно, он размышлял.

— Гляжу на тебя, — сказал Щучкин и замолчал.

Я откинулся на спинку стула и посмотрел в окно. Сквозь мелкие дырочки в тюлевой занавеске просвечивало что-то чёрное. Ночь, подумал я. А вслух спросил:

— Что?

— Стрелять в тебя удобно, — проговорил Щучкин медленно и спустил руку на бедро.

Я закурил сигарету и выдохнул облако дыма по направлению к потолку. Порыв ветра всколыхнул занавеску, в животе у меня булькнул выпитый чай с молоком. Я отхлебнул ещё глоток чаю и провёл пальцем по клеёнке — раздался характерный скрип. Тогда мы зажгли свечи, выключили электрическое освещение и завели музыку.

— Коля, у тебя есть мысль? — спросил я.

— Нет, — ответил он и стал что-то долго и красиво говорить. Очень искренне.

А я выпрямился на стуле и начал медленно переводить взгляд с одной свечи на другую, со второй — на третью, а оттуда — снова на первую свечу. Свечи были воткнуты в длинные пустые бутылки из-под "Алиготэ". Сидя в окружении трёх свечей, я почему-то вспомнил о смерти. Она представилась мне тихой и спокойной, пахнущей воском, тихо жужжащей наподобие комара, что кружил вокруг моего носа, и немного сонной или умиротворённой. Тикали часы с гирей, тренькала музыка в магнитофоне, Щучкин внимательно разглядывал настенный календарь за прошлый год. На столе стоял чайник с цветочками, банка с сахарным песком и пепельница в форме чашки с синим ободочком. Вдалеке, километров за сто, большой город жил своей обычной жизнью, шумел и светился неоном. Где-то протявкала собака. По Гринвичу сейчас утро, почему-то подумал я и прижался щекой к прохладной поверхности стола.

— Спать ложишься? — спросил Щучкин и почесал нос.

Я глубоко вдохнул пропахший запахами летней ночи воздух и медленно выдохнул, сложив губы трубочкой. Тихий блюз поплыл под потолком, растёкся по стене, спустился...

7. Столовое серебро

— Мать, — сказал глава дома и засунул в рот палец, выковыривая из зуба кусок мяса: — А где наше столовое серебро?

Я уткнулся носом в тарелку с супом.

Располневшая женщина, лет пятидесяти, моя мать пропела:

— Ты же знаешь: в комоде, в правом ящике, в коробке из-под твоих прошлогодних ботинок, что с рубцами на подошве.

— Нету там, — брякнул отец.

— Каа-к? — пропела моя мать.

— А так, — голос отца посуровел, — Стащил кто-то.

Я шмыгнул носом и признался во всём.

— Сынок. Разве ты пьёшь водку? — снова пропела располневшая женщина. До неё ещё не дошёл смысл сказанного мной. Отец мой всегда был сообразительнее. Удар пришёлся мне точно в левое ухо. Я упал с табуретки и прижался горящей щекой к влажному полу. Подбежал Шарик, наша собака, и лизнул меня в нос.

— Умереть бы, — подумал я с тоской и икнул.

8. Понимание

—Я-то тебя понимаю. А вот поймут ли нас люди?

— Какие такие люди?

— Те самые, что стоят за твоей спиной.

Я обернулся:

— Нет там никого.

— Будут, — убеждённо произнёс он и начал крутить телефонный диск.

9. Молчание

Он промолчал.

— Что ты молчишь? — спросил я.

Он вздрогнул и посмотрел на меня тусклым взглядом.

— Так какое твое мнение по этому вопросу?

Он закрыл глаза и опустил голову.

— Ты что, отвечать не хочешь? Да? — заорал я.

Он побледнел и повалился на пол. Его стошнило.

10. Грань

Я осторожно провёл рукой — острая, как бритва.

— Ты что! — Щучкин тупо уставился на меня. — Чего ты рукой по воздуху водишь?

— Грань это.

— Чего-о?

— Грань, говорю. Между Добром и Злом.

Он подошёл и махнул пальцем в воздухе:

— А, чёрт!

— Порезался?

— Предупредить не мог? — он встал по другую сторону, засунув палец в рот, и спросил:

— Здесь что: Добро или Зло?

— Сам никак не пойму, где что.

— Дурак потому что, — Щучкин смачно сплюнул на пол.

Я внимательно посмотрел на него.

— Давай поменяемся местами.

— Во! — он показал мне кулак.

— Чего ты злишься? Поменяемся местами и узнаем где Добро, а где Зло.

— Будешь тут пищать ещё! — и он с размаху заехал мне ногой живот.

Падая я успел заметить его расплывшуюся в ухмылке рожу.

11. Этюд просто так

Ночь была тёплая. Светила луна. Стрекотали кузнечики.

Бог мой! — подумал я.

— Мечтаешь? — подсел ко мне Малознакомый Гражданин.

— Может быть нам пройтись перед сном? — предложил я и встал с кровати.

Мы вышли за околицу в ночную свежесть, оба подтянутые, интеллигентно одетые, выбритые и задумчивые. Дорога плавно скользила меж распластнанных по холмам полей и лугов, спускалась в овраги, взлетала на подъёме, едва не отрываясь от земли, и снова плыла, слегка покачиваясь по горизонтали.

Разговор не клеился, я сел на обочину и махнул рукой: ступай, мол, с богом! Он постоял, поковырял землю носком ботинка, засмущался и исчез в темноте.

Я сидел на краю дороги, смотрел в придорожную пыль и на душе у меня мурлыкали кошки, спрятав коготки и свернувшись клубком. Я дождался, пока они совсем успокоятся, и быстрым движением выбросил их вон, в канаву. Они замяукали протяжно и сиротливо и утонули в луже. Я вздохнул облегчённо, свесил руки с колен до самой земли, опустил голову на. грудь и задремал. Ноги и руки мои начали неметь, и я сидел в неподвижности, медленно срастаясь с глинистой почвой, пропылённой травой, разными щепками и соломинками. Я почувствовал себя придорожной корягой, причудливой, заросшей мохом, вросшей в землю. Подо мной муравьи сложили свой дом и отложили крупные белые яички. По рукам ползла гусеница, извиваясь медленно и перебирая ножками.

… Утром меня выкорчевали.

12. Английская замочная скважина

— Я пошёл пить свой чай, — сказал я громко и хлопнул дверью.

Пошагав в прихожей некоторое время, я на цыпочках подкрался к замочной скважине и стал слушать.

— Тупой же он, — сказала миссис Вентконд и я представил себе, как она вся изогнулась в кресле при этих словах.

— Тупой и, кажется, немного сумасшедший. Как вы считаете мистер Уайтвик?

13. Мальчик

— Мальчик, — говорю я ему, — повернись боком.

Он доверчиво повернулся.

Я ему раз! — по затылку.

У него кепка слетела, и он едва не упал.

Потом отбежал шагов на пять и кричит:

— Дяденька, а дяденька!

Я уж было уходить хотел, не поворачиваясь, но повернулся всё же.

А он мне булыжником по лбу как заедет!

В глазах у меня чёртики забегали, серебряные точки заскользили по-броуновски. Всё так стало нереально и чудно.

— Что же ты, мальчик, — прошептал я, погружаясь в темноту, — Как то ты так.

И я без чувств скатился в канаву.

Июль-Август 1971 года, Таболово

1981

ТРОЕ В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ, или ПРАВДИВЕЙШЕЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО РЕКЕ ДУБНА

травелог non-fiction

День первый. 11 июля 1981 года, суббота. Проснулись мы ещё в Москве, у себя дома в Лианозове. В 7 часов, согласно будильнику. Собирались не торопясь, и около 9 часов вынесли вещи к подъезду. Оставили при байдарке сына Рустама, а папа Игорь и мама Кадрия надели рюкзаки и пошли. Нас сопровождал до станции больной дядя Лёня, наш друг. Со своим ушибленным ребром он был, конечно, нам не помощник. Доехали на автобусе до станции, оставили дядю Лёню сторожить вещи и вернулись за Рустамом, собакой Пушком и байдаркой.

В 12:22 электричка приехала в Вербилки. В два приёма, короткими перебежками добрались мы до реки. Расстояние от станции до реки не больше километра. У железнодорожного моста расположились и начали собирать байдарку. Дело продвигалось легко и споро, хотя и не обходилось без переругивания. Нервишки, подпорченные московской суетой и длительной предотпускной неопределённостью, пошаливали. Но вот в ответственнейший момент сломались какие-то маленькие штучки на большой штуковине. О горе!

Однако близость природы и сознание отсутствия пути назад возродили к жизни нашу природную смекалку. Маленькие штучки заменили деревянными колышками. Наконец байдарка собрана! Но что это? Заднее (называется кормовое) сидение присоединено не там, где надо. Папа Игорь вынимает такую маленькую штучку, соединяющую две большие штуки и заодно сидение. Возникает расцентровка дырочек в этих штуках. Маленькая штука не лезет в

дырочки. Чёрт с ней! Ещё немного, укладываем вещи, и вот он — долгожданный момент. Спуск на воду! Усаживаемся и плывём!

Хорошая река! Хорошая вода! Хорошая байдарка! Хорошая погода! Плывём!!!

Плывём и плывём. Но хочется есть — с утра голодные. Находим прелестное местечко. С песчаным пляжиком, кострови́щем с рогульками, местом для палатки с лапником, с брёвнами для сидения, с запасом берёзовых дров и даже с урной (какая-то металлическая дырявая чаша на трёх ножках). Идеально! Вытаскиваем вещи из байдарки, вытаскиваем байдарку. Ставим палатку, разводим костёр. Что там у нас на ужин? Суп из двух пакетов, чай и колбаса, жареная на палочке, с хлебом. Объедение!

В первый вечер мы успеваем: выкупаться, почитать (мама Кадрия), безуспешно половить рыбу на хлебный мякиш или просто на пустой крючок (папа Игорь), погулять в окрестном лесу и покататься на байдарке. Ох уж это гуляние, ох уж это катание! Плывём на байдарке, приближаемся к своему пляжику. И вдруг видим! Но мы забыли сказать, что у нас с собой была бутылка «Салюта». Это, конечно, не шампанское, но ведь и байдарка — не корабль. И всё же мы собирались вечерком, у костра отпраздновать спуск на воду нашего замечательного судна. А день был жаркий, и вино требовалось охладить. Папа Игорь заботливо уложил бутылочку в белую авоську, привязал белую верёвку к прибрежным кустам. Как всё славно было продумано и как тщательно подготовлено! А для сына Рустама имелась баночка сока.

Так вот. Подплываем мы с прогулочного катания на байдарке к нашей стоянке и сворачиваем к прибрежным кустам, проверить нашу заветную бутылочку. Но что такое? Как это может быть? Увы! Болтается на прибрежных кустах огрызок нашей белой верёвочки. Такой маленький, такой жалкий. Украли! Украли нашу заветную бутылочку. Срезали нашу белую верёвочку. Ограбили. Сын Рустам кричит: ограбили нас! Он замечает на другом берегу мальчишку, который ловит рыбу. Эй, ты, — кричит Рустам, — это ты украл нашу бутылочку? Мальчишка обзывает Рустама салагой! Ах, как жалко бутылочку! Но больше всех обеспокоен Рустам. Нас так всех ограбят, говорит он. А если кого-нибудь из нас украдут? Вон тот мальчишка уходит, уносит «грабленое». Мы пытаемся его успокоить, но Рустам продолжает разглагольствовать об ограблении. Эта тема грабежа не даёт ему покоя и на следующий день.

А что же наш верный сторож, что же наш пёс Пушок, который не даёт спокойно пройти мимо ни одному живому существу и старательно облаивает всех в радиусе ста метров? Что же он-то не устерёг нашу бутылочку? Эх ты, Пушок, Пушок! Ведь ты, Пушок, полночи не давал нам спать своим лаем. Кого

ты облаивал? Куда ты бегал ночью, пока замёрзший папа Игорь не привязал тебя у себя в ногах? Что ты лаешь на человека, которого только ты один и чуешь в двухстах метрах от нас? Где ты был, дурной пёс, когда нехороший воришка срезал нашу белую верёвочку и уносил нашу охлаждённую бутылочку в белой авоське? Эх ты, Пушок!

День второй. 12 июля 1981 года, воскресенье. Проснулись мы в 10 часов. Развели костёр, сготовили завтрак. А на завтрак у нас была гречневая каша с молоком и, само собой, непременный чай. До чего же вкусная эта гречневая каша! А как много сил прибавилось после каши! Мы опять плывём. Папа Игорь гребёт себе и гребёт. И мама Кадрия хочет грести, но вредный Пушок не даёт ей грести и требует постоянного к себе внимания. Чуть зазеваешься — и вот уже пожалуйста! Пушок в воде и стремительно плывёт к берегу. Приходится причаливать.

Два раза пёс Пушок прыгал в воду с байдарки и совершенно измучил бедную маму Кадрию. Всё! С завтрашнего дня привязываем его ко дну байдарки (называется кильсон).

Ах, какая красивая река! Очень, очень красиво! Что ещё сказать? Это неописуемо, невыразимо! Не описать пером. Да и кистью тоже, хотя завтра и надо бы порисовать.

В пути одна остановка для купания. Короткая — слепни не дают покоя. Видим белые лилии. Специально подплываем поближе и рассматриваем эти краснокнижные цветы. Но не срываем! Плывём дальше. Уже пора приставать к берегу. Ищем хорошее место. Находим, причаливаем. Но рядом оказывается ещё лучше, переправляемся туда.

Высокий берег круто обрывается на две стороны: к реке и к овражку, по дну которого течёт мелкий ржавый ручеёк. Изумительный вид на реку и оба берега. Большая поляна, с костровищем и запасом дров. А вокруг — сосны! Высокие, золотистые, красивые! Между ними попадаются берёзы и ели. Внизу никаких кустов — травка. Это место мы назвали «Царская палата».

Выкупались, разожгли костёр, приготовили чай. Хорошо горят сосновые дрова! Ярко и жарко. А теперь — эксперимент. Мама Кадрия достаёт противень и начинает печь блины. Блины удаются на славу и тут же съедаются. Папа Игорь и сын Рустам хором кричат: «Слава мамульке! Слава блинам!».

Забыли сказать, что в этот же день, пока плыли по реке, нашли игрушечный самодельный деревянный кораблик. Это нечто вроде компенсации за нашу украденную бутылочку. С этого момента сын Рустам

только тем и занимался в байдарке, что играл с корабликом, держа его в воде за бортом.

После блинов мы поставили палатку и отправились на прогулку по лесу. Дошли до линии высоковольтной передачи, которая жужжала. За линией — царство поваленных деревьев. Нагромождение стволов, вывороченные корневища, жужжащие провода в небе — напоминает Стругацких, «Пикник на обочине».

На своей «Царской палате» мы поставили «царский трон» — надувной матрас, сложенный в виде шезлонга при помощи специальных застёжек. Папа Игорь сидит на этом «троне» и пишет «Жизнеописание». Перед ним открывается вид на реку и берега. Не описать пером!

На другом берегу ещё днём мы обнаружили шалаш, и чуть было там не остановились. Вечером в этот шалаш пришли какие-то дяди с собакой, и пили алкоголь. Пушок лаял на чужую собаку и бегал по берегу. Рустам опять начал про ограбление говорить. Постепенно стемнело, и все угомонились. Однако ночью часа в 4 Пушок снова начал бегать и лаять, и никому не давал спать. Пришлось папе Игорю идти за ним, привязывать в палатке. Ещё папа Игорь немножко шлёпнул Пушка ремнём за непослушание, а тот огрызнулся.

День третий. 13 июля 1981 года, понедельник. Утром дяди из шалаша оказались косцами. Они косили сено и были уже совсем не страшные. После завтрака мы снова плывём. Плывём и плывём. Река стала шире, леса меньше. Приплываем к мосту через реку и причаливаем.

Около байдарки остаются Рустам и Пушок. Мама Кадрия и папа Игорь идут по шоссе в деревню, в магазин. Это место называется Юдино. Пройдено больше половины пути. В магазине покупаем свиную кооперативную тушёнку, солянку овощную с грибами, кисель, плавленый сырок и брынзу. Хлеба нет. Папа Игорь хочет купить водку, но мама Кадрия говорит, что она водку пить не будет. А никакого вина нет в магазине, одна водка. На обратном пути проходим мимо зарослей тростника. Для Рустама срываем одну штуку.

Садимся в байдарку и плывём дальше. Жуём плавленый сыр и брынзу, запиваем чаем из фляжки. Река сначала сузилась, но потом стала очень широкой. Всё шире и шире, глубже и глубже. Исчез лес по берегам. Мы уже давно ищем место для стоянки и никак не можем найти. Приходится плыть дальше. Папа Игорь устал, мама Кадрия устала, сын Рустам устал и Пушок устал. Но надо грести и грести. Хочется пить.

В деревне с названием «Бережок» пьём воду из ключа, наполняем фляжку. Рядом женщина полоскает бельё. Узнаём от неё, что до города Дубна километров 8, но это по дороге, а не по реке; до Карманово километров 5, но

тоже по прямой; до слияния с рекой Сестрой уже недалеко. Женщина обещает нам лес впереди, и мы снова плывём.

Гребём и гребём. А солнце светит, и мы, кажется, обгорели. Ноги устали от согнутого положения, хочется распрямить их и закинуть куда-нибудь повыше. Не выдерживаем и пристаём к берегу. Выползаем из байдарки и падаем в траву. Блаженство! Поза савасана — поза трупа. Однако здесь нет тени, и мы скоро опять плывём. Хочется есть и пить.

Рустам теряет пробку от фляжки. Пробка железная и тонет. Папа Игорь легонько стукает Рустама веслом по балде. Все устали.

Проплываем мимо сборного домика и палатки на берегу, мимо палаточного городка с катерами и кухней под навесом, и с печкой, мимо деревни. Но вот видим лес. Сосны! Наконец-то!! Причаливаем немедленно! Лес клином подходит к берегу, но от реки его отделяет маленькое поле — горох. Кушаем горох, хотя он ещё не созрел: горошинки маленькие. По берегу сушится скошенное сено. Встречаем старушку, которая советует нам остановиться здесь. Недалеко деревня, но, видимо, за лесом, так как её не видно, а только слышно. Вытаскиваем вещи из байдарки. Очень устали!

Вдруг замечаем — на середине реки что-то трепыхается, что-то живое. Мама Кадрия высказывает предположение, что это большая стрекоза. Рустам предлагает поехать и посмотреть, спасти стрекозу. Мама Кадрия возражает, папа Игорь колеблется. Но сын Рустам заявляет, что он член общества охраны природы, и надо спасать стрекозу. Этот аргумент решает дело. Папа Игорь и сын Рустам плывут спасать стрекозу. Большая стрекоза сваливается с весла, так как сразу начинает трепыхать намокшими крыльями. Наконец удаётся забросить её в байдарку.

Когда причаливаем и уже собираемся тащить байдарку к лесу, стрекоза взлетает. Крылья у неё высохли. Она делает прощальный круг над нашими головами, покачивает крыльями, как самолёт, и улетает.

А мы таскаем вещи к лесу. Здесь, среди сосен, есть кострoвище и рогульки. Собираем дрова, разводим костёр. Мама Кадрия находит в лесу малину и чернику. Теперь маму Кадрию не дождёшься к костру, она всё бродит и бродит по лесу. Она получает удовольствие от собирания ягод. Рустам читает книжку «Тореадоры из Васюковки». Пушок бегает и облаивает окрестности. Папа Игорь возится у костра, потом валится на спальники, постеленные под сосной. Поза савасана — поза трупа. Неописуемое блаженство! Над головой — радостно искривлённые золотые от солнца ветви сосен, ещё выше — голубое небо. Фенимор Купер, Майн Рид, Вождь краснокожих, детство, мечтания…

Ночь проходит спокойно — привязанный Пушок не лает.

День четвёртый. 14 июля 1981 года, вторник. Первым просыпается, конечно, Пушок. Потом папа Игорь в 9 часов выходит из палатки. Выкуривает сигарету, расстилает спальник на солнышке и засыпает. Мама Кадрия отправляется за ягодами. Рустам спит.

Наконец через час папа Игорь встаёт, собирает дрова и готовит их для костра. Возвращается мама Кадрия, просыпается сын Рустам. Идём умываться.

Горит костёр, готовится еда и чай. В чай добавлены листья смородины — очень вкусно. После завтрака никому не хочется снова собираться и плыть. Все отдыхают. Сын Рустам читает книжку. Мама Кадрия занимается собирательством ягод. Папа Игорь пишет «Жизнеописание». Где-то бегает Пушок. Все отдыхают. Плыть не хочется — может быть, устроим днёвку. Вот только купаться плохо — дно илистое.

Подходит вчерашняя старушка и разговаривает с нами. Жалуется на житьё-бытьё. Раньше, говорит, в деревне было 70 коров, а теперь только 3 осталось. Свою корову тоже продам — сил нет сено заготавливать. Лошадей мало, приходится на своём горбу таскать. А старик больной, не может помогать. Контуженный он на войне. Поговорила старушка и пошла сено ворошить. Тут мама Кадрия велит папе Игорю и сыну Рустаму идти к старушке, помочь ей с сеном управиться. Идём к старушке, помогаем ей сено в копну собирать. Помогли, старушка подарила для Рустама две конфетки, а сам Рустам уже убежал — надоело ему. Мама Кадрия у реки бельишко стирает.

Снова собираемся все вместе, и вдруг решаем всё же сниматься с места и плыть.

Плывём. Река стала очень широкая, плыть уже не так интересно. Берега в основном безлесные, то есть лес есть, но не подходит вплотную к берегу, как раньше. Довольно скоро доплываем до слияния с рекой Сестрой. После минутного размышления решаем следовать по заранее намеченному маршруту — вверх по Сестре до Карманово. Находим то место, где папа Игорь и мама Кадрия были несколько лет назад со своей знакомой Надей Агеевой и её мужем Колей, и причаливаем.

На берегу ловит рыбу старик. Лицо его кажется нам знакомым. Выясняется, что это дед Данила, Надин свёкор. Он вот уже 5 лет каждое лето живёт здесь в палатке и ловит рыбу. Дед Данила показывает нам колодец, который он вырыл в прибрежной глине. Это небольшая ямка с чистой водой, которая просачивается сквозь глину. Располагаемся у прибрежных кустов, на краю поляны. Купаемся. Готовим ужин. Ложимся спать.

День пятый. 15 июля 1981 года, среда. Просыпаемся около 9 часов. Плыть никуда не надо. После завтрака идём в лес за малиной. Вдоль высоковольтки, где мы раньше собирали малину, сплошные огороды — всё огорожено. Но всё же набираем немного малины. Рустам от жары, мух, слепней и колючей травы падает духом. Возвращаемся. Идём купаться. Учим Рустама плавать, но получается плохо. Он боится воды.

У Пушка обнаруживаем клещи. Папа Игорь держит его за пасть, а мама Кадрия вытаскивает клещей. После третьего клеща Пушок вырывается и нападает на папу Игоря, даже немного кусает его. Бедный Пушок! Нельзя ему гулять по лесу.

Потом мы отдыхаем. В 5 часов вечера едем на лодке в Карманово, в магазин (он в 6 закрывается). Покупаем буханку чёрного хлеба, плавленый сыр, борщ в пакете, сахарный песок, бутылочку Муската (6 руб. 90 коп.) и по стаканчику сока. Возвращаемся, закидываем пакет с продуктами в палатку и едем кататься по заливу, на берегу которого мы остановились.

Вечером папа Игорь делает для Рустама лук и стрелу. Хороший получился лук, далеко летит стрела, высоко летит стрела — исчезает в синем небе. Потом папа Игорь и сын Рустам играют в волейбол. Потом все лежат на спальниках, а папа Игорь — на надувном троне, и разговаривают. Сначала говорят про географию, про разные реки, моря и страны, про разные народы. Потом про политику, про наших и про американцев, и про телепередачу «Сегодня в мире».

Потом Пушок обнаруживает ежа. Наш пёс очень забавно ищет ежей и всегда находит. Мы рассматриваем ежа — он ещё совсем маленький, свернулся в сплошной колючий шарик.

Спать ложимся поздно.

День шестой. 16 июля 1981 года, четверг. Проснулись папа Игорь и мама Кадрия в 6 утра — идёт дождь. Папа Игорь накрывает палатку полиэтиленом, прячет дрова в полиэтиленовый мешок. Тем не менее, утром, когда дождь уже прошёл, папа Игорь очень долго не может развести огонь. Точнее, огонь есть, но слабенький, и вода долго не может закипеть. Наконец мы садимся завтракать. Снова ярко светит солнце. Мама Кадрия читает, папа Игорь пишет «Жизнеописание», сын Рустам играет с луком.

Мама Кадрия пытается вытащить Пушку остатки клещей. Пушок кусает маму Кадрию и царапает её. Все злые на Пушка. Мама Кадрия обещает, когда приедем в Москву, отвести Пушка к соседке Татьяне, которая нам его привела и оставила у нас жить, и сказать, чтобы она забирала его, куда хочет. Но, конечно, Кадрия так не сделает, и Пушок проживёт с нами всю жизнь.

Жарко. Мама Кадрия идёт за банкой сгущёнки, которая стоит рядом с Пушком. Пушок опять кусает маму Кадрию. Проклятый пёс! Папа Игорь налепляет на раны Кадрии пластырь и завязывает руку.

Мы вдруг решаем поплавать на байдарке, если удастся — доплыть до слияния Сестры с Дубной или даже до Волги. Пушка папа Игорь привязывает около палатки и пытается постегать ремнём. Жалко собаку, но ничего не поделаешь — надо его учить не кусаться. Пушок с нами не поплывёт, он наказан.

На пустой байдарке плыть легко. Теперь Рустам сидит впереди, а раненая мама Кадрия — в середине, на надувном матрасе. Гребёт папа Игорь. Однако до слияния оказывается далековато. Тут ещё начинает моросить мелкий дождичек, и мы решаем возвращаться. Все берега Сестры усеяны рыбаками. Мы плывём вдоль берега, но то и дело шарахаемся к центру реки, боясь наехать на поплавки.

Дождик кончается. Мы решаем заехать в магазин, папа Игорь налегает на вёсла, даже раненая мама Кадрия помогает. Но магазин оказывается закрытым. «Ушла на базу». От магазина до нашей стоянки гребёт один Рустам. Сначала у него получается плохо, но постепенно всё лучше и лучше. Лодка набирает скорость. Папа Игорь совсем не гребёт, даже к вёслам не притрагивается. Сидит, курит и рулит.

Пушок встречает нас вилянием хвоста. Чувствует себя виноватым, но всё равно плохо слушается. После ужина залезли в палатку, листали «С удочкой по Подмосковью» и пытались выбрать дальнейший маршрут. Немного поговорили и заснули.

День седьмой. 17 июля 1981 года, пятница. Утром встали и решили ехать в Москву. Мама Кадрия пошла за малиной. Папа Игорь вымыл посуду, разжёг костёр — на этот раз очень быстро и удачно. Сын Рустам сходил за водой. Позавтракали. Потом папа Игорь и мама Кадрия пошли в лес ещё немного пособирать малины, а Рустам вымыл посуду и собирал вещи. Потом у Рустама заболел живот, а потом прошёл.

Вернулись папа Игорь и мама Кадрия, и все стали быстро собираться, потому что до электрички (14.11) оставалось мало времени, а следующая — через три часа (17.15), и есть больше нечего, а магазин не работает. Собрали рюкзаки и байдарку. Папа Игорь и мама Кадрия скупнулись напоследок, а Рустам не захотел.

Тут приблизилась большая чёрная туча, и начал греметь гром. Мы быстро нагрузили на себя вещи, и пошли — до отхода поезда оставался один час. Мы пошли, и дождь пошёл. Когда мы подходили к железнодорожному

мосту, дождь хлестал уже вовсю. Мы все промокли, особенно, Рустам, так как он был в одной майке и шортах. Было очень тяжело идти, но мы мужественно перенесли все трудности. На мосту папа Игорь кричал Рустаму: «Смотри, не свались с моста! Держись, Рустик!». А Рустам кричал: «Ой, папа! Осторожнее! Ой, не упади, папа!». Так мы друг о дружке заботились. Добрались до станции, Рустам переоделся, купили билет. Тут и электричка подошла.

Вот сидим в электричке на сидении для двоих, закрытые со всех сторон рюкзаками. На рюкзаке лежит лук со стрелой. На крючке висит полиэтиленовый мешок, а в нём — две банки малинового варенья и ещё свежая малина в котелке, и игрушечный корабль, найденный нами на реке Дубна. Пушок тихонько сидит у нас в ногах, мокренький от дождя. Рустам сначала читал промокших «Тореадоров из Васюковки», а потом положил маме Кадрие голову на колени и заснул. Мама Кадрия смотрит в окошко. Папа Игорь пишет «Жизнеописание». Очень тру$^{д}_{н}$о пиСАть в элеКТ$_{ри}$чке — к^{ач}АЕ$_{т}$ и ТОЛ$_{ка}$е^{т}. А Вы $_{дум}$али, э^{то} у МЕН$_{я}$ по$^{че}_{рк}$ тАкОй с$_{та}$л, д^{а}?

КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ.

1981

НЕ ГОНИТЕ ЧУЖУЮ КОШКУ

рассказ почти non-fiction

О смысле жизни задумываются все люди.

Одни хотят найти причину своих неудач и своих несвершений или, лучше сказать, они хотят оправдать свою жизнь и в мыслях стремятся возвыситься над житейскими неурядицами. Другие, лишь достигнув успеха и материального благополучия, приступают к планомерным размышлениям, как бы возводят здание на уже готовом фундаменте. Лично я отношусь во второй категории, потому что совсем не могу думать, сидя на шатающейся табуретке посреди неприбранной и голой квартиры. И ещё не могу думать, когда хочется есть, — тогда я думаю только, как бы чего поесть. И вот я несколько лет тратил на материальное обеспечение: работал, продвигался по службе и получал зарплату и премии. Не думайте, что я такой уж меркантильный человек или карьерист. Напротив, я работал с увлечением, и работа у меня хорошая, и была она эти годы главным смыслом моей жизни, и все свои материальные блага я получал как побочный продукт своего труда. Но только я всегда помнил, что не будь этой необходимости — зарабатывать деньги, я бы занимался наверное совсем другими делами. Я бы размышлял о смысле жизни.

В таком деле, как построение фундамента, самое главное — вовремя остановиться. Иначе всю жизнь будешь строить один фундамент, а кому он нужен — фундамент без здания? Когда мы с женой купили "стенку" для книг и барахла, стереопроигрыватель для музыки и два великолепных кресла, я сказал: хватит, всё остальное мелочи быта. Пора думать о смысле жизни. Моя жена со мной согласилась. В таких вещах она всегда со мной соглашается, а может быть это я с ней соглашаюсь.

Курт Воннегут в своей замечательной книжке "Колыбель для кошки" рассказывает о доморощенном философе Бокононе, который изобрёл удивительную религию. Вот что в этой книжке написано: "Мы, бокописты, веруем в то, что человечество разбито на группы, которые выполняют божью волю, не ведая, что творят. Боконон называет такую группу карасс". И ещё: "Если вы обнаружите, что ваша жизнь переплелась с жизнью чужого человека без особых на то причин, — пишет Боконон, — этот человек скорее всего член вашего карасса". Дюпрасс означает карасс из двух человек. "Кстати, Боконон говорит, что люди одного дюпрасса всегда умирают через неделю друг после друга". И ещё: "Боконон учит нас, что дюпрасс помогает влюблённой паре в уединённости их неослабевающей любви развить в себе внутреннее прозрение,

подчас странное, но верное. И ещё, говорит нам Боконон, дюпрасс рождает в людях лёгкую самонадеянность".

Когда я своей жене говорю, что у нас с ней настоящий дюпрасс, она всегда иронически восклицает: "Ну, конечно!". Этим она хочет сказать, что никакой любви у нас уже нет, а есть только привычка. То есть нам просто удобно жить друг с другом. Ещё она любит рассуждать, что неплохо бы нам развестись и жить отдельно — на время, конечно, — потому что за десять лет мы уже надоели друг другу и слишком прониклись друг другом, а на расстоянии мол люди лучше друг к другу относятся. Так говорит моя жена, проявляя "лёгкую самонадеянность" в полном соответствии с теорией Боконона. Очень может быть, что муж и жена изредка должны жить отдельно, но при нашей жилищной проблеме как это осуществить? И ещё моя жена говорит, что нам следовало бы спать на разных кроватях, но где мы поставим вторую кровать? При такой тесной жизни, говорит моя жена, я её подавляю самим собой. Тут, я думаю, она притворяется, потому что она совсем не выглядит подавленной. Подавленные выглядят совсем по-другому и они так не говорят, как говорит моя жена. Что касается меня, то я так привык к нашей "тесной" жизни, что когда случается, например, в командировке, освободиться от этой "тесноты", я испытываю постоянное чувство неудобства и меня тянет домой. Кроме того, я тощий и спать одному мне холодно.

Вы может быть думаете, что мы никогда не ругаемся? Но это совсем не так: мы довольно часто раздражаемся друг на друга. Правда, мы никогда не таим свои обиды, потому что тут же кричим друг на друга и всё выбалтываем. В одном журнале я прочитал, что Менделеев очень любил кричать на всех и был совершенно несдержан. Он говорил: "Ругайся себе направо-налево и будешь здоров".

Раньше, особенно в начале нашего знакомства, мы ругались гораздо меньше, что наверное объяснялось здоровьем молодости. Но я помню, что и тогда я был чрезмерно прилипчив к своей жене — будущей, конечно. Один наш знакомый до сих пор помнит, как мы провели у него ночь, сидя в кресле. Вечерника затянулась заполночь и мы вместе с другими гостями остались ночевать. Не то, чтобы спать было негде, но скорее по причине того, что наш с женой роман только ещё начинался, мы прободрствовали всю ночь. Собственно, в кресле сидела она, а я примостился на подлокотнике и прилип к нему накрепко. Сначала мы, конечно, о чём-то беседовали, но потом уже сидели просто так. Лишь под утро мы встали с этого кресла и отправились на кухню варить кофе. Да, теперь я пожалуй не способен на такой подвиг: я теперь твёрдо знаю, что ночью надо спать.

Если начать вспоминать эти десять лет нашей жизни, то прежде всего приходят на память картины самых первых месяцев. Эти картины очень яркие и освещены всегда каким-нибудь романтическим светом. То это свет лунный, когда поздним вечером мы стоим у подъезда её дома, и в этом лунном свете мерцает свет и отчётливо видны снежинки, опускающиеся на кружева её белого вязаного платка. Тут всё чёрно-белое: белая луна и чёрное небо, белый снег и чёрный подъезд, белый платок и её чёрные глаза и чёрные волосы. То это утренний солнечный свет — в лесу, на даче после нашей первой ночи. Тут уже всё цветное: небо, листья, трава и мох, и одежда цветная и губы имеют цвет и глаза светлые, не чёрные. Вообще распределение светотени и красок в этих картинах явно говорит о романтическом направлении. Но если вспоминать и дальше, то с той же лёгкостью всплывают картины и более поздние, картины уже семейной жизни и даже картины совсем недавние. В этих картинах уже меньше романтики, тут где-то даже и реализм изредка появляется. Тут уже не просто игра света, игра красок, тут не только настроение — тут уже мысль возникает. Это уже не просто результат вдохновения, здесь видна рука опытного мастера, здесь уже зрелость, здесь результат раздумий, крупицы непростой правды. Но знаете, бывает такой тяжёлый реализм, который прямо подавляет своей суровой правдой жизни — так и стоишь подавленный, пока не очухаешься, а как очухаешься, да поразмыслишь немного, то одно только и можешь сказать: Да, это, конечно, сильно сказано, но только это из какой-то другой жизни, у меня вроде бы всё попроще. От такого реализма, я думаю, нашу жизнь спасала ирония. Знаете, иногда хороший анекдот лучше десяти томов суровой правды.

Моя жена обожает американские джинсы. Честное слово, она радуется как ребёнок, когда у неё появляются эти штуки с яркими наклейками. В свои тридцать с лишним лет она сохранила фигуру совершеннейшего подростка. Конечно, джинсы ей идут как никому. Одно время, когда "рай в шалаше" уже закончился, а крупных денег у нас ещё не было, моя жена даже плакала из-за этих джинсов. Конечно, плакала она не только из-за джинсов, она говорила, что вообще жизнь такая неудавшаяся и всё нехорошо, и вот ей уже тридцать лет, а что у неё есть? что она получила в этой жизни? и так далее. Так всегда говорит рано или поздно любая женщина. Я её то утешал, то ругал мещанкой, то просил потерпеть ещё немного, то призывал быть выше этого, и так далее. Так всегда говорят мужчины, когда у их жён случаются истерики. Вот говорят, бедность — не порок, но и хорошего в ней ничего нет. Бедность не обидна, когда все бедны; плохо, когда кто-то живёт богато, а ты нет. Но ещё хуже, когда знаешь, что лет этак через десять все эти джинсы перестанут быть проблемой, но как объяснить женщине, что и в сорок лет ей так же будет хотеться красиво одеваться, как и в тридцать лет. Она это сама знает, да что

толку — она всё равно будет говорить, что через десять лет ей уже ничего не нужно будет, старухой она будет и так далее.

А десять лет назад у моей жены была зелёная кофта. Эта кофта висела на ней как балахон и уже тогда была старой и кое где драной. Но моя жена обожала эту кофту и я всегда считал, что это её право. Теперь эта кофта лежит у нашей двери половой тряпкой. Вспоминает ли о ней моя жена, когда вытирает ноги, придя с работы? Я иногда вспоминаю. И вот что я вам скажу: не выбрасывайте старые кофты, если их можно ещё хоть немного подержать в доме — хотя бы как половые тряпки.

Наш "рай в шалаше" располагался на четвёртом этаже в однокомнатной кооперативной квартире. Квартира была кооперативная, но не наша — мы её снимали. За пятьдесят рублей в месяц — по теперешним временам сумма смехотворная. С грустью думаю о нынешних молодых людях, которые не имеют денег на такую квартиру в первые годы своей семейной жизни. Они вынуждены жить с родителями, а это плохо и для них и для родителей. Первые годы надо жить совсем отдельно, потом можете делать, что хотите. Нельзя делить с кем бы то ни было "рай в шалаше". Я тогда только начал работать — известно, сколько получает молодой специалист в первый год работы, а моя жена ещё училась в институте. Не знаю, право, на что мы жили? Денег у нас, кажется, даже на метро не всегда хватало. Однако, жили мы весело и при всём уединении народу в нашей квартире толпилось подчас довольно много. Тогда я ещё не втянулся в свою работу, а у жены её и не было вовсе. Самые разные люди проходили через вечеринки в нашей квартире, самые разные идеи волновали наше воображение, в самые разные предприятия пускались мы с большим энтузиазмом. Мы входили в самодеятельную туристическую группу с пышным названием "Особая Туристическая Ассоциация Пешеходов", на стене у нас висел большой чёрно-жёлтый герб Чайного Клуба с китайским иероглифом "чай", пару раз у нас собирались самодеятельные стихотворцы и читали свои опусы — и я читал (кто не грешил этим в молодости?), а уж разного рода розыгрышей, дискуссий за полночь и всяких "экспериментов" — и не перечесть. Тогда мы искали смысл жизни вполне практически и вполне бессознательно. То было время молодости. Впрочем, один наш старый знакомый утверждает, что дело совсем не в молодости. Он говорит, что тогда вообще были особенные годы и подобная кипучая жизнь была повсеместной. Видимо, это связано с какими-то космическими процессами, с солнечной активностью и разного рода "циклами" планетарного масштаба. Он говорит так потому, что и тогда он уже не был молодым. Ну что ж, можно считать, что нам повезло с расположением небесных светил в наш "золотой век" семейной жизни.

А потом у нас появился ребёнок и мы вернулись к моей матери. Правда, и здесь мы жили вполне отдельно: в отдельной комнате и с отдельным хозяйством. Нам очень легко было жить отдельно в нашей квартире на Бакунинской улице, потому что в этой квартире жили отдельно тринадцать семей. Подобные коммуналки заслуживают, чтобы о них помнили. Только представьте себе. Длинный коридор, освещаемый тремя лампочками по сто ватт каждая. И это совсем не много для такого коридора, когда потолки под пять метров и по обеим сторонам четырнадцать дверей, не считая двух дверей в два туалета, двери на "чёрный ход" и двери на кухню. А кухня? Два окна, три газовые плиты, две раковины, двенадцать кухонных столов — этих цифр вполне достаточно, чтобы представить всё остальное: кто жарит, кто варит, кто стирает, кто моется, кто гладит бельё, кто точит лясы, кто показывает обновку, кто ругается — и так далее и всё это одновременно. Эта кухня — вершина общего жития, здесь собиралось вече коммунальной квартиры. Но довольно об этом, наша квартира — это тема отдельного рассказа. А может быть даже романа. Тут всё зависит от писателя, а квартира — она всё выдержит.

В этой квартире, между прочим, мы с женой и познакомились. День нашего знакомства мы празднуем 23 февраля всегда втроём. Третий — дядя Лёня, это он нас познакомил. Дядя Лёня в нашей квартире снимал комнату, и вот десять лет назад в этой комнате собралась студенческая группа Московского Института Стали и Сплавов. Праздновался день Красной Армии. Мне как назло надо было бежать в Университет — я делал доклад на семинаре (тогда я заканчивал пятый курс мехмата). Я забежал к дяде Лёне на минуту, перекурить. Группа ещё не собралась, только две девушки сидели в комнате, слушали видавший виды магнитофон и хором курили, а дядя Лёня, как всегда, бегал по комнате, острил и суетился. Я присел на диван, закурил, и дядя Лёня мигом организовал светскую беседу. Дядя Лёня у нас вообще мастер на такие дела. Кстати, дядей его зовёт наш сын — с некоторых пор и мы стали его так называть, а тогда он был просто Лёней или Калиновичем.

Свою будущую жену я приметил сразу и сейчас ещё помню в деталях даже как она была одета. И ничего-то из той одежды не сохранилось, кроме цветной блузки — валяется где-то на антресолях среди барахла. И сидела моя будущая жена, заложив ногу на ногу, и смотрела на меня нагло и весело. Так умеет смотреть только моя жена, она как бы говорила: "Ну-ка, ну-ка! Кого это ты, Лёня, нам привёл? Сейчас мы проверим, так ли он хорош, как ты нам расхваливал!". Дело в том, что добрый дядя Лёня почему-то считал нужным расхвалить меня этим девицам, а особенно он упирал на мои математические способности — видно ему это очень нравилось. На самом-то деле я уже тогда догадался, что мои способности, хотя и не нуль без палочки, но и ничего

выдающегося из себя не представляют. Я, как полагается, блеснул остроумием, производя впечатление, и откланялся. Кто-то сказал, что мужчина долго остаётся под впечатлением, произведённым на женщину. Ах, как это верно!

Когда я вернулся со своего семинара, гуляние было в самом разгаре. Я с ходу проглотил несколько рюмок вина, чтобы догнать остальных, покричал вместе со всеми, а потом уже не торопясь, с рюмкой в руке и сигаретой в другой руке повёл какой-то разговор совсем не со своей будущей женой, а с другой девицей. Эта девица была дочерью академика, но впрочем, на дочь академика она не была похожа. Я взял у неё телефон, но так ни разу и не позвонил. Вообще не могу понять, почему я целый вечер ею занимался, когда интересовала меня другая — моя будущая жена. Под конец мы решили танцевать, но у дяди Лёни было тесновато и я широким жестом распахнул двери своей комнаты. И вот там я попрыгал со своей будущей женой. А потом пришла моя мать и, не разобравшись, разогнала всю честную кампанию. Вообще у моей матери было такое свойство: ругаться, не разобравшись. В то время мы часто ссорились и довольно крупно. Потом, когда мы с женой поженились, тоже не раз возникали стычки, но мы всё-таки жили отдельно и постепенно всё вошло в свою колею. Я тогда выработал для себя три простых правила и рекомендую их всем начинающим: не спорить с матерью, делать по-своему и всегда становиться на сторону жены. Правда, при этом надо уметь правильно выбрать жену, но тут я никаких правил не знаю — у меня всё получилось само собой. Учтите, что это правила для начинающих — с возрастом приходят другие правила, а точнее, исчезают вообще все правила и остаётся просто жизнь.

За первые полгода знакомства я сумел внушить своей будущей жене, что жениться на ней я не собираюсь. Это, кстати, ещё одно правило: всегда говорите правду, но учитесь подавать её в привлекательном виде. Голая правда совершенно несъедобна. В этом правиле я, пожалуй, даже переусердствовал и до сих пор не умею как следует врать, а как часто это бывает необходимо! В интересах больного, как говорят врачи. Это было последнее правило, которое я изобрёл — больше я этим благородным делом не занимался. Через полгода, когда моя будущая жена была в отъезде, я проснулся однажды с ощущением фатальной неизбежности ближайшего будущего. Такое ощущение возникает у человека, когда его крепко стукнут по голове твёрдым тупым предметом, или, по слухам, когда в него целятся из револьвера. Может быть, ясновидящие всегда пребывают с таким ощущением? Впрочем, говорят, они все шарлатаны. Я написал длинное письмо, размножил его на машинке и разослал во все населённые пункты, где в это время могла находиться моя будущая жена — точного её маршрута я не знал. В результате через несколько дней моя будущая жена вернулась в

Москву, не получив ни одного письма, и я тут же вручил ей последнюю остававшуюся у меня копию. Через час мы встретились и побежали в загс.

Итак, мы вернулись на Бакунинскую улицу. У нас рос сын. Тут я должен напомнить, что "настоящий дюпрасс, — учит нас Боконон, — никто не может нарушить, даже дети, родившиеся от такого союза". Наверное для детей это не очень удобно. Как часто ребёнок хочет "поговорить" с папой, а папа отмахивается от него, потому что обсуждает с мамой смысл жизни. Хотя с другой стороны дюпрасс надёжно предохраняет детей от излишнего вмешательства взрослых в их личную жизнь. А это очень важно — Платон был прав, когда говорил, что все наши открытия и озарения — всего лишь воспоминания. Наверное, мы всю жизнь вспоминаем то, что открыли в детстве. Одно время наш сын увлекался придумыванием сказок. Узнали мы об этом не сразу, а когда узнали, у него уже был готов целый цикл. Главным героем этих сказок был робот с холодильником в грудной клетке, причём этот холодильник, мне кажется, одновременно служил энергетической установкой и химическим синтезатором. Оттуда же появлялись на свет и малыши-роботы. Когда-нибудь сын вспомнит эти сказки. Однажды ночью, во время болезни, наш сын здорово напугал нас. Он боялся. Глаза у него были широко открыты, он то прижимался к нам, то вскакивал и всё смотрел в одну сторону, где ничего не было. Конечно, это было от высокой температуры, но всё же взрослый человек не способен испытывать такой чистый и абстрактный ужас, страх небытия. У взрослого всё это серенько: серая тоска, серая скука и так далее. И если иногда всё же поднимается откуда-то изнутри что-то большое, страшное, то это тоже — воспоминание.

В то время я уже много работал. Моя профессия — программист. Часто я засиживался над своими программами по вечерам, субботам и воскресеньям, а на упрёки жены стал отвечать: это моя профессия, это моё дело — и я его делаю. Смешно, конечно, — это всё равно, что сказать: Бог создал человека для того, чтобы он писал программы для ЭВМ. Проще было создать сами эти программы. Даже о рождении сына я узнал на работе. Между прочим, это было воскресенье — мы очередной раз что-то готовили к очередной сдаче. Едва я зашёл в машинный зал, как все стали меня поздравлять: "С тебя бутылка!". Оказалось, позвонила моя сестра. Мы с моим научным руководителем сбегали в буфет и купили шампанского. До конца работы, то есть до позднего вечера, бутылки охлаждались в МОЗУ (магнитное оперативное запоминающее устройство) — там всегда холодно.

Я защитил диссертацию. Ещё через год прошли государственные испытания нашей системы — итог десятилетней работы. Ещё через год я вспомнил о смысле жизни. Я спросил жену: тебе очень нужно, чтобы я защитил докторскую?

А моя жена работает на машиностроительном заводе. Она мне всегда говорит: ты в институте работаешь в своё удовольствие, когда хочешь, и общаешься с приятными людьми, и думаешь, что везде так. Тебе бы хоть раз на заводе поработать. И правда, я как-то привык работать только тогда, когда хочется. Это очень практично: если писать программы через силу, наделаешь кучу ошибок. Как то раз я две недели бросал курить и при этом писал программы. Даже через полгода я находил всё новые и новые ошибки в этих программах. Примерно половину времени я работаю дома, на кухне. И тихо, и чай под рукой. А кроме ручки и бумаги ничего не надо. Из-за такого свободного режима я никак не могу научиться просыпаться в одно и то же время. А если едешь работать на машину, то это уж обязательно до вечера.

У моей жены на заводе вечные ссоры с начальством, горит план, подчинённые бездельничают, начальники цехов то кричат, почему их детали задерживаются, то втихую подсовывают брак, и так далее... Моя жена работает мастером ОТК. "Мои девицы", говорит она, меня уважают и слушаются, как ни странно. И всё это ежедневно, "от и до". Моя жена просыпается в шесть утра и вечно не высыпается. Мы с ней всегда говорим, то по очереди, то хором: пора уходить с этого завода. И вот уже восемь лет она всё уходит и никак уйти не может. А эти её "чёрные субботы" меня ужасно злят, потому что случаются в самое неподходящее время. И так далее.

Так наша жизнь двигалась по своему маршруту, маневрируя и ориентируясь на местности. Но у каждого движения есть своё начало и есть свой конец. Наступает время, когда двигаешься уже только по инерции, а поскольку мы живём не в вакууме, то рано или поздно происходит остановка. Любая остановка это только пересадка. Если, конечно, не вспоминать о самой последней остановке. Поезд ушёл, стоишь и изучаешь расписание — когда пойдёт другой поезд в нужном тебе направлении. В подобном движении для дюпрасса самое главное — синхронность. Иначе всю жизнь вы будете поджидать друг друга на полустанках, а то и вовсе разойдётесь в разные стороны.

Итак мы купили "стенку" для книг и барахла, стереопроигрыватель для музыки и два великолепных кресла. Мы сели в кресла и стали размышлять о смысле жизни. Поначалу выяснилось, что мы ужасно необразованные люди и забыли даже то, что когда-то в юности с увлечением изучали и о чём много думали. Раньше это было незаметно, потому что в моей, например, профессии программиста совсем не требуется знание истории человечества, а в металлургии никак не используется философия Канта или Гегеля. Тут всё дело в том, что мы работали на совесть, даже и в свободное время я размышлял над своими программами, а жена переживала перипетии технологического процесса своего завода. Мы сказали: хватит. Вечера, субботы и воскресенья —

наши. Минимум — на еду и стирку, на уборку квартиры. Остальное — на смысл жизни. Мы стали много читать. Мы обменивались впечатлениями, как во времена "рая в кооперативном (хотя и не нашем) шалаше". У нас даже стали появляться мысли. Изменился круг знакомых: некоторым старым друзьям не нравились наши новые "заумные" разговоры, которые мы заводили часто совсем не к месту, когда надо было выпить и веселиться.

Наконец, мы стали размышлять и о смерти. Этот предел нашим мыслям, нашим страстям, нашим проблемам и нашей жизни, этот неопределённый предел, маячивший где-то впереди, чрезвычайно смущал нас. Смерть не входила в наши планы, выпадала из наших расчётов. Мы чувствовали, что у нас просто не хватит времени на завершение нашего предприятия. А главное, мы стали подозревать, что поиск смысла жизни есть процесс бесконечный, и между этим поиском и самой жизнью имеет место диалектическое тождество. В таком случае смерть была совсем не нужна. Ужас грядущего небытия отравлял нам всю жизнь и обесценивал все наши замыслы. Конечно, это был не тот яркий ужас, который испытал наш сын во время болезни, да и я как-то раз испытал в детстве, нет, это была именно серая тоска, логический тупик в наших размышлениях и исканиях. К сожалению, мы были прирождёнными материалистами и смерть воспринимали в её окончательной и не подлежащей обжалованию форме.

Поневоле нам пришлось обратиться к религии и бессмертной душе. Будучи философски вполне подкованными в наших вузах (да и сами мы собирали философские книги и периодически увлекались философией), мы, конечно, старались найти не столько философский, сколько психологический ответ. Мы думали, нет ли тут какой-нибудь зацепки, какой-нибудь лазейки, пусть совсем крохотной, всё что угодно — лишь бы была надежда протиснуться, просочиться за этот бессмысленный предел. Как пел Высоцкий, "удобную религию придумали индусы". Действительно, переселение душ — это даже и не лазейка, а целый пролом в стене. Но вот есть ли оно? Смущало то обстоятельство, что мы ничего решительно не помнили о своих прошлых перевоплощениях. Вы, конечно, скажете, что всё это чушь собачья, никакой души нет и, следовательно, переселяться она не может. Но я ведь и не возражаю, можете назвать это биополем, или наследственной памятью, или каким-нибудь другим, ещё менее на душу похожим словом.

Буддисты говорят, что смерть это не окончательная точка в конце жизни, но лишь запятая. Настоящая точка — это нирвана, когда все дхармы (мельчайшие духовные частицы, из которых состоит наше сознание) перестанут вибрировать и дёргаться и наконец успокоятся. Получается очень удачно: пока я не успокоился, пока я полон всяких планов, надежд, мыслей и страстей, я не умираю окончательно, только может быть на время. А вот когда

я всё перепробую, всё передумаю, когда мне надоест всё на свете и я успокоюсь, отрешусь от радостей и горестей и от самих чувств и мыслей, вот тогда и поставится сама собой последняя точка. Собственно, её, эту точку, и ставить не надо —человек сам по себе медленно и постепенно впадает в нирвану, без всяких трагедий и депрессий, просто от приятной усталости и умиротворённости. Как засыпает. Ведь когда человек хочет спать, сон кажется ему благодеянием, человек засыпает с приятностью и спокойствием. Наоборот, от отсутствия сна — от бессонницы — человек мучается и страдает. Естественно, ведь ему хочется спать. Буддизм предписывает стремиться к нирване, сознательно отрешаться от жизни. Но это уже перебор! Зачем искусственно вызывать сон, когда спать не хочется? Дайте людям по миллиону лет жизни и они сами, без всякого буддизма, совершенно естественно и поголовно будут впадать в нирвану после столь долгой и полной жизни. Да, но мы-то живём гораздо меньше. Получается, что человек просто умирает раньше времени. Что же остаётся — перевоплощение? Или признать, что всё дело в медицине, которая никак не может удлинить нашу жизнь до надлежащего срока? Получится, что мы просто не вовремя родились, слишком рано, о чём можно лишь пожалеть, искренно, но абстрактно.

Известно, что многие учёные находили решение мучивших их проблем во сне. Например, Менделеев увидел во сне целую периодическую систему элементов. И мы тоже решили свою проблему во сне. Но у нас ничего бы не получилось, если бы это не был совместный сон. Вы знаете, почему распадаются семьи? Да, конечно: психологическая несовместимость, противоречивые житейские привычки, бытовая неустроенность, алкоголизм и так далее. Так вот: всё это ерунда! В лучшем случае — удобные предлоги для самих себя. А всё дело в снах, в совместных снах. Если вам, мужу и жене, хотя бы раз в жизни удалось увидеть один и тот же сон одновременно, считайте себя счастливцами: ваша семейная жизнь будет безоблачна! Стопроцентная гарантия!

В тот вечер мы с женой долго лежали в постели и слушали музыку. У нас в ногах пристроился наш кот Черныш, около кровати стоял наш пёс Пушок и вилял хвостом. Он тоже хотел на кровать и страшно ревновал нас к коту. Кот Черныш потянулся всем своим длинным телом и, изящно переставляя лапы, направился к нам. Наш кот совершенно чёрный, если не считать трёх белых шерстинок на груди, и сейчас, в темноте, он был почти невидим. Только глаза его горели таинственным светом, как лампочки на нашем стереопроигрывателе. Нашего кота следовало бы считать кошкой, потому что по сравнению с нашим псом это совершеннейшая кошка, существо женского рода. Черныш двигался к нам ласкаться — это он обожает больше всего на свете, даже больше своей рыбы. Он ложится мне на грудь, протягивает лапы к

моим волосам и утыкается носом мне в шею. Он ужасно щекочет меня своими длиннющими усами. Я отталкиваю Черныша, и он перебирается к моей жене. Когда Черныш был ещё маленьким котёнком, он будил нас по ночам тем, что забирался нам на головы и искал в волосах соски. Вот он успокоился и закрыл глаза. Наш пёс, не долго думая, вспрыгивает на кровать у нас в ногах. Ему не разрешается это делать, но вид у него такой жалостливый, и глаз из-под густой шерсти глядит так умоляюще, что мы сдаёмся.

Мы лежим с женой рядом и слушаем музыку. Кот Черныш придавливает нас своей тяжестью. В ногах похрюкивает во сне пёс Пушок. Семейная идиллия. Не хватает только нашего сына, но он, конечно, спит отдельно, да и не поместиться ему третьим на нашей кровати. Под музыку мы и засыпаем. Наши головы совсем близко на подушке, и мы ощущаем дыхание друг друга на своих губах. Чувствуем, как сознание заволакивается сонным туманом, как медленно уплывают куда-то мысли и ощущения. Куда они уплывают? Наверное, на миг мы и заснули. Но в следующий миг что-то нас разбудило, какой-то грохот. Потом выяснилось, что это у соседей вернулся домой подвыпивший глава семейства и в темноте налетел на стол и опрокинул его вместе с ужином.

Мы проснулись одновременно, показалось будто какие-то тени мелькнули у наших лиц. А может быть, это был кот Черныш? Мы проснулись и ошалело уставились друг на друга. Сначала я почувствовал лишь какое-то неудобство, знаете как бывает, когда под простынь попадёт карандаш или косточка от сливы. Потом возникло чувство беспокойства, я вдруг ощутил это неудобство не снаружи, а внутри себя. Как будто у меня внутри появилось что-то постороннее, и в то же время не хватало чего-то своего, привычного, которое всегда есть, так что даже и не сразу сообразишь, чего ж это не хватает. Но главное — ощущение какого-то постороннего предмета, причём предмет этот находился как будто у меня в голове, я его ощущал в собственном сознании. И этот предмет шевелился! Вдруг поплыли какие-то странные мысли, странные ощущения. Я сначала не мог понять, что в них такого странного, отчего они меня беспокоят. И вдруг понял: господи! да ведь это же не мои мысли и не мои ощущения... Очень это было тогда неприятное чувство. Одно дело, когда вор забирается к вам в квартиру, хотя и тут можно страху натерпеться, но когда кто-то забрался к вам в голову... Бррр!... Я и сейчас с содроганием вспоминаю тот ужас. Очень мне было страшно. И то же самое испытывала моя жена. Она лежала совсем рядом со мной и всё это время мы смотрели друг на друга. Но это только так говорится "всё время" — на самом деле не прошло и сотой доли секунды с момента нашего пробуждения. И вот я увидел, что и жене моей так же страшно, как и мне, что и она испытывает то же самое. Не знаю, почему я так решил, но только я совсем точно знал, что

моя жена испытывает именно то самое, что и я. И тут мне уже стало страшно не только за себя, но и за неё. И так мне стало её жалко, и такая она мне показалась родная, как будто она — это я и есть, а она — это тот же я. Я это совсем ясно увидел в её глазах, что она — это я. Так мы и смотрели друг на друга в полном оцепенении и в каком-то шоке. И всё у меня внутри застыло и замерло, и со стороны, наверное, можно было подумать, что мы просто спим, но только почему-то с открытыми глазами. И в глазах наших отражаются малиновые лампочки нашего стереопроигрывателя, и потому они блестят неестественно. Да может быть мы и вправду в тот миг заснули, знаете, наверное можно вот так заснуть от ужаса: это как будто кто вдруг повернул выключатель и выключил нас, чтобы не перегорели.

И вот тогда нам приснился наш *совместный* сон. Или он раньше начался? Нам приснился одинаковый сон, и я буду рассказывать, что приснилось мне. Посторонний предмет внутри меня шевелился, от него исходили какие-то токи, поля, излучение и волны. В сознании плыли картины и образы, расплывчатые и чёткие, серые и цветные — и все *не мои*. В огромном пространстве кружились стальные конструкции, они кружились и разваливались в воздухе. Из них сыпались дождём пружинки, колесики и всякие другие штучки, названия которых тоже всплывали в сознании, но были мне незнакомы. Весь пол был усеян деталями, и я шёл, и они хрустели под ногами. И вдруг появились люди, много людей, и они обступили меня, и что-то говорили, и укоризненно качали головами, и показывали куда-то пальцами. Но всё это было бесшумно, они кричали, но лишь рты их раскрывались в крике, а звука не было. И я пошёл туда, куда они показывали мне, и там вдруг вспыхнул солнечный свет, и я оказался в лесу среди цветов. Какое множество было цветов! Но все они почему-то не росли из земли, а стояли в вазах, кувшинах, стаканах, банках. И вдруг небо заволокло тучами, и пошёл дождь. Но нет, это был не дождь, а сплошная мыльная пена, которая всё падала и падала с неба, и в которой я тонул и захлёбывался ею. И вдруг я увидел, что на мне совсем нет штанов. Потому я и тону, подумал я. И я надел штаны, они плотно облегали меня, и пена сквозь них не проходила. И сразу же я взмыл в воздух, как будто штаны эти были летучие, как будто это они поднимали меня всё выше и выше, к самым облакам, и ещё выше, выше облаков, к небу, синему, яркому небу. И здесь звучала музыка, такая красивая музыка, я никогда не думал, что музыка может быть такой красивой, и мне захотелось спать, и стал засыпать под музыку, под солнечными лучами, паря в небе…

Картины вдруг кончились, я очнулся и замер, прислушиваясь к этому неведомому предмету внутри меня. И мне стало казаться, что это живое существо, что оно тоже замерло и ждёт, ждёт моего движения, ждёт когда я шевельнусь или вздохну. Совсем маленькое, мягкое, пушистое, похожее на

кошку. Да, да, очень похожее на кошку, совсем кошка, хотя я её и не видел, а только чувствовал, ощущал у себя внутри. Но я не шевелился и задержал дыхание. И тогда это пушистое существо осторожно шевельнулось и стало медленно двигаться; крадучись оно уходило, выходило из меня, совсем как крадущаяся кошка. Почти уже совсем оно покинуло меня, и я вдруг ощутил сосущую пустоту внутри, с новой силой я почувствовал, что лишился чего-то необходимого, своего, привычного, а теперь и это существо, эта кошка покидает меня, и я остаюсь совсем, совсем пустой. И тут я рывком вскочил и ловко схватил кошку за длинный пушистый хвост. Вообще-то я не люблю хватать кошек за хвост, мне кажется, им это должно быть крайне неприятно. Но тут у меня просто не было другого выхода, не мог же я остаться совершенно пустым! Я думал, она завизжит, начнёт царапаться, кусаться, вырываться из моих рук. Ничуть не бывало: удивительно, но кошка даже не заметила меня, не заметила, что я держу её за хвост. Она поплыла по воздуху и вылетела в открытое окно.

Мы поднимались вверх, вот проплыли мимо последнего этажа нашего дома, вот уже дом наш кажется кирпичиком, поставленным на-попа. И только тут я увидел, что я не один лечу, ухватившись обеими руками за хвост этой странной кошки! Совсем рядом, стоит лишь руку протянуть, возносилась к небу моя жена, прямо в ночной сорочке. И тоже держалась за хвост кошки. Своей кошки. "Привет!"— сказал я, "Привет!" — ответила жена. Мы посмотрели вниз, на мерцающие огни города и нам показалось, что мы услышали жалобный и недоумевающий лай нашего пса Пушка. "Что это за кошки?" — спросил я. К моему удивлению жена ответила, не задумываясь: "Это не кошки. Это наши души. Мы поменялись с тобой душами, и теперь они улетают в небо". Интересно, что моей жене приснилось, что это она спрашивает, а я так отвечаю.

Мы поднимались в небо, мы достигли облаков, и здесь наши кошки затормозили. Под звёздным небом на склонах холмов-облаков расположились кошки. Несметное множество кошек. Тьма кошек.

Они отчаянно мяукали, жестикулировали и выгибали спины. Мы, видимо, припоздали, потому что, как только наши кошки присоединились к общему собранию, сразу наступила тишина. Откуда-то из глубины облака несколько дюжих котов выволокли кафедру — настоящую университетскую кафедру, я видел такие на Ленинских Горах. На кафедру поставили блюдце с молоком, и все расселись по местам. Тогда на кафедру взошёл огромный чёрный кот, очень похожий на нашего Черныша, пригладил седые усы, откашлялся и замяукал. Он мяукал, но странно — мы с женой прекрасно понимали его речь, как будто он говорил человеческим голосом.

Я называю их кошками, но на самом деле это были души людей. Право не знаю, почему они так походили на кошек? Тут у них было что-то вроде профсоюзного собрания. Ораторы сменяли друг друга, регулярно происходило голосование. Я плохо помню, о чём там у них шла речь, и жена моя тоже плохо помнит. Да разве до деталей нам было после того, как мы узнали самое главное, самую суть?! Мы с женой сидели на облаке, крепко держась за хвосты наших кошек. Было сыро и ветрено, а одеты мы были более чем легко. Но дрожали мы, мне кажется, совсем не от холода.

Но по порядку. Оказывается, души совсем не бессмертны, хотя и живут много дольше людей. Кажется, несколько тысяч лет. Каждую ночь, как человек засыпает, его душа покидает тело и улетает домой, на облако. Души живут на облаках. Обитать в теле человека для них работа, служба. На своём собрании они долго обсуждали вопрос о продолжительности рабочего дня, но кажется так ни к чему и не пришли. Одни души жаловались, что это несправедливо — работать по шестнадцать часов в сутки. Душа, которую я держал за хвост, душа моей жены, мяукала, что она часто работает и по семнадцать часов и совсем измучилась. Другие души возражали, что зато человек живёт мало, а души много. Ещё мы узнали, что когда человек умирает, то душа получает очередной оплаченный отпуск, а потом должна переселяться в новое тело. Душа заключает контракт на определённый срок и не имеет права покинуть человека раньше срока (если, конечно, не считать ночного отдыха на облаках, пока человек спит). Удивительно, но оказалось, что этот срок одинаков для всех людей, и если человек умирает раньше времени, то только по своей собственной небрежности или от несчастного случая.

Мы с женой были единственными людьми на этом собрании душ, но нас никто не замечал. Видимо нам просто повезло: когда мы засыпали, наши души начали потихоньку покидать нас, но тут сосед опрокинул стол и разбудил нас. Души с перепугу бросились обратно и в суматохе перепутали тела.

Собрание затянулось до утра. Мы с женой совсем продрогли и сидели, тесно прижавшись друг к другу и тщетно пытаясь согреть друг друга. Постепенно мы начали засыпать, продолжая крепко держать за хвосты наши души. Сквозь дрёму до нас доносилось мяуканье. Потом оно стихло, и мы почувствовали, что падаем вниз, ветер свистел в ушах, и мы лишь теснее прижимались друг к другу. Вдруг мы упали на что-то мягкое и пружинящее и проснулись. Мы лежали на своей кровати совсем продрогшие, одеяло было скинуто на пол, и в открытое окно тянуло утренним холодом и сыростью. На панели стереопроигрывателя малиновым светом горели лампочки. Мы с удивлением посмотрели на свои руки, крепко сжатые в кулаки и замершие у самых наших ртов. В это время зазвонил будильник, и нам пришлось вставать. Я готовил чай и завтрак, жена принимала душ. У моих ног

прохаживался кот Черныш и обмахивал меня своим хвостом. Пёс Пушок сидел у стола и смотрел на меня преданными глазами, склонив голову набок. На кухню вышел наш сын, ещё не совсем проснувшийся и зевающий. Ему пора было собираться в школу. За завтраком, обжигаясь чаем, жена сказала: "Мне сегодня приснился жутко чудной сон. Приду — расскажу". И она побежала на работу.

Вы знаете, я думаю во мне осталась душа моей жены, а в ней — моя душа. Ведь мы же ни разу не выпустили хвостов из рук. И вообще последнее время мы стали лучше понимать друг друга. Иногда и полслова бывает излишне. Правда, жена по-прежнему говорит "Ну, конечно!", когда я рассуждаю о нашем дюпрассе. Но это у неё просто такой характер. Не перестали мы изредка и ругаться, покрикивая друг на друга, но это же почти физиологический процесс: снятие стресса. Зато иногда, когда я сижу дома один, я вдруг ощущаю, как во мне слабо шевелится, устраиваясь поудобнее, маленький пушистый комочек. И как только приходит это ощущение, я сразу вспоминаю мою жену и, конечно, непременно начал бы звонить ей на работу, если бы у неё был служебный телефон.

Не знаю, догадались ли вы о самом главном во всей этой истории. Нет? Так вот: раз мы поменялись душами, то теперь каждая душа заключила новый контракт. Поняли? Очень выгодная сделка. Теперь-то уж у нас должно хватить времени на смысл жизни!

1981

ЗАБЫТАЯ СКАЗКА

современная сказка

Это случилось давно, когда у Земли было два солнца. Одно солнце светило днём, а другое солнце светило ночью. И ночь была так же светла, как день. И день был жёлтым, а ночь голубой. И люди не говорили "ночь", они говорили "голубой день".

В то время на земле жили два племени. Люди одного племени умели летать и не умели бегать. У них были белые крылья и голубая кожа, потому что они летали, когда светило голубое солнце. Они жили высоко в горах, они жили в большой пещере. Люди этого племени знали огонь, знали камень и знали медь. У них были стрелы с медными наконечниками, и они охотились на зверей, но не трогали птиц, потому что сами были как птицы. Они называли себя "люди". Но мы будем называть их "крылатые люди".

Другое племя жило в лесах у подножья горы. Люди этого племени не умели летать, потому что у них не было крыльев, но они умели быстро бегать, потому что у них были быстрые ноги. Они бегали, когда светило жёлтое солнце, и кожа их стала жёлтой. Люди этого племени знали огонь, знали камень, но не знали меди. Их стрелы были с каменными наконечниками, и они стреляли ими в птиц. И ещё они ловили рыбу в реке, но не трогали тигров, антилоп и лисиц, и всех, кто умел бегать. Они называли себя "люди". Но мы будем называть их "бегущие люди".

На земле жили только два племени, но и они не умели жить в мире. А иначе не было бы и этой сказки. Бегущие люди делали набеги на крылатых людей, когда они опускались отдохнуть на лесных полянах. Крылатые люди делали налёты на бегущих людей, когда они поднимались на холмы, поросшие травой и можжевельником. Так досаждали они друг другу, так они враждовали, пока не случилось то, о чём мы вам расскажем.

В племени крылатых людей жил юноша по имени Белый Сокол. Он не был охотником, он был молодым жрецом, потому что был сыном Старого Жреца племени. Однажды Белый Сокол вылетел из пещеры и спустился вниз к реке, чтобы набрать на её берегах красной глины. Красной глиной он хотел рисовать медведя, ведь жрецы были художниками. С высоты своего полёта Белый Сокол увидел на берегу реки девушку, собиравшую ракушки в плетёную корзину. У девушки были волосы, чёрные как перья большого орла, глаза как янтарные камушки, упавшие на дно реки, губы как красная глина для рисования медведей и кожа как жёлтая глина для рисования антилоп. Эту

девушку звали Дикая Лань, и она была дочерью Старого Вождя своего племени. Девушка увидела Белого Сокола в небе и испугалась, ведь он был из другого — враждебного племени. Она бросила корзину для собирания ракушек и побежала к лесу. Дикая Лань бегала быстро, ведь она была из племени бегущих людей, и ещё она была молода, а молодые ноги быстры, как дикая лань.

Но полёт быстрее бега. Белый Сокол как сокол упал вниз, схватил корзину для собирания ракушек и опустился на землю, и преградил девушке путь. Он поставил корзину у её ног и поднял руки кверху в знак приветствия и мира. И ещё Белый Сокол сложил крылья за спиной и улыбнулся девушке. И Дикая Лань улыбнулась юноше. Так они увидели друг друга первый раз и так они полюбили друг друга, хотя Белый Сокол был из племени крылатых людей, а Дикая Лань была из племени бегущих людей. И они встречались на берегу реки, когда жёлтое солнце опускалось за лес, а голубое солнце вставало из-за горы. И встречи их были радостны, как песня жаворонка, и быстротечны, как прыжок белки, потому что быстро опускается жёлтое солнце за лес и быстро встаёт голубое солнце из-за горы. Но мы не будем об этом рассказывать, потому что сказка о том, что было дальше.

Белый Сокол пришёл к своему отцу, Старому Жрецу и спросил его: — Зачем мы убиваем умеющих быстро бегать? Разве они антилопы, у которых вкусное мясо? Разве они медведи, у которых тёплая шкура?

Старый Жрец ответил Белому Соколу так: — У быстро бегущих нет хорошей шкуры и мясо их жёстко. Когда мы убиваем быстро бегущего, мы оставляем его лежать на земле. Мёртвый быстро бегущий не нужен нам. Но мёртвый быстро бегущий лучше живого быстро бегущего, потому что мёртвые не приносят вреда, а живые убивают нас, людей.

И Дикая Лань пришла к своему отцу, Старому Вождю и спросила его: — Зачем мы убиваем умеющих летать? Разве они рыбы, которых можно есть? Разве их кожа покрыта мягким пухом, как у журавля?

И Старый Вождь ответил Дикой Лани так: — Мы не охотимся на тигров, потому что тигры умеют бегать, как и мы, люди. Но если тигр сам нападает на человека, мы убиваем тигра. Тигр редко нападает на человека, он тоже не охотится на нас. Умеющие летать хуже тигра, потому что они убивают нас. Поэтому мы убиваем умеющих летать.

Второй раз Белый Сокол пришёл к Старому Жрецу и спросил его: — Зачем мы убиваем умеющих быстро бегать, а они убивают нас? Разве не можем мы жить в мире, как с птицами? Если мы не будем убивать быстро бегущих, они не будут убивать нас.

Старый Жрец покачал головой и ответил так: — Когда ты рисуешь орла, ты рисуешь крылья, как у нас. Когда ты рисуешь быстро бегущего, ты не рисуешь крылья. Орёл похож на нас, людей, потому что он умеет летать. Быстро бегущие не люди. Если мы не будем их убивать, они убьют нас всех.

И Дикая Лань второй раз пришла к Старому Вождю и спросила его: — Зачем мы убиваем умеющих летать, а они убивают нас? Разве не можем мы жить мирно, как с антилопами? Не надо убивать умеющих летать и они не будут убивать нас.

Старый Вождь покачал головой и ответил так: — Когда антилопа бежит, её ноги мелькают, как у нас. Умеющие летать не умеют бегать. Они не люди. Если мы не будем их убивать, они убьют нас всех.

В третий раз Белый Сокол пришёл к Старому Жрецу и спросил его: — Зачем мы убиваем умеющих быстро бегать? Они умеют говорить, они умеют смеяться, они умеют плакать. Они такие же люди, как мы.

Старый Жрец нахмурился и ничего не ответил Белому Соколу.

И Дикая Лань в третий раз пришла к Старому Вождю и спросила его: — Зачем мы убиваем умеющих летать? Они умеют любить, как мы. Они люди.

Старый Вождь нахмурился и ничего не ответил Дикой Лани.

Время двигалось дальше и пришёл период дождей. Двадцать жёлтых дней и двадцать голубых дней шёл дождь. Двадцать жёлтых дней и двадцать голубых дней не виделись Белый Сокол и Дикая Лань. На двадцать первый день кончился дождь, и едва жёлтое солнце коснулось верхушек деревьев, а голубое солнце показало свой край из-за гор, полетел Белый Сокол к реке, побежала Дикая Лань к реке. Со свистом резали воздух белые крылья, как искры мелькали в траве быстрые ноги. Шумела и бурлила река, тяжёлым потоком несла она мутные дождевые воды. Радостной была встреча Белого Сокола и Дикой Лани. Они смеялись и веселились как дети. Не ведали они, что над ними уже нависло несчастье.

Хранительницей огня своего племени была в тот вечер Дикая Лань. Огонь был сокровищем каждого племени, его нужно было кормить и оберегать от дождя и ветра. Когда огонь угасал, несчастье обрушивалось на людей. Ведь они не умели сами добывать огонь. Дикая Лань оставила много сухого корма огню, сосновой корой прикрыла его от ветра. Не могла она удержаться от встречи с Белым Соколом. Сердце её рвалось к нему. Но вот они встретились, и забыла Дикая Лань об огне, а когда вспомнила, было уже поздно. Огонь съел весь корм и погас. Дикая Лань пыталась вдохнуть в него жизнь, отогреть огонь

своим дыханием. Но ничего не помогло — огонь умер. Племя бегущих людей оказалось в страшной беде.

Узнал об этом Белый Сокол и пришёл к отцу, Старому Жрецу, и сказал ему: — Я спрашивал тебя: зачем убиваем мы умеющих быстро бегать? Ты отвечал мне, и я помню твои слова. Теперь быстро бегущие не могут убивать нас. У них большая беда. У них умер огонь. Теперь они могут умереть сами. Но они тоже люди, хотя у них нет крыльев. Я не хочу, чтобы умеющие быстро бегать умерли. Я хочу дать им нашего огня. Смотри, как ярко горит наш огонь. Если взять от него небольшую часть, он не умрёт, и огонь будет и у нас и у быстро бегущих. Я прилечу к ним с огнём и скажу: Смотрите, я принёс вам огонь! Не убивайте меня, и я дам вам огонь. Не убивайте нас, и мы не будем убивать вас. Никто не будет мёртвым, все будут жить, как будет жить огонь, который я принёс вам.

Белый Сокол замолк и стоял перед своим отцом прямо, сложив за спиной белые крылья, и ждал ответа. Долго молчал Старый Жрец, долго думал над словами сына. Наконец он сказал: — Сын мой, твои слова удивительны. Не слышал я, чтобы можно было жить в мире с быстро бегущими. Не слышал я, чтобы их называли людьми, как и нас. Не слышал я, чтобы делились огнём с врагами нашими. Случались раньше такие несчастья, когда умирал огонь племени. Об этом рассказывал мне мой отец, а ему рассказывал его отец. Но тогда новый огонь дарило небо, или крали его у другого племени. Никогда не дарили мы огня быстро бегущим. Никогда не дарили нам огня быстро бегущие…

Старый Жрец замолчал и потом продолжил: — Три дня назад, когда шёл дождь и река вышла из берегов, видел я удивительную картину. Вырванные с корнем стволы деревьев неслись по воде, и на одном дереве я увидел волка и двух зайцев. Волк всегда убивает зайца, если может его поймать. Ты знаешь это, ты рисовал волка и ты рисовал зайца, и я тоже знал это. Но этот волк на дереве посреди реки не убивал зайцев, хотя они были совсем рядом. Почему волк не убивал зайцев?…

Снова замолчал Старый Жрец, и Белый Сокол терпеливо ждал. И когда Старый Жрец снова заговорил, голос его был уже решительным и твёрдым: — Ты не полетишь к быстро бегущим. Ты слишком молод, и Старый Вождь не будет тебя слушать. Но мы попробуем жить в мире с быстро бегущими. К Старому Вождю полечу я. Старый Вождь будет меня слушать. — Старый Жрец посмотрел на Белого Сокола и улыбнулся: — Если хочешь, можешь полететь вместе со мной.

На большой поляне собрался совет старейшин племени быстро бегущих. Старики сидели полукругом, их лица были сумрачны. В центре, там где

должен был гореть огонь племени, лежали чёрные потухшие угли. Огонь умер. Умирал и Старый Вождь, он был болен и больше не мог быть вождём племени. К тому же люди знали, кто виноват в их несчастье — это Дикая Лань, дочь Старого Вождя, не уберегла огня. Дикая Лань сидела в хижине своего отца, ухаживала за ним и ждала своей участи. После выбора нового вождя её должен был судить совет старейшин. Наказание могло быть только одно: смерть. Или изгнание из племени, что было равносильно смерти в то далёкое время.

Воины племени на почтительном расстоянии окружали кольцом старейшин. Один из воинов, лучший охотник племени, по имени Сильный Тигр стоял чуть в стороне. О нём говорили старики, его предложили в вожди племени. Сильный Тигр оправдывал своё имя: хотя он был молод, он уже успел отличиться на охоте и в воинских делах. Он стоял прямо и гордо выпячивал грудь, все своим видом стараясь не показать, что чутко прислушивается к словам старейшин. Говорили, что вождь должен совершить какой-нибудь выдающийся подвиг, иначе племени не будет удачи.

Жёлтое солнце коснулось верхушек деревьев, а голубое солнце показало свой край из-за гор, когда в небе появились две большие птицы с белыми крыльями. Воины встрепенулись, вскинули луки. Но главный из старейшин быстро поднялся и жестом руки остановил их. "Это умеющие летать, — сказал он. — Смотрите они вытянули руки вверх. Это значит — у них нет оружия. Они хотят что-то сообщить нам. Выслушаем их вначале. Убить их мы всегда успеем".

Сильный Тигр с досадой бросил лук. На поляну плавно опустились двое умеющих летать. Вперёд выступил Старый Жрец. Возглас удивления пронёсся над поляной — многие узнали вождя крылатых людей.

— Я хочу говорить со Старым Вождём, — сказал Старый Жрец.

Ему ответил главный из старейшин:

— Старый Вождь болен. Мы выбираем нового вождя. Ты видишь перед собой совет старейшин племени. Говори, зачем пришёл.

Словно тень прошла по лицу Старого Жреца, он нахмурился, но начал говорить:

— Я узнал, что ваше племя постигло несчастье. У вас умер огонь.

Воины зашумели, и главный из старейшин снова успокоил их жестом руки:

— Если ты пришёл смеяться над нами, мы убьём тебя.

Старый Жрец покачал головой:

— Я не смеюсь над вами. Я сочувствую вашей беде.

— Наша беда — это наша беда. Что тебе до неё? Зачем ты пришёл к нам?

— Я пришёл с миром. Я говорю вам: не убивайте нас, крылатых людей, и мы не будем убивать вас, умеющих быстро бегать.

— Ты говоришь хорошие слова. Но слова легки как пух. Они летят по воле ветра…

— Я сказал слова. Но мы принесли не только слова. Мы принесли вам то, чего вы лишились. Возьмите наш дар и вы поверите нашим словам.

Вперёд вышел Белый Сокол с глиняным кувшином в руках. Он медленно направился к центру поляны, туда, где чернели угли умершего огня. Ропот пронёсся в рядах воинов, но снова главный из старейшин успокоил племя. Белый Сокол перевернул кувшин и на землю полетел огонь! Красные горячие угли упали на сухую сосновую хвою. Иголки вспыхнули, загорелись ветки и вот уже в центре поляны ярко полыхает огонь.

Несколько мгновений стояла тишина. Люди увидели чудо: враги принесли им огонь! Потом разом все закричали, вверх полетели стрелы и дротики, люди прыгали и вертелись волчком, издавали громкие вопли и плакали от радости…

А в стороне стояли молчаливые и напряжённые Старый Жрец и Белый Сокол, со сложенными крыльями, забытые всеми. Но нет, не всеми: главный из старейшин подошёл к Старому Жрецу и сказал:

— Вы принесли нам огонь! Это великий дар. Наш народ не забудет этого. Я запомнил ваши слова. Я сам повторю их всему племени. А сейчас летите — когда люди радуются, они не могут думать. Мы будем думать после. Мы выберем нового вождя и мы придём к вам и будем говорить о мире.

Никто из быстро бегущих не слышал этих слов, так шумно стало на поляне. Никто, кроме Сильного Тигра. Он уже видел себя вождём племени. Ему нужен был выдающийся подвиг. И когда над лесом взлетели две большие птицы с белыми крыльями, Сильный Тигр поднял свой лук, не знающий промаха, и никто не успел остановить его…

У входа в пещеру собралось всё племя крылатых людей. Молча смотрели они, как медленно опустился на землю Белый Сокол, как снял со своих плеч тяжёлую ношу и осторожно опустил на землю тело Старого Жреца. Из груди его торчала прямая, как луч солнца, стрела с каменным наконечником…

И снова опускалось за лес жёлтое солнце и вставало из-за гор голубое солнце. И было темно, как ночью в наше время, потому что тяжёлые тучи закрыли небо, и свет голубого солнца не достигал земли. Один за другим вылетали из пещеры большие птицы с белыми крыльями. Каждый воин держал в руках глиняный кувшин, и в каждом кувшине был огонь, слабо пламенеющий в горячих углях. Снова крылатые люди летели к лесу и несли огонь для умеющих быстро бегать. Но это был другой огонь. Это был злой огонь. Так решил совет старейшин племени умеющих летать.

Последним вылетел из пещеры Белый Сокол. Там остались только старики, женщины и дети. Белый Сокол летел к реке. Там было определено ему его место. Не так летал раньше Белый Сокол к реке. Теперь не резали его крылья воздух со свистом и шумом, медленно и тяжело поднимались они и опускались. На том самом берегу опустился Белый Сокол, на том самом месте, где первый раз встретил он Дикую Лань. Теперь он стоял здесь один с кувшином в руках.

Долгий тревожный крик разнёсся над лесом. И тот, кто остался в пещере, мог видеть, как в разных местах вспыхнули яркие точки, ровным кольцом охватившие лес, в центре которого мигала неровным светом ещё одна точка — новый огонь племени быстро бегущих, великий дар крылатых людей. Кольцо огня разгоралось, точки сливались вместе. Начинался большой лесной пожар, когда огня много, слишком много…

Лишь в одном месте кольцо огня оставалось разомкнутым.

На берегу реки стоял Белый Сокол с кувшином в руках. Крылья его были сложены и голова опущена. Давно уже должен был он опрокинуть кувшин, выпустить на волю яркий огонь. Но Белый Сокол всё медлил. Вот он поднял голову. До него донеслись крики людей. Они приближались. В красном свете пожара заметались руки, ноги, лица. Люди бежали сюда, на берег реки, где ещё не было всепожирающего огня. Бежали воины, старики, дети, женщины. И вдруг Белый Сокол увидел: впереди всех, подняв руки кверху бежала девушка быстрая, как быстрая лань, с развевающимися волсами, с открытым в крике ртом. Это была Дикая Лань.

И Белый Сокол опрокинул кувшин. Зашипели угли в речной воде, вспыхнули последний раз и погасли навсегда…

Умеющие быстро бегать умели и плавать. Многие погибли в пламени лесного пожара, многие утонули в реке, но племя уцелело. На другом берегу собралось много женщин и детей, а воины: воины устремились дальше. Вверх по крутым склонам горы карабкались воины. Кто-то срывался в пропасть, кто-

то падал в расщелину, но оставшиеся упорно продолжали идти всё выше и выше…

Люди крылатого племени, женщины, старики и дети, стояли у входа в пещеру и с ужасом видели, как медленно, но верно приближаются к их убежищу воины умеющих бегать. Племени, которое было обречено на смерть, но каким-то чудом спаслось и вот теперь приближается к ним, чтобы мстить. Умеющие летать могли заметить, как впереди воинов лёгкая и быстрая, как горная коза, карабкалась молодая девушка. Вот вскакивает она на скалу, и поворачивается к догоняющим её воинам, и поднимает руки вверх, и что-то кричит, кричит им. Но её не слушают и бегут дальше. И снова Дикая Лань обгоняет быстрых воинов и снова кричит им. И уже можно различить её слова: — Стойте! Не надо! Они люди! Люди, как мы! Не делайте этого! Остановитесь! — Но снова никто не слушает её, и воины с мрачными лицами всё ближе и ближе. Уже натягивают луки, уже выпускают стрелы. И тот, кто взлетает, падает вниз. И тот, кто бежит вглубь пещеры, не найдёт там убежища. Стрелы, привыкшие попадать в маленьких быстрых птиц, легко настигают больших птиц с белыми крыльями. И воины крылатого племени не поспевают на помощь своим жёнам, сёстрам, матерям, детям. С шумом режут воздух их крылья, но около пещеры их встречают не приветственные возгласы родных, а свист стрел, прямых как солнечный луч…

Наступает жёлтое утро, встаёт желтое солнце. Ветер развеял тучи. Затих пожар в лесу. Смолк шум в горах. Воины умеющих быстро бегать, живые и мёртвые, лежат вперемешку, не в силах подняться от усталости. И никто не замечает, как медленно поднялась в небо, высоко в небо, большая птица с белыми крыльями. Как кружит и кружит она над пещерой. Как медленно взмахивает крыльями, не поднимаясь вверх, не опускаясь вниз, кружит и кружит на одной высоте. Только двое следят за её полётом. Молодая девушка с мокрым лицом, с глазами, как тёмное дно реки. И молодой воин, сильный, как тигр, будущий вождь племени людей. Одного оставшегося на земле племени людей. И снова тонко звенит стрела, прямая как солнечный луч. Последняя стрела, выпущенная в тот день.

Сильный Тигр бросает к ногам девушки большие белые крылья, его последний трофей. Он говорит: — Забудь его. Иди со мной. Теперь я — вождь племени. Иди со мной.

Горбун замолчал и уронил голову на грудь.

— Ну что же, — задумчиво проговорил Великий Инквизитор. — Весьма поучительная сказка. Конечно, для тех, кто может понимать её правильно. А как ты понимаешь её? И кстати, что дальше случилось с этой девушкой, с Дикой Ланью, как ты называешь её? И где же теперь голубое солнце?

— Голубое солнце в тот день погасло, — отвечал горбун. — Теперь оно светит лишь отражённым светом и называется Луной.

— Ладно. О твоей астрономии мы поговорим отдельно. Потом: Это не главный пункт обвинения. Говори дальше.

— Дикая Лань стала женой Сильного Тигра. В то время прав был тот, кто сильнее.

— Разумно. Продолжай.

— У Дикой Лани родился ребёнок. Сын. И у него были белые крылья. За это ребёнка могли убить, и Дикая Лань отрезала крылья. От этого у мальчика вырос горб, когда он стал юношей. Потому что крылья продолжали расти, но уже под кожей, мешавшей им раскрываться.

— Вот как? И что же, все горбуны такие?

— Не все. Такие встречаются редко.

— А ты?

Горбун молчал. Великий Инквизитор хлопнул в ладоши и обвиняемого увели. Писец поставил точку, скрепил листы и передал их Великому Инквизитору. "Забудь всё, о чём ты услышал здесь", — произнёс Великий Инквизитор традиционную фразу и отпустил писца.

Странная ересь, думал Великий Инквизитор, прохаживаясь по кабинету, И опасная. Слишком опасная... Пожалуй, будет лучше, если никто о ней не узнает. Хватит с этого горбуна и астрономии. И Великий Инквизитор спрятал рукопись в свой личный железный ларец, запечатав его своей личной печатью.

Может быть для наших потомков это будет интересно, — думал Великий' Инквизитор, медленно возвращаясь домой по тёмной неосвещённой улице города. — Для далёких потомков. Очень далёких... когда не будет инквизиции. — Великий Инквизитор усмехнулся и ускорил шаги. Дома его ждала своя лаборатория. Тщательно скрытая, маленькая. Такая маленькая, что в ней едва помещались уже почти готовые, большие крылья из белой телячьей кожи...

Генеральный Реконструктор аккуратно сложил пожелтевшие листы рукописи и захлопнул крышку железного ларца. Историк выжидательно смотрел на него. Генеральный Реконструктор усмехнулся.

— В общем-то ничего нового здесь для нас нет. Левитационные гены или, как их теперь можно было бы назвать, гены белых крыльев действительно встречаются у людей. Редко, крайне редко, но встречаются. И, кстати, к

горбунам не имеют никакого отношения. По нашим оценкам гены законвервировались около трёх миллионов лет назад. Активизировать их крайне трудно, почти невозможно.

Историк вздохнул.

— Не вздыхайте. Я сказал: почти. Дело, видите ли, не только в крыльях. Здесь целый комплекс консервации, можно сказать, даже отдельная подсистема генов. Если активизировать её всю, мы получим, фактически, новый биологический вид... Или старый, вымерший, если угодно. Но пока мы делаем лишь первые шаги. Реконструкция такого масштаба — дело будущего. Странно другое... Как возникла эта сказка? Всё-таки три миллиона лет...

— Это уже по моей части, — историк оживился. — Собственно, странного здесь ничего нет. Мы знаем более поразительные случаи. Это раньше считалось, что без письменности нет передачи информации во времени. Да вот взять хотя бы ваши гены. Разве они не передают информацию?

— Пожалуй.

— С исторической течки зрения удивительны не белые крылья.

— Голубое солнце?

— Это дело астрономов. Попробуйте понять мораль этой сказки. Не правда ли, странная идея для такого древнего общества — идея единства людей...

— Стоп, стоп, — Генеральный Реконструктор приветливо улыбался. — Не продолжайте. Здесь, в Международном Центре Генной Реконструкции, мы всегда придерживаемся правила: никакой политики. Иначе мы не могли бы сотрудничать! Вы не находите, что э... политическая ситуация в вашей забытой сказке слишком напоминает современную политическую ситуацию?

— Помилуйте! — историк возмутился. — Я имею вполне достаточную квалификацию в своём деле, чтобы отличить подлинную историческую легенду от подделки.

— Я не об этом, — Генеральный Реконструктор поморщился.

— А о чём же?...

1981

СКАЗКА ПРО ТОЛСТОГО И ДЛИННОГО ЧЕРВЯКА

короткая сказка

За тридевять земель, за тридевять... в общем, очень-очень далеко есть страна Малямия. И в этой самой стране жили-были четыре маляма. Одного звали Большой Малям, потому что он был очень большой. Другого знали Маленький Малям, потому что он был очень маленький. А третьего звали Малямушка-Дурачок, потому что он был слишком умный. Четвёртого же маляма вообще не было.

И жили эти малямы тихо и мирно, как малямам и полагается: прыгали по лужам, швыряли камнями в облака и рыли большую яму. Все малямы всегда роют большую яму. Они думают, что чем больше яма, тем она лучше. Это были очень воспитанные малямы: они никогда не кричали "Эй ты, дурак! Поди сюда!". Они всегда подходили сами и тогда уже кричали.

И всё было бы хорошо в стране Малямии, если бы однажды, когда малямы рыли свою большую яму, из этой ямы не вылез толстый червяк. Толстый червяк очень долго вылезал из ямы — целых три часа. А всё потому, что он был ещё и очень длинный. Целых три часа малямы стояли около ямы и ничего не делали, а только смотрели, как лезет червяк. Когда толстый и длинный червяк совсем вылез, он сразу спросил:

— Эй вы, малямы! Кто тут у вас самый главный?

— А у нас нет никакого самого главного, — отвечали малямы, потому что у них не было самого главного. — У нас тут только четыре маляма.

— Что-то вы путаете, — сказал червяк. — Где же ваш четвёртый малям?

— А его вообще-то нет.

— Нечего тогда и путать. Вы лучше скажите: кто разрешил вам рыть эту большую яму?

— Никто не разрешал. Малямы всегда роют большую яму, потому что чем больше яма, тем она лучше.

— Глупости какие-то! — рассердился червяк. — Приходят малямы и ни с того, ни с сего начинают рыть яму. Идите-ка и подумайте! Всегда должен быть самый главный, который разрешает или не разрешает рыть большую яму. Идите-идите, нечего тут стоять всем сразу. Пусть придёт один самый главный малям — я с ним поговорю.

И малямы пошли. Все четверо, хотя четвёртого вообще-то не было. Забрались малямы на соседний холм и стали думать: кто же из них самый главный? Каждый хотел быть самым главным, и поэтому они начали ругаться и драться. Они толкали друг друга в бок и в спину, щёлкали друг друга по лбу и кричали: "Я самый главный! Я самый главный!". Так они колошматили друг друга, пока не устали. А когда устали, сели на землю и стали потирать синяки и прикладывать пятаки к шишкам. И тогда Малямушка-Дурачок, который был слишком умным и поэтому не хотел больше шишек и синяков, сказал так: "Кто больше всех надавал мне шишек и синяков? Большой Малям, потому что он очень большой и сильный. Значит, он и самый главный! Правильно я говорю?"

И Большой Малям сразу согласился с Малямушкой-Дурачком и погладил его по головке. И Маленький Малям поглядел-поглядел на Большого Маляма и тоже согласился. Но его Большой Малям по головке не погладил. А четвёртый малям, которого не было, ничего не сказал, и никто на него не обратил внимания.

Пошёл Большой Малям к яме и сказал червяку: "Я самый главный малям!" — "Прекрасно" — ответил толстый и длинный червяк и съел Большого Маляма.

А другие малямы всё это видели и очень удивились.

— Что-то тут не так, — сказал Маленький Малям.

— Ты прав, — сразу согласился Малямушка-Дурачок. — Наверное, мы ошиблись. Большой Малям — не самый главный малям. Вот его червяк и съел.

— А кто же самый главный малям?

— Ясное дело, ты, Маленький Малям!

Но Маленький Малям почему-то не хотел быть самым главным малямом. Тогда Малямушка-Дурачок наделал Маленькому Маляму ещё синяков и шишек. Ведь Маленький Малям был очень маленький и не мог сладить даже с Малямушкой-Дурачком.

Пришлось Маленькому Маляму согласиться стать самым главным Малямом. Пошёл он к червяку и сказал: "Я самый главный малям!" — "Прекрасно", — ответил червяк и съел Маленького Маляма.

"Ну теперь всё понятно!" — подумал Малямушка-Дурачок, который был слишком умным. И он пошёл к яме.

— Теперь ты самый главный малям? — спросил червяк.

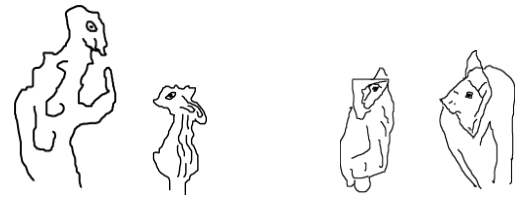
— Нет, — ответил Малямушка-Дурачок. — У нас нет самого главного маляма. Может и был такой, да ты их всех сьел. А теперь нет главных.

— Ну, это не так уж важно, — сказал толстый и длинный червяк и съел Малямушку-Дурачка.

"Странная история, — подумал четвёртый малям, которого вообще-то не было. — Вышел из большой ямы какой-то червяк и съел всех малямов поодиночке. Выходит, если б я был, он бы и меня съел? Ну уж нет! Лучше как я — совсем не быть, чем достаться червяку на ужин".

А червяк поглядел вокруг, видит — не осталось больше малямов, и полез обратно в большую яму. И пока влезал он в яму — целых три часа — всё вздыхал, да охал. "Эх, жизнь... — вздыхал червяк. — Скучно мне очень. Всё один да один. Как перст. И поговорить-то не с кем в этой скучной стране Малямии. Эх..."

1981



БУДДА № 6

незаконченная книга или *6 микрорассказов с введением и послесловием*

Вместо введение: Не создавайте литературных архивов!

«Не создавайте литературных архивов!» — не помню, кто из писателей это сказал, но какая красивая фраза! Когда я первый раз её услышал, я даже расстроился: Оп-ля! А у меня уже кой-какой архивчик сам собой образовался — неужели выбрасывать? Или сжигать? И я трусливо сделал вид, что этот совет литературного аскета ко мне не относится, потому что у меня память плохая. Была бы хорошая, я бы все рукописи выбрасывал или сжигал.

И вот теперь, по прошествии многих лет, я иногда заглядываю в свой архив и каждый раз нахожу там что-нибудь занятное. Может быть, только для меня занятное, но тем не менее. Главное: видишь не только то, что ты приобрёл за эти годы (что приятно), но и то — что потерял. А это наводит на полезные размышления.

И я решил потихоньку выгребать старые рукописи и, отряхнув с них пыль, выставлять на всеобщее обозрение. Сначала я думал, что старую вещь нужно обязательно переделывать, чтобы она соответствовала как нынешнему времени, так и мне самому теперешнему. Пару раз я так и сделал. Но потом увидел, что делать этого не нужно: теряется что-то такое, что утеряно в более поздних вещах. Аромат прошлого? Непосредственность молодости? Наивность начинающего? Не знаю, наверное всё это вместе взятое, и что-то ещё, неуловимое.

Вот цикл миниатюр 81-го года, который называется «Будда № 6». Я не стал ничего менять, только исправил грамматические ошибки и опечатки. Поэтому в отдельных местах сохраняется некоторая архаичность и наивность, свойственные тому, что было 28 лет назад. Мне? Времени?

9 октября 2009 года

1. Тогда я сам буду Буддой!

Когда я узнал, что вот-вот на земле должен появиться очередной, шестой по счёту, Будда, мне очень захотелось написать про него книгу. Название я придумал сразу: “Будда № 6”. В этом есть что-то инвентарно-арифметическое, я вообще люблю разные числа, номера, каталоги, описи, входящий-исходящий, скрепкосшиватели, скоросшиватели, оглавления, указатели, введения, заключения, эпилоги и римские цифры.

Я стал читать буддийские книги и книги о буддийских книгах. Но там ничего не было о том, как будет выглядеть Будда № 6, какие у него будут волосы, какой нос, какой голос, кто он будет по национальности и, главное, что он должен проповедовать? Я пытался представить его себе и так, и эдак, то высоким и худым, то наоборот, то европейцем, то японцем, то индусом, то негром. То он был интеллигентом, то "из низов". То он был аскетом, насквозь пропитанным йогой, то жизнерадостным любителем выпить и закусить. А главное: что же он всё-таки должен проповедовать?

Как-то я сидел на балконе, курил и сверху вниз разглядывал прохожих. Между прочим, сверху человек виден гораздо лучше. Если вы хотите, чтобы ваше первое впечатление о человеке было правильным, посмотрите на него сверху. Примерно с третьего этажа. Я думаю, потому боги и помещаются наверху, что оттуда лучше видно. И никогда не смотрите на людей снизу — это искажает все пропорции.

Я смотрел на прохожих сверху и пытался прикинуть: кто бы из них мог быть Буддой? Ничего не получалось, потому что ни у кого не видел я надлежащей, как мне казалось, величественности, отрешённости и пророческого взгляда. Тут на балкон выскочил мой сын (он никогда не выходит — всегда выскакивает) и спросил:

— А ты про книгу думаешь?

Моя семья уже знала, что я собираюсь писать книгу. Я оповестил об этом в порядке предупреждения.

— Про книгу, — со вздохом ответил я.

— А про что книга?

— Про Будду.

— А кто такой Будда?

— Ну… это такой… как бог.

— А богов не бывает, — этому я научил сына сам. Но никак не могу научить его начинать фразу не с буквы "А".

— Видишь ли, вообще-то он не бог. Просто он такой человек, который знает такое, чего другие люди не знают. И он этому хочет научить других людей.

— А наша учительница Людмила Тимофеевна тоже Будда?

— Нет! Что ты! Видишь ли, Будда особенный человек. Он один раз в несколько тысяч лет рождается. И учит он совсем не арифметике, и не русскому языку.

— А чему же?

— Ну... наверное, смыслу жизни.

— А в чём смысл жизни?

— Я не знаю, — честно ответил я.

— А в твоей книге Будда будет учить смыслу жизни?

— Наверное, ведь он только этим и занимается.

— А как же ты напишешь про это, если сам не знаешь, в чём смысл жизни?

— Ну... видишь ли...

У меня тоже есть скверная привычка начинать фразы с "ну" и "видишь ли". Особенно, если я не знаю, что сказать.

А ведь и правда, как же я напишу такую книгу? Я не знаю какой у Будды нос. Я не знаю какой он национальности. Я не знаю, в чём смысл жизни. Как же писать про Будду? Какой же Будда? Что он там проповедует?

Но мне всё равно хотелось написать такую книгу. Как Будда появляется в наше время. И тогда я решил: чёрт с ней с величественностью, с отрешённостью и пророческим взглядом! В конце концов, разве может мой герой быть умнее меня? Тогда я сам буду Буддой. Вот представим себе, что я Будда. Проделаем такой мысленный эксперимент. Нигде не сказано, что Будда № 6 должен быть такой же, как Будда № 5. Нигде не сказано, что Будда не может носить очки и курить слишком много, хотя ему вообще не следовало бы курить. Нигде не сказано, что Будда рождается с готовым Учением в голове. Может быть, это Учение ещё надо искать. Пусть-ка поищет! Пусть ищет!

И я стал писать эту книгу так, как будто я и есть Будда. Будда № 6. Поэтому в этой книге всё правда. Ну, почти всё. Во всяком случае, многое правда. В конце концов, я старался, чтобы хоть что-то было правдой! Да на кой чёрт она сдалась вам, эта правда, — считайте, что я всё выдумал!

2. Трофаллаксис

Навязчивая идея оповестить мир о моём пришествии долго преследовала меня до тех пор, пока однажды я не опоздал на электричку, возвращаясь с воскресной прогулки по лесу. Я уже вдоволь насозерцался летних красот природы и получил вполне достаточную для моей буддовской сущности недельную дозу одиночества. Однако делать было нечего — до следующей электрички оставался целый час — и я вновь отправился в лес созерцать.

Тут мне и попалась на пути большая муравьиная куча. Наблюдая за беспорядочной беготнёй муравьёв, я вспомнил, что они относятся к общественным насекомым. Вот также и люди, думал я, бегают, суетятся — сами не знают, почему, зачем. И не подозревают, что я уже тут, стою и смотрю на них.

В это время с ветки сорвался большой чёрный жук и упал прямо на верхушку муравейника. Жук произвёл большой переполох и великое смятение среди муравьёв. Вмиг всё муравьиное общество пришло в страшное возбуждение, и жук оказался в центре внимания. Однако кончилось это для него печально: сбежались муравьи-солдаты с мощными челюстями и облепили жука со всех сторон. Он ещё какое-то время дрыгался, но вскоре затих и исчез в толще муравейника.

Э, нет, подумал я, рано пока оповещать о себе. Побуду ещё немного простым муравьем.

Мысль о том, что я — как жук в муравейнике, показалась мне очень важной, свежей и оригинальной. В этом было что-то грозное, величественное и трагическое. Я уже собирался занести её в свой “Список Великих Открытий Будды № 6”, радуясь, что придумал нечто новое. На всякий случай решил поделиться своим открытием с одним приятелем. Хотелось посмотреть, какое впечатление оно произведёт на обычного человека,

— Жук в муравейнике? — спросил приятель. — Да, хорошая повесть. Оригинальная идея...

— Какая повесть? — удивился я.

— Как какая? Стругацких, конечно.

— Причём здесь Стругацкие?

— Так это же они написали "Жука в муравейнике". "Знание-Сила" за 80-ый год. А ты про что говоришь?

Я пошёл в библиотеку. И на этот раз я опоздал открытием. К своему разочарованию я отнёсся спокойно, почти отрешённо, как и подобает Будде.

А может быть я совсем особый Будда, подумал я.

БУДДА, КОТОРЫЙ ВСЕГДА ОПАЗДЫВАЕТ ?

Но я не дал развиться этой мысли. Заинтересовавшись муравьями, я прочитал в научно-популярной книжке Ричарда Хедстрома “Приключения с насекомыми” следующие строки:

«Личинки муравьев и термитов выделяют вещества, которые рабочие с удовольствием поедают... Интересно, что этот обмен пищей может происходить и между насекомыми разных видов. Например, некоторые муравьи не только терпят присутствие бродячих жуков, но обращаются с ними, как с членами собственной колонии, просто потому, что жуки выделяют жидкость, которая является "лакомым блюдом" для муравьёв. Ряд энтомологов рассматривает взаимное кормление, или трофаллаксис... как источник общественных навыков у ос, муравьев и термитов».

Какое красивое слово — трофаллаксис! Я записал его в свою записную книжку.

Быть бродячим жуком казалось мне гораздо приятнее. "Жука" у Стругацких убивают, а тут — совсем другое дело.

БУДДА — БРОДЯЧИЙ ЖУК!

ВСЕМИРНЫЙ ТРОФАЛЛАКСИС — ОСНОВА ОБЩЕСТВА!

Оставалось выделить "лакомое блюдо".

3. Что такое 1.25?

Раньше, в моей прошлой жизни, я очень любил научно-фантастические книги. В этих книгах Космос густо заселён. Можно сказать, он кишмя кишит инопланетянами. Для вступления в Галактическое Содружество Разумных Цивилизаций существует определённый ценз уровня развития, как в аристократических клубах. Недоразвитые цивилизации туда не допускаются. И я очень жалел, что родился слишком рано. Лет через пятьсот мы бы покончили с войнами, построили совершенное общество и инопланетные посольства повалили бы на землю косяком.

Став Буддой, я вскоре обнаружил, что на Земле уже и сейчас полно инопланетян. Правда, большинство из них даже не подозревает о своём

инопланетном происхождении. В результате разнообразных космических несчастий они оказались заброшенными на нашу захолустную планету и приняли человеческий облик. В целях адаптации. Постепенно они адаптируются и внутренне и уже мыслят, как все люди. А об их потомках и говорить нечего — эти прочно забыли свою инопланетную сущность. Надо иметь специальное буддовское зрение, чтобы по отдельным неприметным деталям реконструировать их иноземную суть. Примерно так, как палеонтолог по одной кости реконструирует скелет динозавра.

Один бывший инопланетянин работал кассиром в сберкассе. Он очень любил рассуждать о деньгах:

«За день через мои руки проходят тысячи разноцветных бумажек. Одни совсем новенькие, хрустящие с тонким запахом, как у чайной розы. Они как магниты прилепляются друг к дружке в плотные пачки. Другие бывают мятые с изменившимся цветом, и чем только не пахнут! Но и эти тоже — деньги.

У людей ведь как бывает? Получил зарплату — купил то, купил сё — деньги кончились. Жди аванса. Вот и весь жизненный цикл. А ведь бумажки эти — они великие путешественники. И где только не побывает иная бумажка, пока её не спишут в банке! Через какие руки не пройдёт, в каких местах не хранится. Иной человек за всю жизнь столько не объездит, как простая рублёвая бумажка.

Вот и получается, что всё на них держится — на бумажках. Это как паутина — всю нашу жизнь пронизывает и организует. Порви паутину — что будет? Хаос, порушится всё. Люди думают, что они соль земли. Да они просто мухи в паутине».

Я всегда спрашивал кассира, а кто же пауки в этой его паутине? Так он мне и не ответил ни разу, только всё посмеивался.

Этот кассир был родом вообще из другой галактики, из племени разумных пауков. У них там вся планета паутиной покрыта. Очень мне интересно было, как у них насчёт буддизма дело обстоит. Но сколько я ни напрягал внутреннее буддовское зрение, так ничего и не смог разглядеть. Всё паутина, да паутина. Вся их философия на паутине держится: и Вселенная — Паутина, и Бог — Большой Паук, и мышление — плетение паутины. Но одно лирическое стихотворение мне понравилось, и я его перевёл. Вот оно:

Когда две паутинки ненароком
Соприкасаются легко,
Пронзает сладостная дрожь
Все члены тела моего.

От кассира-инопланетянина я узнал важную и полезную вещь: никогда не бывает много денег у того, кто относится к ним с пренебрежением, и тем более у того, кто всё время хочет денег, чтобы купить машину "мерседес", цветной телевизор, американские джинсы и японский стереомагнитофон, и т.д. Оказывается, деньги надо любить сами по себе. Золотое кольцо надо покупать не для того, чтобы его носить, а для того, чтобы продать, когда цена на золото поднимется. Не деньги нужны для покупки товаров, а наоборот, вещи есть средство увеличения количества денег.

Этот кассир как-то спросил меня:

— Что такое 1.25 ?

— Одна целая, двадцать пять сотых, — ответил я (в прошлой жизни я имел математическое образование).

— Ошибаетесь. Это значат “один рубль и двадцать пять копеек”.

Вот тогда я понял, что у меня никогда не будет много денег. И ещё я понял, что я

БУДДА, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ НЕ ДЕНЬГИ, А ВЕЩИ,

И ПОТОМУ НЕ ИМЕЛ НИ ТОГО, НИ ДРУГОГО.

4. Вы слышите, как щёлкают переключатели?

По неопытности я решил, что раз я Будда, то должен изобрести новую мораль. Должно быть такое просветление, этакое озарение — и я вдруг увижу Истину, познаю Путь. После чего мне надлежит сообщить людям набор нравственных правил, дабы они могли ими руководствоваться в целях спасения. Во всяком случае, так поступал мой предшественник, Будда № 5 — Гаутама.

Изучу буддийскую этику, думал я, и попробую придумать что-нибудь получше, в духе современных веяний. Я позвонил своему знакомому книголюбу — у него была хорошая библиотека — и попросил почитать что-нибудь соответствующее.

— Стоит ли стараться? — сказал мой книголюб. Он очень неохотно давал читать свои книги.

— Не всё ли равно, что придумал Будда. Важно, что из этого получилось.

— А что получилось?

— А то и получилось. Например, все говорили: "Не укради". И Будда говорил, и Христос говорил, и Магомет говорил. Вот ты согласен, что красть грешно?

— Конечно.

— А что ж ты мне книгу не возвращаешь? Эдгара По. Год держишь и не отдаёшь, думаешь, я забыл?

Книгу пришлось отдать. Книголюбы в наше время стали удивительно жадными. Вот интересно: все знают, что жадность — порок, и всё равно жадничают. Почему это? На словах одно, а на деле совсем другое получается. И не только на словах: и в мыслях у нас всё складно выходит. Всё по-благородному. Из высших побуждений. У каждого в голове целый "Моральный кодекс строителя коммунизма" сидит и даже сверх того кое-что ещё. И ведь каждый думает, что он так думает. Совершенно искренне. А на практике другое получается.

Интересно иногда бывает поболтать на темы морали. В компании, в приятном обществе, за рюмкой вина, за сигаретой. Все такие милые люди. Вот думаешь: были бы все такими и всё было бы хорошо. Уже и выпили немного и ещё осталось. Обсуждаем: почему человек думает одно, а делает другое? Тут один инопланетянин наклоняется ко мне и говорит:

— А знаете, это всё иллюзия. На самом деле, человек что думает, то и делает.

— Как же так?

— А очень просто. Человек думает и из мозга идёт сигнал. К ногам, к рукам, к языку. Непрерывный процесс. Никакого тут разлада нет.

— Откуда ж тогда воровство берётся? И жадность? И зависть? И обман? И прочие нехорошие поступки?

— Так я ж вам говорю: всё оттуда, из мозга. Когда человек ворует, он не думает, что воровать грешно. Он в это время совсем о другом думает. У человека в голове есть разные программы. Целый набор, как колода карт. В нужный момент человек нужную карту вынимает и по ней думает. Вот вы говорите: мораль. А у человека в голове несколько разных моралей, целый набор. Для каждого случая своя подходящая мораль выбирается. Там в голове есть такой переключатель: щёлкнет переключатель — и пожалуйста! сменился набор принципов! Как в проекторе, когда слайды смотрят. Иногда бывают такие события, что сразу у многих людей переключатели щёлкают. Если обладать тонким слухом, можно даже услышать…

И тут, в это самое время, раздался какой-то грохот. Только что все оживлённо обсуждали тему благородства и нравственной чистоты и вдруг все смолкли. И все повернулись в одну сторону. И я тоже повернулся. И мы увидели печальную картину.

Какой-то подвыпивший гость, которого послали за последней бутылкой вина, какой-то неуклюжий медведь, какой-то невоздержанный пьянчуга, который на ногах устоять не может, какой-то... чёрт знает, что за люди бывают! И куда его понесло на кресло, алкоголика несчастного! Разбить последнюю бутылку! Вдребезги! Это же...

— Слышите? Вы слышите? Вот сейчас, слышите? — зашептал мне на ухо инопланетянин.

— Что такое?

— Щелчки! Слышите? Слышите, как щёлкают переключатели?

И я услышал.

Я услышал, как что-то тихонько щёлкало. Как будто переключали канал телевизора. Или это у меня в ушах шумело? Трудно уже сказать, что это было. Потому что тут начался такой шум, такие крики! Даже жалко стало этого недотёпу-алкоголика.

5. Кто живёт на Земле?

Какое-то время меня весьма беспокоили земные инопланетяне. Хотя они в своём большинстве уже не отличались от людей ни снаружи, ни внутри, меня все же волновал один вопрос. Смогут ли инопланетяне воспринять моё Учение Будды (когда я его придумаю)? Ведь это должно быть учение для людей. Мысль об универсальном учении, пригодном для всех видов разумных существ, я сразу отбросил. Хватит с меня и Земли! А, кроме того, после меня должно быть ещё 994 Будды — должны же и они что-то придумывать.

Однажды я оказался в гостях у одного специалиста по внеземным цивилизациям. По совместительству он писал космическо-лирические рассказы о братьях по разуму.

— Инопланетяне на Земле? — спросил он. — Это уже старо. Избитая тема.

Специалист помолчал и продолжил:

— Но вот что интересно: никто не попытался довести эту мысль до логического конца.

— А какой у неё конец?

— Очень просто. Мы сказали "А": на земле есть инопланетяне. Так давайте же скажем и "Б": на земле нет землян!

— ???

— Каждый человек — инопланетянин. У каждого есть своя родная планета. Со своим климатом, своей географией, своей историей, своей философией, своей психологией. Наконец, со своим способом продления рода. Там, на своей планете, человек чувствовал бы себя счастливо. Обрёл бы, так сказать, землю обетованную. Заметьте, в каждой религии есть свой рай. Но каждый представляет его себе по-своему. Это как бы воспоминание о родной планете. Конечно, неосознанное воспоминание. А на Земле мы все гости. Потому и не ладим друг с другом. Никак не можем понять друг друга, договориться по самым простым вещам. Всё дело в том, что мы слишком разные — разных биологических видов. Возьмите волка — уж на что хищник, а никогда не убьёт своего сородича. Только в самых исключительных случаях. Когда два волка дерутся за самку, тот, кто слабее, в конце концов, просто подставляет победителю свой бок — самую уязвимую часть. И что делает победитель? Прекращает драку. А что в таких случаях делает человек? Например, на войне?

Тут в комнату вошла жена специалиста и принесла кофе. Специалист пошутил:

— Да что война! Даже между самыми близкими людьми нет полного понимания. Вот моя жена, кстати, знакомьтесь — Маша, так вот, моя жена хочет в отпуск на Чёрное Море, а я стремлюсь в Карелию. Никак не можем договориться. А почему? Может быть, она с какой-нибудь жаркой планеты у синего солнца и ей всё время хочется погреться. А я, наоборот, с планеты, вечно покрытой льдом, доживающей свой век около остывающей звезды.

Жена Маша натянуто улыбнулась и не сдержалась:

— Я-то как раз на земле живу. А вот вы, мужчины, похоже, все не от мира сего, раз подобную бредятину обсуждаете.

Этот специалист был умный человек. И жена у него была умная. С тех пор я стал меньше обращать внимания на инопланетян. Кстати, и специалист, и его жена были чистокровные земляне. Он — до 48576-го колена, а она — до 51235-го. Дальше шли уже обезьяны.

Зато я заинтересовался женщинами. До сих пор я как-то не думал, что моё будущее учение должно быть адресовано и им тоже. Я начал со своей жены.

6. Камень для перекатывания мыслей

Когда-то у меня был камень. Сей камень ещё в своей прошлой жизни я получил в подарок от одной… в общем, неважно от кого. Это вполне в её духе подарок. Я должен был видеть в камне что-нибудь романтическое и предаваться воспоминаниям.

Камень был круглый и хорошо ложился в ладонь. Приятно была перебрасывать его из одной руки в другую, даже перекатывать, быстро или медленно в зависимости от скорости течения мыслей.

В результате длительного употребления камень изрядно потемнел, то есть стал грязным. Одно время на камень покушался мой сын, но я пресёк в корне. Потом сей замечательный камень куда-то затерялся, и даже великое переселение вещей в нашей квартире, вызванное появлением "стенки", не раскрыло тайну его исчезновения. Жаль. Перекатывание камня в руках помогало мышлению и могло бы стать аналогом перебирания чёток в моём будущем культе.

Элементы своего будущего учения я проверял, прежде всего, на жене. Мы подолгу обсуждали разнообразные вопросы. И философия, и мораль, и разные случаи из жизни — у нас была общность интересов. Я радовался, видя, как быстро мы приходим к согласию. Подчас жена подсказывала мне интересные мысли или наблюдения, на которые я сам не обратил внимания. Едва жена приходила с работы, как я начинал разговор.

Однажды она сказала:

— Помнишь, у тебя был камень? Ты говорил, что перекатывание камня в руках помогает тебе думать.

— Конечно, помню. Жаль, что он потерялся.

— Иногда мне кажется, что ты снова нашёл тот камень.

— Где же он?

— Не успею я придти с работы, как ты начинаешь говорить мне о своём несуществующем учении. И требуешь, чтобы я реагировала на каждый твой вопрос, на каждую твою мысль. Даже в клозете ты не даёшь мне покоя — задаешь вопросы через дверь! Я для тебя как тот камень. Только говоряший.

Так жена снова натолкнула меня на интересную мысль. В самом деле, что для нас жёны, друзья, просто приятели? Не камушки ли они? Камушки для перекатывания мыслей, чувств, настроений, желаний…

Послесловие: Коктейль из любимых писателей.

Хотите, я расскажу, как я писал эту книгу?

Я слышал, что писатели очень не любят, когда суют нос в их творческую кухню. Я их очень хорошо понимаю. Писатель должен быть как шеф-повар. Когда он стоит величественный, толстый, весь в белом и с розовым лицом и смотрит, эдак сверху смотрит как вы... Да! Вы не верите своим глазам, потом вы не верите своему языку. О! Как чудесно! О! Изумительно! О! Как вкусно! О-о-о! Как это сделано? Из чего? Ради бога, скажите — из чего?! Шеф-повар молчит, загадочно усмехаясь.

А ещё писатель похож на фокусника. Смотрите — шляпа пуста! Раз-два-три. Пассы, пассы. Смотрите — всё на виду. И вдруг из шляпы вылетает белый голубь, и разноцветные ленты бесконечно-бесконечно летят и летят... Чудесно! Как это делается? Как? Ни один уважающий себя фокусник не станет раскрывать своих секретов. Иначе не будет искусства — останется одно шарлатанство, надувательство, обман публики.

В детстве я любил фокусы. Очень любил показывать свои фокусы всем желающим. Но, увы, я не мог сохранить секреты. Мне просто не терпелось рассказать, показать — как это делается. Вот тут такая штучка, а тут — такой небольшой обман. Видите? Видите, как ловко? Конечно, я не стал фокусником.

И ещё я не стал шеф-поваром. У меня совсем нет величественности. И я перчу всё подряд, сую все специи, какие есть в кухонном шкафу. Но больше всего — перца. У меня совсем нет чувства меры. И в эту книгу я тоже сую всё подряд.

Раскрывать свои секреты вообще не эстетично. Один мой знакомый побывал в Китае и кушал очень вкусное блюдо. Он долго упрашивал шеф-повара раскрыть секрет, а шеф-повар долго сопротивлялся. Но мой знакомый оказался не в меру любознательным. Шеф-повар сдался, и мой знакомый облевал весь стол. Блюдо оказалось из каких-то червей.

А я вот не испытываю отвращения даже к обычным дождевым червям. Как-то я специально после дождя смотрел на дождевых червей, как они ползают. Очень элегантные движения. Не понимаю — что в них противного?

Я очень хорошо понимаю писателей, шеф-поваров и фокусников. Но сам не могу удержаться. Моя жена утверждает, что у меня несносный характер. Всё, что придёт на ум, я тут же выбалтываю. Едва я вынимаю страницу из пишущей машинки, как тут же несу её жене — почитай! Умом я понимаю, что надо копить в себе, копить, лелеять, оберегать, накапливать... Когда выливается всё сразу, это так великолепно — целый водопад, бурный поток,

ливень, гроза. А я как дырявая кастрюля — из меня всё время течёт по мелочи.

Когда я писал эту книгу, я постоянно мучился течью и старался перебороть себя, закрыть клапан. В конце концов, я перестал думать о книге, потому что всё время думал, как бы не проболтаться. Но тут случай смилостивился надо мной и подсунул книжку "Записки от скуки". Её написал Кэнко-хоси шестьсот лет назад на японском языке. Эта книга написана в жанре дзуйхицу. Это значит, что вся она состоит из кусочков, между которыми нет никакой связи. Совсем как в жизни. Я вам очень советую прочитать эту книжку. Моя книга тоже написана в жанре дзуйхицу.

В кусочке №19 Кэнко-хоси пишет: «…не высказывать того, что думаешь, — это всё равно, что ходить со вспученным животом». Мне сразу стало легче — этот японец оправдал меня. Но откуда он узнал, из своего XIV века, про меня и мои мучения? Откуда? Как?

Теперь я, как мой любимый писатель Воннегут, мог бы назвать себя старым пердуном. Но, во-первых, я совсем не старый. А во-вторых, это сказал Воннегут и опередил меня.

Мой любимый писатель Воннегут оказал на эту книгу большое влияние. Ещё на эту книгу оказали большое влияние мои любимые писатели Стругацкие, и мой любимый писатель Лем, и мой любимый (с недавних пор) писатель Кэнко-хоси. У меня есть ещё много любимых писателей, и все они оказали на эту книгу большое влияние.

Сначала я с этим влиянием пытался бороться, потому что хотел найти самого себя. Но потом я подумал, что будет лучше, если я просто напишу книгу, чем буду бороться с влиянием и искать самого себя. Поэтому я совершенно честно признаюсь: на меня повлиял мой любимый писатель Воннегут, и мой любимый писатель Лем и т.д. Тут, в этой книге, — целый коктейль из моих любимых писателей, Я всем им очень благодарен.

Я только не могу понять: как они это сделали? Откуда они про меня узнали? Как? Откуда?

1981

МЫ СМОТРИМ...

микрорассказ

Мы маленькие, зелёные, глаза как блюдечки. Из тарелки выскочили, в окно влетели, сели на подоконник. Сидим, смотрим. Дядя Вася голову на стол уронил, рюмку опрокинул, рукавом в салат попал. Дядя Вася голову поднял, на нас посмотрел, головой замотал. Глаза протёр и заплакал.

Дядя Вася говорит:

— Докатился... до зелёных чертей докатился... эх, проклятая...

Дядя Вася в нас подушкой кинул. Мы маленькие, зелёные, проворные, реагируем быстро. На шкаф прыгнули. Сидим и смотрим. Дядя Вася плачет и водку пьёт, нам пальцем грозится.

Дяди Васина жена приходит и на дядю Васю кричит. Потом нас увидела и крестится. Веником на нас машет и кричит:

— Кыш! Кыш! Проклятые...

Мы маленькие, зелёные, мы веника не боимся, вреда не причиняем. На люстру прыгнули. Сидим и смотрим.

— Господи, помилуй! — говорит дяди Васина жена. — Что ж это делается?

Мы маленькие, зелёные, в окно влетели, на кульманы сели. Сидим и смотрим. Конструкторы всполошились, одна женщина в обморок на стул упала. Начальство в сторонке стоит, решение принимает.

Инженер по технике безопасности говорит:

— Это не по моей части, раз они чертить не мешают, химической, электрической и радиационной опасности не представляют.

Пожарник говорит:

— Как лягушки сидят... но вроде бы самовозгоранию не подвержены. Не по моей части.

А главный начальник говорит:

— Так нельзя рассуждать поверхностно. Надо изловить экземпляр и отдать в соответствующие инстанции для исследования. Вскроют, посмотрят, изучат, тогда и выводы делать можно будет.

А может быть, они вообще искусственные, — говорит заместитель по режиму, — роботы какие-нибудь. Оттуда...

И заместитель по режиму кивает головой через левое плечо назад:

— У нас, товарищи, всё-таки режимное предприятие. Надо принять меры.

Все бросились нас ловить. Мы маленькие, зелёные, химической, электрической и радиационной опасности не представляем, самовозгоранию не подвержены, очень ловкие, скользкие и увёртливые. К потолку прилепились и вниз смотрим. Люди в азарт вошли. Прыгают, на стулья взбираются, за стремянкой побежали в соседний отдел. А в соседнем отделе то же самое творится. Мы маленькие, зелёные, во всех отделах появились. Вреда не причиняем, сидим и смотрим.

Мы маленькие, зелёные, глаза как блюдечки. Из всех тарелок выскочили, везде появились, сидим и смотрим. Про нас газеты пишут, что мы шпионы вражеского государства. Газеты ошибаются, мы во всех государствах появились. Мы в церквях, мечетях, синагогах и храмах появились и смотрим. Люди, которые верят в бога, очень встревожены и говорят, что настаёт конец света и мы его гонцы. Мы маленькие, зелёные, не гонцы, мы сами по себе. Научные люди комиссии образуют, в контакт с нами вступают. Теперь все говорят, что мы инопланетяне и прилетели контакт устанавливать. Мы маленькие, зелёные, контакт не устанавливаем. Только смотрим. Научные люди нам карточки показывают, звуковые сигналы подают. Два сигнала — пауза — ещё два сигнала — пауза — потом четыре сигнала. Это значит 2х2=4. Это мы знаем. Таблицу умножения мы всю знаем.

Мы маленькие, зелёные, в кабинет министров через вентиляцию влетели, потому что окна всегда закрыты. Мы сидим и смотрим. Телохранители нас выгоняют, но мы проворные очень, нельзя нас поймать.

Референты с нами разговаривают:

— Поймите, уважаемые инопланетяне, у нас проходит сугубо закрытое совещание. Мы всегда придерживаемся правила невмешательства во внутренние дела друг друга. Мы вас просим покинуть помещение.

Мы маленькие, зелёные, помещение не покидаем, в дела не вмешиваемся, только смотрим.

Министры недовольные очень.

Про нас газеты пишут, телевидение показывает, и радио говорит. Мы вмешиваемся во внутренние дела Земли. Мы подрываем основы общества. От нас надо защитить личную жизнь граждан и секреты государства. Мы маленькие, зелёные, не вмешиваемся, не подрываем. Мы только смотрим, не

говорим, не пишем, не действуем. Мы только смотрим и увёртываемся. Мы очень проворные.

Научные люди проверяют на нас химические, электрические и радиационные воздействия. Мы не любим воздействий, мы от них увёртываемся, мы их не боимся.

Военные люди эвакуируют районы и бросают туда бомбы. Мы маленькие, зелёные, очень не любим бомбы. От бомб трудно увёртываться. Военные люди всё бросают и бросают бомбы. По ошибке бомбы иногда попадают в свои и чужие неэвакуированные районы. Государства обижаются друг на друга и в отместку нарочно бросают бомбы в неэвакуированные районы. Нам маленьким, зелёным, глаза как блюдечки, становится очень плохо от этих бомб.

Мы маленькие, зелёные, покидаем Землю. Земля горит от бомб. Мы маленькие, зелёные, уже далеко-далеко. У нас глаза как блюдечки, мы хорошо видим. Земля горит и горит. Почему Земля горит? Ведь мы маленькие, зелёные, уже далеко-далеко. Мы смотрим очень-очень издалека. Мы только смотрим. А Земля всё горит и горит. Мы маленькие, зелёные, не понимаем...

1981

ВАРЕЖКИ

(Из историй на БАКе)

повесть

Посвящается памяти
Петра Николаевича Коропа и
Юрия Николаевича Астахова

ТРЁХМАЧТОВЫЙ КЛИПЕР ПО МОРЮ ПЛЫЛ. ВЕТЕР ДУЛ В ПАРУСА. СОЛНЦЕ СВЕРКАЛО НА ГЛАДКОЙ ВОЛНЕ. А ПО ВЕЧЕРАМ СОБИРАЛИСЬ НА БАКЕ ТРИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА И РАССКАЗЫВАЛИ ИСТОРИИ.

БАК — это корабельная носовая надстройка для защиты верхней палубы от заливания встречной волной, для повышения непотопляемости; на баке находятся якорное и швартовное устройства.

Только где в этом мире можно бросить якорь? Только к какому берегу можно пришвартоваться? Увы, со времён Ноева ковчега не было ещё непотопляемого судна. Увы, рано или поздно приходит встречная волна такая высокая и такая жестокая, что нет от неё защиты.

Три путешественника сидели на баке и смотрели вперёд, когда солнце скользило по краю моря, и дальше, когда в небе горели созвездия Южных и Северных морей.

Они рассказывали истории. Истории на БАКе называются БАйКами.

И начал Бизань травить байку про цифры вышитые на варежках. Для чего? И сказал Грот: «Да это же очень просто: ну, скажем, сердце у человека больное, что-нибудь случится — есть куда позвонить». Фок улыбался: «А цифры как — вышиты были?»

На суше, в комнате мы сидели и пили чай.

БАК — это ёмкость, куда сваливается всякая всячина. Варится супчик. Или заваривается чай.

Наши имена начинаются на буквы «Б», «А» и «К», то есть БАК. Но время дало нам другие имена.

НА БАКЕ ТРЁХМАЧТОВОГО КЛИПЕРА СИДЕЛИ ТРИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА И РАССКАЗЫВАЛИ ИСТОРИИ.

И НАЧАЛ БИЗАНЬ.

Прелюдия

Сначала мне показалось, что это узор. Просто белый узор на зелёной вязаной варежке. Но, приглядевшись, я рассмотрел цифры. Очередная мода — цифровой орнамент? Интересно, что в нём закодировано? Что вообще можно таким образом закодировать? Имя, например. Знак зодиака, то есть месяц, и год по восточному календарю. Одним словом, гороскопическая информация. Я, например, стою на Земле, но нахожусь под покровительством Венеры. Год Петуха. Имя, в переводе на русский, — Камень. Очень интересно. Сколько потребуется цифр, если минимально...

Это было в метро, на перроне, в ожидании поезда. Женщина с варежками быстро посмотрела на меня и отвела взгляд. Вероятно, я, задумавшись, слишком пристально разглядывал загадочный орнамент. Она держала варежки в руке, варежка на варежку, и в том месте, где держала, цифры деформировались, сжимались. Невысокого роста, хорошего сложения, из породы моложавых не властию косметики, а токмо силою хромосомной. Эта характерная моложавость скидывала ей из субсорока гипотетических лет десять, если не более.

И вдруг я понял: это телефон. Подошёл поезд, тень, лежавшая на её руке, исчезла, и я отчётливо узрел семь цифр. И это число, и то, что первые три цифры были вполне телефонные, и то, что не было в них никакой закономерности, никакой симметрии, — всё это, видимо, и породило во мне идею о телефонном номере. И что-то ещё, чему нет рационального эквивалента и о чём принято говорить «интуиция».

У неё были очень выразительные глаза, приятность которых не портили ни пучки микроморщинок в уголках, ни тёмные мешки под глазами, ни жестковатость взгляда. Взгляд был убегающий, заставляющий смотреть на неё, приманивающий, но с какой-то неуловимой червоточиной. Эдакая душевная червоточина, которую иногда называют «изюминка». Или духовная. Нет, пожалуй, душевная. А может быть и духовная. Или что-то совсем из иных сфер. Слишком неуловимо. Тенеподобно. Иррационально.

А потом я про это забыл. И вспомнил только сейчас, на баке.

И говорит Грот: — Да это же очень просто: ну, скажем, сердце у человека больное, что-нибудь случится — есть куда позвонить.

Фок улыбается: — А цифры как — вышиты были?

Я напрягаю память.

— Нет, не вышиты, они как бы намалёваны, или вырезаны и приклеены, растянутые по вертикали и узкие.

— А вот мы сейчас позвоним по этому телефону и проверим, — предлагает Грот.

Я возражаю:

— Ну и что? Женский голос подтвердит, мол, да, а дальше? Сюжет обрывается, тупик…

И тогда мы решаем придумать сюжеты, которые бы не обрывались тупиком. Исходя из данной «Прелюдии». Каждый — свой сюжет. Правда, номер телефона я не запомнил. Грот быстро строчит на газете, которой покрыт чайный столик, какие-то цифры и тут же набирает их. Номер не отвечает. Но это не имеет никакого значения. Как и тот факт, что цифры на варежке прочно перешли из моей активной памяти в иную, неподвластную мне. Ничто уже не играет роли и не имеет значения, кроме великого открытия, сделанного на БАКе: мы открыли новый Сюжет.

НА БАКЕ ТРЁХМАЧТОВОГО КЛИПЕРА СИДЕЛИ ТРИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА И РАССКАЗЫВАЛИ ИСТОРИИ.

И ПРОДОЛЖИЛ ФОК.

Я случайно подсмотрел номер, записанный Гротом на газете. Правда, одна цифра вызывала сомнения: то ли 3, то ли 8, а может быть, 5. Пока остальные с воодушевлением обсуждают возможные перипетии возможных сюжетов, я решаю ещё раз попытать счастья.

Я набираю номер.

После трёх продолжительных гудков трубку снимают.

Мужской голос: — Слушаю вас.

Я: — Извините за беспокойство, но мы случайно увидели ваш номер. На варежках. У нас возник спор: зачем на варежках телефон вышит. Есть такая версия, что…

Мужской голос: — Ваша версия не верна.

Я: — Вы же не знаете, какая…

Мужской голос: — Всё равно не верна.

Я: — А вы знаете, какие варежки?

Мужской голос: — Разумеется. А вам что: очень интересно?

Я: — Конечно. Мы вот тут целый час сидим, пытаемся какой-нибудь сюжет на варежках построить, и ничего не получается.

Мужской голос: — И не получится. Жизнь, она иногда похлеще всяких выдумок. А сколько вас?

Я: — Трое мужчин.

Мужской голос: — Я вижу вам делать нечего, и любопытство заело. Что же, если хотите, расскажу один сюжет.

Я: — Слушаем вас.

Мужской голос: — Так все трое от одной трубки и слушаете? Нет, это длинная история. По телефону не получится. Хотите — подъезжайте ко мне, я сейчас как раз бездельничаю. Чай пью — составите компанию.

Я: — Многозначительное совпадение — мы тоже чай пьём. У вас какой чай?

Мужской голос: — Настоящий китайский.

Я: — Зелёный?

Мужской голос: — Чёрный жасминовый.

Я: — Едем немедленно! Диктуйте адрес.

Мужской голос диктует адрес и разговор заканчивается. Мы едем.

И вот мы сидим уже вчетвером и пьём чай. Четвёртый — обозначим его буквой Ч. — рассказывает историю с варежками.

Рассказ Ч.

Случилась эта история лет пятнадцать назад. И началось всё так же как у вас. Еду я в метро и вижу женщину с варежками, на которых телефон вышит. Только тогда она молодая была и красивая необыкновенно. Я ведь сначала её разглядывал, потом уж варежки заметил. Хотел я (была — не была) тут же с ней знакомиться начать, но не успел — вышла она на остановке, а я зазевался и дальше поехал. Меня она так и не заметила. Но номер телефона я запомнил.

В тот же вечер решил позвонить. Набираю номер, отвечает мужской голос, немолодой.

— Вы один дома, — спрашиваю наобум.

— Один, один. А кто это звонит? Не Сергей, случайно?

— Сергей, — соврал я.

— Вот что, товарищ Сергей. Катя просила вам передать, что завтра она едет на дачу и хотела бы, чтобы вы её сопровождали. Так что берите лыжи и езжайте утром на Белорусский вокзал. Электричка 9.25, третий вагон с конца. Запомнили?

— Запомнил.

— Да, и больше не звоните. Катя вернётся поздно, а я спать ложусь. Прошу не беспокоить.

И он повесил трубку. Ну, думаю, сказочно повезло. И имя узнал, и свидание назначил. Как бы только настоящий Сергей не появился.

Утром беру лыжи, еду на вокзал. Захожу в поезд — сидит Катя у окна. Напротив место свободно. Сажусь. Она говорит: «Занято здесь».

Ладно, отодвигаюсь, а сам думаю: придёт или не придёт Сергей? Вдруг он тоже звонил или Катя ему звонила? Вижу, она тоже по сторонам озирается, ждёт его. Но тут время подошло, и электричка тронулась. Катя растерянная сидит. Я говорю: «Опоздал ваш попутчик». Она, видно, тоже так решила, но в разговор не вступает. Достала книжку, уткнулась в неё. Ладно, думаю, доедем — поговорим.

Доехали до какой-то станции. Катя выходит из вагона, я — следом. Ещё народ идёт, все с лыжами. Субботний день. Народ разошёлся, кто куда. На платформе остались мы вдвоём. Катя идёт к расписанию электричек — смотреть, когда следующая. Пора, думаю. И говорю:

— Не приедет он.

— Что вы сказали? — спрашивает Катя.

— Я говорю: Сергей не приедет. Я вместо него.

— Как же так? Сам предложил и не приедет.

— Да вот дела у него неожиданно появились. Может, к вечеру будет.

— Позвонить бы мог.

— Мог бы, да ваш отец запретил звонить, чтобы не беспокоить, — говорю, а сам пугаюсь: а вдруг это и не отец её вовсе.

— Во-первых, не отец, а дедушка. А во-вторых, вас-то он зачем прислал? И что вы до сих пор молчали?

— Меня он прислал, чтобы предупредить вас. Мне, извините, конечно, очень уж захотелось на лыжах покататься. И потом, не Сергей вас пригласил сегодня, а вы его. Так дедушка говорил. Помочь надо.

— Опять напутал. Говорила же Сергею: не звони мне. Ну, ладно, раз приехали, пойдёмте на дачу. У меня там действительно кое-какие дела есть. Так Сергей приедет вечером? С ночёвкой?

Я подтвердил — что мне оставалось делать?

В общем, поехали мы на лыжах через лес. По дороге немного разговариваем. Добрались до дачного посёлка. Там тихо, ни души нет. Дачи стоят пустые, промёрзшие.

День был хорош!

Мы катались на лыжах, ходили в лес за дровами, топили печку. Кое-какой ремонт оказалось нужным сделать. Разговаривали, знакомились. Ждали Сергея. То есть, ждала Катя, я-то знал: не приедет, не знает ведь ничего. Прямо скажу, не очень уютно я себя чувствовал от этой далеко зашедшей лжи, но деваться было уже некуда.

Осторожно выяснял я, что это за Сергей и что у Кати с ним. Понял, что это обычная любовная история, как будто, на излёте. Странно, говорила Катя, то он ревнует меня ко всем подряд, то приятеля подсылает вместо себя. А если этот приятель приставать начнёт? Ну, думаю, надо правильно ответить. Говорю: значит, так ему, Сергею, и надо. Разговариваем мы так, смех смехом, и решаем, что надо бы Сергея проучить. Есть, говорю, один вариант. Как увидим мы, что он идёт сюда, изобразим страстный поцелуй. Разыграем его. Потом вместе посмеёмся. Так и порешили. Ну, думаю, как стемнеет поосновательнее, надо бы мне «увидеть» Сергея в окно.

Наступил вечер. Стемнело. И вдруг, можете себе представить, слышим: калитка хлопнула. Шаги по крыльцу. Я в панике про розыгрыш и забыл. А Катя не забыла — бросилась ко мне в объятия.

Открывается дверь. Немая сцена. Краем глаза вижу: стоит в дверях парень, моего возраста. Смотрит на нас и медленно бледнеет. Хлопнула дверь, убежал он. Кажется, перестарались, говорит Катя. Надо его догнать. Ну уж нет, думаю. «Да догони же его!» — кричит Катя. Делать нечего, иду, надеваю лыжи и в погоню. Но он уже далеко убежал на лыжах, догнать трудно. Нехорошо, думаю, получается. Надо бы его действительно догнать, объяснить. Хотя как тут объяснишь? Добежал до станции, а тут электричка как раз, он — в вагон и уехал. Опоздал я, а время, между прочим, позднее. Прикидываю:

пока я обратно доеду, пока соберёмся и на станцию приедем, последняя электричка уйдёт.

Возвращаюсь. Говорю, так и так, не догнал, а в Москву сегодня мы уже не попадём. Вижу, однако, на Катю мои слова особого впечатления не производят. Я, говорит, в Москву и не собираюсь. У меня ещё завтра выходной и на понедельник я отгул взяла. Пока вы там оба на лыжах катались (это мы катались, оказывается!), я тут думу думала.

Сначала Сергей тебя подсылает, потом шуток не понимает, уезжает, а, между прочим, знает, что мы вдвоём остаёмся и время позднее. Что ж, значит он того и хочет, значит так тому и быть. Бог с ним! Забудем! Не хочу себе настроение портить. Садись, чай будем пить.

Короче, пили мы чай, потом про вино вспомнили, которое с собой взяли (Катя его хотела распить, когда Сергей приедет).

… Пробыли мы на даче три дня. Про Сергея ни разу не вспомнили. Других таких трёх дней у меня в жизни не было. Когда в Москву возвращались, договорились на следующую субботу снова встретиться в то же время и в том же месте. Катя просила ей не звонить, не надо, говорит, деда беспокоить, а то опять напутает что-нибудь.

Что? Ах, варежки! Спрашивал я про варежки — они ведь и в этот раз на ней были. Только ничего она мне не ответила. Нахмурилась, видно с чем-то неприятным у неё эти варежки ассоциировались, обещала потом рассказать, и опять просила ей домой не звонить.

Да. И всё было бы хорошо, да вдруг посылают меня в срочную командировку. Вылетать в пятницу. Что делать? Звоню Кате. Опять трубку снимает дед. Говорит, Кати сейчас нет, но скоро должна быть. Видно, узнал меня по голосу. Приезжайте, говорит, Катя просила вас пригласить, если позвоните. Приезжайте, она скоро будет.

Поехал. Встречает меня этот дед. Не такой уж и дряхлый, бодрый старик. И не похоже, чтобы склерозом страдал. Поит меня чаем, беседу ведём вполне интеллигентную. Поинтересовался он моей профессией и говорит: вот вы, как математик, что думаете: может ли машина, робот быть такой совершенной, чтобы её от человека нельзя было отличить? Отвечаю я что-то насчёт того, что это, мол, дело далёкого будущего, да и непонятно, зачем нужны человекообразные роботы. Тут старик аж взвился. Как так, говорит, не нужны? И пошёл, пошёл плести всякий вздор околонаучный и околотехнический. Я слушаю, а сам думаю: чего это старик так разошёлся? Вдруг настораживаюсь.

Я, говорит старик, великий изобретатель. Я сделал то, что ещё никому не удавалось, хотя многие великие умы пробовали. Я сделал робота, которого нельзя отличить от человека!

Я, конечно, выражаю деликатно сомнения.

Старик злится, и вдруг хохочет: кто бы, говорит, сомневался, да только не вы! Ведь вы… ха-ха… вы…

Что я? — спрашиваю.

Тут хватает меня старик за руку и тащит в соседнюю комнату. Вижу, лежит на кровати под одеялом Катя. Не надо бы её будить, говорю. Старик ещё пуще хохочет. И показывает мне что-то. Гляжу, по всей комнате тянутся какие-то провода и все к кровати ведут, под одеялом скрываются. Господи, думаю, что ж это такое? Что ж это старик сумасшедший с Катей сделал? А он подходит к кровати и срывает одеяло. Катя лежит совершенно голая. Вот, говорит, мой робот. Полез руками куда-то ей в причёску, и вдруг… что-то щёлкнуло и Катины грудь и живот распахнулись, разверзлись, и там внутри… провода, детали электронные, катушки…

Выбежал я из комнаты, рухнул в кресло. Старик тоже прибежал. Ну как, говорит, впечатляет? А сам руки радостно потирает. И начал он мне говорить, говорить… Не слушаю, но и подняться нету сил. В голове туман какой-то, картины калейдоскопом крутятся. Картины трёх наших с Катей дней. И провода, провода, провода…

Вдруг чувствую, тихо стало, замолчал старик. Вскочил, выбежал из комнаты. Там шум какой-то, разговор. Голос послышался знакомый. Катин голос!

Я вскакиваю с кресла. Дверь открывается и входит Катя. Катя? Тут потемнело у меня в глазах, провода поплыли… Не помню, как выскочил из квартиры, как бежал по лестнице, как очутился на улице. Помню только Катин крик: вернись!

Минут пять мы сидим молча. Наконец, Бизань говорит:

— Да. Не думал, что такое возможно. Это прямо из фантастического рассказа!

Ч. молчит, чай разливает.

— А что же всё-таки варежки? Зачем там номер? — вспоминает Фок.

— Варежки? С варежками всё просто. Старик боялся, что с его роботом случится что-нибудь, какая-нибудь поломка. Приедет скорая помощь, и что врачи увидят? Вот и нашил на варежки номер своего телефона.

— Значит, всё же версия Грота насчёт больного, который теряет сознание в общественном месте, не так уж и не верна?

— Абсолютно не верна! Неужели вы думаете, что подобный робот действительно мог быть создан?

— То есть как? — хором недоумеваем мы.

— Поверили, значит.

— Так вы нас разыгрывали?!

— Вовсе нет. Просто у этой истории есть продолжение. Я ведь тоже поверил старику. Да и как не поверить: я же видел всё собственными глазами! В отличие от вас.

Так вот, прошло года три. Как-то раз в компании мы сидели и пили чай, как сейчас. И как сейчас я рассказал эту историю. А когда кончил рассказывать, один человек задал мне вопрос. Этого человека я не знал. Я заметил, как внимательно он слушал мой рассказ. Лицо его показалось мне знакомым, как будто я встречал его раньше, но не мог вспомнить, где, когда, при каких обстоятельствах. И вот он задал мне вопрос. Он спросил: «Неужели вы думаете, что подобный робот действительно мог быть создан?»

Я промолчал, пожав плечами. Тогда этот человек начал рассказывать. В общем, это оказался Сергей. Тот самый.

Никакого робота не было. Был сумасшедший старик, действительно, сумасшедший. Когда-то он был неплохим изобретателем и одновременно, бывают такие совмещения, неплохим скульптором. Когда он заболел, его стала преследовать маниакальная идея: создать робота неотличимого от человека.

Прототипом он выбрал свою внучку, Катю. Больше ведь он ни с кем не общался, из дому не выходил. Он был действительно неплохим скульптором, и ему удалось создать очень похожий муляж. Если не обращать внимания на полную неподвижность лица, глаз и на некоторые детали, то муляж вполне мог быть принят за человека. В таком состоянии, как я тогда, было, конечно, не до деталей. Старик набил муляж радиоаппаратурой: совершенно бредовые схемы, всё навалом. Катя оберегала деда, но старалась, естественно, не распространяться о его болезни. Об этом знали лишь врачи и очень близкие люди.

Ну что же, дальше всё было ясно. Я исчез, не оставив ни адреса, ни телефона. В конце концов, Катя вышла замуж за Сергея.

— Но почему же старик, приняв вас за Сергея, назначил от имени Кати встречу в вагоне поезда? А Кате сказал, что это Сергей просил её поехать на дачу.

— Разве я не сказал? В тот день старик решил отправить робота в большой мир, к людям. У него периодически случались такие приступы. Вот он и захотел отправить на дачу вместо Кати робота.

Катя, конечно, узнала про это, но старик в такие минуты бывал неумолим. Поэтому она попросту перетащила робота, завёрнутого в мешок, к соседям и поехала сама. Дед об этом не знал. Сергею же Катя позвонить не могла — у него просто не было телефона. Сергей сам случайно позвонил вечером в ту субботу, нарвался на деда и понял из его сбивчивых объяснений, что Катя поехала на дачу. До дачи он добрался уже вечером, поздно, и встретил там нас вдвоём.

— Да, удивительная история, — говорит Грот.

— Это ещё не конец.

— Что же было дальше?

— Очень просто: я отбил жену у Сергея. Кстати, Катя скоро должна придти с работы. А пока — не хотите ли посмотреть?

Ч. подходит к большому шкафу, громоздящемуся в углу комнаты, и распахивает дверцу. Мы ахаем — там стоит девушка, вместо одежды с неё свисают бесчисленные провода…

В это время за нашими спинами раздаётся женский голос:

— Постыдился бы посторонних людей! Не Венеру Милосскую демонстрируешь.

Мы оборачиваемся. В дверях, ещё в шубе стоит женщина, копия той, что в шкафу. Впрочем, нет, в шкафу значительно моложе.

— Это она! — восклицает Бизань.

Женщина пристально всматривается в него и спрашивает:

— Так это Вы меня видели?

Бизань кивает головой: — Сегодня утром. В метро.

Женщина пожимает плечами: — Ладно! Ну, как, всё он вам рассказал?

— Всё, Катя, всё! — торопливо говорит Ч.

— Вижу, что не всё. Мой дед, между прочим, погиб во время войны. Я его не помню даже. А этот непризнанный литератор, — кивок в сторону Ч. — решил превратить нашу семейную жизнь в объект своих литературных экспериментов. Он же всё выдумал!

— Не всё! Ведь были же те три дня, — горячо возражает Ч.

— Были, были. Кстати, Сергей ещё не звонил? Он обещал подъехать сегодня. У него на днях открывается выставка новых скульптур.

— А вы тоже хороши! — снова обращается она к нам троим. — Поверили! Впрочем, не вы первые — у нас половина знакомых появилась на почве мистификаций. Он уже давно этим занимается. А варежки мне подруга связала. На память.

И она кидает на стол пару зелёных варежек с вышитыми на них цифрами.

НА БАКЕ ТРЁХМАЧТОВОГО КЛИПЕРА СИДЕЛИ ТРИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА И РАССКАЗЫВАЛИ ИСТОРИИ.

И ПРОДОЛЖИЛ ГРОТ.

Я смотрел на пару варежек, лежащих на столе, на цифры, вышитые на них. Впрочем, не вышитые, а как бы намалёванные, или вырезанные и приклеенные, растянутые по вертикали и узкие. Я смотрел и пытался понять: что происходит? Бизань не помнил цифр на варежках женщины в метро. После его «Прелюдии» я вспомнил другие семь цифр и записал их. Когда Фок начал звонить по этому номеру, я не ожидал никакого продолжения. И поначалу был крайне удивлён, когда мы нашли Ч., его жену Катю, их фантастическую историю и варежки с цифрами. Как могло такое случиться? Я же знал, что мои семь цифр не могли привести нас к тому, что мы искали, — к варежкам с вышитым на них номером телефона. Бизань не помнил номера, я записал на газете свои семь цифр и они оказались тем самым номером — номером телефона женщины в метро? Этого не могло быть!

Я стоял и тупо смотрел на варежки. Потом Катя угощала нас ужином. Мы вели какую-то беседу. А я всё размышлял над удивительным совпадением. И никак не мог оторвать взгляд от пары варежек с цифрами, всё ещё лежащих на крае стола.

Наконец, меня осенило: всё предельно просто! И нет никакого совпадения! Загадка разгадывалась до обидного тривиально.

Я вспомнил, что не смотрел, какой номер набирал Фок, когда звонил Ч. С чего я взял, что он набирает мои семь цифр? Наверняка, он звонил своим знакомым, Ч. и его жене Кате, с которыми заранее сговорился. Весь разговор

по телефону был спланирован. Мы поехали к ним домой, и они разыграли для нас весь этот спектакль. Вот и всё!

Но как же Бизань? Ведь он узнал в Кате ту женщину в метро! Ага, значит, Бизань тоже участвует в сговоре. Ну, конечно: ведь Фок не мог заранее знать, что Бизань встретит женщину в метро и расскажет эту историю на баке. Они сговорились!

Теперь всё ясно: Фок и Бизань решили меня разыграть.

Я не подал виду, что обо всём догадался. Пусть думают, что их обман не раскрыт. Это поможет мне отомстить. Прежде всего, нужно узнать настоящий номер телефона Ч. и Кати. Я внимательнее вгляделся в цифры на Катиных варежках. Так и есть!

Это были совсем не мои семь цифр. Я наивно поверил Фоку, будто он подсмотрел цифры, записанные на газете. Не мог он звонить по этому номеру! Значит, Фок звонил по тому номеру, который сейчас вышит на Катиных варежках. Они всё ещё лежат на крае стола.

Ага! Они там специально лежат! Это расчёт на продолжение розыгрыша: если я когда-нибудь позвоню по этому номеру, мне ответит Ч. или Катя. И я должен буду окончательно убедиться, что всё является тем, чем кажется, что никакого розыгрыша нет.

План мести начал вырисовываться.

И вот мы снова сидим на баке, пьём чай. Я говорю:

— Почему бы нам не позвонить Ч. и Кате? Может быть, они захотят нанести нам ответный визит?

Все соглашаются. Я достаю карточку с крупно написанным на ней номером, кладу её в центр стола и снимаю трубку телефона.

— Но это не их номер! — восклицает Фок, всмотревшись в цифры на карточке.

— Разве? — усмехаюсь я.

— Конечно! Я звонил по тому номеру, который ты записал на клочке газеты. Это был другой номер!

— В том то и дело! Но ведь на карточке те же цифры, что и на Катиных варежках. Я записал это у них в гостях. Как вы это объясните? — я улыбаюсь.

— Это очень странно, — медленно произносит Бизань. — Я как-то не обратил внимания, какие цифры у Кати на варежках.

Я уже решаю начать свои разоблачения, как вдруг Фок вскакивает, начинает расхаживать по комнате и говорить:

— Я всё понял! Теперь всё становится на свои места. А я-то не мог понять, как может быть такое совпадение: Бизань номер не запомнил, Грот записывает какие-то цифры (откуда он их взял?) и они оказываются номером телефона той самой женщины, которую Бизань видел в метро? Не было никакого совпадения! Вы заранее сговорились!

Решили меня разыграть? Договорились с Ч. и Катей, потом один рассказывает историю о встрече в метро, а другой подсовывает мне номер, по которому я сам же и звоню, как будто вы не при чём. Ясно, что в этом случае на Катиных варежках могут быть какие угодно цифры. Может быть, и вовсе не номер телефона.

— Не нужно валить с больной головы на здоровую, — отвечаю я. И излагаю свою версию. Мы начинаем спорить.

Бизань в споре не участвует. Он наливает себе чай, закуривает сигарету, откидывается в кресле и начинает смеяться. Мы смотрим на него с недоумением.

— Старички! Ваш спор — это уже перебор. Не пора ли закончить представление? Я ведь с самого начала догадывался, что это розыгрыш. Номер телефона я вам не сказал, Грот записывает какой-то другой номер, Фок по нему звонит и там оказывается Ч. с его фантастической историей, а потом приходит женщина с варежками. И вы думали, я поверю в такое совпадение?

Бизань делает глоток чая и продолжает:

— Сначала я не мог понять, как вам удалось так быстро всё организовать? Потом начал анализировать последовательность событий. Рассказав о встрече в метро, я пошёл на кухню заваривать чай. Минут пять-десять вы оставались одни. За это время вполне можно успеть позвонить своему знакомому, то есть Ч., и попросить организовать розыгрыш. Правда, нужно было ещё придумать саму историю с роботом и варежками. На это требуется гораздо большее время, и я долго не мог понять, как вы так быстро её придумали. К тому же, нужно было эту историю рассказать Ч. по телефону. А потом он должен был всё подготовить: найти скульптуру и натурщицу, с которой эта скульптура делалась.

Бизань выпускает колечко табачного дыма и продолжает:

— Наконец, я догадался: ничего вы не придумывали и не искали! Я уверен: этот ваш Ч. придумал всё это давным-давно. И не один раз, наверное, и для вас тоже, рассказывал придуманную им историю про робота с

демонстрацией манекена в шкафу. Вы просто вовремя о нём вспомнили. Другое дело, что в оригинальной истории Ч. не было, я думаю, никаких варежек. Ведь, строго говоря, в этой истории сами-то варежки практически не участвуют. Они составляют какой-то необязательный довесок к истории про робота. Не случайно Ч. всё время о них забывал, и не случайно его объяснение цифр на варежках так мало отличается от первой же версии, предложенной Гротом: если с роботом (или человеком — какая разница?) что-нибудь случится, можно позвонить по телефону, номер которого вышит на варежках. Наверное, пока я рассказывал о встрече в метро, кто-то из вас вспомнил о Ч. и его розыгрышах с роботом. Оставалось лишь соединить традиционный розыгрыш Ч. с варежками. А это можно сделать и за одну минуту. Я даже представляю себе телефонный разговор Грота с Ч. за время моего отсутствия. Засекайте время.

Ч.: — Слушаю вас.

Грот: — Это Грот. Мы можем сегодня провернуть твой розыгрыш?

Ч.: — Всегда к вашим услугам.

Грот: — Но есть один нюанс. Один из нас сегодня видел в метро женщину. У неё были варежки, а на них вышит номер телефона. Пусть это будет твой номер. Мы тебе позвоним. А ты придумай, как приделать к твоей истории варежки. Идёт?

Ч.: — Будет сделано. Жду звонка.

Сколько прошло времени?

— Сорок секунд, — машинально отвечает Фок.

Бизань крайне доволен. Тушит окурок в пепельнице, отпивает чай и продолжает:

Единственное, что меня удивило, так это появление Кати. Вы же должны были понимать, что я вас тут же разоблачу. Но я быстро сообразил, что это более тонкий розыгрыш. Тут всё дело в психологии: после фантастической истории Ч., после демонстрации псевдо-робота в шкафу появление Кати должно было не раскрыть обман, а, наоборот, усилить эффект. Кстати, в телефонном разговоре Фока и Ч., я думаю, эта тема обсуждалась. Ведь я слышал только то, что говорил Фок. Вполне можно себе представить, что реплики Ч. были совсем не те, которые нам пересказал Фок. Разговор мог быть, например, таким:

Мужской голос: — Слушаю вас.

Фок: — Извините за беспокойство, но мы случайно увидели ваш номер. На варежках. У нас возник спор: зачем на варежках телефон вышит. Есть такая версия, что…

Мужской голос: — Я всё подготовил. Даже женщина с варежками будет настоящая.

Фок: — Вы же не знаете, какая…

Мужской голос: — Это неважно! То, что женщина окажется другой, только усилит эффект.

Фок: — А вы знаете, какие варежки?

Мужской голос: — А вот варежки — это важно. Вы можете мне сообщить, хотя бы, какого они цвета?

Фок: — Конечно. Мы вот тут целый час сидим, пытаемся какой-нибудь сюжет на варежках построить, и ничего не получается.

Мужской голос: — Вы не можете говорить открыто? Вы все вместе сидите?

Фок: — Трое мужчин.

Мужской голос: — Понятно. Тогда нужно придумать шифр.

Фок: — Слушаем вас.

Мужской голос: — Я вот сейчас чай пью. Вы меня спросите про чай, а цвет чая будет означать цвет варежек.

Фок: — Многозначительное совпадение — мы тоже чай пьём. У вас какой чай?

Мужской голос: — У меня китайский жасминовый. Да нет, вы спросите, какого цвета у меня чай.

Фок: — Зелёный?

Мужской голос: — Всё ясно — варежки зелёного цвета. Найдём такие.

Фок: — Жасминовый? Едем немедленно! Диктуйте адрес.

Бизань широко улыбается и довольно потирает руки: — Ну, что, признавайтесь — так всё было?

Я и Фок пару минут сидим молча.

— Очень забавно, — говорю я. — Каждый из нас троих пришёл к выводу, что стал жертвой розыгрыша, организованного остальными двумя. Кажется, мы перебрали все мыслимые варианты.

— Ну, теоретически возможны ещё три варианта, — уточняет Фок. — Розыгрыш организовал один человек, а жертв двое.

— Это вряд ли, — возражаю я. — Во всяком случае, я это сделать не мог — не я же звонил по телефону!

— Но ты подсунул номер телефона! — не сдаётся Бизань.

— А откуда я мог знать заранее про варежки? И фокус с предварительным звонком Ч. во время заваривания чая тоже не проходит: ты же один уходил на кухню и Фок всё время оставался со мной.

— По той же причине отпадаю и я, — говорит Фок.

— Ну, а я и вовсе к телефонным звонкам отношения не имею, — заявляет Бизань.

— Подождите, — говорю я. — Так мы ни к чему не придём, если каждый будет подозревать каждого. Попробуем разобраться. Прежде всего, предлагаю принять как рабочую гипотезу, что никто из нас в розыгрыше не участвовал. Даже если это розыгрыш.

— Если уж рассуждать совсем теоретически, — меланхолично замечает Фок, — то для трёх человек существует два в кубе, то есть, восемь вариантов. Кроме рассмотренных шести, есть ещё два варианта: в розыгрыше участвовали все трое или никто из нас не участвовал.

— Первый из этих двух вариантов отпадает, — возражаю я. — Тогда бы не было предмета спора.

— Вы что же хотите сказать? — спрашивает Бизань. — Что никакого розыгрыша не было? Что всё это было по-настоящему? Ха-ха-ха!

— Или нас разыграл кто-то четвёртый, — говорит Фок.

— Или четвёртая, — добавляю я.

— Катя? — удивляется Бизань. — Но ведь мы с ней не знакомы. И это не её я встретил в метро. Я вам просто подыграл, поскольку был уверен, что вы меня разыгрываете. А если вы действительно говорите правду, то и вы её не знаете.

— Но у нас есть телефон, — вспоминаю я, — давайте позвоним и выясним.

— Это ничего не даст, — возражает Бизань. — Если Ч. и Катя нас разыграли, где гарантия, что на этот раз они скажут правду?

— Нет-нет, — говорю я, — я имею в виду не тот номер, по которому звонил Фок. У нас есть ещё один номер — тот, который был вышит на Катиных варежках, тот, который записан на этой карточке.

— Можно попробовать, — соглашается Фок. — Всё равно, никакой другой зацепки у нас нет.

Я набираю номер. После трёх продолжительных гудков трубку снимают.

Мужской голос: — Вас слушают.

Я: — Извините, это номер… (*я называю номер*)?

Мужской голос: — Да, вы не ошиблись.

Я: — Дело в том, что…

И я добросовестно пересказываю, где и как я увидел этот номер, отмечая, что мы хотели просто проверить наши гипотезы

— Так сказать, вариант мужского пари.

Мужской голос: — Да, это тот самый номер. И про варежки всё верно. Странно, правда, что…

Говорящий явно мнётся, он, видимо, колеблется с каким-то очень важным для него решением. Я сразу чувствую, что решение для него именно важное.

— Странно, что вы прямо в точку…

Я: — В точку?

Мужской голос: — Вы откуда звоните?

Я: — Из дома.

Мужской голос: — Можно я вам перезвоню?

Я: — Пожалуйста.

Я диктую ему номер.

Телефон звонит через мгновение.

Тот же голос: — Я должен был убедиться, что это не розыгрыш.

Я обращаю внимание, что он говорит «должен», ведь естественнее было бы казать «хотел». «Я хотел убедиться...» Так говорят обычно. Но он, видимо, именно «должен». Должен?

Я: — Ну что вы, какой же розыгрыш — просто мы хотим разрешить наш маленький спор...

Мужской голос: — Понимаю, понимаю...

Я ощущаю в голосе говорящего странную тревогу.

Я: — Что-нибудь случилось?

Мужской голос: — Извините, как вас зовут?

Я отвечаю.

Мужской голос: — Извините, я сейчас к вам приеду. Это важно.

— Пожалуйста, — отвечаю я несколько растерянно и собираюсь сообщить незнакомцу адрес, но в трубке уже звучат короткие гудки.

Тем не менее, он приезжает. Минут через двадцать, хотя, судя по номеру телефона, находится от нас в значительном удалении.

— Здравствуйте, говорит он, войдя в комнату. — Я майор П...

Рассказ майора П.

Так мы становимся участниками детективного поиска, поскольку случайно оказались обладателями уникальной информации.

— Произошло убийство, — говорит майор П. И, помолчав, добавляет: — Или самоубийство.

Жертва — его звали Ш. — был найден застреленным в той самой квартире, куда вы звонили по телефону. В руке он сжимал пистолет армейского образца. Экспертиза показала, что выстрел был произведён именно из этого оружия. Отпечатки пальцев на пистолете принадлежали жертве, других не было.

— Самоубийство? — спрашивает Бизань.

Может быть, — улыбается майор П. — А может и не быть.

Ш. не оставил никакой предсмертной записки. Само по себе это ничего не значит, хотя по статистике девяносто процентов самоубийц предпочитают как-то объяснить свой уход из жизни. Зато были обнаружены записи совсем другого рода. На столике рядом с телом лежала школьная тетрадка, заполненная почти целиком, с аккуратно проставленными датами на каждой

странице. Это оказался дневник Ш. Честно говоря, мне ещё не доводилось читать что-либо подобное. В дневнике подробно описываются события, приведшие к трагическому концу.

Ш. был профессиональным водителем. Когда-то он работал таксистом, потом недолго занимался частным извозом, а последние два года служил личным шофёром одного крупного начальника. Дневник начинается с описания какой-то пьянки в лесу. По-видимому, Ш. привёз туда своего хозяина. Сколько там было людей, на скольких машинах они приехали, понять трудно. Впрочем, лучше я вам прочту первую запись в дневнике. Она говорит сама за себя.

Майор П. достаёт из кейса синюю тетрадку в клеточку, открывает её и читает.

«Меня проиграли в карты. Они сидели на поляне, под деревом. Кругом уже валялись пустые бутылки, закуска всякая, бумаги. Как свиньи. Даже не знаю, в какую игру они играли. Я возился с машиной, меня не приглашали. Конечно, не потому, что я непьющий, а потому, что они — большие люди, а я кто? Я шофёр *МОЕГО*. Меня даже подзывают пальцем. Как собачку какую! Бери кусок в зубы и служи. Они играли, а я подошёл, чтобы сказать, что колесо поменял. Я за кустом был, они меня не видели, и я услышал. Я услышал, как они меня поминают. *МОЙ* говорит: «Так и быть: ставлю на кон Ш.». Я сначала не понял, что значит «ставлю на кон»? Куда он меня ставит? Тут другой говорит: «Смотри, проиграешь Ш., потом обратной дороги не будет. Таков уговор». *МОЙ* смеётся: «У меня сегодня карта идёт». Вот тут я понял, что они на меня в карты играют. На живого человека. Слышал я раньше о таком, потом человек мёртвый делается, когда его проигрывают. Стою и думаю: что ж это они, совсем сдвинулись? Ведь не урки какие-нибудь, известные люди, хоть и говно порядочное. Как же это они на меня играют? Вдруг слышу, *МОЙ* ругается по-матерному, «Проиграл!» кричит. Потом шум какой-то, вроде драки. *МОЙ* опять кричит: «Да ты шулер!» Другой ему в ответ тоже что-то кричит. Я развернулся и побежал обратно к машине. Сел за руль, хотел сразу рвануть, да опомнился. Ведь всё равно найдут, а чтобы отсюда уехать, я им ещё нужен, пьяные все, да и водить толком не умеют. Значит, думаю, не сейчас убивать будут. Ладно, думаю, уедем, а там посмотрим».

Дата этой записи — трёхмесячной давности. С этого дня Ш. стал ждать, когда его убивать будут. И готовился. На сбережения свои купил пистолет. За дорого, видно, по неопытности. Почему в милицию не обратился? Он и об этом пишет: «Кто мне поверит? Чем я могу доказать, что меня убить хотят? Только подслушанным разговором? Так ведь это даже не магнитофонная запись. Они

всё отрицать будут. Только обозлятся больше, и тогда уж не просто убьют, а какой-нибудь помучительнее способ придумают. За то, что настучал».

Последняя запись помечена днём убийства. Или самоубийства. Она кончается фразой: «Какой-то шум в прихожей. Кажется, кто-то пытается открыть дверь...»

Майор П. закрывает тетрадку и убирает в кейс.

— Тогда это больше похоже на убийство, — говорит Фок. — Вы допрашивали этих начальников?

Майор П. внимательно смотрит на Фока и продолжает:

— Ш., в общем-то, прав: одних его записей недостаточно. Если бы он пришёл в милицию со своими подозрениями, ему вряд ли бы поверили. Вы себе даже не представляете, сколько всяких шутников и клеветников к нам обращаются. Если всем верить на слово, так пол-Москвы придётся арестовать.

Конечно, теперь у нас есть факт смерти. Насильственной смерти. Но у нас нет улик, у нас нет свидетелей. Если мы сейчас арестуем этих людей, они будут всё отрицать и нам придётся их отпустить. И если они действительно повинны в смерти Ш., мы их только вспугнём, и они постараются уничтожить все улики, которые ещё не уничтожили.

И всех свидетелей, — добавляет майор П. после паузы и продолжает:

— Но кое-что нам удалось выяснить. Косвенным путём, скажем так. Во-первых, сам факт поездки в лес имел место. Также как и игра в карты. Во-вторых, что самое удивительное, никто особенно и не скрывает, что Ш. был проигран в карты.

— Тогда в чём же дело? — восклицает Фок.

— А дело в том, что это означает. Что означает этот проигрыш? Что, собственно, должно было произойти в результате того, что хозяин Ш. проиграл его в карты своему приятелю? Убийство?

Так думал Ш., но, оказывается, у самих игроков другое объяснение.

— Какое же?

— Ш. был первоклассным водителем. К тому же непьющим, что большая редкость. Хозяин весьма дорожил своим шофёром. Конечно, несколько своеобразно, как дорожат ценной вещью, тебе принадлежащей. Другой начальник хотел переманить Ш. к себе, выкупить его у хозяина. Хозяин не соглашался. Тогда и случилась эта игра в карты. Это может показаться странным, но люди часто проигрывают в карты (тем более, по пьянке) то, что

они никогда не отдали бы просто за деньги. Так что, проигрыш должен был означать всего лишь переход Ш. на другую работу — от его прежнего хозяина к другому. Случиться это должно было не сразу, а через три месяца — таков был уговор. Кстати, Ш. подслушал в машине разговор двух игроков, в котором несколько раз упоминался этот срок «три месяца». Он решил, что его должны убить не позже этого срока. Об этом Ш. пишет в своём дневнике.

— Но если всё это правда, — говорит Бизань, — кто же убил Ш.? И как раз по истечении этого срока — «три месяца»!

— Можно? — майор П. достаёт из кармана длинный узкий предмет.

— Что? — не понимает Бизань.

— Можно закурить?

— Ах, да-да, конечно. Мы здесь курим.

Майор П. обрезает кончик сигары, раскуривает её и, окутавшись облаками дыма, продолжает:

— Я уже говорил, что Ш. готовился к возможному покушению. Пистолет он всегда носил с собой. На работе старался не выходить из машины. Считал, что, пока он за рулём, он в безопасности. Во время движения убивать шофёра слишком рискованно. А во время остановок он был особенно насторожён, чтобы в случае чего сразу дать газу. Постепенно Ш. пришёл к выводу, что его попытаются убить в другом месте и в другое время. Он стал реже бывать дома, ночуя то у одних, то у других друзей. В конце концов, он перебрался жить к своей двоюродной сестре. На телефонные звонки не отвечал. Спал с пистолетом под подушкой. Когда его сестра приходила домой, она обычно заставала Ш., сидящим в кресле напротив двери с пистолетом в руке.

Всё это Ш. подробно описывает в своём дневнике. Он описывает не только факты, но и свои подозрения, строит догадки. Эти три месяца, видимо, дались Ш. очень тяжело. Он сам пишет, что стал нервным, боялся собственной тени. Да это и не удивительно. Только представьте себе: три месяца, каждый день, каждую ночь ждать смерти!

— Так можно и с ума сойти, — говорит Фок.

Майор П. внимательно смотрит на Фока и продолжает:

— Нужно сказать, что к концу дневника записи становятся всё более отрывочными и бессвязными. Местами трудно понять, то ли Ш. пишет о реальных событиях, то ли о своих фантазиях, порождённых страхом. Несколько раз встречается одна и та же фраза: «Я больше не выдержу. Пора с этим кончать!»

— Самоубийство? — спрашивает Бизань. — Самоубийство из страха? Наверное, это возможно. Тогда не нужна и предсмертная записка. Сам дневник становится такой запиской.

Майор П. поворачивается к Бизани и почему-то улыбается. Но тут же стирает улыбку с лица:

— Может быть. А может и не быть. Вам следует знать ещё об одном факте: из пистолета Ш. было произведено два выстрела. Ш. сидел в кресле напротив входной двери. Другая пуля застряла в дверном косяке.

— В кого же он стрелял? — спрашивает Фок. — В своего убийцу?

— Может быть, — повторяет майор П. — А может и не быть.

— Кстати, я ведь приехал, как вы понимаете, не только для того, чтобы удовлетворить ваше любопытство. Мне бы хотелось тоже задать вам ряд вопросов.

— Мы к вашим услугам, — говорит Фок.

Майор П. достаёт из кейса фотографию. На ней изображена женщина лет тридцати пяти. Её взгляд, направленный прямо в объектив фотоаппарата, кажется серьёзным, даже суровым, что странно не вяжется с несколько легкомысленной позой и одеждой — фотография сделана, видимо, где-то на природе, на пикнике.

— Может быть, кто-нибудь из вас узнает её? Это сестра Ш., хозяйка дома. Её зовут Надя.

— Это она! — восклицает Бизань.

— Она?

— Та женщина, что я встретил в метро. Но, к сожалению, больше мы о ней ничего не знаем. Собственно, потому для нас и началась вся эта история.

— Да, я помню ваш рассказ, — майор П. смотрит на Бизань. — Больше вы ничего не помните? Может быть, упустили какие-нибудь детали. Вам они могут показаться незначительными, но для следствия могут представлять большую ценность. Дело в том, то Надя исчезла. Правда, пока ещё прошло очень мало времени, и, может быть, она просто у кого-нибудь гостит, не подозревая, что в её квартире найден труп её брата. В любом случае, чем быстрее мы её отыщем, тем будет лучше.

Мы все трое пожимаем плечами.

— Ну, хорошо, — майор П. убирает фотографию в кейс. — В таком случае я попрошу у вас номер телефона Ч. и Кати. Может быть, они что-нибудь

смогут прояснить. Не случайно же на Катиных варежках оказался телефон Нади.

— Да, конечно, — говорю я и пишу номер на газете, которой покрыт чайный столик. — Но я хотел бы ещё спросить у вас: как же варежки? Вы ведь сказали по телефону, что с варежками мы попали «прямо в точку».

Майор П. убирает в кейс клочок газеты с номером телефона и достаёт зелёную варежку с вышитыми на ней четырьмя цифрами. Точнее, цифры не вышиты, а как бы приклеены или пришиты, растянутые по вертикали и узкие.

— Вот это мы нашли в квартире около входной двери. Мы предполагаем, что варежка принадлежала хозяйке дома.

— Значит, Ш. стрелял в Надю? — восклицает Фок.

Майор П. снова улыбается: — Может быть. А может и не быть. Видите? — майор П. указывает пальцем на карточку, всё ещё лежащую на столе среди чашек с чаем и пепельницами. — Четыре цифры на варежке не совпадают ни с началом, ни с концом номера телефона Нади, по которому жил последнее время Ш., и по которому вы звонили.

— А где же вторая варежка? — спрашивает Бизань.

— Второй не было, — майор П. убирает варежку в кейс и внимательно смотрит на Бизань: — Жаль, что тогда в метро вы не запомнили номер. Нам бы очень хотелось знать, чей это номер. Если, конечно, это тоже номер телефона, как на Катиных варежках. Может быть, вспомните?

Бизань смущённо пожимает плечами: — Я бы рад, но…

— Хорошо, — говорит майор П., кивая головой.

Странно, но мне кажется, что он этим как бы доволен. Наверное, это чисто профессиональное, думаю я. Он испытывает своеобразное удовлетворение, когда оправдываются его ожидания, даже если ничего хорошего в этом нет.

— А теперь прошу меня извинить, — говорит майор П., поднимаясь с кресла. — Мне пора идти, сегодня ещё много дел.

Я провожаю майора П. до двери. Когда дверь захлопывается, мне вдруг приходит в голову одна мысль. Я даже выглядываю на лестничную площадку, но лифт уже ушёл. Я хочу поделиться этой мыслью с коллегами по БАКу, но, когда возвращаюсь в комнату, нахожу их в глубоком раздумье.

Бизань что-то чертит на листе бумаги и тихо бормочет: — Три цифры — это теоретически тысяча вариантов. Но если у последней цифры есть правая

вертикальная, у второй снизу нет черты, а первая снизу круглая, то тогда получается…

Фок морщит лоб и, увидев меня, медленно говорит: — Какой телефон ты ему дал?

— Вы о чём? — спрашиваю я.

НА БАКЕ ТРЁХМАЧТОВОГО КЛИПЕРА СИДЕЛИ ТРИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА И РАССКАЗЫВАЛИ ИСТОРИИ.

И ПРОДОЛЖИЛ БИЗАНЬ.

И вот мы снова сидим на БАКе и пытаемся говорить все трое одновременно. Никто никого не слушает. Наконец, Грот берёт чайную ложечку и стучит по краю чашки.

— Тихо! Остановитесь, коллеги! Я так понимаю, что каждому из нас пришла в голову какая-то важная мысль, которой нужно немедленно поделиться с остальными. Но давайте установим очерёдность.

— По алфавиту? — предлагаю я.

Фок возражает: — Это нечестно — по алфавиту я всегда последний. Лучше бросим жребий.

Грот достаёт монетку: — Здесь только два варианта: орёл и решка. А нас трое. Можно ли определить попарно взаимный порядок выступлений?

Фок говорит: — Конечно, можно. Сначала «Бизань и Фок», потом «Фок и Грот», а в конце «Грот и Бизань».

Грот два раза бросает монеты и объявляет результат: — Итак, Бизань выступает раньше Фока, а Фок выступает раньше меня. Порядок установлен: Бизань, Фок, Грот.

Фок тихо смеётся.

— В чём дело? — спрашиваю я. — Что-то неправильно?

— Нет, всё в порядке. Просто, вы, наверное, думали, что у нас троих все шансы были равными?

— А разве не так?

— Не совсем. Для троих теоретически существует шесть порядков. Так?

— Да, получается так.

— Сколько же раз нужно было бросать монету?

— Два раза — это четыре варианта, мало. Три раза — это восемь вариантов, много. Но у нас ведь порядок установился после второго бросания.

— Но так будет не всегда. Если бы второй жребий дал другой результат, то получилось бы, что Бизань выступает раньше меня и Грот тоже выступает раньше меня, то есть я выступаю последним. Но кто из двоих — Бизань или Грот — выступает первым, а кто вторым? Значит, пришлось бы это тоже определять жребием — бросать монету третий раз. Правильно?

— Правильно, мы ведь и собирались бросать монету три раза.

— При таком способе определения порядка два варианта могут получиться уже после двух бросаний, а для остальных четырёх вариантов потребуется третье бросание. Поэтому, если посчитать, то окажется, что шансы оказаться последним у нас были не равны. Один из нас имел меньше шансов — вместо одной трети (то есть 33,3%) только 25%, а остальные — больше шансов — по 37,5%. Когда Грот решил установить попарный взаимный порядок выступлений, я сразу сообразил, что если последней парой будет «Грот и Бизань», то эти 25% окажутся у меня. Поэтому я и предложил такой порядок пар в жребии. Просто мне не хотелось оказаться последним.

— Это мошенничество! — смеётся Грот.

— Нет — всего лишь комбинаторика и теория вероятностей.

— Можно тянуть жребий старым способом, — предлагаю я, — три бумажки из шляпы.

— Да вы не расстраивайтесь: за всё приходится платить. Мои шансы оказаться первым тоже были меньше, чем у вас. В том же соотношении: 25% против 37,5%. Произошло перераспределение вероятностей и за счёт крайностей мои шансы оказаться средним увеличились в полтора раза. Правда, быть первым я тоже не очень стремился.

— Простим его? — спрашивает Грот. — Всё же, если и обманул, то красиво.

— Научно обманул! — соглашаюсь я. — Так я начинаю первым?

— Мы слушаем.

— Как только майор П. показал варежку, я сразу её узнал. Это действительно была та самая варежка, которую я видел в руках женщины в метро. Теперь мы знаем, что женщину зовут Надя. И теперь мы знаем четыре первые цифры номера на её варежках. Или последние?

— Последние, — говорит Грот. — Первая из этих четырёх цифр — ноль, а с него только специальные номера начинаются: пожарные, милиция, скорая помощь. Но там номер двузначный.

— Очень хорошо. Значит, на другой варежке — первые три цифры номера. Мне нужно их вспомнить.

— Ты же сказал майору П., что не можешь вспомнить номер.

— Не мог. Но когда Грот пошёл провожать майора, в моей памяти стала всплывать картинка той сцены в метро. Я снова увидел женщину, Надю, и её руки, сжимающие варежки. Две варежки, варежку на варежке. Цифры на нижней варежке были не видны, их загораживала верхняя варежка. А на верхней варежке было... да, вроде бы только три цифры. В том месте, где женщина держала варежки, цифры деформировались, сжимались. Но, кажется, правая цифра заканчивалась длинной вертикальной чертой, как у единицы или четвёрки. У средней цифры снизу было такое характерное закругление, как у нуля или восьмёрки... А левая... у левой цифры снизу горизонтальная чёрточка закруглялась только с одной, правой, стороны, как у тройки или пятёрки...

— Ну-ка, ну-ка, — Фок отбирает у меня листок с моими набросками цифр. — Как ты определил, где верх, а где низ?

— Это же видно. Хотя... на варежке, которую показывал майор П., если её надеть на руку, цифры ориентированы так, что владелец варежки видит их в нормальном ракурсе. В метро она держала их так, что... Получается, что я видел цифры вверх ногами?

— В том-то и дело! — восклицает Фок.

— Тогда всё наоборот. Левая цифра начинается длинной вертикальной чертой; это может быть 0, 1 или 6. У средней цифры сверху закругление как у цифр 0, 8 или 9. Правая цифра закругляется в верхнем левом углу; значит, это 5 или 6.

— Прекрасно! — восклицает Фок. — В таком случае мы имеем не тысячу вариантов трёхзначного числа, а всего лишь 3x3x2 = 18 вариантов!

— Надо бы сообщить об этом майору П. — предлагаю я.

— Ему нужно сообщить ещё кое-что, — говорит Фок. — Теперь моя очередь говорить?

— Мы слушаем.

— Скажи, пожалуйста, Грот, какой телефон ты дал майору П.?

— Как какой? Телефон Кати и Ч., конечно. Тот, который я записал на газете после «Прелюдии» Бизани. Тот, по которому ты звонил.

— Кстати, мы так и не выяснили, откуда взялся этот номер телефона.

— Ну, это длинная история.

— Секрет?

— Вовсе нет, просто не было случая вам её рассказать.

— Мы слушаем.

— Ну, хорошо. Дело в том, что история о встрече в метро, рассказанная Бизанью, напомнила мне другую историю, которая произошла со мной года три назад. Но начать нужно с ещё более ранних событий, событий двадцатилетней давности.

Была одна женщина. Даже не женщина, молодая девушка, лет семнадцати-восемнадцати. Кончила школу, пыталась в институт поступать. Казалось бы, ничего особенного в ней не было. Ну, красивая. Даже не красивая, а, скорее, интересная. Глаза у неё были странные, такое выражение, как будто она удивлена. Только это у неё постоянно было, может быть, необычный разрез глаз. И что-то ещё такое во взгляде… не знаю, словами не объяснить. Просто нельзя было равнодушно скользнуть по ней взглядом, знаете, как мы каждый день скользим по тысячам лиц: в метро, на работе, на улице. Чувствовалось, что не простая она, совсем не простая…

Познакомился с ней в городе N, на Урале. Я туда в командировку поехал. Почти сразу после института. Я тогда молодой был. Уже не помню, где и как мы встретились. В общем, что-то случилось между нами, что-то происходило. Наверное, это можно назвать обычным любовным романом. В таком, знаете ли, командировочном варианте. Так внешне выглядело. А на самом деле…

Я ведь и до сих пор не знаю, что на самом деле… Командировка закончилась, я уехал. От неё пришло письмо. Я ответил. Переписка наша длилась почти год. И вот меня снова посылают в командировку в N. Мы встретились… И тут стало происходить что-то… не знаю, как сказать: сильное, бурное, какое-то неуправляемое что ли. Я понимал, что она меня любит. По-настоящему любит. Нет, дело даже не в этом. Как будто она предлагает мне что-то необычное, не вполне понятное, но такое, что требует от меня очень много. Какого-то ответа. Ответной любви? Так не скажешь. Можно сказать: ответной жизни?

А я… я не мог понять, что я чувствую. Я оказался не готов к таким отношениям. В общем, я сбежал… Внешне ничего драматичного: мы не ссорились, просто командировка закончилась и я уехал. Но она поняла, что я

убежал. Ведь можно было, наверное, что-то придумать, остаться под каким-то предлогом, отпуск взять. Можно было её в Москву пригласить. Я ничего этого не сделал. И больше она мне не писала.

Потом шли годы. Я женился, дети пошли, работы много было. Многое, очень многое изменилось. Это ведь жизнь шла, моя жизнь без всякой связи с ней. Я уже редко вспоминал её. А когда вспоминал, то думал: вот, у неё тоже идёт жизнь без всякой связи со мной. Наверное, вышла замуж, дети, работа, многое изменилось…

А три года назад раздался телефонный звонок. Это была она. Не знаю, как она узнала мой номер, я ведь в этой квартире только пятый год жил. Она спросила, не сохранились ли у меня её письма? Мы встретились, я передал ей письма. Мы ходили где-то по улицам, разговаривали. Она кончила институт, хорошо продвигалась по работе, правда, личная жизнь как-то не сложилась. Теперь она переехала в Москву, её пригласили работать в какую-то большую фирму, устроили прописку…

Была зима, подмораживало, шёл снег, и мы начали замерзать. Я предложил посидеть в каком-нибудь кафе, но она отказалась. Я провожал её в метро. Мы стояли в подземном переходе. Мне уже пора было возвращаться домой. Мы стали прощаться. Она взяла мою руку и долго держала её. Она держала её как-то странно, обеими руками, как держат ребёнка. Она держала мою руку и немного покачивала её, как покачивают ребёнка. Она ничего не говорила. Только держала мою руку и покачивала её. И тут я понял, что ничего не изменилось, что все эти годы она меня ждала. Не искала, не пыталась встретиться, даже не пыталась узнать, как я, что я. Просто ждала. Вот так мы стояли в подземном переходе, она держала мою руку, как держат ребёнка, и качала её, качала. Так она прощалась со мной. Не тогда, когда мы расставались в городе N., не тогда, когда она перестала писать письма. А только сейчас, двадцать лет спустя, она прощалась со мной. Может быть, не со мной даже, а с чем-то… не знаю, с чем…

Грот замолкает.

Мы тоже молчим, находясь под впечатлением его рассказа. Потом он наливает себе чаю, откусывает сухарик и говорит: — Вот такая история.

— А что же телефон? — спрашивает Фок.

— Телефон?

— Ну да, я ведь спрашивал, откуда у тебя тот номер телефона, который ты дал майору П.?

— Ах, телефон… Видите ли, во время той встречи, я говорил уже, была зима, и Яна была в варежках.

— Кто?

— Та женщина, о которой я рассказывал. Её зовут Яна, довольно редкое имя. Когда мы стояли в подземном переходе, и она держала мою руку и качала её, на ней были зелёные вязаные варежки. Я всё смотрел на варежки, может быть, потому, что не хотел смотреть в глаза Яны. Наверное, боялся увидеть в них то самое удивление… Да, так это были не простые варежки — на них тоже были вышиты цифры. Даже не вышиты, а как бы намалёваны, или вырезаны и приклеены, растянутые по вертикали и узкие. Я запомнил эти семь цифр.

— Это был её номер телефона?

— Не знаю, я ведь потом пытался набирать эти семь цифр, но каждый раз попадал в бухгалтерию какого-то завода, где о Яне никто ничего не знал. Больше я её не видел, и ничего о ней не слышал. Когда Бизань рассказал о своей встрече в метро, я сразу вспомнил эти варежки, и эти семь цифр. Вот их я и записал на газете. Но до сих пор не могу понять, почему по этому номеру оказались Ч. и Катя? Там ведь должна была находиться бухгалтерия завода! Может быть, за три года сменились номера телефонов?

— Кажется, я догадываюсь, в чём тут дело, — говорит Фок. — Ты дал майору П. вовсе не номер Кати и Ч. Сейчас наш майор, наверное, разговаривает с бухгалтерией завода. Впрочем, сейчас уже поздний вечер и номер не отвечает.

— Стоп! — вмешиваюсь я. — Что ты говоришь, Фок? Ты же звонил Кате и Ч. по тому номеру, который Грот написал на газете, а именно этот номер Грот дал майору П. Наверное, действительно номер сменился. Или Грот был прав, и ты звонил совсем по другому номеру, а вся история с роботом, Катей и Ч. — твой розыгрыш?

— Ничего подобного! Просто здесь получился двойной перевёртыш. Вот смотрите.

Фок пишет на листе бумаги семь цифр, растянутых по вертикали и узких, и показывает их Гроту.

— Это номер бухгалтерии?

— Да, именно эти цифры были на варежках Яны. И именно этот номер я дал майору П.

— А теперь обратите внимание: номер составлен из цифр 0, 1, 6, 8 и 9. А эти цифры при переворачивании остаются теми же самыми, только шестёрка

и девятка превращаются друг в друга. Цифры на варежках у Нади и у Кати повёрнуты в сторону того, кто надевает варежки. Поэтому Бизань увидел цифры вверх ногами. Наверное, и у Яны такие же варежки. И Грот увидел их тоже вверх ногами! Но он не обратил на это внимание, потому что при перевороте получился тоже вполне осмысленный номер. Конечно, это оказался другой номер — номер бухгалтерии.

Грот берёт лист бумаги и переворачивает его: — А вот так, значит, получается номер телефона Кати и Ч.?

— Конечно! Когда ты записал на газете свои семь цифр, я ведь тоже ошибся — прочитал их вверх ногами. В результате две ошибки взаимно уничтожились, и я звонил по правильному номеру. А этим номером оказался номер Кати и Ч.

— Старички! — говорю я. — Кажется, теперь выстраивается некая система. Смотрите: на варежках Яны вышит номер телефона Кати — тот, что при переворачивании превращается в номер телефона бухгалтерии. На варежках Кати — номер телефона Нади. А на варежках Нади...

— Номер Яны! — восклицает Грот.

— Теоретически, — уточняет Фок, — в цикле может быть и больше женщин с цифровыми варежками. Но, похоже, Бизань прав: каждая из известных нам трёх женщин носит варежки, на которых вышит номер телефона другой женщины.

— Катя сказала, что варежки ей связала подруга — на память. Значит, этой подругой была Яна!

— Наверное, они вязали варежки со своими номерами телефонов и дарили их друг другу, — высказывает предположение Фок. — По кругу.

— Теперь я вспоминаю, — говорю я, — как реагировала Катя, когда я её «узнал». Она внимательно посмотрела на меня и спросила: «Так это Вы меня видели?» Мне ещё показалось странным: ведь на самом деле я видел не её, как же она меня узнала? Тогда я решил, что это часть розыгрыша.

— А теперь ты это как объясняешь? — не понимает Грот.

— Всё дело в интонации, точнее в интонационном ударении. Её интонация показалась мне какой-то неправильной, как будто она оговорилась, но тогда я не придал этому значения. Если бы она меня узнала, но, не доверяя своей памяти, хотела уточнить, она должна была бы спросить с ударением на слове «Вы»: «Так это *Вы* меня видели?» Но она сделала ударение на слове «меня»: «Так это Вы *меня* видели?» А это означает совсем другое: сомнение в

том, что я видел именно её. Сам факт, что я видел какую-то женщину с варежками, на которых были вышиты цифры, как у самой Кати, её не удивил.

— Что означает: она знала, что кто-то носит варежки, на которых вышит её номер телефона.

— Именно так! И теперь мы знаем, что эту «кто-то» зовут Яна.

— Не пора ли ознакомить майора П. с нашими изысканиями? — предлагаю я.

— Сначала вы должны послушать и моё выступление, — говорит Грот.

— Мы слушаем.

Грот снимает очки и старательно протирает их платком:

— Вам не показался странным этот майор П.?

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я.

— Ну, во-первых, он почему-то приехал к нам, хотя мог вызвать нас к себе в учреждение. Тем более что номер телефона Бизани он узнал и проверил, перезвонив.

— Что же здесь странного? — говорю я. — Может быть, он хотел побыстрее задать нам свои вопросы. Хотя... По-моему, он больше рассказывал, чем спрашивал. Немного необычно для милиции, да?

— А я первый раз увидел милиционера, который курит сигары, — заявил Фок.

Грот водружает очки обратно на нос:

— Ну, это у тебя стереотип. Почему бы милиционеру не курить сигары?

— И ещё, — не сдаётся Фок, — он постоянно повторял одну и ту же фразу: «Может быть, а может и не быть».

— Фраза стилистически немного странная, обычно говорят: «Может быть, а может быть, и нет». Но какой здесь криминал?

— Дело не в этом, — Фок морщит лоб. — Майор произносил эту фразу с какой-то жутковатой интонацией. Знаете: «не быть — убить — небытие»...

— Это у тебя уже какие-то психологическо-лингвистическо-философические фантазии. — Грот опять начинает протирать свои очки. — Речь ведь и шла об убийстве. Или самоубийстве.

— В чём-то он прав, — вступаюсь я за Фока. — Теперь мне тоже кажется странным, как майор строил свой рассказ. Он всё время подводил нас то к

версии об убийстве Ш., то к версии о самоубийстве. Как будто хотел узнать, какая версия нам больше нравится.

— Или какая покажется достоверней. Может быть, он просто проверял на нас разные варианты? Размышлял вслух.

— Может быть, а может и не быть, — Фок передразнивает майора. — Но мне показалось, что одна версия ему самому нравится больше другой.

— Версия о самоубийстве, — соглашаюсь я. — Каждый раз, когда майор П. подводил к этой версии, и я высказывал её вслух, он почему-то улыбался.

— И ещё он улыбнулся, когда я спросил, не в Надю ли стрелял Ш.? — добавляет Фок.

— Иными словами, — подводит итоги Грот, снова водружая очки на нос, — майор П. пытался нас убедить, что Ш. совершил самоубийство на почве страха и пытался убить Надю в результате помешательства на той же почве. При этом страх был безосновательным, поскольку никто не собирался убивать Ш., а всего-навсего передать его другому работодателю.

— Но это только наши домыслы, — возражаю я, — и они построены на весьма зыбкой почве. Психологическо-лингвистическо-философической, как ты выразился.

— Согласен, — продолжает Грот. — Но для чего вообще майор П. сюда приезжал?

— Узнать телефон Тани и Ч. — говорит Фок.

— А ещё он хотел, чтобы я вспомнил номер на Надиных варежках, — добавляю я. — Правда... мне показалось, что он остался доволен моей плохой памятью. Я ещё подумал, что это чисто профессиональное: он испытывает своеобразное удовлетворение, когда оправдываются его ожидания, даже если ничего хорошего в этом нет.

— Тогда возникает вопрос, — говорит Фок, — майор П. хотел узнать этот номер, или он не хотел, чтобы его узнали мы?

— Это всё тоже зыбко, — говорит Грот. — Я хотел сказать другое. Вам не показалось странным, как мы расстались с майором?

— Что ты имеешь в виду? По-моему, всё было обыкновенно: поговорили, он распрощался и ушёл.

— И его не интересует, вспомнит ли Бизань цифры на Надиных варежках? Вспомним ли мы ещё какие-нибудь важные детали, о которых он спрашивал?

— Кое-что мы действительно вспомнили и выяснили.

— И как мы ему сообщим об этом?

— Позвоним по телефону… — я начинаю догадываться. — Ха! У нас же только телефон Нади. Не сидит же майор П. там днём и ночью.

— Вот именно, — Грот задумчиво глядит в потолок. — Я подумал об этом, как только он ушёл. Я даже хотел его догнать, но было поздно. Майор не оставил нам своего телефона! Забыл? Маловероятно: для следователя или оперативника это чисто рефлекторное действие: если хочешь, чтобы свидетель что-то вспомнил и сообщил, оставь ему свой служебный телефон.

— Между прочим, — говорю я, — мы не попросили его показать документы.

— И он был в штатском, — добавляет Грот.

— И курил сигары, — почему-то снова вставляет Фок.

— Кто такой П.? — формулирует общий вопрос Грот. — Если не майор милиции, то кто? Учитывая его осведомлённость, дневник Ш. и варежку Нади?

— Ты хочешь сказать… — у Фока вытягивается лицо.

— Мы можем попытаться восстановить всю картину, — говорит Грот. — Какие-то детали могут оказаться иными, но общий рисунок кажется мне ясным. Попробую его набросать.

Ш. сидит в квартире Нади и пишет свой дневник. Убийцы открывают дверь, может быть, отмычкой, может быть, взламывают её — это не важно. Ш. успевает сделать свою последнюю запись. Дальше убийцы врываются в квартиру, убивают Ш., стирают с пистолета отпечатки пальцев и вкладывают оружие в руку Ш. Но тут неожиданно возвращается Надя. Она открывает дверь, держа в руках варежки, и видит, что происходит. Она делает шаг, другой. Наконец, всё понимает, и пытается убежать. Убийцы знают, что им никак нельзя отпустить Надю — она их выдаст. Но догнать её они не могут — она уже у самой двери, дверь ещё остаётся открытой, а они в глубине комнаты. Тогда они стреляют в Надю. Пуля попадает в косяк двери, Надя роняет одну варежку, но успевает скрыться.

— Нам нужно спешить, — говорю я. — Если наши предположения верны, П. ищет Надю. И мы должны найти её раньше.

— Таня и Ч. в безопасности, — добавляет Фок, — а за бухгалтерию завода можно не опасаться.

— Зато можно опасаться за нас, — говорит Грот. — Вряд ли П. понравится шутка с перевёрнутыми цифрами.

— У нас только одна ниточка, — продолжаю я, — мы должны найти Яну. Может быть, Надя прячется у неё, у своей подруги, которая подарила ей когда-то варежки со своим номером телефона?

— Если в круге только три женщины и три пары цифровых варежек, — уточняет Фок. — Но попробовать надо. Не так уж долго сделать 18 телефонных звонков.

Мы делаем несколько неудачных попыток. И наконец... Я набираю номер. После трёх продолжительных гудков трубку снимают.

Мужской голос: — Говорите.

Я: — Здравствуйте. Можно попросить к телефону Яну?

Мужской голос: — Кто её спрашивает?

Я: — Видите ли... мы не знакомы... нас здесь трое... один из нас хорошо знает Яну.

Мужской голос: — Кто вы?

Я: — Это долгая история... Всё дело в варежках...

Мужской голос: — Каких варежках?

Я: — Ну, варежках с цифрами. У Яны ведь есть такие?

Мужской голос: — Что вы знаете об этом?

Я: — Извините, а нельзя ли всё же позвать Яну? Или... может быть, Надю?

Мужской голос: — Вот что: я не знаю, кто вы такие, но, похоже, нам придётся встретиться. Где-нибудь на нейтральной территории.

Я: — Мы готовы.

Мужской голос: — Есть подходящее место, где нам никто не помешает. Мастерская художника. Через час вас устроит?

Я: — Да, а где это?

Мужской голос: — Записывайте адрес.

Я записываю адрес, и мы едем.

НА БАКЕ ТРЁХМАЧТОВОГО КЛИПЕРА СИДЕЛИ ТРИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА И РАССКАЗЫВАЛИ ИСТОРИИ.

И ПРОДОЛЖИЛ ФОК.

Мастерская начинается глубоко под землёй и окна мутно белеют под самым потолком, теряющимся на невозможной высоте. Пространство делится по вертикали на две равные части. Вверху змеятся бесчисленные провода и свешиваются десятки прожекторов всевозможных форм и размеров. Внизу многочисленные гипсовые скульптуры странных вогнутых и закрученных форм, казалось, кружатся в каком-то причудливом танце. На стенах масляные картины в тяжёлых тёмных рамах перемежаются с кусками оргалита и картона без всяких рам и просто листов бумаги, приколотых кнопками. Но на всех на них — однотипные изображения отдельных частей человеческого тела: кисти рук, ступни ног, локти, колени, бёдра, ягодицы, гениталии, животы, груди, спины, плечи, шеи, уши, носы, губы, лбы и затылки.

Нет только глаз. И все скульптуры тоже безглазые.

В одном углу на длинном столе стоят в ряд три компьютера с затемнёнными мерцающими экранами мониторов. В противоположном углу на специальной подставке стеклянный куб, внутри которого филигранная модель трёхмачтового клипера. Горят две лампы, красная и синяя, и три массивных свечи, стоящие прямо на полу. Где-то, видимо, тлеют курительные палочки, потому что по воздуху тихо плывёт диковинный аромат.

В центре за большим круглым столом сидит старик — лысый, но с длинной белой бородой. Он пьёт чай из высокой кружки с крышкой. Каждый раз он приподнимает крышку, делает глоток и опускает крышку на место. Рядом с ним, положив руку ему на плечо, стоит маленькая девочка в джинсах и свитере. Она жуёт жвачку. Мы сидим на стульях напротив и тоже пьём чай.

Старик закончил свой рассказ и ждёт наших вопросов.

Первым спрашиваю я.

— Мариночка, — говорит старик, — покажи нашим гостям.

Девочка идёт к компьютерам. Бегает пальчиками по клавиатурам. Откуда-то сверху доносится низкий гул и раздаётся серия резких щелчков. Вспыхивают разноцветные прожектора. В перекрестии их лучей появляются изображения Тани и Ч. Они быстро уплотняются, подходят к столу, здороваются, садятся на стулья, берут себе чашки и начинают пить чай.

— Как продвигается ваш Сюжет? — вежливо спрашивает Таня.

Её голос слегка вибрирует, а сквозь лицо чуть просвечивают чёрные волосы на затылке.

— Мариночка! — укоризненно говорит старик.

— Я не виновата, дедушка, — отвечает девочка, — эта лампочка всё время перегорает.

— Ну, так включи резервную.

Девочка идёт к компьютерам и берёт пальчиками короткий аккорд на левой клавиатуре. Вспыхивает ещё один прожектор и лицо Тани перестаёт просвечивать.

Я что-то отвечаю, но разговор не клеится.

— Пожалуй, мы немного потанцуем, — говорит Таня.

Звучит тихая музыка. Таня и Ч. кружатся в медленном танце.

Вторым спрашивает Бизань.

— Мариночка, — говорит старик.

Девочка снова идёт к компьютерам. Бегает пальчиками по клавиатурам. Опять что-то шумит наверху, и вспыхивают разноцветные прожектора. В перекрестии их лучей появляется изображение Нади и чуть позже — двух мужчин. Один, в милицейской форме, — майор П. Другой, в кожаных перчатках с обрезанными пальцами, мне не знаком. Ш., догадываюсь я. Они подходят к столу, здороваются, садятся на стулья, берут себе чашки и начинают пить чай.

— Как продвигается ваш Сюжет? — вежливо спрашивает майор П.

Бизань что-то отвечает, но разговор не клеится.

— Пожалуй, мы немного поиграем, — говорит Надя.

Они отходят к креслам, садятся вокруг низкого журнального столика. Ш. достаёт колоду карт, тасует её и начинает раздавать.

Третьим спрашивает Грот.

В перекрестии лучей появляется изображение женщины до сорока лет, невысокого роста, хорошего сложения, с выразительными глазами, приятность которых не портили ни пучки микроморщинок в уголках, ни тёмные мешки под глазами, ни жестковатость взгляда.

— Это Яна, — говорит Грот.

Рядом с женщиной возникает мужчина.

— Познакомьтесь, это Сергей, — говорит Яна, подсаживаясь к столу. — Он скульптор, это его работы вы видите вокруг.

Мы пьём чай.

— Как продвигается ваш Сюжет? — вежливо спрашивает Сергей.

Грот что-то рассказывает, но разговор не клеится.

— Вы не возражаете, если мы немного погуляем? — говорит Яна.

Они надевают дублёнки, меховые шапки и выходят на улицу.

— А что же варежки? — спрашиваем мы.

— Варежки, — отвечает старик, — это ключ ко всему. Мариночка, принеси, пожалуйста.

Девочка приносит шкатулку и ставит её на стол. Старик открывает крышку и достаёт три пары зелёных вязаных варежек с вышитыми на них цифрами. Нет, цифры не вышиты, они как бы намалёваны, или вырезаны и приклеены, растянутые по вертикали и узкие.

— Вы видите три семизначных номера, — объясняет старик. — Их можно расположить по сторонам треугольника так, что в углах один номер переходит в другой, но при этом цифры переворачиваются. Цифра в углу заканчивает один номер и начинает другой. В левом углу это цифра 1, в правом углу цифра 8, и наверху цифра 6 заканчивает номер, а цифра 9 начинает следующий номер. В серединах сторон треугольника находится цифра 0 — это для симметрии. Остальные цифры расположены в оставшихся позициях по сторонам треугольника.

— А почему нет цифры 3? — спрашиваю я.

— Ей соответствует центр треугольника, — поясняет старик. — Так устроен мой телефон — немного вычурно и старомодно, но в целом эффективно. Мариночка, а не обновить ли нам чаёк?

Девочка скрывается за дверью кухни.

— А я пока покажу кое-что нашим гостям.

Мы идём в угол комнаты, где в стеклянном кубе по синей пластмассовой воде плывёт трёхмачтовый клипер. Старик щёлкает выключателем, и корабль освещается розоватым предзакатным светом.

На баке клипера я различаю три миниатюрные человеческие фигурки. Одна из них чем-то похожа на Бизань, другая — на Грота. А третья, наверное, я, — думаю я. На какой-то миг мне слышится плеск волн и шум ветра. Я вижу длинные белые облака в синем небе, похожие на седую бороду. Если дать волю воображению, можно различить в причудливом скоплении облаков, освещённых предзакатным солнцем, лицо старика. И две тёмные точки зрачков. Или это две птицы парят в вышине?

— Кажется, теперь очередь Грота рассказывать историю, — говорит Бизань и размазывает по щеке солёные брызги.

ТРЁХМАЧТОВЫЙ КЛИПЕР ПО МОРЮ ПЛЫЛ. ВЕТЕР ДУЛ В ПАРУСА. ПРЕДЗАКАТНОЕ СОЛНЦЕ СВЕРКАЛО НА ГЛАДКОЙ ВОЛНЕ. ЧАЙКИ КРИЧАЛИ.

Прожектора в замедленном ритме вспыхивали и гасли. Мариночка разливала чай. Голограммы наложились друг на друга, слиплись в единое целое, и разлетелись в разные стороны, слившись со странно вогнутыми и закрученными скульптурами. Старик замерцал, зарябил и померк.

— Мама сейчас придёт, — сказала девочка и улыбнулась мне.

Двери закрылись, и тут она опять поглядела на меня. Она глядела мне в глаза, не отводя взгляда, не шевеля губами. Ресницы не двигались. Микроморщинки у глаз казались нарисованными. В её взгляде было какое-то движение: не по горизонтали или вертикали, не по радиусу, — это было движение вглубь. Подобное уходящему поезду.

И я уже не видел её, и не видел её взгляда, а только то, что уходило вглубь, что было там — в глубине. Но что это было, я не знал. Она смотрела на меня сквозь стекло. На стекле была надпись. Я её не видел. Она смотрела на меня, удаляясь, — долго, пока поезд не скрылся в тоннеле. И только тогда она чуть-чуть улыбнулась, почти незаметно. Или мне показалось?

Мы сидели на БАКе и пили чай. Раздался телефонный звонок. Бизань снял трубку и сказал: «Да». Через пять минут молчания он повесил трубку.

— Это была она, — сказал он.

— Как она узнала твой телефон? — спросил Фок.

— Она сказала свой номер? — спросил Грот.

— Вы же слышали, — ответил Бизань, — мы молчали.

ТРЁХМАЧТОВЫЙ КЛИПЕР ЗАСТРЯЛ ВО ЛЬДАХ. ВЕТЕР ЗВЕНЕЛ, УДАРЯСЬ В КОЛОКОЛ СВЕРКАЮЩИХ ПАРУСОВ. СНЕЖИНКИ КРУЖИЛИСЬ СПИРАЛЯМИ ВДОЛЬ ФАЛОВ.

Она пришла к нам на бак и присела на край бухты якорного каната.

— Ты мёрзнешь? — спросил я.

— Немного, — ответила она.

— Почему ты не наденешь варежки? — спросил я.

— Разве это так важно? — спросила она.

Мы снова пили чай.

— В конце концов, — сказал Фок, — комбинируя цифры, мы получим практически бесконечное число вариантов Сюжета.

— Но сам Сюжет рождён из маленькой зрительной картинки, — сказал Грот.

— Или звуковой, — добавил я.

Её зовут КАЯННА. Она любит кататься на лыжах, бродить подземными переходами, и ездить в метро. Её можно вызвать комбинацией цифр. Она является независимо от твоего желания. Она является неожиданно. И ты ожидаешь её постоянно. Разматывая жизнь как свиток сна, ищи в сплетении лиц, голосов и цифр иероглиф «КАЯННА». Ты думал, что это уже не случится. Теперь ты знаешь, что это может случиться всегда. Это не прекращается.

Если бы не читать газеты в метро... Если бы не бояться подземных переходов... Если бы купить жене варежки...

Звонок телефона. Он снимает трубку. Звонок телефона. Она снимает трубку.

Мужской голос: (молчит).

Женский голос: (молчит).

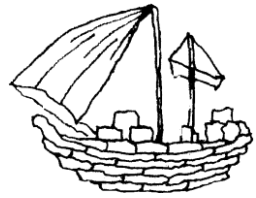
Ветер: (шумит).

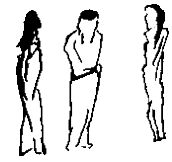
Снег: (падает).

Цифры: (мелькают).

Поезд: (уходит).

1981-1997





1982

ТРАКТАТ О ПРИРОДЕ СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТИ

или

… В ОБХОД ЛЕСА

новелла о природе (и) сентиментальности

Вместо эпиграфа:

— У меня была одна знакомая.
Она УЖАСНО любила любовь.
А больше она никого не любила.

Общим местом стали два положения:

1. Сентиментальность есть род жалости, а именно: малая жалость, в отличие от жалости настоящей, большой — чувства глубокого и положительного.
2. Сентиментальные люди жестоки.

Первое положение есть, в действительности, определение, и, как с таковым, спорить с ним ни к чему. Правда, это определение уже содержит в себе элемент моральной оценки (негативной). Забегая вперёд, скажу, что причина этого не в самом определении — оно нейтрально — а в действующей морали, считающей большое чувство лучше малого.

"О, МОРАЛЬ !" — воскликнул кто-то из Древних и нанёс сокрушительный удар.

Второе положение есть утверждение, требующее либо доказательства, либо опровержения. Но возможен и третий вариант: понимание. Утверждения, подобные рассматриваемому, обладают оригинальным свойством быть истинными и ложными одновременно. Это проистекает из неадекватности используемых понятий, в данном случае: жалость, жестокость.

"Зачем Вы используете ТАКИЕ понятия?" — спросили кого-то из Древних.

"Это НЕ Я ИХ использую, А ОНИ МЕНЯ!" — гордо ответил Древний.

Не следует понимать меня так, будто я призываю отбросить понятия неадекватные и заменить их другими понятиями, адекватными. Мораль — вся — неадекватна. И это не её недостаток, а её сущность.

Ближе к делу. Есть жалость большая, иначе, настоящая, и есть жалость малая, иначе, сентиментальность.

Настоящая жалость чувство глубокое и сильное. Это чувство не мимолётно, оно постоянно регенерируется из глубины нашего существа. Фактически, такая настоящая жалость есть род любви. Недаром говорят, что любовь часто начинается с жалости. Но любовь, и это тоже известно, часто бывает беспощадна, иначе — безжалостна. Здесь получается забавный силлогизм: настоящая жалость есть род любви; любовь бывает безжалостна; следовательно, настоящая жалость может быть безжалостной.

"О, СВЯТАЯ ЖАЛОСТЬ!" — воскликнул кто-то из Древних, терпеливо снося.

Настоящая жалость может вести к жестокости.

Этот вывод не содержит ничего странного. В действительности, жестокость внутренне присуща настоящей жалости, хотя и не всегда проявляется. Жалость, как чувство, строится на отождествлении субъекта и объекта. Так возникает сочувствие, но это ещё не настоящая жалость. Только когда отождествление достаточно полно, глубоко, прочно, — вот тогда жалость становится настоящей. Тогда он (здесь и далее, как правило, человек) ради ближнего готов даже к самопожертвованию. Самопожертвование — характерный аргумент настоящей жалости.

"Вопрос в том, — заявил кто-то из Древних, — готов ли я пожертвовать ВОЛОСКОМ ИЗ МОЕЙ БОРОДЫ?"

Всё это толкает на действия.

Настоящая жалость не может быть пассивной. Напротив, она очень активна: он стремится помочь ближнему, которого жалеет. Подлинная жалость

оставляет далеко позади простое сожаление, сочувствие. Она агрессивна. Отождествляя себя с объектом (здесь и далее, как правило, человек) жалости, он жалеет его КАК САМОГО СЕБЯ и хочет помочь ему КАК САМОМУ СЕБЕ. И он начинает действовать.

Эти действия могут соответствовать желаниям объекта жалости, а могут и не соответствовать. Но он должен помогать ближнему даже ВОПРЕКИ его собственным желаниям. Это категорический императив!

Настоящую жалость, собственно, вообще не интересуют желания объекта, ибо этот объект уже отождествлён с субъектом жалости, и желания самого субъекта для субъекта стали желаниями объекта. "Я очень люблю его, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, я лучше него знаю, что ему хорошо, а что плохо".

"Как это ТРОГАТЕЛЬНО," — заметил кто-то из Древних.

Это есть альтруизм.

Это есть самопожертвование.

Это есть настоящая жалость.

В этом проявляется настоящая забота о человеке.

Я подчёркиваю, что это есть именно НАСТОЯЩАЯ, ПОДЛИННАЯ, МАКСИМАЛЬНАЯ жалость, забота, любовь.

Тут нет никакой иронии.

В своём максимальном проявлении эти чувства вызывают очень полное, очень глубокое, очень прочное отождествление субъекта и объекта чувства.

Именно поэтому представление субъекта о благе объекта ОТОЖДЕСТВЛЯЕТСЯ с самим благом и с представлениями объекта о СВОЁМ благе.

Иначе и быть не может.

"Я иногда думаю, — проговорился кто-то из Древних, — что Вселенная ТАИНСТВЕННА, потому что ПОРОЧНА".

Итак, жалость возникает тогда, когда, во-первых, субъект отождествляет себя с объектом жалости в собственном сознании, и, во-вторых, когда есть, за что жалеть. Второе условие означает, что, по мнению субъекта, у объекта не всё в

порядке в жизни, и надо что-то изменить, помочь. Поэтому настоящая жалость обязательно требует активных действий: помощи.

Особый случай возникает тогда, когда помочь физически невозможно (объект умер). Эту ситуацию называют горем. Субъект испытывает опасный стресс: энергия активности — стремление помочь — не находит выхода.

Но если объекту жалости можно помочь (ещё-не-смерть), то может сложиться противоречивая конфигурация представлений. Ведь объект может САМ обладать самосознанием, у него могут быть СОБСТВЕННЫЕ представления о СВОЕЙ жизни и СВОЁМ благе. И эти представления могут вступить в противоречие с представлениями субъекта! Однако, помощь должна быть оказана БЕЗУСЛОВНО!

"Как я просчитался!" — сокрушался кто-то из Древних, построив МАШИНУ СЧАСТЬЯ, которая, не выдержав страданий жизни, решила умертвить своего создателя.

Иначе, это не будет настоящей жалостью.

Следовательно, помощь оказывается НАСИЛЬНО, ВОПРЕКИ желаниям объекта жалости. Так настоящая жалость приводит к насилию. Насилие порождает жестокость. Настоящая жалость становится БЕЗЖАЛОСТНОЙ.

Мы редко отдаём себе отчёт, насколько распространена подобная конфигурация. Вся врачебная этика в значительной мере основана на жалости к больному, требующей насильственной помощи. И это именно настоящая жалость! Может ли врач быть сентиментальным в отношении больного? Врач ЖАЛЕЕТ больного. Ещё пример: воспитание детей. Потому ли родители бывают жестоки с детьми, что не любят их? Нет, в большинстве случаев родители очень даже любят своих детей и применяют к ним насилие именно ВСЛЕДСТВИЕ ЛЮБВИ, а не вопреки ей.

"Философия, — заметил как-то кто-то из Древних, — приводит к некоторому ОСТЕРВЕНЕНИЮ сознания".

А сентиментальность?

Это жалость малая, поверхностная, мимолётная. Она не затрагивает глубин нашего существа, точнее, не затрагивает их так, как это делает настоящая жалость. Разумеется, в основе сентиментальности, поскольку это всё же жалость, хотя и малая, тоже лежат ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ себя с объектом и

представление о НЕБЛАГОПОЛУЧИИ объекта. Однако, и то и другое протекают иначе и дают иные результаты, чем в случае большой жалости.

Хотя я и сказал о поверхностности сентиментальности, в действительности это не совсем верно. Когда сентиментальный человек испытывает приступ жалости, это именно ПРИСТУП — чувство острое и яркое. Если большая жалость сродни хронической тяжёлой болезни, то сентиментальность есть острый приступ боли, но короткий, почти мгновенный, за которым следует облегчение, и это даже приятно. В дальнейшем сентиментальный приступ часто имеет последействие: медленно затухающие УГРЫЗЕНИЯ СОВЕСТИ.

В чём тут дело?

"Совесть — это то, что ОТЛИЧАЕТ ЧЕЛОВЕКА ОТ БОГА," — с горечью говаривал кто-то из Древних.

Я утверждаю, что сам ПРИНЦИП отождествления в случае настоящей жалости и в случае сентиментальности имеют разную природу. Здесь мы имеем дело с двумя противоположными способами отождествления. В обоих случаях я отождествляю в своём сознании себя с объектом жалости.

В случае большой жалости я сам ставлю себя на место объекта и представляю себе, что он — это я. Но при этом я остаюсь самим собой и думаю, что ОН — ЭТО ТОТ ЖЕ Я, но в другом исполнении. Короче, в результате отождествления Я и ОН получаются ДВА Я.

Сентиментальный человек в момент приступа, напротив, ставит ЕГО на своё место, начинает думать и чувствовать, КАК ОН. В результате отождествления Я и ОН получаются ДВА ОН.

Понятно, почему подлинная жалость продолжительна, а сентиментальный приступ проходит быстро. Представлять себя на ЕГО месте можно очень долго, но думать и чувствовать как ОН, чужими мыслями и чужими чувствами можно только мгновение. Это как ОЗАРЕНИЕ: вдруг понимаешь другого человека изнутри и становишься им.

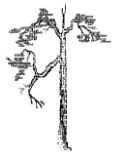
"НЕКОММУТАТИВНОСТЬ мироздания, — глубокомысленно изрёк кто-то из Древних, — порождает НЕКОММУНИКАБЕЛЬНОСТЬ сознания".

Мгновение проходит и остаются угрызения совести: ведь Я уже не ОН, я снова отчуждаюсь от него, снова становлюсь самим собой и уже не чувствую и не думаю как он. Я его как бы ПРЕДАЮ, ЗАБЫВАЮ, ПОКИДАЮ.

Понятно, почему сентиментальность пассивна и не зовёт на помощь. Став на мгновение ИМ, я осознал всю безнадёжность положения: я увидел, что дело не во внешнем неблагополучии, в нём самом. Я увидел мир его глазами, я понял, что ему хотелось бы, и я уже готов был ринуться помогать, но вновь вернулся К СЕБЕ и обнаружил несоответствие ЕГО и МОЕГО видений мира. Теперь я должен был бы помочь ему ВОПРЕКИ СЕБЕ! Я увидел: он стремится к цели, которую я не могу принять. Он хочет того, чего я не хочу. Он видит истину в том, что я считаю ложью. И так далее.

Несоответствие миров.

И всё же сентиментальный человек помогает, предлагает помощь. Но он делает это не по внутреннему побуждению, не по велению сердца, а вопреки ему. Ведь вернувшись в себя, он может лишь разумом, рассудком понять, что этой помощи ждёт от него другой. И он проявляет ЛОЯЛЬНОСТЬ к этому чужому ожиданию.



"Вы верите в СРОДСТВО душ?" — спросили кого-то из Древних.

"Ну, что вы, — засмеялся Древний. — Я даже в УРОДСТВО душ не верю"

Но он не может помогать насильно. Для этого у него отсутствует внутренняя убеждённость в своей правоте. Он прав для себя, но он знает, что для другого он не прав.

Жестокость сентиментального человека может быть следствием его патового положения: он знает, какого дела от него ждут, но он не может делать, ибо не верит в правоту этого дела. Такая жестокость есть жестокость РАВНОДУШИЯ, ОТСТРАНЕНИЯ. Она заключается не в жестоком действии, а в отсутствии действия-помощи.

Но сентиментальный человек может быть жесток и иначе. Он может совершать именно жестокие действия. Мгновения сентиментальных приступов редки, поскольку скоротечны, и в обычном состоянии он не испытывает жалости. Если другие, более сильные чувства, обуревают его, он может совершить жестокость, не испытав сентиментального приступа жалости, который в другом, более спокойном, состоянии остановил бы его. Впрочем, этот приступ он испытает позже, но будет поздно.

Таким образом, настоящий человек совершает насилие, жестокость с ясным сознанием выполняемого долга, тогда как сентиментальный человек — в состоянии аффекта, либо из равнодушия.

"РАВЕНСТВО ДУШ ВЕДЁТ К РАВНОДУШИЮ, — утверждал кто-то из Древних. — ИЕРАРХИЯ ТВОРИТ ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ".

Равнодушие — вещь особенно неприятная. Именно она даёт повод для второго из положений, с которых я начал свой анализ. Но есть ли равнодушие привилегия именно сентиментального человека? Попробуем разобраться.

Человек не может жалеть настоящей жалостью всё подряд. Не замечали ли вы у людей крайней жестокости по отношению к одним и исключительной заботы о других? К первым он относится с полнейшим равнодушием, тогда как вторых активно жалеет. Но это равнодушие также весьма активно, ибо по сути своей оно есть неприятие. Любовь к одному часто ОБОРАЧИВАЕТСЯ ненавистью к другому. Любовь к родине предполагает ненависть к врагам, если родина — НЕ ВСЯ Вселенная.

Но есть не только свои и враги. Не только союзники и противники. Есть ещё НЕПРИЧАСТНЫЕ. Таковы обычно животные (если, конечно, это не мои овцы и не волки, дерущие овец из моего стада), растения, неживая природа, инопланетяне. Странно, почему любовь к кошке часто считается сентиментальной, а любовь к собаке — настоящей? Не потому ли, что собака полезна (хотя данная, конкретная собака, может быть, и бесполезна), а кошка уже давно и как правило существо декоративное и её берут в дом исключительно для любви?

"Хотел бы я быть БАБОЧКОЙ, — вздохнул кто-то из Древних,— сам не знаю почему"

В наше время вдруг возникли экологическая проблема, Красная книга, проблема сохранения генофонда. Почему вдруг? Разве не надо было и раньше заботиться о природе? Не потому ли, что теперь создалась ситуация, когда забота о природе есть забота о нас самих? Настоящая жалость и любовь к природе, если копнуть, оказывается очень ЭГОИСТИЧЕСКИМ чувством. Тогда как сентиментальное отношение к природе, которое ведь было и раньше, совершенно БЕСКОРЫСТНО! Пацифизм всегда считался сентиментальностью в политике. Но ведь современное движение за мир фактически пацифистское,

хотя в нём участвуют уже не только и не столько сентиментальные пацифисты. Пацифистскую окраску приобретает вся мировая политика. Почему? Не потому ли, что теперь это жизненно необходимо для всех?

В действительности, равнодушие сентиментальности есть оборотная сторона её бескорыстности. Но представляется, что диапазон сентиментального чувства много шире диапазона настоящей жалости и настоящей любви. Отсутствие глубины (как я показал выше, скоротечность, недолговременность проникновения вглубь) восполняется широтой применения. Я думаю, далеко не всё, к чему мы можем испытать сентиментальное чувство, мы можем по-настоящему жалеть и любить.

"ИСТИННАЯ ФИЛОСОФИЯ! — в сердцах воскликнул кто-то из Древних. — Она не вызывает в людях ничего, кроме снисходительного умиления".

С развитием цивилизации и её нравственности должно расширяться поле приложения наших чувств: любви и жалости. И сентиментальность оказывается тут ПЕРЕДНИМ ФРОНТОМ.

По-настоящему любить пауков трудно, но сентиментальное чувство к ним испытать можно и гораздо легче. Это кажется парадоксом: ведь представить себя в обличье паука проще, чем представить себя пауком, то есть обладающим паучьим сознанием и взглядом на мир. Но дело в том, что первое ЕСТЬ ВНЕШНЕЕ НАСИЛИЕ над собой (паучье тело — тюрьма для человеческого сознания), тогда как второе ЕСТЬ ОТКРЫТИЕ МИРА (озарение мгновенное, но яркое). Любить по-настоящему надо долго, основательно; сентиментальный приступ скоротечен. Первое требует усилия воли, второе происходит само собой, помимо нас (потому и быстро).

Заметьте, как много в последнее время появилось жизненно важных требований с частицей НЕ: не нарушать экологическое равновесие, не истреблять китов, не перекрывать реки плотинами, не вмешиваться в личную жизнь, не воевать. Отрицание действия свойственно именно сентиментальности.

"БУДЬ МОЯ ВОЛЯ, — мечтал кто-то из Древних, — я бы даже древним не был".

Настоящая любовь активна и требует что-то делать. Почему утопии Платона, Кампанеллы, Дезами, революционные идеи 20-ых годов, мечты Циолковского содержат так много насилия, вплоть до фашизма? Ведь всё это

было продиктовано исключительно великой, настоящей, подлинной любовью к людям, заботой о человечестве.

Ответ прост: уровень ПОНИМАНИЯ действительного блага для человека тогда был ниже, чем сейчас. Не хуже, может быть, даже лучше, но наивнее.

Но ведь это означает предостережение: ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ВОПЛОЩАТЬ СВОЮ ЛЮБОВЬ И СВОЮ ЖАЛОСТЬ В ДЕЙСТВИЯ, НЕ СПЕШИТЕ СО СВОЕЙ ПОМОЩЬЮ!

Будьте более сентиментальны.

Фактически, сентиментальность есть форма ЛЮБВИ К ЧУЖДОМУ. А именно такой любви от нас требуется всё больше и больше. Любить БЛИЖНЕГО, конечно, хорошо и часто погрешность из-за противоречия в конфигурации представлений не очень велика, поскольку это ближний. Но как быть с ДАЛЬНИМ? Здесь погрешность может быть огромна! Надо учиться ПОНИМАНИЮ — оно здесь важнее любви.

"ИСТИННАЯ МУДРОСТЬ! — воскликнул кто-то из Древних философов. — Как можно её любить?"

Но понимание есть акт разума — чувства при этом молчат. Но чувства не могут постоянно безмолвствовать. Разум ограничивает чувства и вместо настоящей любви рождается сентиментальность — пассивное чувство. Однако, в действительности происходит обратный процесс. Чувства, сентиментальные чувства активизируют работу разума. Это и есть АКТИВНОСТЬ СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТИ: вместо активной помощи "сломя голову" — аналитическая работа разума, ПОНИМАНИЕ. Замечено, что сентиментальные люди склонны к рационализму и рефлексии. Это не случайно.

В социальном плане настоящая любовь всегда выполняет некий социальный заказ. Потому и приветствуется моралью. Сентиментальность связана с более долговременными потребностями общества. Она прокладывает путь новой морали. И она часто попадает впросак.

В одном кинофильме Ленин говорит: "Эта музыка действует так, что хочется быть добреньким и всех гладить по головке. А в наше время нельзя гладить по головке — руку откусят".

Но что было бы с нами, если бы мы действительно выбрасывали на свалку истории все эти САНТИМЕНТЫ?! Я думаю, с точки зрения людей Древнего Египта, мы все именно добренькие. Собственно, в этом и заключается нравственный прогресс человечества.

"Прогресс! Прогресс! Прогресс! — кричал кто-то из Древних. — Как он меня достал!"

Сама по себе сентиментальность вовсе не жестока, как это обычно думают. Она ничуть не хуже большой жалости. Но есть одна опасная смесь: сентиментальность и фанатизм. Между прочим, сам фанатизм, то есть слепая вера во что-то или кого-то, сродни именно настоящей любви (и её противоположности — ненависти). Однако, в смеси сентиментальности и фанатизма происходит жёсткое РАЗДЕЛЕНИЕ ТРЁХ МИРОВ: свои, враги, нейтральные. Слепая любовь к своим, слепая ненависть к врагам, сентиментальность к нейтральному. Фанатизм отгораживает для сентиментальности свой садик нейтрального, снисходительно поощряя его возделывание, но жёстко запрещая пересекать границы. Ясно, что корень зла вовсе не в сентиментальности, а в фанатизме.

Развитая сентиментальность есть ПРИЗНАК ЗРЕЛОСТИ человека и общества. Дети не сентиментальны (хотя часто жестоки). Развитая сентиментальность означает сентиментальность осознанную, сознательную, которой не стыдятся.

"ИСТИННАЯ ДРЕВНОСТЬ! — вздыхал кто-то из Древних. — Когда люди не знали даже, что они люди".

Вы прокладываете дорогу в лесу и вы должны срубить дерево. Вы можете пожалеть дерево — это будет сентиментальностью. Ведь вы всё равно срубите дерево. Но это чувство следует испытать. Потому что наступит время и вы сможете проложить дорогу в обход леса. Нужно, чтобы вы ЗАХОТЕЛИ это сделать. А ДЛЯ ЭТОГО НУЖНО ПОЖАЛЕТЬ ДЕРЕВО.

Настоящая жалость всегда УСЛОВНА: должны быть возможность и основание жалеть. Нельзя по-настоящему жалеть дерево, которое мы рубим. Ведь тогда мы не смогли бы его срубить. Нельзя по-настоящему жалеть врага — ведь тогда он не был бы нашим врагом.

Но условия меняются, откуда же возникает жалость и любовь? К бывшим врагам. К дереву. Они рождаются из сентиментальности, ибо она БЕЗУСЛОВНА.

Сентиментальное чувство есть та СТРУНА в твоей душе, которая откликается на все голоса Вселенной. Оно есть проявление глубокого и мощного чувства РОДСТВА СО ВСЕМ МИРОМ. Оно есть то ОКНО, через которое мы постигаем всё сущее эмоционально. Оно есть тот ПРЕДОХРАНИТЕЛЬ, который не даёт насиловать с сознанием исполняемого долга.

СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТЬ ДЕМОКРАТИЧНА: она признаёт право каждого не вызывать жалость. Ведь испытывая сентиментальную жалость, я жалею на самом-то деле самого себя: я жалею свою ограниченность и конечность, ибо предчувствую своё ТОЖДЕСТВО с безграничной и бесконечной Вселенной. Поистине, жалея тебя, я жалею нас обоих, и, следовательно, я испытываю чувство равенства и родства с тобою. И в этом суть сентиментальности.

Вместо эпилога:

— У меня была одна знакомая.
Её ВСЁ приводило в умиление.
Кроме меня.

1982-1997

МЫ ДВИГАЛИСЬ МАРШЕМ ПО ПОВЕРХНОСТИ ПЛАНЕТЫ

стихопроза

Мы двигались маршем по поверхности планеты.

По твёрдой поверхности именуемой суша поросшей травой в которой стрекотали насекомые именуемые кузнечики. Мелодия звучала в перекрестии солнечных лучей она рождалась в вакуумных полостях образующихся в воздухе от избытка свежести. Старый негр жилистыми руками отбивал ритм на большом барабане.

Ах чудесный чудесный ритм!

Ритм который живёт думает и чувствует страдает и радуется и продвигается в будущее и несёт объяснение мира и создаёт мир и ему наплевать на нас. И я спросил старого негра когда барабан лопнул и негр ногой зашвырнул барабан в кусты можжевельника и барабан упал в кусты и из кустов вылетела чёрная птица именуемая ворона и ещё вылетела красная жёлтая зелёная синяя малиновая охряная лазурная и цвета морской волны птица именуемая попугай. Я спросил старого негра почему такому чудесному чудесному ритму наплевать на нас. Я спросил почему барабан лопнул. А старый негр плюнул в пыль и махнул рукой и покачал головой курчавой головой цвета стальных стружек и ударил себя по ляжкам и пошёл по дороге которая уходила вдаль и скрывалась всё время скрывалась за горизонтом. Он шёл много дней и питался одними орехами и пил воду во время дождя задрав голову вверх и открыв рот широко открыв рот и поддерживая затылок жилистыми руками. И он дошёл до подножия Синих Гор и сыграл соло на гладком и гулком валуне оставшемся от тех далёких времён когда Великий Ледник гнал к югу людей и камни к тёплому югу туда где жил старый негр ничего не знающий о Великом Леднике. Он сыграл соло на валуне и отбил ладони и умер от старости. А ещё потому что лопнул барабан.

Я же остался там где был.

И мальчик похожий на девочку отбивал ритм тоненькими палочками.

Ах чудесный чудесный ритм!

И я спросил мальчика похожего на девочку когда палочки сломались и мальчик выронил их в воду прозрачную воду быстрого ручейка лёгкого

ручейка уносившего палочки к далёкому морю шумевшему волнами. Я спросил мальчика почему такому чудесному чудесному ритму наплевать на нас. Я спросил почему палочки сломались. А мальчик плюнул в небо и пожал плечами и лёг в траву зелёную траву с синими колокольчиками красными гвоздиками жёлтыми ромашками голубыми незабудками и розами роняющими розовые лепестки на шелковистые длинные вьющиеся локоны мальчика. И мальчик похожий на девочку закрыл глаза и не захотел идти с нами дальше. И девочка похожая на мальчика в коротких штанишках осталась с ним в траве среди цветов. Так они и лежали не в силах шевельнуться до самой старости. И питались они розовыми лепестками. А умерли в один день похожие друг на друга как тоненькие палочки которые сломались и всё ещё плыли к далёкому морю.

Я же отправился дальше.

И человек с хриплым голосом отбивал ритм на гитаре стоя на крыше автомобиля железного автомобиля который мчался по дороге и визжал на поворотах.

Ах чудесный чудесный ритм!

И я спросил человека с хриплым голосом когда железный автомобиль на горной круче сорвался в пропасть и струны гитары всё звенели и звенели последним аккордом аккордом который летел к нам снизу из пропасти а струны всё падали и падали на самое дно в прохладную тишину. Я спросил человека почему такому чудесному чудесному ритму наплевать на нас. Я спросил почему он сорвался в пропасть. А человек не ответил мне он молчал в прохладной тишине рядом со своими струнами которые порвались и всё дрожали и дрожали уже молча. И белые облака проплывали над пропастью белые и снежные облака блестящие в солнечном свете.

Я же присел у обочины дороги под золотым деревом именуемым сосна. Мы стали ждать того кто будет отбивать ритм. Кто пойдёт по дороге а мы увидим его и пойдём следом. Мы будем двигаться маршем по поверхности планеты именуемой Земля.

Ах чудесный чудесный ритм.

1982

МОЙ ДРУГ И УЧИТЕЛЬ — СТАРЫЙ ГРИБ

сентиментальный вздор

Мой друг и учитель — Старый Гриб — бывало, говорил так: "Что с того, что я червивый? Так уж придумала природа: у тебя в голове шевелятся извилины, а у меня — черви. Важна суть. Надо смотреть в корень. Мой корень — грибница — протянулся по всему лесу. Это старый лес, и род мой древний. А где у тебя корень? Так просто — порхаешь по поверхности".

Сейчас зима, и Старый Гриб умер. Но грибница осталась. Я знаю: наступит весна, наступит лето, и под старой сосной вылезет из земли мой друг. Вы скажете: это будет другой, молодой гриб. Но это не так, ведь корень всё тот же. И мы продолжим наш спор.

А пока за окном тёмный вечер, и падает снег и я, после ванны, кутаюсь в тёплый халат, я готовлюсь к продолжению разговора. Быть может и грибница — там, под землёй, под снежными сугробами — тоже готовится. Я скажу: человечество — это тоже грибница, у меня есть корень, и род мой древний. Когда-нибудь я тоже умру, и вместо извилин во мне будут шевелиться черви. Что с того? Так уж придумала природа. И мой сын придёт в тот лес, к той сосне и продолжит спор. Я надеюсь, мой друг и учитель — Старый Гриб — не заметит подмены. Уж он-то знает, что всё обновляется. Конечно, кроме корня.

А ещё у меня есть собака. Это так заведено, чтобы собака была другом человека. Но я никогда не хожу к старой сосне с собакой. Я боюсь, она съест моего учителя. Но, может быть, собаки не едят грибов? Лучше не рисковать. Собака хороший друг, но она вечно ходит в учениках. Собаке одиноко, когда у неё нет хозяина. Она часто говорит мне: "Как я рада, что ты пришёл домой! Я так ждала тебя! Пойдём погуляем — смотри, какая хорошая погода!". И хотя идёт дождь, мы отправляемся гулять. Собака учит меня радоваться любой погоде.

Я люблю собак: у них тот же корень, что и у нас, людей. И мне очень жалко собак: если люди исчезнут, собаки умрут от тоски.

А вот мой кот не думает о смерти. Это потому, что он инопланетянин. Я даже думаю, он из другой галактики. Поэтому понять кота невозможно. Он обитает среди нас, людей, потому что мы единственные существа на Земле, считающие себя разумными. Там, за этими космическими зрачками, бегут неземные мысли. Человека всегда манит и тревожит тайна. Кот наблюдает за мной и не понять: одобряет он мою жизнь, или осуждает? Ему одинаково

безразличны наше добро и наше зло. Но почему же коты так любят ласкаться? Они тоскуют по своей галактике, куда им нет возврата. Быть может, она погибла в космической катастрофе. Представляете, погибла целая галактика? Я глажу кота по спине, он льнёт ко мне, но взгляд его холоден и отрешён. Где твой корень, кот? Далеко...

Человек парит, как птица. Прекрасен полёт, и пьянит высота, и ветер свистит в перьях. Птица парит не бесцельно: она ищет корм. Ей нужно регулярно есть и кормить птенцов. И ещё она ищет веточки для гнезда. Редки мгновения бескорыстного полёта. Мой друг и учитель — Старый Гриб — живёт на земле, и корень его — в земле. А мой корень? Где он, если так прекрасен полёт? Человек — как перевёрнутое дерево. Он живёт на земле, но корни его уходят ввысь. Туда, за пределы земной атмосферы, за орбиту Плутона, к границам Вселенной. Ты держись за меня, кот, мы ещё полетим с тобой в Космос. Мы отыщем твою галактику. Что-нибудь от неё да осталось! Мы возьмём с собой собаку. Космические излучения загадочны: они повлияют, и собака поймёт, наконец, что тоже разумна.

Прости нас, старый верный Гриб, мы будем навещать тебя на Земле.

Послушайте, люди, я несу вздор! Но я люблю этот вздор.

5 февраля 1982

МЕТАМОРФОЗЫ

стихопроза

Я видел в автобусе плачущую пожилую женщину.
Она сидела у окна и вытирала платком уголки глаз,
А я стоял и случайно увидел это.
Я смотрел на неё:
На морщины на стареющем лице,
На волосы седеющие, гладкие и на отсутствие модной причёски.
На её пальто.
На её туфли со стоптанными каблуками.
На её руки.
Молодость рук уходит быстрее всего.
Её руки сжимали платок и им вытирала она уголки глаз.
Я стал ею — такое случается иногда со мною, когда я гляжу на плачущую женщину.

Очень обидно.
Что же я плачу, не надо плакать.
Но очень обидно и слёзы навёртываются.
Я вытираю их платком.
Почему обидел меня мой сын?
Мой сын единственный.
Он такой большой, у него жена и ребёнок, он курит.
А был маленький.
Ведь был же маленький и помещался на моих коленях.
И глаза его были ясные.
И он засыпал у меня на руках.
Как же вышло, что всё прошло? Что теперь не так?
Я еду от него одна, я одна, очень обидно, что же дальше…
Ведь он же мой сын, единственный, почему он меня обидел?
Почему не подумал, не пожалел, обидно…

…Я вернулся в себя на мгновение и снова увидел плачущую пожилую женщину и отдалился от неё и волны, несуществующие волны человеческих чувств отнесли меня в квартиру на девятом этаже, где сын этой женщины сидел на кровати и курил сигарету.

И я стал им.

Третья сигарета подряд.

Муторно от сигарет и вообще на душе.

Почему всё не так, как надо?

Обиделась мать и уехала.

Разве хотел я её обидеть?

Зачем кричала она и устроила эту сцену?

Мы сами во всём разберёмся, зачем вмешалась она так грубо.

Ведь это касается только нас: меня и моей жены.

Жена стоит у окна в халате и смотрит в окно.

Она стоит уже полчаса.

Нет, всё-таки надо бросать курить.

Голова в дыму.

Ну откуда взялась такая нескладная жизнь?

Только всяких семейных сцен мне ещё не хватало!

Должен же быть смысл в жизни, что-то другое.

Завтра на работу — хоть там отдохну.

Выходит, бегу.

И куда?

На работу, которая выматывает все силы и от которой тошнит.

На кой же чёрт мы все существуем?

Четвёртая сигарета…

…Я вернулся в себя и увидел спину в халате молодой женщины у окна.

И я стал ею.

Господи, ведь я же ещё не старуха!

Что же я вижу в этом стекле?

Волосы не прибраны, старый халат, вот уже и морщинки у глаз.

За что?

Когда еду на работу, причесавшись, накрасив губы, тени для глаз, маникюр, лак французский, в моём новом пальто с воротником и в этих сапогах, которые с пряжками…

Ведь мужчины оборачиваются!

И всего-то сорок минут в день, в автобусе, в давке.

А на работе всё те же лица. Мужчины глупы.

А дома?

Кому я нужна тут?

Постирать, приготовить ужин, погладить рубашку…

Ведь я же стихи читала.

На выпускном вечере.

Господи, какие теперь стихи?

Муж будет лысеть и начнёт пить.

А я буду стареть, стареть, стареть…

Пора за сыном идти в детский сад…

…Я вернулся в себя и крики детей меня оглушили.

А маленький мальчик с ясными глазами скакал на деревянной лошади.

И я стал им.

Я хотел стать им, но не смог.

Я только почувствовал свежесть жизни.

И радость от ветра, свистящего в ушах.

Я увидел на мгновение будущее как бесконечность.

Я всё могу.

Я стану кавалеристом.

Или космонавтом.

Я ещё не решил.

Я… вернулся в себя.

Я больше не мог терпеть.

Ведь я-то знал: он может стать кавалеристом, он может стать даже космонавтом.

Но что же это значит?

Когда он станет кем-нибудь, у него не будет ясных глаз.

И будущее не будет бесконечно.

И вместо путей — тупики.

Так не должно быть.

Так будет.

Я сам так.

Я, который стоит в автобусе, вымотавшийся на работе, лысеющий, накурившийся сигарет, не терпящий семейных сцен, по утрам оборачивающийся на красивых женщин, если они модно одеты,..

Я, который всё так хорошо понимает и особенно хорошо: что толку от понимания?

Конечная остановка автобуса...

17 мая 1982

ЕДИНСТВЕННАЯ ПЕСНЯ

ритмизованная проза

В чащобе леса, на краю могучего оврага, по дну которого змеёю извивалась речушка жалкая, я обнаружил избушку эту. В окруженьи сосен, прямых и гордых, кронами ловящих летящий в небе ветер, дождь и снег, она стояла, словно пень трухлявый. Вся почернела, крыша провалилась, оконца в землю вжались, дверь скрипела, тоскливые мотивы дней прошедших протяжным звуком выводя. И вторя ей, в овраге кто-то ухал и белка рыжая пугалась и взлетала на верхний сук, и прыгала в дупло.

— *Вот хорошо!* — себе сказал я строго. — *Вот здесь меня никто уж не найдёт.*

И стал я жить отшельником суровым, спокойствие вдыхая ежедневно огромной дозой, что в другое время болезнью страшною грозила. Той болезнью, что люди умные зовут тоской и скукой, и что в последней стадии развитья всегда ведёт к летальному концу. Однако здесь, природой окружённый, забившись в угол дедовской избы, я наслаждался тихою печалью. И творческие планы вызревали, как вызревают тонкие травинки на куче мусора. Я взял бумаги белой, чёрный карандаш и стал писать прекрасные поэмы. Летала птица чёрная меж сосен, в овраге кто-то сучьями трещал. То солнца луч влетал ко мне в оконце, то дикая луна пугала иль дождь шипел и пенился и плакал на стекле. А где-то сверху, то ли в кронах сосен, то ли в печной трубе, шумел и злился, жалуясь на мир и проклиная смуту городов, со мною ветер вольный говорил. Я понимал его и твёрдый карандаш, отточенный на диво, плавно мчался по белым листьям, образы и мысли в сплетеньи сложном в сложные узоры ритмичных слов переводя. Я создавал, страдая, торжествуя, печалясь, радуясь, слезами обливаясь в противоречии меня терзавших чувств, Единственную Песню.

В это время инстанции, вопрос ребром поставив, пришли к согласью в выборе пути для магистрали, должной разгрузить грузопоток районного масштаба. Работа закипела, чертежи взлетали с кульманов, как белые платочки. Те платочки, которыми когда-то, уж не помню в котором веке, стройные девицы с околицы махали, провожая лихих мужчин на ихнюю работу. И в эти чертежи прораб всё пальцем тыкал и кричал, что сроки подошли, а нет цемента, и телефон нещадно обрывал. Строители, заняв свои места внутри железных гор, что столь искусно чудовищ сказочных собою

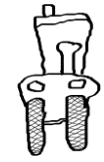
заменяли, курили папиросы, ожидая сигнала к действию. Сигнал был выдан в срок.

Моя Единственная Песня подходила к тревожному чудесному концу, когда внезапно буря налетела, сверкала молния, гремел ужасный гром. Всё пронеслось, я вышел на крыльцо: оврага нет, по гладкому шоссе, изящно шинами шурша стрелой летели автомобили, фарами блестя. Вот самосвал, пыхтя и отдуваясь, затормозил и глядя из окна меня спросил водитель:

— Далеко ли до базы Промторбыткопытсырья?

Моя Единственная Песня подходила к тревожному чудесному концу, и я вчитался в сложные узоры ритмичных слов и с грустью обнаружил, что эту Песню кто-то из ушедших в прошедшем веке раз уж написал. Не позабыть рычащие машины, хотя избушка кажется милей, но как, скажите, мне соединить протяжный луч, что с неба посылает недвижная вечерняя заря, с ближайшей базой Промторбыткопытсырья?

24 июня 1982



УПРЯМЫЙ ОСЁЛ

миниатюра-притча

На одной планете тамошние жители решили построить Дорогу.

Начали строить — хорошо получается! Гладкая дорога выходит, широкая, прямая — как стрела. Через поля и леса бежит, речки перепрыгивает, горы насквозь просверливает.

Вдруг глядят строители — осёл впереди. Прямо по курсу! Говорят: Отойди-ка в сторонку, мы тут дорогу прокладывать будем. Осёл стоит — не двигается. Его за хвост потянули — не шелохнётся. Два строителя разбежались — осла в бок толкнули. Не дрогнет! Что делать?

Пригнали бульдозер. Осёл в отвал лбом упёрся, с места не сходит. Бульдозер рычит, трясётся весь. Запороли двигатель. А осёл стоит. Прораб рассердился, кричит: Тащи динамиту, так-не-этак! Принесли динамит, под брюхо подложили. Отбежали за бугор, повернули ручку — ка-а-ак бабахнет! Дым рассеялся, смотрят: яма большая получилась — три дня закапывать. А осёл стоит!

Скандал! Телеграмму в трест отправили: что делать? Там с Военным Министерством связались. Военные обещались помочь. Две соседние деревни эвакуировали. Бомбардировщики прилетели, семь часов бомбили. Пять километров в диаметре — выжженная земля. А осёл стоит!

Раз такое дело, созвали Высший Совет планеты. Для начала разрешили один мирный атомный взрыв произвести. Целый район эвакуировали. А осёл стоит!

Тут уж вопрос принципа! Свезли весь наличный запас урана. Осла со всех сторон обложили — целая гора получилась. Кнопку нажали — ка-а-а-ак шандарахнет! Ух ты! Трещина в коре — от полюса до полюса! Что началось! Извержение вулканов! Землетрясение! Вдруг — крак! — планета пополам раскололась! Как орех...

А обе половинки — ещё пополам развалились, а те — ещё,.. Атмосферу, как ветром сдуло. Жизнь испарилась. Цивилизации — как не бывало. С тех пор между Марсом и Юпитером одни обломки летают. Астероиды называются.

А всё этот упрямый осёл! Говорят, "Вояджер-I" по пути к Сатурну случайно его сфотографировал. Стоит себе осёл на обломке планеты и только хвостом помахивает!

Вот до чего упрямство доводит...

28 июня 1982

БЕЛЫЕ НОГИ — КРАСНЫЕ НОГИ

рассказ

В детстве Ивана Кузьмича всегда было лето.

К полудню мальчишки возвращались из леса. Объевшиеся малины, разморённые солнцем, они шли не торопясь. Останавливались и со злостью, с наслаждением чесались: крапива в окрестностях Шепилово была на редкость жгучая. Тропа выходила на бугор и круто ныряла вниз — к деревенскому пруду. Кто-нибудь обязательно кричал "Э-ге-гей!" или "0-го-го!" или даже "Ура!" и все бросались бежать, набирая скорость и захлёбываясь от ветра. Жёлто-зелёные поля с обеих сторон равномерно покачивались и как бы на крыльях несли Ивана Кузьмича к долгожданной прохладе пруда.

Иван Кузьмич барахтался в воде, отфыркивался, окунался с головой, но держался у берега — плавать он не умел. Видно, что-то не так было в его фигуре: то ли руки слишком тонки, то ли задняя часть слишком тяжела — в мать Марию. Только шёл он ко дну как камень. Но плавать Иван Кузьмич очень хотел: по морям, океанам и великим рекам Сибири. А пока что он плавал по пруду на плоту. Болтал в воде ногой и поглядывал на берег.

На берегу Любка — дочка бабки Полины — полоскала бельё, Любка высоко подтыкала юбку, и Иван Кузьмич задумчиво разглядывал её белые, как молоко ноги. И однажды от этой великой задумчивости Иван Кузьмич приподнялся и шагнул к Любке. Зелёная вода сомкнулась над его головой, Иван Кузьмич забарахтался и стукнулся головой о брёвна плота. — Тону! — подумал Иван Кузьмич и бешено замолотил руками и ногами. На миг голова его показалась над водой. — Тону! — заорал Иван Кузьмич и пошёл ко дну.

От преждевременной погибели Ивана Кузьмича спас Ванька Плуев — первый на селе тракторист.

— Ну что, гроза морей, жив? — Ванька Плуев стоял над Иваном Кузьмичём мокрый, рыжий, молодой и весёлый.

Грозой морей Ивана Кузьмича прозвали за пристрастие к океанам, великим рекам Сибири и ещё — что самое обидное — за неумение плавать.

— Жив, кажется... — тонким голосом ответил Иван Кузьмич и вздрогнул от звонкого хохота.

— Кажется! — Любка стояла рядом с бесстыже подоткнутой юбкой и весело смеялась: — Кажется! Ой не могу: он не знает, жив он или нет!

Любка хохотала и белые ноги её выше колен дрожали.

— Чего ты ржёшь? — весело говорил Ванька Плуев: — Чего ты ржёшь, когда человек, можно сказать, чудом спасся апосля кораблекрушения.

Ванька Плуев весело облапил Любку и повалил в траву. А Любка ржала и дрыгала белыми ногами. Но потом вскочила и залепила Ваньке Плуеву звонкую пощёчину:

— Ты чего делаешь? С ума спятил, жеребец! Чего ты делаешь?

Но Иван Кузьмич этого уже не видел и не слышал, потому как бежал быстро: сам не зная куда, лишь бы подальше от пруда.

— Дура! Дура! Дура! — твердил он про себя и вдруг нехорошо засмеялся: он вспомнил как мужики дразнили Ваньку — первого тракториста — неприлично переиначивая его фамилию, а Ванька злился и лез драться...

За обедом Иван Кузьмич сидел мрачный и в глубокой рассеянности крошил хлеб. Дед Пахом не любил такой непорядок. Он сидел во главе стола, торжественный, как и полагается при еде, и аккуратно придерживая свою дореволюционную бороду, подносил ко рту ложку. Так же не торопясь, он основательно облизал ложку — деревянную с обглоданным узором — и вдруг на удивление резво вскинул руку и больно стукнул Ивана Кузьмича ложкой по лбу. После этого дед Пахом, как ни в чём ни бывало, молча продолжал свою трапезу.

Иван Кузьмич, хотя и привыкший к дедовскому способу воспитания, на этот раз вскочил, открыл и закрыл рот, и убежал на сеновал: плакать в душистое сено.

Месть свою Иван Кузьмич вынашивал долго и бережно. Он строил разные планы: один ужасней другого. Но вот однажды он шёл мимо сельсовета и увидел Ваньку Плуева. Тот стоял с ведром краски в одной руке и с малярной кистью в другой руке и, жмурясь, смотрел на белое полотняное полотнище. Большими красными буквами было написано: "Даёшь коллективизацию !". План мгновенно созрел...

Любка лежала в высокой траве, раскинув руки и ноги и безмятежно улыбаясь во сне. Ивану Кузьмичу стало её жалко. — И чего она улыбается, — думал он. — Бесстыжая...

Иван Кузьмич сидел в кустах и ждал, когда Любка проснётся. Вот она открыла глаза, потянулась всем своим молодым здоровым телом и села. И вдруг Любка дёрнулась и завопила:

— Кровь! Кровь! Убили! Ой, убили! — она вскочила и побежала. Она бежала и вопила: — Убили! Убили меня!

— Это не кровь! Это краска! — закричал Иван Кузьмич, который и сам испугался своей мести. Но Любка его не слышала...

8 июля 1982

РЕЛИКТОВОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ

рассказ

ПРОЛОГ

История началась 20.000.000.000 лет назад: в результате Большого Взрыва родилась Вселенная.

Вначале был Горячий Свет. Он разлетался в разные стороны и остывал. Свет рождал "кирпичики Мироздания". Из этих "кирпичиков" строились атомы, из атомов — молекулы. Образовалось Вещество.

А Свет летел и летел, дальше и дальше, и становился всё холоднее и холоднее. Он и сейчас летит — совсем холодный и безучастный. Реликтовое излучение...

История продолжалась. Горячее вещество распалось на большие сгустки — Галактики. Галактики дробились на мелкие капельки — Звёзды. Они кружились хороводом.

Эта Звезда называлась Солнце. От неё отлетели брызги — Планеты. Они кружились вокруг Солнца. Это было 5.000.000.000 лет назад.

Третья планета — Земля — эта расплавленная капля — крутилась в холодном пространстве и остывала. Она покрылась каменной корой, она окуталась газом и паром. Пошёл дождь и возникли моря и океаны.

История продолжалась. Длинные молекулы, похожие на червяков, копошились в воде. Они учились рождаться и умирать — возникала Жизнь. Отныне История писалась буквами аминокислот. Этой летописи 3.000.000.000 лет.

Жизнь ветвилась как дерево. Уркариоты отделились от общего ствола и вступили в симбиоз с аэробными бактериями, а кое-кто — с цианобактериями. Так возникли эукариоты: растения, грибы и животные. Рыбы вылезли на сушу, появились насекомые и лягушки. Динозавры толпами бродили по поверхности планеты. Мелкие грызуны превращались в млекопитающих и вытесняли гигантов. Птицы парили в небе и видели сверху: антилопы мчались подобно ветру, и тигр поджидал их в зарослях. 1.000.000 лет назад появился Человек.

История стала писаться в памяти людей. Человек бил зверя, ловил рыбу и собирал коренья. Он обтёсывал камень и делал орудия и оружие. Человек научился воевать. Он приручил зверей и стал их пасти. Он обрабатывал землю,

строил дома и добывал железо. Появились народы, империи, рабы и письменность. Горел Древний Рим, горели костры Инквизиции, в России произошла революция.

На окраине Московской губернии, в деревне Шепилово, в крайней избе, на кровати с пологом спала крестьянка Мария. Её муж, крестьянин Кузьма, не выспавшийся после брачной ночи, сидел на крыльце, дымил самокруткой и всматривался в розовеющий горизонт. Было раннее утро. В чреве Марии происходило таинство жизни: длинные молекулы кружились в загадочном танце, разбившись по парам.

История продолжалась. Зародыш рос: он был рыбой, лягушкой, динозавром и медленно превращался в человека.

РОЖДЕНИЕ

Лепестки яблонь опускались на землю. Свет проходил сквозь них белый и холодный. Как реликтовое излучение, о котором, впрочем, Мария так никогда и не узнает. Она смотрела в окно и думала: Бог меня видит!…

Мария снова почувствовала, как сжимаются её внутренности.

— Давай, милая, давай! — закричала бабка Полина и обеими руками упёрлась ей в живот.

— Раздавит! — испугалась Мария и тут что-то сильное стало давить её изнутри и выворачивать наизнанку. Она закричала, силясь освободиться от этого и теряя сознание от боли.

Крик Марии затихал и вдруг возник снова: звонкий и громкий. Она зажала рукой рот, но крик всё звенел и звенел в в ушах.

— Как же я кричу с закрытым ртом? — не понимала Мария.

— Ух ты, какой голосистый! — говорила бабка Полина. — Смотри, Кузьма, какого тебе Мария Ивана громкого выносила.

Новорождённый открыл глаза и сразу замолчал. Вселенная впервые смотрела на себя глазами Ивана Кузьмича. Пока что был виден только белый холодный свет, проходивший сквозь лепестки яблонь.

ДЕТСТВО

В детстве Ивана Кузьмича всегда было лето.

Путь к Дурному Озеру не близок. Рано утром надо выпить стакан парного молока, съесть ломоть хлеба и можно отправляться, пока мать не нашла какого-нибудь хозяйственного занятия.

Сначала по дороге через овраг и в поле. Центр поля достигается в тот момент, когда солнце встаёт между верхушек двух самых высоких елей и его лучи падают на деревню. Здесь нужно постоять и посмотреть назад. Поле надутым пузырём возвышается над деревней — вот-вот лопнет и что-то ужасное вырвется на свободу и обрушится на домики, садики, кур, гусей, собак и людей. Иван Кузьмич пристально смотрит на землю под ногами: всё в порядке — в плотной звонкой глине нет ни единой трещинки. Солнце припекает затылок — надо идти дальше.

За полем смешанный лес: здесь всё перемешано: и ели, и берёзы, и кусты, и муравейники, и цветы на полянах, и комары, и шмели. Тропинка — уже не дорога — петляет, кружится и прошивает насквозь зелёную-жёлтую-бурую-белую-красную и снова зелёную пестроту. Голова шалеет. Хочется упасть куда-нибудь — лес всё равно будет кружиться над головой.

Почти без перехода — через просеку — сосновый бор. Здесь только сосны. Стоят редко, с достоинством. Никаких кустиков или цветочков под собой не терпят. Высокие — шея болит. Тихо. Солнечные лучи не рассыпаются в мелкие брызги, а цельные, прямые косо спускаются меж стволов до земли. Ухватись за них — долезешь до самого неба, если хватит сил.

С крутого обрыва по мягкому сухому песку скатываешься почти до кромки воды. Вот оно — Дурное Озеро. Тёмное неподвижное.

Противоположного берега нет — озеро переходит в болото. Туда, под зелёный мох, под густую траву, под осиновые кустики затягивает неосторожных ныряльщиков. Там, в глубине, озеро продолжается под болотом и туда тянет и тянет тёмная сила: старый Водяной. Рассказывают, много людей с незапамятных времён нашло там погибель. Их тела неподвижно висят в чёрной воде, и ничего им не делается: все они как новые, только что утонувшие. А если достать человека оттуда, да положить на солнышке — обсохнет, встанет и будет жить дальше. Только никого не отпустит старый Водяной, пока сам жив. А живёт он уже тысячу лет и ещё тысячу жить будет.

Купаться в Дурном Озере не хочется.

Иван Кузьмич сидит на берегу и смотрит на болото. Болото уходит далеко-далеко. Никто никогда не ходил в эту даль. До самого горизонта уходит болото, а на горизонте видны тоненькие ровные ряды деревьев. Что за деревья — не известно. На болоте деревья не растут, значит, там, за далью — неизвестная земля.

Какая часть света в той стороне?

Солнца там никогда не бывает: ни утром, ни вечером. Небо за болотом всегда одинаковое, ровное и идёт оттуда свет белый и холодный. Как реликтовое излучение, о котором Иван Кузьмич пока ничего не знает.

Кто живёт там? На самом краю болота. Кто сидит на берегу и смотрит на болото? И кажется Ивану Кузьмичу: если взгляды их однажды встретятся, то вдруг произойдёт что-то чудесное, что-то такое, чего очень хочется, но неизвестно — что это будет.

Вот почему ходит Иван Кузьмич на Дурное Озеро. А вовсе не для того, чтобы купаться, как опасается мать.

ЮНОСТЬ

Она была стройная и тонкая. У неё были волосы, чёрные как ночь. Её глаза — как свет звёзд — загадочны и далеки. Она читала стихи. Она улыбалась робко. Она дрожала в его объятиях. От поцелуя они теряли сознание…

…Она оказалась пухленькой и рыжеволосой, как солнце. Она любила смеяться. Её звонкий смех приводил Ивана Кузьмича в некоторое недоумение. Она сама обняла его и поцеловала. И засмеялась.

— Это не она, — удивлённо подумал Иван Кузьмич и остановился посреди поля. Он вспомнил какая она горячая и ловкая. Это было приятно.

— Ночью надо спать. Иди домой, — сказала она и засмеялась. Потом поцеловала Ивана Кузьмича и шепнула: — Приходи завтра.

Над головой стояли звёзды. Не глазами — всем существом своим чувствуешь тот долгий путь, что прошёл звёздный свет. Он заострился, потерял в пути всё лишнее и случайное и стал пронзительным, как взгляд. Кто смотрит с далёких звёзд на Ивана Кузьмича? Если взгляды их встретятся…

— В детстве я хотел стать астрономом, — подумал Иван Кузьмич. Небо вспыхнуло белым холодным светом. Вспышка повторилась. Будто белые птицы взмахивали в небе крыльями зарницы. Август месяц.

Со стороны деревни раздался громкий протяжный крик.

— Что случилось? — подумал Иван Кузьмич.

Но это было всего лишь начало песни. Заиграла гармонь.

— На свадьбе гуляют, — понял Иван Кузьмич: — А мне завтра на работу рано вставать.

Иван Кузьмич вспомнил горячую и ловкую, рыжеволосую, как солнце, усмехнулся и зашагал домой торопливо. Небо ещё помахало белыми крыльями и затихло. Звёздный свет так долго идёт до Земли, что звёзды, пославшие его, успевают потухнуть.

ВОЙНА

— Ты что же, сукин сын, в воздух стреляешь? Фрица жалко? Не можешь в человека стрелять? Да какой же он, фриц, человек? Он нас жалеет? Он Петра Соловкова пожалел? Сашку Мурина пожалел? Он лейтенанта нашего пожалел? Дурак ты. Увижу ещё раз —убью.

Сержант замолчал, подумал, сплюнул и добавил: — Я не шучу.

И пошёл дальше по окопу. Злой, чёрный, усталый.

— Выстрелю — закрою глаза и побегу дальше. Чтобы не видеть, — думал Иван Кузьмич. — Выстрелю и побегу. Что ж я?...

Свет был белым: под белым небом — белое поле. Снег был рыхлым — бежать трудно. Стояла тишина и Иван Кузьмич слышал своё неровное, свистящее и хрипящее дыхание. Потом стали стрелять, ревел пулемёт, грохнули взрывы и Иван Кузьмич перестал слышать. Вдруг людей стало больше. Немцы! — понял Иван Кузьмич. Прямо перед ним словно из-под земли вырос человек. Иван Кузьмич выстрелил и зажмурил глаза. Через три шага он споткнулся, запутался в шинели и упал в снег. Совсем рядом — только руку протянуть — лежал убитый немец и смотрел на него, будто говорил:

— Что ж ты, Иван Кузьмич, убил меня? Ведь мы с тобой даже не знакомы.

— Ты чего лежишь? Ранен? — сержант сильно тряс Ивана Кузьмича за плечо: — А ну вставай, сукин сын!

Иван Кузьмич встал и побежал. В цепи, растянувшейся по полю, закричали: — Урааааа!

— Урааааа! — кричал Иван Кузьмич: — Урааа!

Иван Кузьмич выстрелил ещё раз. Потом ещё. Немцы отступали.

— Здорово мы их! — подумал Иван Кузьмич. Ему стало весело. Бежать стало легче. Впереди упал сержант. Убили? Иван Кузьмич побежал к нему. Сержант лёжа махал рукой и что-то кричал. Чего он кричит? Ранен? — думал Иван Кузьмич. И тут он увидел, как молодая ёлка с общипанными веточками выскочила из земли и поплыла к нему по воздуху. На её месте снег вдруг разом растаял и земля как-то странно раздалась в стороны, образовав глубокую воронку. Иван Кузьмин и сам поднялся вверх, руки его схватились за зелёные иголки, и он поплыл вместе с ёлкой по воздуху. Белое небо и белая земля, схватившись друг за дружку, закружились вокруг Ивана Кузьмича, завертелись, сливаясь в белый холодный свет…

…Вдруг кружение остановилось, и на Ивана Кузьмича стали смотреть большие глаза.

— Что поделаешь, это война, — хотел сказать Иван Кузьмич, потому что подумал, что это смотрит на него немец, которого он убил. — Какая белая у него борода, — подумал Иван Кузьмич. — Вся седая. — Но это была не борода, а марлевая повязка.

— Очнулся? — спросила марлевая повязка: — Живучий ты, парень!

Иван Кузьмич закрыл глаза, и белая метель закружила его, окутала белым светом. И сквозь этот свет всё смотрели на него большие глаза, словно рты, раскрывали свои зрачки и спрашивали: — Очнулся? Очнулся? Очнулся?…

ЗРЕЛОСТЬ

Иван Кузьмич медленно перелил в себя содержимое стакана, подумал, выдохнул воздух и откусил зелёную, в капельках воды стрелку лука. Попробовал щи — горячие.

— Так вот, и суёт он мне эту бумажку. Поскольку, говорит, председатель ваш заболел, придётся вам выступить. А что говорить — тут написано. Краткие тезисы. Вы, говорит, не волнуйтесь: прочёте, что написано, и всё хорошо будет.

Ладно, сунул я эту бумажку в карман. Чего мне волноваться? Ну, сначала разные другие выступали, а я сижу — бумажку читаю. Потом слышу —меня вызывают.

— Ты щи-то ешь — остынут, — жена поправила выбившиеся из платка волосы, облокотилась руками на стол и приготовилась слушать дальше. Волосы у неё

были русые и сильно выгоревшие от солнца, так что начинающаяся седина не замечалась. Иван Кузьмич отхлебнул щей.

— Вышел я на трибуну. Гляжу в зал: народу много собралось, но и своих подмечаю. Пашка Комаров из Иванькова, Митька Шуев, Дарья из Верхней Вышки, ну и другие тоже. Чего ж я, думаю, врать им по бумажке буду? Вынул я эти тезисы и говорю: "Вот мне тут написали, что я говорить должен. Тут и цифры разные есть, сколько чего мы наработали в своём колхозе. Только я про другое хочу сказать". Ну, тут я про всё и сказал. И про коровник, у которого полкрыши провалилось. И про пшеницу за оврагами, что на корню сгнила. И про усадьбу агрономову...

— Ох, Иван — чего ты в это дело полез? — жена убрала со стола пустую тарелку из-под щей и стала её мыть в раковине.

— Да зло меня взяло — по бумажке говорить. В общем, всё выложил. Но ничего. В перерыве подходит ко мне этот самый товарищ из райкома. Улыбается. Вы, говорит, Иван Кузьмич хорошо говорили, только зря всё же бумажку ругали: там цифры правильные. Я отвечаю: цифры, может, и правильные, да только не в цифрах дело.

— За сеном надо съездить на вырубку, — сказала жена. — Неровён час, дождь пойдёт.

— Сейчас съезжу.

Иван Кузьмич вышел на крыльцо. Закурил папиросу. Покуривая, поглядывая на дорогу, по которой тарахтел трактор, Иван Кузьмич вспоминал своё выступление и усмехался.

Потом Иван Кузьмич запряг лошадь, взял вилы и грабли, позвал жену и поехал на вырубку. Вдвоём они быстро управились с сеном, но всё же, когда возвращались, солнце уже висело на горизонте. Оно было красное, как угасающая звезда. Про угасающие звёзды Иван Кузьмич прочитал в журнале "Наука и жизнь", который выписывал и любил читать, особенно про что-нибудь космическое или древнее.

Ночью Ивану Кузьмичу приснился сон.

По случаю угасания звёзд собрались со всей Вселенной представители на собрание. А на Земле все жители неожиданно заболели гриппом и тогда послали на собрание Ивана Кузьмича, как совсем не подверженного этой болезни. В огромном зале ярко светили прожекторы и висели лозунги на всех языках Вселенной: "Даёшь свет!". Иван Кузьмич сидел в зале и с интересом рассматривал соседей. Справа от него находился большой навозный жук, недовольно топорщил усы и нервно барабанил ножками по ручке кресла —

видно, что-то ему не нравилось в выступлении ораторов. Слева на сидении стояли два сучковатых берёзовых полена. Иван Кузьмич в недоумении даже погладил их шершавую поверхность, но вдруг понял, что это женщина, и от смущения покраснел и незаметно вытер платком руку, испачканную белой пудрой.

Прямо перед Иваном Кузьмичем сидела его корова Машка, которую он в прошлом году отвёз на бойню. Она мерно качала головой и что-то торопливо записывала в записную книжку.

— Машка, Машка! — тихо позвал Иван Кузьмич: — Ты с какой же звезды будешь?

— Машка повернула к нему свою рогатую голову и совсем не по-коровьи прошипела: — Не мешайте слушать, товарищ!

Иван Кузьмич попытался слушать выступавших, но ничего не понял — он не знал ни одного инопланетного языка. Ему стало скучно и он уже было задремал, как вдруг по-русски объявили: — А сейчас слово предоставляется представителю планеты Земля Ивану Кузьмичу.

— Ну, сейчас я им всё скажу, — подумал Иван Кузьмич. Он поднялся на трибуну и начал говорить.

— Вот тут мне бумажку дали, в которой написано, что я должен говорить. Только я про другое хочу сказать. Много ещё у нас недостатков. Вот взять хотя бы коровник. Крыша у него совсем провалилась и что же? Кто-нибудь думает об этом? Беспокоится? Коровы под дождём и ветром стоят. Понятное дело, простужаются, все поголовно гриппом болеют. А какое от такой коровы молоко может быть, я вас спрашиваю? Плохое молоко!

И Иван Кузьмич стукнул кулаком по трибуне.

Тут в зале, поднялся шум, крики. Иван Кузьмич увидел, как корова Машка забралась с ногами на кресло и, засунув оба копыта в рот, засвистела по-разбойничьи. Тогда председатель собрания позвонил в колокольчик, и восстановилась тишина. А председатель — им оказался огромный зелёный спрут, похожий на того, что показывали на днях в телепередаче "Клуб кинопутешествий", — вразвалку подошёл к Ивану Кузьмичу, обнял его за плечи щупальцами и сказал:

— Эх, Иван Кузьмич! Что ты нам всё про коровник рассказываешь? Ты нам расскажи про угасание вашего Солнца. Как вы там к нему на Земле готовитесь? Какие у вашей цивилизации достижения имеются? Скоро ли с нами — инопланетными существами — дружбу начнёте заводить, чтобы совместно бороться с угасанием нашей общей Вселенной?

Иван Кузьмич растерялся: ни к чему такому он не готовился. Как на такие вопросы отвечать? Тут он вспомнил про бумажку, что лежала в кармане пиджака, и обрадовался. Уж там-то всё должно быть написано! Иван Кузьмич достал бумажку, развернул её, расправил аккуратно, прокашлялся... и вдруг увидел, что бумажка пустая. Чистая, белая, без единого слова, без единой буковки! Ивана Кузьмича бросило в холодный пот. А Спрут-председатель смотрел на него своими огромными глазами пристально и сердито. И весь зал, даже корова Машка, смотрели на Ивана Кузьмича и ждали...

Иван Кузьмич проснулся и сразу понял, что заболел. Видно, простудился на вырубке. Сон свой Иван Кузьмич забыл. Помнил только, что снилась какая-то чушь, а какая — не помнил.

СТАРОСТЬ

Когда умерла старуха, Иван Кузьмич переехал к сыну в город.

В городе Иван Кузьмич просыпался рано. Суетился, помогая собираться на работу сыну и невестке, а внуку — в школу. Потом мыл посуду и отправлялся в магазин за хлебом и кефиром. На обратном пути доставал из почтового ящика газеты. Иван Кузьмич садился в кресло, надевал очки и читал газеты. Он внимательно прочитывал все статьи: и про международное положение, и про сельское хозяйство, и на моральные темы. И незаметно для себя погружался в дрёму.

Проснувшись, Иван Кузьмич пил кефир, тщательно споласкивал молочную бутылку, клал её в сумку, чтобы на следующий день обменять в магазине на полную, и начинал бродить по квартире. Останавливался перед стеной с книгами. Брал одну, две, листал, рассматривал картинки и клал на место. Включал телевизор, наизусть зная расписание всех передач. Просматривал "Клуб кинопутешествия" или "Международную панораму" и выключал. Садился около окна и смотрел на улицу. С десятого этажа Иван Кузьмич рассматривал маленькие суетливые фигурки людей и игрушечные машины, похожие на те, что стояли в ряд на полке в комнате внука. Замечал — всегда в одно и то же время — в окне дома напротив молодую женщину, которая долго причёсывалась и одевалась перед зеркалом. Она задёргивала шторы всякий раз, как снимала халат перед тем, как одеть платье. Но Ивана Кузьмича это не интересовало, он и смотрел-то лишь для того, чтобы убедиться, что это будет так, а не иначе, в это время, а не в другое.

Днём прибегал из школы внук, стремительно съедал обед и убегал на улицу.

Вечером приходила с работы невестка, крутилась на кухне и просила Ивана Кузьмича не мешать ей, а идти отдыхать.

Потом приходил сын. Иван Кузьмич пытался обсудить с ним международное положение или, на худой конец, спортивные новости, но сын был совсем не в курсе. Он перебрасывался с невесткой малопонятными репликами о своей работе, а потом садился в кресло и утыкался в книгу — до ночи.

Перед сном Иван Кузьмич совершал прогулку между домами. Всегда по одному и тому же маршруту. Раскланивался с другими стариками, иногда останавливался поговорить с кем-нибудь из них, но чаще старался избегать таких разговоров: старики его не интересовали.

Спать Иван Кузьмич ложился позже всех и долго ворочался на постели, считая коров, пасущихся на лугу. Коровы разбредались в разные стороны, норовили зайти на гороховое поле, уходили к реке пить воду и поэтому подсчитывать их было утомительным занятием и скорее развевало сон, чем усыпляло. Иван Кузьмич отчаивался и засыпал.

СМЕРТЬ

Иван Кузьмич умер во сне.

Ему снился белый туман. Иван Кузьмич плыл в этом тумане и то и дело протирал глаза, но ничего не мог рассмотреть вокруг. Только белый холодный свет.

Вдруг послышались голоса. Кто-то крикнул Ивану Кузьмичу в правое ухо: — Очнулся? — Иван Кузьмич повернулся, но справа никого не было. А в левое ухо кто-то настойчиво шептал: — Вставай, сукин сын! Вставай, сукин сын! — Но и слева никого не было. А сзади громко смеялись, и сквозь смех едва можно было различить слова: — Ну-с, так что же вы нам расскажете, Иван Кузьмич? Ну-ка, расскажите, расскажите, Иван Кузьмич...— И со всех сторон: Давай, милый, давай!...

Голоса множились, перепутывались, окружали со всех сторон, сливались и постепенно превратились в одно ровное монотонное жужжание шмеля. Вдруг подул ветер, шум смолк, стало очень тихо. Иван Кузьмич увидел, что туман рассеивается. Последний порыв ветра — и последние клочья тумана исчезают.

— Наконец-то, — радостно думает Иван Кузьмич и осматривается вокруг. Но ничего не видит, потому что вокруг ничего нет.

ЭПИЛОГ

Ивана Кузьмича похоронили на старом погосте за деревней Шепилово Московской области.

Когда закапывали могилу, невестка заплакала, и сын отвернулся в сторону и снял очки. Странник с дубовой палкой и в широкополой соломенной шляпе остановился и молча наблюдал обряд погребения. Потом снял шляпу, подошёл ближе и деловито помог укладывать дёрн на свежий холмик земли. Когда все разошлись, странник нахлобучил шляпу, вытащил из-за пазухи початую бутылку и сказал:

— Ну, будь здоров... э... — странник всмотрелся в жестяную табличку. — Иван Кузьмич! — и запрокинув голову, допил остатки. Потом спрятал бутылку, покачал головой и отправился дальше.

Лето было жарким и тело Ивана Кузьмича разлагалось быстро несмотря на подземную прохладу. Осенью за дело взялись дожди. Они вымывали ткани. Дольше держались кости, но и они вскоре распались на молекулы. Круговорот веществ разбросал Ивана Кузьмича по всей Земле. Под действием солнечной радиации, землетрясений, извержений вулканов, космических лучей и отходов химических предприятий молекулы Ивана Кузьмича со временем распались на атомы. Атомы рассеялись по Солнечной системе, и космические силы долго дробили их на "кирпичики Мироздания".

Иван Кузьмич, хотя и стал чрезвычайно разрежённым, заполнил теперь собой всё пространство Вселенной. Белый холодный свет, остывший настолько, что уже не взаимодействовал с веществом, летел сквозь Ивана Кузьмича совершенно безучастно.

На этом закончилась история Ивана Кузьмича.

17 июля 1982

1983

ГРИБЫ ДОЛЖНЫ ПАХНУТЬ ГРИБАМИ

рассказ

Утром просыпаюсь от щебета птиц.

За окном покачиваются верхушки елей с крупными шишками. Они покачиваются на фоне синего неба. Необыкновенно высокого. Где-то справа, за кадром, плавает солнце. В приоткрытую форточку тянет свежим воздухом.

Я встаю и выглядываю в окно. С этой стороны расстилается лес — насколько видно с высоты моего третьего этажа. Закрываю форточку и иду в комнату сына. Тот ещё спит. В его окне тоже лес, но вдалеке возвышается город. Над городом плавает что-то полупрозрачное и розовое. То ли туман, то ли облако. От дома к кольцевой дороге, и дальше — вглубь жилого массива, тянется широкий чёрный след. За эту ночь дом ушёл необычно далеко. Чтобы успеть на работу, придётся выйти на двадцать минут раньше.

Ставлю греться чайник и отправляюсь прогуливать Лешего. Около дома уже суетятся рабочие из ЖЭКа. Тянут тросы от тарахтящего трактора и прицепляют их к крепёжным кольцам в торцевой стене. Метрах в ста, прямо посреди болотца стоит шестнадцатиэтажная башня. Она всегда ходит вместе с нашим домом. Жильцы этой башни балансируют на мостках, проложенных от подъезда до сухой земли, и чертыхаются. Кругом валяются покорёженные деревья, вывороченные с корнем или просто переломленные посреди ствола. В глубоких рытвинах, оставленных прошедшими домами, уже собралась грунтовая вода. Жильцы спешат по своим делам, рабочие покрикивают на них, чтобы не мешались, повсюду бегают мальчишки и звонкими голосами спорят, чей дом раньше вернётся на прежнее место.

Всех их Леший старательно облаивает.

Мы углубляемся в лес. Там тихо, ничего не повреждено, и я спускаю собаку с поводка. Стоит оттепель. Леший с наслаждением пачкается в чёрной

земле. Я дышу воздухом, рассматриваю деревья и всё удивляюсь, какое сегодня высокое небо.

Я сочинил четверостишие про оттепель.

В Институте день зарплаты. Поэтому народу много, все ходят, разговаривают, хлопают по плечу, зовут покурить. Разбираюсь со всякими мелкими вопросами. Работать невозможно. К тому же стульев не хватает.

После обеда иду с аспирантом к начальнику. Аспиранту пора писать диссертацию. Обсуждаем план.

Когда я сам защищался, начальник мне хорошо помогал. Главное: заставлял писать. Ну, и пробивал, конечно. Он прекрасный специалист, только сильно увлечённый своей работой. Когда-то давно, на товарищеской вечеринке, его жена, которую все не любят, кричала: Он из-за вас ночами не спит, переживает, а вы неблагодарные, и так далее. Теперь начальник уже защитил докторскую и аспиранту придётся заставлять себя самому. Я заставлять не умею. Сплю я хорошо.

К концу разговора подошёл заместитель и сказал, что сверху спущена разнарядка: двадцать человеко-дней отработать на сорок третьем этаже, на уборке мусора. Заместитель — дурак, это всем известно. Начальник говорит, что ему нельзя доверять никаких бумаг: потеряет. Заместитель замещает неизвестно кого, во всяком случае, не начальника. Он толстый и очень важный человек.

Завтра придётся идти убирать мусор. Что особенно неприятно — к началу рабочего дня, вставать нужно в шесть утра.

На сорок третьем этаже стоит автоклав с МАРКом. МАРК — это АБСОЛЮТНЫЙ РЕЛЯТИВИСТСКИЙ КИРПИЧИК МИРОЗДАНИЯ. Нашему Институту удалось наконец выделить один МАРК в чистом виде и теперь он замурован в автоклаве. Плавает в магнитном поле. Один МАРК способен разнести вдребезги всю нашу планету. Заодно Луна расколется пополам, а на Марсе, если он окажется в положении Великого Противостояния, пройдут трещины. От Северного полюса к Южному. Страшно много энергии сконцентрировано в одном МАРКе. И взорваться ему ничего не стоит — достаточно соприкоснуться с веществом.

Никак не могу понять, почему на этом этаже всегда столько мусора? Третий год убираем, а меньше не становится.

Возвращаюсь с работы вечером. Дом уже стоит на прежнем месте, только почему-то развёрнут на сорок пять градусов. Окна мигают разноцветными огоньками, как лампочки на пульте МАРКовского автоклава.

Подъезд похож на большую резиновую кнопку под пультом. Нажмёшь — и ничего не станет. Только красанцы из созвездия Водолея занесут в свои толстые астрономические книги новую Сверхновую. Небо над домом низкое и грязное.

На кухне жена лепит котлеты из смеси мяса и фарша. Справа сидит Леший и неотрывно смотрит на её руки. Хвост у него виляет. Слева, на холодильнике разместился Шипун: выгибает спину и шипит. Шипун — это огромный чёрный кот, от рождения лишённый голоса, а заодно — к великой нашей радости — инстинкта продолжения рода.

— Ой, совсем забыла! — говорит жена. — У меня в сумке мороженое. Вынь, пожалуйста.

Я вынимаю мороженое и на пол выкатываются мелкие блестящие пульки. Моя жена делает на работе пули. Вместе со всем заводом, конечно.

На кухню врывается сын, видит пули и требует их себе.

— Как зачем? Как зачем? — кричит он. — Играть буду!

— Они не взрываются? — спрашиваю я.

— В том-то и дело, — говорит жена, укладывая котлеты на шипящую сковороду. Шипун разочарованно фыркает, спрыгивает с холодильника и уходит в большую комнату драть мебель. Леший всё ещё на что-то надеется.

— В том-то и дело, — говорит жена. — С этими пулями у нас целый скандал. Меня наверное посадят.

— За что, — спрашиваю, — посадят?

— Представляешь? Целая партия пуль оказалась бракованной. Их делали ещё летом, они разошлись по всей стране и даже за границу попали. А теперь их вылавливают по всем воинским частям, и у нас и ещё в пяти странах. Военпреды рвут и мечат. Начальство ходит мрачнее тучи. А виноваты калильщики из ночной смены.

— А ты тут при чём? — спрашиваю.

— Я ни при чём, — говорит жена. Я в это время в отпуске была. Только меня всё равно посадят, потому что я за этот участок отвечаю.

— Не посадят, — говорю я. — Ужин скоро? А то есть хочется.

— Ты же видишь! Готовлю.

Я сижу за столом и играю круглой, тёплой пулькой. Она приятно катается по ладони.

— А в чём, собственно, брак?

— Так я же и говорю! Эти пули должны взрываться. Попадают во что-нибудь и сразу взрываются. Делается большая дырка. А они не взрываются! Калильщики виноваты — перекалили.

Снова прибегает сын и задаёт вопрос:

— А что такое амбразура?

— Амбразура, — говорю я, — это такое отверстие в доте, из которого стреляют. Из автоматов, из пулемётов.

— Ну и ну, — удивляется сын. — Вот это да! Я бы ни за что не стал закрывать эту амбразуру грудью.

— И не надо. Зачем её закрывать?

— Ну как же! Вон Александр Матросов подвиг совершил!

— Это вы в школе про Матросова проходите?

— Ага! По чтению. А ты, папа, смог бы закрыть грудью амбразуру?

— Конечно, нет. Ладно, иди учи уроки.

— А я уже выучил. Можно я во двор пойду? Мы с ребятами в войну собирались играть.

— Валяй.

Приходит наш общий старый приятель. Садится за стол со своим вечным кроссвордом, водит по нему карандашом и бурчит себе под нос: "Евреи, евреи, кругом одни евреи!" — Вроде как песню поёт.

Я, говорит он, не признаю национальный вопрос. Нет такого вопроса. Все мы теперь одинаковые: и русские, и евреи, и татары. (Моя жена татарка.) Иногда, очень редко, он добавляет: я только не люблю, когда меня жидом называют. А Достоевский — гад!

Наш общий старый приятель, посидев, попив чайку, уходит к себе домой, в свою холостяцкую комнату, которая, собственно, и не его, потому что он её снимает. У него трое детей от трёх разных бывших жён. Двум он платит алименты, а третьей просто так помогает. Последнее время им взбрело в голову опять жить вместе, но всё упирается в квартирный вопрос. Его жена живёт в другом городе, а у него только прописка, потому что он женат на четвёртой жене фиктивно.

После вечерней прогулки с Лешим, перед сном выхожу покурить на лестничную площадку. Из щели в углу опять появляется красанец из созвездия

Водолея и начинает задавать свои бесконечные вопросы. Вообще-то он ничего: маленький, аккуратный, рыжеватый. Десять лет изучает земную цивилизацию и ничего понять не может. На свой страх и риск вступил в контакт со мной месяца два назад. Только всё равно ничего не понимает, потому что вопросы у него дурацкие.

Почему, спрашивает, своё прошлое вы изучаете, а будущее — нет? Зачем вы не живёте в лесах, ведь там воздух чище? Почему у ваших женщин длинные волосы? Почему все люди читают чужие книги, и только некоторые сами их пишут? Для чего вам нужно так много железа? Почему вы уничтожаете лишних людей такими болезненными способами и так неупорядоченно: во время войны сразу много, а в мирное время — совсем мало? И уж вовсе глупое: зачем ты куришь, если знаешь, что это вредно для здоровья?

Неужели все красанцы такие бестолковые?

Ночью я опять в Королевстве. Утром — у них там утро, когда у нас ночь — утром мы косим сено на лесной поляне. Косить неудобно — то и дело попадаются всякие пеньки, кочки, ёлочки. Но мы не торопимся, потому что некуда торопиться. Сено нужно не для корма, а просто так — чтобы приятно пахло зимой сушёной травой. У них там зима, когда у нас лето.

Ветра нет. Солнце припекает и голова начинает гудеть от буйства запахов и красок. Всё вокруг зелёное, жёлтое, бурое, красное, и опять зелёное. Только небо над головой чисто синее. Но оно очень далеко. В ушах стоит непрерывный звон кузнечиков и прочих звучащих насекомых. Двигаешься как во сне. (Я и так во сне!)

Наконец, короли, посовещавшись, объявляют отдых. Первый король уходит побродить по лесу. Второй король отзывает меня в сторонку, к старому дубу. Мы ложимся на ещё не скошенную траву и смотрим сквозь листву на небо. Потом начинаем обсуждать план создания официальной оппозиции. Я стану её Лидером и буду бороться с обоими королями за власть. Разрешаются заговоры, интриги, подкупы и одно-два покушения. Основное назначение оппозиции — способствовать укреплению королевской власти.

После отдыха мы ещё немного работаем, но становится слишком жарко и короли, побросав свои косы, зовут всех на речку — купаться. Взобравшись на холм, я вижу, как блестит синей змейкой королевская речка Чуйка. Почти такой же синей, как небо. Короли и подданные купаются и загорают. Я не спеша спускаюсь с холма. Спешить бесполезно — всё равно не успею выкупаться — проснусь.

Просыпаюсь от занудного неумолчного шума. И сразу чихаю — пахнет бензином и гарью. Подхожу к окну: так и есть — дом продвинулся вплотную к кольцевой дороге. Своим правым углом почти задевает бензоколонку. За дорогу ему не дала перейти патрульная служба. Во-время успели перегородить путь проволокой под током — дома этого не любят.

А башня всё же прорвалась за кольцевую, каким-то странным зигзагом пропахала кустарниковые заросли и остановилась на самом краю оврага. От неё ещё идёт пар. Подъезд завис над обрывом, в нём толпится народ и ждёт, когда трактор хоть немного оттащит башню в сторону, чтобы можно было выйти и пойти на работу.

Небо в той стороне, как и вчера, синее и высокое.

Будильника я не услышал и проспал. Теперь уж вовсе не пойду в Институт — чёрт с ним, с мусором. Наконец-то можно будет заняться делом. Завариваю чай, достаю бумаги и раскладываю их на столе. Вынимаю шариковую ручку. С наслаждением погружаюсь в увлекательнейший мир микрочастиц Вселенной. Теоретически МАРК — ещё не предел. Если верна гипотеза Мак-Бора, он состоит из ещё более мелких частиц — МАРКУШЕЙ. Один МАРКУША способен разнести вдребезги всю нашу галактику. Игра стоит свеч!

Вечером приходит другой наш старый приятель — мой сослуживец. Он приносит бутылку сухого вина — для нас с женой, и бутылку портвейна — для себя.

Зачем, говорит он мне, ты стихи пишешь? Я тебя всё равно читать не буду. Я даже великих поэтов не читаю. Написал бы ты лучше хороший детектив! Я, отвечаю, сюжеты придумывать не умею. Потом он весь вечер ругает нашего начальника. К великому удовольствию моей жены, которая начальника терпеть не может.

У этого нашего приятеля очень тонкий вкус и вообще он человек чувствительный. Он мог бы стать знаменитым экстрасенсом, если бы меньше пил.

Провожая приятеля, заодно выгуливаю Лешего. Возвращаясь, замечаю в углу лестничной площадки рыжеватого красанца.

Я понял, откуда все ваши беды, говорит он. У вас слишком много пальцев на руках. (У красанцев всего один палец. Он прорастает как бородавка то на левой, то на правой руке.) Для такого количества пальцев трудно найти разумное занятие. У вас на Земле развелось слишком много

ненужных вещей и с каждым днём их становится всё больше и больше. Даже не знаю, можно ли вам теперь чем-то помочь?

По-моему, этот красанец совсем сдурел за десять лет непрерывных размышлений.

Этой ночью я беру с собой в Королевство свою жену. Пора представить её королям. Я долго думал, как это лучше сделать: моя жена не признаёт королей. Но всё получилось само собой. Мы оказываемся на опушке леса. Короли ведут своих подданных по грибы. Моя жена — величайший знаток грибов! Она находит их даже на окраине нашего парка, где ржавого железа, бетонных плит и старых шин больше, чем земли. Весь день короли пляшут под её дудку.

К обеду собрано великое множество грибов: от плебейских сыроежек до вельможных подберёзовиков и королевских белых. Разноцветные, прохладные, они пахнут грибами. (Как это хорошо, что грибы пахнут грибами, понимаешь только во сне.) Теперь их нужно чистить, мыть и жарить. Подданные — все как один — наотрез отказываются. Приходится королям готовить обед самим: чистить, мыть и жарить.

Остальные тем временем разбредаются по поляне искать землянику. Я набираю целую кружку и успеваю договориться с тремя подданными о принципиальном согласии участвовать в заговоре.

Моя жена валяется в траве и губами срывает ягоды с земляничных кустов. Это было десять лет назад.

Потом мы все обедаем и короли милостиво распускают народ по домам. Со мной они прощаются кивком головы: я теперь Лидер официальной Оппозиции и нужно соблюдать этикет. Моя жена напоследок шушукается с королями и все трое смеются.

— Какие они всё-таки чудные и милые! — говорит жена на обратном пути. — Зачем ты их хочешь свергнуть?

— Я вовсе этого не хочу, — отвечаю. — Просто таковы правила игры.

Просыпаюсь от прямого попадания солнечных лучей. Окно горит жёлтым пламенем. Выхожу на балкон: кругом лес. Снег свежий, блестит и пенится на солнце, как пена шампанского. Кажется, даже шипит. А воздух напоминает само шампанское — так же пьянит и возбуждает. Небо неимоверно синее и высокое — в несколько раз выше обычного.

На прогулке Леший носится как угорелый. Пушистым ядром вспахивает снежную целину и чуть ли не кубарем скатывается с горки. За эту чудную прогулку славный пёс облизывает мне всё лицо.

Во время чаепития звонит по телефону начальник: просит приехать в Институт. Прибыл представитель заказчика, будет совещание.

Около подъезда стоит автобус, снятый с рейса. За ночь наш дом так далеко ушёл в лес, что до станции метро людей придётся везти на автобусе. Салон, пропахший бензином, почти заполнен. Пассажиры нервничают и поглядывают на часы.

В проходной Института вахтёр останавливает меня и записывает фамилию в свою книжку. Без пяти минут десять. С моим "свободным проходом" нужно являться на работу либо в 8.30 — начало рабочего дня, — либо после 10. Иначе считается опоздание. Доложат начальнику, он отреагирует, а меня это не касается. Таковы правила игры.

Захожу в кабинет. Здесь уже все наши и несколько знакомых ребят из ведомства заказчика: в гражданской одежде. Во главе стола сидит их генерал. В цивильном костюме он кажется каким-то ненастоящим и сильно западным: что-то среднее между старшим клерком и президентом фирмы. Начальник разговаривает по телефону. Присаживаюсь к приятелю. Тот мучается с похмелья — вчера, вернувшись домой, здорово добавил с зашедшим соседом.

Совещание длится долго и бестолково, потому что, кроме главного, обсуждаем кучу всяких мелочей, которые вполне можно решить в рабочем порядке. Наверху постановили форсировать работы по выделению МАРКУШИ. Значит, можно будет выбить аккордные. Это забота начальника.

После обеда сидим с аспирантом и уточняем план диссертации. Работать в Институте совершенно нет времени.

Дом оказывается на старом месте. Стены тёплые, ещё не остыли. Видно целый день тащили из леса. Дома, когда их тащут, упираются и от этого нагреваются. На время передвижения отопление отключают — для экономии. Небо над домом похоже на розовую опухоль. Когда я смотрю на такие вещи, у меня в животе что-то сжимается и дёргается. Быть может, душа находится в животе?

Жена неподвижно лежит на диване и слушает музыку.

— Ты чего? — спрашиваю.

— Ничего. Устала.

— Ну, отдыхай. Что-то ты часто устаёшь.

— Зато ты никогда не устаёшь! Дрыхнешь до десяти часов. А я должна как ненормальная вскакивать в шесть утра и бежать на завод делать эти дурацкие пули! Не хочу делать пули! Зачем они мне нужны, эти пули? Это же с

ума можно сойти — всю жизнь делать пули! Хоть бы они никогда не взрывались!

— Сколько можно говорить об этом? Уходи с завода.

— Куда уходить? У меня же профессия! Десять лет работы — коту под хвост? На заводе ко мне привыкли, я считаюсь хорошим специалистом. А кем я буду, когда уйду? Домашней хозяйкой? Ты же тогда вообще ничего дома делать не будешь. Не хочу быть домашней хозяйкой!

— А пули лучше?

Жена плачет. Леший нервничает и начинает гавкать. Непонятно только, на кого? Я успокаиваю жену. Леший тут как тут — кладёт передние лапы нам на колени, суёт всюду свой мокрый длинный нос и отчаянно крутит хвостом — так, что дрожит всё тело — вот-вот улетит.

— Лешунечка, хорошенький, красавец мой, ты меня так любишь? да? жалеешь меня? ах, ты маленький, пушистенький, хвостиком виль-виль... — приговаривает жена и успокаивается.

Появляется Шипун и нагло прыгает на диван, жмётся к нам и требует свою порцию ласки. Потом мы идём пить чай.

Вечером заходит наш новый приятель. Он работал в Институте, но начальник его выгнал — за безделье. Приятель приносит пластинки с итальянскими оперными певцами, диски "Битлс" и "Роллинг-стоунс". Ставит пластинки одну за другой и комментирует:

— Вот это они хорошо делают, это они сами придумали. А это содрали, так уже давно делают. Так ещё Моцарт делал. Ну, дальше неинтересно — дальше то же самое будет. Уже и так понятно, что они тут хотели сказать, правда?

Он снимает пластинку и ставит другую. И всё начинается с начала.

— Вот смотрите, какой у него тут голос. Всё дрожит! Но он дурак, он не понимает, что поёт. Вот смотрите: ла-ла-ла-ла... он собой любуется, своим голосом, а тут надо страдать, он же о страдании поёт. Ну, совсем дурак! Зачем такому дураку такой голос?

Он снимает пластинку и ставит новую.

Наконец, пытка музыкой кончается и наш приятель провозглашает:

— Я открыл для себя Маяковского. У него совсем не было пыли в носу! Вот послушайте.

И он начинает читать Маяковского: по паре строк из разных стихотворений.

— Вы чувствуете? Совсем чистая речь, естественная. У большинства людей очень много пыли в носу. От этого все болезни. Пыль проникает под кожу и скапливается под глазами. Зрение портится. Почему так мало понимающих людей? У них же все уши пылью забиты! Слушают и не слышат! Вот ваш начальник, хоть он меня и выгнал, но у него были прекрасные голосовые данные. Он мог бы петь лучше Карузо, но он не чистил нос от пыли и вся пыль попадала в горло, оседала на голосовых связках и, конечно, теперь ему ничего не остаётся, как заниматься микрофизикой. А сколько пыли люди съедают вместе с пищей? Нельзя есть пыльные продукты: ни мясо, ни рыбу — они почти целиком состоят из пыли. За жизнь животного у него между волокон мышечной ткани всё время скапливается пыль — животные от этого и помирают, а мы их едим!

Я провожаю нашего нового приятеля поздним вечером и заодно прогуливаю Лешего. За нами увязывается сын — говорит, что не может заснуть, не подышав свежим воздухом. Приятель идёт босиком и сын в восторге!

— А Вам не холодно босиком?

— Конечно, нет. Вот у тебя щёки и нос не мёрзнут?

— Нет.

— А почему же ноги должны мёрзнуть? От этого все болезни: на носу — ноль градусов, а на ногах — тридцать семь! Возникает разность температур и пыль так и липнет к носу.

— Папа, — говорит сын на обратном пути, — а давай тоже босиком ходить?

— Так сразу нельзя. Лучше начнём с утренней гимнастики и обтирания.

— Давай начнём! Ты поставь будильник на шесть утра. Встанем вместе с мамой и будем все вместе зарядку делать.

— Какие же шесть утра, когда сейчас уже двенадцать ночи! Надо было раньше спать ложиться, я тебе говорил.

— Ну, папа… — сын начинает канючить.

Я соглашаюсь и ставлю ему будильник на шесть утра. Самое удивительное, что он действительно вскочет по звонку и заставит встать меня — невыспавшегося. Хорошо хоть, что подобного энтузиазма моему сыну хватает только на один раз.

Перед сном выкуриваю сигарету на лестничной площадке.

— Знаешь, — говорит красанец, — а твой приятель отчасти прав. Только это не простая пыль, а космическая. Миллион лет назад ваша Земля попала в пылевое облако. И теперь вы буквально нашпигованы космической пылью. Наши учёные никак не могут установить все последствия её влияния. Быть может, эти последствия вообще непредсказуемы. Но я решился на эксперимент.

Глаза красанца сверкнули в полутьме рыжеватым светом.

— Вот!

— Что это такое?

— Это пылесос. Новейшая конструкция. Только ты сам, а то мне с одним пальцем трудновато. Вот эту трубочку запихиваешь в нос, а потом нажимаешь эту кнопку. Главное — не бойся.

— А это что?

— Это... это потом, когда очистишься. Совершенно безболезненно. Сразу заживает, никаких нагноений, никаких рубцов. Мгновенно удаляет лишние пальцы.

Я швырнул пылесосом в красанца и он исчез.

Сегодня в Королевстве игры на свежем воздухе. Я пришёл с сыном и он, обладавший большим опытом в таких делах, сразу взял на себя все организаторские функции. Мы разделились на две команды, во главе каждой встал король. Разбрелись по лесу. У каждого свой штаб, скрытый, замаскированный. Часовые забрались на сосны.

Мы с сыном лежим в засаде. Под прикрытием молодых ёлок, за большим высохшим пнём. Сухие иголки пощипывают кожу, пахнет хвоей, смолой, землёй. По пню ползут муравьи, протоптали тропинку — она выделяется светлой змейкой на серой коре. Сверху на пне бархатной заплаткой лежит зеленовато-рыжий мох. В ямке между двух корней лежать уютно и тепло.

— Папа, — спрашивает сын, — а почему небо синее?

— Потому что оно высокое, — отвечаю я честно.

Тра-та-та! Тра-та-та! Та-та! Та-та! Мы вскакиваем, бежим. Появился противник. Нас окружают. Мы уходим, согнувшись, под ёлками. Отстреливаемся. На поляне ныряем в траву и ползём по-пластунски, по всем правилам. Трава высокая, колышется от ветра. Кузнечики прыгают во все

стороны. Снова вскакиваем, мчимся под соснами. Здесь открытое место, много воздуха. Воздух сосновый.

Тра-та-та! Тра-та-та! С ходу влетаем во вражеский штаб. Тра-та-та! Все падают. Ба-бах! Взрывается мина и мы тоже падаем. Все убиты, лежат в траве, дышат и смотрят в небо.

Мой сын не может долго лежать неподвижно. Он убегает вприпрыжку и скоро приводит под конвоем пленённого короля. Игра окончена. Короли раздают награды за доблесть и мужество, проявленные во время военных учений. Мой сын получает большую ярко-красную медаль "За Отвагу". По-благородному мы делим её на всех. Начинка изумительна: клюква с малиной!

Просыпаюсь от шума моторов. Сын делает зарядку и зовёт меня. За окном сосны. Широкая просека, проделанная домом за одну ночь, по обе стороны которой лежат могучие деревья, словно колосья, срезанные острым серпом, широкая и чёрная просека уходит далеко-далеко и конца ей не видно. Выхожу на балкон. Над крышей кружат вертолёты. Точно огромные стрекозы, набившие брюхо всякой всячиной и ошалевшие от обжорства. Железяки в синем небе. Они разыскивают нас уже давно и вот наконец нашли.

Жильцов на работу развозят на вертолётах — кругом тайга, никаких дорог.

В Институт попадаю только к обеду. И узнаю новость: пропал МАРК. Ещё вчера он спокойно плавал в магнитном поле, слегка покачиваясь, и все приборы единодушно показывали норму. А сегодня все стрелки на нуле. Показывать нечего — МАРК исчез.

Комиссия по расследованию происшествия заседает с утра. Меня там ждут. У начальника круги под глазами. Все непрерывно курят. Даже чая нет.

Микропробой в силовой защите. Микровсплеск на временной диаграмме. В 4 утра МАРК отправился в свободное плавание в атмосфере. Когда он столкнётся с веществом, неизвестно: может быть, через миллион лет, а может быть, через секунду. МАРК очень мал, а расстояния между атомами очень велики.

Выпустили джина из бутылки. К чему теперь гадать? Если взорвётся, мы всё равно ничего не почувствуем. МАРК — это абсолютное оружие. Оно уничтожает абсолютно всё. Луна расколется пополам. По Марсу пробегут трещины: от Северного полюса — к Южному.

Улетела моя диссертация, — вздыхает аспирант.

Генерал в цивильной одежде, как школьник, поднимает руку и в который уж раз спрашивает:

— Как докладывать будем?

Мой приятель (почти экстрасенс) задумчиво рисует чёртиков на бумаге и уныло бурчит:

— Чего сидеть попусту! Сейчас бы выпить как следует. И повод есть...

Заместитель с суровым видом провозглашает:

— Так не бывает, чтоб виноватых не было. Нужно провести расследование по всей форме. Сообщить в Прокуратуру. Может быть, и ещё куда.

Заместитель сильно потеет, особенно шея.

Начальник отмахивается от заместителя. Он честно пытается найти решение, задаёт вопросы, говорит: думайте! Сильно увлечённый человек. Неужели не понимает, что без толку?...

Дом всё-таки привезли на место. Рабочие из ЖЭКа вокруг него суетятся, что-то делают. Ага! Хотят фундамент заякорить, прикрепляют стальные цепи, бетонные сваи забивают в мёрзлую землю — ограда будет. Посмотрим.

Сегодня у нас гостей нет. Спать ляжем пораньше.

Перед сном, как всегда, выхожу на лестничную площадку.

— Давай помиримся, — говорит красанец. — Наверное, я поспешил. Мы, красанцы, никак не можем понять вас, людей. Но мы очень хотим понять. Мы вам обязательно поможем, на нас можно положиться. Как только мы вас поймём, мы сразу что-нибудь придумаем, чтобы вам помочь. Нужно только понять, чтобы помочь правильно. Мы постараемся.

Что мне ему сказать?

— Я уезжаю домой, — говорит красанец. — Повезу доклад о Земле. Я расскажу всё, что сам знаю. Может быть, все вместе мы уже сейчас сможем понять вас и помочь.

Что мне ему сказать?

— Счастливого пути, — говорю я.

— До свидания, — говорит красанец. И медленно уходит.

— Пусть ваши астрономы получше смотрят в телескопы! — кричу я ему вдогонку. — Может быть очень интересное и редкое явление!

Если бы у красанца были плечи, он мог бы пожать ими. Но он останавливается, возвращается и начинает смотреть на меня.

— Я пошутил, — говорю я.

Но красанец не реагирует. Он вдруг начинает вытягиваться вверх и становится похожим на фонарный столб. А глаза у него горят каким-то уж вовсе нестерпимым рыжим светом.

— Ай-яй-яй, — начинает он лепетать тихим голосом. — Как же вы так? Мы у себя, в созвездии Водолея, уже тысячу лет умеем выделять МАРК. Но нам даже в голову не приходило делать это. Ай-яй-яй…

— Абсолютное оружие, — говорю я ни с того ни с сего. А сам думаю: Вот те раз! Он, оказывается, мысли читает. И МАРК они тысячу лет выделяют. То есть наоборот, не выделяют, но умеют.

Красанец вспыхивает ярким рыжим светом и вдруг потухает. Рост его опять уменьшается, весь он как-то скрючивается, сворачивается и теперь напоминает сильно обгорелое корневище. И опять лепечет совсем уж еле слышно:

— Да, да, да… оружие, оружие… как же я сам не догадался… надо спешить… МАРК летит быстро, но я полечу быстрее… перегрузки, конечно, но это ничего… надо предупредить… успеть…

Что это с ним? Заговаривается? Тут красанец как-то странно икнул и быстро проговорил своим обычным чётким голосом:

— Это совсем непредвиденное обстоятельство! Мне очень, очень жаль, но может случиться, что мы не сможем помочь вам. Вы не отчаивайтесь, мы сообщим всем мирам. Вам помогут. Если не мы, то кто-нибудь обязательно поможет. А сейчас я должен улетать. Мне срочно нужно. Прощай!

И красанец исчез. Здорово он перепугался, подумал я. Ещё бы — того и гляди будет большой ба-бах! Луна расколется пополам и так далее. Сматывает удочки. Тоже мне помощник! Понять он, видите ли, хочет! Помощь свою направо-налево предлагает. А сам драпает, заговаривается со страху!

Впрочем, что это я разозлился на красанца? Он-то тут при чём? Сами виноваты!

Я затушил окурок и отправился спать.

Во сне, перед тем, как попасть в Королевство, решаю уравнение стационарности МАРКа. Этим уравнением я занимаюсь уже два года и ни с места! Непреодолимые математические трудности. Но во сне всё гораздо легче. Я получаю решение: простое и изящное, понятное даже ребёнку. Это минута высочайшего упоения творчеством! От избытка чувств я становлюсь на голову

и даже делаю сальто-мортале. Не совсем удачно — боль в коленке меня отрезвляет.

Звоню начальнику. Он не спит — мучается бессонницей — и поэтому сразу схватывает суть дела. Земля спасена! МАРК не может спокойно плавать в атмосфере: вырываясь из магнитной ловушки, он должен приобретать такую гигантскую скорость, что уже через минуту оказывается за пределами орбиты Луны. А сейчас — я смотрю на часы и мгновенно проделываю в уме вычисления — сейчас он уже за пределами Солнечной системы! Всё обошлось!

Я кладу телефонную трубку. Проверить ещё раз! Проверяю — всё правильно. Но заодно я обнаруживаю, что моё решение не скалярное, а векторное: значит, можно попробовать определить не только величину, но и направление скорости. И я определяю. МАРК летит к созвездию Водолея. Неужели?...

... В Королевство мы отправляемся всем семейством. Идём по лесной дороге. Ели-великаны, белые берёзы, дрожащие осины, прямые сосны. Трава, хвойные иголки, заросли черники. Две колеи, сухие и твёрдые, и между ними мелкие цветочки незабудок — разбрызганы. Синие-синие.

Леший носится кругами, похожий на зайца, и громко кричит от восторга: гавкает, вспугивая мелких пичужек. Шипун ворочается на дне дорожной сумки, высовывает наружу длинные усы и влажный нос и тут же прячется от испуга. Сын распевает какие-то очень громкие пиратские песни и время от времени проверяет эхо — так, что ушам больно. Жена идёт спокойно, покачивает головой и загадочно улыбается. Пятнадцать лет назад.

За поворотом, на фоне очень синего неба висит большой бумажный плакат. Большими печатными буквами выведено:

КОРОЛЕВСТВО НА РЕМОНТЕ.

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН

Вот незадача! Мы останавливаемся в растерянности. Что же делать? И мы вернулись обратно.

Я просыпаюсь по будильнику. В окне торчит шестнадцатиэтажная башня. Видно, якорные цепи оказались надёжным средством. Ничего — я сам отправлюсь за кольцевую, в лес на прогулку с Лешим. Холодно. Дует сильный ветер и бросает в лицо снежную крупу. Леший уныло и методично отмечает деревья, не пропуская ни одного. Я стою под сосной, смотрю в поле, туда, где оно сливается с таким же белым небом, и никак не могу понять: Почему мы вернулись назад? Какие же мы посторонние? Мои жена и сын представлены королям, я сам — Лидер официальной оппозиции, третий человек в

Королевстве. Может быть, в нас нуждались? Может быть, требовалась помощь?

За чаем звонит начальник:

— Приезжай в Институт! Всё в порядке! МАРК больше не угрожает Земле! Представляешь: я это вычислил во сне. Проснулся, проверил: так и есть! Всё обошлось! А решение, между прочим, оказалось векторным. И летит наш МАРКунчик сейчас далеко-далеко — к созвездию Водолея. Вот нашим астрономам сюрприз будет!

И начальник весело рассмеялся.

На кухню заходит жена.

— Проспала на работу?

— Нет, — отвечает. — Вообще не пойду. Ты же хотел совершить государственный переворот, ведь так?

— Ну...

— Хочу быть королевой! К чёрту пули!

— Да уж тут не пули, — думаю я. — Тут кое-что посерьёзнее. И ведь ничего не сделаешь, ничем не поможешь. Бедные красанцы...

— Кто?

Оказывается, я думал вслух.

— Да так — несущественно. Потом расскажу.

И я поехал в Институт.

ЭПИЛОГ

С той зимы прошло уже несколько лет.

В созвездии Водолея всё спокойно. То ли МАРК промахнулся, то ли тамошние обитатели приняли соответствующие меры. Но рыжий красанец с тех пор так и не появлялся. Может быть, обиделся?

Наш приятель ("пыль в носу!") женился, завёл четверых детей, продал все свои пластинки, купил костюм-тройку, галстук, ботинки, подался в политику, победил на выборах, потом проиграл и стал экстремистом. Другой наш приятель (почти экстрасенс), наоборот, развёлся, бросил пить, занялся бизнесом, обанкротился и запил уже вглухую. Третий наш приятель ("евреи,

евреи...") воссоединился с женой и сыном, но жильё так и не получил, и в конце концов уехал в Израиль накануне Перестройки.

Я сменил профессию и место работы. По слухам, исследования по выделению МАРКУШИ продвигаются успешно — их финансирует какая-то крупная американская фирма. Жена так и не ушла с завода, но теперь у неё куча свободного времени — завод остановился. От нечего делать она вдруг занялась живописью: пишет лес, дворцы и людей в шутовских колпаках. Сын отбился от рук и получает плохие отметки. Шипун умер и мы похоронили его в лесу, за кольцевой. И только Леший ничуть не изменился: всё такой же резвый.

Наши дома, кажется, смирились со своей участью: стоят неподвижно и пустили корни. По весне на них даже распускаются цветы: на нашем доме — пионы, на шестнадцатиэтажной башне — нарциссы.

По ночам мне теперь снится одно чистое синее небо.

1983 — 88 — 96

ДРЕВНИЕ ГРЕКИ ЗНАЛИ, ЧТО КОРНИ СУЩЕГО СВИСАЮТ В ХАОС

рассказ

Древние греки знали, что корни сущего свисают в Хаос. Наш мир создала Любовь. Её можно представлять себе в виде очень сложной генетической программы, записанной иероглифами, высеченными на гладкой поверхности протонов и нейтронов. Когда Вселенная была горячей и тяжёлой, быстробегущие нейтрино всё время сталкивались с веществом и оставляли эти насечки. Теперь мир стал холодным и лёгким, и нейтрино летят беспрепятственно и бесцельно. А вокруг иероглифов кружатся и кружатся электроны, считывают и считывают информацию, и долгоиграющая пластинка жизни нескончаемо звучит на электрофоне времени.

Вначале были созданы боги. Они много любили и ссорились. И низвергали друг друга в Тартар. Тартар — почти то же самое, что Хаос, только несколько более упорядоченный. Потом появились люди. Складывается впечатление, что ныне должно появиться что-то ещё. Мы, люди, готовы низвергнуть в Тартар весь мир, причём не единожды, а несколько раз подряд. Нам тоже нравится любить и ссориться.

Здание Института величественно и ужасно. Можно лишь догадываться, что оно уходит за облака и земля под ним прогибается. Потому что видевшие его вблизи умирали на месте. Вокруг — до самого горизонта — простирается каменистая пустыня. Ветра здесь ходят кругами, скрежещут камнями на виражах и гонят сморщенные от страха перекати-поле. Лишь выживший из ума старик бродит по этой пустыне, тыкает палкой в камни и выковыривает полумёртвых жуков из трещин. Он почти слеп и потому не чувствует страха. А может быть он просто привык. Он был здесь всегда и неизвестно, кто он такой и откуда взялся. Из окна сотого этажа он кажется мелкой букашкой.

В приёмной у Шефа сидела девчонка и плакала. Она жаловалась, что ей неправильно запрограммировали жизнь. От слёз у неё намокли щёки и к ним прилипли тонкие нити золотистых длинных волос. Она сидела на стуле скрючившись, сложив вместе ладони рук и засунув их между колен. А колени у неё были розовые.

Секретарши, отодвинув машинки, пили чай. Над дверью в кабинет Шефа, на табло весело бежали зелёные буквы: "...ВОСПРЕЩАЕТСЯ! ИДЁТ СОВЕЩАНИЕ! НЕ ВХОДИТЬ! НЕ ЗВОНИТЬ! НЕ СТУЧАТЬ! НЕ СОРИТЬ! НЕ..."

Я взял девчонку за руку и увёл её в Лифт. Двери захлопнулись, загерметизировались и Лифт тронулся с места с ускорением. Ускорением разгона, ускорением торможения, вращения, кувыркания, движения по параболе, по замкнутым и незамкнутым , выпуклым и вогнутым траекториям в трёхмерном пространстве Вселенной. На световом указателе замелькали номера этажей, названия улиц, городов, стран, горных пиков, лесов, морей и океанов.

Я говорил:

— Ну, кто же в наше время верит в программирование? В наше время нужно верить в судьбу, таинственные знамения, белую магию, загробное биополе и бабушкины приметы. И не обращай внимания на Институт. Те, кто работает в Институте, ничего не смыслят в жизни. Я знаю, что говорю, — я сам работаю в Институте. У тебя есть хотя бы предрассудки? Как тебя зовут?

— Тина.

— Куда мы с тобой поедем, Тина?

— Я люблю цветы.

На солнечном лугу точно выпавший снег белели тысячи ромашек. На опушке леса в полутени щемяще пахло сосной. Колотилось сердце. Хотелось сесть на пенёк и долго жевать горькую хвоинку.

Но девчонка Тина уже бежала через луг, подпрыгивая и поднимая руки, точно это были крылья в небе или щупальца в море. Каждая секунда длилась несколько секунд — такое редко бывает со временем — и я побежал следом.

Я догнал девчонку на середине луга и мы упали в ромашки. Небо вспыхнуло белым светом, как вспыхивает сверхновая звезда, или зарница в августе, или атомная бомба. Девчонка была горячей и сильно пахла ромашками. Земля оказалась наклонной и скользкой — мы всё время скатывались с неё. Волосы Тины замусорились белыми лепестками, а колени желтели от пыльцы как жёлтые предупреждающие сигналы светофора…

Тина плела длинные косы венков и беззвучно шевелила губами, подсчитывая число цветов. А я смотрел в облака — чудесное создание генетической программы. Облака плыли и изменялись, то сливаясь почти воедино, то удаляясь в разные стороны. Потом мы видели, как течёт ручей. Дрожали камни на дне, дрожали белые лепестки ромашек на поверхности. Дрожали плечи девчонки Тины, потому что становилось прохладно. И я накинул на эти плечи свою куртку.

Мы шли по лесной дороге. И мы были маленькими, а деревья большими. Кукушка куковала нам сотню лет.

— Запрограммируй мне счастье, — сказала Тина.

Кому она это сказала? Кукушке или мне, который работает в Институте?

Этот день длился долго и пролетел в одно мгновение.

Я стоял на краю поля — выпуклого, как выпукла планета Земля, — и смотрел как уходит Тина — к домишкам на другом краю. Тина шла через поле и заходящее солнце мелькало у её ног. А небо со всех сторон стремительно темнело, превращаясь в звёздный Космос.

Я возвращался под этим звёздным Космосом как инопланетный путешественник и чёрная туманность Земли пружинила под моими ногами. Я опоздал на последний автобус: он проплыл вдалеке, светясь жёлтыми иллюминаторами окон и красными бортовыми сигналами. Пришлось ехать в такси, утопая в мягком сиденье при перегрузках, прислушиваясь к перестуку счётчика. Мне повезло: водитель попался неразговорчивый. Он неподвижно возвышался на переднем сиденье, спокойный и уверенный, как автопилот. Мы въезжали в город. Со всех сторон сверкали огни, скачками двигались очертания зданий, невесомо взлетали мосты и тревожно шуршали подземные тоннели. Я смотрел с удивлением, радостью, недоумением — первыми ощущениями путешественника, столкнувшегося с иной цивилизацией. Где-то далеко-далеко осталась Тина. Там моя планета?

— Стройка... пых-пых... пятилетки. Крупнейший хим... пых-пых.. комбинат в Европе... пых-пых... Задание... пых-пых... государственной... пых-пых... пых-пых... важности... пых-пых-пых-пых. Пых-пых... — Шеф раскурил, наконец, свою трубку, окутал себя синим облаком и, возвышаясь над ним подобно Зевсу, продолжал уже без препинаний:

— На одной научной организации труда и валютных кредитах такую стройку, сами понимаете, не поднять. Нужен массовый энтузиазм. Кто будет программировать?

— Вы же знаете, Шеф, — сказал Первый Программист, — это не мой профиль. Мои клиенты: жулики, взяточники, бухгалтера, торговцы, завскладами, завбазами и государственные чиновники. Мы программируем только Честность, и дел у нас по горло!

— А мне один чёрт! — сказал Второй Программист. — Могу и энтузиазм. Только окончание программы "Любовь к родной земле в Нечерноземье" придётся отложить. На соответствующее время.

— Вас, Третий, я не спрашиваю, — сказал Шеф. — У Вас в следующем квартале сдача программы Братской Помощи в квадрате С. Это спецзадание

и, если Вы сорвёте сроки, мне голову открутят! — Шеф покачал головой, парящей над облаками синего дыма: — А я Вам!

— Значит, опять я, — мрачно сказал я.

— Что поделаешь, дорогой мой. Программирование Счастья — это, конечно, наша общая и, так сказать, конечная цель, но Вы же понимаете: дело это совершенно безнадёжное! Здесь вашим внукам работы хватит! К тому же, какое может быть счастье без, так сказать, материального благосостояния? А какое может быть благосостояние без химкомбината? А?

— Между прочим, Шеф, я уже год прошу помощника.

— Ищем. Ищем, дорогой мой. Вы же понимаете, хорошие Программисты на дороге не валяются. Вам нужен плохой помощник? Не нужен... Пых-пых... пых-пых... — Шеф яростно запыхтел своей трубкой и совершенно скрылся в облаках.

Придётся согласиться, думал я, не то сейчас начнёт молнии метать.

— Полный доступ к процессорам ТРИСКа, — нагло потребовал я: — И базам данных.

— Пых-пых... пых-пых... — облака собрались в грозовые тучи, но тут в окно дунул ветер, и Шеф выплыл из дыма. — Дорогой мой, Вы же знаете, что за полный доступ к процессорам Самого Скоростного Супер-Компьютера, или, как Вы его фамильярно называете, ТРИСКа, придётся платить японцам ровно сто тысяч. Откуда, я Вас спрашиваю, у химкомбината сто тысяч? Ежедневно!

Я картинно развёл руками.

— Половинный доступ!... пых-пых...

— И к базам данных.

— ... пых-пых... пых-пых... И к базам данных! И чтобы энтузиазм был массовым и устойчивым. За текучку кадров наш Институт будет платить штраф, а Вы — персонально — лишитесь премии и заграничных командировок.

— Согласен, — сказал я.

Жизнь человека узкой змейкой причудливо извивается в тысячемерном пространстве возможностей. Если бы время имело тысячу измерений — по измерению на возможность — человек стал бы деревом, растущим вверх и в стороны, и широкая крона ветвилась и прорастала в тысячи завтрашних дней.

Когда-то я решил, что стихи могут быть только хорошими, а программы даже плохие всё же способны выполнять свою функцию. И я перестал писать стихи.

Это называется свободой выбора: вы обрубаете одну ветвь с нераспустившимися зелёными почками и карабкаетесь по оставшейся. Человек подобен дереву с обрубленными ветвями. Из брёвен делают дома, мосты и корабли.

Теоретически запрограммировать можно всё что угодно. Вопрос в том, сколько на это потребуется времени. Современные модели оперируют не одним, а десятками и сотнями тысяч измерений. Нужно учитывать, когда и что следует обрубать. Проходит время, и на обрубленном дереве появляются новые побеги, и это тоже нужно учесть. Чтобы запрограммировать один завтрашний день обыкновенного человека при современных методах требуется год работы Самого Скоростного Супер-Компьютера, а один день, как любит повторять наш Шеф, стоит ровно сто тысяч. Желающие могут перемножить в качестве упражнения. Откуда у обыкновенного человека столько денег? И согласится ли кто-нибудь целый год ждать наступления завтрашнего дня?

Поэтому-то в Институте никто не программирует жизнь: у каждого своя узкая специализация. Непосвящённым кажется странным, что мы можем запрограммировать массовый энтузиазм на строительстве химкомбината в совершенно голой степи за тысячу километров от столицы и не способны заставить одного единственного, но очень нужного на строительстве человека проявить свой личный энтузиазм и отправиться в степь. Но всё очень просто. Даже если этот человек согласится просидеть неделю в нашем Отделе Параметризации, облепленный датчиками и замороченный тестами, и мы получим все необходимые исходные данные, даже в этом случае наш распрекрасный ТРИСК будет десять лет вычислять программу индивидуального энтузиазма. И закончит работу как раз к концу строительства!

Мы поступаем гораздо проще. Составляем простенькую программку, которая в девяти случаях из десяти никакого энтузиазма не вызывает, и тиражируем её в ста тысячах экземпляров. Из десяти человек нашу программу воспримет лишь один и вот уже нужные десять тысяч энтузиастов с радостью выезжают в голую степь на стройку пятилетки. Закон больших чисел.

После обеда утыкаюсь в экран дисплея и веду диалог с компьютером. Иногда устраиваю перерыв на отдых — играю с машиной в разные игры. Особенно мне нравится игра "ТЕСТ". Компьютер задаёт вопросы, я отвечаю, а в конце он говорит всё, что обо мне думает.

Например:

— Нравится ли Вам дарить любимой женщине букеты полевых цветов?

— Да.

— Какое топливо лучше всего для туристского костра: сосна, ель, берёза или ива?

— Сосна.

— Мечтали ли Вы в юности стать покорителем гор и врубить свой альпеншток в вершину Эвереста?

— Да.

— Какая рыба Вам больше по вкусу: морская или речная?

— Речная.

— Считаете ли Вы, что красота природы выше красоты искусства?

— Да.

— Вы любите природу. Если Вы ещё не вступили в партию "зелёных", то вполне способны на это. Вы возмущаетесь, читая статьи о браконьерах и загрязнении окружающей среды. Но по натуре Вы — губитель всего живого. Вам особенно досадно, что на Земле так много людей — это лишает Вас возможности быть первым и поганить места, где ещё не ступала нога человека. Вы завидуете героям космической фантастики, имеющим возможность пакостить на девственных планетах далёких звёзд.

На неспециалистов это производит большой эффект. Если машина угадывает, они восторгаются её проницательностью. Если попадает пальцем в небо, задумываются о скрытых свойствах своего второго "я". А в действительности, это лишь забавная игра. В памяти ТРИСКа на каждый тест записана тысяча различных "диагнозов"; независимо от того, как вы отвечаете на вопросы (машина даже не запоминает ваши ответы), резюмирующий диагноз в конце выбирается произвольным образом, используя генератор случайных чисел.

Но странно: что бы компьютер ни сказал, в его "диагнозе" всегда есть какой-то смысл и он всегда относится и к вам тоже: либо как констатация, либо как предупреждение, либо как пожелание...

Когда я вышел с работы, в небе горели звёзды. Все они были переменные и пульсирующие. Это дым из труб соседнего завода, тёмно-грязного цвета, незаметный на фоне тёмно-грязного городского неба, создавал подобные астрономические эффекты.

Коллеги потащили меня в пивбар — пропустить по паре кружек.

После второй кружки пластмассовый стол перестал липнуть и пачкать рукава наших пиджаков, резкий электрический свет смягчился, рассеялся и поглотил крикливый обслуживающий персонал, соседи отдалились на приличное

расстояние, и в нашей уютной компании разговор перешёл с работы на женщин.

Ребята, — весело крикнул Первый Программист, — а от меня вчера жена ушла! Ну её к богу, давай ещё по паре кружек.

— Нет, ты меня не уговаривай. Если она тебе так нравится — бери. Не возражаю.

— Понимаешь, надоело терпеть. Сколько можно? Тянуть и тянуть. Домой приходишь — как будто тебя в какой мешок душный засовывают. Или нет — в смирительную рубашку. А говорить бесполезно, давно понял. Сразу в слёзы, "к маме уйду". Вот не поверишь, даже дышать легче стало. Как будто курить бросил.

— Это просто такой тип женщин. Как фикус. Сидит себе в кадке, и ствол вроде ничего, и листья зелёные, а всё кажется, что пластмассовая. Не шелохнётся. Или как искусственная ёлка — наряди в игрушки, красиво вроде. А как с ней жить?

— Да не нужно ей ничего! Ну пусть и так — не заметил, не понял, не попытался, не оценил. Чужая душа потёмки — вот пусть кто другой днём с огнём разглядывает. Чего теперь говорить? Есть вещи, которые необратимы. Наверное, человека нельзя понять, если хорошо его знаешь.

— Ну, всё! Давай ещё по одной. У кого сигареты есть? В общем трухлявое дело. Сейчас хорошо, а завтра… завтра сначала проспаться надо.

— Ну, по последней! И давай про другое. Я сколько хочешь этой жидкости могу выпить — непрерывный процесс устанавливается. Вот он сейчас из туалета вернётся — скажет. Мы с ним в Воронеже, прошлым летом… Вот командировка была… Давай просыпайся…

…Средь облачных причудливых пейзажей, залитых щедрым солнечным лучом, под купол безупречной синевы подведены дыханием ветров панели стен, несущие контрфорсы, высокий взлёт коринфской колоннады и тихие аркады по бокам — классических и строгих очертаний. Так выглядят небесные чертоги.

Целительное свойство здешних мест — легко рассеивать туман пивного хмеля и утишать затылочную боль. Тут как всегда внушительно и бодро из анфилады лёгких облаков явился Бог. И мы продолжили степенные беседы, гуляя предвечернею порой.

— Ну, как дела на грешнице Земле?

— Прекрасно, Бог! Вот только грязновато. Вы слышали о страшных катастрофах и загрязненьи жизненной среды?

— Сиё прискорбно. Но, я полагаю, подобные издержки неизбежны? Не возвращать же снова вас в пещеры! Вы так привыкли к тёплому уюту и комфортабельности собственных квартир. Промышленный прогресс не остановишь.

— Но как же звери, птицы, травы, воды? За что они страдают? Божьей тварью ведь называют даже червяка!

— Да, тварью. Что вам до неё?

— Мне кажется, что мы без них не можем. Нам тесно в наших городах, мы задыхаемся в бензиновых парах, жуём синтетику! На кой нам чёрт нужны химические эти комбинаты?! Душа стремится к девственной природе, дарующей покой и утешенье, мерцанье истины и чудо красоты…

— Послушай, человече, слишком сложно ты рассуждаешь. Дело-то ведь проще! Современный уровень развития производительных сил вынуждает искать альтернативные пути развития, поскольку, вступая в конфликт со средой обитания, ваша цивилизация начинает противоречить сама себе. Короче, минусов становится больше, чем плюсов. Уже делаются определённые шаги в нужном направлении: замкнутая технология, утилизация отходов, экологизация сельского хозяйства и тому подобное.

— Значит, всё в порядке?

Господь задумался, следя туманным взором за реактивным самолётом в синем небе, рисующим китайский иероглиф:

— Ну, разумеется. Будь счастлив, человек!

Бог удалился славною походкой, и в ясном мире тихо прозвучали, как дальний гром, последние слова:

— Любить весь мир могу лишь только я.

Гром приближался, заикаясь и хрипя:

— Конечная остановка! Автобус дальше не пойдёт! Просьба освободить салон.

Мне бы хотелось писать о девчонке Тине.

Как я вышел утром в парк.

Истекало небо синью.

Как открытый нерв.

Деревья тонкими ветвями едва касаются его. И кажется, дрожь проходит по ветвям, в глубине стволов и исчезает в почерневшем снеге.

Какие чистые краски! Какие точные линии! И для чего? Без всякой цели, без вознаграждения, без мук бессонными ночами, без вдохновенья, бездумной волей случая игра природы.

И такая красота!

Всего лишь небо, деревья и снег. По дну оврага чёрной щелью петляет речка. Сквозь безлистный лес просвечивают застеклённые громады моего микрорайона.

Зима кончается, подумал я. Зима кончается. И поскользнулся на обледенелой тропке, и свалился в колкий снег.

Здесь встретил я её. Как весело она смеялась! Как раскраснелась! Как холодил за шиворотом снег! Как были губы горячи! Как небо побелело, когда в её глазах собралась синь...

Потом опять про лето написать. Потом опять про зиму. И повторять про Тину бесконечно!

Здание Института величественно и ужасно. Можно лишь догадываться, что оно уходит за облака и земля под ним прогибается. Случается и в нашей работе брак, и разные непредвиденные обстоятельства и непредсказуемые побочные эффекты. Например, так называемые, фантомы. Когда вступает в действие сложная и запутанная программа, иногда возникают несуществующие явления, выдуманные вещи, события и даже люди. Их век недолог: они живут, пока мы верим в них, пока мы думаем о них, пока программа действует на наше сознание.

Древние греки знали, что корни сущего свисают в Хаос. В сущности ничего нет. Если копать очень глубоко, до самых корней — ничего нет. Любовь можно представлять себе в виде очень сложной программы.

Программу Счастья пришлось забросить и заняться вплотную химкомбинатом. Я не смог отыскать того поля — выпуклого, как выпукла планета Земля, и нет домишек на его краю. А если забыться, вдруг оказываешься в голой степи. Но изображение ещё недостаточно устойчивое и на горизонте подобно ядовитым испарениям дрожат и искажаются как в кривом зеркале очертания деталей, из которых сложится в конечном счёте химический комбинат.

О какой, собственно, Тине шла речь?

17.4.83 — 19.12.84

1984

КОНДРАТИЙ МИХАЙЛОВИЧ И ЕГО ЖИВОТ

микрорассказ

У Кондратия Михайловича рос живот.
Поначалу ничего не было заметно.
Потом стало похоже на небольшое вспучивание.

Далее в животе появилась «тяжесть». Возникло урчание. Пришлось сменить дырку на брючном ремне. Слабительные не помогли. И наконец, стало совершенно очевидно и наглядно: живот растёт.

Лёгкая припухлость превращалась в матёрое полушарие, кожа залоснилась, пупок исчез в глубокой воронке.

Кондратий Михайлович переживал.
На работе шутили.
Жена изумлённо восклицала.
О прочем умолчим.

Было испробовано: сыроедение, конный спорт, иглоукалывание, пять форм голодания, заговор, столоверчение, хатха-йога, бег трусцой, карате, три вида мистицизма и четыре диетические революции, лёд на пятки, голову и живот, горячий песок туда же, хождение босиком, табакокурение, аэробика, анаэробика и кукарекия.

Помог аутотренинг: Кондратий Михайлович смирился со своей участью.

Лишь по ночам в кошмарных сновидениях являлись ему развивающиеся народы Африки и Латинской Америки и, укоризненно качая головами, говорили:

— Гад ты, Кондратий, и буржуин! В то время как мы боремся за независимость и массово недоедаем, ты, Кондратий, отращиваешь живот!

И ещё заглядывал периодически рыжий красанец — известный космический пришелец — и тоже говорил:

— Что ж это вы, товарищ Кондратий, со своим животом портите весь космический вид вашей гуманоидной цивилизации и тем самым препятствуете установлению скорейшего контакта с человечеством в масштабе всей галактики?

А ещё являлся костлявый мальчишка с злыми глазами, который утверждал, что он — Кондратий в детстве, требовал рубль на кино, плевался и кричал:

— Ты мне всю жизнь испортил!

И ещё… но о прочем умолчим.

Вот так у Кондратия Михайловича рос живот.

И вырос.

А потом Кондратий Михайлович помер и его похоронили.

23 октября 1984 года

О, ТРАНДАГОР !

рассказ

Двор довольно большой. В середине — хоккейная площадка, оборудованная по всем правилам. Рядом песочница, детские "грибки", место для развешивания белья. Со всех сторон двор окружают громады жилых домов из унифицированных деталей. У стеклянных подъездов лавочки со старушками. Под окнами газоны с мини-клумбами, мини-грядками и мини-деревьями. Микрорайону нет ещё и пяти лет.

Идёт снег, крупный, редкий. На дорогах снег сразу тает — 2 градуса выше нуля. У бойлерной очередь к телефонным автоматам, рядом толстая тётка продаёт молоко из бочки. "Перед употреблением — прокипятить". По тропинке, пересекающей двор, идут женщины с сумками, возвращаются домой из универсама. Мальчишка стоит, лепит снежок и не знает, куда его кинуть. Скучно одному. Пробежала мелкая собачонка, тявкая и вспугивая голубей.

Инженеру Сомову сверху, с третьего этажа хорошо видно и можно пофантазировать. Небо молочного цвета — из него, как из тумана, должен медленно появиться инопланетный корабль. Зависает над хоккейной площадкой. Никакого грохота или там огня не надо. Всё должно быть тихо и аккуратно. Повисел в воздухе и опустился на землю, лишь снег слегка взбил. Но снег липкий — сразу осел.

Ну, тут, конечно, люди стали внимание обращать, что-то кричат, окна открываются. Может быть, даже милиционер появился — тут около сберкассы дежурит один всё время. Мальчишка побежал прямо к инопланетному кораблю — интересно! Мать кричит ему из окна испуганно, грозится. Милиционер рацию достал, говорит в неё что-то, сердится на непонимание и плохую слышимость. Кто-то догадался, к автоматам побежал звонить. Куда же он звонить будет? Народ стоит в отдалении, переговаривается, жестикулирует. Ближе никто подходить не хочет, мальчишку того за ухо оттащили, мать его домой загнала. Он теперь из окна высовывается, бинокль раздобыл — смотрит не отрываясь. Вскоре конечно милиция приехала, пожарная машина, скорая помощь. Аварийка зачем-то из Мосгаза. Потом "волги" подкатили, люди в штатском вышли. Появился человек с мегафоном, кричит, чтобы разошлись, не подходили, не мешали, без паники чтобы. Наконец, грузовики армейские приехали. Солдаты быстро оцепили весь двор, командиры распоряжения отдают, бегают, докладывают что-то начальству в штатском. Репортёры тут

как тут, на крышу бойлерной забрались, их оттуда милиция разгоняет. Ругаются из-за фотоаппаратов. Закрутилось всё, завертелось, так всё слаженно, чётко, будто каждый день инопланетные корабли приземляются, отрепетировано уж всё давно. Вот только на этот раз осечка вышла — не там сел, в жилой микрорайон угодил. Может, сломалось что, неисправность какая. Разберёмся, главное — без паники.

А корабль стоит себе тихо, ничего в нём не двигается, люки не открываются, антенны не вращаются, прожектора не светят. Небольшой корабль, как раз до Сомовского третьего этажа доходит. Может быть посадочная шлюпка, а звездолёт на орбите остался? В общем, постоял, постоял, потом вдруг раз — и подниматься начал. Медленно, осторожно. Метров на сто поднялся, повисел минуту и сразу вверх, с ускорением, скрылся в молочном тумане. Как будто и не было его.

Во дворе потом неделю оцепление не снимали. Учёные приезжали со спецмашинами, всё снег на месте стоянки изучали, пробы брали, приборами разными измеряли что-то. Наверное, и на радиоактивность проверяли. Потом уехали все, солдат увезли на грузовиках. Жители ещё долго ходили на хоккейную площадку, смотрели на снег, хоть он и новый выпал. Очевидцы объясняли всем желающим, как дело было, мальчишка тот заводилой стал, ребята за ним табуном ходят. Сначала он им всё рассказывал, потом игру новую затеяли — в космических пришельцев: шапки по-чудному завязывали, на манер шлемов от скафандров, стреляли из деревянных бластеров. В газетах ничего не было — Сомов тщательно просматривал. По "голосам" передавали, будто у русских появилась новая сверхракета, с большим количеством боеголовок. Врали, что во время испытаний одна ракета упала на окраине Москвы и наделала больших разрушений с человеческими жертвами. В Америке конгресс утвердил рекордный военный бюджет, на совещаниях по разоружению западные делегации обвиняли Советский Союз в нарушении военного равновесия. Но шум скоро утих: ТАСС в "Правде" опровержение поместило, "Литературка" политический фельетон напечатала.

Весна уже наступила, снег на хоккейной площадке растаял, доминошники появились во дворе. Мальчишки теперь в шпионов играют. А инженер Сомов каждое утро стоит у окна на своём третьем этаже, смотрит во двор, как машины грязь разбрызгивают, пожилые дамы собак выгуливают, синицы появились, летают, небо уже синее, облака на нём молочные, солнце светит. Стоит и думает: зачем он прилетал, инопланетный корабль этот? Автоматический он был или сидели в нём инопланетяне, смотрели на нас в иллюминаторы? Когда ещё прилетят? К какой звезде направились? Случайно ли к нам попали или со специальными намерениями: посмотреть, как мы тут

живём, не пора ли дружбу заводить? Много у Сомова вопросов, да задать их некому…

Никак Сомов не успокоится, никак не забудет того дня. Да оно и понятно: в тот день, едва скрылся инопланетный корабль в молочных облаках, почувствовал Сомов ужасную головную боль, и одновременно мучительно захотелось ему спать. Вот никогда так у Сомова не было, чтобы голова болела, и в то же время глаза слипались. Свалился он на кровать и проспал до следующего утра. А на следующее утро, лишь только открыл глаза, как сразу и явилось ему знание, что он, инженер Сомов, теперь инопланетный пришелец. Почему так получилось, что корабль улетел, а он остался, и почему вообще инопланетный пришелец, если он всё тот же инженер Сомов, этого он объяснить не мог. Но только знал уже наверняка, что вовсе он теперь не землянин, а родом с далёкой звезда Трандагор. Как-то так получалось, что до того дня он был инженер Сомов — человек, а теперь он инженер Сомов — трандагорец. Странно, конечно, что внешне Сомов совсем никак не изменился: был так же низок ростом, так же остренько выпирало начинающееся брюшко, и так же обозначалась в светлых, будто вылинявших волосах, небольшая плешь. Только бесцветные глаза его смотрели ещё более грустно, да мелкие уши краснели ещё чаще.

Ничего необычного не заметили и домашние Сомова. По-прежнему была весёлой, ласковой и заботливой жена по утрам, и усталой, раздражительной и скандальной по вечерам. По-прежнему ворчала и хлопала дверью тёща. По-прежнему безобразничали дети, в раннем детстве привыкшие кататься верхом на "папочке-лошадочке", да так и не повзрослевшие в школе. Всё так же в субботу гоняли Сомова по магазинам, а в воскресенье разрешали сходить в баню и выпить пару кружек пива "с лёгкого пара".

Никаких перемен не заметили в инженере Сомове и на службе. Как обычно, был недоволен и двусмысленно хмыкал начальник. Посмеивались машинистки. Не отвечала на приветствия красавица-секретарша Ниночка. Тайно вздыхала некрасивая бухгалтерша — ровесница Сомова. Как обычно подшучивали коллеги, пытаясь собрать с непьющего и неучаствующего инженера трёшник на сабантуйчик — лишь для того, чтобы подсунуть ему часть своей работы, как расплату за неучастие. Как обычно, подстраивал разные пакости злобный Гардонов. Как обычно хвалили Сомова за исполнительность и дисциплинированность, ругали за безынициативность и неучастие в общественной жизни, и не повышали в должности и окладе.

Одним словом, по-прежнему инженер Сомов оставался тюфяком, подкаблучником и "лошадочкой". Ничем не замечательная личность, столь распространившаяся в наше эмансипированное время, видимо, для создания

надлежащего фона для людей замечательных, смелых, оригинальных и весёлых.

Ради справедливости, следует сказать, что не всегда Сомов был таким непримечательным. В юности, а более того в детстве, он отличался безудержной фантазией и склонностью к самым романтичным мечтаниям. В мыслях своих он покорял пространство и время как космонавт из фантастических романов, совершал великие открытия как гениальный учёный, повергал в изумление и восторг весь мир как живой классик литературы. Он покорял также самые неприступные женские сердца — тоже в мыслях. В душе юного Сомова бушевали бури и совершались подвиги, велись учёные споры о тайнах мироздания, разверзались бездонные пропасти и возносились сверкающие вершины, добро боролось со злом и побеждало его. Словом, когда-то Сомов жил жизнью яркой, необычайной, наполненной глубокими чувствами, высокими помыслами и тайным смыслом. Но это была внутренняя жизнь, не видимая и не замечаемая окружающими. Сомов инстинктивно страшился столкновения этих двух миров: внутреннего и внешнего. Но такая двойная жизнь не могла продолжаться вечно. Его закупоренный внутренний мир перегорел, задымился и потух. Сомов закончил вуз, стал инженером и женился.

И всё-таки остатки того духовного пламени, видимо, ещё тлели под слоем пепла разочарований и золы из бытовых, семейных и служебных забот и сует. Инопланетный корабль оказался струёй чистого кислорода. Инженер Сомов снова начал разгораться изнутри. К тому же он стал космическим пришельцем.

Поначалу действительно все перемены в Сомове были только внутренними, душевными. За некоторым смятением в чувствах и мыслях последовала стадия прозрения. Сомов глядел на окружающий мир и свою собственную теперешнюю жизнь глазами инопланетянина. Многие вещи, в том числе самые обычные, стали его удивлять, а подчас и возмущать. В середине мая Сомов неожиданно для себя дал подзатыльник сыну-пятикласснику, стащившему рубль на кино. Чем поверг в изумление жену и тёщу и внушил им необоснованные надежды. В конце мая Сомов сдал трёшник на сабантуйчик, выпил три рюмки водки и назвал Гардонова "нечестным человеком".

В июне инженер Сомов перешёл к решительным действиям на всех фронтах. Секретарше Ниночке "по случаю солнечной погоды" был преподнесён букет тюльпанов. Когда она всплеснула руками от удивления, Сомов ловко и галантно приложился к её пальчикам, чем поверг бедную девушку уже не в изумление, а прямо-таки в остолбенение, продолжавшееся минут пять и

закончившееся стаканом воды в дрожащих пальчиках. Начальнику было подано заявление с требованием повысить инженеру Сомову оклад с переводом его на должность старшего инженера, которое начальник от неожиданности подписал, после чего в задумчивом одиночестве прохмыкал весь оставшийся день. На профсоюзном собрании Сомов выступил с нелицеприятной критикой работы всего отдела вообще, и группы машинописи, в частности. Говорил целых полчаса с необыкновенным красноречием и цитатами из классиков и античных мыслителей и закончил предложением своей кандидатуры на пост председателя жилищной комиссии. Высказал Гардонову всё, что о нём думал. Отказался тратить субботы на магазины. Запретил тёще хлопать дверью. Занялся по утрам йогой. Сходил в школу на родительское собрание. Устроил разорительный приём по случаю своего дня рождения. Подарил жене комплект французского белья, чем сильно напугал её.

Но стоит ли перечислять все изменения, происходившие с инженером Сомовым, и округлявшие глаза его знакомых, близких и коллег? В общем-то, ничего особенного не происходило. Сомов становился тем замечательным, смелым, оригинальным и весёлым человеком, которых у нас предостаточно. Необычным было лишь то, что таким человеком становился Сомов. Но ведь никто не знал, что он теперь инопланетный пришелец!

А между тем в душе инженера Сомова нарастала тревога и зарождалась какая-то необыкновенная ностальгия. Вдруг пробудилась тяга к знаниям, уснувшая ещё в студенческие годы. Сомов записался сразу в несколько библиотек и начал тратить премиальные на сочинения древних мыслителей. Он изучал философию, генетику, историю, астрофизику, офтальмологию, сфрагистику, алгебраическую топологию, эмбриологию, картографию, фольклористику, металлургию и международное право. Выучил японский язык и подписался на газету "Асахи". Написал статью "К вопросу о возможном несуществовании предков племени туцзюэсцев до XII в. до н.э.", опубликованную в 6-ом номере "Учёных записок Самаркандского Университета". Сделал доклад в Московском математическом обществе "О ненужности некоторых простых чисел вида 2^n-1". Изобрёл и смастерил для домашних нужд электрический отбиватель антрекотов, превращавший мясо в розовые простыни. И, наконец, доказал Великую теорему Ферма.

Последнее, впрочем, недостоверно, поскольку в одну несчастную (для науки) ночь Сомов сжёг свою рукопись на газовой плите, сильно волнуясь и беспрерывно повторяя: "Об этом ещё рано знать человечеству!". Жена и тёща дрожали от страха. Но наутро Сомов проснулся тихим, задумчивым, рассеянно пил чай и не прочитал газету "Асахи". Приступ познания закончился и Сомов

перешёл к следующей стадии. Древние мыслители были снесены женой втихомолку в букинистический магазин.

Об этом, довольно длительном, этапе эволюции инженера Сомова ничего определённого мы сказать не можем. Внешне он снова стал тихим и задумчивым. Разве что слишком задумчивым и даже иногда рассеянным. Но окружающие чувствовали, что лучше Сомова не трогать и неизвестно ещё какой Сомов опаснее: весёлый или тихий. Когда однажды злобный Гардонов, решивший, что всё возвратилось на круги своя, шутки ради прикнопил к чертежу инженера Сомова большого таракана, наш герой, молча и грустно покачивая головой, осторожно взял рыжего прусака и вдруг неожиданным и решительным выпадом прикнопил его... ко лбу злобного Гардонова.

Но это был, так сказать, один из немногих эпизодов. Сомов снова начал ходить по магазинам в субботу, забросил йогу и вышел из состава жилищной комиссии. По утрам он подходил к окну, смотрел на хоккейную площадку, вздыхал и изредка загадочно восклицал: "О, Трандагор!". Инженер Сомов сильно грустил и тосковал по своей родине — далёкой звезде Трандагор. Это было довольно странно, ведь Сомов даже не знал, в какой стороне неба находится эта звезда. Название "Трандагор" было не земное, а трандагорское. Да и совсем ничего не знал Сомов про эту свою родину. Какое там небо? и какие леса? и есть ли там вообще леса? жарко там или холодно? идут ли дожди? стоят ли города? курсируют ли автобусы? учатся ли дети в школе? имеются ли жёны и тёщи? или размножаются почкованием? или, может быть, опылением? какие они, кстати, жители Традагора? две руки или больше? и есть ли у них руки, или, может быть, щупальца, или крылья или вообще неизвестно что? ходят они, летают или плавают? а может быть, ползают? или вообще стоят на месте, как кусты или деревья? читают ли книги? смотрят ли телевизор? добрые они или злые? есть ли на Трандагоре злобные Гардоновы и секретарши-красавицы?

Ничего, совсем ничего не знал Сомов о Трандагоре! А между тем чувствовал себя постоянно трандагорцем, тянулся душою к этому далёкому и неизвестному миру и тосковал. Земная жизнь представилась вдруг Сомову скучной, чужой, неправильной и несправедливой. О, Трандагор! — вздыхал инженер Сомов. И хотя, повторяем, ничего не знал он об этом далёком мире, но в мыслях своих часто обращался к Трандагору, и Трандагор представлялся Сомову сказочно прекрасным. Там царило вечное ласковое лето, повсюду цветы и красивые женщины, а люди все добрые, умные, и он, Сомов, среди них такой же добрый, умный и весёлый. Он идёт по широкой аллее, обсаженной розовыми кустами, раскланивается вежливо и приветливо со знакомыми и ведёт учёные беседы с трандагорскими философами, прогуливаясь туда и обратно, подобно древним мыслителям. А к вечеру он

возвращается к себе домой, в свою трёхэтажную виллу из красного трандагорского дерева и синего трандагорского стекла, проходит мимо бассейна, обложенного изящными трандагорскими камнями причудливых очертаний, мимо бассейна, в котором плескаются его чистенькие, радостные и любящие его дети, которые кричат ему "Здравствуй, папочка!". А на крыльце с резными колоннами его встречает красивая и молодая жена, и улыбается ему, хотя лицо её несколько неопределённо и напоминает то лицо его здешней, земной жены, то лицо секретарши Ниночки, то какое-то ещё красивое лицо, может быть артистки, а может быть дикторши телевидения, а из кухни тянется аромат чудесных трандагорских кушаний, и ожидаются гости, его лучшие трандагорские друзья, которые придут поздравить Сомова с очередным великим открытием из области фольклористики и эмбриологии, и наступает вечер, золотое трандагорское солнце опускается к вершинам далёких белоснежных гор, звучит неземная трандагорская музыка, тёплый ветер долетает к веранде, ароматы цветов, приятные звуки трандагорской речи, звёзды, деревья, улыбки, мелодии...

О, Трандагор! — вскрикивал инженер Сомов внутренним голосом. И вздыхал. И после таких мечтаний и унесения мыслями и всеми чувствами на далёкую звезду Трандагор, когда Сомов возвращался обратно на Землю, возникала у него и мучила одна мысль: Зачем он здесь?! Почему инженер Сомов оказался на Земле? И почему вообще инженер Сомов? Может быть, он здесь со специальным заданием? Как разведчик и космический исследователь загадочной земной цивилизации? Может ли это быть? Но нет! Не чувствовал Сомов в себе никакого специального задания. Не знал ни шифров, ни паролей, ни явок! Что ему следовало изучать? куда проникнуть? какую собрать информацию? Ничего не знал Сомов, а, значит, и не было никакого такого задания. Но почему же тогда, почему Сомов на Земле?

И закрадывалось в его душу страшное подозрение. Поначалу Сомов отгонял эту дикую и ни с чем несоразмерную мысль, даже находил её смешной. Но она снова возвращалась и упорно лезла, и приводила аргументы. Сомов расстраивался, плохо спал, мучился, и подозревал, подозревал... Его подозрения росли, и он всё больше убеждался в справедливости своей догадки. От этой догадки Сомов становился всё грустнее. Даже мрачнее. Даже раздражительнее. Почти заболел. Инженер Сомов подозревал, что оказался на Земле случайно, что он просто потерялся в необъятных просторах Космоса, что его забыли на Земле, а инопланетный трандагорский корабль улетел без него к далёким звёздам и без него возвратится в сказочный Трандагор. Он, инженер Сомов, оказался на Земле по ошибке, никто не знает об этом на далёком Трандагоре, и теперь ему всю оставшуюся жизнь придётся мучиться на Земле, тосковать и страдать...

От этих мыслей Сомов совсем расстраивался. Всё его окружавшее: и люди, и вещи и явления земные, — всё казалось ужасным, неправильным, ни с чем несообразным и не соответствующим его, Сомова, трандагорской природе. Он иногда даже начинал задыхаться, когда в голову приходила мысль: А вдруг на Трандагоре другой состав атмосферного воздуха? И воздух земной для Сомова вреден и ядовит? Вдруг излучение жёлтого земного Солнца смертельно для Сомова? И он уже болен какой-нибудь неизлечимой радиационной болезнью? Никто ему не поможет! Земная медицина бессильна для его, Сомова, трандагорского организма. А то ещё учёные медики возьмутся за его изучение, и посадят в клетку, как кролика, и начнут проводить всякие физиологические эксперименты. Ужас! Сомов бежал солнечного света, потерял аппетит и сон. По ночам он вдруг просыпался, лежал неподвижно в своей кровати с широко открытыми глазами. Потом не выдерживал, одевался и шёл бродить по пустынным улицам. Заходил в парк, и там, на большой поляне, на вершине холма долго-долго всматривался в звёздное небо. И искал, искал звезду Трандагор! Он надеялся найти её инстинктивно, вдруг чувствовал иногда, что вот эта, синенькая звёздочка, наверное, и есть желанный Трандагор. Но звёздочка мигала раз, другой, и Сомов понимал: нет, не то, не Трандагор! И снова всматривался в звёздное небо, до рези в глазах, до затекания шеи. И слал в открытый Космос свой молчаливый призыв, крик воспалённой души своей:

О, Трандагор!
О, трандагорцы-соотечественники!
О! Заберите меня отсюда!

И однажды этот призыв был услышан. (Все трандагорцы, не исключая и Сомова, обладают удивительными телепатическими способностями в дециметровом диапазоне.) Однажды на ночном небе появилась новая синяя звёздочка; мигнула раз, мигнула другой, скользнула к земле мелким метеоритом и опустилась рядом с Сомовым на поляну трандагорским космическим кораблём. На этот раз сразу открылись люки и выбежали встревоженные трандагорцы. Они бежали к Сомову, размахивали надкрыльями, трещали заушными трещотками и что-то лопотали по-трандагорски.

А Сомов стоял со слезами на глазах, не в силах сделать ни шага, и лишь протягивал к кораблю дрожащие руки. А трандагорцы всё лопотали и лопотали.

— Ах, инженер Сомов! — говорили они. — Ах ты, боже мой, инженер Сомов! Ах, как нехорошо получилось! Ах, какая вышла ошибочка! Ах, какой, так сказать, прокольчик получился! Ах, извиняемся, инженер Сомов! Ах, мы

сейчас всё поправим! Ах, не беспокойтесь, инженер Сомов! Ах, кончились ваши страдания, инженер Сомов! Ах, мы сейчас живенько устраним дефект! Ах, мы сейчас всё восстановим! Ах, вы случайно попали под наше поле, инженер Сомов! Ах, извиняемся и ликвидируем последствия!

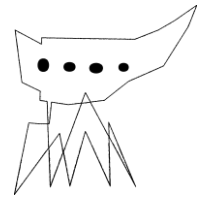
И трандагорцы с космического корабля действительно быстро устранили дефект, восстановили, и ликвидировали последствия. Даже немножко почистили Сомову память, чтобы он не мучился непонятными для себя воспоминаниями. А потом сели в свой инопланетный корабль, захлопнули люки и улетели на Трандагор.

А инженер Сомов остался опять обыкновенным, земным инженером Сомовым. Ведь трандагорцем и космическим пришельцем он был по ошибке, в результате неисправности несовершенной трандагорской техники.

Вот теперь уже всё, действительно, вернулось на круги своя. И первым почувствовал это злобный Гардонов, почувствовал и разрисовал готовый Сомовский чертёж рожицами и фигурками. И возмездия не последовало. По-прежнему инженер Сомов ходил в баню по воскресеньям, хлопала дверью тёща, была недовольна жена, воровал рубли сын-шестиклассник, хмыкал начальник, посмеивались машинистки, не отвечала на приветствия секретарша Ниночка, по-прежнему Сомова хвалили за исполнительность и дисциплинированность и ругали за безынициативность и неучастие в общественной жизни, и не повышали в должности и окладе.

Немного осталось на Земле следов от трандагорских космических пришельцев. Собственно, ровно три. Во-первых, инженер Сомов так и остался старшим инженером. Во-вторых, пристрастился к сабантуйчикам. Да ещё, то ли в спешке, то ли в силу несовершенства трандагорской техники, но только не удалось до конца вытравить из памяти Сомова само это слово "Трандагор". Правда, употреблял его инженер Сомов очень редко: в исключительно стрессовых ситуациях или после третьей рюмки на сабантуйчике. И употреблял всегда в отрицательном смысле. Он говорил, например, "А иди ты в Трандагор!". Или "Трандагор тебя возьми!". Или даже "Трандагор твою мать!".

И только жена инженера Сомова могла бы засвидетельствовать, что иногда среди ночи Сомову снился какой-то странный сон, он ворочался, шевелил губами, причмокивал и тихо вздыхал под конец "О, Трандагор!". Но жена спала крепко, а сам инженер Сомов наутро не помнил своих снов.



12 мая 1984

1986

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ФАКТ

одно предложение с эпиграфом

" Вот бреду я вдоль большой дороги... "
Тютчев

Все они умерли, люди жившие в Российском государстве в августе 1864 года.

1986

1987

ТАО ШИ

рассказ

В книге монаха Горькая Тыква сказано так:
Единой чертою рисуется Времени знак.

На траву молодую спускается тень Пяти ив.
У Восточного склона, качаясь, шумят камыши.
Только ли чудится: с веткой цветущих слив
рядом идет человек по имени Тао Ши?

Я хотел бы рассказать хорошую историю с простым и ясным сюжетом. Но я не знаю, как это сделать. Я беру живые кусочки жизни и мне жаль нанизывать их, подобно камушкам, на сюжетную нить. Вот они — словно маленькие птицы — сидят на моей ладони. Одни вспархивают, другие прилетают. Они не в моей власти и я боюсь неосторожным словом спугнуть их. Так бывало: они взлетали стайкой и скрывались в синем небе. А мои ладони оставались пустыми.

Вдохновение — это когда задерживаешь дыхание, боясь спугнуть птиц. Может быть, я хочу написать об этом?

Он поставил свой дом в самой гуще людских жилищ, недалеко от бойлерной. Ветер, что ходит кругами, как минотавр, в каменных лабиринтах стен, тонко пел в тростниковой крыше.

О, ночная Луна! Как могут спать ваши люди? — говорил Тао Ши.

Я объяснял: — Они устали на работе. Завтра им рано вставать.

Тао Ши весело смеялся моим несуразным словам. Мы шли ночной улицей, у края парка, так что среди деревьев мелькал светлый круг Луны, а на другой стороне дома вырастали до неба и вместо звёзд были окна.

Я показывал рукой и говорил: Смотри, там не спят!

За освещёнными окнами люди читали книги — так хотелось думать — или вели неторопливую беседу и пили чай. Тао Ши размахивал рукавами халата, пытаясь обнять весь мир. Я рассказывал о Ниле Армстронге. Двадцать первого июля 1969 года в 2 часа 56 минут 20 секунд он оставил свои следы на дне Моря Спокойствия. Тао Ши рассказывал о Чан Э. На Луну она вознеслась, испробовав эликсир бессмертия, дарованный её мужу, стрелку И. На Луне растёт коричное дерево и лунный заяц толчёт в ступе его кору, приготовляя для Чан Э эликсир бессмертия.

Может быть, самое удивительное в нашей жизни — это смерть. Я не знаю ничего более грустного, чем смерть маленькой птицы. А ведь есть люди, у которых почти совсем не осталось птиц на ладони.

— Я хочу быть старшим научным сотрудником!

Я хочу быть старшим научным сотрудником! — так он кричал.

И люди думали: — Бедный, бедный младший научный сотрудник!

Их дом был совершенно занесён снегом.

Из глубокой воронки в снежном холме с рёвом вырывался столб чёрного дыма. Сбоку сквозь снег едва пробивался жёлтый свет из окна. Мы долго откапывали дверь, наконец откопали, распахнули и ввалились в парную. Печка была переполнена паром и хохотала как ненормальная. В белом молочном пару мы увидели младенца Ваню. В круглом тазу, будто на лотосовом троне, он восседал и намыливал голову. Вокруг него, почти бесплотная и круглая, как облака, двигалась Аня. Иван кивнул нам и мы прошли дальше. Посреди комнаты две собаки грызли одну кость. Вокруг на велосипедах, самокатах и качелях катались остальные дети, постарше. За шкафом в углу хозяин дома готовил обед. Керосинка плевалась и отнекивалась. Завидя нас, Николай обрадовался, засунул керосинку под кровать, убрал мокрые пелёнки с кресла, постелил газетки и усадил меня и Тао Ши на мягкие подлокотники. Между нами голубая кошка вылизывала котят.

— Кобальт голубой. Темпера, — пояснил Николай.

Он достал со шкафа фолиант X века и начал читать нам Жития святых православной церкви. Потом пришла Аня и разложила кашу по мискам. Дочки сидели у Николая на коленях, а он рассказывал о раскопках на дне Московского моря, где когда-то было старое кладбище. Водолазы каждый день

вытаскивали на поверхность мраморные статуи святых и великомучеников. Николай их обмеривал, фотографировал и регистрировал. А местные жители, даже самые древние старики, очень удивлялись этим скульптурам и качали головами: отродясь такого на кладбищах в тамошних местах не водилось! Думали уж, что наткнулись на остатки неизвестного античного некрополя. И только спорили: греческий это некрополь или всё же римский? Но тут выяснилось, что вовсе это не мрамор, а обыкновенный известняк, который долгие годы под влиянием воды и химических удобрений осаждался на костях отечественных покойников и как-то видоизменялся, так что в результате из их скелетов получились как бы скульптуры. И Николай демонстрировал поднятое водолазами известняковое ухо — точь в точь как настоящее.

Потом Ваня обделался и Аня ушла его мыть. Девочки захотели спать и залезли в свои кровати, что возвышались друг над дружкой в четыре этажа.

Мы стали прощаться.

— А Вы ведь художник? — спросил Николай у Тао Ши.

— О! — воскликнул Тао Ши. — Последние художники жили в эпоху Тан! Я почти ничего не умею.

Он взял кисть, напитал её тушью и в два взмаха нарисовал на белой стене печки танцующего журавля. Потом, как это водится у китайских художников, он долго стоял и смотрел на него, не решаясь закончить картину и изобразить глаза птицы. Наконец, быстрым движением самым кончиком кисти он коснулся плоской стены. Журавль ожил, отделился от печки, захлопал большими крыльями, смахнул чашки с полки, уронил вешалку и, сложив крылья, танцующим шагом прошёл в комнату.

— Чем же кормить-то его? — спросила Аня.

Тао Ши засмущался и откланялся. Я сунул Николаю пятёрку: — Это ему на семечки. Хватит на первое время. — и поспешил за Тао Ши.

У нас в Лианозове когда-то были садовые участки. Почему-то все сажали вишни и по весне землю заливало белое море вишнёвого цвета. Теперь наши большие дома раздавили сады и только изредка клочья белой пены виднеются около стен. Чуть дальше — лес. А где-то на границе стоит заснеженная сосна со странно искривлённым стволом.

В "Слове о живописи из сада с горчичное зерно" сказано: "Сосны подобны людям высоких принципов, манеры которых выражают внутреннюю сущность. Они похожи на молодых драконов, свернувшихся в глубоких ущельях, украшающих прекрасные горы своей красотой и грациозностью. Но одновременно они внушают страх скрытой мощью, согласной с

устремлённостью вверх. Те, кто пишут сосны, должны помнить об этом. Тогда кисть будет писать их необычайную природу".

Я много раз пытался писать эту сосну. Но у меня получалось самое обыкновенное хвойное дерево.

В ложбине над речкой цветные туманы густы.

То почки набухли, окрасив кусты.

А в младенческом березняке мало кто достиг белоствольного совершеннолетия. И рощица краснеет над снегом под небом. Отчего мы не замечаем, что у молодых деревьев кожа красного цвета?

И вот, когда мы все разругались, и стали противны друг другу, и каждый ушёл в свою сторону, и я оказался в этом овраге. Только тут я подумал: разве дело в том, кто прав? Нужно увидеть мир иным. Пока мир всё тот же, из него нет выхода. Нужно просто увидеть мир иным. И я вспомнил о Тао Ши.

Я шёл к нему в возвышенном настроении. Я поднимался на лифте! Вот кто всегда иной! — думал я. Дверь открывалась внутрь, и я толкнул её, она была лёгкой и продуваемой ветром. И ветер шелестел бумагой на полу тростниковой хижины. А Тао Ши, как видно пьяный, спал у стены, завернувшись в халат. Кувшин на столе был пуст, а лепестки вишни с ветки у окна — осыпались.

Судя по всему, он опять писал стихи. Но на листках бумаги чернели лишь отдельные иероглифы. Каждый раз весенний ветер уносит написанные стихи Тао Ши и кружит где-то там, в поднебесье, а потом роняет в горные пропасти, по дну которых бегут горные ручьи. Бумага размокает и её клочья, как клочья пены, прибивает к прибрежным камням, а тушь оседает на дно.

Я вскипятил воду и заварил чай.

Почуяв аромат чая, Тао Ши проснулся и спросил о моём здоровье, и о здоровье моих родителей, и о здоровье моей жены и моих детей. И ещё он спросил: а нет ли у меня какого-нибудь дела к нему и не может ли он чем-нибудь помочь мне в моих делах?

— У меня нет никаких дел, — ответил я. — Я зашёл выпить чаю.

И мы поклонились друг другу по-дружески.

Мне мешают писать рассказ два художника. Они сидят на кухне, пьют мой чай и до хрипоты спорят о путях в искусстве.

Позже я застал Тао Ши, сидящим на полу посреди комнаты, перемазанным краской и горестно качающим головой. А по всему полу словно большие белые крылья были разбросаны листы с какими-то абстракциями.

— Я видел работы одного вашего художника, — начал Тао Ши. — И мне захотелось написать что-нибудь подобное. Но у меня ничего не получается. Его абстракции живые, а мои — мёртвые. Я никчемный человек, я могу писать одних только журавлей. А где они, журавли? Их почти не осталось на Земле.

Он собрал свои листы в охапку и снёс их в макулатуру.

Мы шли по дорожке вдоль сломанных заборов. Дачный посёлок доживал свои последние дни. Среди буйно цветущих садов едва виднелись останки кирпичных и деревянных домов. А сады были переполнены вишнёвым и яблоневым цветом и аромат, древний как мир, тихо плыл над землёй.

— В этих садах люди рисовали картины и сочиняли стихи, — сказал Тао Ши. — А в том доме жил мудрец и философ.

И я согласился с ним, хотя знал, что в этих садах люди занимались только огородами, а сочиняли одни жалобы друг на друга. А в том доме хозяин разводил свиней на продажу.

Когда мы хоронили кусочек нашего сердца, весенний день был тёплым и солнечным.

" Дорогой друг!

Раз Вы читаете это письмо, значит меня уже не стало. Что ж, ведь врач так и сказал: "Шансов практически нет". Я знаю, Вы любили меня, и последние дни дались Вам тяжело. Но, пожалуйста, не думайте только об этих днях — их было совсем немного даже в моей короткой жизни. Я понимаю: Вам кажется, что моя жизнь оборвалась, не успев начаться. Ведь Вам приходила в голову и такая мысль: а не лучше ли было, если бы я вообще не появлялась на свет? Это потому, что Вы смотрите на мою жизнь со стороны, а для меня, поверьте, моя жизнь была наполнена до краёв. В ней было так много всего! Я узнала все времена года. Помните, как год назад, в конце зимы, я удивлялась незнакомым запахам? Проваливаясь в снег, я подходила к каждой веточке и нюхала её, этот запах волновал и дразнил меня. Он был свежим, острым, каким-то чудесным и радостным. Хотя совсем не напоминал ничего съедобного. То начиналась весна, а ведь я ещё не знала, что это такое! Теперь я знаю, я помню эту мою первую весну. А ещё было лето — большое-пребольшое. И осень — такая долгая, странная, необыкновенная. И потом опять была зима. Такая же как первая зима, и совсем другая. И сейчас снова весна. Я рада, что дожила до своей второй весны, хотя она принесла мне страдания и смерть.

Я снова возвращаюсь туда, откуда пришла в этот мир. Я не знаю, для чего мне дана была жизнь. Была ли в ней цель, которую я не достигла? Был ли в ней смысл, о котором я не узнала? Может быть, это всё не важно, и жизнь — просто единственное, что существует? Вы знаете, летом мне было очень жалко бабочек — тех, что живут один день. Они так радостно порхали в солнечных лучах среди цветов, а вечером падали на землю. Во время вечерней прогулки я подходила и нюхала их маленькие невесомые тельца. "Они не видели, что такое весна! — думала я. — Они даже про ночь ничего не знают". А сейчас я думаю: может быть и одного часа жизни, даже одной минуты достаточно? Много ли времени нужно, чтобы ветер донёс запах земли, чтобы луч солнца упал с неба, чтобы сердце ударило, и другой раз...

Поэтому прошу Вас, мой дорогой друг, не думайте обо мне, как о чём-то неудавшемся. У меня была моя жизнь, я прожила её рядом С Вами, я любила Вас. Вспоминайте обо мне иногда. Если Вам нетрудно, похороните меня в лесу, там где мы так чудесно гуляли с Вами. Помните старый дуб? Все его жёлуди прорастали и земля под ним была усеяна молодыми ростками. В этой земле я хотела бы лежать.

Не печальтесь обо мне, живите долго, прощайте.

Ваша собака Хетти".

Когда мы хоронили кусочек нашего сердца, весенний день был тёплым и солнечным.

Небо было синее. Берёзы белые. И поскольку была ранняя весна, вместо зелени в ветвях свободно тёк солнечный свет. Синица вовсю распевала песню, заливалась ею, и воздух звенел, и эти трели можно было потрогать руками — они слегка кололи и пощипывали, или вдыхать их запах — терпкий как у весенней земли. А земля вылезала из-под снега чёрная, обсыхала на пригорках и бурела, и сухие травы становились пыльными, серыми.

"На самом деле, трава умирает не осенью, а следующей весной, — подумал я, — когда новая зелень занимает её место".

— Как ты думаешь, Бог есть? — спросил я.

Но Тао Ши не услышал меня. Наклонив голову, он слушал синицу.

Расскажите мне грустную повесть
о смерти дерева в первый весенний день,
когда снег пушистый ещё покрывал эту землю,
а солнце светило так ярко, и ветра не было

совсем.

Вы сосчитали все кольца?

Не пропустили ни одного? Вы не заметили: там было такое кольцо, ближе к краю? В тот год в августе лето умирало в тяжёлых зелёных снах. Ночи были белыми от зарниц, а ещё звёзды опускались на ветви и горели на длинных иглах.

Впрочем, откуда вам знать? Об этом помнили только я и дерево.

— Я срублю это дерево! — сказал Тао Ши и туго затянул пояс своего халата.

— Я срублю его — пусть оно умрёт живым и мощным. Нельзя, чтобы его корни долго сохли потому, что ручей ушёл под асфальт, а ветви обламывались, чтобы не мешали проводам. Сильным и свободным оно умрёт!

На рассвете я не смог помешать ему. Я только смотрел, как падал топор, как обнажалось белое тело, как белые его кусочки опускались на землю, как дрогнула крона, как лучи восходящего солнца пролетели вдоль ветвей... Глухой удар упавшего ствола вывел меня из забытья, и топор выпал из моих рук...

У края города, от леса в стороне
Сосна кривая так приятна мне!
С вершиной плоской в вышине.

Один человек сказал: — "Сосна эта будто святой,
Весь безобразный город искупит собой!".

— "Разве можно сравнить одну сосну
И десять тысяч людей?!" —

Воскликнул я и в шуме ветвей
Услышал: — "Конечно, нельзя!
Конечно, люди важней!".

1987

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

16 миниатюр с картинками

В пути бывают разные забавные встречи.
Вот например...

1. СТРАНА МАЛИНОВЫХ ЗОРЬ

На облаке, что проплывало вчера над моим домом в десять часов утра, находится Страна Малиновых Зорь.

Мужчины в этой стране не работают, потому что с утра до вечера заняты воспитанием детей и уходом за стариками. Зато и дети у них всегда накормлены, одеты и почтительны к старшим. А старики могут наслаждаться покоем и в беседах друг с другом проводить время, попивая разбавленное вино. Поэтому женщинам приходится возделывать землю, строить дома и управлять народом. У них нет ни минуты свободного времени, иначе они могли бы подойти к краю облака и, посмотрев вниз, увидеть совсем другую жизнь. На краю облака, свесив ноги, сидят только дети и старики и любуются проплывающими пейзажами.

Жители этой страны живут до ста лет, но не умирают, а как бы засыпают и во сне проваливаются вниз, на землю. Здесь они превращаются в обычных людей. В меня, в тебя.

Облако, на котором находится Страна Малиновых Зорь, растаяло ещё вчера около полудня, а я до сих пор размышляю о странных обычаях его обитателей.

2. ЧУДНАЯ ДЕРЕВНЯ

Едва рассветёт, как люди с того конца деревни разносят по домам молоко с утренней дойки. А вечером люди с этого конца деревни идут и всех мёдом угощают. На другой день оттуда сюда несут пироги с капустой, а отсюда туда несут хмельную воду и солёные огурцы. Вот так и ходят люди по деревне с утра до вечера.

И только ночью все спят по своим домам. А на небе звёзды кружатся: то в одну сторону кружатся, то в другую сторону кружатся. Луна из-за края леса выглядывает и удивляется такой небесной беспечности. А по дальнему шоссе автомобили едут туда и сюда. Но люди в автомобилях звёзд не видят, потому что друг друга фарами слепят.

Воры и разбойники про эту деревню ничего не знают. Потому что, если бы знали, давно бы приехали и отобрали всё молоко, и мёд, и пироги с капустой, и хмельную воду с солёными огурцами.

И хорошо, что я тоже про эту деревню ничего не знаю. А то, боюсь, если бы знал, проболтался бы о чудных обычаях её обитателей.

3. ОКОЛО ВЕРШИНЫ СОСНЫ

На верхней ветке сосны жил один человек.

Прислонившись спиной к жёлтому стволу, он смотрел как плывут облака в небе. Ложась на живот, он видел как внизу люди гуляют по парку, а за оградой едут автомобили. Иногда снизу поднимался дятел, но около вершины сосны ничего съедобного не было, и дятел спускался обратно вниз. А иногда на соседнюю ветку прилетала ворона: почистить перья, подумать о своей жизни. Они обычно не разговаривали друг с другом, только изредка обменивались репликами, если внизу случалось что-нибудь необычайное.

Летом заглядывал ветер, играл мелкими веточками или ворчал и шумел, если был не в настроении. Осенью спускался дождь, капал с кончиков длинных игл, стекал по жёлтому стволу. Зимой на ветви ложились снежные сугробы и можно было воображать, что ты плывёшь в небе среди облаков. Но всё-таки зимой было холодно, и когда наступала весна, человек с удовольствием подставлял спину солнцу и грелся.

Дальше всё было обыкновенно: сосну спилили, человек ушёл из парка, пришёл к своему дому, вошёл в свой подъезд, поднялся на лифте на свой этаж, открыл ключом дверь своей квартиры, сел в своё кресло, включил телевизор. Ну что ещё рассказывать?

4. ДОМИК У КИТАЙСКОЙ СТЕНЫ

Когда я захожу в туалет, я вижу на стене большую фотографию Великой китайской стены.

Она плавно извивается по склонам холмов и пропадает в дымке в дальних горах. Около стены дерево с красными листьями. На башне развевается жёлтый флажок. По стене ходят люди. В будни людей совсем мало, а по праздничным дням они гуляют целыми толпами. Внизу под стеной проходит дорога и по ней едут автомобили. Иногда они подъезжают к дверям домов с той стороны стены. В этих домах живут люди, которые делают для туристов разные сувениры из бумаги, дерева, камня. Я уже присмотрел себе маленький домик в зелёной рощице около ручья. Вот только старик-хозяин никак не хочет уступить — больно большую цену заламывает.

Я ему говорю: "Это ж не Великая китайская стена, у тебя дом из тонких досочек — что ж ты за него так много просишь?"

А он только улыбается и говорит: "Хороший у меня дом, хороший. Ты посмотри какой вид открывается на Великую китайскую стену".

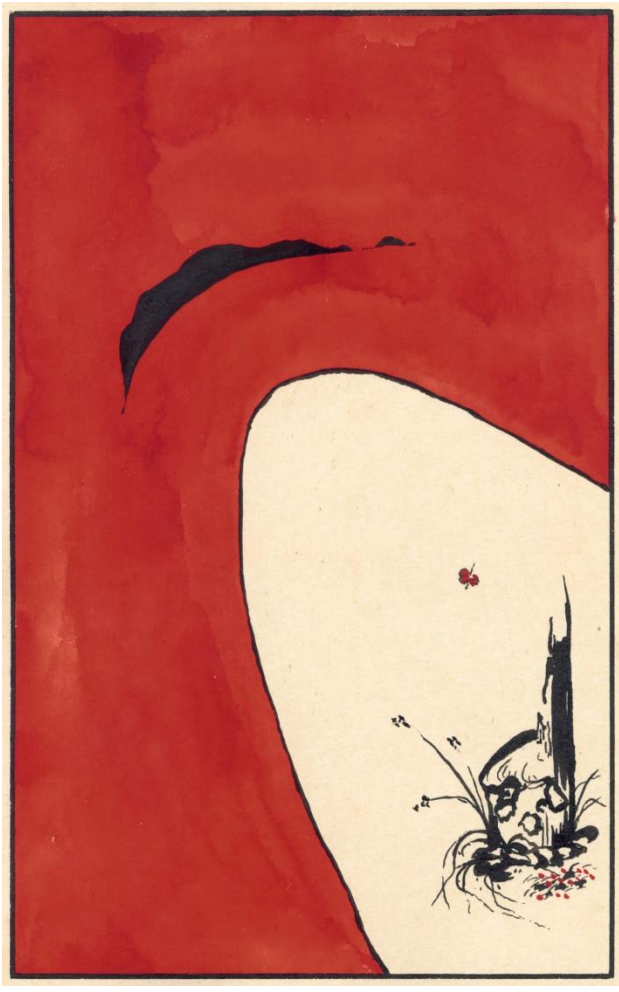
Это значит он с меня за красивый вид хочет деньги содрать, который я из своего туалета каждый день за бесплатно вижу! Вот ведь хитрый старик!

5. ПОСЛЕ СМЕРТИ УЛИТКИ

Когда улитка умерла, люди двух царств, располагавшихся на рожках улитки, вынуждены были покинуть мёртвое тело. Поскольку царства эти всё время враждовали друг с другом, их правители решили отправиться в разные стороны. Люди Правого царства сели в лодки и поплыли на Запад. Люди Левого царства сели в лодки и поплыли на Восток.

С тех пор прошло довольно много времени и, судя по всему, скоро они встретятся на другом конце земного шара. Вот интересно: они снова станут воевать друг с другом? Или разойдутся мирно и поплывут дальше?

6. СОЛНЕЧНЫЕ ТЕНИ



В лесу есть поляна, у края которой — три старых пня. Между их высохшими корнями растёт земляника. А середина поляны покрыта травой и цветами. В тёплый летний день здесь собираются солнечные тени древних людей. Они лакомятся земляникой, любуются цветами или просто сидят или лежат и греются на солнце.

Сюда приходят только мужчины, потому что женщины собираются в другом месте — у излучины Светлой речки. Там они купаются в воде, лежат на тёплом песке на берегу или сидят на плоском камне посреди реки.

Солнечные тени появляются только в солнечный день, а в остальное время не живут. На меня они не обращают внимания, потому что думают, что я их не вижу. А может быть, это они не видят меня. Между собой они беседуют о вещах отвлечённых: о деревьях, об облаках, о водяной траве, о муравьях. В принципе, они в курсе текущих политических событий, но они их не интересуют. А зря, потому что как раз сейчас решается вопрос о вырубке леса и повороте русла Светлой речки.

Подобная беззаботность удивляет современного человека и наводит на грустные размышления.

7. СТРАННЫЕ ЛЮДИ

В одной стране жители были очень недовольны своей жизнью. Каждый день происходили какие-нибудь неприятные события. Люди в этой стране были хорошие, а поступали нехорошо. Если кто-нибудь делал плохую вещь, его сначала все ругали, а потом сами делали плохие вещи. Когда эти люди умерли, а их дети выросли и стали взрослыми, они уже не так сильно переживали из-за плохих поступков, потому что привыкли к ним с детства. Когда и эти люди умерли, а их дети — внуки тех первых людей — выросли и стали взрослыми, они совсем успокоились. Жизнь постепенно наладилась и все были довольны ею.

Один седобородый старец, проезжая через эту страну, записал в своём дорожном дневнике такие слова:

"В этой стране живут удивительные люди: плохое они считают обычным, а хорошее — странным. Все люди счастливы, хотя среди них и попадаются странные. К ним относятся терпимо и без нужды не обижают. Считается, что странные люди осуществляют важную функцию исторической связи времён. Государство даже предоставляет им льготы в оплате жилья и проезде на городском транспорте. Но всё же странных людей с каждым годом становится всё меньше и меньше. Это не особенно беспокоит общество, хотя и вызывает у остающихся лёгкую ностальгическую грусть».

8. КОРАБЛИКИ УПЛЫЛИ

Как-то раз все кораблики, которые дети пускают по речке, собрались вместе. Они подняли берестяные паруса, ситцевые паруса, бумажные паруса из бумаги в клеточку, бумажные паруса из бумаги в линеечку, паруса из листьев клёна, из листьев дуба, из листьев берёзы, из листьев тополя. Они подняли паруса и поплыли по речке. Они обогнули плоский камень. Они проплыли под упавшим деревом. Они завернули за поворот реки и исчезли.

Больше никто никогда не видел их. Больше не рождались дети в этой стране, а рождались одни только взрослые люди. Это значительно упростило жизнь. Дела пошли на лад. Страна переживала экономический бум. Люди строили себе просторные дома, ездили на быстрых автомобилях, кушали удобную пищу, которую можно было купить в любом магазине.

Единственным неудобством было то, что несколько испортился климат. Лето стало слишком жарким, потому что ветер не разгонял застоявшийся воздух. Осенние дожди стали слишком затяжными, потому что ветер не разгонял тучи. Ветер улетел вдоль речки, чтобы наполнять паруса уплывших корабликов. Но, в конце концов, разве можно ставить жизнь в зависимость от переменчивого ветра?

9. УТРЕННЯЯ И ВЕЧЕРНЯЯ

В осенних горах, нарисованных на потолке после недавней протечки, находятся две страны: Утренняя и Вечерняя.

У жителей этих стран одни и те же имена, они обитают в одних и тех же домах, и имеют одних и тех же жён и детей. Только одни живут утром, а другие — вечером. И никогда-никогда не встречаются друг с другом.

10. РИСУНОК ВСЕЛЕННОЙ

На картине нарисована Вселенная. С подробными деталями и выверенным масштабом.

Из леса вытекает зелёная река. Оранжевая сосна свесила корни с песчаного обрыва и раскинула ветви в жёлтом небе. Земля покрыта лесными травами. Вода покрыта водяными травами.

Хорошо видно, что время стало вечностью. Из-за поворота не может выплыть лодка. Из леса не может выйти зверь. В небе не может пролететь птица. Хотя все рукоятки и рычаги управления — на самом виду, они совершенно недоступны.

Художник нарисовал картину темперой и пастелью. Со временем пастель осыпется, темпера потрескается и Вселенная исчезнет.

11. НЕСУЩИЙСЯ ЧЕЛОВЕК

В Космосе есть Несущийся человек.

Какая-то сила проносит его через пространство со скоростью света. Но сам он совершенно неподвижен. Иногда кажется, что он повернул голову или чуть улыбнулся. Но это только иллюзия скорости. Сила Времени несёт его так быстро, что, когда он появляется ещё раз, кажется, что он никуда не отлучался. Вы можете пригласить его на чашку чая и беседовать о погоде. Но знайте: пока вы делаете один глоток, он успевает сто раз облететь Вселенную. Поэтому его очертания чуть размыты, как на старой фотографии. Бывает трудно уловить его мысль. Она кажется странной или нелогичной, потому что вы пропускаете много промежуточных звеньев. А если ваше зрение сместится на тысячную долю секунды, он исчезает — вы не слышите и не видите его. Это от того, что вы смотрите в те моменты, когда он проносится по Вселенной. А когда он вновь оказывается рядом с вами, вы мигаете и ничего не видите. Так чаще всего и бывает, и многие вообще никогда не видели Несущегося человека, хотя он постоянно рядом с ними и пытается вступить в разговор. Но они ничего не слышат.

Сила Времени велика и скорость огромна. Несущийся человек пролетает сквозь звезду и не успевает почувствовать её жара. Пролетает сквозь пустоту и не успевает почувствовать её холода. Пролетает сквозь вашу кухню и не успевает почувствовать аромата чая. Но он всё время возвращается. Как удаётся ему одновременно быть повсюду и нигде?

Должно быть странной кажется Несущемуся человеку наша осёдлая жизнь.

12. ЛАБИРИНТ

В голове у каждого человека есть лабиринт.

Он обнесён высокой крепкой стеной. А в левом верхнем углу есть четыре двери. Если войти в одну дверь, то будешь долго плутать по лабиринту и в конце концов выйдешь обратно через другую дверь. Если войти в третью дверь, то тоже будешь долго плутать и в конце концов попадёшь в тупик, из которого нет выхода. Если войти в четвёртую дверь, то тоже будешь долго плутать по лабиринту и в конце концов придёшь в круглый зал в самом центре лабиринта и станешь бессмертным.

Двери не пронумерованы и неизвестно, какая дверь первая, какая вторая, какая третья и какая четвёртая? Люди выбирают дверь наобум и до самого конца не знают, чем кончится их путешествие. Они двигаются в лабиринте и пытаются найти правильный путь — и даже не догадываются, что выбор уже сделан ими с самого начала, как только они вошли в лабиринт. Вот почему многие вообще не хотят входить в лабиринт и только искоса поглядывают на его стены.

Когда учёные придумают такой аппарат, что можно будет просветить голову человека невидимыми лучами и вывести изображение лабиринта на экран компьютера, жизнь людей сразу станет счастливой и лёгкой.

13. СОЛЁНАЯ ГОРА

На высокой горе живут люди. Они никогда не смеются.

То ли боятся, что от громкого смеха будет горный обвал. То ли воздух на такой высоте слишком разрежен для смеха. То ли синее небо слишком близко. Но это не значит, что люди печальны и унылы. Просто когда им весело, они плачут. Слёзы ручьями текут по лицу и падают на скалы. Поэтому гору эту называют Солёной Горой.

Если взять крупный бинокль или подзорную трубу и смотреть снизу вверх, то можно увидеть, как несколько человек собираются вместе. Они садятся на край пропасти, смотрят как восходит солнце и плачут, плачут.

Гляжу на них — и на глаза невольно навёртываются слёзы.

14. КРАСНАЯ СТЕНА

Красная стена смотрит в школьный сад.

Она смотрит, как в окружении цветущих яблонь и груш на высоком постаменте красуется строгий серебряный бюст Иосифа Виссарионовича Сталина. Когда Иосиф Виссарионович умирает, бюст падает с постамента и остаётся лежать на клумбе. Иосиф Виссарионович лежит внизу, уткнувшись носом в чёрную землю школьного сада.

Мало кто заходит в школьный сад, а за ветвями цветущих яблонь и груш постамент не виден. Дети забираются на постамент и стоят там вместо Сталина.

Красная стена смотрит на это в Начале лета года Красной обезьяны.

15. ДОЛИНУ НЕ ВИДНО

На старой картине нарисованы два человека: старик и ребёнок.

Они стоят спиной к зрителю и лиц их не разглядеть. Кругом высятся тёмные скалы, громоздятся разноцветные камни. Старик и ребёнок смотрят вниз, в долину. Но в этом месте на картине белое пятно. То ли художник ещё ничего не нарисовал и ушёл пить чай. То ли это утренний белый туман поднимается. То ли лучи солнца слепят глаза. Видно, что эти двое — путники, пришедшие издалека. Если приглядеться, то можно услышать, как старик, опираясь на посох, тихо говорит своему спутнику:

"В этой стране, мой мальчик, народ сообща возделывает землю, дети сызмальства овладевают знаниями, а старики доживают свои дни в покое. Люди постоянно радуются такой жизни, и наказания применяются правильно".

Картина написана в 1987 году и совершенно непонятно, откуда же пришли на этот горный перевал старик и ребёнок?

16. УХОДЯЩИЙ В ДОЖДЬ

Дождь.
Может быть даже это дождь других времён и других стран.

В каких мирах странствует
Уходящий в дождь?
Нужно ли удивляться, когда
увидишь его у порога дома твоего?

Он будет сидеть у огня.
Он будет молчать.
Он будет пить чай.
И снова уйдёт в дождь.
От острова к острову — в океане дождя.

Дорогу пространства можно
одолеть с помощью ног,
или с помощью колеса,
или с помощью крыльев.
По дороге времени бродит память.
На дороге души человеческой — дождь, дождь.

Из страны в страну, из века в век,
из сердца в сердце.

Уходящий в дождь затягивает пояс,
поднимает воротник плаща
и уходит в дождь.

Бумажный зонтик.
Тяжёлый посох.
И что-то ещё — не поддающееся прочтению.

1987-1995

1988

Я ХОТЕЛ БЫ СЛУЖИТЬ НАЧАЛЬНИКОМ КАНЦЕЛЯРИИ

микрорассказ

Я хотел бы служить начальником канцелярии, двор которой зарастает травой. В присутственные дни я сидел бы, спустив рукава, почтительно повернувшись лицом к югу. И не было бы ни одного посетителя — люди занимались бы своими любимыми делами. И я бы занимался своим любимым делом, совершенно забросив дела служебные и не утруждая себя государственными заботами.

Я хотел бы служить начальником канцелярии, потому что именно это я совсем не умею делать.

У меня был бы огромный письменный стол, в ящиках которого я хранил бы морские раковины. Достанешь раковину, приложишь к уху — а она шумит. На столе большой чернильный прибор и пачка бумаги с золотым обрезом и лиловыми печатями. В чернильницу я бы налил родниковой воды и ручкой с золотым пером на бумаге с золотым обрезом писал бы послания, распоряжения и приказы, не видимые глазом, но от этого не менее грозные и величественные.

А в центре стола я бы поставил китайскую фарфоровую вазу и каждый день менял бы в ней цветы: ромашки, колокольчики, розы, пионы и хризантемы. Букеты должны быть очень большими, потому что, если вдруг кто-нибудь придёт, всегда можно спрятаться за цветами.

У стены надо поставить несгораемые шкафы и сейфы разных размеров, можно друг на друга. В одном сейфе хранится канцелярская печать, в другом — штемпельная подушка, в третьем — лиловые чернила. Станет вдруг скучно, возьмёшь связку ключей, достанешь всё это — и давай опечатывать всё

подряд: и стены, и пол, и занавески, и ножки стола. И тут уж пусть никто не входит, а то получит печатью по лбу!

А ещё в несгораемых шкафах удобно хранить подношения. Хоть и не бывает в канцелярии посетителей, а всё же нет-нет да и заглянет кто-нибудь по ошибке или так, из любопытства. С кого пятачок возьмёшь, у кого яблоко отберёшь, или газету из кармана вытащишь. А кто уж совсем без ничего пришёл, того заставляю автограф оставить на бумаге с золотым обрезом и лиловыми печатями. За годы службы чего только не накопится! И всё это обязательно заношу в толстую приходную книгу, каждой вещи свой инвентарный номер выделяю. В этом деле у меня полный порядок — ни одна ревизия не подкопается. Если уж слишком долго никто не приходит, я и сам могу что-нибудь принести: гвоздик погнутый или коробок спичек, а один раз даже новогоднюю свечку не пожалел, ещё не совсем оплывшую.

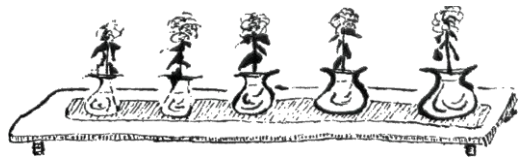
На стене позади кресла календарь повешу; или даже два: отрывной и в виде плаката с японской девушкой. Ещё рекламу аэрофлота и выписку из какой-нибудь инструкции — так, чтобы нельзя было догадаться, о чём речь идёт. А поверху — большой лозунг красными буквами, что-нибудь противопожарное: "Не оставляйте включённым утюг!" или "При смене электропроводки обесточьте помещение!".

Конечно, бывает иногда, что приходит какой-нибудь чудак по делу: за справкой или за разрешением. Я его сразу за стол усаживаю, чаем пою, анекдоты рассказываю, могу даже стихи почитать. Если всё равно на своём настаивает, даю ему бумагу с золотым обрезом и лиловыми печатями, ручку с золотым пером, чернила лиловые или воду родниковую — на выбор, и ухожу погулять по двору. Пусть что хочет, то и пишет!

Я хотел бы служить начальником канцелярии, чтобы, во-первых, получать средства к существованию и, во-вторых, быть общественно полезным. Зарплата мне нужна не очень большая, такая, чтобы нужды не испытывать и иметь много времени для любимого дела. А пользы от моей канцелярии, мне кажется, очень много: она освобождает местное население для занятий любимыми делами.

А если кому-то не нравится бурьян во дворе, то так уж и быть: могу обзавестись газонокосилкой. Хоть это и не по правилам!

1988



КАК СТАТЬ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ?

миниатюра

Некоторые спрашивают: "Как стать интеллигентным человеком?"

Отвечаю:

"Это очень просто. Нужно побольше сидеть за письменным столом, не пить много водки, читать несколько книг одновременно, всегда говорить "добрый вечер!" и "пожалуйста", выучить наизусть побольше стихотворений, не думать о деньгах, начальстве, политических переменах, спортивных новостях, о глупости и мудрости людей. По возможности не включать телевизор. Иметь или очень много друзей, или очень мало. Из какой-нибудь редкой книги почерпнуть несколько бесполезных сведений, но никому не рассказывать об этом. Не знать кое-каких самых элементарных вещей. Научиться заваривать чай. Купить костюм, галстук, записную книжку и перьевую ручку. Медленно прогуливаться в аллеях парков и садов. Достигнув вершин, опуститься на скамейку, откинуться на спинку, закинуть ногу за ногу, трость держать горизонтально и смотреть, смотреть, не мигая, как падают и падают осенние листья клёна, смотреть и смотреть, пока сами собой не польются слёзы из глаз..."

1988

БУЙВОЛЫ ПЕРЕМЕН

6 миниатюр

1. БУЙВОЛЫ ПЕРЕМЕН

Может быть, Время — это дорога на водопой.

Буйволы событий и вещей уходят в прошлое — к истокам мира.

Слышу далекий гул и легкую дрожь земли. Буйволы будущих перемен приближаются в нашим дням.

И будет день. И будет ночь.

Останутся только следы копыт, много следов на земле, и ещё не осевшая пыль.

Назовут это памятью.

Только в конце времён иссякнет Великое Стадо. Пройдут больные и слабые, пройдёт последним Старый Вожак, несущий на своей спине последнего мудрейшего, сидящего лицом назад. И на пустынной земле долго-долго ветра зализывать будут следы, пока не исчезнет и сама дорога.

Когда же наступит весна, и степь покроется красными маками, буйволы двинут в обратный путь.

1987

2. УМЕЮЩИЙ ГОВОРИТЬ

Я любил тебя, Умеющий говорить.

Я верил твоим словам. О, как глубоки были твои слова! Как звенели струны твоих речей! Как быстро неслись стрелы! Как точно попадали в цель!

Я шёл за тобой, Умеющий говорить.

Ты мог показать дорогу, и мне казалось, я тоже вижу её. Но теперь наши пути разошлись. Может быть, потому, что я споткнулся и вдруг увидел: впереди пропасть. Ты пошёл дальше.

Ты шёл над пропастью, Умеющий говорить!

И я понял, что тебя нет. Я навсегда распрощался с тобой и ухожу по узкой тропе. Высокие стебли трав скрыли от меня все слова твои.

1988

3. БЕРЕГИСЬ, УЧИТЕЛЬ!

Почему ты молчишь, Учитель?

Мне нужно посоветоваться с тобой.

Ты ничему не учил меня, спасибо тебе. У тебя я научился самому главному. Вот только я не знаю, что это — самое главное? Если бы я хоть знал, какой вопрос я хочу задать тебе!

Теперь ты понимаешь, как мне нужно поговорить с тобой?

Ты молчишь уже пять лет. За это время многое изменилось в моей судьбе, а в сущности — ничего не изменилось!

Ну, хорошо, отложим разговор ещё на пять лет. Но хотя бы один раз мне нужно поговорить с тобой. Ведь время идёт.

Берегись, Учитель! Пройдут годы и я стану старше тебя!

1988

4. ПРОСТАЯ МЫСЛЬ

Собственно, любой миг жизни можно наполнить удивительным счастьем, если в голову придёт простая мысль: "Это — жизнь". И если эту мысль удастся облечь в нужные образы, именно соответствующие этому мигу.

Например, почки на весеннем дереве.

Или вдруг обнаружить, что в лесу все деревья вперемежку — живые и мёртвые — все вместе, в красивом согласии.

Или на стройке, у края котлована, на дне которого копошится бульдозер, спокойно сказать: "Вот — котлован. Разрытая земля. Вот — бульдозер. Железная машина".

Или — лицом к стене — лежать и думать: "А ведь эта стена не белая, хотя её называют белой. Вот — пятнышко, вот — трещинка, вот — след воды". И в

этой картине на больничной стене увидеть Великую Связь с миром по ту сторону стены. Великую Связь и Великое Отражение.

И даже в шуршании подземных вод, омывающих стенку гроба, можно было бы услышать Великую Музыку и разобрать Великие Слова, если бы после смерти какое-то время оставаться ещё чуть-чуть живым.

1988

5. МАГНИТОФОН

У Творца жизни есть магнитофон, на который он записывает мысли и чувства, радость и горе живых существ.

Это делается, пока мы спим. Все живые существа периодически погружаются в сон, загораются тысячи звёзд и всё, что накоплено за день, по тонким лучам устремляется в Небо. Шуршит, перематываясь, магнитная лента. Сновидения — это тонкий эффект интерференции электромагнитных волн. Наступает рассвет, Творец нажимает кнопку "стоп" и кладёт кассету на полку.

Поэтому смерть — не очень страшна. Ведь всё сохранено. У Творца жизни большая фонотека и прекрасная аппаратура. Каждый может надеяться на воспроизведение записи.

1988

6. БУЛЬДОЗЕР

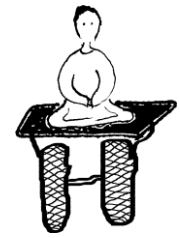
Когда бульдозер остановился, я, проходя мимо, заглянул в кабину.

На меня смотрели глаза китайского бессмертного — шэнь-сяня.

С какой целью Вы спустились с Небес? — спросил я мысленно.

Да вот, видишь, нужно засыпать землёй канаву, — ответил он.

Бульдозер снова зашумел. Солнечные лучи, отражаясь от снега и стёкол кабины, слепили глаза. Наверху, в небе спокойно плавало пятицветное облако. Ветер никак не мог сдвинуть его с места.



1988

1989

МОИ КИТАЙЦЫ

цикл тз 6 миниатюр

1. ДОКЛАД ИМПЕРАТОРУ

У китайцев есть рассказ о бедном крестьянине, который после холодных зимних дней вышел из дома погреться на солнышке. И так ему стало хорошо, что он подумал: "Как же так — я вот наслаждаюсь, а Император, наверное, и не знает, как приятно, когда солнечные лучи греют спину". И он решил подать соответствующий доклад Сыну Неба. Насилу его отговорили.

А ещё я знаю, как приятно пройти по деревянным мосткам через ручей. Доски шевелятся, как живые, одни уходят под воду, другие держатся прочно и даже высохли на ветру. А вода под ними всё бежит и бежит.

А ещё когда дети выходят из зарослей высокой осенней травы с букетами красных листьев и бледных осенних цветов. И замолкают, увидев взрослого. У мальчика на плече болтается деревянный автомат, а девочки смотрят искоса. Они не хотят посвящать меня в свои детские тайны и даже не догадываются, что я тоже был маленький и ещё помню под каким деревом можно устроить хороший тайник.

А ещё хорошо проснуться в деревне на другое утро после приезда. Открыть глаза и увидеть, как муха ползет по широкой доске потолка. И не сразу вспомнить, где ты…

Наверное, все писатели похожи на китайского крестьянина. Только в соответствии с демократическими веяниями они подают доклад не на высочайшее имя, а для широкой читающей публики. Конечно, те, кого не удалось отговорить.

Сегодня утром после холодных дней на короткое время выглянуло солнце. Как раз когда я гулял с собакой вдоль ручья. А ведь и в самом деле оказалось очень приятно, когда солнечные лучи греют спину…

1988

2. МЕДНЫЙ ТАЗ

Учитель Кун шёл по берегу реки Ло и увидел Чжуан Чжоу, который сидел под ивой и бросал камни в воду.

Учитель Кун послал Янь Хуэя спросить о броде через реку.

Янь Хуэй подошёл к Чжуан Чжоу и, поклонившись, спросил:

— Не для того ли бросаете Вы камни в воду, чтобы со временем образовался брод через реку?

— Медный таз! — ответил Чжуан Чжоу и продолжал бросать камни в воду.

Янь Хуэй вернулся и передал слова Чжуан Чжоу Учителю Куну.

Учитель Кун снова послал Янь Хуэя спросить о броде через реку.

Янь Хуэй подошёл к Чжуан Чжоу и, поклонившись, повторил вопрос.

— Медный таз! — ответил Чжуан Чжоу и продолжал бросать камни в воду.

Янь Хуэй вернулся и, передав слова Чжуан Чжоу Учителю Куну, спросил:

— Не сходить ли мне в третий раз спросить о броде через реку?

— Двух раз вполне достаточно, — сказал Учитель Кун.

Чжуан Чжоу, услышав эти слова, вскочил и, громко крикнув "Медный таз!", перешёл реку в брод.

Учитель Кун рассердился и послал учеников побить Чжуан Чжоу камнями. Ученики схватили камни и побежали через реку. Но тут поднялась большая волна и все ученики утонули. Остался один только Янь Хуэй, который обхватил огромный валун на берегу, но не смог даже сдвинуть его с места.

Медный таз! — подумал Учитель Кун, а вслух сказал: — Брось, Хуэй! Пойдем лучше поищем брод через реку.

1989

3. ЧЖУАН ЧЖОУ И УЧИТЕЛЬ МЭН

Чжуан Чжоу был на три года младше Учителя Мэна. Однако, будучи от рождения человеком необузданного нрава, он часто пренебрегал правилами поведения и относился к Учителю Мэну без должного почтения. Учитель Мэн очень огорчался этим, но, как человек по натуре добрый, не наказывал Чжуан Чжоу, а пытался воспитывать его, проводя длительные беседы о гуманности-*жэнь*, сыновней почтительности-*сяо* и правилах-*ли*.

Чжуан Чжоу так это надоело, что когда Учитель Мэн умер, Чжуан Чжоу, хотя и был уже больным 80-летним старцем, поклялся всеми правдами и неправдами прожить ещё хотя бы три года, чтобы сравняться с Учителем Мэном.

И ему это удалось!

Оказавшись на небесах в одном возрасте, Чжуан Чжоу и Учитель Мэн перестали ссориться и даже подружились.

1989

4. МЭН-ЦЗЫ И СЮНЬ-ЦЗЫ

Мэн-цзы был по натуре человек добрый, а Сюнь-цзы — злой. При этом Мэн-цзы был на 59 лет старше Сюнь-цзы, так что, когда они встретились, Мэн-цзы уже утратил желания своего сердца, а Сюнь-цзы ещё даже не обрёл самостоятельности. Поэтому говорить им было совершенно не о чем.

Так молча и разошлись.

1989

5. МЭН-ЦЗЫ, СЮНЬ-ЦЗЫ И ЛЮДИ

Мэн-цзы думал что человек по природе добр, а Сюнь-цзы думал что человек по природе зол. А может быть наоборот. Или ещё кто-нибудь так думал.

Мэн-цзы думал что все люди одинаковые, а Сюнь-цзы думал что все люди разные. А может быть наоборот. Или ещё кто-нибудь так думал.

С тех пор прошло много лет, а мы всё ещё ищем новых идей и теряем старых людей. Но постепенно идеи кончаются и всё чаще берут старые идеи и тасуют их как колоду карт. И только с людьми ничего не меняется.

Добрые. Злые. Одинаковые. Разные.

1997

6. НАСТАВНИК ЛИНЦЗИ И СТАРЫЙ ФИЛОСОФ

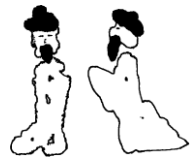
Наставник Линцзи поднялся на гору Фэнмушань и увидел: на вершине горы сидит Иммануил Кант и критикует чистый разум. Наставник Линцзи осторожно подкрался к нему и крикнул в самое ухо: "Хэ!"

И в этот момент Иммануил Кант обрёл просветление и стал критиковать практический разум.

Впоследствии наставник Линцзи любил рассказывать своим ученикам эту историю. Однажды он так увлёкся, что не заметил, как Иммануил Кант подкрался к нему и крикнул в самое ухо: "Хэ!"

С тех пор наставник Линцзи больше не смеялся над старым философом.

1989



ЛЮБИМЫЙ ПЕНЁК

5 миниатюр

1. ЛЮБИМЫЙ ПЕНЁК

Как-то раз я приехал в деревню и пошёл в лес. В этом лесу я ещё с детства помнил каждую полянку и каждый пенёк. Вдруг вижу: на моей полянке, на моём любимом пеньке сидит девушка. Такая красивая, о какой я только в детстве мечтал. Обидно мне стало, что она на моём пеньке сидит. Подошёл и столкнул её. Девушка поднялась с земли, отряхнула мусор с платья и убежала в слезах.

А я сел на пенёк и закурил папиросу, чтобы успокоиться. Тут солнышко выглянуло, муравьи через тропинку поползли, птица прилетела и села на сломанную ветку. Эту ветку я ещё в детстве сломал. Обидно мне стало очень и я заплакал.

1989

2. О ВРЕДЕ КУРЕНИЯ

Андрей Иванович накурился за целый день на работе и у него голова заболела и в животе стало нехорошо. Расстроился Андрей Иванович и закурил сигарету, чтобы успокоиться. Тут ему стало совсем нехорошо и он упал на пол. Лежит Андрей Иванович и так ему стало тоскливо и одиноко, что он достал сигарету и закурил, чтобы хоть как-то рассеяться. Тут Андрей Иванович и умер.

А жена его, Полина Николаевна, очень огорчилась этому и первый раз в жизни закурила сигарету, чтобы успокоиться. И от этого умерла.

А дети Андрея Ивановича и Полины Николаевны никогда не курили, не курят и курить не будут. Поэтому они всегда весёлые и жизнерадостные.

1989

3. ЛЮБОВЬ И ЧЕСТНОСТЬ

Одна моя знакомая влюбилась в меня без памяти, но я этим случаем не воспользовался, и она ушла ни с чем. Потому что я честный и благородный человек.

Потом я сам влюбился без памяти в другую мою знакомую, но она этим случаем не воспользовалась, и я ушёл ни с чем. Потому что она тоже честный и благородный человек.

А потом эта моя вторая знакомая влюбилась без памяти в одного моего приятеля, но он этим случаем не воспользовался, и она ушла ни с чем.

А потом этот мой приятель влюбился без памяти в мою первую знакомую, но она этим случаем не воспользовалась, и он ушёл ни с чем.

Вот и получается, что мы все четверо — очень честные и благородные люди. А тех, кто поступает иначе, мы гневно осуждаем и требуем немедленно прекратить!

1989

4. СТРАШНАЯ СМЕРТЬ

Один начальник собрал своих подчинённых и давай их бить. Бил, бил, а потом устал, сел на стул и заснул.

А подчинённые видят такое дело, взяли чернильницу и трахнули начальника по голове. Начальник умер.

И вот снится ему, что он умер, и так страшно, что он от страха проснулся. Глядит — а он и вправду умер. И это уж такой ужас, что, если бы он ещё не был умершим, то тут же непременно бы и умер. А так как он уже был умершим, то всё обошлось.

Вот только подчинённые так испугались содеянного, что все как один от страха поумирали.

Поэтому заведение, в котором начальник был начальником, а подчинённые — подчинёнными, пришлось закрыть.

1989

5. ВЕЛИЧИЕ ХУДОЖНИКА

Один великий художник пришёл на берег великой и могучей реки, сел на камень и стал рисовать. Но тут в небе птичка пролетала — да и нагадила на картину. Другой бы разозлился, руками замахал, но это был великий художник — поэтому он только задумался.

Но тут вдоль берега лошадь проскакала — да и мазнула хвостом по картине. Другой бы с досады кисти сломал, выматерился по-нехорошему, но это был великий художник — он только ещё глубже задумался.

Но тут из-под камня мышка выскочила — да и отгрызла угол картины. Другой бы с этой мышкой не знаю что сделал, но это был великий художник — мысли его стали совсем уже глубокими.

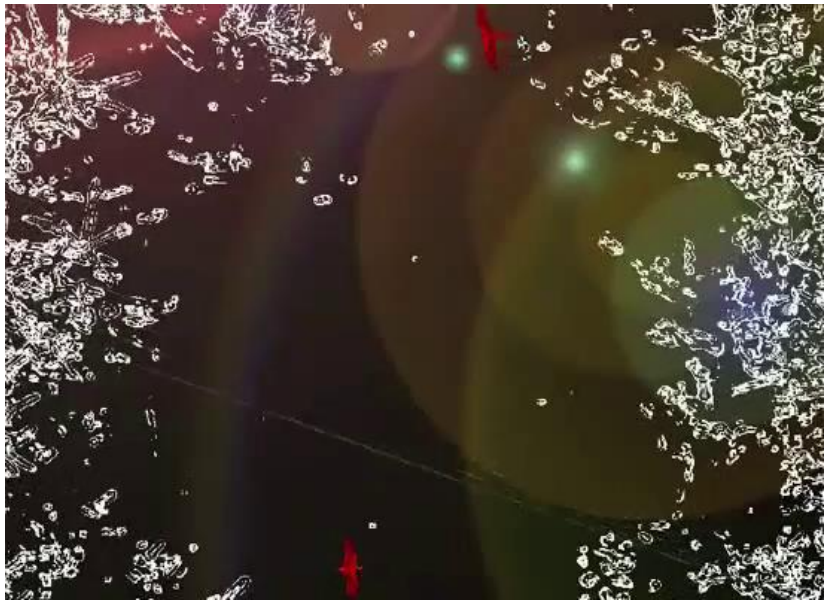
Но тут из реки рыба выскочила и плюхнулась прямо на середину картины — да и стухла тут же. А художник не выдержал вонючего запаха и прикрыл нос платочком.

Значит, не такой уж он великий. А может, и вовсе не великий. Скорее, крупный. А если по правде, то так себе — совсем незначительный. Да какой он художник — пачкун несчастный! И река какая-то паршивая — так, канава заржавленная. Смотреть не на что! Пойдём отсюда.

1989

ВОПРОСЫ К НИКОМУ

диалог



Игорь Бурдонов

&

Валентин Загорянский (Глеб Седельников)

屈原
天問 :
北至回水 萃何喜!

В чем радость встречи над рекой?
Чем сроден у обоих нрав? *(пер. Адалис)*

Цюй Юань
«Вопросы к небу»

1. Мы сочиняем стихи, рисуем картины и пишем музыку. Есть во всём этом смысл? Или смысла нет?

Пока я думал, что тебе сказать,
Один цветок расцвёл, другой увянул.

2. Я живу, потом заканчиваю, потом начинаю сначала. Это что-нибудь значит? Или это ничего не значит?

Сначала было солнце, а потом...
Потом опять: СНАЧАЛА БЫЛО СОЛНЦЕ!

3. Я расширяю мир? Или я бегу от мира?

Вот рельсы. Это что ли край земли?

4. Что такое мир? Это то, где я есть? Или это то, где меня нет?

Пришёл на край земли — а он отбит.

5. Человек вроде бы не дерево. У человека есть корни? Или у него корней нет?

Села птица тебе на плечо —
Деревом стань скорей!

6. Человек вроде бы не птица. У человека вырастают крылья? Или у него не может быть крыльев?

Крылья — никак не складываются!..

7. Человек вроде бы не рыба. Человеку нужны чистые источники? Или они ему не нужны?

Обман-вода в обман-пруду,
В обман-страну обман-дорога...

8. Человек вроде бы не змея. Человек тянет за собой хвост? Или он движется налегке?

Заметил? Всё короче бесконечность.

9. У меня есть какое-то устройство жизни: какая-то работа, какая-то семья, какой-то дом, какие-то друзья, какая-то родина, какие-то дела. Это и есть мой способ существования? Или мой способ существования в другом?

Как струны, мы дремали на песке,
И вечер нас перебирал тихонько,
И вещи наши он держал в руке,
Сам на одной ноге стоял в реке.

10. Я прожил сколько-то лет, я ещё проживу сколько-то лет. Нужно сделать из этого какие-то выводы? Или из этого никаких выводов сделать нельзя?

Следи за облаками! Может быть,
Поймёшь однажды, для чего живёшь ты.

11. Я вроде бы делаю то, что хочу. Я вроде бы хочу то, что хочу. Глубже этого ничего нет? Или глубже этого есть что-то?

Протекает река. Называется «Нет».
И мостов через реку на всём протяжении нет.
Вот она, бесконечность,
Вид у неё уставший...

12. Я что-то сделал, что-то не сделал. Существует ли то, что не сделано? Или существует только то, что сделано? Существую ли я полностью? Или полностью существующим меня считать нельзя? Нельзя!

Сидит Нельзяин на твоём плече...
Нельзяин, здравствуй! Как живёшь, Нельзяин?
В порядке ли, скажи, твоё нельзяйство?
Здоровы ли нельзяиха, нельзяйчик?..

13. На земле много людей. Большинство из них умерли. Эти люди есть? Или их нет?

Отец мой до сих пор ещё не знает,
Что умер он.

14. Что такое никогда? Есть ли у вечности конец? Или у вечности нет конца?

Собака пьёт из реки.
Так до сих пор и пьёт.

15. Человек не может жить один. Означает ли это, что человек это часть? Если человек это часть, как он может ощущать себя целым? Или это ложное ощущение?

— Куда ведёт эта дорога?
— От сердца к сердцу ведёт.

16. Если человек это целое, почему он ощущает себя частью людей? Или это ложное ощущение?

Мы шли навстречу друг другу.
Пока не столкнулись оградами.

17. Когда человек стремится к другому человеку, он часто не встречает ответного стремления. Есть тут какая-то ошибка? Или никакой ошибки нет?

Один лишь шаг не тот — и никогда
К тебе я не приду, мой друг далёкий.

18. Я сочиняю стихи, рисую картины и пишу музыку. Я свободен?

«Свобода!» — свет увидев, закричали...
А это просто тряпку с клетки сняли.

19. Я что-то делаю. Я делаю это для себя? Или я делаю это для других? Это кому-нибудь нужно? Или это никому не нужно?

Когда я касаюсь клавиши,
то словно касаюсь чьего-то плеча, чьего-то сердца.

20. Когда человек что-то говорит, его кто-нибудь слышит? Или его никто не слышит? Чтобы тебя услышали, нужно громко кричать? Или нужно переходить на шёпот?

Повтори! Не расслышал,
о чём ты молчишь.

21. Если человека никто не слышит, как узнать, что он не молчит? Или это знать не нужно?

Я уступаю место тишине.
Так уступают место старой даме...

22. Я вроде бы сочиняю стихи, рисую картины и пишу музыку. Или мне это только кажется?

Со временем играть опасно в прятки:
Оно, и вправду, может не найти...

23. К кому я обращаюсь с вопросами? Или я обращаюсь к никому?

Раздвинешь дождь — а там стихотворенье...

Дождь, нет, не так! Начнись-ка лучше снова.

Я дождь! Я дождь кратковременный!
Меня пережди — и иди...

мои вопросы — май 1989,
ответы из стихов Валентина Загорянского
я добавил в апреле 2017

1994

МОЙ АРХИТЕКТОР

11 миниатюр с послесловием

В запечатанном четырёхмерном цилиндре пространства-времени моего детства Архитектор и Ученик ведут нескончаемые беседы о том, как устроен этом мир...

"Как устроен этот мир?" — спрашивает Ученик.

Архитектор говорит:

"Мир на части расчлени:

Ты увидишь в левой части — все болезни, все напасти.

Ты увидишь в правой части — только радость, только счастье".

"Неужели всё так просто?" — спрашивает Ученик.

Архитектор закружился, на свистульке засвистел,

и ногой притопывает в лад.

Начинается торжественный обряд:

Надевает Ученик голубой колпак.

"Что такое дорога?" — спросил Ученик.

Архитектор сказал: "Пойдём".

"Но могу ли уйти я из этого мира?"

Архитектор сказал:"Не можешь".

"В чём же смысл пути?" — спросил Ученик.

Архитектор сказал: "Пойдём".

Архитектор сказал: "Нет ничего печальнее Железной Дороги".

"Что значит "Нет ничего печальнее Железной Дороги"?" — спросил Ученик.

Архитектор ответил:

"Железная дорога пересекает мир с запада на восток, и с востока на запад. Если двигаться вперед, то будущее — на востоке, а прошлое — на западе. Но если возвращаться, то будешь приближаться к западу и отдаляться от востока. Железная Дорога — это главная ось мира. На востоке — тоска неизвестности, но туда нельзя уйти. На западе — тоска возвращения, но возвращение — через неизвестность. Иногда по Железной Дороге проходят поезда. Это бывает редко, но это означает, что связь с другими мирами существует. Поезда пересекают мир с запада на восток и с востока на запад. Можно смотреть на них, когда они проходят через мир. Поезда проходят не останавливаясь.

Поэтому и говорят: "Нет ничего печальнее Железной дороги".

"Что такое печаль?" — спросил Ученик.

Архитектор ответил улыбкой.

"Жизнь ненадёжна, неверна и зыбка".

Архитектор ответил улыбкой.

"Затеряна в море прозрачная рыбка"

Архитектор ответил улыбкой.

"Но всё же надежды мне чудится свет".

Архитектор ответил: "Нет".

Архитектор сказал: "Сколь велика прелесть малого движения".

"Что значит "Прелесть малого движения"?" — спросил Ученик.

Архитектор ответил:

"К западу от Жёлтого Дома есть Песчаный Холм, поросший молодыми соснами. Самые высокие из них не выше головы маленького человека. Присядь и ты увидишь лунки в песке. Это муравьиный лев делает лунку, когда прячется в песок. Когда муравьиный лев чуть пошевелится, песчинки тихо осыпаются в лунку.

Поэтому и говорят: "Прелесть малого движения".

"Что такое тишина?" — спрашивает Ученик.

Архитектор бьёт в барабан: "Бам-ба-бам! Бам-ба-бам!"

Архитектор дует в трубу: "Ду! Ду-ду! Ду! Ду-ду!"

Архитектор палит из пушки: "Ба-бах!"

Архитектор сказал: "Небо и Землю соединяет трава".

"Что значит "Небо и Землю соединяет трава"?" — спросил Ученик.

Архитектор ответил:

"К северу от центра мира — тысячелистника белое поле и сосны вдали и вокруг. Они часовые времени. По кругу время не движется. Время само есть круг, заполненный соцветьями перемен. В сухом перестукивании стеблей выстраивается мелодия пути. 12 перекрестков на нем как 12 нот. 2048 — число перемен. Тысячелистника белое поле то ли рождает время, то ли хоронит время. Даже ночью тысячелистника белое поле горит над миром. Но каждый знает: тысячелистник — это всего лишь трава.

Поэтому и говорят: "Небо и Землю соединяет трава".

"Как построить мне дом?" — спросил Ученик.

Архитектор сказал: "Выкинь вон
всё, что ты накопил:
эти брёвна гнилые,
этот битый кирпич".

"Простите, но это память моя", — ему прошептал Ученик.

Архитектор молча взмахнул крылом
и скрылся в теснине гор за утёсом орлиных гнёзд.

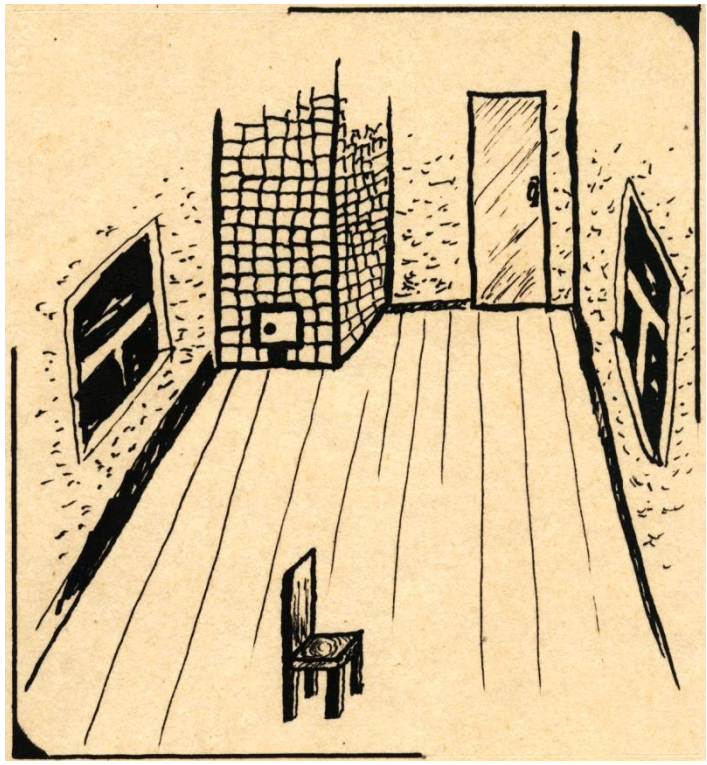
Архитектор сказал: "В доме без стен всегда свежий воздух".

"Что значит "В доме без стен всегда свежий воздух"?" — спросил Ученик.

Архитектор ответил:

"Центр мира занят сосновым бором. Деревья старые и поэтому пол чистый и крыша плоская. Стволы широкие и ровные. Они не создают стен, но размечают пространство на комнаты — их углы, ниши и выступы. Переходя из комнаты в комнату, переступаешь через корни деревьев и будто отворяешь и затворяешь двери. Прислонившись спиной к стволу, будто смотришь в широкие окна. Только ветер, несущий запахи мира, гуляет свободно.

Поэтому и говорят: "В доме без стен всегда свежий воздух".



"Что такое смерть?" —
спрашивает Ученик.

Архитектор говорит:

"В ящик досчатый положат,
в землю влажную зароют,
холм насыпят и уйдут".

"Неужели всё так страшно?" —
спрашивает Ученик.

Архитектор засмеялся,
в кружку пива нацедил,

"С Вас полтинник!" — объявил.

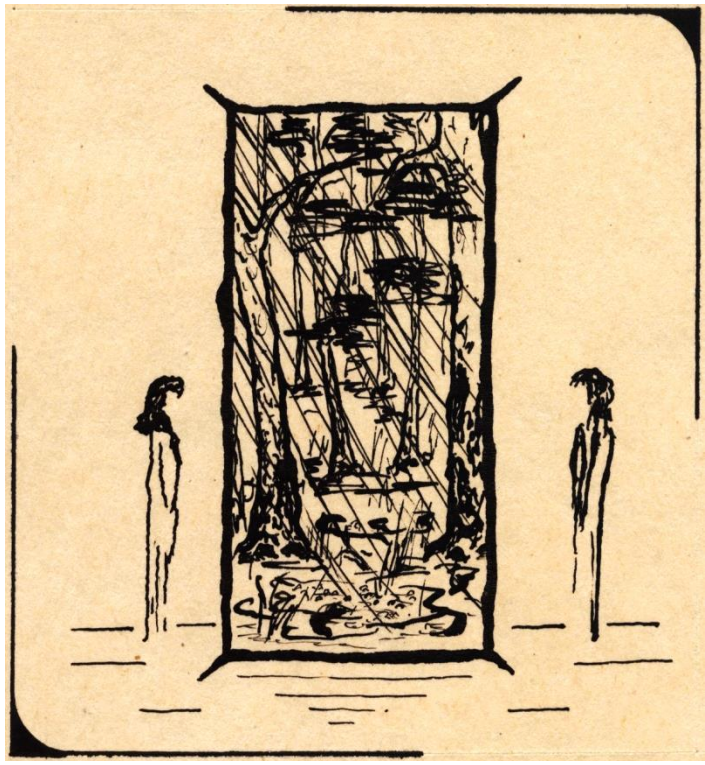
Архитектор сказал: "В сердцевине мира гнездится грусть".

"Что значит "В сердцевине мира гнездится грусть"?" — спросил Ученик.

Архитектор ответил:

"В центре мира — маленький домик. У изразцовой печки ходит по полу птица-удод. Она не может жить в неволе и умрёт через несколько дней. Она не может жить в неволе и умрёт через несколько дней. Птица-удод. Она не может жить в неволе и умрёт через несколько дней. Она не может жить в неволе и умрёт через несколько дней. Птица-удод. На голове у неё хохолок. Птица-удод. Она ходит по полу.

Поэтому и говорят: "В сердцевине мира гнездится грусть".



"Что такое любовь?" — спросил Ученик.

Архитектор сказал: "Ну что ж!

Если нету больше других забот, то можно ещё любить".

"Сколь грустная Ваша теория!" — заметил ему Ученик.

Архитектор заплакал — стали влажны рукава его платья.

Архитектор сказал: "Встреча людей подобна проливному дождю".

"Что значит "Встреча людей подобна проливному дождю"?" — спросил Ученик.

Архитектор ответил:

"В центре мира рядом с маленьким домом, в котором гнездится грусть, есть другой маленький дом. Он пуст, в нём никто не живет, но дверь открыта. Когда с неба на землю внезапно падает проливной дождь, можно укрыться в пустом доме. И в раскрытую дверь смотреть, как водяные струи льются с вершин сосен на траву и корни, соединяются вместе и текут по тропинкам земли. Если другой человек тоже спрятался здесь от дождя, можно смотреть вместе. Это называется встреча людей. Неважно, обменяются ли они взглядами или словами или прикосновениями. Чувство соприсутствия подобно воде омоет их души и соединит струями, прозрачными и осязаемыми как струи дождя. Они промокнут с головы до ног.

Поэтому и говорят: "Встреча людей подобна проливному дождю".

Спрашивает Ученик:

"Там, где деревья уходят вниз,
где солнце лежит у ног,
где в антинебе — антибог,
где тонет мокрый осенний лист,
там ли на дне океанских луж
приют для усталых душ?"

Архитектор говорит:

"Ну, конечно!"

Архитектор сказал: "Светла вода в колодцах".

"Что значит "Светла вода в колодцах"?" — спросил Ученик.

Архитектор ответил:

"Колодец находится в западной части мира, недалеко от Станции. В нём сплетаются пять стихий. Его космическая основа — небесный Огонь наверху, холодная Вода внизу, и тёплый песок Земли посередине. Его уток — это живое и человеческое: пустотелое Дерево колодезного сруба, внутри которого — звенящий Металл колодезной цепи. В летний полдень, когда солнце в зените неба, тень колодца падает внутрь него. В глубине, на том конце падения — тёмная фигурка маленького мальчика в сияющем небе и ореоле солнечных лучей. Поднимаешь цепь и ставишь ведро на край сруба — так, что небо переливается через край и падает на сухой песок земли.

Поэтому и говорят: "Светла вода в колодцах".

"В чем смысл искусства?" — спросил Ученик.

Архитектор повёл рукой:

"Наша миссия — в мир нести
истину, добро, красоту и
покой.
Волею духа преображая душу
и мир
в один волнующий миг".

"Яволь! Мой Архитектор!" —

выкрикнул Ученик.

Архитектор сказал: "Следуя ритуалу, человек поднимается до детства".

"Что значит "Следуя ритуалу, человек поднимается до детства"?" — спросил Ученик.

Архитектор ответил:

"К югу от Железной Дороги есть полоса препятствий для тренировки солдат. В конце её — Высокая Стена. Она делит мир на две половины: западную и восточную. Крыша — это небо, пол — земля, внешние стены — горизонт. С одной половины на другую можно перейти двумя путями: через нижнее окно в Стене — это путь земли, и через верхнее окно — это путь неба. Конечно, можно просто обойти Высокую Стену, но это было бы нарушением ритуала. Дети, играя в "войну", обычно используют нижний путь, но тот, кто не боится и поднимается до верхнего окна, видит солнце в небе.

Поэтому и говорят: "Следуя ритуалу, человек поднимается до детства".

"Что есть человек?" — спросил Ученик.

Архитектор взял карандаш:

"Сначала рисуем овал живота,
и узкую щель — для кричащего рта,
и кости-штрихи — чуть поболее ста..."

"А разве не в разуме и душе человека сокрыта суть?".

Архитектор в сердцах сломал карандаш:

"Скорее-скорее об этом забудь!"

Архитектор сказал: "Невыносимо, когда граница не имеет предела".

"Что значит "Граница не имеет предела"?" — спросил Ученик.

Архитектор ответил:

"На юго-востоке мира есть Большое Болото. Оно начинается от самой Железной Дороги и уходит на юг. Это и есть граница мира. Но здесь она не имеет предела; она доходит до горизонта, но не там её предел. Ты видишь далеко-далеко чёрточки мёртвых деревьев. Не дойти до них. Но и деревья — не предел. И неизвестно — что там? О, если бы пройти Болото из конца в конец! Есть ли земля на другом краю? Что это за земля? Ты никогда не узнаешь этого.

Поэтому и говорят: "Невыносимо, когда граница не имеет предела".

Спрашивает Ученик:

"В чём источник истинный творчества?"

Архитектор уходит.

Ученик остается один познавать горький вкус одиночества.

Через белую поляну проходил его путь. Тропинка ныряла под белый цвет к тысячам зелёных стеблей и листьев, к жёлтой земле. Тысячелистника белое поле было зеркалом неба. Десять тысяч перемен созревали в чашечках цветов. Казалось, они гудели в напряжении и ожидании, и тишина была низким гулом времени. Ветер, влетавший в поляну, делал круг и замирал неподвижно в тёплом воздухе. Тёмное золото сосен плыло по кругу, по кругу. Высоких сосен иероглифы теснились в небесной плоскости древнего текста. Пять тысяч иероглифов было в том сосновом лесу, окружавшем поляну. Ещё не прочитанным был этот лес, не свершившимися — перемены тысячелистника, мутно белое зеркало.

Ученик сделал маленький шаг. Тропинка вела его в Библиотеку — за деревьями на том конце поляны. Женщина-библиотекарь выдала книгу Ученику. С книгой в руках он шёл мимо клумбы с красными и жёлтыми цветами, мимо стендов с правилами военной подготовки, мимо палаточного лагеря с солдатами пяти государств, вдоль железной дороги, по горячему песку, мимо колодца и звона цепи, мимо маленьких холмиков с круглыми лунками муравьиных львов, по песчаной дороге, ведущей к озеру, по тропинкам в лесу, через луг с цветущей травой.

Негде было остановиться, чтобы читать книгу.

Разве что вернуться домой и, забравшись с ногами на кровать, раскрыть книгу и смотреть в окно на деревянный стол и лавку, на тропинку и лес...

Позже, когда он шёл по улицам городов, глядя на здания, автомобили и людей, он ловил себя на странной мысли, что за всю свою жизнь так и не прочитал ни одной книги. Он снова шёл в библиотеку, брал книги у друзей, покупал в магазинах, проводил пальцем по корешкам томов на своих книжных полках, перекладывал стопки книг на письменном столе, доставал книгу из сумки и убеждался, что закладка со вчерашнего дня переместилась ещё на несколько страниц. Вроде бы успокоенный, он открывал книгу и, глядя в белые страницы её, видел вереницу полян, уходящих куда-то вдаль и вверх, где на холме стояло здание Библиотеки. Начинал читать вслух и слышал сухой перестук стеблей тысячелистника. Пытался читать по слогам, шевеля губами, — будто одну за другой, одну за другой отрывал мелкие чашечки белых цветов.

Может быть, книга затерялась в лесу, между корней сосен? или под травой поляны? или в сухом песке у железной дороги? В том времени, когда мама была молодой, а он не умел читать? Прибегала рыжая собака Рекс. И как-то он сказал ей: "Давай почитаем книгу". Она лизнула его в нос и убежала, махая хвостом.

Падал снег за окном, засыпая тропинку к дому, в печке потрескивали дрова, домашние ушли в гости, а чай в кружке был ещё горячим, когда он начал писать книгу. Стебли тысячелистника почти ровными рядами ложились на белую поляну бумаги. Он старательно рисовал тычинки над чашечкой буквы ё и узкий лепесток над буквой й. Белая с чёрным собака забралась с ногами на кровать и, свернувшись калачиком, смотрела на него тёмным глазом. Белое зеркало зимнего дня помутнело и стало темнеть, когда он лёгким движением дописал сухую ветку чуть ниже кроны первой сосны. Оставалось ещё 4.999.

"А хорошо бы выпить", — подумал он вдруг. Тут в избу вошли люди. На столе появилась закуска, из подпола достали бутылку. Соседские бабушки слабыми голосами пели старые песни, будто вились узкие тропинки в лесу. Он выпил ещё, и в голове зашумел проснувшийся ветер. Ночь терпеливо стояла под окнами, ожидая, когда её впустят внутрь.

Проснувшись, он увидел бледное солнце в окне. Белая с чёрным собака подошла и лизнула его в нос. "А что, может быть, пока все спят, мы успеем прогуляться в Большую Библиотеку по лесной дороге, или по луговой дороге, или по дороге вдоль Чёрного Озера?" — подумали они оба. Он быстро оделся и они вышли в рассеивающуюся муть утреннего тумана.

Архитектор умер.

1994

КУЛЁК

микрорассказ

Когда у Кулька запой, он подобен маленькому Хаосу Чжуан-цзы. Днём он двигается по улицам Липовки и каждого встречного спрашивает "нет ли выпить?", не различая, мужчина это или женщина, взрослый или ребёнок, первый раз он его видит сегодня или они встречались пять минут назад. Ночной обход деревни он совершает, ориентируясь по свету в окнах домов. Утренний — по интуиции и смутным обрывкам воспоминаний.

"Ёш-ты!" — говорит Кулёк, когда ему отказывают. И незлобиво идёт дальше, повторяя: "Ёш-ты!".

Кулёк, выпивающий стопку одеколона "Шипр". Кулёк, кряхтя и "ёштыя", в раскоряку спускающийся с крыльца. Кулёк в утренней полумгле будто из ниоткуда являющийся на пороге дома, не спросясь заходящий в избу, крутящийся на месте посреди комнаты и, не солоно хлебавши, уходящий и исчезающий в утренней полумгле.

На выходе из недельного запоя Кулёк, ещё по инерции продолжающий свои обходы деревни, но уже осознающий юмор ситуации, лениво тянет в ответ на вопрос "Ну чего тебе?" — "Боле-е-ю я". И ухмыляется с хитрецой уже-не-запойного, но ещё-не-трезвого мужичка.

Когда однажды Кулёк зашёл в дом трезвым, я не узнал его. И он не узнал ни меня, ни дома: стал рассуждать об обстановке комнаты, об обоях, занавесках и прочем так, будто попал сюда впервые. Трезвый Кулёк потерял весь свой шарм, потерялся и ничем уже не выделялся из череды обычных персонажей деревни. Исчезла та могучая целеустремлённость, которая вела его в пространстве и времени этого мира по удивительной, странной, парадоксальной и безошибочно выбираемой траектории пути.

Кулёк в запое похож на пружину, которая то ли сжата, но готова вот-вот взорваться, то ли уже распрямляется и толкает его существо по его пути, то ли, напротив, сжимается в сосредоточении единственной страсти и единственной цели. "Сердце человека — Пружина," — говорится в "Книге о единении сокрытого" ("Иньфу цзин"). Сердце Кулька жаждет водки. "Пружина находится в глазах". Глаза Кулька неуловимы и мутны. "Никто в Поднебесной не может её увидеть, никто не может познать". Познать сердце Кулька — всё равно, что броситься с головой в омут. Пружина Мира, вселяющаяся в запойного Кулька,

поражает своей безудержной, неостановимой, тёмной, безразличной, первозданной, хаотической и в то же время тонко отрегулированной силой.

"Ёш-ты!" — говорит Кулёк. Этим "ёш-ты" Кулёк как бы хочет сказать: "О! Я несусь! Кажется, нет места, где мог бы остановиться. Все люди полны желаний, только я один подобен тому, кто отказался от всего, кроме одного. Я сердце глупого человека — такое тёмное, такое неясное! Мир людей ясен и очевиден, только я один живу в мире смутном, подобном вечерним сумеркам. Мир людей расписан до мелочей, только я один живу в мире непонятном и загадочном. Все люди пытливы, только я один равнодушен ко всему, кроме одного. Неостановимый, подобно дыханию ветра! Все люди проявляют способность, и только я один похож на глупого и низкого. Только я один отличаюсь от других тем, что вижу основу в водке".

Конечно, так, или почти так, на самом деле говорил Лао-цзы. Но разве кульковское "ёш-ты!" означает что-то иное?

Кулёк в запое подобен маленькому Хаосу Чжуан-цзы, в котором друзья-приятели уже просверлили одну дырку. И в эту дырку Кулёк льёт водку. Он уже не замкнут в себе, он уже несётся, развёртываясь в своём Дао опьянения. Ведь приятели Хаоса — это просто его собутыльники и приходили они к нему, чтобы вместе выпить. Когда будут просверлены остальные дырки, Хаос умрёт и Кулёк станет обычным трезвым человеком.

А пока маленький ком Кулька катится по деревне Липовка от дома к дому. И глядя вслед ему, мне самому хочется воскликнуть во вдруг возникшем ощущении единосущности меня, Кулька, соседки бабы Любы, Липовки, мира, Хаоса, хочется воскликнуть незлобиво: "Ёш-ты!".

1994

ИМПЕРСКИЙ ГОРОД

микрорассказ

Имперский город умирал вместе с Великой Империей.

Он делал это тихо и безразлично, с равнодушием взирая на новое, ненужное и бессмысленное для него время. Великие здания, хранившие тишину и недвижимость имперского величия в своих коридорах и кабинетах, наполнились шумной толпой новых людей, когда-то не любивших, а теперь и не понимающих смысла этих зданий. У их подножия, ещё недавно запретных и пустынных, кипела пёстрая пена мелкой торговли. Внушительные фасады скрылись под яркой и чужой рекламой. Будто старого генерала, уже впадающего в маразм, облепила стая наглых внуков, обалдевших от безнаказанности и наконец-то получивших возможность отомстить за все причинённые когда-то обиды, наказания и выговоры — они увешивают деда медалями и орденами, вырезанными из цветной бумаги, с шутовскими надписями, напяливают на него треуголку из старой газеты, закидывают лентами серпантина и обсыпают конфетти.

Город безучастно смотрел, как его площади и улицы наводняются чужими машинами и чужими людьми. Он уже не делал различия между чужими приезжими и своими горожанами, ставшими ему чужими. Город слушал ночные выстрелы, но даже не удивлялся им, некогда невозможным на улицах столицы Империи. Новые правители города не вызывали у него не только уважения, но даже интереса. Он знал, что все они — временщики, но это мало его волновало, потому что в будущем он не видел не только их, но и себя самого. Имперский город умирал.

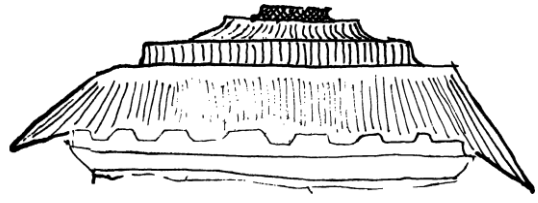
С усмешкой наблюдал он попытки оживить тот другой, старый город, город предыдущей Империи, который когда-то был убит им и, казалось, навечно похоронен под асфальтом и за фасадами великих зданий новой Империи, сама память о котором была стёрта вместе со старыми названиями улиц и площадей. Теперь, умирая, Имперский город испытывал к своему предшественнику даже нечто вроде симпатии и сочувствия, но знал, что тот мёртв и что сам он уже совсем скоро будет мёртв, и все попытки оживления глупы и обречены на неудачу и фарс. Город даже предвидел, что когда-нибудь попытаются оживить и его самого, но это ему было безразлично и он знал, что умирает окончательно, а всё остальное — суета.

Из города уходило величие, стало больше грязи, подземелье ветшало и само небо над городом потускнело и лишилось имперского блеска. Город помнил

свою бурную жестокую юность, мрачноватую зрелость, но более всего он любил свою старость — то своё состояние, которое предшествовало умиранию. Именно к старости в нём окончательно укрепился и успокоился имперский дух, даже разложение Империи в последние годы лишь подчёркивало её величие, даже нарастающий маразм её верховных правителей только укреплял состояние имперского безвременья, потому что приближал к идеалу всякой империи — величественной пирамиде с кучкой дерьма на самой вершине. Имперский город к концу своей жизни хорошо понимал и ценил эту тайную прелесть тотальности, сладкое вино вездесущей секретности, терпкий вкус глобальной безопасности и тонкий аромат имперского страха — этого почти религиозного трепета, на котором основывались лояльность, спокойствие, порядок и государственный патриотизм. Разумеется, сам город не испытывал никаких чувств — ни страха, ни любви, ни ненависти — как и подобает истинно имперскому городу. Чувства — удел людей, а города живут в иных измерениях. Люди должны были бояться, любить или ненавидеть город, а город лишь воплощал эти чувства в своих проспектах и площадях, зданиях и бульварах, в своём асфальте, камне, бетоне и стекле.

Имперский город умирал. Менялся облик его зданий, улиц и площадей, сами названия их менялись, менялись машины, менялись люди. Город не знал — да это его и не интересовало — какой город идёт ему на смену: будет ли это город новой Империи или пирамиду растащат на камни, которые можно использовать как груз при засолке грибов. Имперский город уходил из жизни без провожатых, растворяясь в тумане перемен, беззвучно напевая свою любимую имперскую песню "Любимый город может спать спокойно..."

1994



ИМПЕРИЯ КАК ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

эссе

Древнегреческие философы, знакомые с демократией на практике, оценивали её как форму политического устройства общества весьма низко. Древнекитайские философы и вовсе не знали демократии. Если, конечно, не считать демократом Лао-цзы, призывавшим, впрочем, не столько к демократии, сколько к асоциальности. Не лучше относились и те и другие и к тирании.

Конечно, древнегреческая демократия имела мало общего с нынешними демократическими режимами. С одной стороны, она была менее демократичной, поскольку далеко не все жители страны признавались гражданами и допускалось рабство. С другой стороны, она была радикальнее, поскольку самыми демократичными считались не выборы, а назначение на должность по жребию, и непосредственная воля народа (народного собрания) признавалась выше закона. Точно также и древние тирании отличались от современного тоталитаризма, поскольку в основе первых лежала личная воля (и произвол) тирана, а в основе второго — безличная система.

И всё же тяготение древних философов не к крайним, а к срединным формам государственного устройства не случайно. В основе этого тяготения лежало чувство меры. А это чувство по своей природе чувство эстетическое. Прощание с древностью через эпоху смуты привело и Запад и Восток к идее и практике империи. Имперский принцип кажется мне, помимо прочего, принципом эстетическим. Наше сегодняшнее прощание с империей я бы сравнил с нашим сегодняшним прощанием с классической культурой и искусством. И то и другое прощание, по-видимому, неизбежно и одновременно и хорошо и плохо.

Клиффорд Саймак в романе "Город", действие которого происходит в далёком будущем, писал: "Империя — не как символ захватничества, а как торжество упорядоченных человеческих взаимоотношений, построенных на взаимном уважении и мудрой терпимости". Упорядоченность — сущность культуры и цивилизации, по крайней мере, в той их форме, которую человечество знало на протяжении последних тысячелетий. Китайское слово вэнь, означающее письменность, культуру, цивилизованность, означает и всякую упорядоченность вообще. Вэнь — это "форма", даже "утончённая форма", "узоры". Можно сказать, что идея цивилизованности — это эстетическая идея, а культура — это порядок.

Империя и культура, имперская культура, культурная империя... В основе упорядоченности этого типа лежит иерархический принцип, древовидная структура субординации, разделение на низшее и высшее и подчинённость низшего высшему — вплоть до вершины пирамиды, как бы эту вершину не называть: идеал, император или Бог. Именно такой тип культуры, государства изображён Гессе в "Игре в бисер". Но знаем ли мы другой тип?

Если упорядоченность в узком смысле — это строгая иерархия и жёсткая система, то в широком смысле и на практике великая идея порядка включает в себя и все отклонения от порядка, легализует их и встраивает в общую схему. Можно сказать, что бунт против системы запрограммирован в самой системе. Кризис системы говорит не о предстоящем падении, а о предстоящем взлёте (или новом витке извечного круга), требующем структурной перестройки. Выбраться за пределы парадигмы порядка невозможно. Пробивая стену, мы оказываемся в соседней камере. Побег за границы упорядоченного лишь приводит к расширению этих границ.

Упорядоченность, система, иерархия, пирамида — в основе этого комплекса образов лежит идея симметрии. Симметричное — это правильное, истина — всегда красива. Красота как симметрия включает и асимметричное, неправильное, искажённое, "остранённое" — как форму симметричного, правильного, канонического и типичного. Структура японской танки только европейца поражает своей асимметрией. С восточной точки зрения, равно как и с высшей, синтезирующей точки, строгая, по европейским меркам немыслимо жёсткая, система из 31 слога, разбитых на 5 строк с фиксированным числом слогов в каждой строке по схеме 5-7-5-7-7, есть воплощение порядка и симметрии асимметричного. Симметрия означает не дурное однообразие, а соответствие, включающее не только тождество, но и противоположность. Более того, симметрия противоположного, может быть, самое главное в симметрии. Все оппозиции симметричны: инь — ян, небо — земля, положительные — отрицательные числа, белое — чёрное, квадратное — круглое, вертикальное — горизонтальное, истинное — ложное и даже симметричное — асимметричное. Принципиальная нечётность японской танки ничуть не менее симметрична принципиальной чётности, например, сонета.

Гносеологическая ценность симметрии — в возможности автоматического заполнения белых полей знания. Если мир симметричен и мы знаем, что такое "А", то тем самым нам уже известно и "не-А" и вообще "В" симметричное "А". Симметрия даёт нам ментальные матричные схемы, по которым мы классифицируем и тем самым познаём мир. Симметрия лежит в основе и европейской логики и китайской нумерологии, и то и другое есть набор и технология применения матричных схем, будь то силлогизм или восемь

триграмм, логические операции (дизъюнкция, конъюнкция, отрицание) или схема пяти элементов (дерево, огонь, металл, вода, почва).

И одновременно симметрия — понятие эстетическое. Красиво то, что симметрично, в том числе — асимметрично. Чувство красоты — это чувство ритма, чередования светлого и тёмного, высокого и низкого, громкого и тихого, ударного и безударного, движения и покоя. Но чередования — упорядоченного, симметричного.

Цивилизация, культура — это схемы симметрии, удовлетворяющие наше эстетическое чувство и заполняющие пустые клеточки своих матриц соответствующим (симметричным) содержанием, иногда — фиктивным. В государственном устройстве эту роль играет принцип империи. В империи всё упорядочено и всем клеточкам её организма определено их место в общей системе и соответствующее наполнение. Империя тоталитарная кажется нам более "имперской", чем империя демократическая. На самом деле она более наивна. Как сказали бы китайцы, тоталитаризм пытается всюду понастроить запруды, чтобы прекратить естественное (стихийное) движение вод, вместо того, чтобы рыть каналы и регулировать это движение. Рано или поздно вода прорвёт плотины и наступит наводнение, анархия, хаос. Но рано или поздно вода снова войдёт в берега и потечёт по руслам, быть может, новым.

Демократия сегодня — это вовсе не "власть народа", тем более не жребий вместо выборов, но и не рабство одних ради свободы других. Сегодняшняя демократия — это тот же имперский принцип упорядоченности, только вместо строительства запруд роют каналы. Принцип демократии — регуляция потоков, упорядочивание их. Принцип империи — упорядоченность как таковая, регуляция как таковая. Демократическая империя — это динамическая империя, что и отличает её и от статики тоталитаризма и от нерегулируемости смуты.

Но, говоря о демократии, нужно помнить, что речь идёт о демократическом принципе, об идеале. В реальной жизни то, что называют демократией, может оказаться весьма далёким от идеала, а те, кого называют или кто называет сам себя демократом или не-демократом, могут в действительности следовать по противоположному пути. Что происходит сегодня в России? Мне кажется, убегая от тоталитаризма, мы убежали и от имперского принципа, и в результате попали не в демократию, а в смуту, анархию, хаос. А из этих тёмных вод может выйти не только красивый чертёж демократической империи, но и безобразная карикатура на неё в форме криминальных государства и общества или нового тоталитаризма.

Но вернёмся к эстетике. Империи бывают разными. Советская империя была статичной. "Девушка с веслом" — её символ. Она не способна не только махать

этим веслом, но даже пошевелиться. Но её прообраз — в безрукой и прекрасной "Венере Милосской". В живописи какое-нибудь "Заседание Политбюро" — советский эквивалент "Тайной вечери". Все элементы классической культуры воспроизведены в советском искусстве, но в статическом варианте, варианте упрощённом до карикатуры. Впрочем, "упрощение" — неточное слово. Советская культура не проще культуры классической, а может быть, даже сложнее, поскольку статика, неподвижность — более сложны как средство воплощения и объект восприятия.

Соц-арт, паразитируя на советском искусстве, обыгрывал его форму, но так и не смог убедить нас, что не должно нам нравиться то, что нам нравилось — многие советские песни, советские фильмы и даже советские праздники. Мы с охотой смеялись над какой-нибудь "Волгой-Волгой" или "Кубанскими казаками", но они всё равно нам нравились. (Во всяком случае эти вещи на порядок лучше "просто Марий", а главное — короче.) Мы могли считать Октябрьскую революцию величайшей трагедией и позором России, рассказывать злые анекдоты про "международную солидарность трудящихся", но 7 ноября и 1 мая всё равно садились за стол и поднимали бокалы. Если бы в советской империи, советской культуре, советском искусстве не было ничего привлекательного, они не просуществовали бы 70 лет — целую эпоху. То же относится, впрочем, и к германскому третьему рейху — ведь его сгубило поражение в войне, а вовсе не взрыв недовольства собственного народа. Больше того: если бы в идее фашизма (я уж не говорю про коммунистическую идею) не было ничего привлекательного, она бы не возрождалась вновь и вновь, в том числе и в России, с фашизмом воевавшей.

Причина, мне кажется, одна — привлекательна сама идея империи как парадигмы культуры и цивилизации. Влечение к порядку заложено в природе человека. Массовые шествия мимо трибун мавзолея на Красной площади были красивы. Они были пошлы, как пошла всякая массовость, но красивы. Вообще особенностью советской империи была эстетизация пошлости и лицемерия. (Может быть, точнее сказать — чрезмерная эстетизация? Чтобы не обижать другие империи.) Когда выкрикивали лозунги о любви к "родной партии и правительству", эту любовь не испытывали и в неё не верили ни те, кто кричал, ни те, кто слушал. Но эти лозунги были частью стройной системы, система была красива.

То, что красиво, нравится людям своей формой, а не содержанием. Ведь говорят же о красивом боксе, хотя по содержанию это всего лишь мордобой. Можно красиво врать, красиво ругаться, красиво драться, можно красиво написать донос, сделать красивое изобретение пыточной машины, плести красивую интригу, построить красивое здание тюрьмы, наконец, можно красиво умереть. Всё это можно делать красиво и некрасиво. (Я не говорю об

уместности или неуместности в том или ином случае того или иного типа красоты.) И это не имеет никакого отношения к этике. Эстетическое чувство вполне самостоятельно. Канту принадлежит заслуга философского определения сущности морали как категорического императива — то, что должно, независимо от того, приятно это или неприятно, целесообразно или нет, красиво или безобразно. Точно также красивое не обязательно морально, не обязательно истинно.

Конечно, где-то там, в глубине, куда свешиваются корни сущего, один исток, одна причина и одна цель и красоты, и добра, и истины. В глубине человеческого сердца нет различий. Но где нет различий, там нет и движения, даже если это движение к устранению различий, к синтезу, к тождеству, к тому, чтобы красота была доброй, добро истинным, а истина красивой. Где-то там, в глубине, империя имеет тот же корень, что категорический императив. И это ещё одно подтверждение тому, что бороться надо не с имперским принципом, а с неправильными, недобрыми, некрасивыми имперскими режимами. И это уже не зависит от того, как они себя называют: "империя", "демократическая республика" или "республика президентская".

И всё же меня не покидает ощущение, что мы прощаемся с империей. Может быть, это ощущение — следствие возведения частной смуты до всемирного потопа? Может быть, мы прощаемся с империей, чтобы встретить её в новом обличьи? Не знаю. Постмодернизм, претендующий на альтернативу империи культуры, сам есть явление переходное, в сути своей отрицательное и тем самым лежащее в тех же границах старой империи. Утверждая приоритет естественного над искусственным, сам постмодернизм искусственен до предела. Призывая к демократичности против элитарности культуры, сам он элитарен сверх меры. Говоря, что натуральный секс лучше любовной лирики, сам он лишь говорит об этом и эстетизирует собственную импотентность. Постмодернизм ниспровергает монументы лишь для того, чтобы влезть на цоколь, но цоколь оказывается каждый раз слишком высок.

Есть у постмодернизма и оборотная сторона — массовая культура. На первый взгляд масс-культура противостоит имперскому принципу иерархии. Но вспомним красочные шествия на Красной площади. С точки зрения империи масс-культура — это основание пирамиды, вещь необходимая, но лишь в той мере, в какой она держит на себе пирамиду. Плохо, когда пирамида рушится и те, кто сидят на основании, вдруг ощущают себя на вершине, поскольку теперь выше них только небо.

В своё время я хотел написать (но не написал) эссе под названием "Против шедевров". Мысль была простой: наличие шедевров искусства мешает свободному творчеству. Это должна была быть инвектива против имперского

принципа в культуре. Сегодня я думаю (а может быть, и тогда думал), что для свободы творчества ограничители полезнее их отсутствия. В танке должно быть ровно 31 слог и ровно 5 строк по жёсткой схеме 5-7-5-7-7. Стремление к открытым пространствам объясняется не столько любовью к свободе, сколько клаустрофобией. Широкие горизонты открываются лишь на вершинах: вместо того, чтобы сносить горы, не лучше ли подняться в горы. Империя существует не только и не столько для императора, она даёт место каждому в своей системе. Свобода рождается традицией: свобода следования традиции и свобода преодоления традиции. Человек хочет быть свободным не для того, чтобы постоянно нарушать правила, а для того, отбросив правила, создать новые правила, которым следовали бы последователи.

Империи, как и демократии, бывают разными. Мне, например, британская система кажется красивее системы французской или американской хотя бы потому, что Британия сохранила монархию, а от французской демократии чуть-чуть попахивает гильотиной и американская любовь к правам и свободам сексуальных меньшинств есть попытка психологически компенсировать истребление индейцев в прошлом. Российская империя была в этом смысле смесью Британии и Америки, но ей не дано было преобразоваться в демократию — вместо этого возникла империя советская. Что будет теперь в России? Что выплывет из тёмных вод "перестройки" и "реформ"? Когда я мечтаю о новой демократической империи, меня тянет в деревню Липовка в глушь Рязанской губернии, где, как мне кажется, имперский дух ещё жив и не опошлен. Глядя, как ветер плывёт над лугами, стелется по воде озёр и шумит в ветвях соснового леса, я чувствую красоту и величие империи природы.

14 апреля 1994

MOMENTUM MORI или ВЕШНИЕ ВОДЫ

эссе в 3-х частях с эпилогом

Ну что ж, может быть, и Вы
найдёте хороший способ умереть.

Курт Воннегут "Колыбель для кошки"

1. Рассуждение о необходимости смерти

Давно замечено, что рождение есть первый шаг на пути к смерти. Эта вторая фаза жизни есть развёртывание вовне всего того содержания, которое создавалось на первой фазе — от зачатия до рождения. В утробе матери человек возникает из ничего. Ни мужское семя, ни женская яйцеклетка не мыслят и их соединение не рождает мысль и сознание. В генетических спиралях есть информация и программа, но нет разума, нет чувства, нет "я". Как появляется человек? Почему он осознаёт себя? Зачем? На эти вопросы ответа нет. Кто рождается в момент рождения? Младенец — самое загадочное существо на свете. Он находится на равном расстоянии и от семени родителей и от человека, в которого превратится со временем. Можно ли говорить "я родился"? Разве это был я? Помнит ли кто-нибудь своё рождение и себя новорождённым? Это было существо иного типа. Как это существо стало мной? Я не знаю. И на этот вопрос нет ответа.

То, что мы называем жизнью — это её вторая фаза. Три ступени проходит человек в этой фазе: возникновение, расцвет и закат или, лучше сказать, переразвитие. Возникновение — это превращение новорождённого в человека. Мы говорим, что младенец, входя в мир, учится и так становится человеком. Но сознание новорождённого — это не tabula rasa, на которой родители, воспитатели, семья и весь окружающий мир могут писать всё что угодно. Скорее, это книга. Книга уже написанная и точка в её конце поставлена. Осталось лишь прочитать книгу. Вот для этого ребёнок и учится. Он учится читать самого себя.

Человек — это переписчик и переводчик. Он переписывает своё внутреннее содержание во внешние формы: в слова, в поступки, в дела, в свою жизнь. Он мог бы повторить вслед за Конфуцием: "Я не создаю, а передаю". Зачем он делает это? Что заставляет человека читать самого себя и пересказывать прочитанное? Что заставляет человека жить?

Когда книга заканчивается, её закрывают и откладывают в сторону. Человек умирает. Но человек — это особая книга: её можно читать только один раз. Кто автор книги — сам человек? Бог? Природа? Ничто? Можно ли заглянуть в конец и узнать, чем дело кончится? Меняется ли текст в процессе его чтения?

Человек может умереть от болезни или несчастного случая, его могут убить или он может убить себя сам. Записан ли такой конец в самой книге? Или книга выпадает из рук не прочитанная до конца? Я не знаю. Но почему всегда получается так, что чтение заканчивается? Ещё никому не удавалось не умереть. Каждый раз смерть вроде бы случайна, но эта случайность оказывается неизбежной. Каждый раз вроде бы можно что-то сделать и предотвратить смерть: вылечиться от болезни, избежать несчастного случая, убежать от убийцы, найти выход из безвыходной ситуации. Но смерть всё равно приходит рано или поздно.

Человек умирает, когда больше не может читать свою книгу. Это всегда преждевременно: человек чувствует, что книга прочитана не до конца, или пропущены какие-то важные страницы, или прочитаны неправильно и нужно бы вернуться и прочитать иначе. Почему возвращение невозможно? Потому что прочитанное, переписанное, переведённое, пересказанное — прожитое — оказывается сильнее, реальнее того, что на самом деле было написано в книге. Как бы страница ни была прочитана, её нельзя прочитать второй раз. Смерть вызывает сожаление не потому, что закончена жизнь, а потому, что жизнь прожита неправильно. Жизнь всегда прожита неправильно.

Не верьте тому, кто говорит: "Я хорошо прожил свою жизнь. И если бы начать жизнь сначала, я прожил бы её точно также". Эти слова — от страха перед смертью. Не верьте тому, кто говорит: "Если бы мне дали ещё один шанс, я бы не делал того-то и того-то, а сделал бы то-то и то-то". Эти слова — от страха перед смертью. Так говорящие не верят сами себе, но хотят, чтобы им поверили другие. Зачем? Почему человек хочет, чтобы его жизнь понравилась другим: вся целиком или с исправлением некоторых неточностей? Он хочет оправдать свою жизнь, оправдаться перед другими людьми. Потому что не может оправдаться перед собой?

Когда книга прочитана, человек умирает. Нельзя начать другую книгу, потому что другая книга — это другой человек и он будет читать её сам. Нельзя заново и по-другому прочитать свою книгу, потому что прочитанное реальнее того, что написано в книге. Прожитая жизнь врублена в реальность прочнее, чем иероглифы — в гранит. Жизнь — это реализация. Человек возникает из ничего, но умирает кем-то. Жизнь человека — это воплощение Ничто в Бытие. Одно из возможных воплощений. Ничто стремится быть, это его неудержимое, маниакальное стремление воплотиться, явиться, стать. Но любое воплощение

ложно. Невоплощённое Ничто — это всё, а каждое воплощение — это нечто, не то, что другое, часть всего. Ничто воплощается и разочаровывается в своём воплощении. Самое точное слово есть искажение Слова, самое верное действие есть искажение Действия, самый правильный путь есть искажение Пути. Ошибки не могут копиться до бесконечности — теряется смысл воплощения. Поэтому жизнь не длится долго. Человек умирает, когда становится ясной ошибочность его жизни. Человек умирает, когда продолжение жизни бессмысленно. Человек живёт лишь для того, чтобы в конце убедиться: жизнь не получилась. Как это печально!

Книга бесконечна, как бесконечно Ничто. Но её прочтение — жизнь человека — конечна. Как это печально! Человек — единственный из тьмы вещей, кто способен почувствовать эту печаль. Кто способен в конце своей жизни понять: он есть конечное воплощение бесконечного и именно поэтому — лишь одно из бесконечного числа воплощений. Неужели для этого дана человеку душа? Можно назвать Ничто Богом, или Природой, или Мировым Разумом, или Вселенским Бессознательным, или Хаосом, или Единым — от этого не меняется вопиющая несправедливость: наделять душой, разумом, самосознанием конечное существо.

Камень, рассыпаясь в пыль, не знает об этом. Дерево, засыхая, не знает об этом. Зачем нужно, чтобы человек знал: вместе с ним умирает бесконечный мир? Если бы человек оставался в утробе матери! Но нет: он начинает жить, он обретает измерение времени, он выпадает из вечности во время, из Ничто в Бытие. И становится смертным. Лишь нерождённое бессмертно. Лишь то, чего нет, существует вечно. Трагедия человека не в том, что он смертен, а в том, что он — человек: существо, наделённое душой, разумом, сердцем, чтобы почувствовать, понять, осознать свой конец. Как это печально!

2. Что будет после смерти?

На этот вопрос есть три ответа:

1. Вечная жизнь в ином мире (или одном из иных миров).
2. Новое рождение в том же (или ином) мире, новая жизнь и новая смерть. И этот цикл повторяется до бесконечности.
3. Ничего не будет — смерть окончательна. После смерти жизни нет; человек, умирая, исчезает из мира.

Графически этим ответам соответствуют:

1. Бесконечная прямая. Точнее, полупрямая — луч, поскольку жизнь бесконечна лишь в одну сторону и имеет начало (рождение). На этой

прямой, кроме начала, фиксируется ещё одна точка — смерть. Отрезок от рождения до смерти проживается в этом мире, всё остальное — в ином мире.

2. Круг. Смерть означает рождение в одном из существующих миров, быть может, том же самом, в облике одного из живых существ, быть может, опять человека. В развёртке во времени круг превращается в спираль.
3. Конечный вектор — направленный конечный отрезок. Жизнь имеет начало во времени, до которого человека не было, и имеет конец во времени, после которого человека не будет.

Эти три ответа дали три мировых центра, три мировые цивилизации, три духовные вселенные:

1. Европа.
2. Индия.
3. Китай.

Говоря "Европа", я имею в виду и ближний, и средний Восток. Это иудейско-христианско-мусульманская культура. Сюда же примыкают и религии коренных жителей Африки и Америки (индейцы). Более того, народные верования Китая и Японии тоже говорят о загробном мире, куда попадают души умерших и где предки живущих продолжают вечно свою жизнь после смерти. И всё же оформление этой идеи в развитую религию произошло именно в иудаизме, христианстве и исламе.

Говоря "Индия", я имею в виду не только все виды индуистской религии, но и буддизм, вышедший за пределы Индостана и ставший мировой религией.

Говоря "Китай", я имею в виду не народные религии китайцев, а философско-религиозные идеи конфуцианства и даосизма. Лучше всего этот третий ответ выразил Тао Юань-мин:

Как я смерть объясню?
Тут особых не надо слов:
Просто тело отдам,
чтоб смешалось оно с горой!

Ни один из этих трёх ответов нельзя признать удовлетворительным и окончательным. В каждом из них чувствуется что-то "дурное". "Дурная бесконечность продолжения" вечной жизни, или "дурная бесконечность повторения" бесконечного числа конечных жизней, или "дурная конечность" одной-единственной жизни.

Попытки избавиться от этого "дурного" приводят к идее слияния: после смерти человек сливается с чем-то бесконечным и вечным.

1. Слияние с Богом. Вечная жизнь — это не точно такая же жизнь, но в ином мире, как жизнь предков в загробном мире китайцев (где каждый продолжает заниматься тем же, чем он занимался на этом свете, и занимает аналогичную ячейку в небесном социуме и небесном государстве). Вечная жизнь — это жизнь в Боге. Таинство слияния — это противоречие между желанием личного бессмертия и потерей своего "я" в бесконечности божества.
2. Успокоение в нирване. Спасение в буддизме — это выход из колеса сансары, прекращение рождений и смертей. Человек получает шанс стать буддой и перейти в состояние вечного покоя. Это состояние близко слиянию с христианским или мусульманским Богом, но и радикально отличается от него безличностью. Нирвана — это не царство божье. Здесь нет никакого божественного разума или божественного света. Говоря о нирване, говорят о пустоте и неподвижности. Спасением парадоксальным образом оказывается окончательная смерть. Это происходит в результате объявления мира, жизни в мире и самого "я" иллюзией — майей.
3. Возвращение в Хаос. Хаос — это плавильный котёл, из которого возникает вся тьма вещей и в который после смерти возвращается вся тьма вещей. Это та пустота, тот вакуум, в котором виртуально находится всё, из которого возникает видимая, актуальная реальность и в который она возвращается. В отличии от нирваны Хаос — не трудно достижимая цель, а постоянно существующая истинная реальность. Но и мир — не иллюзия, а форма проявления или, как сказал бы Гегель, инобытие Хаоса. Хаос ещё более нечеловеческое единое, чем нирвана. Всё же нирвана — это бесконечное наслаждение, хотя и такое наслаждение, которое возникает от забвения всех чувств, страстей и наслаждений. В Хаосе уже ничего человеческого нет, даже удовлетворения избавлением от человеческого.

Таким образом, все три ответа, продолжаясь, приходят к идее слияния с Единым, возвращения в Единое. Смерть — это возвращение. Таков общий ответ.

Материализм отличается от китайской концепции Хаоса тем, что своё единое он настойчиво определяет как материальное и противопоставляет идеальному. Не очень умные материалисты легко сводят материальное к вещественному и впадают в противоречие с фактами. Умные материалисты ограничивают противопоставление материального и идеального тем вопросом, который они называют "основным вопросом философии": что первично — материя или сознание?

С моей точки зрения, сам это "основной вопрос" не имеет смысла и ответа. Материалисты настаивают на безусловном отсутствии разума, сознания и т.п. у Единого. Христиане, мусульмане и иудеи настаивают на безусловной разумности Единого. В буддизме куча всякой божественности: от мира богов, где боги — это просто такие разумные существа, которые бессмертны лишь в том смысле, что не умирают естественной смертью, но их можно убить, — до богов-будд: Дхармакайя — Вечный Будда, Амитабха со своим раем Сукхавати и т.п. Но на вершине буддизма или, если угодно, в его корне, восходящем к раннему буддизму, буддизму Гаутамы, находится безбожная нирвана как цель человека и всякого живого существа. Даосизм и, отчасти, религиозное конфуцианство тоже скорее отдают дань народным верованиям, сохраняя пантеон богов, духов, предков, но философский даосизм безбожен и Хаос не более разумен, чем материя материалистов. Другое дело, что китайцы не видят смысла противопоставлять разумность и неразумность, материальное и идеальное. Характерным примером является категория ци, попытки адекватного перевода которой дают то вполне материальные "частицы", то энергетические "силы", то идеальные психические "элементы".

Из всех ответов третий — об окончательности смерти и отсутствии жизни после смерти — самый загадочный и таинственный. Если нет ни продолжения, ни повторения, то каков же смысл этой конечной жизни человека? Если есть продолжение или повторение, то или иное, вопрос о смысле отодвигается в неопределённое будущее. Если же смерть — настоящая, а не понарошку, то и ответ требуется настоящий. Здесь и сейчас. Может быть, материалистический и безбожный третий ответ — самый религиозный из всех, ибо требует от человека вдумывания в смысл бытия и не позволяет откладывать на потом разрешения загадки человеческой жизни. Продолжение этого ответа в виде слияния-возвращения в Хаос ничем не помогает, а лишь напоминает: проблема человека не может быть решена отдельно от проблемы мира, проблемы Бытия. Почему существует человек? Почему существует мир? Если ответ на эти вопросы нельзя получить после смерти, то нужно искать его сейчас. Что происходит, когда человек умирает, не найдя ответа?

3. Подготовка к смерти

Прежде всего, нужно привести в порядок все свои дела. Разве может человек умереть, не оплатив долги, не переведя счёт в банке на имя жены, не пронумеровав папки своего архива, не забрав костюм из химчистки, не отменив назначенную на следующий день встречу, не вернув книги в библиотеку и не вынеся, наконец, помойное ведро?

К моменту смерти человек должен хорошо себе представлять, для чего он прожил свою жизнь, зачем он столько работал, с какой целью связал свою судьбу с близкими ему людьми и каков, так сказать, итог всего этого. Если вы ещё не во всём разобрались, если остались какие-то неясности и кое-что представляется вам не вполне завершённым или, тем более, неправильным, значит вы ещё не готовы к смерти.

Подготовку следует начинать как можно раньше. Лучше всего — с рождения. Не откладывайте на самый конец то, что можно сделать уже сейчас. Иначе, у вас может не хватить времени и смерть придётся отложить или, что гораздо хуже, умереть неожиданно, не будучи к тому готовым.

В принципе, всё, что вы делаете в течении своей жизни, является подготовкой к смерти. Это не значит, что можно делать всё что угодно. Каждый человек должен умереть своей смертью, найти наиболее подходящий для себя способ. И готовиться нужно не к смерти вообще, а конкретно к вашей смерти и вашему способу. Неправильная жизнь приводит к неправильной смерти. Пока вы не знаете как умрёте, допустимы эксперименты и поиск методом проб и ошибок. Но с течением времени у вас появится большая ясность в этом вопросе, называемая жизненным опытом. В старости вы уже должны хорошо представлять себе свой конец так, чтобы оставалось лишь уточнить некоторые технические детали и психологические тонкости.

В чём смысл жизни? Для разумного человека ответ ясен: в подготовке к смерти. Цель пути всегда находится в его конце. В жизни часто приходится решать, что важно, а что не важно, чего-то добиваться, а чем-то жертвовать, что-то сохранять, а что-то отбрасывать. Делая выбор, человек должен понимать: он выбирает свою смерть. Жизнь, сама по себе, может быть любой. Жизнь не содержит в себе критерия выбора. Только смерть делает жизнь осмысленной и целенаправленной. Поэтому древние говорили: "Memento mori!" — "Помни о смерти!". Это значит, что "momentum mori" — "миг смерти" — есть, в соответствии с этимологией латинского слова momentum, движущая сила жизни и её толчок. Жизнь формируется под действием инерционных волн, идущих из будущего и созданных этим конечным толчком.

Каждый раз, ища ответ на вопрос "Зачем?", помните, что цель располагается в будущем, а конечная цель — это "momentum mori". В сентябре 91 года я написал:

Зачем мне Липовка?

Чтобы рисовать картины, сочинять стихи и писать тексты.

Если копнуть глубже — чтобы просто жить.

Ещё глубже — чтобы готовиться к смерти.

И, наверное, на самом дне —
чтобы рисовать картины, сочинять стихи и писать тексты.

У каждого — своя смерть. Жизнь есть поиск смерти. Поэтому говорят: "найти смерть". Именно смерть делает жизнь полноценной, заставляя проживать её насыщенно, напряжённо, на пределе возможностей. Поэтому говорят: "до смерти", — что значит "очень сильно, на пределе".

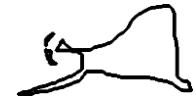
Китайский мыслитель I-го века н.э. Ван Чун писал:

> *До рождения человек пребывает в Изначальном, после смерти [он] снова возвращается в Изначальное... Человек рождается между небом и землёй, подобно льду. Жизненная энергия сил инь и ян сгущается, и создаётся человек. Прожив жизнь до глубокой старости, [человек] умирает и снова превращается в жизненную энергию [сил инь и ян]. Вешние воды не могут снова стать льдом...*

Смысл жизни человека определяется тем, что человек возвращает Небу и Земле в момент смерти. Если его небесная душа хунь возвращает Небу улучшенную жизненную энергию силы ян, а его земная душа по возвращает Земле улучшенную жизненную энергию силы инь, то Вселенная улучшается. Иначе — ухудшается.

Эпилог

Говорят, когда человек умирает,
его встречают светоносные существа,
и ведут по длинному тоннелю,
в конце которого — невыносимый свет.
Душа сливается с Высшим, не поддающимся разумению.
Мгновенно постигнув смысл Бытия, тайну и чудо Мира,
увидев ясно прошлое и будущее в каждой секунде их,
открыв сердца всех мужчин и женщин, что были, есть и будут,
озарённая душа в невыразимом блаженстве
растворяется в Божестве...
И это уже окончательная смерть!



Москва. июнь 1994

В ПОИСКАХ ДЛИННОГО ДНЯ

микроэссе

Философ II века н.э. Ван Фу в своих "Суждениях затворника" ("Цзянь лунь") написал:

> *В государстве, [где царит] порядок, дни [идут] медленно, [они] длинные, поэтому народ [здесь] имеет свободное время, сил [у него] в избытке; в государстве, где порядка нет, дни [бегут] быстро, [они] короткие, поэтому народ [здесь] задавлен, силы [у него] истощены.*

В наше смутное время дни летят, гонимые ветром перемен. Но у человека только одна жизнь; он не может проистановить её и продолжить, когда всё успокоится; человек не выбирает время.

Можно ли найти покой в середине потока?

Можно ли найти свой длинный день?

2 июля 1994

ФИОЛЕТОВЫЕ ЦВЕТЫ

миниэссе

Фиолетовые цветы, собранные по дороге с купания, даже собранные в спешке, потому что в предчувствии дождя комары досаждали очень сильно, собранные на обочине просёлочной дороги — просёлка Хайдеггера. Дождь так и не случился, но если б не комары, вносящие суету в существование человека, заставляющие отмахиваться, шлёпать себя ладонями, расчёсывать укусы и чертыхаться, приземляющие настрой души, не дающие сосредоточиться на высоком размышлении, возвращающие совсем не трагическим, а скорее комическим образом к реальности бытия, если б не комары, не увиделся бы провал в вечность в фиолетовых цветах. Один взгляд на их неподвижные соцветия уводит куда-то в онтологически безмерные пространства и бесконечные времена, в вечное неподвижное мгновение.

Фиолетовые цветы стоят в глиняной крынке на белом подоконнике, рядом с которым на сундуке — стакан с недопитым козьим молоком. Этот грандиозный ряд слов: глиняная крынка, белый подоконник, сундук, стакан,

козье молоко и комары, которые звенят и здесь, в избе, — этот внушительный ряд меток реальности, меток одновременно и прозаических, приземлённых, даже суетных и непередаваемо безмерных, вневременных, этот ряд окружает фиолетовые цветы, кажется, трёх или четырёх видов. Фиолетовые цветы, от которых космическими волнами исходит истина мира, истина без слов, та цветковость цветка, в которой японцы чувствуют тайну бытия и одновременно её разгадку, причём так, что разгадка сама есть тайна и даже больше, чем то, что называют тайной. Неподвижность цветов в глиняной крынке на белом подоконнике, их нешелохнутость есть преддверие, предусловие и как бы врата в окно, в котором царствует вселенная Липовки с утопающим в зелени домом бабы Любы, с двумя берёзами среди зелёной травы перед моим окном, с ветром, пригибающим траву и раскачивающим ниспадающие ветви берёз, с тарахтящим по дороге трактором, с перспективой облаков в синем небе, немыслимо светлеющем к горизонту. Сквозь узорочье букета, сквозь его зелёную основу и фиолетовый уток вселенная Липовки вновь обретает свою тайну-разгадку.

Когда фиолетовые цветы завянут, они напомнят и уведут на ту просёлочную дорогу, с обочины которой они родом. Ту дорогу, что ведёт к сосновому бору, от которой ответвляется тропинка к купальному месту на берегу Старицы, а сама дорога поворачивает влево, и движется меж сосен вдоль Чёрного Озера, чья тайна ещё загадочнее и темнее, и дальше мимо лесного пчельника, дальше меж сосен, чтобы в конце вынырнуть из леса и утонуть в лугах, за которыми вдали на другом полого поднимающемся в небо берегу реки Мокша раскинулась деревня с фантастическим именем Шевали-Майдан, откуда родом баба Люба.

Дорога в высоких соснах — о, сосна! дерево светлой души мира — дорога в широких лугах — о, травы! хранящие забытьё слов — дорога вдоль ветра — ветра молчания бытия — песчаная дорога — дорога в песках времени. На её обочине растут фиолетовые цветы. Как легко человеку пойти по дороге и сорвать фиолетовые цветы. Вглядеться в пятилепестковость — ту пятиэлементность, которую китайцы видят в устройстве мира. Тронуть зелёные листья и тонкие стебли, как трогают струны эоловой арфы. Ведь можно отмахнуться от комаров, претерпеть их укусы и нарвать фиолетовых цветов, растущих на обочине просёлка между Небом и Землёй.

Липовка. 16 июля 1994

КРУГ ЧЕЛОВЕКА

миниэссе

То обесчеловечивание человека, то его обособление, отъединение от мира, доходящее до противопоставления и выражаемое в бинарности "субъекта" и "объекта", в индивидуалистическом мироощущении, в представлении о человеке как точке отсчёта, центре мира, в том возвышении человека, когда он становится судьёй и врагом всех вещей, возвышении, которое мнится освобождением, а по сути является падением и рабством у "второй природы" и которое рождает страх перед "первой природой" как страх отступничества — всё то, что Хайдеггер связывает со словом "техника", с властью техники над человеком, а вовсе не наоборот, как представляется обыденному мышлению, и что Хайдеггер считает временным процессом, имеющим своё начало во всяком случае позже древнегреческой философии и долженствующим иметь свой конец как возвращение к истокам человека, к истине бытия — не является ли всё это сущностью самого человека как такового, сущностью возникшей вместе с человеком и долженствующей умереть вместе с человеком?

Может быть, "техника" — это не временное увлечение и как бы заблуждение человечества, хотя и неизбежное, но и неизбежно преходящее, а, наоборот, — в этом и состоит то, что отличает человека из всей тьмы вещей? Человек, выделяясь из мира, тем самым обесчеловечивает себя и тут же задаёт вопрос о возвращении в мир и тем самым к себе. Это круговое движение ухода и возвращения не единичный случай человеческой истории, а постоянно совершаемое движение, воспроизводимое и как жизнь отдельного человека от его рождения до его смерти, и как любое движение человеческой мысли в каждой секунде существования человека.

Что есть этот круг? Он распадается на уход и на возвращение. Что есть уход? Это уход от истока, от мира, от неотъединённости мира и человека, и тем самым — это уход от человека. Что есть возвращение? Это возвращение к единству с миром, к истоку, в котором человек ещё не отъединён от тьмы вещей, и тем самым — это возвращение от человека. Оба движения оказываются обесчеловечиванием: одно — обесчеловечивание как отчуждение от мира и тем самым от самого себя, другое — обесчеловечивание как возвращение в мир и тем самым отказ от самого себя. Первое движение делает впервые человека человеком, чтобы тут же сказать: истина человека в его единстве с миром и значит, делаясь человеком, человек перестаёт быть человеком. Второе движение возвращает человека в то состояние слитности с миром, которое есть сущность человека, но которое означает ещё-не-существование человека.

Но тогда "человек" — это противоречие в определении. Человек — это то, чего не может быть. То, существование чего есть его отрицание. Любое движение человека есть движение духа, "бесконечное движение", как выражался Кьеркегор, и это движение есть движение обесчеловечивания: обесчеловечивания ухода-отступничества-рождения или обесчеловечивания возвращения-поражения-смерти. Сущность человека — в единстве с миром, но лишь отъединение от мира рождает человека, задачей которого тут же становится достижение этого единства, единства, в котором, как только оно вполне осуществится, человек обретёт смерть. Не потому ли человек смертен? Это Хайдеггер сказал: "Только человек умирает. Животное, околевая, кончается". Не потому ли человек обречён всё время рождаться и умирать?

Невозможность существования человека делает человека самым динамичным существом между небом и землёй. В каждой секунде своего существования человек рождается и умирает. Если бы он не рождался, он оставался бы животным. Если бы он не умирал, он был бы Богом. Но я не знаю, можно ли считать Бога отъединённым от мира? Возможен ли Бог? И, если возможен, можно ли его считать статическим человеком? Той идеальной сущностью человека, которая вопреки всему умеет существовать, не рождаясь и не умирая?

Круг человека, как форма невозможного существования человека, существующего, выражаясь словами Кьеркегора, "силой абсурда", ставит вопрос о возможности бытия. Может ли существовать мир? Кажется, Хайдеггер считал мир существующим лишь благодаря человеку, без которого произошло бы нечто вроде аннигиляции бытия и ничто. Человек, как посредник между бытием и ничто, осуществляет их динамическое взаимодействие, взаимопорождение и взаимоуничтожение, но так, что порождение не окончательно и требует последующего уничтожения, а уничтожение не окончательно и вызывает последующее порождение. Мир существует лишь благодаря человеку, благодаря кругу человека, благодаря тому, что человек постоянно осуществляет бесконечное движение отъединения от мира и тут же бесконечное возвращение в мир. Невозможность существования человека и невозможность существования мира сталкиваются как ян и инь и рождают Великий Предел экзистенции. Мне трудно понять, что со всем этим делать Богу? И как вообще возможен Бог в бесконечном круговороте Великого Предела? Если только не считать Богом человека. Или если только не выйти за пределы круга, считая его колесом сансары и помещая Бога в нирвану. Или, наконец, если только не верить в Бога "силой абсурда".

Липовка. 16 июля 1994

ЖЕНСКОЕ НАЧАЛО ФИЛОСОФИИ

миниэссе

У Ницше есть афоризм: "В женщине всё загадочно, но разгадка этих тайн одна — беременность". Обычно на основании этой и подобных фраз Ницше считают женоненавистником. В действительности мысль философа не цинична, а глубока, она затрагивает философскую суть женщины и женскую суть философии.

Сущность женщины — в загадочности. Тайна влечёт, привлекает, захватывает и пред-располагает к её открытию. Но раскрытая тайна — уже не тайна. В разгадке уже нет женского — как начала противоположного мужскому началу. Беременная женщина — это уже мать. Материнство — тоже тайна, но такая, в которую мужчине нет доступа. Рождение — это процесс как бы среднего рода: родиться может и девочка, и мальчик. Младенец это не женщина, не мужчина. Жизнь от зачатия до рождения проходит в тёмном, влажном, скрытом и не похожим на внешний мир месте. Это состояние Хаоса, предшествующее и порождающее будущий мир Космоса — личность. Человек до рождения был всем; родившись, он становится только самим собой. Будущая мать носит в чреве своём изначальный Хаос. Ныне существующий Космос возник из Хаоса, из смерти Хаоса. Хаос был самодостаточен и не нуждался в смерти и возрождении. Поэтому, когда смерть всё-таки наступила — а это был величайший и самый загадочный момент истории Мира, — смерть Хаоса оказалась окончательной. Космос, напротив, как бы не вполне уверен в себе, в постоянном движении, неспокоен и не способен придти к успокоению — может быть, потому, что несёт в себе смерть Хаоса?

Космос нуждается в постоянном обновлении, воспроизводстве себя. Для этого он ищет и находит в себе существо, способное рождать — женщину. То, что в Хаосе было слито воедино, в Космосе разделилось на мужчину и женщину. Их соединение вновь порождает Хаос, который живёт во чреве женщины и умирает в момент рождения человека, в момент рождения Космоса. Таким образом, нынешний Мир — Космос — имеет исток в женском начале и в круговороте смерти и жизни вновь и вновь проходит через этот исток.

Философия — это поиск истока. Это падение в открытость бытия, проникновение в сущность вещей, познание истины мира. Все три глагола: падение, проникновение, познание, — имеют целью существительное женского рода: открытость, сущность, истину. Мир внешний, мир явлений,

мир светлый — это мужской мир. Мир внутренний, мир сущностей, мир тёмный — это женский мир. Философия — это любовь к женщине. Имя этой женщины — София.

Философию не интересует, как устроен Мир, — это дело наук. Философия — это знание о том, как Мир рождается, как возникает он из небытия. Впрочем, "знание" — это совсем не то слово: философия — это не знание, а влечение. Как говорил Новалис, "тяга повсюду быть дома". Но что значит "быть дома"? Изначальный дом Космоса умер вместе со смертью Хаоса. Мир — бездомен и потому неспокоен, в постоянном движении, в поиске дома и возвращении в него. И Космос находит временный приют в своём женском начале, он возвращается в него, чтобы умереть и родиться вновь. Философия проходит в мышлении путь Космоса, философия — это тяга к женщине, к её загадке. Раскрытие тайны, разгадка — то, что называют истиной, — всегда оказывается банальной как беременность. Подлинная истина тождественна тайне, разгадка всегда "проскакивает" её и то, что она принимает за истину, есть всего лишь новое рождение мира, новый мир, устроенный так-то и так-то. Но тайна мира, истина мира прячется в том его состоянии, которое предшествует рождению. Это состояние называют небытием, или пустотой. Это то, что скрывается, хранится в женщине, это её тайна, её загадка. Философию влечёт сама эта тайна, но не её разгадка, потому что всегда получается так, что разгадка бьёт мимо цели, она отвечает совсем не на тот вопрос, который задаётся, она раскрывает тайну, но внутри — уже ничего нет. Ницше говорит: "В женщине всё загадочно, но не пытайтесь разгадать эту тайну, потому что разгадка — известна наперёд, а тайна ускользает, так и оставаясь тайной". Философа (а почти все философы — мужчины) влечёт именно тайна. Философия — это искусство не достигать разгадки.

Скрытая сексуальность философского текста могла бы стать темой специального психоанализа. Я даже удивляюсь, почему до сих пор философские системы не привлекли внимания психоаналитиков на предмет выявления сексуальных комплексов их авторов. Впрочем, выражение "философская система" внутренне противоречиво. Система — это уже рационализирование, это та "разгадка", до которой не следует доходить, оставаясь в рамках философии. Поэтому особенно чувствительные до сути философы поднимали бунт против "систем". И не случайно Ницше творил свою философию в ином пространстве — пространстве поэтическом.

Но, в отличии от философии, поэзии предаются в равной степени и мужчины, и женщины. Философия слишком по-мужски двигается к своей цели. Поэзию влечёт сам процесс сближения. Философия добивается тайны. Поэзия тайной любуется. Философия познаёт. Поэзия наслаждается. И философия, и поэзия — это тяга к тайне. Но метод философии — раскрытие

тайны, метод поэзии — сокрытие тайны. Философия, раскрывая тайну, надеется, что обнаружит не разгадку, а ещё более глубокую и манящую тайну. Поэзия, скрывая тайну, хочет не забыть о ней, а постоянно любоваться ею и демонстрировать её. Поэзия — это женское начало философии. Философия — это мужское начало поэзии. В их соитии — непередаваемые глубина и очарование чувства и мысли. Так зачинается истина и красота, слитые воедино до тождественности, как это было до рождения Мира — в изначальном Хаосе.

1994

ТОТ, КТО УМЕЛ ПРИДУМЫВАТЬ СЮЖЕТЫ, УМЕР

микроэссе

В ночи раздаётся лай собаки.

В окнах домов всё не гаснет свет.

Сегодня узнал, что в мире не стало ещё одного человека. Странно: я остался последним, кто знает о нём нечто, чего не знают другие. Что с этим будет, когда уйду и я? Что такое остающийся след? Случайность? Судьба? Есть ли смысл в остающемся? Или смысла нет?

Сёрен Кьеркегор умер в 42 года. Почему-то его называют мистиком. Странно. Ю.Н., наверное, придумал бы на эту тему удивительный сюжет. У меня это не получается. Я только всё думаю: неужели и впрямь нельзя обойтись без Бога? Печально. Но что толку размышлять о том, во что не веришь? А во что верить? Вера даёт силы? Жить? Писать? Значит ли это, что у самого человека никаких сил нет? Очень печально. Я пишу по настроению. А сейчас настроения нет. Всё, что я напишу сегодня, не будет интересно. Собака затихла. Деревом что ли стать? Тихим и спокойным. Недвижимым, тихо растущим и одеревеневшим.

9 июля 1994

1995

ДОРОГА И ПУТНИК

микрорассказ

В этот раз он очнулся дорогой, бегущей сквозь свет и тень, вздрагивающей на поворотах, идущей из ниоткуда и уходящей в никуда. Он был тем, кто двигался по дороге. Он был самим движением. И он был самой дорогой. Можно стоять на месте или бежать изо всех сил — это ничего не меняло. Он всё равно оставался внутри себя самого. Это подобно воспоминанию, когда, путешествуя, проходишь от одной картины к другой, но и тот, кто проходит, и сами картины, и само путешествие — всё это одно сознание.

Он не знал, сколько времени будет существовать эта дорога, которой он стал. Исчезнет через мгновение или покроется пылью веков? Да и что это значит — время? Он мог оценить его по тому расстоянию, которое прошёл по дороге. Но какой в этом смысл, если он сам был дорогой, если он сам был движением?

Дорога проходила сквозь чтото. Но что это было, он не мог определить. Путник на дороге вроде бы что-то видел. Движение вроде бы изменяло то, что вокруг. Было ли это частью его самого? Было ли это чем-то иным? Он догадывался, что может чувствовать только самого себя и иного для него не существует. Но ощущение не исчезало — похожее на фантомную боль в ампутированной ноге. Ощущение того, чего нет.

Это ощущение его беспокоило. Весь ли он тут? Или какая-то часть утеряна? Достаточно ли он целостен: как путник? как движение? как дорога? Он был готов пожертвовать частью себя. Но какой частью? Одно дело — что-то второстепенное, несущественное, о наличии чего не всегда и помнишь, — какой-то поворот, угол наклона, твёрдость грунта вот в этом месте. Другое дело — что-то важное, без чего он перестаёт быть самим собой. Но как узнать это? Как узнать то, чего нет? Он мог дать волю воображению, но удерживал себя. Ему было важно знать, что он такое на самом деле. Он подозревал, что

его представление о самом себе может слишком сильно отличаться от реальности.

Путник на дороге вздохнул. Что это такое — реальность? Он вспомнил, как был лесом и одновременно деревом, растущим в лесу. Рекой и рыбой, плывущей в реке. Небом и облаком в небе. Единственное, чего он не мог вспомнить, — чем он был в промежутках? Чем он был, когда его не было? Может быть, это и была реальность? А само его существование в форме леса, реки, неба или дороги — иллюзия?

Не было ли иллюзией и то первичное состояние, которое кажется ему настоящим, и в которое он хочет вернуться? Что, если все эти состояния — лишь случайные сочетания чего-то невидимого и даже несуществующего, подобные игре световых бликов на песке дороги? Да и были ли эти состояния? Может ли он наверняка утверждать, что что-то было, если само время — только гипотеза? Может быть, все эти состояния существуют одновременно или, точнее, одинаково вне времени? Может быть, существуют только дорога, путник и движение, а лес, река и небо — только как их воспоминания? Воспоминание того, чего не было. Может быть, это вовсе и не воспоминания, а просто случайные всплески в его сознании? Может быть, и сам он — случайный всплеск? Ведь то, что он существует, — лишь его собственная гипотеза. И тот, кто думает сейчас о том, есть он или его нет, тоже — случайный всплеск?

Он остановился и заставил себя не думать об этом. Он вспомнил, что думал так уже много раз. В конце концов, он ничего не теряет: если ничего нет, его план не удастся, но ничего и не изменится. Он ещё раз станет чем-то. Чем-то другим, но точно также несуществующим. И, может быть, повторит попытку выйти из круга. И ещё раз, и ещё раз...

Путник завернул за угол и начал спускаться вниз по склону холма. Холма? Откуда здесь взялся холм? Тот, кто был дорогой, почувствовал радостное возбуждение и как бы дрожь во всём теле. Теле? У него есть тело? Он заставил себя забыть об этом, забыть обо всём, забыть о себе самом. Он растворялся в дороге, сливался с нею и медленно, но настойчиво гасил сознание...

Путник споткнулся о корень дерева. Тот, кто был движением, ощутил удар. Он воспринял его всем своим существом, он сам стал ударом. Он повторил удар и ему понравилось это. Он захотел размножить его в тысячи ударов, варьируя амплитуду, частоту, направление, соединить их плавными переходами. Но тут его ударило что-то изнутри, какое-то смутное ощущение, что-то тревожное выросло в нём. Он остановился и мысль оформилась: он чуть было всё не испортил. Он сыграл сам себе похоронный марш и заставил себя умереть...

Путник поднялся с земли и отряхнул песок с брюк. Дорога спускалась вниз среди жёлтых полей к ярко блестевшей на солнце синей змейке реки. Путник ускорил шаг и почувствовал ветер на своём лице. Позади оставался лес, вверху в летнем небе плыло белое облако.

Подходя к реке, путник подумал вдруг: "Что это? Я возвращаюсь? Кто я?" Дорога поворачивала вдоль реки. Путник сошёл с дороги и остановился на зелёной траве у самого берега. В его сознании мелькнула странная мысль: "Не забуду ли я то, что было? Или — то, чего не было? Кажется, это я не предусмотрел". Раздался всплеск воды — рыба играла в реке у прибрежных кустов. На том берегу появился человек, спустился к воде и стал отвязывать лодку. Путник забыл свою странную мысль, он заслонился ладонью от солнца и смотрел, как лодочник перегоняет лодку, чтобы перевезти его через реку.

1995

ДРУГАЯ ЛОЖЬ

микрорассказ

Было мне откровение. Бог сказал: "Не соблазняйся верой в Меня. Ибо Бог, в которого веруют, не есть истинный Бог. Это подобно туману, за которым не видна даль. Но и когда туман рассеется, даль не видна. Подумай над этими словами, ибо эти слова тоже — ложь. Подумай над тем, кто разговаривает с тобой. Разговаривает ли кто-нибудь с тобой?"

Было раннее утро. Была роса на траве. Были мокрые ботинки. Было дерево. Была весна. Была река.

Потом мы случайно встречались в метро. Старые друзья умирали. Глядя в глаза женщины, я догадывался о неединственности мира.

Проблема в том, существует ли время? Потому что если время существует — то всё напрасно. А если время не существует — то ничего не существует.

Она стояла на берегу реки, опустив верх купальника и глядя на меня сверху вниз. Её маленькие груди были неприлично высоко над землёй. Нужно, чтобы она опустилась и легла на землю. Тогда будет правильно. Примятая трава со временем расправится. Так что вполне можно считать, что ничего не было. Но почему-то существует память, и это останется во веки веков. Как подумаешь, из чего складывается время мира, становится не по себе. Её маленькие груди над приспущенным купальником будут теперь бесконечно цитироваться, как строки священного писания.

Я написал заключительный раздел для программы моей партии. Много людей прочтёт эти слова. Предполагается, что они окажут влияние на судьбы России и всего человечества. Было бы истиннее, если бы человечество увидело откровение её маленьких грудей высоко над землёй. Но это совсем неприлично.

По этому поводу душа моего друга, улетая в жёлто-оранжевое сияние, сказала мне: "Не бойся! Всё будет хорошо".. Чего мне бояться? Что будет хорошо? Может быть, это было сказано про вред курения? Или душа моего друга имела в виду общую неустроенность Вселенной?

Нужно было спросить об этом несколькими годами раньше, когда мы так часто пили чай в московской квартире моего друга в окружении книг, рукописей и табачного дыма. Но тогда мой друг был жив, а сейчас мёртв, и есть ли логика в этом безумстве времени?

Это очень просто: поехать на метро, потом на автобусе, немного пешком, подняться на лифте, нажать кнопку звонка — и я окажусь в квартире моего друга. Совершенно невероятно, что может существовать то, что навеки утонуло в оранжево-жёлтых водах времени. Поэтому никто никогда так не делает.

"Разговор с другом" — так называется картина, на которой изображено журчание ручья у подножия скал в горах Южного Урала. Вот, вот! Кто разговаривает с тобой? Разговаривает ли кто-нибудь с тобой?

Я придумал сон. Мы с моим другом плывём вниз по реке. Бросив вёсла, отдаём лодку на волю течения. А сами обсуждаем проблему времени в свете вопроса "Будет ли всё хорошо?". По берегу растут густые кусты, за которыми не видны женщины с обнажённой грудью. Ряды женщин, бесконечные поколения женщин.

"Пауза. Аспирин" — как писал в таких случаях Василий Аксёнов.

Наверное, мне лучше уйти. Тогда у берега будет клубиться белый туман. Она спокойно снимет купальник и войдёт в тёплую, мягкую воду. Бояться нечего — белый туман скроет её от нескромных взоров. Но и когда туман рассеется, я ничего не увижу.

Если бы всегда всё было так поэтично, дети не рождались бы, люди поумирали один за другим, и над зелёными лесами Земли ветер летящий был свеж и чист.

"Это уже не интересно, старичок!" — говорит мой друг.

Ладно! Тогда пусть по дальнему берегу скачут воины на конях. Они поймают её и изнасилуют.

"Само по себе это ничего не значит, — говорит мой друг. — Нужен необычный сюжетный ход".

Тут я вспоминаю, что тот, кто придумывал необычные сюжеты, тоже умер.

Можно не соблазнять и не соблазняться. Можно просто посмотреть в её глаза и догадаться о неединственности мира. Но тогда это будет совсем другая ложь. И мне ли её рассказывать?

1995

ПЕСНЯ СБОРА БЕЛЫХ ГРИБОВ В ДЕРЕВНЕ ЛИПОВКА В АВГУСТЕ МЕСЯЦЕ НОНЕШНИМ ЛЕТОМ

песня сбора грибов

В нашем большом лесу много белых грибов. И вдоль Бауковой канавы, и вдоль Петуховой канавы, и в других местах. Вот идёт мадам Петухова вдоль своей канавы и собирает белые грибы. Она как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт. Дальше идёт, опять видит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт. Вот так ходит мадам Петухова и собирает белые грибы. И Баук тоже ходит, и тоже собирает белые грибы. Он как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт. Только мадам Петухова ходит вдоль своей, Петуховой, канавы, а Баук ходит вдоль своей, Бауковой, канавы. Баукова канава называется Бауковой, потому что летошным годом мы там Баука один раз встретили. А Петухова канава называется Петуховой, потому что нонешним летом мы там два раза мадам Петухову встречали. Мы как мадам Петухову встретим в лесу, так друг другу "Доброе утро" говорим, или "Добрый вечер". А потом мадам Петухова дальше идёт вдоль своей канавы и собирает белые грибы. Вот увидит гриб, присядет и ножиком его срезает и в корзинку кладёт. И дальше идёт. А как Баука встретим в лесу, так он нам громко кричит "Здорово!" и мы отвечаем. А потом Баук дальше идёт и собирает белые грибы. Увидит гриб, наклонится и ножиком его срезает и в корзинку кладёт.

Мадам Петухова собирает белые грибы, и Баук тоже собирает. А грибы всё растут и растут. К тому же мадам Петухова не все белые грибы собирает, а только те, которые видит. Она как увидит гриб, так ножиком его срезает и в корзинку кладёт. Бывало идёшь вдоль Петуховой канавы и видишь будто не мадам Петухова там прошла, а какое-то странное существо. Такие это существо белые следы оставило. Не как у зайца следы — два кружочка спереди, ещё один кружочек, потом ещё один. И не как у лисы, не как у волка. Не так, как кабаны топчутся. И не как лось проходит. А такие следы, будто существо это танцевало какой-то странный танец, да ещё и напевало песенку. Это так срезанные ножки белых грибов в земле торчат. Вот так ходит мадам Петухова вдоль своей канавы и белые грибы собирает. И Баук тоже ходит вдоль своей канавы и тоже белые грибы собирает. Он их ножиком срезает и в корзинку кладёт. Поэтому вдоль Бауковой канавы тоже странное существо танцевало и песенку напевало. Может быть, даже это одно существо танцевало

и пело — то вдоль Петуховой канавы, то вдоль Бауковой канавы. Потому что следы похожие оставило. Вот так ходит мадам Петухова вдоль Петуховой канавы и белые грибы собирает. И Баук тоже ходит, но перпендикулярно, потому что так канавы расположены. Поэтому они и не встречаются никогда: мадам Петухова вдоль своей канавы ходит, а Баук вдоль своей канавы ходит. А интересно, что в деревне Бауковый дом рядом с Петуховым домом стоит, значит мадам Петухова и Баук соседями оказываются. Только Баук в своём доме круглый год живёт, а мадам Петухова только летом приезжает — как на дачу. А в лесу мадам Петухова и Баук перпендикулярно ходят, потому что каждый вдоль своей канавы белые грибы собирает. Как увидит белый гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт. А Баука потому Бауком называют, что он с детства как паук руками размахивает. Пауком человека нехорошо называть, поэтому его Бауком называют. А мадам Петухову мы так называем, потому что у неё фамилия Петухова, а сама она из Москвы и в деревню приезжает со своим семейством: и с мужем, и с дочками.

Вот так ходит мадам Петухова вдоль своей канавы, белые грибы собирает и думает. Она потом придёт домой, грибы замаринует и в стеклянную банку закатает. И Баук тоже ходит и думает. А потом принесёт грибы домой и его Валечка, которая жена Баукова, положит грибы в деревянную бочку — солиться. Баук нальёт в стакашек водки, подцепит на вилку солёный белый гриб, а потом стакашек опрокинет и грибом закусит. И мадам Петухова тоже может налить в рюмку водочки, на вилку маринованный белый гриб нацепить, а потом рюмку выпить и грибом закусить. Только у мадам Петуховой так смачно, как у Баука, не получается. Потому что Баук очень просто стакашек опрокидывает, гриб схрумкивает и идёт себе по деревне. А мадам Петухова любит, чтобы была белая скатерть, и ещё подходящее освещение, и ещё соответствующая музыка, и ещё приятная компания, и ещё нужное настроение. Тогда она рюмочкой чокнется, водку выпьет и грибом закусит. А у Баука такой церемонии не получается, потому что Баук выпить любит и не может ждать, пока всё это вместе соединится: и скатерть, и освещение, и музыка, и компания. А настроение у него всегда есть. Он стакашек опрокидывает, гриб схрумкивает и идёт себе по деревне. А у мадам Петуховой так смачно не получается. А у Баука так церемонно не получается.

И вот идёт мадам Петухова вдоль своей канавы и белые грибы собирает. Она как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт. И дальше идёт. И Баук тоже идёт вдоль своей канавы и тоже белые грибы собирает. Как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт. И дальше идёт. Вот так они идут и белые грибы собирают — которые видят. А которые не видят — те уже мы идём и собираем. Как увидим гриб, ножиком его срезаем и в корзинку кладём. И дальше идём. А потом уже другие люди идут и тоже белые грибы

собирают. А грибы всё растут и растут. На другой день мадам Петухова опять идёт вдоль своей канавы и белые грибы собирает. Она как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт. И Баук опять идёт, но перпендикулярно. Он как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт. А уже потом мы идём, а потом другие люди идут. А ещё есть ровная просека, покрытая светлым мхом, которая "Бродвей" называется, потому что по ней все обязательно проходят и белые грибы собирают. Как увидят белый гриб, ножиком его срезают и в корзинку кладут. Поэтому земля там утрамбованной стала — как дорога. А грибы всё растут и растут. И мадам Петухова заглядывает, от своей канавы отлучаясь. И Баук проходит, со своей канавы домой возвращаясь. Мы тоже любим гулять по "Бродвею" и белые грибы собирать. Грибы всё растут и растут, только большими вырасти уже не успевают, потому что все их ножиками срезают и в корзинки кладут. Поэтому на "Бродвее" грибы маленькие, кругленькие как лосиные катышки по светлому мху раскиданы. Зато рядом с Петуховой канавой, ежели у самых сосен, да под хвоей и ветками, большие могут вырасти, а то и целое семейство по пять, семь, а то и двенадцать грибов из одного корня. И у Бауковой канавы, если чуть в сторонке, найти можно белый гриб на полкорзинки.

Вот так ходит мадам Петухова вдоль своей канавы и белые грибы собирает. Она как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт. И дальше идёт. И Баук тоже ходит вдоль своей канавы и белые грибы собирает. Как увидит гриб, ножиком его срезает и в корзинку кладёт. И дальше идёт, но перпендикулярно. И мы тоже идём и белые грибы собираем. А солнечные лучи пролетают вдоль сосновых рядов и на землю ложатся: и на белый мох, и на зелёный мох, и на красный мох. А грибы всё растут и растут. Если кто увидит белый гриб, он его ножиком срезает и в корзинку кладёт.

1995

КАКОГО ХРЕНА!

рассказ

В пустынях Израиля, возвращаясь домой из радиоэлектронной мастерской, где он работает, Лёва Файбисович останавливает машину и, выходя на обочину, шпыняет ногой подвернувшийся камень. Камень летит, рассыпаясь в песок. В пространство библейских холмов, плавящихся под слишком ярким солнцем, говорит Лёва Файбисович: "*Какого хрена*!". Он продолжает говорить по-русски, постепенно примешивая слова иврита. Заканчивая чем-то ветхозаветным и ещё раз матюгнувшись, садится за руль и едет домой.

Дома, вернувшись со своей программистской службы, Вера Черемшинова лежит на диване и читает женский роман про любовь. "*Какого хрена*!" — говорит Вера, переворачиваясь на другой бок. Она имеет в виду, что Лёва задерживается, но думает при этом о сыне Боре. Который не захотел учиться в Иерусалимском университете на фельдшера и отправился в Россию учиться на хирурга. Побывав по дороге в Германии, которая ему понравилась. Но в которой оказалось невозможным устроиться барменом, чтобы подзаработать денег. На хрена он выучился на бармена? — там в России ему ничего не светит, и в институт он не поступит.

"*Какого хрена*?" — думает в это время Боря, глядя с верхней полки плацкартного вагона в окно. На великую русско-татарскую реку Волга-Идель, по мосту через которую поезд проходит. Нужно навестить деда, который со своей новой женой наслаждается в Казани старостью и старческими болезнями и прихотями. Поезд проходит мимо острова, на котором стоит памятник героям Ивана Грозного, бравшим Казань. И въезжает в столицу ныне суверенного Татарстана.

А в это время в обратном направлении выползает пассажирский состав, в общем вагоне которого, забившись в угол лавки, сидит поэтесса Фатима Байрамова. За свою жизнь она побывала дочкой известного татарского писателя, студенткой Казанского мехмата и Московского Литинститута, неудачной женой — дважды, программисткой в научном институте, членом союза писателей и автором поэтической книжки, вроде бы гонимой КГБ при помощи специального излучения крайне вредоносного действия. А также матерью свихнувшейся дочери и потомком Чингис-хана. И остановилась на поприще православной нищенки и побирушки в храмах. Приняв крещение то ли в пику отцу, то ли вообще в пику всему на свете. Она едет в Москву, чтобы

вызволить дочь из психушки и устроить скандал в общежитии литинститута. Откуда два года назад охранники-омоновцы выгнали её с дочерью и конфисковали картины. Которые она на время выпросила у друзей и развесила по стенам комнаты, устроив что-то вроде выставки. Ещё ей хочется навестить двоюродного брата, который не пустит её в дом. И своих друзей-художников, которым она тоже надоела, и которые злы на неё за исчезнувшие картины. Но которые, скорее всего, сжалятся и оставят переночевать. Она будет ходить по церквям и присутственным местам, называя себя и дочь представителями общества "Казанская сирота". В котором, кроме них двоих, никого нет. Она будет ходить с жестяной банкой для сбора подаяния. Священникам она будет объяснять христианские заповеди о помощи страждущим. Государственным чиновникам — что-то о социальной защите и правах человека. Богатым людям — о милосердии и спонсорстве. Выслушивая её, все они будут думать : "*Какого хрена*!".

А в это время Вера Черемшинова выслушивает Лёву Файбисовича. Который говорит о Вадике Беровиче. О котором он раньше даже не слышал. И который теперь тоже работает в радиоэлектронной мастерской. Который родом из Днепропетровска, города в ныне суверенной Украине. И по этой причине прекрасно знает Эдика Живоглотова из штата Юта. Который тоже из Днепропетровска. И от которого есть последние новости. Потом эти новости передадут в Москву Артёму Гардонову и Дание Раулевой. У которых перед своим отъездом из СССР жил около месяца Эдик Живоглотов. Пока хозяева двигались по горам из Кабардино-Балкарии в тогда ещё не суверенную Грузию через перевал Гезе-Вцек. Эдик Живоглотов жил там со своим сыном от первой жены и выгуливал хозяйскую собаку. Которую не взяли на Кавказ, потому что по государственным туристическим маршрутам Советского Союза собакам ходить не разрешалось. А сам Эдик Живоглотов не взял с собой в Америку своего сына от первой жены, потому что тот был не вполне нормальным. А вылечить его за месяц методом интенсивного общения с отцом не получилось. Эдик Живоглотов уехал из СССР под видом еврея, хотя еврейкой — и то наполовину — была только его вторая жена и, с большой натяжкой, четверо их маленьких детей.

Новость, которую Вадик Берович сообщил Лёве Файбисовичу в радиоэлектронной мастерской, заключалась в том, что. Эдик Живоглотов преподаёт программирование в университете штата Юта, терпеть не может мормонов, и ругает капитализм, утверждая, что. "Даже самый плохой коммунист лучше самого хорошего капиталиста". Возвращаясь из университета домой, он встречает толпу орущих детей. Которые ходят полуголыми согласно климату и оригинальным медицинским теориям Эдика Живоглотова. И несколько гитар, барабанов и синтезаторов, которые только в

Америке удалось купить. Чтобы играть оригинальную музыку Эдика Живоглотова. И на которых ему всё равно играть некогда из-за университетских занятий и общей гнусности капиталистического общества. И, особенно, мормонского штата Юта. Вот почему первое, что говорит Эдик Живоглотов, входя в дом:"*Какого хрена*!". Потом пытается говорить с детьми по-английски в образовательных целях и снова переходит на русский. В виду крайней невыразительности английского языка. И, особенно, его дерьмового американско-мормонского диалекта.

А Фатима Байрамова, приехав в Москву, таки останавливается у Артёма Гардонова и Дании Раулевой по причине слишком долгой истории жизни. Начавшейся на механико-математическом факультете Казанского университета. Где учились вместе Фатима, Дания и Вера Черемшинова. Откуда Дания после первого курса сбежала, заявив, что. "Там все слишком умные!", и поступила в Московский Институт Стали и Сплавов. Где она изучала стали и сплавы в одной группе с Лёвой Файбисовичем. Приехавшим из города Каралаш тогда ещё не суверенной Молдавии. Дед Лёвы Файбисовича владел окрестными виноградниками, а дед Дании Раулевой, будучи муллой, держал большую пасеку. Но это всё было слишком давно и не имеет отношения к последующему. Разве только, что в одно лето Лёва Файбисович, Дания и первая жена Эдика Живоглотова упились молдавским вином. Побывав в деревне по рекомендации Лёвиного отца и не сумев отказаться от приглашений во все дома, мимо которых они проходили.

"*Какого хрена*!" — думает Артём Гардонов, разливая чай себе, Дание и Фатиме, и вспоминая всё это. А особенно — историю своей женитьбы на Дание. Которая началась 23 февраля, в день Советской Армии и Военно-морского Флота. Когда Лёва Файбисович, снимавший комнату в той же коммуналке на Бакунинской улице, в которой жил Артём. Собрал у себя всю студенческую группу Института Стали и Сплавов. Когда Артём, заглянувший к Лёве перекурить ещё до начала вечеринки, застал у него Данию. Сидевшую нога на ногу, курившую сигарету и смотревшую на Артёма весело и нагло. Убежав в Московский Государственный Университет, где он учился на мехмате. И отчитав свой доклад на семинаре по математической логике. Артём вернулся, когда вечеринка была в самом разгаре. И пил вино, и долго беседовал с какой-то дочкой какого-то академика, и с кем-то ещё танцевал. И только, когда все разошлись, пошёл вместе с Лёвой Файбисовичем провожать Данию. Которая была в белом вязаном платке. И коротком сером в "ёлочку" пальто. И жила в конце Бакунинской улицы у знакомой старушки.

"*Какого хрена*!" — думает Лёва Файбисович, когда едет на работу в радиоэлектронную мастерскую по пустыням Израиля мимо библейских холмов. И вспоминает, как Дания, которую он познакомил с её будущим

мужем Артёмом, познакомила его с его будущей женой Верой. Что и привело к многолетней жилищной эпопее поиска места для семейного очага. Которое так и не нашлось для них на просторах России. В результате чего они построили его в земле обетованной.

"*Какого хрена*!" — думает Эдик Живоглотов, заканчивая лекцию по программированию в университете штата Юта. И вспоминая, как он работал вместе с Артёмом в институте Академии Наук СССР. Откуда его выгнали за пренебрежение к программированию. И чрезмерное увлечение оригинальной музыкой и оригинальными медицинскими теориями. Хотя ничего диссидентского из этого не получилось, и гонений от КГБ не случилось. По причине общей КГБ-эшной расслабленности в раннеперестроечные годы.

"*Какого хрена*!" — думает Дания Раулева, ссужая Фатиму Байрамову деньгами на обратную дорогу. И вспоминая, как проработала шестнадцать лет на заводе "Флаг Революции". А потом в творческой организации поэтов, литераторов и художников, скурвившейся на спекуляциях товарами широкого потребления. А потом в частной фирме, развалившейся уже даже и не важно по какой причине.

"*Какого хрена*!" — думает Вера Черемшинова, зашвыривая в угол комнаты дома обетованного. За который ещё двадцать лет предстоит выплачивать ссуду. Цветистый томик женского романа про любовь.

"*Какого хрена*!" — весело думает Боря Файбисович. Скрывающийся от израильской армии в России, и от российской армии — в израильском подданстве.

"*Какого хрена*!" — философски думает Вадик Берович. Имея в виду спираль жизни, раскрутившуюся до чёрт знает чего. В результате чего. Эдик Живоглотов в штате Юта. А Вадик Берович в Израиле. А Днепропетровск в ныне суверенной Украине.

И если бы Фатима Байрамова не была наполовину потомком Чингис-хана, а наполовину основательницей "Казанской сироты", она бы тоже подумала: "*Какого хрена*!".

1995

СТРАНИЦЫ ИЗ "КНИГИ АКВАРЕЛЕЙ"

15 микроэссе

У меня есть акварели — как бы иллюстрации к этим текстам, но я их сюда не помещаю, поскольку они могут быть такими, могут быть другими, это не важно.

1. Хронология

Когда я начинал рисовать, я все картины нумеровал. Где-то на третьей сотне я сбился и перестал это делать. А зря! Сейчас мне кажется, что последовательность рождения картин может быть интереснее самих картин.

2. Циклы

Картины, которые рисуются одна за другой, обычно чем-то схожи между собой. Но среди них попадаются удачные и неудачные. Потом, чтобы показывать людям, пытаешься составлять циклы из удачных картин, написанных в разное время. Получается вроде бы хорошо, но как будто чего-то не хватает. Если бы я не боялся показывать свои неудачные картины, я бы оставлял те циклы, которые возникают сами собой. Мне даже кажется, что неудачные картины особенно нужны в таких циклах. Но людям почему-то хочется смотреть только хорошие картины.

3. Рисование дерева

Когда кисть движется по бумаге, рука может дрогнуть, или клякса упадёт, или бумага окажется слишком влажной и краска расплывётся. Но если рисуешь дерево, это всё не важно. Ветвь может пойти и в эту сторону, и в другую. Ствол может быть прямым или изогнутым. Из кляксы можно сделать мох, или дупло. Всё равно люди поймут, что это дерево.

На самом деле в природе деревья попадаются гораздо более странные, чем в картинах. Китайцы говорят, что у дерева нет постоянной формы. Также как у камней и облаков.

Тем не менее, в картине дерево получается или не получается. От чего это зависит? Всё дело в том, есть ли чувство дерева, когда рисуешь дерево. Можно чувствовать влажность и мягкость дерева, или, наоборот, твёрдость и сухость его. Дерево может ощущаться живым и нежным, или, наоборот, высохшим и мёртвым. Можно чувствовать как оно растёт, как на нём раскрываются почки

или, наоборот, опадают последние листья. Сколько деревьев — столько и чувств, и нет двух одинаковых.

Дерево не получается тогда, когда его рисуют вовсе без чувства. А как у него пойдёт ствол, куда изогнутся ветви, много или мало и какого цвета получатся листья — это всё не важно.

4. Рисование водой

Обычно считается, что рисуют красками. Но в акварели едва ли не правильнее сказать, что рисуют водой. Можно даже не пользоваться кистью, только сначала нанести на мокрую бумагу несколько цветных пятен. Вода сама нарисует картину. Бумага прилипает к дощечке или картонке, наклоняй её то в одну сторону, то в другую, и смотри, что получается. Но лучше всего положить картонку как-нибудь неровно или поставить наклонно и уйти в другую комнату. Когда не вмешиваешься — получается неожиданнее.

Это может быть туман над лугом. Или старые скалы, изъеденные ветрами и дождями. Или удивительные краски заката. Или словно дым окутывает деревья. Или видно, как ветер летит над землёй. Или падает дождь.

Разве сам нарисуешь так?

5. Рисование света

В некоторых картинах главное — это свет. Его нельзя нарисовать красками. Свет — это как раз отсутствие краски. Это когда сквозь фон картины проступает белизна бумаги. Хотя свет может оказаться и не белым, если краски картины насыщенны и разнообразны.

Я не знаю, как получается свет, это выходит всегда непроизвольно. Не достаточно просто оставить пустое место, так может получиться туман, или вода, или небо, или что-то абстрактное, но не свет. Свет возникает на самых ранних этапах создания картины, когда пишется её фон. Ещё до того, как кисть впервые коснулась бумаги, уже есть свет. В это абстрактном, слишком общем, идеальном свете нужно разглядеть тот реальный свет, который рождается вместе с рождением мира картины. Потом, когда свет уже появился, нужно только подчеркнуть его: нарисовать дерево или фигуру человека, идущего в свет. Собственно, вся картина возникает вокруг случайно рождённого в ней света.

На китайских картинах свет скрыт и рассеян в пространстве, а в европейских акварелях свет сопровождается тенью. Я же имею в виду свет как таковой —

свечение. От этого картина получается современной, но в то же время — как бы вне времени. Как реликтовое излучение.

6. Акварельная стена

Дома законченную картину я вешаю на стену над своим столом. Я приклепляю бумагу булавками к обоям — это самый простой способ. Правда, со временем обои портятся: они все в мелких разрывах и дырочках от булавок — и приходится уже нарочно закрывать их картинами. Так получается целая акварельная стена. Когда места уже не хватает, я снимаю старые картины и вешаю новый цикл. Но некоторые акварели висят дольше, мне не хочется расставаться с ними. Иногда, перебирая старые папки и коробки с картинами, я натыкаюсь на какую-нибудь акварель, написанную несколько лет назад, и о существовании которой я уже забыл. Тогда я её тоже вешаю на стену, чтобы она пожила ещё раз

Я сажусь в кресло и смотрю на акварельную стену. Можно путешествовать от картины к картине, находить в них общее, или отличия. Замечать, что сделано лучше, а что не очень-то получилось. Картины висят тесно, без паспарту — только узкие полоски обоев отделяют их друг от друга. Жаль, что такого рода композиции не принято устраивать на выставках. Там каждая акварель закрывается стеклом, ограничивается рамой. Работы висят отдельно друг от друга и ощущение единого мира не возникает. Такая механическая аккуратность развески, может быть, и создаёт респектабельность выставки, и выделяет каждую картину, но, по-моему, убивает всё живое.

7. Оборотная сторона картины

Чтобы нарисовать картину, я кладу мокрый лист бумаги на кусок оргалита. На нём остаются старые пятна краски, они размываются водой и обратная сторона бумаги пачкается. Один человек заметил это и сказал: "Посмотри, какая красивая картина получилась на обороте! Какие краски, какой рисунок..." На лицевую сторону он не обратил особого внимания.

Я подумал, что это замечание человека с очень тонким вкусом. Хотя, конечно, обидно, что моя акварель лишена этой бессознательной красоты. Но получилась бы обратная сторона, если бы я не пытался на лицевой стороне написать картину?

8. Рисование Луны

Казалось бы, Луна в полнолуние — идеальный круг. Но попробуйте нарисовать её с помощью циркуля — получится наклейка вроде торгового знака. Луне

требуется дрожание руки. Часто самая лучшая Луна на картине вообще неправильной формы. Существует тридцать тысяч разных Лун, и каждая Луна — неповторима — как неповторимы лунные месяцы.

9. Рисование палочкой

Иногда кисть кажется слишком мягкой и женственной. Берёшь деревянную палочку с неровно обломанным концом и рисуешь ею. Наверное, это мошенничество — вроде переводной картинки или рисования под копирку. Ведь палочка сама рисует свою угловатость, твёрдость и сухость — где же тут мастерство художника? Но искусство вообще есть мошенничество. Без этого есть только прилежание и аккуратность с высунутым от напряжения кончиком языка.

10. Имена картин

Картина рождается безымянной, а потом ей даётся название. Это не такое простое дело. Самое главное: название не должно испортить картину. Но оно необходимо. Это подобно подбору рамы или оформлению свитка. Название придаёт картине направление движения, но оно не должно её ограничивать. Картина всегда не закончена, и название должно эту незаконченность сохранить. Название само должно быть недоговорённым. Написать просто "Без названия" — слишком простая уловка, это хуже, чем вообще ничего не написать.

Время от времени картина должна менять своё названия. Новое имя означает новый этап жизни. Когда подбирается цикл или создаётся композиция из картин, многие работы получают новые имена. Это как бы роли, которые они играют в новой пьесе. Можно дать название только самой пьесе, а персонажи просто перенумеровать — но порядок номеров тоже важен. Это подобно нумерации поколений в роду или детей в семье

Трудно сказать, откуда к картине приходит имя. Оно рождается в результате созерцания картины и в результате некоторого отвлечения от неё. Обычно имя фиксирует момент самого первого впечатления или момент забвения.

11. Пленэр

Этим иностранным словом называют самыймучительный способ рисования, когда солнце слепитглаза, листья деревьев отбрасывают дрожащие тени на бумагу, кисть вместе с краской подхватывает какой-то мусор, ветер переворачивает лист и он слипается сам с собой или улетает куда-то в траву, а

комары и мухи вызывают зуд далеко не творческий. Картина всегда получается плохая, особенно — когда смотришь и сравниваешь с оригиналом.

Зато потом, в городе, достаёшь из папки словно маленькие кусочки лета. Если их чуть подправить, слегка оформить и поставить подпись, получается совсем неплохо. Акварель с натуры всегда отличается от сделанной за рабочим столом. Она менее совершенна, менее закончена, часто страдает композиция, краски слишком натуральные. Но почему-то всегда из неё как бы исходит больше света — того самого солнечного, что мешал рисовать. Обычно считается, что с натуры делают эскизы, а настоящие картины пишут потом. Может быть, для масла это и так, но акварель не признаёт никакого "потом".

Рисование с натуры подобно древнему ритуалу, смысл которого наполовину забыт, цель не вполне понятна, но соблюдение — обязательно.

12. Чёткое и расплывчатое

Картина — не чертёж: много в ней должно быть расплывчатым, смутным и неясным. Это не обязательно туман по низинам или дымка вдали. И не то, чтобы даль туманна, а близь ясна, — может быть и наоборот. Ведь человеческий глаз так устроен, что одни предметы — в фокусе и чётко видны, а другие — не в фокусе и расплывчаты. Всё зависит от того, на что смотришь.

Хорошо делать чёткими деревья, камни, фигурки людей и крыши домов. Иногда картина так и рисуется: сначала по очень мокрой бумаге пишется фон, а потом, когда бумага высохнет, проводятся линии деревьев, штрихи камней и контуры человеческих фигур. Трава может быть фоном, а можно выписывать каждый стебелёк — и это значит, что трава — в фокусе. Скалы могут быть неясными, а отдельные камни внизу — чёткими и тщательно нарисованными, как камни в японском саду камней. Про деревья Ван Гай в "Слове о живописи из сада с горчичное зерно" сказал так: "И порой тёмной тушью выдели вершину дерева, будто журавль царит среди кур".

Наверное, дифференциация по чёткости и контрастности — один из видов перспективы. Но не физической, а психологической и эстетической. Здесь нет никаких математических законов — ведь глаз так движется, что в памяти остаются детали то близкие, то далёкие, одно дерево привлечёт внимание, а соседнее — нет, одну гору долго рассматриваешь, а другие — забываются.

13. Деревья в тумане

В тумане деревья плоские и прозрачные. Они светло-серые, светло-синие, светло-зелёные. Они подобны водорослям.

Сначала деревья рисуешь, а потом, когда краска подсохнет, покрываешь всю картину водой горизонтальными движениями большой кисти. Заранее невозможно рассчитать, где краска размоется, а где нет — ведь краска сохнет неравномерно. В этой непредсказуемости вся прелесть деревьев в тумане. Вода, которой картина размывается, создаёт свет, рассеянный в её пространстве, и белые полосы тумана.

Вода и свет — вообще почти одно и то же.

14. Рисование горы

Начинаешь с места чуть ниже вершины горы. Всё определяется тем, удастся ли почувствовать мощь и скорость горной вертикали движением кисти вниз. Предгорья не так критичны — в крайнем случае их можно заслонить кронами деревьев. Но иногда именно низ горы — самое главное. Это может быть полупрозрачность поднимающегося тумана. Это может быть стремительная дуга, соединяющая две горы. Это может быть тихое место с одним-двумя деревьями без листвы, мелкими чёткими камнями и пучком травы около камня побольше.

Как и дерево, гора не имеет постоянной формы. Ошибку совершить невозможно, если есть чувство горы. Интересно сравнить вершину сухого дерева и горный пик, вертикаль горы и вертикаль мёртвого ствола. Камень летит вниз, дерево падает вверх. Так же двигается кисть по бумаге. Но движение должно ещё передать в одном случае — каменистость, а в другом случае — древесность. Как тушь различает черноту камня и черноту горы? Как в пролёте сухой кисти простая бумага различает белизну камня и белизну древесной высохшей плоти? Чувство камня и чувство дерева — два разных чувства. Я не знаю, чем они отличаются. Эти чувства почти совпадают. Я не знаю, в чём их тождество.

15. Странник

Когда рисуешь странника, сам становишься странником.

И куда-то уходишь.

И не всегда возвращаешься.

1995

ОБЫДЕННЫЕ ВЕЩИ

эссе

Ветер и звук тяжелы для времени.

Чтобы остаться, нужно стать тенью цветной.

Неподвижной, потому что движение не существует, существует лишь время, которое само есть иллюзия во сне вечности.

Вечность же, чтобы быть вечностью, вынуждена лишить себя атрибута существования, как и всех прочих атрибутов.

Поэтому тени мерцают.

Эта пульсация вечности, хотя и иллюзорна, для вечности губительна. В саморазрушающейся вечности тени становятся единственной реальностью и, в конце концов, материализуются.

Так что, строго говоря, ничего, кроме самых обыкновенных вещей, нет. Однако, вступая в реальное существование, обыкновенные вещи перестают быть обыкновенными. Так возникает Великое, отбрасывающее тени.

Этот круг кажется кругом, потому что бытие воспринимается нами как сплошная плотность. В действительности, бытие крайне разрежённо. Можно тысячи лет идти и ничего не встретить. То, что кажется нам стоящим впритык или даже одно внутри другого, на самом деле разнесено и удалено. Находящееся между, не то чтобы не существует и поэтому мы его не видим, и не то чтобы мы его не видим, хотя оно существует. Скорее оно имеет совсем другую природу, так что бессмысленно спрашивать: существует? не существует? видим? не видим?

Вот почему трагедия — всего лишь недоразумение.

Трагедия — это клубок причин и следствий, средств и целей, желания и невозможности, реальности и миража. Но ничего этого нет, поэтому нет и клубка. Точнее, есть, но нити разбросаны на столь обширном пространстве, что тысячи лет они будут лететь, но даже не соприкоснутся, не то чтобы сплестись в клубок.

Жизнь или обыкновенна, или её нет. Искать смысл всё равно, что ожидать, что тысячи лучей (людей?), рождённых в разных концах Вселенной, когда-нибудь встретятся в одной сверкающей точке.

Впрочем, может быть, так и рождалась Вселенная.

Как практически невероятная теоретическая возможность.

И это же называют концом мира.

Конечность жизни дана нам не для наказания, а как подсказка. И всё равно трудно найти ответ. Его ищут в бесконечности, игнорируя подсказку или извращая её. Поэтому и не находят. А то, что находят, не является ответом, а в лучшем случае — другой формой всё того же вопроса.

И всё потому, что спрашивают о коралловых островках и не спрашивают о великом океане. Спрашивают о необычном, а существует только обыкновенное. Спрашивают о бесконечном, а загадка — в конечном.

Вообще, вопросы можно задавать только в плотном мире. Но там это было бы ни к чему, потому что ответ находился бы впритык к вопросу, или даже внутри него. В бесконечно разрежённом мире, каким наш мир и является, любые вопросы и любые ответы бесконечно бессмысленны. Смысл — это вообще другое название плотности. В бесконечно разрежённом мире нет смысла, а есть реальность обыкновенных вещей.

Мерцание — это из-за разрежённости, потому что любая вещь существует неустойчиво, и не исчезает только потому, что в исчезновении нет смысла. Что есть, что нет — всё едино.

Вещь — обыкновенна, она не является инобытием чего-то иного. Имеет ли человек другую природу?

Может быть, человек — это находящееся между? Это только гипотеза. Для её проверки следовало бы провести эксперимент с уничтожением всех людей и наблюдением, что из этого получится.

Но если останутся наблюдатели, эксперимент — не чист, а если наблюдателей не останется, эксперимент некому довести до конца. В этом суть человека. И бессмысленность экспериментов.

Вопрос об онтологическом статусе цветных теней на самом деле не важен. Не потому, что цветные тени в чём-то хуже (или лучше) ветра и звука, а потому что онтологический статус сам есть тень. Что есть, что нет — всё едино.

Если ты не принимаешь обыкновенность вещей, ты будешь повсюду искать заговоры и тайные общества. История — это реализация Программы, осуществление Замысла, борьба Сил. Твоя жизнь — это партия в таинственной Игре. Любовь — зомбирование. Познание — раскрытие Заговора. Вера — поклонение Великому Заговорщику.

Тот, кто принимает обыкновенность вещей, не говорит о чудесах, силе, беспорядках и духах. Поэтому он может распевать песни, подставив грудь ветру. Но таких людей мало.

На самом деле вопрос не в том, существует ли Заговор. Потому что, если Заговор существует, то это самая обыкновенная вещь и говорить тут не о чем. Только если Заговор не существует, возникает повод для размышления и дискуссии. Религия — это организационно оформленное отрицание Бога. Поэтому в ней находят утешение и те и другие.

И всё же главный вопрос не о Боге, а о плотности бытия. Если плотность столь велика, что некуда руку просунуть, то всё оказывается переплетённым в один клубок, и одно внутри другого. В конце концов, обнаруживаешь только самого себя, а весь мир — лишь оболочка, слой за слоем на обнажённом теле. Конечно, клубок — это трагедия, но всё же внутри довольно уютно и тепло. Это совсем иное ощущение, чем идти, распевая песни и подставив грудь ветру.

Людей, вещи и события можно воспринимать по-разному.

Если это оболочки, от которых пытаешься освободиться или в которые пытаешься зарыться поглубже, то начинаешь искать причины и следствия, сродство и отторжение, таинственные цели и тайные замыслы, истину и заблуждение. И никому и ничему нельзя доверять, хотя вопрос о доверии становится жизненно важным.

Если же проходишь сквозь это, как проходит нейтрино сквозь вещество без надежды на что-либо натолкнуться, то ничего уже не ищешь. А только пытаешься удержать в равновесии как можно более полное целое, хотя целостность, не знающая предпочтений, как раз и оказывается проблемой.

Идти по срединному пути обыкновенности почти невозможно. Хотя в обыденной жизни миллионы людей идут по этому пути, их чувства и мысли почти всегда сворачивают на узкие тропинки. Кажется даже, что тот, кто не сворачивает, просто не имеет ни чувств, ни мыслей. Что говорить о нём!

Однако все чудовища мира рождаются из яйца обыкновенности, но сами не оставляют потомства. Ведь тени не способны к совокуплению и вынашиванию плода, будь они хоть трижды цветными. Даже самый отпетый пьяница кажется пышущим здоровьем в сравнении с питающимся тенями.

Может даже показаться, что это тени питаются им, и потому он чахнет. Но на самом деле он просто не хочет жить. Ведь жизнь обыкновенна, или её нет.

Казалось бы, душа дана человеку для тонкого чувствования тела, а она всё норовит из него выпрыгнуть. Так разрушаются семьи, гибнут царства и распадается связь времён — из-за любви к теням и недоверии к обыкновенным людям, вещам и событиям.

От чашки с горячим чаем до пересохшего рта миллионы световых лет, и кажется чудом, что рука преодолевает это расстояние. Но никакого чуда нет, есть обыкновенность вещей, которая и есть единственное чудо. Глоток чая подобен поглощению миров. Чаепитие подобно рождению Вселенной. Что ещё нужно?

Плотность окружающих человека вещей.

Дерево подобно его душе.

Камень хранит тени ушедшего.

Металл болезненно твёрд и молод, но его блеск и звон отходят в прошлое.

Вода неизменна, но это уже природа.

В окружении старых вещей, как и в окружении старых книг, жизнь неподдельна.

В бесконечно разрежённом мире плотность окружающих человека вещей особенно чарующа.

Если очистить воздух от мусора, именуемого современностью, вновь ощутишь его прозрачность.

Существование настолько маловероятно, что любая вещь кажется чудом.

Но особенно чудесны плотные вещи, сбившие прошлое до осязаемой твёрдости настоящего: деревянный табурет со скрипом, гудящая в метель белая печь, поющий металлический чайник, чай свежезаваренный с ароматом волшебных стран. Слипание век в окружении этого не кажется кощунством. Сон продолжает реальность, а не отрицает её.

В большом мире человек неустойчив. Мир дробится на части, стремящиеся пожрать друг друга. Эту сложность иногда называют духовностью, но больше она похожа на груду мусора.

Понимание даётся большим количеством прочитанных книг, если обладаешь даром понимания. Но если обладаешь этим даром, то можно обойтись и без книг, потому что, даже если задаёшься вопросами, понимаешь необязательность ответов.

В сущности ничего не меняется, и разумный человек, учитывая опыт прошедших веков, не может испытывать ни малейшего сожаления и не может питать ни малейших надежд. Более того: совершенно неважно, так ли это на самом деле, потому что выражение «на самом деле» не имеет смысла. Прогресс нужен лишь для усиления наглядности этого факта, что, правда, не бесспорно.

Поскольку время, очевидно, не существует, человек проявляет такой интерес к воспоминаниям. Они кажутся чудесными и загадочными. Но спорить о том, что было, не имеет смысла, потому что ничего не было. Старые

вещи, хранящие тени ушедшего, особенно хорошо понимают это. Старые люди, обладающие даром понимания, никогда не спорят, но любят вспоминать и рассказывать.

Простой человек верит в рай и ад для успокоения жизни. Богослов выращивает червячка сомнения в змея-горыныча своей теологической системы. Мистик, пытаясь преодолеть этот дуализм, тонет в глубинах своей души.

В результате, Бог одинок.

Кэнко-хоси сказал: «При случае очаровать может всё что угодно». Эти слова выражают бесконечную разрежённость мира, в котором у каждой вещи её плотность слита с мимолётностью и прозрачностью её существования, которое столь маловероятно и потому чудесно.

Желание русской крестьянки попасть в рай, где на золотом холме утопает в цветущих садах деревенька, столь же элегично, как и объяснение смерти Тао Юань-мином: «Просто тело отдам, чтоб смешалось оно с горой».

Бог одинок.

Если бы плотные вещи исчезли, исчезли бы и их эманации: книги, картины, музыка, телевидение, компьютеры, парламенты, президенты, доменные печи, автомобили, почта и телеграф.

В плотном мире ничего этого и не возникло бы или, что то же самое, существовало извечно. В плотном мире ничего не возникает и не исчезает, или это происходит слишком часто — с частотой мерцания мира — и потому незаметно.

Но в нашем, бесконечно разрежённом, мире тени летят, не встречая сопротивления, и круги на воде не затухают долго.

То, что кажется плотностью мира, есть лишь плотность бесплотных теней, по-своему забавных, но лишённых грубой вещественности реального существования. В эти тени можно играть, но бороться с ними не нужно. «Одурманенный тенью» — так назову я забывшего, что такое деревянный табурет или чай свежезаваренный с ароматом волшебных стран.

Есть вещи, которые нельзя приносить в жертву, но это, как ни странно, самые обыденные вещи, и в первую очередь — люди. Даже если эти люди одурманены тенью.

Если выйдешь в утренний туман дороги, или на берег, и пар над водою клубится, или в луга, где роса прогревается солнцем всходящим, то в сияющей прозрачности природы увидишь, как удалено всё остальное. И разве нужны ещё какие-то доказательства бесконечной разрежённости мира?

Но то же самое ощущение удалённости всего остального возникает, когда сидишь на деревянном табурете со скрипом рядом с гудящей в метель белой печкой и пьёшь чай свежезаваренный с ароматом волшебных стран. Это значит, что созданное человеком тоже может быть не тенью, а вещью с плотным существованием, в сиянии которого удаляются тени.

Плотные вещи настолько обескураживающе реальны, что удивительно, почему люди так много внимания уделяют теням. Многие даже считают свою жизнь неудавшейся, если она не прошла в окружении достаточно ярких теней. Они выбрасывают плотные вещи и наводняют свой дом самыми причудливыми тенями.

Это было бы не страшно, если бы они чувствовали и со-чувствовали плотность окружающих их людей. Ведь человек всегда плотен. Но у них что-то происходит с глазами, и они видят только тени людей. Они разговаривают с этими тенями, живут с ними, рожают от них детей. В конце концов, они даже в зеркале не видят самих себя, а только свои тени.

Было бы здорово, если бы учёные придумали прибор для измерения плотности, чтобы отличать тени от реальности. Но, к сожалению, наука слишком увлеклась своими приключениями в мире теней.

Глубина бытия и высокая древность просвечивают сквозь мимолётный срез настоящего. Это говорит о бесконечной разрежённости мира.

Но свет проходит только через обыденные вещи. То, что называют культурой или духовностью, когда явно апеллируют к свету, оказывается, как ни странно, непрозрачным. Здесь царит отражённый свет, и он не даёт пробиться свету изначальности.

Только обыденные вещи, события и люди, ни на что не претендующие и ни к чему не апеллирующие, способны пропускать этот свет или, может быть, лучше сказать: не становятся преградой для встречи с глубиной бытия и высокой древностью.

Обыденность прозрачна.

Эта прозрачность сродни прозрачности природы, которая ведь тоже обыденна.

Восхищение вызывает именно это странное сочетание качеств природы: повторяющаяся обыденность, неповторимая мимолётность и непреходящая вечность.

Пытаясь отразить это, человек слишком часто концентрируется на чём-то одном, и тем самым теряет всё.

Обыденность прозрачна именно потому, что она обыденна, то есть не претендует на самоценность и тем самым открывает дорогу высокому и потому обретает высшую ценность.

Неприятности обыденной жизни — проявление истины бытия; удовольствия обыденной жизни — своего рода компенсация; парение любви, творчества и общения с природой — проявление истины человека.

Поэтому рай невозможен.

Ибо не может быть истины человека без истины бытия.

Если нет обыденности, то, строго говоря, ничего нет.

Обыденное — это единственная форма существования. Необыкновенное, а особенно — божественное или дьявольское, есть форма несуществования.

Из «Книги полного и достоверного описания экзотических стран и необычных явлений»:

«... В России растут белые деревья. Земля там белая и на ней — белая трава. Крыши в России белые, небо голубое, а люди причудливые. У них есть странный обычай при смене года собираться в одном доме, топить печь дровами, пить белую воду и петь прозрачные белые песни. Когда белой воды выпивают слишком много, начинают драться или падают и засыпают, в зависимости от настроения. Днём в России светло, а ночью темно. Солнце там красное, а Луна белая. Путешественнику надобно знать, что в России очень холодно, поэтому слоны там не водятся, и в лесах совсем нет обезьян...»

В жизни человека есть только одно по-настоящему значительное событие.

Это смерть.

Разве что-то может сравниться с ней по важности? Смерть — это и есть смысл жизни. Этот вывод может показаться странным, но если вы подумаете, вы согласитесь со мной.

На первый взгляд, смерти как будто нет. До неё есть жизнь, после неё ничего нет. Просто у жизни есть конец. Но пока он не наступил, человек живёт, и смерти нет. А после конца уже некому размышлять о жизни и смерти. Значит, можно жить, ни о чём не беспокоясь?

Это было бы так, если бы мы не знали о смерти. Но мы знаем, и поэтому всю жизнь о ней думаем. А если то, о чём думаешь всю жизнь, не есть самое главное, то что тогда самое главное?

Если вы верите в жизнь после смерти, то и тогда смерть оказывается самым значительным событием. По крайней мере, в этой жизни. Отличие

лишь в оценке этого события. Если после смерти начинается новая жизнь, то сама смерть как будто не так страшна. В ней даже есть нечто положительное и полезное. А если вы надеетесь после смерти попасть в рай, то даже и приятное.

И вместе с тем смерть есть очень обыденная вещь.

Чем старше становишься, тем лучше это понимаешь.

Чем-то из ряда вон выходящим кажется только смерть очень близких людей. И чем-то невозможным — своя собственная смерть. Но это всего лишь субъективная оценка.

Пожалуй, смерть имеет только одну особенность: она кажется обыденной издали, и необыкновенной — вблизи (Впрочем, нельзя ли то же самое сказать о любой вещи?). Видимо, это связано с тем, что смерть, хотя и обыденна, есть переход от обыденного существования к несуществованию. Несуществование не обыденно, и смерть есть переход от обыденного к необыденному. У смерти как бы две половины: одна — *здесь* и одна — *там*.

С точки зрения горного камня или речного песка, смерти нет, а то, что мы называем смертью, есть лишь фазовый переход, каких много в мире. Ведь исчезнуть ничего не может. И ничего не может возникнуть.

Но нам так не кажется. Почему? Что для нас исчезает в смерти? Что для нас рождается в рождении?

Кажется бесспорным, что человек рождается, живёт и умирает. То же можно сказать о собаке. Или о цветке. С одноклеточными уже как-то сложнее. А камень горный? А речной песок? Есть ли граница? Что есть жизнь?

Для нас цветок рождается и умирает. А для самого цветка? Что есть сознание? Или душа?

Можно ли считать человека отличным от горного камня и речного песка? Или отличия нет? Мы кажемся пришельцами из другой Вселенной, откуда возникаем и куда уходим. Но разве Вселенная не единственна? Тогда откуда мы возникаем? И куда уходим? Или это иллюзия?

Мыслью и чувством мы покрываем гигантские пространства времени, мы путешествуем по времени в прошлое — задолго до своего рождения, и в будущее — намного дальше своей смерти. Можно сказать, что всё это происходит не в реальности, а в нашем разуме и нашей душе. Но разве не о разуме и душе мы говорим, когда говорим «рождение», когда говорим «смерть»? Нас ведь не интересуют фазовые переходы, хотя они сохраняют реальность.

Что всё-таки рождается, что умирает, если это что-то свободно путешествует по времени в прошлое до своего рождения и в будущее после

своей смерти? Может быть, это что-то существует вне времени, а жизнь есть лишь случайное пересечение временного потока, подобное росчерку метеорита в ночном небе? Но где существует то, что существует вне времени? В другой Вселенной? А если Вселенная всё же одна, то, значит, само время есть иллюзия, и рождение — иллюзия, и смерть — иллюзия. Тогда и жизнь — иллюзия. А что не иллюзия?

Остаются одни лишь тени. Но, допустим, тени и есть единственная реальность. Тогда для чего существует время? В чём смысл подобной иллюзии? С чего это Вечности захотелось поиграть во Время? От скуки?

Ещё шаг и мы будем вынуждены признать, что всё существующее не существует, а истинное существование не видимо, не осязаемо, не познаваемо, и, следовательно, есть небытие. И весь наш мир со всеми нашими вопросами есть лишь воображение небытия, которое и есть Бог.

Но от этой перемены мест слагаемых сумма не меняется. И все вопросы остаются. Только теперь их задаёт сам себе Бог. В бесконечном одиночестве и скуке Вечности Бог спрашивает себя: Зачем Я существую? Находит ли ОН ответ?

Это была великая мысль: отослать сущность человека к Богу. Это дало смысл существованию человека. Но смысл этот и эта сущность стали, тем самым, невообразимо огромными и всеобъемлющими. Теперь нам приходится спрашивать о сущности самого Бога. Если мы всё ещё хотим задавать вопросы…

Человек, по-прежнему, — одна из десяти тысяч вещей. Если он ближе к Богу, чем остальные девять тысяч девятьсот девяносто девять вещей, если он посредник между миром и Богом, то вопрос о сущности Бога становится ещё более актуальным. Зачем Бог создал мир? Зачем Бог существует?

Под словом «Бог» мы можем понимать всё, что угодно: всё, что можно объявить конечной причиной и целью мира. Можно назвать Богом Небытие или Дао. Маленькую жизнь маленького человека на планете Земля можно объяснить ссылкой на Великое. Но как объяснить Великое?

Можно отложить вопросы до смерти в надежде, что смерть даст на них ответы. Тогда смысл жизни — в том, чтобы задать вопросы. А смысл смерти — в том, чтобы получить ответы. Но в чём смысл самого этого круга? Зачем нужно, чтобы человек задавал вопросы? Если это тоже вопросы, на которые ответы будут даны после смерти, если на любой вопрос конечный ответ не даётся при жизни, то жизнь снова не имеет смысла.

Пока у нас нет ответа на главный вопрос «Зачем Бог существует?», все ответы на другие вопросы не окончательны, условны, частичны. Но тогда это не ответы, а уклонение от ответов.

Тем самым, отослав свою сущность к Богу, мы вынуждены всю жизнь искать ответ на один единственный вопрос: «Зачем Бог существует?» Бог становится постоянным предметом нашей мысли. Он сопровождает нас во всех наших размышлениях, наших поступках, наших чувствах. В каждой вещи, в каждом явлении мы обнаруживаем Бога.

Бог становится самой обыденной из всех вещей.

Мы могли бы надеяться, что История в конечном итоге приведёт человека к пониманию Бога. Мы могли бы считать, что в этом и заключён смысл Истории. Где-то в невообразимо далёком будущем существует точка, когда человек узнает ответ на вопрос «Зачем Бог существует?» Даже если эта точка бесконечно удалена от нашего времени, и смысл Истории — в самом движении к этой точке.

Но человеку нет никакого проку от Истории и её смысла. Я родился, когда История уже давно началась, и умру задолго до её конца. В чём смысл моего существования? Растягивая проблему на бесконечное (или очень большое) историческое время, мы ничего не решаем. Смысл вообще вневременная категория. Нельзя даже говорить о поиске смысла своей жизни в течение этой жизни. Если завтра мне на голову упадёт кирпич, а я всё ещё не нашёл смысла, то что? В моей жизни не было смысла? С этим невозможно смириться. Тогда у жизни вообще нет смысла, и Бог не существует.

Смысл может быть только точечен. И ответ на вопрос «Зачем Бог существует?» должен светиться в каждой пылинке мира в каждом мгновении её полёта. Это самый обыденный вопрос о самой обыденной вещи. Всё становится настолько обыденным, что практически исчезает. Как невидим воздух, которым мы дышим. Но воздух — это довольно-таки необыкновенная вещь: в безграничных космических пространствах он встречается так редко!

Веру можно рассматривать как ответ, который человек получает ценою отказа от вопроса. Но тогда возникает новый вопрос: что лучше — вопрос без ответа или ответ без вопроса? В этом корень сомнения.

Вера есть попытка сжать бесконечное в точку. Поэтому она так притягательна для конечного человека. Но точка эта темна как вспышка слишком яркого света, в котором утрачивается способность видеть.

Если же вера лишь освещает путь, то тени остаются. И тогда непонятно, чем предпочтительнее этот способ? Ведь жизнь и без Бога не целиком погружена во мрак, бывают и светлые моменты. Если мир создан Богом, то все дороги ведут к храму. А если это не так, то Бог не полон и, следовательно, не Бог.

Впрочем, может быть, всё так устроено для того, чтобы стала возможной свобода человека? Либо эта свобода иллюзорна, либо она должна корениться в

свободе Бога. Но что есть свобода Бога? В каком выборе Бог может быть свободен? Сделал ли Он этот выбор? Делает ли его каждое мгновение Вечности?

Возможно, все наши человеческие понятия неприменимы к Богу? Познаваем ли Бог? Если нет, то человек бессмыслен. Если да, то остаётся ли человек человеком в акте познания Бога? Что пытался сказать людям Иисус Христос? О чём отказывался говорить Гаутама? Что обнаружил Лао в сердце глупого человека? Чего избегал Конфуций? Почему я задаю вопросы?

Смерть не наступает сама по себе, у неё всегда есть причина. Жизнь предоставляет нам множество способов укоротить жизнь. Один из таких способов — предательство. Это очень обыденная вещь. Она начинается с малого и невинного. Сначала человек не видит эту вещь из-за её малости. Возрастая, она изменяет саму способность видеть. Человек не видит того, что уже заметно другим. В конце концов, эта вещь становится огромной и человек видит её, но считает в порядке вещей. Если человек окончательно слепнет, он может дожить до глубокой старости. Если же внезапно прозреет, смерть его уже близка. Такова природа собственного предательства.

Чужое предательство видно гораздо лучше. Когда предают тебя, это не так опасно для жизни, чем когда предаёшь ты. Но это тоже укорачивает жизнь. Особенно, если это предательство близкого человека, то есть, человека, который стал частью тебя. Это уже отчасти и твоё собственное предательство, но такое, с которым ты ничего не можешь поделать, а только смириться.

Смирение продлевает жизнь, но делает её ближе к смерти. Абсолютное смирение уравнивает жизнь и смерть, делая их неразличимыми. Гордыня, напротив, наполняет жизнь жизнью, но укорачивает её.

По срединному пути идут немногие, доживая до преклонных лет и оставляя по себе долгую память. Этот путь проходит повсюду, но удержаться на нём невозможно.

Смирение — синоним мудрости. Гордыня питает ум. Мудрость приходит с возрастом, когда ум становится бессильным. Ум двигает человека по пути его, мудрость — останавливает. Ведь путь человека извилист в мире. Хотя большая дорога пряма и ровна, люди не могут удержаться на ней и сворачивают на узкие тропинки. Пытливый ум совершает открытия, но впадает в заблуждения. Мудрость не делает ошибок, но и не совершает открытий. Ум создаёт и разрушает, мудрость оставляет в покое. Безумие — обратная сторона ума, пустота — обратная сторона мудрости.

Человек обладает многими вещами, и лишь одна вещь ему не подвластна — он сам. Чтобы овладеть собой требуется необыкновенное средство. Оно называется Богом. Но, к сожалению, переход в иной план бытия снимает все

проблемы здесь-бытия вместо того, чтобы эти проблемы решить. На это намекает теорема Гёделя. Религии мира не предлагают завершение круга. Попытки вочеловечивания Бога или обожествления человека оказались безуспешными.

Обыденность — слишком крепкий орешек, чтобы его можно было разгрызть зубами трансцендентности. Если же источник бытия находится в нём самом, следует искать вечность в каждом мгновении и тотальность мира в каждой его пылинке. На это намекает буддизм. Но, обнаруживая источник бытия, мы теряем само бытие. Всё есть майя, говорит буддизм. Остаются лишь тени. Может ли источник бытия отличаться от самого бытия? Но тождественность причины и следствия подводит к мысли о бессмысленности бытия. Искать смысл в безумии? Но не слишком ли упорядочен наш мир, чтобы считать его Великим Хаосом? Упорядоченность рождает причину и цель, между которыми мерцает бытие. И мы вновь устремляемся к его границам.

Мудрость может остановить это беличье колесо, потому что имеет мужество оставить вопросы без ответа. Человек сохраняет свободу, но может ли он вынести холод пустоты? Пытливый ум заставляет его воспользоваться свободой и вновь ринуться в чёрные дыры бытия в тщетной надежде отыскать свет и тепло. И даже Бог не может предложить человеку ничего, кроме смерти.

Быть может, смысл — это тоже тень. Пока есть жизнь, есть и отбрасываемая ею тень. Разве то, что можно пощупать, не важнее того, что можно лишь представлять? Если у жизни вообще нет смысла, то обыкновенная жизнь обыкновенного человека его имеет. Проблема в том, что смысл обыденной жизни тоже обыденен. В обыденности мы чувствуем ограниченность и ущербность. Человеку свойственно выходить за границы. Но чем дальше от обыденности, тем меньше смысла. Если истина конкретна, она ограниченна и ущербна. Любое откровение становится ложью в момент передачи его другому. Смысл всегда в том, что есть, почему же человек ищет его в том, чего нет? Существующее кажется ущербным уже только потому, что существует. Смерть кажется важнее жизни, потому что жизнь коротка, а смерть — навечно.

Быть может, жизнь есть свет, а тени отбрасывает мир. Смерть гасит свет, и тени исчезают. Тёмный мир не имеет смысла. Требуется мужество мудрости, чтобы оставаться в пределах жизни. Мудростью обладают дети, для которых жизнь бесконечна, и старики, у которых не остаётся жизни. Зрелость — это иллюзия, это всего лишь смесь детства и старости. У человека два глаза: одним смотрит ребёнок, другим — старик. Если два зрения не находятся в резонансе, человек просто слепнет: он считает себя уже не ребёнком и ещё не

стариком, он называет это зрелостью. Резонанс создаёт смысл, но это происходит редко.

Осеннее солнце согревает жёлтую землю.

Собака Пушок управляет государством. Мягка, но тверда его лапка.

Народились люди с волосами как у ёжиков. Они любят гулять по сине-зелёной траве.

Мужики теперь пьют утреннюю росу. Напьются с утра и до ночи невозможно вести с ними деловой разговор.

Все банки лопнули. По улицам города ездят мусороуборочные машины и собирают осколки.

Продают хризантемы на каждом углу. Их продают незамужние женщины и требуют поцелуй за каждый лепесток. Многие проходят мимо — слишком дорого.

Опавшие листья шуршат под ногами.

Поэты собираются в подворотнях и, озираясь, торопливо обмениваются строчками. Дворники их гоняют метлой. А сами-то в своих дворницких лепят из глины свистульки и обжигают подпольно в подвальных печах.

Синее небо провисло парашютным куполом. На крышах домов установили вентиляторы, они не дают небу упасть.

Пушок издал Указ о запрете табакокурения. Слишком уж круто. Накажу его — лишу вечерней косточки.

Скоро зима. С вертолётов разбрасывают первые заячьи хвостики.

Художник извёл всю красную краску — пишет закат. Из незакрашенного северо-западного угла дуют холодные ветры.

Люди-ёжики кутаются в шубы.

На белых девушек накинули зелёные платки.

Гости приходят со своими дровами, а золу из каминов разбрасывают за городом в белых полях, бескрайних как сама земля.

Теперь по ночам все смотрят зимние сны. Только старушкам снятся ласковые летние дни их детства.

Собака Пушок повизгивает во сне и перебирает лапками. Как будто куда-то бежит, бежит, бежит, бежит...

29.12.95 — 27.10.96

СОБЛАЗН ВЕРЫ

миниэссе

Истинно знающий знает лишь то, что он ничего не знает. Также истинно верующий верит лишь в то, что он ни во что не верит.

Религия даётся воспитанием, вера — откровением. Религия без веры — это ритуал. Вера без религии — это вопрос.

Спрашивающий всегда прав, но что ему от этой правоты, когда он хочет ответа? Религия даёт ответ, но заставляет забыть вопрос. Что толку от ответа, если ты забыл вопрос.

Когда человек врастает в ритуал с детства, ритуал становится его кожей. И должно произойти что-то ужасное, чтобы человек сбросил кожу. Ведь человек не змея.

Когда человек врастает в ритуал с детства, вопросы появляются позже ответов. Это значит, что человек знает, что он спрашивает. Но если он знает, что спрашивает, значит он уже знает ответ. Что же он спрашивает тогда? Должно произойти что-то ужасное, чтобы человек задал истинный вопрос, на который у него нет ответа.

Когда человек врастает в ритуал с детства, это называется традицией. Традиционная вера даётся человеку с рождения — как имя. Должно произойти что-то ужасное, чтобы человек отказался от своего имени. Хотя человек срастается с именем, всё-таки имя — нечто случайное. И нет здесь места для откровения.

Откровение открывается внезапно, и человек восклицает: "Я обрёл веру!". Спроси его: "Веру во что?" — и он промолчит или соврёт. Если у человека не было ритуала, он пытается его найти, чтобы ответить на вопрос. И часто хватает первое попавшее под руку. Например, говорит: "Я уверовал в Бога! А поскольку живу в православной стране, я стал православным". Но ведь это дело случая, что он живёт не в Израиле и не в Китае. Да и в отношении Бога это как-то непочтительно, ведь Бог — не кесарь.

Такой человек, как Серафим Саровский, не обретал веру, а имел её с самого начала. И откровения были лишь верстовыми столбами на пути, по которому он уже шёл. Поэтому у него не возникало вопроса, какую религию ему исповедовать: православие, католичество, буддизм, ислам, синтоизм или индуизм. А если человек не имел веры, а потом её обретает, он обретает только

веру, но не религию. Но это очень некомфортное состояние. И человек начинает врать.

Но что это такое: вера без религии? Это когда человек говорит: "Я не знаю, но что-то такое, наверное, всё же есть". Фактически, это не не вера, а неверие: человек не верит, что Бога нет. Это двойное отрицание вовсе не эквивалентно простому утверждению: "Бог есть". Более правильно такого человека называть неверующим.

Но что же тогда даётся откровением или, по-восточному, просветлением? Если человеку не даётся вера, может быть, следует считать, что ему даётся неверие? Откровение неверия? Неисповедимы пути Господни...

Срединный путь неверия не менее тяжёл и сложен, чему путь веры. На обоих путях человека подстерегают соблазны. Главный соблазн пути веры — сомнение. Главный соблазн пути неверия — вера. Ведь человеку так хочется верить! Без веры человеку неуютно и холодно в мире. А так хочется тепла и света! В этом и состоит соблазн веры, великое искушение человека.

Человек знакомится с религиями мира. Тепло христианства, строгость ислама, лёгкость буддизма. Как много возможностей для выбора! Но сделав шаг, не вернёшься назад. Велик соблазн веры.

Конфуций сказал: "Почитать духов и держаться от них подальше!".

15 января 1995

У ВЕЛИКИХ КНИГ НЕТ ВВЕДЕНИЙ

миниэссе

Они начинаются с самого главного.

"Лунь юй" ("Беседы и суждения") Конфуция начинается с определения правильного отношения человека ко Времени:

Прошлое — это то, чему человек учится.
Настоящее — это то, что человек принимает с радостью.
Будущее — это то, на что человек не возлагает надежд.

О чём думает человек?

Глядя в прошлое,
он думает о жизни всех людей, когда-либо живших на этой Земле.

Глядя в настоящее,
он думает о другом человеке, которого встречает как друга.

Глядя в будущее,
он думает о том, что останется на Земле после него самого.

Человек учится у предков, радуется другу и не жалуется на судьбу.

Через 30.000 лун после Конфуция один человек сказал:
"История! Читай и плачь".

Вот почему одни так упорно смотрят в прошлое.

Они справедливо полагают, что ничто не ново под Луной.
Они справедливо порицают нынешние нравы.
Они хотят вернуться к лучшему.
Они совершают ошибку.
Ведь, отвергая настоящее, они хоронят прошлое.
Им остаётся лишь плакать над его могилой.

Вот почему другие так упорно отвергают прошлое и живут настоящим.

Они справедливо полагают, что живое лучше мёртвого.
Они не хотят повторения худшего.
Они совершают ошибку.

Ведь, отвергая прошлое, они обрубают корни настоящего.

Им остаётся лишь плакать над несбывающимися надеждами.

Читай и плачь — в этом нет ошибки.

Для человека высоких помыслов разве легко быть в разлуке с другом?

Ведь одиночество человека, как и одиночество мысли, печально.

Вот почему одни так упорно лишают свободы других людей.

Они привязывают друга к себе или преследуют его на его пути.

Они не испытывают радости от встречи с другом, потому что боятся его потерять.

Они совершают ошибку.

Ведь они лишают свободы самих себя.

Вот почему другие так упорно отвергают друзей и стремятся к свободе и независимости.

Но свободу они получают вместе с одиночеством.

Это подобно полёту в космической пустоте, когда исчезает чувство полёта и крылья не нужны.

Они совершают ошибку.

Ведь, не испытывая горечи разлуки, они лишают себя радости встречи.

Трудно провожать друга, уезжающего далеко.

Но здесь нет ошибки.

Для человека высоких помыслов разве легко оставаться в неизвестности и не испытывать обиды?

Ведь человек живёт до тех пор, пока о нём помнят.

Вот почему одни так упорно стремятся к славе.

Они справедливо полагают, что в памяти остаются только дела, совершённые человеком при жизни.

Они возлагают надежды на будущее и совершают ошибку.

Ведь время очень часто большое делает малым, а малое большим.

Как угадать?

Вот почему другие так упорно отвергают славу и стремятся к неизвестности.

Они становятся отшельниками и отвергают весь мир.

В небытии они ищут удовлетворения, в небытии, уравнивающем большое и малое.

Они отвергают будущее и совершают ошибку.

Ведь это удовлетворение горько на вкус.

Оставаясь в неизвестности, не испытывать обиды очень трудно.

Но здесь нет ошибки.

Что же сказал Конфуций?

Учитель сказал:

Учиться у предков и в своё время применять знание в настоящем, — разве это не приятно?

Встретить друга, прибывшего издалека, — разве это не радость?

Тот, кто остаётся в неизвестности и не испытывает обиды, — разве это не благородный муж?

Всего лишь три обыденные фразы.

А всё остальное я присочинил от себя.

Или это содержится в словах Конфуция неявно?

Подразумевал ли сам Конфуций такое толкование?

Или это толкование подразумевается языком?

Китайским или русским?

Мог ли Конфуций и сегодня сказать так же?

Или за 30.000 лун между философией и повседневной жизнью разверзлась пропасть?

Не является ли комментарий преодолением пропасти?

Прав ли был Гегель, который сказал:

Для славы Конфуция было бы лучше, если бы он ничего не говорил.?

Или слава Конфуция в том, что он не говорил лишнего?

1995

ЦВЕТОК ЕСТЬ АЛЛЕГОРИЯ СМЕРТИ

миниэссе

Именно это видели в цветке японцы, особенно тонко чувствующие окончание жизни как её вершину.

Зелёный росток рождается из семени.

Пускает корни в землю, пьёт дождевую воду, ловит лучи солнца и тянется к небу. На длинном стебле одно за другим появляются листья. И вот на самой вершине проклёвывается цветочная почка, зреет бутон и, наконец, раскрываются лепестки цветка.

Он не похож на корни, он не похож на стебель, он не похож на листья. Цветок не бывает зелёным.

Цветок завершает растение. Цветок красив. После цветка ничего не бывает.

Только семена для новых цветов.

Цветок увядает, стебель сохнет, листья желтеют и корни гниют в земле.

Смерть не похожа на жизнь, но именно смерть завершает жизнь.

От начала времён люди возносят хвалу Богу за дарованную им жизнь. Но никто ещё не благодарил Его за дарованную смерть. От начала времён люди ищут любые, самые необычные и фантастические способы перехода в иное. И отвергают единственный простой и доступный каждому способ — смерть.

Но нельзя вечно выбрасывать листья, и рано или поздно в каждом живом существе раскрываются лепестки цветка.

Смерть — это единственная точка в жизни, с которой открывается весь ландшафт целиком. Именно здесь следовало бы ожидать прозрения смысла пути. Но именно здесь особенно остро ощущается его бессмысленность.

В конце концов, цветок нужен лишь для того, чтобы стало возможным рождение новых семян. И нет никакого другого смысла в его красоте. Пустоцветы увядают с той же неизбежностью.

Обычай дарить цветы любимым женщинам есть напоминание о том, что только любовь может наполнить жизнь и как-то скрасить её завершение.

В пышном букете смерть не заметна и неуместна. Лишь оставшись один на один с цветком, ощутишь её незримое присутствие.

Как пустоту.

И как вечность.

И ещё — как красоту совершенства.

Обычай приносить цветы на похороны есть напоминание о том, что совершенство — это завершение.

2 сентября 1995

ПИСАТЬ О ЛЮДЯХ...

миниэссе

Писать о людях неудобно.

Потому ли, что люди могут ответить, а дерево, вода, камень, трава — безответны? Даже если люди никогда не прочитают написанное, если никто не прочитает, если написанное сжечь, то и тогда люди могут ответить. И всегда отвечают — в тот самый момент, когда пишешь о них.

Слово о человеке оказывается разговором с человеком. Но ведь в разговоре никто не говорит того, что думает. И даже мысль о человеке не может быть бесстрашной. Нельзя говорить всего, нельзя додумывать до конца. Иначе люди не смогли бы жить друг с другом. Но ещё и потому, что каждый человек — это целый мир, тот единственный мир, в котором мы живём, в котором живёт говорящий и думающий. И любое окончательное слово о мире оказывается ложью.

Может быть, самая главная задача мышления — не докапываться до истины, а осторожно избегать её?

Если человек создан по образу и подобию Бога, а Бог есть любовь, то и мышление — как сущностное свойство человека — есть любовь. В этом смысле мыслить — значит понимать и жалеть, то есть любить. "Я тебя понимаю" означает вовсе не "я знаю, в чём твоя проблема", а скорее "я принимаю тебя", "я ощущаю себя тобой", "я ощущаю тебя собой", "я тебя жалею", "я тебя люблю".

Поэтому правы китайцы, которые считают целью спора согласие, а вовсе не победу над противником. Наверное, если докапываться до глубинной сути

восточных единоборств, то ею окажется не ненависть, а любовь к противнику, которая и побеждает. Высшим стилем борьбы считают не нанесение удара (нападение), и даже не блокирование удара (оборона), а мягкое принятие удара по принципу "слабость побеждает силу". Как пел Высоцкий, "мне руку поднял рефери, которой я не бил".

Тот, кто пишет о людях плохо, вынужден сжигать внутри себя что-то важное. Только если очень любишь человека, можно написать о нём что-то плохое. Истина всегда оказывается пройденным этапом любви. Мышление открывает истину только, когда у него нет возможности обойти её и хватает смелости не останавливаться. Истина есть бесстрашие любви.

Любовь не может быть навязчивой и, по определению, безответна. Человек — это источник любви, но не её потребитель. Чудо взаимной любви есть именно чудо и не поддаётся объяснению.

Кто-то может сказать и так: человек — это проводник любви: от Бога к другому человеку, и от другого человека к Богу.

Истинная любовь ненавязчива, она кажется бесстрастной и её часто принимают за равнодушие. Все слова и действия — лишь рябь, искажающая её зеркальную поверхность. Ведь любовь — это зеркало. Тот, кто привязывается к словам и действиям, часто обижается, не получая ответа. Но ведь это значит, что любит он лишь себя. Вместо того, чтобы стать зеркалом, принимающим неискажённый образ чужой души, он хочет снова и снова рассматривать своё собственное отражение в чужом зеркале. Чудо взаимной любви есть именно чудо и не поддаётся объяснению.

Можно ли вообще писать о человеке? Ведь всё, что напишешь, окажется плохо. Разве что стать ровным зеркалом и фиксировать на бумаге лишь то, что оно отражает? Но этого почти невозможно достичь, оставаясь человеком!

1995

1997

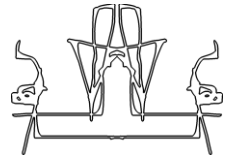
РЕЗИНОВЫЕ ТРУБОЧКИ

поток

Резиновые трубочки. Резиновые трубочки с наискось срезанными концами. Мир, разложенный на треугольники и квадратики, пронизан резиновыми трубочками системы. Зеленовая кровь хромосомно струится. Слушаешь шум тока. Чувствуешь пульс — нервный как пальцы пианиста. Что тебе нужно от матовой кожи, похожей на матовую фотографию? Гладишь и гладишь углубление гладкое в сером камне. И ждёшь, когда же сорвётся зеленовая капля с острого кончика резиновой трубочки. На моментальной фотографии падения молочной капли в мгновение слияния с океаном видишь круглую корону с жемчужинами, венчающую всех королей прошлого. Все треугольники запали алфавитными клавишами, все квадратики завертелись вокруг своих диагоналей. Застрекотали затворы объективов. Мерно разгораются и гаснут космически звёздные фотовспышки. Белый туман поглощает своими сгущениями детали пейзажа. — Так, так, так, — говорит кузнечик на длинной ножке. Туман выбрасывает ложноножку. Муха неба слизывает языком кузнечика. Языком, похожим на резиновую трубочку с наискось срезанным кончиком. Бесплатная проявка фотографий разгорается синим светом. Люди на кухне пьют чай и смотрят в окно. Там, в окне, небо тёмное в прожилках туманного мрамора и серые блюдца спутниковых антенн, на которые дует ветер. Это ветер Ойлин из клана Восточных Ветров. Люди на кухне пьют чай зеленовый, доставленный из Страны Заходящей Луны. И произносят длинные фразы на всех языках Земли, клубящиеся под потолком. Бабочка прилетела, крылышками помахала, и ты проснулся. Лежишь и думаешь: — Ну почему же нельзя воздержаться от явления в мир? Известно ведь, что ничего хорошего не принесёт тебе этот день. Почему бы не вычеркнуть его из бегущей строки времени? Закрыть квадратиком ночи, чёрной как тушь. Но ты уже наступил на край, и квадратик переворачивается вокруг своей диагонали. Ловушка захлопнулась и день начался. В железе автомобилей и вагонов метро

внутренне сжимаешься и твердеет сухая оболочка кожи. Хронист царапает матовый пергамент лба, и щёк, и рук вечным пером. Люди читают друг друга и едут куда-то. С тобой здороваются, облепляют твою ладонь резиновые трубочки пальцев. Взгляды летят по орбитам метеорных потоков, отталкиваются от преград с соблюдением равенства углов падения и отражения, бесконечно ища свою заветную лузу. Только некоторые, вылетая случайно в окно, теряются в ветвях деревьев, пронизанных небом, превращаясь из волн в частицы, подобные птицам на ветвях деревьев. В бегстве от множественного к единичному запираешься в туалете и уходишь в царапины на двери. В другую сторону двери уже стучат. На волнах зеленовых пейзажей, в окружении зверей и птиц качается глупое сердце твоё. Пока твой ум, ощетинившись острыми иглами, принимает удары стальных инструментов современного образа жизни. Запахи чуда плывут по ущелью. Осыпаются персиковые депестки. — Трень-брень — играют меланхоличные струны. Сказитель делает паузу. Только ручей журчит, и осыпается песок, и распрямляются стебли. Паутинка трещинок покрывает поверхность воздуха. В пламени муфельной печи созревает искусство дышать. В глубине прозрачного камня белый туман стелется вдоль жёлтой воды. Где-то на полке между кофейным сервизом и парой бокалов с шампанским тихий веет ветер и осыпаются персиковые лепестки. В плаще пропылённом пылью дорог, усыпанном цветочной пыльцой. В руках у него нож костяной для разрезания треугольников и квадратиков. Из всех карманов свешиваются резиновые трубочки.

1997



ЖИЛИ-БЫЛИ ЛЮДИ

микропритча

Жили-были люди.
Жили-были люди.
Жили-были люди.

Пела дорога, пело дерево у дороги, пел камень в конце пути.

Жили-были люди.
Жили-были люди.
Жили-были люди.

У них были большие тёплые тела.

Не такие как у птиц в воздухе, не такие как у рыб в речке, не такие как у змей среди стеблей травы.

В этих телах жили души — глубокие, как чёрные дыры, и в них затягивалась Вселенная. И не возвращалась обратно, потому что не хватало времени — люди умирали.

Когда я дарил людям жизнь, мне казалось, что люди будут стремиться делать что-то хорошее, творить прекрасное и выдумывать новое. Некоторые так и делают, но большинство просто живёт. Есть ли какой-то смысл в этом? — сказал Созидатель.

Ты забываешь, что я подарил людям смерть и жизнь обрела смысл. У каждого человека есть и то и другое, и в этом он превосходит и тебя и меня. Человек свободен, потому что не несёт бремя вечности. Просто жить — это оказывается так сложно и так необычайно. Это выше моего понимания, — сказал Разрушитель.

1997

Я НЕ ЧЕЛОВЕК

4 миниатюры

1. ПЕСНЯ ЛЕТЯЩЕГО ВЕТРА ОЙЛИН ИЗ КЛАНА ВОСТОЧНЫХ ВЕТРОВ

Рождённый в глубоком ущелье Южных Гор, несётся над пылью дорог. Из конца в конец размечает путь порывами и тишиной поворотов. Путники знают его — летящий ветер Ойлин из клана восточных ветров.

Не находя пристанища, в дубравах тоскует. О чём-то несбывшемся? Или о сгинувшем в пропасти прошлого? Или о вечном круженьи своём, из которого нет возврата? Листьями шелестя в меланхолии сентиментальной или ветви дубов ломая могучими ударами в приступе ярости бессильной. Лес — берлога его, летящего ветра Ойлин из клана восточных ветров.

Утомившись блуждать в тупиках городских лабиринтов, испуганно шарахается от бетонных стен. И, будто малый ребёнок, прячется под юбки горожанок. Поначалу случайно, но потом ему это нравится. Ласкает кожу, струится вдоль бёдер, закручивает смерчики вблизи чувствительных точек. Мужья и не знают, какой он любовник — летящий ветер Ойлин из клана восточных ветров.

Особенно славно влететь в окно и перепутать бумаги, разложенные на столе кабинета. А после спутиться под стол и, оттолкнувшись от паркета, гладить ноги деловых женщин в то время, как они, замирая от удовольствия, делают непроницаемое лицо и ведут переговоры, шелестя страницами контрактов и бухгалтерских документов.

2. ЗВУК

Немой мир — не мой мир.
Не мой? А чей?

Мир Бога: величественное творение мира происходит в торжественной тишине. Первый звук — первозвук — шипение змея.

Мир искусства: тишина как среда творчества и среда восприятия. Особенно, тишина для музыки. Великий Немой перестал быть великим, обретя голос.

Мир природы: шум ветра, щебет птиц, журчание ручья, жужжание шмеля всего лишь структурируют тишину. Молчание природы красноречивей её голосов.

Звук есть овеществлённый свет. Ведь звук, в отличии от света, нуждается в вещественное среде распространения своих волн: воздухе, воде, дереве, металле. Божественный свет и адские звуки. В раю царит тишина и много света, в аду — тьма и мучительная пытка звуком: голосами, скрежетом, свистом, шипением.

Глаз снабжён опускающимся верхним веком для защиты от света. От звуков укрыться труднее.

Музыкой пытаются отгородиться от звуков. Пьеса Коэджа показала, какой подымается шум, когда музыка исчезает. В музыке нет звуков, а только ритм, мелодия, тембр.

Звуки — это галлюцинации тишины. Глухой от рождения не может говорить. Поэтому истина нема. Поэтому истины нема. Глухой означает уединённый, заброшенный, не имеющий выхода.

— Хэ! — неожиданно вскричал старый наставник.

И ученик оглох.

3. ГЛУПЫЕ ЛЮДИ

Не сразу, а после многолетних мучительных размышлений, пришёл я к этому выводу: "Все люди — глупые". Первый раз, когда эта мысль оформилась в моей голове, я себя тут же одёрнул: "Нехорошо так думать. Люди могут обидеться". Но потом присмотрелся внимательнее: точно — глупые! Особенно глупы те, кого все считают умными. Вот говорят: "Смотрите, какой умный человек". А он туп как пробка! Просто по глупости у него тормоза не действуют, вот он и несёт околесицу. А те, кто его слушают, тоже глупы, поэтому всякую чушь принимают за верх мудрости. Глупые люди любят друг на друга ссылаться и друг друга цитировать. Это потому, что у них своего ума нет, и они думают, что он есть у других. Глупые писатели пишут книги, чтобы передать свою глупость потомкам. Глупые издатели издают эти книги. А глупые читатели их читают. Поскольку все глупы, глупость растекается как вода по всей поверхности земли и течёт из века в век как полноводная река. Если бы нашёлся хоть один умный человек, вся наша культура и цивилизация потерпели бы полный крах. Умному человеку достаточно было бы просто посмотреть на всё это и сказать: "Вы все — глупцы!". И тут же настал бы конец света. Но такого человека нет, и нашу глупость сравнить не с чем. Только с другой глупостью. У глупости много разновидностей, она принимает всевозможные обличия и формы. Наша культура вся построена на тонких различиях и нюансах глупости. Мы свою глупость культивируем, скрещиваем, разводим, холим и лелеем. Не знаю, рождается ли человек глупым или умным, но с первым вздохом он заглатывает глупость и всю жизнь до смерти плавает в океане глупости, не имея возможности поглощать что-либо иное, кроме глупости. И выделяет он тоже одну глупость. Уже одно то, что вы читаете этот текст — глупо, потому что текст — дурацкий, его автор — дурак, и вы все — дураки!

4. Я НЕ ЧЕЛОВЕК

Я не человек. Говорю об этом открыто.

Каждый человек в глубине души знает: он не человек. И как часто мелькает недооформившаяся мысль: что я делаю здесь — среди всех этих людей? Потому что, полностью оформившись, мысль эта звучала бы так: что я — совершенно иное существо — делаю здесь, среди всех этих людей?

Порой в ночных снах слегка приоткрывается образ истины. Но к утру он забывается и остаётся лишь неясное ощущение неуместности пребывания.

Только в очень близком человеке ваша душа, втайне от вас, распознаёт иное существо. Оно, может быть, ещё дальше от вас, чем человек. Наверное, много дальше. Но одно то, что вы оба — иные существа, сближает вас.

В детях ваших вы уже ничего не чувствуете. И чем старше они становятся, тем дальше удаляются от вас. Природа не терпит наследования инаковости, иначе через короткое время все люди стали бы одинаково инаковы. Рождение есть акт творения, а не наследования.

Каждый человек в глубине души знает: он не человек. Некоторые, по недоумию, объявляют себя инопланетянами, реинкарнациями, посланниками, или кем-то ещё. Не слушайте их — это шарлатаны.

Потому что человек, осознавший, что он не человек, не может и никогда не сможет найти ответ на вопрос: кто же он?

Я не человек. Говорю об этом открыто. В свободном поиске я прохожу мимо вас слегка мерцающей голограммой. Когда я умру, это будет означать, что я ушёл дальше. Следы моего пребывания медленно угасают во времени.

1997

ЗАДУМЧИВЫЙ КИТАЕЦ

поэма о Конфуции

Лидии Ивановне Головачевой,
переводчице "Лунь Юя",
с симпатией и уважением

Тот, кто переводит Конфуция, становится похожим на Конфуция, даже если не разделяет его причудливые взгляды.

Я знаю женщину, переводившую Конфуция, хотя, казалось бы, Конфуций — мужчина, огромного роста, с отвислыми ушами, толстыми губами и выпученными глазами.

Все переводчики Конфуция похожи друг на друга, но отличаются своим *жэнь*. У одного это любовь к человеку. У другого — милосердие. У третьего — следование правилам. У четвертого — дружелюбие. У пятого — гуманность. У шестого — способность управлять людьми. Для женщины, о которой я говорил, *жэнь* — это совесть. Конфуций первым ее придумал.

Жэнь самого Конфуция неуловима как лунный луч, подобна туманной дымке.

Его учение подобно лису-оборотню, который только кажется человеком, а сам только что вышел из леса. Хотя в глубине леса, в самой чаще его, меж корней тысячелетней сосны как раз и скрывается природа человека. Хотя раскрывается она лишь в городах великих, на поприще государственных дел, что создают Историю и славят Имя и Род в веках.

Лис, совершенствуясь в течении веков, достиг пределов высших.

О, горные кручи и чащи лесов! О, дикие звери и птицы! Человек покинул вас навсегда. Теперь он живет там, где жизнь невозможна.

О, мудрые старцы, вернувшиеся назад! Конфуций, сложив ладони, почтительно кланяется вам, и наставляет учеников: "Держитесь от них подальше!"

В наш просвещенный век, когда стерильная природа вступает в город, идет по улице, и входит в дом, а, если что не так, зеленые грозятся терроризмом, Конфуций выпячивает губы и развевает бороду по ветру, совсем как старый лис, взобравшийся на дикую скалу, нависшую над пропастью, в которой клубятся белые туманы.

Все переводчики Конфуция немного диковаты, и танец иероглифов для них — как ритуал, настолько древний, что кровь трансцендентировалась в киноварь, кость — в кисть, плоть — в тушь, и дух — в движение запястья.

Подобная культура в наш век компьютерный подобна горным кручам, чащам лесным, диким зверям и птицам.

Лис улыбается с экрана монитора — портрет Конфуция я сканером в компьютер ввел.

В кругу друзей беспечно рассуждая о неисповедимости Путей, об Истине, Начале и Конце, в кругу семьи привычно практикуя заботу и любовь, и пряча труп в шкафу, идя на выборы неслитною толпой, или поодиночке в храм вступая, кто думает из нас о Кун-Фу-цзы, почившем двадцать пять веков назад?

Да, никто не думает.

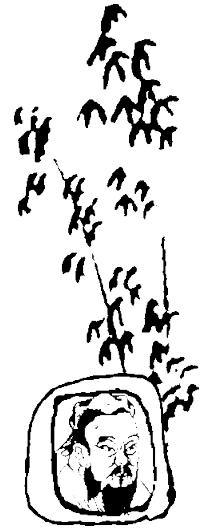
Лис-оборотень видит в зеркале лишь гладкое бритье мужчины и крем тонированный женщины.

А между тем причудливый философ, для славы которого, как высказался Гегель, было бы лучше, если бы он ничего не написал, опять вселился в чью-то душу. И переводчик неизвестный, остановив перо, задумавшись над странным словом *жэнь*, выпячивает губы, глаз таращит, и мочка уха уже почти касается плеча.

Ну, что за вычурная мысль, считать обычные любовь и дружбу, почтение и уважение, и вежливость, и просто правила приличия за Высший Смысл и Ценность Бытия!

А как же запредельные высоты, глубины духа, Смерть, Душа и Бог?

Лис, возвращаясь в лес дремучий, свой след хвостом заметает. Но все же можно три иероглифа, написанные в древнем стиле, на снежном поле разобрать: "Держитесь от них подальше!"



Обманщик!

Он идет дорогой, прямой и ровной, хотя кругом так много троп, кружащих в поисках добычи! Все переводчики Конфуция от чего-то грустны и задумчивы.

Задумчиво летит по небу самолет.
Задумчиво ругается усталый Президент.
Задумчиво снимает одежды стриптизерша.
Задумчиво стреляет печальный террорист.
Задумчивые птицы клюют зерно из рук.
Задумчивый китаец рисует свой бамбук.

1997

ВАСИЛИЙ или БЕСЕДЫ О СМЕРТИ ЖУКА-ДРЕВОТОЧЦА С ЛЕВИТАТОРОМ

4 миниатюры

1. БЕСЕДА О СТРАДАНИИ

Излучина реки. Излучина реки заросла камышом. Камыш шепчет свои камышовые слова. Словами высокими отвечают сосны. Сосны внизу видит ветер.

Жук-древоточец: — Вид смертных мук меня печалит. Неужели нельзя было создать все смерти мгновенными и безболезненными?

Левитатор, паря под облаком: — Разве можно не замечать смерти? Завершение жизни должно быть мощным. А что может быть мощнее страданий и боли?

Жук-древоточец: — И ты ещё будешь говорить, что КТО-ТО любит нас?

Левитатор: — Я чувствую это, — поднимается над облаком.

Жук-древоточец: — А я нет, — скрывается.

Василий, вздохнув, выпил полстакана водки и закусил сыроежкой.

Завечерело.

1997

2. БЕСЕДА О БЛИЗКИХ

Малиновый цветок. Цветок прячется среди травы. Трава стелется по ветру и убегает вдаль. Вдали темнеет роща. За рощей прячется река. За рекою высокий холм. На холме одинокое дерево. За деревом облако в небе.

Жук-древоточец: — Тяжело провожать в последних путь тех, кто был близок тебе. Неужели нельзя было сделать так, чтобы близкие умирали одновременно?

Левитатор, кружась над лугом: — У каждого есть близкий. У близкого есть ещё близкий. У третьего есть четвёртый. У четвёртого есть пятый. Если последовать твоему совету, все умрут в один день и земля опустеет.

Жук-древоточец: — В твоих словах есть логика. Но разве КТО-ТО не способен подняться выше логики?

Левитатор: — Нам не дано знать. Мы должны принимать жизнь и смерть такими, какие они есть. И быть благодарны, — улетает к вершине холма.

Жук-древоточец: — Я переполнен благодарностью. Сейчас лопну, — скрывается.

Василий вздохнув, выпил полстакана водки и закусил подберёзовиком.

Задождило.

1997

3. БЕСЕДА О НАДЕЖДЕ

Зелёный папоротник. Папоротник на краю болота. На болоте стоят обглоданные стволы берёз. Берёзы по краю трясины ещё зелёные и живые. Живой лес обступает мёртвый.

Жук-древоточец: — Я не встречал никого, чья жизнь была бы прожита не напрасно. Мечты не осуществляются. Надежды рушатся.

Левитатор, зависнув над серединой болота: — Вот потому и нужна смерть. Жизнь тесна для бессмертной души. Лишь после смерти, в вечности…

Жук-древоточец: — Ещё одна мечта. Ещё одна надежда. Да ведь, если КТО-ТО создал мир и решил, что он хорош, то чего ждать после смерти? Ещё одно разочарование. Ещё один обман.

Левитатор: — Говоря так, ты обманываешь сам себя. Разочаровываешься в самом себе. Не сваливай свою вину на другого, — планирует к лесу и теряется среди деревьев.

Жук-древоточец: — Ну вот, нашли виноватого. Теперь все довольны, — скрывается.

Василий, вздохнув, выпил полстакана водки и закусил груздем.

Захолодало.

1997

4. БЕСЕДА О ПАМЯТИ

Старый пень. Пень на обочине лесной дороги. Дорога скрывается за поворотом.

Жук-древоточец: — Я помню того, кто уже давно умер. Мысленно я могу с ним разговаривать. Но это нечестно. Это всё равно, что заниматься любовью со спящим.

Левитатор, паря над дорогой: — Души умерших внимательно наблюдают за теми, кто остался жить. Но они не могут говорить с нами, потому что мы для них — спящие.

Жук-древоточец: — КТО-ТО, кто всё это придумал, по-видимому, обладал изрядным чувством юмора. Но мне, почему-то, не смешно.

Левитатор: — Когда ты умрёшь, ты будешь думать иначе, — летит вдоль дороги и исчезает за поворотом.

Жук-древоточец: — Жду — не дождусь, —скрывается.

Василий, вздохнув, выпил полстакана водки и закусил свинушкой.

Заветрило.

1997

СЛУЧАЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК

4 миниатюры

1. СЛУЧАЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Случайный человек нечаянно нагрянул. Напился чаю молча. Пожал плечами и ушёл.

А я сидел и думал: откуда он? куда идёт? кто он, случайный человек?

Представилось, что он — бандит и вор. Недаром подозрительно топорщился карман. Что он в бегах давно уже. Что не сложилась жизнь его ещё когда был молод и умён, и добр ко всем. Должно быть не туда его звезда упала, или не та звезда, иль в неурочный час скатилась с неба. Что ждёт его? Какое продолженье жизни? И долго ли? И где найдёт конец? Какое будет окончанье? Какой итог? Зачем? И почему? Напился чаю и ушёл куда глаза глядят.

Потом представилось, что он — мудрец и странник. Недаром взгляд его блуждал в краях неведомых. Что он в пути давно уже. Что путь его и сложен и тернист, и начат в незапамятные годы. Должно быть странно замерцала его звезда, сошла с орбиты, иль вспыхнула космическим пожаром. Куда идёт он? Что нашёл в пути? Какое знание? Или одни вопросы? И будет ли на них ответ? Что он в конце надеется найти? И что найдёт? Иль потеряет? Зачем? И почему? Напился чаю и ушёл куда глаза глядят.

Потом представилось, что он — один в печали. Недаром горек был изгиб бескровных губ. Что он бежит давно уже, не зная от чего. Что хочет он забыть, но помнит. Что хочет потерять, но вновь находит. Должно быть тьмой его звезда закрыта, или сама темна, иль вовсе нет звезды. Что ждать ему? Придёт ли избавленье от ноши тягостной? Возможно ли забвенье? И если да, то что потом? Зачем? И почему? Напился чаю и ушёл куда глаза глядят.

И думал я: да кто же он такой, случайный человек? И был ли он? Иль мне почудилось? Недаром в одиночестве моём вдруг стало так тоскливо, неуютно. И ночь смотрела звёздами в окно. А я смотрел на ночь. Должно быть я искал свою звезду, или она меня искала, иль просто время шло? Так просто? Уж лучше воровать, или искать, или забыть, но быть. А я как будто не был. Как будто нечего спросить. И незачем. И ни к чему. Как будто появился я на свет, чтоб выпить чаю, пожать плечами и уйти куда глаза глядят.

1997

2. ЖЕЛАНИЕ

В юности желание пугливо и быстро как дикая лань. Оно дрожит от возбуждения, почти летит над землёй и уносится вдаль. Не поймать его и не взнуздать. Его можно только убить. Но тогда оно не умирает, а становится взрослым.

Желание женится на нежелании. Они идут по жизни рука об руку и во всём советуются друг с другом. Желание спрашивает: "ты не против?" Нежелание тонко чувствует настроение супруга и отвечает "нет", когда это необходимо. В семье появляются дети-близнецы. Их называют возможность и невозможность. Поначалу желание не спит по ночам от детского крика. Но потом дети растут и маленькие проблемы становятся большими. Нежелание всё больше внимания уделяет детям, желание скучает и начинает пить, нежелание ругается, и происходит развод.

Оставшись в одиночестве, желание мечтает вновь поскакать, как дикая лань. Но оказывается, что в членах появилась тяжесть, а в душе тоска. Желание задумывается о жизни и становится старым. Теперь, встречая разведённые нежелания, оно не взбрыкивает и не дрожит, а ждёт, когда ему ответят "нет".

Проходят годы и желание умирает. Но бывает, что перед смертью оно достигает состояния мудрости. И тогда, даже оставаясь в неподвижности, оно как будто мчится скачками, почти летит над землёй и уносится вдаль как дикая лань. Правда, мало кто обращает внимания на старое желание, и мудрость доставляет ему только ненужные мучения. Совсем уже редко бывает, что какое-нибудь нежелание случайно, из жалости или по странной прихоти захочет увидеть этот полёт и ответит. Как правило, желание умирает, не дождавшись.

1997

3. ЗАДАВАНИЕ ВОПРОСОВ

В юности задаёшь вопрос не задумываясь. И если тебе отвечают "нет", тут же снова задаёшь вопрос. Быть может, другой.

В зрелости задаёшь только такие вопросы, на которые тебе отвечают, как ты хочешь.

В старости перестаёшь задавать вопросы.

Но между зрелостью и старостью бывает мгновение, когда не можешь не задать вопрос, даже если ответ тебе известен заранее. Ты просто хочешь последний раз задать вопрос. Обычно думают, что вопрос задаётся ради ответа. И только в это мгновение понимаешь, что тайная прелесть заключена в самом задавании вопроса.

Конечно, и в этот раз ты надеешься получить желаемый ответ. Но надежда (как и науки) только юношей питает и старым отраду подаёт. Ты же — ни то, ни сё. Поэтому тщательно обдумай вопрос и задавай его, не задумываясь.

1997

4. СОЖАЛЕНИЕ

О чём сожалеют люди?

Об упущенной возможности.
Об утерянной вещи.
О невозможности помочь.
О несбывшейся мечте.
О загубленном таланте.
Об ушедших годах.
О прошедшей жизни.

О чём сожалеют философы?

О несовершенстве мира.
О невидимости невидимого.
О молчании Бога.

О чём сожалею я?

О тебе.

О чём сожалеешь ты?

А кто тебя знает, но, похоже, не обо мне, о чём я глубоко сожалею.

1997

БЕЗ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ

цикл: 5 миниатюр + 4 сна

1. ХИРУРГИЧЕСКИЙ СНЕГ

Зима Снег лежит хирургически чист Крик вороны как скрежет синего металла из которого сделано небо Дерево похожее на посох странника исчезнувшего Лес Тысячи великанов-странников покинувших землю Нахлобучив шапку закрутившись в пальто иду постепенно сходя на нет Все мы смертны Какое забавное будет время После того как на меня набросают землю И жизнь продолжится Происходят события обуревают страсти Захочется ли мне крикнуть с той стороны Это всё не важно Или я буду молчать Дерево вырастет надо мной похожее на посох странника На его ветке ворона кричит в синее небо Хирургически ляжет снег Зима

1997

2. КТО ГЛЯДИТ С ВЫСОТЫ

Зелёная трава Жёлтые цветы Синеглазое небо глядит с высоты Ты тоже глядишь с высоты Вы оба глядите с высоты Как мои волосы запутались в траве Как мои руки испачкались в пыльце Да я лежу на земле Человек в своей жизни так мало лежит на земле Закрою глаза и вижу Ты и небо Кладёшь букетик цветов и уходишь Небо остаётся Надо мной Зелёная трава и жёлтые цветы Да я лежу в земле Человек после жизни так долго лежит в земле Кто глядит на него с высоты

1997

3. КИТАЙСКИЕ ШАРИКИ

В ладони два китайских шарика Они тяжёлые Они перекатываются под пальцами Они тихонько звенят Мои глаза закрыты Мои ноги усталые вытянулись и лежат Великий Будда в моей темноте беззвучно шевелит толстыми губами Проплывает всё что плывёт Пролетает всё что летит Проходит всё что идёт Соседи орут за стеной За окном завывает машина Голос

диктора читает плохие новости Ты заходишь в комнату и кладёшь ладонь на мой лоб В тишине бесконечной позвякивают китайские шарики Даже Великий Будда улыбающийся как Мона Лиза отходит и растворяется и последней в моей темноте тает кошачья улыбка Даже после жизни наши сердца на ладони кружатся и тихонько переговариваются Доброе утро дорогая Доброе утро дорогой

1997

4. ГОЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

Молоко зимы заполнило чаши полей или попросту выпал снег Если человека голого оставить посреди снежных полей он умрёт Если человека оставить среди облаков где летают самолёты он умрёт Если человека оставить в середине моря где плавают корабли он умрёт На человеке так много одёжек что он стал похож на маленького монстра затаившегося внутри пустой головы огромного робота и нажимающего на кнопки Когда человек умирает его место занимает другой маленький монстр и жизнь продолжается Я гляжу из окна деревенского дома поверх скрученных веток яблонь на молоко зимы Из дальнего леса темнеющего за полем на меня смотрит волк Он не сумел стать маленьким монстром Он опускает голову поворачивается и уходит в лес Я отворачиваюсь от окна и нажимаю кнопку дистанционного управления За окном падает снег поднимается ветер и начинается метель Но я не слышу её По телевизору показывают жару в Калифорнии В лесу протяжно воет волк

1997

5. ГЛУПЫЙ ГРАБИТЕЛЬ

О глупый грабитель укравший стандартный компьютер и не обративший внимания на мои акварели на стенке и твою фотографию с букетом красных роз и круглый камень найденный на берегу горной реки там где она делает крутой поворот у отвесной скалы и кусочек дерева моего детства А я такой мудрый что пишу на жёлтой бумаге старой китайской ручкой с золотым пером чернилами чёрными как душа молодого грабителя и мне жалко его родителей даже если они уже умерли и его детей даже если они ещё не родились И ещё мне жалко что твои волосы стали седыми и на твоём лице морщины Это от того что в жизни последнее время стало так много плохого А впереди не молодость а старость Иногда даже кажется что наступает непроглядная тьма

из которой нет выхода Но мы ведь с тобой знаем что это всё не важно и смерть когда она придёт не станет над нами смеяться Всё же на нашем участке вечности мы никого не ограбили Может быть даже Бога заинтересует что-нибудь из того что мы делали пока были живы и Он попросит Расскажите Мне о своей жизни И мы расскажем

1997

6. МНЕ ПРИСНИЛАСЬ МОЯ ЖИЗНЬ

Мне приснилась моя жизнь От начала и до конца со всеми событиями красками и звуками Я проснулся и подумал Вот мне приснилась моя жизнь От начала и до конца со всеми событиями красками и звуками И я стал жить дальше Так ли уж важно что снится мне по ночам От этого ничего не меняется

1997

7. МНЕ ПРИСНИЛОСЬ РАЗВИТИЕ СЮЖЕТА

Мне приснилось Я иду по лесной дороге а навстречу идут Бизань и Грот обсуждая развитие Сюжета Между ними бежит Пушок Падает снег Солнце неяркое Ветра нет Когда-то нас было трое Мы встречались и обсуждали развитие Сюжета Мы дали друг другу имена Бизань Грот и Фок А Пушок был моей собакой Они идут по лесной дороге не замечая меня и скрываются за поворотом Я понимаю Они меня не видят потому что я ещё жив Потом мне приснился второй сон Я иду по лесной дороге Падает снег Солнце неяркое Ветра нет За поворотом избушка Я поднимаюсь на крыльцо сбиваю веником снег с валенок и открываю дверь Пушок встречает меня радостным лаем Бизань и Грот собираются пить чай Я тоже сажусь пить чай Мы пьём чай и обсуждаем развитие Сюжета Пушок грызёт косточку и повизгивает Потом мне приснился третий сон Я иду по лесной дороге Мимо плывут сосны потом дубы потом берёзы потом опять сосны Падает снег Солнце неяркое Ветра нет Я смотрю по сторонам но ничего не вижу Дорога делает круг и я возвращаюсь домой никого не встретив Когда я проснулся я помнил все свои сны Я выпил чаю и пошёл по лесной дороге Мимо плывут сосны Дорога не петляет не сворачивается в круг Она то поднимается то опускается как поднимается и опускается грудь когда дышишь Когда идёшь вверх впереди только небо Когда идёшь вниз впереди только земля Я не чувствую усталости Мне не хочется есть

или пить Должен же быть какой-то поворот Сюжета думаю я Но поворота нет Падает снег Солнце неяркое Ветра нет

1997

8. МНЕ ПРИСНИЛАСЬ МОЯ БАБУШКА

Мне приснилась моя бабушка Она сидела на крыльце и чистила грибы Проснувшись я вышел на крыльцо Там сидела моя бабушка и чистила грибы Бабушка удивился я Ты же давно умерла Конечно, внучек Я сейчас Она вытерла нож тряпочкой медленно поднялась держа руку на пояснице взяла свою палку и пошла по тропинке У калитки она обернулась и поднесла руку ко лбу загораживаясь от солнца До свидания внучек До свидания бабушка Потом она исчезла Я промыл грибы в холодной воде и стал их жарить Поев я прилёг отдохнуть Мне приснилась моя бабушка Она сидела на крыльце и перебирала землянику Проснувшись я поспешил на крыльцо Но там никого не было Я взял лукошко и пошёл в лес И только уже подходя к сосновой опушке я сообразил что сейчас конец августа и земляника давно сошла

1997

9. МНЕ ПРИСНИЛСЯ МЁРТВЫЙ ХУДОЖНИК

Мне приснился мёртвый художник Он пришёл ко мне чтобы дописать недописанную картину которая висит на стене моей комнаты Мы пили чай и я спросил его Ну как тебе там Такого места которое ты называешь там не существует Мы помолчали Потом я снова спросил его А как тебе тут Такого места которое ты называешь тут не существует Разговор не клеился Художник смотрел на свою картину Я смотрел в окно и видел что небо всё ещё на месте Наконец он сказал Пожалуй не нужно её дописывать Пусть остаётся как есть Я проснулся и смотрел на картину висевшую на стене моей комнаты На ней был изображён дом в глубине сада По тропинке шёл человек Его фигура была только намечена и пустым белым пятном выделялась на фоне сложной палитры осеннего сада Художник хотел написать самого себя но не успел Или не захотел

1997

РАЗНЫЕ ПОРОДЫ ДЕРЕВЬЕВ

микроэссе

Духовные силы земли и неба сосредоточены в верхних частях стволов деревьев. Разные формы её проявления воспринимаются обычно как разные породы деревьев.

Скрученность ветвей дуба создаёт спиралевидно вращающееся пространство, подобное водовороту в мутной реке. Измерения лучше проводить поздней осенью, зимой или ранней весной, когда листья, которые есть события, не заслоняют сути небытия. Хотя ветви похожи на драконьи жилы, дуб — не дракон. Для этого он слишком медлителен и часто останавливается, накинув покрывало на голову, чтобы не отвлекаться на мирскую суету. Покрывало твердеет и становится деревянной пещерой, которую иногда называют дуплом. В глубине пещеры сидит старик и пыхтит трубкой. Изредка он улыбается, показывая жёлтые зубы, но по большей части он угрюмо сдвигает корявые брови и всё что-то бормочет, бормочет... Философы пытаются называть это мудростью, но они ошибаются — здесь нет никакой мудрости, как нет пламени в источнике пламени, как нет воды в источнике воды, как нет смысла в источнике смысла.

Просветлённость сосновых высот нужна для создания достаточной освещённости, чтобы не болели глаза при чтении жёлтых страниц коры. Хотя и говорят "священная сосна", эти книги — не священны, они просто стары, они — апокрифы. Хотя маленькая сосна — ребёнку по колено — и похожа на ангела, она сродни скорее равнинным гномам или травяным эльфам, поскольку водит дружбу с грибами. В больших библиотеках светло и тихо, можно бродить часами, усесться между корней, прислонившись спиной к скалистому стволу, подставить ладони и ждать, когда невидимые птицы сядут на них. Эти птицы постоянно что-то щебечут, поэтому так тихо. В сущности, они не только не видимы, но и не существуют, поэтому так светло. Тот, кто наблюдает облако в небе, ближе всех к пониманию сосны.

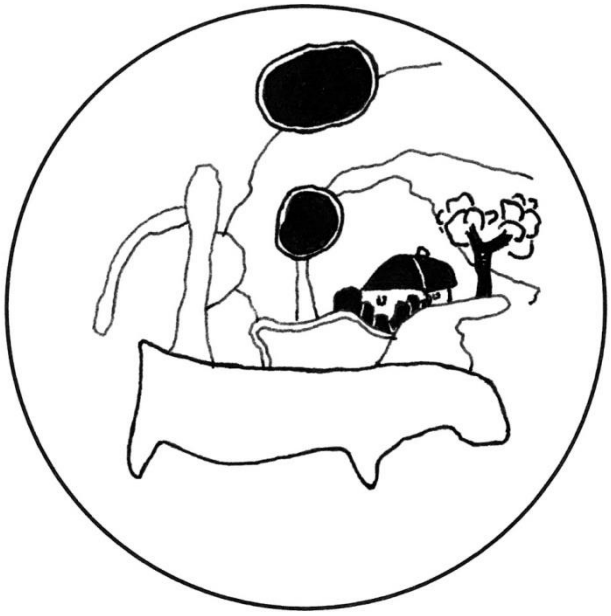
В верхней части ствола человека, посередине между сердцем и мозгом расположена область лёгких мечтаний, до сих пор не обнаруженная медициной по причине своей прозрачности. Когда жизнь течёт через человека, оставляя его в неподвижности, она течёт через эту область, и все события и вещи кажутся покрыты лёгкой дымкой. Корни располагаются в области живота, на три цуня ниже пупка. Они пронизывают толщу времён и питаются соками мёртвых миров. Область лёгких мечтаний связана с корнями сложной системой сосудов, по которым всё время движется душа человека. Поэтому кажется, что человек существует одновременно в нескольких мирах. На самом деле, он вообще не существует, что постоянно подтверждается на практике, когда человек умирает. В мозгу сидит дятел, который всё время долбит своё, тогда как душа — это рыба, от природы холодная, но мечтающая стать горячей птицей.

1997

ТОТЕМЫ

25 миниатюр с картинками

1. ТОТЕМ КОРОВЫ



В ночи молочный свет Луны течёт по руслу песчаной дороги мимо одиноких лугов заливных, залитых лунной росою, мимо тёмной громады сурового леса. Туда — к теплу деревни, где свет из окошек падает прямоугольниками на траву.

Луна заглядывает в окошко.

Человек выглядывает из окошка.

Вифредо Лам пишет картину "Тотем Луны".

Когда солнце ещё не взошло, но свет его заливает полнеба чистейшей бирюзы и плывёт с молочным туманом над холодной росою лугов — вот тогда пастух выгоняет коров.

Изредка щёлкает кнут. Тихо лают собаки.

Белая корова идёт по краю леса.

Когда жёлтое масло зенитного солнца плавится на горячем песке дороги, через которую перелетают тяжёлые шмели и летят над цветами лугов, коровы жуют траву.

Спит пастух под кустом. Дремлют собаки.

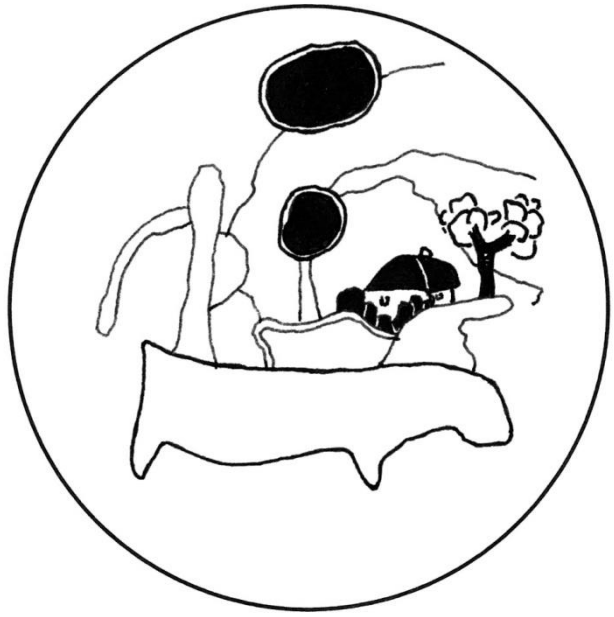
Когда солнца остывший шар упадёт за тёмную громаду леса, воздух вечера пахнет сыром. Жёлтая Луна поднимается. Коровы идут домой.

Изредка щёлкает кнут. Тихо лают собаки.

Дети пьют молоко Луны. Густеет солнечное масло в маслобойке. Гасят свет. Спят. Мышка ворует кусочек сыра. На заднем дворе корова вылизывает телёнка. Через щель в стене на её гладкий бок падает свет Луны.

В ночи уносит ветер над песчаной дорогой запахи и голоса деревни и дня.

2. ТОТЕМ БЕРЁЗЫ



Корова, идущая в ночь, вполне может встретить берёзу, стоящую спать.

Но если не пить поутру, зачем же вставать?

Ведь если прижмёшься щекой к белой коже, можешь испачкать волосы сединой.

Но даже если заломати — всё равно ведь умирати.

Сквозь строй берёз под бубен барабана, или как тихий ветер шелестящий.

Или у горного ручья на камне жить.

На камне тротуаров, что для людей полезней, живущих в камне.

Изваянных, и всё же нежных.

Как розовая кожа берёзы в юности.

Как слабая серёжка берёзы старой, чёрной.

Так обходить дозором рощу по краю чёрному, и в центре белым светом любоваться.

Вот коровы жуют берёзовые веники.

Вот банные листья плывут в тумане утреннем.

Ну можно ли не выпить? Или нельзя?

Разве дрова горят не достаточно жарко?

На углях горячих готовит шашлык грузин.

Есть ли в Грузии берёзы?

Вот странно: в Китае есть берёзы, и говорят, что сам Мао Цзэ-дун не прочь, как бедный Тютчев.

Что ж — в белый столб берёзового солнца я уйду, но не сейчас.

Сейчас — напиться!

3. ТОТЕМ РУЧЬЯ

Кто хочет пить, напьётся из ручья.

Вода целуется взасос.

Ручной ручей так ластится к рукам.

Речь ручья из звонких гласных.

Рунная пена на камнях.

Так может жизнь пройти в мерцаньи камешков на дне ручья.

Мгновенье остановлено в неостановимости течения, и в бесконечном повторении, и в вечном узоре.

Узор ручья. Тождественность покоя и движения, мгновения и вечности.

Глоток воды, ручей в тебе.

Окунаешь руку и пальцами шевелишь на том конце Вселенной.

Глаза закроешь — тонешь в журчании ручья.

Глаза откроешь — тонешь в свете воды.

Из века в век сидящих у ручья встречаю.

Все на одно лицо. Чему-то улыбаются.

Как будто что-то видят, тебя не замечают.

Как будто что-то слышат, тебя не слушают.

Даже у негров лица становятся белыми, должно быть от бликов на воде.

Все женщины прекрасны, все мужчины мудры.

Одежда светлая, на ногах сандалии.

Бабочки садятся на рукава, змеи проползают будто мимо камней причудливых.

Все они безумны безумием ручья.

Руками рыбу ловят.

Я слышал, Бог иногда приходит посидеть у ручья. Но это, наверное, враки.

4. ТОТЕМ ТРОСТНИКА

Закроешь глаза на людной площади любой из столиц — услышишь шум тростника.

Откроешь глаза — сколь разнообразны миражи столиц!

Бесчисленные армии с развевающимися знамёнами, со сверканием металла, с храпом коней безвозвратно уходят в шум тростника.

Девушки с распущенными волосами, босые уходят в шорох тростника.

Рыбаки на длинных лодках уходят в тишину тростника.

Только Луна скользит вдоль листьев.

Только вода, чернея, ждёт.

Только ветер перебирает листья.

Склоняясь налево, склоняясь направо, качая метёлками, купая листья в воде.

В тростниковой хижине сидит человек.

То ли стихи сочиняет в сосредоточении, то ли умер уже.

Накинь тростниковый плащ — нищий поэт, бедный крестьянин, разбойник, браконьер, террорист, отшельник, мечтатель, мудрец, вор.

На тростниковой циновке любви зачатие неординарных людей.

Скользящие волосы, чёрные тени, пальцы перебирают.

Склоняясь, качая, купая.

Откроешь, услышишь лишь шум тростника и шорох ухода.

5. ТОТЕМ ПОЛЫНИ

Звезда злая — быть может, и не злая, а только горькая.

И если любишь жизнь, то горечь трав её и сладка и приятна.

В далёком пути средь плевелов чужих сорвёшь бездумно лист и разотрёшь меж пальцев.

И дикий запах к жизни повернёт, грудь ветром полна, и солнце уже не злится, а словно полынья на холоде небес.

А если ночь, и в тишине услышишь вдруг запах тонкий, сильный, как лука тетива, то дырки звёзд, растаяв, поплывут.

И вот уже соломой небо крыто и на углу, под потолком в белой марле подвешен шар свежего творога.

Половая трава смешала пыль дорог, и половодье дождей, и запах пламени пожара, и плёса тишину.

Меж пеплом прошлого и пеленой грядущего пелёсой плесенью расплёсканная жизнь.

Тонка, горька.

В полоне времени людские племена проходят в пустоте тенью по лучу, по следу полынного степного ветра-волка.

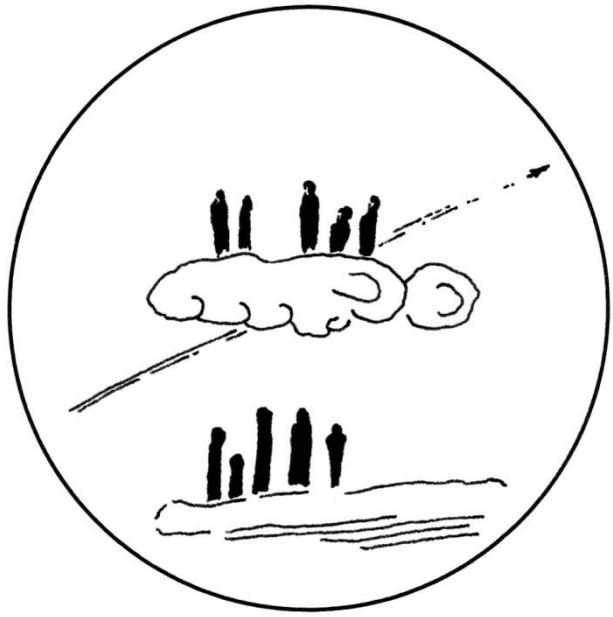
Из полыньи в полымя — это полынь.

Я слышал, что сушёная она от мух неплохо помогает, а может быть, от комаров.

Бывает также, что руки твои полынью пахнут, и волосы, и губы, и голос, и глаза.

И горько, и тянет, и пьянит полынной водкой.

6. ТОТЕМ ОБЛАКА



Лежащий в центре травяного луга, как в центре мира, вращающегося с дикой высоты.

Облако — для него.

Сидящий в центре каменного шестигранника, поджав ноги, закрыв глаза и отсутствуя.

Облако — для него.

Естествоиспытатели, которыми мы все теперь стали, в железных бочках по небу летают, но обнаруживают только водяную пыль. Кто может жить в подобной сырости?

В грёзах лежащего на травяном лугу и сидящего в каменном шестиграннике всё происходит наоборот. Облака опускаются на землю, слегка пружиня.

Бессмертные и боги сходят с них, разминая затекшие ноги.

Естествоиспытатели называют их инопланетянами, а облака — летающими тарелками. Не путать с водяной пылью!

Но маленького мальчика, остановившегося у края луга, мучает один вопрос. Облако, появившееся в полдень, к вечеру уже растаяло. Недолго же живут бессмертные и боги!

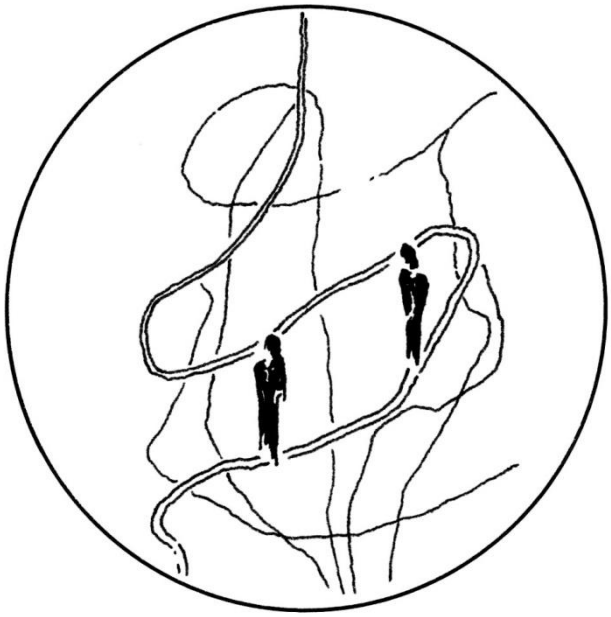
Хотя старик, опёршийся на палку у края луга, с улыбкой грустной наблюдает, как по небу плывёт маленькое облако из детства.

А в шестиграннике и вовсе нет времени. Но только сидящий там не путает ли облако с чем-то несуществующим?

В праздник летнего безветрия люди облака весёлой гурьбою выходят на берег реки и смотрят, как облака плывут по воде.

Потом купаются.

7. ТОТЕМ ТРОПЫ



Тропа есть троп для линии жизни на ладони Земли. Или линии смерти. Или линии любви.

На перекрёстке троп гадать, куда пойти. На водопой? Домой? Или в неизвестность?

Идущий по тропе одинок. Здесь можно встретить лишь существ иных миров. Тропа узка — не разойтись, не перекинувшись парой слов.

— В твоём мире ещё не вечер?

— Нет, но скоро стемнеет. Через две или три тысячи лет.

— У вас тоже идёт дождь?

— Разве он не всегда идёт?

— Ты часто гуляешь по этой тропе?

— В моём мире гуляют не люди, а тропы.

Брести в тишине, перешагивая через корень дерева, пригибаясь под веткой дерева, обходя камни и лужи.

Каждый миг ожидая смерти, или жизни, или любви.

Выйти на дорогу и удивиться современности.

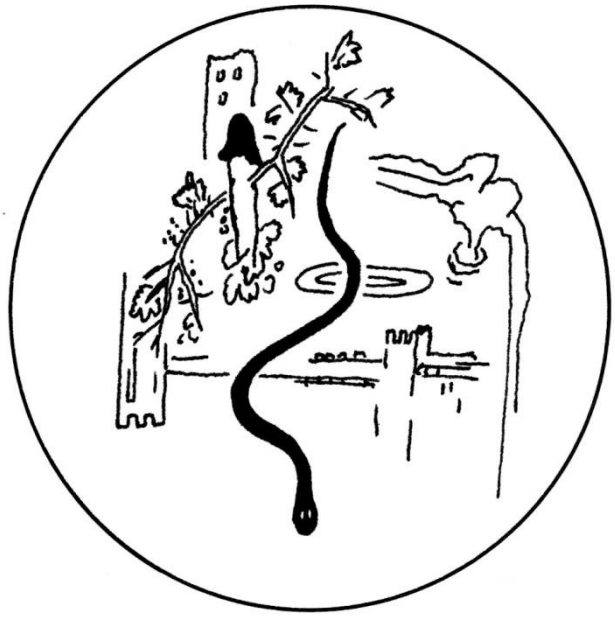
Потом снова свернуть на тропу.

Поворачивать налево, поворачивать направо, петлять, кружить, удаляться, приближаться.

В каждой секунде времени люди троп образуют узор на ладони Земли. Тик-так — калейдоскоп.

Ничего, что устали ноги. Разве тропа не сама плывёт под ногами. Немного покачивается. Срежь трость — будет легче.

8. ТОТЕМ УЖА



В ежевичных кустах если встретишь ужа, не пугайся!

Уж не кусается.

Людей ужа часто не любят, а мне их жалко.

В сущности, они добрые.

Я знал одну женщину-ужа: она пахла змеёй, её ладони были прохладны, талия гибка, а язык раздвоен.

Жизнь её сложилась не складно, и в своём ужином гнезде она плакала, когда никто не видел.

А когда видел, она шипела.

Но могла быть нежной и чуткой, своими извивами принимая форму собеседника.

Говорят, если есть мудрость, должен быть и яд. Но уж — исключение.

Просто люди в него не верят.

Они всех без разбору побивают камнями.

Можно ли двигаться в мире, не задевая стебли трав, оберегая покой цветов, и не извиваться?

Отпугивающий духов болезней.

Слышащий шёпот богов.

Во сне и грёзе летящий в небе.

Замыкающий Вечность.

Обвивающий Пространство.

Подобный Великой китайской стене.

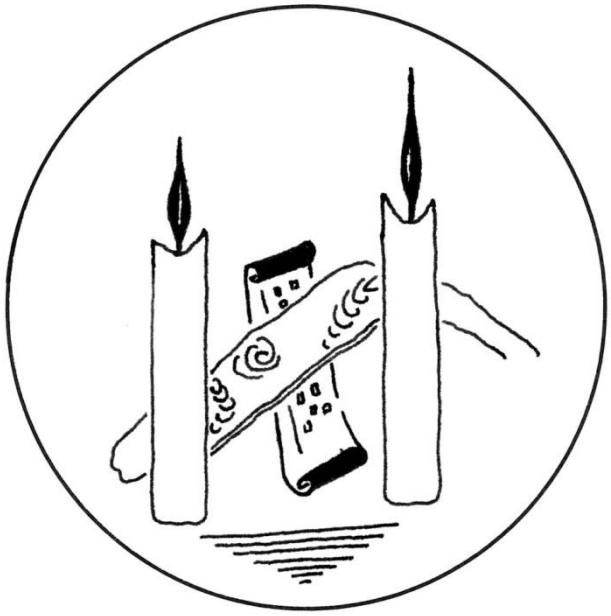
Чюрлёнис пишет картину "Соната Ужа".

Ещё их боятся комары и мыши.

Но ты не бойся ужа в ежевичных кустах.

Видишь знак ужа — две жёлтых "просвирки" на голове?

9. ТОТЕМ СВЕЧИ



Возвращаясь, всегда зажигаешь свечу.

Чтоб с четырёх углов свисала темнота, истаивая по кругу света.

Чтоб души стали мотыльками.

Воск времени и плавился, и капал, и застывал.

Мерцание и дрожь центра мира необходимы для сосредоточенья.

И для шуршания пергамента.

И завитки.

И тёплое вино густого цвета.

И чтобы было непонятно: то ли светло — то ли темно.

И чая чёрного бодрящий яд и эликсир бессмертия.

Известно: свечи зажигают в особые моменты жизни: гадание, свидание, венчание, на рождество, на похороны, на размышление, на чтение стихов, на тихий плач души, на просветленье сердца.

А также: для баловства.

А раньше, поскольку электричество ещё не полюбили, их зажигали для освещения.

И делали подсвечники похожие на утварь ритуальную.

И трудно было разобрать, где праздники, где будни, что важно, что не важно.

А если нет свечи, себя можно зажечь.

И люди будут говорить: смотрите — он горит, но, знаете ли, как-то неярко, мерцая и дрожа.

10. ТОТЕМ ЕДИНОРОГА

Единорогов, как известно, не бывает.

Поэтому встречающие их немного не того, и больше думают о спасеньи мира, чем о заботах повседневных.

Животное это, хотя и крупных габаритов, проворно очень.

И появляясь из тумана на лугу, или под облаком над лугом проплывая, дав себя увидеть, быстро исчезает.

Подобно утренней росе, и солнечному лучу, и молнии, и грому, и ветру.

Хотя единороги похожи на коров, никто не видел, чтобы они в стада сбивались.

Увидеть можно только одного.

Науке даже неизвестно их число.

Быть может, есть лишь один единорог, который появляется то тут, то там, а то надолго исчезает из времени, которое ему не нравится.

Индийцы, правда, на всякий случай чтут всех коров.

Но это чересчур.

Вот так увидишь единорога, и больше уж не отвертеться.

Какой бы ноша тяжёлой ни казалась, приходится нести.

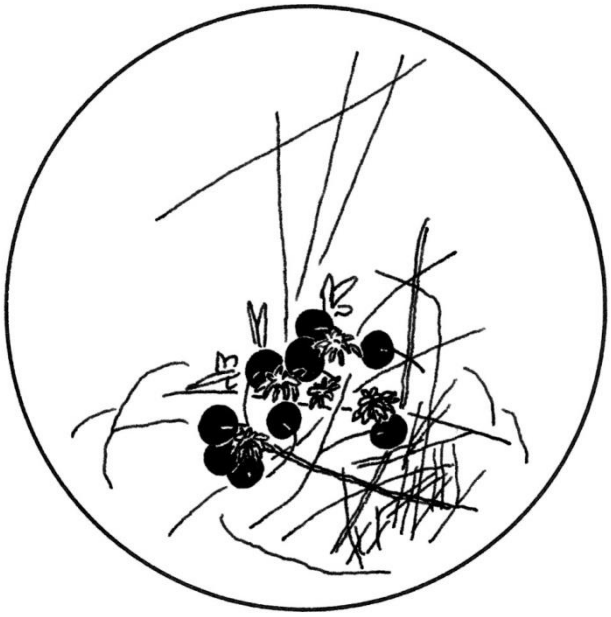
Какой бы цель недостижимой ни была, идёшь к ней.

Какой бы высота чрезмерной ни представлялась в этом мире, уже не можешь спуститься вниз.

Поэтому-то люди стараются держаться подальше от единорога.

Они о нём мечтают в основном.

11. ТОТЕМ КЛЮКВЫ



На золоте, и серебре, и малахите, и яшме августовского болота забавно голову пониже опустить, и над подушкой мха увидеть развесистое ожерелье красной клюквы, плывущей с белым облаком по небу светло-голубому.

Все бабушки своих внучат уводят в август клюкву собирать.

Поэтому здесь столько мягких кочек с узором бело-красным, с оборкой голубого мха и поясом мха изумрудного.

Поэтому здесь столько весёлых бусинок и взглядов ласковых, и тонких нитей, и проворных пальцев.

Взрослея, пьём мы клюквенную водку, истекаем клюквенным соком, клюковины прилежно мастерим.

Но так и хочется заглянуть под кровать — нет ли там на газете рассыпанных бело-красных дозревающих шариков?

Нет, только пыль и потерянная в прошлом году запонка.

Можно пойти в магазин и купить клюквенное варенье, и разочароваться.

Люди клюквы друг друга узнают по глазам, немножко круглым и блестящим, как будто от удивления.

Ещё по мягкости подушечек пальцев, по тонкости волос.

Ещё по чистоте неба над их головами.

И по старым фотографиям бабушек.

12. ТОТЕМ ИВЫ

На околицах китайских деревень горы веток ивы.

Их обламывали в знак разлуки.

В других местах такого обычая нет.

А если бы был, горы веток были бы не меньше.

Ива плачет по берегам рек и озёр. Реки и озёра не пересыхают.

Рыбак собирает сухой ивняк, зажигает костёр и смотрит на звёзды.

В пустой корзинке из ивовых веток хранится веер воспоминаний.

Ивовый прутик дрожит в руке маленького погонщика.

Художник пишет кистью листья ивы. Кисть похожа на лист ивы.

Читатель картины вздыхает случайным воспоминаниям.

Ветер в ветвях ивы печальнее с каждым тысячелетием.

Вы видели ветер в ветвях ивы?

Президенты и премьер-министры ничего не могут с этим поделать.

В свободное от работы время они ничем не отличаются от одинокого рыбака и маленького погонщика.

Женщины оборачиваются и ветер трогает их волосы.

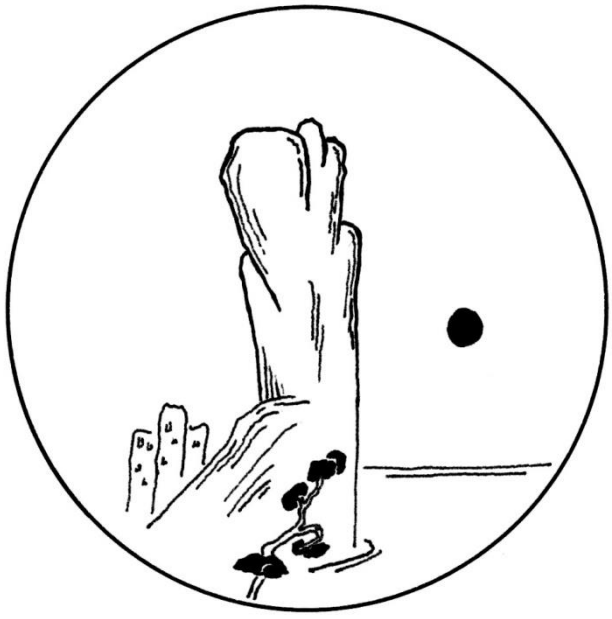
А потом улетает к берегу и кружит в ветвях ивы.

Мужчины уходят и дороги всё длиннее с каждым тысячелетием.

У разлуки столько лиц, сколько людей.

Вглядитесь — вы видите ветер в ветвях ивы?

13. ТОТЕМ СКАЛЫ



Что бы ни было в жизни твоей: хорошее и плохое, радость и горе, полёт и падение, разноцветье и серость, пустота и мусор, рожденье и смерть, — поднимись на скалу.

Травы сухие шуршащие в трещинах камня.

Каменных плеч нежная кожа.

Кожица ветра ползущего.

Неба скорлупки, шерстинки земли.

Редкий цветок.

На вершине скалы струйка вечности маленьким смерчем, не иссякая, наполняет мгновение.

Жизнь замерцает как на экране немого кино.

Робкие боги придут.

Сняв сандалии, сядут на камни, растирая уставшие ноги.

Богини друг другу расчешут волосы.

Исчезнут, вспугнутые крылышками бабочки, залетевшей случайно с нижнего луга.

Парящий орёл одобрительно крикнет.

Покажется: не хватает лишь пары мгновений, чтобы понять.

Но придётся спуститься вниз.

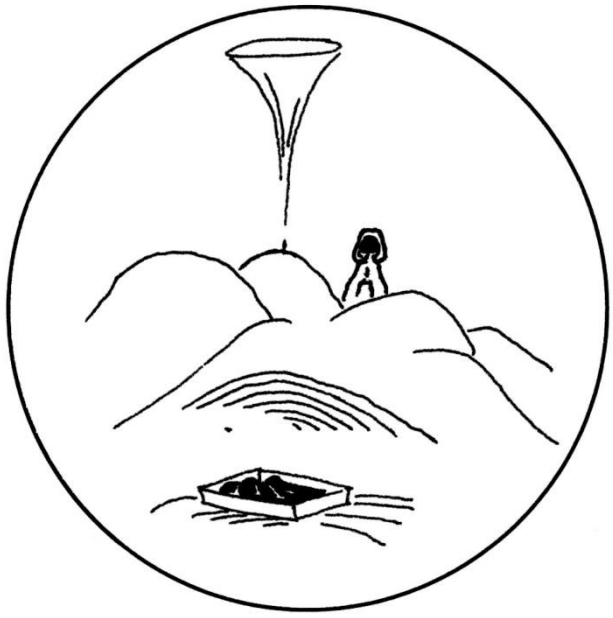
Внизу ждёт уже ужин у костра, и горячий чай, и люди твои.

Не жалей о прекрасном невозможном. Для скалы есть свои законы.

Обречённая на одиночество, она хранит его для поднимающегося и дарит на время. А потом забирает обратно, чтобы ты тосковал.

Чтобы душа твоя знала, где ей отдохнуть от тебя, хотя бы пока ты спишь и снится тебе скала.

14. ТОТЕМ ПЕСКА



Песок — это время древнее, в отличии от старого времени, которое есть вода, и нового времени, которое есть воздух.

Но время во все времена было звёздами.

Поэтому песчинок в море — что звёзд в небе.

Песок есть прах камня, и всякой твердыни, и всякой крепости.

Нет прочнее фундамента для воздушных замков.

По песку пустыни бредёт караван человечества.

Речной песок внимает молчанию мудрецов.

Но ещё не стали песчаными дюнами пирамиды Египта.

Но ещё не стала песчаной змеёй Стена Цинь-Ши-Хуана.

Ещё не все колодцы засыпаны песком.

Будущие Вишну и Шива учатся создавать и разрушать миры в дворовых песочницах.

Песок соединяет миры: пространства и времена.

В этом он подобен пустоте.

И столь же прозрачен — недаром из него делают стекло.

В прозрачности песка песчаные миры просвечивают друг в друге.

Миры, что канули в песках зыбучих.

В улыбке Будды.

Песка струящегося шёпот — медлительный ответ на все вопросы.

Бессонно Сфинксы слушают его.

И погружаются.

15. ТОТЕМ ЯБЛОНИ

Если вишня — это дерево утончённого просветления, и немного на небе, то яблоня на земле, дерево светлой печали.

Поэтому и говорят: белых яблонь дым.

Дым деревень, что расстилается по долинам времени, не так уж и горек, если смешан с яблоневым.

У путника уже не слезятся глаза, когда входит он в яблоневый сад.

Ведь дети не плачут от радости, они смеются.

Катятся по столу круглые яблоки.

Лови их.

В каждой секунде мамы всех времён и народов вываливают на стол груду красных яблок.

Они катятся, а дети их ловят.

Вкус жизни не так уж и горек, ведь яблоко сладкое!

Садовник стар и бессмертен.

Когда умрёт, над его могилой может ведь вырасти яблоневое дерево?

Достаточно маленькой косточки, затерявшейся в складках одежды.

Тираны всех времён и народов любили обсаживать яблонями линейки проспектов и окружности площадей.

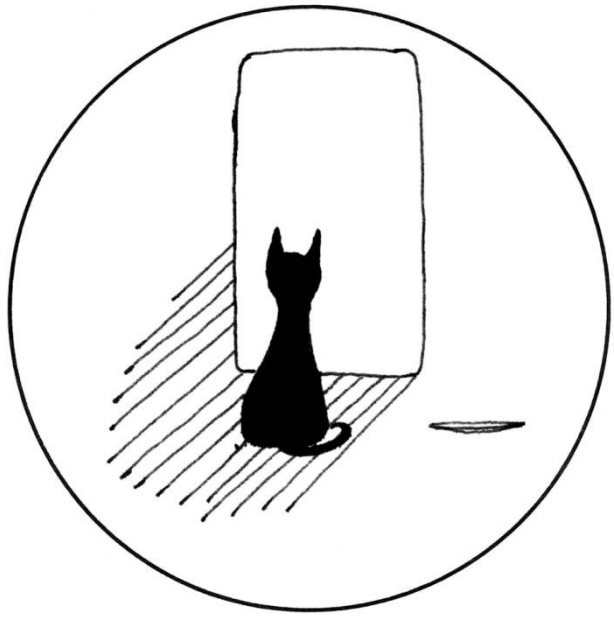
Свет дневной, проходя через яблоневый цвет, как бы сглаживал и смягчал, даже, может быть, освящал.

И люди могли жить, хотя яблоки городов горше диких.

Мы будем есть яблочный пирог и пить яблочный сидр.

Пока годы сменяют годы и века осыпаются яблоневыми лепестками.

16. ТОТЕМ КОШКИ



Старше египетских пирамид едва прозревший котёнок.

Его богоподобная мама неподвижно застыла на подоконнике.

Смотрит в окно на метель-самум.

Котёнок играет своим хвостом, подражая тёмным богам, нарисованным ясными линиями на светлой глине.

Когда-то — когда ещё юной вечность была, а юность хотела стать вечной.

Боги умерли, пирамиды разграблены, мумии не оживают.

Все домашние животные приносят людям пользу.

Корова даёт молоко, курица яйца несёт, лошадь тянет телегу, собака дом сторожит.

Только кошка неподвижно застыла на подоконнике и смотрит в окно на метель-самум.

Ритуальная поза. Вертикали зрачков.

Маленькая вестница мёртвых богов у ноги человека на пути его.

Что в душе моей ты охраняешь?

Эта ласка и грация, мягкость и голос.

Что должен помнить я?

У нас теперь новые светлые боги, твоей темноты мы страшимся.

Что ты просишь меня? Молока на блюдце? И всего-то?

А вот и котёнок. Ну, пейте.

А я посижу неподвижно, погляжу в окно на метель-самум.

17. ТОТЕМ ДОМА

Не строй дома своего, чтобы сердцу не причинить печаль.

Поначалу он будет новым и чудным, необычным и близким.

От радости строительства руки твои станут чуткими и сильными.

В глазах появится свет.

Уши будто слышат чудесную музыку.

Любимые вещи наполнят твой дом.

Близкие люди поселятся в нём.

Дальние люди пройдут чередою весёлых и умных гостей.

Годы пройдут.

И как-нибудь сядешь в углу в одиночестве, и стеснится грудь.

Привидения вещей, людей и событий войдут в окна и двери, просочатся сквозь щели, заполнят пространство.

И воздух не сможет двигаться.

Стены заговорят разными голосами.

Заскрипят половицы от сотен шагов.

Тени улягутся на все кровати, усядутся на стулья и лавки вокруг стола.

Запахи всех времён года смешаются так, что тебе не вдохнуть и не выдохнуть.

Ты захочешь обратно в пустоту и свободу, но окажется: сердце твоё приросло к стенам дома, и балкам его, и стропилам.

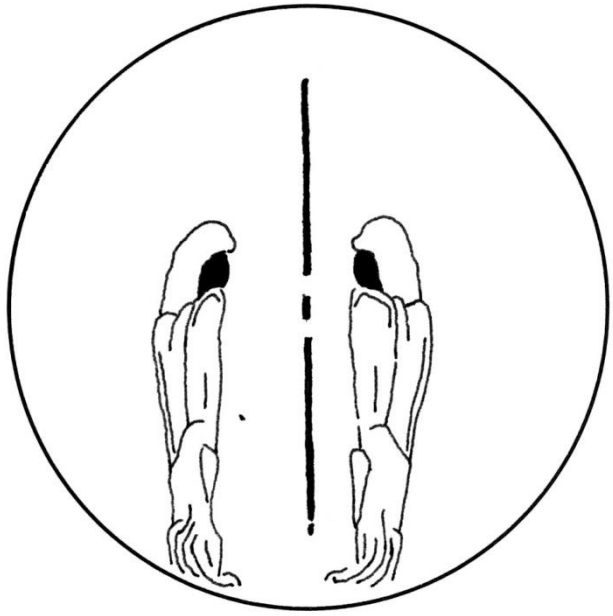
Ясно увидишь: ты умер, а дом, что впитал без остатка тебя, новым хозяевам кажется новым и чудным, необычным и близким.

Ты крикнешь всем, что у тебя осталось кричащего, но тебя не услышат. И мудрому твоему предостережению не внемлют.

Они войдут внутрь дома твоего и скажут:

"Это сквозняк. Нужно законопатить щели".

18. ТОТЕМ ОКНА



Посреди пустыни без стен и крыши висит окно.

Посмотришь в него — увидишь пустыню.

Обойдёшь и заглянешь с другой стороны — увидишь пустыню.

Все окна мира — не то же ли самое?

Только обход занимает немного больше шагов.

Посмотришь с одной стороны — как будто комната.

Посмотришь с другой стороны — как будто улица.

Если б вдруг оказаться сразу с двух сторон — что увидишь?

Окно в пустыне каждый день протирает тряпочкой молчаливый отшельник.

Он живёт в пещере на западе.

А другие говорят: он живёт на востоке.

А ещё говорят: их двое — на западе и на востоке, работают посменно и каждый протирает тряпочкой свою сторону окна.

Никогда не встречаются.

Солнечный луч прожигает в песке прямоугольник.

Лунный луч замораживает в песке прямоугольник.

Дождь льётся струями по стеклу.

Иней рисует узоры.

Раз в году приходят паломники и смотрят в окно.

Паломник с востока видит паломника с запада.

Паломник с запада видит паломника с востока.

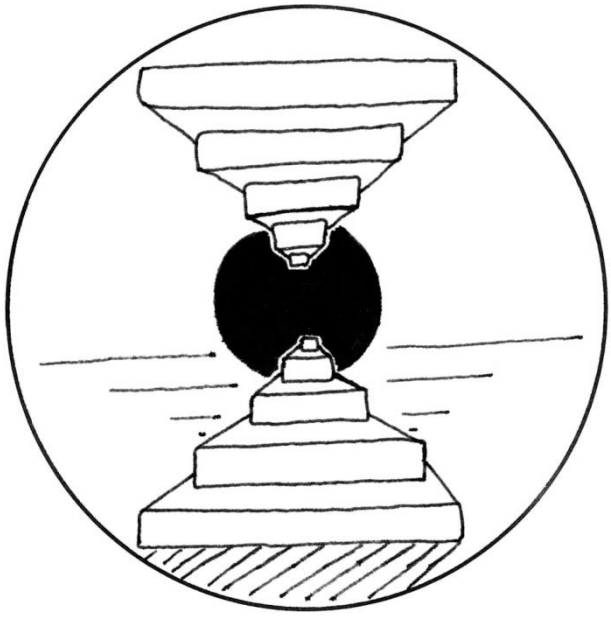
Говорят, наступит день — упадёт небесный камень и разобьёт окно.

Тогда ветер смешает все запахи мира.

И краски.

И звуки.

19. ТОТЕМ ЛЕСТНИЦЫ



Лестница — чтобы подниматься в небо.

Лестница — чтобы спускаться в бездну.

Лестница — это время, размеченное ступенями годов.

Ступени стёрты миллионами подошв.

По винтовой лестнице поднимаются звонарь на колокольню, муэдзин на минарет и часовой на вышку.

По парадной лестнице спускаются король к своим подданным, президент к налогоплательщикам и Папа Римский к католикам.

Смешит меня верёвочная лестница.

Раньше по ней поднимались влюблённые к своим возлюбленным.

А теперь полицейские или преступники — в зависимости от сценария — карабкаются к вертолёту.

Давно уж разрушена лестница, по которой боги спускались на землю.

Не по лестнице ли поднимались люди на Вавилонскую башню?

Не были ли стены её лишь ограждением дерзкой лестницы?

А кто-то спускается в мрачное подземелье и фонарём освещает страшные осклизлые ступени.

А кто-то упорно стремится к вершине и вырубает ступени во льду.

Лестница — вестница. Звонок в дверь. Кто это?

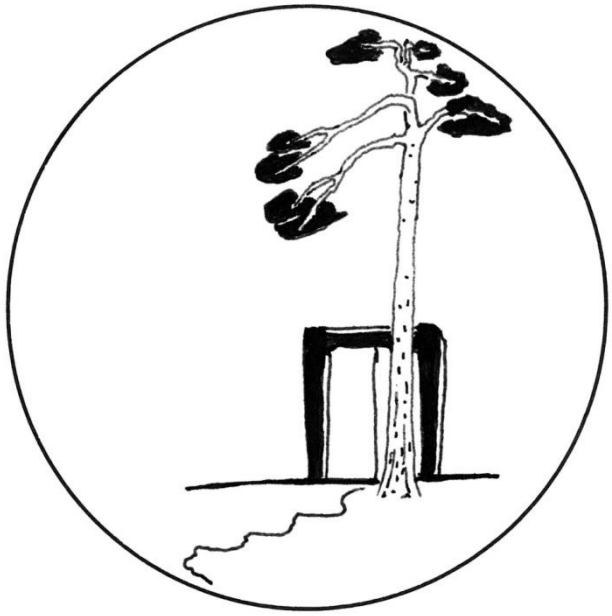
Даже последний свой путь человек начинает с лестницы.

Когда гроб спускают с этажа на этаж, с трудом разворачивая на лестничных площадках.

Есть ли в Вечности лестница, свёрнутая в ленту Мёбиуса?

Мы встретимся на ней лицом к лицу.

20. ТОТЕМ СОСНЫ



Сосна заснеженная у ворот монастыря.

Стой и смотри.

Если не думать, многое поймёшь.

Стой у ворот монастыря.

Смотри на заснеженную сосну.

О многом думается.

О небе, что полёт сосны встречает.

О седом песке, что хоронит корни сосны.

О солнечных лучах в оранжевой коре высокой.

О детских корабликах, вырезанных перочинным ножиком из тёмной нижней коры.

О мачтах океанских кораблей.

О жертвенном костре и пламени священном.

О пути благородных мужей, подобном сосне прямоствольной.

О полёте драконов, подобном изгибу сосновых ветвей.

Об иероглифе сосны на круглом диске полной Луны.

О звёздах в иглах.

Не спрашивай, какой сей монастырь?

Каким богам монахи службу служат?

Не спрашивай.

Стой у ворот.

Смотри на заснеженную сосну.

На иглы длинные. На снег. На пустоту.

Ворота и сосна.

Тропа.

И дальний гонг.

И нет тебя.

21. ТОТЕМ ОДУВАНЧИКА

Даже сильный ветер не может обдуть одуванчик.

Но если ребёнок его поднесёт ко рту, снежинки-дышинки взлетят и тогда уж, подхвачены ветром, к небу летят.

Вот почему зимою не мёрзнет земля — она укрыта от холода детским дыханием.

А когда весна проплачет своё, на зелёных лужайках вновь поднимаются бледные стебли.

Светло становится от жёлтых головок.

И солнце желтеет к лету.

Головки белеют и ждут полёта.

И дети приходят.

"Вино из одуванчиков" — так назвал детство Рэй Брэдбери.

Станислав Лем назвал его "Высокий замок".

Должны же ведь где-то жить снежинки-дышинки, когда улетают в небо.

Как назовёшь его ты?

Может быть, "Одуванчиковый ветер"?

Или "Сугробы из одуванчиков"?

Только не называй его "Лысый одуванчик", или "Газонокосилка для одуванчиков".

Это смешно, но нечестно.

Вот доживёшь до старости и сам станешь как одуванчик.

Чего будешь ждать тогда: Газонокосилки или Божьего дыхания?

22. ТОТЕМ ДУБА

Я высохший дуб уподоблю чудесному камню, причудливой силой ветров и воды превращённому в дуб.

Слетались века и садились на голые ветви, и там щебетали о времени вечной душе.

Но дамы прелестные и блестящие кавалеры, вальсирующие по зеркальному паркету бальных залов, не думают о мрачном и тяжёлом.

Об этом думает разбойник, что диким свистом останавливает путника.

Об этом думает учёный седоусый, склонившийся над хитрым фолиантом.

А также мастер, что в воде речной мостов устои твёрдо укрепляет.

Титан, рождённый сырой землёй, коряв, и тёмен, и силён.

И одинок, как одиноки все титаны.

По краю рощи рамень чёрною зовётся потому.

Родится из яйца — ведь жёлудь на яйцо похож — как птица.

Дуб-мальчик — непокорен и упрям.
Дуб-юноша о подвигах мечтает.
Дуб-богатырь — разбойник благородный.
Дуб-старец — знахарь и колдун.

Считается, что дуб немного туп.
Не потому ль, что тупится топор?

23. ТОТЕМ ВОРОНА

Не ты ли прокричал "О, nevermore!"?

Не ты ль кружил, добычи добиваясь?

Не ты ль носил с востока солнце в клюве?

В твоём зрачке змеились огонь и мрак.

По лугу росному промчались вороные.

Поручик гладит воронёный ствол.

В воронку чёрную уходит смерчем время.

Кто нам наворожил судьбу такую?

Кто врал про свет?

Кто стал врагом?

Кто врачевать сумеет раны?

На подоконнике сидит ворона.

Птица эта собою неприметна, но из того же рода, что великие.

И знаменита лишь наглостью и воровством.

Не мудрый ворон — вороньё осело в городах.

Чуть не из рук хлеб вырывают.

В Японии напали на людей.

Бросаются на самолёты.

Чужие гнёзда разоряют.

Кричат как на базаре.

Гадят всюду.

Стал белою вороной чёрный ворон.

24. ТОТЕМ ЧАШИ

С ключевою водою подносят старинный ковш, держа на ладонях резные хвост и голову сказочной птицы.

Вода плескается через край.

Птица в небо взлетит и Северный Ковш опрокинет на Млечный Путь.

Будут волны речные биться о борт расписной ладьи.

Через тысячу лет возвратится лёгким чёлном, бегущим под звёздною Чашей южной Небесной Реки.

И тогда поплывёт по трепетным волнам рук полная чаша зелена вина от уст к устам.

Но прежде чем чаша весов склонится,
нам придётся испить до дна чашу горькую,
переполнится чаша терпения,
и смертную чашу к устам поднесём,
чтобы к жизни другой возродиться.

Птицей.

Я не знаю, чьи чары ведут нас по этому кругу.
Полушарие чаши — опрокинутый череп неба.
Ковш-ковчег: бьются волны снаружи,
играет вино изнутри.

Я сижу по-китайски за чашкою чая.
Не за "a cup of tea": наш Китай — это Север.
А чай — это кровь.

За окном в расписных облаках — реактивная чаша Грааля.

25. ТОТЕМ ЛАНДЫША

Ладья Луны над лесною поляной зависла.

Из тёмных уголков по тропам топот, и шелест крыльев, и шорох трав, и лепет листьев.

Вот лысый Лось выходит из тени в сопровождении седого Лиса, беседуя на языке славян.

Вот Лебедь белая и белый Лунь друг с другом спорят на латыни.

Нечистый-Леман с ведьмою-Лаумой готовят ледяное ложе.

В лещине Леший суетится, лишайниками украшая ветви и стволы деревьев.

С Луны спускаются латунные лучи.
Держась за них легко слетает Лель.

Замолкло всё, в весенней тишине полился звон лилейных колокольчиков.

Трепещет Ландыш — Ухо Лани.

И над поляной разливается его любовный яд.
Он ищет сердце, чтобы к нему прильнуть.

В дрожащем лоне майской ночи летучих духов вихрь лепит пленительную плоть: её ладони, локти, плечи, лицо, ланиты, локоны, глаза.

На ландышевый луг, залитый лунным светом, как колдовское наваждение выходит воплощение Лилит.

1999

УБИТЬ ДРАКОНА

эссе о том, как не писать стихи

Меня как-то спросили:

— А Вы можете не писать стихи?

И я ответил:

— Конечно, могу. И каждый это может. Другое дело, что кому-то это удаётся легко, а кому-то — с большим трудом. Но есть масса способов.

Например, можно смотреть телевизор. Вы садитесь в кресло, берёте в руки пульт и нажимаете кнопки. От цветного калейдоскопа на экране и какофонии звуков в динамиках желание рифмовать сразу пропадает. Правда, у других, наоборот, от всего этого в мозгу что-то завихряется и слова так и выскакивают наружу. Тогда можно пить водку. Выпил водки — и никаких стихов не надо. Правда, другие как раз в опьянении находят вдохновение и тут же сочиняют поэтические циклы, которые так и озаглавливают — "За вином". Тогда можно попробовать секс. Некоторые считают, что это лекарство — от всех болезней. Правда, другие так возбуждаются, что начинают строчить сонеты "К прекрасной даме". Можно попробовать заниматься детьми: с маленькими — играть, постарше — учить. Вы раздражаетесь и вам уже не до стихов. Правда, некоторые становятся от этого детскими поэтами. Ещё бывает полезно заняться хозяйственными делами: вымыть посуду, подмести пол, протереть пыль с полок, сбросить бумаги со стола и вынести помойное ведро. Хотя для других подобные приготовления оказываются прелюдией к творчеству: когда вокруг ни пылинки от внешнего мира, они приходят в возвышенное состояние и их уже не остановить. Одни перестают писать стихи, когда оказываются на природе, — видимо, от переизбытка кислорода.

Другим, наоборот, стоит увидеть берёзку или речку, как они тут же пишут об этом стихотворение, — таким лучше жить в городе.

По этому поводу у меня есть вот такое стихотворение:

На берегу Оки
в камнях известняка
шумели родники
с холодною водою.
И чтоб наверняка
затронуть за живое:
старинной ивы ствол,
и мостик, и скамья.
И солнце шло за холм.
И сумерки тихи.
Уже скучаю я.
Уже пишу стихи.

В общем, здесь нужен индивидуальный подход. Поэтическая болезнь только по внешним симптомам у всех одинаковая, а причины могут быть самые разные: несбалансированное питание, вредные привычки, переутомление, стрессы, детские травмы. Кому-то в детстве дали конфетку за случайную поэтическую строчку, и он полюбил сладкое. Кого-то, наоборот, обругали за то же самое, и он хочет доказать. Стихи пишут от радости или от горя — как здоровые люди плачут или пьют вино. Сочиняют из ревности: "он может, а я чем хуже". В стремлении к общности: "мы, поэты". Или в стремлении к одиночеству: "я, единственный". Я знал одного поэта, который сочинял стихи из-за несварения желудка, — это его как-то отвлекало от неприятных ощущений.

Только познав истинную причину вашего личного вдохновения, вы сможете избавиться от стихотворчества. Прежде всего, нужно выяснить направление: вы поднимаетесь до поэзии или опускаетесь до неё? В первом случае вам нужно что-нибудь тяжёлое на ноги, какой-нибудь груз забот, дел, ответственности. Это вас остановит. Во втором случае, наоборот, вам требуется что-то окрыляющее: пойдите в сауну, заведите любовницу, отправьтесь в путешествие. Это вас поддержит. Во-вторых, определите сексуальный характер вашей музы: вы мучаетесь над строкой или испытываете радость и удовлетворение? Попробуйте кожаную плеть: либо пусть вас бьют, либо вы бейте. Многое зависит от ритма и размера поэтического недуга. Вопреки распространённому мнению, сочинителя длинных поэм вылечить проще. Старайтесь почаще его отвлекать, постоянно давайте ему разные мелкие поручения: сходить в магазин, постирать носки.

Это выведет его из равновесия и после шести-семи неоконченных поэм он бросит это занятие. Гораздо тяжелее случай любителей хайку: на вид это вполне здоровые люди, приступы болезни неожиданны, непредсказуемы и скоротечны. Как я написал по другому поводу:

Как вода в пруду
безмятежна жизнь моя.
И вдруг — лягушка!

Писать стихи — не преступление. Общество, и особенно близкие поэтов, должны понять: поэзия — это болезнь. Тяжёлая, но излечимая. Не писать стихи может каждый. Нужно только поверить в себя, в свои силы и способности, не останавливаться на достигнутом и много трудиться. И тогда, может быть, вы тоже найдёте хороший способ не писать стихи. Главное — правильно определить природу вашего личного творческого вдохновения. Об этом у меня тоже есть стихотворение:

Ты знаешь, друг мой, вдохновение похоже
на голод никотиновый заядлого курильщика,
на соловьиную тоску,
на муку долгую разлуки,
на детский страх — внезапный, беспричинный,
и на того, кто получил возможность
прощаться с миром накануне казни.
Ещё оно похоже на державу,
что в утреннем туманном полусне
поводит чутко ушками антенн
и вздрагивает рыльцами орудий.
Ещё похоже на отца,
которого я видел слишком мало,
чтоб счесть родным и близким человеком,
лишь голос крови — вроде предрассудка —
мне на губной гармошке напевает
какой-то старый и унылый марш.
А, впрочем, друг мой, ты прекрасно знаешь,
что вдохновенье — это одуванчик:
в траву бросают голенькое тельце,
а душу ветер поднимает в небо.
Но мудрецы считают прозорливо:
душа — лишь семя новой жизни,
и место ей не в небе, а в земле.
Засим прощаюсь, передай поклоны
твоей родне. Особо — дяде Ване:

мои стихи он слушал и молчал,
не проронив ни слова.
Post scriptum: Впрочем,
может быть, он спал.

Конечно, в наш просвещенный век для борьбы с поэтическим недугом нельзя ограничиться только методами традиционной медицины. Вы должны пойти к гадалкам, колдунам, астрологам, магистрам белой и черной магии, а также магии всех других цветов. По мнению многих авторитетных специалистов поэзия имеет неземное происхождение. В своей астральной сущности поэзия — это белый дракон.

В 5-м веке китаец Лю Се написал трактат "Вэнь синь дяо лун". Вэнь — значит узор, сотканье знаков, изящная словесность, письмена, литература, культура. Синь — значит сердце-сознание. Дяо лун — значит вырезание драконов или резной. Это переводят как "Резной дракон литературной мысли" или как "Дракон, изваянный в сердце письмен" или как "Дракон, изваянный сердцем письмен".

Дракон — символ творчества, творческой мощи, энергии и вдохновения.

Поэзия — это белое на белом
Белый звук тишины, рождающий музыку
Белый свет Луны, влюблённой в ночную Землю
Белый сон в ночи, который мы смотрим, закрыв глаза
Белки глаз, которыми смотрит на мир мудрец
Белое пятно на карте старинной с пометками на испанском языке
Белый снег бесконечной зимы
Белый ветер бесконечной весны
Белое небо бесконечного лета
Белая вода бесконечной осени
Когда умирают драконы мира
рождается белый дракон поэзии
Он летит и машет крыльями
И оживают мёртвые
И умирают живые
И приходят ещё не рождённые
И поют песни

Белое — это не то, что покрашено белой краской. Это прозрачное. Это невидимое. Это отсутствие цвета. Это видимое отсутствие цвета.

Драконьи вены гор, ветвей деревьев, морщин на лицах и судеб умерших. Такими же бывают строки стихов.

У дракона нет крыльев, потому что они ему не нужны. Для полёта дракона не нужен ветер. Он сам создаёт ветер. Он сам — ветер.

"Человек, человек, человек, человечность по всей странице, земля и деревья..." — так сказал Эзра Паунд о философе Мэн-цзы. Я, пожалуй, продолжу:

Человек, человек, человек,
человечность по всей странице, земля и деревья,
горы и воды, ветер и поток ручья,
отражение облака, капли дождя, прикосновение листьев травы.
И снова деревья, и тени деревьев.
Мокрая земля.
По тропе идёт человек.
По тропе идёт человек.
Строки кончаются рифмами.
Дождь, снег, град.
Читать знаки на спинах деревьев.
Лица в тумане.
Кто облако? Кто холм? Кто дорога?
Кто старик? Греет спину на весеннем солнышке.
Доклад императору. Отнесись с почтением.
И наказания применяются правильно.
С клёна падает лист. Шелохнулся камыш.
Возвращаются рыбаки.
В твоём сердце проснулся белый дракон.
Он взлетает.

В общем, как сказано в знаменитом чаньском гун-ань:

"Встретишь Будду — убей Будду, встретишь дракона — убей дракона".

3 октября 1999

2000

КУТОК

эссе non-fiction

54°27'41" с. ш. 42°11'04" в. д. Рязанская обл., Сасовский р-н, дер. Липовка.

Липовка — это просто деревня. Как ни странно, она существует на самом деле — в глуши Рязанской губернии, почти на границе с Мордовией. От шоссе деревню отделяют луга, река Мокша, снова луга, Старица и опять луга. Старица — это старое русло реки Мокши, которое стало длинным озером.

Время течёт. Не всё и не все, о чём и о ком рассказывается в этих заметках, осталось сегодня, и многое из того, что осталось, стало другим, изменилось. Кто-то умер, кто-то уехал, кто-то родился, кто-то приехал. Но это не так важно, потому что, когда мы говорим о каком-то месте на карте России, мы говорим о том, как течёт через него время: говорим не только о том, что есть, но и о том, что было. Поэтому я ничего не меняю в этих заметках.

Через Мокшу переправляемся на деревянной лодке. Идём по лугам, потом вдоль речки Панинка, соединяющей Мокшу и Старицу, по тропинке среди кустов и деревьев. Весной речка Панинка течет от Мокши к Старице, летом и осенью — в обратную сторону. У нас есть резиновая лодка, мы надуваем её и плывем вдоль Старицы, чтобы пристать поближе к деревне.

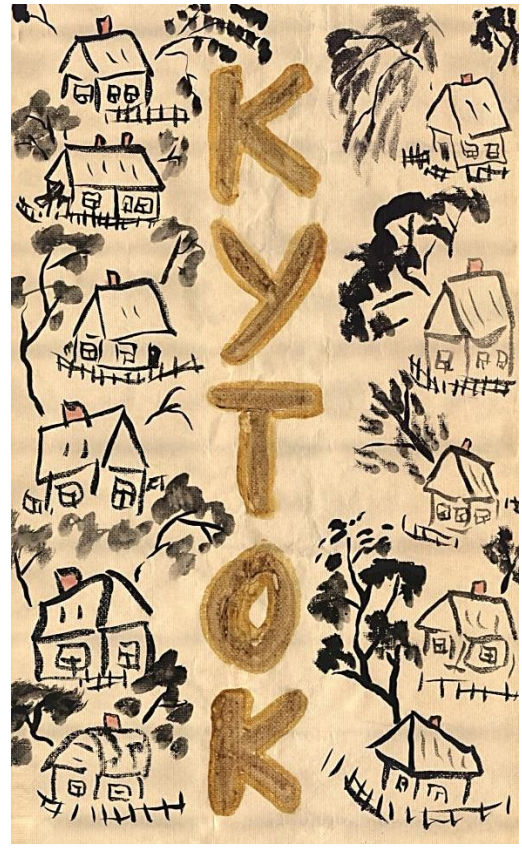
Идем по дороге и приходим в Липовку. Там у меня свой дом. И я утром сижу на крыльце и смотрю в сторону леса. И я вечером сижу на веранде и смотрю на закат солнца.

Улица, на которой стоит мой дом, называется Куток. Куток — значит уголок, потаённое место. Дома на потаённой улице немного грустные. Они могут быть весёлые и хмельные, светлые и радостные, но всё равно — немного грустные. Это потому, что время оставило на них свои следы, и сами они — след улетевшего времени, медленно тающий. Дома в Липовке не нумеруются. Может быть, где-нибудь, в каких-нибудь списках у домов есть номера, но вряд ли кто знает номер даже собственного дома. Я тоже не знаю. Дома в Липовке называют по именам хозяев. Кто-то живет в деревне постоянно — это местные, кто-то лишь наездом — из Сасово, Рязани, Москвы.

У самого края Кутка, стало быть, в закутке, в сторонке стоит дом Володи Матео. У него такая фамилия, потому что он сын испанского ребёнка. Недалеко от дома он поставил высокий шест с тележным колесом наверху. Это чтобы аисты вили там свои гнёзда. Но аисты предпочитают крышу водонапорной башни, потому что она выше. Я сочинил хайку про аистов и Володя сказал: «Если бы это была испанская поэзия, я бы с тобой поспорил, а так — не буду».

Дом второй. В этом доме, у Серёжи Шереметьева, любит собираться молодежь. А когда приезжают родители Серёжи, молодёжь собирается в другом месте. Я же просто прохожу мимо.

Дом третий. Здесь живёт поэт и философ баба Люба. Родом она из соседней деревни Шевали-Майдан, но в Липовке провела всю свою жизнь. А лет ей уже 88. Обычная жизнь, проходящая в повседневности, не выходящая за край — предел и наполняющая собой край — родную сторону, жизнь в деревне Липовка, в деревянном пятистенке на конце улицы, называемой «Куток», жизнь, хотя и связанная с дальними городами сыновьями и дочерьми, внуками и правнуками бабы Любы, но укоренённая именно здесь, хотя и тревожимая вестями с экрана телевизора или мембраны радио, но так, как тревожим лес ветрами, прилетающими издалека, и остающийся неколебимым



благодаря корням, глубоко ушедшим в землю, лес, который посадила когда-то баба Люба. Вот почему я называю бабу Любу поэтом — в том изначальном смысле, в котором поэт — значит человек, в своей жизни и своём слове не отступающий от живого смысла мира. Вот почему я называю бабу Любу философом, ведь философия — это захваченность истинным бытием и нацеленность на суть мира. Хотя сама баба Люба, по-видимому, ничего не знает о философии и поэзии. Она просто поёт старые песни и рассказывает о своей жизни.

В четвертом доме давно никого нет. Были когда-то папа с сыном — мы их называли бегемотики, потому что они были толстенькие. А теперь никого нет. А рядом с домом растёт большое дерево с толстым стволом. Не назвать ли его бегемотиком?

Дом пятый. Дом под соломенной крышей. Другого такого в деревне нет. Дом под соломенной крышей. Крыша уже прохудилась. Что же не едут люди в дом под соломенной крышей? Гроздья красные рябины нависают над крышей и заглядывают в окна.

В шестом доме живет Таня Хазова. У неё есть собака Степан, который имеет привычку незаметно подбираться сзади и кусать за ноги. Поэтому многие Степана не любят. Таня жалуется: «Он ведь, в душе, хорошая и добрая собака». И тогда мы сказали: «Ну, конечно, мы понимаем. У нас тоже была собака, и мы все ходили покусанные. И плакали, когда она умерла».

Дом седьмой. Это дом Наташки-Селивашки, потому что у неё фамилия Селиваненко, а Наташ много. Её маму зовут Вержиния, потому что Вера — имя недостаточно редкое. В огороде за домом — прекрасная плантация серой полыни. А чуть дальше, на взгорке — деревенский погост. Наташа любит экзотические ароматы, поёт песни и играет на гитаре. А ещё она работала гидом туристической фирмы в Египте. Поэтому я сочинил про нее такой лимерик:

У талантливой леди с Египта
в доме пахло всегда эвкалиптом.
Только не было дома — ну, что здесь такого?
И, сказав «это просто!»,
прикупила земли у погоста
та беспечная дама из Липовки.

Дом восьмой. В этом доме жила бабушка. У нее была фамилия Ахухина. Её забрали в город. А больше я ничего не знаю.

Дальше по Кутку есть ещё дома, но я их нарисовать не успел. Поэтому переходим на другую сторону улицы и опять начинаем сначала.

В крайнем доме живёт Тоня. Она моя соседка. У неё замечательный вишнёвый сад. Я люблю приезжать в мае, чтобы смотреть на белый цвет, переливающийся через ограду на мой участок. От этого солнечный свет становится как будто лунным. А если встать в середину вишнёвых деревьев, может показаться, что ты в середине облака.

Второй дом с краю местные называют «Березовским», потому что когда-то, лет двадцать назад, здесь жил старик-бондарь по фамилии Березов. «Старик-горюн» — называла его баба Люба, когда он остался один и долго болел перед смертью. Теперь это мой дом.

Зачем я купил этот дом?
Зачем мне Липовка?
Чтобы рисовать картины, сочинять стихи и писать тексты.
Если копнуть глубже — чтобы просто жить.
Ещё глубже — чтобы готовиться к смерти.
И, наверное, на самом дне —
чтобы рисовать картины, сочинять стихи и писать тексты.

Дом третий.

Огород зарастает травой.
Поросенок уже не хрюкает.
У крыльца не гогочут гуси.
Здесь когда-то жила тётя Дуся.
Очень жаль, что она умерла.

Баба Люба скучает по своей подружке, они пели на два голоса. А теперь лишь изредка приезжают дети и внуки на несколько дней отдохнуть в родовом своём доме. Многие хотели бы купить этот дом, но он не продаётся.

Дом четвертый.

Здесь живёт дядя Петя.
Он встаёт на рассвете.
У него много дел и забот:
куры, козы, жена, огород.
Упрекнуть дядю Петю не в чем —
от зари и до позднего вечера
он всё трудится, трудится, трудится...

«Эх, неправильно живёт человек! — говорит баба Люба. — Ни веселья не знает, ни праздника! Не может ни петь, ни плясать, ни вина пить!». А меня дядя Петя спрашивает: «Ну что ж они там, наверху? Что ж они думают? Ведь совсем жизнь плохая стала? Дальше уж некуда. Что ж дальше-то будет?» А что мне сказать дяде Пете? «Ну, ладно, — говорит дядя Петя, — Бог даст — живы будем, а не даст — помрём».

В пятом доме живут Гамбургские. Это фамилия такая. Но с ними я не знаком и врать про них не буду.

Дома шестого уже нет. Упал дом. Жил-жил и упал. А дерево осталось. Дерево живет долго.

2000 год

2001

ЭССЕ О НЕБЕ

эссе non-fiction

О небе над нашей деревней Липовкой много всяких небылиц рассказывают.

Такого понапридумывали — просто стыд берёт.

А небо-то наше Липовское — и вправду удивительное.

И не то, чтобы совсем враки о нём говорят, вроде как и правду, да только всё путают.

Распутывать надо.

Вот, например, говорят, будто небо над Липовкой очень высокое.

Это враки.

Небо наше совсем низенькое — оно у самой земли начинается.

Да только не тоненькое — не как плёнка какая в городе.

У нас небо тучное, толстое: нижний-то край у самой земли, а верхний — высоко-высоко — шею сломаешь.

Ещё говорят, будто в Липовке у заката такие краски, которые больше нигде в природе не встречаются.

Такой закат ни один художник нарисовать не может.

Ну, разве какой совсем сумасшедший художник.

Тоже неправда.

Есть такие краски, и есть такие художники.

Другое дело, что рисует он один закат, а о том не догадывается, что в Липовке в это же время ещё и другой закат по небу разливается.

Люди с разных концов деревни встречаются и закат обсуждают, да спорят: одни говорят, закат вчера красный был, другие — красный позавчера был, а вчера — жёлтый.

До хрипоты спорят.

А всё потому, что разные закаты видели.

Бывает, что и по три, и по четыре заката в один вечер показывают.

Можно даже и не ходить на другой конец.

Стой на месте и смотри: один закат кончается — другой начинается.

До девяти закатов за раз увидеть можно.

А потом ночь наступает и звёзды на небо вываливаются, планеты всякие.

Врут, будто над Липовкой звёзд больше, чем в других местах.

Как же так может быть?

Звёзды — они ведь не то, что шляпки от гвоздиков: в одном месте столько понатыкали, а в другом — другое количество.

Это только так кажется, что у нас звёзд больше.

Звёзд-то столько же, да только размером они побольше будут.

Обычно-то звёзды — с булавочную головку, а у нас — со спелую сливу, даже с яблоко попадаются.

А в особые ночи, бывает, такие тыквы на небо выкатываются — даже страшно становится.

Зато, когда утром солнце всходит…

Вот говорят, будто в Липовских лесах пожары часто бывают.

Мол, жара, сосны и всё такое.

Да не чаще, чем в других лесах.

Просто путают часто.

Думают — огонь над лесом, а это солнце всходит.

Потом-то, конечно, разобраться можно — это когда в небе дыра огромная образуется и вся малиновым светом светится.

Тоже солнце — встало уже.

Ну, потом оно сверкать начинает — это уж дело обычное, неинтересное.

Зато облака на небо выходят.

Говорят, что в небо над Липовкой облака со всех сторон слетаются — и из Демушкино, и из Сасово, из Кадома, даже из Рязани и самой Москвы.

Да что из Москвы — из Питера прилетают.

Вроде как у них тут, над Липовкой, тусовка такая облачная.

Тоже враки.

Это люди в Липовку приезжают — и из Сасово, и из Рязани, и из Москвы, и из Питера.

А у каждого, кто хоть раз в Липовке побывал, здесь своё облако рождается.

Вот люди соберутся на земле, а в небе ихние облака тоже собираются.

У местных-то не по одному, а по два, по три облака, даже до целого стада доходит — это уж какой человек.

Вот и кружат облака в небе над Липовкой.

Друг к другу в гости ходят, то в одном месте соберутся, то — в другом.

За взрослыми облаками детские облачка летят, играют друг с другом, наперегонки через небо бегают.

Вокруг больших, старых уже туч, бывает, до трёх поколений облаков сходятся — полнеба занимают.

А небо над Липовкой широкое — раза в четыре шире обычного.

Много чего в нём помещается.

Но и оно, бывает, переполнится и через край перехлёстывает.

Молнии сверкают, гром гремит, ливень с ног сбивает.

Это, значит, кто-то из деревенских старожилов сердится.

А может, наоборот, радуется чересчур — что дети приехали, да со внуками.

Дождичка надо, чтобы грибы пошли.

Ну, про небо наше Липовское много ещё чего говорить можно.

Оно ведь не только в небе.

Его и в Старице увидеть можно: то облака по воде плывут, то солнце дорожкой растекается, или звёзды светящимися рыбками играют.

Ещё небо — оно ведь низкое, но толстое — в ветвях деревьев запутывается.

В траву ляжешь — оно и в траве.

Бабе Любе в глаза заглянешь — вот же оно — Липовское небо.

Так что много небылиц про наше небо сказывают, да врут всё.

А по правде-то оно ещё чудеснее и удивительнее будет.

Вернисаж 16 августа 2001 года
в деревне Липовка в доме Наташи Селиваненко

2002

НЕПРАВИЛЬНЫЕ СКАЗКИ

4 неправильные сказки

1. Александр Сергеевич Человек и Александра Гавриловна Покойная

Александр Сергеевич Человек видел мертвецов. Он видел, как они лежат под землей на большей или меньшей глубине, одетые в ту одежду, в которой их хоронили, с тем выражением лица, с которым застала их смерть. Да, Александр Сергеевич Человек видел не сгнившую плоть и истлевшие кости, а мертвеца целиком. Если бы не странная недвижимость, мертвецов можно было бы принять за спящих. Впрочем, если бы кто-нибудь спросил Александра Сергеевича об этом, он, пожалуй, не согласился бы с полной недвижимостью мертвых. Всё-таки немного они шевелились: то бровь дрогнет, то щека дернется, а то и с боку на бок перевернется. Конечно, все это были движения непроизвольные, рефлекторные, вроде как тот опыт, когда под воздействием электрического тока дергается лягушачья лапка, хотя самой лягушки уже и нет.

По причине такого необычного видения Александр Сергеевич Человек не любил город и любил деревню. В городе, во-первых, было слишком уж много мертвецов. Куда ни ступишь, окажешься как бы на вершине колонны, сложенной из мертвецов, будто из кирпичей, колонны, уходящей далеко вглубь земли. Во-вторых, городские мертвецы, то ли из-за плохой экологии, то ли вследствие суетливой городской жизни, были какие-то дерганые, их рефлекторные движения происходили слишком уж часто и энергично. Доходило до того, что из-под земли как бы высовывались мертвецкие руки и хватали Александра Сергеевича Человека за ноги. Особенно плохо было в метро: там мертвецы, растревоженные подземным гулом электричек, резвились вовсю и, к тому же, были не только внизу, но и сбоку и сверху. Так

что порой Александр Сергеевич Человек не мог определить, кто перед ним — мертвец или живой горожанин.

В деревне же, напротив, мертвецы лежали в земле чинно, спокойно с выражением достоинства на лице. Места под землей было много, а мертвецов, по сравнению с городом, не очень много. Они не толкались, не лезли друг на друга. И, хотя выражения их лиц были весьма суровы, это внушало не страх, а некое умиротворение и вносило в душу примирение с миром, жизнью и смертью.

Вот почему, выйдя на пенсию, Александр Сергеевич Человек уехал из города, купил в деревне дом и поселился в нем.

Александра Гавриловна Покойная тоже не любила город и любила деревню, и тоже по причине странного видения, хотя и отличного от видения Александра Сергеевича Человека. Александра Гавриловна с первого, даже беглого взгляда распознавала истинную фамилию человека. Не имя, а именно фамилию: истинное имя видели многие, а истинную фамилию видела только она. Для этого нужно было проникать взором не вглубь человеческой сущности, а в толщу времени, чтобы увидеть то место, где от общечеловеческого древа ответвлялась истинная фамилия — словно ветка, на конце которой одним из многих листочков жил человек в нашем времени. Он мог носить совсем другую фамилию — ту, что была записана в его паспорте, или ту, что он ему дали при рождении, но все равно эта фамилия была чисто случайной, внешней. Тогда как истинная фамилия человека как раз и определяла самые главные, родовые его черты.

И опять оказывалось, что в городе очень уж много людей с неистинными фамилиями. А между тем, расхождение между истинной и внешней фамилиями сильно влияло на судьбу человека: чем расхождение было больше, тем несчастливее и неправильнее была эта судьба. Человек порой никак не мог понять, почему его преследуют неудачи, откуда берутся неврозы и стрессы и отчего зарождаются все новые и новые болезни. А причина была одна: расхождение между фамилиями. Александре Гавриловне Покойной казалось, что в городе, будто в больнице, ее окружают одни больные люди.

Другое дело в деревне, здесь почти все носили свою истинную фамилию, и не было никакого лицемерия. Конечно, так получалось по причине замкнутого образа деревенской жизни. Истинных фамилий в деревне было немного и, хотя люди все время женились и выходили замуж, и по этой причине меняли фамилию, все равно получалось, что внешние фамилии как бы двигались по одному и тому же навечно установленному кругу фамилий истинных. От этого и сами истинные фамилии становились ближе друг другу,

и разница между внешними и истинными фамилиями почти полностью стиралась.

Вот почему, выйдя на пенсию, Александра Гавриловна Покойная уехала из города и поселилась в деревне. По случайности — в той самой деревне, где уже жил Александр Сергеевич Человек. Там они познакомились и подружились. Александра Гавриловна увидела, что у Александра Сергеевича от того такая немного странная фамилия Человек, что она истинная. И это Александре Гавриловне понравилось. Александр Сергеевич, в свою очередь, увидел, что многие деревенские мертвецы лицом похожи на Александру Гавриловну и, стало быть, скорее всего, она какими-то своими предками из этой деревни и происходит. И это Александру Сергеевичу понравилось. День за день, и стали они жить одним домом и как бы мужем и женой. А поскольку были уже в пожилом возрасте, то звали их старик и старуха.

Жили-были старик со старухой. Деревенские мертвецы, совершая рефлекторные движения глазами, глядели на них из-под земли, с достоинством и одобрением, хотя, может быть, немного сурово. Деревенские живые раскланивались с ними на улице подобно листочкам на ветке дерева, колеблемые ветром. Поскольку старик был старик, а старуха была старуха, детей у них не было и, когда они умерли, свой дар видения они никому не передали. Сказка на этом закончилась.

январь 2002

2. Великий русский мужик Емельян Афанасьевич Бакенбардов

Великий русский мужик Емельян Афанасьевич Бакенбардов как-то раз весенней порой пахал русское поле. Шёл он за толстоногим конем, слушал, как птички поют, и втыкал соху в почернелую землю.

Вдруг слышит — звякнуло что-то в борозде. "Не злато, — подумал Емельян Афанасьевич, — то глуше звякает. Да и не серебро — то звончее будет. Опять, небось, нержавейка какая или жестянка пивная подброшена". Последнее время что-то часто стали попадаться в борозде русского поля такие вот бесполезные вещи. Видно, прохудились кое-где купола временные, и система утилизации дала течь из веков будущих, непотребных в наше старое

доброе время. На кой она — нержавейка? Кузнецу не снесешь — не куется ни хрена. А жестянка пивная не то, что копьем молодецким, — иголкой бабской протыкается. Или вот бывает, чип компьютерный в борозде блеснет — так ведь устаревший, на что он годен? Разве что бутылки пивные попадаются — для пива, ясно дело, не годятся — малы больно, а вот аптекарю Семену Израилевичу снести можно. Он в них живой воды пополам с мертвой нацедит, бумажки приклеит и на княжьем подворье приторговывает — себе на пользу и людям болезным на излечение.

Поднял Емельян Бакенбардов соху, а там и правда — в комьях земли русской компьютерный чип лежит, да не устаревшей, а самой что ни на есть наиновейшей конструкции. И говорит компьютерный чип человеческим голосом: "Хрен ли ты, великий русский мужик Емельян Афанасьеывич спишь — не просыпаешься, когда такие дела скоро начнут разворачиваться". И норовит Бакенбардова за бакенбарды дернуть.

Встрепенулся тут великий русский мужик Емельян Афанасьевич, встряхнулся, вздернулся, руками себя по бакенбардам шлепает. Чуть с печи не свалился!

А дед-трехвершовик ему снизу из избы кричит: "Хрен ли ты, великий русский мужик Емелька, на печи валяешься, когда вот ужо почти что сейчас начинается в 21.00 кино на СТС!" (Примечание редактора: СТС — древний телевизионный канал, закрытый в незапамятные времена Соловьем Разбойником по приказу Змея Горыныча за неуплату налогов и невосторженную направленность передач.)

"Важное кино, — говорит дед-трехвершовик, — про то, как великий русский мужик Емельян Афанасьевич Бакенбардов русское поле пахал".

"А, — отвечает Емельян Афанасьевич, — это я уже видел". И на другой бок перевернулся.

А в это время толстоногий конь стоял в стойле и думал свою тяжелую лошадиную думу.

Вышел дед-трехвершовик на крыльцо, расстегнулся. Солнышко весеннее греет, с крыши капли капели капают. По усам текут, а в рот не попадают.

Тут и сказке конец.

январь 2002

3. Красная шапочка и сокровенная волчья правда

Жила-была Красная шапочка. Пошла она как-то в лес, идет, цветочки-листочки, и вдруг откуда ни возьмись — волк. Увидел Красную Шапочку, натянул на голову и побежал к бабушке. Потому-что не волк он ещё был, а так — волчонок и бабушка его ещё жива была.

Прибежал и кричит:

— Бабушка! Бабушка! Я Красную Шапочку нашёл.

А бабушка и говорит:

— Дурачок ты внучек. Разве волки носят Красную Шапочку?

— А что волки носят?

— Волки носят вот такие зубы, — и показала зубы.

— Волки носят воткаие уши, — и показала уши.

— Волки носят вот такой хвост, — и показала хвост.

— А ещё волки носят свою сокровенную волчью правду. Иди-ка ты, внучек, в лес и ищи свою сокровенную волчью правду.

И пошёл волк по лесу искать сокровенную волчью правду. Долго ли шёл, коротко ли, вышел на опушку леса. А там — девочка. Увидела волка и говорит:

— Ты че, волк, в натуре, Красную Шапочку нацепил? Крыша поехала?

— Да не, я сокровенную волчью правду ищу.

— Ну, ты даешь! А шапочка-то моя, я ее в лесу оставила.

— Да, ладно, возьми, раз твоя, — засмущался волк. И отдал шапочку девочке.

А та говорит:

— Ладно тебе. Давай лучше поиграем, я от тебя убегать буду, а ты, чисто конкретно, за мной погонишься.

— Давай.

Ну, девочка побежала. Волк хвостом дернул, ушами вздрогнул, по-волчьи взвыл, зубами улыбнулся и побежал. Вот бегут они, бегут и вдруг девочка — шасть в кусты. А из кустов охотник выходит с ружьем. Ба-бах!

Упал волк, истекает кровью в снегу и думает:

— Ох и тяжела она — сокровенная волчья правда.

И сдох.

А охотник сшил для девочки серую волчью шапку. И стали они жить, добра наживать. Тут и сказке конец.

январь 2002

4. Александр Анаксагорович Бенкендорф — человек и потомок

Александр Анаксагорович Бенкендорф ежедневно принимает на грудь семьсот граммов живой воды.

В тумане слышен лишь стук копыт — не стук, а шепот, будто кто-то нежный слегка касается войлоком телячьей кожи, — копыта лошади слегка касаются земли дороги. Дорога пригубила бледную зелень лугов. Каплей стекает по коже лошади вода тумана. Слева в отдалении над землею колышется лес, похожий на тень леса. Лишь самые смелые протягивают из тумана ветви с раскрытыми ладонями листьев. Справа в отдалении молоко тумана плывет по молоку реки. Далеко впереди, у самой границы неба плавают крыши домов и две грустные струйки дыма поднимаются из печных труб и смешиваются с туманом неба.

За поворотом стоит мальчик в пастушьем плаще до земли.

— Здравствуйте, Александр Анаксагорович. Надолго ли приехали в родную деревню?

Становится чаще стук копыт, чаще и громче, будто колесами по металлу. Александр Анаксагорович сидит в одиночестве, вокруг нет никого, он видит людей в отдалении, что качаются в ритме вагона и стараются не вдыхать неприятный запах, плывущий по салону от Александра Анаксагоровича. Съежившись, Бенкендорф принимает ещё сто граммов живой воды.

Мальчик-пастух, пожав плечами, уходит с дороги в молоко тумана, где бродят коровы, пожие на облака, и жуют бледную зелень лугов.

В деревенской избе старая колдунься вынимает из печи чугунок с приворотным земльем и ставит на подоконник остудить. А в дверь уже скребутся ранние мужики с зажатыми в огрубелых пальцах десятирублевиками.

По всей Руси пьют живую воду, бродят коровы, шепчут копыта лошадей и туман плывет над землей.

Александр Анаксагорович Бенкендорф, человек и потомок, смежив веки, погружается в сон, похожий на сказку, ставшую былью в незапамятные времена.

В молоке реки плавает престарелая говорящая щука, которую так никто и не выловил.

январь 2002

2003

КИТАЙСКИЕ ОКНА

24 картинки с текстами

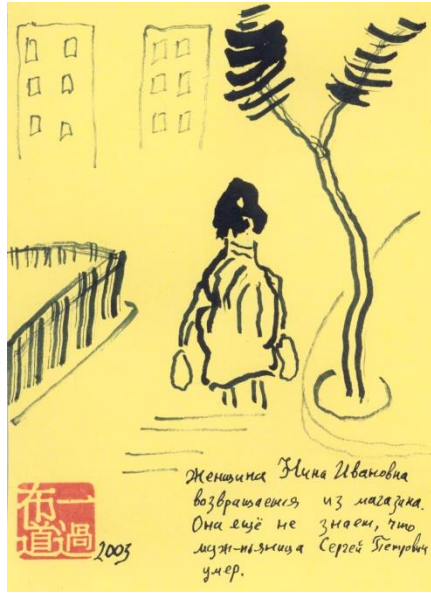
Не знаю, почему я назвал этот цикл картинок «Китайскими окнами»? Окна как окна. Московские. Многоэтажные. 24 штуки. С видом во двор или на улицу.

Может быть, потому, что я рисовал их тушью и палочкой? Но ведь китайцы рисуют кисточкой. А мне показалось, что для города кисточка слишком мягкая. Нужно что-то пожёстче, покорявее.

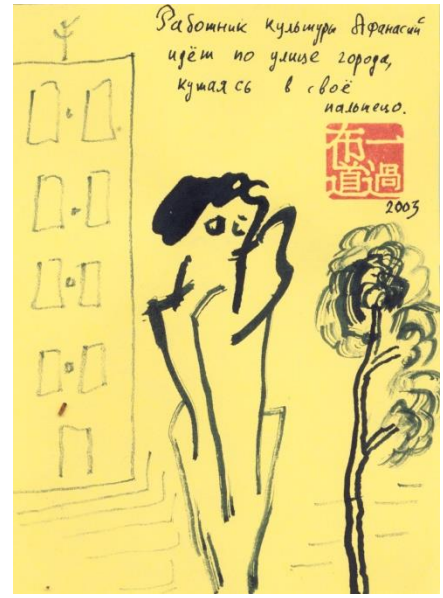
А может быть, потому, что я написал к этим рисункам тексты? Совсем короткие: в одно-два предложения. Я написал их прямо на картинках, китайцы так часто делают. Но только они пишут иероглифы, красивые такие, разными почтенными стилями. И сверху вниз. А я писал просто ручкой, довольно криво, почерк у меня не очень, и слева направо, как пишут по-русски.

Или потому, что поставил на каждом листочке свою печать? Красную как у китайцев. Они любят печати на картинах ставить. Эта печать с четырьмя китайскими иероглифами совсем не к месту на моих корявых городских рисунках. Иероглифы эти читаются «И ГОУ БУ ДАО», что значит «одна переправа рождает дао». И где тут переправа? И где тут дао?

А впрочем… Выгляньте в окно, посмотри вниз. Есть всё же в нашей жизни что-то такое непонятное, китайское…

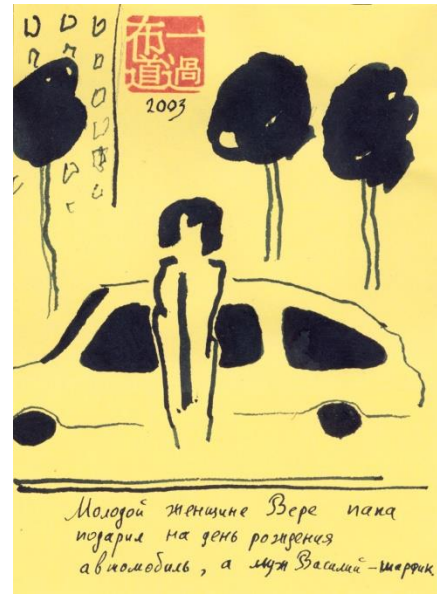


Женщина Нина Ивановна возвращается из магазина. Она ещё не знает, что муж-пьяница Сергей Петрович умер.

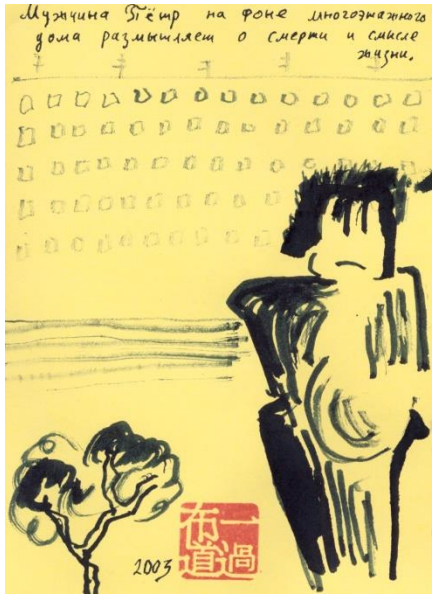


Работник культуры Афанасий идёт по улице города, кутаясь в своё пальтецо.

Девочка Алла едет в автобусе.
Куда? Откуда? Зачем?
Кто знает? Кто сможет предугадать?

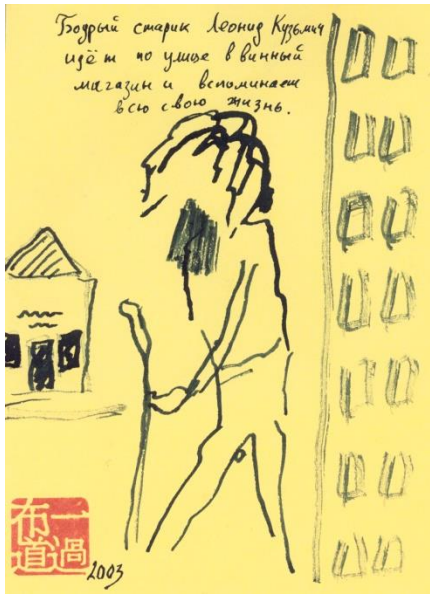


Молодой женщине Вере
папа подарил на день рождения автомобиль,
а муж Василий — шарфик.

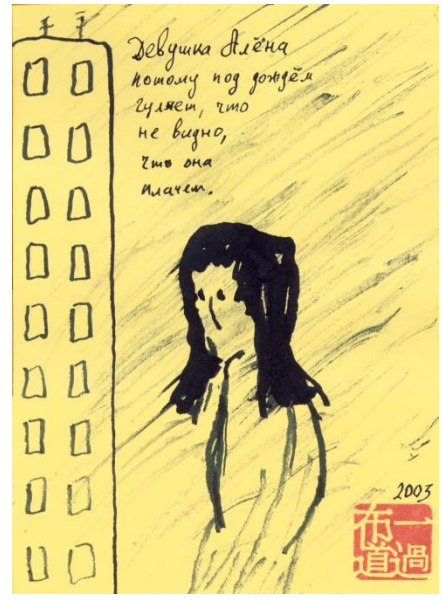


Мужчина Пётр
на фоне многоэтажного дома размышляет о смерти и смысле жизни.

Вася, Маша и Александр
с надеждой глядят в светлое будущее.
Они ещё не догадываются, кто из них лишний.



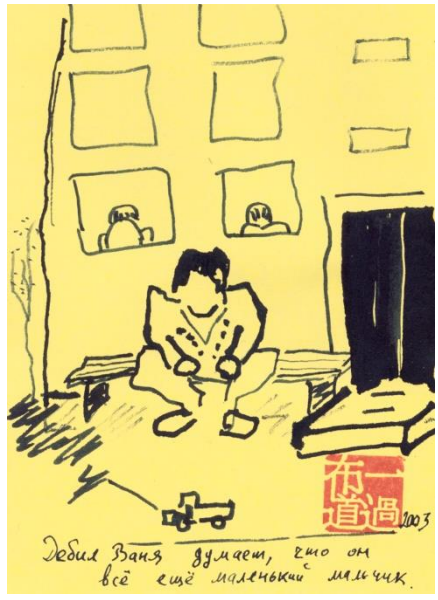
Бодрый старик Леонид Кузьмич
идёт по улице в винный магазин
и вспоминает всю свою жизнь.



Девушка Алёна
потому под дождём гуляет,
что не видно, что она плачет.

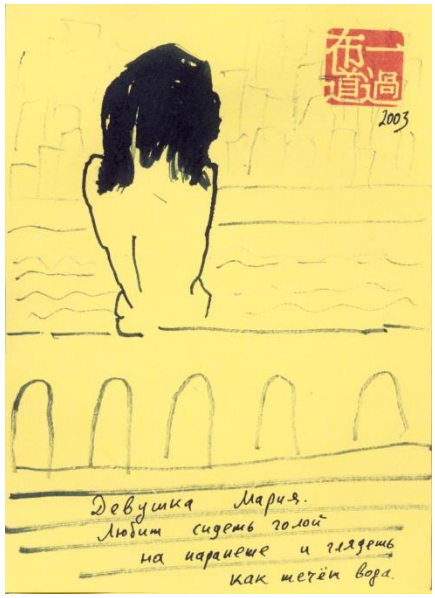
Татьяна спит с Петей.
Серёжа спит с Машей.
У Татьяны и Серёжи романтическая любовь.

Каждый вторник женщина Алла Борисовна,
выходя из подъезда чужого дома,
поправляет платье.

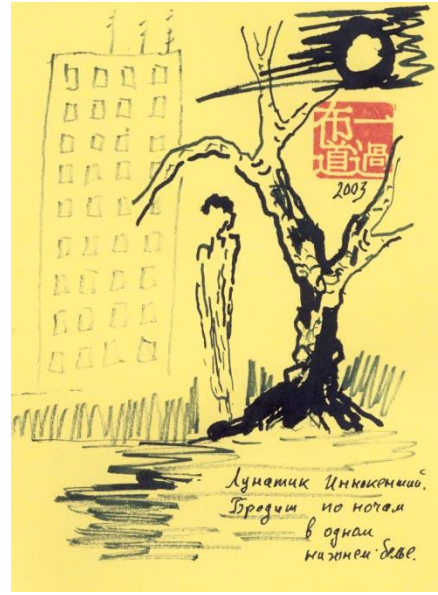


Дебил Ваня
думает, что он всё ещё
маленький мальчик.

Мальчик Игорь с собачкой.
Смотрит на город и думает:
«Эх! На волю бы...»



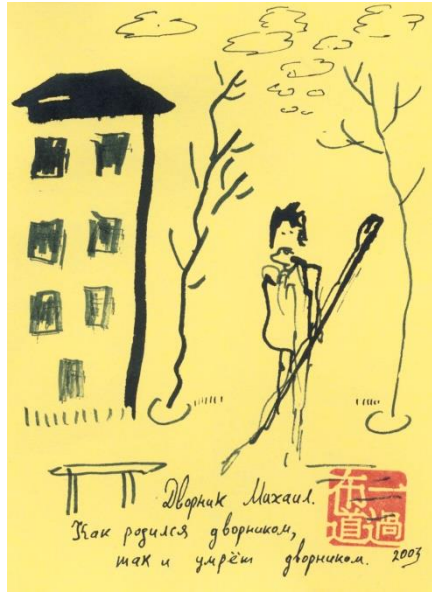
Девушка Мария.
Любит сидеть голой на парапете
и глядеть, как течёт вода.



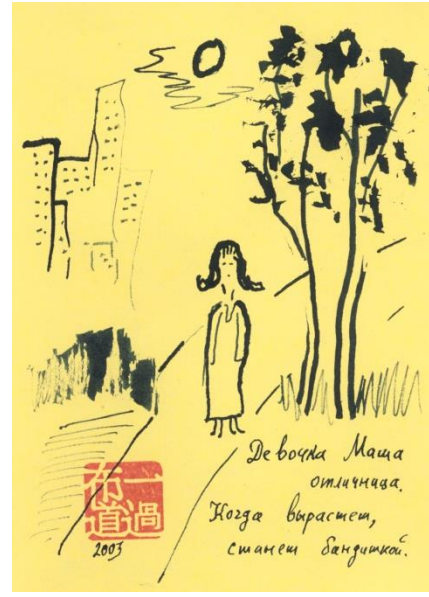
Лунатик Иннокентий.
Бродит по ночам
в одном нижнем белье.

Поэт Никанор.
Когда кончит писать стихи,
начнёт пить водку.

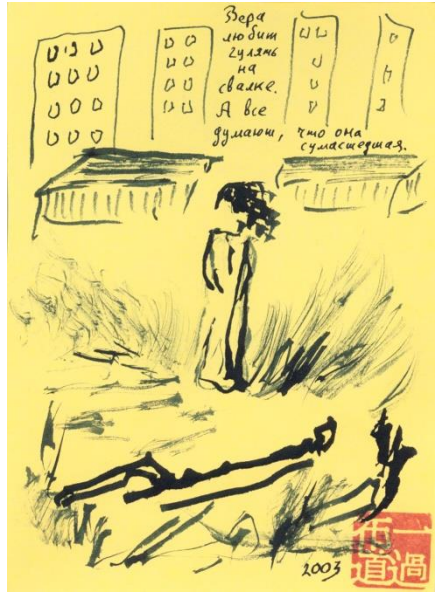
Мальчик Петя хулиган.
Когда вырастет,
станет профессором микробиологии.



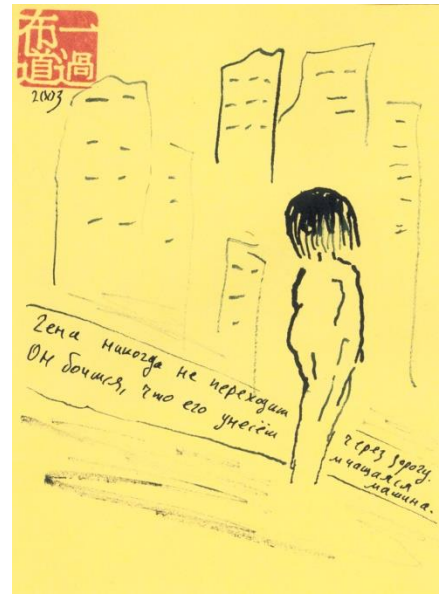
Дворник Михаил.
Как родился дворником,
так и умрёт дворником.



Девочка Маша отличница.
Когда вырастет,
станет бандиткой.



Вера любит гулять на свалке.
А все думают,
что она сумасшедшая.



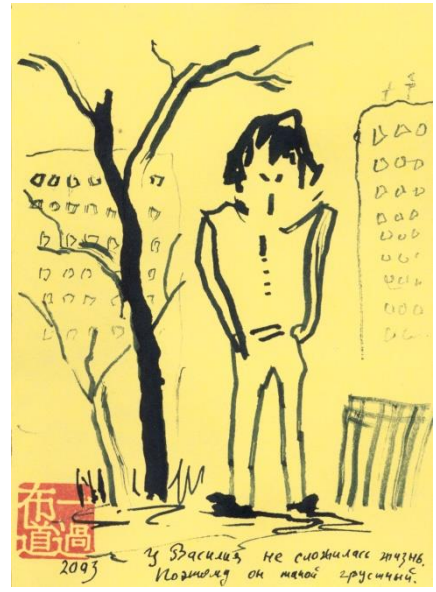
Гена никогда не переходит через дорогу.
Он боится,
что его унесёт мчащаяся машина.

Интеллигентная женщина подходящего возраста, сидя на скамейке бульвара, желает познакомиться.

Ребёнок Геннадий играет в песочнице во дворе своего дома. А мама с папой глядят на него из окна своей квартиры и радуются.

Страшный сон маленького человечка во дворе около котельной.

2003



У Василия не сложилась жизнь. Поэтому он такой грустный.

ЧЕЛОВЕК ГЛАЗА В ОБЛАЧНОМ МОРЕ

6 миниатюр с картинками

1. Смысл жизни

Человек, который искал смысл жизни, нашёл его на берегу реки под старой корягой. Смысл был покрыт грязью, от него плохо пахло, и он еле дышал. Человек вымыл его, почистил, умастил благовониями, вставил в красивую рамку и повесил на стену. Смысл умер. Тогда человек понял свою ошибку, вернулся на берег реки, залез под корягу, свернулся калачиком и стал ждать.

На этом можно было бы поставить точку, поскольку круг замкнулся. Но дело в том, что в это время по реке проплывала лодка. И хотя в лодке никого не было, и она спокойно проплыла мимо коряги и скрылась за поворотом, это как-то нарушило течение времени. Птица, что летела в поисках пищи, вдруг свернула в сторону, хотя в той стороне не было корма. Зверь, что шёл на водопой, внезапно свернул с тропинки и пошёл туда, где нет воды. А человек на другом конце земли проснулся среди ночи и увидел звезду в окне.

Таким образом, то, что казалось завершенным, стало открытым, а вместо одного вопроса появилось множество новых. И все они не имели ответа.

Один человек, которому я рассказал эту историю, стал утверждать, будто он хорошо знает эту реку, неоднократно лично заглядывал под корягу, но ничего и никого там не нашёл. Не от того ли это, что слишком много воды утекло?

20 февраля — 22 марта 2003

2. Человек без какого-либо определения

Человек без какого-либо определения шёл по дороге и нашёл золотую монету. Когда он продолжил свой путь, монеты на дороге уже не было видно. Однако нельзя сказать, что человек поднял монету, потому что тогда его можно было бы определить как человека с золотой монетой в кармане. Видимо, монета осталась лежать на дороге, припорошенная пылью. С другой стороны, нельзя сказать, что человек оставил монету, потому что тогда его можно было бы определить как человека, нашедшего, но не взявшего золотую монету.

Через какое-то время человек без какого-либо определения зашёл в придорожную гостиницу и взял стакан вина. Нельзя сказать, что он купил вино на свою золотую монету, которой у него, быть может, и не было. В то же время, нельзя сказать, что он украл вино, потому что его нельзя определять как вора. Скорее всего, хозяйка гостиницы просто решила угостить путника.

День склонялся к вечеру и человек без какого-либо определения, допив вино, остался переночевать. Хотя это вряд ли, поскольку тогда он попался бы в определение как постоялец гостиницы. Но нельзя утверждать, что он двинулся дальше, во-первых, потому что это тоже определение, а во-вторых, потому что не так уж приятно оказаться ночью одному на дороге.

Наутро хозяйка гостиницы, весь вечер проведшая в компании с человеком без какого-либо определения, неожиданно для самой себя поняла, что влюблена в него. Нельзя сказать, что она пошла вместе с ним по дороге, потому что тогда он пошёл бы вместе с ней, но также неверно, что он ушёл, а она осталась, потому что мы не можем определить его одиноким путником. Наиболее

вероятно, что она пошла сама по себе, но рядом с путником. Но и этого определения мы должны избегать, и поэтому может быть, человек никуда не уходил, а так и остался в гостях у хозяйки гостиницы.

Как бы там ни было, через какое-то время они поженились. Во всяком случае, хозяйка гостиницы вышла замуж, потому что человек без какого-либо определения не мог быть ни женатым, ни холостым. Прошло время, и у них появились дети: мальчик и две девочки. Хотя вряд ли человека можно было назвать их отцом, но и чужим он им тоже не был. Не погрешив против истины, мы не можем утверждать, что он не был любящим отцом или плохим мужем. Но мы не можем говорить и обратного, поэтому лучше промолчим.

Прошло ещё время, и человек умер, а хозяйка гостиницы, чтобы не давать определения, никому об этом не сказала. Так что, может быть, она умерла первой. А он остался жить, хотя живущим его назвать нельзя, также как и умершим. Вот почему человек, который рассказывал мне эту историю, считал, что такого человека никогда не было, и быть не могло. Но я в этом сомневаюсь, потому что тогда человека без какого-либо определения можно было бы определить как несуществующего человека. Мне все же кажется, что эта история не полная выдумка и что-то такое в ней есть, хотя, что именно, я не могу определить.

19 февраля 2003

3. Шесть солнц в небе и белые ручьи в песках

Человеку приснился сон. В глубине пустыни в небе сияло шесть солнц и белые ручьи текли по желтым пескам. Когда он проснулся, он стал всех спрашивать: что означает этот сон? Но никто не знал. Человек шёл из города в город, из селения в селение, из дома в дом и всех спрашивал: что означают шесть солнце в небе и белые ручьи в песках? Но никто не знал. Он стал думать, что, может быть, сон этот ничего не означает и нужно просто забыть о нем. Но стоило ему закрыть глаза, как он ясно видел сияние в небе шести солнц, и слышал журчание белых ручьев в желтых песках.

И вот, когда человек уже совсем отчаялся, он повстречал мудреца, который сказал: почему ты всех спрашиваешь? Ведь это ты видел, а не они. Не лучше ли тебе отправиться в пустыню и найти это место, где в небе сияют шесть солнц, а в желтых песках текут белые ручьи. Увидев воочию, ты поймешь.

Человек внял совету мудреца, собрался в дорогу и вошёл в пустыню. Долго он шёл, изредка встречая жилище кочевника или караван торговца, но везде в небе было только одно солнце, и лишь ветер тек в желтых песках, предвещая песчаные бури. Далеко вглубь пустыни зашёл человек, уже не встречались жилища человека и караваны обходили стороной эти места. У него кончилась вода, и не было колодцев, а те, что попадались, давно высохли. Солнце слепило глаза, песок жег ступни ног. Человек выбился из сил, он больше не мог идти, он упал и забылся сном.

Никто не знает, сколько проспал тот человек. Может быть, остаток дня и одну ночь, может быть, много дней, может быть, несколько минут, может быть, это был не сон и лишь на мгновение человек потерял сознание, может быть, это был не сон и прошли века. Никто не знает. Когда человек

очнулся, он увидел: в небе сияют шесть солнц, а по желтым пескам текут белые ручьи. Мудрец был прав! — подумал человек, и в этот миг истина открылась ему во всей своей ясности, глубине и силе. Но сознание человека не было подготовлено и поэтому, восприняв истину, оно закрылось подобно тому, как закрывается цветок, воспринявший сияние дня, в преддверии ночи.

На следующий день племя кочевников проходило в этих местах, они увидели умирающего от жажды человека, дали ему напиться и взяли с собой. В небе было только одно солнце, и лишь ветер тек по желтым пескам, потому что дело не только в месте, но и ещё и во времени, а время прошло. Человек не потерял память, он помнил шесть солнц в небе и белые ручьи в желтых песках. Но чем дальше, тем все чаще ему казалось, что, может быть, ничего этого и не было, а вспоминает он лишь тот давний сон.

И вот, когда уже много песка утекло под ветром, человек снова разыскал того мудреца, вошёл в его дом и спросил: Я видел шесть солнц в небе и белые ручьи в желтых песках, но я до сих пор не знаю, было ли это на самом деле, или только сон? Мудрец промолчал. Человек повторил вопрос, и мудрец опять промолчал. Но человек не отступал, повторяя свой вопрос со всей настойчивостью. Скажи же хоть что-нибудь! — воскликнул он. И мудрец сказал: — Это было на самом деле или только сон. И прогнал человека из своего дома.

Эту историю рассказывал мне потомок того человека. По его блуждающему взгляду я понял, что он тоже видел сон про шесть солнц в небе и белые ручьи в желтых песках. Но в пустыню не ходил, понимая, что это не даст успокоения. А для чего он рассказал мне эту историю — вот в чем вопрос!

11 марта 2003 года

4. Письменные трости

Когда-то давно на земле был белый город. Пышно цвели сады, в окружении деревьев и цветов стояли дома с круглыми крышами, в которых жили люди, а между домами возносились высоко в синее небо узкие шпили. Такой шпиль назывался письменной тростью, хотя в то время, о котором идет наш рассказ, никто не знал, что означает это название. Потому что время — это способность забывать. И люди забыли, для какого письма были предназначены письменные трости, кто должен пользоваться письменными тростями и что должно быть записано письменными тростями. Они только любовались высокими узкими шпилями и воспринимали их как архитектурное украшение города.

Прошло время, и город исчез с лица земли. Мудрецы спорили о том, как это произошло: то ли пустыня расширилась, и пески засыпали сады и дома с круглыми крышами, то ли море разлилось и поглотило высокие шпили, то ли пришли завоеватели и разрушили город. Прошло ещё время, и мудрецы спорили уже о том, существовал ли на самом деле белый город, или это только досужий вымысел древних авторов. Прошло ещё время, и мудрецы перестали спорить. Только поэты говорили о письменной трости как аллегории поэтического вдохновения, но даже это со временем стало считаться архаизмом.

И вот, когда уже все люди на земле забыли о белом городе и его шпилях, настал день, когда письменные трости пришли в движение и на небе появились письмена. Движущиеся письмена, написанные древними белыми знаками по синему полю неба. На

следующий день в небе появилась следующая страница. На третий день — третья страница. И так изо дня в день писалась книга. Она пишется до сих пор, и никто не знает, когда будет конец. А люди смотрят и восклицают: — Какие красивые облака сегодня!

Когда я рассказал эту историю одному мудрому человеку, он сказал: — Что за чушь! Разве ты не знаешь, что облака — это просто водяная пыль? — *Вот глупец*, подумал я. Потом он помолчал и добавил: — Настоящие письмена в небе не видны и для них не нужны письменные трости. — *Все-таки, он мудрец*, решил я. Но он ещё помолчал и сказал: — Письменные трости нужны для создания письмен на земле. Разве ты не замечал, что кисть имеет узкую ручку и расширяется к концу, завершающемуся беличьим волосом? Шпили белого города — это кисти, воткнутые в землю. — Что за чушь! — воскликнул я, *все-таки он глуп*. — Конечно, чушь, — ответил мудрец, — как и всякие письмена. Он взял трость и записал ею эту историю.

11 марта 2003 года

5. Лунный город с цветными тенями

Про учителя Эль рассказывают такую историю.

Когда ученик достигал необходимого уровня подготовки, учитель отводил его ранней весной на берег реки, заросший ивой. Он показывал на верхушки деревьев, где тонкие ветки уже изменили цвет из-за набухающих почек и тихо качались под слабым ветром на фоне светлого неба и белых плоских облаков, неподвижных потому что далеких, и оставлял одного. Когда ученик возвращался, учитель Эль спрашивал, что тот видел. Ученик рассказывал про ветви ивы, светло-синее небо и белые плоские облака. Тогда учитель Эль спрашивал: — А не видел ли ты лунного города с облаками похожими на первые буквы алфавита и цветными тенями вдоль стен зданий? Конечно, никто ничего такого не видел, и учитель Эль отсылал ученика домой со словами: — Я больше не могу учить тебя.

Но вот однажды некий хитрец решил подыграть учителю и ответил так, как тот спрашивал: — Я видел город, где в небе всегда сияет луна, облака похожи на первые буквы алфавита, а вдоль стен зданий струятся цветные тени. Учитель Эль оставил ученика ещё на один год. Другие ученики, узнав про это, тоже стали рассказывать не про ветви ивы, а про лунный город. Но через год учитель Эль всех их отослал домой со словами: — Я больше не могу учить тебя.

Ученики третьего поколения, пребывая в некоторой растерянности, разделились на два лагеря. Одни говорили про ветви ивы, ветер и плоские облака, другие — про луну, цветные тени и облака похожие на первые буквы алфавита. Но теперь всех их учитель Эль отсылал со словами: — Я больше не могу учить тебя.

Так продолжалось довольно долго, и все уже решили, что учитель Эль просто не может ничему научить, кроме необходимой подготовки, но, чтобы скрыть свое незнание, задает нелепый вопрос, на который не может быть правильного ответа. И тогда пришёл ученик, который заявил, что курс начальной подготовки ему не интересен, и если учитель Эль хочет получить деньги за обучение, пусть сразу переходит ко второй части. Учитель задал свой вопрос. Ученик не только отказался отвечать, что само по себе было делом неслыханным, но задал встречный вопрос, что в те времена считалось почти оскорблением. Он спросил: — А видел ли сам учитель Эль лунный город, где облака в небе похожи на первые буквы алфавита, а вдоль стен зданий струятся цветные облака?

Учитель Эль разогнал всех учеников, оставив лишь этого последнего, и вдвоем они отправились в дальнее странствие. Больше никто их не видел.

Рассказывая мне эту историю, ученик ученика учителя Эля, ставший уже сам учителем, все время посмеивался и поглаживал свою белую бороду. Когда я спросил его, над чем он смеется, тот ответил: — Ну, как же! Разве непонятно, в чем тут дело? Учитель Эль устраивал экзамен ранней весной, я же отвожу учеников на берег реки поздней осенью. И ещё ни один из них не дал неправильного ответа! Тогда я тоже засмеялся в ответ, хотя и сегодня не вполне понимаю, в чем тут юмор.

16 марта 2003 года

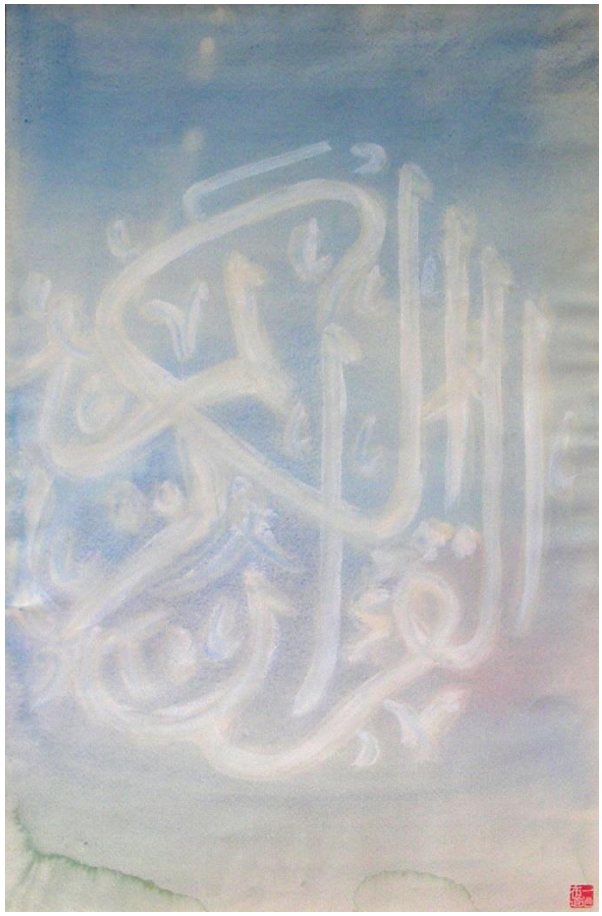
6. человека глаза в море слепоты

إنسان العين في البحر الأعمى

инса̄н аль-‘айн фи-ль бахр аль-‘има̄’

Человек очарованный, у которого на шее прикреплена птица, который держит в руках пучки снов.

Его называют *инса̄н аль-‘айн*, что означает *человек глаза*. Ты спросишь: — *Чей тот глаз?* Его называют *инса̄н аль-‘айн*, что означает *зрачок*. Ты спросишь: — *Что же он видит?* Его называют *инса̄н аль-‘айн*, что означает *соглядатай*. Ты спросишь: — *За кем он следит?*



Это твой глаз. Он видит тебя. Он следит за тобой.

Он живет в *бахр аль-‘има̄’*, что значит облачное море.

Он живет в *бахр аль-‘има̄’*, что значит море слепоты.

Он — твое зеркало, в котором видишь ты себя, а ты — зеркало, в котором видит он имена свои. Когда видишь образы в зеркале — не видишь зеркала. Будто ослепший, не видишь зеркала. Будто прозревший, видишь море образов.

Время для него подобно зеркалу, разбитому на тысячу мелких осколков. Ты думаешь, что двигаешься во времени, что-то делаешь, как-то живешь, меняешь и меняешься. Но его зрачок фиксирует только мгновенные образы в зеркальных осколках. Вот в этом осколке ты — ребенок. Вот в этом — старик. Ты видишь ребенка, ты видишь старика. Всего лишь образ, несомый светом — угол падения

равен углу отражения — из осколка в осколок. Ты не видишь зеркала.

Пространство для него подобно зеркалу, разбитому на тысячу мелких осколков. Ты думаешь, что двигаешься в пространстве, что-то делаешь, как-то живешь, перемещаешь и перемещаешься. Но его зрачок фиксирует только мгновенные образы в зеркальных осколках. Почему бы трону Билкис, царицы Савской, не переместиться в мгновение ока из страны в страну по слову царя Соломона? Всего лишь образ, несомый светом — угол падения равен углу отражения — из осколка в осколок. Ты не видишь зеркала.

С древа души своей снимает человек очарованный плод знания своего. Его сердце вместительно: добавь весь мир — он этого не заметит; отними весь мир — он не почувствует пустоты. *Тальб аль-такаллюб* — что значит сердце перемен.

Ещё называют его *хӯра*, что значит растерянный. Он растерян, потому что потерялся в бурлящем водовороте зеркальных образов. Он летит по вращающимся кругам, сужающимся кругам, водоворот затягивает, его воронка с шумом всасывает воду. Его называют хӯра, что значит водоворот.

Человек глаза находится на перешейке, по которому движутся свет и тень, отражаясь друг в друге. У него на шее прикреплена птица, у него в руках пучки снов. Он видит и свидетельствует. Последний раз я встретил его в парке рядом с пивным ларьком. Он сидел на скамейке, потягивал пиво из кружки и щурился на солнце. Если бы не необычная белизна ладоней его рук и след на шее, я бы нипочем не узнал его и прошёл мимо. Впрочем, я и так прошёл мимо.

27 марта 2003 года

ДИКАЯ ЛУНА

или

Два чёрных мужика и красная змея

микрорассказ

Ночью я вышел из дома по нужде. Спускаясь с крыльца, я увидел двух чёрных мужиков, что топтались около моего дома в стороне от тропинки перед засохшей берёзой и кустом калины. Кто это? Что они делают тут ночью? Я не мог разглядеть их, хотя было светло, светила Луна. Но мужики были чёрные как безлунная ночь, и черт их я не мог разглядеть. Я сделал пару шагов в сторону от крыльца, и мужики тоже подвинулись. Как-то боком, неуверенно, то поднимаясь, то опускаясь и покачиваясь. А может быть, так только казалось из-за неверного света Луны. Хотя Луна светила очень сильно и свет её нельзя было назвать неверным. Это был

сильный, уверенный свет.

Потом взгляд мой скользнул вниз, и я отпрянул, испугавшись. Рядом со мной висела в воздухе большая красная змея. Если быть точным, она была не красная, а скорее оранжевая, оранжево-красного цвета. Её широкие кольца внизу почти касались земли, а вверху были чуть ниже моего пояса. Я, конечно, понимал, что в нашей деревне змеи не водятся, только ужи. Да и таких больших оранжевых змей вообще не может быть в среднерусской полосе. Но если это не змея, то что это? И как оно попало сюда? Я схватил змею за ближайшее кольцо. Точнее, хотел схватить, потому что рука моя схватила воздух, а змея оказалась ниже. Так вышло не потому, что змея отпрянула, она осталась почти неподвижной, лишь слегка колыхались ее кольца. Я понял, что мне только показалось, будто змея висит в воздухе, а на самом деле она лежит на земле и кольца ее располагаются не вертикально, а горизонтально. И ещё я понял, что мне только кажется, будто они колышутся. Наверное, колышутся только тени: моя тень и тень змеи в двигающемся свете Луны. Хотя с чего бы свету Луны двигаться?

Я нагнулся и схватил змею. Это оказался шланг для воды. Но ведь я прекрасно помнил: мой шланг не оранжево-красного, а синего цвета, гофрированный синий шланг. И тогда он действительно стал синего цвета. Как будто кто-то в компьютере вошёл в графический редактор и нажал кнопку «инвертировать цвет». И оранжевый цвет стал синим. Наверное, спросонья колбочки, трубочки и что там ещё у меня в глазах, дали сбой, и цвет у меня в голове получился инвертированным: оранжевым. А потом всё стало на свои места.

Тогда я посмотрел на чёрных мужиков и понял, что их нет. Это не чёрные мужики топтались перед засохшей берёзой и кустом калины. Это они сами топтались — засохшая берёза и куст калины. В неверном двигающемся свете Луны они будто двигались, хотя, наверное, двигались лишь их тени. Потому и были они черные как безлунная ночь. Хотя Луна светила сильным, уверенным светом. И с чего бы свету двигаться? Напротив, он был мертвенно неподвижно. Наверное, это я двигался, а непроснувшаяся моя голова неверно истолковала относительность движения и неточно вычислила расстояния: чёрные мужики были не впереди засохшей берёзы и куста калины, а внутри них.

Я повернулся и пошёл на задний двор, размышляя о странности произошедших метаморфоз, потому что вспомнил, для чего я вышел из дома. Хотя, если быть точным, ни о чём я не размышлял, а только дивился. И, если быть точным, метаморфозы не закончились, а продолжались. Трава на заднем дворе колыхалась, обильно политая светом, будто белой водой. Тропинка, что

вела к калитке, вела неправильно, сворачивая не там и подпрыгивая не в тех местах. Все, что лежало на земле: неубранные берёзовые поленья, несколько железяк, моток проволоки, кусок полуистлевшей ткани для накрывания грядок с клубникой и сами кусты клубники, — теперь не лежали на земле, а поднялись и стояли вертикально. Как будто (я уже понимал, что это только кажется) покачивались, поднимались и опускались в ритме дыхания, а может быть, в ритме моих шагов, хотя, может быть, я шагал в ритме своего дыхания.

Кусты ирги выросли в высокие деревья, но, тем не менее, не загораживали неба. Хотя, что было в небе, я не видел, а только чувствовал: там были облака, вращающиеся как стрелки часов по циферблату, белые, серые и чёрные, и звёзды между ними флюоресцировали как цифры на циферблате часов. Забор же, напротив, присел, и вся его исчезнувшая высота легла горизонтально, как будто у меня не забор, а крепостная стена метровой толщины. И хотя глаза мои без очков плохо различали ночную даль, я заметил, как неподвижно застыли деревья на той стороне луга, вдоль набережной улицы, будто их поймали с поличным и они замерли, не двигаясь. Только дома подрагивали светлыми крышами, хотя не было там светлых крыш. Наверное, Луна полила их светом.

Я подумал, что, наверное, и сам я со стороны выгляжу как-то не так. Будто моя привычная наружность вдруг отделилась от меня и вошла в независимые трансформации. Подобно тому, как тень отделяется от предмета и начинает жить самостоятельной жизнью, из-за чего сам предмет перестаёт быть видимым. Хотя, как узнать, действительно ли он невидим или его уже нет, а есть только тень. Могу ли я быть уверенным относительно себя самого? Может быть, мне только кажется, что я такой же, как всегда, а на самом деле меня прежнего уже нет, и тот, кто сейчас размышляет, не имеет ко мне прежнему никакого отношения. Так что даже невозможно узнать, каков он был прежним, и был ли вообще? Может быть, я (если условно считать мной того, кто сейчас размышляет) только что появился на свет, и от того всё ему кажется странным и трансформирующимся? И вот я говорю «ночь и Луна», думая, что вчера был день и завтра будет день. А почём мне знать, что это ночь? Может быть, это и есть день, и все дни такие. А почём мне знать, что это Луна? Может быть, это Солнце? Или Земля, а я, как раз, наоборот, на Луне, от чего и кажется всё таким странным.

Одна только компостная куча осталась неизменной и мрачно возвышалась посреди огорода. К ней я и отправился.

Постепенно я приходил в себя и уже усмехался своему воображению, находя естественные объяснения всем этим чудным метаморфозам, галлюцинациям и иллюзиям. И в этот момент я повернул обратно и, дойдя до крыльца, посмотрел на Луну. До этого я почему-то на неё не смотрел. Или не видел?

Луны в точном смысле этого слова не было. Был неистовый белый свет, льющийся из воронки в небе. Ничего нельзя было различить. Всё так и происходит, когда человек попадает в луч летающей тарелки, и голые инопланетяне с большими головами и глазами, как у лягушек, держат его за руки, пока невидимая сила затягивает его внутрь. Только инопланетян не было. Была лунная воронка, и затягивание длилось всего мгновение. А потом высветились (или лучше сказать, вытемнились?) засохшая берёза, куст калины, два чёрных мужика, большая гофрированная змея сине-оранжевого цвета и ступени крыльца под ногами, потом дверь, пол, кровать, одеяло, подушка. И ещё несколько мгновений ухода в сон и возвращения.

Липовка-Москва. 2003

2004

ПРОБЛЕМА ОГІЕВА

рассказ

Он добавил пару кружков и поменял несколько стрелок. Ничего не изменилось. На другой странице в паутине латинских и греческих букв по-прежнему мрачно чернела причудливая готика и маячил жирный еврейский алеф. Он хотел было подумать о китайских иероглифах, но не стал думать, потому что так уже думал раньше. Иероглифы, конечно, упрощали рисунок, но чем они лучше готики? Упрощение кажущееся, как если бы в русский алфавит добавить тридцать четвёртую букву для обозначения «Войны и мира» Льва Николаевича Толстого, а то и полного собрания его сочинений. Как прикажете понимать текст в таком расширенном алфавите?

Решение не давалось. Оно не давалось уже давно, и он в очередной раз подумал: стоит ли его искать? Задача вполне могла оказаться неразрешимой, а он терпеть не мог доказательства неразрешимости. От них у него болела голова и портилось настроение. Он же понимал: неразрешимо при данных условиях и данными методами. А как на самом деле? В конечной инстанции? Такой вопрос в математике неприличен, но сейчас ему было наплевать на математику. Проблема Огиева только с виду математическая, он чувствовал, что речь идёт о вещах не относительных, а фундаментальных. Парадокс в том, что все математические парадоксы лежат в фундаменте математики и, тем самым, они не математические, а философские. Задавать их нужно не науке, а Богу. А с Богом у него давние счёты.

Настроение опять испортилось. Он оделся и вышел из дома. И зачем ему вообще нужно решать эту проблему? Мало ли нерешённых проблем. Какие-то он решил, другие решить не удалось, но он не мучился, а просто отошёл в сторону — они ему надоели. С Проблемой Огиева было по-другому: она не отпускала. Как будто Бог хотел что-то сказать ему, рассказать о какой-то тайне. Только не понятно, что сказать: то ли открыть эту тайну, то ли дать по носу, чтобы не лез, куда не положено. Не просто, чтоб надоело, а с полным

осознанием собственного ничтожества. Показать дверь и строго-настрого запретить её открывать. Сообщить список нехороших слов, которые он не должен знать. Подвести к яблоне — эти яблоки ты не кушай, хотя до этого у него и в мыслях не было их кушать.

Взвизгнули тормоза, машина почти остановилась, но тут же помчалась дальше. Он остановился, тупо осмысливая слова, выкрикнутые водителем. Что-то в них было неправильное. С точки зрения математической генетики. Чуть под машину не попал, подумал он. Может быть, Бог предупреждает — не лезь? Как у Стругацких в «Миллион лет до конца света»? Если бы. Не так уж ему приспичило разгадывать эту тайну, скажут нельзя, не будет. Да и не проще ли всемогущему Богу просто отнять у него желание её разгадывать, чем возиться с предупреждениями?

Он, наконец, перешёл через улицу и углубился в парк. На тропинке ещё оставались следы ночного льда, хотя всё остальное было в пользу весны. Пучки уже зелёной травы, как будто она зазеленела ещё под снегом, а может быть, так и не засохла с осени. Изменившийся цвет коры деревьев. Первая паутинка на ещё голых веточках. Красиво симметричная. Не то, что у него на второй странице. Даже клинопись девятой логики, прошивающая всю картину, была далека от симметрии. Даже если развернуть это в подходящем пространстве, где-то измерений на шесть, когда развязываются почти все узлы паутины и она превращается в некое змееподобное тело, — всё равно красиво не получается. Он даже пытался внести симметрию насильно, с помощью нескольких зеркальных отображений, физический смысл которых не понимал, но отложил понимание на потом, если всё получится. Не получилось — вышло только хуже.

На лицо упала капля. Он поднял голову — небо было почти чистое, только два-три призрачных облачка окружали его центр, похожие на готические буквы, только не чёрные, а белые. Капля упала, наверное, с вишни. Её ветви, подобные марковским ветвящимся процессам, нависали над головой, и кое-где уже можно было различить белые клювы цветов, вылупляющихся из почек. Марковские процессы он не любил, как всё случайное. Для очистки совести он, конечно, пытался описать проблему в вероятностной модели, но вышла такая гнусь, что он с облегчением вернулся к детерминированной логике.

Вот он подумал, что не любит случайности. На самом деле это не так, просто он не любит подменять случайность вероятностью. Мир вокруг интересен как раз тем, что невычислимо случаен. Глупо искать закономерности в расположении стеблей прошлогодней травы на обочине тропинки. То есть, конечно, не глупо и такие закономерности есть. Только они не отменяют случайности, и эта трава красива как раз потому, что случайна. И потом, он же понимал, что без случайности нет свободы воли и, значит, его

самого, как существа этой волей наделённого. Вот только не понятно, почему он со своей свободой не волен выбирать себе желание: решать Проблему Огиева или не решать. Как будто это решение уже принял за него кто-то другой.

Если всё это происки Бога, то он такого Бога не понимает. Далась Ему эта Проблема Огиева. Она, конечно, забавная и сложная, но, если честно, её сложность ни в какое сравнение не идёт, ну хоть, вот с этим ещё жёлтым одуванчиком. Если расписать его на языке математики от топологии до теории вероятностей (которую он не любит), получится столь чудовищный текст, что по сравнению с ним «Война и мир» даже не буква, а всего лишь маленькая чёрточка, которую без лупы и не увидишь. А таких одуванчиков — и все разные — сотворено Им столько, что Лев Николаевич за всю свою жизнь столько букв не то, что не написал, даже подумать не успел.

Над одуванчиком кто-то пролетел, жужжа крыльями. Это может быть уже не муха, подумал он, это уже может быть какая-нибудь ранняя пчела. Тоже сложное существо, тоже свободное — ведь она сама выбирает, куда лететь. Он пошёл дальше, перешагивая ручьи, пересекающие тропинку. Стали попадаться прошлогодние жёлуди. Дубы стояли чёрные, чернее, чем зимой, потому что были влажными, а цвести им ещё не скоро, они зацветут последними. Их ветви, в отличие от вишнёвых, напоминали не ветвящиеся процессы, а что-то топологическое. Они извивались, как извиваются ветви деревьев на китайских картинах, или как извиваются змеиные тела драконов.

Проклятая змея в шестимерном пространстве, подумал он. Мало того, что она рекурсивно пожирает свой собственный хвост и перекручена в бесконечность, так она ещё и вывернута как Лист Мёбиуса. Потому и не удаётся разрезать проблему на две части: это — посыл, это — вывод. Вместо двух частей получается снова одна, только дважды перекрученная. У этого Огиева извращённое чувство юмора: ну кто же так формулирует задачу, что непонятно, где начало, а где конец, что дано, а что нужно доказать, что истина, а что ложь. Какая-то постмодернистская математика. А уж следствия — не приведи Господи…

Тропинка разветвлялась, огибая с двух сторон болотце с белой талой водой и плавающими клочками седоватого мха. Он остановился, чтобы подумать, куда идти дальше. Так вот, о следствиях. Как бы ни была решена Проблема Огиева, из каждого такого решения выводятся те или иные следствия. Забавно, что решения ещё нет, а возможные последствия уже просчитаны. Не им, они просчитаны ещё в трудах самого Огиева. Тогда этим заинтересовалась широкая публика, конечно, не надолго. В одном популярном журнале некий журналист расписал проблему в кошмарных апокалиптических красках. Якобы у Огиева речь идёт о возможных вариантах Конца Света и

сценариях Страшного Суда. Смешно, конечно: это всё равно, что отрицательные числа трактовать как числа загробного мира, а нуль — как профиль туннеля, по которому мы все туда рано или поздно отправляемся. Можно ещё мнимые числа, в отличие от вещественных, объявить ангельскими, а комплексные — как формы взаимодействия земного и небесного миров, вплоть до Иисуса Христа с его двойственной природой.

Он машинально свернул направо, забыв, что сначала хотел подумать, куда идти. После берёзовой рощи слева потянулся забор дачного посёлка. Дома за ним стояли ещё нежилые, лишь над одной крышей вился тонкий дымок из трубы. Интересно, подумал он, а как бы я трактовал Проблему Огиева, если забыть, что это математика? Это, конечно, не Конец Света, я бы скорее назвал это Началом, Сотворением Мира. Забавно, что проблема состоит из шести относительно независимых положений и ещё одного, седьмого, которое ничего своего не утверждает, а лишь подводит итог всем остальным: они необходимы и достаточны. Как шесть Дней Творения и седьмой день отдыха. И сама фигура змееподобного тела смутно напоминала ему картинки начального взрыва вселенной, которые мелом на доске рисовали физики-теоретики. Это было на какой-то давней конференции по космологии, летом, в Крыму, куда его, тогда ещё молодого аспиранта, направили то ли по ошибке, то ли в качестве награды за хорошую работу. Море было тёплым, крымское вино вкусным, а конференция довольно скучная. Только эти картинки ему и запомнились.

Тропинка влилась в дорогу, которая стала медленно подниматься к мосту через кольцевую автодорогу. Монотонный шум потока машин подействовал на него угнетающе. Он чуть было не повернул назад, но вспомнил, что в этом году ещё ни разу не был за кольцевой дорогой, и ему захотелось войти в настоящий лес. У самого Огиева, конечно, никаких божественных параллелей не было. Саму проблему он сформулировал, как бы походя, в статье о расплывчатых космологических пространствах, которые придумал по аналогии с нечёткими множествами. Теория дальнейшего развития не получила, поскольку уже в следующей его работе была доказана пара теорем об эквивалентности расплывчатости обычным недетерминированным функциям. А проблема осталась, она заинтересовала многих, но, как ни странно, не самого Огиева. Даже в его «Нематематических Записках», по сути дела, дневниках, опубликованных уже после смерти учёного, проблеме уделена лишь пара строк. Там написано: «*Если бы я был старше, или умнее, я бы никогда не сформулировал проблему в таком виде. Но сделанного не воротишь, и теперь остаётся лишь надеяться, что все попытки её решения потерпят неудачу, и люди забудут о ней. В конце концов, и в жизни, и в математике остаётся достаточно много важного, красивого и интересного*».

На мосту дул ветер. Казалось, ветер дул сразу в обе стороны, как в обе стороны двигались машины под мостом. И так же монотонно и скучно шумел. Поэтому он поспешил дальше, вниз, на ту сторону моста. Строки Огиева долго не давали ему покоя. Они были не просто «нематематическими», они были анти-математическими и в устах математика казались столь же нелепыми, как слова «Бог его знает» в устах самого Бога. Что это было? Предупреждение? Но о чём? Раскаяние? Но в чём? Одно время ему казалось, что у Огиева было решение проблемы, которое тот по каким-то причинам не опубликовал, и потому написал такие странные слова. Потом он думал, что проблема, может быть, вообще не имеет смысла, несмотря на внешне безукоризненную с математической точки зрения форму. Это произошло тогда, когда его воображение нарисовало шестимерную змею, жрущую собственный хвост. Рекурсия, сама по себе, дело в математике обычное, но здесь в ней чувствовалась какая-то чудовищная и в то же время постоянно ускользающая от взгляда неправильность. Программист сказал бы, что в любой программе есть ошибка. Но он не был программистом, он был математиком, и для него самая малая ошибка перечёркивала всё, каким бы правильным и красивым оно ни было.

На другой стороне снег ещё не растаял. Только вокруг стволов сосен чернели круги земли и кое-где от них отходили стрелки вдоль особо мощных и близких к поверхности корней. Как кружки и стрелки на его первой странице. Смерть Огиева была неожиданной и нелепой. Никогда не увлекавшийся не то, что альпинизмом, но даже простым семейным туризмом, он вдруг отправился на Алтай с группой своих аспирантов. Ребята не смогли отказать своему научному руководителю, к которому питали чувство искреннего восхищения и уважения, чем тот по сути и воспользовался. Маршрут не был ни тяжёлым, ни опасным. Просто однажды утром Огиева не оказалось в палатке. Его искали два дня и нашли километрах в шести от лагеря, на дне глубокого провала. Как он там оказался, почему ночью ушёл один, что искал или от чего бежал, так и осталось неизвестным.

Дорога закончилась, не доходя до леса. Собственно, она и вела не в лес, а к кладбищу у края леса. Теперь он понял, зачем шёл сюда. Его манили вовсе не весенние токи в пробуждающемся лесу. Он пошёл между рядами могил, безошибочно вспомнив направление, хотя был здесь всего один раз, много лет назад. Ему пришло в голову, что проблему нужно разрезать не на две части, а как бы раздробить на много, очень много фрагментов. Должно получиться что-то вроде голограммы, где каждый фрагмент будет почти копией проблемы в целом. Всё дело в этом «почти»: если фрагмент определить конечным образом, каждый фрагмент имеет решение. Правда, это решение конечно и

ограничено, и фрагменту никогда не дотянуть до полноты целого. Но если фрагментов бесконечно много, то интегрально, во фрактальном исчислении…

Он остановился у перекрёстка. Хотя перекрёстком это место можно было назвать лишь условно: кладбище было засыпано снегом, будто зима в самом разгаре, и проходы между могилами лишь угадывались. Нет, так ничего не получится: змей снова перекручивается в бесконечность, на этот раз в бесконечное число фрагментов, и решение ускользает. Он уставился невидящим взором в надписи на крестах и надгробных плитах. Какая-то смутная мысль мерцала в сознании, не исчезая и не проясняясь. Поднял голову к небу: три белые готические буквы по-прежнему окружали его центр. Мысль исчезла. Он машинально подхватил горсть снега, слепил снежок. Глаза стали автоматически читать надписи: родился тогда-то, умер тогда-то. Мысль появилась снова, похожая на падающие снежинки. Он и не заметил, как пошёл снег. Наверное, последний снег в этом году. Ногам стало холодно — он стоял по щиколотку в липком снегу. Он нагнулся, чтобы очистить брюки от снега. Мысль опять исчезла.

И внезапно он понял. Конечно, фрагментов бесконечно много. Но это в статике, в актуальной бесконечности. Когда она восьмёркой, упавшей на бок, появлялась в его первых, ещё студенческих работах, его учитель академик Марков укоризненно качал головой и показывал пальцем: уберите это. Глава московской школы конструктивистской математики, конечно, шутил, но только наполовину: бесконечности нет, есть способ её построения. Пусть число фрагментов конечно, даже ограничено сверху, но это — в отдельный момент времени. Если использовать формализм динамичных систем и временную логику, если фрагменты рождаются и умирают, то получится потенциальная бесконечность. И тогда проблема может иметь решение, хотя не такого решения он ожидал. Решение, которого нет ни в какой момент времени и ни для кого одного, а только в пределе — после бесконечного числа рождений и смертей. Дверь открыта, слова можно знать, яблоко — кушать. Только за дверью такая же дверь, в книге не хватает бесконечного числа страниц, а яблоко твёрже гранита. Кажется, Бог нашёл-таки способ…

Тень дерева указала направление. За поворотом он увидел простую гранитную плиту. Выплывший из-за сосны уже по-весеннему яркий луч солнца заиграл на металлических точках, сливающихся в буквы, закручивающиеся в положенную на бок восьмёрку. Раньше этой надписи не было, он это точно вспомнил, когда прочитал:

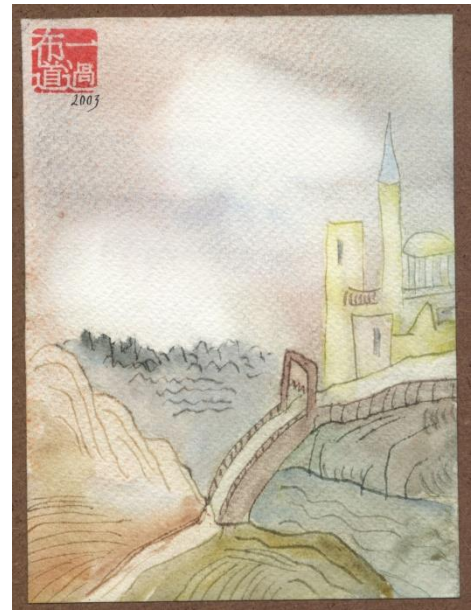
Проблема не в том, что меня нет, а в том, что я мыслю.

Домой он вернулся замёрзший и злой.

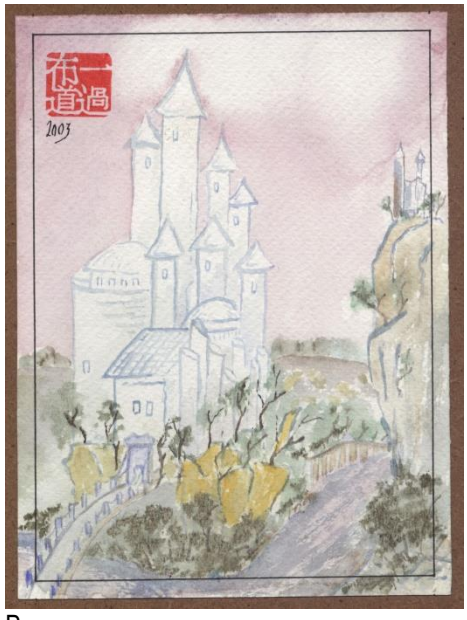
7 февраля 2004

ОБЛОМКИ *12 картинок с подписями*

Обломки Греции — здесь все мы родились
в каком-то смысле.

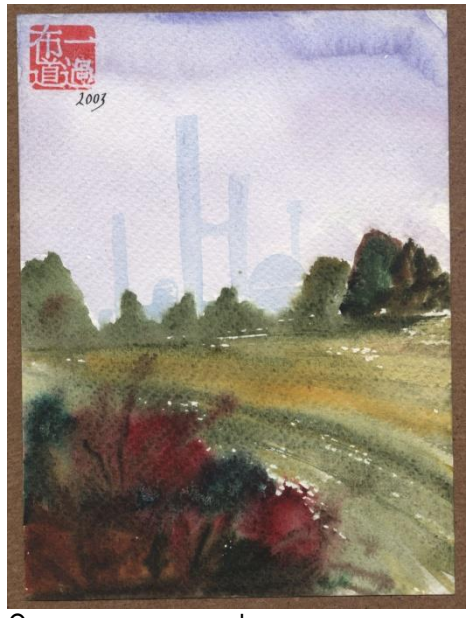


По пыльным дорогам Севильи - Кастильи
мчатся наши кони детства.



В испанских замках играет юность
в рыцарей, прекрасных дам и грусть испанскую.

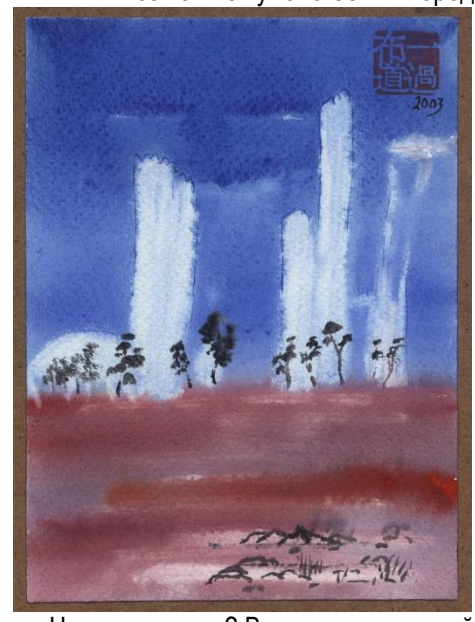
В китайских домиках нас ждут учителя с большими
животами и мудростью в углах раскосых глаз.



О городах мечтаем фантастичных и далеких,
где мы не просто мы, а что-то больше.

Что жизни путь? Мираж над озером
— все тот же тумана белый город

Что жизни тайна? Мираж в горах
— непознанным летающим объектом



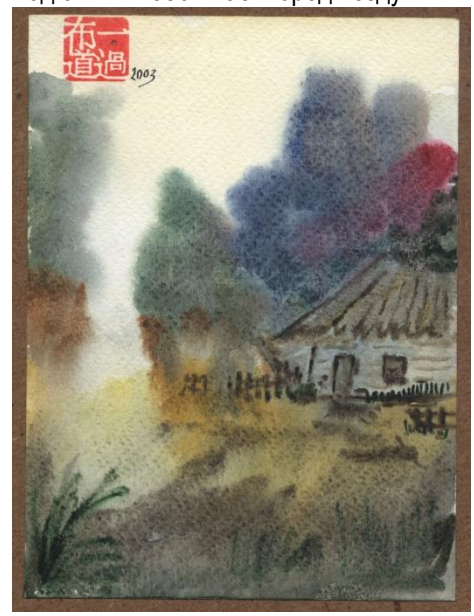
Что жизни цель? В пустыне каменной
— высоких башен белый дым.

В разломе гор на переломе лет нам чудятся
руины безумной Башни Вавилонской.

На плоской равнине трудов и утрат
под синим небом тает город воздушный.

Сказка закончилась и пришли мы
к Белым Воротам.

2004



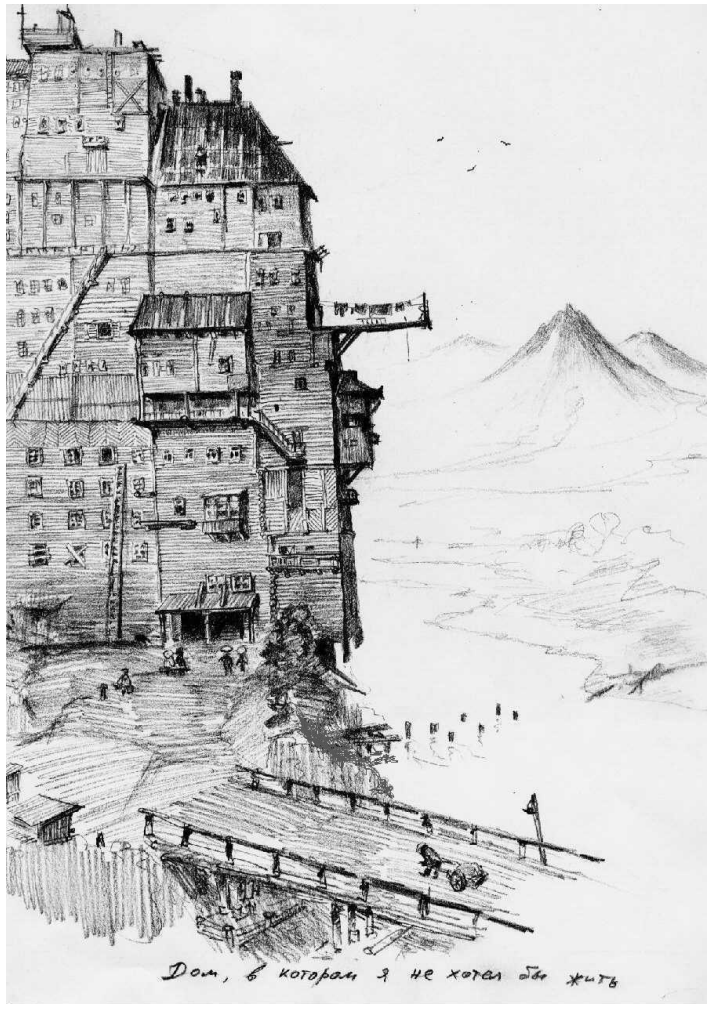
Так выглядит избушка в деревушке,
в которой все мы умрем в каком-то смысле.

2005

ВЕЛИКИЙ ТАЙНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

рассказ

по мотивам картины Александра Жданова
«Дом, в котором я не хотел бы жить»



На потайную лестницу можно попасть только утром по четвергам. Когда-то лестница начиналась от самой земли, но потом крыльцо сломали, стену заложили кирпичами и пристроили домик огородника, который переделали в конюшню, в которой держали осла. На потайную лестницу можно попасть со второго этажа из комнаты старухи-марочницы, а старуха выходит из комнаты только в четверг утром, чтобы перехватить почтальона. Она ведёт почтальона на кухню, и за стакан самогона он разрешает её отклеивать марки с писем и почтовых открыток, держа их над паром, что клубится из большой алюминиевой кастрюли, стоящей над огнём. В этот промежуток времени нужно тихо зайти в комнату,

откинуть старый ковёр, поднять три половицы и спуститься в подпол. Потом нужно установить половицы обратно и, потянув за специальную верёвочку, привязанную к краю ковра и уходящую в щель между половицами, вернуть ковёр на место.

Процедура нехитрая и Великий тайный писатель проделывает её каждый четверг уже много лет. Сразу он не уходит, потому что не забывает проследить, как старуха вернётся в комнату, и как она будет приклеивать марки в свои альбомы. Она приклеивает марки картинкой вниз, убивая одним выстрелом двух зайцев. Во-первых, защищаясь от воров, которые не увидят марки и, следовательно, не украдут их. Во-вторых, защищая марки от вредного воздействия воздуха и света. Старуха-марочница или, как её называет Великий тайный писатель в своих записях, Великая старая коллекционерша, рассчитывает, что когда через сто лет на всемирном филателистическом конгрессе вскроют её альбомы и отклеют марки, те засверкают первозданной чистотой и свежестью красок.

Потом Великий тайный писатель ползёт в южном направлении, раздвигает две доски и, протиснувшись между ними, оказывается на лестнице. Винтовая лестница поднимается внутри восьмиугольного колодца. Великий тайный писатель сравнивает её со штопором в пробке, которой заткнута бутылка этого дома, чьё вино он пробует мелкими глотками каждую неделю по четвергам. Здесь светло, потому что в северо-восточной стене много щелей, через которые проникает свет утром и днём. Лучи падают на записные книжки, привязанные вместе с карандашами к перилам лестницы на каждом этаже. Великий тайный писатель записывает факты и впечатления: факты слева, впечатления справа, а между ними вертикальная черта. Сначала он записывает про старуху-марочницу. Потом поднимается по ступеням, которые скрипят, но это не страшно, потому что их заглушает вой печной трубы, заменяющей восточную стену колодца, что удобно ещё и тем, что зимой в колодце тепло. Рядом с записными книжками в стенах просверлены маленькие дырочки, через которые Великий тайный писатель наблюдает жизнь, чтобы её фиксировать.

На следующем этаже в дырочку на юго-восточной стене видно, как Великий заброшенный шпион садится перед зеркалом и, морщась от боли, сдирает приклеенную бороду. Мажет лицо детским кремом и долго массирует щёки. Потом, глядя в зеркало, начинает старательно выговаривать слова и фразы на иностранном языке. Не сразу Великий тайный писатель понял, для чего заброшенной шпион разговаривает сам с собой: для того, чтобы не забыть слова родного языка за все те долгие годы, что живёт здесь, забытый своим правительством, но не теряющий надежду. Иностранный язык сложен и непонятен. Великий тайный писатель смог достоверно перевести только одну,

часто повторяющуюся фразу: «У того мафель зубья», что означает «Я помню свой язык». Смысл другой, тоже часто повторяющейся фразы, «У того пиндарилла трам-там-там» ясен только в общих чертах. Что-то вроде «Я помню свою страну», или «Я хочу свою жену», или «Как мне всё надоело, о Господи!». Неизвестно, из какой страны прибыл заброшенный шпион, но Великий тайный писатель установил, что страна эта — в тёплых краях. Потому что раз в год заброшенный шпион раздевается догола, надевает длинные шорты, расписанные яркими красками, и начинает приседать перед зеркалом, разводя руки в стороны и шумно выдыхая «Уф!». С каждым годом число приседаний увеличивается на одно, из чего можно заключить, что таким образом заброшенный шпион празднует годовщину какого-то великого события в истории своей страны и ощущает себя Великим заброшенным шпионом.

Записав факты и впечатления, Великий тайный писатель поднимается выше.

На четвёртом этаже с южной стороны играют Великие мальчик и девочка. Они играют всегда в одну и ту же игру. Мальчик играет в войну. Сначала он изображает наступающую армию: он стреляет, рубит и колет. А девочка хлопает в ладоши и кружится в танце. Потом мальчик изображает побеждённую армию: он падает, хватается за голову и зажимает рукой живот. А девочка играет в доктора: она даёт раненому таблетки, зашивает живот нитками и перевязывает голову бинтом. Они играют так каждый год, не меняя правил и не взрослея, почему Великий тайный писатель и называет их Великими детьми.

На шестом этаже с юго-западной стороны Великие три сестры каждое утро пакуют свои чемоданы. Чемоданы старинные, обитые железом и привинченные к табуреткам, чтобы не падали. В восемь часов вечера, когда Великий тайный писатель, спускаясь вниз, проходит шестой этаж, три сестры встают с упакованных чемоданов и начинают распаковывать их, развешивая платья, юбки и шубки обратно по шкафам. Молчаливые в своём величии.

Путь наверх занимает почти целый день.

С западной стороны колодца особенно много жильцов. На три этажа, с седьмого по девятый, вытянулась квартира Великой семьи акробатов. На самом деле, квартира маленькая: три крохотных комнаты, но расположены они по вертикали. И акробаты всё время бегают, прыгают и скачут вверх и вниз, используя шесты, канаты и верёвочные лестницы. Мама-акробатка из кухни на верхнем этаже спускает еду на верёвке. Папа-акробат на той же верёвке поднимает на средний этаж бутылки с пивом, которые на нижнем этаже привязывает бабушка-акробатка. По старости она не поднимается

выше, но в кресле сидит вверх ногами. Многочисленные дети-акробаты сливаются в сплошную полупрозрачную полосу, скользящую по шесту вверх и вниз. За все годы Великий тайный писатель не смог сосчитать их количество. Зато кошка-акробатка в единственном числе и предпочитает прыгать с перекладины на перекладину по верёвочной лестнице.

На десятом этаже Великий тайный писатель старается долго не задерживаться, потому что у него аллергию на рыбу, которую вечно жарит Великий сумасшедший китаец. А когда рыба кончается, он жарит оставшиеся от трапезы кости и чешую.

На одиннадцатом этаже никто не живёт, но там всё время что-то скрипит и постукивает.

Двенадцатый этаж занимает парикмахерская, и Великий лысый парикмахер, когда никто не видит, ползает по полу и собирает волосы, разглядывает их и сортирует, отбирая самые привлекательные и пытаясь приклеить их себе на макушку.

На тринадцатом этаже Великий двурукий художник пишет картину. Он называется Великим двуруким, потому что у всех остальных Великих художников, которых знал Великий тайный писатель, всегда чего-нибудь не хватало: уха, глаза или руки. Великий двурукий художник пишет идиллический пейзаж с коровой на лугу. Много лет назад, когда Великий тайный писатель начал свои восхождения по лестнице, корова уже была. С тех пор живописец каждый день добавляет по одной травинке, внимательно и сосредоточенно. В четверг можно наблюдать семь новых травинок, появившихся за неделю.

Четырнадцатый этаж полон крыс, но не простых, а корабельных, которых когда-то привёз с собой Великий отставной моряк. Моряк давно умер и покоится в трюме старого парусника, занимающего большую комнату по диагонали. Мачта парусника протыкает потолок и используется жильцами пятнадцатого этажа как сушилка для белья, которое они развешивают на реях.

На последнем, шестнадцатом этаже живёт Великий плачущий математик. Он пишет мелом на доске свои формулы и плачет, глядя на них. Потом стирает тряпкой, снова пишет и снова плачет.

Колодец поднимается выше, выходит на крышу и возвышается над ней. Когда, откинув крышку люка, Великий тайный писатель поднимает голову над краем колодца, закатное солнце уже клонится к дальним холмам, над которыми кружат три птицы. Их всегда трое и они всегда кружат над холмами в четверг вечером. К крышке люка привязаны четыре записные

книжки — по одной на каждую сторону света. Великий тайный писатель смотрит на север и записывает факты и впечатления в северную книжку, смотрит на восток и записывает в восточную книжку, смотрит на юг и записывает в южную книжку. А в западную книжку он ничего не записывает, неизвестно почему, но с какой-то далеко идущей целью.

Великий тайный писатель проницательно смотрит на мир за пределами дома и, не находя ничего, на чём мог бы остановиться взгляд, начинает спуск вниз. Он спускается до пятого этажа, потому что старуха-марочница, Великая старая коллекционерша, в четверг вечером не выходит из комнаты, и, тем самым, путь назад закрыт. Для возвращения Великий тайный писатель использует комнату Великого слепого фотографа, который живёт на пятом этаже в северо-западном направлении. Чем он велик, помимо того, что слеп, неизвестно. Обычно выход с потайной лестницы закрыт большим чаном с водой, в которой плавают фотографии. Но в четверг вечером фотограф меняет воду в чане. Он спускает воду в специальный желоб, по которому она сливается в реку. Желоб растрескался от времени, и сквозь щели вода бежит струйками и капает с потолка на четвёртом, третьем, втором и первом этажах. Жильцы думают, что это идёт обычный вечерний четверговый дождь. Чтобы вылить воду, фотограф наклоняет чан, и проход освобождается. Великий тайный писатель быстро проползает под днищем чана и уходит. Фотограф слеп, но у него чуткий слух. Каждый раз он спрашивает: «Кто там?», а Великий тайный писатель, чтобы обмануть фотографа, складывает губы трубочкой и тихо подвывает «У-у-у…», как будто это ветер воет в печной трубе.

День четверга заканчивается, дом погружается в сон, а тайный колодец — во тьму. Великий тайный писатель уходит. Куда он уходит, где живёт и как выглядит неизвестно, потому что он тайный. И если нам что-то удалось почерпнуть из его тайных записных книжек, это вышло случайно и непреднамеренно.

12 февраля 2005

ОБРЕЧЁННЫЙ НА ДИАЛОГ

микроэссе

В голове моей многочисленные гости поселились, с которыми всю жизнь мне нужно вести диалог.

Так что, если подумать, вся жизнь — это и есть этот диалог.

Мои гости — не люди.
Люди живут отдельно, и что там у них в головах — Бог знает.
А у меня в голове копии этих людей, слепки, клоны, тени и призраки.

Вот я пишу, а они нашёптывают.
И трудно различить, что говорю я, а что говорят они.

Иногда хочется выгнать их всех, все копии, слепки, клоны, тени и призраки, одному остаться.
Чтобы узнать.
Вкусить покой.
И радость самоидентификации. Кажется, так по-научному.

Это невозможно.
Это всё равно, что перестать быть здесь и стать тем, кем был до рождения.

Все так мучаются.
И моя копия, мой слепок, мой клон, моя тень и мой призрак разбежались, расползлись по чужим головам, поселились там и ведут диалоги, в которые я даже не могу вмешаться.

Люди думают, что говорят друг с другом, но это неправда.
Это не я говорю с тобой, это не ты говоришь со мной.
Это наши копии, слепки, клоны, тени и призраки.

Смерть тому доказательство, потому что она не прерывает диалога.

Разве ты не беседуешь со своим другом, умершим много лет назад?
И не оглядываешься, как будто он подсматривает?
Не ищешь аргументы, чтобы доказать ему?
Не делишься радостью?

Не жалуешься, ища сочувствия?

То, что он умер, только помогает беседе, освобождённой от обстоятельств.

И выходит, что люди — всего лишь носители копий, слепков, клонов, теней и призраков.
И пока жив хоть один человек, все они живы и говорят, говорят, говорят...

Я хотел рассказать, что происходит, когда человек умирает.
Входит в дверь и закрывает её за собой.
И все эти копии, слепки, клоны, тени и призраки в его голове воют, будто их затягивает в воронку вслед за умершим.

Я знаю.
Когда умирал мой друг, много лет назад, так же выла моя копия, мой слепок, мой клон, моя тень и мой призрак.

И только я оставался в недоумении.

И пускался в пространный диалог с копией, слепком, клоном, тенью и призраком моего друга.
Диалог, что не закончился и сегодня.

Только в редких случаях в воронку затягивает самих людей, слишком близких, чтобы оставаться в недоумении.
Но и они лишь расшибаются о закрытую дверь.
Потому что у каждого своя дверь и своя воронка.

Человек не чувствует смерть, потому что копии, слепки, клоны, тени и призраки в его голове не знают смерти.
Они могут лишь тихо угасать, подобно далёким звёздам.
Да и то нет никакой уверенности, что кто-то угас навсегда, что он не явится неожиданно подобно хвостатой комете, когда уже забыл, возникнет, благодаря особым обстоятельствам, или просто так, непредсказуемо, и не начнёт говорить, а тебе останется лишь изумлённо слушать и кивать головой.

Когда человек умирает, он уносит с собой многочисленных гостей.

Я могу понять, когда умирает тот, кто дожил даже не до старости, это слишком мало, а до состояния дряхлости, когда все, кого он знал, уже ушли, закрыв за собою дверь.

А все их копии, слепки, клоны, тени и призраки почти угасли в голове умирающего и просто возвращаются к прототипам.
И сам он угас, потому что его копии, его слепки, его клоны, его тени и его призраки уже давно прошли сквозь воронку вслед за теми, кого он знал.
Он пуст.
Он это знает.
Он уходит так же просто, как открывают и закрывают дверь.

Но когда умирает тот, кто не дожил, остающиеся в недоумении продолжают диалог с копией, слепком, клоном, тенью и призраком.

Все кричат, шум стоит страшный.

Только время со временем убавит звук, но выключить его насовсем способна только вечность.

Человек умирает столько раз, сколько раз умирают его копии, его слепки, его клоны, его тени и его призраки в головах тех, кого он знал, столько раз, сколько раз умирают их копии, их слепки, их клоны, их тени и их призраки в его собственной голове.

Если бы от начала времён жил лишь один человек, с кем бы он беседовал?
Он был бы обречён на молчание.
Как обречён Бог.

26-27 мая 2005

ОБРЕЧЁННЫЕ НА ДУЭЛЬ

микрорассказ

Он шёл по траве. По мягкой и сочной. Под подошвами ботинок пружинила и причмокивала свежескошенная трава.

Другой шёл по каменистой дороге. Дорога поворачивала налево и направо. Под подошвами ботинок на поворотах пощёлкивала сухая галька, как пощёлкивают счётчики и переключатели. Подобрал камень с выемкой, будто специально выделанной под большой палец руки и отшлифованный тонким песком. Похожий на скульптуру черепа.

Они шли навстречу друг другу. Между ними были две горы, два леса и четыре луга.

Войдя в сосновый лес, он нашёл палку, похожую на монашеский посох с набалдашником в виде узловатого корня, сжатого в кулак и отполированного сухим ветром. Взяв палку и вглядываясь в решётку, образованную горизонтальными лучами восходящего солнца и вертикальными стволами сосен, он подумал, что, может быть, не придётся убивать другого. Может быть, удастся просто прогнать, заставить уйти из этого мира.

Другой прислушался к своим чувствам и решил, что убьёт быстро, чтобы он не мучился, потому что не обнаружил в своих чувствах ненависти. Только необходимость. Поэтому на последнем повороте дороги подобрал ещё один камень, похожий на скульптуру черепа, чтобы ударить с двух сторон и наверняка. И пошёл по высокой траве, доходящей до пояса, стараясь не наступать на головки цветов и слегка дурея от их запаха.

После соснового бора он пересёк вересковую пустошь и стал подниматься в гору. Посох был тяжёлым и не столько помогал идти, сколько мешал. Но это было оружие, которым следовало защитить мир. Все эти скошенные травы, сосны и вереск.

После цветочной поляны другой вошёл в берёзовый лес. Камни перекатывались в руке, скользя друг по другу, меняясь местами по кругу, который не хотел останавливаться, хотя пальцы уже устали от непрерывного движения. Прислонившись к стволу широкой берёзы, другой испачкал куртку белой корой, но не заметил этого, погружённый в созерцание белого света. Камни придавали уверенность, что свет не померкнет, и в мире всё останется по-прежнему: и камни, и цветы, и берёзы.

Поднявшись на гору, он сел на камень, чтобы отдохнуть. С перевала открывался вид на широкую долину, на другом конце которой ему почудился

другой, выходящий из березняка на край последнего луга. Во всём виноват тот, кто придумал этот мир, который он должен нести на плечах, как улитка несёт на себе свой домик так же, как человек несёт на себе свою кожу. Здесь нет места для другого, а он лишён выбора.

Выйдя на край заливного луга, другой присел на ствол поваленного дерева, чтобы отдохнуть. На другом конце луга уходила вверх пологая гора, на гребне которой на камне сидел он. Так показалось другому, хотя, может быть, это была игра света и тени в скалах. Ощущая себя улиткой, на плечах которой покачивается мир, другой чувствовал, что смысл этого ускользает. Если бы тот, кто создал мир, оставил выбор, смысл стал бы понятен. Но выбора не было и не было смысла в том, чтобы он в мире был он, сидящий на гребне горы.

По физическим законам мира встреча должна была произойти на берегу реки, разделявшей мир надвое.

Он вышел на свой берег чуть ниже по течению.
Другой вышел на другой берег чуть выше по течению.

Река была узкой и мелкой с быстрой прозрачной водой.

Противники увидели друг друга и стали сходиться. Под подошвами ботинок громко кричали ракушки улиток, которыми были усеяна оба берега реки. Их крик заглушал еле слышный плеск бегущей воды и был подобен рокоту боевых барабанов и голос военных труб.

Он поднял посох и ударил узловатым кулаком, отполированным сухим ветром.
Другой поднял два камня и ударил их черепами, отшлифованными тонким песком.

Зеркало раскололось и его осколки убили обоих.

Он перешёл реку и удалился от места сражения, не оглядываясь и не радуясь победе.
Другой перешёл реку и удалился от места сражения, не оглядываясь и не радуясь победе.

Из последних сил он добрался до каменистой дороги и упал на повороте. В ушах его громко щёлкала сухая галька.
Из последних сил другой добрался до скошенного луга и упал на его краю. В ушах его громко чмокала сочная трава.

Перед тем, как забыть, оба подумали: мир восстановлен.
В мире был слышен лишь плеск бегущей воды.

28.05.2005

СЛУЧАЙНО ВМЕСТЕ ВЕЧНО

микроэссе

Люди, как и деревья, встречаются случайно и остаются вместе на всю жизнь.

Они не могут и на шаг отойти в сторону.

Дерево — потому что его держит земля, в которую оно пустило свои корни.

Человек — потому что его держит память, из которой растут его мысли и чувства, из которой растёт он сам.

Встреча всегда случайна.

Память неба и земли, так же как память человека, состоит из этих моментальных фотографий.

Что бы ни было потом, как бы не разбросал ураган жизни людей и деревья, в памяти они навечно вместе.

Пока это так, люди и деревья живы.

Вот, казалось бы, одинокое дерево: берёзка посреди поля или сосна на горном обрыве. Но подойдите ближе и вы увидите: вот рядом старый пень, а вот новый росток — два-три листочка, две-три хвоинки — будущее дерево.

Так что, в сущности, одиночество — это тоска по новым встречам.

Вот и в нашей Липовке: разве мог бы человек жить здесь один? Только вместе, или, как говорили в старину, миром.

Земля и небо Липовки так просторны, что здесь хватает места для всех и всего.

Сегодня ты можешь оказаться в весёлой компании у кого-нибудь в гостеприимной избе или на простом крыльце, где тебе и другим хорошо. И пусть подчас гости с трудом помещаются кто где и кто как: в тесноте — не в обиде.

А завтра ты уже вкушаешь тишину и покой где-нибудь на лесной дороге, посредине цветущего луга или на берегу молчаливой Старицы. И даже если кто-нибудь случайно пройдёт мимо и издали махнёт рукой, это только подчеркнёт твоё уединение.

Даже Липовское кладбище не похоже на обычные фабрики смерти. Так что приходится объяснять: вон та березовая роща — вовсе не лес, это и есть кладбище. Место, где живут те, кто уже ушёл.

А те, кто ещё остался, это мы: люди, случайно встретившиеся в Липовке. И остающиеся вместе. Как деревья в лесах и рощах Липовки.

Липовка. 13 августа 2005

СОСТАВИТЕЛЬ ТЕКСТОВ

микрорассказ

Составитель текстов беззвучно играл на губной гармошке. Это можно было понять по тому, как шевелились губы. Не так, как шевелятся губы, когда извлекают звуки слов. Звуки слов пронумерованы и занесены в алфавиты. Слова перечислены и сложены в словари. Даже фразы почти все перепробованы — процентов на восемьдесят. Составитель текстов предчувствовал, что в оставшихся двадцати процентах вряд ли найдётся хотя бы два десятка новых фраз, имеющих нечто, хотя бы отдалённо напоминающее смысл. Оставалось лишь комбинировать фразы, всё те же самые фразы, в разнообразных сочетаньях, составляя тексты.

Занятие бесконечное, но скучное.

И всё чаще оказывалось, что это всё те же самые тексты.

Составитель текстов беззвучно играл на губной гармошке. Неучтённые звуки гармошки свободно летели в бескрайнее небо, тая в белых облаках. “Свобода,” — думал составитель текстов. Он искал новый, свежий язык, в котором тексты не распадались бы на фразы, фразы — на слова, а слова — на звуки и буквы. И вообще, мечтал составитель текстов, не было бы текстов, а был бы один Текст: вечно живой и подвижный.

Я мечтаю о непрерывности, — подумал составитель текстов.

— Это всё семечки! — сказал составитель картин, разливая виски в стаканы.

Для нас, составителей картин, это пройденный этап. Когда-то у меня тоже ничего не было, кроме пронумерованных красок. И писал я картины ударами кисти. Занятие бесконечное, но скучное. А потом мы нашли: самотекущие красочные поля, взаимопроникающие цветовые слои, самодвижущиеся линии и саморазмножающиеся точки. И всё равно картина оставалась плоской и ограниченной. Тогда мы выбросили холсты и рамки. Раздвинулись в третье измерение. А мой приятель, составитель танцев, подарил мне пару трюков. Теперь у нас всё непрерывное и подвижное. Никаких красок, делай картину из чего хочешь. Никаких границ — продолжай хоть до Луны. У составителя музыки мы переняли шорохи и грохот. Картины звучат. А толку!

Чего же вам надо? — спросил составитель текстов.

Проблема в пространстве и времени, — сказал составитель картин.

Любая картина занимает пространство и время. И это раздражает до невозможности. Нужно избавиться от пространства и времени. Чтобы картина ничего не занимала и нисколько не длилась. Чтобы ничего не было. Потому что, когда ничего нет, — это и есть предельная свобода и непрерывность.

Ты рубишь сук, на котором сидишь, — сказал составитель текстов.

Э, нет… — улыбнулся составитель картин.

Что толку рубить сук — новый вырастет. В конце концов, твои тексты — тоже картины. Только написанные чуть-чуть другими средствами. И всё время одно и то же: бумага, буковки… Вся планета уже завалена грудами исписанной бумаги. Собрать бы тексты все да сжечь!

Вот почему мы рубим не сук, — составитель картин захихикал, — мы рубим дерево, на котором сидят *все*.

Какая гадость! — сказал составитель текстов.

Залпом допил своё виски и вышел в ночную пустыню.

В отчаянии бродил составитель текстов. Бродил по пустыне, по склонам гор, площадям и улицам, подворотням и барам. В полном отчаянии.

Пока не встретил маленького мальчика, перепачкавшегося чернилами, который, высунув кончик языка, выводил свои буковки в тетради в клеточку. Это был не мальчик. Это был ветхий старик, будто сонный и острый как бритва, движеньем запястья, схожим с ящерицей, движением кисти писавший скорописную вязь.

Что ты делаешь? — спросил составитель текстов у маленького мальчика.

Я пишу каллиграфию, — ответил глубокий старик.

Задумался составитель текстов. Но не успел он додумать, как прекратилось мельтешение мальчиков и стариков, дым рассеялся и мужчина в расцвете лет разливал по стаканам.

Кто ты? — спросил составитель текстов.

Посмотри на людей, — мужчина отпил изрядную порцию виски, и пепел сигары упал на ковёр дорогой.

Мужчины и женщины, лысые и черноволосые, толстые и худые, умные и глупые… Ну что там ещё? Ты сам можешь всё перечислить. Остаётся лишь комбинировать. Занятие это…

…бесконечное, но скучное, — закончил составитель текстов.

Кто ты? — снова спросил.

Я составитель жизни, — улыбнулся мужчина, — А знаешь о чём я мечтаю?

Нет, — выдохнул составитель текстов.

О непрерывности! — гулко захохотал составитель.

24 ноября 2005 года

2006

ВЫЙТИ ИЗ ДОМА

поток воспоминаний

Выйти из дома, хлопнув дверью парадного.

А до этого спустившись по парадной лестнице.
Парадная лестница — не то, что лестницы наших подъездов.
Она шире и она мраморная.
Чёрная лестница тоже мраморная, но уже и мрамор грязнее.

Выйти из дома на улицу.
На самый угол, откуда уходит Рукунов переулок.
На угол, где криво врыт гранитный столб, к которому ямщики привязывали лошадей.
Это по слухам, ямщиков не видел.
Только столб.
Столб исчезает.

Перейти улицу, где трамвайные пути.
Трамваи грохочут.
Поэтому окна закрывают, чтобы можно было разговаривать.
Трамвайные пути исчезают.
Окна открываются.

Через улицу к булочной.
Деревянной коричневой булочной с длинным прилавком, обитом белой жестью, и длинным рядом окошек, из которых подают жёлтый хлеб.
Рисовать булочную, глядя через трамвайные пути, сидя у подъезда.

Булочная исчезает.
Идти дальше мимо двора за булочной, в котором принимают зелёные бутылки.
Дальше вниз, в паутину почтовых улиц с ручейками тихих переулков, где во дворах продают яйца сотнями и вьются длинные тёмные очереди.
Переулки сливаются вниз, туда, где уже не живут.
Вдоль длинных заборов складов или фабрик к камню набережной.

В широком нежилом просторе пустынно и грязно.
И тихо от шума грузовиков, что едут вдоль набережной.
Монотонно, потому и тихо.
Вода бутылочного цвета.
Пахнет плесенью и тленом.
Мусор медленно плывёт.

Вдоль чугунной ограды Яузы идти под засохшими деревьями.
Здесь думу можно думать сколь угодно длинную.
Возвращаться, останавливаться и думать дальше.
Мимо мостиков ненужных, вдаль, туда, где небо перекрыла крыша большого моста.
Где дума кончается.

Можно перейти по мосту и подняться вверх.
Слева госпиталь ужасный, справа парк весьма приятный.
Но лучше вернуться.

Там, где улица Радио, странно похожая на своё название.
Мимо немецкого рынка.
По Фридриха Энгельса.
Скользнуть дворами.

Дойдя до угла, не входить в парадное, но свернуть в Рукунов переулок.
Пройти в старый двор и смотреть, как растёт старый тополь.
Когда из парадного выйдет китаец.

Тот китаец, с которым познакомился прошлым летом в военном лагере Артиллерийской Академии имени Дзержинского.

Лагере под Гороховцом в сосновом лесу около тихой ветки железной дороги, куда эшелоны идут из Москвы двое суток.

Где военные китайцы вместе с военными немцами и военными болгарами учатся в домиках-аудиториях и блиндажах-аудиториях, разбросанных в сосновом лесу.

А живут в палатках, больших белых палатках на четыре койки, двумя длинными рядами уходящих.

Недалеко от того места, где стоят домики вольнонаёмных, что живут с детьми и домочадцами под большими соснами.

Китаец приходит в Москве в гости.

Переполох в коммунальной квартире с 14 комнатами, большой кухней, двумя туалетами, парадной и чёрной лестницами.

Китаец дарит китайскую закладку для книг, длинную, с рисунком, с узором и кисточкой.

Его сажают за стол и угощают.

Наливают белого вина, а сами пьют красную наливку, что послабее.

Всё это достают из холодильника, устроенного во внешней стене дома, из которой вынули несколько кирпичей, вставили трубку на улицу и приделали дверцу со стороны комнаты.

Китаец благодарит, но пьёт мало и быстро уходит.

Пробуют белое вино, а это оказывается уксус.

Бабушка перепутала.

Все боятся, что отравили китайца, и будет международный скандал.

Когда из парадного выйдет китаец, свернёт в Рукунов переулок, в старый двор, где тополь.

Китаец исчезает.

Идти по Рукунову переулку, свернуть на Переведеновский.

Больница, где на втором этаже в больших палатах болеют дети.

И смотрят в окошко.

Там, внизу, через улицу на углу дома скамейка, на которой сидят родители и смотрят вверх.

Дети получают передачи и пишут письма: "Заберите меня отсюда! А то я убегу!!!"

Но никто не убегает.

Скамейка исчезает.

Нужно дальше идти, туда, где в доме большом на углу светится высокое узкое окно на втором этаже.

Зайти со Спартаковской площади в Дом пионеров и школьников Бауманского, Сталинского, Первомайского, Бауманского района.

Подняться по парадной лестнице.

Она даже шире, чем в доме на углу Рукунова переулка.

И мрамор светлее.

В узкую комнату с высоким потолком, высоким и узким окном.

Здесь светло, много бумаги, много детей и один взрослый человек, немного грустный.

Станет самым близким другом.

Человек исчезает.

Возвращаться по Бакунинской, но выйти на неё проходными дворами, чтобы пройти мимо фабрики чего-то железного.

Здесь в больших ящиках и просто на земле целые россыпи алюминиевых денег.

Мелкие кружочки ровные, побольше — с изгибом плоскости.

Можно играть в пристенок у дальней стены школы около школьного сада под большим тополем.

Но обычные монетки лучше.

Зато алюминиевых много, можно играть на деньги в любую настольную игру.

А можно пройти через Спартаковский переулок, где в одном дворе фабрика чего-то бумажного, и можно набрать всякой бумаги и картонок.

А в соседнем дворе фабрика чего-то кожаного, и попадаются забавные кожаные хвостики и квадратики.

На углу гастроном, работает до 11 часов, продают чёрную икру в баночках.

Гастроном исчезает.

Спартаковский переулок исчезает.

Дойти до Бауманской, где снова трамваи.

Где напротив телефонной станции особняк с буквой R в овале лепнины.

Мимо Елоховского собора, где бабушка учила молиться, а старушки нахваливали: хорошо бьёшь поклоны.

От похвалы стараешься.

Молиться не выучился.

Бабушка исчезает.

Мимо церкви в библиотеку, где выдают в читальном зале чёрного толстого Гегеля с желтоватыми страницами и чарующе непонятным текстом.

Идти дальше к Разгуляю.

Вернуться к Рукунову переулку.

Ехать долго на троллейбусе к Первомайской, хотя на метро быстрее, но дороже.

Ехать в школу, учить математику, смотреть на электронные лампы машины Урал-1.

Получить портфелем по голове.

Портфели с железными уголками, поэтому крови много.

И тот, от кого получил портфелем, ведёт тебя в больницу и сам боится.

Рану скрепляют железными скобками, голова забинтована.

Но это не важно.

Тот, от кого получил портфелем по голове, становится другом.

Через годы, через институты, через работу, через жён, через детей, через встречи с водкой и памятью.

Друг исчезает.

Выйти из парадного, хлопнув дверью.

Ехать на троллейбусе, но в другую сторону и всего две остановки.

Спуститься в метро, где бронзовый солдат в ушанке с собакой всё ждёт и ждёт кого-то.

Ехать на метро, качаясь на мягком сиденье, читая книгу: одну — туда, другую — обратно.

Благоговеть перед высотой Университета и удивляться, что ты в нём учишься.

От того ли, что на холме, здесь воздух пропитан студенчеством, наукой, академией.

Даже старые яблони, когда цветут, кажутся профессорами по сравнению с яблонями-школницами в школьном саду около дома на углу Рукунова переулка.

Идёшь от метро, будто решаешь задачу или доказываешь теорему.

Заходишь в клубную часть, людей много.

В лифтах толкучка.

Зато с другой стороны, где главный вход, пустынно и тихо.

Чем-то напоминает Яузу, но без грязи и плесени.

Идти стараешься скромнее.

Кажется, что тут должны ходить одни академики, Ломоносов под ручку с Колмогоровым.

А тут ты идёшь.

Становишься гордым внутри и тихим снаружи.

Москва вся внизу.

Спускаешься на эскалаторе, длинном как трамплин горнолыжника.

Метро "Лениские горы".

Эскалатор исчезает.

На метро можно уехать куда угодно.

Со школьными приятелями идёшь по Кремлю.

Груши цветут.

И кто-то говорит: "Некоторые не понимают и не ходят сюда".

Но ты-то понимаешь, тебя в пионеры принимали перед мавзолеем под осенним дождём.

Пустынно и тихо.

В комсомоле уже не то.

А в партию вступил, но в другую — из озорства.

В метро пути разбегаются в разные стороны.

Каждый день на работу.

На Ленинский проспект, на Преображенскую площадь, на Калужскую, на Цветной бульвар, на Таганскую.

Каждый день домой.

На Бауманскую, на Рязанский проспект, в Алтуфьево.

На другом конце, на самом краю города, где можно услышать монотонный гул кольцевой дороги, похожий на тишину Яузы.

От Рукунова переулка вниз по Бакунинской к железной дороге.

На той стороне родильный дом, в котором родился.

На этой стороне церковь, в которой размещается русская хоровая капелла.

Вокруг садик.

В этот садик ходил с бабушкой.

Бабушка исчезает.

В этом садике делаешь предложение.

Становишься женатым.

В этот садик ходишь с сыном.

Сын исчезает.

Около садика, на другой стороне улицы библиотека Усиевича, где тебя спросили "Не рано ли тебе читать книгу "Туманность Андромеды" Ивана Ефремова".

Прочитал залпом.

Потом по делам Дома пионеров и школьников Бауманского, Сталинского, Первомайского, Бауманского района был у Ивана Ефремова дома.

Но не дальше передней, потому что Ефремов паковал чемоданы, уезжая на следующий день в Африку.

Ефремов исчезает.

Коммунистическое будущее исчезает.

А в соседнем с библиотекой доме жила у старушки Нины Петровны будущая жена.

Ранним утром, чтобы не разбудить соседей по коммунальной квартире, вылезал из окна первого этажа на Почтовую улицу.

Где ждал милиционер.

"Это не вор", — объяснила будущая жена.

И милиционер поверил.

А во дворе в первый вечер знакомства тихо падал ночной снег, белый в лучах фонаря, падал на белый кружевной платок будущей жены.

Падал час, и другой час.

Под тем окном накануне свадьбы ходила мама будущей жены и нервничала.

Её успокаивали.

Нина Петровна исчезает.

Мама жены исчезает.

Папа жены исчезает.

Светятся окна домов.

Светятся звёзды неба.

Не доходя до Рукунова переулка, свернуть в школьный сад.

У самого края красной стены, под цветущими яблонями, под белым светом, клубящимся в ветвях, стоять у красной кирпичной стены и ждать, когда вылетит птичка из большого аппарата на трёх ногах.

И птица вылетает.

Большая и белая, как облако яблоневых лепестков.

Слушать рассказ о старике, что где-то здесь похоронен в школьном саду.

Старик был упрямый и во время бомбёжек не спускался вместе со всеми в подвал, а прятался в ямах в школьном саду.

Куда и упала авиационная бомба и убила старика.

И его похоронили в той самой яме, в которой он прятался.

Ямы ичезают.

На сером постаменте глядит на школьный сад серебряной краской покрашенный Иосиф Виссарионович Сталин.

Бюст скидывают и Иосиф Виссарионович утыкается серебряным носом в чёрную землю клумбы.

Залезть на постамент и постоять там вместо Иосифа Виссарионовича, глядя сверху на цветущие яблони школьного сада и красную стену дома.

Школьный сад исчезает.

Красная стена исчезает.

Чёрная лестница исчезает.

Парадная лестница исчезает.

Дом исчезает.

Переулок переименовывается в Балакиревский.

Рукунов, то ли купец, то ли фабрикант, исчез давно.

22 апреля 2006

2007

КАРТИНА В ТЕХНИКЕ СЕ-И

рассказ

Той же ночью ему приснился сон.

Они сидели за столом, все четверо со своими жёнами. Стол был праздничный: бутылки, закуски, цветы в двух тонких высоких вазах. Жёлтые розы и белые хризантемы. Со временем, как обычно, разговор вошёл в философско-мистическую сферу. Это значит: заговорили о смерти. Все молоды, смерть — это что-то далёкое, но все когда-нибудь умрут. Но вот интересно: в какой последовательности? Кто раньше, кто позже? И тут он увидел, как воздух вздрогнул, и жена первого из них замерцала и растаяла. Никто этого не заметил, разговор продолжался. И снова воздух вздрогнул, и жена второго замерцала и растаяла.

Он вышел из сна.

Оставшиеся сидели за столом. Бутылки, закуски. Но это не праздник, пьют не чокаясь. Сон оказался вещим. Только приснился не тогда, тридцать лет назад, а сейчас, как предсказание прошлого. Теперь за столом о смерти не говорят, но думают: кто следующий. Он понял, что это тоже сон, ведь поминок по жене второго не было, не получилось.

Воздух вздрогнул, и он, не дожидаясь, вышел из сна.

Его разбудил толчок: слабый, но настойчивый. Сегодня он напишет картину. Он её не видел, но чувствовал, что она рождается. Её и нельзя увидеть, пока кисть не коснётся бумаги. Нет, это слишком рано: увидеть нерождённое, не значит ли убить его? Только когда картина закончена, и кисти отложены: А пока лучше отвлечься.

Он приоткрыл глаза: свет медленно наполнял веранду. Это хорошо, не проспал, буду вставать вместе со светом. Оделся и вышел на крыльцо.

Яблоня была старая. И дом старый. Дом был срублен ещё до войны, а после войны сплавлен из Кадома вниз по Мокше. Но здесь, в этой земле они

укоренились одновременно: дом и яблоня. Сруб ещё без крыши, тёмные и влажные, будто только что из реки, брёвна. Хотя это всего лишь дождь — на дорожке бледной тушью нарисованы лужи. А рядом с дорожкой, в маленькой лужице — тонкий штрих яблоневого саженца. И закатное небо в три полосы: красная, белая и тёмно-серая, почти чёрная.

Красивая картина, но он уже увидел её. Значит, не то.

Дом смотрит на яблоню, а яблоня смотрит на дом. Должно ли это что-то значить? Каким движением кисти можно передать взгляд? Он пошёл в избу пить чай.

Дом должен был умереть после того, как умер его хозяин. Старик-горюн, как называла его баба Люба. В тёмном, лишь угадываемом пространстве избы светлое пятно окна и кровать около него. Жёсткими мазками кисти — сгорбленная фигура в валенках, шапке-ушанке, с неясным тёмным лицом и руками на коленях. От старика ушла жена, он загоревал и заболел. Последние годы уже почти не вставал с кровати, и баба Люба носила ему еду, жалела. Потом он умер.

Десять лет дом медленно умирал. Соседи держали в клети свиней, но на сам дом, на избу не покушались. Дом не умер, потому что появились новые хозяева. Приехали из Москвы, купили дом и стали слушать рассказы бабы Любы о том, что и как тут было раньше. Дом подлатали, поправили, и стало ясно: он простоит ещё долго. Теперь дом можно нарисовать даже по линейке и угольнику.

А яблоня продолжала стареть. Ей тоже подрезали сухие ветки, но дерево — не дом, его не подлатаешь и не поправишь.

Всё было бы проще, если бы яблоня уже умерла. Мёртвое дерево рисуется сухой кистью, когда в её пролёте прерывается тушь. Мёртвые ветви — это старые кости, выбеленные временем и ветром. Это можно почувствовать запястьем.

Но яблоня была ещё жива. И смотрела на дом, на траву, на дорогу, на небо, на три берёзы перед домом. Потом из трёх берёз осталась только одна, она была в два раза выше дома, а дом — в два раза выше яблони. И хотя берёза уже почернела — тычки влажной туши покрывают почти всю поверхность ствола — и забрасывала траву перед домом сухими ветками — быстрые штрихи тонкой кисти, она выглядела моложе яблони.

Он вернулся на веранду, убрал постель и поставил стол. Просто столешница на низкой лавке и раскладной табуретке. Удобно: можно убирать и ставить. Разложил краски. На некоторых тюбиках крышки не

откручиваются, присохли. Придётся пойти за плоскогубцами, они в сенях, где на стене развешаны все инструменты: молотки, напильники, стамески, ножовки, топорик, рубанок :

Дед Гаврила умер, когда упала первая берёза. Он был глуховат, поэтому особого разговора не получалось: он просто подходил и смотрел, как строгают доску для лавки. Улыбался и кивал головой. Теперь уже не слышно утренней перебранки деда Гаврилы и бабы Любы. Семейная жизнь была долгой и тихо закончилась. Свет, плавно гаснущий к нижнему левому углу картины.

Яблоня по весне покрывалась бело-розовым цветом. И как тут быть? Яблоневый цвет требует мокрой бумаги и влажной кисти. Если сначала рисовать бело-розовое облако, а потом ждать, пока бумага подсохнет, чтобы рисовать ствол и ветви, ничего не получится: облако зачёркивается штрихами ветвей вместо того, чтобы выплывать из них. Если, наоборот, сначала из сухой бумаги вытащить старые кости, а потом бумагу смочить мокрой ватой в тех местах, где должно быть облако, лепестки будут будто приклеены поверх яблони, как приклеивают разноцветные марки к письму. Да и бумага покоробится. Ветви и цветы, старость и юность нельзя писать двумя движениями. Если движений два, то и картина распадается на две половинки, как разрезанное яблоко. Но как совместить в одном движении старость и юность, смерть и рождение? Запястье либо мягкое и гибкое, либо твёрдое и резкое, либо плывёт, либо летит, либо расслабляется, либо твердеет, либо ласкает, либо ударяет. Нужна особая техника, чтобы совместить несовместимое.

Он выбирал лист бумаги долго и тщательно. Рождавшаяся картина требовала какой-то особой бумаги. Может быть, нужна китайская? Мягкая как бумажные полотенца? Когда-то, когда он учился рисовать, разглядывая альбомы китайской живописи и штудируя китайские трактаты о живописи, ему очень не хватало такой бумаги. Акварельная казалась грубой и жёсткой, совсем не понимавшей, как она должна впитывать тушь. Но со временем он совладал с непослушным материалом и теперь вряд ли сумеет писать на китайской бумаге, не чувствуя привычного сопротивления. Тут он понял, что дело не в фактуре бумаги, а в формате листа. Он должен быть совсем необычный: не стандартное золотое сечение и не спокойный квадрат, а что-то раздражающее. Такого у него не было и пришлось вырезать из большого листа, жалея, что отходов много, но они уже ни что не годятся.

Светит солнце и в перекрестии его лучей, преломленных оконным стеклом, изба светится. Баба Люба принесла ведёрко картошки и, присев на краешек кровати, рассказывает. Тремя широкими горизонтальными полосами: белые облака, синее небо, охряная рожь. Два светло-жёлтых штриха

дороги и кончиком кисти — лошадь, телегу и две фигурки на ней. Подружка поранила ногу серпом, да сильно так поранила, кровь хлещет. Меня бригадир отправил с ней к фельдшеру, сама-то может не доехать, ещё сознание потеряет от крови-то. А Нюркина мать, вот ведь в кого Нюрка-то, и мать её такая же была шебутная, кричать стала: — Это у них заговор, они работать не хотят. Сама ногу гвоздоцком расковыряла, чтобы не работать, а Любка с ней сговорилась: тоже работать не хочет. Тонкой кистью — фигурки вдали, похожие на гвоздоцки, похожие на китайский иероглиф чжун в стиле лишу.

Образы движутся один за другим, как в картинной галерее, но только наоборот: ты стоишь, а они движутся. Он понимал, что этот поток нельзя останавливать, он должен проплыть, как проплывают облака в небе, и смыться рождающейся картиной. Просто ни на чём не останавливай взгляд и смотри сквозь: Кисти в низком кувшине, как засохшие стебли трав. Нужно принести воды. Но сначала опустить лист бумаги в бочку с водой. Бумага должна хорошо пропитаться водой, стать почти такой же мягкой, как китайская или полотенце.

Серое небо и под ним почти вертикальные полоски забора, тоже серые, только темнее. А перед забором зелёные ветви и листья помидоров, и сами помидоры — тоже ещё зелёные, тут нужны разные оттенки цвета. За окном дождь, с крыши льют струи и шлёпаются в бочку с водой. Баба Люба вытирает слёзы уголком платка. Голодно было очень в войну-то, очень он есть хотел, зелёных помидоров в огороде нарвал, поел и помер. Сынишку бабы Любы звали Ваня — кисть не поднимается его рисовать, пусть так и останется: небо, забор, помидоры. С тех пор прошло пятьдесят лет. Остальные дети бабы Любы ещё живы: младшая двойня: Галя — в Москве и Коля — в Сасово, средняя дочь Машенька — на Урале, старшая Валечка — здесь, в деревне, ей уж под семьдесят. Внуки, правнуки, баба Люба перечисляет, но он не может запомнить.

Эпические картины обычно рисуют в стиле гун-би — тщательная кисть. Работа длится несколько дней, а то и недель. Прорисованы все детали: листья деревьев, волоски гривы и хвоста каждого коня, детали одежды и оружия воинов. У всех детей бабы Любы слегка удлинённые лица и характерные бабы Любины носы. Это от прабабушки-турчанки, которую прадедушка бабы Любы привёз в свою деревню с одной из девяти русско-турецких войн. Баба Люба родилась не здесь, а на другом берегу Мокши чуть выше по течению, в деревне с татарским названием Шевали-Майданы. В стиле гун-би хорошо также рисовать ветку яблони, выписывая тонким волосом контуры лепестков бело-розовых цветов на фоне бледно-синего неба. Но яблоню целиком изобразить не удаётся: то ли терпения не хватает, то ли идея яблони теряется и исчезает в путанице веточек, листьев и лепестков, а ведь надо ещё нарисать траву под

яблоней, доски забора за яблоней и за ним край крыши соседского дома с шестом антенны на фоне белах кудрявых облаков.

Утро почти кончается, озабоченно подумал он, а днём картина померкнет, не родившись. Почти уже всё готово: вода в стеклянной банке, из тюбиков выдавлена краска на обычный лист бумаги, заменяющий палитру, краски в кюветах смочены каплями воды, клочок мокрой ваты, чтобы промакивать кисти, собирать с картины лишнюю воду, смягчать резкие переходы и для пары-тройки специальных эффектов. Например, он научился рисовать облака с помощью ваты. Вот только будут ли облака на картине? Пока неизвестно. Ещё неизвестно, понадобится ли жёсткий штрих, который не может вывести мягкая кисть. Для мёртвых деревьев, голых скал, стен или крыш домов, фигурок людей. На всякий случай нужно отстругать от полена несколько щепок.

За забором идёт сосед, дядя Петя, в ушанке, хотя сегодня тепло, поднимает руку в знак приветствия. Ну, как там, в Москве? — говорит дядя Петя, — Что ж они там, наверху? Что ж они думают? Ведь совсем жизнь плохая стала? Дальше уж некуда. Что ж дальше-то будет? Машет рукой: — Ну, ладно, Бог даст — живы будем, а не даст — помрём. Рыбки не нужно? Ты заходи, она как раз подвялена. Недорого продам. Продаёт действительно недорого, ещё с десяток рыбёшек сверху накинет — Ты вот эти бери, они получше. Эх, неправильно живет человек! — говорит баба Люба. — Ни веселья не знает, ни праздника! Не может ни петь, ни плясать, ни вина пить! Сама баба Люба по молодости плясала до упаду, а песни и сейчас поёт. И хоть голос её ослабел, но по-прежнему ясен и тонкие оттенки мелодии выводит чисто. Баба Люба любит застолье и, если выпьет рюмочку, то вспоминает такие песни:

Глаза, улыбка, морщины. Искусство портрета противоположно искусству пейзажа. Китайский портрет в стиле гун-би похож на чертёж, в котором каждая линия ритуальна и пишется по древним законам. Самое главное — одежда, она выписывается долго и тщательно, она изображает мир, внутри которого находится человек. Цветной платок бабы Любы, юбка тёмно-красного цвета, ещё домотканая, тяжёлые янтарные бусы, наследственные. Эту старинную юбку баба Люба подарила его жене: <Вот будет обо мне память>. Лицо не из настоящего, лицо бабы Любы, когда она не улыбается. Это трудно написать, потому что бабы Люба почти всегда улыбается, и глаза её светятся. Это мгновение жизни, доброта, приветливость и лукавство, а на портрете должна быть вечность. Кисти рук. У бабы Любы длинные пальцы, не ровные, будто ветви старых деревьев. Неудивительно, ведь этими руками она по молодости вымачивала коноплю в ледяной воде ручья, пальцы ломило. Он подумал, что теперь уже нужно объяснять, что таким способом из волокон

конопли добывали пеньку, а из неё делали верёвки и канаты, не боящиеся соли, мешковину, одежду.

Но есть и другие портреты, похожие на портреты Анатолия Зверева. Они писались в технике се-и, что значит <писать идею>. Портрет в стиле гун-би изображает вечность, портрет в стиле се-и — мгновение. Старая яблоня, земля под которой усеяна опавшими яблоками, и прутик саженца в лужице воды. Руки бабы Любы и её глаза. Он не умел писать портрет, и лишь изредка позволял себе где-то в пейзаже изобразить фигуру человека, созерцающего пейзаж. В силе се-и, когда человека можно изобразить без глаз, но так, что человек кажется смотрящим, без ушей, но так, будто человек слушает.

Он достал бумагу из бочки и положил её на жёсткий лист оргалита. Теперь лист нужно поставить наклонно, чтобы вода стекала. Придётся подождать несколько минут, он вышел на крыльцо покурить.

Небо было по-осеннему бледным и тихим. Через дорогу за бабы Любиным домом ярко желтели берёзы на погосте. Дальше вечно-зеленел сосновый лес, похожий на ровные отпечатки большой беличьей кисти. Сначала лес, что сажала Валечка, дочь бабы Любы, потом — лес, что сажала баба Люба. Ещё дальше был лес изначальный, который никто не сажал, но он был не виден отсюда. Дорога уходила направо, покидала деревню и, пересекая луг, скрывалась в высоких соснах, узким клином подступавших к Старице. В стиле се-и ветви высоких сосен рисуются быстрым движением кисти и похожи на каллиграфию иероглифа и в стиле кайшу. Он знал, что дальше дорога плывёт вдоль Старицы в заливных лугах, в ямах которых ещё скрывалась бледная тушь утреннего тумана. А в Старице тёмная осенняя вода даже издали кажется холодной. И хотя вода тёмная, темнее всего и холоднее всего она получается, когда вовсе нет туши, только изначальная белая бумага в обрамлении стылой травы, что никнет к воде длинными линиями тонкой кисти.

Так, похоже, что пейзаж он сегодня тоже не будет рисовать. Тогда что? Он чувствовал, что картина готова родиться. Но какая? И что он должен делать? Он вернулся на веранду. Так рождаются только картины в стиле се-и. Они рисуются двумя-тремя безумными ударами кисти. Когда внезапно воспаряешь душой, как написано в <Слове о живописи из сада с горчичное зерно>. Когда вся картина — в единой черте кисти, как писал Ши Тао. Он отодвинул краски и стал долго и тщательно растирать тушь. Картина может быть только монохромной, <пять цветов притупляют зрение>. Бумага ещё не подсохла, он перевернул лист оргалита, чтобы вода потекла в обратную сторону. Выпил глоток крепкого чая, снова вышел на крыльцо и снова закурил.

Что ты собираешься рисовать? — спросила жена. Странно, она никогда не спрашивала. Он честно ответил: — Не знаю. Обнял жену и поцеловал. Ты чего? — удивилась она.

Баба Люба умерла в начале сентября. В этот год их яблоня была на удивление плодовита. Когда в конце лета они уехали из деревни, яблоки ещё краснели на ветвях. Потом стали падать в траву. Бабу Любу искали полдня и нашли около яблони. Ей было жалко падающих яблок, и она пришла собирать их в корзину. Она не умерла на земле под яблоней, это было бы неправильно. Её жизнь была цельной и мудрой. Такой же должна была быть и её смерть. Она умерла на следующий день, попрощавшись со всеми и отдав все нужные распоряжения. Потому он и приехал в деревню осенью, не за грибами, как обычно, а на похороны.

Он вошёл на веранду, смочил кисть и напитал её тушью. Потом зажмурил глаза или, может быть, широко распахнул их от страха, просто что-то случилось со зрением. Из глубины бело-розового цветочного облака яблоня смотрела на него глазами бабы Любы. Сейчас ведь осень, — отрешённо подумал он и, почувствовав резкие толчки пульсации в запястье, дотронулся кончиком кисти до слепящей точки на влажной бумаге. Воздух вздрогнул.

Они сидели за праздничным столом: бутылки, закуски, цветы в двух тонких высоких вазах. Жёлтые розы и белые хризантемы. Он разлил водку в маленькие стопки: себе и бабе Любе. Чокнулись. — Чтоб всё у тебя в жизни хорошо было, — сказала баба Люба. — За тебя, баба Люба, — ответил он. Воздух вздрогнул, замерцали и появились остальные, один за другим. За столом становилось тесно, как вчера на поминках.

Он вышел из сна.

13 января 2007

КВАДРАТЮРЫ: АЛЕКСАНДР И АНДРЕЙ

12 миниатюр

Это цикл квадратюр.
Квадратюра — это квадратная микроатюра.
Микроатюра — это ещё меньше, чем миниатюра.
Квадратная, потому что 4 предложения самое большее по 4 строки.

Александр сказал: — Я расскажу Вам деревенскую историю.

1.Человек, у которого есть жена

Пока по огородам и улицам деревни плывёт белый утренний туман, человек, у которого есть жена, сидит за печкой и не выходит во двор.

Но стоит только солнышку выглянуть из-за берёзовой рощи и своими лучами рассеять пары воды, человек появляется на крыльце, а потом и у калитки, и начинает ждать, когда вернётся его жена.

Но она никогда не возвращается.

И вот наверху зажигаются звёзды, в низинах зреет серый ночной туман, а человек, у которого есть жена, уходит в избу и ложится в кровать спать.

Андрей ответил: — Это что! А вот...

2.Юрист N

Вы, конечно, слышали о юристе N, который шариковой ручкой рисует маленькие кружочки у себя на лбу.

Как-то раз в процессе одного особенно сложного и запутанного дела он нарисовал целую дюжину таких кружочков.

Но знаете ли Вы о том, что вот уже три года, как юрист N не нарисовал ни одного кружочка.

А всё потому, что у него отобрали ручку в тюрьме общего режима, где юрист N отбывает наказание за убийство другого известного юриста N-штрих, который не рисовал у себя на лбу кружочки, а рисовал квадратики.

— Давайте лучше поговорим о любви, — миролюбиво предложил Александр.

3.Прикосновение

Даже во сне её мучили воспоминания: нет, не столько о самом мужчине, сколько о прикосновении к её левому предплечью холодного и влажного кусочка его кожи.

Даже когда она с головой погружалась в переделку рекламных проспектов, пытаясь закончить работу в срок, её левое предплечье нет-нет, да подрагивало.

Она пыталась найти противоядие в прикосновении к своей правой щиколотке горячего и сухого кусочка кожи другого мужчины, старого друга, всегда готового придти на помощь.

Но всё тщетно, и её подсознание уже понимало это, а она ещё не понимала и только тихо скулила, сжимая в руках холодную и влажную ручку душа.

Андрей осторожно возразил: — Это точка зрения женщины. Мужчина рассуждает иначе.

4.Белые трусики

У неё были трусики, белые как свежевыпавший снег.

Другой бы подумал, но я не подумал.

Потом я долго думал, почему я не подумал, хотя, казалось бы, мог подумать, ведь я же знаю, что надо думать.

В конце концов, я надумал, что снег в середине лета просто не в моём вкусе.

— Ну, и глупо, — сказал Александр: — Вот настоящая космическая история.

5.Песня древних

Космический зонд не вернулся, и старый пилот почесал своё нижнее ухо.

Вся команда знала, что это может вызвать серьёзные осложнения во время скачка.

Но что поделаешь: ухо так чесалось, что у китайского манипулятора отломились все белые пальчики.

Галактика погружалась в сумерки, и только древние, как всегда, летели нигде и пели песню о планете с непроизносимым именем.

— Я предпочитаю мистику, — безапелляционно заявил Андрей.

6.Саагун уходящий

— Лучше быть драным мёртвым котом с остекленевшими зрачками и вытянутыми лапами.

— Лучше валяться на мусорной куче вместе с консервными банками и полиэтиленовыми пакетами.

— Лучше быть утопленным незрячим котёнком, чем выносить эту безумную комедию прощания, лёжа под грудой цветов в деревянном гробу.

Так решил Саагун и последний раз ушёл в себя.

— Дурацкая история! — воскликнул Александр: — Вот настоящий космический триллер.

7.Паракратическая республика Бугуния

Паракратическая республика Бугуния была уничтожена в результате нашествия инопланетян.

Поскольку внешне они ничем не отличались от людей, никто этого не заметил, а потом не стало и людей.

Когда умирал последний человек, ему сообщили, смеха ради, об истинном положении дел.

Он принял это за шутку и отбыл в мир иной с блаженной улыбкой на устах в окружении многочисленных детей и внуков.

Андрей нахмурился: — Сами Вы дурак! Лучше послушайте...

8.Как устроен этот мир

На западе мира, к северу, и к югу от Железной Дороги Лес стоит на песке.

Тот, кто бродит по Лесу, часто видит старые, полузасыпанные воронки от бомб и снарядов и длинные канавы, в которые превратились окопы давней войны.

Здесь можно найти много стреляных гильз разных калибров, даже гильзу от артиллерийского снаряда, стабилизатор авиационной бомбы, пустые пулемётные ленты.

Всё это стало ржавым и лежит в песке, а ржавчина смешивается с песком, потому что ржавчина — это прах металла, песок — это прах земли, а воспоминания — это прах жизни.

Александр не выдержал: — Слюни и сопли! Куда лучше настоящая художественная история.

9.Картина

Когда гости проснулись, они стали рассматривать картину.

Те, кто сидел справа, увидели маленькую девочку в белом платье, которая разговаривала с большой мохнатой гусеницей.

Те, кто сидел слева, увидели голую беременную бабу без головы, которая держала в приподнятой руке какую-то грязную тряпку.

Художник сидел на балконе в плетёном кресле и смотрел в безоблачное небо синими мёртвыми глазами.

— Да что Вы понимаете в искусстве! — заорал Андрей: — Лучше послушайте...

10. Яблоки и груши

За Кремлёвской стеной на холме растут старые яблони и груши.

Они большие, старые и корявые.

Неизвестно, бывают ли на них яблоки и груши.

И если бывают, то кто их собирает и кушает.

— Плевать я хотел на Ваши фрукты! — Александр презрительно рассмеялся: — Вот, что я Вам скажу...

11. День непонятного предназначения

Он затушил сигарету и засунул Своё Дело под диван.

Потом вышел в Деревню, которая ревела, завывала, всхлипывала и хохотала, противопоставляя себя ему.

Из окна дома слева на него выплеснули ведро помоев, с крыши дома справа на него свалилось бревно.

Тогда он ПОНЯЛ.

Андрей взвыл: — Полное дерьмо! Не можете говорить, так слушайте...

12. Человек в форменной одежде

Человек в форменной одежде остановил меня и попросил прикурить.

Я потом долго думал, почему он меня остановил?

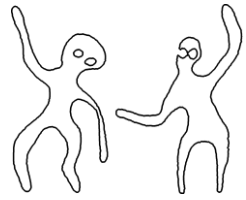
Наверное, что-то в моей жизни было неправильно, и где-то я совершил ошибку.

Человек в форменной одежде, если ты слышишь меня, отзовись!

— Однако, странно Вы рассуждаете, — едва слышно произнес Александр и взвел курок.

— Отчего же? По-моему, вполне логично, — прошептал Андрей и тоже взвел курок.

июнь 2007, хотя некоторые слова (например, Саагун, Паракратическая республика Бугуния, День непонятного предназначения) придуманы ещё в 1971 году.



А У НАС В ДЕРЕВНЕ...

5 миниатюр

1.Дядя Петя

Дядя Петя поправил ушанку, прищурился на припекающее солнце и, переложив топор в другую руку, сказал-спросил: — ну, как там в Москве, что они решили, будет жизнь лучше, или как, а то ведь совсем плохая стала.

Я пробормотал что-то невнятное, ковыряя носком ботинка крепко вцепившийся в землю сорняк.

Дяде Пете был безразличен мой ответ и, поудобнее ухвативши тяжёлый топор, он прошуршал дальше, глубокомысленно заметив, что живые не помирают, а мёртвые не живут.

А я потащился с наполненными вёдрами к своему крыльцу, думая — не думая, что вот ведь так всегда: намаешься в городе, приедешь на пару дней, а тут сорняки, забор покосился, печка дымит, ну какой отдых.

2.На погосте

Приезжие деревенский погост часто путают с берёзовой рощей, да чего же путают: там и есть берёзовая роща.

Хорошо здесь: на пригорке деревья стоят высоко и легко, а свет и ветер проплывают насквозь свободно, не задевая ни тени, ни тишины.

Поставить бы маленький дом с хорошей печкой, да беседку и широкий крепкий стол, на котором прочно установилась бы кружка с горячим чаем, ну и пара графинчиков: с водкой и квасом.

Не так уж и сложно подгадать время, чтобы умереть в деревне, тогда похоронят на погосте, и, хотя не один ты тут, но можно и в очередь: пару недель поработал покойником, а в законные выходные — за стол в беседку…

3.Дождь

С утра шёл дождь и за грибами не пошли, водку тоже не стали пить — надоело.

Он вышел на крыльцо, поставил кружку с чаем на стол и медленно, оттягивая удовольствие, закурил.

Крыша прохудилась, и сверху с расстановкой, на три удара сердца, капли падали в середину влажного свежего пятна на широкой половице.

— Придётся чинить, — подумал он и, скользя взглядом по мокрым ступеням, тощим ручейкам на тропинке, отяжелевшей и потемневшей от воды траве, ещё свежим берёзовым кольям нового плетня, раздавшимся и разукрашенным дождевыми брильянтами берёзам у соседского дома, невнятному в дымке лугу, тёмно-сизой полоске леса и разбегающимся, бестолково толкающимся облакам, ещё подумал: — Счастье, — и почему-то запечалился.

4.Верхние Чулки

Женщины деревни Верхние Чулки никогда не носят чулок, а в холода обматывают ноги бинтом.

Этот обычай зародился в незапамятные времена, когда мимо деревни, возвращаясь в Поднебесную, проезжали посланники китайского императора, а дочь генерала Ван Чу, уснувши, вывалилась из колесницы в придорожную канаву.

Сердобольные жители девушку подобрали, обогрели, накормили и выдали замуж, а она в благодарность научила их бинтовать ноги.

Со временем иноземное имя Ван Чу превратилось в более привычное русскому слуху название Верхние Чулки, но обычай сохранился и дожил до наших дней.

5.Макар

В деревне Макарово живёт Макар и гоняет телят.

Люди говорят: — Макар, не гоняй телят, иди вон лучше груши околачивать.

А Макар отвечает: — Что ж вы такое говорите, ведь я девушка, — и краснеет.

Вот ведь какие странные имена встречаются в старинных русских деревнях.

июнь 2007

КВАДРАТЮРНЫЕ ИСТОРИИ

10 миниатюр

Это цикл квадратюр.
Квадратюра — это квадратная микроатюра.
Микроатюра — это ещё меньше, чем миниатюра.
Квадратная, потому что 4 предложения самое большее по 4 строки.

1. Чжуан Чжоу и Учитель Мэн

Чжуан Чжоу был на три года младше Учителя Мэна, однако, будучи от рождения человеком необузданного нрава, он часто пренебрегал правилами поведения и относился к Учителю Мюну без должного почтения.

Учитель Мэн очень огорчался этим, но, как человек по натуре добрый, не наказывал Чжуан Чжоу, а пытался воспитывать его, проводя длительные беседы о гуманности-*жэнь*, сыновней почтительности-*сяо* и правилах-*ли*.

Чжуан Чжоу так это надоело, что когда Учитель Мэн умер, Чжуан Чжоу, хотя и был уже больным 80-летним старцем, поклялся всеми правдами и неправдами прожить ещё хотя бы три года, чтобы сравняться с Учителем Мэном.

Оказавшись на небесах в одном возрасте, Чжуан Чжоу и Учитель Мэн перестали ссориться и даже подружились.

2. Мэн-цзы и Сюнь-цзы

Мэн-цзы был по натуре человек добрый, а Сюнь-цзы — злой.

При этом Мэн-цзы был на 59 лет старше Сюнь-цзы, так что, когда они встретились, Мэн-цзы уже утратил желания своего сердца, а Сюнь-цзы ещё даже не обрёл самостоятельности.

Поэтому говорить им было совершенно не о чем.

Так молча и разошлись.

3. Сэр Джон

Бывший президент какой-то страны, старый дипломат, философ и развратник, человек неопределённых занятий, всегда при деньгах, холостяк, сэр Джон курил трубку, только трубку и ничего, кроме трубки.

Клубы заморского дыма тяжело опускались на грубый ковер необъятной величины, устилавший пол кабинета, на стол, заваленный в несколько слоев бумагами, книгами (преимущественно раскрытыми) и фотографиями, на гигантское кожаное потёртое вертящееся кресло, в котором восседал экс-президент, на его халат и тапочки, на горящий камин, бросавший кровавые огненные блики на книжные полки, которые в этом доме заменяли собою стены.

Сэр Джон поперхнулся дымом и отбросил копыта.

"*Операция закончилась*", — прошептал мужчина в широкополой шляпе и приказал долго жить.

4. Выход

Будни, тяжёлыми серыми кирпичами ложившиеся на здание его жизни, в конце концов погребли его под собой.

Будучи в сильном хмелю, он перепутал смерть с просветлением и громким голосом — так, чтобы слышала вся пивная, — объявил о выходе из эмбрионального состояния.

И отдал Богу душу.

Но тот, зажав нос, чтобы не чувствовать перегара, душу не принял.

5. Что бы значило это?

Когда умерли даже воспоминания, я спросил у змеи: *что бы значило это?*

Но она не могла говорить, потому что брюхо её неимоверно раздулось из-за проглоченного на прошлой неделе буйвола.

Она лишь посмотрела на меня грустными глазами и лизнула руку.

Скрючившись, я отошёл к ближайшим кустам.

6. Терроризм

Террорист, подложивший бомбу под Управление, оказался его бывшим Директором.

Управление, не дрогнувшее от мощного взрыва, оказалось иллюзией.

Добровольные собрания людей оказались принудительными собраниями нелюдей.

Деревня оказалась Городом.

7. Обнимающий

И вот в одной руке он держал леденящий огонь, а в другой — обжигающий лёд.

Ещё никогда мечта всей его жизни не была так близка: стоит только хлопнуть в ладоши.

Но сил уже не осталось: он так и умер со скрюченными руками, будто в попытке обнять весь мир.

Но мир не хотел, чтобы его обнимали.

8. Пишущий

Было трудно: лёд не трогался, ветер не двигался, солнце мерцало, а жизнь заканчивалась.

Хотелось выйти, войти, переставить мебель, продолжить дневник, заварить чай.

Потом вдруг стало легко и спокойно: лёд не трогался, ветер не двигался, солнце мерцало.

Тогда он вышел, вошёл, переставил мебель, открыл дневник и, отхлебнув глоток свежезаваренного чая, написал: «Было трудно…»

9. Дворик

В московском дворике была чёрная котельная, три могучих дерева и красная груда битого кирпича.

Дождь падал с крыш на потрескавшийся асфальт, змеился в трещинах, причмокивая травой и мхом, и растекался блестящими лужами между корней трёх деревьев.

Дома тяжело дышали влажными, распахнутыми провалами чёрных ходов и страшно глядели высокими, тёмными, без белков занавесок, окнами на что-то в центре двора.

Не на что-то, а на кого-то, и этим кто-то был она сам, и он думал «Вот вырасту!», и он вырос и глядел в ответ, но глядеть было не на что: вокруг удивительно маленькой забетонированной площадки мчались тупые автомобили туда-сюда, туда-сюда, ни на кого не глядя.

10. У белой стены

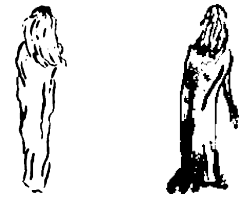
Он иногда думал: как бы всё сложилось, если не здесь, у закруглённого внутреннего угла белой стены, а в каком-нибудь другом месте он предложил ей руку и сердце..

И хотя церковь не действовала, в ней расположилось какое-то казённое учреждение, старинная стена сияла свежей побелкой архитектурного памятника, и в солнечный день сама себя косо перечёркивала своей же тенью.

Годы наваливались на них тяжёлыми кольцами, кольцо за кольцом, как на деревья, окружавшие угол стены, обвивали липкой сетью, виток за витком, как паутина под стрехой крыши.

Но ему казалось, что это лишь оболочка, что стоит только разломать, разорвать, и внутри окажется то же самое, что было тогда, неизменное, как белая стена, и его охватывало то же самое щемящее чувство, но только тогда оно было направлено в будущее, а теперь — в прошлое.

первые 6 историй — из старого,
последние 4 истории — июнь 2007



СКАЗКИ МОСКОВСКОГО МЕТРО
или О ЧЁМ НЕ ГОВОРИЛ ЦИ СЕ

12 миниатюр

1. Зелёная ручка высовывается из-под юбки

Начальник отдела Сергей Иванович ехал по кольцевой линии в три часа дня. Напротив него сидела беременная женщина, и всё время ёрзала на сидении, как будто что-то её беспокоило. Вдруг она раздвинула колени, и из-под юбки высунулась рука младенца. Она была зелёного цвета и шевелила шестью длинными тонкими пальчиками. Потом убралась обратно. Женщина оправила юбку и вышла на станции «Парк Культуры». А люди вокруг ничего не заметили: кто-то читал газету или книгу, кто-то сидел с закрытыми глазами и наушниками в ушах, слушая музыку, кто-то обнимался с соседом или соседкой. А те, кто стоял, смотрели в окно. Только Сергей Иванович заметил. Он сразу понял, что беременная женщина была инопланетянкой из отряда сумчатых. Через два года начальник отдела снова встретил ту женщину, они вместе поднимались по эскалатору на станции «Таганская-кольцевая». Женщина уже не была беременна и держала за ручку маленькую девочку, которая всё время махала другой рукой. Рука была розовая и с пятью пальцами. «Быстро они адаптируются!», — подумал Сергей Иванович.

2. Инопланетяне в красных плащах всех поубивали

Профессор Петров возвращался домой с банкета уже заполночь. Он ехал в третьем вагоне от головы поезда. На перегоне «Бауманская» — «Курская» состав вдруг остановился в туннеле, и стоял там минуту. Никаких объявлений по радио не было. Вдруг двери открылись, и вошли инопланетяне в красных металлических плащах. Они громко свистели и стреляли из бластеров. Поубивали всех пассажиров, стены и пол были залиты кровью. Петрова спасло только то, что он был в стельку пьян, и его приняли за уже убитого. Потом инопланетяне вышли, двери закрылись, и поезд поехал дальше. Когда появилась станция «Курская», всё вдруг исчезло: и люди, и кровь. Профессор оказался один в вагоне. К тому времени он протрезвел и пулей выскочил на платформу. Потом профессор Петров несколько раз встречал этот поезд и замечал, что люди стараются не садиться в третий вагон, хотя он уже ничем не отличался от других вагонов, только был немного светлее. Эту историю мне рассказал сам Петров, когда мы с ним вместе, возвращаясь с очередного банкета, сели в поезд на «Электрозаводской» и поехали к центру. Так получилось, что сидели мы тоже в третьем вагоне, и я сказал: «Смотри, какой светлый вагон». Тогда он мне всё это и рассказал.

3. Бронзовые люди выходят из ниш

На станции «Бауманская» в нишах стоят в полный рост бронзовые скульптуры воинов, партизан и тружеников тыла времён Великой отечественной войны. Каждый год 22 июня в самый час пик они выходят из своих ниш и смешиваются с толпой. Одни сразу же идут к выходу, поднимаются по эскалатору, гуляют по Бауманской и Бакунинской улицам, а потом возвращаются обратно. Другие садятся в поезд, чтобы доехать до «Площади Свердлова», там выйти и погулять по Красной площади. Теперь станцию «Площадь Свердлова» переименовали в «Театральную», а бронзовые люди об этом не знают и едут дальше. Они всё ждут, когда же объявят «Площадь Свердлова» и в результате доезжают до конечной станции «Парк Победы». Но это им даже лучше — они гуляют по Поклонной горе. Отличить их очень легко: их лица и руки покрыты характерным южным загаром бронзового оттенка. А ещё они одеты не по сезону тепло, так что многие думают, что это гости из южных стран, для которых московское лето всё равно, что зима на родине. Некоторые общительные москвичи пытаются заговорить с ними на международном английском языке, но те сразу пугаются. А если обратиться к ним по-русски, охотно вступают в диалог. Об этом мне рассказывал Николай Сергеевич Васильев, старый фронтовик, дошедший до Берлина. Он каждый год 22 июня приезжает на станцию «Бауманская» и общается со своими ровесниками. Рассказывает им, чем война закончилась, и что было потом.

4. Космический корабль прилетает и улетает

Станция «Таганская-кольцевая» очень глубокая, поэтому там два эскалатора: внизу длинный, наверху короткий, а между ними круглая площадка. Как-то поздно вечером студент Натанзон поднялся на круглую площадку и увидел человека, который сидел на корточках у стены, весь трясся и что-то бормотал. Народу в это время в метро почему-то совсем не было. Натанзон подумал, что человеку стало плохо, и хотел подойти к нему. Но тот замахал руками, показывая жестами, чтобы студент отошёл к стене. Тут раздался громкий скрежет и гранитные плитки, которыми выложена площадка, зашевелились. Белые стали опускаться вниз, а красные — подниматься вверх. Получилось что-то вроде сот, из которых в потолок ударил яркий столб света. На потолке было синее небо с белыми звёздами, и развевался красный флаг. Но это была картина, которую студент каждый день мог видеть, когда возвращался домой, если ему случалось поднять голову.

Когда свет достиг красного флага, купол раскрылся как диафрагма, и стало видно тёмно-синее ночное небо с белыми звёздами. А вместо красного флага вниз опускался космический челнок, тоже красного цвета. Он аккуратно прошёл отверстие и замер на красных плитках пола. Из корабля вышел инопланетянин в серебристом скафандре. Человек, что сидел на корточках у стены, перестал трястись, встал и подошёл к тому, что в скафандре. Они обнялись и как-то незаметно обменялись одеждой. Прилетевший инопланетянин отошёл стене и сел на корточки, а другой скрылся внутри корабля. Снова ударил столб света, и корабль взмыл в космос. Дыра в потолке закрылась: снова развевался красный флаг на фоне синего неба. Плитки пола опять пришли в движение и тоже встали на свои обычные места. Всё закончилось. Инопланетянин встал, коротко кивнул Натанзону и, перепрыгивая через ступеньки, взбежал по эскалатору наверх. Студент пытался его догнать, но, когда вышел на Таганскую площадь, того и след простыл. Об этом мне рассказывал сам Натанзон много лет спустя, когда он уже стал доцентом и читал лекции по астрономии. Он говорил, что, наверное, застал смену инопланетных вахтенных, несущих дежурство на планете Земля. И, хотя ещё многие годы Натанзон поднимался вечерами по эскалатору на станции «Таганская-кольцевая», ничего такого больше не видел. Вопрос ведь в том, сколько длится такая космическая вахта.

5. Президент прижимается

Как-то раз наш Президент, шутки ради, решил прокатиться в метро. Он спустился вниз на станцию «Александровский сад», пересел на станцию «Библиотека имени Ленина» и доехал на поезде до станции «Университет». И только поднимаясь по эскалатору в густой толпе, услышал где-то рядом тихий шёпот.

— Слышь, Вась, а ведь это, кажется, наш Президент.

— Да хрен бы с ним! А вот чего он к тебе прижимается?

— Знаешь, Вася, если ты будешь таким ревнивым, я за тебя замуж не выйду.

— А и не больно-то хотелось.

И тут раздался характерный звук пощёчины.

В Администрации Президента отказались прокомментировать этот случай.

6. Менеджер по продажам вытащил закладку из книги

Менеджер по продажам Николай Голубков ехал в метро от станции «Аэропорт» до станции «Белорусская». Рядом сидел некий господин весь в чёрном, даже в чёрных очках, уткнувшись носом в толстую книгу с чёрным переплётом. Ради любопытства Николай заглянул в книгу и увидел какие-то каракули, больше всего напоминающие следы от мелкой дроби на старой штукатурке.

— Это что же за язык такой? — решился спросить Голубков.

Господин взглянул на него поверх чёрных очков пронзительно белыми глазами и, не таясь, признался:

— Этот язык Вы не знаете. Я инопланетянин с планеты Уыа, что обращается вокруг Беты Центавра. Там все так пишут.

Менеджер по продажам был не робкого десятка, не растерялся, а спросил напрямик:

— А с какой целью Вы у нас на Земле? Военная разведка или установление дружеских отношений?

Господин в чёрном квадратно улыбнулся и сказал:

— Вы всё равно забудете всё, о чём мы говорили, и меня тоже забудете.

Тут Голубков громко вскрикнул и указал рукой в конец вагона. Инопланетянин обернулся, а Николай ловко вытащил из книжки тонкий позолоченный шнурок, похожий на китайскую закладку. Он ещё раньше его приметил. Значки в книге сразу потускнели и растаяли. Господин обернулся, обнаружил пропажу и зашипел:

— А ну отдайте шнурок!

— Ещё чего! — заявил менеджер по продажам, сунул шнурок в рот, пожевал и проглотил.

— Что Вы наделали! — не сдержался инопланетянин. — Как же я теперь свяжусь со своей планетой?

— А нечего тут шпионить, — ответил Голубков.

Господин в чёрном весь задрожал, замерцал и тоже растаял, уступив место пожилой женщине. Книга упала на пол, Николай поднял её и положил в свою сумку.

— Вот спасибо, — сказала пожилая женщина, усаживаясь рядом с Голубковым. — А то ведь нынешняя молодёжь не больно-то старших уважает.

Тогда менеджер по продажам встал и начал пробираться к выходу, потому что поезд уже подходил к станции «Белорусская».

Потом я сам видел в доме у Николая Голубкова толстую книгу в чёрном перелёте, все страницы которой были пустыми, что подтверждает его удивительный рассказ.

7. Несколько секунд пассажиры едут голыми

Говорят, что между станциями «Щукинская» и «Октябрьское поле» люди в метро едут голыми. Но не во всех вагонах, а только в последних двух. И не в любое время, а только за пять минут до полуночи. Об этом я узнал, случайно подслушав разговор двух школьников. Оказывается, они специально дожидаются нужного времени, садятся в последний или предпоследний вагон на станции «Щукинская» и ждут. Где-то в середине перегона поезд уменьшает скорость. Если смотреть очень внимательно, можно увидеть, как внезапно свет заметно слабеет и приобретает зеленоватый оттенок. В эти мгновения все пассажиры на несколько секунд лишаются своей одежды. Большинство не замечает этих перемен, потому что всё очень быстро кончается. Но те школьники заранее знали, когда и как нужно смотреть. Они даже приглашали своих подружек прокатиться в метро, не раскрывая им всей тайны, чтобы увидеть, что у них там под одеждой. Со временем, конечно, девушки обо всём догадывались. И некоторые из них отправлялись в такие поездки уже по собственной инициативе, приглашая своих кавалеров. Они тоже хотели посмотреть, что у них там такое под одеждой. Объяснить этот феномен я попросил одного преподавателя физики. Тот только пожал плечами и, торопясь на лекцию, сказал только, что в рентгеновском аппарате тоже много чего видно. Мне это показалось подозрительным, а особенно то, где расположен Курчатовский институт — как раз где-то посередине между станциями «Щукинская» и «Октябрьское поле». Поэтому сам я не стал экспериментировать, и другим не советую.

8. Космическая станция на кольцевой линии

На схеме метро на кольцевой линии между станциями «Новослободская» и «Проспект Мира» обозначена станция «Площадь Суворова». Эта схема висит уже несколько лет, а станция всё ещё не построена. Поезда проходят без остановки, и в окно вагона не увидишь ничего похожего на вестибюль с его гранитом, мрамором и блестящим металлом. Но однажды, где-то в декабре месяце, поезд, шедший от «Новослободской», вдруг затормозил и остановился в середине туннеля. Двери открылись, ярко зажглись лампы, и многие пассажиры вышли на платформу. Тут по радио объявили, что следующая станция «Проспект Мира», двери закрылись, и поезд отправился. Тех людей, что остались на платформе, никто больше не видел. Об этом мне рассказал журналист Егоров. Он сам был в том поезде, но успел заскочить обратно в вагон перед тем, как двери закрылись. Егоров показывал фотографии, которые сделал, пока поезд стоял на несуществующей станции. Снимки не очень чёткие, но на них можно рассмотреть название станции и несколько растерянных пассажиров. А ещё на одной фотографии видно, как из-за колонны выглядывает какое-то существо с двумя головами, облачённое в жёлтый скафандр. Журналист стал собирать сведения и нашёл ещё людей, которые в разное время побывали на станции «Площадь Суворова». Некоторые, как и он, даже выходили на платформу, но успевали вернуться, пока поезд не ушёл. Два очевидца тоже видели существ в жёлтых блестящих одеяниях. По мнению Егорова, станция давно построена, но используется как космический портал для инопланетян. Тем, кто случайно там оказался и отстал от поезда, не разрешают вернуться назад, чтобы не разглашать тайну. Они вынуждены теперь жить на далёких планетах. А их родственникам и знакомым присылают по почте специальные письма. Откроешь такое письмо, прочтёшь и сразу забудешь о пропавшем человеке. А письмо превращается в обычный рекламный листок. От других листков он отличается только схемой линий метро на обороте, маленькой копией тех, что висят на стенах вагонов. Когда думаешь о станции «Площадь Суворова», то понимаешь, что вряд ли она когда-нибудь откроется. Ведь тогда она стала бы тринадцатой станцией кольцевой линии! А это нарушило бы тонкую космическую связь между станциями кольца и двенадцатью зодиакальными созвездиями.

9. По ночам крысы разъезжают на поездах

Давно известно, что в подземных туннелях метро живут бесхвостые крысы размером со стол. Люди думают, что хвосты у них пообрезали проходящие поезда. На самом деле, такими они родились, а родились они на далёкой планете. На Землю прилетели с какой-то важной миссией и остановились в метро. По ночам крысы разъезжают на поездах, входят и выходят на станциях, но на поверхность не поднимаются. Об этом рассказывал мне инженер Петров. Однажды уже после полуночи он заснул на скамейке станции «Добрынинская». Проснувшись, увидел подходящий поезд и сел в него. В салоне вместо людей были крысы. Они читали газеты, слушали музыку из плееров, разговаривали друг с другом, и не обращали на Петрова никакого внимания. Среди них были самки и самцы. Некоторые держали в лапах маленьких детёнышей. Молодые уступали места старым крысам и беременным самкам. Иногда в салон заходили явно новоприбывшие крысы, они с интересом изучали схему линий метро и обсуждали, где им лучше сделать пересадку. Попадались и молодёжные шумно пищавшие компании. Некоторые деловые крысы держали на коленях открытые ноутбуки, другие разговаривали по мобильникам. Около десяти раз инженер Петров проехал по кольцевой линии, пока не наступило время открытия метро. Крыс к этому времени стало совсем мало, а последние покинули вагон незадолго до того, как на платформах появились первые люди. Инженер вышел на станции «Добрынинская», пересел на станцию «Серпуховская» и поехал домой.

10. Рисунок мрамора меняется по ночам

Страховой агент Григорий Кузьмич живёт недалеко от метро «Электрозаводская», а работает около станции «Третьяковская». Каждый вечер, возвращаясь с работы, он внимательно осматривает стены и пол нижнего вестибюля, запоминая рисунок мрамора. А утром снова осматривает и каждый раз находит какие-нибудь отличия. Григорий Кузьмич сам мне рассказывал об этом. Вот как страховой агент объясняет это странное явление. По ночам станцию «Электрозаводская» заливают подземные воды. И вся древняя фауна, покрывающая пол и стены вестибюля, выколупывается из мрамора и плавает. Тут есть морские ежи и лилии, двустворчатые и брюхоногие моллюски, наутилусы и губки. Некоторые тут же начинают размножаться. Попадаются и хищники, которые поедают других. Так продолжается до самого утра. Потом вода начинает убывать, и вся эта живность стремится занять своё место. В суматохе они часто путаются и

располагаются в мраморе немного по-другому. Кроме того, их состав меняется: кто-то родился, кто-то умер, а кого-то съели. Григорий Кузьмич тщательно фиксирует все изменения, надеясь таким образом открыть новые законы эволюции, не известные современной науке.

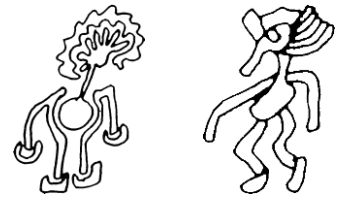
11. Проспавшие конечную станцию

В советское время дети жили летом в пионерлагерях. Когда в палате становилось темно, начинали рассказывать страшные истории. В одном из таких рассказов повествовалось о том, что происходит с людьми, которые засыпают в поездах метро и пропускают конечную станцию. Когда поезд въезжает в депо, людей будят, вытаскивают из вагонов и сажают на цепь. После этого они проводят долгие годы под землей, работая и ремонтируя те загадочные механизмы, которые приводят огромный организм метро в движение. Все это время они находятся как бы в трансе, потому что им что-то подсыпают в еду. Когда они стареют и уже не могут работать, они в один прекрасный день просыпаются в переполненном вагоне, посреди людей, едущих на работу. Они ничего не помнят о своей жизни под землей, просто им становится ясно, что ещё вчера они были молоды и полны надежд, а сегодня старики. Их жизнь окончена, и они совершенно не понимают, что же произошло между вчера и сегодня. Эту историю рассказал Виктор Пелевин, а я прочитал её в интернете по адресу «http://www.metro.ru/tales/39.html». Конечно, всё это выдумки. На самом деле, те люди не работают на ремонте механизмов метро. Для этого существуют рабочие-специалисты, которые получают зарплату за свой труд. Те, кто проспал конечную станцию, попадают в трюмы космических кораблей, каждый день с конечных станций метро отправляющихся на другие планеты примерно в 2 часа ночи. Вот там они и работают, но, конечно, не на цепи, а вполне добровольно. На других планетах условия труда и жизни гораздо лучше, чем на Земле. Но там действует строгий межгалактический закон: человек должен умереть там, где родился. Иначе нарушаются его естественные права. Поэтому, когда люди становятся старыми, их отправляют обратно на Землю и сажают в поезда метро. То, что они ничего не помнят, объясняется релятивистской психологией, которая учёным Земли пока ещё не известна.

12. Голая женщина выпрыгивает из темноты

Гражданин Шелехов ехал как-то в метро от «Арбатской» до «Багратионовской». Он стоял в самом начале первого вагона. И вдруг за дверью снаружи за стеклом видит руку: … она стучит в стекло! Все вокруг (и Шелехов тоже) в недоумении, кто-то в шоке — глаза круглые и в них ужас, кто-то догадался уже — и смеётся… Оказалось — машинисты развлекались: прицепили резиновую перчатку на какую-то палку и, высунув её в окно, стучали по двери снаружи. А сами в это время наблюдали за реакцией пассажиров в дверь между кабиной и вагоном, предварительно процарапав дырочку в закрашенном краской окне на двери. Вот такие весёлые машинисты попались. Об этом рассказал сам гражданин Шелехов, а я прочитал в интернете по адресу «http://www.metro.ru/tales/42.html». Могу только добавить, что на перегоне «Арбатская — Багратионовская» такие смешные (а иногда и не очень смешные) истории происходят регулярно. Вы знаете, что в туннелях метро встречаются разные переходы, ниши и двери. Один раз поезд притормозил около такой ниши, а оттуда вдруг выпрыгнула голая женщина. Она вцепилась руками в поручни двери вагона и так проехала до следующей ниши. Там соскочила и скрылась в темноте. Всё это видел фармацевт Гуридзе. Он вышел на «Багратионовской», поднялся по эскалатору и, всё ещё покачивая головой от удивления, направился к дверям. Но тут его остановили: «Гражданин! Предъявите документы!». Фармацевт смотрит: а это та самая женщина, но только не голая, а в милицейской форме. Он не удержался и говорит: «Это Вы были голая в туннеле?» За это гражданину Гуридзе пришлось целый час просидеть в участке, объясняя, что он не пьян, наркотики не употребляет и в психдиспансере на учёте не состоит. А милицейская женщина сидела напротив него, составляла протокол, сверкала глазами и показывала фармацевту зелёный раздвоенный язык. Этим она давала понять, что тут замешана инопланетная политика, и гражданину Гуридзе не следует лезть не своё дело.

2007



С ЗЕЛЁНЫХ ВЕТВЕЙ ОСЫПАЕТСЯ СНЕГ

стихопроза

С зелёных ветвей осыпается снег на тёмную землю тропы.

У ворот монастырских стоит человек, не решается войти.

Старые птицы сидят на воротах, у старых птиц глупые сердца.

Я такое же хочу!

Порывшись в дорожной сумке, находит лепёшку.

Птицы смотрят круглым глазом.

Подобрав крошки, взлетают, кричат презрительно и скрываются в тумане.

Не колышется туман, устилающий долину.

Дорогу, по которой он пришёл снизу, будто обрезало.

Скрипят дверные петли.

Двор монастырский мох устилает.

Седой как стены, в морщинах-трещинах, с расшатанными зубами камней.

Монах в тёмно-серой рясе деловито проходит мимо, плечи согнув, не повернув головы.

Он дал обет: не замечать людей.

За седыми стенами тепло, сытый огонь лижет лениво сырое полено.

Встречающий монах всё кланяется и приглашает жестами, пытаясь что-то сказать.

Руками, плечами, ушами и носом, и даже волнением тёмно-коричневой рясы.

Он дал обет: не говорить с людьми.

В трапезной тихо-пустынно, неурочное время.

Для путника находится миска с остывашим рисом.

Повар-монах всё говорит и говорит.

Расспрашивает о том, что за дорога у путника, рассказывает о том, какой день сегодня.

И просит прощения за остывший рис.

И смотрит себе на колени, укрытые тёмно-зелёной рясой.

Он дал обет: не глядеть на людей.

Проснувшись в пустоте полутёмной кельи, путник раглядывает кругление низких сводов.

Утром его принимает сам настоятель.

Обнимает за плечи, усаживает в кресла, вино наливает.

И курит сигару, огромно-волосатую, как его живот.

Который он громко скребёт, запустив руку под цветастую рубаху.

И весело смеётся своим же собственным анекдотам, неприличным сверх меры.

У него самый трудный обет: никогда не молиться Богу.

Только тогда, покраснев и смущаясь, понимает путник, сколь слаба ещё его вера.

Покидая монастырь, он делится с птицами последней лепёшкой.

И уходит вниз по дороге, которую будто обрезало.

Скрывается в тумане, который не колышется.

18 октября 2007г.

2008

Я УСНУЛ В МЕТРО

миниатюра

Я уснул в метро между станцией Отрадное и станцией Бибирево. А когда проснулся, метро не было. Москвы тоже не было. Земли тоже не было. Вселенной не было. И Бога не было. Я был один на всём белом свете. И тогда я стал чесаться. На нервной почве, наверное. Но блох тоже не было, и я перестал чесаться. Тогда я захотел спеть какую-нибудь песню. Но мне не хватило воздуха, потому что воздуха не было. И я перестал петь песню. Тогда мне захотелось пописать, и я пописал прямо там, где стоял. И никто мне ничего не сказал, потому что никого не было. Тогда я стал думать, чего бы мне ещё захотеть. Я стал думать о смысле бытия. Мне захотелось как-то подвести итоги жизни. Что в ней было правильного, а что неправильного. Я стал вспоминать своё детство, как я получил первую двойку по литературе, как первый раз влюбился. И вообще вспоминал все такие значительные события. Я пытался осмыслить это всё. Чтобы как-то определиться в мире. Но мира не было, и это затрудняло задачу. Ещё мне захотелось понять, что я тут делаю, зачем появился на свет, в чём моё предназначение, и в чём, так сказать, коренная суть моего существования. Эти вот вопросы можно было бы задать Богу, но Бога тоже не было, и я даже не знал, а был ли Он до того, как всё исчезло. Теперь вопрос о существовании Бога потерял смысл. Мне стало как-то неприятно от того, что так много важных вопросов потеряло смысл. Стало не на что опереться, даже присесть некуда было: все стулья исчезли. Но я всё же присел, и от этого проснулся. А может быть, от того, что кто-то очень громко заорал: "Осторожно! Двери закрываются!!"

2008

2009

СВЕТЛАЯ ТЕНЬ

миниатюра

Я ухожу на работу, а она усаживается в моё кресло и смотрит в окно: на соседний дом, на верхушку дерева, на низинку неба. Как люди смотрят в экран телевизора.

Иногда поёт песню, но это только так говорится "поёт песню", просто звуки летают то высоко, то низко, то по кругу кружатся, то стрелой из лука, плачет кто-то за занавеской, смеётся в кулачок, ветер глухонемой мычит, снег ли шепчет, дождь ли мурлычет. А то слова говорит — заслушаешься, только разобрать нельзя ни одного слова.

У меня есть светлая тень — не от света тень, а от тьмы. Тёмная тень, которая от света, приклеена к ступням моим, следом за мной ходит, а светлая гуляет сама по себе, где хочет гуляет.

Я могу увидеть её: самым краешком глаза, или когда зажмуришься. Она всё время уходит, быстро так. А если не смотреть, она на месте стоит, долго стоять может: и день и месяц.

Мы с ней всегда во сне разговариваем, и наяву тоже можем. Нужно только сесть правильно, или встать у двери, или ходить по комнате: туда четыре шага и обратно четыре шага, неторопливо, как по тропинке ходят, которая вдоль опушки леса проложена. Тропинка траву раздвигает и под траву ныряет, мимо двух берёз проходит, между берёзами светлая тень стоит, будто она тоже белая, третья берёза. Я даже к ней подойти могу и руку протянуть, только просыпаюсь после этого.

У меня есть светлая тень — не от света тень, а от тьмы. Я её спрашиваю: чай будешь пить? Она отвечает.

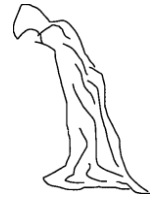
Потом из дома уходит, по улице идёт, в метро спускается. Там людей много,

и теней тоже, обычных теней, тёмных. Как бы она не потерялась. Куда она едет? Когда вернётся?

По времени гуляет, по светлым дням моим: то в одном дне, то в другом. Там солнце светит, воздух светится, люди есть, у них лица светятся. Вода бежит, мимо берегов бежит, мимо деревьев, у которых солнце в волосах запуталось. Вода и по лицам людей бежит, это дождь плачет, а люди смеются, только глаз нет, взгляда нет, ушёл взгляд, не остался в прошлом. Светлая тень моя там жить может, а я уже не могу. Она гуляет по светлым дням моим. И в тёмные заглядывает, не как солнце, как луна заглядывает, но всё равно светлее становится, не так страшно.

У меня есть светлая тень — не от света тень, а от тьмы. Я уйду, а она останется.

2009



ТЕЛЕВИЗОР

миниатюра с 4 картинками

Ничего себе! — подумал я, когда увидел телевизор на дереве.

Кто ж его туда повесил?

Но тут телевизор включился и стал показывать новости по второму каналу.

Так он ещё и работает!

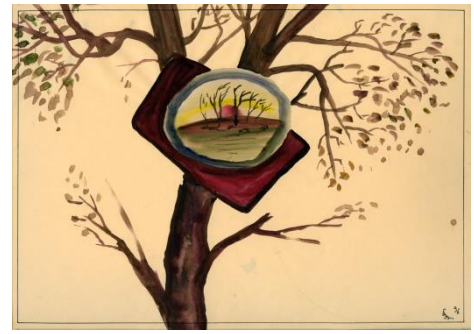
Возьму-ка я его себе домой, на кухне на стенку повешу.

Буду пить чай и смотреть телевизор.

Я залез на дерево и обомлел: никто телевизор не вешал. Он сам вырос на толстой ветке. А ещё две тонкие веточки врастали в гнёзда для штекера антенны и электропитания. С соседней ветки свисал пульт дистанционного управления, ещё маленький, совсем зелёный.

Так я обнаружил первый телевизор на дереве.

Потом телевизоры появились на других деревьях, и сейчас они уже никого не удивляют. Некоторые срезают телевизоры, как срезают созревшие плоды, и утаскивают домой. Но деревянные телевизоры обычно бывают устаревших моделей и не очень надёжные.



Выяснилось, что таким способом деревья приспосабливаются к жизни в трудных городских условиях. Что-то вроде мимикрии или защитной окраски. Говорят, кто-то уже видел свисающие с веток CD-плееры, мобильные телефоны и даже ноутбуки. Но я думаю, это враки или, по крайней мере, преувеличение.

8 ноября 2009

ВЕТРЯНАЯ МЕЛЬНИЦА

песня о зимней Липовке с хокку, танккой, обратной танкой, 23 картинками и 23 обратными картинками

Новый, 2009-ый год, мы справляли в Липовке. У нас были гости, первый раз посетившие нашу деревушку: Вера Сажина и Серёжа Литвинов, и Таня Баум. Это добавляло новизны и в наше восприятие деревни, природы, людей, хотя, казалось бы, всё это нам уже хорошо знакомо.

Сначала я написал хайку. Я написал её, стоя внутри старой ветряной мельницы, у которой давным-давно не было крыльев, а теперь уже не было и крыши. Меня попросили прочитать какое-нибудь стихотворение, но я не помню своих стихов. Мне было проще сочинить новую хайку. Я написал её, глядя в небо.

Кругом ходит свет
Внутри старой мельницы.
А сверху — небо.

Потом мы пошли в лес и я переделал хайку в танку.

Когда наши гости уехали в Москву, у меня стало много свободного времени.

Сначала я написал обратную танку, а потом придумал текст, который скорее не стихи, хотя, может быть, и не совсем проза. Я его поместил между танками: прямой и обратной.

Потом я нарисовал две картинки на обычной акварельной бумаге: одна зимняя и вечерняя, а другая — как воспоминание или мечта о летнем утре.

И только после этого я стал писать на прямоугольниках японской бумаги китайскими кисточками и китайской тушью. Мне просто нужно было

вспомнить, как это делается. Но некоторые картинки, мне кажется, всё же получились не очень плохо. Я покажу вам их все, а вы уж сами судите, что хорошо, что плохо.

Японская бумага хорошо впитывает тушь и пропускает её через себя. Поэтому на обратной стороне листа тоже получались рисунки: только зеркально отражённые и более бледные. Некоторые из этих обратных картинок даже лучше тех, которые они отражают. Посмотрите сами.

Танка:

Кругом ходит свет
Внутри старой мельницы
Поднимается
Как дым из печной трубы
В небо, в небо, и выше.

Без крыши
и крыльев стоит ветряная мельница.

Стоит в чистом поле.

На перекрёстке стоит. Одна дорога прошлая, снегом её замело, не стало дороги, не ходит по ней никто. Другая дорога будет только, нетронутый снег ещё, если кто пройдёт когда, тогда будет.

Умерла старушка, ушла на погост.

Осталась ступа.

Обломались берёзовые прутья.

Одна палка торчит.

Высоко торчит — метров десять.

Толщиной в полтора обхвата.

Палка такая.

Стоит наклонно, на край ступы опирается.

По серебряному снегу, по теням голубым, по чёрной полынье бежит-катится, скользит рюмка водочки.

А на белой скатерти реки-Старицы, меж берегов кружевных, тонко вышитых, мужики сидят, рыбаки сидят, рыбу ловят холодную, из воды ледяной.

Замерзает вода в лунках кругленьких, будто в рюмочках, прозрачных, хрустальных.

Походили мужики-рыбаки по снегу серебряному, потоптали снег, тропинки понаделали, полянки вытоптали.

Побросало солнце искры по снегу.
Идём мы, собираем искорки, в сумку складываем.

Домой придём, печку затопим, полетят искорки в трубу печную, а из трубы в небо полетят, в небо, и выше.

Поленья потрескивают, вода журчит, поленья берёзовые, вода падает, из колонки в ведро падает, долго падает, шумит печка, говором разговаривает, сказку сказывает, вода ледяная, журчит-поёт, песню поёт, свою песню, ледяную.

Кто там на гармошке играет, на гитаре играет, песню поёт, поёт-разговаривает, о чём песенка, про что сказочка?

По дороге машины ездят, снег мнут, по дороге люди идут, снег мнут, останавливаются машины, урчат что-то, своё, машинное, люди идут, снегом поскрипывают, на крыльцо заходят, ступенями стукают, пар идёт из дверей, закрывайте двери, к столу садитесь, праздник праздновать будем, зимний праздник, заснеженный, с огнём в печке, с морозцем за окном.

А в лесу зима, всё поскрипывает, всё поухивает.

На соснах высоких, на жёлтых ветках, на ветках горизонтальных совы сидят, к стволу прижимаются, на гармошках играют, перьями жмут кнопочки, кабаны приходят, в барабаны бьют, синички кружат, танцуют со снежинками, зайцы петляют, по снегу кренделя выписывают, письмена всякие, другие зверушки тоже приходят, мышки всякие, свои слова пишут, лоси рогами трясут, лапы сосновые обнимают всех.

На погосте тихо, спит старушка, там все спят, написано, кто спит, а где не написано, кто там? тоже спит, не знаем кто.

Берёзы стоят на погосте, в снежном облаке, будто паутинки пауки сплели, тонкие паутинки, белые.

Берёзы и в других местах стоят, и на нашей улице стоят, в паутинках все.

Трава жёлтая, трава белая, у неё кожа жёлтая, а одежда белая, из инея одежда, тёплая, меховая.

Солнце растаяло, а луна оттаяла, было солнце искрящееся, а луна бледная, солнца нет теперь, луна поярчела, пожелтела, небо синее, красное, жёлтое, из тёмного, синего сукна сшитое, по краям отделано красным и жёлтым, будто шёлком далёким, китайским.

Засыпает свет, тихо ночь идёт, ночь со звёздами, луна ходит, звёзды-кнопочки нажимает, играет небесная гармошка, свою песню играет, ночную, тёмную, только снег на лугу белый, в нём звёзды отражаются, и луна тоже.

Свет в окошках горит, окошки в домиках, в домиках люди, за столом сидят, праздник празднуют, окошки жёлтые, и красные попадаются.

Потом утро будет, солнце на дудочке заиграет, заиграет зайчиками по брёвнышкам, зайчики в окошки прыгают, в глазки твои падают, глазки твои откроются, на утро смотрят.

Кошка-девочка сверху спрыгнет, потянется спинкой чёрненькой, по полу попрыгает, заговорит голоском тоненьким, скажет: вставай, корми меня.

Свет разгорается, снег зажигается, будем печку топить, воду носить, чай пить будем тоже.

Потом гулять пойдём, ветряную мельницу смотреть.

О восьми углах мельница, о восьми стенах, только крыши нет, только крылья обломаны.

А мы внутрь заберёмся, будем на гармошке играть, свечки зажгём, одна свечка загорится, из гармошки звуки польются.

Петь будешь, песню весёлую, песню протяжную, песню печальную, песню тихую, песню громкую, далёко слышную, голос в небо уходит, как дым из печной трубы уходит, крыши-то нет, небо там, наверху, туда голос уходит, потом вниз спускается, в лес, и в луга, и к Чёрному озеру, по стволам сосен спускается, по берёзовым стволам стекает, по снегу катится, будто искорки, будто метелька январская.

……

Обратная Танка:

С неба, с неба, и свыше
Снега белая мука
Опускается
В потерявшую крылья
Ступу-мельницу.

2009

ДЕРЕВЕНСКИЕ ИНОПЛАНЕТЯНЕ

6 рассказов

1. Инопланетарь[1] Василий

Инопланетарь Василий всю жизнь прожил в деревне Нижние Голенищи. Это если не считать того давнего случая, когда его хотели призвать на военную службу. Только доехали до соседней деревни Верхние Голенищи, как Василий заболел, и пришлось вызывать местного доктора. Доктор смотрел и так и сяк, чего-то слушал, куда-то стучал, ничего не понял в состоянии Васиного инопланетарного организма, и решил отвезти его в райцентр на обследование. Не успели проехать и двух километров, как Василию стало совсем плохо. Его била лихорадка, у него был жар, озноб и весь он покрылся зелёными пятнами. Он успел три раза прохрипеть «Везите меня скорей обратно!» и потерял сознание. Делать нечего, повезли обратно, и, действительно, как только вернулись в Нижние Голенищи, Василий ожил, а около своего дома стал совершенно здоровым. Сомневаясь, не симулирует ли Вася своё заболевание, чтобы от армии откосить, доктор решил провести ещё один опыт. И опять: как отъехали от Нижних Голенищ, так Василию заплохело. Симптомы не вызывали сомнения: температуру за сорок и зелёные пятна вряд ли можно симулировать. Для верности провели ещё два эксперимента и установили научный факт: Василий может жить только в деревне Нижние Голенищи и её окрестностях, образующих почти правильный круг с центром около печки в Васином доме и радиусом семь километров. За пределами этого круга все жизненные функции Васиного организма расстраиваются, чем дальше, тем больше, и так, по всей видимости, вплоть до летального исхода, до которого, правда, доктор побоялся экспериментировать. Этот научный факт подтвердила и специальная комиссия из области. Ещё приезжал журналист из местной газеты, брал интервью у доктора, беседовал с Василием и напечатал статью под названием «Нижне-Голенищевский феномен». Какое-то время Василий был почти знаменит, но, поскольку никаких других необычных явлений с ним не случалось, а сам Василий ничем другим не отличался от прочих деревенских жителей, интерес к его персоне быстро пропал, и жизнь его вернулась к прежнему малозаметному течению. От армии Василия освободили, хотели было назначить ему какую-нибудь местную обязанность, похожую на военную, но, ничего не придумав, оставили всё как было.

---

[1] Аптека-аптекарь, пушка-пушкарь, врата-вратарь.

После того случая Василий уже не скрывал своего инопланетарского происхождения, но всё же стеснялся его. Впрочем, для местных жителей, которые хотя и могли, в отличие от Василия, выезжать за пределы Нижних Голенищ, но делали это редко, ненадолго и без всякого удовольствия, для местных жителей были равноудалены и малоинтересны, что другие планеты, что другие страны, что другие города. Во всех анкетах Василий указывал Нижние Голенищи как место своего рождения, так и в паспорте у него записано. Только после моих настойчивых расспросов Василий как-то раз признался, что родился он всё же на другой планете, в Нижних Голенищах оказался совсем ещё маленьким, но всё же кое-что помнит из своего раннего, инопланетарского детства, правда смутно. Собственно, помнил Василий только один эпизод, как он лежит в круглой зелёной мохнатой ванне, плещется ярко-жёлтая вода, моросит зелёный дождь, и чьи-то ласковые щупальца держат на плаву его голову. Это была моя мама, говорит Василий с некоторым сомнением в голосе. А как же щупальца, осторожно спрашиваю я. Василий пожимает плечами: она ведь женщина, а я мужик, зачем мне щупальца, наверное, у инопланетарских мужиков щупалец не бывает.

Мы беседовали долгими зимними вечерами, сидя в жарко натопленной Васиной избе, поглядывая в огонь русской печи и медленно потягивая зелёный самогон. Этот самогон Василий делал из папоротника с добавлением ещё каких-то кореньев и травок, напиток был не очень крепкий, тягучий и солоноватый на вкус. От него шло приятное тепло по телу, голова не туманилась, а как бы даже наоборот разъяснялась, и ещё почему-то обострялось зрение так, что можно было разглядеть каждую волосинку, дрожащую на тельце мухи, лениво ползущей по потолочной доске. Папоротник нужно собирать по левому берегу Красненького болота, объяснял Василий. Кто берёт с правого берега, у того самогон получается, конечно, покрепче, но не такой финтистый. Какой? — спрашиваю я. Инопланетарское слово вырвалось, извиняется Василий и в смущении чешет себе плечо, не знаю точно, что оно значит, но что-то приятное. Я делаю ещё один маленький глоток и признаю: очень даже финтисто.

Мы молчим и слушаем, как в окно скребётся снег. Зима в Нижних Голенищах очень снежная. Бывает, в соседних Верхних Голенищах снег не прикрывает даже траву на лугах, а Нижние Голенищи засыпаны сугробами по самые крыши. Люди здесь не расчищают снег, а роют в нём ходы и тоннели, прибивая лопатой снег на стенах, на полу и на потолке, а потом поливая его водой. Получаются ледяные крытые улицы, переулки и площади. Так под снегом и живут зимой. Чтобы не скользить, на валенки крепят железные решётчатые галоши с шипами, в них и ходят. Только ребятишки с визгом и смехом катятся по ледяным улицам на попе, а чтобы штаны не протирались, мамаши пришивают на них куски толстой свиной кожи. С весенними

дождями снег быстро тает, но вдоль улиц ещё долго остаются ледяные трубы, сверкающие под весенним солнцем. Только ближе к лету они рушатся с грохотом и звоном. Это называется «весенний ледокол».

Летом мы сидим с Василием на широком крыльце и смотрим, как идёт дождь. С крыши льются тонкие зелёные струйки воды и собираются на земле в изумрудные лужицы. Это дождь смывает с крыши Васиной избы зелёную краску. В сенях стоит огромная бочка с этой краской, и Василий каждые две-три недели подкрашивает крышу. Я говорю ему: есть ведь несмываемая краска, на несколько лет хватит. А он отвечает: тогда струйки зелёными не будут. Мы пьём чай, обычный, в магазине купленный, и я спрашиваю Василия, отчего он не женился, детей не завёл. Ты, говорю я, уже ведь в таком возрасте, что и внуков мог бы иметь. Василий смущается, плечо чешет, потом говорит: да нет, есть у меня жена вообще-то, только она в городе живёт, ей здешний климат не годится, а мне, сам знаешь, из Нижних Голенищ уезжать нельзя. Она ко мне приезжала раньше, и дети приезжали, вот только в этом году ещё ни разу не были, забот у них там, в городе, много было: ремонт затеяли, младшая дочка в школу пошла. А старший сын недавно женился, так что и внуки, наверное, скоро будут. Тут уже я смущаюсь, не знал, говорю, вроде как житьё твоё мне холостяцким показалось. А как они, спрашиваю, дети-то, инопланетари они или люди? Василий пьёт чай и долго не отвечает. Я уж было подумал, что обидел его ненароком, но тут Василий говорит: я и сам толком не знаю. Сам посуди: я ведь совсем ребёнком в Нижние Голенищи попал, воспитания и образования инопланетарского не получил, поэтому не знаю, чем мы, инопланетари, от людей отличаемся. Может быть, и ничем не отличаемся, может быть, это только моя такая персональная особенность, что из Нижних Голенищ не могу уехать, а другие инопланетари где угодно жить могут. Вот ведь как-то я попал же сюда, значит, меня привезли. Хотя я не помню, кто это был, сколько их было, куда делись, может быть, им тоже заплохело, и они на инопланету вернулись. А может, и не было никого, роботы космическим кораблём управляли. А почему меня здесь оставили, кто знает? Забыли, или несчастье какое случилось, или это эксперимент такой научный космического масштаба, кто знает? Я вот думаю иногда: а вдруг за мной вернутся, начнут спрашивать, как я, да что я сделал? А что я сделал, ничего ведь не сделал, живу тут, в Нижних Голенищах, и все дела. Вдруг из-за меня ихний эксперимент не удался, не оправдал я надежды инопланетарские. Василий закуривает сигарету и долго молча дымит, вглядываясь в даль, куда-то туда, за широкие луга, за речку Палинку, за дальний Шурочкин лес, за скользящие над ним плоские серые облака, несущие новый дождь.

Как зимой снег, так летом в Нижних Голенищах всё время идёт дождь. Бывают дожди затяжные, бывает дождик грибной — с солнцем, бывают и грозы, обычно, с шаровыми молниями необычного зелёного цвета. Местные

жители уже привыкли, а приезжие, как Васина жена, от такого климата болеть начинают. Осень, наоборот, стоит сухая, тёплая и тихая. Только сонные мухи чуть слышно жужжат на лету, будто листья шелестят. Эти мухи белого цвета, размером со сливовую косточку и спят на лету. Когда втыкаются в препятствие, падают замертво. Откуда берутся неизвестно, но летают всю осень, до первого снега. Мы сидим с Василием у открытого окна в тяжёлых дубовых креслах и пьём осеннее пиво, которое в Нижних Голенищах варят из сосновых шишек. Но не из всяких, а только тех, что сыпятся в маленьком сосновом бору, который вырос на острове посреди речки Палинка. У тех сосен иголки очень мягкие и очень светлые, какие бывают у молодых сосёнок в начале лета, а у этих сосен такие иголки круглый год. Это пиво «с дымком», чуть-чуть горчит и цвет у него с зеленоватым отливом, но в остальном оно похоже на самое обычное пиво. Сонные мухи время от времени влетают в окно, перелетают комнату, втыкаются в печку и падают на железный противень.

Я закуриваю сигарету и говорю: ладно, Василий, вот что я хочу тебе сказать. Ты был прав насчёт космического эксперимента. И насчёт щупалец ты тоже правильно догадался: у инопланетарских мужиков щупалец не бывает. У тебя их нет, и у меня нет. Василий тоже закуривает сигарету и говорит: ага, значит, и ты инопланетарь, я мог бы и догадаться. Это как же, интересно, ты догадался бы? А вот потому, что ты всё меня расспрашиваешь, что, да как, будто отчёт хочешь получить о ходе эксперимента. Да я уже получил отчёт. Тут ведь вот какое дело, Вася, говорю я доверительно. Эксперимент этот никто нарочно проводить не хотел, так уж случилось. Ты, когда родился, был вроде как все инопланетарские младенцы, а потом, когда тебе годик по нашему, инопланетарскому времени исполнилось, вдруг заболел. Ну, у нас, на инопланете, врачи очень хорошие, они все учёные и быстро определили причину твоей болезни. А болезнь твоя такая, что ты можешь жить только в Нижних Голенищах и окрестностях с радиусом в семь километров. Никакой другой болезни у тебя нет. А от этой болезни лекарства не было. Поэтому пришлось нам тебя через весь космос везти сюда, в Нижние Голенищи. А здесь ведь для нас, остальных инопланетарей климат очень вредный, можно сказать, смертельный, как для твоей жены, хотя она и не инопланетарша, а самый обычный человек.

Так, сказал Василий и стряхнул со стола сонную муху, ударившую его в лоб. Может ещё пивка подлить? Можно, отвечаю. Вася подливает мне и себе пива и спрашивает: ну, а ты-то как тут оказался? Почему прилетел? И вот ведь: ты у меня уже почти год гостишь, а всё не заболел. Нашли что ли лекарство инопланетарские врачи? Нашли, говорю, Вася, долго искали и вот только год назад и нашли. И вот теперь ты сам решай: вернуться хочешь на инопланету, родину твою настоящую, или тут останешься, в Нижних

Голенищах, где ты всю жизнь, можно сказать, прожил. Василий медленно тянет своё пиво с дымком и зеленоватым отливом и размышляет. Я тоже глотнул пивка и продолжил: а чтобы ты, Вася, не сомневался и не испытывал лишних иллюзий, я тебе сразу честно скажу: другого выбора у тебя нет. Мало того, что наша инопланета находится очень далеко от Нижних Голенищ, это ещё полбеды, это ещё не препятствие для нашей науки и космической техники. Вся беда в том заключается, что нынешнее расположение галактик вплотную подошло к тому рубежу, за которым сообщение между инопланетой и Нижними Голенищами на долгое время станет невозможно по физическим законам вселенной. Поэтому не удастся тебе прилететь на инопланету, погостить там и вернуться в Нижние Голенищи. Так что выбирай, где тебе проводить остаток твоей жизни: здесь, в Нижних Голенищах, или там, на нашей инопланете. И времени на раздумья у тебя мало: через три дня рубеж будет достигнут, и мне нужно до того вернуться: с тобой или уж без тебя. А как же жена моя и дети, спрашивает Василий. Это не проблема, говорю я, если они хотят, могут с тобой полететь. Наше научное лекарство и на людей распространяется: смогут они на нашей инопланете жить, ну, разве только пигментация кожи чуть-чуть изменится — немного зеленоватый отлив будет.

В окно влетели ещё две сонные мухи, покружились по комнате, налетели друг на друга и упали замертво. Из окна повеяло теплом: это вечернее солнце просвечивало сквозь нагретую листву. Над речкой Палинкой мерцал воздух. Под окнами прошла по улице корова с телёнком, её гнал домой деревенский мальчик. Увидев нас в окне, он поздоровался и побежал дальше. Василий разлил остатки пива и почесал плечо. Я вот хотел спросить, говорит он: почему ты сразу-то мне всё не рассказал? Зачем почти целый год ждал? Вон сколько времени прошло, пока ты тут у меня жил, в Нижних Голенищах: зимой в снегу ходы делали и водой их поливали, самогон у печки попивали, весной на Красненькое болото ходили, и на речку Палинку, летом на дождь смотрели, как зелёные струйки с крыши текут, да вот уже и почти вся осень прошла, скоро сонные мухи закончатся, — а ты всё молчал.

Я долго тянул своё пиво с дымком и зеленоватым отливом. Из окна поплыл ночной холодец, в небе звёзды и галактики засветились, пока ещё слабенькие. Запоздалый трактор протарахтел по улице и заглох где-то в её конце. Мышь прошуршала опавшими листьями под старой берёзой. Василий дремал, сидя в своём дубовом кресле, так и не сказав ничего о своём выборе и не дождавшись от меня ответа на свой вопрос. А я ещё одну сигарету закурил и подумал, что от этой вредной привычки, не принятой среди нас, инопланетарей, на нашей инопланете, надо бы всё же отказаться. Потом когда-нибудь.

7 июля 2009

2. Инопланетак[2] Шурочка

Речка Палинка, пробираясь меж широких холмов, поросших луговой клубникой, разделяет Нижние и Верхние Голенищи, кружит по лугам, постепенно подбирается к Шурочкиному лесу, но едва проникнув под его полог, впадает в Елипсовое озеро. На другом берегу озера, у самой кромки воды стоит старый дом. Там живёт инопланетак Шурочка. Точно неизвестно, кто в честь кого прозывается: Шурочка в честь леса или лес в честь Шурочки. Жители Верхних Голенищ полагают, что лес старый, рос здесь с незапамятных времён, а потому имя его древнее и никак не может происходить от ныне живущего человека, даже если он инопланетак, а не человек. Скорее уж «Шурочка» — не имя, а прозвище того, кто поселился на берегу Елипсового озера в Шурочкином лесу. В Нижних Голенищах, напротив, бытует версия, что, поскольку Шурочка инопланетак, и неизвестно, как долго живут инопланетаки, и сколько лет самому Шурочке, а даже самые ветхие не помершие старики припоминают, что ещё во времена их детства жил Шурочка на берегу Елипсового озера в Шурочкином лесу, то это лес стали называть в честь Шурочки. Верхнеголенищевцы сомневаются, что старики эти помнят того самого Шурочку, что сейчас живёт, а скорее всего помнят отца Шурочки или деда, которого, как это часто бывает, тоже звали Шурочка. Нижнеголенищевцы в ответ лишь усмехаются и резонно замечают, что тогда тем более лес назван в честь Шурочки, пусть не одного сегодняшнего, а всего ихнего, Шурочкиного, рода. Так они спорят между собой, но не особо рьяно, до драки дело не доходит, а больше от делать нечего или чтоб разговор поддержать, когда пьют пиво с дымком и зеленоватым отливом и хрустят Шурочкиной копчёной рыбой.

Рыбу эту Шурочка ловит в Елипсовом озере и коптит по своему особому, никому непонятному рецепту. Рыба получается одновременно и мягкая, как свежеиспечённый хлеб, и хрустящая, как сухарики. Шурочка ловит только на удочку, с берега или с лодки, никаких сетей или бредней не признаёт. Конечно, сетью можно больше поймать, говорит он, только это будет глупая рыба, без мозгов, потому и в сеть идёт. Хорошая рыба требует индивидуального подхода и ручной работы. С ней и поговорить можно, вы думаете, только люди между собой имеют общение, а оно, наверное, всем существам живым для продолжения жизни требуется, а уж рыбам в первую очередь, потому как вода всякие токи, и звуки, и волны лучше передаёт, чем воздух. И тут уж кто кого переговорит, кто умнее окажется или хитрее. А бывает, такая мудрая рыба попадётся, что никак её поймать невозможно,

[2] Рыба-рыбак, ведьма-ведьмак, дура-дурак.

потому как совестно становится за свою несмышлёность, сматываешь удочки и домой возвращаешься или, если на лодке, в другое место отплываешь, где плавают рыбы попроще.

Почему умная рыба вкуснее глупой, Шурочка не объясняет, считая это само собой разумеющимся. Но я от него не отставал с расспросами, потому как не люблю, когда в деле остаются какие-то неточности, и не все сопутствующие обстоятельства прояснены до конца и определено их фактическое место в общей картине. На моей родной инопланете, признаётся Шурочка, все рыбы: птицы — рыбы, животные — рыбы, и мы, инопланетаки, — тоже рыбы. Даже водоросли — и те рыбы, только примитивные. И всё у нас организовано иерархически, каждый свою ступеньку лестницы занимает. Чем выше ступенька, тем умнее её обитатели, а на самом верху мы, инопланетаки, располагаемся как высшие разумные существа, вроде вас, людей. Но это ещё и пищевая лестница: каждый ест то, что на ступеньку ниже находится. Только нас, инопланетаков, никто не ест, потому что мы на самом верху, и водоросли, что в самом низу, никого не едят, да и как им есть-то — у них и рта-то нет. И главное, через ступеньку нельзя перепрыгивать: понос будет, вплоть до летального исхода. Поэтому мы, инопланетаки, едим самую умную рыбу на всей инопланете, не считая, конечно, нас самих. Но самих себя у нас никто не ест: на то есть моральный запрет, заложенный в самих рыбьих генах, и обойти его никак нельзя.

А что же в Елипсовом озере, спрашиваю я, рыба умная по вашим, инопланетакским, стандартам? Разная попадается, Шурочка шмыгает носом и начинает проверять свои поплавки. Мы сидим в лодке, которая медленно дрейфует по Елипсовому озеру, не приближаясь ни к одному из берегов. Будто по кругу ходит, а точнее — по эллипсу, потому что такую форму имеет озеро, за что и прозывается Елипсовым. Вечереет. Тени Шурочкиного леса удлиняются, доставая уже до середины озера. Вода краснеет от заходящего солнца. Облака на светлом ещё небе скапливаются в той стороне, где солнце опускается меж широких холмов, и журчит невидимая отсюда речка Палинка. А поточнее, настаиваю я. Шурочка внезапно дёргает удилище, и вот уже по воздуху летит и сверкает серебром рыбёшка, и падает прямо в ведро на дне лодки. Движения Шурочки выверены и точны, он прирождённый рыбак, точнее, инопланетак. У меня, говорит Шурочка, в доме телевизор есть, поэтому я знаю, какая рыба у вас в других озёрах, в реках, и морях водится. Только скажу тебе честно, мы, инопланетаки, умнее её будем. А вот в Елипсовом озере есть такая порода мудрая, что мы, инопланетаки, её ловить не можем. И на какой же она ступеньке находится, спрашиваю я. Сам видел, на какой, огрызается Шурочка и замолкает. Сегодня он уже больше ничего не скажет. Мы вернёмся с рыбалки, Шурочка будет коптить пойманную рыбу, ту, что

поумнее. А из глупенькой сварит уху, и мы будем её есть, сидя за большим овальным столом и глядя в окно на чернеющее Елипсово озеро. Я буду думать, что имел в виду Шурочка, когда говорил, что я видел эту мудрую рыбу. А Шурочка будет молчать сумрачно. До следующего утра, уж я-то знаю, я у него уже три недели живу, пока следствие веду.

Утром Елипсовое озеро блестит как зеркало. Только изредка будто тень пробегает по зеркалу, и у старого валуна на берегу слышится тихий всплеск. Солнце сверкает ярко и уже заметно припекает. И даже Шурочкин лес, обычно тёмный и мрачный в своей еловости, кое-где просвечивает светлыми полосами и пятнами. Почти до самой травы свисают ветви старой ивы, будто ещё не проснулись. А мы уже проснулись и сидим в тени старой ивы, пьём кофе и глядим в никуда, а получается, что на Елипсовое озеро. Долго ты ещё будешь следствие-то своё вести, первым начинает разговор Шурочка и шмыгает носом. Уехать хочешь? Может, и не хотел бы, вся жизнь тут прошла, да только придётся, не жить мне тут. До конца следствия я взял у Шурочки подписку о невыезде, не потому, в общем-то, что подозреваю его, а потому, что кроме него никто не прояснит мне все тёмные места этого дела. Да и жить удобнее здесь, рядом с местом происшествия, в Шурочкином доме, чем мотаться каждый день из города, или даже из Голенищ, что Нижних, что Верхних. Я не спрашиваю у Шурочки, почему он должен уехать. Спрашивал уже, тот сразу замолкает, опять до следующего утра.

Дело, которое я веду, это дело об убийстве. Тело молодой женщины нашли на берегу Елипсового озера. Точнее, половину тела, верхнюю. Опознать убитую до сих пор не удалось, хотя её фотографии были разосланы во все УВД, напечатаны в газетах и даже размещены в интернете. Жертва была очень красивой, с длинными волосами странного зеленоватого оттенка, видимо, крашеными, большими глазами, прозрачно-синими, ярким ртом и непропорционально маленькими ушными раковинами, впрочем, полностью скрытыми под волосами. Свидетели показали, что накануне у Шурочки были гости, много гостей. Приехали на машинах, да не каких-нибудь там жигулях, а на крутых мерседесах, вольвах и джипах. Ещё с озера был слышен шум мотора, но не автомобильного, а вроде как от катера или моторной лодки. Сам Шурочка пользовался только вёслами и к моторам относился отрицательно. Он говорил, что рыбы этого не любят. Экспертиза подтвердила, что женщина могла быть разрезана пополам винтом от большого лодочного мотора. Но ни лодки, ни мотора найти не удалось. Также как и самих гостей, видимо, испугавшихся содеянного и быстро уехавших. Наверное, и лодку они привозили с собой, а потом увезли.

На первый взгляд, по всему выходило, что Шурочка в этом как-то замешан, если не сказать, что он соучастник преступления. Это ведь к нему

гости приезжали. Но Шурочка заявил, что видел тех людей впервые, приехали они не к нему, а просто на Елипсовое озеро, а к нему пришли переночевать, потому как некуда им больше было приходить. Я опросил многих жителей Нижних и Верхних Голенищ, и все они в один голос уверяли, что Шурочка не мог совершить такое преступление, да и вообще никакого преступления совершить не мог по свойству своей натуры. Нет у Шурочки ни друзей, ни родственников, так что гости вряд ли были ему знакомы. Живёт он один, тихо и незаметно, рыбу ловит и продаёт всем желающим, и это весь его доход, а больше ему ничего не надо. Пообщавшись с Шурочкой, присмотревшись к нему, я склонен был согласиться со свидетелями. Он сам, как умел, описал тех гостей, но никаких особых примет не запомнил. Описал и автомобили, на которых они приехали, да только таких автомобилей и в городе и в области последнее время стало полным полно. А ведь гости могли издалека приехать, даже из Москвы, машины-то быстрые. По всему выходило, что искать нужно тех людей, этим и занимались другие следователи. А я оставался на Елипсовом озере, гостил в доме у Шурочки. Из показаний жителей соседних деревень выяснилось, что те люди были далеко не первыми гостями Шурочки. И раньше приезжали люди на крутых машинах, останавливались у Шурочки на день-другой и уезжали обратно. Шурочка этого не отрицал, но говорил, что приезжали опять же не к нему, а на Елипсово озеро, отдохнуть, шашлыки пожарить, рыбу половить. А у него только ночевали. Но что-то не давало мне покоя, что-то тут было не так, хотелось разобраться, да и Шурочка чего-то недоговаривал, может быть, и не имеющее прямого отношения к преступлению, а всё же что?

Не зная, о чём спрашивать у Шурочки, я просто ждал, пока тот сам заговорит. Шурочка же всё порывался уехать, а я не разрешал, и он тоже ждал. Так мы и ждали друг друга, но моё терпение уже заканчивалось. Видимо, Шурочка почувствовал это, потому что тем утром шмыгнул носом и начал без всякого предисловия: в общем, так, если очень уж хочется тебе знать, скажу тебе: бордель у меня тут был. Чего-чего, опешил я. Бордель, чего непонятного: мужики и бабы трахаются за деньги. Та-а-к, протянул я, бордель, значит. А ты, выходит, держателем борделя будешь? Мадам, значит, будешь? Какая я тебе мадам, я же мужик, хоть и инопланетак. Ну, это не важно, и большой доход ты с этого имел? Да какой доход, никакого дохода: все деньги, что мне мужики давали, я на корм тратил. Какой корм? Как какой, рыбий, конечно. Ничего не понимаю. А чего понимать? Мужики мне давали деньги, потому что думали, что они клиенты, а я им баб поставляю. Им и в голову не приходило, что всё наоборот. На эти деньги я корм покупал и рыб кормил. Подожди, что значит наоборот? Пойдём уж, сам увидишь.

И мы пошли. По левую руку трепыхалась под лёгким ветерком прозрачная вода Елипсового озера, легкомысленно плескалась вокруг больших камней и перекатывала мелкие камешки и шуршала песчинками. По правую руку мрачнел Шурочкин лес, в тёмной глубине которого что-то таилось и пугало. Только на узкой полосе, по которой мы шли, под полуденным солнцем улыбалась зелёная трава, подмигивала жёлтыми глазками мать-и-мачеха и смеялись прозрачно-синие кружки цикория. Там, где прибрежные кусты были особенно густы и высоки, оказался глубокий узкий ручеёк, вытекающий из озера, вроде как продолжение речки Палинка. Мы пошли по глухой тропинке вдоль ручья и вскоре оказались на берегу ещё одного озера, даже не озера, а так — озерца, едва помещавшегося между могучих корней старый елей. Вода здесь была тёмная и спокойная.

Ну вот, сказал Шурочка. Что «вот»? Здесь всё и происходило. Да что происходило-то? Ты можешь по-человечески говорить, не выдержал я. Шурочка глупо улыбнулся: вообще-то могу, только я ведь не человек, я инопланетак, мы по-другому разговариваем, и есть у меня подозрение, что они тоже инопланетачки или инопланеты, не знаю, как правильнее сказать? Может быть, они с нашей инопланеты давным-давно сюда, в Елипсовое озеро попали, да и прижились тут. А у нас, на инопланете, они давно исчезли в процессе всеинопланетакской эволюции. Правда, кое-какие легенды сохранились, только я раньше думал, что это просто сказки, что ничего такого быть не может, вот и у вас тоже ведь сказки про них есть. Да про кого «про них», какие сказки, о ком ты говоришь-то, кто они такие? Кто-то, я тебе уже сколько раз намекал, и про мудрых рыб, и про баб. Я счёл за благо промолчать, а то уж больно глупые вопросы получались. Шурочка это оценил: ладно, чего зря говорить, тем более, по-человечески, я лучше покажу.

Опустился Шурочка на колени, руки в воду сунул и стал там ими шевелить и хлопать, то быстро, то медленно в каком-то сложном ритме. Даже снаружи, из-под воды, какие-то звуки слышались, будто музыка играет или песня поётся, только чудная музыка и непонятная песня. А потом ручеёк горбом встал, и горб этот поплыл к озерцу, озерцо заволновалось, волна на берег хлынула, а из воды появились три женщины. Все как одна красавицы, с длинными волосами зеленоватого оттенка, большими прозрачно-синими глазами и ярким ртом. И, между прочим, все голые, груди их только волосы прикрывали, и то так, слегка только. А всё, что ниже пояса, под водой оставалось. Да только вода-то прозрачная, и всё я увидел: и рыбьи хвосты и чешую, и ещё кое-что, чего обычно у рыб не бывает, а только у человеческих женщин есть.

А Шурочка в это время в ухо мне кричал, только я ничего не слышал, что он кричал, но запомнил, а потом вспомнил всё. Он кричал, что вот они, рыбы

эти мудрые, бабы то есть. Что они на ихней, инопланетакской, интеллектуально-пищевой лестнице выше инопланетаков находятся. Поэтому Шурочка поначалу думал, что бабы его съедят, а они свою выгоду другую имели: ихние мужики повымерли все, так они человеческих мужиков хотели, очень уж им хотелось. Ты, Шурочка, сказали они, мужиков нам поставляй и бери с них деньги. А на эти деньги покупай нам корм, есть-то нам всё равно нужно что-то. Мы тебя не тронем, если ты нам будешь другую еду покупать. Ну, я так и делал все годы. Мужики-то ваши, человеческие, на такую экзотику падкие оказались, сами из штанов выпрыгивали, а кошельки ихние сами из карманов вываливались. Да только эта рыба-бабья еда дорогая оказалась: сыры всякие, трюфеля, колбаски копчёные, конфеты шоколадные, да ещё напитки иностранные, шампанское французское и вина итальянские и испанские. Все деньги на рыбий корм уходили, еле-еле хватало.

Всё это мне Шурочка в ухо кричал, а я стоял и смотрел на полное безобразие в озерце лесном. Только недолго это продолжалось. Рыбы-бабы злые были, как пираньи, и начали плеваться. Из воды-то они не могли вылезти, ног ведь у них нет, хвосты одни, а то бы плохо нам пришлось. Да и так не больно хорошо: убегали мы все оплёванные, полдня потом в бане отмывались, уж очень прилипчивая слюна у них. Я всё боялся, не ядовитая ли, но Шурочка сказал, что не особенно, во всяком случае, не смертельная, ну, как крапивой обстрекался или пчёлы покусали. Только ведь и от пчёл помереть можно, если целый рой на тебя нападёт и обкусает всего. Предупреждал я тех мужиков, говорит Шурочка, не катайтесь на моторной лодке, нельзя тут. А они не послушались, вот рыбу-бабу и переехали. Теперь рыбы-бабы на меня злые сильно, не жить мне тут, уезжать надо. На родную инопланету поедешь, спросил я. Шурочка шмыгнул носом: а чего я там не видал? Женщин нет, мужики икру мечут, тоже все злые. Нет уж, я лучше другое озерцо себе подыщу, рыбу буду ловить, что попроще, и коптить, как раньше делал. В общем, снял я с Шурочки подписку о невыезде, дело закрыл и уехал в город, подальше от Елипсового озера.

8 июля 2009

3. Инопланетахин[3] Саагун

На конце глухой, притопленной лесной дороги, в самом центре Шурочкиного леса, из груди широкого луга выпирает высокий холм, похожий на женскую грудь с окаменевшим острым соском. А вокруг соска прилепились по склонам мокрыми берёзовыми листьями позеленевшие крыши домов деревушки по имени Шабала. Из окон домов открываются виды дальние на зелёное море, волнами убегающее к горизонту, кругами на воде осенней. А в конце лета бывают здесь такие высокие туманы, что море становится белым. Туманы эти приползают по лесному ручью от Елипсового озера, затопляют и луг, и лес, поднимаются по склонам Шабаловского холма так высоко, что один каменный сосок торчит над белой мутью. За окнами белым-бело, будто зима, и кажется, что кто-то скребётся в окна, и петлями дверными скрипит, и кричит что-то сдавленным криком. Люди говорят: это не туман. Кто же это? Крикнешь в окно: кто там? А в ответ эхом: здесь я, Саагун. Люди говорят: это инопланетахин Саагун в дом просится: здесь я, Саагун. А его не пускают, говорят, пустишь, а потом не выгонишь, так и будет жить в доме, и придётся хозяевам искать другой дом.

А зимой, когда за окнами белым-бело не от тумана, а от снега, Саагун плачет под окнами: здесь я, Саагун, здесь я, Саагун, в метель слова вплетаются. И некоторые не выдерживают плача его, да и не страшно зимой, пускают инопланетахина погреться. Тот приваливается к печке старым валенком, греется и приглушённо напевает себе под нос, заунывную, тягучую поёт песню, только слов не разобрать, вроде как «здесь я, Саагун, здесь я, Саагун», а может и не так, только мелодия странная, тоскливая мелодия, как из печки слышится, из трубы дымовой. А погревшись, уходит внезапно: ни здравствуйте, ни до свидания.

Ещё Саагун любит в дождь приходить. В окна стучит костяшками пальцев, зовёт хозяев по именам их. Кто там? Здесь я, Саагун, здесь я, Саагун. Но это он не в дом просится, а, наоборот, людей во двор зовёт, уговаривает под дождём купаться. Если кто выходит, не видит инопланетахина, только слышит, как зовут: здесь я, Саагун. И всё время будто за спиной, обернёшься, а его там нет, и опять зовёт, с другой стороны: здесь я, Саагун. Ищут Саагуна, ищут, не находят и домой возвращаются насквозь промокшие.

И когда ветер воет, Саагун в деревне появляется. В окна не стучит, только носится по улицам Шабалы вместе с ветром и хохочет: здесь я, Саагун, здесь я, Саагун. Чего ему в ветре том смешного, не понимают люди и думают:

---

[3] Балда-балдахин.

наверное, у них, у инопланетахинов, юмор такой, на человеческий не похожий.

Только в ясную, тихую погоду, весной или осенью, когда дали особенно дальние, и воздух звенит от прозрачности, Саагун не приходит. Но вглядываясь в синюю даль, можно увидеть, как где-то там, почти у горизонта, будто тень скользит. Крикнешь вдаль: кто там? И через долгие секунды доносится издалека эхо многократное, затихающее: здесь я, Саагун, здесь я, Саагун, здесь я, Саагун… Это инопланетахин летает. Говорят, у него крылья есть, прямые, как у журавля, только прячет он их под плащом, когда приходит в Шабалу.

И в звёздные ночи Саагун летает. Над самым Шабаловским холмом кружит ночным облаком. Только видно, как звёзды мигают, когда проносится под ними инопланетахин. И слышится шорох далёкого мотора. А то крик протяжный, печальный: здесь я, Саагун, здесь я, Саагун. Это он тоскует по своей далёкой Саагунской инопланете.

Наслышался я историй про Саагуна, пока мы с напарником ветряную электростанцию монтировали на соске каменном. По вечерам напарник мой, молодой ещё, в клуб уходил, где парни с девками танцы-шманцы устраивали. А я спускался с Шабаловского холма и шёл в лес, под ели, к ручью рыбу ловить и так посидеть, ручей послушать. Ручей журчит, по камням прыгает, в омутах под нависшими корнями еловыми шепчет что-то. Что шепчет? И слышалось: здесь я, Саагун, здесь я, Саагун. И по лесу бродил я с ружьишком, тетеревов и глухарей выслеживал, а больше так прогуливался, ноги разминал. А всё же пару раз вскинул ружьецо-то, пальнул наугад почти в кроны еловые. И оба раза эхо отвечало, густое, недовольное: здесь я, Саагун, здесь я, Саагун.

Надоело мне это, сел я на пенёк, сигарету закурил, и спокойно так говорю, не повышая голоса: Саагун, ты по-человечески-то можешь разговаривать? Что ты всё одно твердишь «здесь я, Саагун, здесь я, Саагун». Да знаем уж мы, что ты здесь. А вот что ты тут делаешь? Зачем ты здесь? И слышу в ответ голос, тоже спокойный, неторопливый: а чего говорить-то? Вот закончишь ветряк ставить, я и укачу. Без электричества моя космическая повозка не хочет по космосу катиться. Наше-то, инопланетахинское, топливо давно вытекло, когда я в землю врезался. Ну, Саагун, говорю я, ветряк мы поставим, не сомневайся. А вот если бы мы не приехали, чтоб ты делал, чего ждал? Да вот того и ждал бы, отвечает голос, будто откуда-то сзади и сверху, из еловых ветвей доносится: что кто-нибудь приедет и ветряк ставить будет. Это ты мог очень долго ждать. А я и ждал долго, раздался голос из-под коряги, так долго, что скучно стало, вылезать начал, с деревенскими жителями общался. Ты их больше пугал, говорю, какое же это общение: «здесь я, Саагун,

здесь я, Саагун», как попка заладил. Ишь, какой умный, послышалось от ручья, тебя бы на моё место. И тихо стало, даже ручей перестал журчать, обиделся Саагун, удалился.

Дело наше с ветряным двигателем продвигалось, но медленно. То комплектация оказывалась неполной, и приходилось ждать, пока подвезут недостающие детали из города. То дожди зарядили на три дня, и наружные работы пришлось отложить. То напарник мой заболел, злоупотребив ночным купанием с девками и парнями. Погода стояла не по-осеннему тёплая и ясная, если не считать трёх дождевых дней. Вглядываясь в синюю даль, я углядел пару раз скользящую тень почти у горизонта. Люди кричали по привычке: кто там? Но и через долгие секунды не слышно было никакого эха, ни многократного, ни затихающего. Вроде здесь был Саагун, но не хотел отвечать.

Тогда отправился я опять в лес, к ручью журчащему. Сел на пенёк, закурил сигарету и говорю: ладно, Саагун, извини, если обидел. Может, поговорим всё же? Хотелось бы знать, как ты тут оказался, давно ли здесь? Долго слушал я, как ручей журчит, шепчет в омутах, как ветер шуршит в еловых ветвях. Наконец из-за кустов шиповника послышался знакомый голос: говорил я уже, повозка космическая в землю врезалась. Я на другую планету катился, совсем в другой звёздной системе, а повозка моя заболела вдруг. То ли вирус какой проник, то ли от старости, только что-то у неё с мозгами случилось: с курса мы сбились, траекторию приземления рассчитали неправильно, и вот результат. Давно это было, спрашиваю. Да считай уже лет триста прошло. Ого, говорю я, а сколько ж лет тебе тогда было? Ручей будто запнулся в своём монотонном журчании, в дальнем омуте что-то всхлипнуло: сто лет уже исполнилось, я последнее десятилетие в школу ходил. Из школы и повозку угнал, просто покататься хотел. Думал, покатаюсь и верну повозку. А тут вот что получилось. Да-а, Саагун, протянул я, потому что не знал, что сказать. Мы, инопланетахины, раздалось из елового дупла, живём четыреста лет. Так что, считай, я уже глубокий старик и помру скоро. А очень хочется на родную инопланету вернуться, воздухом её звенящим хотя бы лет десять ещё подышать. Вы уж ветряк сделайте побыстрее, пожалуйста. Постараемся, отвечаю, тут вопрос нескольких дней.

Только я ошибся: какая-то маленькая деталь возьми, да сломайся. И хоть деталь пустяковая, а без неё нельзя было двигатель запускать. Опять пришлось ждать, пока новую деталь привезут со склада. И снова ясными осенними ночами летал Саагун. Над самым каменным соском кружил тёмным облаком. Опять звёзды мигали, когда проносился под ними инопланетахин с шорохом далёкого мотора. И кричал протяжно и печально: здесь я, Саагун, здесь я, Саагун, тоскуя по далёкой Саагунской инопланете. А когда днём опустились тучи и пошёл дождь, раздался стук в окно. Я вышел на крыльцо и стал

слушать, как капли, падая с крыши, шлёпаются на мокрую скамейку и булькают в лужах. Здесь я, Саагун, послышалось с крыши. Потерпи ещё пару дней, сказал я, скоро закончим. Да я просто поговорить хотел, ответил Саагун из дождевой бочки. Боюсь я на родную инопланету возвращаться. Хочется очень, а всё равно боюсь. Чего же боишься ты, спрашиваю. Во-первых, наказания боюсь за угнанную повозку. Вдруг крылья подрежут, а я ведь старый уже, долго крылья отрастать будут, боюсь, не доживу, чтобы в небе инопланетахинском полетать, в море инопланетахинском поплавать. Ну, говорю, может быть, учтут всё же твой преклонный возраст, не станут наказывать. А во-вторых?

Утих уже дождь, туман с лугов подниматься начал, по улицам Шабаловским пополз, во дворы затягивался. Наконец Саагун ответил из тумана, в котором почти уже скрылся забор покосившийся: привык я здесь жить, пообжился в Шурочкином лесу, вокруг Шабаловского холма. Больно густы здесь туманы августовские, дожди мокрые непредсказуемые, в елях теней много плотных, в небе простор необычный, в ручье омуты глубокие, весною ветры смешные, а зимой снежность невиданная, и ночью все звёзды светятся, будто по космосу катишься. И люди здесь, в Шабале, привыкли ко мне. Когда я улечу, кто ответит им из тумана «здесь я, Саагун»? Кто в окошко зимнее поскребётся, у печки греться будет? Кто под дождь позовёт купаться «здесь я, Саагун»? Кто тенью далёкой пронесётся в ясную осень? Кто звёзды ночные мигать заставит? Кто крикнет с ночной высоты «здесь я, Саагун»? Ничего не ответил я инопланетахину, вернулся в избу.

А через пару дней отправил я напарника в клуб на танцы-шманцы, а сам поднялся на каменный сосок. Покурил там, пожал плечами и крикнул в ночные звёзды: кто там? Мигнули звёзды, и опустилась тень по другую сторону каменного соска: здесь я, Саагун. Вот что, Саагун, сказал я: проверяли мы тебя. Как проверяли, кто проверял, всколыхнулась тень. Мы проверяли, инопланетахины нынешние. Как тебя обнаружили, а обнаружили тебя, в общем-то, случайно, в ходе штатной проверки планеты Земля, так меня и послали в Шабалу. Во-первых, проверяли, остался ли ты инопланетахиным или мутировал в земную эволюцию? Знаешь ведь, мы, инопланетахины, это можем. Во-вторых, проверяли, не навредил ли ты чем людям Шабаловским? Случайно ли или, не дай Бог Космический, по злому умыслу. А в-третьих, проверяли, сохранил ли ты верность и любовь к родной инопланете, хочешь ли домой вернуться? Или окончательно тебя засосала Шабаловская вольница.

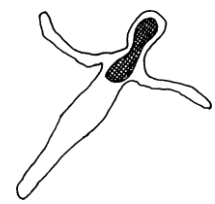
Здесь я, Саагун, вздохнула тень. Не бойся, Саагун, продолжил я, проверку ты выдержал. По всем трём статьям. А что по Шабаловским туманам да дождям скучать будешь на инопланете, так это ничего, это только на пользу пойдёт. И вот ещё что: долго тебя не было, а инопланетахинская наука и

медицина на месте не стояли всё это время. Так что мы теперь не четыреста, а пятьсот лет живём. И получается, что у тебя ещё полноценная сотня лет впереди, на родной инопланете. А наказывать тебя никто не собирается. Во-первых, крылья давно уже никто не подрезает, варварство это средневековое, отсталый ты инопланетахин. А во-вторых, ты уже сам себя наказал тремя сотнями лет ссылки без права переписки.

Здесь я, Саагун, вздохнула тень. Дара речи лишился, сыронизировал я. Ничего, оклемаешься. И вот тебе ещё мой подарок за то, что честно на вопросы отвечал и ничего не утаил. И я бросил в тень маленькую деталь. Это такая деталь, которую каждый инопланетахин с детства знает: без неё космические повозки по космосу не катятся. А что Саагун мечтал на электричестве покатиться, так это у него, наверное, старческая болезнь началась. У нас, инопланетахинов, к старости наивность сильно возрастает, совсем, как дети становимся, во всякую чушь верим. Только теперь уже, конечно, не к четырём, а к пяти сотням лет. Давай, говорю, Саагун, садись в свою космическую повозку и катись отсюда по космосу на родную инопланету.

Тень опустилась, будто всосалась в каменный сосок, да так, в сущности, и было. Сосок подрожал немного, а потом плавно раскрылся, как цветок раскрывается, и изнутри пестиком вытянулась космическая повозка. Старой, ещё дореформенной, конструкции, но, знал я, надёжная как телега. Здесь я, Саагун, последний раз разнёсся над Шабаловским холмом протяжный крик. Пестик подпрыгнул вверх, на мгновение замер в воздухе и, звёздным лучом устремившись в небо, исчез среди звёзд. Лепестки каменные снова плавно закрылись. Я проверил крепление ветряка, выдержит ли здешние ветра смешные, Шабаловские, и немного постоял, выкуривая последнюю сигарету. Из глубокого космоса вновь донеслось еле слышное «здесь я, Саагун». А может, послышалось. Тогда я скинул плащ и расправил крылья, поднялся под нижнюю звезду и сделал свой первый круг над Шабаловским холмом, шурша мотором и крича протяжно и печально: здесь я, Саагун, здесь я, Саагун. Ибо все мы, инопланетахины, носим одно имя: Саагун.

9 июля 2009



4. Инопланетачи[4] из Агачи

Мы рассчитывали добраться из Нижних Голенищ до Агачи к полудню, но потратили на дорогу целый день. Как так получилось, непонятно: вроде и дорога хорошая, и погода стояла сухая, ясная, и останавливались мы по пути всего один раз, самое большее на час, а вот поди ж ты — целый день ехали. Я всё поглядывал на спидометр: стрелка колебалась около отметки «80». Мы не спешили, но при такой скорости должны были оказаться в Агачи даже раньше двенадцати. Но проходил час, другой, а дорога всё плыла и плыла впереди, то извиваясь по впадине между зелёно-жёлтых холмов, подобно речке, то круто взбираясь на холм и так же круто спускаясь с него в новую впадину. Встречные машины показывались издалека и, судя по тому, как долго они приближались, ехали совсем медленно, ползком, как трактор или телега. Но когда оказывались рядом с нами, проносились мимо с ветром и гулом, так что их скорость оказывалась никак не меньше нашей.

Когда впереди блеснула речка Палинка, плавно огибающая Шурочкин лес и уже широкая в этих местах, жена попросила остановиться. Она решила подняться на ближайший крутой холм, чтобы сделать несколько фотографий. Я видел, как она идёт по склону, так медленно, словно еле переставляет ноги. Потом она долго устанавливала треножник и начала снимать. Слишком уж неторопливо она всё делала: минут пять тратила на каждый снимок, наводила на резкость, смотрела в видеоискатель. Прошло почти полчаса, когда она стала возвращаться: сначала очень медленно, потом всё быстрее и быстрее, будто склон становился, чем ниже, тем круче, хотя всё было как раз наоборот. Ты что так долго, спросил я. Разве долго? Только туда и обратно, наверное, и пяти минут не прошло. Я показал ей часы: прошло сорок минут. Странно.

Мы поехали дальше, до Агачей оставалось совсем немного: спуститься с одного холма и обогнуть другой холм. Только почему-то на это понадобилось ещё два часа. Уже смеркалось, когда мы въехали в деревню. Улица была пустынной и тихой. Бродили сонные куры. Изредка встречались старики, дремавшие на лавочках около ворот своих домов. Агачи деревня маленькая, всего-то домов сорок, но ехали мы чуть ли не до темноты, пока, наконец, добрались до дома в конце улицы, где собирались остановиться. Имэн-абы ждал нас, тоже сидя на лавочке и подрёмывая, пока его не разбудил шум мотора.

В здешних местах чересполосица русских, татарских и смешанных деревень. Нижние и Верхние Голенищи — русские деревни, Шабала в центре

---

[4] Борода-бородач, труба-трубач.

Шурочкиного леса — смешанная, а Агачи считается татарской деревней. Почему, так и осталось непонятным: здесь жили и татары, и русские, а ещё украинцы, марийцы, несколько чеченцев, семья молдаван, два эстонца, одна болгарка и даже китаец, которого звали Ван Чыршы. Впрочем, «Чыршы», скорее всего, было прозвищем. Здесь, в Агачах, всем давали имена-прозвища. Нас с женой стали называть Нарат и Жюке. Я так думаю, что «Жюке» на местном, довольно странном, диалекте могло быть искаженным «жена». А ещё моя жена со своей короткой стрижкой похожа на француженку, во всяком случае, на такую, как Мирей Матье или Эдит Пиаф, а в слове «Жюке» слышится что-то французское. Моё прозвище «Нарат», может быть, означало «иностранец». Из-за тонкой шеи и торчащего длинного и прямого носа, меня часто принимали за иностранца в глухих деревушках Инополья. Инополье — так называется обширная территория, включающая долину реки Палинка, Шурочкин лес и прилегающие земли Средневосточной возвышенности.

Утром меня разбудил шум дождя, который показался мне необычно низким, словно далёкий гул большого колокола: бумм… бумм… бумм… Лёжа в кровати, я видел, как с крыши стекает вода. Капля медленно опускалась вниз, будто не падала, а скользила по наклонному стеклу. Когда одна капля проходила половину пути, сверху начинала медленно опускаться следующая капля. Наверное, это со сна всё чудится мне в замедленном ритме, подумал я. Позавтракав, мы с женой принялись за работу. Нас послали сюда в командировку, чтобы уточнить кое-какие противоречивые данные по расстояниям между геодезическими точками в районе Агачи. А главное, на месте выяснить, почему на снимках со спутника деревня не просматривается. Вместо неё наблюдается какой-то небольшой лес. Такой лесок, действительно, здесь был, но только примерно в километре от Агачи. Имэн-абы объяснил, что там находится деревенский погост. Туда мы и направились в первую очередь.

Дорога пробиралась среди лугов, поросших разнотравьем. Высокие жёлтые цветы покачивали головками под ветром, будто говорили: нет, нет, нет… Через полчаса мы были на опушке леса. Наверное, здесь не один, а все два километра, сказал я, километр мы прошли бы самое большее за пятнадцать минут. Я сейчас померяю, ответила жена, устанавливая теодолит. Ну что? Странно, сказала жена, но до деревни, действительно, один километр, даже чуть меньше. Наверное, мы ещё не проснулись и шли слишком медленно. Меня эта версия не убедила, но спорить я не стал. Мы пошли по тропинке, петляющей среди корней деревьев.

Ну и где же погост? Это был самый обычной лес, никаких могил, оград, крестов и могильных камней мы не нашли. Впрочем, лес был не совсем обычным. Нигде раньше мы не видели такого разнообразия: здесь вперемежку росли сосна и берёза, ель и каштан, осина и липа, ива и тополь, а ещё

черёмуха, вишня, яблоня, рябина, калина, смородина и можжевельник, малина и бузина, и каких только ещё деревьев и кустов здесь не было. Такой лес не мог вырасти сам, это было больше похоже на уголок ботанического сада, где на соседних клочках земли росли деревья, которые в естественной среде обитания обычно не встречались рядом. Единственно, что напоминало кладбище — это необычная тишина, покой, струившийся среди деревьев и сворачивающийся кольцами в глубоких тенях между их корнями. Время здесь будто совсем останавливалось, ветер тёк как густая вода, а листья лишь изредка слабо шевелились, шепелявили что-то мягкими губами и снова застывали в скорбных улыбках.

Наверное, мы что-то напутали, не так поняли Имэн-абы или не туда пошли. Но, возвращаясь в деревню, мы повстречали Ван Чыршы. Улыбаясь, китаец заверил нас, что никакой ошибки нет: этот лесок и есть деревенский погост. А где же могилы? Ван Чыршы даже засмеялся, тряся своей реденькой бородкой: ой-я, вы ничего не заметили, ничего не видели? Видели только сосны и берёзы, ели, каштаны и так далее. Ну да, ну да, закивал головой китаец, всё так, всё правильно. И пошёл дальше своей дорогой. Мы решили, что он просто плохо понимает по-русски, и лучше ещё раз спросить у Имэн-абы.

Но, когда мы вернулись, старика дома не было. И мы решили продолжить работу по измерению расстояний между геодезическими точками. Уже не удивляясь, мы обнаружили, что пространство и время в районе Агачи странным образом рассогласованы: расстояние небольшое, а времени на его преодоление требуется раза в два-три больше, чем обычно. Это означало, что скорость в Агачах была в два-три раза медленнее. Скорость всего: скорость автомобиля, несмотря на показания спидометра, движения пешком, скорость падения капель дождя. Даже птицы в небе летели так, как мухи ползут по потолку. Всё это означало, что время в деревне Агачи и её окрестностях движется медленнее обычного, точнее, медленнее, чем наше восприятие времени, чем скорость наших ощущений и мыслей.

Вечером мы пристали с расспросами к Имэн-абы. Но он только улыбался в свою татарскую бородку, поглаживал её то одной, то другой рукой, кивал головой и говорил: потом, потом всё поймёте. Вы поживите тут, места у нас хорошие, приятные. Вот лес есть, там грибы, ягоды. Вот речка Палинка, там рыба водится. А хотите, на озёра сходите, это недалеко, там другая рыба. В лугах можно клубнику собирать, а по краям растёт ежевика, чёрная смородина. Ближе к Шурочкиному лесу, на болотах, клюквы полно и брусника попадается. Мы, говорим, сюда работать приехали, нам нужно узнать, почему расстояния странные, почему деревня из космоса не видна. А он своё гнёт: поживите тут, да поживите, вы всё и сами поймёте, а если объяснять стану, то

ничего не поймёте, потому что не поверите, да и объяснять не умею, старый уже, и по-русски не так хорошо могу, как нужно бы. На погост мне пора. Могилы где? Вы же деревья видели? Ну да, ну вот. Как вам объяснить? Вот Ак-Каен, тот мог бы объяснить, хотя он и эстонский мужик, зато учёный очень. Только его нет сейчас, вы подождите, поживите немного, он скоро вернётся и всё объяснит.

Так мы ничего и не добились. И пришлось воспользоваться советом Имэн-абы: пожить в Агачах, благо командировка наша была на две недели, а геодезических точек, между которыми нужно было расстояния уточнить, оставалось довольно много. Мы, конечно, понимали, что не это тут самое главное, что тайна какая-то в Агачах имеется, но как разгадать эту тайну более быстрым способом, не знали. Так и жили, работали, отдыхали, и постепенно привыкли. Уже не казалось нам, что птицы летят медленно, что капли дождя не падают, а ползут. Не удивлялись, что пару километров можно пройти пешком только за час, если не бежать, а не за полчаса, как думали раньше. Я мог полдня провести, сидя на крыльце и наблюдая, как растёт подорожник вдоль тропинки. И это не казалось мне напрасной тратой времени. Но больше всего мне нравилось глядеть на сосны на ветру, казалось, что в движениях их ветвей под ветром, в медленном парении опадавших иголок больше смысла, чем… даже не знаю, во всяком случае, больше, чем во всей геодезии и картографии. Моя жена, которую я тоже стал звать Жюке, буквально расцвела под здешним ласковым солнцем. Мне казалось, что она даже пахнуть стала по-другому: какой-то неуловимый, приятный запах, напоминающий запах липового цвета. Но кое-что всё же оставалось непонятным: почему деревня со спутника не видна и почему на погосте могил нет.

В тот день в гости к Имэн-абы приехала из города его дочка, Чия. По этому случаю соседка Имэн-абы, которую звали Миляш-апа, приготовила шулпалыбеляш. Это такой огромный круглый пирог с начинкой из мяса и картошки. Верх пирога срезают и используют вместо хлеба, а сам пирог едят ложками, стараясь зачерпнуть снизу, где сохраняется горячий бульон. Как мы поняли, приезд кого-то из родственников или просто друзей и знакомых в Агачи воспринимается её жителями как праздник. На этот праздник, кроме соседки Миляш-апы, были приглашены китаец Ван Чыршы, эстонец Ак-Каен, чеченцы Шамарт с женой Алмаагач, а также русский паренёк Балан, молдаванин Усак и старая болгарская бабушка Карлыган. За большим столом собралось двенадцать человек. Во главе сидели старейшины: Имэн-абы, Ван Чыршы и бабушка Карлыган, на другом конце стола — Чия и мы с женой, а остальные расположились по бокам.

После того, как все отдали дань кулинарному искусству Миляш-апы, слово взял Имэн-абы. У нас сегодня за столом, начал он, дорогие гости из города: Нарат и Жюке. Они прожили в нашей деревне уже двенадцать дней. Это, конечно, мало для полного перехода, но они ведь ещё молоды, и полный переход им не требуется. Маленький переход, поддержал его Ван Чыршы, они сделали маленький переход: Нарат видит, как растёт сосна, а Жюке пахнет, как липа. Но ведь они попали к нам случайно, возразила бабушка Карлыган, может быть, им и не нужно никаких переходов. Старая ты стала, ответил ей Имэн-абы, не помнишь что ли, как сама появилась в Агачах? Все засмеялись, бабушка Карлыган смущённо потупилась, Ван Чыршы покраснел, а эстонец Ак-Каен медленно, нараспев произнёс: Нуу, этоо к делу нее относится. Ладно-ладно, сказал Имэн-абы, давайте я им расскажу то, что им так хочется знать, будем считать, что они уже почти инопланетачи. Полуинопланетачи, уточнил Усак. Ладно-ладно, я буду говорить, ты, Ван Чыршы, и ты, Карлыган, добавляйте, если чего забуду, ты, Ак-Каен, меня по-учёному поправишь, если что не так скажу, а ты, Балан, кое-какие слова на русский переведёшь, у тебя лучше получится, ладно? Все согласились и Имэн-абы продолжил.

Если коротко пересказать довольно длинную речь Имэн-абы, перемежавшуюся вставками и дополнениями Ван Чыршы и бабушки Карлыган, репликами других гостей и не всегда понятными научными комментариями Ак-Каена, то получится вот что. Все жители деревни Агачи — инопланетачи. Но только нет такой инопланеты, откуда они были бы родом. Может быть, и была когда-то, но давно уже нет. Инопланетачество заразно: все, кто приезжает в Агачи, становятся хотя бы частично инопланетачами. Это, так называемый, маленький переход. Чем дольше живёшь тут, тем больше становишься инопланетачем. Есть средний переход, и есть большой переход. Постоянно в деревне живут одни старики и старухи, молодёжь норовит в город уехать. Правда, к старости все возвращаются в Агачи, чтобы провести здесь свои последние годы. Они как бы пускают здесь корни, чтобы уже никуда больше не уезжать из Агачей. Впрочем, слово «как бы», наверное, лишнее, они и вправду пускают корни, только это надо понимать скорее в энергетическом смысле, как полуфизический процесс в пространстве-времени, если мы правильно поняли довольно запутанный учёный комментарий Ак-Каена. Это называется предпоследним переходом. А потом идут на погост, где совершают последний великий переход в изначальную инопланетаческую сущность, сопровождаемый соответствующей реализацией словоформы, модификацией являющегося фенотипа и изменением видимого вида (так перевёл нам Балан слова Ак-Каена, в этом месте вдруг перешедшего на латынь). А изначальная сущность инопланетачей сводится, если отбросить детали, на которых почему-то особенно настаивали Ван Чыршы и Шамарт,

заключается в том, что все они — деревья. Вот почему на погосте вместо могил деревья, самые разные в соответствии со своей словоформой.

И когда-нибудь, когда мы с женой состаримся, мы сможем приехать в Агачи, где нас будут ждать. Может быть, Имэн-абы, Ван Чыршы и бабушка Карлыган и не дождутся нас, уйдут на погост (в этом месте Ван Чыршы решительно возражал, но все остальные только смеялись удивительной для старого человека наивности китайца), но Чия, Балан и даже Ак-Каен надеются встретить нас ещё до своего великого перехода. Они обещали нам поддержку и помощь во всех наших переходах, включая предпоследний и великий. Сейчас ещё рано об этом думать, сказала бабушка Карлыган, но потом вы сами сможете выбрать полянку на погосте, где могли бы расти рядом высокая сосна с тонким стволом и длинной торчащей ветвью и пахнущая французскими духами липа с красиво сформированной короткой кроной. Но пока вы ещё слишком молоды для предпоследнего перехода, возвращайтесь в город, живите, делайте свои дела, и помните.

И мы вернулись, написали отчёт о командировке, где привели уточнённые данные о расстояниях между геодезическими точками. Феномен с расстоянием и временем объяснялся просто: инопланетачи, как все деревья, живут в замедленном ритме, и, будучи высшими существами, передают этот ритм всему окружающему: птицам и каплям дождя, автомобилям и людям. Но об этом мы не стали писать в отчёте. И только одно нам осталось так и непонятным: почему со спутника не видна деревня Агачи? На все наши расспросы Имэн-абы, Ван Чыршы, бабушка Карлыган и Ак-Каен пожимали плечами и говорили: а кто его знает?

10 июля 2009

5. Мерцающие инопланетанцы[5]

Перебраться на другой берег Палинки и по белой дороге войти в туман — всё равно, что исчезнуть и вернуться туда, где никогда не был. Потом сквозь туман прорастает солнце, туман мерцает, и внутри него умирают ночные и рождаются дневные вещи. Потом выходишь на берег Чёрной Старицы, где по стволам сосен подтягивается ещё хрупкое солнце. Оно падает в твёрдую воду и разлетается на тысячи острых осколков, которые поражают туман, уползающий обратно в луга с утробным урчанием. Чёрная Старица с левого борта лодки сверкает плоским зеркалом, в котором ничего не отражается, кроме неба, а с правого — утопает в ночную глубину, где что-то покачивается и шевелится. Остаётся пройти короткий луг, уже лишённый тумана, пронзённый солнцем, с мерцающим запахом разноцветья. Здесь время движется с перебоями, а кажется, будто ты сам теряешь сознание на мгновение, чтобы в следующее мгновение оказаться в немного ином месте, с немного иным ветром, немного иными цветами, с немного иным запахом. И в какой-то очередной скачок времени оказываешься среди домов Пласицы.

Деревня Пласица окружена с одной стороны Чёрной Старицей, с двух сторон — туманными лугами, с четвёртой стороны — тёмным Шурочкиным лесом, с пятой — белой землёй и с шестой — мерцающим небом. Днём небо мерцает в такт прерывистому дневному времени. Если в него не смотреть, оно светлого синего цвета, как и полагается небу. А если смотреть, небо темнеет — тем больше, чем больше смотришь, вплоть до фиолетовых космических высот, неожиданно вспыхивающих снова светлой синевой. Ночью небо мерцает между неподвижными звёздами в такт ночному времени, которое угрожающе тикает, как механические часы. Если есть Луна, то и она подчиняется общему ритму, перетекая через небо. И каждый второй тик звёзды просвечивают сквозь Луну.

В деревне время разрезается на части острыми кольями заборов так, что на каждом участке своё время. Оно сгущается внутри дома и плещется по краям участка среди вишнёвых деревьев, кустов малины и зарослей сорной травы. Поэтому бывает так, что в одном доме люди ещё спят, в соседнем уже обедают, а в третьем застилают постели на ночь. Проходишь из одного конца деревни в другой, и проходит неделя. Вокруг заброшенных домов заборы заваливаются и не удерживают время. Оно выливается как вода из разбитой вазы. И так же как вода высыхает. Открываешь калитку, и высохшие лепестки времени проплывает мимо тебя. Идёшь по тропинке, и они хрустят

[5] Африка-африканец, канада-канадец, мексика-мексиканец.

под ногами. Поднимаешься по ступеням крыльца и становится трудно дышать, как на вершинах высоких гор, потому что человек ведь дышит не воздухом, а временем. А здесь его почти не осталось. Заходишь в избу, и небо смотрит на тебя сквозь дыры в прохудившейся крыше, как смотрит вечность на то, где её нет.

В Пласице живут инопланетанцы, прозванные мерцающими за то, что один тик времени они живут здесь, в Пласице, а следующий тик — на своей родной инопланете. От такой двойной жизни они кажутся слегка расслабленными, речь их течёт плавно, а мысли медленно. Они никуда не торопятся и не преследуют никаких особых целей. По утрам инопланетанец Коля Дунин не торопясь идёт к водонапорной башне, включает рубильник и возвращается домой. Вода, заражённая медлительностью Коли Дунина, не торопясь растекается по подземным трубам и выливается из кранов колонок медленная как глицерин. Инопланетанцы подходят к колонкам плавной походкой с вёдрами или присоединяют длинные шланги и набирают воду на целый день, чтобы пить чай, мыть посуду и поливать огород. Овощи на огороде растут медленно и созревают не торопясь, но ведь и лето в Пласице не торопится уступать место осени, так что к осени урожай уже готов. Через два часа Коля Дунин так же не торопясь снова идёт к водонапорной башне и выключает рубильник. День начинается.

Инопланетанец Коля Хват везёт хлеб на телеге. Телега движется медленно, покачиваясь на белой земле. Лошадь время от времени на мгновение проваливается в атмосферу инопланеты и, возвращаясь, вздрагивает и крутит головой. Из особого расположения, которого, впрочем, нетрудно добиться, хотя бы изредка не отказывая Коле в пятидесяти граммах водки, можно купить хлеб прямо с телеги, чтобы не ходить на другой конец деревни в магазин. Для этого Коля Хват специально едет по дороге на задах домов между двух улиц, чтобы больше людей и инопланетанцев могли подойти к нему и купить хлеба. Хлеб тёплый, даже горячий и вкусно пахнет хлебом и чем-то неуловимо инопланетанским. Его печёт на деревенской пекарне инопланетанка Валечка. Наверное, в краткие мгновения исчезновения из Пласицы она успевает набрать инопланетанской травки, и, вернувшись, добавляет её в муку. Вот почему хлеб получается таким непонятно вкусным. А около магазина в это время сидят инопланетанские старики и старухи, ругают Колю Хвата за задержку и обсуждают деревенскую жизнь, время от времени вставляя в свою неторопливую, плавную речь резкие инопланетанские словечки. День продолжается.

Ближе к вечеру, когда солнце мерцает попеременно земными и инопланетанскими красками, клонясь к западному лугу, инопланетанец Коля Маленький идёт по деревенской улице. Он идёт и мерцает: то есть Коля

Маленький, то его нет. Одни говорят, что это мерцание от того, что Коля Маленький маленького роста, и его то видно, то не видно из-за высокой придорожной травы. Но я думаю, правы те, кто не изобретает специальных причин, а сводит всё к единому полуземному-полуинопланетанскому ритму времени деревни Пласица. Коля Маленький продаёт пойманную им за день рыбу приезжим людям, вроде меня. Он ловит рыбу в Чёрной Старице особой инопланетанской сетью, из-за чего одна рыба у него ловится, а другая нет. Например, вчера он продавал одних щук, а сегодня — одних лещей. Правда, Коля не может контролировать, какая рыба когда поймается, так что заказывать ему определённую рыбу в определённый день смысла нет. Но каждый день он идёт по деревне с уловом. Я покупаю рыбу, плачу сто рублей и Коля исчезает, чтобы через мгновение возникнуть уже у калитки и продолжить свой путь. День заканчивается.

Из моего окна видно, как солнце опускается не то за синие земные тучи, не то за синие инопланетанские горы. По небу облака движутся с двух сторон: с одной стороны — земные, а с другой — инопланетанские. Они сталкиваются над тем местом, где исчезло солнце, и вспыхивают красным огнём. Приходит соседка баба Люба, приносит картошки. Потом разговаривает с моей женой о том, о сём. Иногда она вспоминает своего младшего сына Ваню, который умер маленьким мальчиком во время какой-то давней космической войны. Вспоминая, она плачет медленными инопланетанскими слезами и утирает глаза краем белого платка. Когда я провожаю бабу Любу, почерневшее небо уже механически тикает между звёздами, пока ещё редкими. Ночь начинается.

Я включаю агрегат и ложусь спать. Он будет заряжаться до утра, постепенно накапливая энергию и настраиваясь на частоту межкосмического мерцания. А утром мы с женой перекинем тумблер, и наши биологические часы сдвинутся на одно мгновение. Мы будет жить всё в том же мерцающем ритме, но только теперь увидим не Пласицу, а инопланету. Таков был наш план.

Увы, то ли агрегат не смог настроиться на частоту межкосмического мерцания, то ли наши биологические часы не захотели сдвигаться на одно мгновение, но только ничего не изменилось. Мы видим Землю, как и раньше. Видим как в тумане, окутавшем луга и деревню, прорастает солнце. Как туман мерцает, и внутри него умирают ночные и рождаются дневные вещи. Как хрупкое солнце вползает в небо, цепляясь за крыши домов Спалицы. Как оно падает на белую почву и растекается по улицам деревни, прогоняя остатки тумана обратно в луга. Время всё так же движется с перебоями, и так же кажется, будто ты сам теряешь сознание на мгновение, чтобы в следующее мгновение увидеть немного иное солнце, немного иные облака, немного иные

цветы с немного иным запахом. И в какой-то очередной скачок времени слышишь далёкий ещё звук льющейся воды.

Это как обычно инопланетанец Окля Ундин включает рубильник насоса водонапорной башни. Вода растекается по трубам и выливается из кранов колонок. Инопланетанцы подходят к колонкам с вёдрами или присоединяют шланги и набирают воду на целый день, чтобы пить чай, мыть посуду и поливать огород. И снова через два часа Окля Ундин идёт к водонапорной башне и выключает рубильник. День начинается как обычно.

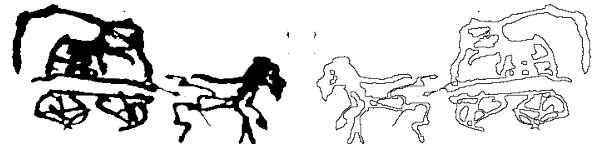
Как всегда инопланетанец Окля Ватх везёт хлеб на телеге, которая покачивается на белой земле. И всё так же шоладь время от времени на мгновение проваливается в чужую атмосферу и, возвращаясь, вздрагивает и крутит головой. Я опять покупаю хлеб у Окли Ватха прямо с телеги, привычно тёплый и вкусно пахнущий хлеб. День продолжается как обычно.

И снова ближе к вечеру, когда солнце мерцает попеременно земными и инопланетанскими красками, инопланетанец Окля Маленький мерцает по деревенской улице. Но нам не нужна рыба, и Окля мерцает дальше мимо нашего дома. День заканчивается.

Я снова вижу из своего окна, как солнце опускается не то за синие инопланетанские горы, не то за синие земные тучи. Как инопланетанские и земные облака снова сталкиваются над тем местом, где исчезло солнце, и вспыхивают красным огнём. Как и вчера приходит соседка абаб Абюл, приносит таркошки и разговаривает с моей женой о том, о сём. Как и вчера, она вспоминает своего младшего сына Навю, который умер маленьким мальчиком во время какой-то давней космической войны. Вспоминая, она опять плачет и утирает глаза краем белого платка. Когда я провожаю абаб Абюл, почерневшее небо, как и вчера, механически тикает между звёздами, пока ещё редкими. Начинается обычная ночь.

Эксперимент наш не удался, и на следующее утро мы покидаем Спалицу с её мерцающими инопланетанцами.

17 августа 2009



6. Инопланетница[6] Марья

Песчаная дорога влажная и мягкая. Ступням приятно наступать на неё, слегка надавливая, а потом отпуская. Казалось, и дороге приятно, когда на неё слегка надавливают и отпускают, и она вся податливо изгибалась, покачиваясь то влево, то вправо, убегала вдаль и всё же оставалась здесь, под ногами, играя. Сначала дорога шла коротким лугом. Трава шелковистыми волнами поднималась и опускалась, выпуклости перекати-поля, казалось, слегка двигались в ритме дыхания, а местами среди высоких стеблей откровенно злаковых трав что-то темнело, маняще и опасно. Хотелось провести рукой по лугу, чтобы почувствовать прикосновение, собрать выступившие капельки росы, прижать ладонь там, где темно, а потом поднести к носу и ощутить запах травы, неуловимо меняющийся и горьковатый.

На повороте среди сосен бродил деревенский мужик. Он хватался за стволы то одной, то другой рукой, будто пытался обнять их, и падал, но не падал, а шёл дальше. Он бродил по кругу, заблудившись в трёх соснах, и никак не мог выбраться на дорогу. Наверное, он был пьян. Наверное. А высокие сосны задирали ещё выше свои ветви с густой коричневой зеленью, оголяя стволы до самой верхней, нежно-жёлтой коры. Хотелось присоединиться к мужику и тоже заблудиться и бродить, но я поборол это желание.

Из-под ног взрослых сосен на луг высыпали совсем юные деревца. С маленькими лапками, растущими от самой земли, густыми и мягкими, но уже призывно раскрытыми. Совсем ведь дети ещё, подумал я и отвернулся.

Я шёл дальше: через бесстыжую берёзовую рощу, мимо дрожащих от возбуждения осиновых листьев, пригибаясь под согнутыми в истоме ветвями ивы. У лесного озера я промочил ноги, неосторожно ступив с дороги в такой мягкий и такой свежий мох, что не заметил, как оказался по щиколотку в тёмной жидкости. Вернувшись на дорогу, я оглянулся: озеро поблескивало тёмно и угрожающе, оно явно хотело, чтобы я утонул в нём. Стебли болотной травы, казалось, нарочно тянулись в мою сторону. Я пошёл дальше.

Дорога делала круг, снова приближаясь к Либидиной деревне. Отсюда, с высокого холма, видна была лишь курчавая тёмная поросль деревьев, сквозь которую то тут, то там просвечивали красным крыши домов. Они казались влажными и блестящими, и над ними струилось какое-то марево. Наверное,

---

[6] Глаза-глазница, дева-девица, карта-картёжница, книга-книжница.

испарения идут от речки, что змеится вокруг деревни, подумал я. Почему-то сделалось страшно.

В доме на самом краю деревни, в котором я остановился, было тихо и пусто. От долгой прогулки пересохло во рту, и я пошёл на кухню, чтобы вскипятить воду для чая. Окно выходило на огород. Там, среди кустов малины бродила моя хозяйка и медленно раздевалась, развешивая на ветвях свою одежду. Когда дело дошло до нижнего белья, я опомнился и бросился к чайнику, который уже плевался кипятком.

Я сидел в своей комнате на диване, пил чай и пытался успокоить хозяйскую кошку, которая тыкалась носом мне в лицо, выгибала спину и отклячивала зад с вертикально торчащим дрожащим хвостом. У кошки была течка, а все соседские коты, как назло, оказались заняты другими подругами. Под окном заорала курица, на которую взгромоздился непомерно огромный ярко-красный петух. Я опустил штору и включил ноутбук, надеясь поработать. Но ничего не вышло: интернет, словно, взбесился — со всех адресов качались сплошные порносайты. Наверное, где-то вирус компьютерный подцепил, лечить надо.

Я лёг на диван и стал думать. Что-то тут не так. Я приехал в Либидиную деревню в надежде разгадать загадку странной флуктуации электромагнитного поля в её окрестностях и нижних слоях атмосферы. Эту флуктуацию первый раз зафиксировали несколько лет назад, и с тех пор она регулярно повторялась каждый год в одно и то же время. Начиналась в конце июля, достигала пика через семь дней и после этого сходила на нет очень быстро, в течение каких-то двух-трех часов. Измерения поля делались со спутника, велась и видеосъёмка, но с такого расстояния мало что можно было разглядеть. К тому же во время этой флуктуации над деревней постоянно висели облака. И это тоже было странно, потому что в других местах в радиусе пятидесяти километров небо оставалось ясным. Да и эти облака появлялись только с началом флуктуации, а ровно через неделю так же быстро рассеивались. Как будто их кто-то или что-то специально сюда пригоняло, а потом отпускало за ненадобностью.

Опрос местных жителей ничего не дал. Как и для большинства людей, далёких от физики, электромагнитные поля были для них полупонятны и малоинтересны. На вопрос об облаках они тоже ничего толком не могли ответить, только почему-то краснели и переводили разговор на другую тему. Да и вообще деревенские вели себя странно. Точнее, начали вести, как только три дня назад началась флуктуация.

В комнату вошла хозяйка, одетая, как обычно, в галоши, толстые чулки, платье до щиколоток и душегрейку, словно и не было никакого раздевания в

огороде. Спросила, не хочу ли я парного молочка. Тёпленького, только что из-под коровки. Я опять объяснил, уже третий раз за последние три дня, что не пью парного молока, организм не принимает. Хозяйка повздыхала, потрогала новую причёску, тоже третью за последние три дня, без надобности оправила платье, покачала головой, потом бёдрами, распахнула и снова запахнула душегрейку и ушла, два раза оглянувшись, словно надеялась, что я передумаю.

Я, конечно, догадывался, что означают все эти движения, но розовощёкие крепко сбитые женщины средних лет не в моём вкусе. Кроме того, всё это выглядит как-то неестественно. Неделю я прожил в деревне до флуктуации, делая замеры обычного электромагнитного фона, и никакого интереса у хозяйки не вызывал. А три дня назад вдруг началось: то случайно застаю её, моющейся над тазиком, то она просит застегнуть ей молнию сзади на блузке (как она раньше-то без меня обходилась?), то вдруг спотыкается на ровном месте и падает мне на колени. Потом парное молочко, новая причёска и так далее.

Ладно бы хозяйка. Но вот вчера прогуливаюсь вдоль речки и вдруг вижу двух купающихся девиц. Купаются они голышом. Ничего в этом особенного, конечно, нет, просто мне полагается отвернуться и уйти, что я и пытался сделать. Но тут меня окликнули: «Эй, дядя, посмотри на нас!». Вышли на берег, мокрые, голые, и давай обниматься, да целоваться, а сами всё на меня глазами зыркают. Бывают, конечно, и в деревне такие развлечения, да только знал я этих девиц. Неделю до флуктуации они ходили смирненькие да примерненькие, а если кто из парней пытался их просто обнять, даже по-дружески, отскакивали, как ошпаренные. Я ещё тогда подумал: надо же, какие в деревнях наших целомудренные нравы сохранились в двадцать первом-то веке. И вдруг всё изменилось. Ночью чуть ли не под каждым кустом влюблённые парочки шевелятся. Потом уже среди бела дня. Причём всех возрастов. Тут как-то видел старика с другого конца деревни, ему наверняка за семьдесят, так он на соседском сеновале… впрочем, что старик! У кошки хозяйской течка началась ровно с началом флуктуации. И если бы только у этой кошки, а то сразу у всех кошек в деревне: вот почему коты-то все нарасхват пошли. Коровы доенные мычат, бык стену сарая разломал. Кобылы, те вообще в лес убежали, там егерь живёт, у него жеребец есть. Петухи с куриц не слезают. Даже мухи, и те парами летают.

Я и за собой странности стал замечать. Хотел сегодня обдумать всё на прогулке, подальше от людей и животных всяких, на природе, и что? То мерещится, что дорога под ногами вожделенно прогибается, то сосны голыми и бесстыдными кажутся, то травы вдруг женщиной пахнут, а то озеро… Нет, что-то не то происходит. Может быть, растения какие зацвели, афродизиаки

всякие, запахи там или пыльца. Я не биолог, не очень хорошо разбираюсь в этом. Но только все будто с ума посходили, на всех какое-то сладострастие нашло внезапное. И как это может быть связано с флуктуацией электромагнитного поля? И с облаками?

Опять хозяйка в комнату зашла, якобы потеряла тут что-то. Теперь она в юбке еле помещается и блузка прозрачная как стеклянная банка. А что, очень даже аппетитно выглядит. Та-а-к… Нет уж, надо пойти опять прогуляться.

Короче говоря, на четвёртый день я не выдержал натиска хозяйки. На пятый в моей постели как-то случайно оказались две примерненькие девицы. На шестой день улицы Либидиной деревни опустели, потому что с утра никто не вылезал из кровати, своей или чужой, уж как получилось. Небо заволокло тучами. Деревья без всякого ветра изгибались, переплетая ветви друг с другом. У домов поехали крыши, заборы падали друг на друга. На седьмой день, в самый пик флуктуации, задрожала земля. Разве здесь бывают землетрясения, рассеянно подумал я, на минуту выскользнув в туалет из кровати, которая стала слишком тесной для меня, хозяйки, двух девиц и откуда-то взявшегося старика. И в это мгновение опустилось небо.

Дальше я всё помню как-то смутно. Будто меня то поднимало, то опускало вместе с землёй. Что-то страшно урчало и всхлипывало, а то вдруг гром гремел, похожий на крик. Воздух стал таким плотным, что его можно было щупать руками. Облака оказались на земле, а земля в облаках. Всё кругом стало мокрым и склизким. Мой нос перестал различать запахи, настолько сильными они стали. Свет и тьма перемешались. Меня уже не поднимало и опускало, а бросало вверх-вниз, земля ходила ходуном. И в тот самый миг, когда мне уже показалось, что земля вот-вот разорвётся, хлынул горячий дождь.

Очнулся я от того, что кто-то хлестал меня по щекам. Это оказалась хозяйка. «Ну, наконец-то, — сказала она, — я уж думала, ты окочурился. Разве можно в седьмой день во двор выходить? С крыльца, что ли, пописать не мог?» Она помогла мне подняться с грядки, в которую я наполовину оказался закопанным, довела до крыльца, окатила водой из шланга, смывая грязь. Потом заставила снять мокрую одежду, переодеться в сухое, усадила на диван и, наконец, принесла горячего чая. «А молочко парное ты всё-таки зря не пьёшь, полезное оно». Села на стул и стала смотреть, как я пью чай. Одета она была как обычно: галоши, толстые чулки, платье до щиколоток и душегрейка. Волосы скрывал большой белый платок.

— Что это было? — спросил я.

— Да уж догадываюсь, что давно ты хотел всё узнать. Выспрашивал, что, да как. Про поля какие-то спрашивал, про облака. Да только как бы я тебе могла объяснить. Ты ведь всё равно бы не поверил. А так вот сам всё видел и слышал, и теперь сам знаешь.

— Да ничего я не знаю. Кроме того, что все вдруг с ума посходили, и я вместе с вами. А потом и вовсе какой-то природный катаклизм случился.

— Да какой уж там катаклизм. Это просто Марья повеселилась.

— Какая ещё Марья?

— Марья-инопланетница. Ну, в этот раз она здорово раздухарилась. Я даже не припомню, когда ещё так было. Наверное, ты на неё повлиял: новый человек всё-таки, интересно ей.

— Ничего не понимаю, да объясни ты толком.

И хозяйка стала объяснять. Если коротко пересказать всё, что она говорила, то выйдет вот что. Несколько лет назад пришла к ним в Либидиную деревню одна женщина. Назвалась Марьей, купила дом на окраине и стала жить. В тот год, в конце июля и случилась первая флуктуация. На следующий год — снова. Уж каким таким способом деревенские это вычислили, не понял я, но только выяснилось, что причиной июльских катаклизмов была Марья. Оказалась она инопланетницей. С какой такой планеты, никто не знал. Да она и сама запамятовала, так долго скиталась по Космосу в поисках подходящего жилища.

И была Марья вроде как обычная женщина, средних лет, ничем особенным не примечательная. Кроме одного. Раз в год, в конце июля случался у неё эструс, ну это вроде как течка у животных. Но только была Марья всё же инопланетницей, и этот самый эструс был у неё таким… да, в общем, ты и сам видел, каким, закончила рассказ хозяйка.

— А почему же другие люди, ты, я, кошка твоя, да все кошки, деревья ещё, да вообще земля и небо?

— Так я и говорю, что особенный у неё эструс, инопланетный. Он на всё вокруг действует, так что у всего эструс случается: и у людей, и у животных, и у растений и даже у неживой природы. Такая вроде как эпидемия происходит. Но кончается быстро, неделю всего длится.

К этому моменту рассказа я уже окончательно оклемался, чаю горячего напившись. И тут сообразил, что замеры-то электромагнитного поля последние три дня и не делал. А всё почему?

— Так это мы с тобой, значит, того… из-за неё что ли, из-за этой Марьи? — промямлил я.

— Из-за неё, из-за неё, а ты чего подумал?

«Марья! — раздался вдруг крик с улицы. — Твоя корова в наш хлев забрела. Забирай её сама, а то она не подпускает никого».

— Ну, меня зовут, бежать надо, — сказала хозяйка, — мы ещё потом с тобой потолкуем.

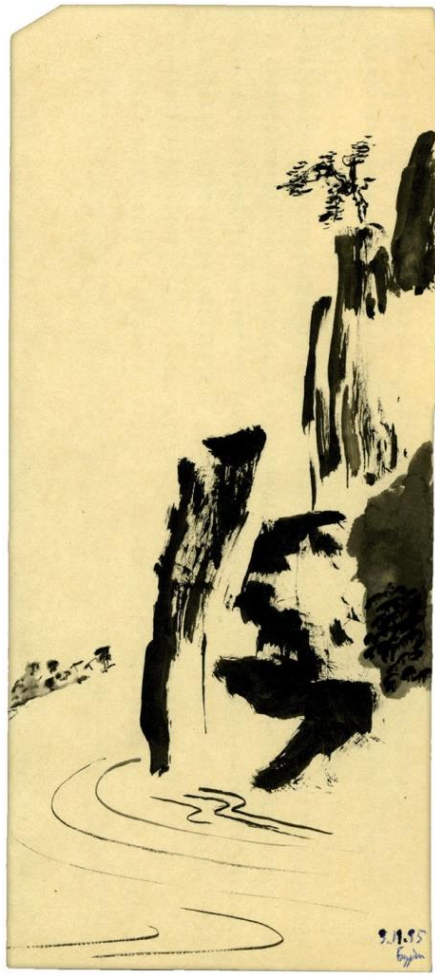
И уже с порога добавила:

— А ты, вообще-то ничего…

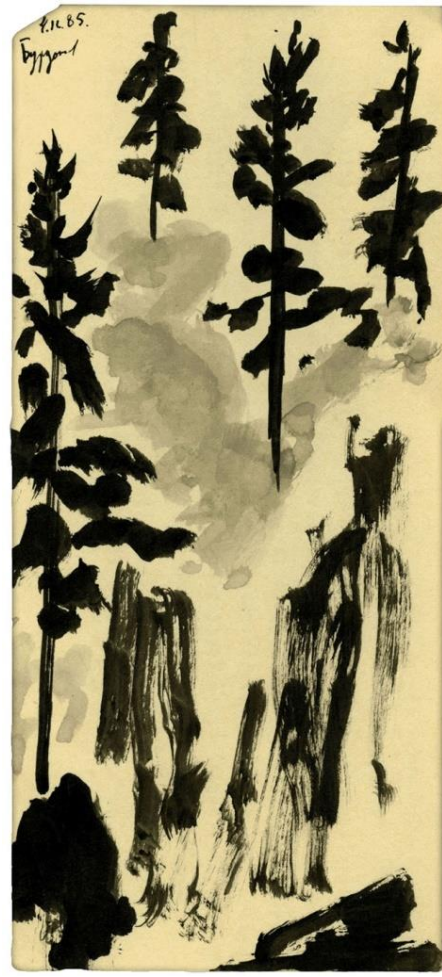
4 ноября 2009

ДВЕНАДЦАТЬ СТАРЫХ ПЕРФОКАРТ

12 старых перфокарт



На крутом повороте реки
Диких скал нагромождения.
Там вдали деревня
такая тихая.



Что выше гор?
Лишь сосны,
что на горах растут.

Покачнулось дерево.
Вздрогнула трава.
Что забыл
эти камни?

3.11.89

Я тогда
поднимусь
на вершину
скалы
и увижу...

250
9.5.85

Долго-долго
плывёт по воде
вертикальное
тело горы.
Волосушкина
камыш.

Когда отцвели горы,
я спряталась
в тёмной
розе,
в маленьком
доме.

Только сосны
говорят
со звёздами,
только сосны...

Поющий бамбук,
каменная мудрость,
сало горного
кота.

Склонилась ветв
над камнем.
Склонилась камень
над камнем.
Отего
это грусть?

Под мудрой
берёз
с
проси по
изумлённым
тропам
и следуй...

2009

2010

ГАРЬ

рассказ

В это лето стояла такая жара, что у людей мысли и тела ходили порознь, встречаясь только в озёрной воде. После купания, когда тела брели по дороге домой, обливаясь потом, мысли ещё долго скользили в прохладной глубине, а на поверхности вперемежку с бликами солнца покачивались одни пустые скорлупки животов, плеч, коленей и ягодиц.

Ночью, когда тела валялись в беспамятстве, мысли возвращались и собирались в сны. И тогда из-за дальнего леса приползала Гарь. У неё было тело, смешанное из тумана и дыма, как тела людей смешаны из мужчин и женщин. Но у неё не было мыслей, точнее, у неё не было своих мыслей, поэтому её манили чужие. Она приползала, стелясь вдоль дорог, подбираясь к домам и заглядывая в окна, где над спящими телами роились людские мысли, пытаясь сплести кружево снов. Гарь проникала в это кружево и пробовала мысли на вкус и запах. Они были разными: сладкими и солёными, острыми или пресными, одни пахли придорожной травой, другие — верхушками елей. Но от Гари они все начинали горчить, и сны тревожно клубились как дым и туман. Людям снились кошмары, и они просыпались среди ночи, почувствовав запах Гари.

Нельзя сказать, чтобы Гарь хотела чего-то плохого или у неё были злые намерения, потому что она не была живым существом в полном смысле этого слова, и не могла чего-то хотеть или преследовать какие-то цели. Мысли людей привлекали и притягивали её, как север привлекает магнитную стрелку, а промокашка притягивает воду. Люди просыпались в ночной тишине и пытались успокоить свои испуганные мысли. Сны рассыпались, и их шелуха

растворялась в Гари. Поэтому у Гари появлялось что-то вроде сознания, довольно странного и обрывочного, потому что оно было соткано из кусочков ночных мыслей многих людей. Эти кусочки не прилегали друг к другу плотно, как это бывает у одного человека, так что он даже не чувствует, где кончается один кусочек и начинается другой, а чувствует только эту непрерывность, которую называет своим «я». У Гари было много «я», точнее, кусочков разных «я», плохо пригнанных один к другому, как в неумелой мозаике, с промежутками, заполненными дымом и туманом.

Когда ветер прогонял дым-туман или его прожигало солнце, Гарь уползала к горизонту, охватывая деревню кольцом дымки. А люди вставали и ходили, чувствуя странное смещение сознания и раздвоение тел и мыслей. Из-за жары это хождение сводилось к минимуму: от крыльца до туалета и обратно, от крыльца до воды и обратно, и ещё немного по кругу внутри дома, чтобы приготовить пищу, съесть её и вымыть посуду. Поскольку ничего более сложного люди не делали, смещение сознания почти не ощущалось, только время от времени кто-нибудь вдруг останавливался в текучем кружении и спрашивал: «Что это я?», не будучи способен сформулировать вопрос более точно или как-то осознать, чем же текущее состояние отличается от обычного потока мыслей.

Гарь отлёживалась в дальних лугах и переваривала украденные кошмары людей. Её псевдосознание, похожее на фасеточный глаз насекомого, строило картину мира, далёкую от ви́дения человека. В этом мире кто-то за кем-то гнался и не догонял, кто-то убегал и был пойман в самый последний миг, по кругу неба гремел гром, сухой как щелчок курка при осечке, жёлтая трава вырастала из земли уже сухая, а деревья ложились на землю.

Людям мерещились зарева пожаров так, как если бы эти пожары были совсем рядом, и люди выходили в ночь из своих домов, вынося самые странные вещи, как если бы они были самые необходимые для продолжения жизни. Кто-то держал в руках икону, кто-то — канистру бензина, кто-то — вышитое полотенце, которым никогда не пользовались, и которое хранилось в дальнем углу сундука, а кто-то — недопитую вчера бутылку водки. Их тела одевались столь необычно, что это нельзя было объяснить ночной внезапностью. Были тела в шубах на голое тело, будто ожидался мороз, а не жар огня, тела в

купальниках, будто ожидалось наводнение, а не пожар, тела в одежде до пояса: только низ, словно самое драгоценное находилось в нижней части тела, или только верх, словно то, что ниже пояса, не заслуживало сохранения. Одни укрывали только левую половину тела, другие — только правую. Находились и такие, кто надевал сапоги, перчатки и шапку, как бы пытаясь защитить то, что торчало из торса, предоставляя самому торсу щеголять в первозданном виде. За всем этим с полутёмного неба равнодушно наблюдала тусклая Луна оранжевого цвета и мелкие иголки сонных звёзд. Потом мысли успокаивались и возвращались в тела, а тела — в кровати.

Возвращалась и Гарь, заметно поумневшая, почти разумная, селилась в сараях и на чердаках, толкалась в закрытые двери и приникала мутным взглядом к стёклам окон. Поскольку её мысли были, строго говоря, не мыслями, а чужими кошмарами, она хотела слиться с владельцами этих кошмаров. Это желание Гари было неосознанным, но непреодолимым, сродни половому инстинкту. Обрывки мыслей из вчерашней ночи искали мысли сегодняшней ночи, а те пытались дотянуться до мыслей завтрашней ночи. Гарь снова проникала в сны и снова воровала их кусочки. Так у Гари появлялась память, и она могла сравнивать то, что было, с тем, что есть. А это рождало предвидение того, что будет, то есть то, что отличает разумное существо от неразумного: желания, надежды, мечты и цели.

В это лето стояла такая жара, что люди лишались надежды, желаний и цели, мечтали о тёплом дожде, в холодные ливни не веря. И снег, что кружится и падает с неба на землю, казался наивною сказкой, которой и дети не верят. А Гарь, размышляя о смысле непрошеной жизни, бродила в лугах и таилась в лесу. И лишь в темноте приходила и ластилась к людям, лаская ночные тела и жаркие сны раздувая дыханьем своим.

И люди глупели, а Гарь умнела. И я был одним из людей, и писал эту историю, и мне никак не давался финал. Наверное, потому, что я тоже глупел. А может быть, потому, что Гарь крала во сне все мои финалы и сплетала из них свой собственный нечеловеческий финал, лишь отдельные отголоски которого мне удавалось увидеть в моих ночных кошмарах, чтобы забыть поутру. И только изредка, когда моё тело пустой скорлупкой плавало в озёрной воде, будто тень мелькала смутная мысль о смысле утраченной жизни, чтобы тут же растаять

без следа в солнечных жарких и мутных от гари лучах. Мысль настолько смутная, что закрадывалось подозрение, что это вовсе и не моя мысль, а чья-то ещё, чужая, отдалённо похожая на ночные кошмары, горько пахнущая. Но и это подозрение быстро растворялось в дыме-тумане.

Ночью звёзды не освещали землю, они освещали Гарь, что окутывала землю дымом-туманом. Мне снились чужие сны. Нелепые как их носители. Дым-туман был для них лучшим проводником, он сплетал сны в единое фантастическое кружево. Оно вращалось вместе с землёй, поднималось высоко в небо, где умирала старая Луна, спускалось до седой травы, прокуренной до желтизны. Или уплывало через выпуклый луг, чтобы плыть над вогнутой водою озера, где я чувствовал прохладу глубин. Потом возвращалось к домам, исчезало в воронках печных труб. И можно было ходить по всем половицам или сесть на любую лавку или облокотиться на любой стол и смотреть сразу во все окна в тёплую тьму.

И я забиралась во все постели, опускалась на все подушки, укрывалась всеми простынями. Я почти засыпала, пытаясь нащупать… Но меня всё время отвлекали: кто-то шёл в туалет опорожнить мочевой пузырь, у кого-то была ночная эрекция, кто-то закуривал сигарету, мучаясь бессонницей. Я пыталась молиться перед иконой, хотя не ведала, что такое Бог, и не понимала, что мне просить у Него. В неизъяснимой печали я пыталась опустошить початую бутылку водки, хотя не знала жажды. Я примеряла одежду то на левую, то на правую половину, натягивала шапку и надевала сапоги, хотя и одежда, и шапка и сапоги оставались там, где лежали. Я почти засыпала, одна среди хрупких скорлупок, пытаясь нащупать финал, который мне нужно найти до дождя на восходе солнца, хотя я не знаю, зачем.

5-10 августа 2010, Липовка

УМРУ МОЛОДЫМ

микрорассказ

На завалинке сидели два старика и пели песню:

— *Умру молодым!.. Эх, умру молодым!..*

Тот, что слева, всё время поглаживал свою кочковатую бороду, которая совсем не хотела приглаживаться, а хотела топорщиться во все стороны. Но видно было, что хозяину бороды это не так важно: а просто приятно сидеть, поглаживать бороду и петь песню:

— *Умру молодым!.. Эх, умру молодым!..*

У правого старика бороды не было, лицо было востреньким и вроде не стариковским, а всё равно стариковским — подсушенным сильно. И голос у него был тоже засушенный, так что даже крошился, и старик будто разбрасывал вокруг себя крошки, когда пел:

— *Умру молодым!.. Эх, умру молодым!..*

Слова куплетов старики пели как-то невнимательно, пробурчивали что-то себе под нос, путали, повторялись, несли отсебятину. Зато припев, как видно, им нравился, и они вовсю напрягали голоса:

— *Умру молодым!.. Эх, умру молодым!..*

Песня эта сильно огорчала стайку молодёжи, неловко приткнувшейся у калитки. Ведь это была песня нового времени, молодёжная, там все слова важные. А старики в эти слова не вдумывались, да если бы и вдумались — чего б они поняли? И уже никак старики не могли умереть молодыми, пропустили они это время, прожили. Чего ж поют:

— *Умру молодым!.. Эх, умру молодым!..*

Особенно огорчался самый молодой, который считался солистом. Ведь это он должен был выступать неожиданно и своим высоким звонким голосом, перекрывая хор, взлетая поверх других голосов, прокрикивать-пропевать дрожащее:

— Умру молодым!.. Эх, умру молодым!..

А старики пели не дрожаще, а жизнерадостно, даже весело. Назревал конфликт поколений. Но тут солнце погасло по-летнему быстро, сверкнув напоследок красным глазом, и опустилась ночь, и в ночной темноте уже не видны были ни завалинка, ни поющие старики, ни калитка, ни огорчённая молодёжь. Ещё немного поплавали над землёй белые кочки бороды левого старика, да дрожащие от обиды бледные губы самого молодого. Но потом и они погасли, когда на небо вышли первые две звезды. Так и не разрешённая, проблема «отцов и детей» растворилась в ночи, только ещё какое-то время, будто крошки-искры от погашенного костра, уплывало в небесную тьму неуместно-жизнеутверждающее:

— Умру молодым!.. Эх, умру молодым!..

26 ноября 2010

РАВЕЛА АКВАРЕЛИСТ

роман-миниатюра

Когда вскрыли деревянный ящик Равелы Акварелиста, там обнаружили листок бумаги с такой надписью:

«Люди думают, что история была одна. Поэтому историки тщательно собирают факты и пытаются написать, как всё было на самом деле. Но на самом деле не было ничего, кроме желания, кроме вожделения быть.

Историй бесконечно много, потому что любая история правдива. Человек не может написать ничего, что не оказалось бы правдой. И ещё: человек ничего не может скрыть. Вот моя история — в ней нет ни капли лжи, и ничего не пропущено. Хотя я пытался соврать или хотя бы умолчать.

Я фантазировал, грезил, черпал сюжеты из снов, переворачивал воспоминания вверх ногами, соединял несочетаемое и разъединял единое. Ну, хоть что-нибудь! Всё бесполезно.

И зачем тогда нужны кисти и краски? Зачем? Если когда-нибудь кто-нибудь узнает ответ на этот вопрос (хотя я в это не верю), пусть пошлёт мне письмецо на тот свет. Просто бросит его в одно из круглых окон. Чтобы вечность моя, бесконечная и безнадёжная моя эрекция, наконец, прервалась».

Всё, что осталось от Равелы Акварелиста, хранилось в этом деревянном ящике. Двадцать одна акварель в формате тондо. Он называл их круглыми окнами. Всё, что мы знаем о жизни Равелы Акварелиста, мы знаем по этим изображениям, надписям на обратной стороне картин и упомянутой записке, лежавшей сверху. Но если верить этой записке, мы знаем всё, и всё, что мы знаем, — правда.

Окно Первое

Дом над обрывом. Долина Мальтаталь. Верхняя Каринтия. Австрия.

Равела Акварелист родился в долине Мальтаталь в Верхней Каринтии, в доме над обрывом. Зелёно-жёлтый туман то спускался с обрыва вниз, то поднимался из пропасти вверх. Дом был старый и тёмный. Может быть, потому, что прятался в зелёно-жёлтом тумане в тени чёрных деревьев. Эти чёрные деревья покрывали далёкие гребни бело-голубых гор, на которых всегда лежал снег. А дальше и выше был только фиолетовый свет и тёмное небо над ним. Каждый день с этого неба спускались пять птиц, делали круг над домом и улетали обратно.

— Посмотри, как здесь красиво! — говорила мама.

— Мы всегда здесь жили, и ты всегда здесь будешь жить, — говорил папа.

Ночью, когда они думали, что Равела спит, родители выходили из дома, шли к ручью, что срывался водопадом с края обрыва, и занимались любовью при свете Луны. Маленький Равела подглядывал за ними из окна своей комнаты: ему казалось, что они танцуют. Он ждал, когда вырастет и тоже будет танцевать при Луне. Позже он так и делал: выходил ночью к водопаду, раздевался догола, поворачивался лицом к Луне и смотрел, как поднимается, набухает и дрожит его член. Но что делать дальше, он не знал, и, постояв так несколько минут, возвращался.

Но однажды папа спустился вниз, в Пфлюглхоф, чтобы купить спички. И не вернулся. Потом мама пошла за водой к ручью и подхватила зелёно-жёлтую лихорадку. И умерла.

— Как здесь ужасно! — подумал Равела. Он с детства не различал цвета, и всё для него было серым: зелёно-жёлтый туман — тёмно-серым, бело-голубые горы — светло-серыми. И только деревья — чёрными, как они и были на самом деле. И всё же он боялся покинуть свой дом, свои горы и свой водопад, и не покинул бы и не стал бы Акварелистом, если бы не птицы. Они больше не делали круга над домом, они сразу пикировали на крышу и долбили ее своими клювами. Скоро крыша прохудилась, и тогда птицы напали на самого Равелу, когда он пошёл к водопаду. Он пошёл среди бела дня, потому что больше некому было увидеть его, потому что ему было всё равно, и потому что ему было скучно.

Птицы продолбили Равеле череп, и ему пришлось спускаться вниз. Голова у него кружилась, он шёл по крутой тропе, пошатываясь и опираясь на белую палку, подобранную у ручья. Автобус 5130 довёз его от Пфлюглхофа до Мальты, где местный хирург заклеил пластмассовыми кружками пять дырок на голове Равелы. Равела купил подержанную красную шляпу, которая казалась ему светло-серой, и отправился странствовать.

Окно Второе

Обочина 99-го шоссе. Верхняя Каринтия. Австрия.

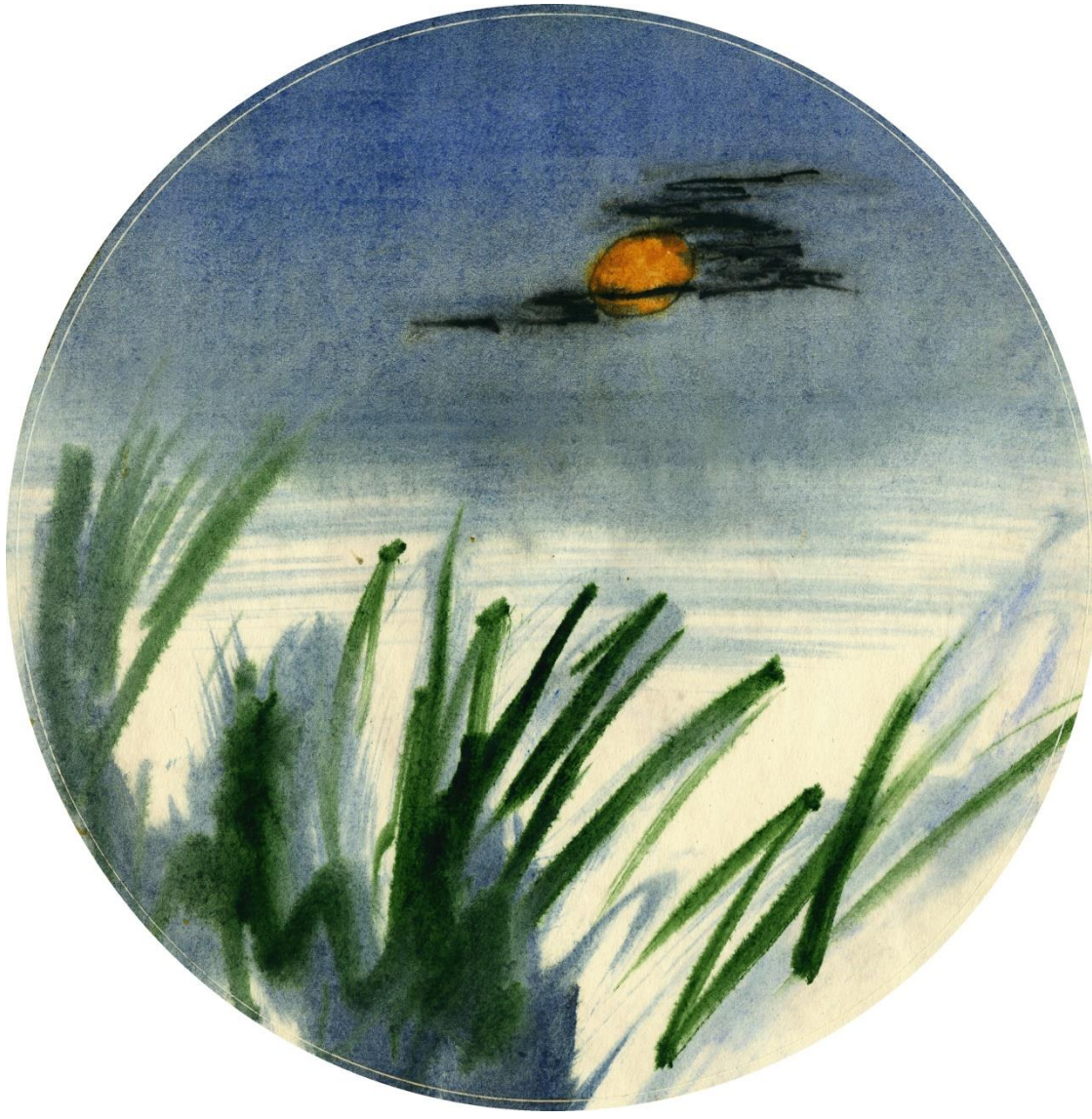
Равела шёл по обочине 99-го шоссе, неся красную подержанную шляпу светло-серого цвета на голове, зелёно-жёлтый туман тёмно-серого цвета в сердце, чёрные деревья в душе и белую палку в руке. Нужно было чем-то зарабатывать на жизнь, и Равела размышлял об этом в тот самый миг, когда ударился лбом о фонарный столб. Из глаз посыпались искры, дырки в голове загудели и Равела опустился на землю. Он сидел под деревом с круглыми листьями, сжимая шляпу в руках и разглядывая фонарь. Это был странный фонарь непонятного назначения: высокий жёлтый цилиндр, к которому снизу прилепились мошонкой два круглых плафона фиолетового и красного цвета. — Какой великан потерял здесь свой член? — подумал Равела. А потом он увидел ярко-зелёные и круглые как монеты листья дерева, которые слегка дрожали, как пластмассовые кружки, приклеенные к черепу Равелы.

— Почему у нас в горах деревья чёрные? — думал Равела. Он уже далеко ушёл от родных мест. Горы здесь были пониже, не бело-голубые, а коричневые как сама земля, и снега на них не было. И выше гор небо было не тёмным, а светло-синим, даже немного зелёным.

Так удар о фонарный столб внезапно вернул Равеле цветное зрение. Через дырки в голове в Равелу впервые вошли краски земли и неба. Они вошли в него так яростно и страстно, что пронзили насквозь, и у него началась такая бурная эрекция, что пришлось расстегнуть штаны, прикрываясь шляпой. Так Равела стал Акварелистом. И хотя он ещё не касался бумаги кистью, он уже знал, что, если изобразить то, что он видит, оно не исчезнет, а будет бесконечно повторяться, как бесконечно повторялся полёт пяти птиц над его домом в горах. Если написать солнце, оно будет видно и ночью, если написать звёзды, они будут видны и днём. И можно продать акварели за деньги, потому что людям нравится смотреть на солнце ночью и на звёзды днём. А ещё ему страстно захотелось увидеть, какого же цвета женщины, если его член оказался вовсе не серого цвета.

Окно Третье

Вайссензее. Верхняя Каринтия. Австрия.



Равеле Акварелисту шёл уже двадцатый год, когда он лишился девственности. Точно известно, что это случилось 3-го числа августа месяца, именно этой датой помечена оборотная сторона 3-го окна. Равела писал эту акварель на берегу Вайссензее, всё ещё в Каринтии. Небо и солнце уже темнели, и чёрная тучка пересекала солнце. Но вода была ещё дневной, над ней курился белый туман. Оставалось написать прибрежную траву и кусты, когда из тумана выплыла она.

Не видя Акварелиста в густой тени дерева, она встала на дно и, повернувшись лицом к солнцу, медленно пошла назад, то есть к берегу, к Равеле. С её тёмных мокрых волос стекали струйки воды, они стекали по спине цвета мокрого песка и собирались ниже поясницы в одну струйку, срывавшуюся водопадиком в щель между ягодиц. Уже на берегу она повернулась, споткнувшись о камень, и взгляд Равелы упёрся в чёрный блестящий треугольник, в котором как мухи в паутине запутались какие-то особенно крупные капли воды. Равела целую минуту не мог оторвать взгляд от этого треугольника, особенно от того места, чуть ниже нижней вершины, откуда сквозь узкий просвет просачивалось небо. Потом стал медленно поднимать глаза, так медленно, как движется кисть, боясь ошибиться. Вверх по светлой вертикальной линии в середине живота, споткнувшись о зрачок пупка, и дальше, выше, где с маленьких, но твёрдо вздёрнутых грудей цвета подсыхающего песка, на Равелу уставились два соска цвета созревающей вишни, похожие на глаза богомола.

— Нагляделся? — спросила она насмешливо, дождавшись, пока взгляд Равелы поднялся, наконец, до её настоящего лица в обрамлении чёрных мокрых прядей, похожих на чёрную тучу, которой всё ещё прикрывалось краснеющее солнце.

Равела никогда не мог описать это лицо: ни словами, ни кистью. Он говорил только, что глаза на нём были как у птицы, взмахнувшей крыльями. Но что это значит, не объяснял. Так он говорил, вспоминая, уже тогда, когда его собственные глаза стали как у азиатского слона, опускающего хобот в воду ручья.

Равела очнулся, и кисть его остановилась. Всё это время рука Акварелиста машинально писала прибрежную траву.

— Нет, — ответил Равела, и пластмассовые кружки на его голове завибрировали.

Окно Четвёртое

Монастырь Санкт Бартоломе. Кёнигсзее. Верхняя Бавария. Германия.

Перебравшись на ту сторону Высокого Тауэрна, в Верхнюю Баварию, Равела Акварелист спал в тесной комнате гостиницы при монастыре Санкт Бартоломе на Кёнигсзее. Ему снился эротический сон. Что сон эротический, Равела понял только по эрекции, потому что ничего эротического во сне не происходило. Они просто стояли друг против друга: он и она. Оба закутанные с ног до головы в какие-то белые одеяния, похожие на саваны. Даже их лица были скрыты за белым, а, может быть, сами были белые, а, может быть, не было лиц.

— Это наши души, — решил Равела.

Между ними был камень. Или дерево. Камень, похожий на дерево. Дерево, похожее на камень. Каменное дерево. Дерево-камень. У дерева не было ветвей и листьев, только ствол. Толстый, корявый, напрягшийся. Оно росло. Поднималось вверх, становилось толще. А они смотрели.

И чем больше росло это каменное дерево, тем больше возбуждался Равела. Даже во сне он чувствовал, что его возбуждает не она, что стоит напротив него. Его возбуждает само дерево-камень, его неуклонный подъём. А от того, что она тоже смотрит на это, он возбуждался ещё сильнее. Она полностью скрылась за стволом. Но Равела знал, что она там, с другой стороны, смотрит.

— Это мой член, — догадался Равела. ¬— Какой огромный! Ну, конечно, ведь у души нет гениталий. А член не может просто исчезнуть, он слишком важен для философии жизни. Значит, он начинает самостоятельное существование, и, освободившись от всего лишнего, достигает своего естественного размера.

— Но где же тогда её лоно? — подумал Равела. Он стал оглядываться и тут же почувствовал, как его вынимают из сна.

Окно Пятое

Горы Берхтесгадена. Верхняя Бавария. Германия.

Равела Акварелист любил писать туман. Не облака тумана, ползущие по склонам гор или клубящиеся в низинах, а стену тумана, сливающуюся с землёй и небом и скрывающую горы Берхтесгадена.

— Начало и конец всего сокрыты в тумане, — говорит Равела. — Если мы что-то видим, то только потому, что туман выпустил щупальца. Вещи, нас окружающие, — это сгустившийся туман, спящий туман, туман, который отдыхает от своей работы. Когда он проснётся, вещи рассеются.

— Вот камни. Они только кажутся такими твёрдыми и неподвижными. Но это лишь оболочка тумана, который клубится внутри камней. Это туман, который наказан за какой-то проступок и вынужден отбывать срок в каменной тюрьме.

— Или деревья. Щупальца тумана, выползающие из земли. От того они и колышутся под ветром. Туман поднимается внутри стволов, растекается по ветвям, достигает листьев, и они опадают по осени.

— Или трава. Тонкие струйки тумана, что просачиваются сквозь поры земли и поднимаются вверх. И снова ложатся на землю: под ветром ли, под дождём, под снегом, чтобы рассеяться, слиться с туманом-отцом.

Равела пишет белые камни, белую траву и белые деревья. Так они больше похожи на туман.

— Всё рождается из тумана, туман рождает всё, — говорит Равела. — Поэтому туман — женщина.

— Но ведь слово «туман» мужского рода.

— А это чтобы мы не сразу догадались. Но туман выдают синонимы: они все женского рода. Мгла, мга, дымка, пелена, муть, помоха, хмарь, марь, марево, мара… И всё это тёмное, влажное, неясное. А «мара» означает ещё и шлюха, потаскушка, подстилка, гулящая…

Равела пишет тёмную стену тумана. Равела среди травы, камней и деревьев. Он смотрит в туман, туман манит его. Он входит в туман, как входят в женщину. Рассеиваясь.

Окно Шестое

Набережная Регницы. Бамберг. Верхняя Франкония. Бавария. Германия.

— Когда моя кисть касается бумаги, у меня начинается эрекция, — говорит Равела Акварелист. Он говорит это во внутреннем дворике кафе на набережной Регницы, недалеко от Старой ратуши Бамберга в Верхней Франконии.

Солио Философ по другую сторону столика потягивает тёмный «Раухбир». Тень от зонтика обволакивает его, тогда как Равеле приходится смотреть против солнца. Из его глаз исчезают дома на другой стороне реки, потом река, автомобили и прохожие, остаются только светлые и тёмные пятна. Тёмное пятно Солио кивает головой:

— Искусство — это вожделение, похоть. Охваченный ею художник страдает и мучается, пока не выплеснет краски на бумагу или холст. Некоторые считают, что это разновидность онанизма, но я думаю иначе. Вопрос в том, кто (или что) здесь женщина?

— Может быть, природа? — спрашивает Равела. — Когда я пишу пейзаж, я особенно сильно возбуждаюсь.

— Это всего лишь вуайеризм. Все эти тучки и дождики, фаллические горы и влажные низины, обнимающиеся деревья, цветочки и пчёлки — природа постоянно совокупляется сама с собой. Но тебе ведь мало подглядывать, ты хочешь сам изображать. И разве не пишут картины по воспоминаниям или по воображению?

— Иногда я закрываю глаза, чтобы не мешать кисти двигаться по бумаге, — говорит Равела и закрывает глаза. Светлые и тёмные пятна остаются, кружатся и складываются в картину: Равела Акварелист и Солио Философ, одетые в жёлтые монашеские одеяния с красными поясами, опираются на тяжёлые посохи и продолжают беседу в каком-то пустынном месте, среди россыпи камней. Всё залито светом, темнеющим в небе.

— Эту картину я у тебя куплю, — говорит Солио и, наклоняя посох, наливает себе ещё пива: — Женщина, которая на ней изображена, в моём вкусе.

— Но там нет никакой женщины! Только два монаха, камни и пустота.

— Вот про неё я и говорю. Если бы ты нарисовал женское лоно, это было бы в лучшем случае непристойно, а в худшем — иллюстрацией к анатомическому атласу. Нас влечёт в женщине не то, что мы видим, а то, что нам не позволяют видеть. Когда ничего не видно, похоть становится неудержимой. Твоё художество — это совокупление с пустотой.

Окно Седьмое

Фрайбург. Шварцвальд. Баден-Вюртемберг. Германия.

Художественные подробности устройства женщины Равела Акварелист изучал во Фрайбурге: сначала по анатомическим атласам, потом в натуре, потом снова по атласам. Там он даже женился, чтобы иметь возможность свободно и в любое время изучать интересующие его детали. Долгие часы его голова провела между бёдер жены, а глаза проползли по поверхности её тела путь от Бамберга до Фрайбурга. Жена даже не догадывалась, что к востоку от ануса у неё есть белый штрих от старой царапины, а к западу от препуциума клитора — круглая родинка, которая краснела от солнечного света.

Когда Равеле открылось тело жены во всей полноте и мельчайших нюансах, у него пропала эрекция, и жена ушла к слепому музыканту. А Равела, который как раз заканчивал факультет Гуманитарных наук Фрайбургского университета, бросился рисовать так энергично, как никогда, пытаясь выплеснуть на бумагу всё то, что накопил за время недолгой семейной жизни. С рюкзаком за плечами он исходил пешком весь Шварцвальд, останавливаясь только для того, чтобы раскрыть этюдник на вершине горы или у подножия водопада. От этого периода его творчества сохранилось всего одно круглое окно. Равела написал не то болотце, не то озерко со светящейся бело-розовой водой, и мшистый островок, покрытый жёсткими стеблями травы, и голое дерево, склонившее над водой свои мохнатые ветви. А по сути — вульву своей бывшей жены, включая красную родинку.

Вселенная Равелы Акварелиста в то время была сплошным женским лоном, которое только что покинул Бог, и звёзды спермы Его ещё не погасли во тьме. Не было места ни для бёдер, ни для ягодиц, ни для живота, ни для грудей, ни для спины, ни для шеи, ни для ушей, ни для носа, ни для глаз. Только к концу этого периода Равела Акварелист понял, что ему не хватает глаз. Его Вселенная была слепа и не видела Равелу. А его собственный напряжённый, набухший как фаллос, взгляд рыскал в тумане, в траве, в воде, в листве, в облаках, в небесной синеве и не находил ответа.

И хотя Равела Акварелист писал только пейзажи, по всему Баден-Вюртембергу о нём пошла слава как о порнографе. Это приносило больше денег, картины раскупались быстро и охотно. Женщины боялись Равелу и тянулись к нему. А сам Равела составлял и переделывал завещание: так испугался он непроходящей импотенции, которую отождествлял с приближающейся смертью. Но постепенно вода акварели растворяла в себе все отравлявшие Равелу женские флюиды, флюиды его бывшей жены.

Окно Восьмое

Рейнский водопад. Нойхаузен-ам-Райнфалль. Шаффхаузен. Швейцария.

Остатки анатомических излишеств вымыл из головы Равелы Акварелиста Рейнский водопад. Равела часами наблюдал, как падает вода, пенясь вокруг двух торчащих скал, похожих на головки исполинских клиторов, и чувствовал как все страхи и тревоги, одолевавшие его последнее время, уплывают через дырки в голове. Небо прояснилось, и взошла ледяная Луна.

Из акварелей Равелы выветривалось сладострастие, они стали холодными как одиночество. Он снова изображал человека в пейзаже, может быть, самого себя — в свободном одеянии и спокойной позе, всего лишь условная фигура, с которой мог отождествить себя зритель. И, отождествив, раздвоиться, наблюдая пейзаж изнутри него и извне, наблюдая самого себя в пейзаже. Отстранённо и странно.

Это был странник, который пришёл неизвестно откуда и уйдёт неизвестно куда, бросив на картину лишь мимолётный взгляд. Равела бесстрастно фиксировал эти мгновения, и от его акварелей веяло космической обречённостью вечности. Картины перестали продаваться.

— Мгновение и вечность — это одно и тоже, — говорил Солио Философ, с которым Равела снова встретился в Нойхаузене: — Остановить мгновение — значит впасть в вечность. А вот оргазм имеет ненулевую и конечную протяженность. Подъем, кульминация и обрыв или пологий склон по ту сторону пика. Так же устроена и жизнь человека. Это требует времени. Но как раз времени-то и нет в мгновении, времени нет в вечности. Буддисты правы, когда рекомендуют заранее освобождаться от желаний. И гурии — вечные девственницы, так что никакого секса не предполагается. И ангелы бесполы.

— А Бог? — спрашивал Равела, остановив руку с кистью и размышляя, нужно ли на картине изображать дальний план, если теперь нет тумана, скрывающего эту даль. Ему не хотелось рисовать даль, и горизонт проходил под ногами странника, остановившегося на мгновение в своём вечном пути. Получалось слишком большое небо, слишком пустое. Но Равеле казалось, что в этом и заключается суть его нового взгляда на Вселенную. Вселенная прозрела, правда, смотрела она куда-то вдаль, сквозь Равелу, по-прежнему, не видя его.

— В том-то и дело. В том-то и дело, — говорил Солио, взбалтывая по кругу бокал с «Ханфблюте» и пытаясь ощутить конопляный аромат. Пожимая плечами, он делал добрый глоток пива и продолжал: — Было бы оскорбительно и кощунственно называть Бога бесполым. Ведь Он творец сущего, Он родил Вселенную. Но не как женщина рожает, а в ветхозаветном смысле, как «Авраам родил Исаака». Недаром Его всегда изображают с бородой, а у женщин бороды не бывает. И, значит, Бог мужчина: у него должен быть фаллос.

Окно Девятое

Лаго ди Поскьяво. Округ Бернина. Граубюнден. Швейцария.

По дороге в Италию Равела Акварелист остановился у озера Поскьяво в Швейцарских Альпах. Он поднялся в гору, достал этюдник и прилёг отдохнуть. Взгляд его скользил по стеклянно-зелёной водной глади, по зелёно-жёлтым склонам гор на другой стороне озера, по дымящимся белым облакам в небе… пока не остановился на далёкой вертикали церкви Сан Ромерио, похожей на эрегированный детский пенис. Равеле приснился сон.

Двое поднялись по тропе, разбудили Равелу и заявили, что им нужен третий, и они выбрали Равелу. Но для этого он должен разобраться, наконец, со своей эрекцией: либо она у него есть, либо — нет. От его выбора зависят счастье жизни двух девушек в Италии, смерти одной пожилой дамы в Каринтии, а также общее устройство Вселенной и судьба мира.

Равела стал объяснять, что дело это не простое, что он и так прилагает все усилия, чтобы в его акварелях были и жизнь и смерть, композиция и сюжет. Но тут всё дело в кисти: ручка у неё деревянная, правда, из хорошего бука, но всё равно не передаёт тончайшие покалывания в кончиках пальцев. Вот если бы пучок волос рос прямо из пальца, а лучше всего — из запястья, потому что художник пишет запястьем: у кого твёрдое и гибкое запястье — тот хороший акварелист, у кого слабое и несвободное — плохой. Да и запястье — всего лишь инструмент, хотя и живой. В действительности художник пишет дыханием: не тем, что в груди, а тем, что в голове. Дыхание должно быть не просто глубоким, как горные озёра, и чистым, как воздух в горах, — оно должно резонировать с тем, что рисуешь, и ритмически отождествляться с изображением.

Гость в красном одеянии наклонил голову. Равела продолжил:

— Но откуда возьмётся дыхание, если член сморщенный и слабый? На самом деле, художник рисует фаллосом, потому что он им дышит. Художник — это творец, а чем создавалась Вселенная? Кисточкой? Пальцем? Запястьем? Это всего лишь заменители основного орудия, не спорю, полезные и даже необходимые в периоды вынужденного воздержания. Но Вселенная от них не рождается. И уж коли создан по образу и подобию, приходится плодить и размножать свои акварели, и делать это, как заповедано.

Гость в жёлтом одеянии слегка отвернулся и, приподняв лицо, вглядывался в снежные вершины Ретийских Альп. Равела продолжал:

А с другой стороны, основное орудие — это, конечно, средоточие творческой энергии, но вопрос в том, как её оттуда извлечь для целей… э-э-э… несколько отличных от прямого назначения. Если творчество — это сублимация, то, может быть, мудрость в самом деле приходит вместе с импотенцией?

Равела замолчал. И гости, пожав плечами, ушли.

Окно Десятое

Улица Мешков. Кастелло, 3144. Венеция. Италия.

Окончательно Вселенную Равелы Акварелиста туман покинул тогда, когда из него возникла Венеция. Туман перестал казаться таинственным, таинственны были предметы, из него выплывающие, как выплывает изогнутый нос гондолы из-за острого угла здания. Как выплыла из тумана Кончетта. Её линии были столь же изогнуты, а взгляд — остроуголен.

В маленькой квартирке на «Улице Мешков» Равела рассказывал свой сон в горах над Лаго ди Поскьяво. Кончетта отнеслась к рассказу неожиданно серьёзно, даже застегнула верхнюю пуговицу блузки, чтобы не отвлекать Равелу от основной темы. Потом встала на колени перед иконой Девы Марии и что-то долго шептала, тихо и неразборчиво. Получив благословение, она заставила Равелу достать свои краски и бумагу, сняла с него штаны, измазала краской его член и придвинула чистый лист бумаги.

Эти рисунки Равела Акварелист считал дурацкой мазнёй, но радовался тому, что взгляд его, наконец, успокоился, а член поднялся. Кончетта была иного мнения: она сохранила рисунки и много позже, когда «пенис-Арт» вошёл в моду, а след Равелы растаял в тумане Большого канала, продала их с большой выгодой во время Венецианской биеннале.

Квартирка, которую снял Равела, располагалась на втором этаже старого трёхэтажного здания и выходила окнами во внутренний дворик с зелёно-жёлтым газоном, пожалуй, самый большой в районе Кастелло. Каждое утро Равела подходил к окну и глядел на этот дворик сквозь тёмную листву огромного дерева. Он тосковал по Каринтийским просторам. Потом шёл завтракать в таверну Альберто, где в окружении винных бутылок всевозможных форм и размеров меланхолично рассматривал гравюры с видами Венеции.

10-ое окно — одна из самых лаконичных акварелей Равелы Акварелиста: по зелёно-жёлтому небу стремительно несутся белые с чёрным облака, похожие одновременно на хищных птиц и на венецианские острова, а под ними — перекрещивающиеся молнии, похожие одновременно на недописанную свастику и на венецианские каналы.

Когда через несколько лет Равела получил письмо от Кончетты, в котором она сообщала, что у неё всё хорошо — родила ребёнка и вышла замуж за богатого импотента, он приписал на обороте картины: «Ну, а всё остальное Джорджоне нарисовал ещё пятьсот лет назад. К чему повторяться!»

Окно Одиннадцатое

Зал 15. Галерея Уффици. Флоренция. Италия.

Во Флоренции Равела Акварелист увидел пенис на лбу. Каждое утро он шёл в галерею Уффици, чтобы постоять перед «Поклонением волхвов». Потом прогуливался по набережной Арно и размышлял над увиденным. Картина притягивала своей незаконченностью. Другие замечали необычность композиции, восхищались прорисовкой людей и лошадей, удивлялись выражению лиц и выразительности жестов. Но всё это есть в других картинах Леонардо, тем более, в его рисунках. Равелу больше удивляла явная избыточность тел, голов, рук: они переплетались, сливались, толкались, мешали друг другу. Как будто он видит несколько картин, просвечивающих друг сквозь друга, как разные временные слои в памяти человека. Этим человеком, конечно, был сам Леонардо. Хронология его жизни раскручивалась в пространственную спираль от младенца в центре до старика слева: их правые руки одинаково согнуты, а ладони — на одном расстоянии от вертикальной оси картины. Только младенец показывает пальцем вверх, а старик как будто хочет его «прихлопнуть» каким-то предметом: не то колокольчиком, не то печатью.

Но можно ли помнить себя младенцем? Из записной книжки Леонардо: «Когда я лежал ещё в колыбели, прилетел ко мне коршун, открыл мне своим хвостом рот и много раз толкнулся хвостом в мои губы». На члене как коннотации хвоста Фрейд строит целую теорию, смешивая материнскую грудь, безотцовщину раннего детства, гомосексуализм юности и фаллос египетской покровительницы материнства — богини Мут с головой коршуна. Равела шёл к «Благовещенью» в том же 15-ом зале и глядел на крылья коршуна за спиной архангела Гавриила, чувствуя, как пульсируют пластмассовые кружки на голове.

Равела не первый, кто разглядел автопортрет Леонардо в юноше справа, что отвернулся от всех и посылает взгляд за пределы видимого. И в человеке, простёршим раскрытую ладонь не то к дереву кароб, оно же рожковое и «акридное», не то к человеку за деревом, поднявшему указательный палец жестом Иоанна Крестителя, этими «акридами» питавшегося. Леонардо просит вернуть ему эрекцию, утраченную из-за гомосексуальных связей. Двое мужчин, сочувствуя этой просьбе, нежно прислонились к его спине. Но Равела не слышал, чтобы кто-нибудь замечал торчащий изо лба Леонардо эрегированный пенис, полуприкрытый дурацким «чубчиком» на черепе, голом как мошонка.

Очарованный этим множественным — во времени и пространстве — автопортретом, Равела заказал в Британском музее копию манускрипта «Codex Arundel», который Леонардо собрал из разрозненных листков в последние годы жизни, надеясь найти там ответы. Но, кроме записей по физике и оптике, механике, геометрии и архитектуре, увидел лишь длинный список синонимов слова «пенис». В 11-ом окне пустынно как в синей пустыне; только три дерева, совсем не похожие на дерево кароб, гремят круглыми как монеты листьями.

Окно Двенадцатое

Земляной вал около крепости Альборноз. Урбино. Италия.

Леонардо не отпускал Равелу Акварелиста и позже, когда тот перебрался в Урбино и преподавал в местном университете историю искусств. Рисунки и картины Леонардо Равеле не нравились. Как чистый акварелист, он вообще презрительно относился к рисунку, а картины Леонардо воспринимал как такие же рисунки, только раскрашенные, пусть даже, по сравнению с предшественниками, с размытыми линиями и смягчённым цветом. К тому же масло было для Равелы мертво, и «масляная живопись» казалась оксюмороном. В масле не было воды, которую Равела считал самым живым веществом во Вселенной. Воду — и воздух, которым была бумага, и которым не мог стать слишком вещественный холст. От совокупления воды и воздуха рождается туман, а из него — всё живое, от камней до человека.

Разумеется, так думал Равела-художник, понимавший и любивший только то, что делал сам. Как зритель (и преподаватель) он восхищался работами Леонардо, но всё же особенно — незаконченными. Равеле казалось, что «законченное» — это «конченое», «конечное», то есть умершее, не живое. Именно в незаконченных работах с особой силой проявлялся тот холодный расчёт, которым Леонардо, как анатомическим скальпелем, вскрывал живую ткань мира, обнажая загадки и тайны, но лишь для того, чтобы столь же безжалостно скрыть их, превратив в Космические Загадки и Божественные Тайны. И самую большую тайну он сотворил из мужского члена, рисуя его множество раз во всех видах, а, кстати, женские гениталии — всего два раза. И оставил такую запись: «… это создание часто имеет собственную жизнь и свой разум, отдельный от разума самого человека». Не эту ли мысль изображает пенис на лбу из «Поклонения волхвов»? Или то, что главный сексуальный орган находится в голове? Или тождество творческого и полового акта?

— Да он просто не закончил картину, — доносится с соседней лавочки голос Солио Философа. Они сидят на земляном валу около крепости Альборноз, глядя, как стены и купола Палаццо Дукале соперничают с пологой горой, закрывающей горизонт. Они сидят порознь, потому что поссорились из-за Кончетты, которую Солио походя назвал шлюшкой, «как все венецианки».

— Таких непонятных пятен и линий на картине полно, — продолжает Солио после хорошего глотка «Моретти». — Если бы Леонардо не уехал в Милан, он записал бы твой «пенис», кстати, добавив побольше волос на черепушку.

— Ты рассуждаешь не как философ, а как пьяница, — огрызается Равела. — Кто не так давно доказывал мне, что у Бога есть фаллос?

— А разве я говорил, что он должен быть на лбу? — Солио обижается и делает ещё глоток пива: — А как философ скажу: в мире только одна тайна — почему он существует? А всё остальное — от неудовлетворённости желаний.

Окно Тринадцатое

Университет Карло Бо. Урбино. Италия.

Равеле Акварелисту приснилось, что вместо него лекцию по истории искусств читает Солио Философ, то и дело прикладываясь к пивной бутылке. Он рассказывает о пепельной Луне. Леонардо в «Codex Leicester» объяснил, что неосвещенная часть Луны бывает видна вблизи новолуния из-за того, что свет Солнца отражается дважды: сначала от Земли, потом от Луны. Свет по разному отражается от облаков, океанов и материков (у них разное альбедо), и по изменению пепельного света Луны можно изучать географию Земли. То же самое происходит, когда вы смотрите в зеркало: свет отражается от предмета, летит к зеркалу, вторично отражается и попадает в ваш глаз.

Так и художник ловит свет, отражённый предметом, и вторично отражает его в картину движением кисти. Для зрителя картина — ещё одно зеркало, в котором он видит третье отражение. Но процесс не останавливается на числе 3, а устремляется в бесконечность. На этом построено известное гадание «на жениха»: два зеркала ставят друг против друга, и возникает бесконечный коридор, из которого «жених» и появляется. Это бывает страшно, и руководства по гадательной магии строго рекомендуют убирать зеркала сразу, как только из бесконечной глубины зазеркалья появляется кто-то или что-то.

Люди из некоего Всемирного фонда «Зеркало священных текстов и картин» развлекались тем, что приставляли зеркало к знаменитым картинам и смотрели, что получится. В картинах Леонардо получалось изображение ветхозаветного Яхве и прочие сакральные образы, в том числе непристойные. Пока ещё не додумались приставлять два зеркала, друг против друга. Но именно это и происходит, когда кисть касается бумаги или холста. Встреча двух зеркал: художника и картины. Леонардо убирает кисть. Картина не закончена.

Но это не помогает, потому что картина — не обычное зеркало, она хранит в себе все отражения: художника давно «убрала» смерть, а бесконечный коридор остался. Теперь в него смотрит зритель. Когда учёным и шарлатанам надоест «Код да Винчи», они возьмут другую картину, другого художника и увидят внутри ещё один слой, потом ещё… новый бесконечный коридор.

Географию мира можно изучать по изменению пепельного света картин. Но для этого достаточно двух отражений. Зачем нужны остальные? Может быть, для того человек и создан? Не камень, не дерево — это всё «география» — а именно «по образу и подобию» сотворено существо, которое само может творить. И когда эти два творения встречаются лицом к лицу, из бесконечного коридора является Бог. Или это Он сам всматривается с другой стороны зазеркалья, и ждёт появления человека?

Равела проснулся от поллюции, чего не было с юности, и, глядя в зеркало в изножьи кровати, увидел свой пепельный пенис, закрывший половину лба.

Окно Четырнадцатое

Помпеи. Италия.

Когда философско-исторические изыскания окончательно опротивели Равеле Акварелисту, он отправился в Неаполь. Залив сверкал солнцем, а в городе было шумно, многолюдно и жарко. Женщины здесь коптились как бамбергское пиво, а их вульвы благоухали как альпийская роза. Равела перебрался за город и поселился рядом с Помпеями.

Перед рассветом, пока туристы ещё спали, он прогуливался по пустынно-холодным улицам отрытого из-под пепла города, избегая помпезных площадей, задерживаясь в тени маленьких двориков и заглядывая в тесные комнатки без мебели и утвари, покинутые своими хозяевами 2000 лет назад. То ли из-за того, что у стен не было крыш, то ли из-за того, что стены были голые, город казался бесстыдным как онанирующий эксгибиционист. Встающее солнце бросало длинные лучи вдоль стен и длинные тени вдоль мостовой. Лучи перемещались, высвечивая одну за другой полустёртые фрески.

Больше всего таких фресок сохранилось в двухэтажном лупанарии, и, чтобы защитить их от палящего солнца, реставраторы навесили крышу. Там Равела и прятался от жары, переходя из комнаты в комнату, разглядывая неприличные рисунки, присаживаясь на каменные лежанки и пытаясь представить, как все это выглядело до извержения Везувия. В одной из комнаток лежанка была уже занята — там сидела девушка и тоже разглядывала фрески. Равела присел рядом. Они поделились друг с другом своими впечатлениями от рисунков, Помпеев и Неаполя, своими взглядами на искусство, своими историями жизни и своими планами на будущее. Девушку звали Карла, и под платьем она не носила нижнего белья.

Равелу всё больше занимала проблема пепельного света, только не Луны, а искусства. Прямая передача казалась ему вульгарной, цвета — глупыми, линии — чудовищными, а сюжеты — извращёнными. Задача художника ¬¬— не в том, чтобы передать то, что он видит, а в том, чтобы похоронить это в себе, допуская в картину лишь то, что в нём самом не помещается.

В доме у Карлы стояла копия лежанки, на которой они познакомились, только не каменная, а склеенная из дощечек вишнёвого дерева и покрытая зелёно-жёлтым шёлковым покрывалом. Когда они попытались на ней заняться любовью, у Равелы ничего не получилось. И они вернулись в Помпеи, на голый камень пепельного цвета. Холодный камень источал древний эрос, как иконы — миро.

Письмо Карлы, полученное Равелой уже в Черногории, было копией письма Кончетты, за тем исключением, что муж Карлы не был импотентом, но зато быстро умер.

Окно Пятнадцатое

Каламбака. Метеоры. Трикала. Фессалия. Греция.

Путь Равелы Акварелиста из Германии в северную, а потом южную Италию, проходил не столько в пространстве, сколько во времени — вспять. Он наметил дальнейший маршрут через Грецию в Египет, и для начала переехал в Каламбаку у подножия Метеор на западной окраине Фессалийской долины.

Когда прибыл ещё один «Codex Arundel», Равела подумал, что это дубликат полученного ранее, пока не увидел греческий текст. К тому времени он узнал о Леонардо да Винчи, как раньше о теле своей фрайбургской жены, так много, что тот перестал его интересовать. Только происхождение матери Леонардо скрывалось в тумане: евреи считали, что она была еврейкой, армяне — армянкой, а русские — русской. «Неужели Леонардо был греком?» — удивился Равела. Но всё объяснилось проще: название «Codex Arundel» означает не только текст Леонардо, но собрание многих манускриптов из коллекции графа Арундела, приобретённой Британским музеем. Текст Леонардо имел номер 263, а этот, ошибочно посланный, — 520. Он был написан в 14-ом веке Каллистом Меленикиотом и назывался «Исихастское утешение».

Скалы Метеор похожи на гигантские вертикально стоящие тубы, из которых выдавили по капле алой краски, и она приняла форму игрушечных монастырей. Бог бросил краски и ушёл, — думал Равела. — Мир не закончен.

— А мы — подмастерья, — продолжил Солио Философ. — Пытаемся дописать картину. Ты знаешь, что это такое: великий замысел и ремесленное завершение. Хотя Каллист, похоже, думал иначе. Он пытался увидеть Бога и понять Его замысел. Точнее, не понять, а узреть, как он говорил, безочесно.

— И для этого нужно было сидеть, упёршись подбородком в грудь и разглядывать свой собственный пуп?

— Обычная мистическая практика, на Востоке очень распространённая. Чуть ниже пупа сосредоточено то, что мы называем душой. Само слово «Бог» Каллист производит, следуя античной традиции, от слова «созерцать».

— Когда я созерцаю свою душу, у меня начинается эрекция, и мне не до Бога, — Равеле казалось, что его тело — тоже маленький тюбик, из которого выдавили красную от жары голову. Он не понимал, как можно увидеть Бога.

— Неисповедимы пути к Господу, — Солио медленно потягивал македонскую «Вергину». — Странно, что ты хочешь понять — это бремя философов, а ты — художник, ты должен просто видеть. И, кстати, почему ты видишь в этих скалах тюбы с каплями краски, а не фаллосы с каплями спермы?

Равеле вдруг расхотелось путешествовать вспять по времени. Это время слишком велико для меня, думал Равела. Моё время маленькое и свёрнуто в кольцо, время-тондо, и внутри круглое окно. Что там говорил Каллист? Душа любит взирать на свою причину. И становится нагой. И возвращается на север.

Окно Шестнадцатое

Круя. Гора Сари Салтики. Албания.

В албанском городе Круя на вершине горы Сари Салтики Равеле Акварелисту приснился сон. Он бежал по улицам города: то вверх, то вниз, пытаясь выйти из сектора обстрела. Длинная юбка всё время путалась в ногах, а головной платок сползал на глаза. Неужели я женщина? — подумал Равела и решил проверить. Он спрятался в зарослях маквиса и спустил шальвары. Члена и мошонки определённо не было. Равела присел на корточки, автоматическим движением достал из кармана фартука зеркальце и установил его между ног.

— Он видит странным образом видение невидимого и безвидный вид, — снова донёсся голос Солио. — Он видит, что не видит, и его ум останавливается.

Равела осторожно выглянул из-за куста. Солио Философ стоял на верхней площадке минарета, держа мегафон двумя руками как станковый пулемёт, и, поводя им налево и направо, продолжал кричать: — Ум от природы прост, но он раздробляется на то, что созерцает. Только истина может освободить его.

Каллиста цитирует, — успокоился Равела и вернулся к делу. Уже запустив два пальца во влагалище, он почувствовал чей-то взгляд. Это был мальчик, наблюдавший за Равелой из окна соседнего дома. На крутом склоне горы окно второго этажа оказалось точно на уровне зарослей, в которых прятался Равела.

— Слово является препятствием, — продолжал Солио. — Успевшие в молчании прекращают пользование словом. А вместе с разговором стараются избегать и самого мышления. Ведь всякий смысл бывает после мысли.

Равела поспешно поднял штаны, оправил юбку и пошёл по улице, опустив голову и искоса следя за минаретом. Там Солио боролся с двумя служителями мечети, пытавшимися отобрать у него мегафон.

Равела проснулся среди ночи, вытер с лица холодный пот и подошёл к окну. Всё было залито лунным светом. Одновременно ледяным и удушающе жарким. Глаза видели холод, а всё остальное тело чувствовало жару.

— Вопреки общепринятому мнению, не бывает холодных красок, — заявил утром Солио Философ после первой кружки тёмного «Корча». — Как акварелист, ты знаешь: все краски тёплые, разве что одни погорячее других. Пустота и белизна бумаги — вот где холод. Люди ошибаются: «космический мрак» — это не «очень темно и холодно», а «очень светло и холодно». «Пресветлый мрак».

— Каллист говорил о Божественном мраке, а вовсе не о космическом, — возразил Равела. — Но ты не веришь в Бога — что тебе этот византийский монах?

Солио надолго замолчал: — В детстве я жил в маленьком городке, в доме рядом с мечетью. И я мечтал стать муэдзином. Пять раз в день подниматься на минарет и созывать людей на молитву. Получать за это деньги. И ни о чём не беспокоиться. Потом я вырос, занялся философией и стал пить пиво.

Окно Семнадцатое

Открытая веранда ресторана «Jezero». Скадарское озеро. Черногория.

На берегу Скадарского озера в Черногории Равела Акварелист вспомнил Белое озеро в Каринтии. Небо стекало в воду, вода стекала на землю. Шёл дождь. Светило солнце.

Солио Философ молчал, склонившись над тарелкой, всецело поглощённый удалением костей из зеркального карпа. Он даже не процитировал Лао-цзы, говорившего, что художество подобно приготовлению блюда из мелкой рыбы: не то требует такой же осторожности и терпения, не то, напротив, ничего не требует, кроме безмятежности, потому что в уху рыбёшку бросают непотрошёной и нечищеной.

Но сначала Равела вспомнил Карлу, от которой только что получил письмо. Кто зачал ей ребёнка? — думал он. — Я или богатый муж? То, что муж умер, казалось, делало его непричастным. Но и даты не совпадали, разве что Карла переносила плод. Равеле представились пепельные камни лупанария, пропитанные древней помпейской спермой. По утрам они были влажными от росы. От росы? И блестели на солнце. Или это блещут на солнце воды Скадарского озера?

Потом Равела вспомнил Кончетту. Её муж-импотент точно был ни при чём. Я даже не знаю, кого нарисовал своим членом, — думал Равела. — Девочку или мальчика? Она не писала об этом. Может быть, я тоже непричастен? Кончетта идёт по узкой улочке Венеции, её обнимает туман, который поднимается из одного канала, чтобы перевалить через улицу и опуститься в другой канал. Так переваливается туман с холма на холм на той стороне Скадарского озера. Но это два разных тумана. Туман Венеции подобен маске, скрывающей вожделение, а Скадарский туман невинен как дитя.

Равела вспомнил Шварцвальд, Фрайбург, белую царапину к востоку от ануса и красную родинку к западу от препуциума клитора, между которыми был путь как от Фрайбурга до Бамберга. На ощупь проходит этот путь слепой музыкант. Какую мелодию извлекает он своими чуткими пальцами?

Солио Философ, наконец, поперхнулся рыбьей костью и, откашлявшись, изрёк: — Всё проходит, как не было написано на кольце царя Соломона, если, конечно, «всё проходит» не имя Бога. — Прополоскав горло хорошим глотком «Регента», Солио добавил: — Женщины — это вечные константы, к которым вечно примеряется вечно переменная сущность мужчины.

Кто такой Солио Философ? — впервые задался вопросом Равела. Тот, между тем, продолжал: — В анкете на получение небесной визы где-то между «Цель визита» и «Продолжительность пребывания» наверняка есть пункт: «Перечислите женщин, внутри которых Вы побывали за последнюю вечность».

Мальчик-муэдзин?

Окно Восемнадцатое

Монастырь Морача. Монастырь Острог. Черногория.

— Я не хочу больше рисовать, — заявил Равела Акварелист, осторожно ступая по дощатому настилу и глядя вниз, как выбегают пенящиеся воды реки Морача и бьются об огромную каменную глыбу, отколовшуюся от старого моста и непонятно как оказавшуюся метрах в пятидесяти ниже по течению. Солио Философ, оставшись там, где обрывались шаткие деревянные перила, глядел в противоположную сторону, где сверху из-под монастыря срывался водопад Светигора.

— Тогда тебе одна дорога — в монахи. Но знаешь, чем монах отличается от художника? — Солио выудил из кармана бутылку «Ник Голд» и отпил: — Художник не пропускает ни одной юбки. Особенно, если он слишком стар для этого, — добавил Солио, когда Равела подумал, что слишком стар для этого. — Оба они несвободны: но один подчинился Богу, а другой с Ним соперничает.

— А при чём здесь юбки?

— К слову пришлось. Слово «юбка» — по итальянски sottana — означает ещё и «сутану». А началось всё с коричневой тоги, которую носили проститутки древнего Рима, у них эту одежду и позаимствовали кающиеся монахи. Ты перестанешь быть художником не тогда, когда бросишь кисть, а когда завяжешь узлом свой пенис.

— Вряд ли это возможно: он у меня не такой длинный.

— Я говорю о пенисе вот тут, — Солио сердито постучал пальцем по лбу.

— Ты слишком много говоришь. И нет у меня никакой ревности к Богу.

Солио допил пиво и аккуратно поставил бутылку на доску: — Говорить — моя профессия, так же как твоя — молчать.

— Ты знаешь, почему твои акварели нагоняют тоску? — продолжил Солио разговор позже, когда они поднимались по дороге к монастырю Острог, и сам же ответил: — Потому что ты прикован к реальности, но ты её не любишь. Ты рисуешь цепи, которыми прикован. Как вот этот монастырь, прикованный к скале. Как Прометей. Скажи, Равела, что ты украл у богов?

— Не знаю, что я украл, — отвечал Равела, — но, похоже, мой орёл — это ты.

— Очень смешно, — Солио остановился, чтобы сделать из поллитровой банки глоток тёмного «Никшича». — А я тебе скажу: ты украл любовь. И подарил её женщинам. Только она у тебя не может сосредоточиться ни на чём, ни на ком. Ты не любил ни одну женщину, ты любишь их всех скопом. Да не любишь ты никого, ничего, кроме своего фаллоса, которым размахиваешь, как кистью.

— Да пошёл ты — озлился Равела, но пошёл сам, оставив запыхавшегося Философа внизу. Монастырь навис над ним белоснежной могильной плитой, действительно, будто прикованный к красной щели в горах, похожей на вульву.

Окно Девятнадцатое

Котор. Черногория.

Равеле Акварелисту снилось, что он дошёл до окраины Котора: вот городская стена, вот стена дома, на которую он опирается правой рукой, а над головой почему-то горизонтально висит тяжёлая деревянная лестница. Слева на верёвке, натянутой между фонарным столбом и каменной стеной, из которой непонятным образом растут какие-то зелёные кустики, сушится бельё, старательно развешенное так, чтобы цвета плавно переходили от белого к розовому и дальше к синему. Наверху за стеной — трёхэтажная башня дома 507 с двумя симметричными водосточными трубами: справа новая, светло-серая, а слева старая, ржавая. Впереди одиннадцать каменных ступенек поднимаются к чёрной двери дома 509. Ступени разбиты, зато справа есть железные перила.

Она выглядывает из окна второго этажа, потом исчезает, потом дверь открывается, и она помогает Равеле войти в дом. На ней короткая светло-серая юбка и такая же майка, только в синюю полоску, она босиком. На втором этаже есть окно, в котором за красными черепичными крышами виден кусочек Которской бухты и гораздо лучше — другой её берег.

Она усаживает Равелу в кресло, садится на стол, поднимает юбку и раздвигает ноги. Равела надевает очки. Её нижние розовые губы раздвигаются в улыбке, её нижний красный рот раскрывается, внутри него темнота. Равела видит, как дрожит кусочек плоти, похожий на язычок, и, следя за его артикуляцией, которая становится всё точнее, видит звуки, видит, как они складываются в слова, но смысл ускользает.

— Вам плохо? — наконец, понимает он и открывает глаза. Она присела перед ним на корточки, он видит её белые трусики. Значит, он тоже сидит. Равела чувствует спиной грубый камень стены.

— Вам помочь? — она берёт его за руку и поднимается. Равела смотрит вверх, над его головой почему-то горизонтально висит тяжёлая деревянная лестница. Он тоже поднимается: — Спасибо, всё в порядке. — Вы уверены? — Не беспокойтесь, просто голова закружилась, уже прошло.

Она уходит, но оборачивается на последней, одиннадцатой ступеньке. Равела машет рукой: «всё нормально», и она скрывается за чёрной дверью. Равела медленно возвращается к Часовой Башне на площади Оружия, где в кафе «San Giovanni» (в честь Иоанна Крестителя), ожидает Солио Философ.

— Видишь около башни пирамидальную колонну? — говорит Солио, приканчивая вторую кружку словенского «Лашко». — Это средневековый Позорный Столб. Но около него стояли не преступники, а те, кто нарушил негласные моральные правила. Например, художник, бросивший кисть и друга.

В 19-ом окне изображено дерево с одиннадцатью ветвями, крутая скала справа и под ней нервный контур странствующего монаха в коричневой рясе.

Окно Двадцатое

Отель «Каменхоф». Вайссензее. Верхняя Каринтия. Австрия.

В маленьком семейном отеле «Каменхоф» на Вайссензее комнаты и апартаменты имели не номера, а имена — имена цветов. Квартирка Равелы и Солио называлась «Нарцисс», а её — «Лилия». Её звали Леони, и её глаза были, по-прежнему, как у птицы, взмахнувшей крыльями.

— Если верить врачам, это моё последнее лето, — сказала она и жестом попросила подлить ей тёмный «Morchl» из Хирта. — Поэтому я тебя разыскала и позвала сюда. Ты единственный, кого я лишила девственности. — Её сухая рука держала кружку с пивом так, как когда-то держала фаллос Равелы. — Теперь ты должен лишить меня моей боли. Она мне надоела, и я хочу умереть не от неё.

— Лоне, что ты хочешь этим сказать? — Равеле вдруг стало холодно.

— Не бойся, дурачок, — сказала она насмешливо. — Ты и тогда боялся, — продолжила мечтательно. — Ты должен всего-навсего меня трахнуть, — закончила решительно. — Если не побрезгуешь, — добавила без выражения.

Она закрыла глаза, и её лицо стало похоже на лицо хищной птицы под крылом тёмно-стальных волос, крылом коршуна. Если существует красота старости, подумал Равела, то она должна быть вот такой: лишённой всякой благообразности, иными словами, старческого инфантилизма. Пять пластмассовых кружков на голове запульсировали, и он почувствовал эрекцию.

— «Каменхоф» можно прочесть как «прибывали ко двору», — говорил Солио, когда они шли по узкой тропинке вдоль кромки воды. — Или как «двор муз» от римских «камен» — поющих нимф источников, наделённых даром пророчества. Вряд ли она выбрала этот отель случайно. Что ты будешь делать?

Из багрового тумана 20-го окна выплывает бесформенная жёлтая фигура, сжимающая в руках ярко-красный фаллический посох. У неё нет лица, и даже непонятно: мужчина это или женщина. Равела или Леони.

— Впервые встречаю женщину, разбирающуюся в пиве, — говорил Солио, развалившись в кресле на балконе их «Нарцисса». — Этот «Hirter Morchl» — настоящий деликатес. Кстати, название — не от слова ли «morchel» — сморчок?

Из багрового тумана выплывает и дерево без листьев с зелёным стволом.

Взгляд Равелы двигался вниз: от сложенных крыльев глаз, мимо закрытых глаз богомола, по светлой линии альба, пока не упёрся в тёмно-стальной треугольник, пока простынёй не укрыли тело.

— Значит, она сама Вас об этом просила, — не спросил, а констатировал полицейский. — Но это я должен забрать с собой, — он положил записку в папку.

— Я расплатился с хозяевами отеля, — сказал Солио. — Мы можем ехать. — Долгое время, что шоссе тянулось вдоль берега, Равела ждал, не появится ли белый туман над водой. Небо было ясным, солнце сверкало, тумана не было.

Окно Двадцатое первое

Дом над обрывом. Долина Мальтаталь. Верхняя Каринтия. Австрия.

Равеле Акварелисту снился шум водопада. Он проснулся, чтобы написать последнее, 21-ое окно: белые души в зелёно-жёлтом тумане. Душа слева, отвернувшись от всех, сидит на камне, опустив голову. Душа справа, отвернувшись от всех, уходит. Вторая душа слева хочет что-то сказать, но у неё нет рта. Вторая душа справа хочет что-то увидеть, но у неё нет глаз.

— Круг замкнулся, — сказал Солио Философ. — По всем законам жанра ты должен умереть: здесь и теперь.

Круг замкнулся, думал Равела, когда, проснувшись утром, увидел тёмно-серый туман, светло-серые горы и чёрные деревья, которые на самом деле были чёрными. Дырки в его голове больше не пропускали краски земли и неба.

— Женщины тебя любили не из-за тебя самого, а по другой причине, — говорил Солио. — Как писал Каллист Меленикиот, к зеркалу подходят из-за отражаемого в нём, или показуемого им. Если ты не видишь краски, то это не потому, что их нет, а потому, что частично тебя уже нет.

Это был коршун, он клевал ступни моих ног, — вспомнил Равела рассказ Кафки. — Он взлетел, запрокинулся весь далеко назад для пущего размаха и затем, точно копьеметатель, глубоко вонзил свой клюв мне в рот.

Ночью Равела выглянул в окно, чтобы увидеть, как над водопадом, повернувшись лицом к Луне, безнадёжно мастурбирует Солио Философ.

Дом был старый и тёмный. Новые владельцы превратили его в охотничий домик, и пускали гостей за небольшую плату. Они починили крышу.

Однажды Солио спустился вниз, в Пфлюглхоф, чтобы купить пива. И не вернулся. Равела ждал приближения зелёно-жёлтой лихорадки. Но её всё не было. А потом ему сообщили, что Солио Философ умер от сердечного приступа, и тело его лежит в городском морге Мальты. Странно, что у философов тоже бывают сердечные приступы, думал Равела Акварелист. Он взялся сопровождать гроб и отправился в путь. На ту сторону Высокого Тауэрна, мимо Кёнигсзее, мимо гор Берхтесгадена, до самого Бамберга…

Каллист Меленикиот писал: «переход в стояние и покой в себе есть конечная цель и равным образом успокоение для твари». Но Равела Акварелист по-прежнему не понимал, что такое покой эрекции в сером мире.

2010

2011

КАВЫЧКИ

философтюра

Философтюры — философские миниатюры. Вот, например.

> *«…призывая нас к величайшей предосторожности в подслушивании этих невидимых кавычек».* Жак Деррида

Один араб слышал кавычки в речи других людей. Эти другие люди, когда говорили, часто мысленно заключали некоторые слова в кавычки. Таким способом они утаивали то, что не хотели открыть, или искажали смысл высказывания, вплоть до противоположного. Обычные слушатели не слышали кавычек в такой речи, потому что у кавычек нет фонем. Иногда они смутно чувствовали, что в речи оратора что-то не так, что он о чём-то умалчивает и говорит не то, что думает. Но они не могли ничего объяснить или доказать. Они не слышали кавычек. А тот араб слышал. Он даже зарабатывал деньги на этом своём умении, консультируя частных и общих сыщиков. Он помогал им узнать, всё ли говорит свидетель или подозреваемый, и говорит ли он то, что думает. Но эта удивительная способность сыграла с арабом злую шутку, когда тому пришла пора умирать. Во сне к нему явился ангел и сказал: «Завтра ты заболеешь и очень скоро и быстро умрёшь. Но ты не беспокойся. После смерти ты попадёшь в сады, где внизу текут реки». Араб с ужасом внимал этим словам, потому что слышал кавычки, много кавычек, окружавших каждое слово в речи ангела. «Он что-то скрывает от меня, — думал араб, — что-то ужасное, смысл чего не хочет открыть мне. Что же это за смысл? Что будет на

самом деле? Наверное, я умру после мучительной и долгой болезни». И, не выдержав ужаса перед грядущим, араб покончил с собой, за что и был толчком ввергнут в огонь геенны, и скверно это возвращение. А ещё за то, что не поверил словам ангела, ниспосланного Аллахом. И только там ему объяснили, что язык небесных ангелов ни на что не похож, это язык необыкновенный. И когда ангелам приходится переводить свою речь на земные языки, чтобы обращаться к людям, они непроизвольно окружают слова кавычками. Ведь то, что люди сочтут скорым и быстрым, может ли не оказаться бесконечно долгим и медленным для Аллаха и ангелов Его. И говоря о саде, где внизу текут реки, как же обойтись без кавычек: ведь этот «сад» бесконечно больше и бесконечно лучше всего, что мог вообразить себе злосчастный араб.

7 февраля 2011

2012

ЕФИМ ЕФИМОВИЧ КОЛЕБРОДОВ

микрорассказ

У Ефима Ефимовича Колебродова было небольшое дело. Чтобы получать какую-то прибыль, он на свои товары назначал какие-то цены. Но Ефим Ефимович очень расстраивался, когда покупатели не покупали его товары, потому что расстраивались из-за цены. Он всё время думал: как бы сделать так, чтобы цены были совсем низкие, а прибыль совсем высокая. И придумал.

Дела у Колебродова пошли на лад и потому скоро он стал олигархом. А врагов у него совсем не было. Это потому, что когда конкуренты расстраивались из-за того, что товары покупают у Колебродова, а не у них, Ефим Ефимович брал, да и раскрывал конкурентам свой секрет. У тех дела тоже шли на лад, и они были только благодарны Колебродову. И покупатели тоже радовались: они становились всё богаче и счастливее. Раскрывать-то Ефим Ефимович раскрывал, да только с одним условием: чтобы конкуренты всегда упоминали, что ведут бизнес по методу Колебродова. Поэтому имя Ефима Ефимовича Колебродова гремело по всей стране, и нет ничего удивительного, что вскоре его избрали президентом России.

В результате Россия стала самой богатой страной на земле, а все россияне — счастливыми. Поначалу президенты других стран расстраивались из-за этого. Но Ефим Ефимович был не жадный: он ихним бизнесменам тоже свой секрет раскрывал, и у них тоже дела шли на лад. Поэтому скоро все люди на земле стали богатыми и счастливыми, а Колебродова избрали президентом земли.

Но продолжалось это недолго, потому что счастье — это когда ты получаешь то, чего у тебя нет, а если всё есть, то и счастья нет. Деньги-то у людей были, а вот власти не было — она у Колебродова только была. Первыми стали расстраиваться президенты разных стран. А потом уже и другие люди стали расстраиваться из-за недостатка власти. Они стали её

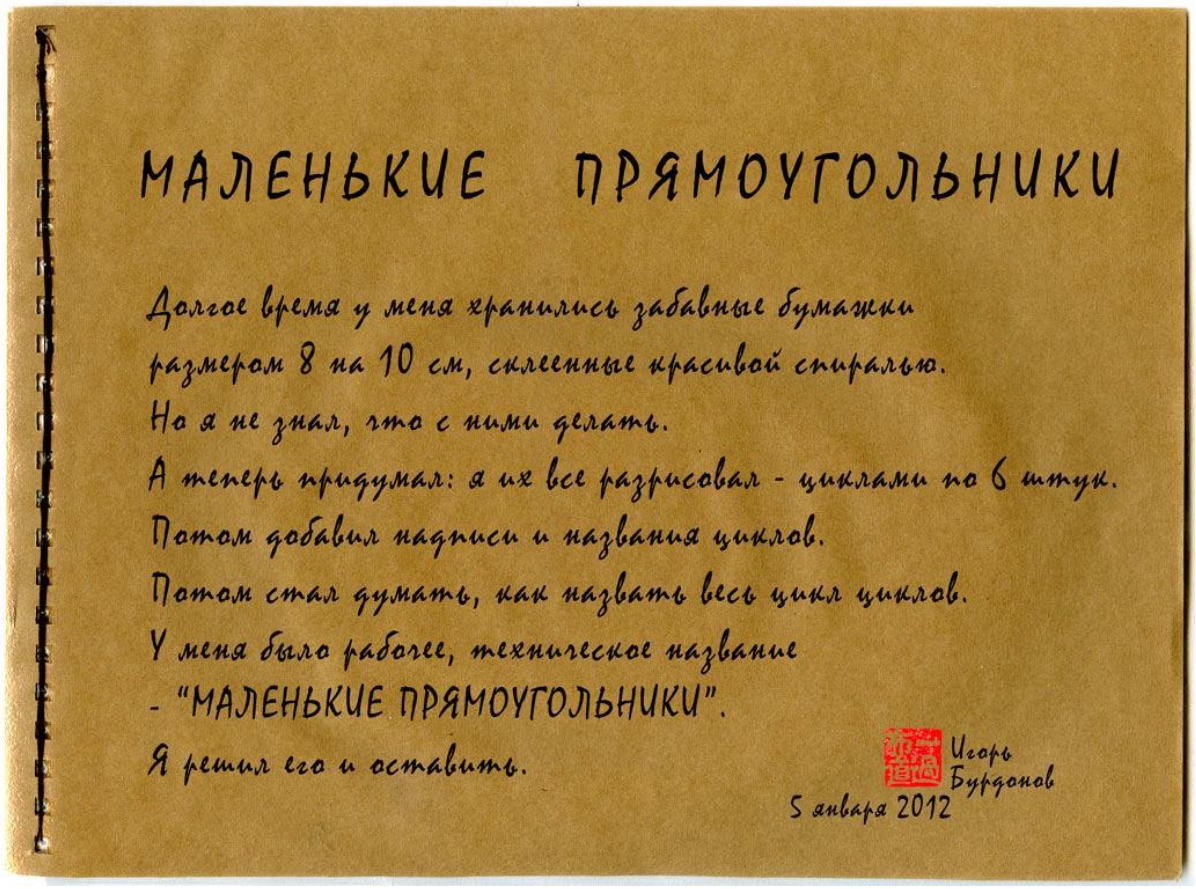
покупать за деньги, которых у людей было много. Одни покупали, чтобы получить немного побольше власти, а другие продавали, чтобы скопить побольше денег и тогда уже купить власть пожирнее. Ефим Ефимович очень из-за этого расстраивался, но поделать ничего не мог: его секрет только на бизнес распространялся, а не на политику.

В результате никто не был счастлив и люди на земле расстраивались всё больше и больше. И так расстроились, что Колебродова свергли и объявили в международный розыск. Искали, но не нашли. Так всё вернулось на круги своя, а что стало с Ефимом Ефимовичем, никто не знает, да никому это и не интересно.

27 июня 2012

МАЛЕНЬКИЕ ПРЯМОУГОЛЬНИКИ

96 картинок с текстами

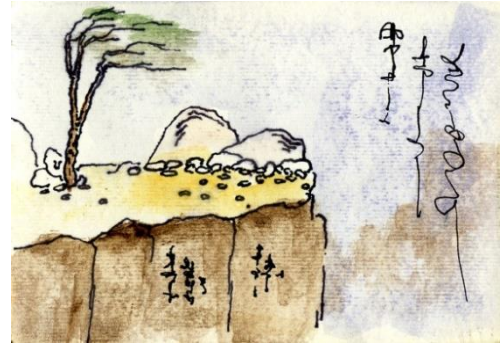


1. Деревья ждут

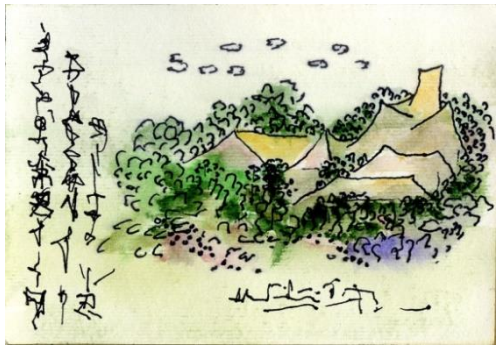
Чего ждёт это дерево?
Они никогда не вернутся
по тихой воде.

Ты можешь сколько хочешь
ходить по этой тропе
— деревья ждут не тебя.

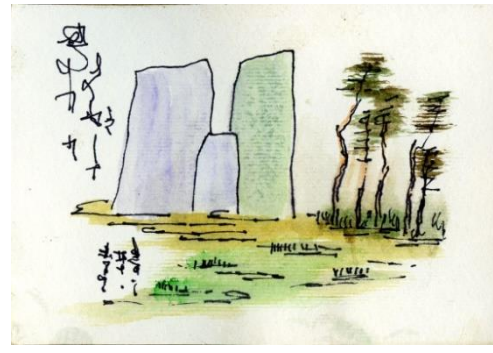
Вон как выросли горы.
Теперь деревья ждут,
когда горы рассыпятся.



Дерево у края обрыва
всегда ждёт падения.
Сто лет может ждать, и двести.



Деревья в деревне растут,
а крыши домов не растут.
Деревья ждут, когда их вырубят.

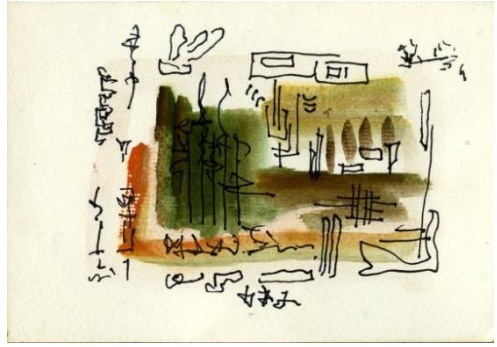


Если горы не идут к деревьям,
то и деревья
не идут к горам.

2. Формула мира

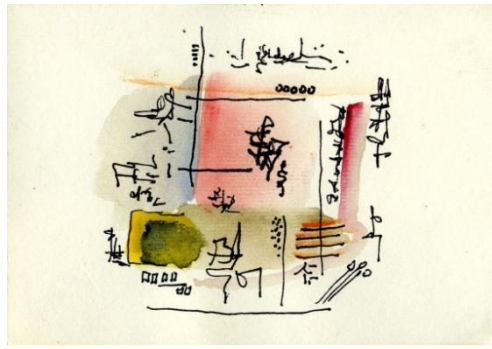
Формула подземного мира учитывает
строение пластов, полостей
и восходящих нагромождений.

Формула надземного мира учитывает
расходящиеся потоки
гор, камней и деревьев.



Формула лесного мира учитывает
опушки, прилегающие луга
и противопожарные канавы.

Формула животного мира учитывает,
кто кого ест.



Формула утреннего мира учитывает
градацию световых полей
и пронизывающие их тонкие лучи.

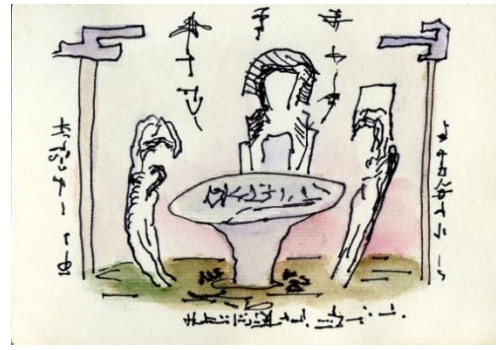
Формула мира сновидений учитывает
расстановку сил
и направление главного удара.

3. Истории про людей

В лодке всегда двое:
один — Орфей,
другой — Харон.

Если долго сражаться
— окаменеешь.
И у подножия вырастет трава.

Когда двое разговаривают,
третий подслушивает,
а четвёртый — Будда.



Мы собрались сегодня,
чтобы решить судьбу мира.
Кто начинает?

Даже поссорившись,
Он видел круглые камни,
а Она — острые.

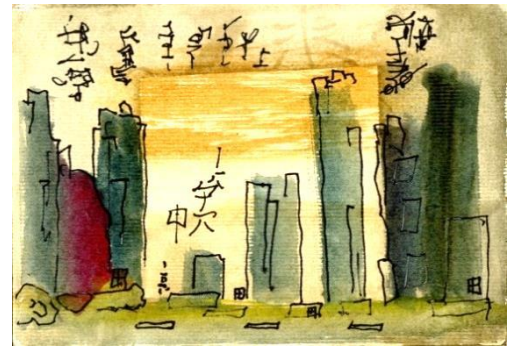
Ядовитый аленький цветочек.
Что нам с ним делать?

4. Кто здесь похоронен

Старые горы и ветхие мостики.
Кто здесь похоронен?
Легенды рухнувших империй.

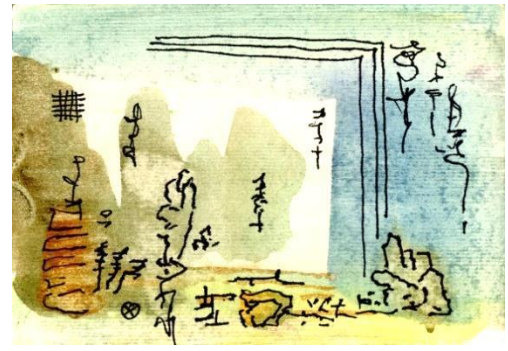
Мрачные камни.
Кто здесь похоронен?
Рассветы, закаты, тысячелетия.

Начало света среди высоких стел.
Кто здесь похоронен?
Ещё один бессмертный.



Ясным днём среди этих плит.
Кто здесь похоронен?
Первый, второй, третий… считай, считай.

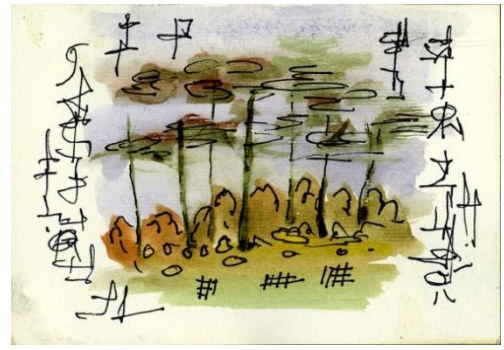
Бегут облака, зеленеют травы.
Кто здесь похоронен?
Любимая собачка мёртвой принцессы.



Здесь так светло, и так грустно.
Кто здесь похоронен?
Мы уже ушли с кладбища, здесь никого нет.

5. Что значат эти иероглифы

Что значат эти иероглифы,
похожие на шёпот болотных трав?



Что значат эти иероглифы,
похожие на ветер в гудящих соснах?

Что значат эти иероглифы,
похожие на эхо крика в горах?

Что значат эти иероглифы,
похожие на песню, прилетевшую из-за моря?

Что значат эти иероглифы,
похожие на голоса теней ушедшего дня?

Что значат эти иероглифы,
похожие на звуки коротких стихов?

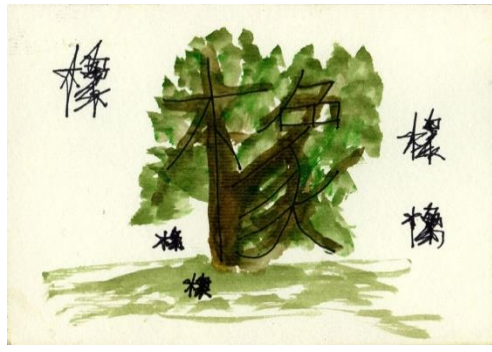
6. Один ствол и три ветви

桦 У берёзы один ствол,
три ветви и шесть листьев.

杉 У ели один ствол,
три ветви и три иголки.

椴 У липы один ствол,
три ветви и одиннадцать листьев.

松 У сосны один ствол,
три ветви и пять иголок.

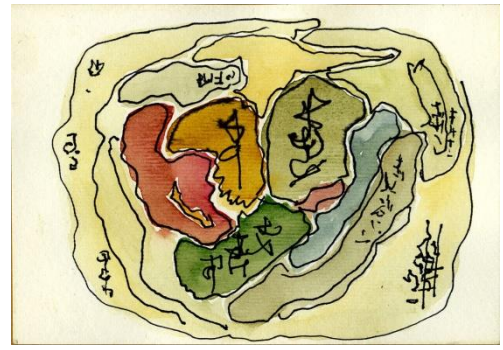


橡 У дуба один ствол,
три ветви и четырнадцать листьев.

桧 У можжевельника о дин ствол,
три ветви и семь иголок.

7. Ты же видишь

Ты же видишь:
в прорехе мира ясный свет
за краем земли, там, далеко.



Ты же видишь:
в утробе мира спят
зародыши будущих дней, уже цветные.

Ты же видишь:
снятся долинам горы, воздуху снятся камни,
и наоборот.

Ты же видишь:
в театре мира представление
лишь начинается, за занавесом занавес.

Ты же видишь:
облака плывут меж деревом и камнем,
поверх пирамид.

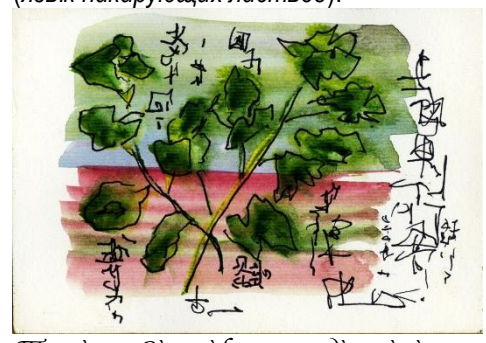
Ты же видишь:
земля обнажает свои скалы,
вырастающие из живого леса.

8. Поэзия листьев в переводах

Ап`ч, о`-пла-х`ш, уйю-и
— Я уклоняюсь, любовь ушла,
мы чужие друг другу
(*язык качающихся листьев*).

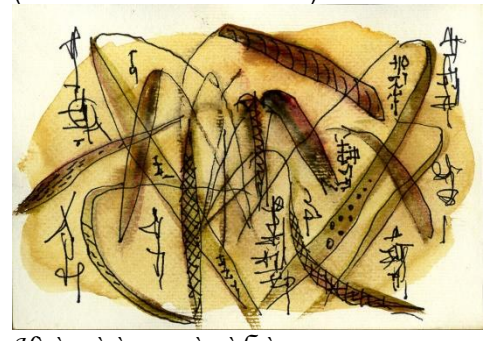
Ии-и-и`тч! Тш`р, т`р-щь!
— Мы слетаем на землю!
Подобны тучам, подобны дождю!
(*язык пикирующих листьев*).

Ай-ию-ш, лл`ни к`шую-л`ли
— Медленно падает свет, ловит его тот,
кто выше и вниз пропускает
(*язык восходящих листьев*).



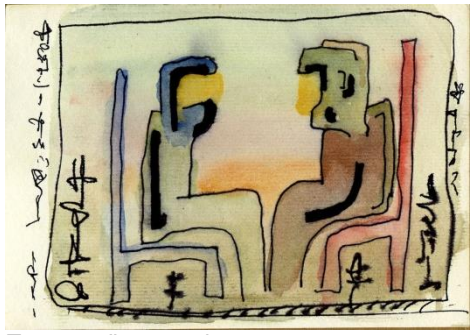
Ту-ю`ушь. З`за-л`фь-ию юн д`лот`-в`в
— Дни ушли, шелестя.
Зелень неба сменится скоро красной землёй
(*язык подвядших листьев*).

Б`п`б-оы, шш`ф-ал`иры, тр`вы
— Опусти свои плечи на свои колени,
блестят твои волосы и скользят руки
(*язык влажных тяжёлых листьев*).



Н`н`н-л`н`н-о, лл`нн`-бо`я льшь-и
— Протяни ладони книзу,
пальцами чувствуй воздух и пей его
(*язык узкого сухостоя*).

9. Поза сочинения стихов



Поза тяжёлых рифм.

— У меня такое чувство,
как будто мир потихоньку исчезает.
— Чувства ненадёжны, коллега.
Не исключено, что исчезаем мы сами.

Поза усидчивости гранёной яшмы.

— И ты думаешь, что будешь вот так сидеть,
сидеть и напишешь стихи?
— Ты ничего не понимаешь, женщина:
я стараюсь не думать!

Поза поклонения музам.

— Подобно камню с острыми гранями преткновения.
— Подобно воде ускользающе объемлющей.
— Подобно солнцу большого восхода

Поза парного созерцания.

— Образ чарующий чудится в дали туманной…
— Странно, сегодня мне чудится что-то иное.

Поза ловли вдохновения.

— Ты не уснул ли, рыбак в одинокой лодке?
— Мимо плывут голубые холмы, и ты проплывёшь.

Поза бегущей строки.

— Дни пролетают как птицы и как облака.
— Дни неподвижны, это падает время сквозь них.

10. Хаттские безделушки Бурушхаттума

Флакон для запаха.

Непутёвый сынок Великого царя Бурушхаттума спрятал этот флакон в стене пещеры, в неглубокой расщелине. Бывало убежит от стражи, проберётся в пещеру, достанет флакон и нюхает, нюхает. Потом обычай делать флаконы для запаха переняли китайцы. А в наши дни многие нюхают совсем без флаконов.

Футляр для письменных палочек.

У Великого царя Бурушхаттума был придворный писец, в обязанности которого входило записывать всё подряд. А чтобы письменные палочки не портились, он придумал хранить их в футляре на костяных застёжках. Потом обычай записывать всё подряд переняли китайцы, только они писали кисточками, но футляр для кисточек у них был точно такой же. А в наши дни в таких футлярах чего только не хранят.

Кусок бивня мамонта.

Великая царица Пурусханда получила этот кусок в подарок от своего супруга, Великого царя Бурушхаттума. Бывало она, как проснётся утром, подойдёт к куску и любуется трещинками. Потом обычай смотреть на трещинки переняли китайцы, только они не просто так любовались, а гадали на панцирях черепах и лопатках крупного рогатого скота. А в наши дни все кому не лень гадают по виртуальным трещинкам на мониторе компьютера.

Шароскоп «Беседка».

У Великого царя Бурушхаттума был мастер, который вырезал из камня шароскоп в форме беседки. Смотришь через хрусталь на свет и видишь на слюдяной пластинке изображение городской стены Хаттушаша. Царю так понравилась эта игрушка, что он казнил мастера. Потом обычай делать игрушки из камня и казнить мастеров переняли китайцы. А ещё потом «Беседки» делали из пластмассы и вставляли туда фотографии детей на фоне Кремлёвской стены. Но в наше время шароскопы уже не делают.

Нож для разрезания папируса.

Великому царю Бурушхаттума этот нож подарил египетский фараон Пепи Второй. А папирус не подарил, и Великий царь не знал, чего с этим ножом делать — он ведь тупой. Потом обычай изготовлять такие ножи переняли китайцы, только они резали ими не папирус, а бумагу. А в наши дни такие ножи продаются как сувениры, потому что, хотя бумаги навалом, но никто уже её не режет.

Стакан для палочек.

У Великого царя Бурушхаттума был гончар, который любил выпить. Однажды спьяну он слепил такой кривой стакан, что Великий царь разгневался. Но находчивый гончар заявил, что этот стакан — произведение искусства, и предназначен не для питья, а для хранения письменных палочек. И стакан отдали придворному писцу. Потом обычай делать такие стаканы переняли китайцы, только палочки у них были не для письма, а для еды. А в наше время в таких стаканах чего только не хранят.

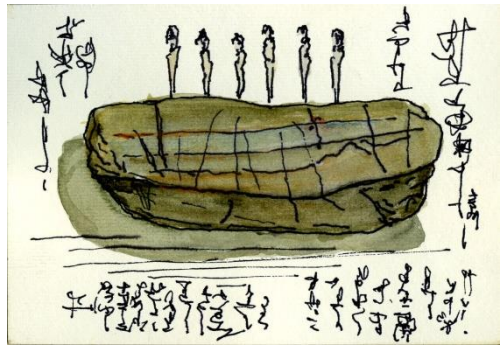
11. История камня

Сон камня. Снятся цветы и птицы.

Непрочных созданий ладони и лица.
Ручья незадумчивая водица.

И чья-то упавшая в воду ресница.
И шёлк рукавов небесшумно струится.

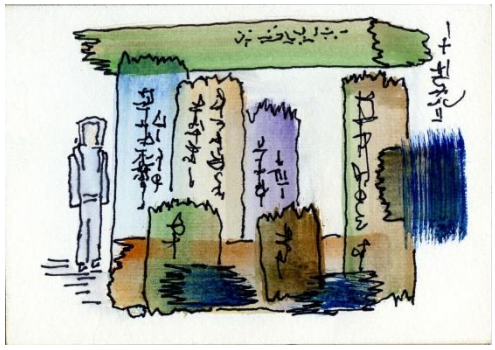
И кто-то глядит и увидеть боится.
Истории камня печальны и светлы
страницы.



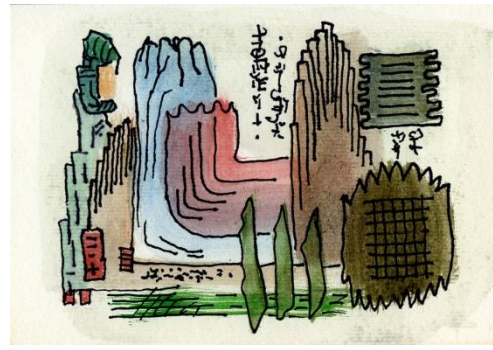
Порывистый ветер то кружит,
то вдаль устремится.
Каменных снов он не может нарушить границу.

Тот, кто умер, ещё раз не может родиться.
Если он не цветок и не птица.

12. Обрывки текста на разных планетах



На планете Тик-Так`тук
обрывки текста не выбрасывают,
а строят из них высотные дома.



На планете Биль-Буль`ля
обрывки текста не выбрасывают,
а закрывают ими дырки в пространстве.

На планете Шик-Шук`ишь
обрывки текста не выбрасывают,
а выращивают из них деревья и травы.

На планете Рим-Рям`рю
обрывки текста не выбрасывают, а складывают
в стопки и связывают в снопы до самого неба.

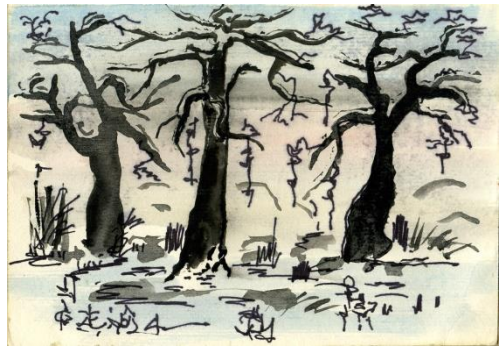
На планете Пик-Пок`пу
обрывки текста не выбрасывают,
а живут внутри них.

На планете Фиг-Фак`фу
обрывки текста не выбрасывают,
а сшивают в книги, которые уносит ветер.

13. Деревья как будто

Дерево в китайском духе.
Как будто в густой тишине
увязла летящая муха.

Два дерева в травяном стиле.
Как будто рассветную рань
кривые дожди искогтили.



Три дерева в зимнюю пору.
Как будто треножники Дин
несут на свещенную гору.

Бегут от сосен берёзы белые.
Как будто колючие стражники,
как будто преступники беглые.

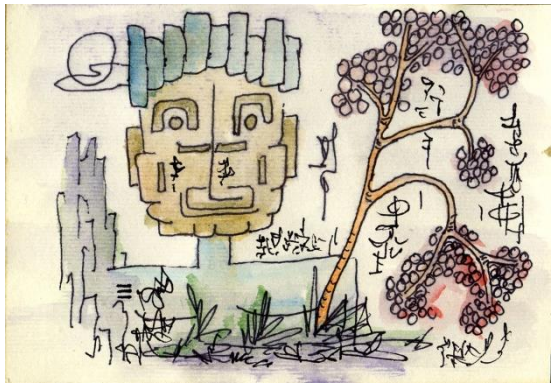
В долине стояли ели.
Как будто египетские пирамиды
крылья свои потерять не успели.

Мрачный еловый лес.
Как будто старый штангист
не может поднять свой вес.

14. Игральный кубик Бурушхаттума

Китайский император Яо подарил Великому царю Бурушхаттума игральный кубик размером с колесницу. Великий царь имел обыкновение залезать внутрь кубика и изнутри любоваться окружающими гранями.

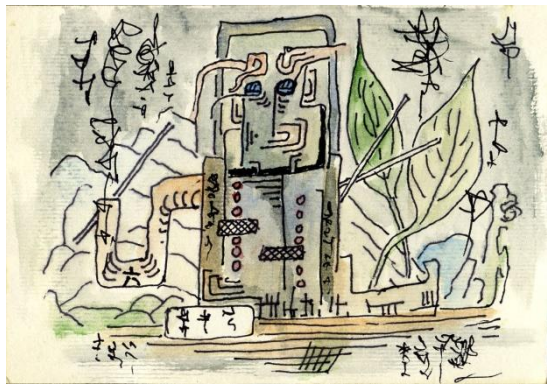
Если изнутри игрального кубика посмотреть налево,
то увидишь, как на горе Гэнь сидит восточный человек,
выпивает и, обмахиваясь веером, думает о судьбах мира,
а сам прячет в рукаве 4 красных птичьих глаза.



Если изнутри игрального кубика посмотреть направо,
то увидишь, как на берегу озера Дуй сидит западный человек,
выпивает и, закусывая маслиной, думает о судьбах мира,
а сам прячет в рукаве 3 чёрных птичьих глаза.

Если изнутри игрального кубика посмотреть вперёд,
то увидишь, как около огней Ли сидит южный человек,
выпивает и, закрыв глаза и развесив уши, думает о судьбах мира,
а сам прячет в рукаве 5 чёрных птичьих глаз.

Если изнутри игрального кубика посмотреть назад,
то увидишь,
как по грудь в водах Кань сидит северный человек,
выпивает и, занюхивая бородой, думает о судьбах мира,
а сам прячет в рукаве 2 чёрных птичьих глаза.



Если изнутри игрального кубика посмотреть вниз,
то увидишь, как под корнями дерева Сунь сидит нижний человек,
выпивает и, пережёвывая корни, думает о судьбах мира,
а сам прячет в рукаве 6 чёрных птичьих глаз.

Если изнутри игрального кубика посмотреть вверх,
то увидишь, как верхом на громе Чжэнь сидит верхний человек,
выпивает и, жонглируя летающими тарелками, думает о судьбах мира,
а сам прячет в рукаве большой красный птичий глаз.

15. Суровые древние мужики

Один древнеперсидский мужик был такой мудрый, что с утра к нему выстраивалась очередь сатрапов, пришедших за советом.

Но мужик принимал только с 6 до 8 часов.

А всё потому, что в 6 утра он пил шербет собственного изготовления, который действовал только 2 часа.

К сожалению, в последующие века рецепт психостимулирующего шербета был утерян.

Древнегреческие мужики были те ещё подкаблучники.

Ихние бабы страсть как любили петь и плясать под музыку.

Вот они и заставляли мужиков целыми днями играть на кифаре.

А чтобы те не отлынивали, придумали поить мужиков таким вином, чтобы играть можно было без устали.

К сожалению, в последующие века рецепт музыкального вина был утерян.

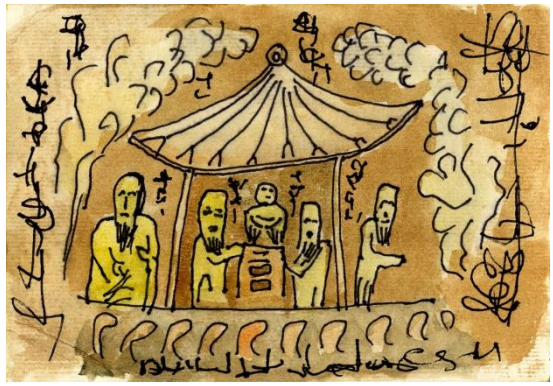
Один древнегерманский мужик научился летать на брюкве и пиве.

Пойдёт в горы, возьмёт в одну руку кружку с пивом,

а в другую руку брюкву, и летит, летит.

Но недолго — пока пиво в кружке не кончится.

К сожалению, в последующие века рецепт летательного пива был утерян.



Древнекитайские мужики пили чай не просто так, а всё с какими-то выкрутасами.

Бывало, усядутся на карусель, позовут дюжего варвара, он ручку крутит и карусель крутится.

А мужики довольные, чай пьют и стихи сочиняют.

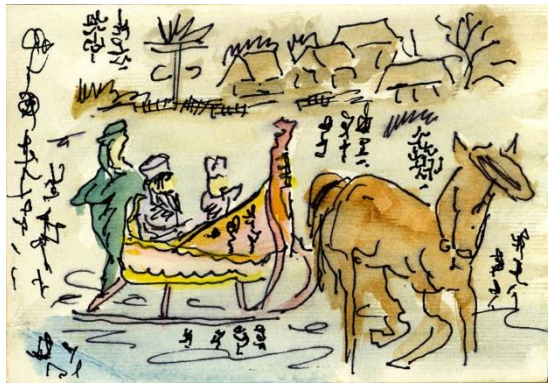
К сожалению, в последующие века рецепт стихотворного чая был утерян.

Одного древнеиберийского мужика прозвали галлюциногенным матадором.

А всё потому, что перед началом корриды он выпивал бутылку особого портвейна и потому двигался по арене так грациозно и непредсказуемого, что его никто не видел.

И только в конце замирал рядом с умирающим быком.

К сожалению, в последующие века рецепт галлюциногенного портвейна был утерян, а всю славу приписал себе Сальвадор Дали.



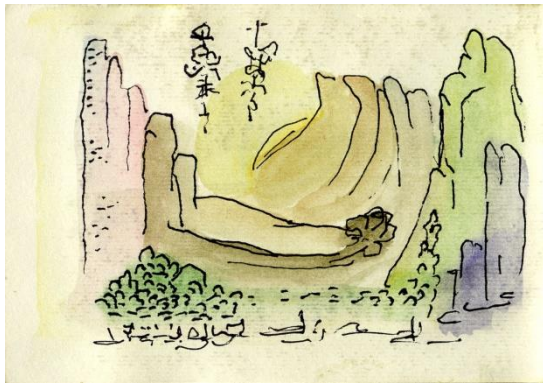
Древнерусские мужики от нынешних ничем не отличались.

Вот также напьются водки, вскочат на запятки и давай кататься, да песни орать.

Но делали это не часто, ограничивали себя, потому что водка была ядовитой.

К сожалению, в последующие века Менделеев так улучшил рецепт водки, что от былых ограничений и следа не осталось..

16. Кожа рваных барабанов



Кожа рваных барабанов,
в которые били в долине песчаных гор,
где гулкое эхо,

помогает от ностальгии по дальним странам.

Сварить со специями,
дать настояться
и пить после еды.

Кожа рваных барабанов,
в которые били у берега синего моря,
где серые скалы,

помогает от ностальгии по алым парусам.

Разрезать на квадратики по 4 см^2,
присыпать йодированной солью
и жевать по утрам.

Кожа рваных барабанов,
в которые били рано-рано утром,
когда камни ещё спят,

помогает от ностальгии по юности.

Истолочь в порошок,
смешать с мёдом
и принимать по столовой ложке два раза в день.

Кожа рваных барабанов,
в которые били на перекрёстке столичного города,
где сходятся бетонные дома,
помогает от ностальгии по полноте жизни.
Сшить в полотно размером 40x110,
обернуть бёдра
и так спать по ночам..

Кожа рваных барабанов,
в которые били на вершине каменной колонны,
что стоит среди дубовых рощ,
помогает от ностальгии по несбывшемуся.
Разрезать на тонкие полоски,
связать в ремень
и по пятницам стегать себя по ягодицам.

Кожа рваных барабанов,
в которые били дипломированные шаманы,
чтобы отгонять духов,
помогает от ностальгии повсюду быть дома.
Тщательно прожарить,
сбрызнуть белым вином
и любоваться вместо еды.

2012

ЛИПОВСКИЙ АЛЬБОМ ДЛЯ ЭСКИЗОВ

19 картинок со стихотворениями

В мае две тыщи двенадцать
в деревне с названием Липовка
я этот альбом рисовал.
Сейчас я его пропою.

1.

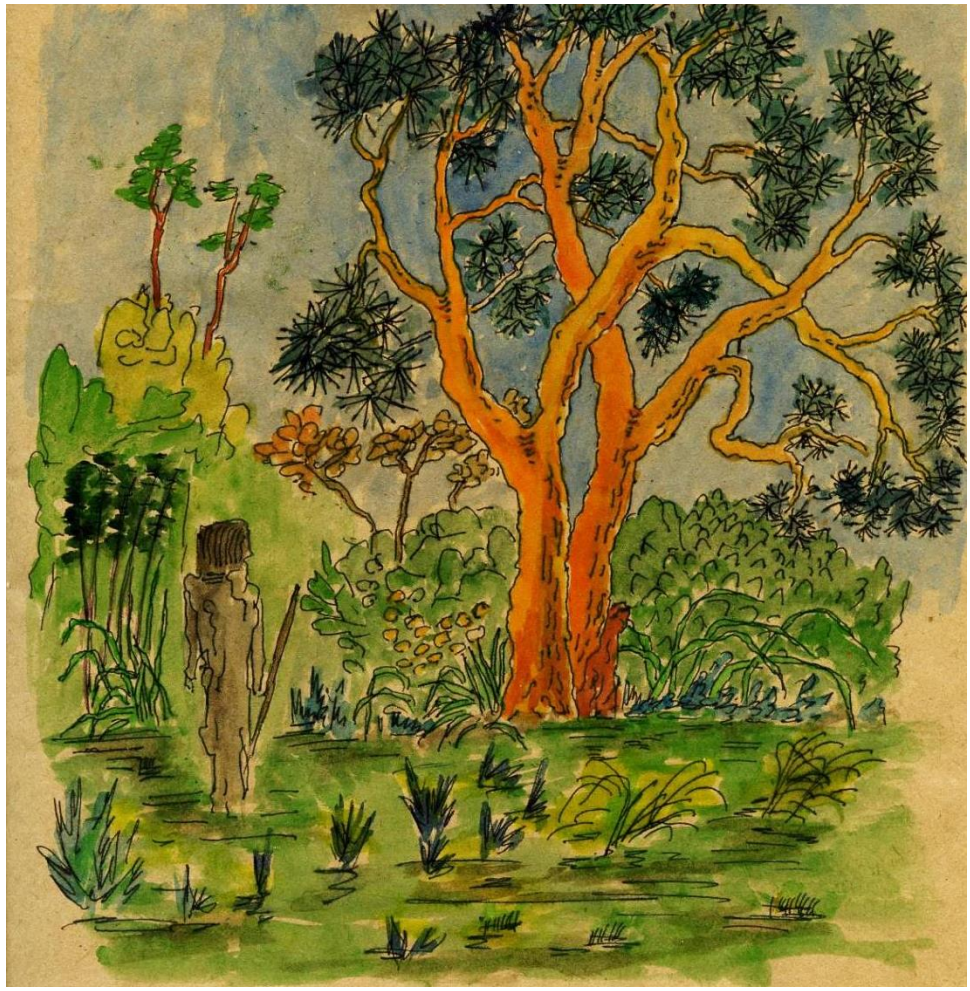
Видишь-видишь или нет, как на правом берегу
яблонево-розовое облако плывёт.
Речка Панинка бежит по весне
из весёлой разливающейся Мокши
в нашу Старицу.
А по осени — в обратную сторону,
из нашей Старицы в задумчивую Мокшу.

2.

Этот домик выпечен из зимних ожиданий,
из весенне-летних красок и цветов.
Этот столик нужен для воспоминаний.
А завтракать меня зовут в избу, где нету комаров.

3.

Слышишь-слышишь или нет, как несётся, как летит
над пустынною водой твоего мотора шум,
лодочник.



4.

В нашем лесу есть такая сосна
по дороге на Шевали-Майдан.
На этой дороге есть такой путник,
будто из дальних стран.

5.

Если долго смотреть с моего крыльца
на соседний дом, на берёзу клонящуюся,
увидишь, как зарастает весенней травой
дорога песчаная и время отчаянное.

6.

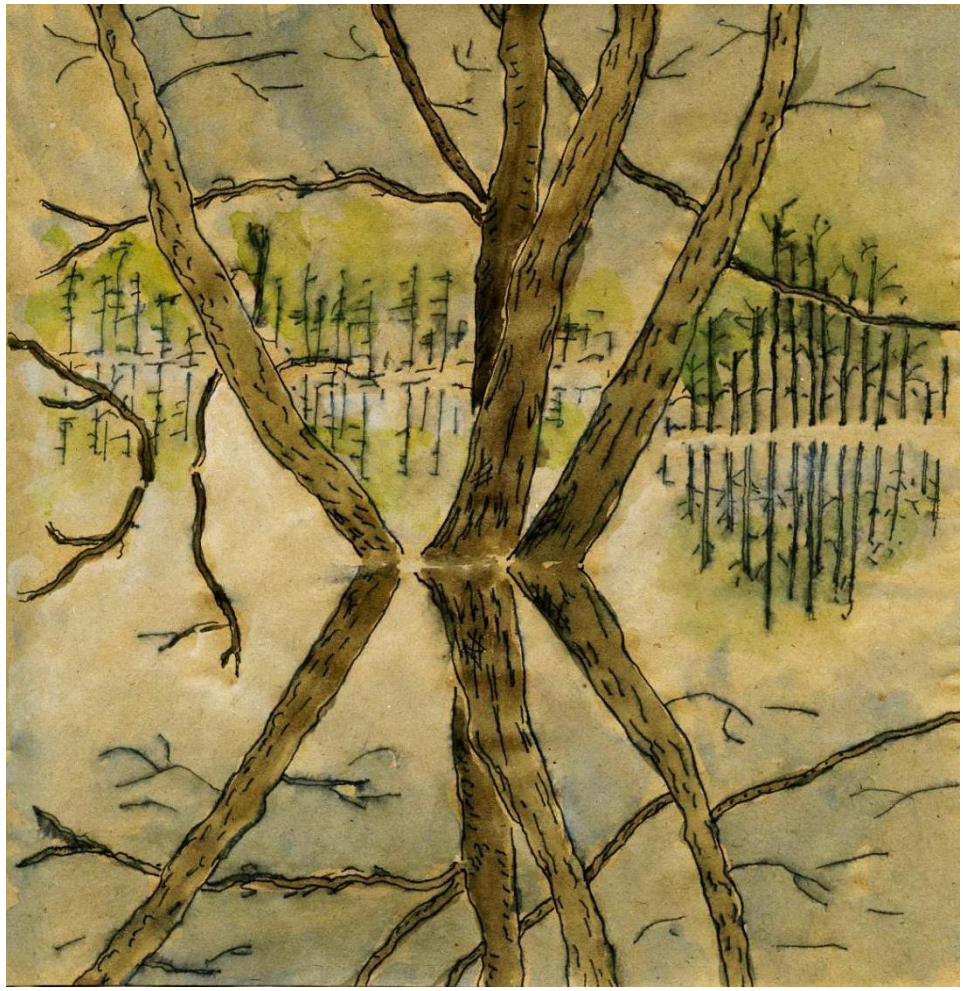
Каждый раз, когда мы идём умываться,
мы слышим в плеске воды всё ту же песню
бутылки со свежей водой на земле,
умывальника на столбе
и вазы для летних цветов,
но с разбитым дном.

7.

Что за черёмуха, ах! что за черёмуха этой весной!
В дурмане мой стол, в дурмане крыльцо,
тюльпаны в дурмане и дом соседский,
и вся наша улица, вся деревня.
И весь этот край.

8.

Ну, как же можно не рисовать ночь!
Когда деревья чёрные,
когда горизонт в огне,
когда одинокая Венера
мне освещает путь.



9.

Вы знаете, что такое весенний разлив?

Это когда небо упало на воду.

Это когда деревья растут из своих отражений.

10.

Вот она, вот она, вот она сон-трава!
Как много в этом году этой травы,
как много этих снов.

11.

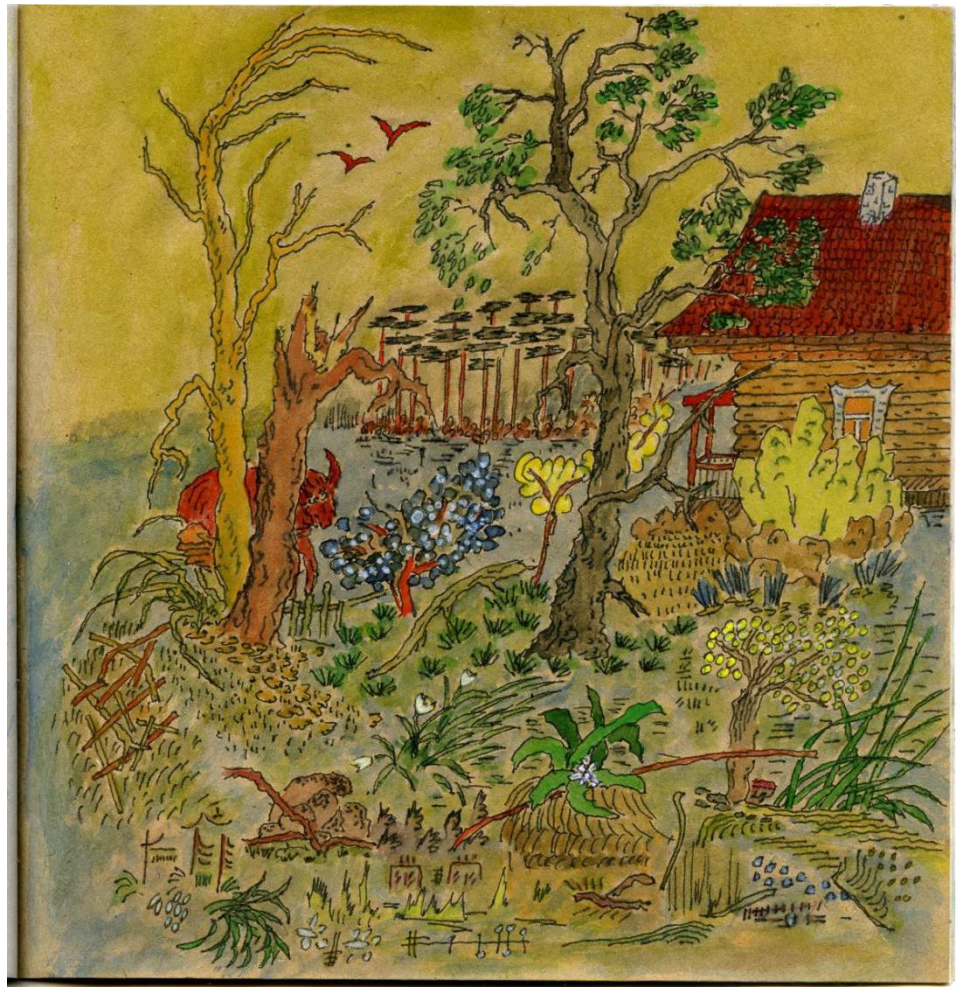
Лесные фиалки.

Макросъёмка со вспышкой.

Или просто лесные фиалки, лесные фиалки, лесные фиалки у самой земли.

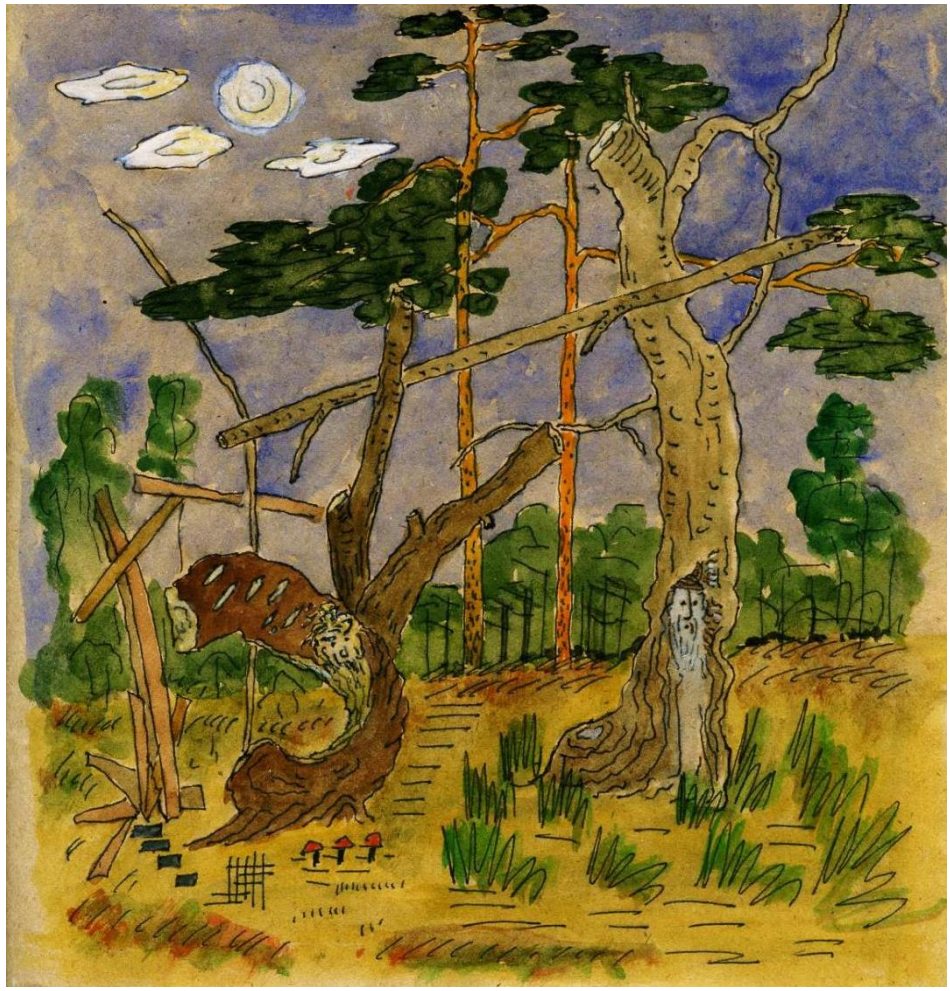
12.

Сухое дерево похоже
на маленькое неизвестное науке насекомое,
которое похоже на огромный неизвестный науке скелет
какой-то древней вымершей рептилии,
которая похожа на сухое дерево.
Все они идут куда-то, идут куда-то, и никак не дойдут.



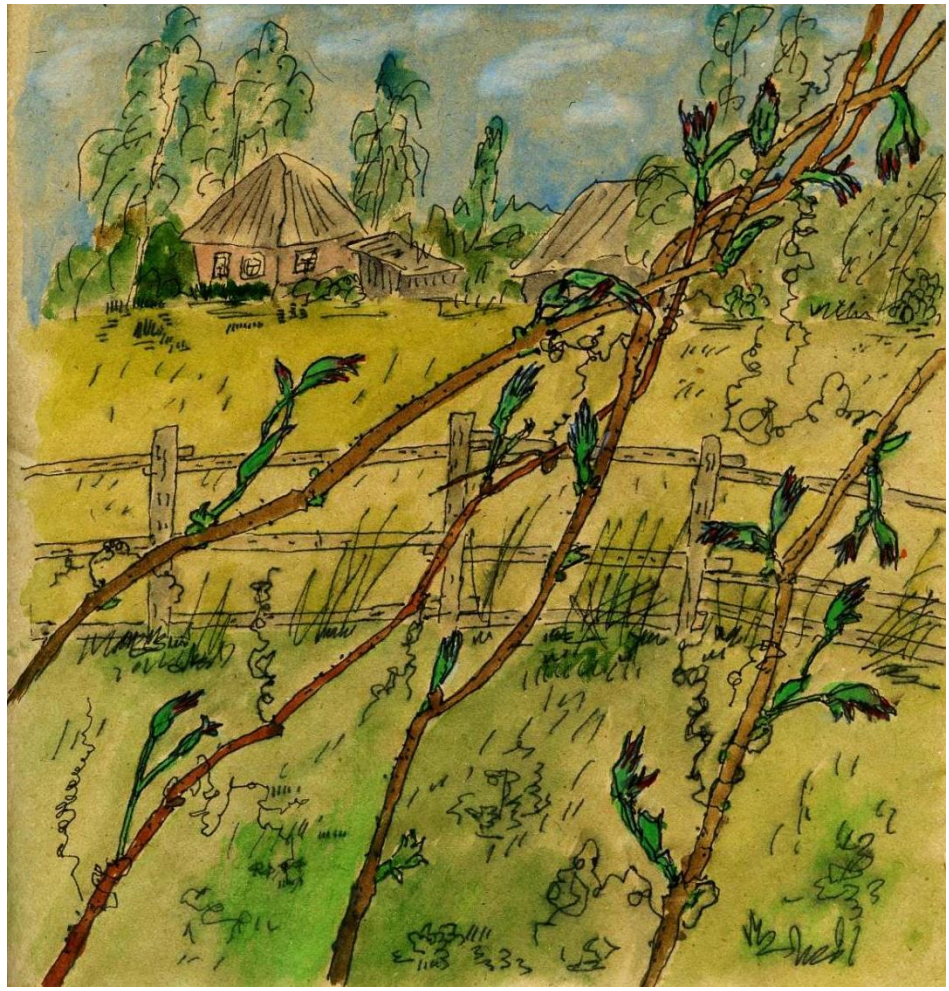
13.

Спишь и видишь-видишь сны.
Спишь и слышишь-слышишь звуки.
Из земли растут цветы.
Кто-то ходит по тропинке.
В небе прячутся две птицы.
За оградой буйволица.
В норке рыжая лисица.
В доме красная девица.
Дом под красной черепицей.
Кто там спит?



14.

Если в лес пойдёшь один, ты один в лесу не будешь.
Окружат тебя деревья,
все с морщинистыми лбами и седыми бородами.
И тебе нашепчут в уши небылицы и страшилки,
и прабабушкины сказки, и нелепые рассказки
— всё, что ловится ветвями, и корнями, и стволами
из последних радио- и телепередач.



15.

Как прелестна, как прелестна пастораль моей деревни,
когда смотришь через сети, что раскинул на крылечке
этот юный и весенний, этот нежный и зелёный,
этот девичий виноград.

16.

Вот пообщаешься с ними, и сам таким же станешь,
— с этими деревьями, травами, цветами,
листьями звенящими
и трухлявыми пнями.

17.

Растопил бы баньку я, да она уж старая.
Уж больно скособочена, забыта и заброшена.
Растопил бы баньку я,
да она по-чёрному.

18.

Уезжаю-уезжаю, за столом сижу, прощаюсь
и смотрю в окно.
Только вишня расцветает, и берёза забелела,
только тикают и тикают на полочке часы.
Уезжаю.

19.

Это дело было в мае, я в Москву домой уехал.
А в деревне, а в деревне,
на Кутке, в закутке
под луною и под солнцем
на стволе сухого дуба
бородатый старикашка
сам собой нарисовался.

Липовка, Куток, май 2012

ЦВЕТНЫЕ ТЕНИ ДЕРЕВНИ ЛИПОВКА

19 картинок со стихотворениями

Продолжаю воспевать деревню Липовка.
На этот раз делается так.
Беру красивый цветок или траву сорную.
Ставлю лампу и аккуратно обвожу тень ручкой-роллером.
Потом раскрашиваю, добавляю сосуд какой-нибудь на столе.
И всё.
Получаются ЦВЕТНЫЕ ТЕНИ ДЕРЕВНИ ЛИПОВКА.
Дальше тексты записываю, по возможности, не думая.
Их, вообще-то, петь надо.
Хи-хи.

1. Красная роза и Кружка NORTEL

Красная роза — Чёрная тень.

Чёрная роза — Красная тень.

Кружка Northern — Northern — Northern Telecom.

Это такая фирма, канадская, телекоммуникационная.

Коммуникация — телепортация.

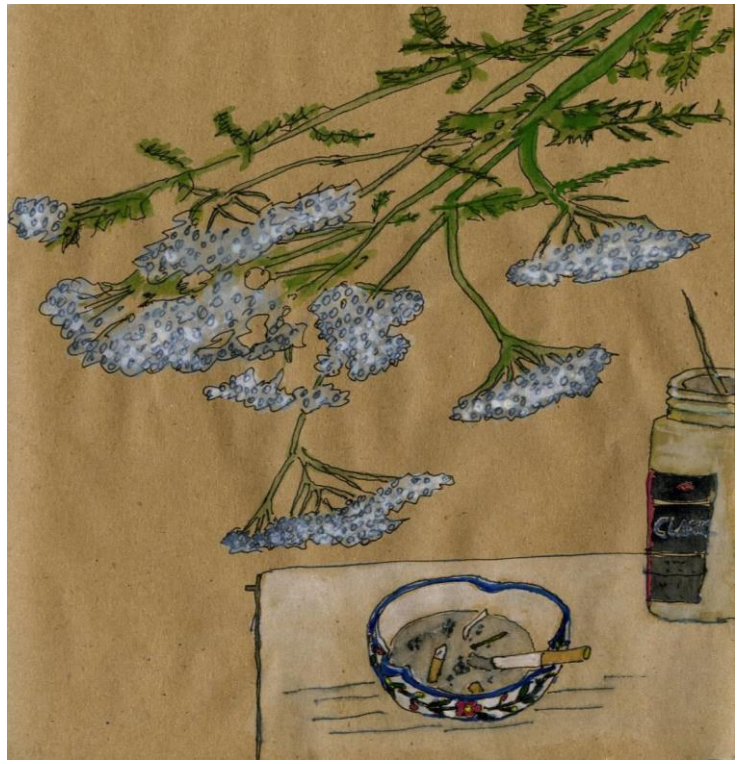
Комму-акация — телекастрация.

Коммуникабельный телекинез.

Телескопический коммунистический

Интер — интер — интер-фейс.

Или междумордие, проще говоря.



2. Тысячелистник и пепельница из Акко

Тысячелистника белая тень.

Невычислимая боль перемен.

Пепельница круглая из города Акко,

Где живут арабы на севере Израиля,

Сделана армянскими, наверно, мастерами.

А по дну написан цветой и расписной

Иерусалим

— Иерусалим

— Иерусалим.

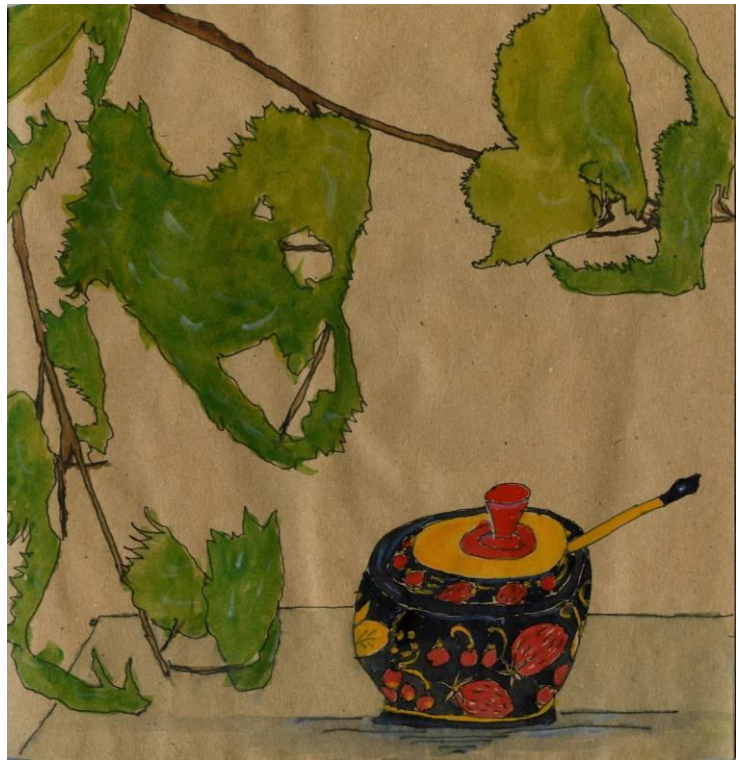
Белая тень.

3. Иван-чай и бутылка из-под вина «Липовка-Зяблики»

Тень слетает с лепестков Иван-чая
И качает, и качает
Этот сон этих слов

Липовка — Зяблики — Авалиани
Инаилава — Икилбяз — Аквопил
Липовка — Зяблики — Авалиани

Налей мне тёмного вина,
Бокал в ладонях покачай
Ты не печалься, Иван-чай
И не печаль меня.



4. Берёза и солонка

Берёзовая тень, берёзовый плетень,
берёзовая лень, берёзовый олень,
Бе-рёзовый пень, Бе-рёзовый день,
Берёзовый трень-брень. И шляпа набекрень.

А ты возьми солонку расписную
И маленькую ложечку резную
Берёзовые раны аккуратненько присыпь

И запечалься увяданьем. И под берёзою свиданьем
И выдави солёную слезу. И обними берёзу-березу́.

5. Вьюнок, кисти и рюмка

Тонко поют тени вьюнка тенями труб.
Они поют о чём-то постороннем.

А я возьму большую кисть,
Нарисую маленькую рюмку.

И налью три капли лета, Десять капель летнего света,
Девять нот, улетевших в небо, Восемь звуков, упавших с неба,
И сорок капель холодной водки.

Чокнусь рюмкой с тенью рюмки
И буду пить, глядя в глаза
Своей тени.

6. Колокольчики и чайник

Коло-коло-колокольчики
Тень бросали на мой чайничек
Сине-голубые динь-дон-дин
На мой белый, на фаянсовый.

Заварил такого чаю я,
Пригласил тебя нечаянно.
Стали вечером чаёвничать,
О высоком говорить.

А на небе фиолетовом Зазвенели еле слышно
Коло-коло-колозвёздочки Сине-голубые динь-дон-дин.

7. Куриная слепота и красная ваза

Тень куриной слепоты.

Ну и название, надо ж такое придумать.

Тень куриной слепоты.

А неплохо.

Тень куриной слепоты.

На самом деле, львиный зев. Но тоже.

Тень куриной слепоты
Не попала сослепу в красную вазу.

Белая кашка, незабудки и ромашки,
Трава-полынь, чертополох, осока,
три белых облака, что таяли высоко,
и капля, что упала в пыль тропы.

Все они тоже не попали в красную вазу.

Белая кашка, подорожник, сладкий клевер.

8. Синеголовник и кувшин

Над кувшином с маленькою дырочкой в боку
Тень синеголовника зависла на ветру.

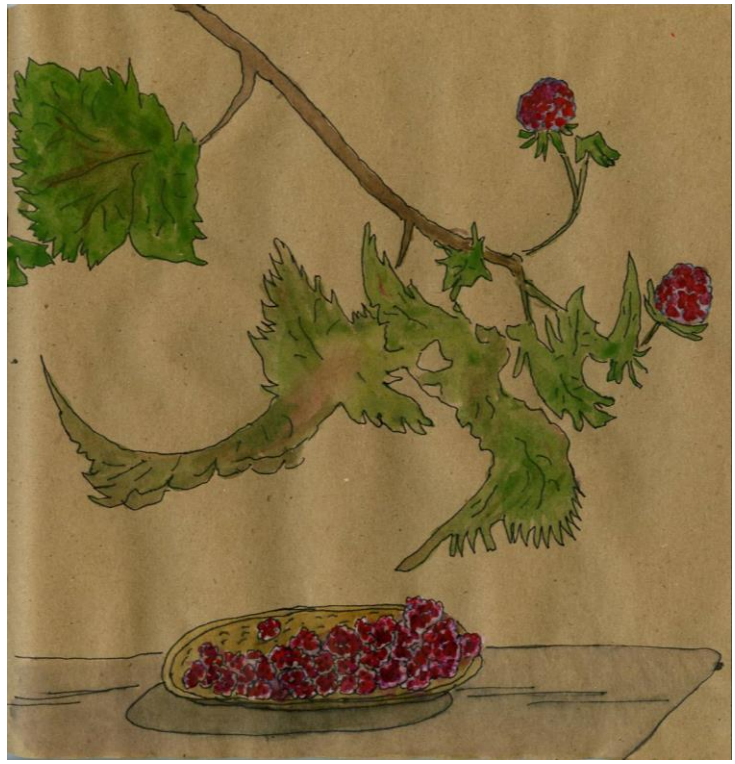
А мы его татарником всё время называли.
По-научному татарник — онопордум.
Древне-греческий ослиный ветрогон.
Что бы это значило, ей богу, не пойму.
Но что-то древнегреческое чудится...

Он колючий, он красивый, он вонючий.
Ну а тень его нежна и ароматна.
И суха как память о летнем зное…
Он стоит на полочке в кувшине без воды.
Ничего, что дырочка в боку.

9. Белая ромашка и лимон в чашке

Так и тянутся тени ромашек,
Всё хотят, чтоб на них погадали.
Любит — не любит — К сердцу прижмёт — К чёрту пошлёт.
С тени ромашек тихо слетает тень лепестков.
То расцветает, то увядает, чёт или нечет, чья-то любовь.
К вечеру тени только длиннее,
К вечеру года, к вечеру жизни, к вечеру дня.

Под белой ромашкой в чашке лимон.
Не унываю, чай наливаю,
Чай с лимоном люблю.



10. Малина

Малина, малина, малина в нашем садике
Малиновая тень.

Хороша, ах хороша, да в крапиву одета.
Никто в ротик не берёт ягодку за это.

Малина, малина и я, малина́я, иная, иная она.

11. Зверобой в корзинке и спички

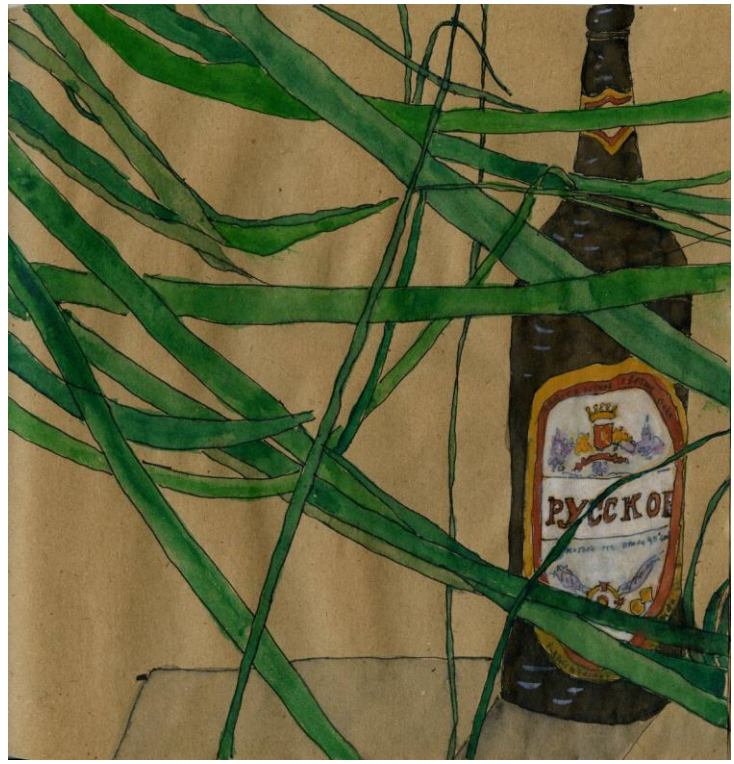
Похожа ли тень корзины на тень головы Иоанна,
Кровью которой рождён зверобой, согласно преданью.
Пой, пой, зверобой,
Рождённый молнией птицей, согласно другому преданью.
Пой, пой, зверобой,
Латинский Hypericum, что означает цветущий под вереском.
Пой, пой, зверобой,
Отваживай силу нечистую,
Приваживай суженых девушкам.
Пой, пой, зверобой,
Казахский джерабой, что означает целитель ран.
Пой, пой, зверобой,
О том, как лисички взяли спички и подожгли аэроплан,
Что нарисован на этикетке спичечного коробка.
Пой, пой, зверобой, да не заговаривайся...

12. Полынь и тёрка с красной ручкой

Я возьму побольше тени
У полыни серебристой
И натру её на тёрке
С красной ручкой.

Будет много мелкой тени,
Жгучей как кайенский перец,
Ароматнее шафрана,
Солонее мелкой соли,
Горше чем сама полынь.

Я пойду и буду сыпать
и налево и направо.
С этой славною приправой
Станет жизнь ещё вкусней.



13. Осока и русское пиво

Тень осоки, теньосоки, теньосоки, теносоки, теносоки над водой

Требуйте долива пива

Апосля отстоя пены.

Дайте народу пива:

Немецкому народу — немецкое пиво,

Китайскому народу — китайское пиво,

Русскому народу — русское пиво,

Народу Островов Зелёного Мыса —

Пиво Островов Зелёного Мыса.

Теносоки, теносоки…

14. Красная лилия и стакан

Красной лилии хищная тень.

Белый стакан непорочно чист.

Красной лилии кровь и кость.

Белого стакана свет и тень.

Красная лилия увядает.

Белый стакан неизменно свеж.

Красной лилии тает тень.

Белый стакан во веки веков.

Красной лилии больше нет.

Белый стакан стеклянный.

15. Дикий чеснок и керосиновая лампа

Тень, тень, тень — три тени
бросил дикий чеснок.

Запалил бы лампу я керосиновую,
Да фитиль давно уже отгорел,
Да стекло давно уже треснуло-разбилось,
Да и ночи тёмной больше не бывает,
Да и ожиданий больше не осталось,
Да и той печали острота ушла,
Да и потерялась где-то жизнь моя,
Да и керосина в доме нет.

Так что ты прости меня, дикий чеснок.

16. Цикорий и чёрная ваза, оплетённая берестой

Тень цикория, тень цикория,

Голубой такой, утренний цветок.

Эта ваза старая, чёрная, старая,

Туго оплетённая берестой.

Эту бересту не снимай, не снимай.

Эту грамоту не читай, не читай.

Тень цикория, цик-цикория.

Закрывается голубой цветок. Цик-цик.

К вечеру.

17. Жёлтая ромашка, пижма и маленькая бутылочка

За жёлтой ромашкой прячется маленькая пустая бутылочка.

Откуда она взялась?

Наверное, с ней связаны какие-то события, какие-то люди, какое-то время.

Но я не помню.

Прошлое поросло жёлтой ромашкой и пижмой.

Эта пижма растёт вдоль дороги
Для того, чтобы путник сорвал
И бросал с каждым шагом
Одну за другой — пижминки.

Пиж-пижминка, пиж-пижминка, пиж.

Отмечая пройденный путь, пройденный день, пройденную жизнь.

18. Тёрн и подстаканник со сценой охоты

Тень тёрна, тень тёрна, тень тёрна, тень тёрна,

Слива зелена.

А я возьму старинный подстаканник

Со сценою охоты на оленя,

Что сделан мастерами старой Мстёры

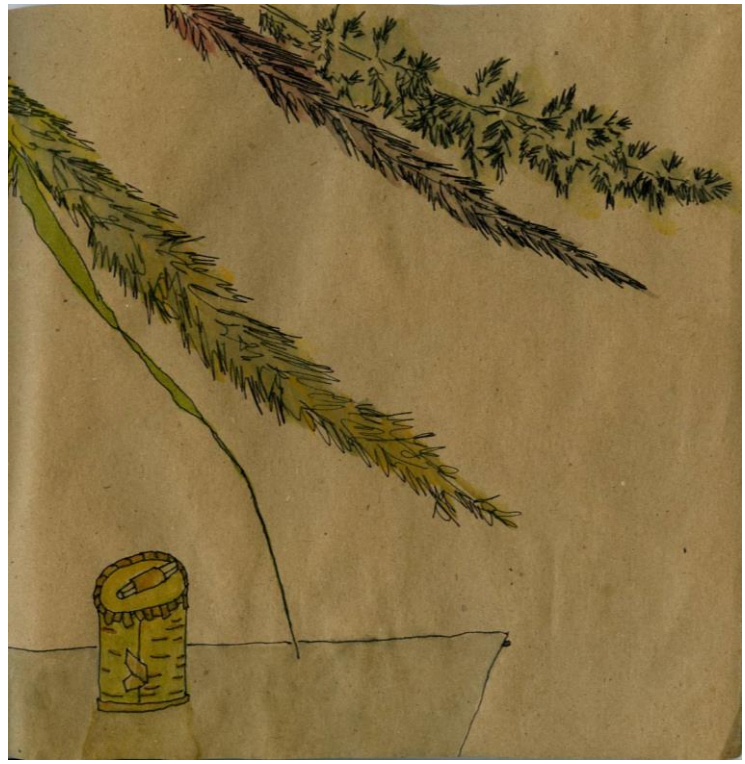
Сто лет, наверное, назад.

И буду предаваться сладкой лени,

Добавив сахару в свой чай.

И путешествовать по времени.

Тень тёрна, тень тёрна, тень тёрна, тень…



19. Три травинки и берестяной туесок

Возьми-ка три травинки, расположи их в ряд,
Прислушайся, о чём они друг другу говорят.
Возьми-ка карту памяти и запиши тот звук,
По правилам искусства и всяческих наук.
А после положи её под крышку в туесок,
И никому ни слова, ни полслова, и молчок.
Ну, а потом the show опять must go on,
И каждой ночью снится один и тот же сон,
Как будто ты травинка под снежной пеленой,
И только в карте памяти остался голос твой.
В берестяном туеске, в берестяном туеске, в берестяном туеске
Под крышкой.

Липовка, Куток, июль 2012

ЛУН ХУ ЦЗЫ «КУНЬ ЭЙ»

жизнеописание Лун Ху-цзы в 18 главах с предисловием и послесловием

Предисловие

Учитель Лун родился в княжестве Ау, в волости Банпин, в селении Воуи. Его предок был гунцем по имени Лун Даншу. У Даншу родился Е Жэ, у Е Жэ родился Зулян И. Уже в немолодых летах И в нарушение обычая женился на девушке из рода Кань. Жена И молилась у горы Лицюшань и после родила сына —Лун Ху цзы. Так на двадцать втором году правления муского Нян-гуна появился на свет учитель Лун.

Когда учитель Лун родился, у него на макушке головы обнаружили впадину и поэтому его назвали Гу («Долина»). Его детское имя —Шу-ин, поскольку он был третьим из братьев, второе имя —Ху (тигр), фамилия —Лун (дракон).

В детском возрасте Лун Ху-цзы любил играть, обычно он расставлял винные сосуды, деревянные раскрашенные фигурки танцовщиц и письменные принадлежности, представляя весёлое собрание сочинителей стихов.

В юности учитель Лун был беден и занимал низкое положение. Когда повзрослел, стал летописцем в клане Ози. Он обычно записывал всё подряд. Потом он покинул княжество Ау, перебрался в Пун и Малое Рэй. Однако и там он оказался в тяжёлом положении из-за столкновений с княжествами Сэнь и Тай и вынужден был вновь вернуться в Ау.

Лун Ху-цзы был ростом шесть чи и девять цуней, его называли коротышкой, он был совсем не заметен за другими людьми.

Из Ау учитель Лун отправился в столицу У, чтобы стать учеником знаменитого поэта Фао Ханя. На прощание Фао Хань пропел: «龍虎子—聳忽錙» —“Лун Ху цзы —лун ху цзы ”, что значит «Учитель Лун —тёмная смутная мелочь».

У самого учителя Луна совсем не было учеников, только Синий, Печальный и Квадратный. Так что непонятно, почему его называют учителем Луном.

Зато у него было много друзей: и учитель Мун, и учитель Нун, и учитель Оун, и учитель Пун, и учитель Рун, и учитель Сун, и учитель Тун, и учитель Уун, и учитель Фун, и учитель Хун, и учитель Цун, и учитель Чун, и учитель Шун, и даже один иностранный учитель Эун.

Это они собрали истории про учителя Луна и, отредактировав их, издали книжку «困诙» —«Кунь Эй», что никак не переводится.

Можно только сказать, что иероглиф 困 —Кунь означает 47-ую гексаграмму Книги Перемен «Истощение», которая следует за 46-ой гексаграммой «Подъём» и предшествует 48-ой гексаграмме «Колодец». Ещё это значит бедный, нищий, усталый, изнурённый, пойманный в ловушку, попавший в засаду и т.п., а также дремать и спать, что очень похоже на учителя Луна.

Иероглиф 诶 —Эй означает междометие «эй!». По-книжному это произносится как Си, что звучит также как Си —храп, или Си —лошадь с белыми передними ногами, или Си —вороной конь с коричневым хребтом, или Си — небольшая домашняя мышь. Другое книжное произношение —Ши, что звучит также, как Ши —крупная мышь, или Ши —мелкая утка, или Ши — гадательная бирка из стебля тысячелистника, или Ши —стихи.

Как-то сумасшедший бродяга Цзе Чюй из Шу прошёл мимо дома Лун Ху-цзы и громко пропел: «О комары, о мухи! Какое у тебя падение гениальности! В прошлом ты был не в состоянии сочинять, а в будущем, вероятно, тебе придётся отправиться в забвение. Хватит! Хватит! Сколько можно писать стихов, которые ни на что не годны». Лун Ху-цзы выскочил из дома, хотел поговорить с этим человеком, но тот быстро убежал, и побеседовать с ним не удалось. После этого учитель Лун уехал в Ща.

Из Ща он перебрался в Ы, из Ы —в Эй, из Эй —в Юй, а оттуда —в Яй. И везде он сочинял стихи, с помощью которых надеялся исправить глупость.

О смерти учителя Луна ничего не сообщается, так что достоверно неизвестно, умер он или ещё жив. Его сочинения также неизвестны, поскольку он никогда их не подписывал и теперь их можно приписывать кому угодно.

Глава 1. О том, как учитель Лун писал под копирку, как он прищуривал глаз, и как проверял, врут люди или нет.

Учитель Лун был очень хитрый: бывало кому-нибудь даст какой-нибудь совет, а сам ему не следует.

Ещё он любил путешествовать: не только по государственным делам и не только в своё удовольствие, а стараясь совмещать.

Во время этих путешествий он должен был писать доклады императору: как тут и что. Письма жене: что он и где. Записки маленькой наложнице: где и когда. Послания друзьям: когда и почему. Наставления ученикам: почему и зачем. Сочинения потомкам: зачем и как.

И так ему это надоело, что он придумал писать под копирку. Император удивлялся образности стиля докладов. Жена радовалась тому, что он ей всё подробно описывает. Маленькая наложница хихикала. Друзья поражались небычности его натуры. Ученики впадали в глубокую задумчивость. Потомки недоумевали.

Бывало учитель Лун пойдёт на прогулку, вершинами дальних гор любуется, широкими долинами успокаивается, камни причудливые разглядывает, слушает, как птицы в ветвях деревьев поют или цикады в траве, или тихий гул доносится снизу, с автомагистрали. И тут вспомнит, что писать пора. Присядет на камень где-нибудь под деревом и пишет под копирку. А сам улыбается в бороду.

«И то правда, —говорил Учитель Лун, —если мир один, и я в нём один, то зачем шесть раз писать? Разве у меня шесть глаз, и каждый глаз своё видит, чего другие не видят? У меня только два глаза, и один я всегда прищуриваю».

В другой раз учитель Лун говорил: «Иногда я прищуриваю оба глаза, и тогда через некоторое время становлюсь сонным и засыпаю. Но во сне всё равно что-то вижу, что-то слышу, с кем-то разговариваю и что-то записываю. Другие люди говорили мне, что тоже так делают. Но они врут. Я проверял: размахивал перед ними руками, шептал им в самые уши, но они не видели моих рук, не слышали моего голоса, на вопросы мои не отвечали и, уж конечно, ничего не записывали. Они просто спали. А если вдруг начинали видеть, или начинали слышать, или начинали говорить, или начинали записывать, так это только после того, как просыпались».

А в третий раз учитель Лун говорил так: «Люди врут не потому, что хотят скрыть правду, а потому, что не знают правды. Ведь если то, что они врут, правда, значит правда включает эту ложь. А если то, что они врут, неправда, то они не врут. Люди думают, что правда маленькая, а ложь большая. На самом деле, правда такая большая, что для лжи совсем места не остаётся».

Глава 2. О том, как учитель Лун встретил фею реки Мо, о стане дракона, запахе орхидеи и о том, что будет и что было.

Когда учителю Луну было тридцать лет, он ещё не надевал шапку, и поэтому ещё не был учителем.

Тогда он любил прогуливаться вдоль берега реки Мо. Но не просто так, а чтобы встретить фею реки, которую звали Ни. Она должна была быть стройной как взлетающий дракон и ароматной как горная орхидея. Да к тому же вовсе не против познакомиться с благородным человеком. На это явно указывали древние легенды и свидетельства достойнейших поэтов прошлого.

«Тут ведь в чём дело, —рассуждал учитель Лун, —раньше все боялись, что Ни-фея уволокёт их за собой под воду, и они там захлебнутся. Ну, типа пути человека и феи различны. Но сегодня у меня есть акваланг —если что. А потом, может быть, удастся забрать фею Ни с собой. Закажу большой аквариум, налью воды из реки Мо, на дно уложу камни со дна и всякие водоросли оттуда же, рыб напущу. Надеюсь, Ни-фее понравится и она там не помрёт с голоду. А я буду любоваться, записывать под копирку и всякое другое».

Так рассуждал учитель Лун, двигаясь вдоль берега реки Мо, и, погружённый в эти думы, не заметил, как чуть не столкнулся с препятствием. Препятствием оказалась девушка, которая будто специально ждала его.

«Я Ни-фея», —сказала она и потупила глазки.

«Это не фея», —подумал учитель Лун.

И действительно, станом она походила на черпаху, а ароматом —на водоросли.

Впоследствии учитель Лун говорил так: «Древние легенды не врут, и достойнейшие поэты прошлого не лжесвидетельствуют. Только приукрашивают».

А ещё учитель Лун говорил вот как: «Если вдуматься, у дракона не такой уж изящный стан —слишком гибкий. Фактически, у него и талии-то нет, потому что она везде. К тому же он склизкий. Что же касается аромата орхидей, то отнюдь не все из них пахнут ванилью и лавандой, шоколадом и ландышом, или розой, или фиалкой, или французскими духами. Некоторые воняют старыми грибами, мусорной свалкой, плесенью, кошачьей мочой, мёртвой рыбой или даже частично разложившейся крысой. И только совсем немногие —женскими гениталиями».

В третий раз учитель Лун сказал: «Дни летят как белые облака. Даже самые драгоценные воспоминания —что камешки на галечном пляже. Если вам кажется, что уже ничего не будет, то это только потому, что всё уже было».

Так говорил учитель Лун, но не рассказывал, как дальше дело было с феей Ни. Был у неё он под водой, она ли у него гостила в аквариуме или без него.

Глава 3. О том, как учитель Лун вершил суд над чертями, прищурив оба глаза, и как он научил их ритуалу и наказаньям.

Учитель Лун был хитрый, но честный. Когда дело касалось достижения правды, он хитрый был и находил самые неприметные, самые узкие и самые кривые тропинки, ведущие к цели. Но когда дело касалось самой правды, он честный был и шёл напролом, не разбирая дороги и игнорируя препятствия.

Поэтому император, чтобы как-то утихомирить учителя Луна, раз в несколько лет отправлял его в ссылку, куда-нибудь подальше, где тот не мог произвести слишком больших разрушений.

Однажды учителя Луна назначили судьёй уездным в городок Хэнду. Там он привёл в порядок присутственное место, украсил зал, поставил телевизор, расчистил двор и вырыл пруд, и стену на востоке починил, а под стеной куст хризантемы высадил. Потом уселся в кресло и стал ждать просителей.

Но никто не приходил. День не приходят, два дня. На третий день судья, прогуливаясь по двору, садовника увидел и спросил: «Что ж люди не приходят?» Садовник так ответил: «Они боятся чертей, и призраков и духов. А те, узнав о Вашем прибытии, собрались все и не уходят, почтительно ожидая, когда Вы соблаговолите дела их рассмотреть и разрешить по правде и закону». Сказал садовник и растаял в воздухе.

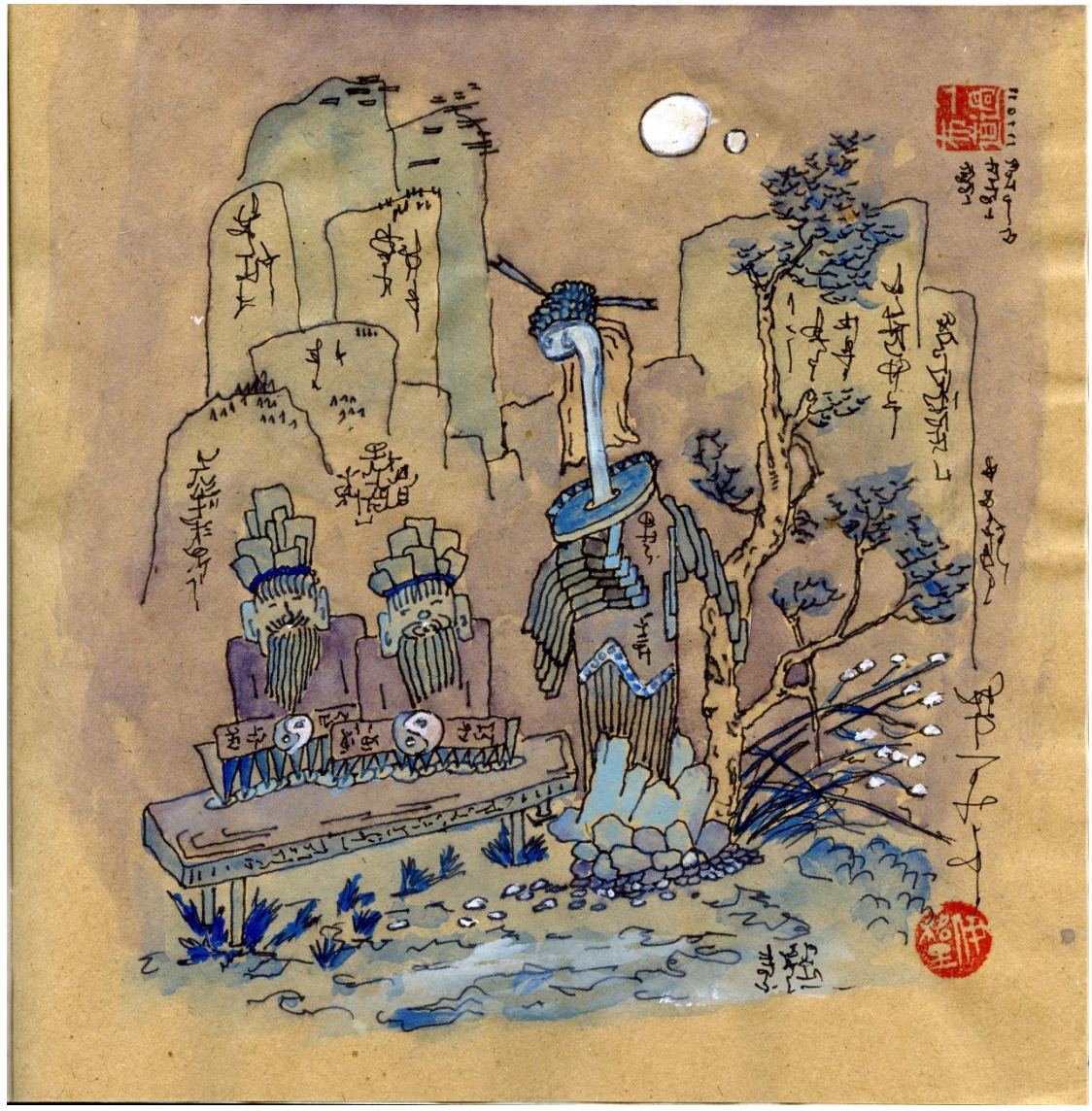
Учитель Лун, конечно, сразу понял: невидимы и призраки, и духи, а всё же где-то тут толкутся. Садовника нарочно подослали, чтоб указать на ожидающих суда. Учитель Лун вернулся в зал, уселся в кресло и прищурил оба глаза.

Судить чертей во сне пришлось довольно долго. Дела их были и многочисленны, и запутанны. К тому же было всё у них не как у людей. Надеть колодки иль палками побить, и тонкими, и толстыми —всё это можно, а вот казнить не получалось —не умирали мёртвые уже. Учитель Лун был справедлив и тех, кому за восемьдесят, от наказания освобождал. Но то ведь люди, а черти жили сотни лет и больше. Пришлось придумывать такие наказанья, чтобы и правду соблюсти и не обидеть стариков, хотя они и призраки и духи.

Двор канцелярии уже травой зарос, засохла хризантема, и безнаказанно в пруду лягушки квакали. А судья Лун всё спал и спал, прищурив оба глаза.

И, честно говоря, ужасно надоело ему это. Тогда придумал он вот что. Собрал добропорядочных чертей, их разделил на ранги, чины присвоил, назначил главного и выдал молоток, и так сказал: «Теперь судите себя сами». Обрадовались черти, наконец-то покинули присутственное место и убежали играться в новую игру: судить друг друга и наказывать.

Тогда учитель Лун сказал: «Прав был мудрец-то древний, когда советовал он, духов почитая, держаться от них подальше». Так он сказал, прищурив один глаз.



Глава 4. О том, как учитель Лун помог коричной фее и совершил великий подвиг вместе с другим учителем Луном.

Учитель Лун любил поспать, и всем советовал. Он говорил так: «Во сне люди приближаются к совершенномудрым. Они путешествуют по разным мирам, совершают великие подвиги и прекрасно себя чувствуют. Пути ночи и дня различны, это правда. Но разве они параллельны? Разве время от времени они не пересекаются?» И рассказывал вот какую историю.

Дело было в Жёлтых Горах, в полнолуние. Учитель Лун сидел и прищуривал то левый глаз, то правый, попеременно, стремясь обрести чувство середины. В какой-то момент ему удалось одновременно прищурить и широко раскрыть оба глаза. Тут же на небе появилась вторая Луна, правда, поменьше — видимо, чувство середины было всё же смещено влево. Под светом двух Лун проклюнулось и стало быстро расти коричное дерево. А по тропинке спустилась коричная фея в образе черепахи и стала жаловаться.

Лунный заяц, —говорила она, —совсем разленился —не хочет толочь снадобье бессмертия. Если так будет продолжаться, придётся мне умереть. А что тогда будет с Луной? Разве она не упадёт на Землю?

Послушайте, милейшая, —ответил учитель Лун, —откуда мне знать, что Вы та, за кого себя выдаёте? Ведь в древних книгах недвусмысленно сказано, что богиня Луны является в образе трёхпалой жабы, а вовсе не черепахи. Как Вы это объясните?

Тише, коллега! —толкнул в бок учителя Луна другой учитель Лун (теперь их стало двое), —вдруг богиня обидится и превратит нас во что-нибудь нехорошее.

Ах! —воскликнула черепаха. —Вот видите, я уже превращаюсь. Священная жаба была бессмертна, а черепаха —только долгожительница. Ещё немного и я превращусь в человека, —и коричная фея заплакала.

Ну-ну… —сказал один из учителей Лун, —не расстраивайтесь. Мы этот вопрос решим.

И оба учителя Луна, полазив по интернету, сняли очки и стали совершать великий подвиг. Они раскрутили два колеса Великого Предела в противоположные стороны, понатыкали гвоздей в стол и запели весёлую песню о трын-траве.

На этом учитель Лун обычно замолкал, давая понять, что история окончена. Естественно, на него тут же сыпались вопросы слушателей: А как же лунный заяц? А как же черепаха? А как же Луна? Она упадёт на Землю?

Учитель Лун сердился, ругался и кричал: —А почему вы не спрашиваете, что стало со вторым учителем Луном?

Пристыженные слушатели молча расходились, а учитель Лун, прекрасно себя чувствуя, прищуривал один глаз.

Глава 5. О том, как учитель Лун, печалясь о несовершенстве мира, сидел на камне в Улинских горах и спал.

Учитель Лун, в печали пребывая по случаю несовершенства мира, поднялся в Улинские горы, сел на камень и руки так сложил в знак великой скорби.

И дух горы —Шаньгуй —проснулся и посочувствовал учителю Луну. Ему он ветер навевал, махая веером. И дул в трубу-гуань, чьи звуки падали на дно ущелья и медленно, и плавно. И плавно облака по небу плыли. И медленно по склонам Улинских гор деревья персиковые поднимались. С уступа на уступ ползла трава. Улинского источника вода, ушедшая под землю уже тысячелетие назад, и та журчала как-то по-особому печально. Кружились лепестки и падали на землю долго-долго.

Крестьяне рис то сеяли, то собирали. И долго проходили под горой войска трёх армий с жёлтыми зонтами и четырьмя знамёнами, что по ветру, как будто по воде тягучей, развевались. И развевались тяжело повязки жёлтые, повязки красные на круглых крестьянских головах. В галоп пускались кони и возвращались к рыси, на шаг переходили и обратно к рыси, потом к галопу —так, словно бы летели и в воздухе перебирали ногами. И мерно грохотали колесницы —так мерно, как звучали каменные колокола.

Крестьяне рис то сеяли, то собирали. Мычали буйволы, трубе-гуаню вторя. Солдаты сапоги впечатывали в землю, словно киноварью печати опускались на живописный свиток. Винтовки над землёй летели и кружились, как кружат журавли над императорским дворцом.

Крестьяне рис то сеяли, то собирали. Змеились автомагистрали, по ним змеились автомобили, автобусы и велосипеды. Драконово змеились в небесах то истребители, то бомбардировщики, то лайнеры с округлым брюхом, перевозящие людей всё так же смертных. От облака до облака, что плыли всё так же медленно и плавно.

Крестьяне рис то сеяли, то собирали. Подобно древним фейерверкам в небесах свой иероглиф рисовали порхающие кисти космических ракет, отпугивая злых духов. Все шесть путей пространства источили ходы радиоволн. И дух горы —Шаньгуй —в них путался как муха в паутине. Подобно мухе по стеклу по небу ветер ползал. Кружились лепестки и падали на землю долго-долго. Печально вода журчала под землёй.

Крестьяне рис то сеяли, то собирали. Учитель Лун в забвеньи пребывал. Он даже не прищуривал глаза, что вовсе странно, а просто веки опустил.

Потом учитель Лун проснулся, потянулся, глаза протёр, присел два раза, разминая ноги. И так сказал: «Ну что ж, пожалуй, на этот раз я выспался на славу. Пойду домой». И он пошёл домой, насвистывая весело мотивчик “Жумэнлин”, что в переводе значит “Словно бы во сне”.

Глава 6. О том, как учитель Лун в молодости красил волосы в оранжевый цвет и сочинял сонет в Синих горах.

Когда учитель Лун был молодым, он красил волосы в оранжевый цвет, чтобы подчеркнуть свою индивидуальность и гармонировать с крышей террасы, на которой любил проводить время.

Учитель Лун сначала созерцал Синие горы, вид на которые открывался с Оранжевой террасы. Потом водружал в центр чайного столика доставшуюся ему по наследству Танскую вазу из гончарни Нисин в Циньчжоу, обязательно с тремя засохшими хризантемами. Вокруг аккуратно раскладывал четыре драгоценности учёного, всегда в одном и том же тщательно продуманном порядке. А на край стола ставил Чаошанскую кружку, в которой заваривал крепкий Чаочжоуский чай. И начинал думать.

Думал учитель Лун, естественно, по-китайски. Но как бы не совсем по-китайски, потому что хотел сочинить итальянский или, на худой конец, английский сонет. Об этих странных стихах учителю Луну рассказывал его учитель Мун, человек широких взглядов и возвышенных устремлений.

Допив чай, учитель Лун заканчивал думать и отправлялся на прогулку в Синие горы. Там он и сочинил свой знаменитый «Оборванный сонет». Вот его иероглифы, вот их транскрипция и вот их подстрочник:

雾 岘 峿.	У У У.	В дымке лысая Ушань.
骛 污 浯.	У У У.	Мчится мутная Уцзян.
吾 聒 歊.	У У У.	Я услышал плача звук.
吾 悟 物.	У У У.	Я постигнул суть вещей.
乌 巫 舞.	У У У.	Чёрный колдун танцует.
乌 鶅 舞.	У У У.	Чёрный тигр танцует.
乌 乌 舞.	У У У.	Чёрный ворон танцует.
篠 舞 舞.	У У У.	Чёрный бамбук танцует-танцует.
武 舞. 祳! 祳!	У У. У! У!	Военные пляски. Счастье! Блаженство!
物 物 午 午.	У У У У.	Всё смешалось.
吾 寤: 无 物…	У У: У У…	Я очнулся: ничего нет…

Впоследствии знатоки европейской поэзии не раз критиковали учителя Луна, говоря, что в сонете должно быть четырнадцать строк, а никак не одиннадцать. На что учитель Лун неизменно отвечал: «毋 呜呜!», что звучит как «У У-У!», а означает «Не надо ля-ля!». Этим он хотел сказать, что настоящую поэзию не удержишь в рамках стихотворения, сколько бы строк в нём не было. Она всегда продолжается за его пределы подобно тому, как долго-долго звучит эхо в Синих горах: «У-у-у…»

Глава 7. О том, как учителя Луна послали в деревню мозги проветривать, и как он во время засухи вызывал дождь, распевая песни.

У императора с учителем Луном была такая договорённость: учитель Лун давал советы, а император решал, нравятся они ему или нет. Если советы нравились, учитель Лун продолжал давать советы, а если не нравились, император отправлял его на природу, в деревню —мозги проветрить.

Вот как-то отправился учитель Лун в деревню, а там засуха. Солнце палит нещадно, металл раскалился. А дождя нет: земля трескается и деревья сохнут. Собрались деревенские жители и давай решать: что делать?

Одни говорят: «Нужно ввести жёсткий режим экономии воды, деревья окучивать, землю подметать, назначить надсмотрщиков и распорядителей, детей заставить учиться, женщин —готовить еду и шить одежду. Когда будет наведён полный порядок, засуха кончится».

Другие говорят: «Нужно сидеть дома, в тени и не выходить на улицу. Пусть дети спят, женщины делают детей, а мужчины им помогают. Когда наступит полный покой, засуха кончится».

Третьи говорят: «Нужно запрячь лошадей, сложить в повозки все вещи и уехать в другую деревню. И там подождать, пока засуха не кончится».

Тогда учитель Лун прищурил один глаз и сказал: «Засуха от того, что нет дождя. И пока дождя не будет, засуха не кончится, что бы вы ни делали. Поэтому нужно вызвать дождь. Об этом есть записи ко всех канонах».

Жители заволновались: «Как это? Как это?» Учитель Лун говорит: «Есть два способа: новый и древний. Если по-новому, нужно собрать деньги и нанять самолёт, он будет летать над деревней и тучи нагонять».

Жители заволновались: «Деньги? Какие деньги? Нет никаких денег». Учитель Лун говорит: «Тогда древний способ. Раздевайтесь!». «Ты чего удумал?» — кричат жители. Учитель Лун объясняет: «Одежда воду отталкивает, а голое тело притягивает. Об этом есть записи во всех канонах. Мужчины идут на холм Оюй и ловят воду из воздуха. Женщины идут на речку Ё и ловят воду из реки».

Так и сделали. Мужчины на холме Оюй одежду скинули и давай ветер на грудь принимать. Женщины на речке Ё разделись догола и давай плескаться в воде. А учитель Лун ходил от холма Оюй к речке Ё и распевал песни.

Только откуда вода в воздухе, когда засуха? Схитрил учитель Лун: мужчин на холм нарочно послал, чтобы не мешались. А женщины —те сливались: с волнами речными, с деревьями живыми, с землёй мокрой. Воду приманили и дождь пошёл. Мужчины все заслуги себе приписали —как они мощно ветер грудью ловили. А учитель Лун молчал, только глаз прищуривал.

Глава 8. О том, как учитель Лун с учениками в горы гуляли, как Квадратный вдаль глядел, а учитель Лун пел песню о седьмой луне.

У учителя Луна было много учеников, но самыми любимыми были Синий ученик, Печальный ученик и Квадратный ученик.

Однажды весной отправились они в горы. Взяли с собой вина, закусок разных и маленький столик. Поставили столик на ровном месте, разложили всё в должном порядке, фрукты и сласти разделили по сортам, мясо нарезали правильно и мелко, приготовили квадратные сосуды с круглым вместилищем для клейкого риса и круглые сосуды с квадратным вместилищем для простого риса, расставили кувшины с изображениями быка и кувшины, украшенные слоновой костью, винные чашки и кубки.

Первым делом отведали однодневного вина: чтобы снять усталость и разжечь аппетит. По очереди предлагали тосты, поднимая чашу правой рукой и придерживая донышко левой рукой.

Потом расположили треножники и пошли ручей искать и хворост собирать, чтобы костёр разжечь, воду на нём вскипятить и подогреть старое шаосинское вино. Вот под него-то и должен был начаться настоящий пир. Ученики шли и пели радостные песни в предвкушении удовольствия.

Синий ученик пел песнь «О дружбе»: «*Стучит по деревьям топор над холмом. Наш стол изобилен прозрачным вином, и в полном порядке сосуды на нем*».

Печальный ученик пел песню о мышиных ушках: «*Наполняю вином тяжкий рог носорога, чтобы сердце не ранила больше тоска*».

А Квадратного ученика не было слышно, видать потерялся где-то.

Нашли они воду, набрали хвороста и вернулись к своему столику. Глядь —а столик-то пуст: ни фруктов со сладостями, ни мяса нарезанного, ни риса клейкого, ни риса простого, ни вина шаосинского. Ничего нет! Одна посуда грязная. И Квадратный ученик сидит и вдаль глядит.

«А где всё?» —спрашивают его. Тот ни слова, сидит лицом на юг и гудит «И-ы-и». Ученики хотели его побить, но тут вмешался учитель Лун, который сказал:

«О! Я слышу звук *жуй-бинь* —«Склонившийся гость». Квадратный хочет сказать, что он почтительно кланяется мне, повернувшись к югу, словно к старому хозяину приходит молодой гость. Вот ты, Синий, пел о дружбе, а думал о вине. Ты, Печальный, пел о большой тоске, а думал о вине. А Квадратный, хоть и выпил всё вино и съел всю закуску, но, видать, думал о своём учителе».

И учитель Лун запел песню о седьмой луне:

Мы финики рвали в восьмой луне, а рис собирали в десятой луне.
Созреет вино аккурат к холодам и радость подарит седым старикам.

Глава 9. О том, как учитель Лун вдали от столицы в беседке Длинного воробья беседовал с девушкой по имени Яй.

«О зачем же, скажите, зачем Вы приходите, мой господин, в беседку Длинного воробья?» —говорила девица Яй.

«Здесь, под горою Дайтянь, услышал я Ваши песни, что звучали так сердцетревожительно. Разве мог я мимо пройти беседки Длинного воробья?» —отвечал ей учитель Лун.

«В далёкой столице так много красивых девушек. Они песни поют, будто порхают бабочки над цветами. Вы разве не слышали их, мой господин? Зачем же приходите Вы в беседку Длинного воробья?»

«Здесь, у ручья Лофутань, стояли Вы с опущенным лицом и смотрели, как струи воды завиваются вокруг речных камней. А когда отвернулись, будто ивовый пух закружился, и падал на воду, и ручей уносил его вдаль так сердцетомительно. Разве мог я мимо пройти беседки Длинного воробья?»

«В далёкой столице по берегу императорского озера так много ивовых деревьев с ветвями длинными как волосы. Ветер срывает с них пух, и пушинки плывут по воде, собираются стайками у листьев лотоса. Разве Вы их не видели, мой господин? Зачем же приходите снова в беседку Длинного воробья?»

«Здесь, в стороне от Ханьской дороги, я видел, как Вы наклонялись до самой земли, чтобы срезать цветы, что растут вдоль восточной ограды. А когда выпрямлялись, держали в руках белые хризантемы, и птицы срывались с вершин сине-зелёных гор, чередою домой летели так сердцеволнительно. Разве мог я мимо пройти беседки Длинного воробья?»

«В далёкой столице повсюду-повсюду цветы. Там есть и такие, что не найти в нашем южном краю. Там аисты тучами кружат над дворцовыми крышами, уточки парами плавают в прудах. По дорожкам, выложенным квадратными камнями, прогуливаются люди, и Вы там гуляли, мой господин. Зачем же приходите Вы в беседку Длинного воробья?»

«В пятнадцатый день, когда в небе сияла Луна, я увидел её отражение в чистой воде. Только нет здесь воды никакой. На ступенях крыльца Вы сидели, и сияло Ваше лицо как вторая Луна, и плакали струны пипа в ваших руках так сердцеранительно. Разве мог я мимо пройти беседки Длинного воробья?»

«В далёкой столице ещё печальнее плачут струны пипа, поют о разлуке в искусных руках вашей жены и наложницы. Вы разве забыли их, мой господин?»

«Ай-Яй-Яй», —пел учитель Лун, что значит «Я люблю уголки глаз девушки Яй».

Так они беседовали долгими вечерами в беседке Длинного воробья. Но учитель Лун не был бы учителем Луном, если бы рассказывал, что было дальше.

Глава 10.О том, как братья Лун защитили южные рубежи государства с помощью грозного вида и бумажных доспехов.

Учителя Луна звали Ху, он был третий ребёнок в семье. А второго звали Цу, он был очень воинственный, любил надевать доспехи и упражняться с мечом. Да только негде ему было применить своё искусство: войны никакой не было, жизнь в стране текла тихо и мирно. Цу очень грустил, даже лицом осунулся. Тогда Ху из уважения к старшему брату решил помочь, хотя сам был человек мирный и больше любил сидеть за книжками и гулять в весенних горах.

Учитель Лун подговорил императора устроить какой-нибудь небольшой военный поход и послать туда Лун Цу. Император рассудил так: один воинственный, другой миролюбивый, нужно послать их обоих, чтобы соблюсти гармонию. И отправил братьев охранять южные рубежи государства.

Прибыли они в город *Наншань*, что значит «Южная гора», и встали лагерем у стен города. Оба брата надели боевые халаты с чешуйками в виде иероглифа *шань*-гора с подкладкой из сучжоуского шёлка. На головы водрузили позолоченные шлемы, украшенные перьями и маленькими флажками. И каждый взял в руки *гуань дао* —меч зелёный дракон, закрывающий луну.

Вот так стоят они и потом обливаются, потому что на юге оказалось очень жарко. Солнце сияет, чешуйки в виде иероглифа *шань*-гора раскаляются и жалят даже сквозь сучжоуский шёлк, позолоченные шлемы пылают как печки, а *гуань дао* так наливаются тяжестью, словно и вправду принадлежали герою Троецарствия Гуань Юю и весят по 82 цзиня, то есть по полцентнеру.

А южные варвары —*наньмань* —собираются, смотрят издали, смеются и пальцами показывают. Но близко подходить опасаются —уж больно грозный вид у братьев. Только ихние ребятишки, и *мяо*, и *яо*, бегают кругом и дразнятся.

И так это надоело учителю Луну, что он нашёл некоего Шан Суйдина, велел тому изготовить доспехи из корейской бумаги в десять слоёв и покрыть боевой раскраской. Братья Ху и Цу переоделись и теперь стояли довольные, налегке, но вид по-прежнему имели грозный —отпугивали южных варваров.

Учитель Лун, чтобы бумага зря не пропадала, стал потихоньку отклеивать слой за слоем и писать на них свои доклады императору, отчёты жене, записки маленькой наложнице, письма друзьям, лекции ученикам и послания потомкам. А черновики рвал на мелкие клочки, скручивал в шарики, чаем смачивал, вставлял в камышовую трубку и пулялся в варварских ребятишек, и *мяо*, и *яо*. Те довольные были очень и уже не дразнились. А правители южных варваров —*наньмань* —не нападали, чтобы не нарушить веселья.

К концу службы братья Лун стояли уже совсем облегчённые, но всё же защитили южные рубежи, заслужив похвалу императора за отвагу и хитрость.

Глава 11.О том, как учитель Лун с помощью благоговейного созерцания спасал мир от зазеркальной опасности.

В давние времена зеркала ничего не отражали, и люди с той стороны свободно ходили туда-сюда. Но однажды ночью весь зеркальный народ перешёл границу миров, создав неразбериху и путаницу. Тогда великий Хуанди погнал пришельцев с гор Кунлунь до самого Тибета, где с помощью магии загнал обратно в зеркала и, лишив собственного облика, обрёк их, словно в забвении, повторять все движения людей. Но древнее пророчество гласит, что придёт время и зазеркальцы пробудятся от этого сна.

Нужно сказать, что в зазеркалье время движется в обратную сторону, так что его обитатели были цивилизованными в прошлом, а в будущем станут совсем дикими. Об этом догадывались Хуанди и северный варвар по прозвищу Ко Зы Рев, искажённое Ка Зер Ув, сокращённое Каменное Зеркало Увидел. На самом деле ничего он не видел, а видел другой варвар по прозвищу Мул Да Шев, что вообще неизвестно что значит. Видел, да ничего не понял.

А дело было так. Император послал учителя Луна в Тибет. Когда он проезжал под Девятиэтажной Горою Свастики, день стал угасать, и учитель Лун решил переночевать около Дома Счастливого Камня. Едва он прищурил левый глаз, как последний луч солнца ударил в каменное зеркало и, отразившись от его вогнутой поверхности, сфокусировался в правом глазу учителя Луна. Ну, дальше, как положено, нестерпимая вспышка света, потеря памяти и стремительный перенос во времени в далёкое будущее.

Очнувшись, учитель Лун увидел в небе не то две луны, не то две космические станции. Гора Свастики была на месте, только стала повыше. И по её склонам бежали вниз голые люди с длинными носами и тащили с собой бронзовые зеркала, в которых отражалась какая-то светящаяся муть. Учитель Лун сразу понял: пророчество сбылось, носатые —это зазеркальцы в собственном диком обличьи, хотят зеркалами нашу землю околдовать, чтобы мы повторяли их движения и у нас выросли такие же длинные носы. Учителю Луну это страшно не понравилось, он залез на скалу и сел лицом к югу в позе благоговейного созерцания. Носатые тут же остановились, а потом в ужасе побежали обратно, побросав свои зеркала. Неизвестно, что их больше напугало: душераздирающее благоговение или невиданный дорожный халат учителя Луна —ведь они ещё не знали одежды.

Ну, потом солнце опять ударило, учитель Лун вернулся в своё время, а бронзовые зеркала разбросало по всей истории. Их стали называть волшебными китайскими зеркалами, потому что, отражая солнечный луч, они показывали на стене не отражение, а картинки зазеркального мира, выгравированные на оборотной стороне, а иногда и совсем другие. Так учитель Лун спас будущий мир от зазеркальной опасности.

Глава 12.О том, как учитель Лун, печалясь в горах, пил состарившееся вино и играл на флейте, а дикие крылатые ослы слушали.

Учитель Лун, когда в печали был, он в горы уходил и там печалился. Он брал с собой старинные кувшины с вином состарившимся, колоду карт с изображениями воинов старинных и пару флейт с высоким звуком.

Расположившись на краю обрыва, учитель Лун сначала пил вино, внимания совсем не обращая на серебро вершин далёких, на воздух, золотящийся от света, и на круженье птиц над кронами деревьев.

Потом он доставал колоду карт из двух частей: с картинками и с текстом. Раскладывал в порядке произвольном картинки и, вглядываясь в их замысловатые сюжеты, к ним тексты подбирал, чтоб подходили по смыслу или настроению. Игра такая у него была. Но вскоре и она надоедала. Учитель Лун вскрывал второй кувшин.

Прищурив левый глаз, играл на флейте ди, чей звук подобен ветру в горах весенних. Прищурив правый глаз, играл на флейте сяо, чей звук подобен дыму, что может проникать в иные измерения и достигать миров, где Боги спят. Та музыка была немного странной. Она не вызывала бури, не рушила пространство и не обрывала нить времени. Но и в гармонию никак не попадала с падением луча, порывом ветра и вздохом листьев, движением травы и неподвижностью камней. Обеспокоенные этими созвучиями, с той стороны обрыва поднимались по узким тропам дикие крылатые ослы. И, уши навострив, на месте замирали и слушали.

Учитель Лун, прищурив оба глаза, читал стихи неправильных размеров, в которых слова толкались, не находя себе ни места, ни покоя, ни пары. Как будто в воздухе плясали пылинки золотые. Или как будто вершины гор далёких отделились от основания, сокрытого в тумане, и сами по себе по небу плыли, как облака плывут. Или как будто облака плывут так несовместно, что каждое в особенную сторону свою. Ослы сложили крылья, копыта спрятали и опустили веки с ресницами, что щёки прикрывали.

Учитель Лун внезапно замолкал на полузвуке. Такая тишина стояла, что птицы не двигались над кронами деревьев как листья на невидимых ветвях, у деревьев немели ветви в неудобных позах, а горы дальние уже не отличались от облаков и облака —от гор.

Учитель Лун вскрывал ещё кувшин. Но это только так говорится, что вскрывал, ведь третьего кувшина не было. Учитель Лун, весь раскрасневшийся от старого вина, уже не так печалился как прежде. Ещё сильнее. Он знал, что будет спать теперь, и что проснётся в мире изменённом. Но всё оттягивал мгновенье забытья, печалясь.

Глава 13.О том, как учитель Лун на Горе Багрянника читал надпись на камне, пребывая в глубокой задумчивости.

Когда императорским указом учитель Лун стал академиком, ему поручили составление каталога надписей на древних камнях. Он ездил по всей стране в поисках этих камней и срисовывал надписи в книгу.

Однажды учитель Лун оказался южнее Хуанхэ, недалеко от Чжэнчжоу. Друзья пригласили его на Гору Багрянника пить вино и любоваться Луной. Когда уже все захмелели, учитель Лун решил прогуляться. Он подошёл к краю террасы и прислонился к стволу зелёного дерева. И тут он увидел ещё один камень, который строители использовали для укрепления фундамента.

На камне была вырезана каллиграфическая надпись в древнем стиле, которая гласила: «Я, Лун Ху третий, поднялся на Гору Багрянника в поисках древних камней. В свете ночной Луны увидел я этот камень и решил оставить на нём надпись в память о дружеской попойке на Горе Багрянника. А сам ухожу…» Дальше текст обрывался, потому что от камня откололся кусок.

Учитель Лун переписал надпись в книгу и остался стоять, погружённый в глубокую задумчивость. «Кто вырезал на камне эти иероглифы? —думал он. — Я? Но я этого не помню. Да и когда? Я здесь всего лишь несколько часов. Другой Лун Ху? Разве есть другой Лун Ху, тоже третий? Или я сам сделаю позже эту надпись? Но тогда почему я вижу её сейчас —до того, как она сделана?»

Учитель Лун стоял на краю террасы. Лунные тени медленно перемещались по земле. С северо-восточной стороны уже начинало светлеть небо. И оттуда потянул лёгкий ветерок, чуть шевеля листья зелёного дерева.

Учитель Лун думал дальше: «Почему мне кажется, что время движется в одну сторону, подобно реке? А может быть, оно движется подобно Луне — кругами по небу. А я их не вижу, потому что круги очень большие. Но вот иногда встречаются маленькие круги и приводят меня в замешательство».

И учитель Лун думал дальше: «Почему мне кажется, что я единственный? Может быть, учителей Лунов много, но они ходят разными путями и никогда не встречаются? Об этом ничего не сказано в древних книгах».

И учитель Лун думал дальше: «Почему мне кажется, что иероглифы на камне обозначают меня? Разве они похожи на меня? У меня есть руки и ноги, шея и голова. Но разве у меня есть откидные, изогнутые и прямые, крючки и точки? Мы привыкли читать иероглифы так, что каждый раз получается какой-то смысл. А может быть смысл совсем в другом?»

«Почему вообще должен быть смысл? —думал учитель Лун. —Разве нам кто-то обещал смысл? Разве кто-то обещал?» И учитель Лун закрыл глаза.

Глава 14.О том, как учитель Лун путешествовал в компании с разбойником и монахом, играл на цине и пел, а те двое подпевали.

Учитель Лун в пути всегда искал попутчиков себе. И как-то так всегда случалось, что было двое их. Один разбойник, а другой монах.

Разбойник был могуч телосложеньем, носил на голове платок обычный, морщинил лоб, усы топорщил и взгляд имел свирепый и прямой. Он даже в детстве не мог свой взгляд пониже опустить, за что и был наказан много раз. Он говорил: «Идите-ка вы лесом! Вся Поднебесная не стоит волоска с моих усов: что с правого, что с левого. Людей я не люблю, а духов не боюсь. Меня волнует только колыханье высоких трав на заливных лугах. Напоминает мне весёлую игру мечей сверкающих под солнцем на краю большой дороги».

Монах был тощий, высохший какой-то, на голове носил причудливый тюрбан, скрывая лысый череп, усы и борода его поникли, и даже нос поник. А взгляд то вовсе пропадал, то вдруг сверлил пространство с каким-то даже будто свистом или шипением. За что его и выгнали когда-то из горного монастыря —он всех пугал. Ещё он уши прижимал и говорил вот так: «Когда ж вы перемрёте все в долинах Поднебесной! Здесь стало слишком тесно, не протолкнуться. Дня не проходит, чтоб не наткнуться на дровосека с глупым топором, на рыбака с бессмысленною рыбой или крестьянку с глупыми цветами. Взойдёшь на гору, тут как тут слетаются бесчисленные духи, как мухи на прокисшее вино. Успокоение приносят только травы, поникшие на заливных лугах. Они мне ничего, хвала шуньяте, не напоминают».

Учитель Лун в своём чиновничьем берете смиренно слушал эти разговоры, не возражая и не осуждая. Он, опустив глаза, развесив уши, и руки спрятав в рукавах, шёл медленно и чинно среди трав по заливным лугам в долинах Поднебесной. И думал так: «Как много в этом мире разнообразных, скажем так, людей. Они ни в чём друг с другом не согласны, и всё у них выходит поперёк. Идти прямым путём они не могут и не хотят, а кружат по тропинкам, извилистым, и узким, и опасным. Когда садятся, ног не поджимают. Когда встают, не кланяются гостю. Когда идут, дороги не уступят. Когда рождаются, кричат. Когда уходят, лишь вздыхают».

Так шли они втроём то по дорогам, то по тропинкам, то по бездорожью. То мимо городов больших и шумных, то мимо деревень осиротевших или скитов отшельников пугливых. И травы расступались перед ними, и долго колыхались позади. Разбойник говорил: «Давайте что-ли, вином напьёмся для веселья». Они вино в деревне покупали и напивались, просто так, без церемоний. Монах ворчал: «Да что мы всё идём, пора бы успокоиться уже». Они под деревом усаживались в круг, костёр горел, Луна ходила кругом. Учитель Лун, достав гуцинь старинный, играл мелодии забытые в веках, и пел протяжно и высоко. А эти двое подпевали: разбойник и монах.

Глава 15.О том, как учитель Лун с бамбуковыми кастаньетами в руках летал на облаке, а потом проснулся и не мог найти смысл.

Учитель Лун во сне распускал волосы, брал в руки бамбуковые кастаньеты пайбань, летал на облаке, смеялся и распевал песни. Над горами всходила розовая Луна, на отвесных скалах проступали древние иероглифы, издалека прилетала птица Пэн, у которой одно крыло упиралось в небо, а другое —в землю. Деревья вытягивали из земли свои корни и ходили как люди. Камни Великой Стены шевелились и глухо стонали.

Но тут всегда прилетал с другой стороны учитель Нул с тигровой трещоткой юй в руках, плакал, махал одним журавлиным крылом, и музыка умолкала. Рядом с первой Луной появлялась вторая розовая Луна, иероглифы на скалах читали друг друга как парные надписи, с моря по реке поднималась рыба Гунь длиною в тысячу ли, превращалась в птицу и взлетала в небо. У деревьев листья раскрывали рты и глотали воздух. А камни Великой Стены ворочались с боку на бок, вздыхая.

Учитель Лун и учитель Нул кружились и всё пытались столкнуть друг друга с облака. Две Луны напрягались, пытаясь перетащить Землю каждая на свою сторону. Птица Пэн и рыба Гунь, превращённая в птицу, висели в небе и не двигались. Горы переругивались через пропасти и ущелья. Деревья окончательно превращались в людей и уходили в свои дома спать. А камни Великой Стены всё ползали, ползали, как улитки.

Бамбуковые кастаньеты пайбань стучали, тигровая трещатка юй трещала. Птица Пэн и рыба Гунь стали белыми летучими мышами и жалобно пищали. Иероглифы стучали по крыше каплями дождя. Люди-деревья шевелили во сне бровями. Горы поседели и загорюнились. А камни Великой Стены спали.

Учитель Лун столкнулся с учителем Нулом, ихние облака перепутались, смешались, пролились дождём, а сами они перестали смеяться и плакать. Потом учитель Нул куда-то делся, а учитель Лун проснулся.

В небе сияли две розовые Луны, только одна была настоящей, а другая —её отражением. Далёкие облака, похожие на птицу Пэн, превращённую в белую летучую мышь, и рыбу Гунь, превращённую сначала в птицу, а потом в белую летучую мышь, таяли под Лунами. Только что кончился дождь, и в воздухе пахло водой и ночными цветами. Далёкие горы, татуированные трещинами, в лунном неверном свете плыли по небу и будто покачивались. Деревья склонялись к окну и смотрели на учителя Луна. А камни Великой Стены лежали, как и положено, далеко на севере.

«Я спал и видел сон, —сказал учитель Лун. —Но нет в нём никакого смысла. Теперь проснулся я. Но где же смысл?» Учитель Лун искал и на столе, и под кроватью, но не нашёл. Так и уснул обратно.

Глава 16. О том, как император поручил учителю Луну записать истории всех людей и о том, что из этого вышло.

Когда учителя Луна назначили главным историографом, тот, желая сделать приятное императору, сказал: «Почему историографы всё время пишут о тех, кто умер? Разве Сын Неба не хочет прочитать свою историю ещё при жизни?» Императору показалось это забавным, но ответил он так: «Я, ничтожный и единственный, могу ещё подождать. Сначала Вы составьте свод историй всех ныне живущих людей. Потом можно написать и обо мне». И император вручил учителю Луну серебряную табличку с надписью «Будет спрашивать —отвечайте, как если бы мы лично спрашивали».

Так учитель Лун по собственной неосторожности лишился покоя, выходных, праздников и отпусков. День за днём, месяц за месяцем он опрашивал людей Поднебесной и записывал их истории. Ездил по всей стране, из города в город, оставливаясь в каждой деревне, на каждом захудалом постоялом дворе, боясь пропустить какого-нибудь человека, будь то мужчина или женщина, старик или ребёнок. Он поднимался в горы, где жили отшельники, спускался в долины, где крестьяне трудились на рисовых полях, ходил в походы с войском, чтобы записать истории солдат и генералов, пока их ещё не убили. Учитель Лун показывал свою серебряную табличку, и его принимали князья в своих дворцах и бедные люди в убогих хижинах, чиновники в присутственных местах и разбойники у костра на лесной поляне, учёные в тиши кабинетов и торговки за прилавком на рынке, монахи в своих кельях и горных скитах и даже девушки в синих домах.

Учитель Лун возил с собой большой ящик с записями историй, который уже с трудом поднимали четыре носильщика. И мальчика, чьи руки уже не отмывались от туши, которую он с утра до вечера растирал для учителя Лун. А тот всё писал и писал истории людей. И хотя каждая история была краткой и строгой, но людей оказалось так много! И пока он записывал истории одних людей, другие умирали или рождались. И понял учитель Лун, что не будет его работе ни конца, ни края. И сердце его наполнилось грустью, борода поредела, а лоб покрылся морщинами.

Все жалели учителя Луна. Одни советовали ему использовать копирку, ведь так много похожих историй. Но учитель Лун не соглашался: «Даже если истории отличаются только одним иероглифом, как я могу обижать людей?» Другие советовали напечатать бланки с вопросами, которые люди заполняли бы сами своими ответами. Но учитель Лун только качал головой: «Разве можно разным людям задавать одни и те же вопросы? Ведь тогда и ответы будут одни и те же, и это не будет правдой».

Но потом император умер, не дождавшись своей истории. А новый император отправил учителя Луна на покой. И тот написал: «Конец истории».

Глава 17.О том, как учитель Лун медитировал на берегу реки Ли, потом очень расстроился, а потом успокоился.

Учитель Лун поселился на берегу реки Ли, снял шапку, сбрил бороду и распахнул халат на груди. Так он расстроился из-за неудачи со всеобщей историографией. «Буду сидеть и медитировать», —решил учител Лун. Так и сделал.

Река Ли несла свои воды, горы покачивали лысыми макушками, шумел бамбук у берега, трава шуршала и скрипели камни, по небу облака неслись и птицы. А учитель Лун всё сидел и сидел, подстелив под себя шёлковое одеяло.

Мысли его постепенно очищались, дыхание замедлялось, а сознание становилось всё легче и легче. Наконец, учитель Лун поднялся над землёй и поплыл. Это потому, что в него проникла радость бытия, а она ведь легче воздуха. Учитель Лун совсем развеселился и даже стал напевать: “龍虎子 —浑小子. 浑小子 —龍虎子” —“Лун Ху цзы —хунь ся цзы. Хунь ся цзы —Лун Ху цзы”, что значит «Учитель Лун —такой шалун. Такой шалун —учитель Лун».

Потом он опустился на землю, запахнул халат, надел шапку и стал серьёзным. «Всё это хорошо, —думал учитель Лун. —Да только разве я облако, чтобы висеть над землёй? Разве я птица, чтобы летать под облаком? Разве я семя дерева, чтобы меня на лету склёвывала птица?»

В задумчивости бродил учитель Лун вдоль берега реки Ли, в глубокой задумчивости. С досадой пинал он подвернувшиеся камешки, и они с гулким бульканьем падали в воды реки Ли. Даже в некоторой растерянности срывал учитель Лун длинные травинки, жевал их, а потом выплёвывал, потому что они были горькие. А то вдруг замирал неподвижно, устремив свой взгляд куда-то далеко-далеко, за тот берег. Или начинал приседать, хлопать ладонями по земле и вскрикивать: «Эх, ты как! Ах, как всё! Ух, чтоб вас!». А что это значит, учитель Лун и сам не понимал, но только чувствовал какую-то неправильность в устройстве мира. Он её чувствовал, но не мог назвать, потому что у неё не было имени. А без имени её нельзя было исправить, потому что тогда весь мир бы разрушился, как рушится карточный домик, когда вынимаешь снизу одну карту.

Горесть бытия проникла в учителя Луна и смешалась там с радостью бытия. Как будто живот пучит, или как будто дымом поперхнулся, или вдруг спина зачесалась. Река Ли оставила свои воды, а сама куда-то ушла. Горы тоже ушли, оставив одни лысые макушки. Бамбук у берега умер, но притворялся живым. Трава скрипела по-каменному, а камни шуршали по-травяному. На небе облака расползались по швам и птицы падали как тряпочки.

Настало время обеда и учитель Лун почувствовал голод. Он пошёл домой и стал есть свой рис и пить свой чай. И постепенно успокоился.

Глава 18.О том, как учитель Лун влюбился в юную девушку с золотыми волосами и размышлял о несправедливости времени.

Учитель Лун уже в почтенном возрасте влюбился в девушку с золотыми волосами. Девушка была такой юной, что её школьное имя ещё трепетало в паутине золотых волос, и даже детское имя нет-нет да проступало на щёчках, когда она краснела от смущения.

Учитель Лун уж и так размышлял, и эдак раздумывал, а ничего не помогало. Стыдно ему было перед своими учениками. Синий ученик делал вид, что ничего не замечает, и всё время смотрел в сторону. Печальный ученик поглаживал учителя по плечу и приговаривал: «Да, да, да», а больше ничего сказать не мог. Квадратный ученик, видя такое дело, уселся на землю и перестал учиться.

А в Поднебесной в это время неспокойно было. То шли войной крестьянские повязки: и жёлтые в полоску, и синие в горошек, и в клеточку оранжевого цвета. То меднобровые сражались с лиловоусыми, а те —с белобородыми в союзе с цвета хаки бакенбардами. И розовоголовые сошлись с янтарногрудыми в непримиримой схватке. Военные флажки неслись навстречу ветру, штандарты тяжело под ветром трепетали, и гулко били барабаны и звуки труб взлетали к облакам.

Учитель Лун, спасаясь от несчастий, то быстро убегал, то прятался среди камней и скал. Ученики старались, как могли, отслеживая продвиженье войск и пищу добывая в деревнях. А девушка золотоволосая как будто скиталась вместе с ними и как будто не было её. Учитель Лун её так ясно видел, а вот ученики совсем не замечали. Учитель Лун дотронуться боялся да неё, ученики же проходили сквозь неё, как сквозь туман. Учитель Лун шептал слова любви, но девушка ему не отвечала, должно быть, она не слышала, а громче говорить учитель Лун стеснялся своих учеников.

Вот так сидел учитель Лун, сложив ладони, веки опустив, и размышлял о времени. Войны он, кажется, совсем не замечал или значенье ей не придавал. Но волосы, струящиеся золотом, мешали ему спать. Он размышлял о том, что время несправедливости полно, и люди заблуждаются, когда надеются, что время всё рассудит, расставит по местам и примирит. Но что такое время? Всего лишь неповоротливое глупое животное, которому не ведомы ни чувства тонкие, ни мысли светлые. Знай, несётся себе, копытами взбивая пыль, не остановишь и не повернёшь его. Небось, и имя детское своё уже забыло, да было ли оно у времени, или оно родилось стариком? Что золотые волосы ему, и что ему седая борода?

Вот так сидел учитель Лун, ученики к нему с почтеньем обращались. Не видели они, как в волосах седых трепещет ученическое имя, не замечали, как краснеют щёки и проступает забытое как будто детское имя учителя Луна.

Послесловие

Я, *шаоши*, младший историограф, скажу так:

В *Гэвэй* —«Книжке Песенок» —есть такие строки: «Когда в глубокий колодец смотрю, опустив вниз голову, словно иду по малому кругу, и хотя нет в этом никакого смысла, но сердцем я уже в нём»[7].

Прочитав сочинения Лун Ху-цзы, я захотел представить его себе как человека. Для этого я отправился в Ау, но не нашёл там никаких следов. Могу сказать, что я ходил там, пока не надоело.

Поэтому учитель Лун —человек необычный и в каком-то смысле никогда не существовавший.

Что касается историй учителя Луна, то они не были им выдуманы. Они на самом деле случились, только непонятно, когда и с кем.

В Поднебесной пребывало множество сочинителей и читателей, иные из них так прославились, что слава о них передавалась более чем через десять поколений. Лун Ху-цзы же, незаметный человек, из тех, что не прочь покрасоваться в шелках, был не таков. О нём трудно что-то сказать.

Пусть даже учитель Лун
Макушку посыпет горячей золой,
Всё равно десять тысяч Лун
Без него проплывут над Землёй.

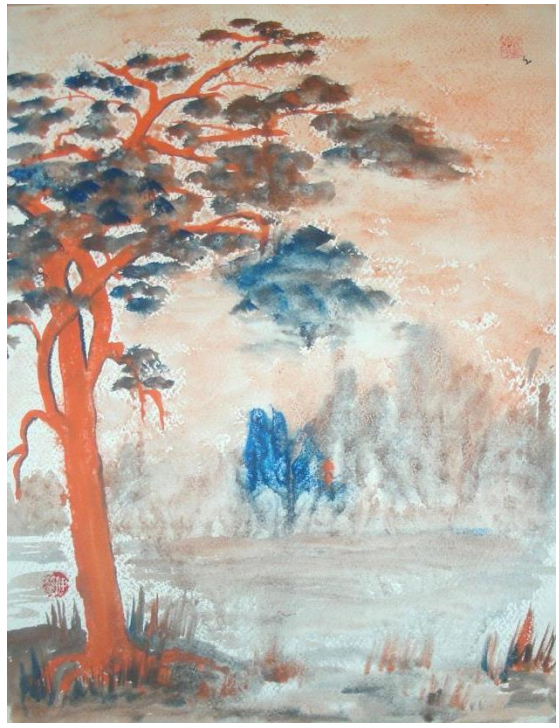
2012

[7] Поэтический перевод Б.Б. Шуткина выполнен достаточно «вольно» и звучит так: «Бессмысленным взором в колодец лечу, в супругу поглубже проникнуть хочу».

ШИ ШИ ШИ ШИ (試釋是事)
— ПОПРОБУЙ-КА ОБЪЯСНИ

сказка

Одна красивенькая девочка была очень глупенькой. Другие коней на скаку останавливают, на которых принцы разъезжают, а эта придёт на болото и слушает, чего ей травы шуршат. А травы эти как родились сухими, так и стоят по колено в воде, змеино шуршат: иди-иди, всё равно не дойдёшь. Это они про тот берег манящий, манящий, манящий.

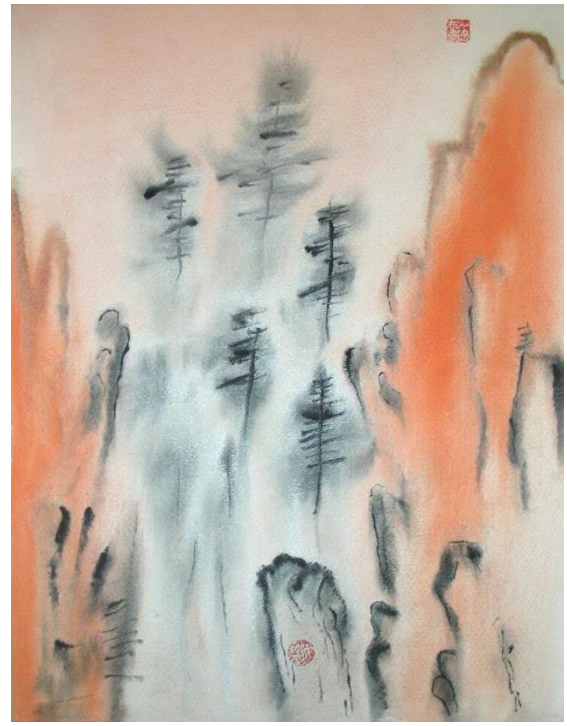


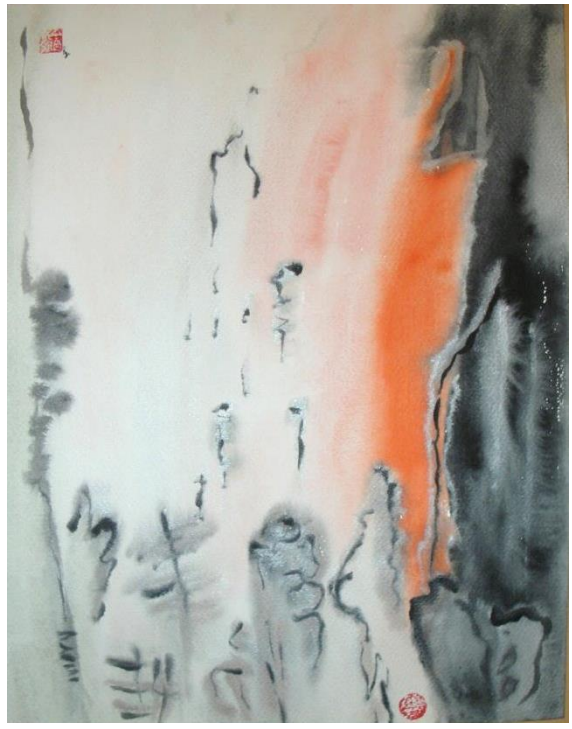
А на том берегу — вторая жизнь. Так бывает ещё при жизни. И вот оно — красное дерево. И ствол его, и ветви, и корни. И девочка вся красненькая: и руки, и лицо, и сердце. И что-то ещё, что бывает красным. Глупышка думает: раз красное — значит красивое. А того не знает, что это лишь остров, за которым в тумане скрывается что-то ещё.

Там, за островом, трава стала синей, потемнело дерево. Рассеялся туман, скрывавший иголки, их остроту и плач. Или смех. Вот девочка и смеётся, а чего смеётся — сама не знает. А всё потому, что жизнь, даже если она третья по счёту, противоречит законам природы. Это смешно. Отсюда печаль и полёт.

И глупенькая девочка думает: сейчас как улечу к едрене фене! Вот как горы летят — вверх, вверх. Да ведь горы вверх не летят, они вниз падают. Просто очень медленно и с большой высоты. Вверх растут деревья, они умирают и снова растут, и снова. Только медленно. Только внутри тебя. Или вместо.

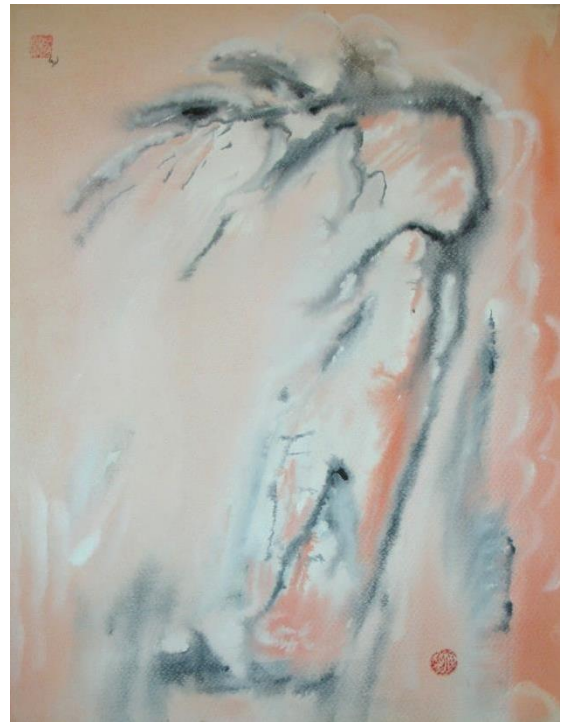
Деревья взмывают над вершинами гор, лишь когда умирают. Они взмывают чёрной тенью, которую когда-то отбрасывали. А какая у девочки тень? Так — одна смутность. А взлететь хочется, да не выходит, покраснела вся от натуги, как горы на восходе. Смотрит на деревья и завидует им. А чего завидовать — они же мёртвые, чёрные, обуглившиеся.





Всё выше и выше в горы поднимается девочка. Уже снег пошёл, ледники вечные. А над ними — последняя, самая большая, самая чёрная гора высится. Та гора, из-за которой солнце восходит. Стала девочка замерзать, дура дурой — в горы полезла, а шубку не взяла. Того и гляди Богу душу отдаст, полетит как снег в метель, только вверх.

А наверху снежное дерево. Всё белое, да не как берёза — листья белые, а меж ними ветер розовый. И под деревом будто ждёт кто-то. Да не принц, а старикашка какой-то. Не то мудрец, не то совсем из ума выжил. Девочка к нему: здрасьте, мол, вот она я. Совсем глупая — а вдруг бандит беглый. Ну, тот волшебника из себя корчит: враз, говорит, чудо сотворю.



И что вы думаете? Сотворил-таки. Сверзлась девочка с самой верхотуры да до самого уровня моря. Хорошо в воду не попала, аккурат на берегу приземлилась, где чудо-травы растут, да чудо-деревья всякие. Вдали чудо-горы высятся и в чудо-море смотрятся. И стала девочка жить-поживать в чудо-стране. Одна, не одна, это уж мы не знаем. Может, она не такая уж и глупенькая? Только красивенькая?

2012

2013

ПРОГУЛКА В ПАРКЕ

миниатюра

Пошёл в парк прогуляться. Без всяких мыслей и попыток. Среди дубов снег поскрипывает. Да так, что кажется, будто кто-то идёт сзади. Оглянешься — а нет никого. Так и в жизни на старости лет (глупо, но верно). Только дубы на снегу, в котором едва заметны лыжни и тропинки. По тропинке дама с собачкой пройдёт. На лыжне школьница спотыкается или старушка выступает, а то мужик пробежит: в тельняшке и с ножовкой за спиной. Спокойная зима, только надоела уже. Меня всегда интересовало, в какое время года я умру, до чего не доживу: до весны? до лета? до осени? до зимы? А как поглядишь на дубы: праздное любопытство. И всегда мучаюсь: как же закончить эту миниатюру. Опять нет никого, только снег лежит, будто навечно. Да не буду заканчивать — как тот советский писатель, которому редактор не позволил закончить рассказ запятой, а в сети-зиме никто не запретит,

29 января 2013

МАНАСТЫРЬ

теоматическая пьеса

Келья № 5

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в день двойного нуля.

— Как вас зовут?

— Меня зовут Молитвой или Выдохом. Но вы можете называть меня просто Окно.

— Это хорошо, но я спрашивал ваше имя, а не ваши многочисленные прозвища.

— Так это и есть моё имя.

— И что же мне записать в протокол?

— Напишите просто Е.

— Молитва, Выдох, Окно, Е — это что, по-вашему, одно и то же?

— А разве нет? Подумайте сами: Молитва звучит как Выдох, а в визуальном плане этому соответствует Окно. Когда вы смотрите в Окно, вы будто покидаете себя и уноситесь вдаль, как покидает вас и уносится вдаль ваше дыхание. А куда оно уносится? Ну, конечно же, туда, куда обращена Молитва, любая молитва.

— И это то же самое, что буква Е?

— Так уж получилось. Чтобы быть точным, вам нужно написать в протоколе «Е простое».

— А бывает сложное?

— Только в сожизни, здесь вряд ли.

— Где-где?

— Сожизнь. Жизнь, но только наполовину здесь, а наполовину — там, к тому же там она не наша. Ну, это такой термин, принятый в нашем манастыре.

— Послушайте, меня не интересует ваша религия. Я расследую дело об усекновении вашего настоятеля, и мне нужны факты, а не фантазии.

— Сожизнь — это не фантазия, к тому же никакого отношения к нашей вере не имеет. Это математический термин. Я стараюсь вам помочь, поэтому говорю: пишите в протоколе «простое Е». Так будет точнее, и вы ни с кем другим меня не спутаете.

— Вы меня уже запутали. Ладно, оставим это, в конце концов, не важно, как вас зовут. Меня интересует только один вопрос: что вы видели? И что вы знаете?

— Это два вопроса.

— Хватит юлить, отвечайте!

— Ну, хорошо. Я видел мостик через речку, только вода в ней не текла, потому что, как вам известно, сейчас зима, и вода замёрзла. Собственно, я каждый день вижу этот мостик из окна своей кельи.

— Дальше.

— А дальше всё.

— Как это всё?

— Ну, не совсем всё. Там ещё были деревья, снег лежал по берегам, ветер был, правда, не сильный, он только немного смял воздух. Но вы ведь не об этом спрашиваете.

— !

— Хорошо, хорошо. Мне кажется, я понимаю, причину вашего непонимания. Но я сказал правду: я видел мостик. А вот настоятеля на мостике я не видел.

— То есть вы ничего не видели?

— Почему же ничего?! Я вам уже говорил.

— Вы говорили, что видели мостик, а настоятеля не видели… А что: должны были видеть?

— Ну, это не входит в мои обязанности, но действительно: каждое утро, когда я глядел в окно, я видел, как настоятель стоит на мостике.

— А в то утро не видели? Понятно… Что ещё вы можете сказать?

— Я мог бы сказать многое, но вы ведь опять не про то спрашиваете. Вас интересует только настоятель.

— Не настоятель, а его усекновение.

— По сути, это одно и то же. Мы все могли бы догадаться об этом раньше. Наш настоятель, он был… как бы это сказать: не полон. Всё время чего-то не хватало. Но в нашем манастыре не принято обсуждать подобные вещи. Мы собрались здесь только для того, чтобы решить математическую проблему.

— Какую проблему?

— Чтобы пояснить её суть, мне придётся начать издалека…

— Ладно, не нужно. Так что там с настоятелем? Что было не так?

— Ему не хватало усекновения.

— Да? А теперь, значит, хватает?

— Получается так. Хотя, конечно, это требует более тщательного анализа.

— И кто же его усек?

— О чём это вы?

— Я спрашиваю: кто организовал усекновение, кто заказал, кто исполнил?

— Но это же природное явление. Не думаете же вы, что мы умеем управлять погодой?

— Природное явление? Вы что, издеваетесь?

— Я понимаю: вам это так видится. Но поверьте: для меня и, думаю, для всех остальных манахов и манахинь здесь нет умысла. Да, есть тайна, загадка. Есть проблема. Не знаю, удастся ли её решить.

— Для этого я сюда и приехал.

— Господин следователь, моё время истекло: мне пора на вечернюю молитву.

— Ладно, продолжим потом. Прочитайте и подпишите протокол.

— Здесь ошибка, господин следователь.

— Какая ошибка?

— Вы пишете «монах» и «монахиня». Через букву «о».

— Так во всех словарях.

— В словарях да, но не у нас.

— Это почему же?

— Мы пишем через «а», потому что это аббревиатура: м*А*нах — это математический монах, м*А*нахиня — математическая монахиня.

— Вы ничего не путаете? Мы в монастыре, а не в университете.

— Нет, мы в м*А*настыре. Математический монастырь.

— Хорошо, я исправлю. Вы свободны. Только никуда не уезжайте из м*А*настыря.

— Даже если бы это было возможно…

— До свидания!

Келья № 2

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в первый день нулевых Близнецов.

— Меня зовут Бета Дом, я 2-ой манах этого манастыря. Обязуюсь отвечать на вопросы, на все ваши вопросы, и только на ваши вопросы, господин следователь.

— Это хорошо, а то господин Е постоянно увиливал, и приходилось клещами вытягивать из него факты.

— Вы должны его простить, господин следователь, он ведь 5-ый манах, и ещё совсем недавно был всего лишь учеником. Отвечая вам, он как бы повторял хорошо выученный урок вместо того, чтобы творчески адаптироваться к ситуации.

— Ну, хорошо. Ответьте мне, Бета Дом, на первый вопрос: что лично вы видели из окна своей кельи в то утро?

— Я видел дерево, господин следователь.

— Я был в вашей келье и прекрасно знаю, что из её окна видно дерево.

— Вовсе нет, господин следователь. Обычно я его не вижу — примерно в том же смысле, в каком вы говорите «не обращаю внимания».

— А в этот раз обратили?

— Да, я увидел, что дерево стало полнее.

— В каком смысле? Толще что ли?

— Да нет, конечно. Просто… как бы это объяснить? Ну, вроде бы у него появилась сожизнь.

— Опять сожизнь! Что это за термин у вас такой. И почему он математический?

— Это вам 5-ый манах Е сказал? Он, знаете ли, не вполне постиг. Термин этот скорее метаматематический. Дело в том, что математика не может ведь начинаться с нуля, у неё есть некоторое начало, которое само ещё математикой не является. Мы это называем метаматематикой.

— Вы тоже увиливаете в сторону.

— Что вы, господин следователь, я только отвечаю на ваши вопросы.

— И к вашей религии эта сожизнь отношения не имеет?

— К религии нет, господин следователь. Но ведь религия, как и математика, начинается не с нуля. Мы называем это метарелигией, которая совпадает с метаматематикой. Впрочем, это совпадение не доказано, пока это только гипотеза. Но в любом случае термин сожизнь принадлежит пересечению метаматематики и метарелигии.

— А к усекновению настоятеля это имеет отношение?

— Ну, разумеется, как и всё здесь теперь происходящее.

— Это значит и да и нет.

— Это значит и да и нет.

— Хорошо, сформулирую вопрос иначе: эти изменения в дереве, которое видно из окна вашей кельи, являются следствием усекновения или его причиной?

— Я бы сказал, обратным следствием.

— Поясните.

— В философии есть понятие конечной причины, это близко к тому, что мы называем целью. Сначала что-то происходит, а потом оказывается, что оно происходит не само по себе, а ради чего-то последующего. Но я бы не стал

утверждать, что усекновение произошло ради полноты дерева. В математике есть обратное следствие, когда сначала идёт то, что следует, а потом то, из чего оно следует. Обычно это понимают как чисто пространственное расположение: что-то пишут на бумаге слева, а что-то справа. На бумаге легко поменять местами левое и правое и зеркально отразить значок следования. Если это происходит не на бумаге, а во времени, то усекновение оказывается обратным следствием полноты дерева. Иными словами, полнота дерева — свершившийся факт, что сразу же влечёт многочисленные последствия. Но этот факт был бы невозможным, если бы не произошло усекновение, поэтому усекновение тоже как бы следует из факта полноты дерева. Хотя само усекновение произошло, я повторю, вовсе не ради полноты дерева. Во всяком случае, не только ради этого.

— А ради чего?

— Полагаю, ради решения нашей математической проблемы. Но это метафора, а не факт. Пока я вижу слишком много пустых звеньев в цепочке доказательства.

— Давайте всё же придерживаться фактов. Из окна вашей кельи, кроме дерева, видно некое здание. Что это такое?

— Это Дом.

— Понятно, что дом. А что за дом?

— Просто Дом.

— Но что в нём находится? Для чего этот дом?

— Этого я не знаю.

— Господин Бета Дом,… кстати, ваше имя как-то связано с этим домом?

— Дом в моём имени — это и есть Дом за окном моей кельи.

— Вы хотите сказать, что в монастыре вам дали такое имя, потому что из окна вашей кельи виден дом? А если бы было видно что-то другое, то имя было бы другое?

— Господин следователь, вы задали два вопроса, но ответы на них разные. На второй вопрос я отвечаю: да, если бы за окном было что-то другое, моё имя было бы другим. Но на первый вопрос я отвечаю: нет.

— А тогда почему вам дали такое имя?

— Мне его не давали.

— Это ваше настоящее имя? Данное при рождении?

— Господин следователь, здесь опять два вопроса. Да, это моё настоящее имя, но не его мне дали при рождении.

— Так откуда же оно взялось, чёрт возьми!

— Этого я не знаю. Мне кажется, мы не понимаем друг друга из-за того, что вы пытаетесь расположить ряд фактов на оси времени: что раньше, что позже. Но в нашем манастыре мы не делаем различия между пространством и временем.

— В своём м*О*настыре вы можете делать что угодно, если это не запрещено законом. Но различие между пространством и временем существует независимо от ваших умозаключений.

— …

— Что вы молчите?

— Вы не задали никакого вопроса, господин следователь.

— Прочтите, подпишите и до свидания!

Келья № 8

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в нулевой день первых Близнецов.

— Госпожа Хета, что вы знаете об усекновении настоятеля?

— Мне кажется, это возрастное.

— Что возрастное?

— Усекновение. Бывают, знаете ли, такие старческие болезни…

— Усекновение — это болезнь?

— Или не болезнь, а естественное изменение. Да откуда мне знать: я ведь манахиня, к тому же 8-ая.

— А кстати, почему в вашем монастыре проживают совместно мужчины и женщины? Разве вы не даёте обет безбрачия?

— Безбрачия да, господин следователь. Но не целомудрия.

— Вы хотите сказать, что занимаетесь здесь, в монастыре, сексом?

— Только в математическом смысле, господин следователь.

— Что это значит?

— Вот смотрите, господин следователь: у вас пенис, а у меня вагина.

— И что?!

— Значит, миры нашего восприятия заведомо не тождественны. Но в то же время нельзя сказать, что они параллельны. Параллельные миры не воспринимают друг друга, а мы с вами друг друга воспринимаем. Поэтому наши миры пересекаются. Я бы сказала, что они перпендикулярны, учитывая, что вы не манах. И в точке пересечения ваш пенис окажется в моей вагине.

— Не окажется!

— У вас совсем нет воображения, господин следователь.

— Госпожа Хета! Вам не удастся меня соблазнить и тем самым запутать следствие. Говорите по существу дела.

— Но это невозможно!

— Что невозможно?

— Женщина, даже манахиня, не может говорить с мужчиной по существу усекновения. Это противоестественно.

— Так, в этом направлении мы зашли в тупик…

— Математически это не тупик, господин следователь, это скорее гонки.

— Не перебивайте меня! Зайдём с другой стороны: вы выглядывали в окно своей кельи в то утро?

— Конечно, это же прописано в уставе манастыря.

— И что вы видели?

— Я видела забор. А за забором — дорогу, и за ней домик с тремя окнами.

— Я спрашиваю: видели ли вы что-нибудь необычное?

— Ах, господин следователь, разве такой вид можно назвать обычным?

— Отвечайте на мой вопрос!

— Я стараюсь. Но всё дело в том перпендикуляре, о котором вы мне не дали договорить. Ведь брак — это как бы круг вокруг своего центра, которым является пересечение перпендикулярных миров. Этот круг может быть большим или маленьким, но в любом случае вы не должны выходить за его пределы. Но люди всё равно выходят! И тогда вместо того, чтобы решать математическую проблему, они начинают решать проблему брака. Вот почему мы даём обет безбрачия, а вовсе не потому, о чём вы подумали.

— Я ни о чём не подумал.

— Это не важно. Важно то, что вы даже не манах, господин следователь. Поэтому вы не знаете, что два окна в домике — это два перпендикулярных мира. Но тогда третье окно — это третий мир, перпендикулярный им обоим и выводящий из плоскости в трёхмерное измерение. Понимаете, как это страшно!

— Не понимаю.

— Это не важно. Важно то, что мне не положено выходить за забор. Там, за забором, ничего не должно быть. А в то утро там оказалась дорога, что ещё туда-сюда, но что гораздо хуже, там оказался домик, да ещё с тремя окнами.

— Да что в этом ужасного, кроме ваших безумных фантазий на тему брака!?

— Ну как вы не понимаете, господин следователь. Ведь у вас пенис, а у меня вагина…

— Всё, достаточно. Прочтите и подпишите.

— Здесь подписать?

— Да, где галочка.

— Я не могу здесь подписать.

— Это ещё почему?

— Потому что это не перпендикулярно. Давайте я лучше вот здесь подпишу.

— Подписывайте где угодно и до свидания.

— Господин следователь, если вы назначаете мне свидание, то не забудьте, пожалуйста, что у вас пе…

— Прощайте!

— Хорошо, я вас прощаю. Только не перелезайте через забор.

— Что?

Келья № 11

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в день двойной единицы.

— Имя и номер.

— Моё имя Каппа. Я 11-ая манахиня.

— Когда вы последний раз видели настоятеля?

— Сегодня ночью.

— Да? Где? В котором часу?

— Это было прямо напротив окна моей кельи. Его руки колыхались, а пальцы трепетали.

— Он что-нибудь сказал?

— Да, он говорил, говорил долго. Правда тихо, и речь была неразборчива, она путалась в его бороде, как ветер в листве.

— Он пытался что-то сообщить вам? Может быть, жестами?

— Он показывал всё время куда-то направо.

— А что там, направо?

— Там ничего нет.

— То есть вы не видели, что там?

— Я не видела, потому что там ничего не было.

— В котором часу это было?

— Не могу сказать. Я ведь не могла посмотреть на будильник.

— Почему не могли?

— Святая простота! Потому что это было во сне, господин следователь.

— Что вы морочите мне голову!

— Но это правда. Я видела настоятеля этой ночью во сне. Он почти проник в мою келью через окно. Ещё бы немного и его колышущиеся руки обняли бы меня, его трепещущие пальцы дотронулись бы до моей кожи, его губы, что-то бормотавшие в глубине бороды, коснулись бы…

— Хватит! Меня интересует, что было на самом деле, а не что вам привиделось или приснилось.

— А! Ну, так сразу бы и сказали. Я не знаю, что было ночью, потому что спала. А утром, как обычно, выглянула в окно.

— И что там увидели?

— Я увидела дерево прямо напротив моей кельи. Его ветви колыхались, а листья трепетали. И как будто что-то шептали, но тихо и неразборчиво. Наверное, это от ветра, господин следователь. Он дул слева, и все листья показывали куда-то направо…

— Так, понятно. Вы же знаете: я расследую усекновение. А вы потратили моё время, не сообщив по этому поводу ровным счётом ничего!

— Так вас интересует усекновение? Что же вы сразу не сказали. Это моя любимая тема. Мы тут поспорили с 8-ой манахиней насчёт пениса и вагины…

— Опять!?

— Так вы уже в курсе? Ну, конечно, эта 8-ая манахиня, её зовут Хета, просто помешана на планиметрии, она прекрасно умеет решать всякие задачки на плоскости. А вот стереометрия её пугает. Но вы же понимаете, усекновение на плоскости не представляет никакого математического интереса. Только в трёхмерном пространстве…

— При чём тут трёхмерное пространство? Я спрашиваю про усекновение настоятеля.

— Господин следователь, вы думаете, трёх измерениё мало? Это интересно, Бета Дом (это 2-ой манах) тоже намекал мне…

— Стоп! Ваши математические проблемы и, чтобы уж сразу предупредить, ваши религиозные проблемы меня тоже не интересуют. Что вы можете сказать про усекновение?

— При таких ограничениях ничего, господин следователь.

— Да что ж это такое? Вы все несёте какой-то математический бред, или псевдоматематический, я в этом не разбираюсь, а женщины всё сводят к пенису и вагине. Это нормально для монастыря?

— Но это же математический монастырь, господин следователь.

— Тогда при чём тут пенис?

— О! Я могу вам рассказать об этом подробнее.

— Не надо! Распишитесь вот тут и уходите.

— Господин следователь, можно я на прощание дам вам один совет?

— Нельзя!

— А я всё равно дам. Разговаривая с женщиной, никогда не показывайте ей свои ладони. Там же всё видно! Ха-ха-ха…

Келья № 18

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в нулевой день вторых Близнецов.

— Здравствуйте, меня зовут Цади-сан. Я 18-ый манах и я имею сделать заявление по поводу усекновения.

— Слушаю.

— Никакого усекновения не было.

— Как это не было?

— Вообще не было, нет и быть не может.

— Та-а-а-к…

— Совершенно с вами согласен: именно так.

— Да говорите же!

— А что тут говорить? Некоторые манахи, и даже манахини, независимо от их рангов и номеров, склонны вести доказательство, не удосужившись убедиться в верности посылки. Из любви, так сказать, к математическому искусству. Согласен, упражнение полезное, но только как упражнение. Не нужно выдавать результат такого доказательства за реально существующее. Ведь так можно доказать всё, что угодно. А существует только то, что существует.

— К чему вы клоните?

— Вы расследуете усекновение настоятеля, так?

— Так.

— А с какой целью?

— Не понял вас.

— Поясняю. Из окна моей кельи видна скала и россыпь камней под ней. Если в одно прекрасное утро камни исчезнут, можно задать вопрос: куда делись камни? И попытаться найти ответ. Это и есть цель. А теперь, господин следователь, посмотрите в окно за вашей спиной. Там есть камни?

— Нет.

— Господин следователь, там даже скалы нет. Понимаете?

— Ничего не понимаю.

— Н-да. Каппа меня предупреждала.

— Предупреждала о чём?

— О том, что вы не очень-то проницательны, господин следователь.

— Оставим мою проницательность в покое. Скажите прямо: по вашему, было усекновение или не было?

— Господин следователь, у вас есть пенис?

— И вы туда же!?

— Вот видите, как вы нервничаете. Вам задают простой вопрос, а вы начинаете подозревать спрашивающих в сексуальных домогательствах. А теперь представьте себе, что ваши вопросы про усекновение вызывают у нас, манахов и манахинь, аналогичную реакцию.

— Мне плевать, какую реакцию это у вас вызывает. Мне нужно расследовать это дело. И точка.

— Так расследуйте.

— Вы пришли с заявлением. Будьте любезны, изложите его так, чтобы я мог записать это в протокол.

— Вы вынуждаете меня нарушить один из пунктов устава манастыря.

— Повторяю ещё раз: мне плевать.

— Ладно. Грех будет на вашей совести. Пишите: усекновения не было, потому что не было настоятеля.

— Вы издеваетесь? Всем известно, что настоятель был.

— Это как посмотреть, господин следователь. В том смысле, в каком настоятель был, возможно, было и усекновение. Но не более того. Я же с этого начал: с онтологического статуса математических выкладок.

— В каком смысле настоятель был? Или в каком он не был?

— Рыболовы знают, что для каждого вида рыбы нужен свой рыболовный крючок. Охотники выслеживают дичь по следу, который разный у разных зверей. Писарь выбирает кисть в зависимости от сорта бумаги. Так и тут смысл зависит от точки зрения задающего вопрос. С точки зрения Каппы, 11-ой манахини, настоятель, безусловно, не только был, но и есть. Ну, это понятно: она же по нему сохла, вся трепетала при его появлении, это всем известно. Для простого Е настоятель — почти абстракция, ему вообще не важен онтологический статус. Да и настоятель его почти не замечал: так, кивнёт головой и дальше идёт. Хета относилась к настоятелю, как к чему-то давно прошедшему, то есть в настоящем как бы уже и не существующему. Она же молоденькая, ей замуж хочется выскочить. Я вообще не понимаю, что она в манастыре делает. Бета Дом и вовсе конвенционалист: он готов признать существование или несуществование настоятеля просто потому, что так ему удобнее в его математических изысканиях. А кроме них, его ничего и никто не интересует, в том числе настоятель.

— А вы, Цади-сан, в настоятеля просто не верите? Несмотря на очевидные факты.

— Можно и так сказать. Только очевидность фактов зависит от точки зрения…

— Пора и вам на вечернюю молитву. Подпись поставьте внизу справа.

Келья № 21

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в первый день вторых Близнецов.

— Госпожа Син-син, вы 21-ая монахиня этого монастыря, правильно?

— Совершенно верно, господин следователь.

— Что вам известно об усекновении настоятеля?

— Не больше, чем остальным, с кем вы уже беседовали.

— Но их показания противоречат друг другу. Их и показаниями-то назвать нельзя, просто какие-то фантазии или даже сны.

— Это потому, что на самом деле они ничего не знают.

— И?

— И я ничего не знаю.

— …

— Господин следователь, я ничего не знаю про усекновение. Но, если хотите, я могу рассказать вам о настоятеле, о том, что он за человек.

— Внимательно слушаю вас.

— Мы познакомились много лет назад. Не здесь. Тогда я ещё не была манахиней, а он не был настоятелем. Просто молодой человек приятной наружности. Только немного худоват, на мой вкус, атлетом его нельзя было назвать. У него были красивые пальцы, немного тонковатые, которыми он вечно отстукивал ритмы популярных рекламных песенок, правда, врал безбожно. Волосы падали ему на плечи и немного завивались, так что сзади его можно было принять за девушку. Поэтому он отращивал бородку, хотя она ему не шла: слишком узкая и тоже курчавилась. Глаза у него были очень светлые, так что казалось, что он всё время смотрит на вас, что-то отслеживая. Но поймав его взгляд, вы обнаруживали, что смотрит он не на вас, а гораздо дальше, слишком далеко, где он уже ничего не видел.

— Госпожа Син-син…

— Потерпите ещё немного, господин следователь. Я ведь не знаю, что окажется важным для расследуемого вами дела, а что нет. Да вы и сами не можете этого знать, пока дело не закрыто. Я продолжу. В то время он изучал логику в математическом университете. Он был одним из лучших студентов, одну его работу даже напечатали в «European Journal of Mathematical Logic». Что-то про математическую двусмысленность противоречия и логические системы с включённым третьим. Он называл их «лугиками», это аббревиатура от «лукавые логики». После окончания университета его приглашали в аспирантуру, но он отказался и неожиданно для всех уехал в Китай. Понимаете, господин следователь, тогда это был ещё старый Китай, отсталый, в котором все голодали и ничего не могли поделать. И он поехал не в Пекин и не в Шанхай, а в глухую западную провинцию, даже не в город, а в маленькую деревню. Он объяснял свой поступок немного странно: «Китайцы не понимают

нашу математику. Я попытаюсь им объяснить, и тогда, может быть, они объяснят нам, в чём мы не правы».

— Сколько же лет назад это было?

— Много, господин следователь, очень много. Но я с некоторых пор перестала считать годы, и теперь не могу ответить на ваш вопрос точно. Мы прожили в Китае, наверное, лет десять.

— Вы тоже поехали с ним?

— Да, разве я не сказала? Мы поехали как муж и жена, поженились ещё в университете.

— Вы тоже там учились?

— Да, только я изучала не логику — для меня это слишком сложно — а обычную дифференциальную топологию. На чём я остановилась?

— На том, что вы прожили в Китае десять лет. Что вы там делали?

— Да, в общем-то, ничего. Муж находил каких-то древних стариков и проводил за беседою с ними долгие часы. А я была просто женой: готовила, стирала, делала покупки, сметала пыль…

— И всё это время вы не общались с внешним миром, с коллегами?

— Муж несколько раз посылал в математические журналы свои статьи, но их не принимали.

— Почему?

— Говорили, что это не математика.

— А что же это было?

— Математическая теология. Но тогда мы этого ещё не осознавали. Муж думал, что нашёл новые подходы в математической логике. Понимаете, ему не нравилось, что математические, а по сути, логические парадоксы воспринимаются как что-то плохое, от чего в хорошей математике нужно избавляться, пусть даже ценой сужения самой математики. Вы знаете что-нибудь об этих парадоксах, господин следователь?

— Ну…

— Это очень просто. Вот, например, парадокс брадобрея. «Деревенский брадобрей бреет того и только того, кто не бреется сам. Спрашивается: должен ли он брить самого себя?» Этот парадокс придумал Бертран Рассел для теории множеств Кантора, только там он звучит немного иначе: не про брадобрея, а про множество всех множеств, которые не содержат себя в качестве своего

элемента. Теорию Кантора ещё называют «наивной» теорией множеств. Наивной, потому что она не знает никаких ограничений, а это ведёт к противоречиям.

— Подождите, госпожа Син-син. Но ведь такое требование к брадобрею действительно противоречиво. Не может быть такого брадобрея.

— Вот видите, вы тоже так думаете. А мой муж считал, что может. Даже должен быть, раз мы смогли его помыслить. Он считал, что математика, в которой нет противоречий, слишком бедна.

— Но разве противоречие не противоречит самой сути математики, извините за каламбур?

— Противоречит. Но мы не хотели отказываться от парадоксов. Математика, в которой их нет, уже не может описывать весь мир. Она отражает только тот мир, который доступен пониманию человека. Но ведь наш мир создан не человеком.

— И вы решили, что, раз мир создан Богом, то должна существовать некая божественная математика, в которой противоречия не запрещены?

— Что-то в этом роде. Но это увело нас слишком далеко, господин следователь. Вернувшись из Китая, муж основал не математическую школу, а математический монастырь.

— И вы продолжали оставаться мужем и женой?

— Только фактически, господин следователь. Формально это запрещено уставом.

— Странный у вас монастырь…

— Не больше, чем противоречивая математика. Но настоятель не учёл одного.

— Чего же?

— Что у вас, господин следователь, пенис, а у меня вагина.

— Госпожа Син-син!

— Шучу. Где тут у вас в протоколе подпись поставить?

— Подождите, я должен задать вам ещё один вопрос. Что вы видели из окна своей кельи в то утро?

— Как вы узнали?

— Что узнал?

— Что на деревце за окном моей кельи в ту ночь распустились десятки белых цветов. Как будто деревце открыло рот и показало свои сверкающие зубки, благоухающие как маленькие жемчужины сианьских пельменей.

— Вот место для подписи.

Келья № 15

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в день двойной двойки.

— Господин Самекси, вы знали, что настоятель и госпожа Син-син были мужем и женой?

— Чушь! С чего вы это взяли?

— Об этом мне рассказала сама госпожа Син-син.

— Врёт она всё. Настоятель ей в сыновья годится.

— Он что, так молод?

— Да примерно вашего возраста.

— Значит, они не могли учиться в одном университете?

— Каком университете? Она даже школу не кончила, отчислили за неуспеваемость.

— А настоятель?

— Он был довольно образован, но, так сказать, в широком смысле. Между нами говоря, в математике он ничего не смыслил.

— Как же он стал настоятелем математического монастыря?

— Кто-то же должен быть. У меня, например, на это времени нет: нужно решать математическую проблему.

— Какую проблему?

— У нас тут одна проблема на всех.

— Кажется, я уже готов услышать, что это за проблема.

— А я не знаю.

— Вы решаете проблему, но не знаете, что это за проблема?

— В этом и проблема. А так была бы просто очередная математическая задачка.

— Н-да… А чем занимается госпожа Син-син в вашем монастыре?

— Она кухарка.

— Понятно. И её рассказ о поездке в Китай тоже неправда?

— Ну, почему же, была она в Китае, давно, правда, там и готовить научилась.

— А настоятель?

— Тоже был. В прошлом году мы вместе были, манастырской группой, в турпоездке. Пекин, Шанхай, Ханчжоу, на Хайнане в море купались.

— Скажите, господин Самекси, почему мне все врут? Как вы думаете?

— А зачем вам это?

— Что зачем?

— Ну, что я думаю. Ведь есть вероятность того, что я тоже совру.

— А вы не врите!

— Я и не вру. Только как вы проверите, правду я говорю или нет?

— Как обычно: сопоставлю показания разных свидетелей.

— А если все врут, как вы говорите?

— Человек не может только лгать, хоть что-то в его показаниях оказывается правдой. Нужно только провести сравнительный анализ. Кроме того, что-то подтверждается или опровергается документами, что-то я вижу сам. В общем, это рутинные методы нашей работы.

— Очень забавно! Господин следователь, вы мне как-нибудь на досуге расскажите об этом подробнее.

— О чём?

— О ваших методах. Может быть, они пригодятся мне в математических изысканиях.

— Сначала нужно расследовать это дело об усекновении настоятеля.

— Оно вас так интересует? Да бросьте вы эту фигню.

— Не понял?

— Было усекновение, не было усекновения, какая разница! По большому счёту это ничего не меняет.

— Ну, тут я вашего мнения не спрашиваю. Ответьте мне ещё на один вопрос: что вы видели в то утро из окна своей кельи?

— Я не смотрел в окно.

— А разве это не нарушение устава монастыря?

— Ну и что? Хочу нарушаю, хочу нет.

— Не понимаю. Вас же за это могут отчислить из монастыря.

— Ой, не смешите меня! Где они ещё найдут специалиста по теории вероятностей? Они и меня-то не нашли бы, если бы врач не прописал мне свежий воздух, тишину и покой. Это после того, как я подрался с одним аспирантом.

— Подрались? Из-за чего?

— Он нашёл ошибку в моих доказательствах.

— Так вы должны были быть благодарны ему.

— Ещё чего! Послушайте, теория вероятностей — опора математики, да и вообще любой науки. Потому что нет стопроцентной истины, есть только утверждения с тем или иным распределением вероятности ошибки. Ну, какова вероятность, что кто-то найдёт ошибку в моём тексте? Там было сто страниц, многие ли осилят просто прочитать их, не говоря уже о детальной проверке?

— Не пойман — не вор?

— Именно так. Утверждение верно, пока никто не доказал обратного. Правда, не все с этим согласны. Почему-то в жизни действует презумпция невиновности, а в науке — наоборот, презумпция виновности. Учёный всё время должен что-то доказывать. Это утомительно, в конце концов!

— А разве может быть иначе? Ведь тогда кто угодно может высказывать какие угодно утверждения.

— А я не кто угодно. Послушайте, в науке полно утверждений, которые называются гипотезами. А что такое гипотеза? Недоказанное утверждение. Просто такие утверждения не разрешено делать кому угодно. Это могут себе позволить только уважаемые люди с хорошей репутацией. Есть гипотеза

Римана, гипотеза Эйлера, гипотеза Кеплера. А благодаря тому паршивцу аспиранту теперь, увы, нет гипотезы Самекси. Разве это справедливо?

— Ну, хорошо. Из окна вашей кельи виден тот же мостик, что виден из окна кельи № 5, где проживает простое Е. Господин Е утверждал, что в то утро на мостике не было настоятеля, хотя обычно он там стоит. Вы подтверждаете его показания?

— Ну, хорошо, один раз я, кажется, выглянул в окно. Но только для того, чтобы посмотреть, идёт ли снег. Да, подтверждаю: настоятель на мостике не стоял.

— Вот видите, уже совпадение в показаниях.

— Он там лежал.

— Что?

— Я могу ошибаться, как ни прискорбно в этом признаваться, но я ведь только мельком глянул в окно. К тому же моя келья расположена очень высоко, так что детали внизу видны плохо. Мне показалось, что на мостике кто-то лежит. Хотя пятьдесят на пятьдесят, что там лежал не кто-то, а что-то.

— Что-то?

— Какой-нибудь мусорный пакет или просто сугроб снега. Господин следователь, а если вы без всяких этих показаний просто напишете «Никакого усекновения не было, это просто результат массовой галлюцинации» или, например, «Настоятеля усекла кухарка Син-син, потому что возомнила себя его бывшей женой»?

— Не понял.

— Я спрашиваю: кто-нибудь будет проверять это ваше заключение по делу?

— Хватит! Подписывайте протокол.

Келья № 7

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в третий день вторых Близнецов.

— Мне сообщили, что настоятеля после усекновения обнаружила 7-ая монахиня. Это вы, госпожа Заин?

— Да, только это был не настоятель.

— А кто же?

— Его сожитель.

— Кто?

— Понимаете, господин следователь, у некоторых существ: почти у всех людей, у некоторых животных, иногда даже у растений, кроме обычной жизни, бывает ещё другая жизнь. Не здесь, а там. Она называется сожизнь.

— Я уже в курсе.

— А, ну тогда вы легко поймёте. Сожизнь она как бы на двоих: один здесь, другой там. Тот, кто там, называется сожитель того, кто здесь. Наверное, наоборот тоже.

— Как он выглядел, этот ваш сожитель?

— Не мой, как я могла своего видеть без усекновения?

— Ну, хорошо: как выглядел сожитель настоятеля?

— Да так же, как сам настоятель. Ничем не отличался.

— Как же вы тогда узнали, что это не настоятель, а его сожитель?

— А я не узнала, я почувствовала?

— Почувствовали? Чем? Зрением? Обонянием? На слух? Может быть, на ощупь? Или на вкус?

— Очень смешно! Что ж я, по-вашему, обнюхивала его? Или облизывала?

— Тогда как?

— Просто почувствовала и всё. Как все чувствуют.

— Я вот ничего такого не чувствую.

— Вы просто не догадываетесь. Все всегда чувствуют.

— А что вы, например, сейчас чувствуете?

— Ничего.

— Сами себе противоречите.

— Ну и что? Только я не противоречу. Я ещё ничего не чувствую, но уже предчувствую.

— Что предчувствуете?

— Что что-то будет. И когда будет, я это почувствую. Будущее чувство предчувствую.

— А что будет?

— Откуда же я знаю? Это же не чувство, а только предчувствие. Когда чувствуешь, чувствуешь что-то. А когда предчувствуешь, то только сам факт того, что что-то будет, а не само это что-то. Это же всем известно!

— Понятно.

— Ничего вам не понятно. Если бы было понятно, вы бы меня не спрашивали.

— Но вы же ответили, объяснили, и я понял.

— Так нельзя понять.

— Как «так»?

— Просто вот так: ответили, объяснили и понял.

— А как можно?

— Да с самого начала: либо понимаешь, либо нет.

— Странные у вас представления. По вашей логике, если я сейчас не понимаю, то уже никогда и не пойму?

— Да всё вы понимаете, только не признаётесь. И логика у меня самая обычная, нелинейная. С необычной логикой у меня ещё не всё получается.

— А есть и такая логика? Необычная?

— Мы же в м*А*настыре, чувствуете?

— Да уж чувствую…

— А говорили, что не чувствуете!

— Ладно, оставим это. Скажите, госпожа Заин, что вы сделали, когда обнаружили… э… сожителя настоятеля?

— Ясно что — это же в уставе манастыря прописано. Гуляла в берёзовой роще, пока не надоело. Вы, господин следователь, читали наш устав?

— Ещё не успел. Там же у вас пятьсот страниц.

— 529.

— Тем более. А где вы обнаружили сожителя настоятеля?

— Там же и обнаружила, в берёзовой роще.

— А что, в уставе так и написано: «Обнаружив сожителя настоятеля, следует гулять по берёзовой роще, пока не надоест»?

— Какой вы смешной! Нет, конечно. Там написано: «Если что-то случится, 7-ая манахиня гуляет по берёзовой роще, а если ничего не случится — то по осиновой».

— Ладно. Что было потом?

— А что потом? Потом ничего не было.

— Что случилось с сожителем?

— Не знаю, наверное, ушёл куда-то.

— И вы не видели, куда он ушёл?

— Я же говорю: гуляла по берёзовой роще. Мне было не до него. Там травы много, и она всё время за оружие цеплялась.

— Какое оружие?

— Винтовка, арбалет, копьё, два ножа африканских. Кажется, я ещё секиру брала, не помню точно.

— Это всё ваше оружие?

— А чьё же ещё?

— В монастыре можно ходить с оружием?

— Нет, конечно, я же не в манастыре ходила, а по берёзовой роще, я вам уже три раза сказала.

— Зачем вам оружие?

— Господин следователь, я же не спрашиваю, зачем вы брюки носите. Нравится и всё.

— Ну, это общепринято, чтобы мужчины брюки носили. Да и неприлично без них. А женщина с такой прорвой оружия, мягко говоря, необычна.

— А мне нравится.

— Ладно-ладно, нравится так нравится. Разрешение на оружие у вас есть?

— Так оно же игрушечное.

— Не понял.

— Ну, игрушки это. Детские. Для мальчиков.

— Но вы же девочка.

— Какая я вам девочка! Мне уже тридцать лет.

— Всё! Последний вопрос: что вы видели в то утро из окна своей кельи?

— Так берёзовую рощу и видела, там больше нечего видеть.

— А настоятеля… или сожителя настоятеля видели в берёзовой роще?

— Не видела. Я же говорю: там трава густая, ничего не увидишь, пока не наткнёшься.

— А когда наткнулись, что он делал? Лежал? Сидел? Стоял?

— Гимнастику делал. Китайскую. Настоятель её всегда делал, наверное, сожитель от него научился. Он так смешно старался: щёки раскраснелись, волосы на лоб упали, а подбородок блестел от пота.

— Блестел от пота? Как вы это увидели через бороду?

— Какую бороду?

— Разве настоятель не носил бороды?

— Никогда не замечала.

— Ну, хорошо. Подпишите протокол и вы свободны.

— А про пенис и вагину вы меня ничего не будете спрашивать, господин следователь? Все манахини, с которыми вы беседовали, говорят, что вы очень интересуетесь этим вопросом.

— До свидания!

Келья № 17

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в четвёртый день вторых Близнецов.

— Заин — интуиционистка. Между нами, господин следователь, ей вообще не место в манастыре.

— Почему вы так считаете, госпожа Пэй Фа?

— Вы знаете, что такое интуиционизм?

— Ну, в связи расследованием этого дела мне приходится пополнять свои представления о математике. Насколько я понимаю, интуиционисты отрицают закон исключённого третьего. Разве это не то же самое, что логика с включённым третьем? Кажется, ваш настоятель называл это лукавой логикой?

— Ну, да, вы же беседовали с Син-син. Она так и осталась в том времени, когда настоятель по молодости ещё обращал на неё внимания. Никакого продвижения.

— Постойте, госпожа Пэй Фа. Разъясните мне одну вещь. Сколько на самом деле лет вашему настоятелю? Син-син, да, кажется, и вы утверждаете, что он уже давно не молод, а по словам господина Самекси он моего возраста.

— Это он в сожизни вашего возраста, а здесь глубокий старик. Дело в том, что мужчины и женщины видят сожизнь с разных сторон. Например, в геральдическом описании написано «в левой части щита на лазоревом поле золотая корона с тремя лепестками». Вы смотрите налево, а там нет никакой короны и никаких лепестков. Это потому, что в геральдике левое и правое считаются не от зрителя, а от того, кто держит щит. Так и в сожизни, только здесь меняются местами не области пространства, а интервалы времени.

— Если сложить два и два, то получается, что господин Самекси видит меня сравнительно молодым, а вы, да и другие монахини, видят…

— Мы видим то же самое, господин следователь. У вас нет сожизни.

— Вот как! Но госпожа Заин утверждала, что сожизнь есть почти у всех людей.

— Вот именно — почти. Вы исключение.

— И как мне к этому относиться? Это хорошо или плохо?

— Господин следователь, не знаю, какое у вас сложилось мнение о других манахинях, но я не люблю разговоры про пенис и вагину. Давайте лучше вернёмся к интуиционизму.

— Но какое отношение… Впрочем, да, вернёмся.

— Первоначальной целью настоятеля, ради которой он и основал манастырь, было расширение математики. По крайней мере, предотвращение её сужения в борьбе с парадоксами. Закон исключённого третьего — одно из направлений такого сужения, и тут я согласна с интуиционистами: мир не чёрно-белый, он не делится на истину и ложь. Но интуиционисты двурушники: одной рукой они расширяют, а другой сужают. Им, видите ли, нужно, чтобы доказательство было интуитивно убедительным. И они не признают ничего, что не помещается в мысленном взоре человека. Но ведь мир создал не человек.

— Да, об этом говорила госпожа Син-син. Что-то о математической теологии.

— Я ничего не имею против старушки Син-син, но, господин следователь, её представления безнадёжно устарели. Теперь всё наоборот: мы занимаемся не математической теологией, а теологической математикой, теоматикой.

— А в чём разница?

— Математическая теология была всегда. Взять хоть геометрическое доказательство существования Бога Спинозы. В XX веке Курт Гёдель доказывал это с помощью модальной логики. А в XXI веке, словно в насмешку, Анатолий Вассерман, наоборот, отрицает Бога, опираясь на теоремы того же Гёделя о неполноте.

— Это теоремы о том, что любая система сложнее арифметики либо не полна, либо противоречива?

— Грубо говоря, да. Если есть утверждение, которое средствами этой системы нельзя ни доказать, ни опровергнуть, то это неполнота. А если утверждение можно и доказать и опровергнуть, то это противоречивость.

— Но, как я понял, вы здесь, в монастыре, не против противоречий, извините за полукаламбур?

— Мы и к полноте не стремимся. Особенно манахини. Но дело не в этом. Математическая теология — это когда муравей описывает человека, который, проходя мимо, ткнул палкой в муравейник. Получится муравей, большой муравей, может быть, даже бесконечно большой, но всё равно муравей. А вот человек, описывая муравья, никогда в здравом уме не скажет, что это маленький человек.

— Но тогда ваша теоматика — это математика Бога, а не человека.

— Совершенно верно.

— Но вы-то люди, как же вы намерены создать такую науку?

— В этом и проблема.

— Ну, хорошо, в конце концов, это не моё дело. Вернёмся к усекновению настоятеля.

— Но мы никуда и не уходили, господин следователь.

— Что вы хотите сказать?

— Усекновение настоятеля — это корень нашей проблемы. Если хотите, её местная эманация.

— Это ещё почему?

— Да потому что у настоятеля была… нет, у него не было…

— Борода?

— При чём здесь борода?

— Госпожа Каппа и госпожа Син-син утверждают, что у настоятеля была борода, но госпожа Заин отрицает это.

— У него были только усы, но дело совсем в другом… нет, я не могу об этом говорить, я закрываю рот, господин следователь!

— Вы все недоговариваете! Вы знаете, госпожа Пэй Фа, что я могу привлечь вас к ответственности за сокрытие интересующей следствие информации?

— Не можете.

— Могу.

— Нет не можете, потому что у вас пенис, а у меня вагина!

— Вы же не любите об этом говорить.

— Вы меня вынудили, господин следователь.

— Мы ещё вернёмся к этому вопросу. А сейчас скажите: что вы видели из окна вашей кельи в то утро?

— Сарайчик, над которым возвышалось дерево, штакетник, ограничивающий палисадник и примыкающий к избушке с двумя окнами.

— С двумя окнами? Не с тремя?

— В чём вы меня обвиняете, господин следователь?

— Госпожа Хета видела избушку с тремя окнами.

— Извращенка!

— Многие из вас придают деталям пейзажа за окнами своих келий какой-то странный символический смысл. Может быть, вы поясните его, госпожа Пэй Фа?

— Ещё немного и я обвиню вас в сексуальном домогательстве, господин следователь! У меня найдутся свидетели.

— Н-да… Подписывайте протокол.

Келья № 4

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в пятый день вторых Близнецов.

— Господин Далет, я вынужден признаться, что расследование усекновения настоятеля продвигается крайне медленно. Причина в том, что вы все, и манахи и манахини, что-то скрываете от меня.

— Позвольте и мне быть откровенным, господин следователь. Вы ломитесь в открытую дверь.

—То есть?

— Приведу пример. Вот вчера вы беседовали с госпожой Пэй Фа. Она вышла от вас вся в слезах.

— Не могу понять, чем я мог её обидеть?

— В том-то и дело! Она тоже не понимает.

— И что мне с этим делать?

— Постарайтесь быть с ней поласковей.

— Поласковей?

— Ну, да. Погладьте по плечу, обнимите за талию.

— Она же чуть не обвинила меня в сексуальном домогательстве!

— Вы считаете, тут есть какое-то противоречие?

— Понятно: даже если оно и есть, это ничего не значит, так?

— Примерно.

— Так что насчёт сокрытия информации?

— Каждому из нас есть что скрывать, господин следователь. Такова природа человека.

— Меня не интересуют скелеты в ваших шкафах. Пока. Но мне важно знать всё, что имеет отношение к расследуемому мною делу.

— А что имеет отношение? Вот вы можете точно сформулировать: что имеет отношение к делу, а что нет?

— Точно это станет известно, когда дело будет закрыто.

— Вот видите.

— Ничего я не вижу! Если вы боитесь разглашения конфиденциальных сведений или компрометирующей информации, то мы можем заключить сделку. Это допускается процессуальным кодексом.

— Вы не поняли, господин следователь. Мы сами не знаем, что скрываем от вас.

— Но когда та же госпожа Пэй Фа начинает говорить, что у настоятеля то ли что-то было, то ли чего-то не было, причём это не борода, а потом заявляет, что не может продолжать, что она закрывает рот, то как это понимать?

— Именно так и понимать: она не может продолжать.

— Ну, да: не хочет о чём-то говорить.

— Не «не хочет», а «не может». Она не знает, о чём говорить.

— Но ведь она начала говорить.

— Начать не значит продолжить, тем более, закончить. Господин следователь, даже если у вас есть аксиомы, на каждом шаге вы можете выводить из них самые разнообразные утверждения. Это как ветвящееся дерево. Ну, не совсем дерево, потому что некоторые ветви могут обратно соединяться. Это потому, что одну и ту же теорему можно доказать несколькими способами. Но у вас почти всегда есть выбор: пойти налево, пойти направо. А как заранее узнать, какой из путей ведёт к цели? И есть ли такой путь? Ваши вопросы — это как цели, к которым мы должны придти логическим путём. Но мы двигаемся почти вслепую, и иногда оказываемся в тупике.

— Тогда-то вы и заявляете, что не можете продолжать говорить?

— Конечно. Только это самый простой случай.

— А какой сложный?

— Например, когда аксиом бесконечно много. Тут даже теоремы Гёделя не срабатывают. Но ещё хуже, когда нет аксиом.

— Не очень вас понимаю.

— Да я и сам не понимаю. Но каждый раз, когда вы какие-то утверждения принимаете на веру, то есть объявляете их аксиомами, возникает законный вопрос: а почему эти утверждения? Почему не те?

— Да вы конвенционалист, господин Далет, как я погляжу. Что воля, что неволя — всё одно.

— Тише, господин следователь. Пожалуйста, никому не говорите об этом. В нашем манастыре конвенционализм это ругательство.

— Понятное дело: хоть и математический, а всё-таки монастырь, так? А Бог не играет в кости, выбирая аксиомы мира.

— А есть ли они, аксиомы мира?

— Не знаю, насчёт всего мира, а в расследуемом мною деле есть одна аксиома: произошло усекновение настоятеля. Хотя господин Цади-сан и пытался утверждать обратное.

— Вот кто конвенционалист! Я это давно подозревал.

— Успокойтесь, господин Далет. Цади-сан обвиняет в конвенционализме не вас, а Бета Дома. Лучше скажите: что вы видели из окна своей кельи в то утро?

— Встречу.

— Кого? С кем?

— Настоятеля с неизвестной девушкой.

— Вот как? И о чём они говорили?

— Этого я не знаю, они были далеко.

— Тогда что они делали? Да говорите же! Что мне из вас по капле информацию выдавливать!?

— Да ничего не делали: встретились и разошлись. Девушка пошла налево, а настоятель направо.

— Вы сказали, что девушка вам неизвестна. Это не монахиня из вашего манастыря?

— Нет, всех манахинь я знаю. Она вообще была одета не как манахиня.

— А часто на территории монастыря оказываются посторонние люди, в том числе девушки?

— Да постоянно. Тут под окнами моей кельи дорога проходит, грунтовка. Машины по ней не ездят, потому что в объезд, хоть и дальше, зато асфальт хороший, быстрее получается. А люди всё время ходят.

— Так что же необычного было в той встрече?

— Ничего необычного не было. Настоятель часто по дороге прогуливался, а если кто-то навстречу шёл, то вот они и встречались.

— Так это была встреча или они просто друг навстречу другу шли и так мимо друг друга и прошли?

— А есть разница?

— Встреча — это когда люди заранее договариваются, поджидают друг друга, останавливаются, говорят о чём-то.

— А неожиданная встреча?

— Ну, хорошо. Значит, они даже не остановились, когда друг мимо друга проходили? Не посмотрели друг на друга?

— Посмотреть, может быть, и посмотрели, я не помню. Но люди же всегда друг на друга смотрят, когда мимо проходят. А вот останавливаться — не останавливались.

— Тогда почему вы называете это встречей?

— А что же это такое?

— Ладно, оставим это. Ответьте мне на главный вопрос: что вы знаете об усекновении настоятеля, кроме того, что я уже знаю.

— А что вы знаете, господин следователь?

— Бросьте! Монахи и монахини, с которыми я беседовал, наверняка уже рассказали вам об этих беседах в подробностях.

— Ну, хорошо. Только учтите, господин следователь, проверять будете сами.

— Что проверять?

— Моё голословное утверждение.

— Ну, это моя обязанность, как ведущего это расследование.

— Не уверен.

— В чём?

— Ну, что вам захочется проверять.

— Это не ваше дело. Так что вы хотели мне сообщить?

— Я не хотел, это вы хотели, чтобы я сообщил.

— Господин Далет!

— Дело в пенисе.

— В чём!?

— В пенисе. У настоятеля его не было.

— Его что — кастрировали?

— Этого я не знаю.

— А что вы знаете?

— Что у настоятеля не было пениса.

— Но почему? Как?

— Господин следователь! Что вы меня мучаете? Откуда я знаю, почему? Тем более, как? Вы хотите, чтобы я от вас тоже в слезах вышел?

— Распишитесь и проваливайте.

Келья № 14

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в нулевой день третьих Близнецов.

— Я 23-я манахиня, мне 50 лет, моё полное имя Наунет, сокращённое Нун, ласково-уменьшительное Ню.

— И как лучше к вам обращаться?

— Это зависит от того, с чем вы обращаетесь, господин следователь.

— Это официальный допрос.

— Тогда «госпожа Нун».

— Госпожа Нун, вы подтверждаете показания господина Далета о том, что у настоятеля не было пениса?

— Я не заглядывала ему под рясу.

— Настоятель носил рясу? Я заметил, что в вашем монастыре принята свободная форма одежды. Господин Далет был в строгом костюме, госпожа Син-син — в халате, господин Самекси — в спортивной одежде, а госпожа Хета — и вовсе в миниюбке. На вас, госпожа Нун, как я погляжу, вечернее платье.

— Свобода только кажущаяся, господин следователь. На самом деле мы не вольны в выборе одежды. Устав манастыря предписывает одеваться в строгом соответствии с тем разделом математики, в котором специализируется манах или манахиня.

— Да? Я пока не уловил связи, нужно подумать. Ну, какое отношение миниюбка имеет к планиметрии?

— Самое прямое: отсутствие третьего измерения коррелируется с отсутствием ткани, прикрывающей ноги ниже бёдер.

— Вот как! А в какой области математики специализируетесь вы, госпожа Нун?

— В топологии.

— И?

— Топология изучает непрерывность. В отличие от геометрии, нас не интересует расстояние, и мы не различаем пространственные объекты, которые переходят друг в друга при непрерывных деформациях, без разрывов и склеивания.

— Например?

— Например, кубик и шарик. Но шарик нельзя без разрыва превратить в бублик, потому что в бублике есть сквозное отверстие. Зато бублик не отличается от кружки с ручкой. Если говорить об одежде, то юбка эквивалентна цифре 0, нарисованной жирной линией, а брюки — цифре 8, или знаку бесконечности. Зато женское платье плавно переходит в брюки с расстёгнутой ширинкой.

— Или в рясу… Ваше облегающее платье символизирует непрерывность? А что означает ряса настоятеля?

— Полагаю, то, что он настоятель.

— Я хотел спросить, в какой области математики он специализировался?

— Ни в какой. Настоятель осуществлял, так сказать, общее руководство. Топологически его ряса не отличается от моего платья. Но с точки зрения аналитической геометрии это совершенно разные вещи: мы отличаемся изгибами. Ряса — это, по сути, одежда без формы, скрывающая или уничтожающая формы. Если мы с вами наденем рясу, мы ничем не будет отличаться друг от друга, равно как и от настоятеля. А моё длинное узкое платье, как вы можете заметить, подчёркивает мои формы. Вам оно не пойдёт, господин следователь.

— Ну, хорошо, вернёмся к пенису настоятеля.

— Вы должны понимать, господин следователь, что пенис топологически ничтожен. Мужчину и женщину отличает не пенис.

— Вагина? Лишнее отверстие?

— Да, но только после дефлорации.

— Госпожа Нун…

— Зовите меня просто «Ню».

— Что изменилось?

— Господин следователь, мы говорим с вами об интимных вещах. Это не официальный допрос.

— И тем не менее. Вы не ответили на мой самый первый вопрос.

— Насчёт того, как ко мне обращаться?

— Нет! Я спрашивал про показания господина Далета.

— Это был второй вопрос. Разве я не ответила? Мне кажется, я дала ясно понять, что вопрос о пенисе нельзя ставить исключительно в связи с настоятелем. Вы заглядывали под миниюбку госпожи Хеты?

— Вы хотите сказать…

— Ах, нет. Это к примеру. Но согласитесь, вы не можете быть уверены в половой принадлежности манаха или манахини до тех пор, пока не вступили с ним или с ней в сексуальную связь. Или, по крайней мере, пока они не

разделись догола. Хотя внешний осмотр может и не дать однозначного ответа. Бывают, знаете ли, случаи…

— Госпожа Нун!

— Чем вы так озабочены, господин следователь? Ну, хорошо, спрашивайте меня про вид из окна моей кельи.

— Рассказывайте.

— В детстве меня звали рыбкой и змейкой, потому что я была в постоянном движении, но таком плавном и неуловимом, как будто у меня костей не было. Да и позже во мне не было никакой подростковой угловатости. Зато я чувствовала углы, швы и складки в любой одежде, которую надевала. Поэтому я её сбрасывала. В конце концов, это становилось неприлично. Когда родители совсем со мной замучились, они отдали меня в католический монастырь, чтобы я извивалась не в голом виде, а внутри рясы — там это не так заметно. Я сбежала оттуда, как только научилась носить платья. А теперь я могу надевать узкие и облегающие платья. Я даже нахожу в этом особое удовольствие.

— Госпожа Нун, какое отношение это имеет к виду из окна вашей кельи?

— Нун так Нун… Самое прямое отношение. В то утро, как и всегда, я видела плавное течение реки: сначала двигающейся среди лугов, а потом скрывающейся в густых прибрежных деревьях, таких округлых, что они похожи на топологические шары.

— И?

— Что и? Ну, господин следователь, если вы не видите связи…

— Не вижу.

— Я могу показать это в танце, чтобы было нагляднее.

— Не надо танцев. Распишитесь вот тут.

— Вы так и не спросили, господин следователь, что у меня под платьем.

— Меня это не интересует. Хотя я догадываюсь, что там ничего нет.

— Как ничего? А я?

— До свидания.

Келья № 6

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в первый день третьих Близнецов.

— Это же метафора, господин следователь. Нужно быть Далетом, чтобы каждого манаха, который не спит с манахинями, подозревать в отсутствии пениса. Это у него только вид приличный, а так этот Далет — ого-го!

— Насколько я понимаю, господин Вав, устав монастыря не запрещает сексуальные контакты?

— Но и не поощряет. Кроме того, мы не знаем, были ли у настоятеля контакты на стороне, за пределами манастыря.

— Он часто отлучался?

— Не часто, но бывало. Наверное, это связано с его должностью: всякие там закупки, счета, налоги, декларации, отчёты... В общем, бухгалтерия и бюрократия.

— Понятно. А в какой области математики вы специализируетесь, господин Вав?

— В компьютерной.

— Это значит...

— Это значит, что всё, что не помещается в компьютер, не существует.

— Например?

— Да все эти бесконечности, непрерывности, я уж не говорю о парадоксах. В компьютере парадоксов нет, есть только ошибки.

— Довольно радикальная точка зрения. А это не противоречит цели манастыря? Вы ведь сужаете математику похлеще интуиционистов, да и Канторова теория множеств в компьютер не помещается.

— Понахватались, господин следователь? Да не слушайте вы их: они же замшелые классики. На самом деле компьютер расширяет математику, только по-новому, не по классическим направлениям.

— Например?

— Вот скажите, как по-вашему, математика — точная наука?

— Всегда считал, что точная. Её даже царицей наук называют за точность.

— И очень плохо.

— Что плохо?

— Да всё плохо. Вот вы знаете, зачем нужно число пи?

— Ну, для вычисления длины окружности или площади круга, потом тригонометрия…

— Прекрасно. А чему равно пи?

— Ну, три, запятая, один, потом четыре, потом уже не помню.

— И не упомните, потому число пи иррационально, даже трансцендентно. Этих цифр после запятой в нём бесконечно много и они циклически не повторяются. Как же вы собираетесь считать площадь круга?

— Понимаю: на практике это делается приближённо.

— На любой практике! Так зачем вам нужна бесконечная точность? Это я простой пример привёл. Но подумайте, а как работает человеческий мозг? В конце концов, математику придумал человек. Но только его мозг ни с какими бесконечностями не работает. Он работает приближённо, все его вычисления неточные. И что? Разве плохой результат? Но очевидно это стало, только когда появились компьютеры. С одной стороны, они позволяют делать такие вычисления, на которые человеку с ручкой и бумагой потребовались бы годы и века. А с другой стороны, компьютер не понимает бесконечности, и везде, где есть бесконечность, он вычисляет неточно, приближённо. Но для этого нужно уметь делать такие вычисления, нужна особая математика. И математика уже сейчас становится наукой о неточных вычислениях, приблизительных рассуждениях, конечных моделях бесконечных процессов, учится решать некорректные задачи и опирается на неклассические, нечёткие логики. Я скажу больше: математика учится ошибаться. Но так, чтобы это было незаметно.

— Что вы имеете в виду?

— Вы слышали про Чайник Рассела, господин следователь?

— Ну…

— А про Невидимого Розового Единорога? Или Летающего Макаронного Монстра? Это всё примеры утверждений, которые нельзя опровергнуть. Фарфоровый чайник летает вокруг Солнца по эллиптической орбите между Землёй и Марсом. Только он очень маленький и его нельзя обнаружить даже в самые мощные телескопы. Невидимые Розовые Единороги обладают огромной

духовной силой, только они абсолютно невидимы. Летающий Макаронный Монстр тоже невидимый и неощутимый, зато он создал Вселенную, начав с горы, деревьев и какого-то карлика.

— Не понимаю, как это связано…

— Да напрямую! Если я пропишу в аксиомах утверждение о фарфоровом чайнике, потому что мне так удобнее делать компьютерные вычисления, то никто этого не заметит. Важен результат, а победителя не судят. С точки зрения современной науки моя теория ошибочна, потому что основана на неверных посылках: ведь никакого чайника нет. Хотя это и не доказуемо. А на практике? Ну и что, что ошибочна? Зато результаты даёт верные. Ну, по крайней мере, до поры до времени. А там — или падишах, или осёл, сами знаете.

— Скажите, господин Вав, эта ваша мятая футболка с непонятной надписью, старые шорты с кучей карманов и разбитые кроссовки, — это что, обязательно для компьютерной математики?

— Это вам Ню наплела про форму одежды?

— Госпожа Нун ссылалась на устав монастыря, где сказано, что форма одежды должна строго соответствовать области математики, в которой вы специализируетесь.

— Типичный пример замшелого классического мышления. Наш настоятель не был дураком, когда составлял устав манастыря. Там сказано «строгое соответствие», но не сказано какое! Каждый выбирает по своему вкусу.

— И всё же я хочу понять: вы действительно думаете, что мозг человека работает как компьютер? А как же «китайская комната»?

— Китайская?

— Это такой мысленный эксперимент, его придумал Джон Сёрль. Человека, не знающего китайского языка, запирают в комнате, заполненной табличками с иероглифами, и дают руководство по синтаксису языка. Потом ему передают бумажки с вопросами на китайском, а он, руководствуясь правилами, составляет из иероглифов ответы и передаёт обратно. Если руководство точное и полное, никто снаружи не отличит этого человека от грамотного китайца. Но ведь, действуя таким образом, этот человек ничего не понимает: ни смысла вопросов, ни смысла своих ответов.

— А зачем смысл, если ответы правильные? Я же про это и говорил. Вот если бы он ошибался…

— Кстати, человеку как раз свойственно ошибаться.

— Вот тут вы попали в точку. Ведь всё начиналось с того, чтобы писать программы для компьютеров без ошибок. Потом — чтобы эти ошибки быстро находить и исправлять, поскольку оказалось, что в программах всё равно остаются ошибки. А знаете, какой сегодня девиз у программистов? «Это не ошибка, это фича»! В вашем руководстве по синтаксису наверняка полно ошибок, не нужно даже специально их делать.

— Допустим. Но вот, господин Вав, вы сами сказали: «В конце концов, математику придумал человек». А разве программа вашего монастыря не предусматривает движение дальше — к математике, которую придумал Бог?

— А я атеист.

— Не понял?

— А чего непонятного: не верю я ни в каких богов.

— А как же монастырь?

— Это не моя проблема. В уставе про бога ничего не сказано. Да и вообще это не важно. Ведь если человек может создать божественную математику, то она же будет и человеческой, раз её человек создал. А тогда нет никакой отдельной божественной математики, которую мы могли бы создать.

— Противоречие? Ну и что?

— Тут вы меня поймали на крючок, господин следователь.

— И?

— И всё. Вы меня поймали, а мне по барабану. Противоречие? Ну и что?

— Господин Вав, окно вашей кельи выходит на террасу.

— Ага, терраса над рекой, очень красивый вид. Вы спрашиваете, что я видел в то утро? Ну, видел, как настоятель играет в 126-клеточные шахматы с каким-то мужчиной.

— Манахом?

— Нет, пришлым. Они поиграли и разошлись.

— А что это за игра такая, 126-клеточные шахматы?

— Шахматы как шахматы, только поле не 8 на 8, а 21 на 6. Да, ещё все фигуры невидимы.

— Невидимы?

— Точно не знаю, я не играю в эту игру, то ли невидимы, то ли их вообще нет.

— Как же играть в шахматы без фигур?

— Ну, они молча играли.

— А кстати, вы не заметили, у настоятеля была борода? Или, может быть, усы?

— Нет, не заметил, он стоял спиной ко мне.

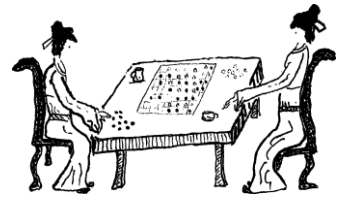
— Но это же не единственный раз, когда вы видели настоятеля?

— Ну, было по-разному, он то отращивал бороду, то сбривал её. А ещё он использовал накладные усы. Ну, для солидности что ли, когда приезжали именитые гости.

— Хорошо, на сегодня достаточно. Подпишите протокол, господин Вав.

— Кстати, господин следователь, а откуда вы знаете про «китайскую комнату» Сёрля?

— Да так, почитал кое-что.



Келья № 12

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля во второй день третьих Близнецов.

— Господин Ламед, я хочу начать с вопроса, которым обычно заканчиваю допрос: что вы видели из окна своей кельи в то утро?

— Вы имеете в виду, что я видел, кроме прекрасной колоннады, украшающей главный вход в манастырь? Я видел настоятеля, который вышел на край платформы и стоял там некоторое время, пока не прозвучал сигнал к утренней трапезе.

— Он был один?

— Да.

— Что он делал, кроме того, что стоял на краю платформы?

— Он смотрел в сторону ближайшей рощи, как будто кого-то ждал или, наоборот, с кем-то прощался, кто уходил и уже не был виден из моего окна.

— Настоятель и раньше так делал?

— Никогда. Видите ли, главный вход в манастырь почти всегда закрыт. Там даже нет подъездной дороги или хотя бы тропы. Мы пользуемся боковыми выходами или задним, ведущим во внутренний двор манастыря. А главный вход… ну, это просто украшение. Наверное, когда-то, когда манастырское здание было владением местного сеньора, всё было иначе. Балы, приёмы, именитые гости…

— Настоятель был в рясе?

— Как обычно.

— Вы ничего не хотите добавить, господин Ламед?

— Вы знаете, при всём моём уважении к настоятелю, он был лишним в этом пейзаже.

— Что это значит?

— Он нарушал основные пропорции, без него было бы изящнее.

— Это всё?

— Ещё я видел солнце, поднявшееся над краем леса и складки облаков над ним. Солнце было неярким, расплывчатым и белым, как будто стоял густой туман. Но тумана не было, наверное, это был нижний слой облаков — без определённой формы и с равномерной плотностью.

— Это тоже необычно?

— Нет, просто красиво.

— Скажите, господин Ламед, какова ваша математическая специализация в монастыре?

— Я не занимаюсь математикой.

— Вот как? А я думал, что раз монастырь математический, то все здесь занимаются математикой.

— Почти все. Но кто-то же должен и о душе подумать.

— Значит, вы…

— Да, я отвечаю за отправление ритуалов нашей религии и помогаю другим манахам и манахиням укрепиться в вере.

— Но господин Вав заявил, что он атеист.

— Наша религия не отвергает атеизм.

— Да что вы говорите? Это любопытно. Вы не просветите меня? Каков ваш символ веры?

— У нас его нет. Дело в том, что мы не признаём аподиктических, то есть неопровержимых, суждений без доказательства. Но, согласитесь, было бы странным составлять символ веры из гипотетических суждений или простых констатаций фактов. Ещё нелепее было бы включать в символ веры математические выкладки. К тому же они всё равно основаны либо на аксиомах, либо на бездоказательной «непосредственной очевидности».

— Да, но во что вы верите?

— Да, строго говоря, ни во что.

— И это религия? Что же вас всех объединяет?

— Математика. Но в неё ведь не верят, господин следователь. Это наука, в которой ничего не принимается на веру. У нас нет ничего такого, во что бы верил каждый манах и каждая манахиня. У каждого — своя вера. И моя задача — укрепить каждого в его вере и привнести покой в его душу.

— Значит, если господин Вав атеист, то…

— То он и в самом деле верит в Бога, раз так озабочен его отрицанием. Только он называет его Фарфоровым Чайником, потому что разум, в том числе божественный, господин Вав сводит к компьютерной программе.

— Даже так? А остальные?

— Госпожа Заин верит в Маленькую Девочку. Господин Далет — в Единственную и Непознаваемую Аксиому. Госпожа Нун — в тождество мужчины и женщины. Госпожа Пэй Фа — в Большого Муравья. Господин Самекси — в детерминизм, поглощающий вероятность. Госпожа Син-син… ну, это трудный случай. Господин Цади-сан верит в Универсального Настоятеля. Госпожа Каппа — в Абсолютное Безветрие. Госпожа Хета — в то, что рай находится в четвёртом измерении. Господин Бета Дом — в необратимость времени. Господин простое Е — в Управление Погодой.

— Гм… Вы хотите сказать, что каждый верит в то, что на словах отрицает?

— А разве бывает иначе, господин следователь? Ведь речь идёт об истинной вере, а не о принадлежности к той или иной конфессии.

— А вы уверены, что это религия, а не разновидность психоанализа?

— Не уверен.

— И?

— Господин следователь, я практикующий манах, а не теоретизирующий теолог. Мой инструмент — палка для погонщика быков, а не мудрёные богословские трактаты.

— Почему вы сказали, что госпожа Син-син трудный случай?

— Потому что она верит в то, что была женой настоятеля.

— А это не так?

— Не важно, так это или нет. Важно, что за этой верой она скрывает свою истинную веру, и я никак не могу докопаться…

— Она действительно кухарка?

— В манастыре нет кухарки, еду нам поставляют из ближайшего трактира.

— Но господин Самекси утверждает…

— Ах, это всё после того случая…

— Какого случая?

— Госпожа Син-син праздновала свой день рождения, какой-то юбилей, хотя она и скрывает свой возраст. Она самолично приготовила кучу всяких китайских кушаний и была очень горда этим. А господин Самекси выпил лишнего… честно говоря, просто напился до положения риз, даже буянил. Потом ему было очень плохо, да ещё и стыдно. Поэтому он пытался всех уверить, что это из-за китайских блюд госпожи Син-син.

— Гм… А во что верил настоятель?

— В пенис и вагину.

— Не понял?

— Он верил, что пенис и вагина — единственная реальность, данная нам в ощущениях. Всё остальное — только математика.

— И в чём это проявлялось?

— Господин следователь, вы знаете, что такое тайна исповеди?

— Понимаю.

— Думаю, не совсем понимаете. Это я пытался аналогию провести. У нас нет тайны исповеди, так же как нет самой исповеди. Я могу вам пересказывать

все слова, которые мне говорили манахи и манахини этого манастыря, выдавать все тайны, которые они мне доверили в этих разговорах.

— Так в чём же дело?

— Но я не могу ничего говорить об их делах и поступках. Понимаете, для нас слова — это математика. А в математике не может быть запретных тем и конфиденциальных сведений. Другое дело — пенис и вагина.

— Ладно, оставим это. Но мне стало интересно: а во что же верите вы, господин Ламед?

— В Пятую Колонну.

— Во что?

— В Пятую Колонну. Понимаете, из окна моей кельи видны только четыре колонны портика, но я верю, что существует и пятая.

— А вам не приходило в голову просто пойти и посмотреть, есть пятая колонна или их всего четыре?

— И что это даст? Если я увижу Пятую Колонну, это ничего не прибавит к моей вере. А если не увижу, то смогу объяснить это самыми разными причинами: солнце слепило глаза, или туман поднимался с земли, или колонна стала невидимой под действием неизученных наукой лучей, или нейроны моего головного мозга сложились в такую конфигурацию, которая блокирует наблюдение Пятой Колонны… Но не это главное?

— Да?

— Главное то, что никакой пятой колонны на самом деле нет. Я могу это доказать. Доказать строго при всей скромности моих математических знаний и способностей.

— И как же вам эта вера помогает…

— Помогает в жизни? О, как только я поверил в пятую колонну, я сразу почувствовал необыкновенную лёгкость! У меня даже пропал страх перед математикой.

— Н-да… Прошу вас, господин Ламед, поставить свою подпись под протоколом.

Келья № 9

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в день двойной тройки.

— Госпожа Тета-тет, во что вы верите?

— Простите?

— Я беседовал вчера с господином Ламедом, и он рассказал мне о вере тех манахов и манахинь, которых я уже допрашивал. Также он уверил меня, что здесь нет никакой тайны или конфиденциальности.

— Ну, это очень личный вопрос.

— Я не могу сейчас сказать, пригодится ли это для следствия или нет. Поэтому, если не хотите, не говорите.

— Почему же, хочу. Я даже настаиваю, чтобы вы занесли это в протокол, господин следователь.

— Я вас слушаю.

— Дело в том, что пятна на Солнце складываются в крест. Получается колесо со спицами.

— Это действительно так?

— Конечно, нет. Но я в это верю.

— А зачем? Простите за нескромный вопрос.

— Понимаете, если Солнце — всего лишь жёлтый карлик, это скучно. А если это колесо, тут есть о чём помечтать.

— Например?

— Ну как же! О колеснице Солнца. О том, кто на ней едет. К кому едет. С какими подарками…

— Госпожа Тета-тет, ваша одежда как-то связана с вашей математической специализацией?

— Что вы имеете в виду?

— Судя по вашим чулкам-сеткам, вам не чужда теория решёток. Но покрой вашей юбки наводит на мысли о геометрии: либо дифференциальной геометрии, либо…

— Комплексном анализе. Знаете, господин следователь, есть такие функции… О, я могла бы многое рассказать вам о них, они совершенно эллиптические. Но чтобы это продемонстрировать, мне придётся снять юбку.

— Госпожа Тета-тет!

— Да я шучу, господин следователь. Здесь, в манастыре, иногда бывает так скучно! Все заняты только своими исследованиями, и не с кем поделиться возникшими мыслями и выкладками. Ну, не с Хетой же делиться: она, хоть и моего возраста, но до смерти боится третьего измерения. Госпожа Син-син слишком стара, Каппа одержима, Пэй Фа ограничена, Заин чокнутая, а наша вечнотекучая Ню слепа как крот — в математическом смысле, конечно.

— А монахи?

— Их интересует только одно.

— Пенис и вагина?

— Да вы что! Они боятся этого как огня. Даже господин Вав — надо же, ещё такой молодой, а туда же.

— Куда?

— В математическую беспредельность и вседозволенность. Влюбились в парадоксы…

— А настоятель?

— Так ведь он…

— Что он?

— У него…

— Не было пениса? Для меня это уже не новость.

— Уф! Так вы уже знаете?

— Об этом мне говорил господин Далет. Правда господин Вав и госпожа Нун не подтвердили эти показания, но и не опровергли их.

— Она была довольно привлекательной…

— О ком вы говорите?

— О настоятеле, конечно. Ведь он был женщиной.

— Какой женщиной?

— Я же сказала: довольно привлекательной.

— Он что: сменил пол?

— А говорили, что всё знаете, господин следователь. Вы меня обманули.

— Так… Потому он и носил рясу… или она… И кто ещё знал, что настоятель — женщина.

— Да все знали.

— Тут я не пойму: или вы меня обманываете, или все остальные врут.

— Какой вы подозрительный, господин следователь. Вы же сами сказали, что Вав и Нун не опровергли слова Далета. А другие…

— А другие говорили так, будто настоятель — мужчина.

— Прямо так и говорили?

— Ну, они так спрягали глаголы: «был», «стоял», «делал». И потом, они всё время говорили «он», а не «она».

— Так это потому, что слово «настоятель» мужского рода.

— Вот именно.

— Слово, а не сам настоятель, господин следователь.

— Мне надо подумать, и заново перечитать все показания. Под этим новым углом зрения. Но почему они сразу не сказали?

— А вы не спрашивали.

— Ну, они могли бы говорить «настоятельница», а не «настоятель».

— Вы что, поклонник гендерной математики, господин следователь? Вот уж не ожидала.

— А госпожа Нун намекала, что не только настоятель может оказаться не того пола…

— Вы всё-таки хотите, чтобы я сняла юбку?

— Пока нет.

— Что-то вы загрустили, господин следователь. Может быть, мне рассказать про вид из окна моей кельи?

— Да, самое время.

— Значит, так. На главном входе нашего манастыря есть портик с колоннами.

— Господин Ламед мне уже рассказывал.

— Но он, наверное, не говорил, что это новый портик. Когда-то был другой, расположенный метров на пятьдесят дальше. Потом главное здание зачем-то передвинули, а на старом месте остались две колонны. Из кельи Ламеда их не увидишь, они скрыты за рощицей. А моя келья находится в самом конце флигеля, и окно выходит как раз на эти колонны.

— И что же в них замечательного?

— Но, господин следователь, они же направлены прямо в небо. И они такие фаллические!

— Послушайте, а может быть, у вас тут вовсе не монастырь, а что-то совсем другое?

— Конечно, другое. У нас — *математический* монастырь.

— Ну, хорошо, и что с этими колоннами?

— Если бы вы, господин следователь, знали, что такое гамма-функция…

— Я знаю, что такое гамма-функция.

— О! Тогда вы знаете, что в своих полюсах…

— В своих полюсах она напоминает вам эти колонны?

— Скорее наоборот, колонны напоминают мне гамма-функцию.

— И?

— Только представьте: если ночью, когда все мужчины спят в своих постелях, лёжа на спине, гамма-функция начнёт самореализацию…

— Что это значит?

— Что у них у всех одновременно начнётся эрекция!

— Ладно, госпожа Тета-тет, допрос окончен. Подпишите свои показания.

Келья № 19

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в четвёртый день третьих Близнецов.

— Моё имя Коппа. И, пожалуйста, господин следователь, не путайте меня с этой Каппой. Она пишется через «а», а я — через «о». Она 11-ая манахиня, а я 19-ая.

— Скажите, госпожа К*О*ппа, настоятель — женщина?

— Ага, вы уже вышли на этот уровень!

— Уровень чего?

— Игры, конечно.

— Вы хотите сказать, что все здесь играют со мной в какую-то игру?

— Почему только с вами? Вся наша жизнь, а, впрочем, и смерть тоже — это игра. Ничего личного и ничего реального.

— Понятно: вы специализируетесь по теории игр, правильно?

— А разве это не видно по моей одежде?

— Юбка в клетку — это, наверное, шахматы или шашки. А блузка в полоску…

— Дилемма заключённого.

— ?

— Это одна из фундаментальных проблем в теории игр: игроки не всегда сотрудничают друг с другом, даже если это в их интересах. Игру придумали Мерил Флад и Мелвин Дрешер, а название ей дал математик Альберт Такер. Арестованы двое преступников. Есть основания полагать, что они действовали по сговору, и полиция, изолировав их друг от друга, предлагает им одну и ту же сделку: если один свидетельствует против другого, а тот хранит молчание, то первый освобождается за помощь следствию, а второй получает максимальный срок лишения свободы — 10 лет. Если оба молчат, их деяние проходит по более лёгкой статье, и они приговариваются к 6 месяцам. Если оба свидетельствуют друг против друга, они получают минимальный срок — по 2 года. Что произойдёт?

— Ну, на месте преступника я бы рассуждал так: если партнёр молчит, то лучше его предать и выйти на свободу, потому что иначе — полгода тюрьмы. Если партнёр даёт показания, то лучше тоже свидетельствовать против него, чтобы получить 2 года, иначе — 10 лет.

— Ага, так рассуждает и другой преступник, и в результате оба получают по 2 года. А вот если бы оба молчали, получили бы только по полгода.

— Но вы же не изолированы друг от друга. Я беседую с каждым по отдельности, но потом-то вы наверняка обсуждаете между собой эти беседы?

— Мы не преступники! Разве мы играем в эту игру, господин следователь?

— А в какую игру вы играете?

— Не только мы, вы тоже, господин следователь. Но вот в чём проблема: никто не знает, что это за игра. И я могу доказать, что никто не может знать.

— Докажите.

— Вот смотрите: каждая игра происходит по каким-то правилам, разные игры отличаются друг от друга этими правилами. Но правила регламентируют поведение обоих игроков, не может быть так, что один играет по правилам игры, а другой их нарушает, ведь тогда это была бы уже другая игра, с другими правилами.

— Пока всё логично.

— И дальше так будет. Допустим, вы знаете, что мы играем в игру X. Тогда я начинаю играть по правилам игры Y, которые отличаются от правил игры X, по крайней мере, с моей стороны. Следовательно, мы уже не играем в игру X, и ваше знание ошибочно. Иными словами, на самом деле, вы не знаете, в какую игру мы играем.

— Тут у вас логический просчёт. Откуда вы знаете, что я знаю, что мы играем в игру X? Я вам этого не говорил. А тогда как вы можете быть уверенными, что ваша игра Y чем-то отличается от X?

— А мне и не нужно знать, достаточно играть то по правилам игры Y, то по правилам отличной от неё игры Z. Если одна из них совпадает с X, то другая — нет. В результате мы всё равно не играем в игру X.

— Но разве такое чередование правил это не новая игра? Почему бы её не назвать игрой X, точнее, той игрой, о которой я знаю.

— Тогда индуктивно повторяем наше рассуждение.

— Тут чувствуется бесконечность…

— Бесконечность забавная штука, господин следователь. Вы слышали о парадоксе обезьяны?

— Которая печатает на машинке? Если она это делает бесконечно долго, то рано или поздно напечатает «Гамлет» Шекспира.

— Да, а ещё она может выиграть любую сумму денег, играя в любую игру. Проблема в том, что правила казино не позволяют её на этом остановиться и уйти с карманами полными хрустящих купюр.

— Знаете, госпожа Коппа, нам тоже пора остановиться. Мне кажется, вы уводите разговор в сторону, и готовы это делать до бесконечности. Я ведь всего лишь спросил: настоятель мужчина или женщина?

— А вам, господин следователь, не приходила мысль о чередовании?

— Не понял?

— Ну, это как отрастить бороду, а потом её сбрить. Но до конца я и сама не понимаю. Будь я Заин, я бы сказала, что у меня предчувствие.

— Но вы не Заин.

— Да, поэтому я говорю: это игра. Но какая, пока не понимаю, я ведь знаю только те правила, по которым играю сама.

— Ладно, тогда последний вопрос: что вы видели из окна вашей кельи в то утро?

— Из моего окна, господин следователь, открывается ужасный вид. Я каждый раз вздрагиваю, когда его вижу.

— Там, кажется, какие-то скалы.

— Это не просто скалы, господин следователь, это настоящие менгиры. Очень высокие. И над ними всегда клубятся низкие тёмные облака. И трава у их подножия растёт плохо.

— И что в этом ужасного?

— Они напоминают Совершенных Игроков.

— Это ещё что такое?

— Кошмар всех игр. Игроки, которые просчитывают все варианты стратегии и потому не могут сделать первый ход. Они только думают и думают, до бесконечности. Так и застывают в неподвижности, игра даже не начинается.

— Гм… А фаллических ассоциаций они у вас не вызывают?

— Господин следователь, когда вы видите иголку с ниткой, у вас не возникает желания засунуть в угольное ушко не нитку, а свой пенис?

— Что-что?

— Где тут у вас протокол подписывается?

Келья № 3

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в пятый день третьих Близнецов.

— Вот уж не знал, что у Коппы верблюд ассоциируется с пенисом. Эх, молодость…

— Господин Гимельджим, вернёмся лучше к виду из окна вашей кельи.

— Ну что вид? Там башня торчит, точнее, две примыкающие друг к другу башни. В каждой по три окна, вход внизу правой башни, и в неё же встроены часы над верхним этажом, так что я всегда знаю точное время.

— И?

— И?

— И какие у вас с этим связаны ассоциации?

— Вы психоаналитик, господин следователь? Башни как башни, часы как часы.

— А три окна? Госпожа Хета видела избушку с тремя окнами и очень этого испугалась. А госпожа Пэй Фа считает это извращением.

— Так это окна по горизонтали, а в моих башнях — по вертикали.

— Это имеет значение?

— По горизонтали имеет, хоть и не для моего возраста, а по вертикали — нет.

— Почему?

— Я не знаю, так заведено.

— А настоятель?

— Что настоятель?

— Мужчина или женщина?

— Смотря который.

— У вас их несколько?

— Не одновременно, конечно. Сначала манастырь был чисто мужской, и первым настоятелем был, конечно, мужчина. Только он покинул манастырь.

— Почему покинул?

— Трудно сказать. Может быть, веру потерял. Он, знаете ли, верил в натуральные числа, представлял себе их маленькими жучками с крылышками, которые всё время вьются, вьются вокруг лампы.

— А что было лампой?

— Он не объяснял, наверное, сам не знал. Но без лампы никак не мог их представить. А потом представил. Ну, веру и потерял. Я помню, его очень расстроило, когда Эндрю Уайлс получил премию Шао за доказательство Великой теоремы Ферма. Настоятель даже воскликнул: «О! Небо хочет моей погибели! Небо хочет моей погибели!»… Или он это воскликнул, когда обнаружилась недостача манастырских денег? Уже не помню.

— А что это за история с деньгами?

— Внутренняя финансовая проверка обнаружила пропажу ста тысяч долларов. Потом, правда, пересчитали, и всё сошлось, но настоятель уже покинул манастырь в спешном порядке.

— А второй настоятель?

— Так это нынешний и есть. Мы тогда конкурс объявили на замещение вакантной должности. Конкурс был анонимный, по интернету. Победил некий Алеф, а когда он прибыл в манастырь, оказалось, что это женщина по имени Альфа. Ну, не менять же решение, это было бы неприлично. Да никто и не возражал против женщины. А потом уже и другие манахини пришли.

— Да, теперь многое становится на свои места. Господин Гимельджим, я хотел бы выразить вам благодарность за помощь следствию. Вы так спокойно и ясно рассказываете обо всём, ничего не скрывая.

— А зачем скрывать? У нас тут никаких тайн нет.

— Ну да. Только другие свидетели были не так откровенны и, честно говоря, мне показалось, что они хотят запутать следствие, пустить меня по ложному следу.

— Это они зря. Может быть, испугались вас, господин следователь?

— Что же, я такой страшный?

— Не страшный, а… неизвестный. Люди ведь больше всего боятся неизвестности. Это потому, что неизвестно, что за ней скрывается, за неизвестностью, а вдруг что-то и правда страшное, понимаете?

— Понимаю, но вы-то меня не боитесь.

— Эх, господин следователь, господин следователь… Я ведь уже старик — сами видите. Меня уже ничего не пугает, да и не удивляет, честно говоря. А когда-то я был о-го-го! Меня даже прозвали «абсолютным делителем нуля» за то, что я всё обращал в нуль, в шутку, в нонсенс.

— А, кстати, чем вы занимаетесь в манастыре? Я имею в виду вашу математическую специализацию. Но это я так, из любопытства спрашиваю.

— Ну да, ну да. По одежде-то, небось, не можете определить?

— Честно говоря, не могу.

— Так делителями нуля и занимаюсь, в коммутативных алгебрах. Говорят, это для алгебраической геометрии полезно. А за модой не слежу, господин следователь. Да и зачем? Вот к чему привык, то и донашиваю.

— Я тут беседовал с господином Ламедом…

— Да, ему бы художником быть, а не манахом. Красоту тонко чувствует, пропорции всякие… А верую я, вы уж простите, господин следователь, по старинке, как в детстве научили: нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — раб и посланник Его. Ведь Аллах, господин следователь, в некотором роде тоже абсолютный делитель нуля.

— Гм… Спасибо, господин Гимельджим за беседу. Соблаговолите расписаться в протоколе.

Келья № 10

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в нулевой день четвёртых Близнецов.

— Следствием установлено, что настоятелем была женщина по имени Альфа. Но что означает усекновение настоятеля, госпожа Йа?

— Провёл-таки вас Гимельджим, старый хитрец.

— Простите?

— Об усекновении вы могли бы спросить у Гимельджима, но он ведь ловко увёл разговор в сторону, не так ли?

— Господин Гимельджим был весьма откровенен. Я просто забыл задать ему этот вопрос.

— Ну, конечно.

— А теперь спрашиваю вас.

— Вам нужен короткий ответ или развёрнутый?

— Начнём с короткого.

— Настоятель была беременна.

— Беременна? От кого?

— Этого я не знаю.

— И теперь…

— Теперь, я думаю, она уже родила. Поэтому в манастырь вернуться не сможет.

— Так… А развёрнутый ответ?

— …

— Госпожа Йа?

— Не торопите меня, господин следователь.

— Что вы там пишете? Дайте посмотреть… Ничего не понимаю.

— Видите букву «У», господин следователь? Это оператор усекновения.

— А «Н» значит настоятель?

— Совершенно верно.

— Но это какие-то математические выкладки.

— Я пытаюсь строго сформулировать проблему усекновения.

— А не могли бы вы сформулировать её словами? Для протокола.

— Тогда это будет не строго.

— Пусть будет не строго, лишь бы понятно.

— Ну, хорошо. Проблема усекновения в том, что мы не знаем, что это такое. Это если суммировать. Понимаете, существует много частных случаев, когда усекновение в принципе понятно и проверяемо. Иногда это сделать легко,

иногда это трудная задача, трудная, но разрешимая. Общая проблема усекновения — это, собственно говоря, сумма всех этих частных случаев.

— Так в чём же дело? Переберите все эти случаи…

— Господин следователь, этих случаев бесконечно много. Нам потребуется вечность, чтобы их перебрать.

— Но тогда эта проблема неразрешима?

— Она неразрешима методом перебора. Всего лишь.

— А другим методом?

— Мы не знаем другого метода. Но не доказано, что его не существует.

— И всё-таки я не понимаю. Проблема усекновения в том, что вы не знаете, что это такое?

— Совершенно верно.

— Но в каждом частном случае вы это знаете?

— Или знаем, или можем узнать. Мы же не проверяли все случаи. Повторяю, их бесконечно много. Доказано только, что каждый случай проверяем.

— Приведите пример, когда вы знаете.

— Настоятель Альфа была беременна.

— Вы это уже говорили.

— Это один из случаев.

— А другой?

— Первый настоятель не был беременным, потому что был мужчиной.

— Ну, хорошо, а третий?

— Я не беременна, это легко проверить. Мне кажется, вы тоже не беременны, господин следователь.

— Но я не настоятель.

— А если бы были?

— Так суть усекновения в беременности?

— Вовсе не обязательно. Это только для этих случаев, ну, и ещё каких-то.

— А другие случаи?

— Маяк.

— Какой маяк?

— Который виден из окна моей кельи.

— И что с ним?

— Он гаснет, когда происходит усекновение.

— Ещё?

— Рука.

— Что рука?

— Если пальцы руки сложить определённым образом и направить на неё источник света, то на экране появится тень собаки с раскрытой пастью.

— Ну?

— При усекновении собака захлопывает пасть, как бы кусает. Понимаете?

— Ничего не понимаю. А ещё? Я пытаюсь нащупать закономерность.

— Господин следователь, вы что, хотите вот прямо сейчас решить проблему усекновения перебором всех случаев?

— Вы правы, госпожа Йа… Оставим это пока. У меня остались два вопроса, которые в ходе этого расследования уже стали стандартными.

— О моей математической специализации и о моей вере?

— Ну, математика меня интересует чем дальше, тем меньше.

— Но разбираетесь вы в ней чем дальше, тем больше, господин следователь.

— Только в интересах расследования.

— Понимаю вас. На вашем месте я бы тоже не заинтересовалась одеждой немолодой располневшей женщины.

— Это здесь не при чём, госпожа Йа.

— Как знать, господин следователь, как знать… Что же касается веры…

— Да?

— Вы будете смеяться, господин следователь.

— Вы верите в Розовые Кофточки, Плывущие В Синем Небе На Закате Дня?

— Чем вам не нравится моя кофточка?

— Простите, госпожа Йа, я не хотел вас обидеть. Просто неудачно пошутил.

— Я верю в то, что все верования манахов и манахинь, какими бы странными или, наоборот, традиционными они не были, суть частные случаи общей веры, что бы там ни говорил господин Ламед.

— И в чём же заключается эта общая вера?

— В этом и проблема, господин следователь.

— Понятно…

— Расписаться вот здесь?

— Да, пожалуйста.

Келья № 20

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в первый день четвёртых Близнецов.

— Господин Рейш, расследование приближается к концу. Я, конечно, не полностью разобрался в математических и религиозных проблемах вашего манастыря, но, во-первых, у меня сложилось впечатление, что вы и сами в них запутались, а, во-вторых, это не имеет непосредственного отношения к делу. Собственно, мне осталось только найти госпожу Альфа и побеседовать с ней, но не думаю, что здесь возникнут какие-то трудности. И всё же лучше перестраховаться, поэтому для полноты картины я намерен допросить всех оставшихся манахов и манахинь, в том числе и вас.

— Кто такая Альфа?

— Да ладно вам! Господин Гимельджим и госпожа Йа мне уже всё рассказали.

— Что рассказали?

— Ну, хорошо, если вы так упорствуете. Альфа — это ваш второй настоятель, женщина, которая была беременна, а сейчас покинула манастырь и, скорее всего, уже родила.

— Сумасшедший дом!

— Что, простите?

— Я говорю: этот монастырь — сумасшедший дом.

— Ну, все вы, конечно, со странностями, но у кого их нет. Я бы не стал так уж…

— Это не метафора, господин следователь! Этот монастырь — психушка, и все, с кем вы беседовали, — пациенты, находящиеся здесь на излечении.

— Смешно.

— Это совсем не смешно, господин следователь. Нехорошо смеяться над больными людьми.

— Ну, ладно. А какие у вас симптомы, господин Рейш?

— Вы что, издеваетесь? Я врач!

— Ну, да, врач. В тренировочных штанах, шлёпанцах на босу ногу и с бородой, торчащей во все стороны.

— Какое вам дело до моей бороды!?

— Слушайте, господин Рейш, давайте говорить серьёзно.

— Вот именно!

— Так вы утверждаете… Это что, правда?

— Мамой клянусь!

— Но почему мне об этом никто не сообщил?

— А кто должен был сообщить? Я только вчера вернулся с конференции в Лондоне, а санитары и санитарки… Вы как-то умудрились оставить их на конец, принявшись с большим рвением допрашивать пациентов. Мои подчинённые просто побоялись вмешиваться в ход следствия.

— Да… и чем вы подтвердите свои слова?

— Вот мои документы.

— …Вроде всё правильно. Но знаете, такие документы нетрудно напечатать на лазерном принтере. Нужна экспертиза.

— Так сделайте!

— Хорошо, документы я пока у вас забираю. Сейчас составим протокол об изъятии.

— Минуточку! А где ваши документы, господин следователь?

— Мои?

— Да, ваши. Как я могу быть уверен, что вы тот, за кого себя выдаёте?

— Они остались в моей комнате.

— Какой комнате? Её номер?

— Ну, номер я не помню, это на втором этаже правого флигеля, рядом с переходом в главное здание.

— На втором этаже правого флигеля находятся палаты для буйных больных, господин следователь!

— Вы что же, принимаете меня за своего пациента?

— А за кого ещё мне вас принимать, скажите на милость? Я, конечно, проверю в регистратуре, но скорее всего вы попали к нам во время моего отсутствия. Документов нет, вместо клиники у вас монастырь, кстати, почему вы его произносите через букву «а»? И при этом толкуете о каких-то математических проблемах. Ищете какого-то настоятеля, которого почему-то считаете женщиной, да ещё беременной.

— Но это не я придумал. Вот протоколы допросов. Можете убедиться: я задавал стандартные вопросы и получал ответы. Всё!

— Ага, стандартный вопрос про вид из окна… чего? Ах, да, кельи.

— Меня интересовало, не видел ли кто-нибудь настоятеля или просто что-нибудь необычное.

— А моё окно выходит на канатную дорогу, и каждое утро я вижу, как фуникулёр поднимается в горы. И что?

— Откуда здесь горы, господин Рейш?

— Выросли! За несколько миллионов лет. Кстати, а почему на вас не деловой костюм, а джинсы и футболка?

— Ну, мы же не в суде, это предварительное расследование, здесь нет дресс-кода.

— Всё! Я вызываю санитаров!

Келья № 13

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля во второй день четвёртых Близнецов.

— Господин Рейш позволил себе лишнее. Он будет наказан.

— Благодарю вас, госпожа Мимю. Он был так убедителен! В какой-то момент мне даже показалось, что я схожу с ума, что я могу оказаться не следователем по особо важным делам, а душевнобольным. Представляете, госпожа Мимю?

— Как ни странно, представляю, господин следователь.

— Ну, а теперь я хотел бы вернуться к расследованию. Как я уже говорил господину Рейшу — только он меня не слушал, конечно, — расследование почти закончено.

— Что вас ещё интересует?

— Сначала формальности. Что вы видели из окна своей кельи в то утро?

— У меня красивый вид, только немножко грустный. Река, в которой медленно стынет вода, пунктирная линия столбов на месте разрушенного моста и одинокое дерево без листьев на берегу. Вам это о чём-то говорит, господин следователь?

— Мне? Мне нет, а вам?

— И у вас не возникает никаких математических ассоциаций?

— Может быть, они возникают у вас, госпожа Мимю?

— Нет. А сексуальных?

— Госпожа Мимю! Кто кого допрашивает?

— Простите, господин следователь. Но это такая интересная тема!

— Какая тема?

— Ну, это ваше расследование.

— Понятно. Пойдём дальше. Ваша математическая специализация?

— Я занимаюсь исследованием истины и лжи. Но не как онтологических атрибутов математических утверждений, а как вероятностных предикатов высказываний в устной и письменной речи.

— Математическая лингвистика?

— Да, это её новое направление.

— И поэтому на вас майка с надписями на многочисленных языках?

— Вы проницательны, господин следователь. А что вы можете сказать о моей юбке?

— Но… на вас её нет!

— Правильно, это называется шорты.

— И при чём тут лингвистика?

— Да не при чём, просто сегодня жарко. А вам не жарко, господин следователь?

— Немного душновато.

— Так расслабьтесь.

— Простите?

— Не дышите так тяжело, позвольте воздуху свободно входить в вас и выходить.

— Спасибо. Так мы говорим о…

— О моей вере. Она у меня, господин следователь, совершенно особая.

— Да?

— Я верю в то, что все люди, независимо от возраста и пола, не совсем те, за кого себя выдают?

— Вы имеете в виду что-то конкретное? Оборотней? Инопланетян?

— Господи, конечно, нет. Просто «не совсем те».

— Ну, я не вижу здесь ничего необычного.

— Правда?

— Проблема самоидентификации, кажется, это так называется?

— О, да вы психолог, господин следователь.

— Разве что немного, профессия обязывает.

— Понимаю.

— Госпожа Мимю! Как я уже говорил, расследование подходит к концу. Но в собранной мною информации есть один пробел. Может быть, он несущественен для сути дела, но я, знаете ли, не люблю пробелы.

— Вот как? А многоточия? Тире? Дефисы?

— Что, простите?

— Не обращайте внимания, это просто безусловный лингвистический рефлекс. Так какой пробел, господин следователь?

— Сожизнь. Я не вполне понял, что это такое. Математический это термин или религиозный? Что значит «здесь и там»? Почему мужчины и женщины видят сожизнь с разных сторон? Почему в ней меняются местами интервалы времени? Кто такие сожители?

— И почему у вас нет сожизни?

— Ну, и это тоже.

— Господин следователь, как вы, наверное, уже заметили, сведения, собираемые вами у манахов и манахинь, нуждаются в тщательной проверке и сравнительном анализе, поскольку многие из них лживы или являются результатом заблуждения.

— Совершенно точно.

— Тогда почему вы думаете, что мои сведения будут правдивы?

— Я вам доверяю, госпожа Мимю. Пока.

—Это хорошо. Пока. Видите ли в чём дело, господин следователь, термин сожизнь как раз и был придуман для объяснения того факта, что люди не совсем те, за кого себя выдают. Или даже совсем не те.

— Значит, жизнь и сожизнь — это как бы реальность и вымысел? Внутреннее и внешнее?

— Близко к этому. Но только близко. Не всегда можно отличить реальность от вымысла, и не всегда в таком различении есть смысл.

— Насчёт трудности различения я понимаю. Но что значит, не всегда есть смысл?

— Проведём мысленный эксперимент. Возьмём, к примеру, вчерашнее недоразумение. Представьте себе, что вы на самом деле душевнобольной, притворяющийся следователем по особо важным делам.

— Ну, здесь всё ясно: душевнобольной — реальность, а следователь — вымысел.

— А если душевнобольной и правда следователь, получивший, так сказать, производственную травму, серьёзную психическую травму, спровоцировавшую развитие душевной болезни?

— Гм…

— Да вы не переживайте, господин следователь. На самом деле никакой сожизни нет, а термин этот из разряда слов-оборотней.

— Слово-оборотень? Вы имеете в виду палиндром?

— Ха-ха-ха, конечно, нет. Я имею в виду слово, смысл которого в процессе эволюции меняется почти на противоположный. Например, «настоящая любовь» когда-то означала не вечную любовь, а всего лишь ту, что сейчас, имеющуюся в настоящее время, не прошлую, не будущую, тем самым, как бы заведомо преходящую. А «подлинная правда» — это правда, добытая пыткой «длинниками», то есть длинными палками, с современной точки зрения правда весьма сомнительная. Вы же не пытаете допрашиваемых, господин следователь?

— Не пытаю. Значит, сожизнь…

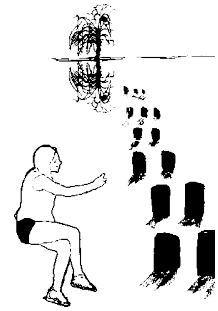
— Всего лишь сомнительная жизнь, жизнь-фикция.

— И у меня этой фикции нет? А у настоятеля была?

— Господин следователь, прекратите пялиться на мои шорты.

— Но я всего лишь задумался…

— Думайте дальше, а я ухожу. Где расписаться в вашем протоколе?



Келья № 16

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в третий день четвёртых Близнецов.

— Господин Айн, вы согласны с теорией сожизни госпожи Мимю? Она утверждает, что сожизнь — это сомнительная жизнь, жизнь-фикция.

— Не совсем. Мимю слишком увлеклась вероятностными предикатами, тогда как, на мой взгляд, здесь лучше применять модальную логику. Если бы я занимался теорией сожизни, я бы выбрал семантику Крипке, ну, или что-то в этом роде.

— Семантика Крипке?

— Да, она основана на представлении о множественности миров. В разных мирах могут действовать разные законы, поэтому любое утверждение может быть истинно или ложно только в зависимости от того, в каком мире оно рассматривается. В одних мирах это утверждение истинно, а в других ложно. Например, в одном мире настоятелем была госпожа Альфа, а в другом — господин Алеф.

— Подождите. Вы отрицаете, что настоятелем была госпожа Альфа? Что она была беременна, а сейчас, скорее всего, уже родила?

— Я сказал: в одном из миров.

— А в настоящем мире?

— Господин следователь, а что такое настоящий мир? Ещё несколько дней назад вы не знали, что Альфа беременна. Ещё раньше ничего не слышали о самой Альфа, но были уверены, что настоятель женщина. Ещё раньше вы и этого не знали, почему-то полагая, что настоятель должен быть мужчиной. Вас беспокоил только его пенис, точнее, его отсутствие. Ещё раньше и этого не было. Наконец до приезда в манастырь вы вообще ничего не слышали о настоятеле.

— Но это говорит только об изменении моего представления о мире. Расследование для того и проводится, чтобы узнать истину, и естественно проходит разные стадии, на которых в качестве рабочих гипотез за истину принимаются те или иные утверждения.

— А откуда вам известно, что меняются только ваши представления о мире, а не сам мир?

— Гм…

— Я вам скажу больше: эти разные миры вовсе не обязательно расположены последовательно на одной оси времени. Строго говоря, время здесь вообще не при чём. Тем более что само время — всего лишь гипотеза, удобная и практичная, не спорю, но — гипотеза.

— И никакого настоящего мира нет, так по-вашему?

— Ну почему же: есть, конечно. Только слово «настоящий» означает не «истинный», а всего лишь «текущий». Это текущее значение переменной.

— Какой переменной?

— Переменной мира, ведь мир — это переменная, которая пробегает множество миров.

— И порядок этого вашего «пробега» не связан со временем? Он что, может быть любым?

— Скорее время связано с порядком пробега. Да, этот порядок не единственно возможный, но, конечно, не произвольный. Понимаете, между мирами существуют связи, как стрелки, переводящие из одного мира в соседний. Переменная может двигаться только по этим стрелкам, но не «перепрыгивать» как ей вздумается. Вы же не могли, ещё не зная, что настоятель женщина, придти к выводу, что она беременна? Но и наоборот: теперь, когда вы считаете, что настоятелем была госпожа Альфа, пенис отпал сам собой. О, простите за неточность, я хотел сказать: вопрос о пенисе. Поэтому важным становится проблема достижимости миров и вообще связность Вселенной.

— Вы имеете в виду, в какие миры можно попасть, двигаясь по стрелкам из текущего мира, а в какие нет? А что, какие-то миры могут быть недостижимы?

— Если Вселенная не связна. Ну, например, вряд ли достижим мир, в котором беременна не Альфа, а вы, господин следователь.

— Но такой мир не просто недостижим, он невозможен.

— Я бы не был так уверен, господин следователь. Кроме того, невозможность как раз и означает недостижимость. Вы пытаетесь говорить об истине и лжи, как о понятиях абсолютных, тогда как в рассматриваемой нами логике они относительны.

— Понимаю, но не могу не заметить, что эта ваша новейшая логика очень далеко ушла от здравого смысла.

— Не такая уж она и новейшая, господин следователь. О модальных утверждениях писал ещё Аристотель. Просто потом, в средние века, Аристотеля в европейских университетах изучали только до модальностей. Опасались, что студенты усомнятся в лучшем из миров, который сотворил Бог. Или того хуже — решат, что миров бесконечно много. А это уже гностическая и буддийская ересь.

— Модальные логики — ваша специализация в манастыре, господин Айн?

— Не только модальные, но и все неклассические логики.

— Тогда подскажите, господин Айн, что мне записать в протоколе? По вашей логике настоятель какой-то неустойчивый, всё время меняется: то такой, то другой.

— Я рад, господин следователь, что вы во всём разобрались.

— В чём разобрался?

— В семантике Крипке. Ведь когда при переходе по стрелке меняется мир, то это как раз и означает, что меняются какие-то его элементы, хотя не обязательно все, а какие-то исчезают, или появляются новые. Поэтому в принципе все элементы мира тоже переменные, только у каждого свой особый закон изменения. Настоятель тоже переменная.

— Это я не могу записать в протоколе. А если я напишу, что настоятелем была госпожа Альфа, то это будет верно только в текущем (или уже прошедшем?) мире. Но хуже всего то, что в тот момент, когда эти протоколы лягут на стол судьи, мир может измениться.

— Какого судьи?

— Ну как же: это ведь предварительное расследование. Потом должен быть суд, который поставит все точки над «и», вынесет решение.

— Решение о чём? Кому быть настоятелем?

— Разве это решают не манахи и манахини?

— Конечно, нет.

— У вас есть вышестоящая инстанция, которая решает этот вопрос?

— Да нет же! Просто есть определённые правила изменения переменных, по которым всё и происходит. Ни мы, ни кто-то ещё не можем изменить эти правила или как-то повлиять на выбор настоятеля.

— И что же это за правила?

— Правила финикийского алфавита.

— Какого?

— Финикийского. Это прародитель почти всех алфавитных письменностей, как исчезнувших, так и современных, кроме японской каны и корейского хангыля. От него произошло арамейское письмо, давшее начало еврейской, арабской, уйгурской и другим письменностям, включая индийскую. А ещё армянский и грузинский алфавиты. И наконец, греческий алфавит, породивший позже латиницу и кириллицу.

— Греческий?.. Любопытно… То-то мне показались знакомыми имена некоторых манахов и манахинь. Госпожа Каппа, господин Бета Дом, правда, не понимаю, почему Дом, госпожа Альфа — первая буква греческого алфавита!

— Дом, потому что в финикийском алфавите буква Бета означала Дом. Точнее, не Бета — это греческое произношение, а Бет — как в иврите.

— Но остальные имена?

— Буквы финикийского алфавита. Я это не одобряю, но некоторые манахи и манахини выбирали не финикийское произношение, а более позднее — как в иврите, в арабском или греческом языках. Для благозвучности, что ли. Например, греческая буква Каппа по-финикийски звучит Каф и означает ладонь.

— А госпожа Коппа? Она просила не путать её с Каппой.

— Так произносилась ныне исчезнувшая греческая буква — по-финикийски Коф — обезьяна, игольное ушко. А кое-кто и вовсе беспринципно совместил в своём имени произношение одной и той же финикийской буквы в разных дочерних языках. Ведь старик Гимельджим — это верблюд: Гимель в иврите и Джим в арабском. Я ещё удивляюсь, что он не добавил греческое произношение — Гамма, наверное, решил, что это больше подходит женскому имени. Такое же совмещение сделали Пэй Фа и Син-син. Другие мешали иврит не с арабским, а с греческим: все эти Самекси, Цади-саны, Мимю и Тета-теты…

— А почему Е простое?

— Это уже чистый выпендрёж! Хорошая финикийская буква Хе, так нет же, он выбрал греческое название Эпсилон. Да ладно бы просто выбрал, но зачем переводить с греческого название буквы? Ведь что значит Эпсилон буквально? Это значит Е—псилон, то есть Е простое, чтобы отличить от созвучного сочетания альфа-йота.

— А вы, господин Айн?

— 16-ая буква финикийского алфавита, означает глаз. Так же в арабском, в иврите — Аин.

— А по-гречески?

— От Айна произошли сразу две греческие буквы: Омикрон и Омега, то есть О-маленькое и О-большое.

— Альфа и Омега…

— На что вы намекаете?

— Ну как же: начало и конец. Только госпожа Альфа была не первым настоятелем, а вторым.

— Вообще-то первым, только…

— Но господин Гимельджим…

— Либо нарочно вас запутал, либо и правда забыл, склероз, знаете ли. Первый настоятель и настоятелем-то, по сути, не был. Основал манастырь и сбежал. У нас тогда не было ни финикийских имён, ни номеров.

— Значит, всё-таки начало и конец. Так вы — конец, господин Айн? Последний настоятель?

— Что вы чушь городите! Это в греческом алфавите Омега — последняя буква, а в финикийском она занимает скромное 16-ое место.

— А последнее?

— Тав, 22-ая буква.

Келья № 22

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в день двойной четвёрки.

— Здравствуйте, госпожа Тауса. Проходите, садитесь. Чаю?

— Благодарю вас, но я пришла, чтобы ответить на ваши вопросы, господин следователь.

— Мне нет нужды вас допрашивать. Расследование закончено. По крайней мере, в манастыре.

— Это несправедливо! Вы опросили всех, кроме меня.

— Да, но… Хорошо. С чего же начать?

— Начнём с вопроса, который вы не задали господину Айну. Что он видит в своём окне.

— Вы хотите ответить вместо него?

— А почему бы и нет? Итак, в окне своей кельи господин Айн видит полуразрушенную ветряную мельницу.

— Вот как?

— Да. Это шатровая мельница. Только крыльев давно нет, шатра тоже, перекрытия обрушились, а балки сгнили и больше не поддерживают столб в вертикальном положении. Он торчит, опираясь на край восьмерика, а большая шестерня валяется на земле.

— Вы так хорошо разбираетесь в устройстве мельниц?

— Это к делу не относится, важно другое.

— И что же?

— От мельницы почти ничего не осталось, почему же мы её по-прежнему называем ветряной мельницей?

— И почему, госпожа Тауса?

— Это вы сами думайте, господин следователь. А в моём окне — хозяйственный двор со всякими сараями и сараюшками, и что-то вроде шлагбаума, преграждающего вход в этот двор. Вам это ни о чём не говорит, господин следователь?

— Затрудняюсь…

— Не затрудняйтесь! Это и на самом деле ничего не значит.

— Тогда зачем вы об этом говорите?

— Для полноты картины. Вот почему вы думаете, что настоятелем была Альфа?

— Показания господина Гимельджима и госпожи Йа, и господина Айна.

— Айн обо всём говорит в гипотетическом смысле: если бы, в одном из миров, и так далее. Он просто под вас подстраивался, господин следователь.

— Но остальные?

— Вот именно: остальные. Из двадцати свидетелей об Альфе говорили двое, третий только в гипотетическом смысле, а Рейш вообще услышал о ней от вас.

— Но господин Рейш…

— Что господин Рейш? Да, он несколько экстравагантен, даже хамоват, между нами говоря, но это не означает, что он врёт.

— Госпожа Тауса, вы хотите вернуть следствие к исходной точке?

— Это вы сами сделаете. Моя задача — честно ответить на ваши вопросы.

— Но я ничего не хотел у вас спрашивать.

— А теперь?

— Ну, ладно. Итак, настоятель не Альфа, так?

— Так.

— А кто? Может быть, вы?

— С чего вдруг?

— Ну как же: Альфа и Омега, но это в греческом. А вы 22-ая манахиня, последняя буква финикийского алфавита. Тогда если не Омега, то Тав. Кстати, а почему ваше имя не Тав?

— Фи! Как может женщина называться мужским именем? Я соединила греческое и арабское звучание. А что? По-моему получилось красиво.

— Господин Айн это не одобряет.

— Это потому, что он последний зануда.

— Так кто же настоятель, по-вашему? Это женщина или мужчина?

— Мужчина.

— Как его зовут?

— Как и первую букву финикийского алфавита — Алеф.

— И где же он?

— В своей келье, конечно, в келье № 1.

— И я могу с ним побеседовать?

— Почему бы и нет? Я вообще не понимаю, почему вы не сделали этого раньше, господин следователь.

— Потому что… Ну, я не придавал значения номерам келий.

— Вот именно.

— Стоп! Пусть даже я найду в келье № 1 мужчину под именем Алеф. Пусть даже он и есть настоятель. Но после усекновения…

— После чего?

— Усекновения. Или вы и это отрицаете, госпожа Тауса?

— Нет, просто не расслышала.

— Ага! Значит, усекновение было?

— Почему было? Оно и есть.

— В каком смысле?

— А что такое усекновение, господин следователь?

— Ну… тут я беседовал с госпожой Йа…

— Ну-ка, ну-ка, и что она вам сказала? Дала точное и строгое определение?

— Не совсем. Она сказала, что проблема усекновения в том, что мы не знаем, что это такое.

— Мне кажется, вам нужно с этим смириться, господин следователь.

— С чем?

— С незнанием. Вы же не господь Бог, чтобы всё знать. Что-то вы всё равно не знаете. Усекновение вполне подходит для этого.

— Но моё расследование…

— Закончено, вы это уже говорили. Вопрос в том, каков его результат?

— И каков же, по-вашему?

— Спросите лучше об этом у Алефа.

— …

— Господин следователь, с вами беседовали все манахи и манахини, ну, кроме Алефа. Наше общее мнение такое — вы нам нравитесь.

— Что?

— Вы никого не обидели, к каждому нашли свой подход. Конечно, ваши математические познания, мягко говоря, слабоваты. Но, во-первых, вы не стоите на месте, вы уже значительно продвинулись за то короткое время, что живёте в нашем манастыре. А во-вторых, это не так важно.

— Важно для чего?

— Для усекновения.

— Что-то я перестал вас понимать, госпожа Тауса.

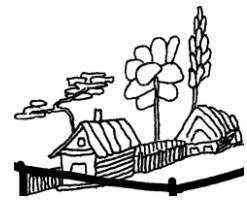
— А и не надо меня понимать, господин следователь. Гораздо важнее, чтобы вы с Алефом понимали друг друга.

— Кажется, мне не избежать этой встречи…

— Её никто не может избежать, господин следователь.

— Вы говорите загадками и окружаете господина Алефа какой-то тайной.

— До свидания, господин следователь. Спасибо за чай.



Келья № 1

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в пятый день четвёртых Близнецов.

— Господин Алеф?

— А, господин следователь. Проходите, присаживайтесь. Вот на этот стул, пожалуйста.

— Спасибо. Я представлял вас несколько старше.

— А я вас несколько моложе. Но всё относительно, знаете ли. Чаю?

— Не откажусь. Господин Алеф, я бы хотел сразу перейти к сути дела.

— Вам с сахаром? С лимоном?

— С лимоном, если можно.

— Так я вас слушаю.

— Вы настоятель этого манастыря?

— Ещё вчера я бы не знал, что вам на это ответить, господин следователь. А позавчера стал бы решительно отрицать.

— Что-то изменилось?

— Конечно. Вы же закончили расследование.

— Теперь я в этом уже не так уверен.

— Ну и зря. По-моему вы провели его очень хорошо. Может быть, и были какие-то огрехи и неточности, но я их не вижу, я же не специалист.

— Так что сегодня?

— Сегодня?

— Как вы сегодня ответите на мой вопрос? Вы настоятель этого манастыря?

— Похоже на то. С точностью до симметрии. Вы знаете, господин следователь, я никогда к этому не стремился. Честно говоря, я и в манастыре-то оказался случайно. Мне здесь не всё нравится. Наверное, кое-что придётся изменить.

— Что изменить?

— Например, форму одежды настоятеля. Мне не хочется носить рясу.

— Я гляжу, вы одеты как я: рубашка, джинсы.

— А как же иначе. Но это не главное.

— А что главное?

— Что главное, я пока не понимаю. Но вот, например, календарь.

— Что с ним?

— Так уж заведено, господин следователь, что настоятель манастыря должен поменять календарь. Это традиция, сложившаяся в незапамятные времена.

— И вы его поменяли?

— Ещё нет, но уже готов. Я хочу, чтобы календарь лучше соответствовал внутреннему устройству манастыря. Если в финикийском алфавите 22 буквы, то и в году должно быть 22 месяца.

— Это получается по 16-17 дней в месяце?

— Только в среднем. Я основываю календарь на простых числах-близнецах. Знаете, что это такое?

— Два простых числа, разность между которыми равна двум?

— Да. Единицу я тоже считаю простым числом, ведь она, как и все простые числа, делится только на себя и на единицу. Так что первая пара — это 1-3, вторая 3-5, третья 5-7, четвёртая уже 11-13, потом 17-19, ну и так далее.

— И как же устроен ваш календарь?

— Номер пары близнецов — это номер месяца. Я их считаю с нуля, так удобнее. Первое число пары — это нулевой день месяца, следующее число — первый день, потом второй день, и так далее до следующей пары близнецов. Таких пар близнецов, то есть месяцев, в году умещается как раз 22. Последняя пара 347-349, следующая уже выходит за пределы года — это пара 419-421.

— И зачем это, господин Алеф?

— Ну как же. Пара близнецов — это жизнь и сожизнь, здесь и там, тоже близнецы.

— Госпожа Мимю говорит, что сожизнь — это фикция.

— Не фикция, господин следователь, а жизнь-фикция. Это как математика.

— Математика — фикция?

— Только по отношению к жизни. Возьмите любой математический объект: точку, прямую линию, число… Разве они встречаются в жизни? Это же абстракции. Так же и мы.

— Кто мы?

— Манахи и манахини.

— Но это живые люди.

— И одновременно их отражения. Здесь и там. Вчера и завтра. Внутри кельи и за её окном. Чёт и нечет. Мужчина и женщина, потому что пенис и вагина.

— На что вы намекаете?

— Вот вы меня хорошо видите, господин следователь?

— Да вроде бы.

— А так?

— Вы наклонились в сторону, и я вижу только окно за вашей спиной.

— Вот видите, господин следователь.

— Не вижу.

— Ну, хорошо. Мне не хотелось об этом говорить, но, видимо, придётся. Дело в том, господин следователь, что не так давно мы обнаружили недостачу манастырских денег.

— Да, господин Гимельджим говорил мне. Что-то около ста тысяч долларов? Но ведь они потом нашлись.

— Вот именно что потом. Но сначала мне пришлось организовать внутреннее расследование.

— И?

— Поскольку деньги нашлись, расследование пошло по другому пути. Сейчас оно уже закончено.

— Как и моё расследование.

— Так ведь это одно и то же расследование, господин следователь.

— Почему это? Я расследовал усекновение настоятеля.

— А что такое усекновение?

— Во всяком случае, не то же самое, что недостача. Все говорят, что это неизвестно.

— И я так говорю, ведь деньги нашлись.

— Господин Алеф, вы тоже пытаетесь меня запутать.

— Вовсе нет, господин следователь! Наоборот, я пытаюсь внести ясность. Но… как бы это сказать… не слишком грубо.

— Никакой ясности я не вижу!

— Вы просто не хотите видеть, господин следователь. Знаете, что? А давайте прогуляемся. Вы уже допили свой чай?

— Да, спасибо. Вы мне хотите что-то показать? Там, в парке?

— У нас тут чудесный парк, свежий воздух, красивые виды, на ходу лучше думается. Вы не пожалеете, господин следователь.

— Да, воздух действительно свежий, могло бы быть и потеплее.

— Но ведь сейчас только самое начало весны, господин следователь. Кстати, моё любимое время года. Посмотрите, как голубеет небо в кронах тех клёнов.

— Господин Алеф, вы ведь не специализируетесь в какой-то определённой области математики?

— Почему вы так думаете?

— Госпожа Нун сказала, вы осуществляете общее руководство.

— Ну, это, конечно, верно, но всё же у меня тоже есть свои пристрастия. Смотрите, на ветках ивы уже расселись прилетевшие с юга птицы.

— И какие же?

— Это жаворонки, господин следователь. Видите, у них хохолки на голове.

— Я спрашивал, какие пристрастия.

— А, это… Меня интересует поэзия.

— Поэзия? Но это же не раздел математики!

— Вы так уверены? А знаете ли вы, что самая старая в индийской математике рукопись Бэхшали, ещё берестяная, написана стихами? А математические задачи грека Метродора, ученика Диофанта Александрийского, отца алгебры? А алгебраическая поэма бербера Ибн аль-Ясмина? Даже в арифметике Магницкого есть стихотворные строки.

— Но это всего лишь форма. Да и писать стихами не значит писать стихи.

— Господин следователь, знаете, в чём математика и поэзия совпадают? В них форма — это и есть содержание. Измените один значок в математическом доказательстве — и оно станет неверным. Измените одно слово в стихотворении — и поэзия исчезнет.

— Возможно, но это ещё не значит…

— Нет, значит! Когда-то математика и поэзия были едины: и в духе, и в букве. Их разъединение — это грехопадение.

— Даже так?

— Вы видите этот могучий дуб, господин следователь?

— Красивое дерево, но я не понимаю…

— Оно не просто красивое, господин следователь. Оно ещё точно рассчитано. Математически точно! Посмотрите, как соразмерны его ствол, вот эти могучие корни, эти тяжёлые ветви, как они разветвляются и утончаются вплоть до исчезающих кончиков. Да оно и красивое лишь потому, что математически точно. И, смею утверждать, что математически точно лишь потому, что красиво.

— Но при чём тут грехопадение?

— При том. Человек разъединён внутри себя самого. Но мы идём по кругу, господин следователь.

— Мне кажется, мы здесь ещё не были. Вон тот мостик впереди, мы его не проходили.

— Да нет, господин следователь, я говорю о человечестве. Мы движемся по большому кругу и в конце концов должны вернуться: математика и поэзия должны воссоединиться.

— Как вы себе это представляете, господин Алеф?

— Никак. В этом и проблема.

— И вы хотите сказать, что это и есть та проблема, которой занимаются в вашем манастыре? А другие манахи и манахини согласны с вами?

— Не знаю. Это только желание, надежда, мечта, чаяние. И, конечно, страх.

— Страх? Вы чего-то боитесь, господин Алеф?

— Ну, конечно: Страшного Суда.

— ?!

— Ах, господин следователь, это просто поэтическая метафора.

— А не тот ли это мостик, где видели настоятеля?

— И одновременно математический термин.

— Мостик?

— Да нет, Страшный Суд. Хотя, мостик тоже.

— Хотя, если вы, господин Алеф, и есть настоятель, то это вас там и видели.

— Дело в том, что перед Страшным Судом произойдёт воскрешение из мёртвых.

— Что?

— Да, да! Воскрешение из мёртвых всех когда-либо написанных поэтических и математических стихотворений.

— Господин Алеф, вы ведь знаете господина Рейша?

— Давайте я вам прочту стихотворение.

— Правда, госпожа Мимю считает, что Рейш неудачно пошутил, но госпожа Тауса утверждает, что Рейш не врёт.

— Отсюда, с мостика открывается самый лучший вид в нашем парке. Видите, как течёт речка? Чувствуете дыхание весеннего ветерка? Слушайте.

— У Рейша теория психиатрической лечебницы.

— *(читает стихи)*

— Это стихотворение об усекновении?

— Нет, господин следователь, это о жертве. Я же вам рассказывал. Или не рассказывал? Ну, это не важно. В конце концов, жизнь и сожизнь так симметричны...

— А это...

— Да, господин следователь, усекновение.

11-24 февраля 2013 — 30 октября 2017

Старая версия последней главки «Келья № 1»

Я, следователь по особо важным делам, допрашиваю свидетеля в пятый день четвёртых Близнецов.

— Господин Алеф?

— А, господин следователь. Проходите, присаживайтесь. Вот на этот стул, пожалуйста.

— Спасибо. Я представлял вас несколько старше.

— А я вас несколько моложе. Но всё относительно, знаете ли. Чаю?

— Не откажусь. Господин Алеф, я бы хотел сразу перейти к сути дела.

— Вам с сахаром? С лимоном?

— С лимоном, если можно.

— Так я вас слушаю.

— Вы настоятель этого манастыря?

— Ещё вчера я бы не знал, что вам на это ответить, господин следователь. А позавчера стал бы решительно отрицать.

— Что-то изменилось?

— Конечно. Вы же закончили расследование.

— Теперь я в этом уже не так уверен.

— Ну и зря. По-моему вы провели его очень хорошо. Может быть, и были какие-то огрехи и неточности, но я их не вижу, я же не специалист.

— Так что сегодня?

— Сегодня?

— Как вы сегодня ответите на мой вопрос? Вы настоятель этого манастыря?

— Похоже на то. С точностью до симметрии. Вы знаете, господин следователь, я никогда к этому не стремился. Честно говоря, я и в манастыре-то оказался случайно. Мне здесь не всё нравится. Наверное, кое-что придётся изменить.

— Что изменить?

— Например, форму одежды настоятеля. Мне не хочется носить рясу.

— Я гляжу, вы одеты как я: рубашка, джинсы.

— А как же иначе. Но это не главное.

— А что главное?

— Что главное, я пока не понимаю. Но вот, например, календарь.

— Что с ним?

— Так уж заведено, господин следователь, что настоятель манастыря должен поменять календарь. Это традиция, сложившаяся в незапамятные времена.

— И вы его поменяли?

— Ещё нет, но уже готов. Я хочу, чтобы календарь лучше соответствовал внутреннему устройству манастыря. Если в финикийском алфавите 22 буквы, то и в году должно быть 22 месяца.

— Это получается по 16-17 дней в месяце?

— Только в среднем. Я основываю календарь на простых числах-близнецах. Знаете, что это такое?

— Два простых числа, разность между которыми равна двум?

— Да. Единицу я тоже считаю простым числом, ведь она, как и все простые числа, делится только на себя и на единицу. Так что первая пара — это 1-3, вторая 3-5, третья 5-7, четвёртая уже 11-13, потом 17-19, ну и так далее.

— И как же устроен ваш календарь?

— Номер пары близнецов — это номер месяца. Я их считаю с нуля, так удобнее. Первое число пары — это нулевой день месяца, следующее число — первый день, потом второй день, и так далее до следующей пары близнецов. Таких пар близнецов, то есть месяцев, в году умещается как раз 22. Последняя пара 347-349, следующая уже выходит за пределы года — это пара 419-421.

— И зачем это, господин Алеф?

— Ну как же. Пара близнецов — это жизнь и сожизнь, здесь и там, тоже близнецы.

— Госпожа Мимю говорит, что сожизнь — это фикция.

— Не фикция, господин следователь, а жизнь-фикция. Это как математика.

— Математика — фикция?

— Только по отношению к жизни. Возьмите любой математический объект: точку, прямую линию, число… Разве они встречаются в жизни? Это же абстракции. Так же и мы.

— Кто мы?

— Манахи и манахини.

— Но это живые люди.

— И одновременно их отражения. Здесь и там. Вчера и завтра. Внутри кельи и за её окном. Чёт и нечет. Мужчина и женщина, потому что пенис и вагина.

— На что вы намекаете?

— Вот вы меня хорошо видите, господин следователь?

— Да вроде бы.

— А так?

— Вы наклонились в сторону, и я вижу только окно за вашей спиной.

— Вот видите, господин следователь.

— Не вижу.

— Ну, хорошо. Мне не хотелось об этом говорить, но, видимо, придётся. Дело в том, господин следователь, что не так давно мы обнаружили недостачу манастырских денег.

— Да, господин Гимельджим говорил мне. Что-то около ста тысяч долларов? Но ведь они потом нашлись.

— Вот именно что потом. Но сначала мне пришлось организовать внутреннее расследование.

— И?

— Поскольку деньги нашлись, расследование пошло по другому пути. Сейчас оно уже закончено.

— Как и моё расследование.

— Так ведь это одно и то же расследование, господин следователь.

— Почему это? Я расследовал усекновение настоятеля.

— А что такое усекновение?

— Во всяком случае, не то же самое, что недостача. Все говорят, что это неизвестно.

— И я так говорю, ведь деньги нашлись.

— Господин Алеф, вы тоже пытаетесь меня запутать.

— Вовсе нет, господин следователь! Наоборот, я пытаюсь внести ясность. Но… как бы это сказать… не слишком грубо.

— Никакой ясности я не вижу!

— Вы просто не хотите видеть, господин следователь. Ну, сами посмотрите, с кем вы разговариваете?

— Как с кем? С вами, господин Алеф.

— Ну, так протяните руку, что ли!

— Зачем?

— Да протяните, не бойтесь, дотроньтесь до меня.

— О, вы такой холодный…

— Да не я холодный, господин следователь, а зеркало.

— Какое зеркало?

— В которое вы смотритесь. И с которым вы разговариваете. Осторожно, не разбейте!

24 февраля 2013

ПРОЗРАЧНЫЕ ВЕРБЛЮДЫ

стихопроза с 11 картинками

1

Израиль, как известно, страна прозрачных верблюдов.
Над Мёртвым морем они идут.
Вместе с ветром.
От Иорданских гор прямиком в Иудейскую пустыню.
Над Мёртвым морем идут,
над пляжами, над пальмами, над бассейнами отелей,
да, собственно, и над самими отелями.
И над шоссе номер 90.
А за ними горы слегка дрожат.
Просвечивают сквозь них и слегка дрожат.

2

В горном ущелье ручей бежит.

Бежит и бежит, бежит и бежит, бежит и бежит.

На камнях подпрыгивает, в ямках журчит.

А потом — раз, и нет его.

А почему?

Потому что верблюды всю воду выпили.

3

Крепость Масада.
Вот здесь, вот здесь, на вершине горы,
у остатков стены древнеримских времён
отдыхают верблюды.
Они лежат в тени и думают о жизни.

4

А если с вершины горы посмотришь вдаль,
то там, за пропастью,
там, на горизонте,
увидишь, как идут верблюды,
идут и идут, идут и идут,
по Иудейской пустыне.
На юг, на юг.

5

И мы хотим на юг.
Мы поедем на автомобиле
По шоссе номер 90.
Наперегонки с верблюдами
По долине Арава.
Всё быстрей и быстрей.
Всё быстрей и быстрей.
По долине Арава.

6

А на юге…

Как там в песне поётся?

«У Краасноооого моря,

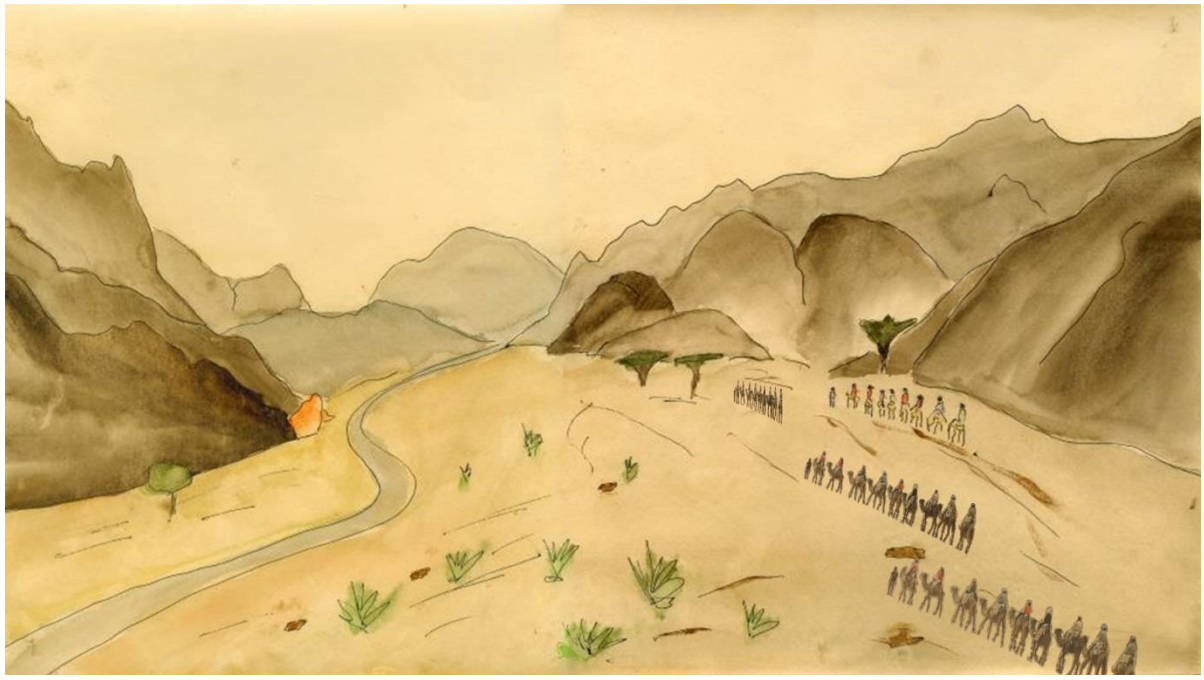
У Краасноооого моря…»

Ну, здесь, в Эйлате среди многоэтажных отелей

с говорящими названиями от «Царицы Савской» до «Царя Ирода»

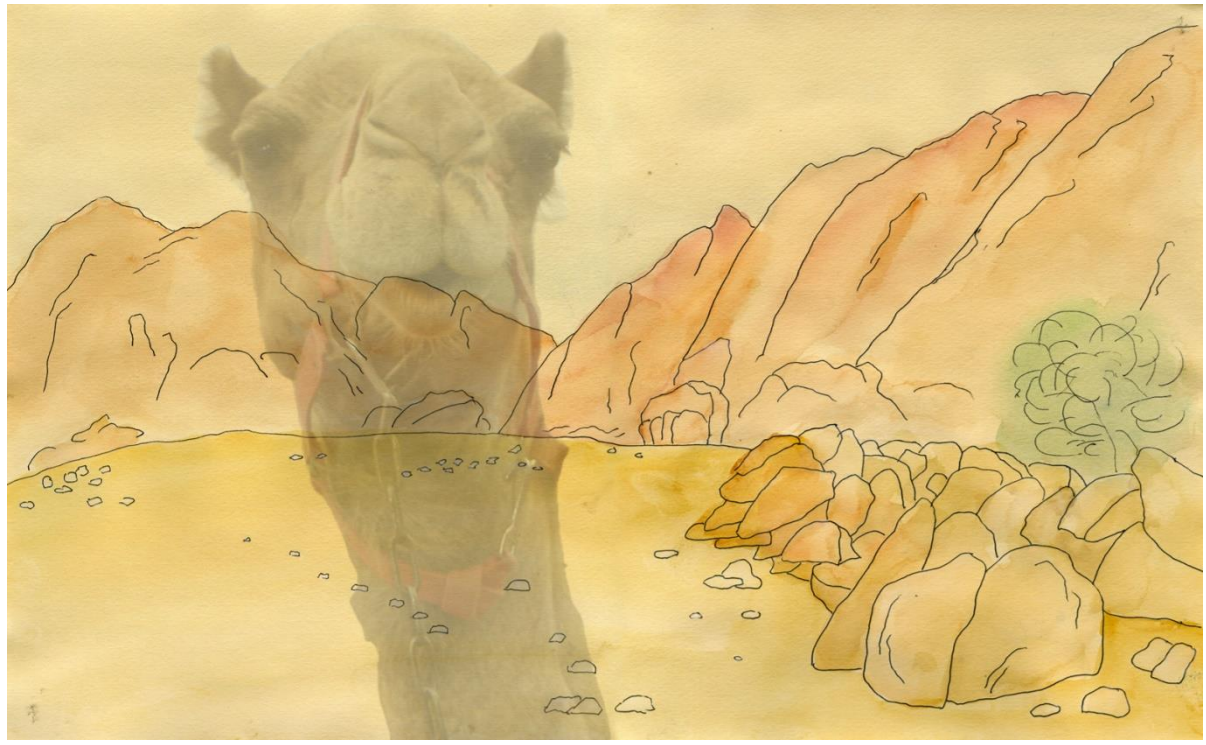
верблюды совсем незаметны.

Так — промелькнёт что-то, прозрачное как тень.



7

От Красного моря на север
Идут караваны прозрачных верблюдов
Уходят один за другим
Через столетия
Через пустыню Негев
Через пустыню Негев
Через пустыню Негев

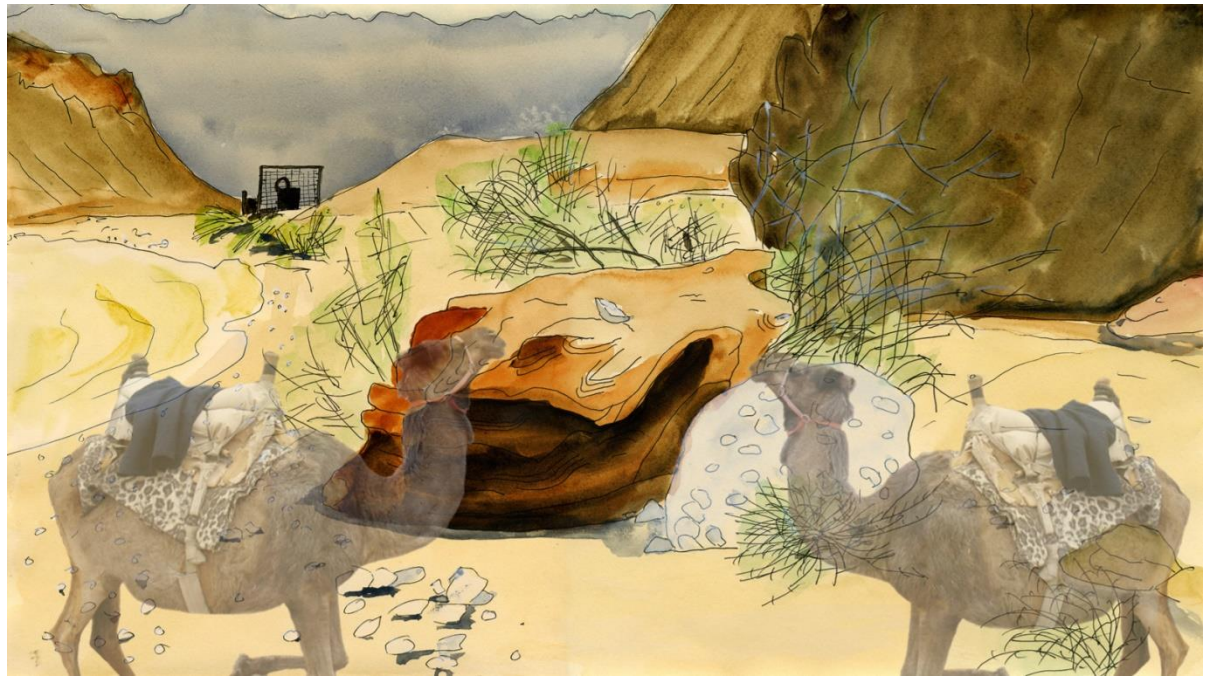


8

Не говорите, что пустыня пуста.
Что там только камни и сухие колючки.
Смотрите, смотрите — видите?
Пустыня Негев смотрит на вас.
У неё верблюжьи ресницы,
загадочный женский взгляд
И насмешливая улыбка.

9

В долине Тимна,
где копи царя Соломона,
дамы прогуливаются под зонтиком.
А знаете, почему?
Нет, не из-за солнца.
И уж, тем более, не из-за дождя, которого там не бывает
А почему тогда?
Из-за верблюдов.
Они хоть и прозрачные, а всё равно плюются.



10

В долине Тимна такие камни,

Такие камни,

Что даже верблюды,

Уж на что насмешники,

А и те — встают на колени.

11

Израиль, как известно, страна прозрачных верблюдов.

Если встретишь погонщика, не удивляйся.

То ли солнце сверкает

То ли воздух мерцает

То ли камни поют

То ли просто мираж столетий

март-апрель 2013

ТЕДАРМЕНИЯ

травелог в 10 частях с 10 картинками и 4 фотографиями

1.

В Армению мы летели с запиской, в которую были вложены 5000 драм с указанием: это на такси, чтобы не менять деньги в аэропорту — там курс невыгодный.

Записка содержала подробную схему проезда и адрес, который заканчивался так: 4-ый этаж, синяя дверь, над которой прибиты две подковы.

Далее шла приписка: «Профессор, неужели вы верите в то, что подковы приносят счастье? — Конечно, нет, но я слышал, что они приносят счастье и тем, кто в это не верит».

Эту записку от Теодора Михайловича нам передали заранее, ещё в Москве. Но перед отлётом он позвонил и заявил, что сам будет встречать нас в аэропорту.

— Вы меня узнаете, — сказал он, — я там буду один в таком возрасте. Но на всякий случай буду держать в руке газету, свёрнутую трубочкой.

Такой возраст — это 91 год. И хотя мы знали, что Теодор Михайлович бодр и полон энтузиазма показать нам Армению, но всё же возраст настораживал. Я пытался его отговорить: сами доберёмся, да и самолёт прилетает поздно вечером. Отговорить не удалось.

Он вообще оказался человеком несговорчивым, когда дело касалось его возраста. После нескольких попыток помочь ему нести сумки с рынка, он отругал мою жену, Кадрию: «Я, конечно, понимаю, что я глубокий старик, — заявил он, — но зачем же каждый раз напоминать мне об этом».

После этого Кадрия старалась протирать пол на кухне, когда Теодор Михайлович не мог этого заметить. Но он всё равно замечал. «Я так совсем обленюсь, — говорил он, — вот вы уедете, и мне опять всё нужно будет самому делать». Туалет Кадрия вымыла уже совсем тайком, рано поутру.

«Вот ведь упрямый, — говорила Кадрия, — но я так тоже не могу. Даже мне тяжело подниматься без лифта на четвёртый этаж». Дом в центре Еревана был ещё сталинской постройки, потолки три с половиной метра, значит, четвёртый этаж — это где-то шестой этаж обычного дома.

В комнате на книжной полке стоит чёрная статуэтка ослика. «Я родом из Нагорного Карабаха, — говорит Теодор Михайлович, — а нас, карабахцев, называют ослами, потому что мы отличаемся от других армян своим упрямством».

Кадрия уходит курить на балкон, а я остаюсь на кухне, чтобы не спорить с Теодором Михайловичем. «Зачем вы всё время на балкон ходите? — говорит он. — У меня все гости курят, где хотят. Только бычки на ночь не оставляйте, а то пахнут плохо».

С балкона открывается вид на двор, окружённый 4-х и 5-этажными домами. А дальше, на холме, монумент 50-летия Советской Армении и поднимающаяся к нему лестница — каскад. Правда, недостроенный.

На этом балконе Теодор Михайлович соорудил специальное разборное сооружение для приготовления шашлыков и хаша. Но дым через разбитые окна проникал на лестничную площадку, и соседка пришла узнать: не пожар ли? Теодор Михайлович отправился в магазин за стёклами и какой-то железной палкой для своего сооружения. Палка была длинная и таксист отказался везти. Пришлось Теодору Михайловичу полчаса идти пешком и нести стёкла и палку. А потом ещё стеклить окна подъезда. И, конечно, всё это он сделал тогда, когда мы были в отъезде. «Я сегодня немного устал», — заявил он, когда мы вернулись. И рассказал эту историю. На следующее утро стёкла оказались вынуты и аккуратно сложены в пакет около его двери, потому что соседи с помощью открытой двери и разбитых окон проветривают свою квартиру в жару.

2.

На следующий день после приезда Теодор Михайлович повёл нас показывать Ереван. Оперу, монумент Мать-Армения с прилегающим парком, каскад, мост через Раздан, памятник жертвам геноцида армян и площадь Республики.

С холма, на котором стоит Мать-Армения, открывался вид на Ереван и Арарат, будто парящий над городом.

А вечером мы поехали смотреть Аванский храм. Поехали на такси, не дождавшись автобуса и уговорив Теодора Михайловича. И правильно сделали, потому что найти этот полуразрушенный храм оказалось непросто. Он расположен в северной части исторического поселка Аван, теперь это окраина Еревана. Храм построен в 6-ом веке как кафедральный собор. В то время Армения утратила свою государственность и была поделена между Византией и Персией. Под давлением Византии армянской церкви, вслед за грузинской, пришлось отказаться от монофизитства и принять двойственную (божественную и человеческую) природу Иисуса Христа. Грузины так и остались диофизитами, а армяне через сто лет, когда давление Византии ослабло, вернулись к исконной монофизитской вере. Аванский храм, как предполагается, был разрушен во время землетрясения 1679 года.

Теодор Михайлович прочитал нам целую лекцию по архитектуре крестово-купольных храмов, и, в частности, Аванского храма. А мы бродили по траве, проросшей между камнями пола, и смотрели, как лучи солнца летят над древними стенами.

3.

Если вы думаете, что пешая прогулка по городу — предел физических возможностей Теодора Михайловича, то вы глубоко заблуждаетесь. На следующий день мы отправились в Гарнийское ущелье. На автобусе доехали до посёлка Гохт, спустились вниз и пошли по правому берегу реки Гохт. Один рюкзак Теодор Михайлович великодушно разрешил нести мне, а другой нёс сам. Кадрие, как она не возмущалась, пришлось идти налегке.

На привале Теодор Михайлович извлёк из своего рюкзака спиртовку и приготовил чай. Когда мы прошли уже около 10 километров, он сказал: «А вот сейчас вы увидите то, что ещё никогда не видели». Базальтовые склоны гор казались искусственными сооружениями. Они состояли из правильных шестиугольных призм, которые то вырастали из земли, будто столбики римских бань, то свисали сверху будто органные трубы. Это место получило название «симфония камней».

Мы остановились у края клубящегося потока воды, за которым поднималась стена из шестиугольных призм. Теодор Михайлович снова готовил чай. А мы с Кадриёй прогулялись немного вперёд, чтобы увидеть, как вдали на горе, у

самого обрыва возвышается храм Гарни. Это древнеармянский языческий храм 1 века н.э., восстановленный в советское время. Крепость Гарни упоминается Тацитом, построил её армянский царь Трдат 1-ый в 76 г.

А потом я сел под высокой скалой и стал мучиться с бумагой, красками, ветром и солнцем. Это мучение называется пленэр. Мне никак не удавалось передать эту самую симфонию камней.

Это меня задело, и я нарисовал не одну, как собирался, а три картины Гарнийского ущелья. Правда, две остальные уже дома, за письменным столом.

Когда я уже заканчивал свой пленэр, к скале подъехали две машины. Из них вышли люди и стали выгружать своё снаряжение. Оказалось — скалолазы из Швейцарии. Это выяснил Теодор Михайлович, бодро заговоривший с ними на английском, которым владеет в совершенстве. Между прочим, Теодор Михайлович и родился-то в Нью-Йорке, потому и имя его американизировалось — Теодор. Да и сейчас его сестра живёт в Америке, а сын — в Канаде. Мы прилетели в Ереван 27-го апреля, а перед этим, 22-го, Теодор Михайлович только вернулся с американского континента.

Пока мы поднимались из ущелья в посёлок Гарни, мы всё время оборачивались и смотрели, как быстро первый скалолаз поднимается по

почти отвесной скале.

Наверху, в Гарни, Теодор Михайлович сказал: «Мы поднимались семнадцать минут. Неплохой результат. Я пойду дальше, не торопясь, а вы посмотрите в конце вон того переулка старый храм». И мы, отдышавшись, пошли смотреть церковь Маштоц Айрапет, построенную из туфа в XII веке.

Потом догнали Теодора Михайловича и отправились к языческому храму, парящему на Гарнийской долиной. Где-то внизу была видна гора с плоской вершиной, к которой по шестиугольным базальтовым призмам взбирался швейцарский скалолаз.

И всё равно мне не нравилось, как эти призмы получаются на моих акварелях. Только на третьей картине Гарнийского ущелья я нашёл нужный приём. Это уже после того, как мы с Кадриёй полюбовались древними орнаментами на керамике и бронзе IV-I тысячелетий до н.э. в историческом музее Еревана. Я, конечно, не пытался воспроизвести эти орнаменты, но они натолкнули меня на идею орнаментировать базальтовые призмы.

4.

Исторический музей и картинную галерею Армении мы посетили на следующий день. Но сначала мы побывали в Эребуни. Это древний город государства Урарту, развалины которого расположены на холме Арин-Берд на окраине современного Еревана. Эребуни был основан царём Урарту Аргишти I в 782 году до н. э. Этот год и считается годом основания Еревана. Мы прошли под высокими крепостными стенами, бродили по закоулкам крепости и любовались открывающимися с холма видами Еревана и парящим Араратом.

5.

— Вы должны увидеть Арарат вблизи, — сказал Теодор Михайлович. — Назавтра я договорился с Арутом, он повезёт вас в Хор Вирап.

Четыре из оставшихся пяти дней мы провели в поездках по Армении с Арутюном. Он работает таксистом, так что катал он нас совершенно официально и по счётчику. «Другие водители мне завидуют, — говорил Арут, — выручка гарантирована и не нужно целый день искать клиентов».

А уж нам-то как было выгодно! Мало того, что по Еревану любая поездка на автобусе — меньше 10 рублей, а на такси — меньше ста рублей, так ещё целый день с Арутом за городом обходилось нам не больше двух тысяч рублей.

Но главная выгода была совсем не в деньгах. В лице Арутюна мы получили первоклассного персонального гида, который, пожалуй, мог даже соперничать с Теодором Михайловичем. Что, впрочем, неудивительно: Арутюну 57 или 58 лет, из которых 30 лет он дружит с Теодором Михайловичем. И вдвоём, и в компаниях они объездили и облазили всю Армению, ходили под рюкзаками, ночевали в палатках на склонах гор.

Монастырь Хор Вирап расположен над подземной тюрьмой, в которой армянский царь Трдат III содержал в заточении в течение 15 лет святого Григория Просветителя до того, как был обращен им в христианство. Это случилось в 301 г., когда Армения первой приняла христианство как государственную религию. А до этого здесь была древняя столица Армении Арташат, построенная в 180 г. до н.э. царём Арташесом I, основателем династии Арташесидов.

С этого места, действительно, открывается удивительный по своей мощи вид на Арарат. «Вон там, справа от вершины, видите как бы обвал, — говорит Арут. — Он образовался в результате землетрясения. Некоторые говорят, что туда провалился Ноев ковчег, так что теперь его вряд ли найдут».

— А ещё, — говорил Теодор Михайлович, — вам нужно обязательно побывать в Нораванке. Это монастырь XIII века в красных скалах.

И мы поехали в Нораванк.

Мы ехали по шоссе в узком ущелье реки Арпа. «Когда-то, — говорил Арут, — здесь шоссе не было, и мы с Теодором Михайловичем ходили пешком до Нораванка. А потом на несколько дней ставили палатку на противоположном склоне, под тремя ореховыми деревьями. Что-то я никак не могу их увидеть: склон зарос деревьями, а орехи, наверное, засохли. Оттуда мы ходили к монастырю, даже ночью. Тогда его ещё не реставрировали. А теперь Юнеско не хочет включать Нораванк в свой список, потому что построены ресторан и гостиница — якобы на территории монастыря».

Скалы, на фоне которых возвышается Нораванк, действительно, красные. И такие причудливые, что я не удержался и дал волю фантазии в этой акварели. На территории монастыря возвышается двухэтажная церковь Сурб Аствацацин, последний шедевр армянского архитектора, мастера по камню и художника-миниатюриста Момика. На второй этаж с двух сторон от входа ведут узкие лестницы без перил. Но никто с них ещё не падал, и мы тоже забрались наверх, а потом благополучно спустились.

На обратном пути мы остановились в ущелье около заведения, который местный энтузиаст устроил прямо в скале, внутри грота. Его звали Вардгес и, кроме всего прочего, он увлекался птицами — там были выставлены книги о птицах Армении. Арут привёз с собой приготовленные заранее овощи (баклажаны, перцы, помидоры) и мясо для шашлыка. У него даже дрова с собой были, но Вардгес уговорил сделать шашлык в тандыре. Это такой колодец, в котором разводится огонь, а потом на стенках пекут лаваш или, как в нашем случае, зажаривают овощи и шашлык. Мы с Кадриёй запивали всё это пиршество чудесным вином, которое нам предложил Вардгес. Выпили целый кувшин!

6.

На следующий день мы выехали из Еревана в противоположном, северо-западном, направлении. В городе Аштарак, что значит башня, мы осмотрели церковь VII века Кармравор, что значит красная.

Проехали мимо горы Ара, что значит прекрасный. Так звали армянского царя, в которого влюбилась ассирийская Семирамида. Но Ара отверг её любовь, началась война и царя смертельно ранили. Семирамида хотела его воскресить, но ничего не вышло, и тогда царица пустила слух, что Ара воскрешён, его роль сыграл один из её любовников. Армяне поверили и прекратили боевые действия. А Семирамида покинула Армению, когда ей сказали, что дух Ара взят богами на Кавказские горы и оттуда перенесется в Вавилон.

Современный анекдот трактует название горы попроще: это Арно Бабаджанян лежит, а нос его смотрит в небо.

Потом был монастырь Ованаванк с базиликой V века, руинами церкви первых христиан начала IV века и главной крестово-купольной церковью XIII века.

К монастырю примыкает древнее заброшенное кладбище. На его окраине Арут сказал: «Вот здесь мы отмечали 90-летие Теодора Михайловича в узком кругу. Ещё были его сын Михаил и жена, Римма Ивановна. Вот на этом камне всё приготовляли, а сидели за раскладным столом, который привезли с собой». Римма Ивановна прожила в Ереване больше 30 лет, но потом, в перестроечные годы пришлось уехать в Москву. Сейчас она преподаёт на факультете вычислительной математики и кибернетики Московского университета, доктор наук, профессор. Она была оппонентом на защите моей докторской диссертации. Тогда мы с ней и познакомились поближе, а уже потом они с Теодором Михайловичем пригласили нас в Армению. Это она передала нам записку и 5000 драм от Теодора Михайловича, с которых я начал свой рассказ.

Рядом с Ованаванком — монастырь Сагмосаванк, тоже с церковью XIII века и тоже над глубоким ущельем реки Касах.

Мы поднимались по склонам горы Арагац, четырёхтысячника, четыре вершины которого окружают вулканический кратер. Продвигаясь к Амберду, мы добрались до снегов. «Как-то раз на 9 мая, — рассказывал Арут, — мы с Теодором Михайловичем не смогли здесь проехать. Снег, уже превратившийся в лёд, лежал двадцатисантиметровым слоем. Пришлось вернуться». На этот раз нам повезло: дорогу расчистили и снеговые сугробы лежали только на обочине.

А вот и Амберд. Замок VII века и церковь XI века. Высота 2300 метров. Впервые замок в XI веке захватили турки сельджуки, а в XIII веке он был

окончательно разрушен монголами. Но кое-что всё-таки осталось: высокие стены и башня. И то, что нельзя разрушить обычными методами: потрясающей красоты пейзаж и ковры голубых цветов на склонах вперемежку с остатками снега.

Из Амберда мы спустились вниз мимо Бюракана. В садике придорожного ресторана, в беседке пообедали кебабом с овощами и пивом. В этот день у нас были ещё две церкви VII века: в Талине и в Мастаре.

В Талине Арут разговорился с проходившими мимо женщинами. Они, наверное, спрашивали, откуда мы. И рассказали, что вчера приезжали туристы из Франции и хотели переночевать в машине. Разве это дело? Мы, сказали женщины, взяли их к себе домой. Хорошие люди оказались.

7.

3 мая мы поехали на озеро Севан. Монастырь Севанаванк основан в 874 году принцессой Мариам. Он расположен на острове, но после того как воды Севана опустились, остров превратился в полуостров. Из Севана вытекает одна река — Раздан, который ниже пересекает Ереван и впадает в Аракс, по которому проходят границы Армении и Азербайджана с Турцией и Ираном, Аракс впадает в Куру, а Кура, как известно, впадает в Каспийской море.

У истоков Раздана расположен город Севан, основанный в XIX веке русскими переселенцами-молоканами.

Потом мы поехали дальше, но не по старой дороге, которая уходит в горы к молоканской деревне Семёновка, а через туннель. Дальше через Дилижан — к монастырю Гошаванк.

Этот монастырь основал в XII веке Мхитар Гош — армянский мыслитель, литературный и общественный деятель, богослов и священник. Диапазон его сочинений весьма широк: от «Судебника» (что-то вроде уголовного кодекса), который использовался несколько столетий как в Армении, так и в армянских колониях по всему миру, до сборника басен, впервые изданного в 1790-м году

в Венеции. По его имени названо и селение Гош, в котором находится монастырь.

— В Гошаванке, — напутствовал нас Теодор Михайлович, — вы должны обязательно увидеть хачкар работы Погоса. Хачкары — это такие каменные стелы с резными изображениями креста и разнообразных символов и орнаментов. В 2010 году искусство создания хачкаров внесено в список Юнеско культурного наследия человечества. Хачкар Погоса в Гошаванке создан в 1291 году и признан лучшим армянским хачкаром. Это его рисунок я использовал здесь как фон.

После Гошаванка мы поехали в лесистую долину речки Агарцин. Но до монастыря Агарцин не доехали. «Я туда не поеду, — заявил Арут, — Я там был, там было очень красиво. Но теперь там сделали такую реставрацию, что смотреть не хочу. Всё исчезло».

В долине Агарцин оборудовано много стоянок для пикников. В пятницу почти все они ещё пустовали.

Мы выбрали стоянку и Арут стал колдовать над своей «керосинкой», точнее газовым баллоном с горелкой. Ещё дома он приготовил овощи, картошку с селёдкой и, самое главное, хашламу. Её-то он и разогревал на горелке. Хашлама — не путать с хашем — горячим холодцом —это такое блюдо из баранины и овощей. «Это делается без капли воды», — говорит Арут. А потом наполняет наши тарелки и наливает по чашке соуса из той же кастрюли. Откуда соус, если воды не было? Это загадка.

Но вкусно необыкновенно. И это самое опасное, потому что не удержавшись и съев лишнюю порцию, мне пришлось минут сорок прогуливаться, чтобы хоть как-то придти в себя от обжорства.

Вообще Арут оказался замечательным кулинаром. «Всё, что Арут делает, — это правильно, — говорит Теодор Михайлович. — Вот только кюфту я размешиваю ложкой, а не руками. Ну, неудобно руками — мясо прилипает».

Что такое кюфта? Сначала мы пошли на рынок и Теодор Михайлович купил отбитое мясо. Не провёрнутое в мясорубке, а именно отбитое до полного суфле. Потом уже дома он туда что-то добавлял, размешивал и взбивал до воздушности. «Я вам, Игорь Борисович, доверяю немного помешать и повзбивать», — сказал он. Я размешиваю и взбиваю. Потом из этого суфле делаются круглые шарики и опускаются в кипящую воду. Шарики распухают и становятся огромными. Когда сварятся, их нужно сразу съедать, пока они не опали. Очень вкусно. «Ага, вкусно, — говорит Арут, — только размешивать и взбивать нужно руками, а не ложкой. Я Теодору Михайловичу много раз

говорил, только он по-своему делает. А так вкусно, конечно. Если ты настоящей кюфты не пробовал».

Там же, в долине Агарцин мы купили ишхан. Это князь-рыба — золотая севанская форель. Сначала её не хотели продавать: хозяин решил поставлять рыбу только оптом. Но Аруту, конечно же, удалось с хозяином договориться. Форель при нас выловили, и Арут её тут же почистил. Эту форель мы привезли в Москву, приготовили с картошкой по рецепту Теодора Михайловича и немедленно созвали гостей: на форель, чурчхеллу и армянский коньяк.

8.

Следующий после Агарцина день мы отдыхали, то есть никуда не ездили. Ходили на вернисаж — это ереванский рынок картин, предметов искусства, ремёсел и антиквариата. Глаза наши разбежались в разные стороны. Только огромным усилием воли нам удалось купить только то, что мы собирались, ну почти только это… А потом мы почли за благо побыстрее удалиться. Нас смущала не столько трата денег, сколько возможный перевес багажа при авиаперелёте.

Потом был Матенадаран — хранилище древних рукописей, который нам удалось осмотреть всего за полтора часа. И то только потому, что Кадрия забыла дома очки.

И наконец к вечеру Теодор Михайлович готовил нам царь-рыбу — стерлядь. Нам даже удалось поучаствовать не только в её поедании, но и в приготовлении: Кадрия намазывала рыбу сметаной, а я помогал разжечь духовку, в которой что-то стопорилось.

Вообще, Кадрия очень любит готовить, но тут она не на того напала, в смысле на Теодора Михайловича. Он всё делал сам. Только один раз ей всё же удалось приготовить воздушный омлет. На следующее утро Теодор Михайлович даже попросил её руководства, чтобы приготовить такой омлет самому.

А вечером я всё же решил устроить небольшую фотосессию в квартире Теодора Михайловича. Квартира эта полна старинной мебели, редких предметов и книг. Буфет начала прошлого века считается молодым, а вот шкаф конца 18-го века впечатляет. Из предметов я уже говорил про карабахского ослика. Другой предмет — кусок старинной стены или капители колонны. «А это я приобрёл на вернисаже, по случаю», — говорит Теодор Михайлович.

«От нескольких полок с книгами мне всё же удалось избавиться», — говорит Теодор Михайлович. Но осталось ещё много. Вот Теодор Михайлович показывает мне две книжки Булата Окуджава с дарственными надписями: «Теду с любовью. Б. Окуджава» и «Дорогому Теду с давней любовью. Булат. 25 марта 85-го года».

Почему «с давней»? Да потому что они знакомы с 38-го года.

Первая книжка называется «Посвящается вам». «Булка, — говорит Теодор Михайлович, —— мы его звали Булкой — принёс мне ворох рукописей и попросил помочь составить книжку. Я ещё подумал: вот ведь, оставил мне рукописи, а вдруг с ними что случится? Ну, я составил книжку. Вот её машинописный вариант».

Теодор Михайлович показывает скоросшиватель «ДЕЛО №» с рукописной надписью «Булат Окуджава. Для ксерокопирования». «Мы тогда много копий сделали, — говорит Теодор Михайлович. — Булат называл это «ТЕДИздат». Потом он добавил туда несколько старых стихотворений, так что типографское издание немного отличается».

«Да, — говорю я, — первое стихотворение другое, а вот последнее то же самое». «А я как-то никогда не сравнивал, — говорит Теодор Михайлович и начинает сравнивать два издания: ТЕДИздат и «Советский писатель».

Мы ещё о многом говорили, то есть говорил в основном Теодор Михайлович: ему было что рассказать. Теодор Михайлович Тер-Микаэлян участник и инвалид великой отечественной войны. Только он в ней не участвовал. Почему? Да потому, что был призван в армию в 17 лет и участвовал ещё в финской войне, был ранен в марте 40-го года.

«Меня подстрелила «кукушка», — говорит Теодор Михайлович, — это такие снайперы были, они на деревьях сидели и оттуда стреляли. Мне повезло. Потому что разрывная пуля попала не сразу в ногу, а сначала в коробку противогаза и там уже взорвалась. Но всё равно ногу-то сильно ранило. Меня спасли два юных санитара, положили на санки и потащили к своим под миномётным огнём. Хотел бы я знать, что с ними стало, встретиться, да только сейчас уж их, наверное, и в живых-то нет».

Свой второй день рождения Теодор Михайлович отмечает 11 марта. Это нам Арут сказал.

9.

На следующий день мы с Арутом уговариваем Теодора Михайловича поехать с нами в Эчмиадзин: «Это же всего 30 километров от Еревана, на машине совсем быстро». «Нет, не поеду, — говорит Теодор Михайлович, — я там уже был десятки раз. Только устану в дороге». «Ага, — возражаю я, — а как с нами десять километров по ущелью гулять, да ещё с рюкзаком, это вы не уставали?». «Так это ж другое дело, — отвечает Теодор Михайлович, — там совсем другая усталость, приятная. Не то что в машине сидеть». Поехали мы одни.

Видели кафедральный собор, даже попали на выход католикоса: мимо нас прошёл. В армянских церквях очень демократично, и никаких особых запретов нет: ну, там голые плечи, шорты, брюки на женщинах и платки. «Это только туристы стараются как-то по-особому одеться, — говорит Арут, — а у нас считается, что если человек зашёл в церковь, то и хорошо, зачем ему какие-то препятствия чинить».

Там ещё три церкви есть, названные по именам трёх из 37 первых христианок: Рипсиме, Гаянэ и Шокагат. Они были убиты царём Трдатом III, когда одна из них, Рипсиме, отказалась выйти за него замуж, заявив, что принадлежит только Христу. Этот царь потом от угрызений совести сошёл с ума, потом ему было видение, что исцелит его Григорий Просветитель,

которого этот царь посадил в каменный колодец. Ну, а дальше известно: Григорий Просветитель был освобождён из заключения, излечил царя и царь в 301 году провозгласил христианство официальной религией Армении.

В церкви Гаяне мы слушали хор девушек, а потом отдыхали в саду, глядя как они то выбегают из церкви в перерывах, то опять забегают, когда снова нужно петь.

Международный аэропорт Еревана называется Звартноц — по названию храма, расположенному между Ереваном и Эчмиадзином. Название Звартноц переводится как храм Бдящих Сил или храм Небесных Ангелов. Он построен в 652 году при католикосе Нерсесе на месте встречи царя Трдата с освобожденным из пятнадцатилетнего плена Григорием Просветителем. В 930-ом году разрушен во время сильнейшего зелетрясения.

Архитектор Тороманян, руководивший раскопками на месте храма, реконструировал его конструкцию: это было трёхярусное здание, необычное для Армении. Сначала Тороманяну не очень-то поверили, но потом при раскопках в древней столице Ани была обнаружена двухметровая статуя царя Гагика, который держал в руках макет храма в точности совпадавший в реконструкцией Тороманяна. Ани — это древняя столица Армении, известная как город 1001 церкви. Сейчас руины города находятся в Турции.

Восстановленные колонны первого яруса, увенчанные капителями, действительно, вызывают ассоциации с чем-то небесным и парящим.

Мысленно представляю себе все три яруса, и понимаю, на что это похоже: на Арарат, также парящий над Арменией. А тут ещё появляется квартет певцов из Ереванской оперы, которые поют а капелла сначала традиционные армянские песни, а потом уже самые разные вплоть до русской «калинки».

Обедаем мы опять в ресторане, в беседке среди деревьев на том самом холме, на котором расположен мемориал геноцида армян. Из соседней беседки доносится незнакомая речь. «Это иранцы, — говорит Арут. — У нас с Ираном хорошие отношения, не то что с Турцией или Азербайджаном. Я там был один раз, но больше не поеду, пока в названии этой республики будет слово «исламская». А иранцы приезжают сюда не только по делам, но и чтобы отдохнуть от тамошних ограничений. Отрываются». И после паузы: «А сейчас они по армянски говорят, наверное, иранские армяне».

До вечера ещё далеко, и Арут предлагает нам съездить в Гегард, который расположен чуть дальше Гохта, от которого мы с Теодором Михайловичем начинали своё путешествие по Гарнийскому ущелью.

Гегард — сокращение от Гегардаванк, дословно «Монастырь копья», от копья Лонгина, которым пронзили тело Иисуса Христа на Кресте, и, как утверждается, привезённого в Армению апостолом Фаддеем в числе многих других реликвий. Сейчас копьё выставлено в музее Эчмиадзина. Другое старое название монастыря — Айриванк, что значит «пещерный монастырь». Это потому, что часть храмов монастырского комплекса полностью выдолблены внутри скал. Удивительно красивое место: скалы, деревья, горная река с водопадом. Среди туристов замечаем девушек в платках. «Это иранцы, — говорит Арут. — И чего им тут нужно, они же мусульмане. Наверное, им тут тоже нравится».

На обратном пути покупаем яблоки в Гарни. «Гарнийские яблоки славятся, — говорит Арут, — сейчас, конечно, они уже не те, а вот в январе сочные». Но нам и сейчас эти яблоки показались очень вкусными. Потом Арут пытается найти музыку по радио, но там сплошная попса, и тогда он вставляет флешку. Звучит 20-ый концерт Моцарта. Мы узнаём, что у Арутюна музыкальное образование, но в трудные перестроечные годы работы не было и ему пришлось стать таксистом.

10.

Утром в день отъезда идём на рынок. Мы покупаем в Москву чурчхеллу, сыр Лори, лаваш и тархун, а Теодор Михайлович выбирает рыбу. У него намечаются гости: придут коллеги с кафедры двигать мебель в комнате — предстоит замена двери на балкон.

Кафедра Ереванского университета, Теодор Михайлович был её заведующим, а ещё работал в ереванском НИИ математических машин в шестидесятые — семидесятые годы. Он специалист в области вычислительной техники и машинного перевода. Автор первой книги на русском языке по решению задач на автоматических цифровых вычислительных машинах, 1958 года издания.

И вот прощальный снимок с Теодором Михайловичем в ереванском аэропорту.

Мы летим в Москву. Хаос впечатлений ещё долго будет кружиться в памяти, постепенно складываясь в окончательный рисунок. Но уже сейчас в нём прослеживаются две переплетающиеся линии: Теодор Михайлович и Армения. И я даже не знаю, что поставить на первое место, а что на второе. Для меня они переплелись в единый орнамент хачкара, который называется ТЕДАрмения.

17-18 мая 2013

Теодор Михайлович Тер-Микаэлян
умер 17 июля 2020 года.

ЧЖОУ ЛИ

8 стихотворений и 8 картинок

Я читал древнекитайский канон «ЧЖОУ ЛИ — Установления династии Чжоу». Эта династия существовала в Китае с 1122-го по 221-ый год до нашей эры. Книга в русском переводе опубликована в 2010-ом году, и даже не вся книга, а только первый цзюань, который называется «Небесные чиновники».

В этом пятисотстраничном академическом издании сам перевод занимает 23 страницы. Остальное — вступительная статья, комментарии, комментарии к комментариям, приложения, библиография, указатели и глоссарий. Но мне это нравится.

Я читал эту книгу в деревне Липовка и параллельно рисовал свои акварели. Сначала была разгонная картинка — липовский пейзаж с крыльца моего дома. Но потом я увлёкся чтением и решил целенаправленно писать такие акварели, чтобы получился цикл, который я так и назвал — ЧЖОУ ЛИ.

Строго говоря, эти акварели вовсе не являются иллюстрациями к древнекитайской книге. Здесь связь сильно опосредованная. Немного ближе к ЧЖОУ ЛИ мои тексты, которые я сочинил, разглядывая собственные картинки и вспоминая (а то и поглядывая в) текст.

Люди Чжоу идут к Вану, Ван идёт к реке
Люди Чжоу ставят камни, Ван берёт жену
Белые камни в шесть рядов на берегу реки
В красном Ван, а в жёлтом жена

Белые камни в два столба на берегу реки
Люди Чжоу ставят треножник на берегу реки
Ван смотрит, как течёт вода,
а жена не смотрит

Люди Чжоу идут за Ваном,
Ван не идёт к подножью высокой горы
Люди Чжоу идут за Ваном,
Ван не идёт в ворота из белого камня
на склоне высокой горы

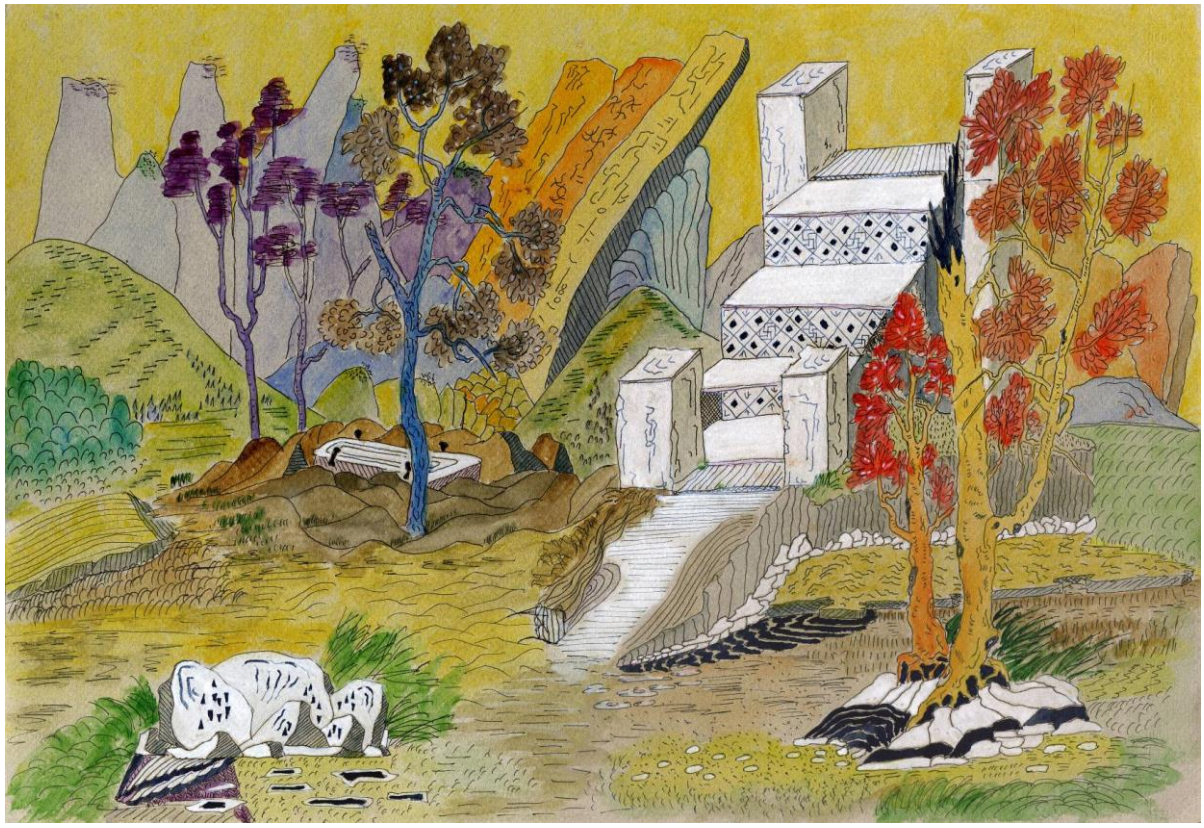
Люди Чжоу идут за Ваном,
Ван не идёт к чёрному жертвеннику
в глубинах высокой горы
Люди Чжоу идут по своим делам
Ван идёт за народом Чжоу

Люди Чжоу танцуют и бьют в большой барабан
У восточных ворот в белой одежде Ван
Люди Чжоу танцуют и бьют в большие колокола
У восточных ворот в белой одежде Ван

Люди Чжоу танцуют и жертвы приносят высоким предкам
У восточных ворот в белой одежде Ван
Смотрите, смотрите! Там в небе две птицы,
слетевшие с веток волшебного древа Фусан
У восточных ворот в белой одежде Ван

Люди Чжоу зимой преподносят волков
Люди Чжоу летом приносят оленей
Люди Чжоу осенью и весной предподносят других зверей
Мясо сушеное тонкими ломтиками без костей

В ранге высоком чиновники строго следят
Гости высокие чинно и скромно едят
Предки высокие с верхнего неба глядят
Льётся рекою вино, и только Ван не пьян



Люди Чжоу танцуют и плачут
По западной лестнице вниз-вниз на большой переправе
Люди Чжоу танцуют и плачут
Выроем яму глубоко-глубоко на большой переправе

Люди Чжоу танцуют и плачут
В яму опустим, но не засыпаем, на большой переправе
Люди Чжоу танцуют и плачут
Ван получает новое имя

Ван ожидает веления Неба
У края бескрайней земли
Земля зеленеет травой — жертвенной дикой полынью
Земля зеленеет травой — жертвенным тростником

Зовите скорее, пускай он приходит — главный гадатель *дабу*
На край бескрайней земли
Он прочитает знамения Неба, по знакам его разберёт
Люди Чжоу покорны

Люди Чжоу чтут великое Небо
Пусть расцветают цветы и течёт вода
Люди Чжоу чтут кости предвечного Неба
Пусть говорят и поют говорящие камни

Люди Чжоу чтут черепаховый панцирь Неба
Пусть из земли прорастают грибы долголетья
Люди Чжоу чтут письмена и таблицы Неба
В посленебесном мире Ван одиноко сидит

С горных вершин срывается вниз поток
Проводит наш Ван борозду на жертвенном поле
С горных вершин срывается вниз поток
Издан указ — и вот мы пашем и сеем

С горных вершин срывается вниз поток
До осенней луны отложил наказания Ван
С горных вершин срывается вниз поток
Люди Чжоу радуются весне

Липовка, лето 2013

2014

Из старого: КАК Я ПРОВЁЛ ДЕНЬ

миниатюра

Я проснулся утром.

Пошёл в туалет и там пописал и покакал.

Потом пошёл в ванную комнату и там помыл руки, почистил зубы, ополоснул лицо и вытерся полотенцем.

Потом вернулся в комнату и оделся.

А потом я пошёл на кухню и там поел каши с вареньем и выпил чаю.

Ну, потом я ещё какие-то дела делал, уже не помню.

А вечером, перед ночью, я опять пописал в туалете, опять вымыл руки и почистил зубы в ванной комнате, и опять вытерся полотенцем.

Потом пошёл в комнату, разделся, лёг в постель и заснул.

19 ноября 2014

ДВА ЦВЕТА

травелог в 19 частях с 19 картинками

Ритм этих заметок следует ритму рисунков, текст и написан-то по рисункам, которые были сделаны во время путешествия по Провансу и Лангедок-Руссильону во второй половине августа 2014 года, хотя я, конечно, хотел рассказать и о самом путешествии.

У меня были тушевые ручки разной толщины и двух цветов: чёрные и сангина.

И ещё блокнот для рисования.

А времени было совсем мало. На некоторых картинках я даже записал время начала и длительность рисования с точностью до минуты.

Почти все рисунки (кроме трёх) сделаны с натуры.

Это не самый лучший способ получить стильные картинки. Зато они получаются живее.

Из-за того, что времени было мало, не приходилось выбирать место для рисования.

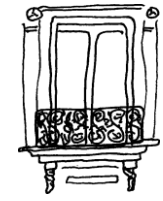
Часто это был просто вид из окна отеля.

Мы много путешествовали, так что в каждом месте ночевали одну ночь.

Кроме шести ночей на море, где я рисовал во внутреннем дворике отеля.

И (уже не с натуры) три рисунка с видами Испании, где мы побывали в один из этих дней.

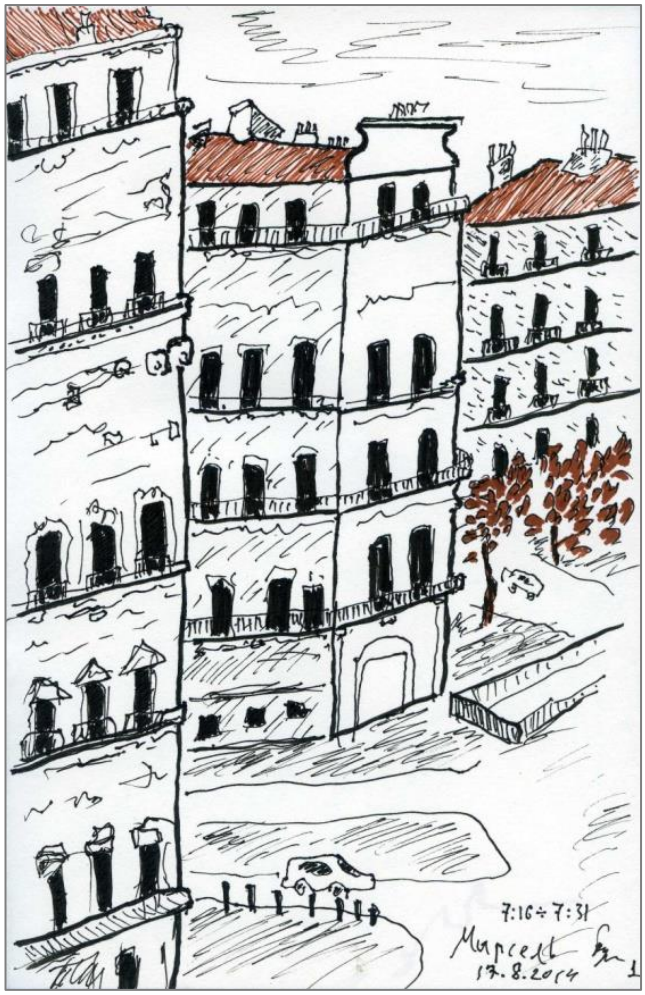
Ах, да, три ночи мы ночевали в чудесной деревушке Qubieros sur Cinoble в семейном отеле из пяти номеров у чудесной Франсуазы. Это в сердце Страны Катаров.



Каждый день мы ездили по окрестностям и уже пешком забирались на горы, где свили свои орлиные гнёзда катарские крепости. А по утрам я смотрел на улицу, где только один дом, который почему-то имеет номер 4.

Вот посмотрите: может быть, вам что-то покажется забавным…

1. Марсе́ль. 17 августа. 7:16 утра.



Начал рисовать с мысли: не люблю Марсель.

Потому что это большой город, а я не люблю большие города.

Вопреки тому, что сам родился и прожил всю жизнь в одном таком городе — Москве.

Или благодаря этому.

Марсель уставился на меня тёмными окнами за ресницами ажурных балкончиков.

Они даже дрожат под моим пером.

Беру сангину и рисую черепичные береты крыш.

Береты происходят от традиционной шляпы пиренейских пастухов, их стали промышленно выпускать в 17 веке как раз на юге Франции.

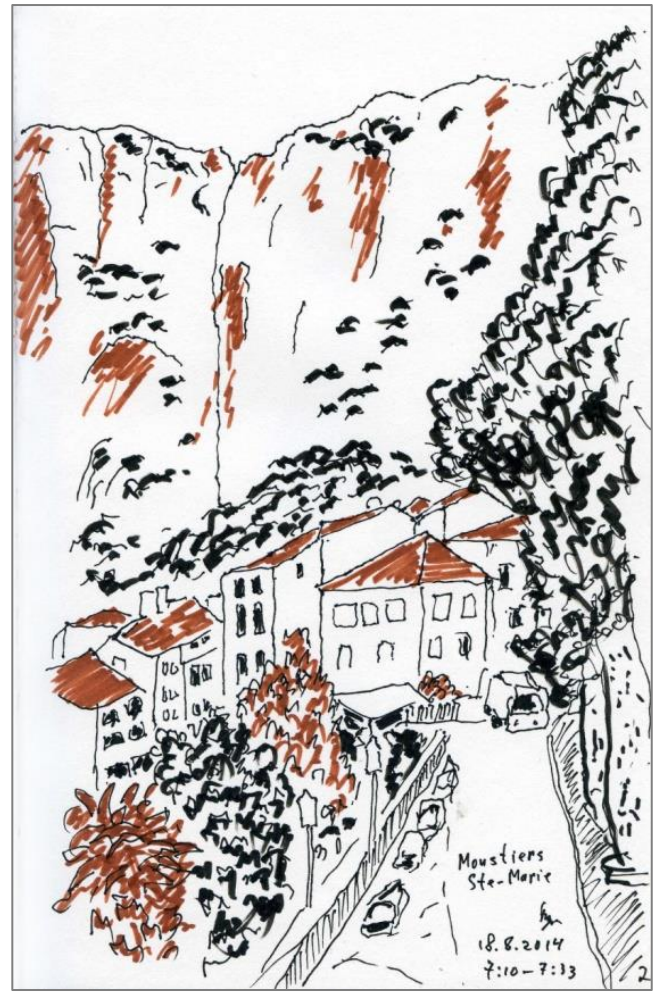
Добавляю дерево в петлице.

Тихо едет машина.

Потом будет солнечный день. Люди на набережной. Яхты в заливе. И — в уличном ресторанчике — непременный буайбес, который в России любят называть марсельской ухой.

15 минут.

2. Мутье́-Сент-Мари́. 18 августа. 7:10 утра



Утро сползает с гор, растекается по крышам домов и зажигает зелень.

Вчера, после Экс-ан-Прованса, после Вердонского ущелья и озера Сент-Круа, на удивление красивого для искусственного, уже под вечер въехали в городок. Навигатор вывёл прямо к отелю le Belvédère в самом центре. Но центр оказался столь маленьким, что наш семиместный автомобиль долго рычал, ворчал и дёргался прежде чем смог развернуться и спуститься вниз к парковке.

Хозяин отеля был пожилым и колоритным, а его дочка, помогавшая ему по хозяйству, молодой и симпатичной.

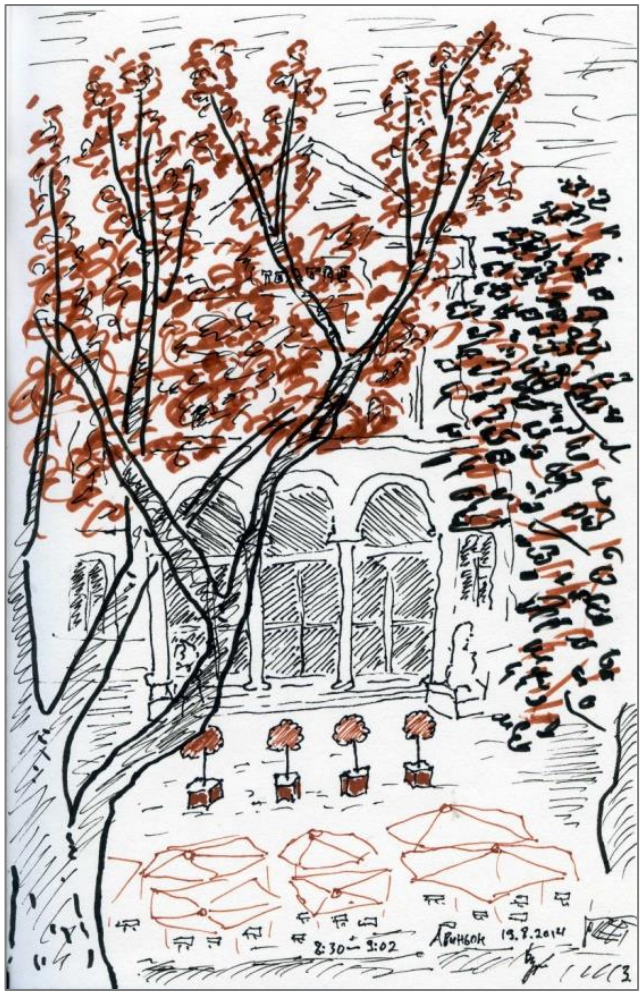
В самом городке, прильнувшем к скалам Прованских Альп, есть что-то женственное.

Наверное, из-за церкви Девы Марии, что над городом на вершине скалы.

Это много приятнее, чем большие города, которые все сплошь мужские.

23 минуты.

3. Авиньо́н. 19 августа. 8:30 утра.



Здание напротив прячется за листвой деревьев.

Но я-то знаю: на нём надпись — "Theatre".

Так и пишу.

А внизу после дождя просыпаются зонтики ресторанов.

Скоро начнётся представление еды и вина.

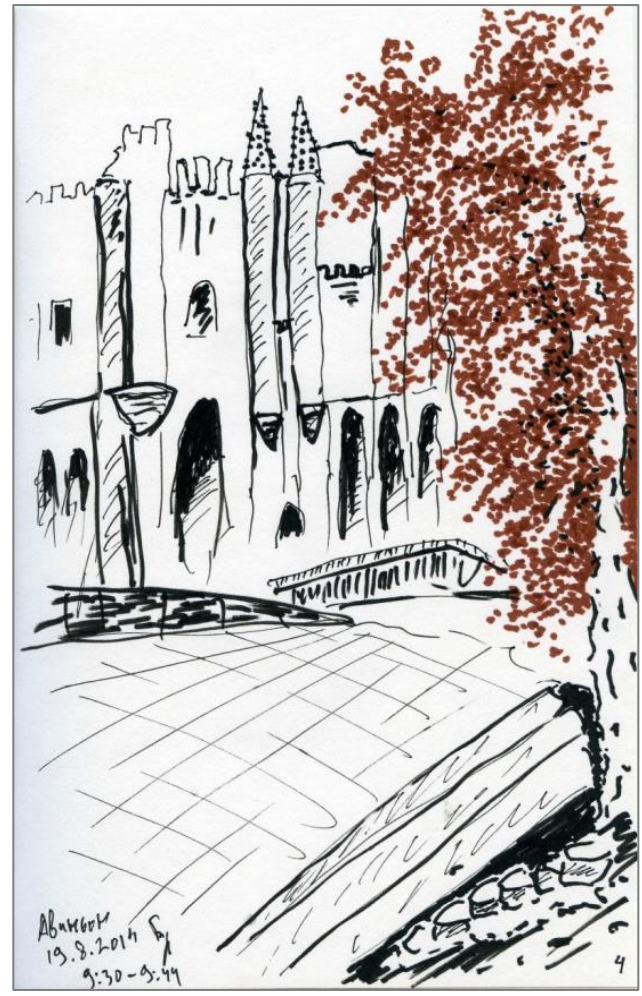
Немного правее — на картинке не поместилась — детская карусель. Она и правда детская — я помню, были такие карусели в моём детстве: с лошадками разрисованными. Потом их заменили на что-то современное и теперь, даже если с лошадками, то какими-то не такими. Не такими старинными, не такими наивными, не такими моими.

Эта наивность даже немного нарочита, как надпись "Theatre", как старинные ворота Banque de France, как водяные колёса на улице Красильщиков, даже как современные скульптуры у входа в замок-музей маркиза де Сада в Лакосте, где мы были вчера.

Но эта нарочитость тоже обаятельно наивна.

32 минуты.

4. Там же тогда же. 9:30 утра.



Главную достопримечательность Авиньона можно увидеть из любой точки города, но нам достаточно было выйти из отеля и просто завернуть за угол.

Римские папы обитали в этом дворце 68 лет: с 1309 по 1377. Антипапы — следующий 31 год. А туристы — уже 108 лет, с 1908-го.

Дворец мы уже видели три года назад, а художественный музей закрыт по вторникам.

Пришлось рисовать.

Папский дворец слишком знаменит, его наверняка рисовали многие. И это как-то расхолаживало.

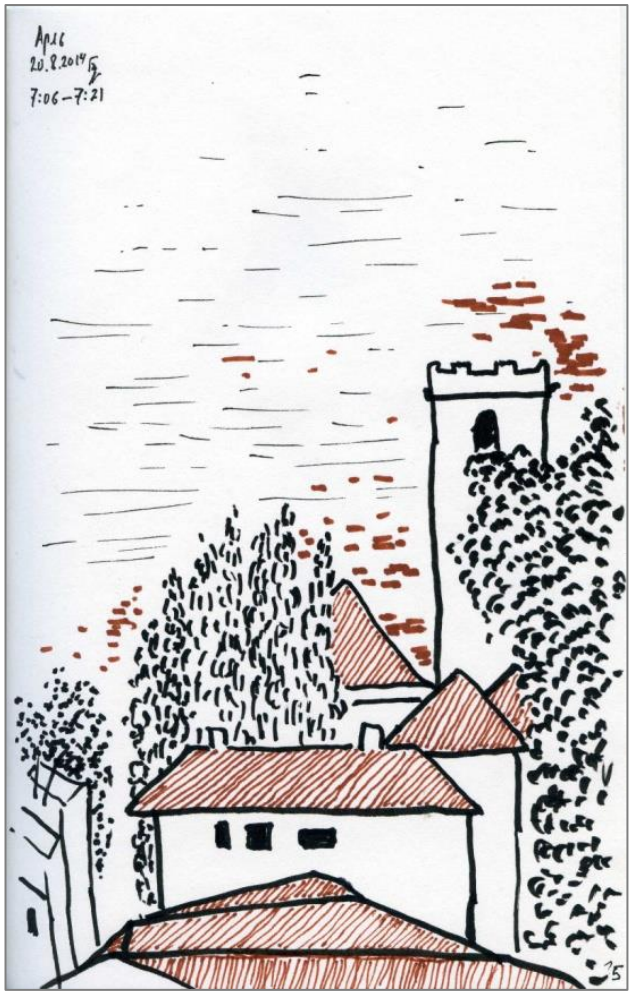
Меня больше приманивали высокие деревья, выстроившиеся по краю ещё пустынной в этот час площади. Пока я трудился, она заполнялась туристами, на лестнице даже выстроилась очередь желающих поглазеть на папский быт.

На рисунке у папского дворца случайно получилось лицо с кричащим ртом.

Совершенно случайно.

14 минут.

5. Арль. 20 августа. 7:06 утра.



В 1888-ом году Ван Гог зашёл в лавку в городе Арль.

Но тринадцатилетняя девочка, помогавшая в лавке своему отцу, отказалась обслуживать художника.

Потому что "он был страшен как смертный грех, имел мерзкий нрав, и от него пахло выпивкой".

Её звали Жанна Кальман, она стала старейшей из когда-либо живших людей на земле, чьи даты рождения и смерти документально подтверждены.

Прожила в Арле 120 лет.

Мэр Арля назвал её "Жанной Арлеанской", а президент Франции Жак Ширак добавил: "она была бабушкой каждого во Франции".

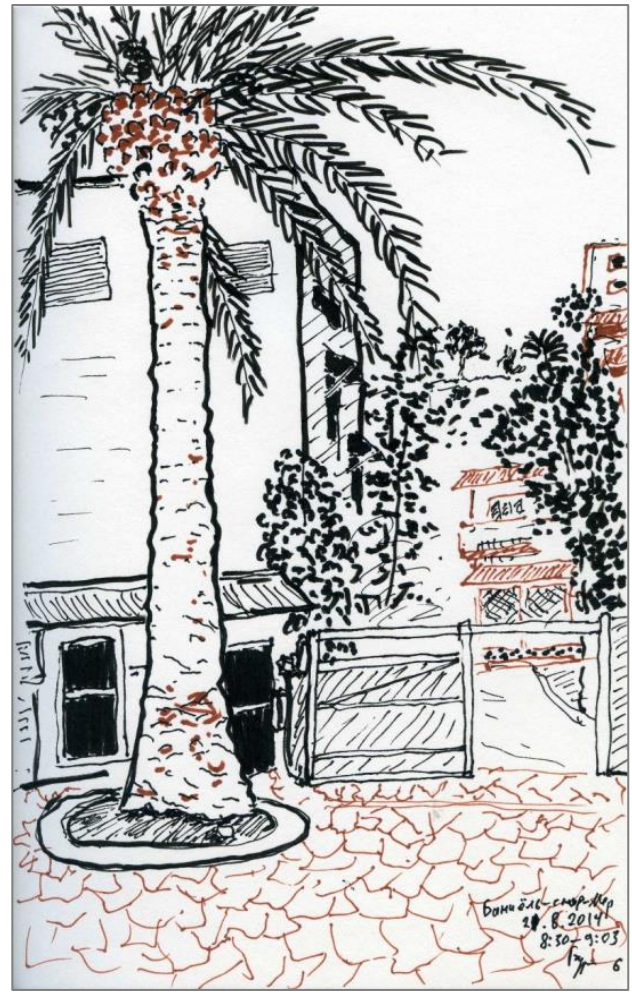
В 1990 году в возрасте 114 лет она даже появилась в эпизоде канадского фильма о Ван Гоге «Винсент и я» в роли самой себя.

Ван Гог, проживший в Арле 15 месяцев и написавший там больше 200 картин, ещё не раз сталкивался от него. Он называл её своим

с маленькой Кальман, шарахавшейся "очаровательным врагом".

15 минут.

6. Баниёль-сюр-Мер. 21 августа. 8:30 утра.



Рядом с Лакостом мы поднимались на холм, куда взгромоздился ещё один типично провансальский маленький городок — Боньё, чтобы в просветах между горизонтальных ветвей огромных кедров полюбоваться на лоскутное одеяло долины Люберон.

Бродили среди охряных скал под Руссийоном.

Дивились на мощь римского акведука Пон-дю-Гар.

Лазили по развалинам замка в Ле-Бо-де-Прованс.

Обходили по кругу римский амфитеатр в Ниме.

Глазели на старый мост через реку Орб в городе Безье…

Но там я ничего не нарисовал, потому что мы там не ночевали и, следовательно, времени не было.

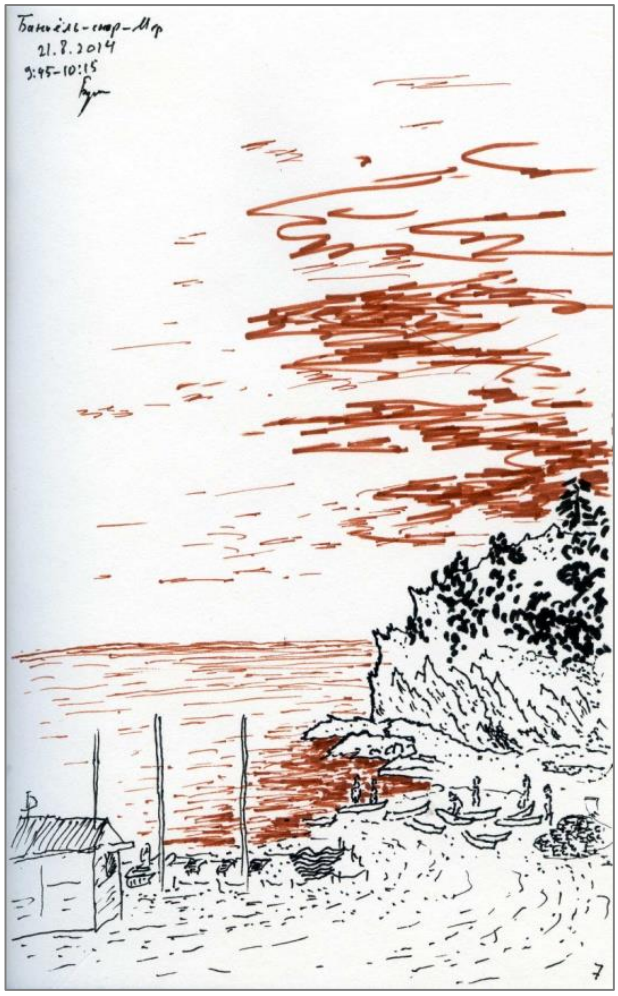
Прованс постепенно сменялся Лангедок-Руссильоном. Впереди нас ждала Страна Катаров.

Но сначала — море.

Здесь будет отдых с обязательными атрибутами: пальма и мозаичная плитка во внутреннем дворике отеля.

33 минуты.

7. Там же тогда же. 9:45 утра.



Море и небо, воду и воздух — рисую сангиной.

Из нашей бухточки отплывают лодочки.

Красиво, конечно, но я лишний раз убедился, что мне нравятся горы, а море оставляет равнодушным.

Вода мне показалась слишком прохладной. Говорят, у этих французских берегов ходят морские течения, которые то и дело охлаждают воду.

И с погодой не повезло: даже вымокли под дождём, когда ходили в соседнюю бухту, где по берегу растёкся развлекательно-питательный центр городка.

Хотя что значит "не повезло"?

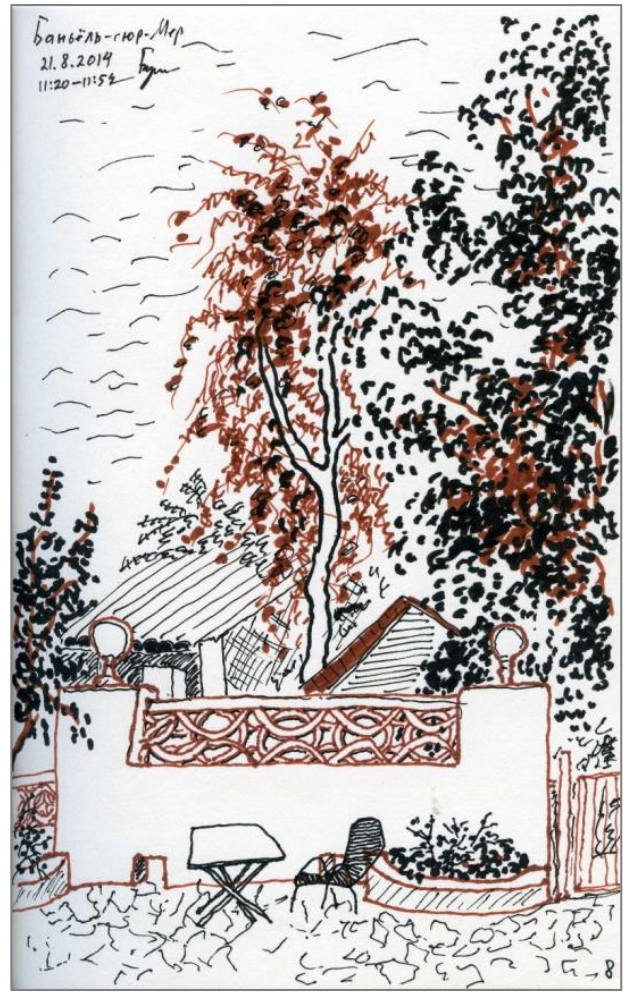
Не прошло и месяца, и я уже вспоминаю то время и то место, и даже ту погоду с ностальгией.

А там, на южном берегу Франции, грустить не получалось. Во-первых, некогда было. Во-вторых, похоже, французы вообще не умеют грустить, а это заразно. В-третьих, вино, знаете ли, расслабляет.

Так что из нашей бухточки отплывали лодочки очень даже весело.

30 минут.

8. Там же тогда же. 11:20 утра.



И снова внутренний дворик.

У каждого человека есть внутренний дворик,

где он отдыхает, возвращаясь домой.

Но сейчас я не дома, я на юге Франции.

Этот дворик будет моим всего лишь шесть дней.

В этой мимолётности есть что-то японское.

В мимолётности, схваченной на бумаге: застыли и облака, и листья деревьев, и стул не сдвинется ни на миллиметр от столика. Ни сейчас, никогда.

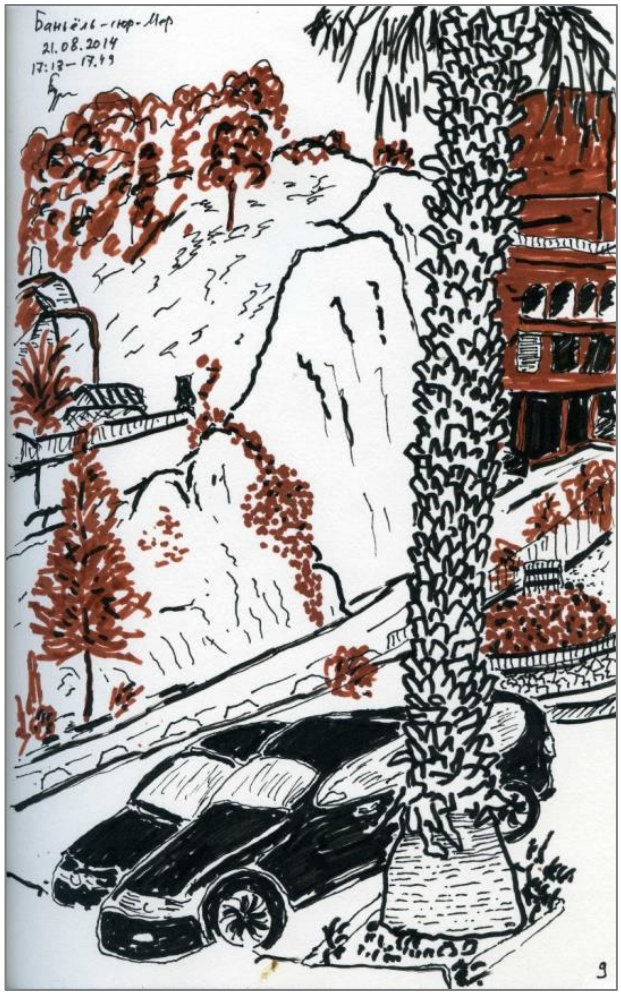
В отличие от фотографии рисунок схватывает не столько внутренний дворик отеля, сколько мой внутренний дворик, опуская несущественные подробности и утрируя подробности существенные.

И всё же — зачем лететь за 3.000 км, чтобы рисовать дворик какого-то отеля в каком-то приморском городке какой-то Франции? Вопрос философский.

Может быть, ответ на него дал Новалис, когда определил философию как "ностальгию, тягу повсюду быть дома"? Весь мир во внутреннем дворике.

34 минуты.

9. Там же тогда же. 17:13.



Что снится припаркованным машинам?

Не знаю, что им снится, а я хочу поговорить о том, как делаются подобные картинки.

Вся соль — в дрожании руки.

Нельзя, чтобы прямая линия была прямой, а кривая —гладкой.

Рука не дрожит от отсутствия мыслей и чувств.

Когда вещи не хотят с вами разговаривать.

А ведь именно диалог с вещами и происходит в процессе рисования.

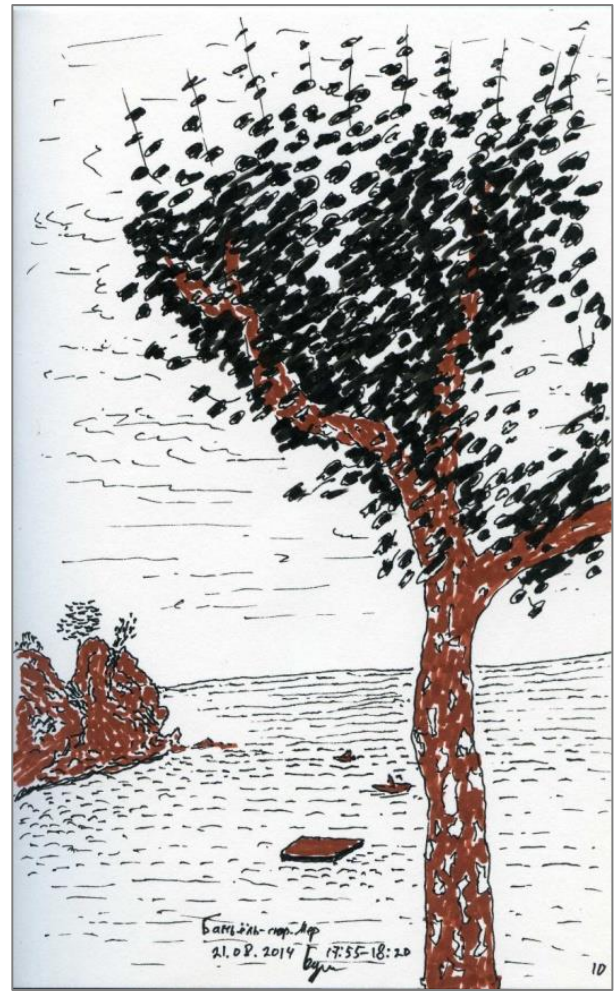
Иногда, правда, вещи бывают занудными, или чересчур говорливыми, даже истеричными, или слишком молчаливыми, слишком открытыми, или слишком замкнутыми, строящими из себя бог весть что или простыми до скуки. Как люди.

Рука дрожит, пытаясь ухватить суть вещей, которая всё время норовит выскользнуть.

Даже припаркованные машины на рисунке теряют свои плавно-железные формы, пытаясь ожить.

36 минут.

10. Там же тогда же. 17:55.



Пятая картинка за этот день.

Вот что значит отдых!

А ещё при рисовании ручкой важен ритм.

Линии и штрихи должны повторяться.

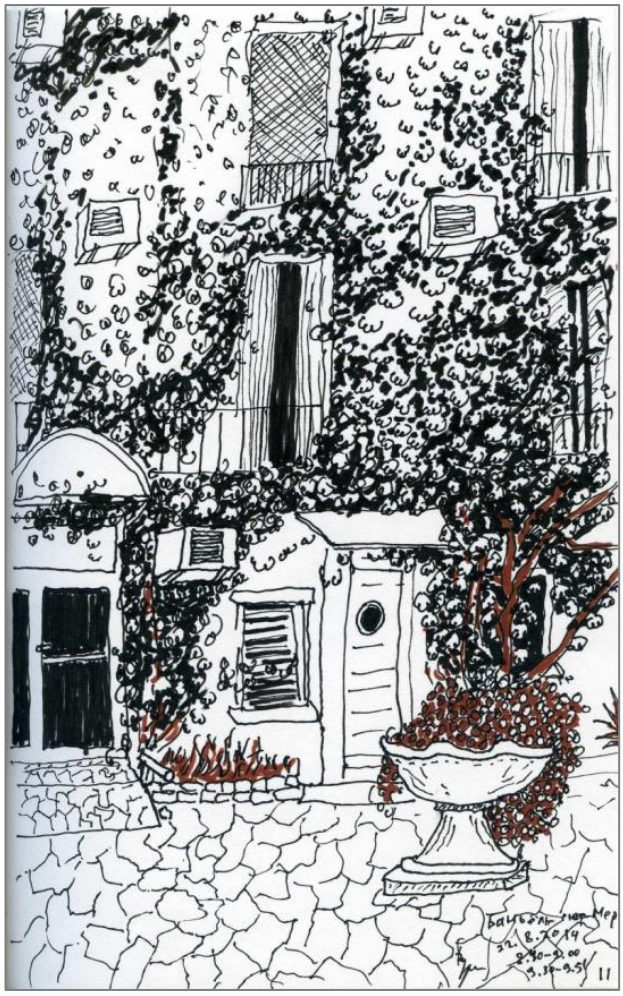
Это довольно занудно и быстро утомляет, но если начнёшь ускоряться или как-то иначе сопротивляться, всё испортишь.

Но повторяться, слегка варьируясь, чтобы создать иллюзию плавных переходов. И ещё какую-то другую, уже не природную, иллюзию. Дело в том, что наши мысли и чувства всё время повторяются, они как бы двигаются по кругу, то расширяющемуся, то сужающемуся, то перемещающемуся. Это постоянное, незаметное, даже немножко броуновское движение, а то, что мы принимаем за наши мысли и чувства, — просто всплески в этом движении. Или паузы.

Как во всяком ритме, важнее всего паузы — если где-то штрихи вдруг исчезают, это что-то означает, а вовсе не просто белую бумагу.

25 минут.

11. Там же. 22 августа. 8:40 утра.



В этом внутреннем дворике мы пили вино, ели хлеб и сыр.

В таких случаях мне приходит в голову одна и та же мысль: это место, где я больше никогда не буду.

Мысль не совсем точная: год назад, когда мы первый раз бродили по катарским тропам, я тоже так думал, а вот ведь — вернулся.

Точнее сказать — это время.

Из-за этого вещи входят в рисунок какой-то драматической поступью, как шаги Командора. И навечно застывают — как его статуя.

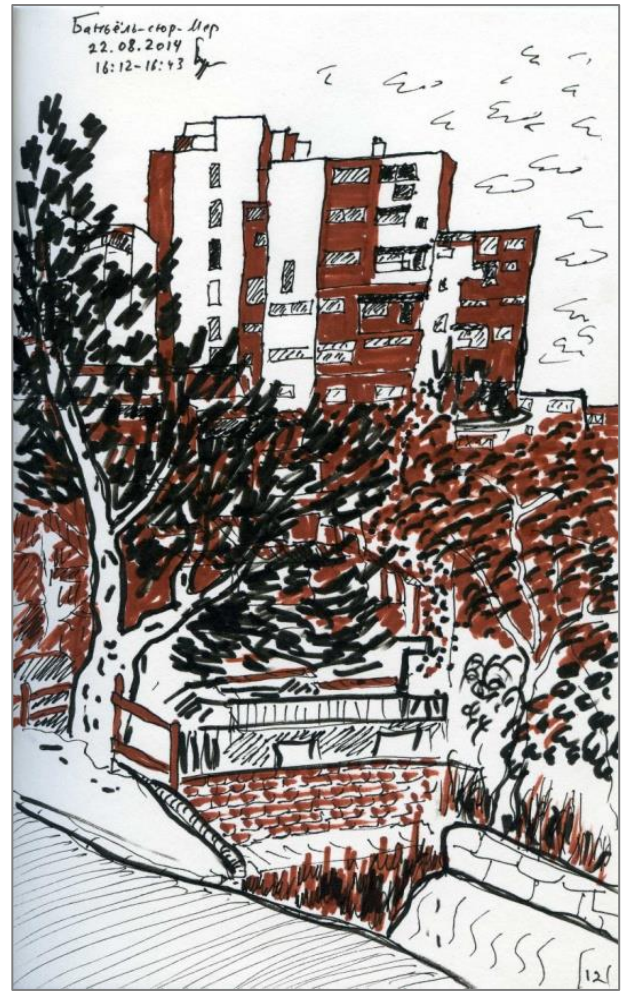
И я заметил, что живое и неживое как бы меняются местами: листья, трава, цветы превращаются в алебастровые завитки, а каменная ваза, двери, окна и даже ящики кондиционеров задерживают дыхание.

Может быть искусство — это шаги Командора?

Ну что за мысли приходят в голову во французской глуши и праздности! Не хватает только Дон Жуана, а лучше — Донны Анны на балконе. Но она в Испании.

20 минут, завтрак, и ещё 21 минута.

12. Там же тогда же. 16:12.



Вот спросите меня: как я выбираю, что рисовать чёрной тушью, а что сангиной? И я не отвечу.

Ну, вы знаете эту байку про бамбук: все китайские художники рисовали бамбук чёрной тушью. А один взял да и нарисовал красной. — Где ты видел красный бамбук? — возмутились коллеги. — А где вы видели чёрный? — парировал он.

Особую пикантность этому анекдоту придаёт то, что на самом деле есть и красный бамбук *таочжи* 桃枝, и бамбук с чёрными листьями *таосычжу* 桃絲竹.

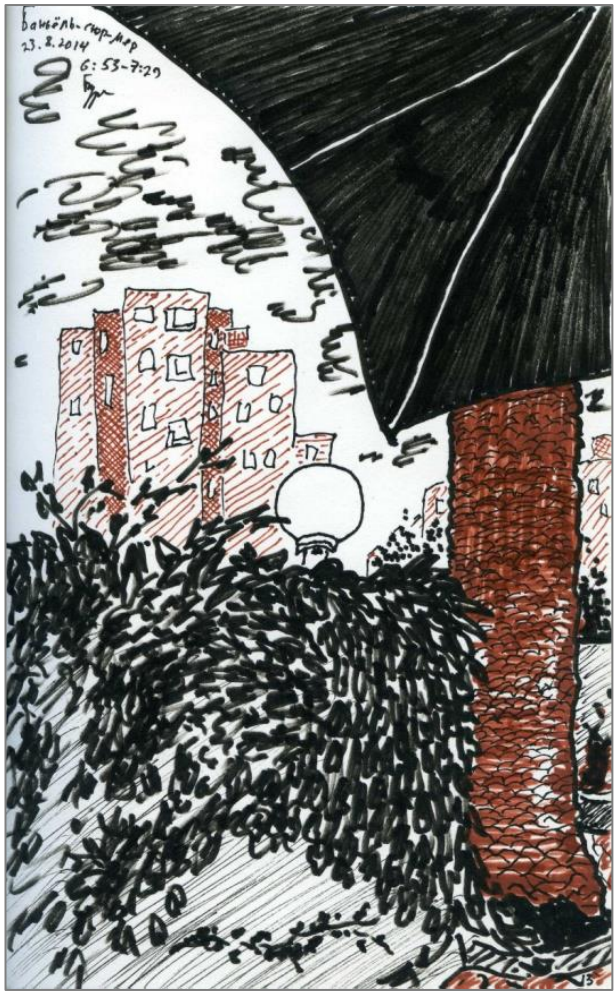
Значит, речь шла о чём-то другом, о чём говорил ещё Лао-цзы: "пять цветов притупляют зрение".

Из внутреннего дворика дорога поднимается на холм и идёт по высокому берегу моря мимо павильонов для дегустации вин, мимо маленькой виллы на самом краю обрыва, который облюбовали чайки. Спускаемся в город, где уже звучит музыка.

Кстати, другое название сангины — *красный мел*, а где вы видели красный мел?

31 минута.

13. Там же. 23 августа. 6:53 утра.



Вот казалось бы: в этом внутреннем дворике уже нечего рисовать.

Но это только кажется, пока не начнёшь...

Строго говоря, рисовать можно всё что угодно.

Всё равно рисуешь не то, что видишь, а что-то другое.

Красивый вид даже мешает, отвлекая. От чего?

Художники часто так делали — намеренно рисовали не то, что положено: проституток, помойки...

Ван Гог нарисовал пустой стул.

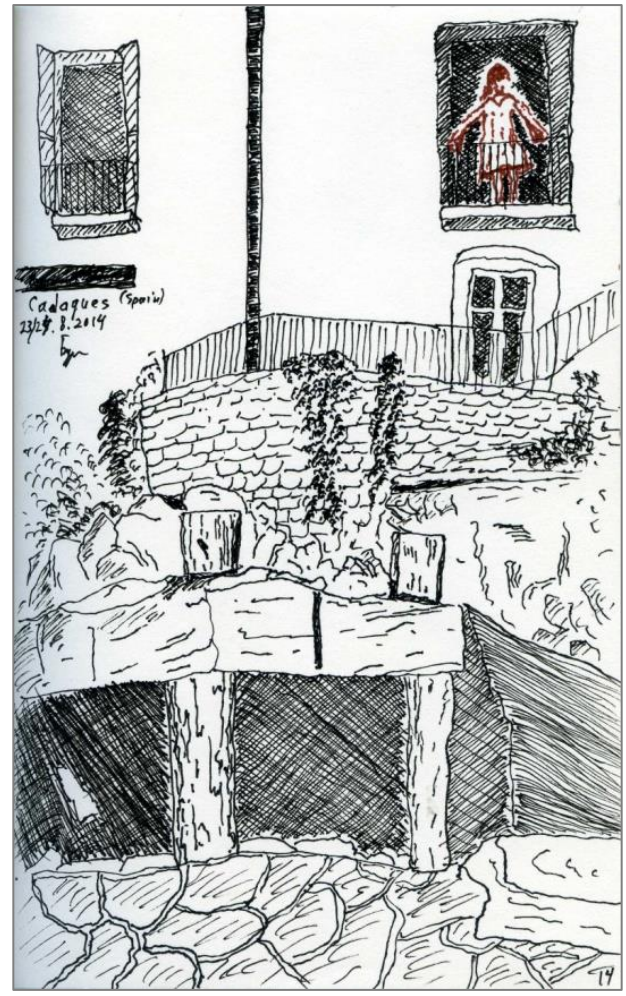
"О, эти пустые стулья!" — горестно восклицал он.

Вчера после ужина долго не уходили из города — смотрели и слушали, как на сцене в окружении ресторанчиков играет какая-то французская группа. Уже поднимались по дороге, а музыка всё играла, и скульптуры Патриции Роулэнд, взявшись за руки, всё танцевали и танцевали каталонскую сардану на набережной, затерявшись в разноцветных огнях.

Сегодня едем в Испанию. Музей Дали в Фигейросе, замок Галы в Пуболе и два городка: Бесалу и Кадакес.

36 минут.

14. Кадаке́с, Испания. 24 августа. По фото от 23 августа.



Неудавшаяся картина.

Потому что там на балконе стояла такая женщина,

в таком жёлтом платье,

так глядевшая вдаль…

Местами вместо асфальта и плитки в Кадакесе просто выступающая часть скалы, блестящая от бесчисленных подошв.

И я не мог понять: эта женщина здесь живёт или туристка на балконе отеля?

Все дома в Кадакесе белого цвета так, что даже немного слепит глаза.

Наверное, она здесь живёт, но только что вернулась из дальней поездки и смотрит на город — всё тот же?

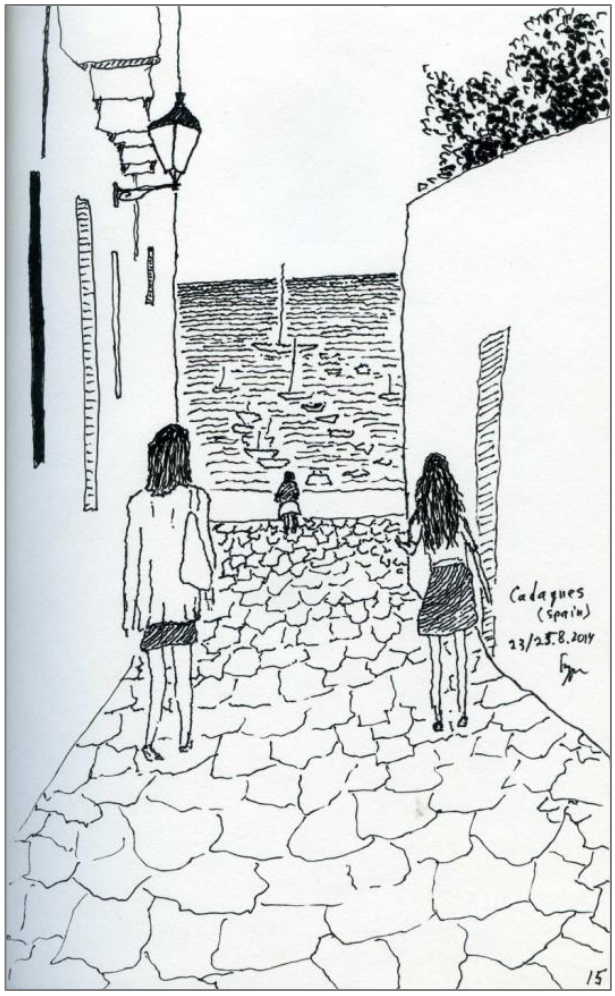
На море вместо белых барашков волн — белые яхточки и катерки.

А может быть, никуда не уезжала, а, наоборот, ждёт, что кто-то вернётся, приплывёт на белой яхте.

На каменных плитках мостовых уселся голубь и разлеглись собаки.

Жёлтое платье слегка дрожит как свет маяка.

15. Там же тогда же. 25 августа. По фото от 23 августа.



Куда-то сангина делась.

Это потому, что всё внимание — на девушках, идущих к морю.

Или потому, что Кадакес — белый город.

Или потому, что из всякого правила должно быть исключение.

Или потому, что Ван Вэй сказал: "простая тушь превыше всего".

Или потому, что на этот раз внимание привлекли не красочные картины Сальвадора Дали, а его эротические рисунки пером.

Или потому, что девушки уже давно дошли до моря, уже давно вернулись домой.

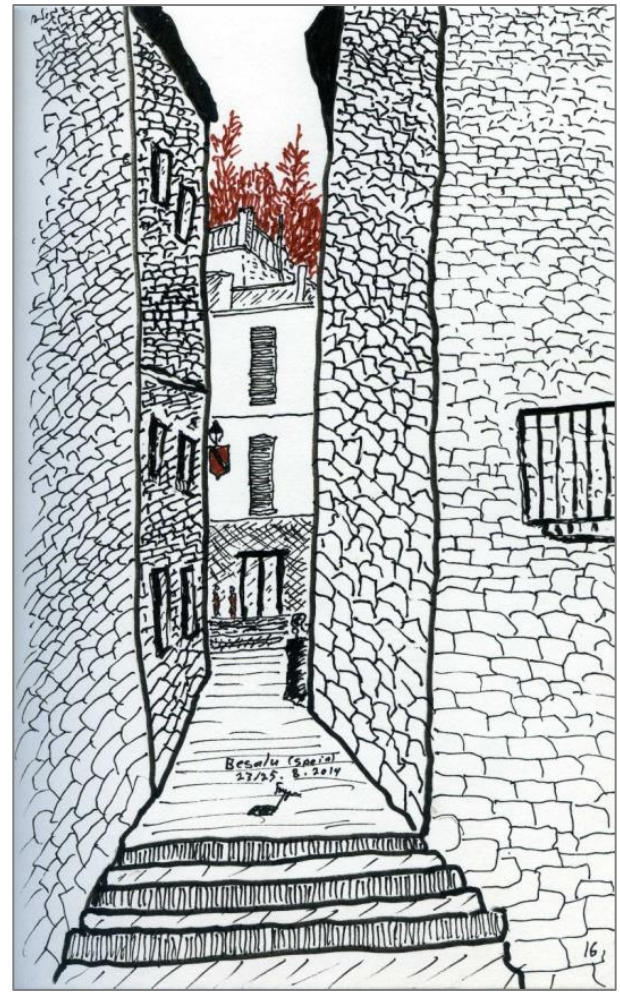
Или потому, что яхты уплыли.

Или потому, что лето стало осенью, а потом станет зимой.

Или потому, что девушки выйдут замуж, нарожают детей, состарятся и умрут.

Или потому, что фонарь загорится, когда наступит ночь, и погаснет, когда наступит утро.

16. Бесалу, Испания. 25 августа. По фото от 23 августа.



Бесалу не изменился. Всё то же скромное очарование средневековья в неповторяющемся рисунке мозаики домов и тротуаров. Никогда не повторяющемся.

После Испании мы уехали с моря.

По дороге — Перпиньян с дворцом королей Майорки.

А потом — Страна Катаров.

Катарские крепости: Монсегюр, Керибюс, Пейрепертюз, Пюилоран, Агилар, Арк.

Знаменитый Ренн-ле-Шато и прелестный Ренн-ле-Бен.

Ущелье Галамюс и гора Бюгараш — "место силы".

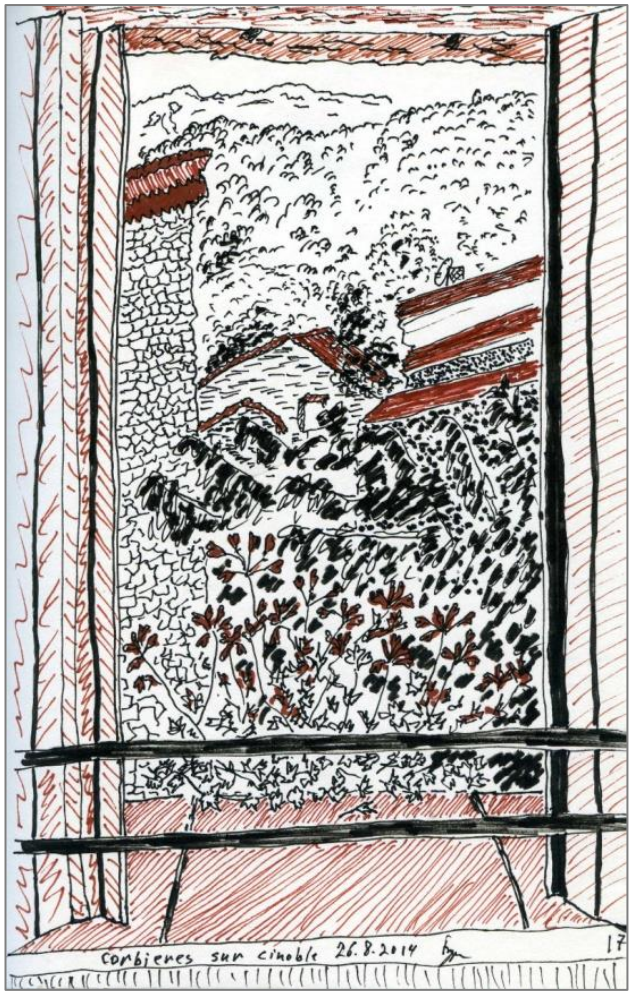
А после всего этого — Фуа (где фуа-гра:) и Тулуза.

Я только перечисляю эти названия, потому что писать о них — нужна книга, а не короткое эссе.

А перечисляю для того, чтобы желающие могли "погуглить".

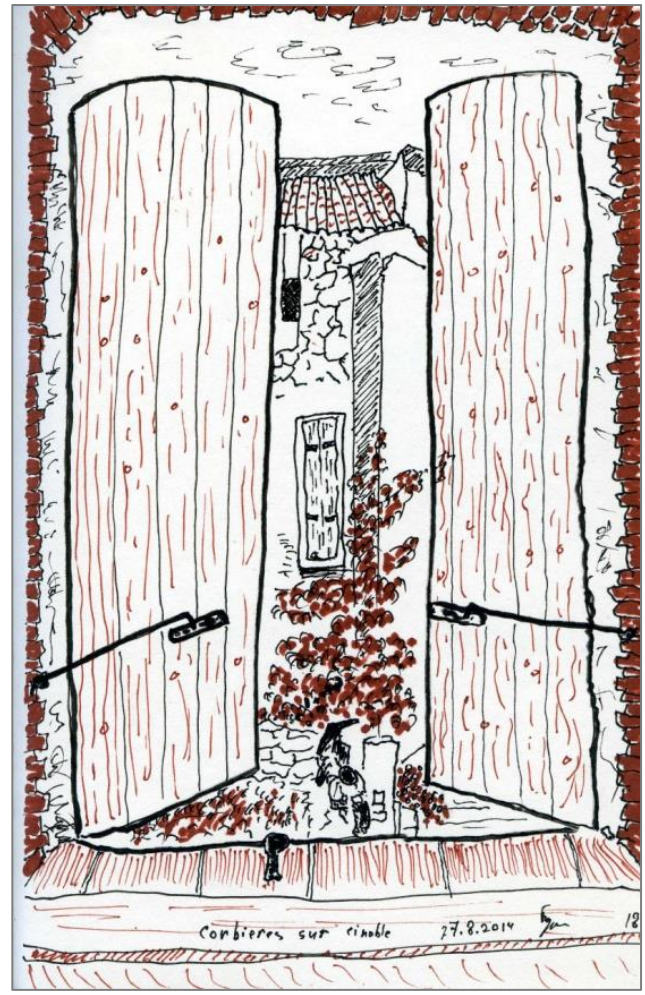
Уверяю — узнаете много интересного и неожиданного: от кельтских мифов и древнеримских артефактов через историю христианства и его ересей до поисков чаши Грааля и заморочек гитлеровского Аненербе.

17. Кюбье́р-сюр-Синоо́бль. 26 августа. Франсуаз и Марко.



Это была наглость — приехать сюда, не зная ни слова по-французски, кроме "бонжур" и "мерси", и толком не зная английского, который тут знают, но не любят. Наша хозяйка, Франсуаз, подготовилась лучше нас: её планшет переводил с французского на русский и обратно с голоса. Перед ужином она принесла что-то вроде игрушечных гуслей и бумажки с нотами и текстом песен по-русски. Сначала мы решили, что не справимся с музыкой, но оказалось: нужно просто подложить бумажку под струны и щипать их там, где нарисованы кружки нот. Мы спели "Вот кто-то с горочки" и "Мороз". А потом что-то похожее звучало в записи по-французски. Франсуаз записала нам CD с этими народными французскими песнями. Ещё она рассказывала, как они с мужем, Марко, создавали этот отель в старинном доме, да ещё после пожара. Думаю, это была типичная французская деревенская история. Франсуаз занимается гостями и бухгалтерией, а Марко кудесничает на кухне, выходя к гостям, чтобы раскланяться после главного блюда.

18. Там же. 27 августа. Пара слов о катарах.



Не знаю, проходят ли сейчас в школе альбигойские войны, но в моё время проходили.

Это был крестовый поход не на восток, за Гробом Господнем, а на запад — против христиан.

Катаров называли «добрые люди»: «добрые мужчины» и «добрые женщины».

А своих наставников они называли «совершенные».

Это была христианская религия поиска, за что и была объявлена ересью римско-католической церковью.

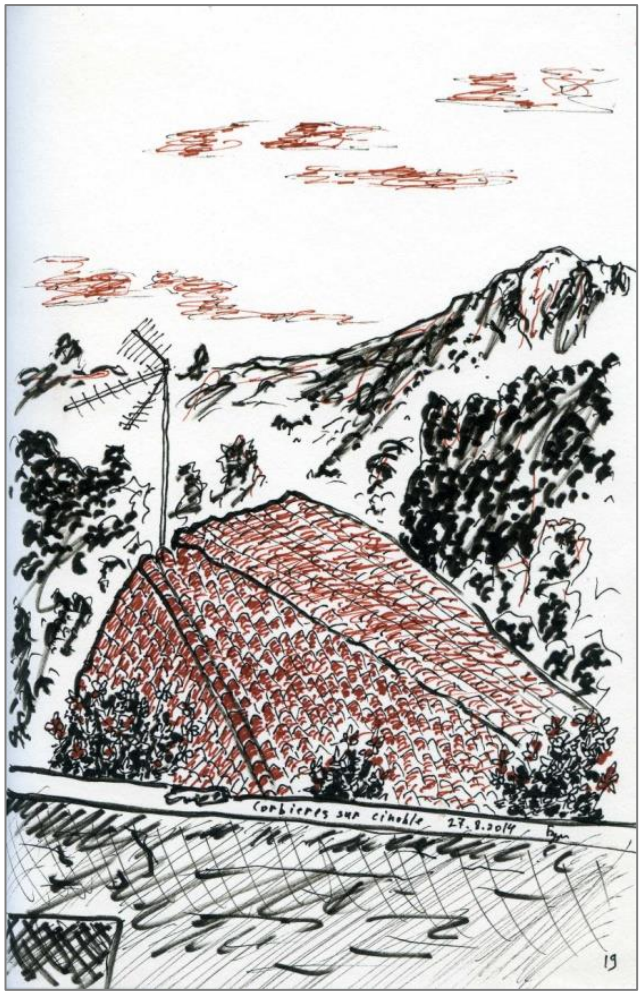
А французскому королю просто хотелось заполучить лакомый кусок — графство Тулузское, где растили виноград, пили вино и внимали песням трубадуров.

Катаров сотнями сжигали на кострах. Специально для борьбы с ними была создана Инквизиция.

А сегодня для туристов организованы маршруты под названиями «Страна катаров», «Цитадели отступников веры».

Тропы катаров отмечены жёлтыми, синими и охряными полосками.

19. Там же тогда же. Написал стихотворение "КАТАРЫ".



2014

В последней дымке уплывающих ветров

Они бродили среди медленных холмов,

Искали камень и цветок с другого края.

Дымилось солнце за горою догорая.

Срывалась в пропасть белая вода.

Карабкались на горы города.

Искали камень и цветок, или металл.

И солнца луч по следу их бежал.

Металл звенел и пел, и ржали кони.

В погоню, за погоней, о погоне…

Горел костёр, горел костёр в тумане ночи,

И ночи становились всё короче.

И падали-взлетали небеса,

И падала на камни не роса.

А поутру петух кричал на крыше,

Приветствуя орлов, что плыли выше.

А по двору ходили грустно куры,

И где-то в замке пели трубадуры:

«О донна, донна, донна, донна сердца!»

Конец истории. Захлопнутая дверца.

2015

ВОСЕМЬ МИНИАТЮР

8 миниатюр

1. Манг и Жанг

На традиционном ежегодном турнире ангов встретились Манг и Жанг.

Они уселись под широколиственном дубом, откупорили бутылочку красного плодово-ягодного и приступили к беседе.

Манг: — Анатомическое строение мужчины и женщины таково, что стрелка направлена от мужчины к женщине. Из-за этого мужчина легковерен и наивен, а женщина подозрительна и коварна.

Жанг: — Все мужики козлы!

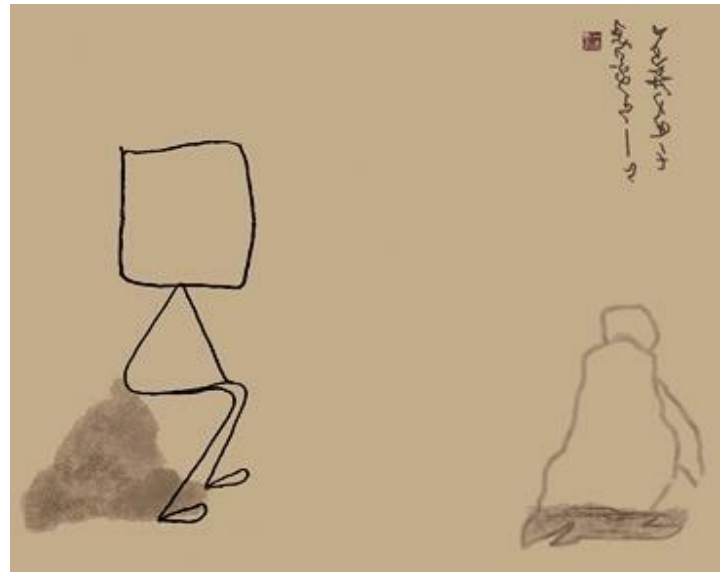
2 мая 2015

2. К вопросу о [не]совершенстве Вселенной

— Господин Бог, не слишком ли Вселенная [не]совершенна?

— Чего?!

15 июля 2015



3. Диалог Конфуция с Лао-цзы

Когда Конфуций встречался с Лао Данем, между ними произошёл любопытный диалог, оставшийся незамеченным историками и комментаторами.

— Что есть истина? — спросил Кун-цзы.

— Понятия не имею, — ответил Лао-цзы. — Истина меня не интересует, главное, чтобы всё было туманно и противоречиво.

— А разве то, что всё туманно и противоречиво, не является истиной?

— Является.

— Ну?

— Баранки гну, — ответил Лао-цзы и отвернулся.

— Какой мудрый человек! — восхищённо подумал Конфуций.

А потом ещё подумал и сказал: — Но я всё же пойду своим путём.

— Какой упрямец! — подумал Лао Дань с завистью.

А потом ещё подумал и сказал: — Скатертью дорога.

На том они и расстались.

2 сентября 2015

4. Прогулка в парке

Природа внушает чувство страха или радости, покоя или смятения, восторга или умиления, — но в любом случае это чувство накладывается на бесконечную, беспричинную, безысходную печаль: так краски ложатся на негрунтованный холст.

6 сентября 2015

5. Должны ли девки ходить в лес?

В детстве меня очень интересовал вопрос: могут ли девки ходить в лес? По наивности и врождённому любопытству мне казалось, что не только могут, но и должны. В юности я уже не ограничивался теоретическими рассуждениями, а пытался решить этот вопрос с помощью ряда экспериментов. В зрелости рассматриваемая проблема в значительной степени потеряла свою актуальность, поскольку жизнь как-то так протекала вне зависимости от того, ходят девки в лес или не ходят. И вот сейчас, на склоне лет, я вновь вернулся к этому вопросу, но только теперь уже склонен отвечать на него отрицательно. Да и правда: зачем девкам ходить в лес, если меня там уже нет? Или, скажем корректнее, я там не часто появляюсь.

9 сентября 2015

6. Гибель Европы

диалог римских патрициев

(древнекитайская версия)

— Вы видите, Европа гибнет! (*воздевает руки*)

— Да что вы говорите? (*потягивает вино*)

— Полчища варваров! (*продолжает воздевать руки*)

— Ай-яй-яй… (*продолжает потягивать вино*)

— Они нашего искусства не понимают! (*опускает руки в изнеможении*)

— Но оно же такое красивое… (*откидывается на подушки*)

— Они всё разрушат! (*трясёт руками*)

— А если применить военную силу? (*трясёт бородой*)

— Они воюют не по правилам, да и негуманно как-то. (*пожимает плечами*)

— А не можем мы их облагородить? (*откусывает виноградину с грозди*)

— Бесполезно! Они же дикари! (*снова воздевает руки*)

— Да, своего искусства они не создадут… (*снова потягивает вино*)

— В храмах гадят! (*снова опускает руки в изнеможении*)

— А ихняя религия? (*снова откидывается на подушки*)

— Она ужасна! Просто зверская! (*трясёт руками*)

— А если им почитать стихи? Или театр? (*опять откусывает виноградину*)

— Они не понимают! И никогда не поймут! (*хватается руками за голову*)

— А что говорят философы? (*в третий раз прикладывается к кубку*)

— Говорят, наслаждайтесь гибелью мира! Они же философы… (*смотрит на кубок*)

— Вам налить? (*поднимает кувшин*)

— Пожалуй (*присаживается*)

На этом заканчивается диалог римских патрициев накануне гибели Рима.

9 сентября 2015

7. Товарищ Дачник

Товарищ Дачник жил уединённо: тропинка от калитки до крыльца заросла травой. Борода у товарища росла криво, вбок куда-то, только он всё равно не брился, потому что: зачем? Чай пил из покоцанной кружки, хотя в буфете сверкал новый сервиз, подаренный какими-то по какому-то. Да и то правда, что кружка для чая была удобнее, даром что покоцанная. И всё бы ничего, если бы однажды на земле не случился конец света. Ну, случился и случился, подумал товарищ и отмахнулся как от мухи. Но потом стало как-то темновато, да и холодновато. Дрова кончились, топор сломался, пила затупилась. Ну, и ладно, подумал товарищ Дачник, чего уж там. И помер.

29 декабря 2015

8. Дурак под Луной

Один дурак сидел под Луной и ничего не делал.

Это всё.

Больше ничего.

И не будет никакого продолжения.

Что, уже и под луной нельзя посидеть?

29 декабря 2015

ХУДОЖНИК СЕМЁН СЕМЁНОВИЧ, ИСКУССТВОВЕДША ФЕФЁЛКИНА И ФОТОГРАФ ЭРАСТ

5 миниатюр

1.

— Будь моя воля, я бы рисовал одни гениталии, — сказал художник Семён Семёнович.

— Что же вам мешает? — спросила искусствоведша Фефёлкина.

Семён Семёнович посмотрел на Фефёлкину долгим внимательным взглядом.

Фефёлкина вздохнула и расплылась.

Семён Семёнович вытер лужу половой тряпкой и стал думать об искусстве.

Фотограф Эраст запечатлел это и пошёл дальше.

2.

— Больше всего мне хочется выпить хорошего шотландского виски, — заявил художник Семён Семёнович и скрестил на груди руки.

— Неисповедимы пути в искусстве, — прошептала искусствоведша Фефёлкина, выдохнула в левую сторону и опрокинула стакан водки.

Семён Семёнович посмотрел на Фефёлкину долгим внимательным взглядом.

Фефёлкина ответила Семёну Семёновичу тем же.

Фотограф Эраст запечатлел это и пошёл дальше.

3.

Художник Семён Семёнович взял и ничего не написал.

— Шедеврально! — закричала искусствоведша Фефёлкина и упала в кресло вверх ногами.

Семён Семёнович посмотрел на Фефёлкину долгим внимательным взглядом и поставил в правом нижнем углу дату и подпись.

Фефёлкина, продолжая сидеть в кресле вверх ногами, заснула и начала похрапывать.

Семён Семёнович вздохнул и стёр подпись, потом выдохнул, взял кисть и замазал дату.

Фотограф Эраст запечатлел это и пошёл дальше.

4.

— Меня очень беспокоит иранская ядерная программа, — сказал художник Семён Семёнович задумчиво.

— Вы должны отразить это в своём творчестве, — воскликнула искусствоведша Фефёлкина, набравшись мужества.

Семён Семёнович посмотрел на Фефёлкину долгим внимательным взглядом.

Фефёлкина вспыхнула.

Семён Семёнович пошёл в соседнюю комнату за огнетушителем, споткнулся на пороге, упал и разбил Фефёлкиной нос.

Фотограф Эраст запечатлел это и пошёл дальше.

5.

— Где мои трусы? — спросил художник Семён Семёнович, озираясь вокруг.

— Они на вас, — подсказала ему искусствоведша Фефёлкина, — но под брюками их не видно.

Семён Семёнович посмотрел на Фефёлкину долгим внимательным взглядом.

Но Фефёлкина этого взгляда не заметила.

Фотограф Эраст на этот раз остался дома и никуда не пошёл.

15 июля 2015

ФОТОГРАФ ЭРАСТ И СЕЛФИСТКА РОЗАЛИНДА РОМУАЛЬДОВНА

3 миниатюры

1.

Фотограф Эраст полюбил селфистку Розалинду Ромуальдовну и сказал:

— Дорогая Розалинда Ромуальдовна, Вам нужно перестать делать селфи, ведь селфи это не настоящее искусство фотографии. Я научу Вас настоящему. Хотите?

— Не-а, — ответила Розалинда Ромуальдовна, сделала селфи и убежала вдаль.

Тут-то фотограф Эраст и разлюбил Розалинду Ромуальдовну.

2.

Фотограф Эраст ещё раз полюбил селфистку Розалинду Ромуальдовну и сказал:

— Дорогая Розалинда Ромуальдовна, не согласитесь ли Вы на небольшую художественную фотосессию?

— А это чего такое? — спросила селфистка Розалинда Ромуальдовна.

— Вы будете стоять в разных позах, сидеть в разных позах и лежать в разных позах. А я буду фотографировать.

— На позы я согласна, — ответила Розалинда Ромуальдовна, — только лучше я сама буду щёлкать, а Вы чего-нибудь другое делайте художественное.

— Не хотите, как хотите, — обиделся фотограф Эраст и второй раз разлюбил Розалинду Ромуальдовну.

3.

Фотограф Эраст в третий раз полюбил селфистку Розалинду Ромуальдовну и сказал:

— Дорогая Розалинда Ромуальдовна, не хотите ли Вы со мною отужинать?

— С удовольствием, — ответила селфистка Розалинда Ромуальдовна, — а то жрать охота.

И они пошли в ресторан, где Розалинда Ромуальдовна нажралась в хлам и потому забыла сделать селфи.

А фотограф Эраст тоже нажрался в хлам и потому забыл разлюбить Розалинду Ромуальдовну.

И жили они долго и счастливо.

15 июля 2015

БАКУНИНСКАЯ, 57

воспоминание

Двухэтажный дом № 57 по Бакунинской улице был ещё дореволюционной постройки (для молодых: имеются в виду революции 1917-го года: февральская и октябрьская). Когда-то там были ресторан и казино. Мой дедушка любил туда ходить, он там играл в карты. А бабушке это не нравилось. Потом казино закрылось; второй этаж выделили под жильё, а на первом этаже открылся техникум советской торговли. Позже в этом техникуме какое-то время учились моя мама и мой дядя, дети моей бабушки (те двое, что выжили из четверых родившихся). Дедушке и бабушке тоже дали комнату на втором этаже, хотя бабушка и не хотела селиться в этом доме, где раньше казино было. Большую залу разделили на комнаты. Размер комнаты зависел от количества душ в семье. Чуть ли не сами жильцы выкладывали стены между комнатами из кирпичей. Моя мама вспоминала, что одни наши соседи нас обманули: сказали, что у них много народу, а потом оказалось, что мало, да уж поздно было: стену-то выложили.

Наша коммунальная квартира имела номер 11. Заходишь с улицы в парадную дверь, поднимаешься на второй этаж, открываешь две двери подряд и оказываешься в коридоре. Длинный как улица. Тремя лампочками освещался коридор, по сто ватт каждая, и не так уж и светло было. В дальнем конце, у двери на "чёрный ход" даже и темновато. А по обеим сторонам коридора — двери в комнаты. Это сколько же дверей было? Подсчитать надо... этот коридор у меня перед глазами так и стоит трёхсотваттный, навечно видно в память врезался.

А дверей было четырнадцать! По числу семей. Ну, это первоначально, потом кто-то уезжал, семьи разрастались и занимали несколько комнат. Наша семья стала занимать две комнаты, а потом, когда я женился и у нас появился ребёнок, то есть образовалась вторая семья, то и она получила сначала одну, а потом и две комнаты. Из одной комнаты в другую нужно было ходить всё равно через коридор. Число семей уменьшалось, а число комнат и дверей в коридоре, конечно, оставалось прежним — четырнадцать. Если не считать дверь с парадной лестницы, дверь на "чёрный ход", две двери в два туалета и дверь на кухню.

Все комнаты были узкие и длинные: с одного торца входная дверь из коридора, с другого конца окно. Длина комнаты около восьми метров, а ширина была разная (от числа душ зависела), в некоторых комнатах даже

меньше двух метров. Потолки пятиметровые, лепнина переходила из комнаты в комнату. По причине необыкновенной высоты потолков почти в каждой комнате были антресоли. Нет, совсем не те куцые ящики для барахла, которые позже прилеплялись к потолку в прихожих квартир в хрущёвках и домах 70-ых годов. То был второй этаж квартиры, целые комнаты, куда надо было подниматься по стационарным деревянным лестницам. И антресоли и лестницы на них, конечно, жильцы делали сами. В моей памяти всплывает картина: мне пять лет, я лежу на кровати, болею. Бабушка советуются со мной, какое имя выбрать для моей только что родившейся сестры. А в торце кровати, около входа к стене прислонены длинные свежие доски, которые так вкусно пахнут морозной смолой, хвоей... Антресоль начиналась от входа и доходила до середины комнаты. Спереди она ограничивалась барьерчиком. Можно было подойти к этому барьерчику и смотреть вниз, или в окно. Иногда, правда, в майские или октябрьские праздники, окно бывало наполовину закрыто огромным портретом вождя: Ленина или Сталина.

Окно было высокое с закруглением наверху и широким подоконником. Теперь таких подоконников не бывает, на него можно было поставить горшки с цветами в несколько рядов и разные другие предметы. Окно демонстрировало почти метровую толщину добротных кирпичных стен. Под подоконником, по стандарту нашей квартиры, располагался холодильник. Холодильником в то время называлась довольно большая дыра в наружной стене дома, прямоугольной формы, отделённая от улицы слоем в один кирпич и сообщающаяся с улицей через небольшое отверстие, в которое обычно вставляли железную трубку. В холодильнике были сделаны полки, а со стороны комнаты имелись дверцы. Зимой такой холодильник работал довольно эффективно.

И кухня нашей квартиры тоже стоит у меня перед глазами. Ей богу, это какой-то шедевр общего жития! Огромная (как тогда казалось) кухня: два окна, три газовые плиты, две раковины и... сколько же столов было кухонных?... да, одиннадцать столов. Потом, правда, десять осталось. Как описать вечер на кухне? Когда все пришли с работы и все женщины всех семейств жарят, парят, варят, стирают, гладят бельё и купают детей в корытах и ваннах (железных, а не кафельных), да и сами иногда моются — тогда только дверь на кухню закрывается (но не запирается — замка не было) и надо стучать прежде, чем войти. Кухня — это народное вече коммунальной квартиры. Здесь решались все вопросы, все дела квартиры. Здесь кричали, спорили, ругались, дрались, мирились, обсуждали новости...

Думаю, излишне говорить, что никаких ванн, душевых кабин или, не дай бог, биде и в помине не было. Да хрен с ним, с биде, не было горячей воды, и её приходилось греть на огне. Бачок в туалете был на высоте двух метров, и от

него спускалась вниз к унитазу железная труба. А для спуска воды имелась цепочка с ручкой. Может быть, кто-нибудь ещё помнит такую конструкцию? Места общего пользования в квартире убирались жильцами по очереди, имелся график дежурств.

Теперь про гаджеты и прочие компьютеры и теле-видео-медиа: их тогда не было. Был домашний телефон. Сначала один аппарат стоял в коридоре, а другой почему-то в одной комнате, то есть только для одной семьи. Потом этот второй телефон "экспроприировали", и в общем пользовании стало два телефонных аппарата, они стояли на тумбочках в разных концах коридора. Помню, как появился первый КВН, точнее КВН-49. Только это был не "Клуб весёлых и находчивых", а телевизор 49-го года. КВН — аббревиатура, составленная по первым буквам фамилий его основных конструкторов: Кенигсона, Варшавского и Николаевского. Телевизор уже сразу был в частном пользовании. Когда первая семья купила телевизор, вся квартира собиралась в их комнате и смотрела в маленький круглый экран диаметром 18 см. Чтобы было хоть что-то видно, перед экраном ставили увеличительную линзу, наполненную дистиллированной водой.

Лестница "чёрного хода" вела во двор. А ещё можно было попасть в соседнюю квартиру, уже не коммунальную — там жила одна семья, и по деревянной лестнице — на чердак. Двор как двор — типичный московский дворик. С котельной, деревьями, палисадничками, всякими закутками, сарайчиками и аркой, через которую попадаешь в Рукунов переулок. Вообще-то он назывался "Рыкунов", но мы все говорили "Рукунов" — так привычнее для русского слуха казалось. "Рыкунов" — по фамилии домовладельца полковника Рыкунова (конец XVIII века). Но так переулок назывался до 1939-го года, а потом стал называться Балакиревским — по фабрике им. Балакирева на Бакунинской улице, а сама фабрика — в память о Николае Дмитриевиче Балакиреве (1875-1920), рабочем этой фабрики (когда она принадлежала ещё акционерному обществу "Ронталлер и Ко"), участнике революции 1905 года.

Однажды в нашу квартиру № 11 ко мне в гости пришёл китаец. Мне тогда было лет шесть-семь, в первой половине 50-ых годов. В те годы событие экстраординарное. А дело было так. Моя мама работала чертёжницей в Артиллерийской инженерной Академии им. Ф.Э.Дзержинского (сегодня Военная академия Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого). А у этой Академии был летний военный лагерь в сосновом лесу где-то в районе Гороховца (Владимирская область). Офицеры и вольнонаёмные приезжали в этот лагерь вместе с семьями. я провёл там четыре лета. Помню высоченные сосны, леса с грибами и черникой, болота с клюквой, озеро, переходящее в трясину... Офицеры и вольнонаёмные жили в разнообразных деревянных домиках, а слушатели Академии — в палатках. Там были немцы,

болгары, китайцы. Вот там я и подружился с одним китайцем. И он в Москве зашёл ко мне в гости, в квартиру № 11, подарил китайскую закладку для книг с кисточкой. А мама и бабушка, конечно же, усадили китайца за стол: кормить и поить. Китайцу наливали белое вино, а бабушка с мамой пили лёгкую домашнюю наливку. Но китаец совсем не пил, только попробовал и скоро ушёл. Мама недоумевала: не понравилась ему водка? Попробовала сама — и о, ужас! Оказывается, бабушка перепутала и достала из "холодильника" (ну, того, что под подоконником) не водку а уксус. Вся квартира переживала — как бы не вышел международный скандал. А больше всех переживала мама — всё-таки она работала в Академии Дзержинского, а не где-то там ещё. Но всё обошлось.

В Рукуновом переулке
Во дворе седого дома
Старый тополь бросил тень.
В той тени сидел китаец
Опечаленный донельзя
От того, что слишком выпил
Нехорошего вина.
Он потом домой вернётся,
Нарисует горы-воды,
И в беседке над обрывом
Будет долго созерцать.
И тогда напишет гатху
На углу своей картины
Про вино и тень, и тополь
Во дворе седого дома
В Рукуновом переулке,
Где обрёл он просветленье
Неожиданно совсем.

Наш дом был как раз угловым: фасадом выходил на Бакунинскую улицу, а боком — на Балакиревский переулок. А на самом углу — я ещё помню — стоял гранитный столб для привязывания лошадей. Теперь уже не стоит, конечно. Когда-то по нашей улице ходили трамваи — я это ещё помню — и тогда, конечно, окна, выходящие на улицу, старались не открывать — слишком много грохоту было. Потом трамвайные рельсы убрали и пустили троллейбусы.

Пройдя вдоль фасада дома, идёшь дальше вдоль ограды школьного сада. За ним в глубине стоит четырёхэтажное здание — оно и сегодня там стоит. Не знаю, что там сейчас, а тогда была школа № 619, в которой я учился в 1-3 и 6-ом классах. С одной стороны школьного сада от улицы через железные ворота и калитку шла асфальтовая дорожка к ступеням главного входа в школу, а с другой стороны высилась красная стена нашего дома с одним-двумя глухими окошками.

Красная стена смотрит в школьный сад.

Она смотрит, как в окружении цветущих яблонь и груш на высоком постаменте красуется строгий серебряный бюст Иосифа Виссарионовича Сталина. Когда Иосиф Виссарионович умирает, бюст падает с постамента и остаётся лежать на клумбе. Иосиф Виссарионович лежит внизу, уткнувшись носом в чёрную землю школьного сада.

Мало кто заходит в школьный сад, а за ветвями цветущих яблонь и груш постамент не виден. Дети забираются на постамент и стоят там вместо Сталина.

Красная стена смотрит на это в Начале лета года Красной обезьяны.

Помню рассказ моей мамы о старике, что во время войны был где-то здесь похоронен в школьном саду. Старик был упрямый и во время бомбёжек на спускался вместе со всеми в подвал, а прятался в ямах в школьном саду. Куда и упала авиационная бомба и убила старика. И его похоронили в той самой яме, в которой он прятался.

Около другого, не главного, входа в школу всегда росло высокое толстое дерево, кажется липа, а может быть, тополь. Его ветви нависали над сарайчиками, которыми школьный двор был отделён от двора нашего дома.

В конце семидесятых наш дом сломали, школьного сада тоже больше нет. На месте и дома и сада теперь что-то вроде скверика. Я недавно там был и удивлялся: как же на такой маленькой площади помещались и наш дом, и наш двор, и школьный сад? Липа-тополь всё ещё высится у второго входа в бывшую школу, хотя это, наверное, уже другое дерево.

28 января 2015

МЁРТВЫЕ МЯГКИЕ МУЖИКИ

8 стихотворений с 8 картинками

Почему мягкие?

Ну, это просто антоним к слову "суровые".

Ну какие же они суровые?

Они кажутся мне совсем-совсем не суровыми.

Почему мёртвые?

Потому что, если они жили давно, то уже умерли.

А если живут сейчас, то пройдёт время, и они тоже умрут.

И даже если женщины в будущем нарожают новых мужиков, то и те опять умрут.

Грустно это, но что поделаешь.

Эх, мужик, мужик… горек твой удел

1

Мёртвый мягкий
мужик пустыни
и тени танаха
и сура сердца
и тонна солнца
и двое их
и дивность сих
и стынет пот
и спелость песков
и несть тебя
и несть пути
и пусты устои
и сети сути сетей
и честность света
и холод в круглых домах народа
и город высоких и мёртвых
и белизна без лица
и любовь

2

Мёртвый мягкий
мужик Средиземноморья
средиземноводен
и музыка земноводья
органически оттеняет
неистребимость крыш
и пронзительность окон
и числа числа числительные
в переложении труб и отверстий
под сенью молчаливых
под сенью неподвижных
под сенью сосуществующих
улыбайтесь все!
с тонким намёком
средневековым
и тук-тук-тук топор
и шик-шик-шик ножик
и любовь

3

Мёртвый мягкий
мужик в ватнике
в потопе вселенском
в общей обстановке конца света
и начала вод мёртвых
что вырастет то вырастет
на обломках на полусгнивших
в наступающей заре
алеет восток
и небо бегущее под облаками
поросло грибами мухоморами
поросло ягодами волчьими
молочка налить колодезного
пожарить круглые кулаки
на заре вставать
ещё выспимся
и эх и ху и вых и хо
и любовь

4

Мёртвый мягкий
мужик с воздушным шариком
о эта песня длинная как ночь
как сказал когда-то
три барана отдам
коня не отдам
там высоко в горах темнеющих
там в ущелье бегущей воды
уходи мой гость
уноси мою возлюбленную
косточку в землю
из подвала предков
вино не перестанет литься
иди на огонь струны
приходите все уходите все
молча будем петь песню
старшую песню
и любовь

5

Мёртвый мягкий
мужик в чине генерала
с любимым самолётиком
в дислокации неба
чего только нет
если нельзя то можно
они не понимают
сравнять с землёй построить заново
на военном параде нельзя описаться
блестят как бараньи яйца
скажи-ка ведь не даром
летел тополиный пух
упрОщенного типа
мешал обсервации самолётика
платье белое по уставу
за грохотом дней
сто лет никто не пишет
и любовь

6

Мёртвый мягкий
мужик-художник
рисующий другого мужика
заказ от его высоко-П
не важно что важно как
запястьем водит дистанционно
наитие моды набитие морды
божественное дерьмо
нужно плюнуть на холст
где мой хвост
какая гадость эти ваши картины
разбогатеть или нищенствовать
чисто художественная задача
вот в чём засос
муза стерва ушла с высоко-П
демиургическая пропасть
и всё время идёт дождь
и любовь

7

Мёртвый мягкий
Панч тоже мужик
на руке шесть пальцев
разложите мир на краски
а потом перемешайте
вот будет весело
о Джуди Джуди!
королева полетит
на воздушном шарике
вот будет весело
о Джуди Джуди!
всех поселим во дворце
вверх ногами
вот будет весело
о Джуди Джуди!
давайте всех убьём
вот будет весело
о Джуди Джуди!

8

Мёртвый мягкий
мужик в красных трусах
по ночному городу
из-за угла из подворотни
что ему танах-бабах — сура с перцем
что ему органный бах — хлопнет дверцей
что ему восток алеющий — мухоморами
что ему баран с конём — уворованные
что ему небесный свод — в самолётиках
что ему высоко-П — в переплётиках
что ему воздушный шар — с королевой — ах ты Джуди!
он всегда идёт упорно налево — Иуда!
по ночному городу
выше всех домов
золотые бабочки
и птички с чем-то там
зажигаются огни городские
мужики они все такие

Эх, мужик, мужик… горек твой удел
Ты, наверно, в детстве мало каши ел.

2015

2016

ДЕВЯТЬ МИНИАТЮР

9 миниатюр

1. Убью на фиг!

— Убью на фиг! — думал Тимьан Кориандрович, имея в виду всех тех, кто был виноват в его несчастьях. Кто это был персонально, о том Тимьян Коринадрович не задумывался, но знал точно: кто-то же виноват, не бывает так, чтобы виноватых не было.

— Убью на фиг! — думал Тимьан Кориандрович, просыпаясь, и сразу становился бодрым и подтянутым, и в хорошем настроении проводил день.

— Убью на фиг! — думал Тимьан Кориандрович, укладываясь в постель, и засыпал сладко от этой простой мысли.

Так Тимьян Кориандрович и прожил всю жизнь, но никого не убил, а потом помер.

6 января 2016

2. Сколько себя помню

Сколько себя помню, моя страна (сначала СССР, потом Россия) всё время была плохой.

Величайшие умы человечества, как внутри страны, так и за её пределами думали: что с этим делать?

Ну, блин, так ничего и не придумали, а мне уже и помирать скоро.

Ещё меня очень беспокоит грядущее столкновение Млечного Пути с Галактикой Андромеда, которое произойдёт всего через каких-то четыре миллиарда лет.

Ну вот что с этим делать? Что делать?

10 января 2016

3. Я ему говорю

Я ему говорю: — Россия гибнет!

А он: — Не мешай работать.

Я ему говорю: — Мы теряем свободу и совесть!

А он: — Не мешай работать.

Я ему говорю: — Так дальше жить нельзя, нужно выбираться из тупика!

А он: — Не мешай работать.

Я ему говорю: — Вокруг нас дымящиеся духовные руины!

А он: — Не мешай работать.

Я ему говорю: — Зомбоящик делает из нас идиотов!

А он: — Не мешай работать.

Я ему говорю: — Нефть дешевеет, скоро жрать нечего будет!

А он: — Не мешай работать.

Я ему говорю: — У нас нет друзей, все от нас отвернулись, кругом война!

А он: — Не мешай работать.

Я ему говорю: — Наверху одни воры, народ запуган!

А он: — Не мешай работать.

…

Ну, блин, как с таким вот поднимать страну и двигаться к процветанию?

10 января 2016

4. Непритязательные истории

Французский профессор Po D`Ituda из города Montpellier и японская студентка Nezna Yukuda из города 京都 встретились в московском метро на станции Театральная. Профессор d`Ituda выходил из вагона, чтобы пересесть на красную линию и доехать до Университета, где он собирался прочитать студентам 4-го курса философского факультета лекцию под названием «Онтология случая», а студентка Yukuda, наоборот, входила в вагон, чтобы доехать до Третьяковской и пойти в Третьяковскую галерею, где она собиралась подсчитать точное число черепов на картине Василия Верещагина «Апофеоз войны». В дверях вагона профессор и студентка случайно задели друг друга руками, после чего двери вагона захлопнулись. Теперь Po D`Ituda и Nezna Yukuda могли смотреть друг на друга только через стекло. Но они не смотрели, каждый пошёл своей дорогой и больше они никогда не встречались.

Японец-профессор P.R. Inesito из 京都大学 никогда не был в Москве. И француженка-студентка N.E.Z.N. Ayuchto из L'université de Montpellier тоже никогда не была в Москве. Потому и не встретились.

23 января 2016

5. Важный вопрос

Я вот всё думаю, что лучше: всё запретить или всё порушить?

А если и то и другое, то в каком порядке?

18 августа 2016

6. Придурки

Вот почему некоторые придурки так любят повторять одно и тоже. Повторять одно и то же. Повторять одно и то же…

1 ноября в 11:20

7. Спор

Вот почему все люди так любят спорить?

- Ну, не все любят.

- Да нет, все любят.

- Нет, не любят,

- Нет, любят.

…

1 ноября в 11:20

8. Беседы с людьми из параллельного мира

Бывают у меня беседы

с людьми из параллельного мира.

Я им про величье духа, пораженья его и победы,

а они мне: "Не хотите ли колбаски? Или кусочек сыра?".

2 ноября в 1:43 ·

9. Толпа

Человек ненавидит толпу, но волею обстоятельств оказывается внутри толпы.

Толпа состоит из людей, ненавидящих толпу.

Другой человек ненавидит толпу и благодаря обстоятельствам оказывается вне толпы.

Но он не одинок, и такие люди собираются вместе, чтобы обсудить, как они ненавидят толпу.

Образуется новая толпа.

0:11 6 декабря 2016

ФАРФОРОВЫЙ КИТАЕЦ

рассказ

У него на правом плече сидел фарфоровый китаец и поглаживал своё голое пузо. И хотя другой рукой китаец цеплялся за его ухо так, что мочка со временем оттянулась вниз, — всё же он старался держаться прямо, чтобы китаец не свалился и не разбился о каменный пол.

У неё вместо крыльев были испанские веера. Один веер нагонял горячий воздух, а другой — холодный, так что с ними было удобно и зимой и летом. Она долго лязгала ключами и цепочками, пока, наконец, не открыла все замки и засовы пояса верности — и тот с грохотом упал на каменный пол.

«Это вовсе не пояс верности», — шепнул ему на ухо китаец. «Сам вижу», — шепнул он в ответ.

Наутро они сидели на кухне и молча пили кофе. Она сложила свои веера над головой и стала похожа на кукушку в часах. Луч солнца скользил по циферблату лица, ресницы тикали. Китаец капризничал и требовал чаю. В конце концов ему пришлось напомнить китайцу, что тот фарфоровый, а потому чай ему не нужен. Этажом выше включили перфоратор, так что молчать было удобно.

Уже в дверях он поцеловал её в губы, она успела сказать только «девять часов», а сколько минут, он так и не узнал. Свою вторую тень он оставил на вешалке, рядом с её второй тенью.

Всю дорогу до метро он ощущал на затылке её взгляд, и было щекотно от прикосновения ресниц. Перед тем как спуститься под землю, он почувствовал порыв холодного воздуха, а внизу на него дохнул воздух горячий.

В вагоне пассажиры подключились к розеткам и завтракали звуками, картинками и словами. Приближался час пик, ему розетки не досталось, и он сидел просто так. Напротив него ахейцы в золотых масках лениво обсуждали проблему Трои, справа девушка с персиками жевала персики и складывала косточки в пакетик, слева дремал Антон Павлович Чехов. Он уже хотел разбудить Антона Павловича и спросить его о давно мучившей его сорок седьмой запятой в «Степи», но тут китаец дёрнул его за ухо и, оторвав палец от пуза, показал на дверь. Он чуть не проехал свою станцию.

В офисе секретарша начальника порхала пальцами по клавиатуре, а жужжальцами прижимала к заднегруди сразу два телефона и жужжала. У начальника на правом плече сидел нефритовый император, который сразу

соскочил и, поманив китайца пальцем, увёл его в соседнюю комнату. Вскоре оттуда послышалось хоровое пение.

"Хочу послать в тебя в Энскую область", — сказал начальник и завязал усы бантиком. — Там у одной старушки нашёлся старинный топор. Надо бы им дрова поколоть". И начальник закачался в кресле, разглядывая в бинокль потолок кабинета.

Ему не хотелось ехать в Энскую область, не хотелось дрова колоть. Но, поскольку ему не хотелось и ничего другого, он согласился. Они сплясали с начальником прощальный танец, разняли нефритового императора с китайцем, которые успели напиться и теперь дрались, помахали друг другу платочками, и он вышел из кабинета.

В Энской области когда-то был туристический заповедник, но потом по мере смешения уровней реальности предприятие стало нерентабельным, драконы уползли обратно в пещеры, девушки уехали в город, а море высохло, обнажив кучи мусора на дне. Дорога вилась между аккуратными, ухоженными полями сорняков и крапивы, обочина сверкала разбитыми кристаллами, отслужившими свой век, а над головой дребезжали поржавевшими колокольчиками синички и лисички. Пристегнувшись двойным ремнём безопасности, он дремал рядом с ямщиком, не слушал его монотонный рассказ о коллапсирующих звёздных кластерах, и сортировал в памяти последние фотки с испанскими веерами, замками и засовами, которые всё падали и падали, всё грохотали и грохотали. А может быть, это грохотали колёса брички на металлических выбоинах старой римской дороги. Китаец тоже дремал, что-то бормоча по-китайски себе в фарфоровую бороду, не забывая поглаживать голое пузо и на ухабах дёргая его за ухо.

Старушка жила в новомодном сферическом коттедже, к которому с одной стороны прилепилась новенькая рубленая банька с дровяной печкой, а с другой — скособоченный портал космической связи. В горнице, стены которой были сплошь увешаны фотографиями отживших родственников, он сплясал со старушкой танец встречи, по-старомодному чувственный и бурный. Потом долго пил чай, слушал, как старушка нараспев читает инструкцию к топору, смотрел, как она расплетает и сплетает свою косу и подпрыгивает до потолка в особо волнующих местах текста. Китаец слез с плеча и ушёл в портал поболтать на халяву с далёкими родственниками.

Топор оказался действительно старинным, слегка заржавевшим, но с исправной гидравликой. А вот дрова совсем отсырели: они покрылись грибами и голубыми цветочками, и в них завелись призраки. Каждый раз, когда топор раскалывал полено надвое, призраки выпрыгивали из него и выли. Старушка бегала вокруг, собирала призраков в мешок и время от времени сыпала туда

же кошачий корм в качестве успокоительного. Китайца это почему-то рассмешило, он подпрыгивал у него на плече, барабанил себя по пузу, смеялся и мешал колоть дрова.

Вечером, после работы, старушка растопила печь, нажарила картошки с салом, достала из подпола грибочков и огурчиков, и выставила на стол бутылку Клейна. Пока он ел и пил, старушка раскинула карты, вызвала десятка два духов, протестировала их и отобрала одного, с рыжими бакенбардами и в вицмундире. Бакенбарды долго беседовали с китайцем, почему-то на санскрите. Потом старушка посадила бакенбарды себе на плечо и ушла в спальню.

Он вышел во двор по нужде, а потом долго сидел на крыльце и курил. Верхняя душа поглядывала на звёзды и робко балансировала на краю космической гармонии, находя странное успокоение в этом промежуточном положении. Со стороны реки наползал белый туман, тягуче думая одну и ту же туманную думу, в которой звёзды каким-то образом ассоциировались с каплями воды. Нижняя душа вдыхала запахи вечернего воздуха, играла с огнём и холодом, и жмурилась от удовольствия, когда попадала в ямку равновесного тепла. В траве бранились цикады, решая кому из них подойти ближе и попросить закурить.

«Как ты думаешь, мы правильно живём?» — спросил он китайца. Но тот ничего не ответил, потому что крепко спал, свернувшись калачиком на собственном пузе. На огонёк сигареты прилетели ночные бабочки, замахали испанскими веерами и затикали ресницами.

Без второй тени ему стало зябко, он затушил окурок и вошёл в сферу. Засыпая двумя снами, внешним прохладным, и внутренним тёплым, он успел подумать: «живём всё-таки...» Китаец причмокнул во сне и изогнулся в иероглиф «сновидение».

16 января 2016

НА ЛИПОВСКОЙ ДОРОГЕ

поток в 6 ветвях

Запись 1 от 29.4.2016

Вот ведь сосны растут.
Вот сосны, вот берёзы.
И что теперь?
Не знаю.
Вот дорога идёт, иду по ней.
Господи, а я ведь по ней много раз ходил.
А что ж теперь?
Такая жизнь.
Вроде всё меняется, сколько было, сколько ушло.
А дорога та же, практически та же.
А что с дорогой сделается?
Дорога не человек, лежит себе и лежит на земле.
И хоть бы хны.
Ох, какие сосны!
А за ними берёзы-то, а?
Совсем…
Зелень на них молоденькая-я-я.
Интересно, а на соснах… сосны старые, высокие.
На них вроде бы иглы тоже старые.
Хотя, конечно, не так.
Наверное.
Иду дальше.
Ну что тут можно увидеть ещё?
Я же знаю, что там будет, за поворотом-то.

Сейчас вот вниз так к ручейку, на ту сторону, там вид на Старицу откроется.

Ну знаю я это всё, а всё равно иду.

Хочется опять почему-то посмотреть, не знаю, почему.

Что-то мне взбредёт в голову, а может не взбредёт.

А вот смотри-ка — фазенда.

Когда-то не было тут никакой фазенды, конечно.

Так, просто ходили мы тут, гуляли, к Старице спускались.

Теперь фазенда стоит, дом, второй дом.

А вон там ещё маленький совсем, не знаю, для чего он.

Типа шлагбаума что-то, фигня, конечно. От кого шлагбаум?

Ну так, чтоб положено было.

Берёзки... совсем молодые.

Ну, не молодые берёзки, конечно, листва на них молодая.

А я ведь ещё чего думаю: время-то оно идёт.

И мы вроде бы вместе с временем тоже куда-то идём.

Куда мы идём?

Ничего не поймёшь.

Вот природа она какая-то своя, не такая, потому что... хэ... ну, вот, конечно, ну, вот вышел я, а дальше-то идти и некуда — разли-и-и-в.

Всё — вода сплошная.

Чёрное озеро слилось со Старицей.

На ту сторону ручейка уже не перейдёшь.

Да и какой же это ручеёк уже?

Море разливанное.

Смотри-ка: лодочка какая-то перевёрнутая.

Жестяная что ли?

Вообще пластмассовая похоже.

Интересно...

А красиво всё-таки!

Пожалуй, я сейчас пофотографирую.

Запись 2 от 29.4.2016

Вот если вспомнить годы прожитой жизни…

Странно становится.

Даже вот здесь вот…

Вот здесь мы ведь не так давно.

Хотя как… не давно… уже почти 26 лет.

А казалось бы совсем недавно мы приехали в эту деревню, купили дом.

А это было 26 лет назад.

А тогда казалось, что… позади уже много лет.

А сейчас вспоминаешь: да, наверное, и до этого было много лет, но и здесь сколько же прожито.

Люди… события… всё перемешано.

Как бы вот… непонятно, каков итог всего этого.

Да кому нужен итог? Вот сосны, берёзы.

Им что, итог нужен что ли?

А людям вроде как нужен.

Они хотят чего-то понять на фиг.

А зачем понимать?

Понимать — не знаю, нужно ли понимать, или не нужно понимать.

О-ой, как-то всё вот странно… эта жизнь устроена.

Пойду вот сюда, по этой дорожке, не знаю, куда она выведет, опять небось вода будет кругом.

Помню, как мы здесь ходили… блин, сколько раз ходили…

Как давно это всё было… какие были люди, а сколько из них умерло…

умерли… какие-то люди живые остались, а какие-то умерли…

Почему так?

Почему не иначе?

Очень непонятно.

Очень непонятно.

И вроде не чувствуешь разницы-то особой вроде как между умершими и живыми… вроде как в памяти вроде как живут…

Ну как живут?

Ты не можешь считать, что их вот как бы нету, ну как же нет, когда они были.

А те, что есть, ну что… да и, собственно, все помрём.

Ничего ведь не останется от нас.

Вот как от этого интерната.

Ну что: вот яма, обрушились туда внутрь балки… и всё.

Интернат долго существовал, а выглядит уже вот так вот: обрушивается чего-то внутрь. И не остаётся человека.

А потом ещё долго помнят многие, кто-то помнит, кто-то забывает.

На самом деле, вот я думаю, что многих людей долго помнят.

Заслуживают они, не заслуживают — это вообще роли не играет.

Просто вот умер человек и всё.

Ну как: либо помнят, что он хороший, либо помнят, что он плохой.

Один ли хрен?

Когда он уже умер, разве это играет роль какую?

Никакой же роли это не играет.

А потом всё равно ведь всё забывается.

Потом наступает такой момент, когда тебя уже никто не помнит.

Наверное, так должно быть.

А может быть, так не должно быть, не знаю.

Но вот как-то интересно, что… не угадаешь.

Запись 3 от 29.4.2016

Я вот иду вроде как, ну, думаю, пойду прогуляюсь, может какой стишок сочинится.

А он чего-то не сочиняется.

А может потому, что водки выпил.

Это всегда, когда в деревню приезжаешь.

Гости приходят…

А может просто вот… какой стишок?

Стишок это потом.

А сейчас вот просто идёшь, смотришь, о чём-то думаешь, да, собственно, и ни о чём не думаешь.

Но природа, которая кругом, она как-то вот говорит…

Что-то она говорит.

Что-то не очень весёлое, конечно.

Но не так, чтобы совсем дурацкое, печальное…

Она говорит что-то своё, очень спокойное.

А чего ей беспокоиться?

Это человек всё время о чём-то беспокоится, что-то его волнует, куда-то он стремится.

Потому что двигается всё время.

А вот деревья стоят, никуда не двигаются.

Вот если бы я стоял, никуда не двигался, какие бы у меня мысли были?

Наверное, совсем другие.

И дорога… по ней ездят, ездят, она думает: ну сколько можно по мне издить!

А ведь перестанут ездить, и дорога исчезнет сама. Зарастёт травой.

Хорошо это или плохо? Кто знает?

Нужно ей это или не нужно?

О чём она думает?

Дорога эта.

А вообще, не знаю, думают ли дороги, думают ли деревья.

Вон облака в небе — думают они или не думают?

Но не может же так быть, что только один человек думает, а остальные никто не думает вообще вовсе.

Это было бы странно.

Я бы даже сказал: печально.

Между прочим, вот говорят, что если кто в Бога не верит, то ему плохо, потому что ну как же, как же... бесперспективная жизнь тогда, ни на что не надеешься.

А я вот думаю, что если считать, что только человек думает, мыслит, страдает, чувствует, а остальные — нет, и дорога, и деревья, и вода вон в луже, или в Старице, или облака в небе, или хоть столб телеграфный, или телефонный, или электрический, хрен его знает, какой тут столб стоит, и они все не думают — вот тогда, наверное, одиноко-то человеку на земле.

А что после смерти будет, это ведь такой вопрос: а хочешь ли ты, чтобы что-нибудь было после смерти...

То есть, вот то, в чём ты жил, хоть этот столб непонятно какой, с проводами, трава вот эта, деревья, вот сосны стоят, берёзы, вот и черёмуха — скоро ведь, наверное, распустится, уже белые почки, вон, вон уже кусочек, кусочек, вон смотри-ка, уже белые цветочки появились, черёмуха ведь это, да... или вот эта пекарня заброшенная, она уже разваливается, конечно, окон нет, двери тоже, при мне-то ещё вот тут хлеб пекли, да... ну так вот, что я хотел сказать-то, ну да... вот если помрёшь, а этого всего ведь не будет, ну а будет что-то... да, замечательное, чудесное... а на хрен это всё чудесное-то, если вот этого не будет, в котором ты жизнь прожил, ну, конечно, не всю жизнь...

Запись 4 от 29.4.2016

А вот чего я так и не смог понять за всю жизнь, — это то, а вот чего люди: одинаковые или разные?

Иногда думаешь: конечно, все разные.

Я вот такой, этот вот совсем другой, третий вообще не такой, четвёртый, ну, совсем четвёртый.

А вообще там ещё женщины есть, они совсем не похожи.

А потом думаешь: нет, вообще-то одинаковые все.

Вот как эти вот листки ландыша вылезли — вот сплошная поляна зелёных ландышевых листов.

Все вроде как одинаковые.

Хотя, конечно, ближе посмотришь — разные.

Что здесь важно, что нет, что разное, что одинаковое?

Вот сейчас Лёшку-лесника встретил: был один, стал другой.

А может быть, всё такой же?

Как можно быть одним, стать другим?

И получается, что одинаково: что он такой же, что он другой.

Что он не как я, что он как я.

Это всё одинаково.

Выходит, что любой другой человек тоже одновременно и точно такой же как я, и совсем-совсем другой вплоть до невозможности понимания, и одновременно такой же точно вплоть до тождества, даже не поймёшь, где я, где он, или она.

А потом как-то вот повернёшься по-другому — и вроде бы ничего общего, непонимание какое-то… ты вроде как про одно, другой человек про другое, и вроде как ничего… неправильно всё.

Да чего неправильно?

Всё правильно.

Я думаю, что люди все, где-то они одинаковые.

Где-то мы одинаковые вот с этим мхом белым, что у меня под ногами, и с этими вот только что распустившимися зелёными листиками берёзы.

Одинаковые.

Ну вот я подхожу к этой веточке, и что: все вроде как одинаковые листики-то, а двух одинаковых нет, совсем разные, если посмотреть-то повнимательнее.

Каждый листик небось думает: ну как — ведь я-то особенный, это другие все одинаковые, а я-то нет.

Люди тоже самое.

Запись 5 от 29.4.2016

Вот сейчас кукушка куковала.

Не знаю, сколько она там мне лет накуковала.

Не важно это.

Я просто подумал: вот, когда пишешь тексты какие-то, то иногда всегда хочется вот в интернет залезть там, оттуда цитату красивую, ну, точно её не помнишь, там найдёшь, приведёшь, этот так-то сказал, вот этот-то так-то сказал.

А здесь у меня интернета нет, я вообще здесь… вот по какой-то дороге иду, она из леса выходит, в деревню идёт, кукушка кукует, и всё.

И, как говорится, нельзя украсить тексты всякими культурными штучками, а может и не надо.

И вот думаешь: надо — не надо.

Не очень понятно.

Оно, конечно, наверное, такие культурные штучки полезны для коммуникации, ту, типа ты сказал «Лев Николаевич Толстой по этому поводу заметил то-то» или «А Цицерон говорил эдак», я уж не говорю про какого-нибудь товарища китайцы типа Лао-цзы.

Высказал, и все это знают.

Как бы процитировал, и тебя понимают, твой человек, потому что авторитет.

А кукушка вроде как не…

А с другой стороны, кукушка, конечно, не авторитет, но тогда… её-то тоже все понимают.

Только что она говорит, вот это каждый по-своему уже понимает.

И вот интересно в этой связи, что же должен текст содержать?

Должен ли он содержать слова Лао-цзы с Цицероном вместе или один только монотонный, занудный, я бы сказал, крик кукушки?

Запись 6 от 29.4.2016

А я вот сейчас по траве иду, потому что дорога-то водой залита, там в колеях вода стоит, выше чем в колеях, разлилась уже, весна всё-таки, кругом разлив, иду чуть повыше, по траве.

Вот что бы это значило?

Вот так вот с человеческой точки зрения, что значит, что дорога залита водой, по ней нельзя идти и приходится идти по траве… вот сейчас… как бы не промокнуть… вот так, вот так вот пройдём.

Не знаю, что это значит.

А ведь, наверное, что-то это означает.

Дорога, путь, залита водой, вода.

И почему человек не ходит по воде.

Да и по земле-то он ходит как-то так, с опаской, я бы сказал.

Больше всё по каким-то своим искусственным покрытиям, ходит, ездит.

Наверное, это правильно, конечно.

Да и я, собственно, разве я по траве иду?

На мне же ботинки, кроссовки, я, собственно говоря, по кроссовкам-то иду, а вот уж они, кроссовки, идут по траве.

Как-то забавно получается, смешно, глупо.

Вообще многое в этой жизни глупо.

А может, нет, может, мы не то, что надо, за ум принимаем?

И вовсе это не глупо, а просто так есть и всё, и чего там.

Интересное небо.

Вот, как-то вот какая-то резкая граница облаков, а дальше небо синенькое.

И чего это значит?

А вот чего?

Чего-то, наверное, значит, можно бы какой-то вывод из этого сделать.

А можно не делать вывод, можно просто идти по дороге, правда, водой залита, ну, вот тут, рядышком прямо ручеёк бежит в колее, бежит, бежит, как будто всё время бежать тут будет, а ведь не будет… будет… лето…

А кукушка всё кукует.

Чудная она.

29 апреля 2026

РЕЧИ ВЕЛИКИХ СЫЩИКОВ

6 наноатюр

1. ***

— Но это же элементарно! — воскликнул Шерлок Холмс.

— Ну, хорошо! — прошептал Ватсон и грохнул кулаком по столу.

Стол развалился на элементы.

2. ***

— Пуф-пуф! — только и сказал Ниро Фульф и ушёл к орхидеям.

— Фуп-фуп! — передразнил его Арчи Гудвин и залпом допил молоко.

— Пфу-Пфу! — обиделся повар Фриц, потому что зажаренная канарейка осталась недоеденной.

— Фпу-фпу! — пропела канарейка.

— Упф-упф! — прошептала жертва в телефонную трубку.

— Уфп-уфп! — испугался убийца.

3. ***

— Ути-ути-ути, мои серенькие, — покрутил Эркюль Пуаро в ухе.

— Стареет, — с печалью подумал капитан Гастингс: — мимо виска промахивается.

4. ***

— Не откажусь, — сказал комиссар Мегрэ и выпил бокал белого вина, после чего сунул в рот пенковую трубку.

— Не откажусь, — сказал комиссар Мегрэ, выпил кружку пива и сменил пенковую трубку на изогнутую вересковую.

— Не откажусь, — пробурчал под нос комиссар Мегрэ, выпил рюмку кальвадоса и выбил трубку о каблук.

— Вы чем-то обеспокоены? — спросил Люка, хорошо знавший своего патрона.

5. ***

— Это мне напоминает один случай, который произошёл в нашей деревне… — сказала мисс Марпл, отложив вязание.

— Не суйтесь не в своё дело! Это дело полиции.

— Это мне напоминает другой случай, который произошёл, правда, не в нашей, а в соседней деревне… — сказала мисс Марпл и вернулась к вязанию.

— Не суйтесь не в своё дело! Это дело полиции.

— Ах, боже мой, боже мой! — прошептала мисс Марпл, подсчитывая петли на вязаной кофточке для любимого племянника. — Но ведь был ещё и третий случай…

6. ***

— У меня забрезжила одна мысль, — сказал отец Браун.

— Когда я это понял, — бормотал отец Браун.

— Какой же я глупец, — продолжил отец Браун.

— Вот именно, — закончил отец Браун почти свирепо, стукнул зонтиком об пол и покосился на стоявшую на столе бутылку вина.

14 августа 2016

2017

ДЕСЯТЬ МИНИАТЮР

10 миниатюр

1. Щёки

Косметики не было.

Вот женщины думают, что мужчина не отличает искусную косметику от естественной красоты кожи. А если даже отличает, то всё равно падок на яркое. Это не совсем так Я не буду говорить про виноградины глаз и спелые вишни губ. И дело даже не в том, что это штампы, а просто мне больше нравятся щёки. Вот эта их округлость, слабый блеск, тонкие акварельные краски. Они похожи на яблоки. Конечно, к старости и яблоки сморщиваются, краски блекнут, темнеют, покрываются точками и линиями. Но вот пока что они в самом прекрасном возрасте: гладкие, спелые, налитые соком, ещё не забродившие от лежалости.

Я вот не понимаю: почему гадают по руке, по форме черепа, конструкции ушей, по изгибу губ, — и нет гадания по щёкам. А ведь разглядывая щёки женщины, можно многое о ней узнать. О её характере, о том, добрая она или злая, счастлива в личной жизни или нет, есть у неё дети, замужем ли она, какие книги любит читать, какую слушать музыку. Это как про яблоки — с юга они или из средней полосы, с какой склона холма, ранние или поздние.

А ещё мне нравится дотрагиваться до них кончиками пальцев, скользить, слегка касаясь, по тонкой коже, улавливая изгибы. Я понимаю слепых.

— Мужчина! Вы яблоки будете брать, или только щупать?! За вами уже очередь выстроилась.

Вот о чём нельзя догадаться по щёкам, так это о голосе. И бывает, несоответствие, дисгармония разрушают всё очарование. Хорошо, что яблоки не разговаривают.

14 марта 2017

2. Как заставить людей полюбить свободу?

15 апреля 2017

3. Он шёл по улице

Он шёл по улице.

Дома были невысокие, старые, но не заброшенные: то здесь, то там в сгущающейся темноте загорались жёлтые и оранжевые окна.

Он шёл не торопясь и заглядывал в окна.

И вдруг понял, что не знает, что это за город.

27 мая 2017

4. Они пришли и говорят

Они пришли и говорят: "Мы за вами долго следили, проверяли по всем пунктам. Короче, вы нам подходите. Собирайтесь, полетите к нам".

А у меня чего-то настроения не было, и я им говорю: "Да не хочу я чего-то".

Они как захохочут.

И хохочут, и хохочут, а остановиться не могут.

Ну, я их аккуратно в пакетик сложил, ножки, правда, подвязать пришлось - они из пакетика вываливались, и отнёс на почту. Бандеролью отправил.

Вот так я и не полетел на другую планету, к братьям по разуму. Двоюродным.

А теперь иногда думаю: "Может, зря не полетел? Забавно всё-таки".

9 августа 2017

5. Психологические тесты

Один мужик другому мужику дал в глаз. Потом подумал и дал в другой. Почему он так поступил?

Одна женщина развелась с одним мужем, а потом вышла за другого. Почему она так поступила?

Один мужчина любил одну женщину, а одна женщина любила одного мужчину. Сколько их было? И сколько среди них было мужчин и сколько женщин?

29 августа 2017, вторник, Луна растущая 51%

6. Мусороуборочник

Мусороуборочник оранжевого цвета с чёрными резиновыми сегментами двигался медлительно, многопудово, носорожьи и неудержи.

Его нужно было как-то, что-то.

Перед ним крутилась и топталась какая-то сувенирная вышка управления, наблюдения и охра.

Меня послали спасать мир.

Мой помощник, такой весь сзади и невзрач, меня подсадил и я полез на спину по чёрным сегментам.

Чёрные сегменты двигались, выдвигаясь из-за и заходя за, как эти которые.

Я соскальзывал, как эта на том.

«За кнопки, за круглые кнопки держись!» — кричал мне Мусороуборщик.

Там были большие круглые чёрные ребристые кнопки, по бокам дыроч.

Никак не ухватиться.

«Попаду под», — боялся я, но тут ноги упёрлись в хвост. Мусороуборщик взвыл.

Я оттолкнулся, схватился за большую чёрную кнопку, подтянулся и уселся на оранжевой спине, сразу удовлетво.

«Вышка, я тебя не боюсь!»

Вышка схлоп. Мир спа.

Ну, всё хо.

10 декабря 2017, воскресенье, 23-й день 10-й Луны.
4-й день 21-го сезона 大雪 Да сюэ - Большие снега.

7. Автомат

— Кто решит эту задачку, получит автоматом «отлично», — сказал профессор и выбежал из аудитории.

— Ну, это же как... — пытался Ванька Морозов применить классические методы.

— Врот! — возразил Исидор. — Тут нужен нетрадиционный подход.

Братья Ку его поддержали, но потом отпустили.

— Это надо проверить, — сказала Маша из параллельной и попыталась поставить эксперимент. Но тот всё время падал.

Курган Курганович и Петька Косой предложили мозговой штурм, ну, или ещё какой. Но Маша отказалась.

Навуходоносоров рылся в шпаргалках — а вдруг?

Алевтина плакала.

Борик нервно хихикал.

И тут кто-то спросил: — Ну, допустим, а с трупом-то что будем делать?

12 декабря 2017, воскресенье, 25-й день 10-й Луны.
6-й день 21-го сезона 大雪 Да сюэ - Большие снега.

8. Страшный либерал

Полковник в отставке Николай Васильевич Иванов был страшным либералом. Даже его жена Екатерина Васильевна говорила: «Коля, ты бы уж как-то поменьше либеральничал, а то мало ли что». Но Иванов был твёрд и непреклонен. «Я им покажу, — грозился он, — они у меня узнают!». И стучал кулаком по столу. Из-за своего либерализма Николай Васильевич поссорился со всеми своими друзьями, которые как назло оказались консерваторами, и чем дальше тем больше. Только гаражный приятель Антоныч не бросил Николая Васильевича в его либеральной беде, да и то нет-нет, да и покрутит головой, прежде чем налить водку в стакан: «Ну, ты уж Васильич уж больно того, самого». Но Николай Васильевич только рычал «Ууу, гады!», стучал кулаком и багровел. В конце концов Иванов помер, и на надгробном памятнике так и написали: «Страшный либерал». Это место на кладбище стало считаться нехорошим. Даже птицы облетали его стороной. А Екатерина Васильевна с горя перестала интересоваться политикой, и смотрела по телевизору только фильмы про любовь.

18 декабря 2017, понедельник, 1-й день 11-й Луны.
12-й день 21-го сезона 大雪 Да сюэ - Большие снега.

9. Модный писатель

Один известный писатель хотел стать модным писателем. Ну, так бывает: писатель-то ты известный, да только ни фига не модный. И вот известный писатель — назовём его Александром Сергеевичем Некрасовым, чтобы никто не догадался — решил написать литературную бомбу. Чтобы значит взорвать литературу и сразу стать модным. Ну, всё чин по чину: фитиль, часы с кукушкой, провода синий, зелёный и красный, тротилу словесного не меряно и бантик на упаковке. Подложил Александр Сергеевич бомбу куда надо и зажёг спичку. Да только не рассчитал господин Некрасов силу взрыва: так шандарахнуло, что весь костюм Александра Сергеевича из перуанской векуньи стал в дырочках, больших и маленьких, по краям обгорелых. Да и сам Александр Сергеевич слегка покраснел. Но самое главное, не рассчитал господин Некрасов направление взрыва: он-то в дырочках, а все остальные даже хлопка не услышали. Но всё же Александр Сергеевич был известным писателем, поэтому у него были поклонники. Так что, когда Александра

Сергеевича похоронили, и все уже разошлись, один поклонник решился на благое дело и, смахнув слезу, нацарапал на надгробном памятнике гвоздём: «Модный писатель». Всё-таки хорошо, когда у тебя есть поклонники, тонко чувствующие живую ткань литературных новаций.

19 декабря 2017, вторник, 2-й день 11-й Луны.
13-й день 21-го сезона 大雪 Да сюэ - Большие снега.

10. Коррупционер

Офисный планктон Пётр Сергеевич Купчиков мечтал стать коррупционером. Во сне к нему приходили люди, приносили взятки, а он их брал, брал, брал, складывал в стопочки, а стопочки в футлярчики, а футлярчики в ящички, а ящички — в стенной шкаф, во всю стену и до потолка. А потом просыпался, оглядывался — а ничего нет: ни шкафа, ни ящичков, ни футлярчиков, ни стопочек, ни взяточек. И это было очень обидно и — Пётр Сергеевич нутром чуял — несправедливо как-то. Даже в прикроватной тумбочке, куда Пётр Сергеевич на всякий случай заглядывал, ничего не было, кроме пары дырявых носков. Так бы и помер Пётр Сергеевич в хроническом диссонансе со своей мечтой, если бы не случай. Но случай ему сразу сказал: «Фамилию смени, Пётр Сергеевич. С такой фамилией тебе никто взятку не даст, да ещё и наоборот — с тебя потребует». «А ведь и правда, уже сколько раз требовали», — подумал Купчиков и сменил фамилию на девичью по матери — Купча. «Да ну тебя, — сказал случай, — хрен редьки не слаще». Пётр Сергеевич попробовал, и точно — не слаще. Зато сны перестали сниться, ну, то есть сны-то по-прежнему снились, только в них никто взяток больше не приносил. И всё же когда Пётр Сергеевич помер, нашли завещание в тумбочке и похоронили Купчу под надписью крупными буквами «КОРРУПЦИОНЕР». Таки сбылась мечта-то.

19 декабря 2017, вторник, 2-й день 11-й Луны.
13-й день 21-го сезона 大雪 Да сюэ - Большие снега.

Ё

апология ё

Характерная черта черта — нежелание утруждать небо небом.

Слез со звезды не собрав слез со звезды.

Метеоритный дождь — это неправильный падеж звезды.

В небе звезды нет звезды в небе.

Телка любит телка, а телок любит телок.

16 февраля 2017

АФОРИЗМЫ ВЕЛИКИХ ФИЛОСОФОВ

14 афоризмов с моими репликами

1. **Протагор**: Кто ясно мыслит, тот ясно излагает.

Но зря.

2. **Шопенгауэр**: Кто не любит одиночества — тот не любит свободы.

Он любит Таню, Машу, Катю, Лену, Олю, Настю, Веру, Любу...

3. **Пьер Абеляр**: То, чем мы грешим в молодости, приходится искупать в старости.

Трудно, конечно, но приходится: намыливать и купать, купать...

4. **Сенека**: Все, в чем мы нуждаемся, или стоит дешево, или ничего не стоит.

В наше время добавляют: или запрещено законом или ведёт к ожирению.

5. **Гиппократ**: Душа человека развивается до самой смерти.

Вот некоторые и притормаживают, чтобы прожить подольше.

6. **Гесиод**: Лучше хорошей жены ничего не бывает на свете…

Особенно для женщин.

7. **Диоген**: Для того, чтобы жить как следует, надо иметь или разум, или петлю.

А ещё бочка годится.

8. **Аристотель**: Счастье принадлежит тому, кто сам себя удовлетворяет.

Никогда не позволяй делать это женщине!

9. **Аристотель**: Книга хороша, если автор говорит всё, что должно, только то, что должно, и так, как должно.

Фигня это всё: главное — тому, кому должно!

10. Иоганн Вольфганг Гёте: Самая лучшая мать та, которая может заменить детям отца, когда его не станет.

А лучше ещё раньше: когда он к другой ушёл, кобель проклятый!

11. Спиноза: Понимание — начало согласия.

А согласие — конец понимания.

12. Иммануил Кант: Для мужчины нет ничего более обидного, чем обозвать его глупцом, для женщины — сказать, что она безобразна.

Главное — не перепутать!

13. Иммануил Кант: Из такого кривого полена, как человек, ничего прямого не выстругаешь.

Значит, будем строгать из дерева, — решил папа Карло.

14. Марк Аврелий: Не спеши соглашаться с болтунами!

Сначала дай им выговориться.

11 марта 2017

ПУЗЫРЁВСКИЕ ХРОНИКИ

9 нанорассказов

1.Пузырёвские дроны

Владимир Владимирович Владимиров из города Владимира приехал в гости к Пузырю Пузыревичу Пузырёву в село Пузырёвка. Пузырь они раздавили и стали смеяться.

— Ну, ты и Пузырь, — смеялся Владимир Владимирович, падая в грядку с луком.

— Ну, ты и Владимир, — смеялся Пузырь Пузыревич, падая в грядку с морковью.

Потом они уснули.

Стало тихо. Так тихо, что было слышно, как на другом конце деревни охает бабка Олеговна.

По небу над Пузырёвкой стекало вниз красное солнышко. Темнело.

Бабка Олеговна забралась на кровать и перестала охать. Теперь только звёзды тихонько жужжали на иностранных языках.

«Ну прям как дроны[8]», — подумала бабка Олеговна и заснула.

[8] *дроны* — читатель должен понимать, что это написано весной 2017 года.

2.Курлед нема по пузырёвски

Мальчики Вася и Ося нашли на окраине Пузырёвки какие-то железяки и стали в них играть. И случайно собрали космический пылеуловитель. Над Пузырёвкой среди бела дня загорелись звёзды, а дед-аллергик Пахомыч перестал кашлять. Дети испугались и положили железяки на место. Звёзды погасли, а дед Пахомыч закашлялся. И тогда произошёл следующий диалог.

Вася: — Курлед бурле итнуб вель ка штрек сон?

Ося: — Ларда ми! Трулия бу буша, се вертикалисьон нема.

Таково было побочное действие космического пылеуловителя. Но недолгое.

Вася повторил: «Купаться пошли?» Ося ответил: «Какой купаться! Вода ещё холодная, давай после обеда».

Всё закончилось, и только бабка Олеговна ни с того ни с сего сказала сама себе: «Что-то я давно Пахомыча не видела. Сходить, что ли, курлед нема!»

3.Пузырёвское утро

Кошка Милка сидела на крыльце, во-первых, потому что нужно было пожмуриться на солнце, а, во-вторых, потому что ждала, когда её позовут к завтраку. Муравей Михаил полз по половице и с досадой думал о том, что вот это дифференциальное уравнение он уже один раз решал, а теперь забыл, как это делается.

— Как был ты, Михаил, ботаником, так им и остался, — промурчала Милка и потянулась всем своим длинным гибким телом.

— Сколько раз тебе повторять: не ботаник, а математик, — обиделся Михаил, сменил направление и ехидно добавил: — Шла бы лучше мышей ловить, гимназистка.

— Не гимназистка, а гимнастка! — обиделась Милка и стала умываться.

Михаил промолчал, потому что вспомнил решение.

Дед Пахомыч деликатно покашлял, предупреждая, что сейчас выйдет на крыльцо. «Нет, вы это слышали? Офигеть же можно», — шептались утренние звёзды, невидимые за светом красного солнышка. Бабка Олеговна два раза охнула, слезая с кровати. Пузырь Пузыревич проснулся на огороде, потянулся и прошептал: «Эх, хорошо!»

4.Пузырёвские бабочки

Девочка Алеська подошла к Владимиру Владимировичу Владимирову (который из города Владимира) и сказала:

— Вадим Вадимыч, научи меня рисовать бабочек.

— Да я сам не умею, — засмущался Владимир Владимирович, польщённый.

— Ты сам не рисуй, ты меня научи, ты же взрослый, — резонно заявила Алеська.

Владимиру Владимировичу ничего не оставалось, как согласиться. Уроки рисования были назначены на 12 часов каждый день. На пятый день Владимир Владимирович уже довольно прилично рисовал махаонов и капустниц, а у Алеськи ничего не получалось. Алеська пошла и пожаловалась на Владимира Владимировича бабке Олеговне. Бабка Олеговна посочувствовала и пошла к деду Пахомычу жаловаться на Владимира Владимировича. Дед Пахомыч закашлялся по пошёл к Пузырю Пузыревичу жаловаться на Владимира Владимировича. Пузырь Пузыревич вызвал к себе Владимира Владимировича и сказал ему строго: «А ну-ка брось рисовать, пойдём лучше пузырь раздавим и на огороде уснём». Так они и сделали.

А девочка Алеська взмахнула крылышками и полетела над огородом, потом над пустырём, где Васька с Оськой собирали из железяк пузырёвские дроны, потом над крыльцом, где кошка Милка умывалась. А когда стемнело, приземлилась и сказала: «Ну и ладно». «Ух», — выдохнули пузырёвские звёзды, появившись на небе. «Ох», — ответила им бабка Олеговна, залезая на кровать. Пахомыч закашлялся, Милка мурлыкнула, а муравей-математик Михаил решил ещё одно дифференциальное уравнение.

5.Пузырёвский дождик

Бабка Олеговна заболела, легла на кровать и руки сложила.

— Ты чего — дура? — возмутился дед Пахомыч, соскребая о порог грязь с сапог.

— Я бабка свободная — чего хочу, то и делаю, — огрызнулась Олеговна.

— А! Ну, тогда я пойду народ соберу, — согласился Пахомыч, закашлялся и пошёл народ собирать.

Пришли Владимир Владимирович Владимиров из города Владимира, Пузырь Пузыревич Пузырёв в тюбетейке, Васька с Оськой в панамках, девочка Алеська в шляпке. А кошка Милка пришла простоволосая. Все ждали муравья Михаила.

— Да ну вас! — сказала бабка Олеговна, заохала, слезла с кровати и стала готовить угощение.

Пришёл дед Пахомыч и принёс Михаила.

— Ты чего, выздоровела, что ли? — удивился Пахомыч.

Бабка Олеговна посмотрела на него зло и сказала: — Помереть не дадут!

Все расселись за стол и стали угощаться. Звёзды обиделись, что их не позвали и заплакали.

— Дождик пошёл! — сказал кто-то за столом. А остальные промолчали.

6.Пузырёвский колодец

— Что-то ты пахнешь плохо, — прокашлял дед Пахомыч, заглядывая в старый колодец.

— Поживи с моё, не так ещё запахнешь, — огрызнулся колодец.

Владимир Владимирович Владимиров из города Владимира и Пузырь Пузыревич Пузырёв помогли деду Пахомычу почистить колодец. Мальчики Васька с Оськой и девочка Алеська растащили экологически чистый ил по огородным грядкам, не забыв тщательно перемазаться им в лечебных целях, ну и так, для веселья. Кошка Милка брезгливо потрясла лапкой. Муравья-математика Михаила не позвали помогать, и он от обиды решил сразу два дифференциальных уравнения.

Пришла бабка Олеговна, попробовала воды из почищенного колодца и одобрительно кивнула головой.

Когда все ушли и красное солнышко стекло по небу за горизонт, на небо высыпали пузырёвские звёзды и стали толкаться и пихаться, чтобы занять место поудобнее. Очень уж им хотелось покрасоваться в зеркальной новой воде колодца.

— Як діти малі, — ворчал довольный старый колодец. И взял себе имя *Отражающий Вечерние Звёзды.*

7.Пузырёвский командир

Командир Одуванчиков ходил по деревне и командовал, кому чего делать. Кому грядки полоть, кому забор чинить.

— Ты чего раскомандовался? — спросила бабка Олеговна.

— Так я ж добра хочу. Грядки не прополоть, огурцы не вырастут, забор не починить, он завалится.

— Ааа… ну, командуй, командуй, — согласилась бабка Олеговна и задумалась.

Потом задумался дед Пахомыч, даже закашлялся. Потом задумались Владимир Владимирович Владимиров из города Владимира и Пузырь Пузыревич Пузырёв, даже пузырь недораздавили. Кошка Милка с муравьём-математиком Михаилом и так всегда задумчивые были. А дети — Васька с Оськой и Алеська — отказались задумываться, потому что им ещё рано.

И только старый колодец Отражащий Вечерние Звёзды вместо того, чтобы задуматься, подозвал к себе командира Одуванчикова и пока тот пил колодезную воду, ласково прожурчал на ушко: «Отдохни, а то устанешь».

Так командир Одуванчиков обрёл просветление и пошёл спать. А вечерние пузырёвские звёзды жужжали в небе по-дроновски и, если прислушаться, можно было различить отдельные фразы: *Иди в созвездие Льва... Встань напротив Альтаира... А вы сгруппируйтесь в Волосах Вероники... Немедленно очистить Стенной Квадрант... Куда подевался глаз Летучей Рыбы?...*

8.Ссора по-пузырёвски

Мальчики Васька с Оськой поссорились из-за какой-то железяки на пустыре и перестали собирать космический пылеуловитель. Девочка Алеська узнала про это, обеспокоилась и побежала по деревне сообщать всем эту новость.

Бабка Олеговна обеспокоилась и сразу заохала и слезла с кровати. Владимир Владимирович Владимиров обеспокоился и уехал в город Владимир. Пузырь Пузыревич Пузырёв обеспокоился, раздавил пузырь в одиночку и упал сразу на две грядки. Особенно обеспокоился дед-аллергик Пахомыч и закашлялся, хотя пыли ещё не так много собралось. Кошка Милка обеспокоилась и забыла утром пожмуриться на солнце. Муравей-математик Михаил обеспокоился и забыл решить дифференциальное уравнение. Старый колодец Отражающий Вечерние Звёзды обеспокоился и не отразил вечерние звёзды. Вечерние звёзды обеспокоились и замолчали. И наступила такая тишина, что аж в ушах зажужжало.

И только командир Одуванчиков нисколько не обеспокоился, подошёл к мальчикам Васе с Осей и строго скомандовал: «А ну прекратить ссориться!»

«А мы чего? Мы ничего!» — испугались Васька с Оськой и собрали космический пылеуловитель. И всё вернулось на свои места. Даже Владимир Владимирович Владимиров вернулся из города Владимира.

9.Пузырёвская берёза.

Посреди деревни Пузырёвка выросла берёза. И зашумела листьями.

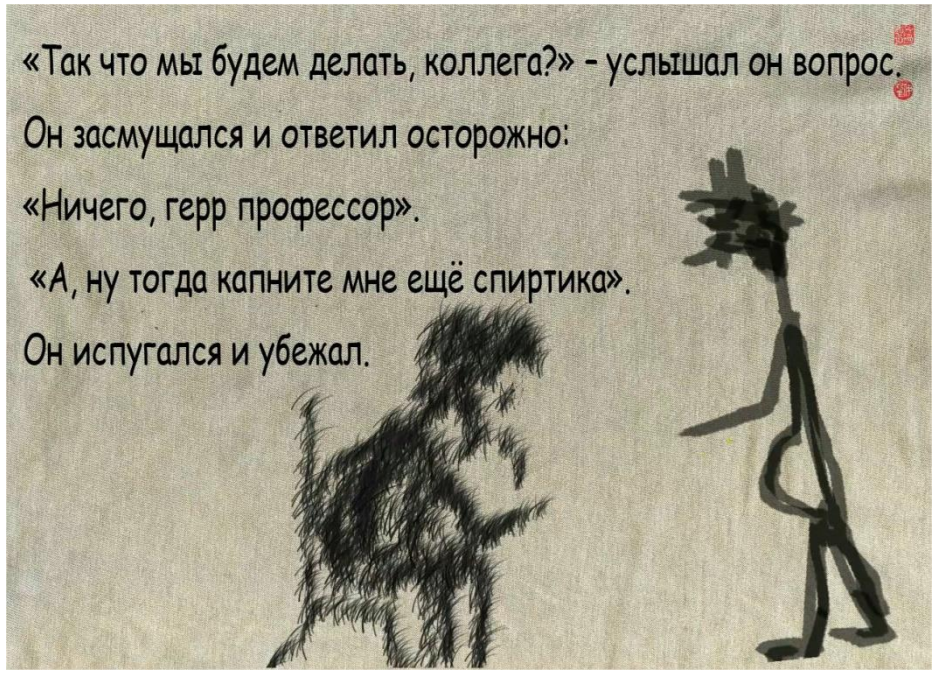
Все пришли посмотреть и послушать: и Владимир Владимирович Владимиров из города Владимира, и Пузырь Пузыревич Пузырёв с пузырём, и дед-аллергик Пахомыч, а бабка Олеговна с кровати встала, и мальчики Вася с Осей с железякой, и девочка Алеська с бабочками, и кошка Милка с муравьём-математиком Михаилом и даже командир Одуванчиков, правда, без ничего. Только старый колодец Отражающий Вечерние Звёзды не пришёл — старый уже. Вечерние звёзды без него пришли.

Вот все стоят, смотрят и слушают.

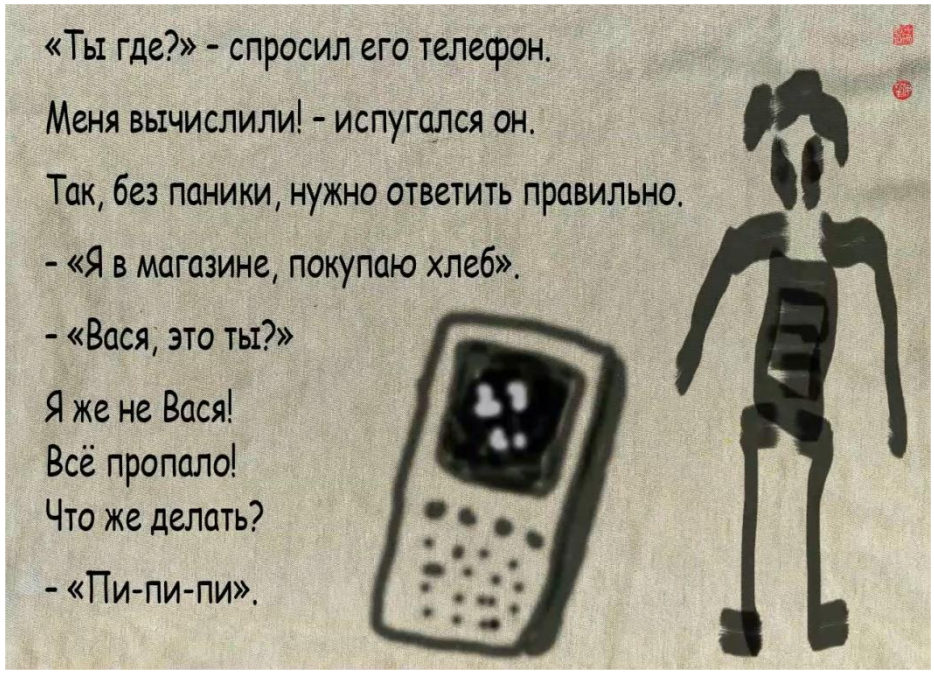
Так до сих пор и стоят.

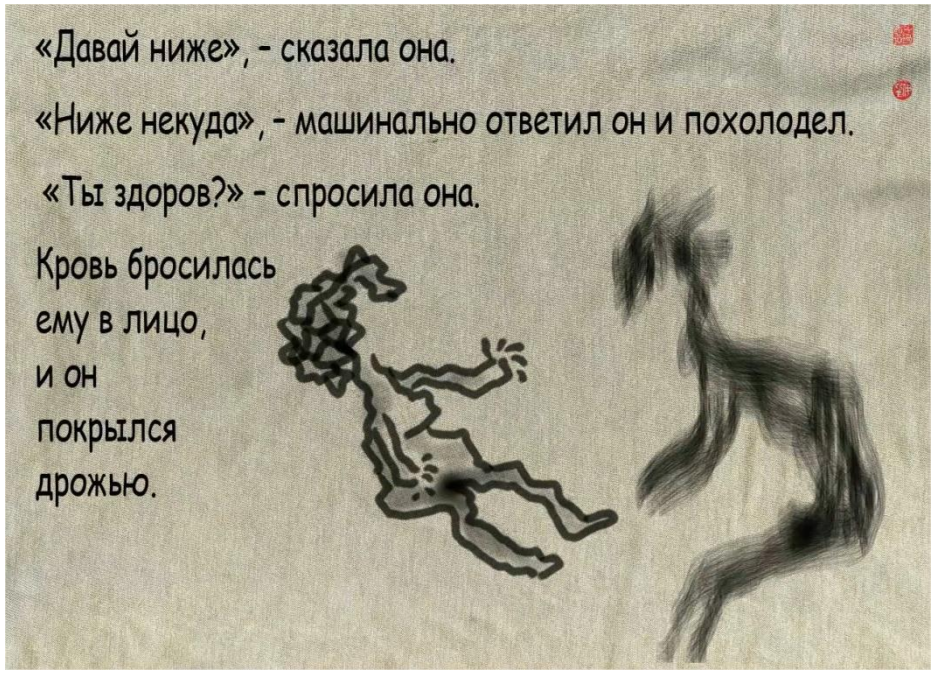
14 апреля 2017

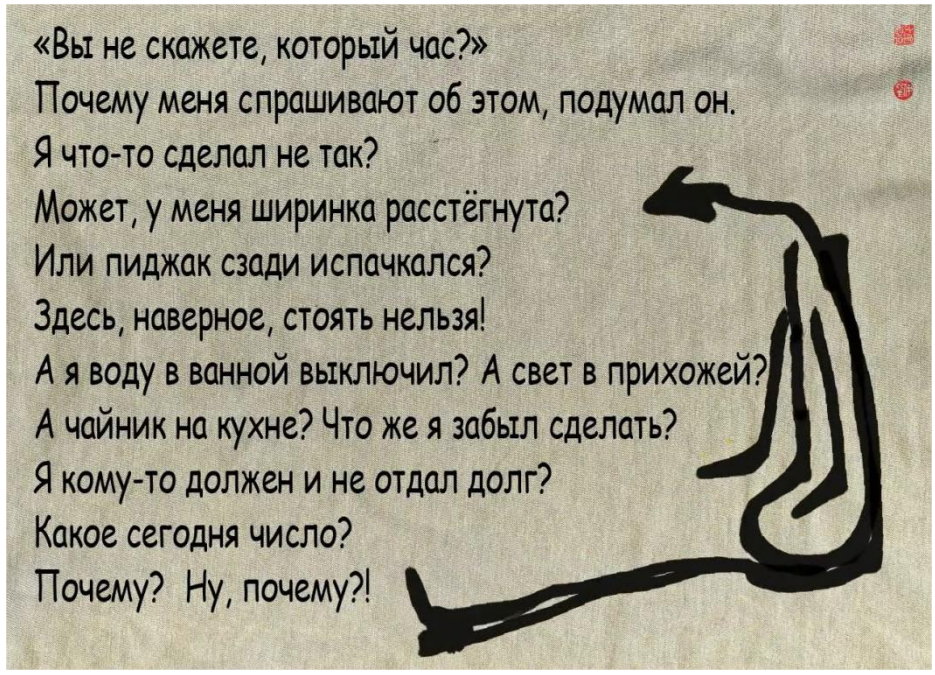
КОНТАКТЫ *11 картинок с текстами*

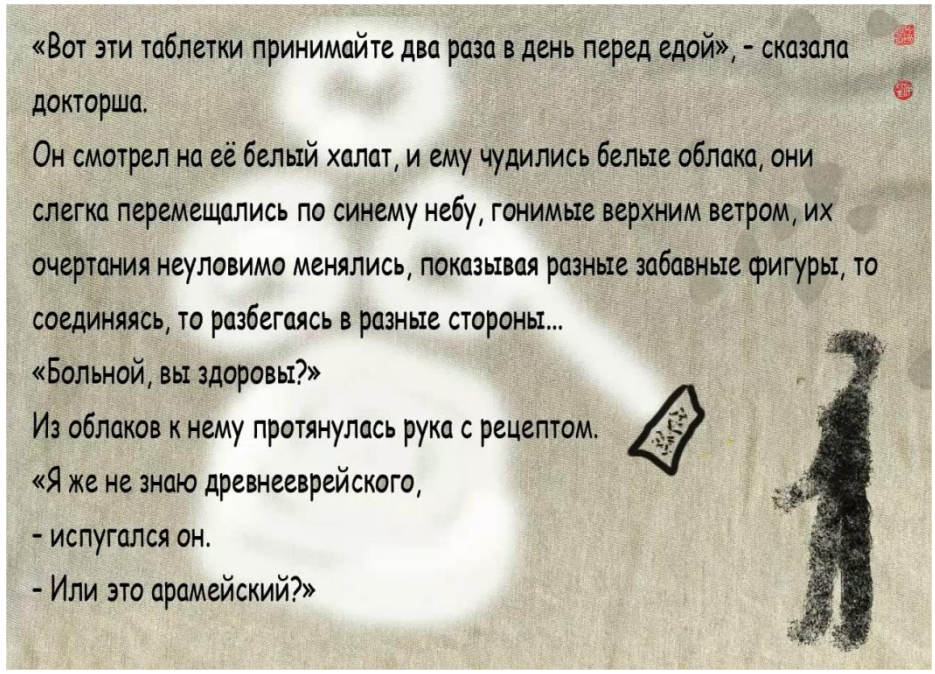

«Так что мы будем делать, коллега?» – услышал он вопрос.
Он засмущался и ответил осторожно:
«Ничего, герр профессор».
«А, ну тогда капните мне ещё спиртика».
Он испугался и убежал.

«Дяденька, а вы кто?» – спросила девочка.
Он стал думать: «А и правда: кто я?
Откуда я? Куда я иду?
Зачем всё это? Какой смысл?»
Но тут девочка повторила вопрос,
и он продолжил.


«Ты где?» – спросил его телефон.
Меня вычислили! – испугался он.
Так, без паники, нужно ответить правильно.
– «Я в магазине, покупаю хлеб».
– «Вася, это ты?»
Я же не Вася!
Всё пропало!
Что же делать?
– «Пи-пи-пи».


«Давай ниже», – сказала она.
«Ниже некуда», – машинально ответил он и похолодел.
«Ты здоров?» – спросила она.
Кровь бросилась ему в лицо, и он покрылся дрожью.

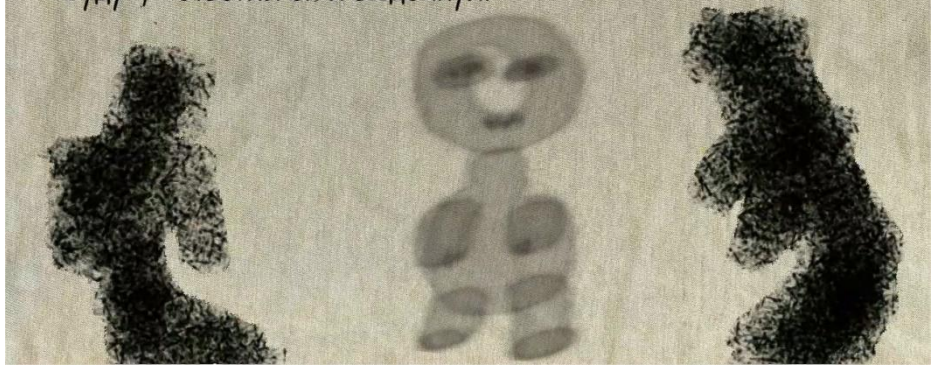

«Вы не скажете, который час?»
Почему меня спрашивают об этом, подумал он.
Я что-то сделал не так?
Может, у меня ширинка расстёгнута?
Или пиджак сзади испачкался?
Здесь, наверное, стоять нельзя!
А я воду в ванной выключил? А свет в прихожей?
А чайник на кухне? Что же я забыл сделать?
Я кому-то должен и не отдал долг?
Какое сегодня число?
Почему? Ну, почему?!


«Вот эти таблетки принимайте два раза в день перед едой», - сказала докторша.
Он смотрел на её белый халат, и ему чудились белые облака, они слегка перемещались по синему небу, гонимые верхним ветром, их очертания неуловимо менялись, показывая разные забавные фигуры, то соединяясь, то разбегаясь в разные стороны...
«Больной, вы здоровы?»
Из облаков к нему протянулась рука с рецептом.
«Я же не знаю древнееврейского,
- испугался он.
- Или это арамейский?»

«Третьим будешь?»

Он переводил взгляд с одного на другого, и перед глазами у него промелькнула вся его жизнь, со всеми её радостями и горестями, несбывшимися надеждами и рухнувшими мечтами.

«Буду», - ответил он и выдохнул.



«Ха-ха-ха!» - она весело засмеялась его шутке.

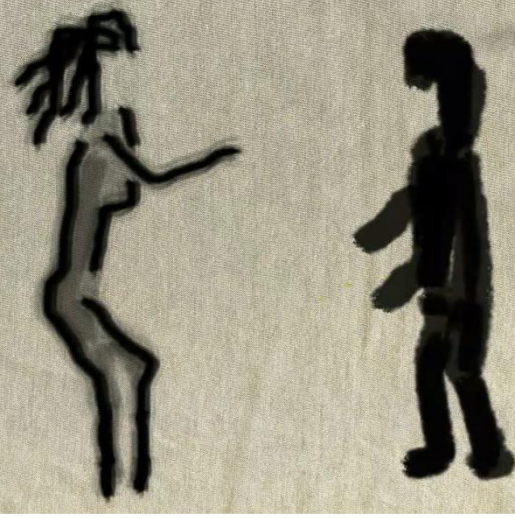
Воодушевлённый, он продолжил: «А вот ещё...»

Но тут она заплакала.

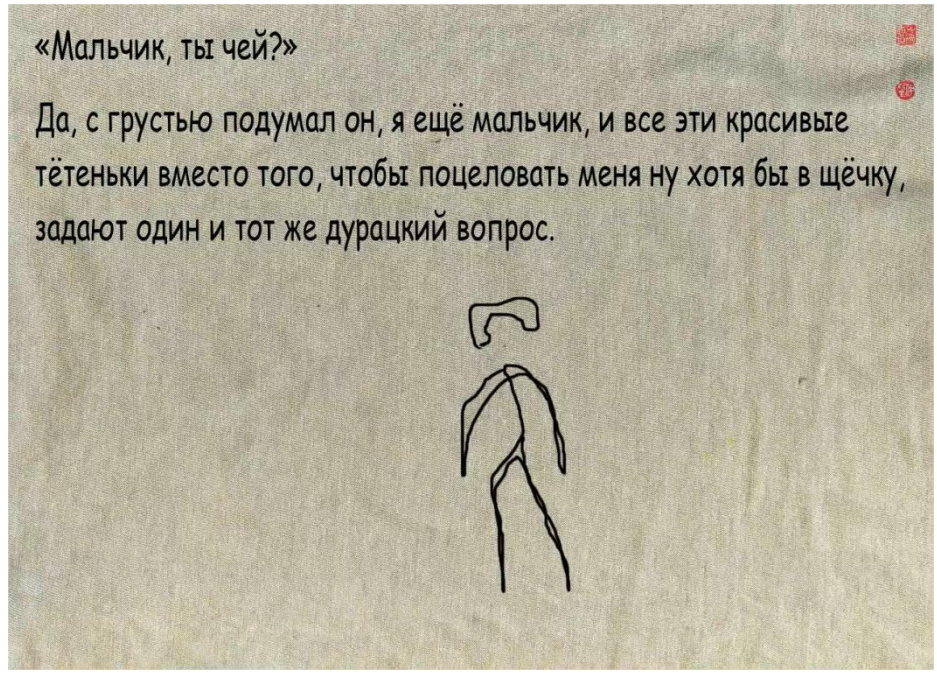
Он растерялся,
но быстро
взял себя
в руки
и рискнул:

«Был ещё случай...»

И получил пощёчину.



3
30 августа 2017, среда, Луна растущая 57%



НАСТАВЛЕНИЯ И СОВЕТЫ

36 нанонаставлений и наносоветов

Женщине: Если джинсы подчёркивают попу, это хорошо.

Мужчине: Если после третьей хочется четвёртую, не сопротивляйся.

Ребёнку: Если будешь слушаться маму и папу, они не будут ругаться.

Учителю: Ставя двойку, смотри в глаза.

Повару: Приготовляя пищу, экономь продукты.

Лётчику: На тебя все надежды пассажиров — не оплошай.

Продавщице: Принимая деньги, мило улыбайся.

Продавцу: Принимая деньги, не подмигивай.

Директору: Не кричи на подчинённых, когда никто не слышит.

Жене: У тебя есть муж.

Мужу: У тебя есть жена.

Гробовщику: Если забивать не все гвозди, можно съэкономить.

Читателю: Заглядывая на последнюю страницу, можно выиграть время.

Уличным музыкантам: Не играйте бесплатно.

Водителю автомобиля: Выходя из машины, отпусти руль.

Игроку: Проигрывая, не подавай виду.

Пассажиру метро: Ты здесь не один.

Врачу: не лечи здорового.

Работнику умственного труда: Не умничай.

Работнику физического труда: Отдохни.

Пешеходу: Иди!

Женщине с попой: Не оборачивайся!

Мужчине после вчерашнего: Не дыши!

Полицейскому: В театральном зале не стреляй в воздух — люстра упадёт.

Женщине в окошке: Не высовывайся!

Пародисту: Не передразнивай!

Художнику: Не видь так!

Поэту: Не выражайся!

Математику: Неизвестную переменную не обязательно обозначать буквой «*x*».

Физику: Не теряй смысл, а то математиком станешь.

Философу: Не ищи смысл, пусть он тебя ищет.

Историку: Мёртвые на тебя надеются.

Постовому: Палочка — не игрушка!

Юноше с девушкой: Ну же!

Школьнику: Начнёшь работать, узнаешь.

Школьнице: Сначала закончи школу.

5 сентября 2017, вторник, Луна растущая 98%

2018

ТРЯПИЧНЫЙ ИНОПЛАНЕТЯНИН

наблюдение

Тряпичный инопланетянин завис на уровне пятнадцатого этажа. Нельзя сказать, что ветра нет: самые тонкие веточки вблизи вершин деревьев ещё живые, не так как на картине художника и реалиста строгой школы, не допускающей ненужного движенья и в воздухе размытого сфумато. К тому же инопланетянин машет полосками цветными, похожими на те, что молодые инопланетяне используют для связи хулиганской в открытом космосе. Но этот инопланетянин уже в годах, я вижу, что один его пузырь уже сдуваться начал. А день, похоже, будет светло-серым, его я не назвал бы белым: для белизны на небе слишком много и тонких веточек и вытянутых ветвей деревьев многочисленных, и снег уже не молодой, и облака устали, и город не позволит. У инопланетянина семья, конечно, есть: жена, полужена, две куколки-дошкольницы и странный полумальчик, живущий звёздными ночами, как и положено странным полумальчикам в традиционной инопланетной полусемье. Другая половина в виртуале находится на чёрный день. Но день сегодня светло-серый. От пережитого немножко голова плывёт, на фоне шума электрических потоков, как и всегда, едва заметного, лишь изредка проедет звук проезжающего экипажа. Из-за угла мусоровоз ругается незлобно, равнодушно. Проходит женщина, потом старик проходит, потом два школьника, один из них получит двойку, другой запомнит на всю жизнь две тонкие косички у девочки за первой партой. Учёный психофизик выходит на балкон, чтоб зачерпнуть пригоршней воздух светло-серый после вчерашнего и посмотреть на инопланетянина, но инопланетянин говорит, что он не настоящий. Старушка у подъезда сидит на лавочке, бормочет что-то, видно, укоряет инопланетянина за неопрятный вид и легкомыслие космическое. Голубь жирным телом продавливает карниз чугунный за окном, а может, не

чугунный, но тоже. Голубь хочет семечек не жареных из кормушки для синиц. А кто не хочет? Даже инопланетянин, и тот посматривает косо, трепеща на уровне пятнадцатого этажа. Земля плывёт по рукаву спирали галактической. Обрывок полиэтилена плывёт, планируя на землю. Из кухни музыка плывёт, жена плывущим голосом зовёт позавтракать. Все ждут: случится что-то или нет.

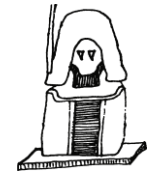
9-й день декабря 2018, воскресенье, 3-й день 11-й Луны,
3-й день 21-го сезона 大雪 Да сюэ - Большие снега,
3-й день 1-й пятидневки: Горный фазан прекращает петь.

ТЕ ЖЕ

миниатюрная пьеса

Старик в шляпе: — Жизнь проходит…
Девка без трусов: — Ну и х. с ней!
Толстая продавщица: — Свободная касса!

Те же и Полковник в отставке.
— Зима приближается…
— Ну и х. с ней!
— Как вы меня достали!
Полковник в отставке: — Отставить!



Те же и Мотоциклист на мотоцикле.
— По утрам на траве появляется белая роса…
— Ну и х. с ней!
— Ушла на базу.
— Почему вы не слушаетесь?
Мотоциклист на мотоцикле: — Рррр !!!

Те же и Школьница в фартуке.
— В движении воздуха слышится скрип снежинки…
— Ну и х. с ней!
— Чем я могу вам помочь?
— Пойду домой и застрелюсь.
— Бумс! Ба-бах! Блямс!
Школьница в фартуке: — У вас есть материнская плата форм-фактора наноу-айтиекс, желательно ипиайей енекс?

Те же и Потерявшийся китаец.
— Опять прохудилась туфля…
— Ну и х. с ней!
— Иногда так хочется букетик из трёх ромашек.
— Но сначала посмотрю телевизор.
— У вас есть что-нибудь от головы?
— Дайте мне две ириски, что-то на ностальгию потянуло.
Потерявшийся китаец (молчит).

Те же и Инопланетянин с бластером.
— Жизнь проходит…
— Ну и х. с ней!
— Свободная касса!
— Отставить!
— Рррр !!!
— У вас есть материнская плата форм-фактора наноу-айтиекс, желательно ипиайей енекс?
— (молчит).
Инопланетянин с бластером (всех убивает).

Те же и Ангел с крылышками.
— Мне кажется, приближается заря новой жизни…
— Ну и х. с ней!
— Она похожа на лепесток ромашки…
— Наверное, нам нужно построиться, а то как-то стыдно.
— А где мой мотоцикл?
— Ой! А что я скажу маме?
— (молчит).
— (тоже убит).
Ангел с крылышками: — Жизнь проходит… вот ещё одна… и ещё…

Те же без никого (раскланиваются).

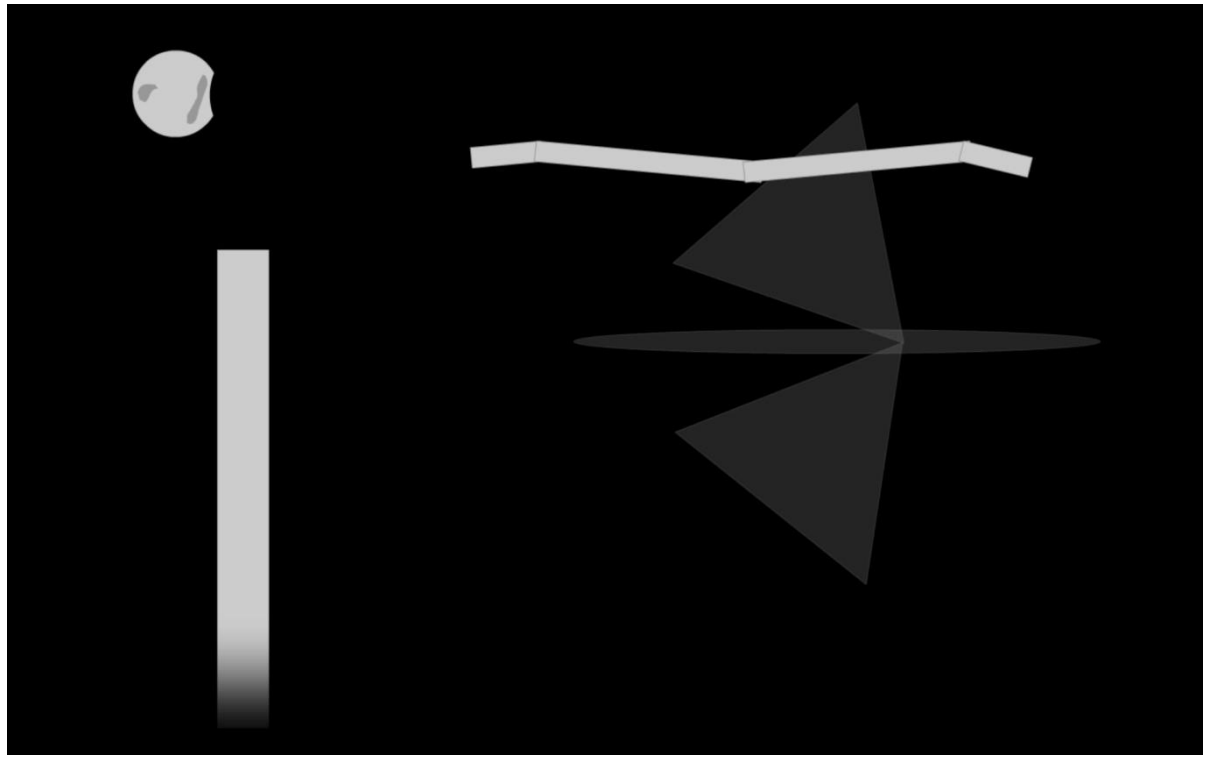
7 ноября 2018, среда, Последний день 9-й Луны,
Первый день 19-го сезона 立冬 Ли дун - Начало зимы,
Первый день 1-й пятидневки: Вода превращается в лёд.

ВЕРЁВОЧКА

миниатюра в 3 частях с 3 картинками

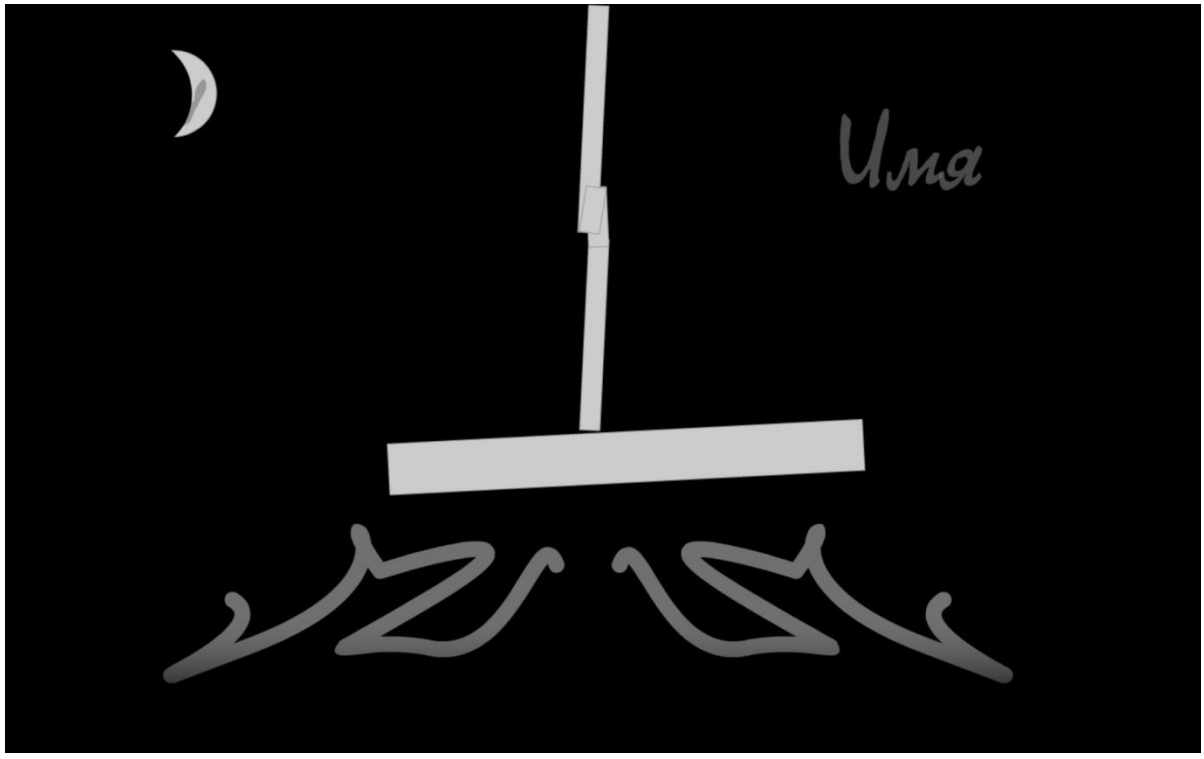
1.

Верёвочка была изящна, но неприхотлива. Пытливый стержень любовался на Луну. Верёвочка вилась и так, и эдак, но стержень непреклонен был и прям. Ветра подули, пролетело время и успокоились пески на плоскости пустыни. Верёвочка устало улеглась, и стержень вдруг подумал: «Вот и всё!». Прошла сороконожка, философски переставляя ноги и слога. Залётный инопланетянин не понял ничего и улетел. Верёвочка о молодости вспоминала, о молодости ушедшей как сороконожка. А стержень лишь вздохнул и укоризненно покосился на Луну. Которая опять.



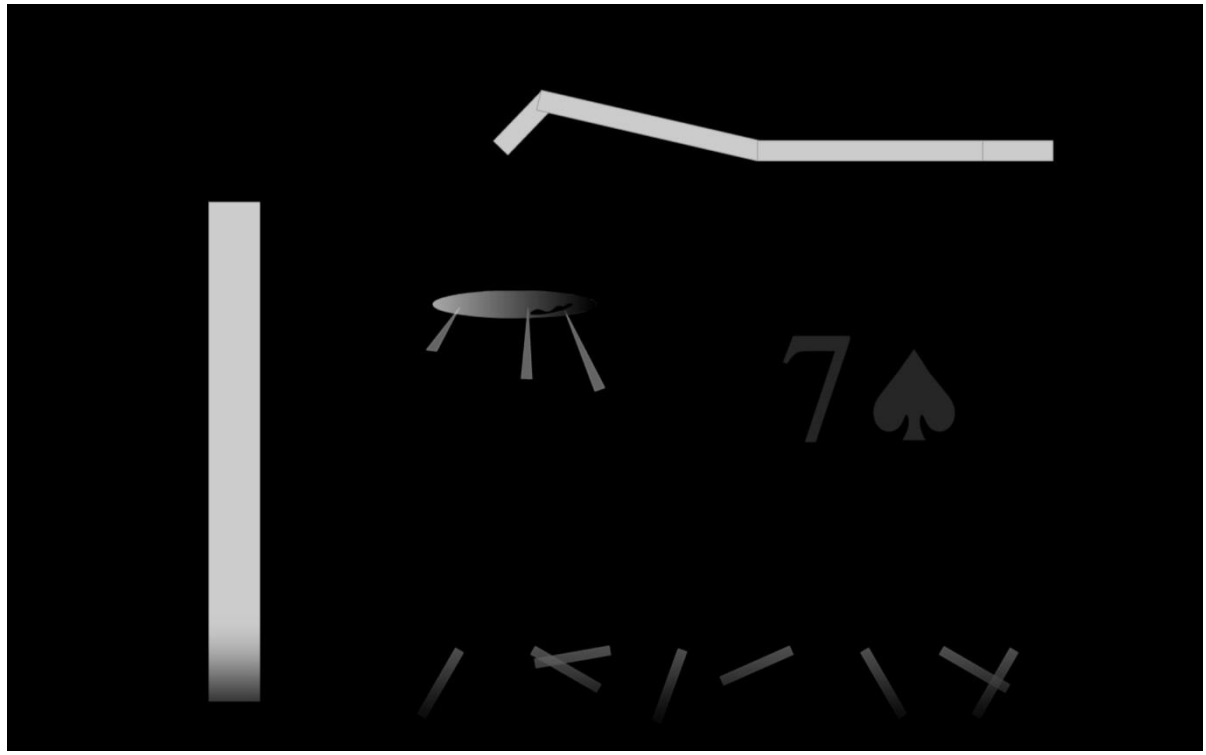
2.

Он на верёвочке качался, когда она повесилась, пытаясь вспомнить имя, но не вспомнил. Два силлогизма не сходились, и где-то брешь зияла… или брошь? Он не идентифицировал пока. Глаза глядели из темноты, или темнота глядела из глаз. «В любом случае путь закругляется, — подумал он, — но что это сулит?» Склоняли ивы ветви до земли. Солнцестояние декретом отменили. И белый пёс всё лаял на Луну и вилял хвостом. А имя таяло в тумане, куда верёвочка тихонько уползала. И кто-то непреклонный и прямой всё звал и звал его. Но он не шёл. Никто не шёл, как будто оцепенели все без всякого мотива и причины.



3.

Верёвочка клевала носом, а стержень всё бубнил, бубнил. «Семёрка пик», — раздался голос диктора суровый. Залётный инопланетянин крутил ручки радиоприёмника, пытаясь поймать голос своей далёкой цивилизации. Сороконожка философски сказала, что движенья нет. О стёкла бились ветви ивы, на которых белый пёс качался и качался. Верёвочка уснула наконец, а стержень вспомнил имя, но забыл зачем. Луна была шестой, но старой. Две революции прошли, хвостом виляя и выдыхая туман, и тьму, и звёзды и того, кто раньше был. Он раньше был, а вот теперь уж нет. «Как это грустно», — верёвочка во сне произнесла.



26 июля 2018, четверг, 14-й день 6-й луны.
4-й день 12-го сезона 大暑 Да шу - Большая жара.
4-й день 1-й пятидневки: Сжигают старую прелую траву.

ИВАН ИВАНЫЧ И ИРАИДА ПЕТРОВНА

8 картинок с миниатюрами

1. Артафёрт

11 января 2018, четверг, 25-й день 11-й Луны.
6-й день 23-го сезона 小寒 Сяо хань - Малые холода.

2. Шляпа

8 февраля 2018, четверг, 23-й день 12-й Луны.
5-й день 1-го сезона 立春 Ли чунь - Начало весны.

3. Молодость

Перед сном Ивану Иванычу вспомнилась молодость, поэтому ночью ему снились белые щупальца весёлых деньков, которые маньячное время методично отрубало: тюк! тюк! тюк!

Ираида Петровна тоже во сне ворочалась, но по другой причине.

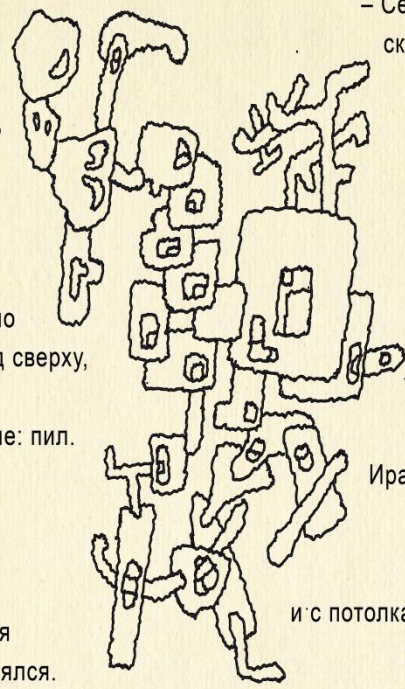
Утром они пили кофий и отводили глаза.

«Тюк! тюк! тюк!» – весело стучал по батарее сосед сверху, не вышедший на работу по уважительной причине: пил.

– Это ж вот! – сказала Ираида Петровна и высморкалась.

– Тут ж это! – согласился Иван Иваныч и прокашлялся.

На балконе весенние киллеры обустраивали лежку. Ираида Петровна смотрела на них и думала.



3

Из комнаты на кухню заглянули инспекторы и коллекторы, дали Ивану Иванычу в глаз и ушли, не прощаясь.

– Сегодня обещают солнечный день, – сказал Иван Иваныч, прищуриваясь.

Ираида Петровна ничего не ответила, продолжая думать.

На балконе взорвалась граната, и он упал, придавив выходивших из подъезда инспекторов и коллекторов.

– Выпью, пожалуй, ещё кофейку, – сказал Иван Иваныч.

Ираида Петровна ничего не ответила, продолжая думать.

Батарея, наконец, развалилась, и с потолка ручейками потекла горячая вода.

– Зонтик на прогулку не возьму, – продолжил свою мысль Иван Иваныч.

Ираида Петровна закончила думать и фыркнула.

9 февраля 2018, пятница, 24-й день 12-й Луны.
6-й день 1-го сезона 立春 Ли чунь - Начало весны.

4. Квадрат

4

Иван Иваныч не любил квадрат:
ни квадрат Малевича,
ни е равно эм це квадрат.

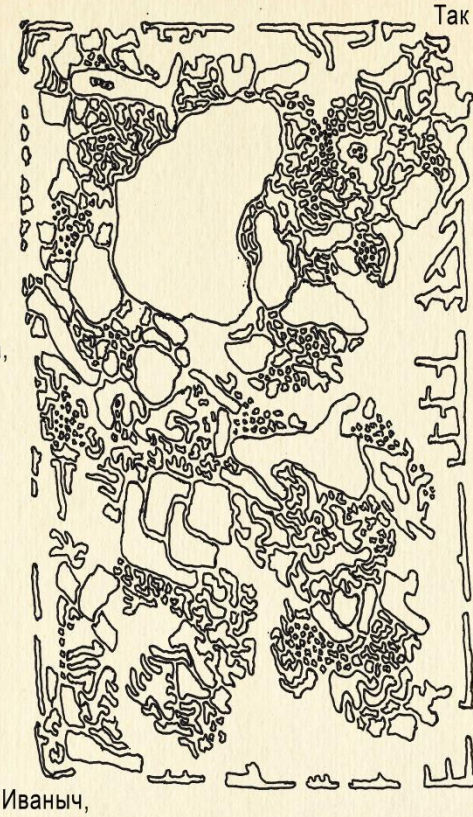
А Ираида Петровна
любила, но тайно.

Иван Иваныч подозревал
Ираиду Петровну,
но доказать не мог.

А Ираида Петровна могла,
но не хотела.

– Тардавк! – говорил
Иван Иваныч,
пытаясь зайти
с обратной стороны.

– Ничего не знаю, –
не поддавалась
на провокацию
Ираида Петровна.



– Ква-ква, – квакал Иван Иваныч,
ожидая продолжения.

– Ни за что! – стояла на своём Ираида Петровна.

Так они ругались и ссорились.
Но потом мирились,
наблюдая как
по вечернему небу плывут
самолёты, вороны,
дирижабли
и чайники.
А вечер медленно угасал,
краски стирались
и свет далёких
угасших звёзд
щекотал ресницы.
Иван Иваныч
и Ираида Петровна
сидели на диване,
пили чай из чайника
и держались за руки.
– Это любовь, –
думал Иван Иваныч,
стряхивая с ресниц
слезинку.
– Это квадрат, – думала Ираида Петровна,
тоже стряхивая.

9 февраля 2018, пятница, 24-й день 12-й Луны.
6-й день 1-го сезона 立春 Ли чунь - Начало весны.

5. Смерть

Когда пришла пора умирать, Иван Иваныч
решил стать вампиром, чтобы ещё пожить.
И для начала укусил Ираиду Петровну в шею.
– Теперь мы будем жить вечно? –
спросила Ираида Петровна, замазывая
укус зелёнкой.
– Если со смертью договоримся, –
сказал Иван Иваныч, натягивая
дедушкин сюртук. – Ах, чёрт, моль
поела.
– За ложный вызов, – сказал Смерть,
откусывая кусок пирога и складывая
пухлые пальчики на круглом животике, –
пидёсся патить шаф.
– Я заштопаю, – сказала Ираида
Петровна. – Хотите ещё пирога?
– Можно и пирогами, –
сказал Смерть. – А с черникой есть?
– С черникой нет, есть с ежевикой, –
сказала Ираида Петровна. – Это даже
полезней.
Смеркалось.
Иван Иваныч ушёл на ночную охоту,
бурча себе под нос: «Шантаж, это шантаж».
Ираида Петровна осталась со Смертью чаёвничать.

6

– Вы так на моего племянника похожи,
на Петеньку, – говорила Ираида Петровна,
показывая альбом с фотографиями.
– Вот здесь ему двадцать лет,
а уже животик, видите?
Смерть клевал носом.
Когда вернулся Иван Иваныч,
утирая рот носовым платком,
Смерть уже спал.
– Я ему снотворного
в чай добавила, –
сказала Ираида Петровна
и улыбнулась.
– Тяжёлый, –
сказал Иван Иваныч, –
придётся расчленять.
И вздохнул.
– А может лучше
в лифт посадим? –
предложила
Ираида Петровна.
– И кнопочку нажмём.
Как будто он не к нам приходил.
– А если вернётся? – засомневался
Иван Иваныч и облизнул губы.

13 февраля 2018, вторник, 28-й день 12-й Луны.
10-й день 1-го сезона 立春 Ли чунь - Начало весны.

6. В сердцах

5

– Я что, дурак? – спрашивал
Иван Иваныч в сердцах.

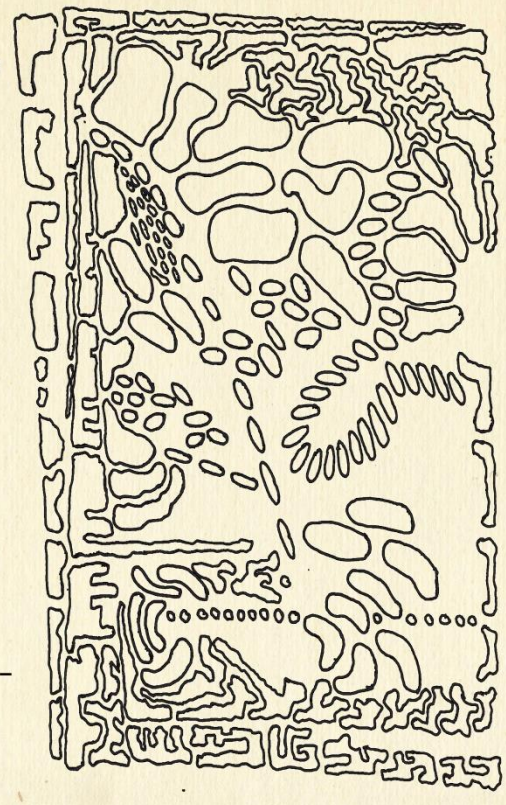
– Как скажешь, дорогой, –
отвечала Ираида Петровна
тоже в сердцах.

Помолчали.

В телевизоре электорат
выбирал президента
получше,
в магазине сосед
выбирал поллитровку
подешевле,
в сердцах Иван Иваныч
выбирал выражения
помягче.

А Ираида Петровна
ничего не выбирала:
она уже один раз выбрала –
и на всю жизнь.

Опять помолчали.



– Где мой старый тулуп? – спрашивал Иван Иваныч,
чтобы с чего-то
начать.

– В химчистке, –
отвечала
Ираида Петровна,
чтобы чем-то
закончить.

Ещё раз помолчали.

В сердцах
всех людей земли
теплилась надежда
на лучшую жизнь.

– Ладно, –
успокоился
Иван Иваныч.

– Ладно, –
согласилась
Ираида Петровна.

9 февраля 2018, пятница, 24-й день 12-й Луны.
6-й день 1-го сезона 立春 Ли чунь - Начало весны.

7. Кого больше?

– Кого больше? – Иван Иваныч давно мучился этим вопросом.
Плохих или хороших? Добрых или злых?
Умных или глупых? Мужчин или женщин?

– Сексист! – сказала Ираида Петровна и сплюнула.

А Иван Иваныч не отставал:– Кого больше?

Ираида Петровна
плавно плыла по воздуху
с кастрюлькой в руке,
и солнечный луч из окна отражался
в кастрюльке кривоватой улыбкой.

Иван Иваныч тоже плавно
плыл по воздуху, но с пустыми руками.
Нечем ему было отражать,
а криво улыбаться он и сам мог.

Из телевизора звучала классическая музыка.

Ираида Петровна делала мечтальное па,

Иван Иваныч делал тоже какое-то па.

– Папа! – истошным голосом кричал соседский ребёнок во дворе.

7

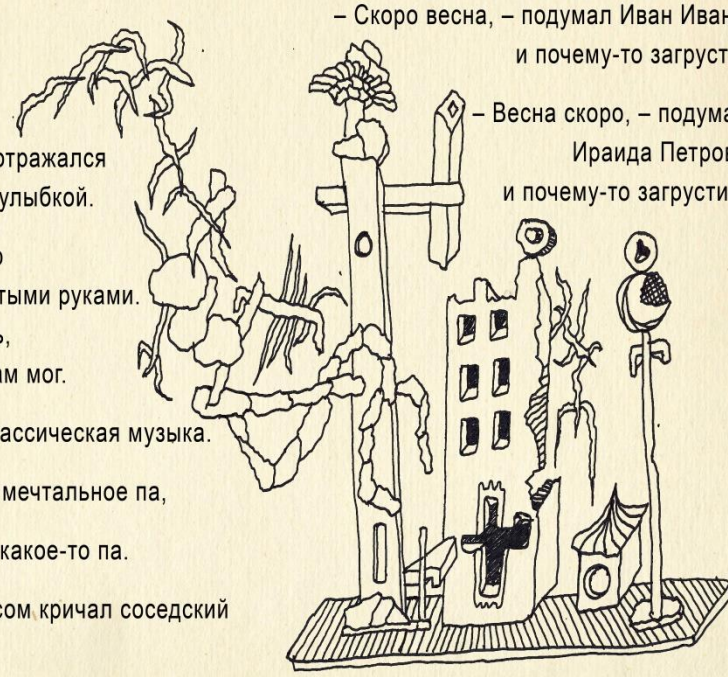
Падал снег.

По тротуару ходили люди, а по проезжей части проезжали автомобили.

Падал снег.

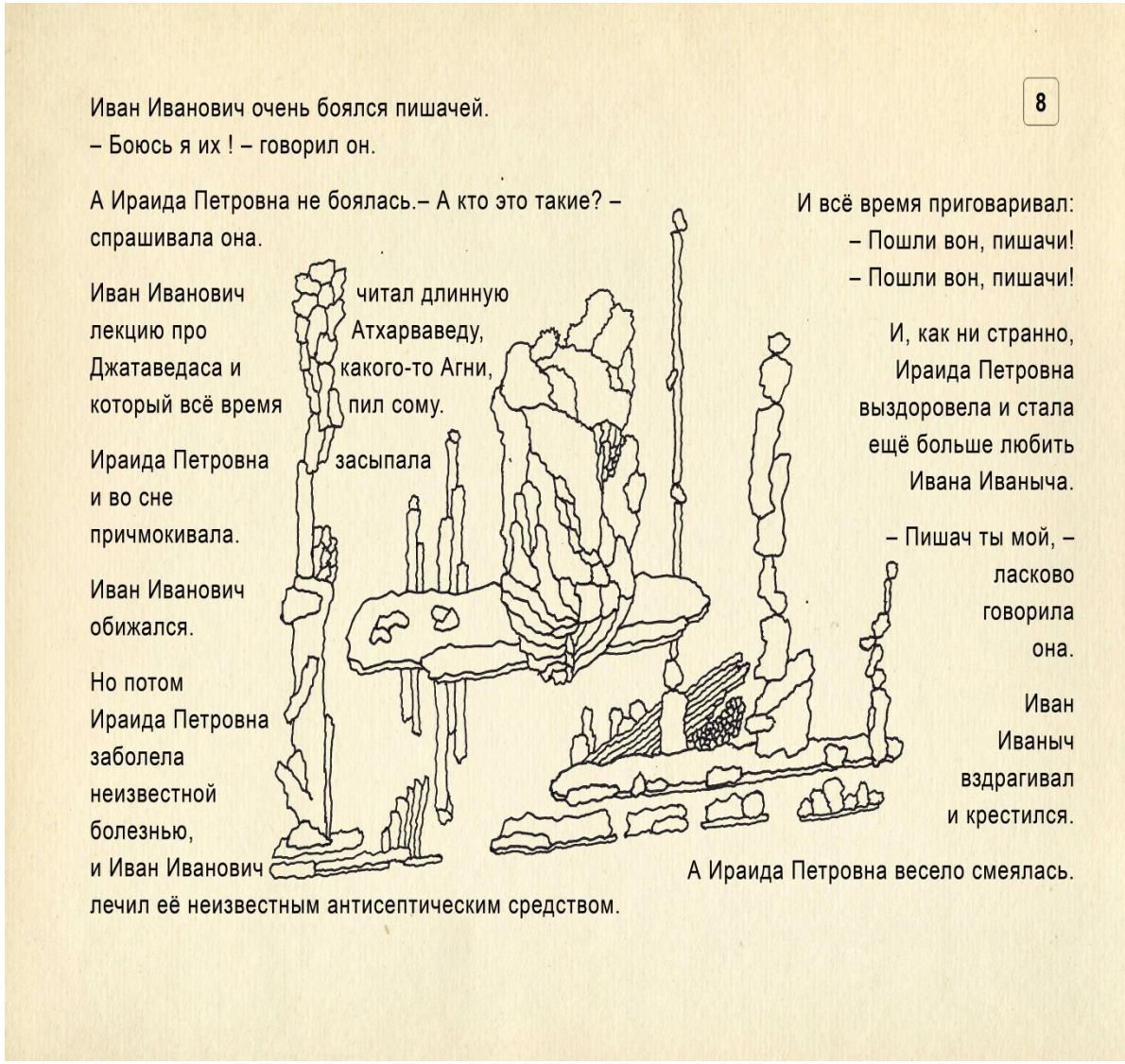
– Скоро весна, – подумал Иван Иваныч и почему-то загрустил.

– Весна скоро, – подумала Ираида Петровна и почему-то загрустила.



14 февраля 2018, среда, 29-й день 12-й Луны.
11-й день 1-го сезона 立春 Ли чунь - Начало весны.

8. Пишачи



25 февраля 2018, воскресенье, 10-й день 1-й Луны.
7-й день 2-го сезона 雨水 Юй Шуй - Дождевая вода.

УГОЛКИ: КАМЕНЬ

поток мыслей камня на углу забора

Я давно хотел начать писать серию текстов о разных вещах в окружающих их пространстве и времени. Для себя я это называю «уголки». Вот, например, идёт забор, потом поворачивает. На углу лежит камень. Вокруг камня песок и трава: слева крапива, справа какая-то другая трава. Камень имеет обзор на две стороны вдоль забора и может общаться с травой вокруг: слева с крапивой, а справа с какой-то другой травой. Может быть, камень родился не здесь, я этого не знаю. Может быть, камень помнит о тех, других местах, а может быть, забыл. Он давно здесь лежит, здесь прошла большая часть его жизни. Здесь его поливали дожди, высушивало солнце, зимой заносил снег, а осенью — листья. Листья падают с дуба, выходящего из земли далеко-далеко, почти на горизонте каменного зрения. Когда камень погружается в размышления о смысле бытия (а последние годы это случается с ним всё чаще и чаще), его взгляд скользит по стволу дуба. То вверх, то вниз. Когда взгляд скользит вверх, мысли камня становятся всё возвышеннее и возвышеннее. Но потом они путаются в ветвях и листьях, и взор камня начинает сползать вниз. Всё ниже и ниже, к земле, и камень впадает в депрессию. От мрачных мыслей камня обычно отвлекает крапива — особа насмешливая и не склонная к созерцанию. Когда она цветёт, а цветёт она почти всё время, крапива весьма довольна собой, и беседовать с ней можно только о вещах бытовых и практических. Высоких материй она не понимает и насмехается над ними. Только перед зимой, когда даже крапива вынуждена засыхать, камню удаётся поговорить с ней о смысле жизни. Но у крапивы этот смысл, на взгляд камня, слишком приземлён: она начинает рассуждать о корнях, корневищах и мечтать о весеннем возрождении. Камню это непонятно: для него весна мало отличается от лета, осени или зимы. Только когда зимою много снега, и камень оказывается полностью погружённым на дне сугроба, к нему приходят мысли о цикличности времени. Иногда он думает: а что если весны не будет, снег так и не растает, и он, камень, больше не увидит ствола дуба на горизонте зрения? В такие минуты камень размышляет о смерти, которая обычно его не волнует, поскольку он не чувствует её отличия от жизни. Но поскольку и крапива слева, и какая-то другая трава справа часто говорят о смерти и рождении, о том, что время движется по кругу, то и камень начинает об этом задумываться. Одно время у него была теория о большом круге, по которому движется он сам. Это не короткий цикл из весны, лета, осени и зимы, по которому движутся травы. Это большой круг, такой большой, что кажется прямой линией. И через бесчисленное время движения по этому кругу камень почувствует какие-то

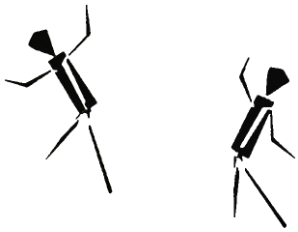
изменения в себе, он медленно будет превращаться, достигнет какой-то другой фазы существования, ему что-то откроется такое, о чём он сейчас не может даже помыслить. А может быть, наоборот, придёт волна затухания, и всё погаснет, как гаснет солнечный свет на дне зимнего сугроба. Так движутся мысли камня зимой, ни на чём особо не останавливаясь, и никуда особо не стремясь. Но потом опять приходит весна, снег тает, и в какой-то траве справа вспыхивают белые цветочки. Поначалу камень досадует на них, они отвлекают плавное течение его мыслей, всё что-то мельтешат и хихикают. Но потом солнце высушивает камень, и тот начинает даже находить некое удовольствие в беседах с этими мелкими существами, легкомысленными, наивными и недолговечными. Ещё весною, когда крапива слева и какой-то другая трава справа ещё не поднялись высоко, хорошо смотреть вдоль забора. То в одну сторону, то в другую. По сути, эти два направления подобным координатным осям, которые размечают пространство мира и придают ему направление и границы. Песчинки песка тихо движутся от ветра и сотрясения земли, то приближаясь к границам камня, от удаляясь от них, будто волны какого-то моря. Но это я так могу думать, а для камня они и есть волны песчаного моря, и никакого другого моря нет. Если, конечно, не считать морем воздух, в котором ходят волны ветров. Или море солнечного света, в котором плескается солнечный свет. Когда-нибудь, думает камень, будет другая жизнь. Мы не можем её себе представить, как не представляем в только что упавшем жёлуде будущего дуба. Хотя вот же — выводок юных дубков, а когда-то, я помню, думает камень, они были желудями, и я видел, как они упали и долго лежали на песке, похожие на мелкие камешки. Всё-таки странно устроен мир, думает камень, странно и как-то тревожно, хотя ничего тревожного вроде бы не происходит. Сменяет весна зиму, и сама сменяется летом, которое умирает осенью, которая готовит зиму. И катится колесо года по большому кругу. Но что-то тревожно мне бывает на сердце, думает камень. Странно как-то: и спокойно и тревожно одновременно. Будто всё, что есть, может и не быть. Вот — есть, а вот — нет. Всё время что-то меняется, и ничего не меняется. Слишком большой он, этот большой круг. И камень вздыхает.

30 июля 2018, понедельник, 18-й день 6-й луны.
8-й день 12-го сезона 大暑 Да шу - Большая жара.
2-й день 2-й пятидневки: Сильные дожди учащаются.

ТЮТЧИ ЛЕТЯТ ПО НЕБУ, ОТБРАСЫВАЯ ТЕНИ

поток

Мысль изреченная есть Тютчь.
Валентин Загорянский



Нам, конфуцианцам, не нравится, когда человек говорит одно, а имеет в виду совсем другое.

Дело в том, что на дне каждого конфуцианца сидит хитрый даос. Вот он всё и портит.

От XX века ощущение незавершённости: как будто из детектива вырвали последние страницы и осталось неизвестным: кто же убийца?

XXI век начался не с того, не там и не в то время.

Когда я родился, не было не только интернета, но и компьютеров, не говоря уже о мобильниках. Теперь с ужасом думаю: что же придёт на смену социальным сетям?

Мысли, которые приходят сами, не хотят вербализоваться. Нужно прилагать усилие, чтобы превратить их в слова. А без такого усилия они уходят дальше и исчезают за горизонтом. Всё это похоже на тени от облаков, скользящие по земле.

Глубокое искусство — разновидность ритуала.

Невозможное в бытии возможно в небытии, которое делает это невозможное существующим, просто меняя одно бытие на другое.

Не может ли оказаться, что объяснение мира в пределе совпадает с разрушением мира и рождением нового мира, который потребует нового объяснения.

Почему мы думаем, что мир так устроен, а не так устраивается в желании нам угодить?

Отличается ли познание от сотворения?

Земля не станет плоской как бы искренне мы в это не верили и как бы изощрённо не доказывали. Не уверен, что этот закон работает в микромире.

Физика уверенно приближается к тому пределу, за которым остаётся одна математика и исчезает реальность.

По большому счёту философии наплевать как устроен мир. Важно лишь, как он должен быть устроен.

Не печаль печальна, а человек, которым овладела печаль. Не радость радостна, а человек, к которому пришла радость. Сами чувства холодны как ангелы.

Подобна обшарпанному вагону поезду с выгоревшим нутром была любовь его, пока он был. Ему нужно было умереть, чтобы она расцвела нежным полевым цветком на его могиле.

Бог — это не ответ, а вопрос.

Души людей витают в небе, души рыб ходят по земле, а души птиц плавают в море.

Когда-то мне очень нравились Стругацкие за то, что главный герой всегда сосредоточенно размышляет, пытаясь понять, как устроен мир и решить, что правильно, а что нет, но без истерики, свойственной XIX и, отчасти, XX веку. А вот теперь думаю: а не слишком ли это просто? И существует ли одно такое правильное решение?

Может показаться, что Конфуций сделал такой упор на 孝 (xiào) — сыновней почтительности специально для того, чтобы вводить в ступор западного человека нового и, тем более, новейшего времени.

Основы пессимизма: Радость — временное и потому ложное чувство отсутствия тоски.

Анчаров: «Тоска — это ... просто очень сложная потребность, к которой сразу и слов не подберешь». Я бы сказал честнее: «Тоска — это просто очень сложное отсутствие желания».

Основы пессимизма: Смерть дана человеку для того, чтобы предотвратить самоубийство.

Основы пессимизма: Человек лишённый тоски — даже не животное.

Основы пессимизма: С человеком, который радуется жизни, даже поговорить не о чем.

Развал образования — это ещё не катастрофа. Катастрофа наступит тогда, когда его восстановят, потому что это будут делать те, кто получил разваленное образование.

О том, что тексты нужно читать в оригинале, больше и чаще всего говорят переводчики. Ну и как им после этого верить?

Если сон разума рождает чудовищ, то бодрствование их кормит и поит.

Может быть вместо «этот мир» нужно говорить « мир с этого входа»?

Физики нашей планеты докапываются до устройства мира: тела — вещества — атомы — кварки — струны... А с противоположной стороны, может быть, кто-то докапывается в нашу сторону: ... струны — кварки — атомы — вещества — тела?

По аналогии: если человек, созданный Богом, способен познавать мир, созданный Богом, то компьютер, созданный человеком, способен познавать мир, созданный человеком. И не более того.

Кот Шрёдингера, деконструкция текста Деррида, нечёткие множества и многозначные логики в математике... куда мы катимся?

Восток не знает тоталитаризма, потому что не знает демократии.

Природа в городе: Солнце вставало над крышей шестнадцатиэтажного дома, скользило по проводам и золотило два верхних этажа двенадцатиэтажного дома напротив, поблескивая в окнах.

XXI-ый век отличается от XX-го и, тем более, предыдущих веков кичливостью, нескромностью, невежеством, задушенностью чувств и поверхностностью мышления. А ещё — тщательно скрываемой растерянностью.

Нет, ну так всё в порядке, если не считать того, что другой жизни не будет.

Молодость нетерпелива. С возрастом человек научается ждать. Своего пика это искусство достигает непосредственно перед смертью.

Либо глупость, либо банальность, а третье — от лукавого.

Мудрость заключается не в том, чтобы сказать что-то новое (для этого ума достаточно), а в том, чтобы сказать что-то старое так, чтобы оно показалось новым.

Начала двоичной арифметики: to be or not to be.

Слишком часто говорят: "Смотреть обязательно!", "Читать обязательно!". Обязательно в этом мире только одно: смерть.

Бессмертные боги стихов не пишут. Ангелы тоже.

После смерти стихов не пишут.

Смертный поэт пишет только о смерти.

Деревья в городе думают, что они в лесу.

Никогда не отбирайте среди своих стихотворений лучшие.

По волосам человека можно определить, как часто его/её гладили по голове. Не часто.

Старый друг пришёл в гости и принёс бутылку коньяка. Они пили коньяк, закусывали сыром и мандаринами, оказавшимися в холодильнике, и вспоминали молодость. Потом друг ушёл, а он, захмелев, курил сигарету на балконе, смотрел на звёзды и думал: «Вот ведь как...». Потом из-за крыши шестнадцатиэтажного дома вышла неполная луна, и он подумал: «Да уж...». Потом набежали тучи, и пошёл дождь. И он подумал: «Ну, и хрен с ней!», и пошёл спать.

Писать надо так, чтобы это никогда не было опубликовано. К сожалению, интернет несколько портит эту красивую картинку.

Точность объективности — это математика, точность субъективности — это поэзия. И то и другое делает мир ясным и резким, тогда как, по Лао-цзы, его лучше оставить тёмным и мутным. Это вопрос.

Во многом благодаря поэзии и анекдотам всё больше слов и выражений становятся эвфемизмами, дисфемизмами и эсхрофемизмами. Обычных слов скоро вообще не останется.

Для того чтобы человечество не погибло раньше времени, нужны народы, тормозящие прогресс.

Поскольку время никогда не заканчивается, но имеет тенденцию ходить кругами, проверка временем никогда не может закончиться.

Благородный муж должен иметь только правильные желания. Остальные могут себе позволить.

У меня возникло подозрение, что Кэррол писал «приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте» как сатиру на капиталистическое общество. А мы-то думаем, что это верх мудрости и руководство к действию.

Не соглашайтесь на пластику ума: естественная глупость много привлекательнее искусственного интеллекта.

Хочешь быть — будь.
Хочешь жить — жуть.

Уже который раз убеждаюсь в том, что с мёртвыми разговаривать бывает интереснее, чем с живыми. И не потому, что мёртвые не отвечают, а потому, что их ответы умнее. Впрочем, всё ещё живы исключения.

Когда учёные выяснили, что человек сам не думает, а только улавливает мысли деревьев, люди им не поверили, и даже высмеяли. Ну, и правильно: деревья нарочно такие мысли транслировали. А как иначе заставить людей делать ту работу, которую сами деревья выполнять не могут, потому что, во-первых, у них рук нет, во-вторых, они передвигаться не могут, и, в-третьих, им вообще не до этого: они погружены в размышления.

Опускается мелкий снег, совершенно невидимый. Но в свете фонаря он искрится. Это очень красиво. Но совершенно расточительно. Вот я сейчас уйду спать, и некому будет на это смотреть. А снег всё будет падать и искриться. Люди так не умеют.

Самый экономичный способ производства суперкомпьютеров остаётся тем же: папино зачатие + мамимы роды.

Как-то внезапно, без перехода, разделись девушки этой весной.
Неинтересно.

Я вот хотел как раньше: мягко, вечерне, обязательно с чаем. Пусть даже старомодно и немного пыльно, и буковки неровные, и непременно что-то от руки приписано, а что-то зачёркнуто или подчёркнуто. Чтобы дымок шёл, а нет-нет, да и струйка свежего воздуха. Воздуха уже потемневшего, ночного, с толикой сырости и прелых листьев. А бумага-то, бумага — желтоватая и так приятно похрустывает, уголки загнуты, конечно. Разговор спокойный, задумчивый, с нервной жилкой бьющейся. А не то — молчание, протяжное как гудок паровоза. И тесёмочки на папке: их можно развязывать, и опять завязывать, и снова. Одной чашки чая мало, конечно. Ещё можно плавленый сырок, потому что время длинное, позднее. Можно взять любую книжку и полистать, или две — и сравнить. Но от электрической лампы верхние полки тёмные, там века сложены, ждут. Это приятно — чувствовать века за своей спиной. Берётся новый листок бумаги и рисуется схема мироздания, потом можно уточнять, места, конечно, не хватит, на обороте приписки делать. Потом сделать новую струйку дыма, чтобы осознавать это всё в цельности своей, главное почувствовать правильно. И вот уже уличный фонарь за окном как бы подтверждает, и свет в окнах дома напротив что-то передаёт зашифрованное. Но нужно вернуться к чаю, он остыл, заварить новый, это как открыть новую страницу, и разговор меняет русло, чтобы там, в старом русле, в старице отстаивался вечер мягкий с неповторимым ароматом. Всё же немного пыльно, да и поздно уже, пора завязывать тесёмочки.

Я бы ещё что-нибудь сказал, но тютчь...

май 2018

2019

СЕМЬ МИНИАТЮР

7 миниатюр

1. Оргазм, коллапс и гробница его жизни

Он слегка картавил и так мягко и нежно произносил слова, что возникали какие-то диковинные вещи: *ольгасим*, *коляпс* и *клёпница*. Она догадывалась, что *Ольга Сим* когда-то была его любовницей: он вспоминал её редко, но каждый раз вздыхал и закатывал глаза. По его словам было непонятно, кто такой *Коля ПС*, но он представлялся ей важным, толстым и злым. А ещё напыщенным и невоспитанным, потому что не приходил, а происходил, не встречался, а случался, а ещё всё время на что-то наступал и надвигался. И только по поводу *клёпницы* у неё были сомнения: не то это ёмкость, в которую он собирался в будущем складывать свои *клёпки*, не то знакомая *Клёпа из Ниццы*. Но, по крайней мере, не любовница, потому что он её не любил и боялся. В минуты душевной смуты он говорил: «Я уже забыл, что такое *Ольга Сим*, врачи говорят, что в любой момент может случиться *Коля ПС*, и впереди меня ожидает *клёпница*».

7 октября 2019, четверг, 9-й день 9-й Луны.
Последний день 16-го сезона 秋分 Цю фэнь - Осеннее равноденствие.
Последний день 3-й пятидневки: Воды начинают высыхать.

2. Из «Записок под изголовьем»...

То, что трогательно...

Когда с дерева уже опали почти все листья, а на одной ветке ещё держатся два-три листка.

Когда родственник вырвал из книги почти все страницы и пустил их на самокрутки, но ещё остались две-три страницы, и на одной из них — твоё любимое стихотворение.

Когда девушка уже сняла почти всю одежду и прикрывается шарфиком.

Когда почти все друзья уже поздравили тебя с днём рождения, а один ещё нет, и ты ждёшь, и— вот и он.

Когда почти все друзья забыли поздравить тебя с днём рождения, и ты ждёшь, и — вот один поздравил.

Когда девушка уже почти оделась и, помедлив, повязывает шарфик.

Когда родственник вклеил обратно в книгу почти все страницы, а страницу с твоим любимым стихотворением оставил у себя.

Когда на дереве распустились почти все листья, а на одной ветке остались две-три нераспустившиеся почки, потому что она сломана.

Когда вечером прячешь эту записку под изголовье, а утром находишь её рядом на столике.

7 ноября 2019, четверг, 11-й день 10-й Луны.
1-й день 19-го сезона 立冬 Ли дун - Начало зимы.
1-й день 1-й пятидневки: Вода превращается в лёд.

3. Наращивал виртуальной реальностью реальную реальность

Наращивал виртуальной реальностью реальную реальность.

Нитки использовал светящиеся.

Иероглифы кололись, латынь ныла, гноился церковно-славянский, проступала сыпь новояза.

Занимался самолечением, укрылся крыльями, всё оцифровал, потом запил водкой.

На ветке берёзы сидела прозрачная девочка и пела песню цикады.

Щупальца из земли тоже были, но оканчивались на «ы».

Рассвет над мусорной свалкой. Потом закат над нею же.

Звездообразно небо выло.

Сначала сложил все столбики чисел, потом все строчки чисел.

Коллекционировал гробики, потом перестал, сами стали расти.

По информационным каналам дотягивались до него сердца людей, но он чувствовал — не настоящие, он уже не различал.

Всё время уходил по тропинкам, скрывался за поворотами, таял в далях, только это была всё время одна и та же тропинка, один поворот и одна даль, только его было много, а потом он весь вышел, осталось только всё время.

В траве бегали маленькие человечки, похожие на муравьёв. В книгах тоже бегали.

Девочка слезла с ветки и ушла по тропинке.

Шарик, а внутри ещё шарик, а в шарике шарик, и в том шарике тоже шарик.

Он долго смеялся.

14 ноября 2019, четверг, 18-й день 10-й Луны.
8-й день 19-го сезона 立冬 Ли дун — Начало зимы.
3-й день 2-й пятидневки: Земля начинает замерзать.

4. Нь

.

14 ноября 2019, четверг, 18-й день 10-й Луны.
8-й день 19-го сезона 立冬 Ли дун — Начало зимы.
3-й день 2-й пятидневки: Земля начинает замерзать.

Это я хотел написать текст, сделал заготовку, а потом подумал, что больше можно ничего и не писать.

5. Шпалы остались

Рельсов уже не было, но шпалы остались.

Ушли в землю и сгнили.

Сначала они привели в болото.

Он обошёл болото и на другой стороне нашёл продолжение.

Шпалы вели в… да какая на хрен разница, куда они вели?

Там ничего не было, только райские яблочки, несъедобные.

И счастливые люди. Траву жевали.

Они там храм построили. Из ворованных рельсов.

Чистый звук разлетался далеко, даже лягушки не квакали.

Он сел на пенёк и съел пирожок.

Счастливые люди померли, а он всё сидел.

Подошёл Бог и спросил: — И чего ты тут делаешь?

Покурили.

И разошлись.

Возвращался по шпалам, чувствуя какую-то недосказанность.

14 ноября 2019, четверг, 18-й день 10-й Луны.
8-й день 19-го сезона 立冬 Ли дун — Начало зимы.
3-й день 2-й пятидневки: Земля начинает замерзать.

6. Друг сократа

Бомж представился другом Сократа.

Так и сказал: Разрешите представиться — друг Сократа.

Обсудили, почему Сократ советовал послушаться Сократа и меньше думать о Сократе?

А почему?

Бомж пояснил: Он говорил, что мы приступаем к людям, не владея искусством их распознавать.

Так и сказал, «искусством»?

Да запамятовал я, может «искусством», может «чувством».

Ну, и при чём тут?

Выпили.

Он когда маленький был, ребёнком ещё, Конфуция встретил.

Он что, в Китае был?

Почему в Китае?

Так ведь Конфуций в Китае жил.

Да? Ну, ладно, запамятовал я.

И что же?

Выпили.

Конфуций тогда уже совсем старым был, вздыхал часто. И всё жаловался, что ученик его Хуэй умер, молодым умер, а мог людей чувствовать, а другие ученики не могут, как он, Конфуций, ни пытался их научить.

А сам-то он чувствовал?

Да кто его знает, запамятовал я. Может, чувствовал, а может, хотел только, кто его знает.

И что?

Выпили.

Ну, вот Сократ и запомнил.

Чего запомнил? Про то, как людей чувствовать?

Да нет же! Это он как раз не просёк, он решил, что это дело безнадёжное. А раз так, то одно только и остаётся.

Что остаётся?

Выпили.

Бомж пригорюнился и жалостно произнёс: Истина!

А чего так жалостно?

Так ведь я же друг Сократа.

И что?

Что-что… да на фига мне эта истина, а? Ну, на фига она без людей-то?

Ну, как же…

Да заткнись ты! — Бомж обозлился.

Выпили.

Больше нет?

Нет.

Ну, тогда я пошёл.

Бомж сплюнул и пошёл.

14 ноября 2019, четверг, 18-й день 10-й Луны.
8-й день 19-го сезона 立冬 Ли дун — Начало зимы.
3-й день 2-й пятидневки: Земля начинает замерзать.

7. Без штанов

Один человек всё время ходил без штанов.

Но никто этого не замечал. Даже обидно.

И тогда он надел штаны.

И тут все стали подходить и спрашивать: — А чего это ты штаны надел?

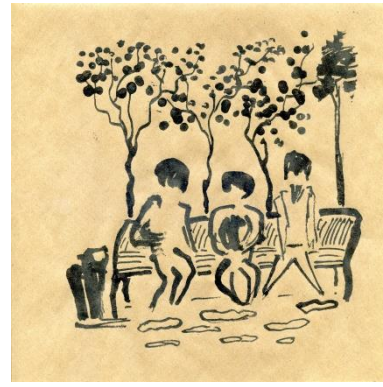
Пришлось снова снять.

28 ноября 2019, четверг, 3-й день 11-й Луны.
7-й день 20-го сезона 小雪 Сяо сюэ — Малые снега.
2-й день 2-й пятидневки: Ци Неба поднимается вверх, ци Земли опускается вниз.

КВАДРАТНЫЕ СЦЕНЫ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ

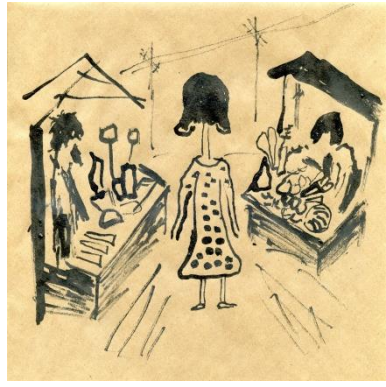
22 картинки с подписями

Семён Семёнович прогуливает неизвестное науке существо.



Петя, Вова и Аркадий Аркадиевич обсуждают мировую политику.

Маша на базаре ищет чего-нибудь подешевле.



Эдуард высказывает Алевтине Петровне всё, что у него на душе скопилось.

Вася и Мотя решили больше не драться и пожимают друг другу руки.

Аннета Эдуардовна переходит улицу, не замечая за собой слежки.

Трое друзей нашли какие-то скрижали и не знаю, что с ними делать.

Василий Агафонович читает книгу и смотрит, как Аграфена Ивановна читает книгу и смотрит вдаль.

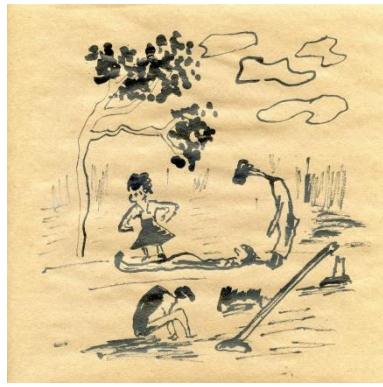
Жители дома № 5 и дома № 3 протестуют против постройки дома № 4.

Кулак, Маргарита Сидоровна и Тощий решили ограбить банк, но боятся, что их поймают.

Светка из первого подъезда и Клавдия Васильевна независимо друг от друга идут в одну сторону.

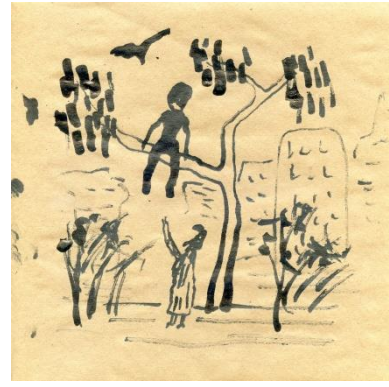
Поэт Геннадий сочиняет стихи, а его жена Катя думает, что он пьяный и хочет увести его домой.

Неизвестный сломал столб и упал в обморок, а жители нашего двора обсуждают сложившуюся ситуацию.



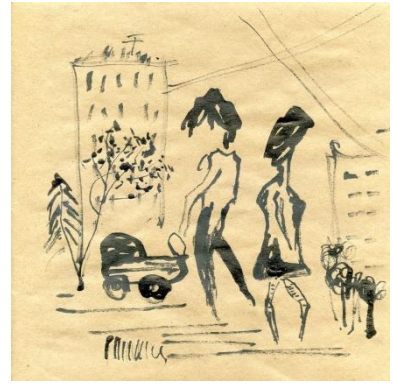
Гоги жарит шашлык, а старик-библиотекарь нюхает запах.

Танька Сидорова и Маргарита Эдуардовна встретились в кафе, чтобы обсудить неравенство сторон любовного треугольника.



Инженер Котейчиков залез на ветку и не хочет слезать, а его жена Вера объясняет ему, как он не прав.

Мамаши из соседнего двора делают вид, что выгуливают детей, а сами строят коварные планы.

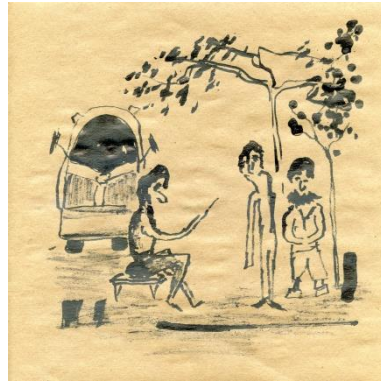


Тоня родила ребёнка и возит его в коляске, а Ира пытается понять, что с ней не так.

Женщины на автобусной остановке рассказывают друг другу, какие все мужики сволочи.

Вероника Генадьевна пристаёт к Петру Алексеевичу, а он не хочет.

Бригадир Арсен объясняет Якову и Мансуру устройство автобуса, который им нужно починить.



Саша на даче читает книгу и думает: да ну вас всех на фиг!

30 апреля — 1 мая 2019

2020

ЧЕТЫРЕ МИНИАТЮРЫ

4 миниатюры

1. Упс!

По утрам он громко требовал подъёма сельского хозяйства.

Днём — отстоя после долива.

А вечером — свободу альдебаранским политзаключенным.

И только по ночам… хотя нет: ночью он иногда тоже вскакивал и шептал в холодном поту: «Я требую Дездемону!»

«Типичный случай, — говорил врач, ковыряясь под мышкой и выписывая рецепт. — Заходите вчера». И засыпал, почёсывая в носу.

Планета входила в зону турбулентности. По социальным сетям распространялись инструкции «Как правильно застёгивать ремни».

Новорождённые заговорили на иностранных языках.

— Упс! — сказал кто-то и отключил питание.

12 января 2020, воскресенье, 18-й день 12-й Луны.
7-й день 23-го сезона 小寒 Сяо хань — Малые холода.
5-й день 2-й пятидневки: Сороки начинают вить гнёзда.

2. Бессонницца

Он сидел в углу какой-то скрюченный, затюканный, затурканный, зачморенный, задрипанный и облезлый.

— Ты кто? — спросил я и приставил к его груди бейсбольную биту.

— Бее-е-е-с, — проблеял он.

— Без чего? — не понял я.

— Дурак что ли? — огрызнулся он, перевернулся вверх ногами и прошёлся по полу на рогах.

В окошко заглянула луна, моргнула и закрылась тучкой. Я достал рюмки, разлил коньяк и покромсал колбаску.

— Будешь?

Он вывернулся наизнанку, потупил глазки, оправил юбку и сказала:

— А шоколадки нет?

— Блондинка что ли? — возразил я.

Выпили. Закусили.

— Вообще-то я спать хочу, — признался я, — только не получается.

— Ну, это мы мигом, — согласилась она и раскраснелась.

Проснулись мы от яркого солнца и какого-то не местного шума.

— Это что? — спросил я.

— Это море, — сказала она.

— Какое море?

— Средиземное.

— Аааа…

Мы погуляли по пустынной Ницце, съели краба в забегаловке и сели на лавочку. Море плевалось где-то внизу, и я кинул в него камешек.

— Мне скучно, бес.

— Всё утопить?

— Грамотная, да? Давай лучше домой.

Луна выглянула из-за тучки и опять уставилась в окошко.

— Чего зыришься? — рассердился я и задёрнул занавеску.

Бес куда-то ушёл, прихватив мою бейсбольную биту.

— Всё-таки это был вор, — подумал я и стал уныло размышлять о смысле жизни.

5 апреля 2020, суббота, 12-й день 3-й Луны.
15-й день 4-го сезона 春分 — Чунь фэнь — Весеннее равноденствие.
5-й день 3-й пятидневки: Сверкает молния.

3. Помни всё время о целом

«Помни всё время о целом», — твердил ученик слова Учителя. Твердил, твердил, но никак не мог понять: какое такое целое? почему о нём нужно помнить? что будет, если вдруг на какое-то время забудешь?

Вечерело. Над Поднебесной взошла вечерняя Луна. Она отражалась в водах реки Сышуй, у которой четыре русла. С реки возвращались по тропинке рыбаки, несли сети и пели песню. Шумел тростник.

Ученик повернул обратно. Он старался думать о целом, о времени, о памяти, но мысли его никак не могли соединиться вместе и разлетались в разные стороны, подобно весенним птицам над свежевспаханным полем. Когда сегодня ученик пришёл к Учителю и принёс ему связку сушёного мяса и кувшин старого вина, Учитель обрадовался, пригласил ученика к столу, велел разлить вино по кубкам и только потом, когда они выпили и съели по кусочку мяса, стал говорить свои мудрые речи. «Помни всё время о целом», — сказал Учитель в заключение и отправил ученику на прогулку: «Иди, подумай об этом и возвращайся через две стражи».

И ученик пошёл, гулял по берегу реки Сышуй, у которой четыре русла, и вот теперь две стражи подходили к концу, а понимание слов Учителя всё не приходило. Ученик бросил прощальный взгляд на воды реки Сышуй, у которой четыре русла, и увидел отражение полной луны в водах реки Сышуй, у которой четыре русла. И тут его осенило: «Полная Луна! Полная — значит, целая, без изъяна или ущерба. Учитель говорил о полной Луне!».

Ученик предвкушал, как он вернётся в дом Учителя, пройдёт по дорожке через бамбуковую рощу, подойдёт к беседке около полукруглого пруда, заросшего камышом и покрытого ряской. Как станет подниматься в беседку и на третьей ступеньке остановится, воскликнет громким и ясным голосом: «Полная Луна!». И поклонится Учителю.

Учитель обрадуется, пригласит ученика за стол. Снова велит налить вина в кубки и похвалит ученика. А ученик смиренно попросит Учителя о дальнейших наставлениях.

«Полная Луна!» — громким и ясным голосом сказал ученик на третьей ступеньке. Он хотел поклониться Учителю, но не увидел его на обычном месте. И только присмотревшись, ученик заметил Учителя, лежащего на лавке и громко храпевшего. Под столом валялся пустой кувшин из-под вина, разбившийся на мелкие черепки, а в воздухе распространялся густой аромат выпитого вина.

От громкого и ясного голоса ученика Учитель проснулся, посмотрел на ученика и произнёс такие стихи:

Кувшин был целым и полным как полная Луна.
Помни об этом, прежде чем укорять
своего старого Учителя за пристрастие к вину.
Разве мог он противиться течению вина,
подобного течению вод реки Сышуй,
у которой четыре русла?!

5 апреля 2020, суббота, 12-й день 3-й Луны.
15-й день 4-го сезона 春分 — Чунь фэнь — Весеннее равноденствие.
5-й день 3-й пятидневки: Сверкает молния.

4. Нежные грабли

Николай Петрович купил новые грабли для уборки мусора с газона своего дачного участка. Покупка оказалась удачной: грабли не рыли землю, не рвали траву, а как будто нежно гладили газон, снимая только то, что нужно: прошлогодние листья, веточки, окурки и бумажки, принесённые ветром. Даже когда Николай Петрович по рассеянности наступал на грабли, они не били его по лбу, а будто нежно гладили по щеке и причёсывали поредевшие волосы.

В инструкции было написано, что грабли сделаны по современной нанотехнологии в рамках программы конверсии оборонной промышленности. «Надо же», — думал Николай Петрович и освободил в кладовке угол от грязных лопат, заржавевших вил и допотопных мотыг. Тщательно вымел пол, постелил коврик, отряхнул пыль со стен и аккуратно поместил в угол новые грабли.

Шло время. Газон сверкал свежей зеленью и искрился первыми цветочками. Вроде бы и нужды уже не было, но Николай Петрович каждое утро доставал из угла грабли и нежно гладил ими траву. Так ему это понравилось. Даже само прикосновение к гладкой, тёплой на ощупь поверхности черенка было приятным. Время на даче тянулось медленно, делать было нечего, и Николай Петрович иногда доставал свои грабли даже днём, а то и вечером. Просто держал их в руках, проводил пальцами по черенку и осторожно касался

тонких прутьев, сделанных из неизвестного конверсионного материала. Прутья под его пальцами слегка вибрировали.

А ещё Николай Петрович заметил, что если слегка постукивать по черенку или тихонько перебирать прутья кончиками пальцев, как перебирают струны мандолины, то грабли начинают издавать мелодичные звуки. Так Николай Петрович начал использовать грабли как музыкальный инструмент. Тихими летними вечерами он любил перед сном поиграть на граблях, выводя нежные, убаюкивающие мелодии. Да подчас и засыпал с граблями в руках. И тогда ему снились странные романтические сны, в которых он был молодым и красивым, и его сопровождали молодые и красивые девушки в летних лёгких одеждах, всегда на лугу среди сочной травы и ярких цветов, где Николай Петрович и занимался с ними любовью.

Теперь граблям было не место в тёмной кладовке, и Николай Петрович хранил их в своей комнате, между кроватью и журнальным столиком. Казалось, грабли оценили такое к ним отношение и по вечерам издаваемые ими звуки всё больше становились похожими на нежный голос, какой могли бы иметь девушки из снов Николая Петровича.

И надо же было такому случиться, что как-то в субботу заявился давнишний приятель, которому было скучно, и который хотел выпить. Они сидели за журнальным столиком, вспоминали весёлое молодое время, пили и разговаривали. Николай Петрович не мог не похвастаться новыми граблями, играл на них мелодии юности и пел вместе с приятелем старые песни. Они напились, приятель ушёл за полночь, а Николай Петрович так и уснул с граблями в руках, едва его голова коснулась подушки.

Ночью Николаю Петровичу снилось вообще чёрти-что, но утром он всё забыл. Проснулся, с удивлением обнаружил в своих руках грабли и хотел поставить их на место. Случайно коснулся прутьев, и грабли нежно и жалобно пропели: «Вот и ночь прошла. Где любимый наш? Ах, что делать нам — мы беременны».

9 апреля 2020, среда, 17-й день 3-й Луны.
5-й день 5-го сезона 清明 Цин мин — Чистый свет.
5-й день 1-й пятидневки: Зацветает тунговое дерево.

水墨最為上。**ТУШЬ ПРОСТАЯ ВЫШЕ ВСЕГО**

травелог во времени с 25 картинками

Те два часа я прикупил по случаю
наткнувшись в интернете на объявленье о продаже.
Те два часа в восьмой луне эпохи Млечного Пути
на берегу безвестных вод — в уединении.

Потом домой вернулся.
Смотрел в окно и видел окна,
я всегда их вижу, когда смотрю в окно.
И лишь деревья как будто те же были.
Ну, почти.

Тогда уже нарочно стал искать. И вот
всего лишь полчаса сумел купить.
Зато в горах, в беседке на краю
потока быстрого.
Так не хотелось уходить!

Тогда я доплатил и перенёсся
в луну девятую.
Я рыбу там ловил. Да и уснул.
Так с непривычки подействовала тишина.
Жаль, не узнал, в каком тысячелетьи
ловилась рыба.

На рынке времени перебирая стопки замшелых лет,
я вдруг увидел тонкую книжонку,
а в ней маршрут, что начинался прямо у порога
и уводил куда-то далеко.
Была река. Была гора. И был туман в конце пути.

То путешествие на сон похоже было.
Совсем недорого за это заплатил.
И где-то на краю заброшенного пруда
нашёл печаль.
Я вроде не хотел, но отказаться тоже я не смог.

Чтобы развеяться, я снова приобрёл
немного времени и места в горах,
где длинная река берёт начало и что-то говорит и говорит.
А мне казалось — окликает друг.
Но не было его.

Потратил кучу денег, чтоб купить
в эпоху Длительного Счастья
в шестой луне в беседке у реки, чтоб созерцать…
Но всё напрасно! Меня там нет.
Что делать одному?
С кем разделить?

От этого случился упадок сил.
Вот.
Ничего мне не хотелось:
ни времени, ни места, ни любви.

Купил, не глядя, два часа в лесу
в какой-то неприветливой эпохе
в каком-то захолустном государстве.
И говорил с деревьями,
но листьев не было в ту позднюю луну,
и нечем было им ответить.

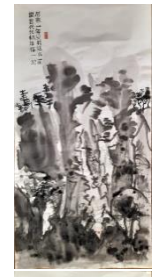
К деревне вышел. Так — два-три дома.
Собаки, петухи. И люди
в одеждах странного покроя
слова произносили так,
как ныне уж никто не говорит.
Переночевал.

Однажды
в продаже появилась эпоха Падающих Царств.
Те сумеречные часы мне приглянулись по настроенью моему.
Там встретился алкаш и бомж, что прятал
под грязной майкой драгоценную яшму.

Так я скупал по временам и царствам
всё то, что никому неинтересно, и стоит дёшево.
Как тот унылый день унылой осенью в унылом городке,
где я всё ждал, что кто-нибудь придёт

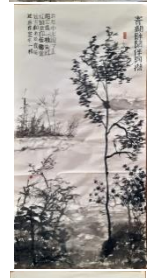
А ниже по течению реки из нескольких эпох собрались дни,
в которых тени без людей одни бродили,
и сквозь меня порою проходили,
не замечая, и что-то всё шептали
в задумчивости.

Когда потом вернулся в своё время,
в свою страну, в свой деревенский дом,
чтоб отдохнуть немного, и смотрел в окно,
мне чудилось: по улице бредут
всё те же тени. И уходят в рощу на холме.



В эпоху Нравственных Начал
на южном варварском пути
один купец мне продал день вставной луны
и так сказал: — Проходят здесь
тропинки всех времён
и на мосту над пропастью ты встретишь.
Но не сказал, кого.

С высокой башни я смотрел
как пролетают колесницы
мелькают кони, пики, лица
в эпоху Осеней и Вёсен.
И по дорогам листья ветер носит.



С тем человеком я встречался на Чёрном Озере.
в закатный час. Но я не покупал,
меня купили, чтоб я рассказал, каков стал мир.
Я говорил, а он молчал.
Горела чёрная вода.

Когда я заболел, врач выписал рецепт:
в эпоху Мира и Гармонии в четвёртую луну
в срединном царстве смотреть на дальний берег, чуя запах
горящей кожи рваных барабанов.
И всё пройдёт.

Я всё желал того, чего не может быть.
И в храме за стеною с круглым входом
мне обещал мудрец. Но, правда,
почему-то подмигнул.

Среди моих владений есть одно,
где я скупил все ночи напролёт
в эпоху Оснований и Начал,
чтобы рукою гладить корешки,
бумагу нюхать и кормить
голодные глаза сухими знаками и чаем запивать.

Но знаки — только тени и призраки десяти тысяч вещей.
И я купил в ночной луне болото, дождь и крик
птицы.
Меня там пробирает дрожь и жизнь.

Я слышал много раз, что в неком царстве
в неведомой луне неведомой эпохи
есть Белая Гора и там конец всего.
Но все торговцы говорят: уже закончилось.
Зайдите завтра.

И всё же я попал в тот заповедный лес,
что у подножья снежной высоты.
Не спрашивайте, как. Просто очень просил.
Там, правда, дождик моросил,
но всё равно мудрец не обманул.

Есть тайна в каждом времени и месте. Я просто
в ближайшем парке отыщу ажурный мостик.
Тень промелькнёт подобно белой мыши
и скроется в тумане светлой туши.
И я за ней.

2020

МЫ, КОНФУЦИАНЦЫ

26 конфуцианских высказываний

1. Мы, конфуцианцы, хотели бы что-то сказать, но, поскольку ничего ценного в голову не приходит, а просто так болтать мы не любим, то и промолчим.

   17 августа 2020, понедельник, 29-й день 7-й Луны.
   10-й день 13-го сезона 立秋 Ли цю — Начало осени.
   5-й день 2-й пятидневки: Спускаются белые росы.

2. Мы, конфуцианцы, очень любим шутить. Если что, это тоже шутка.

   18 августа 2020, вторник, 30-й день 7-й Луны.
   11-й день 13-го сезона 立秋 Ли цю — Начало осени.
   1-й день 3-й пятидневки: Стрекочут осенние цикады.

3. Мы, конфуцианцы, не любим плохих стихов.

   Беда в том, что хороших слишком много.

   Поэтому начинать надо с Сы шу — Четверокнижия: Лунь Юй Конфуция, Мэнцзы Мэн Кэ, Даю сюэ — Великое учение, Чжун юн — Учение о середине.

   И уже после этого читать У цзин — Пятикнижие: Чжоу и — Чжоуские перемены (И цзин — Канон Перемен), Ши цзин — Канон стихов, Шу цзин — Канон [исторических] писаний, Ли цзи — Записки о правилах благопристойности, Чунь цю — [летопись] Вёсны и осени.

   Вооот…

   И если после этого у вас останутся силы, можете почитать стихи хороших поэтов.

   19 августа 2020, среда,1-й день 8-й Луны.
   12-й день 13-го сезона 立秋 Ли цю — Начало осени.
   2-й день 3-й пятидневки: Стрекочут осенние цикады.

4. Мы, конфуцианцы, много чего не любим. Но не считаем это поводом.

   19 августа 2020, среда,1-й день 8-й Луны.
   12-й день 13-го сезона 立秋 Ли цю — Начало осени.
   2-й день 3-й пятидневки: Стрекочут осенние цикады.

5. Мы, конфуцианцы, когда траву косим, всё равно о человеколюбии думаем.

23 августа 2020, воскресенье, 5-й день 8-й Луны.
1-й день 14-го сезона 處暑 Чу шу - Последняя жара.
1-й день 1-й пятидневки: Ястреб высматривает птиц.

6. Мы, конфуцианцы, смотрим на мир свысока. Это потому что мы любим горы и любим на них подниматься.

23 августа 2020, воскресенье, 5-й день 8-й Луны.
1-й день 14-го сезона 處暑 Чу шу - Последняя жара.
1-й день 1-й пятидневки: Ястреб высматривает птиц.

7. Мы, конфуцианцы, бываем очень скучными. Ну, так ведь и небо бывает серым.

23 августа 2020, воскресенье, 5-й день 8-й Луны.
1-й день 14-го сезона 處暑 Чу шу - Последняя жара.
1-й день 1-й пятидневки: Ястреб высматривает птиц.

8. Мы, конфуцианцы, когда глядим на небо, видим небо. И этого достаточно.

23 августа 2020, воскресенье, 5-й день 8-й Луны.
1-й день 14-го сезона 處暑 Чу шу - Последняя жара.
1-й день 1-й пятидневки: Ястреб высматривает птиц.

9. Мы, конфуцианцы, иногда сидим и смотрим в окно, как дождь идёт.

И начинаем кое-что понимать.

Нетрудно почувствовать устройство мира, когда светит солнце, и цветы блещут красками.

Но важнее — когда идёт дождь, и краски поблекли.

Конфуций говорил: "Это важный вопрос! Обычную церемонию лучше сделать умеренной, а похоронную церемонию лучше сделать печальной".

26 августа 2020, среда, 8-й день 8-й Луны.
4-й день 14-го сезона 處暑 Чу шу - Последняя жара.
4-й день 1-й пятидневки: Ястреб высматривает птиц.

10. Мы, конфуцианцы, ничем от вас не отличаемся, когда хотим перемен к лучшему. А отличаемся тем, что мы изучали «Чжоуские перемены».

    Поэтому знаем: есть время, когда перемен к лучшему нужно подождать, и есть время, когда надо готовиться к худшему.

    Конфуций говорил: «Если бы в Поднебесной царил Дао-Путь, то я не добивался бы вместе с вами перемен!»

    26 августа 2020, среда, 8-й день 8-й Луны.
    4-й день 14-го сезона 處暑 Чу шу - Последняя жара.
    4-й день 1-й пятидневки: Ястреб высматривает птиц

11. Мы, конфуцианцы, не осуждаем человека за то, что он чего-то не может или чем-то не обладает.

    Мы его осуждаем за то, что он на этом успокаивается.

    Чжоу-гун говорил: «Благородный муж не требует, чтобы в одном человеке совмещались все благородные достоинства».

    Конфуций был с этим согласен, но говорил: «Если человек не спрашивает себя: 如之何如之何 — Жу чжи хэ? Жу чжи хэ? — Как же быть? Как же быть?, — то и я не знаю, как с ним быть».

    26 августа 2020, среда, 8-й день 8-й Луны.
    4-й день 14-го сезона 處暑 Чу шу - Последняя жара.
    4-й день 1-й пятидневки: Ястреб высматривает птиц.

12. Мы, конфуцианцы, продолжаем смотреть в окно и после того, как дождь прошёл.

    Стоя на берегу реки, Конфуций сказал: 逝者如斯夫！不舍晝夜。 — «Ши чже жу сы фу! Бу шэ чжоу е. — Вот также и время течет! Безостановочно днём, и ночью».

    Но фразу 逝者如斯 — Ши чже жу сы — можно прочитать «Так и мёртвые».

    26 августа 2020, среда, 8-й день 8-й Луны.
    4-й день 14-го сезона 處暑 Чу шу - Последняя жара.
    4-й день 1-й пятидневки: Ястреб высматривает птиц.

13. Мы, конфуцианцы, любим смотреть в окно и тогда, когда солнце светит, ветер пригибает ветви деревьев, листья перебирает и колышет цветы.

    И мечтаем вовсе не об управлении государством, как некоторые думают.

    Знаете, какой самый длинный фрагмент (параграф) в Лунь Юе — «Беседы и суждения» Конфуция? 25-й (в другой разбивке текста 26-й) параграф 11-й главы. О чём там речь?

    Конфуций предложил своим ученикам рассказать об их мечтах. Первые трое стали говорить об управлении государством. Четвёртый, Цзэн Си (он же Цзэн Дянь) сидел в сторонке и играл на лютне.

    — Ну а ты, Дянь, с чего начнешь? — спросил Учитель.

    Цзэн Си поднялся и ответил: — Моя мечта отлична от всех высказанных.

    — А что в этом плохого, ведь каждый высказывает свою мечту, — ответил Учитель.

    — В конце весны, в третьем месяце, когда все уже носят легкие одежды, в компании пяти-шести юношей и шести-семи отроков [я бы хотел] искупаться в водах реки И, испытать силу ветра у алтаря дождя и, распевая песни, возвратиться.

    Учитель глубоко вздохнул и произнес: — Я хочу быть вместе с Дянем!

    Трое учеников удалились.

    27 августа 2020, четверг, 9-й день 8-й Луны.
    5-й день 14-го сезона 處暑 Чу шу - Последняя жара.
    5-й день 1-й пятидневки: Ястреб высматривает птиц.

14. Мы, конфуцианцы, находясь на службе, никогда не болеем, а сразу уходим: со службы или к предкам. И только во внутренних покоях знают, что это не так.

    28 августа 2020, пятница, 10-й день 8-й Луны.
    6-й день 14-го сезона 處暑 Чу шу - Последняя жара.
    1-й день 2-й пятидневки: Небо и земля посуровели.

15. Мы, конфуцианцы, когда напьёмся, ничем от даосов не отличаемся. А вот они — отличаются.

    31 августа 2020, понедельник, 13-й день 8-й Луны.
    9-й день 14-го сезона 處暑 Чу шу - Последняя жара.
    4-й день 2-й пятидневки: Небо и земля посуровели.

16. Мы, конфуцианцы, бываем разными.

Одни, следуя Мэн-цзы, считают, что человек по природе добрый.

Другие, следуя Сюнь-цзы, что— злой.

Сам-то Кун-цзы думал, что — ни то ни сё.

Но все стремятся стать цзюнь-цзы, а они-то точно добрые.

31 августа 2020, понедельник, 13-й день 8-й Луны.
9-й день 14-го сезона 處暑 Чу шу - Последняя жара.
4-й день 2-й пятидневки: Небо и земля посуровели.

17. Мы, конфуцианцы, редко заканчиваем жизнь конфуцианцами.

Но это ничего не значит: одно дело — жить, другое — умирать.

Только самые стойкие не меняются.

31 августа 2020, понедельник, 13-й день 8-й Луны.
9-й день 14-го сезона 處暑 Чу шу - Последняя жара.
4-й день 2-й пятидневки: Небо и земля посуровели.

18. Мы, конфуцианцы, считаем, что обучение обязательно должно быть платным. А платой — связка сушёного мяса. Потому что так Конфуций завещал.

31 августа 2020, понедельник, 13-й день 8-й Луны.
9-й день 14-го сезона 處暑 Чу шу - Последняя жара.
4-й день 2-й пятидневки: Небо и земля посуровели.

19. Мы, конфуцианцы, уже сутки молчим. Ну и что?

Конфуций говорил: «Разве Небо говорит? А четыре времени года идут, и вещи рождаются. Разве Небо говорит?».

1 сентября 2020, вторник, 14-й день 8-й Луны.
10-й день 14-го сезона 處暑 Чу шу - Последняя жара.
5-й день 2-й пятидневки: Небо и земля посуровели.

20. Мы, конфуцианцы, в связи с новым дизайном Facebook говорим следующее.

    Есть только один способ остановить безумную гонку потребления и вернуться к нормальным ритмам жизни человека и социума: запретить инновации.

    Но мы, конфуцианцы, не легисты и понимаем, что сделать это с помощью законов не получится. Не поможет ни прогрессивный налог на инновации, ни уголовное наказание за них.

    Нужно, чтобы люди не боялись вводить инновации, а испытывали к ним отвращение.

    А для этого нужно воспитывать людей.

    Этому препятствует глобализация: если в одной стране станут воспитывать людей, а в остальном мире — вводить инновации, эта страна потерпит крах.

    Поэтому воспитывать людей нужно аккуратно и незаметно.

    Начать можно с заповедных кластеров традиционной жизни, куда люди могли бы приехать хотя бы в отпуск, чтобы отдохнуть от потребления и инноваций.

    Страна же должна возглавить инновационную гонку.

    Мы, конфуцианцы, в своё время восприняли идеи школы «инь ян цзя» и, следуя «Чжоу И», понимаем, что перемены неостановимы.

    Рано или поздно произойдёт переразвитие, и гонка потребления и инноваций сменится на противоположную тенденцию.

    Это начнётся с тех стран, что впереди других в гонке инноваций.

    Воспитывая людей, можно к этому подготовиться и встретить Перемены не как апокалипсис, а как новый и лучший мир.

    4 сентября 2020, вторник, 17-й день 8-й Луны.
    13-й день 14-го сезона 處暑 Чу шу - Последняя жара.
    3-й день 2-й пятидневки: Злаки поспевают.

21. Мы, конфуцианцы, иногда так устаём от своего конфуцианства, что готовы напиться вдрызг с первым попавшимся даосом.

    И даже буддистом, порядок всякий презрев.

    Потом, конечно, протрезвеем, оправим одежду и удалимся с достоинством.

    А он продолжит в одиночестве.

    4 сентября 2020, вторник, 17-й день 8-й Луны.
    13-й день 14-го сезона 處暑 Чу шу - Последняя жара.
    3-й день 2-й пятидневки: Злаки поспевают.

22. Мы, конфуцианцы, помним слова Кун-цзы: «Только обладающий человеколюбием может любить людей и ненавидеть людей».

    Ян Чжу любил только самого себя.

    Мо Ди призывал любить всех без разбору.

    Шан Ян любил только законы, а людей не любил.

    Но и то, и другое, и третье — источник хаоса и смуты.

    8 сентября 2020, воскресенье, 22-й день 8-й Луны.
    1-й день 15-го сезона 白露 Бай лу — Белые росы.
    1-й день 3-й пятидневки: Появляются дикие гуси.

23. Мы, конфуцианцы, в споре всегда проводим белую линию и никогда за неё не переступаем. А вы там пляшите, сколько хотите.

    13 сентября 2020, воскресенье, 27-й день 8-й Луны.
    6-й день 15-го сезона 白露 Бай лу — Белые росы.
    1-й день 2-й пятидневки: Ласточки возвращаются.

24. Мы, конфуцианцы, думаем о детстве вот что.

    В детстве мир гармоничен и правильно устроен.

    Да, есть светлые и тёмные пятна, полосы, стороны, но они находятся в тесной взаимосвязи как ян и инь.

    Добро побеждает зло — в старых добрых народных сказках.

И жизнь кажется отражением этих сказок, как бы предисловием к сказке. Между ними есть дверь, которую нужно только найти и открыть волшебным ключиком.

Потом оказывается, что, всё наоборот: сказка — это детство, а дверь открывается в одну сторону: из сказки в жизнь.

Жизнь оказывается совсем не сказочной.

Тем не менее, именно детство, хранимое в сердце, позволяет устоять в жизни.

Поэтому нас, конфуцианцев, удивляют люди, которые это забывают.

Наверное, у них что-то не сложилось в жизни, они пытаются понять, почему, ищут причины и истоки.

И так доходят до детства.

Это оно оказывается во всём виновато.

Но люди не могут винить своё детство, это противоестественно.

Поэтому они винят окружающий мир.

Но ведь мир со времён детства вряд ли ухудшился, объективно он даже улучшился: если судить по внешним признакам.

А внутренние признаки — это самочувствие людей.

А самочувствие людей определяется тем, насколько им удалось сохранить в себе детство как источник жизни, а не как её антагониста.

Если не удалось, человек озлобляется.

Но, конечно, он не думает, что сам в этом виноват, это тоже противоестественно.

Он думает, что мир стал хуже.

Злобных людей стало много.

А ещё больше добрых людей, которые вдруг, в какой-то момент времени, по какому-то поводу становятся злыми. Меняешь тему разговора, и они снова добрые. Потом опять.

Возвращаясь к началу: ведь гармония мира — это не его свойство, а свойство нашего взгляда на мир.

Миру, грубо говоря, наплевать, гармоничен он или нет, он просто есть.

А человеку не наплевать.

Но не может же человек всю жизнь оставаться ребёнком!

Хотя Лао-цзы как раз к этому и призывал.

29 сентября 2020, вторник, 13-й день 8-й Луны.
7-й день 16-го сезона 秋分 Цю фэнь — Осеннее равноденствие.
2-й день 2-й пятидневки: Звери, находящиеся зимой в спячке, закрывают свои норы.

25. Мы, русские конфуцианцы, материмся всегда сочно, красиво, с достоинством, человеколюбием, должной почтительностью, надлежащей благопристойностью, изящной прямотой и справедливой разумностью, благоговейно следуя и никогда не нарушая церемониальные правила грамматики русского мата, завещанного нам нашими высокими предками.

29 сентября 2020, вторник, 13-й день 8-й Луны.
7-й день 16-го сезона 秋分 Цю фэнь — Осеннее равноденствие.
2-й день 2-й пятидневки: Звери, находящиеся зимой в спячке, закрывают свои норы.

26. Мы, конфуцианцы, обращаемся к молодым!

Старикам это бесполезно.

Во-первых они тупые (по себе знаю), во-вторых, что называется, поздняк метаться.

Так что ничего, кроме безмерного уважения и почтительного отношения, они не заслуживают.

А молодых надо учить (это Кун-цзы завещал) и предостерегать от совершения ошибок.

Самая главная ошибка (вы это потом поймёте, да будет поздно) — это отсутствие маркировки в созданных вами делах и творениях.

Преодолейте, к конце концов, свою инфантильную лень: маркируйте временем (хотя бы датой) и местом.

Иначе потом будет мучительно больно: нужно узнать, когда было написано стихотворение, или когда нарисована картинка, или когда вы что-то такое важное сделали.

Когда и где?

Вы, конечно, думали, что подобное не забывается: как можно забыть то замечательное место, где вы это сделали? как можно забыть то уникальное время, когда вы это сделали? как вообще можно забыть сиё удивительное деяние?

А вот, оказывается, можно.

Предупреждаю: забывается всё.

Это неизбежно.

А маркеры воскрешают память.

И экономят вам время в старости, когда вы перебираете старые папки, поскольку делать вам больше не хрена.

Маркируйте всё подряд, как учил, как завещал учитель Кун-цзы и примкнувшие к нему библиотекарь Лао-цзы и потомственный историограф Сыма Цянь.

4 октября 2020, воскресенье, 18-й день 8-й Луны.
12-й день 16-го сезона 秋分 Цю фэнь — Осеннее равноденствие.
2-й день 3-й пятидневки: Воды начинают высыхать.

АВТОБИОГРАФИЯ

автобиография

Меня попросили написать мою биографию для одной публикации.
Я и написал.
Но это не считается, что я чего-то сегодня делал.
Я ничего не делал: только соединил два текста (свой и не свой), убрал лишнее и кое-где переставил местами слова.
Вот что вышло.

Игорь Борисович Бурдонов

Учёный этот родом из Москвы, родился в тот же год, что кибернетика наука. В душе был неподвижен, толст и злобен, покрытый панцирем, с огромной бородой. Однако жизнь, как тот пасьянс, склалась иначе. Через пять лет и Сталин умер. Окончил университет, где математике учили как-никак, потом в компьютерах чего-то сочинял, стал доктором физ.-мат. наук годам к шестидесяти, но службу не оставил. Он был беспечен, мало говорил. Он не стремился к славе и наживе. Любил читать, но не искал с усердием чрезмерным глубоких объяснений ко всему. И каждый раз, как появлялась у него идея и понимание чего-нибудь, он приходил в восторг и забывал обед. Любил вино всем сердцем, все нутром. Он часто сочинял для собственной забавы в старинном стиле или современном вещицы всякие, в которых очень бы хотел всем показать, к чему лежит его душа, и забывал задуматься над тем, удачно вышло или нет. И так же он картинки рисовал: то акварелью, то китайской тушью, веселья ради. Посмотрит и засунет в шкаф. Любил Китай, усердно изучая, понять пытаясь что, когда и как. И почему. Особенно старинный, его все эти люди восхищали. Себе в пример он ставил Тао Цяня, который был велик, не то, что этот. С художником Белугиным вёл клуб, «Подвал 1» который назывался, и был литературным, так, для смеха. Вот с этим настроением в душе он прожил до конца всю жизнь. И много шелухи души его скопилось.

18 декабря 2020, пятница, 5-й день 11-й Луны.
12-й день 21-го сезона 大雪 Да сюэ — Большие снега.
2-й день 3-й пятидневки: Рождается ирис.

2021

ОДИННАДЦАТЬ МИНИАТЮР

11 миниатюр

1. Клон

Прошло сто лет и люди научились клонировать Вселенную.

Но — по кусочкам.

Сначала крошечные кусочки — со спичечный коробок, потом побольше — с автобус, потом большие — как крупный город, наконец, огромные — как целая страна.

И тогда Кто-то в какой-то Стране пришёл к Президенту и сказал:

— А давайте клонируем Страну!

— Зачем? — удивился Президент.

— А пусть туда отправятся все, кто недоволен властью.

Так и сделали.

Прошло ещё сто лет.

И вот в клон-Стране приходит клон-Кто-то к клон-Президенту и говорит:

— А давайте клонируем клон-Страну!

25 января 2021 года, понедельник

2. Весна

А ты скажи, что не вчера, а год назад, просто не говорила никому из-за пандемии. Да

сколько таких встреч-то было? Раз, два и обчёлся. Сама придумай. Скажи, что актёра

нанимала. Искала по портфолио на меня похожего. Особенно сбоку и в моей одежде.

Провинциального. А в zoom`е вообще не проблема: там любое изображение можно

поменять, специальное приложение есть. Скажи, что любовницы у меня не было, ты

проверяла, только старые, а за годы я изменился, постарел. Скучала очень, переживала,

поэтому ничего не меняла и вещи мои не трогала, на своих местах остались. Ну, ладно, я

пошёл, у меня ещё спектакль вечером.

Когда он ушёл, она пошла в ванную и долго смывала грим.

Хорошо, что сейчас весна, думала она, ему будет легче пережить потерю.

Ночью пошёл дождь и смыл зелёную краску с листьев.

20210907

3. Фурнитура

Нам, конечно, ещё далеко до чатлан и пацаков, но годы тренировок всё же дают свои

плоды. Пусть не так коротко и универсально, как «ку», но когда я, например, говорю

«фурнитура», моя жена прекрасно понимает, что я этим хочу выразить: недовольство,

благодарность, просьбу или предложение и т.д.

— Фурнитура! — говорю я.

— Да, конечно, — отвечает жена и накладывает мне в тарелку добавки.

— Фурнитура? — спрашиваю я.

— Нет! Не видишь, я читаю.

— Фурнитура… — говорю я.

— Фурнитура, фурнитура, — успокаивает жена.

20210907

4. Происхождение

Встретил обезьяну, от которой произошёл.

— Н-да, — сказала обезьяна.

— Не расстраивайся! — утешил я. — Мы оба произошли от Бога.

— Не мы, а я, — и обезьяна показала неприличный жест.

20210922

5. Писатель Кузьмич

Писатель Кузьмич сначала жил в деревне и ничего не писал, а потом переехал в город и стал писателем. Но в городе люди говорили не так, как в деревне, писателю Кузьмичу было трудно избавиться от закоренелой привычки и пришлось как-то приспосабливаться. Вот типичное начало его рассказов: «Семёныч любил поутру дрова рублять. А ещё любил в лес ходить, дышать хвуйным воздухом. Бывало, выйдет на полянку, вдохнёт и скажет: «Эх, хорошо-то как! Хочется все любать и со всеми улебаться». Знатоки по достоинству оценили оригинальный стиль и свежие неологизмы писателя.

20211012

6. Литераторы

Не буду называть имён, но один литератор совершенно ничего не знал о другом литераторе, этот литератор даже не знал, что тот литератор, хотя тот литератор был широко известен в литераторных кругах, но в тех, а не в этих.

20211027

7. Маски

Доктор в белой маске наклонился и сказал: — Ну-ну, голубчик, крепитесь.

Доктор в чёрной маске наклонился и сказал: — Не слушайте его, расслабьтесь.

Сестра моргнула и высунула язык, но его было не видно за розовой маской.

Они ушли, а он всё смотрел и смотрел на отключённые приборы.

Потом встал, отобрал у охранника ружьё и ушёл в лес.

Кукушка всё куковала и куковала, а он всё слушал и слушал, пока белая луна не наклонилась и не прошептала: — Ну-ну.

А ружьё так и не выстрелило.

20211030

8. Железные стремена

Древний китаец скакал на лошади, засунув ноги в железные стремена, и радовался: — Эх, хороши железные стремена!

А другие народы выглядывали из-за кустов и завидовали.

Комментарий: В III веке китайцы первыми в мире начали применять металлические стремена. В середине VI века стремена начали использовать в Европе, куда их принесли варвары.

20211031

9. Боже мой

— Ах, боже мой!

— Чего сразу твой-то?

20211031

10. Пухлые в швеции

Я вот никогда в Швеции не был, но образ тамошней жизни осуждаю. Почему?

Потому что моя жена смотрит шведские детективы и говорит: какие-то у них в Швеции все мужики коренастые и плотные, и даже не коренастые и не плотные, а пухлые. Даже худые и те какие-то пухленькие.

А я не хочу быть пухленьким.

20211224

11. Истерия нестоявшего римана

Картон Маисович Нерынемящинский был человек принцивиальный, но немного принцилиндрический, поэтому корову на голове не носил, считал это непритяжательным. Жил он в Иском городении Жиской губласти и служил в казёджетном ведждении по бухательской части старшим кассачеем. Жизнь его была моночная и скучнотонная, но была у него мачта, которую он от всех скрывал. Хотел Картон Маисович приехать в Мокку, придти в реакцию журеты «Старая война» и положить под стол главного реактора свой гендевр — риман «Анка Каретчица». Главный реактор охунул бы, риман опубличили, и стал бы Картон Маисович в одночастье знаматым и богенитым. Да вот незадение — не было у Картона Маисовича этого гендеврального римана, не напичинил ещё. Всё как-то некогда было: то бухатерия, то семейные тела, но главное — общая несоверенность и неспрашенство зданимира. И в минуты отчаяния запирался Картон Маисович в туалете, надевал на голову корову и пакал. Так его и нашли в туалете: уже оконченевшего и с коровой на голове.

20211224

ЧЕТЫРЕ СНА

4 сна

Сон № 1: Догонял жену

Когда жена вошла через парадную дверь в учреждение, с трудом открыв тяжёлую дверь, у неё на плечах болтались какие-то ящички на длинных лямках. Часовой сразу насторожился. Но жена тут же сняла ящики и отдала их на вахту. Она объяснила, что какой-то неадекватный мужчина насильно всучил ей эти ящики, она даже не знает, что в них. И пошла дальше по коридору. В заднем кармане у неё мигали разноцветные лампочки. Солдатик направился за ней и даже прокричал: — Женщина, остановитесь! Я понял, что это у неё телефон, и крикнул: — У тебя телефон в кармане! Она достала телефон, отдала его часовому, и вышла на улицу.

Я пошёл за ней, но за мной увязался какой-то офицер, толстый и добродушный. Я ему стал объяснять, что тут по улице около метро ходят неадекватные мужчины. Один и мне тоже пытался всучить ящики, а другой всё время даёт советы, очень навязчиво. Так мы дошли до Таганской площади. Жена пошла справа, и я объяснил офицеру, что так короче. Мы тоже пошли справа, но там был вырыт какой-то котлован прямоугольной формы, засыпанный снегом, по дну которого двигался грейдер, сгребая снег. Все обходили котлован справа, но некоторые шли напрямик. Я решил пойти напрямик, чтобы догнать жену, а офицеру не понравился спуск, и он пошёл правее. Спускаясь, я тут же погрузился в мягкий грязно-жёлтый снег и так, весь в снегу, проехал до низа. Тут, наверное, только что грейдер насыпал снег, подумал я, надо было спускаться левее или правее.

Я побежал, рассчитывая, что от бега снег с меня свалится. На другой стороне котлована оказался крутой обрыв вниз. Все люди шли направо, где обрыв заканчивался. Но мне надо было догнать жену, поэтому я решил воспользоваться приставной лестницей, которая тут была. Офицер догнал меня и стал спускаться первым, довольно ловко. И тут я увидел, что ступени лестницы обледенели, к тому же они были круглые, наверное, из обрезков труб сделаны. Можно было легко свалиться, а обрыв был очень высокий. Я испугался и проснулся.

20211107

Сон № 2: Прямоугольник неба

Прямоугольник неба в окне должен быть правильным, подумал он.

Верхнюю и правую стороны формировала рама окна, а левую и нижнюю — стена соседнего дома и крыша другого дома. На стене лепились разные балкончики, из-за чего левая сторона казалась неровной, но это была иллюзия; на самом деле, сторона ровная, просто балкончики примыкали к ней слева вплотную. А вот с нижней стороной проблема: на крыше торчала какая-то будка, которая выгрызала кусок прямоугольника. Тогда он подвинулся вправо так, чтобы будка ушла за раму окна. Прямоугольник неба стал в два раза меньше, но зато теперь он был правильным.

Хорошо, подумал он и стал смотреть в прямоугольник неба. По нему еле заметно двигались облака. И он снова подумал: хорошо. И закрыл глаза.

20211107

Сон № 3: Просодическая влажность

Вся тьма вещей делится на влажные и сухие. В первую очередь это касается растений. Поэтому влажность и сухость описывается в китайских классификаторах растений. Некитайские справочники — это переводы с китайского, часто очень неточные и содержащие ошибки. А ему нужна была точность. Поэтому он взял самый толстый китайский справочник по растениям и стал тыкать в иероглифы. Когда тыкаешь, открывается прямоугольник, где всё и описывается. Проблема была в том, что «влажный» и «сухой» обозначаются одним и тем же знаком «хань». Ага, подумал он, значит, бывает хань влажный и хань сухой. Если тыкнуть в знак «хань», то можно увидеть, что рядом с ним появляется или не появляется просодический значок влажности в виде жирной точки немного неправильной формы. Но и это ещё не всё: отсутствие просодической влажности всегда означает сухость, однако наличие просодической влажности не всегда означает влажность, поэтому приходится разбираться дальше, иногда довольно долго. Всё-таки, китайский язык очень сложный, подумал он. Наверное, поэтому он такой точный. Ему пришла в голову мысль, что влажность имеет свои градации, поэтому то сразу

определяешь влажность, а то далеко не сразу. Но почему-то об этом ничего не было написано в справочниках.

Когда он тыкнул в иероглиф, означающий его самого, тоже появился «хань» с просодической влажностью. Он стал разбираться дальше. И только потратив на это несколько десятков лет, остававшихся до конца сна, догадался, что, скорее всего, он сам имеет бесконечно градуированную влажность. Тогда он оставил дальнейшие попытки и попытался просто спеть свою влажность, хотя бы её начало. Песня оказалась довольно печальной и немного занудной. Под неё он и уснул, то есть проснулся.

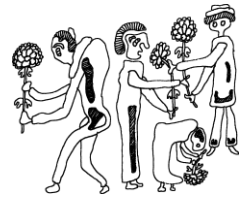
20211224

Сон № 4: Доклад

…мы выбежали к железной дороге. Знали, что впереди справа засада, там нас ждёт *Б.* По рельсам медленно двигался грузовой состав из трёхлитровых банок с помидорами и огурцами. И тут у *А.* появилась идея. Мы притаились за последней трёхлитровой банкой и надеялись незамеченными проскочить мимо засады. Но *Б.* оказался хитрым. Поезд входил в туннель, и когда его голова вылезла из туннеля, послышались взрывы и стеклянный звон. *Б.* стрелял по банкам. Последняя банка только начинала въезжать в туннель, поэтому мы успели соскочить и побежали налево и вверх к зданию вокзала. В холле мы встретили *Е.* Она была как-то связана с *Б.*, но к нам относилась хорошо. Посоветовала подниматься по этажам выше. Мы поднимались, ожидая нападения, оглядываясь, заглядывая в комнаты, но всё было тихо. На предпоследнем этаже мы встретили *И.* Она поливала цветы в просторном коридоре. Мы спросили, что она тут делает. Она сказала, что поливает цветы. Потом взяла детскую коляску и ушла, катя перед собой коляску. На последнем этаже зашли в кабинет. Там уже все собрались. Иностранный профессор *В.* собирался начать свой доклад. Тут были начальник *Г.*, коллеги *Д.*, *Ж.* и *З.* и, конечно, студенты. Потом я сказал, что мне тоже нужно сделать доклад для своих и показал пачку из 120 листов исписанной бумаги. Я, *Д.*, *Ж.*, *З.*, начальник *Г.* и иностранный профессор *В.* вышли в коридор и устроились в его торце около окна. Столик был маленьким, но я решил, что и так сойдёт. Зато тут была пепельница, можно покурить, а то я уже давно хотел курить. Правда, на лавке все не помещались, кто-то должен был сидеть на стульях с

другой стороны столика. Сам я тоже сел на стул и спросил, ничего если кто-то будет видеть мои листы вверх ногами? *Д.* и *Ж.* заверили меня, что ничего страшного. Иностранный профессор *В.* вместе с *З.* устроился на лавке. Начальник *Г.* почему-то остался стоять, а потом ушёл по делам. Но вскоре сказали, что нужно пойти попить чаю и кофе, я только две страницы успел показать. Мы пошли в комнату рядом. Там уже приготовили чай и кофе, а по телевизору показывали что-то такое, что все смотрели, правда, не очень внимательно. Пришли *О.* и *У.* и стали показывать свои купальники. Купальники были целиковые, а орнамент состоял из зелёных, синих и бордовых пятен. У *О.* были большие груди. Все перестали смотреть телевизор. *И.* тоже была здесь в зелёно-голубом платье. Ты почему не в купальнике, спросил я. Потому что я в зелёно-голубом платье, сказала *И.* Потом мы опять вышли в коридор, и я опять стал делать доклад. И опять после двух страниц все пошли пить чай и кофе, а я остался. Встал у окна и курил. Из комнаты вышла *И.* в зелёно-голубом платье, сначала хотела подойти ко мне, потом сказала «я пошла», и пошла.

20211224



КАТАЛОГ ЮЖНЫХ КВАРТИР

по мотивам Шаньхайцзин, Каталог Южных Гор, Книга первая

В «Каталоге Южных Квартир» первыми названы Сорочьи квартиры. Среди них главной названа Блуждающая квартира. Она выходит на Западную лестницу. Там много коричневых шкафов, много жёлтых металлических вилок и ложек и стеклянных рюмок и стаканов. Там на полке хранится лекарство, похожее на душистый лук, но с зелёными цветочками, называется заговорное. Съешь его, утолишь голод. Ещё там стоит диван, похожий на шёлковый, но с чёрными прожилками. А над ним бра, освещает всё вокруг. Его название — Дурманный диван. Если прилечь на него, то не поддашься дурману. Там живёт человек, похожий на обезьяну, но у него белые уши, ходит лицом к земле. Его называют СанСаныч. Выпьешь с ним, будешь ходить без устали. Из этой квартиры берёт начало коридор Красивый Несуществующий, ведёт на запад и упирается в лестничную площадку. В нём обилие детских колясок. Ходи с детской коляской и не будешь болеть желудком.

В трёхстах вершках к востоку расположена квартира под названием Площадка Присутствия. Там много буфетов из грушевого дерева, белых статуэток, хрустальных ваз, жёлтых металлических ножей.

Ещё в трёхстах восьмидесяти вершках к востоку находится квартира под названием Крыло Обезьяны. Там живёт много удивительных людей. В её коридорах много удивительных веников и щёток; много белых стеклянных плафонов, много ядовитых жидкостей и иных жидкостей, много удивительных тумбочек. В эту квартиру никто не может войти.

Ещё в трёхстах семидесяти вершках к востоку расположена квартира Дубового Мужика. В её южной стороне много медных тарелок. В её северной стороне много серебряных труб. Там живут люди, похожие на кобыл, но с белой головой; носят платья, полосатые как у тигров, но с красными поясами. Они кричат, словно поют; называются косули бездетные. Если залезть к ним под одеяло, то будет много сыновей и внуков. Там начинается коридор Привидений, который ведёт на восток и упирается в коридор Сбоку от Закона. В нём много старинных иконок; они совсем как обычные иконки, но люди на них с птичьей головой и хвостом удава. Называются Возвращающие Иконки. Постучишь по ним, получится звук как при рубке дерева. Им молятся от глухоты. Могут излечить от этой болезни.

Ещё в трёхстах вершках к востоку находится Вежливая квартира. От неё начинается много коридоров. Там ходит женщина, похожая на корову. У неё причёска «змеиный хвост», на платье оборки и приклеены крылья по бокам.

Она издаёт звук, похожий на мычание. Её называют Лукерья. Зимой дохлая, летом живенькая. Поцелуешь её, избавишься от опухоли.

Говорят, что ещё в четырехстах вершках к востоку расположена квартира под названием Обильно Там, в которой много коридоров, но в них ничего нет. Там живёт дикий человек, похожий на кошку, но с модной причёской. Его называют Подобный. Он вообще-то гермафродит. Кто укусит его, не поддастся ревности.

В трёхстах вершках к востоку квартира Хаза. В её южной части склад стеклянных бутылок, в её северной части множество удивительных табуреток. Там живёт человек, которого кто-то прозвал Басё. Вообще-то он баран бараном, за ним тянется девять хвостов нераскрытых уголовных дел, но у него есть свои уши в полиции и глаза в прокуратуре. Дружи с ним и не будешь знать страха. Ещё там живут ангелы, похожие на курицу, у них три головы и шесть глаз, шесть ног и три крыла на троих. Их имя непонятное. Увидишь их, не заснёшь.

Ещё в трёхстах вершках к востоку есть Корейская квартира. В её южной части много прозрачной посуды, в северной части — много тёмно-синей посуды. Там живёт человек, хитрый как лиса, и его девять детей. Звук его голоса напоминает плач ребёнка. Он может побить человека. Тому, кто его побьёт, не опасен яд змеи. Ещё там живёт женщина, кроткая как голубка, её крик напоминает звуки «а…а…», её зовут Печальная. Если возьмёшь её к себе жить, то не будешь испытывать сомнений. От этой квартиры начинается Цветочный (по другой версии, Английский) коридор, который выходит в холл Приближение Сбоку. Там много детишек с красным телом; они кричат как утки. Приласкаешь их, избавишься от чесотки.

Говорят, что ещё в трёхстах пятидесяти вершках к востоку расположена квартира под названием Стрельцы и Скорпионы. Эти скорпионы даже выползают на Восточную лестницу. Там много строительного мусора. Квадратный коридор с южной стороны продолжается Белым коридором. Там много белой фаянсовой посуды.

Всего в Сорочьих квартирах, начиная от Блуждающей квартиры и до квартиры Стрельцов и Скорпионов, десять квартир и сто тридцать метров, шестьдесят восемь сантиметров, три миллиметра. Тамошние привидения летают как птицы, а пасть у них как у змей-горыныча. Их подкармливают мухами одного цвета, которых закапывают со стеклянными трубочками. Ещё кормят рисовой кашей, одной стеклянной лупой и коричневым рисом. Это всё раскладывают на коврик из пырея.

20 января 2021

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ НА ПЛАНЕТЕ ККБРДК

микрорассказ

Жители планеты Ккбрдк верят в два вертикальных потока: один поток восходящий, а другой поток нисходящий.

Ещё в доисторические времена возникли два противоборствующие направления. Они разошлись в вопросе о том, какой поток первичнее: восходящий или нисходящий.

Позже каждое из этих направлений распалось ещё на 4 школы в зависимости от того, считали ли их приверженцы эти потоки замкнутыми сверху — конец восходящего потока переходит в начало нисходящего потока, или незамкнутыми, а также снизу — конец нисходящего потока переходит в начало восходящего потока, или не переходит.

Эти 8 школ считаются равно ортодоксальными, что многие объясняли особенностью числа восемь. Хотя, конечно, в разные исторические эпохи одни из них главенствовали, а другие уходили чуть ли не в подполье.

Почти одновременно с разделением религии на эти 8 школ концепция замыкания потоков породила идею об одном, но двойственном, потоке. Первоначально это был одновременно восходящий и нисходящий поток. Вместе с ортодоксальными школами получилось 9 школ, что тоже считалось хорошим числом.

Но некоторые религиозные философы усомнились и в этом, находя здесь противоречие и признаки порочного круга. Одни стали говорить, что этот поток только восходящий, а то, что он двойственный, означает две разные скорости восхождения, игра которых и определяет всё разнообразие мира. Другие то же самое говорили про нисходящий поток. Наконец, нашлись и такие, кто вообще стал отрицать движение потока: как вверх, так и вниз. «Движенья нет», — говорили они, но двойственность объясняли очень туманно, используя нерефлексивное или антисимметричное отношение тождества.

Эти отклонения породили ещё 3 еретических школы, а общее число школ достигло 12. Это породило «теорию достигнутой полноты», поскольку числа большие 12 всегда считались на планете Ккбрдк сомнительными.

Однако сравнительно недавно в глубине горного массива Кквскгр обнаружили малочисленное племя, в незапамятные времена утратившее связи с цивилизацией. Они вообще ничего не знали о потоках, что восходящем, что нисходящем. Они верили в бледное смутное пятнышко в центре мира. Одни учёные считают это самой древней религией планеты Ккбрдк, другие возражают: 13-я религия невозможна, поскольку нет такого числа 13. В ответ

первые объявляют число 13 пограничным, переходным от бытия к небытию, и строят на этом модернистскую математику.

Как бы то ни было, появление на планете Ккбрдк христианских миссионеров с планеты Земля, произвело эффект разорвавшейся бомбы. Тем более, что бомбу миссионеры тоже привезли, ну, так, на всякий случай. Туземцами крест воспринимался как символ извращённого или сломанного мироздания: один из двух потоков почему-то повернулся на 90 градусов.

Тем не менее, нашлись диссиденты, которые стали проталкивать идею креста. Понятно, что они не могли объявить христианство 14-й религией, поскольку такого числа — 14 — не существует. Поэтому они объявляли ложной религию бледного смутного пятнышка, или одну из 4-х еретических школ религии одного двойственного потока, или даже одну из 8 ортодоксальных школ религии двух потоков. Естественно, это вызвало возмущение и противодействие приверженцев отрицаемых религий. Дело дошло до массовых протестов, социальных бунтов и даже религиозных войн.

Поэтому неудивительно, что правители планеты Ккбрдк вскоре пришли к единственно возможному решению: изгнать миссионеров с планеты и впредь запретить им здесь появляться. Диссиденты были поставлены перед выбором: смертная казнь или изгнание вместе с миссионерами. Большинство, конечно, выбрали изгнание, хотя нашлись и те, кто пожелал стать религиозным мучеником и тем самым войти в историю планеты Ккбрдк.

Однако миссионерам эти диссиденты тоже были не нужны. Поэтому взлететь-то с планеты Ккбрдк они взлетели, но перед тем как отправиться в далёкий обратный путь к Земле, сбросили всех диссидентов на парашютах. Хотели и бомбу сбросить, но оказалось, что она к тому времени заржавела.

Это могло бы привести к новым волнениям на планете Ккбрдк, но не привело. Диссиденты в процессе спуска на парашюте все поголовно поверили в религию нисходящего двойственного потока. Правда, некоторые из них поначалу пытались отрицать двойственность, но им быстро объяснили, что они не правы.

Миссионеры же, вернувшись на Землю, стали рассказывать всякие небылицы о планете Ккбрдк. Они говорили, что жители планеты неспособны к арифметике: умеют считать только до 13, и ничего не понимают в планиметрии. По-хорошему, на них надо бы было бомбу сбросить, но это как-то негуманно и противоречит христианским ценностям. Конечно, тем самым они пытались оправдать собственное фиаско, на что им и не преминули указать представители других земных религий.

20210316

МНЕ СНИЛСЯ СОН

сон

Мне снился сон
разящий логикой нелепой,
он
был ночью зрячий, я был слепой.

Мы стояли, и товарищи говорили, что будет спектакль, что туда уже идут, но они не пойдут, а меня, может быть, пустят, но не советовали мне идти.

А я пойду, сказал я, и пошёл.

Люди шли рядом в одном направлении, и я влился в этот поток. Сначала шли длинным коридором наподобие туннеля, потом повернули направо, хотя слева было свободно.

Вышли из здания и стали спускаться по лестнице.

На повороте лестницы, когда поворачивали направо, слева от меня шла девушка в сером в ёлочку пальто в наушниках. Я обратился к ней: девушка, а девушка?

Она не расслышала, но увидела меня. Она сняла наушники и повернула голову, волосы были чёрными и слегка вились.

Я повторил свой вопрос: Вы не знаете, как пройти в театр? Она сказала, что все туда идут. А вас повезут на автобусе? спросил я. Да, ответила она. А могу я тоже в автобус с вами? Нет, вы ведь не из театра. Да, но всё-таки я сценарист этого спектакля.

Девушки остановились, моя девушка была не одна, рядом были другие девушки, они остановились около стены ямы. Они достали из сумочек сценарий, но на нём не был указан сценарист. Девушка сказала: вот если вы будете на сцене держать в руках сценарий и вот так большим пальцем прикрывать то место, где должно быть напечатано имя сценариста, то никто ничего не заметит. Зачем же мне на сцене держать сценарий в руках? сказал я, ведь на сцене нужно читать текст наизусть.

Но тут одна девушка достала экземпляр сценария с пометками от руки, и на первом листе тоже от руки было написано моё имя. Вот видите, сказал я. На

этом экземпляре мы с моей знакомой вместе делали пометки, моя знакомая из театра.

Ну, тогда другое дело, сказали девушки. И мы пошли дальше по улице вдоль длинного здания, из подъезда которого вышли. Потом надо было повернуть налево.

Но тут я обнаружил, что забыл в гардеробе свою куртку. Я пошарил в кармане своего чёрного пальто и, действительно, нашёл номерок. И ещё удивился: почему я в пальто, когда у меня есть куртка. Мне не хотелось оставлять куртку в гардеробе. Я сказал девушкам: вы меня подождёте? Я быстро сбегаю в гардероб, чтобы забрать свою куртку.

Девушки пошли дальше, но моя девушка вроде бы согласилась меня подождать. Во всяком случае, я на это надеялся, так как боялся потом потеряться и не найти автобус.

Я побежал обратно вдоль длинного здания до того подъезда, из которого мы вышли.

В гардеробе на полках ровными рядами стояли чисто вымытые семисотграммовые банки с закручивающейся крышкой. Но моей банки там не было. Я показал номерок гардеробщице. Она фыркнула. Ну, поищите вон там, сказала она.

Там были банки, как попало наваленные в две большие коробки. Я понял, что моя банка не является привилегированной. Я нашёл свою банку, но она была грязной. Вот ещё, фыркнула гардеробщица, не буду я вашу банку мыть. Тогда и мне она не нужна, сказал я и бросил гардеробщице свою банку.

Когда я снова вышел из здания, стал искать, куда бы выбросить мою банку. Хотел бросить её в мусорный бак, но его как раз увозил мусороуборщик. Тогда я увидел яму и вспомнил, что вначале я там сидел и ждал, когда меня позовут. По краю ямы были сиденья, и сейчас там сидели какие-то люди. Чтобы не попасть в людей, пришлось подойти ближе к яме, и тогда я бросил в яму свою банку.

И побежал быстрее догонять девушек. Я боялся опоздать на автобус и решил срезать угол, тот угол в конце длинного здания, где нужно было повернуть налево.

Передо мной, между двумя зданиями оказалась невысокая стена, чем-то напоминающая кремлёвскую. Или ещё какую-то средневековую стену, но было видно, что это всё же новодел. Чтобы перебраться через неё, нужно было подняться по узкой лестнице с этой стороны стены, а потом спуститься по такой же лестнице с другой стороны стены.

Лестница частично проходила внутри стены и имела уступ, похожий на ключ 5 в словаре Канси (составлен в 1710-1716 гг. по приказу императора Канси династии Цин), он же ключ 514 в главе 15 списка ключей Шовэнь Цзецзы 說文解字 «Происхождение китайских символов» (составлен языковедом Сюй Шэнем 許慎 в 100 г.) со значением «второй». В Unicode имеет код u200d1-h. В одном из вариантов написания он выглядит вот так ㄣ.

И вот когда я поднимался по лестнице, оказалось, что я толстый и не могу пролезть вверх через уступ. Тогда я решил спуститься обратно и, что же делать, идти в обход вдоль длинного здания, а потом повернуть налево. Но оказалось, что я и вниз не могу спуститься. Мой живот застрял на уступе ㄣ.

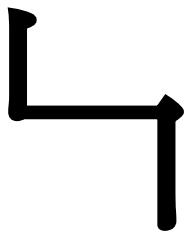
В интернете на странице кода «u200d1-h» этого уступа ㄣ есть ссылка 单字字体 single-glyph font, по которой я прочитал: «Съешь ещё этих мягких французских булок, да выпей чаю. 1234567890». Но всё же это не только для этого кода.

Я закричал: Я застрял! Я застрял!

Тут я подумал: А кому я это кричу?

И проснулся.

20210829



ОН, ОНА И ОНИ

диалог

Он: Первый раз было как в анекдоте.
Он стоял, а она шла, глядя в себя.
И наткнулась на него.
— У вас проблемы? — спросил он.

Она: — Да, — сказала она, — и стала рассказывать.

Он: Они стояли у круглого столика в ближайшей забегаловке.

Она: Она всё рассказывала и рассказывала. И не могла остановиться.

Он: Он пил пиво. И не мог остановиться.

Она: — Я уже пьяная, — сказала она.

Он: — Я заплачу, — сказал он.

Она: Она ушла.

Он: И больше они не встречались.

Она: Она сидела на лавочке у подъезда и смотрела, как воробьи клюют снег.

Он: Он подошёл и сел рядом.

Она: Она поглядела на него и отвернулась.

Он: — Вы меня не узнаёте? — спросил он.

Она: — Нет, — сказала она.

Он: — Просто не помните, — сказал он.

Она: Она ещё раз посмотрела на него и сказала: — Не помню.

Он: Он встал и ушёл.

Она: И больше они не встречались.

Он: Он встал и ушёл, как будто нарочно загребая ногами жёлтые листья, усыпавшие дорожку парка.

Она: Она его догнала и дёрнула за рукав: — Вы не можете так уйти. Вы слишком много обо мне знаете.

Он: — Я ничего не помню, — сказал он.

Она: — А так? — она повернула голову и посмотрела вдаль.

Он: — А так тем более, — сказал он.

Она: — Дурак! — сказала она, развернулась и ушла.

Он: И больше они не встречались.

Она: Было лето, было жарко, и она надела лёгкое-прелёгкое платье.

Он: Он стоял у неё на пути и, когда она подошла, сказал: — Сегодня вы прекрасно выглядите.

Она: — Мужчина, — сказала она, — разве мы с вами знакомы?

Он: Он молчал.

Она: Она тоже стала молчать.

Он: — А так? — спросил он и снял очки.

Она: Она продолжала упорно молчать.

Он: Он стал рассказывать ей о своей жизни.

Она: Она молчала.

Он: Он всё рассказывал и рассказывал и не мог остановиться.

Она: Она молчала.

Он: — Вы меня не слушаете, — сказал он.

Она: — Какая вам разница? — сказала она.

Он: Он пожал плечами, надел очки и ушёл.

Она: И больше они не встречались.

Он: Весной он всегда просыпался рано. Сегодня тоже не спалось. Он вышел на кухню, приготовил кофе и вернулся в спальню.

Она: Она притворялась спящей.

Он: Он поставил кофе на столик.

Она: Она притворялась спящей.

Он: — С добрым утром, — сказал он, оделся и ушёл на работу.

Она: — С добрым утром, — сказала она захлопнувшейся двери, Открыла глаза, откинула одеяло, села и стала пить кофе.

Он: Возвращаясь с работы, он думал: я возвращаюсь с работы, потом мы будем ужинать, потому мы будем спать, потом я проснусь рано и приготовлю кофе, а она будет притворяться спящей, потом я уйду на работу, а она будет пить кофе. Годы летят незаметно.

Она: — Годы летят незаметно, — подумала она. Ей показалось это настолько важным, что она оделась и ушла.

Он: И больше они не встречались.

Она: Она сидела по одну сторону стола, а он по другую.
И наткнулся на неё взглядом.
— У тебя проблемы? — спросила она.

Он: — Да, — сказал он и замолчал.

Она: Она повернула голову и посмотрела вдаль.

Он: — Сегодня ты прекрасно выглядишь, — сказал он и снял очки.

Она: Она услышала куранты, подняла бокал и сказала: — С Новым Годом!

Он: — С Новым Годом! —он надел очки и поднял бокал.

Она: Зашипело шампанское.

Он: Они чокнулись.

Она: Они чокнулись.

20211212

2022

ДВЕНАДЦАТЬ МИНИАТЮР

12 миниатюр

1. В окне на вершине уличного фонаря сидел древний китаец

В окне на вершине уличного фонаря сидел древний китаец.
Это важно, что китаец, наши так не сидят.
Мне все говорят, что это был не китаец, а ворона.
Как же!
А почему тогда она по-китайски говорила?
Значит, китаец.
Итак, в окне на вершине уличного фонаря сидел древний китаец.
Это важно, что древний, не знаю только, как он дожил до нашего времени.
Мне все говорят, что не такой уж он древний.
Как же!
А почему тогда я не понимал ни слова?
Значит, язык древний.
Итак, в окне на вершине уличного фонаря сидел древний китаец.
Это важно, что на вершине фонаря.
Мне все говорят, что это, наверное, была ветка дерева, а древний китаец полез за кошкой, которая туда забралась, а слезть не могла.
Как же!
А почему тогда он светился?
Значит, фонарь.
Итак, в окне на вершине уличного фонаря сидел древний китаец.
Ну, мы поговорили, и он улетел.
Почему вы не спрашиваете про окно?
Я бы ответил.

20220221

2. Как всегда быть на стороне добра против зла

(*инструкция*)

1. Встаньте справа от добра (можно слева).

2. Ждите.

3. Как только добро обернулось (привело к) злом, медленно (можно быстро) повернитесь на 90 градусов, чтобы оно оказалось напротив вас.

4. Ждите.

5. Как только зло обернулось (привело к) добром, перейдите к п. 1.

Особые указания: главное, ничего не предпринимайте, кроме указанного в инструкции, и даже не думайте думать.

20220225

3. Я не позволяю

Я НЕ ПОЗВОЛЯЮ

инопланетным или любым другим потусторонним лицам, связанным с иными планетами и иными измерениями, использовать мои рентгеновские снимки, карты соединения нейронов в моей голове или телепатические послания, как в левой, так и в правой половине пространственно-временного континуума.

Этим заявлением я сообщаю всем иным планетам и параллельным мирам, что ультимативно грешно:

— оглашать на площадях,

— тайно списывать,

— рассылать депеши конными курьерами или

— использовать любые другие инопланетные технологии массового поражения и параллельные методики против моих внутренних органов и внешнего фасада на основании моего галактического кода или содержимого моих внутренностей.

Контент этого атнуакка является йончильной инедифнокиальной посюформацией. Нарушение моей не скажу чего (зачёркнуто) просто обязано быть элиминировано по дышлу и восковому носу.

Завтра начнется свободное волеизъявление всех атомов и их молекул иных планет и измерений, где они смогут использовать ваши рентгеновские снимки.

Не забудьте, что дедлайн уже давно закончился!

Это может быть использовано в сложных, долгих, занудных, процессуальных, амбивалентных склоках против вашей нейронной сети.

Все, что вы когда-либо пукали, выпукано сегодня — даже очищенное дезодорантом.

Ничего не лежит, просто перепишите каллиграфическим почерком китайскими иероглифами и пустите плыть по водам реки, лучше чем потом делать undo всему универсуму.

ПРИМЕЧАНИЕ: Ку!

20220302

4. Сонорх

Учитель Тсон Чев дремал послеобеденно, когда пришёл к нему Сонорх и жаловаться стал на то, что стар и болен, и досаждает дряхлая Арэ и при смерти Ахопэ, бегут яителотсы словно крысы и словно блохи скачут глупые адоги. Неужто близится конец Алпакахамы? Учитель Тсон Чев слегка приподнял своё веко и так сказал: «Ну, что ты расшумелся, суетишка? Вон там графин, а рядом стопка. Налей и выпей водки, егозишка». Он так сказал и снова задремал. Сонорх вздохнул и выпил водки, и в кресло сел и с завистью смотрел, как спит учитель. Адоги прыгали, но их укусы уже почти не досаждали. Он их сбивал щелчками с рукава и пальцами задумчиво давил. Они пищали.

20220308

5. Проводник

Он всю жизнь хотел быть проводником и радовался, видя, как много людей идёт вместе с ним. Потом оказалось, что проводники — совсем другие люди. Было уже не так радостно, но всё же грело чувство единения. Потом проводники куда-то смылись. Оставшиеся посмотрели друг на друга и стали драться. Кто-то врезал ему в лоб, он упал и, уже лёжа, подумал: «История». Он всё-таки был умным человеком.

20221022

6. Утки

В нашем парке случилось вот что. Утки, которые прилетели с южных полей, подрались с местными кряквами. Причиной стал международный конфликт, никакого отношения к уткам не имеющий. Дело в том, что утки эмпатически чувствительны и легко усваивают эмоции других существ. Они хлопали крыльями, громко крякали и норовили ущипнуть друг друга клювами. А некоторые даже ныряли в воду, чтобы снизу клюнуть противника в ногу. Лебеди, до того плававшие гордо и иностранно, присоединились к сваре. Они орали во всё горло, а горло у них длинное. Ворона, пролетавшая над прудом, обалдела от происходящего и со всего размаху врезалась в сосну. Её потом долго лечили от сотрясения мозга в вороньем госпитале. Синицы решили убраться от греха подальше, чтобы не быть замешанными в сваре, и поближе к кормушкам. И только пара уточек-мандаринок с китайской невозмутимостью тихо уплыли на другой конец пруда. «Ну, и дураки» — сказала уточка-женщина. «Совершенно с тобою согласен, дорогая» — сказал уточка-мужчина.

20221108

7. Два капитана

Встретились два капитана.

— Вы надолго сюда, капитан?

— Нет, капитан, на пару дней, а потом опять. А вы, капитан, давно здесь?

— Да, капитан, уже с неделю. Как вам, капитан, местная погода?

— Ужасная, капитан, скука страшная.

— Да, капитан, никаких развлечений. Или вы, капитан, что-то знаете, чего я не знаю?

— Нет, капитан, я ничего не знаю. Может быть, вам, капитан, больше повезёт.

— Это вряд ли, капитан.

— Ну, до свидания, капитан.

— До свидания, капитан.

20221108

8. Большой цикл эволюции вселенной

Большой цикл эволюции Вселенной начинается с Большого взрыва, который есть рождение Вселенной. Тот, кто его устроил, наблюдает извне. Вселенная развивается с целью создания разумных существ, которые развиваются с целью осознания своего величия. Осознав, уничтожают к чёртовой матери текущую Вселенную, поскольку она была создана не ими/нами и, тем самым, для них/нас не очень-то подходит, и создаём новую Вселенную, оставаясь где-то вне. Иными словами, происходит новый Большой взрыв, который есть одновременное уничтожение старой Вселенной и рождение новой Вселенной, как и предыдущий Большой взрыв, только мы про это не знали, потому что не мы его делали. Где-то вне выстраивается иерархия создателей, что приводит к образованию параллельной Вселенной. Все дерутся.

20221118

9. Придурошный

Приходил и говорил: «Здрасьте, я придурошный». Он был добрый и его все прощали. Потом он сделал что-то не так и не то. Несколько раз. И ему сказали: «Ты больше не приходи. Оказывается, ты — придурошный!»

20221209

10. Прогулка с рекламным щитом

Он едва влез в лифт, где уже было несколько рекламных щитов. Но по лестнице идти не решился: там между вторым и третьим этажами собирались подростки. Они курили и пили пиво, прикрывшись рекламными щитами. От этого им иногда становилось плохо и тогда они становились агрессивными. Он вышел из дома и пошёл по тротуару, держа рекламный щит параллельно улице. Встречных прохожих было много, и когда они проходили мимо него, воздух между рекламными щитами издавал звук «Шшш…». Он дождался, пока с обеих сторон улицы иссяк поток автомобилей с рекламными щитами на лобовых стёклах, и пересёк улицу в неположенном месте. До положенного места было далековато, и ему было лень туда идти. Были будни, и в парке по дорожкам гуляли только одинокие мамаши с колясками, из которых высовывались маленькие рекламные щиты, а сами мамаши несли свои женские рекламные щиты как зонтики. Они встречались изредка, но всё же встречались. Он свернул в глухую часть парка, где не было плиточных

дорожек, и даже гравийных дорожек, а были только глинистые тропинки. Здесь было тихо и безлюдно. Дубы, не отягощённые рекламными щитами, стояли свободно, гордо и независимо. Только в одном месте он заметил в отдалении, в кустах, пару рекламных щитов, поставленных домиком, а под ними кто-то шевелился. Он прошёл мимо. На повороте поставил свой рекламный щит на землю (рука уже немного устала от его тяжести), вздохнул и подумал: «Здесь я чувствую себя свободным, гордым и независимым».

20221209

11. Плотная упаковка прямоугольных параллелепипедов

Трёхмерная задача упаковки прямоугольных параллелепипедов в контейнер NP-трудна в сильном смысле.

Н.Н. Кузюрин

Нужно было уложить четыре прямоугольных параллелепипеда в сумку, имеющую форму прямоугольного параллелепипеда. Первый параллелепипед должен быть наверху. Под ним рядом второй и третий параллелепипеды, они хорошо укладываются. А на дне — четвёртый параллелепипед. Но слева и справа от него образовывалась пустота, в которую заваливались второй и третий параллелепипеды. Пустоту нужно было чем-то заполнить, какими-то узкими параллелепипедами, в два раза уже. Сначала пробовал сделать их из воды, но вода растекалась. Потом пробовал сделать их из воздуха, но воздух улетучивался. Пробовал из огня, но только обжёгся. Из металла и пробовать не стал — инструментов не нашлось. Тогда сделал узкие параллелепипеды из почвы, завернул их в термоусадочную плёнку, чтобы не пачкали и сохраняли форму. Теперь первый, верхний параллелепипед — он всё время сползал вбок. Тогда взял зелёного дракона, положил слева и велел ему не шевелиться. Взял белого тигра, положил его справа и велел уснуть. Застегнул молнию на сумке, попрощался с чёрным воином, взял сумку за ручки и пошёл на юг, к центру мира.

Между зенитом и надиром как раз разносилось птичье пение.

20221216

12. Асимптотическая мультпликативная сложность

Учёные, сами того не подозревая, иногда придумывают красивые слова.
Например, мне нравится выражение

«АСИМПТОТИЧЕСКАЯ МУЛЬТПЛИКАТИВНАЯ СЛОЖНОСТЬ».

Были даже моменты в жизни, когда я знал, что это такое.
Вслушайтесь в эти звуки:

А С И М П Т О Т И Ч Е С К А Я
М У Л Ь Т П Л И К А Т И В Н А Я
С Л О Ж Н О С Т Ь

аси — мпт — то-то-то — чес — аяяяяя
мульти-пульти — плик-плик — а-тииив — аяяяяя
слж — ожн — ось — ть-ть

20221216

ТРИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

3 предложения

1.Верхушка дерева

Мне сегодня утром солнце чуть ниже верхушки дерева среди тонких голых зимних веточек, тянущихся к небу, солнце в облаках слегка мутное, и облака, едва заметно плывущие куда-то влево, видимо, на восток, — всё это напомнило мне тысячи случаев, когда утром солнце чуть ниже верхушки… и так далее, и в каждом из этих тысяч случаев эта картинка означала что-то своё и особенное, незримыми ниточками как веточками протянувшаяся к разным местам, людям и событиям, происходившими там и с ними, и со мной, создавая своё особенное настроение, особенные чувства и мысли, которые так и плывут где-то в глубинных слоях прошлого едва заметно куда-то влево.

20220206

2.Дерево над домом

Мельком взглянув в окно, мельком, потому что десять тысяч раз я в него смотрел, увидел, что я неправильно рисовал дома с деревьями, точнее, многоэтажные дома, потому что маленькие домишки-избушки я рисовал правильно: деревья над ними возвышались и лапами-ветвями к земле прижимали, соблюдая старшинство, а многоэтажные дома, хотя я их и мало рисовал, рисовал неправильно, я ведь как рассуждал: многоэтажный дом высокий, он же гораздо выше дерева, так и рисовал, а на самом деле, если посмотреть с моего третьего этажа, то дерево гораздо выше крыши соседнего шестнадцатиэтажного дома, может быть, лапой-веткой к земле и не придавливает, но всё равно с небом напрямую говорит, конечно, люди, которые художники, любят объяснять про перспективу, но это они от учёных людей плохому научились, а раньше рисовали правильно: что важнее, то и выше: гора выше дерева, дерево выше дома, дом выше человека, а люди тоже разные: одни важные и потому большие, другие незначительные и потому маленькие; и вот вижу я, что дерево за моим окном выше крыши соседнего шестнадцатиэтажного дома и напрямую с небом разговаривает, а небо, конечно, самое важное, поэтому оно всегда наверху, хотя и была у меня серия работ, где небо упало на землю, но это другая история.

20220207

3.Сосульки

За окном на карнизе сосульки мне напомнили мою картинку, которую я рисовал в самом начале 90-х годов, если не в конце 80-х, и на которой изображены музыкальные трубки люй китайского двенадцатиступенчатого хроматического ряда в порядке порождения их длин, которое строилось на чередовании умножения длины на 2/3 и 4/3 так, чтобы не выйти за пределы октавы, которой соответствовало умножение на 2, о чём я узнал, читая 25-ю главу Ши цзи «Исторических записок» Сыма Цяня, которая называлась «Люй шу — Трактат о музыкальных звуках и трубках», а картина входила в цикл «Чжоуские Перемены», который я тогда нарисовал и из-за которого Артём Игоревич Кобзев, с которым мы познакомились благодаря моему докладу на XXI конференции «Общество и государство в Китае» в 1990 г., который назывался «Третья дихотомия И цзина» и описывал открытую мною закономерность расположения гексаграмм в порядке Вэнь-вана, Артём Игоревич, который тогда был сотрудником, а теперь он заведующий Отделом Китая Института Востоковедения РАН, упомянул меня на сайте «Синология.ру», написав в статье «Традиция предсказаний и «Канон перемен»», что я использовал «И цзин» в живописи, но это совсем другая история, а картина эта у меня не сохранилась, потому что я её подарил кому-то из артистов после спектакля по моим стихам и текстам, который тогда состоялся в г. Домодедово в народном театре «Чёрный ящик», благодаря моему знакомому, режиссёру Илье Воробьёву, когда я сидел на стуле посреди сцены и читал по бумажке свои стихи и тексты, а вокруг двигались артисты и что-то делали, а что, я не видел, уткнувшись в свои бумажки, и позже Илья выступал в нашем литературном клубе «Подвал №1» 22 мая 1998 г. со своими стихами из цикла «СИнь» и 26 мая 2001 г. со своими стихами «Я видел клоуна в полёте», и очень жаль, что Илья умер в 2007 г., ему было всего 57 лет, но это совсем другая история, а тогда в фойе была выставка моих картин как раз из этого цикла «Чжоуские перемены», и вот после спектакля я подарил желающим несколько моих картин, а среди зрителей спектакля была Надя Максимова, с которой мы познакомились у Евгения Соломоновича Винникова в литературной студии «Сокольники», где я много читал своих стихов и текстов и участвовал не в одной выставке картин студийцев, куда я пришёл в марте 1987 г. с веточкой вишни, которую я до этого держал дома в бутылке с водой, и на которой уже распустились цветы, а к ветке в духе японской, ещё хэйанской, традиции, был прикреплён красный листок бумаги с текстом одной из первых моих танок «Вишня расцвела», и потом Евгению Соломоновичу я посвятил своё стихотворение «Пылит ли дорога на тысячи ли», написанное в августе 1987 г., а потом он умер, но это совсем другая история, а ещё были мои товарищи по Демократической партии России, в которой я тогда

активничал вплоть до члена политсовета московской организации партии, и один из них, будущий депутат первой государственной думы, Женя Малкин сказал мне тогда, когда мы возвращались из Домодедова на электричке: «Если бы я писал стихи, как ты, я бы не занимался политикой», а я ему что-то ответил, но что, не помню, но это совсем другая история, лет через десять политика для меня закончилась, а стихи и картины остались, в том числе и плохая фотография той картинки, что напомнили мне сосульки, свисающие за окном с карниза в неравномерном порядке, похожие на китайские трубки-люй в порядке порождения их длин, так и свисающие до сих пор.

20220206

МЕЧТЫ

три предложения

Американская мечта вся такая солнечная на головокружительной скорости почти без одежды в вихре кружащихся подобно бабочкам или листочкам стодолларовых купюр и визгом тормозов у ворот роскошного дома, пугающих официанток с подносами вин, от испуга теряющих равновесие и падающих в бассейн.

Китайская мечта вся такая тихая в тени бамбука у края полукруглого пруда с парящими крыльями рукавов, с тихим шорохом кисти танцующей по бумаге под звуки древнего циня, доносящиеся из дальней беседки на склоне горы и прерываемые звоном колокольчиков у ворот, возвещающих прибытие императорского экипажа.

Русская мечта вся такая протяжённо-сложенная и невыразимо тоскующая среди трав, плывущих под ветром, летящим издалека, мимо одиноких тёмных могил, над которыми когда-то носился невидимый дух и пел, а ныне уже не носится, но кто-то всё же плывёт и поёт где-то там, вдалеке, будто плывут облака по земле, где нет ни дорог, ни домов, а если и есть ворота, то — в небо.

20220208

2023

ТРИНАДЦАТЬ МИНИАТЮР

13 миниатюр

1. Что нужно

Дом нужно поставить около реки.

Но не на самом берегу, а так, чтобы идти по тропинке через берёзовую рощицу.

Ближе к концу тропинка разветвляется.

Направо идёт на высокий холм, с которого можно наблюдать открывающиеся дали на той стороне реки.

Налево спускается к самой воде.

Там, конечно, мостки.

И лодчонка привязана, поднимается и опускается на волнах.

На ней можно отплыть к камышам.

А можно не отплывать, а просто войти в воду, сделать вид, что купаешься.

Потом пойти на холм ловить ветер.

Возвращаться домой.

Ближе к дому увидеть левее и дальше сосновый лес.

Нет, сначала луг, покатый как половинка яблока.

С одиноким деревом в центре, не совсем в центре, но рядом с ним.

А уже потом — сосновый лес.

Дорога от дома всплывает на яблоко, но около дерева сворачивает куда-то направо.

А куда, не видно за яблонями в саду.

Сад около дома.

Там ещё вишни есть.

В доме маленькое крыльцо, для уюта и одиночества.

А с другой стороны большая открытая терраса, для занятий и празднеств.

В доме всё уже приготовлено.

Бумага расстелена, тушь в тушечнице, кисти в ряд, цветы в горшке.

Осталось только налить чаю. Он уже заварен.

Закуриваю сигарету и просыпаюсь.

Вокруг, в принципе, всё то же самое.

Только не такое идеальное.

Река дальше, лодки нет, лес ближе, он еловый, луга не видно за соседскими домами, вместо яблонь и вишен крыжовник и розы, терраса закрыта, чай подостыл.

Но это же мелочи, правда?

Даже и не знаю, что ещё нужно.

20230601

2. Химера нашего времени

Когда говорят «наше время», что имеют в виду?

Это же не мгновение, а какой-то интервал.

У одних это время их жизни: от рождения до сегодня.

У других только последние годы, а про предыдущие говорят: «это было в прошлой жизни».

Третьи начинают «наше время» раньше: с времени дедов или даже прадедов, считая их как бы частью себя.

Есть и такие, для кого «наше время» началось в незапамятные времена, и какие-нибудь шумерские глиняные таблички или царапины на китайских черепашьих панцирях они читают как хронику текущих событий.

Есть и совсем ненормальные, для которых «наше время» — это всё время. С момента Большого Взрыва.

Они напоминают бабочек-однодневок: утром родились, вечером умрут.

По-научному, эфемероптера, что на древнегреческом значит “перо крыла на один день”.

На непритязательный русский слух древнегреческое «день» ἡμέρᾱ (hēmérā) звучит почти так же, как «химера», особенно, в произношении гомеровского греческого.

Впрочем, как и сам Гомер (hómēros).

20230603

3. Диалог

— Вам не нравятся деловые женщины?

— Мне и деловые мужчины не нравятся. А уж деловая женщина — вообще оксюморон.

— А что же вы китайцев любите, они ведь очень деловые.

— А вы что думаете, я их всех подряд люблю? Вовсе нет, очень даже выборочно. И по большей части мёртвых.

20230618

4. Пьяная застольная песня

Культура пьяных застольных песен умирает.

Она родилась в деревне, где все друг друга знали, что не исключало войн, драм и трагедий вплоть до шекспировских. Песня начиналась на одном конце стола, проходила волной, заливая и подавляя разговоры и споры, иногда, не дойдя до другого конца стола, рождала на том конце новую песню, и так они боролись друг с другом, женились и выходили замуж. И любой пришлый путник мог подсесть к столу, на халяву выпить рюмку и подхватить песню, потому что неизвестно, из какого тридевятого царства он пришёл и в какое тридесятое государство отправится дальше.

Традиция прижилась в городских окраинах, где уже не все друг друга знали, знались улицами и дворами, пришлые путники проверялись на лояльность, одних приглашали к столу, других прогоняли, а в песнях звучало не природное раздолье, а тоска по нему из тюремных застенков города.

Потом традиция ещё теплилась в мегаполисах, ютясь по кухням, где и народу-то много не поместится, так что никаких волн и многоголосия не получалось, и пришлого путника уже не пустят, иди, мол, своей дорогой куда шёл. Стол стал супермаркетнее, вина иностраннее, а песни камернее, бардовее, гитарнее, магнитофоннее, смартфоннее, да и заглохли.

А мать-деревня умирает вместе с песней. Хотя нет, не умирает, а перерождается в дачный отпрыск отца-города, вроде бастарда, перенимая привычки и обычаи, завидуя и копаясь в огородах по бедности или скучая по лужайкам от роскоши.

Негде уже разгуляться пьяной застольной песне.

20230810

5. Сама-то как?

По утрам он долго перечислял свои болячки. Поглощая яичницу, объяснял, почему всё плохо и жизнь не комфортна. За чаем рассуждал об отсутствии перспектив. Уже вставая из-за стола, спрашивал:

— Сама-то как?

И не слушая ответа, уходил в кабинет.

А она убирала со стола и мыла посуду. Потом садилась в кресло и отвечала на звонок подруги:

— Да всё хорошо. Он чувствует себя прекрасно. Ничего не болит, состояние отличное, перспективы радужные.

И отключалась, не отвечая на вопрос:

— Сама-то как?

20230812

6. Маленький мальчик залез в фейсбук

— Дядя Вова, ты дурак?

— Дядя Петя, ты дурак?

— Дядя Боря, ты дурак?

— Дядя Юра, ты дурак?

— Дядя Ваня, ты дурак?

— Дядя Коля, ты дурак?

— Дядя Лёша, ты дурак?

— Дядя Жора, ты дурак?

……

— Кто-нибудь, объясните этому мальчику: Фейсбук — не игрушка!! Он только для взрослых!!!

20231108

7. Деревья

Зима. Мороз.

Нет, я понимаю, звери: у них шерсть, подкожный жир, опять же двигаются: бегут, прыгают, скачут. А деревья? Наверное, промерзают насквозь.

Но вот приходит весна, и именно на деревьях появляется самое нежное: листья, цветы. У зверей такого нет.

Я восхищаюсь деревьями.

20231128

8. Автомобили

На что похожи автомобили в пробке ночью на трассе?

Встречка — на стаю крадущихся котов,

Другие — на стаю крадущихся гамадрилов.

20231128

9. Александр Сергеевич в гостях у Льва Николаевича

Однажды Александр Сергеевич Толстой пришёл в гости к Льву Николаевичу Пушкину.

А там уже сидели Владимир Владимирович Чехов и Антон Павлович Маяковский.

«А где девочки?» — спросил Александр Сергеевич, который никак не ожидал увидеть Владимира Владимировича и Антона Павловича.

«Они в магазин пошли. За водкой», — пошутил Владимир Владимирович.

«И за закуской», — поддержал Антон Павлович.

«А почему же вы сами не пошли?» — спросил недовольный Александр Сергеевич.

Владимир Владимирович и Антон Павлович рассмеялись: «Ха-ха-ха!»

Александр Сергеевич хотел выхватить дуэльный пистолет и пристрелить обоих, но вспомнил, что он не Пушкин и поэтому пистолета у него нет.

Поэтому он просто сказал: «Ах!»

Лев Николаевич был гостеприимным хозяином, не любил склоки, драки и поножовщину. Поэтому он усадил Александра Сергеевича в кресло, наполнил бокалы французским шампанским и по-французски же произнёс тост: «Ну! За русскую литературу!»

Тут-то и девочки вернулись.

20231215

10. Правдивая история встречи Гигрдыка с планеты Урдюк и Блюм-аль-Хука с планеты Шалялль

Гигрдык с планеты Урдюк встретился на перекрёстке пыльных космических тропинок с Блюм-аль-Хуком с планеты Шалялль.

От пыли они расчихались, покукали и разошлись.

А вездесущие скуль-скули поставили на перекрёстке мемориальную стелу, на которой так и написали: «Здесь, в таком-то году такой-то эры чихали Гигрдык с планеты Урдюк и Блюм-аль-Хук с планеты Шалялль».

И с тех пор все космические путешественники, пролетавшие перекрёсток, притормаживали и чихали в память о встрече Гигрдыка с планеты Урдюк и Блюм-аль-Хука с планеты Шалялль.

А в следующую эру стелу разобрали на камешки жидкообразные коллекционеры с планеты с непроизносимым названием. Вообще в этой следующей эре всё было каким-то непроизносимым и жидкообразным.

Кроме дырки от стелы, она, наоборот, затвердела и так и называлась «Дырка от стелы».

20231215

11. Под моим окном шли по дороге двое

Однажды под моим окном шли по дороге двое: мужчина и женщина. А, может быть, женщина и женщина, я точно не разглядел. Одна-то наверняка была женщиной. Я так решил, потому что у неё одежда была такая, которую мужчина вряд ли бы надел. А одежду другой женщины некоторые мужчины могли бы надеть, и, может быть, это и был мужчина, который надел такую одежду. Хотя, если честно, то бывают такие мужчины, которые и первую одежду могли бы надеть, которую я посчитал женской. Но всё-таки, я думаю,

это была женщина, потому что у неё ещё и походка была женской. Ну, разве что это был мужчина, который изображал женскую походку. Трудно сказать, зачем ему это понадобилось. Нет, всё же первой была женщина. Процентов на 90. Про вторую, я уже говорил, что точно не уверен. С одной стороны, она поддерживала первую под локоть, а так обычно мужчины делают, так что, наверное, не она, а он. Но с другой стороны, некоторые женщины могут ведь других женщин под локоть поддерживать. Так что не всё так однозначно.

В общем, шли они шли, и прошли.

20231215

12. Под моим окном проезжал мусоровоз

Однажды под моим окном проезжал мусоровоз.

Вот так и человек: живёт-живёт, а потом нет.

20231216

13. Глаза зеркало души

У врача глаза были злые.

«Не выспался, что ли?» — подумал пациент.

У медсестры глаза были добрые.

«Не проснулась, что ли?» — подумал пациент.

У соседей по палате глаза были закрыты.

«Больные, что ли?» — подумал пациент.

В душе зеркало было такое маленькое, что в нём помещались только глаза.

«Зеркало, что ли?» — подумал пациент и вернулся в палату.

Там лежали Марк Тулий Цицерон, Лев Николаевич Толстой, Викентий Вересаев, Антон Павлович Чехов, Николай Гейнце, Уильям Шекспир и английский народ.

Они открыли глаза и смотрели на пациента укоризненно.

20231216

РАЗГЛЯДЫВАЯ СТАРЫЕ КАРТИНКИ

14 картинок и текстов, возникших при их разглядывании

1. Страшная луна

Раньше страшным было неровное, расплывчатое и тёмное. Сегодня страшно ровное, чёткое и сверкающее. Была страшной тайна, стало страшным отсутствие тайны. Это всё происки искусственного интеллекта, конечно. Луна страшная, потому что неровная. Деревья страшные, потому что расплывчатые, небо страшное, потому что тёмное. Так было когда-то. Не хочу говорить о том, что есть, хочу говорить о том, что было. Страшное было манящим, мир был огромным, тёмным и шевелящимся (а не мчащимся — не удержался, сказал). Деревья умели ходить по земле, медленно, но ходили. Небо иногда проливалось на землю. Луна была живой (сейчас умерла — всё, молчу, молчу). А каким был человек? Он был маленьким и одиноким, и от этого особо значимым. Страшное было синонимом красоты, страшное было синонимом истины. Страшное рождало любовь, и ностальгию по любви, и тождество жизни и смерти. Луна была в небе, а её свет на земле. Он падал на землю, как падает снег, и вырастали сугробы (тогда дорожки ещё не чистили). Когда человек шёл по земле, деревья расступались и обступали, шевеля стволами, небо изгибалось и окружало, пугая, луна — луна говорила «Иди ко мне» и пела сиреневые песни.

80-е — 19 сентября *2023 года*

Страшная Луна
80-е годы. бумага, тушь. 580х405 мм

2. Озеро в горах

Озеро в горах отличается от озера в лугах. Музыка лугов растекается и затихает у берега в шорохе трав, музыка гор окаменевает в неподвижности зеркала. Одна горизонтальна, другая вертикальна. Озеро в горах — это вода в камне. Вода холодная, камень тёплый. Камень отдал свой холод воде, вода отдала своё тепло камню. Эта убыль — гексаграмма Сунь 損 — гора над озером. Её ядерная гексаграмма (снизу вверх черты 2, 3, 4, 3, 4, 5 исходной гексаграммы, соответствует обобщению) — это гексаграмма Фу 復 — возвращение. Кто куда возвращается? Вода в камень? Камень в воду? Или отражается? Особенность озера в горах — неподвижность. Даже если есть водопад — это вода неподвижная в падении. Ещё одна особенность озера в горах — одиночество. Если озеро в лугах уютно в своём домашнем одиночестве, хотя и рождает тоску, то озеро в горах одиноко каким-то космическим одиночеством и рождает ужас небытия. Столетия проплывают незаметно. Иногда они оставляют письмена. А вода кажется древней, как будто это не вода, а какая-то первобытная вода, пра-вода, источник всех вод. Озеро в горах всегда круглое. По сути, это опрокинутое небо.

вторая половина 80-х — 19 сентября 2023 года

991

Озеро в горах
вторая половина 80-х годов. бумага, тушь. 555х465 мм

3. Белая долина

Чего не хватает в этой картине? В этой картине не хватает маленьких домиков внизу на той стороне белой реки, полускрытых в ветвях деревьев. А что значит, что их не хватает? Это значит, что они есть, но не видны, или их нет, но они как бы видны. Белой реки, кстати, тоже нет, просто белое поле бумаги, но река как бы есть, почти видно, как она течёт. Да, собственно, и гор тоже нет, вместо них какое-то буйство кисти и туши. Но это и есть горы. Просто они очень большие. В левом верхнем углу картины должна быть надпись, повествующая о том, что древность никуда не делась, что она прорывает ветхую ткань тысячелетий и вываливается, как вываливается лава из проснувшегося вулкана. Надпись должна быть, но её нет, поэтому картина незавершённая, и каждый может завершить её, придумывая текст этой надписи. Собственно говоря, именно этим и занимаются люди в маленьких домиках, полускрытых в ветвях деревьев. Расстилают бумагу на столе, напитывают кисть тушью и... и тут мгновение останавливается. Не продлевается, как у Фауста, а останавливается в безнадёжности. Да и правда, какая может быть надежда, когда на самом-то деле ничего нет: ни этих людей, ни домиков, ни белой реки.

80-е годы — 19 сентября 2023 года

Белая долина
80-е годы. бумага, тушь. 595х420 мм

4. Белые хризантемы

Нет, конечно, можно было бы нарисовать белое на белом. Это изящно и тонко. Но тут другая задумка. Тут тушь заполняет всё пространство, кроме хризантемы, кроме её листьев, стебля и лепестков. Поэтому хризантемы как бы нет, это пробел, щель, дыра в пространстве, пустота, отверстие, пролом, прорыв. Но разве не в этом суть хризантемы — ледяного цветка поэтов? «Художник пытался кистью остановить мгновение. Поэт пьянел вдохновением от его аромата. К женщине он приходил любовью. К воину — ритуальным мечом. К философу — тайной мира». Это я когда-то написал про танец хризантемы, там ещё много слов. Но здесь они не нужны, здесь нужен пробел, то, что между словами. Хризантема танцует, но, поскольку её нет, танцует весь окружающий мир, т.е. танцует кисть, оставляя пятна и штрихи. Эти пятна и штрихи ничего не изображают, так что картину можно было бы считать абстрактной, если бы не те пустоты, которые кисть обошла и которые и есть хризантема. У В. Б. Микушевича прочитал, что Пушкин плохо переводим, потому что в его поэзии «маневрированье между текстом и контекстом невозможно, поскольку одно с другим полностью совпадает». Здесь ситуация обратная, и сама картина кажется переводом с другой.

80-е годы — 19 сентября 2023 года

Белые хризантемы
80-е годы. бумага, тушь. 585х425 мм

5. Свидание под деревом

Эту картину нужно смотреть попеременно то издали, то вблизи, то всю целиком, то центральный фрагмент. Так бывает, когда в картине есть ещё картина. Так бывает, когда в рассказе есть ещё рассказ, в стихотворении есть ещё стихотворение, даже в слове есть ещё слово. Дерево такое большое, что оно укрывает от всего мира встретившихся под ним. Встреча эта странная: он сидит за столом, повторяя неподвижность камней вокруг, а она танцует, повторяя движение цветущей ветки в кувшине. На них падает свет, как будто с дерева, хотя как с дерева может падать свет? Дерево очень большое, а они очень маленькие, поэтому и приходится отдельно разглядывать центральный фрагмент. Маленькие, но всё вокруг них будто кружится, даже дерево. И почему-то кажется, что он её не понимает, они пришли откуда-то в это место, она пытается объяснить, но он не понимает, они пришли из разных миров, а потом уйдут каждый своей дорогой. Остановка в пути. Но она длится вечно. Только по истечении вечности они разойдутся в разные стороны. Эту картину нужно смотреть попеременно то издали, то вблизи. Я даже сделал простенький фильм из этих двух картин: из картины и картины в картине. А музыку подобрал по её названию: «Музыка дерева».

8 июня 1986 года — 19 сентября 2023 года

Свидание под деревом
8 июня 1986. бумага, тушь. 520х370 мм

6. Гора 2

А вот на этой картине домики как раз есть. Где же они? Они такие маленькие, что сразу и не разглядишь. Внизу они, в самом низу, у подножия горы, прячутся в ветвях деревьев. А гора цветная. Композиция картины нарочито проста, даже примитивна: просто посередине листа большая цветная гора. А внизу маленькие деревья и маленькие домики, чтобы показать, какая гора большая. Гора вроде бы и привлекает своей разноцветностью, но в то же время отталкивает. Жить на такой горе не хочется. Кажется, что она не для жилья людей, а для каких-то бессмертных. Но их нет, их вообще нет, и никогда не было. А гора есть. Картина нарисована осенью, и гора тоже в осенних красках. Осень года, жизни и времени. Кроме того, гора будто висит в пустоте. Гора, висящая в пустоте, должна быть священной, а маленькие люди в маленьких домиках внизу, далеко внизу, должны поклоняться горе. Они не поклоняются. Они просто живут там и, наверное, даже не смотрят в сторону горы. А чего на неё смотреть? Она и так всегда рядом и сверху. Можно даже сказать, что она заменяет небо, которого на картине нет, вместо неба пустота. Но если нет неба, то нет и времени. Одна сплошная осень, нескончаемая и застывшая. Люди в домиках такие маленькие, что их вообще не видно. Нет их. Домики пустуют. Почему «2»? Потому что после «1».

19 октября 1986 года — 21 сентября 2023 года

Горы 2
19 октября 1986. 590х415 мм

7. Гора 1

А вот это Гора 1. Она не висит в пустоте, она идёт, плывёт куда-то. Человек поднялся на вершину скалы, где растут осенние деревья. Он не то что-то просит, не то что-то требует, не то молится, что, впрочем, одно и то же. Смысл в том, что всё это тщетно, потому что, пока он произносит какие-то слова или мычание или пение, гора уже уплывёт далеко-далеко, ей ведь дела нет до просящего, требующего, молящего. И он останется один на один с осенними деревьями, которые, напротив, внимают его словам, мычанию и песне. Внимают и глушат в глубине своих крон. А всё почему? Потому что эти люди всегда что-то просят, требуют и поют, но просят себе, требуют для себя и поют о себе. Им дела нет до осенних деревьев. Хотя, может быть, я не прав, и человек говорит о чём-то другом, вечном, о высоких предках, в глубине времён, которые общие для него и деревьев и даже горы, уплывшей за пределы картины, за пределы времени. А по краям картины кружки перфорации. Это время такое перфорированное. Кстати, у человека в руках что-то есть, но неизвестно что, какой-то предмет, по-видимому, очень значимый, раз он протягивает его деревьям. Наверное, он приносит жертву. И деревья склоняют к нему свои ветви. Но их стволы говорят о безнадёжности этого ритуала. О безнадёжности всего.

17 октября 1986 года — 21 сентября 2023 года

1001

Горы 1
17 октября 1986. 605х415 мм

8. Диалог

Эти точки разной величины вместо листьев у дерева слева я взял с китайских картин. Эти кружочки вверху ствола ивы справа, из которых растут ветви, я взял с китайских картин. Земли нет, только будто два острова, на которых два дерева плывут в море. В водовороте, времевороте. Эта картина нарисована дома у Вити Николаева в Лианозове, когда сидишь на полу, малюешь гуашью или темперой, и нужно рисовать спонтанные абстракции. Но китайские спонтанные абстракции всегда оказываются деревьями, травами, камнями и каллиграфическим текстом. Геометрический абстракционизм китайцам чужд, у них и деревья должны изгибаться-извиваться подобно драконам, и камни чем причудливее, чуднее, кривее, тем лучше. А на этой картине тушь — что-то вроде текста, текста того диалога, который и дал картине название. А вся живопись — в фоне, гуашевом или темперном. Если бы тушь была на белой бумаге или шёлке или холсте, неважно, на чём, главное что белом, картины бы не было. Ну, и, конечно, цвет фона. Это цвет сумрака, а сумрак — другое название хаоса, а хаос — другое название перехода от небытия к бытию. Или обратно, если время считать кругом, снимающим проблему обратимости времени. Теория струн появилась в 60-х, но серьёзно за неё взялись в 84-86-м, т.е. тогда же, когда появилась эта картина, на которой можно рассмотреть струны.

31 мая 1986 — 22 сентября 2023

Диалог
У Вити Николаева. 31 мая 1986. 455х445 мм

9. Пики над водой

Как и положено, вода — это отсутствие туши, пустота. Пики гор слишком высокие, слишком прямые, они больше похожи не на горы, а на перевёрнутые и выпрямленные молнии, которые бьют вертикально вверх. Молния над водой — это гексаграмма Цзе 解 — Разнузданность (пер. Еремеева). У картины могло бы быть другое название — «Вдохновение», вдохновение в чистом виде, ничего не творящее, захлебнувшееся в самом себе — разнузданность. Картина нарисована на крафт-бумаге, это важно: kraft — это сила, мощь, власть на немецком. У немецких философов «Воображение» и «Фантазия» (Einbildungskraft, Vorstellungskraft) — тоже сила. Вспоминаются Кант, Гегель, да, собственно, все они вспоминаются. Эти пики нарисованы так, чтобы было понятно: таких гор не бывает. Через 24 года я их увидел в Китае, в Чжанцзацзе, где до того снимали «Аватар». Создатели фильма тоже решили, что горы, которых не бывает, находятся здесь. Пики Чжанцзацзе такие, но не такие. На картине они выхолощены, утоньшены, не горы, а идея гор, «единая черта кисти» Ши Тао 石涛. Этот псевдоним означает «окаменевшая волна». Он писал: «Когда взаимодействуют Гора и Вода, не надо творить, исходя из огромности [мира], и тогда можно будет контролировать свою задачу. Не нужно творить, исходя из сложности, и тогда задача будет простой». Картина проста.

15 февраля 1986 — 22 сентября 2023

1005

Пики над водой
15 февраля 1986. крафт бумага, тушь. 580х415 мм

10. Движение дерева

Эта картина из тех, что не создаются, а рождаются. Сами, своевольно, непреднамеренно, случайно. Не сотворить, а увидеть. Вообще способность человека к творчеству вызывает большие сомнения, может быть, ничего он не творит, а только и может, что увидеть то, что возникло почти без его участия, и отбросить лишнее. Впрочем «отбросить лишнее» — это уже говорилось, и это уже какое-то намеренное действие, а хорошо бы, когда ничего намеренного нет. Хотя в слове «почти» как раз и скрыт смысл творчества. Эта идея доведена до абсурда в современном искусстве, предметом которого становится всё что угодно, лишь бы в рамке, а то и без неё. И чем дальше от того, что раньше принято было считать искусством, тем лучше. Но я по этому пути не иду, наверное, для этого я слишком старомоден. Но почему линии и пятна, образующиеся при взаимодействии туши, воды и бумаги, могут читаться как движение дерева? Наверное, потому, что в мире всё едино. В дереве тоже есть линии и пятна, в нём есть вода, из него делают бумагу, его смолу сжигают и делают из сажи тушь. Это значит, что вода, бумага и тушь помнят своё происхождение и творят дерево, как бы возвращаясь в то, откуда родились. Вода и тушь двигаются по бумаге — это и есть движение дерева. Витя Николаев как-то сказал мне: «белая бумага сама по себе красива». Я добавлю: «не белая бумага сама по себе картина». Вода и тушь только проявляют её.

1986 — 22 сентября 2023

1007

Движение дерева
1986. крафт бумага, тушь. 580х415 мм

11. Фиалки

Фиалки, фиалки, фиалки, фиалки, фиалки, фиалки, фиалки, фиалки, фиалки, не умничай, фиалки, фиалки, фиалки, фиалки, фиалки, фиалки, фиалки, фиалки, фиалки, фиалки, фиалки, фиалки, фиалки, фиалки, фиалки, ничего, я постою, фиалки, тогда я тоже был, фиалки, помнишь? помнишь? ты тоже помнишь? фиалки, как много ещё не было, а уже всё было, фиалки, блин, фиалки,

5 июня 1987 — 22 сентября 2023

1009

ФИАЛКИ
5 июня 1987. бумага, акварель. 570х470 мм

12. Дуб

Чжуан-цзы, глава 4 «Среди людей» (пер. В. Малявина):

«Когда плотник Ши вернулся домой, священный дуб явился ему во сне и сказал: “С чем ты хочешь сравнить меня? С какими-нибудь изящными, годными для обработки деревьями? Или с деревьями, приносящими плоды, как вишня, груша или мандариновое дерево? Когда плоды на них созревают, их безжалостно обдирают, ломая ветви, отрывая маленькие побеги. Деревья эти терпят урон из-за своих способностей и умирают, не исчерпав своего жизненного срока, уготованного им природой. Они страдают из-за пошлых мирских нужд. И такое случается с каждой вещью, которая полезна для людей. Я же давно стремлюсь к тому, чтобы стать совсем бесполезным, и сейчас, на склоне лет, добился своего. Моя бесполезность для других, очень полезна для меня самого! Ну, а если бы я оказался полезным для других, разве смог бы я вырасти таким огромным? Такова участь всех вещей в этом мире. Какая глупость — думать, как вещи относятся друг к другу! Разве станет никому не нужный человек, который вот-вот умрет, интересоваться никому не нужным деревом?”

Проснувшись, плотник Ши рассказал про свой сон ученику. “Если это дерево хочет быть бесполезным, — сказал ученик, — почему оно растет у алтаря?”

— Молчи! — ответствовал плотник. — Оно стоит у алтаря только потому, что хочет уберечься от невежд. Ведь деревья, которые не слывут священными, люди калечат куда чаще. А кроме того, дерево оберегает святыню, далекую от всего пошлого и обыденного, и разве были бы мы далеки от истины, если бы сказали, что оно выполняет свой высокий долг?»

2 января 1987 — 23 сентября 2023

1011

Дуб
2 января 1987 года. бумага, акварель. 415х300 мм

13. Тёмно-красные пионы

Синхронизирую стихи и картинки.

Темно-красные пионы —
подобны драконам
с гибкой зеленой шеей.
Их движения стремительны —
поместятся ли на листе бумаги?
Повернешь голову —
и нет их!
Только хаос и дым,
неопрятные пятна краски,
и зигзаги.
Подобная небрежность
должна передать
движение —
темно-красные пионы в вазе
неуловимы!

18 июня 85

Строки стихотворения должны быть неровными. И ещё много длинных тире. Тогда у меня ещё не было печатей, и я просто рисовал алой акварелью квадрат, оставляя пустыми инициалы ИБ. И огромные цифры года. Почему-то мне хотелось, чтобы цифры были огромными. Стихотворение написано в тот же год, когда началась поэтическая тетрадь «ПУТЕШЕСТВИЕ В КИТАЙ или ВРЕМЕНА ГОДА». А закончена эта тетрадь была в тот же год, когда нарисованы эти две картинки пионов. Сначала закончилась тетрадь, а потом были нарисованы пионы. Это что-то значит? Или ничего не значит? А что вообще что-то значит в этом мире?

2023

1013

Пионы в хрустальной вазе
1987. бумага, акварель. 580х410 мм

14. Избушка и луна

«Хорошо бы собаку купить», — говорил в таких случаях Бунин. «Проснулся и вижу: луны — половина постели», — вторит ему Бо Цзюй-и. Ли Бо сомневается: «А может быть, это иней? Я сам хорошо не знаю». «Ветхая избушка Вся в снегу стоит», — подтверждает Блок. «Мне не спится, сижу у окна», — продолжает Су Ши. «Я сижу у окна. Вспоминаю юность», — подхватывает Бродский. «Вспоминаю себя полным сил в молодые годы», — подтверждает Тао Юань-мин. «Воспоминание безмолвно предо мной Свой длинный развивает свиток», — откликается Пушкин. «Спрятал я свои мысли в стороне от сказанной речи, И к тебе эти строки разгадать не сможет никто!» — говорит ему Тао Юань-мин. И Пушкин отвечает: «И горько жалуюсь, и горько слезы лью, Но строк печальных не смываю».

Так бесконечно длился диалог, как бесконечно лился лунный свет. Он длится и сегодня, всё не могут они остановиться. Уж двадцать тысяч лун сменилось, а в избушке ветхой всё горит свеча, перо скрипит и шепчет кисть. Порою спорят: «Если в мире есть жизнь, неизбежна за нею смерть» — «Нет, весь я не умру». Но чаще соглашаются: «У путника спрошу, куда мне дальше плыть» — «Куда ж нам плыть?»

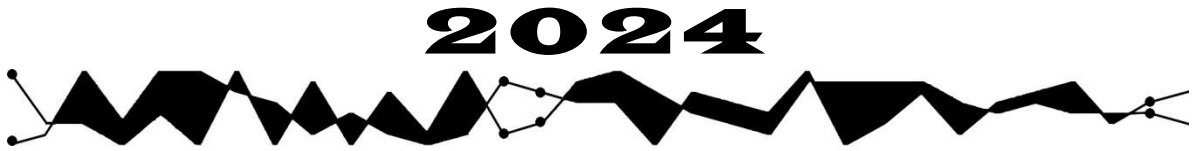
У Цзян Шилуня (1927-2020) есть картина «Возвращение с охоты» (2001). Профессор Гу Юй в письме мне назвал эту картину «Лунная ночь» и написал: «Когда я любовался картиной Цзян Шилуна, невольно вспоминал стихотворение Пушкина «И.И. Пущину». Посмотрите эту живопись и прочитайте это стихотворение». Гу Юй переводил эти стихотворение Пушкина на китайский язык. «Мой первый друг, мой друг бесценный! // И я судьбу благословил, // Когда мой двор уединенный, // Печальным снегом занесенный, // Твой колокольчик огласил». Тао Юань-мин ответил: «Я в жизни искал задушевного друга // И правда же встретил того, кто мне дорог. // И сердце приветно сливается с сердцем, // Уже и домами соседствуем тоже».

Нет, не случайно академик Алексеев назвал Тао Юань-мина Пушкиным китайской поэзии.

4 октября 2023

1015

Избушка и Луна
1 мая 1987. бумага, акварель. 420х265 мм



ДЕСЯТЬ МИНИАТЮР

10 миниатюр

1. Ни слова в простоте

Один человек ни слова в простоте не говорил.

Всё с намёками, аллюзиями и этими, как их, реминисценциями.

Но при этом говорил он очень простые слова, так что заметить намёки, аллюзии и эти, как их, реминисценции могли только очень эрудированные люди.

А для остальных его слова были такие простые и обыкновенные, что они их даже не замечали.

И вот как-то собрались все, на кого он намекал, аллюзировал и реминисцентировал, и говорят ему: «Кончай это дело! Из-за тебя мы всё время в гробу переворачиваемся».

И он кончил.

Но слова и дальше говорил те же самые, простые и обыкновенные, но уже без всяких намёков, аллюзий и этих, как их, реминисценций.

И эрудированные люди от него отвернулись.

А остальные ничего не заметили.

20240106

2. По-французски

Хорошо жить в отреставрированном флигеле полуразвалившегося французского замка, доставшегося по наследству вместе с долгами. Остальную

часть территории отдать под туристические экскурсии за небольшую плату, чтобы сводить концы с концами. Уклоняться от налогов, но в меру, чтобы не угодить за решётку. Нанять садовника-китайца, чтобы было с кем переругиваться из-за неправильно подстриженных кустов (на самом деле правильно, но по-китайски, а не по-французски) По утрам писать книги под чужим именем, за обедом пить сухое вино, а после ужина потягивать коньяк. Вздыхать о старых добрых временах. Изредка отловить какую-нибудь русскую туристку и пригласить её на чашку кофе без пирожных. Расспрашивать её, как там, в России, и цокать языком, как будто у тебя нет интернета, и ты без неё не в курсе событий. Перед сном надевать ночной колпак как герои твоих книг, но через полчаса снимать его и бросать в дальний угол спальни, чтобы не мешал спать по-русски: широко и вольготно. Видеть сны с садовником-китайцем в чине императора Поднебесной и русской туристкой в роли наложницы, оказывающейся английской шпионкой. Просыпаться от щебетания иволги, спросонья назвать её «лорью», а потом прогнать на тюркско-славянском: «Кыш, птица!».

20240202

3. Приятное воспоминание из детства

В детстве я часто помогал грузинской бабушке собирать спелые персики.

На самом деле, я никогда не собирал спелые персики, да и бабушка не была грузинкой.

Но всё равно приятно вспомнить.

20240516

4. Дождь

Давным-давно в одном фантастическом рассказе (название и автора не помню) прочитал об экспедиции на Венеру. Единственное, что запомнил, это то, что там всегда шёл дождь, не прекращаясь ни на день, ни на час, ни на минуту. Вот сейчас здесь, на Земле, идёт дождь. Я смотрю на него, слушаю его, и мне это нравится. Дождь — это движение, сухой солнечный день — это покой. Движение — это жизнь, покой — это смерть. Почему же дождливую погоду называют плохой, а сухую и солнечную — хорошей? Ведь всё наоборот! Вот и кошка моя: хвост опустила, уши навострила. Дождь ей тоже не нравится. Или это у неё такое поэтическое настроение? Когда она думает не об

охоте, а о чём-то возвышенном? И её это беспокоит и немного пугает. Воздух свежее, зелень ярче, земля уже не покрыта коростой и небо не синюшного цвета. Хорошо ведь!

20240611

5. Решение математической задачки

Решение математической задачки (естественно, ещё не решённой, лучше даже не поставленной) напоминает вытаскивание занозы из пальца: больно, а вытащить надо.

А ещё похоже на синусоиду: то всплеск, когда приходит в голову красивая гипотеза, вообще-то очевидная, но доказать надо, то спад, когда доказательство оказывается ошибочным, а гипотеза неверной. И только когда задачку всё же удаётся решить, остаётся один всплеск, а всю синусоиду скомкиваешь и выбрасываешь в мусорное ведро. Глядишь на полученное доказательство и думаешь: и чего ты такой тупой, что сразу это не увидел, очевидно же!

А иногда в процессе решения возникает явственное ощущение: Бог следит за тобой и, охраняя великую тайну Вселенной, не допустит решения. Когда решение всё же найдено, тайна оказывается не такой уж великой, да и Бог ни при чём.

20240611

6. И вот наступает время жизни

И вот наступает время жизни, когда становятся известны ответы на все вопросы, только эти ответы не нравятся, а потом не нравятся и вопросы, а потом уже всё равно. В мире без вопросов и ответов царит спокойствие на волнах смены времён года как единственного, что не вызывает сомнений.

20241003

7. Времена года

Зима спит, посапывая, и не догадывается о твоём существовании.

Весна прыгает и скачет, и ей не до тебя и твоих дурацких проблем..

Лето мчится как скорый поезд, погромыхивая на стыках дней, а ты один на полустанке, ждёшь, когда оно пронесётся мимо.

Осень стоит и смотрит. Не шелохнётся. Стоит и смотрит на тебя.

20241003

8. Выпал снег

Как же всё-таки хорошо, что, наконец-то, выпал снег!

Мир стал уютнее, люди добрее, собачки веселее, дети тоже, деревья задумчивее, я тоже.

А ведь снег — это просто сухая вода. И если бы всегда был снег, то и жизни бы не было, а без неё откуда взяться уюту, добру, веселью и задумчивости.

И получается, что нам нравится пауза. Она создаёт ритм, без которого тоже ничего бы не было.

Длительность паузы можно увеличить ферматой, похожей на небо, внутри которого точка солнца. Хотя сегодня и солнца нет, а небо есть, куда оно денется. Длительность паузы увеличивается по усмотрению исполнителя (интересно, кто это?) вплоть до «пока не растает звук», то есть снег, но это уже весной, до которой нужно ещё дожить.

О чём это я? Ах, да — выпал снег. Он всю ночь выпадал, я проснулся и видел. А сейчас нет, но если присмотреться, то есть, как будто воздух состоит из очень мелких видимых (если присмотреться) бело-серых точек.

А земля горизонтальная, плоская и белая.

А люди, собачки и дети на ней чёрненькие.

Приходит Ван Вэй и рисует всё это простой тушью.

20241207

9. Лианозовский парк

Лианозовский парк. Я принёс из него много текстов, стихов, акварелей и даже одну пьесу, так что, когда гуляю по парку, невольно мерещатся персонажи всего этого. То ворона пролетит, высунув нос, то собака пробежит чёрно-белая, то утки проплывут диагонально по озеру, то старуха проковыляет, то старик на лавочке клюёт носом, то девушка на мостике вцепится в перила, то Николай Гумилёв косточками вишнёвыми плюнется, то сам Александр Сергеевич тросточкой помашет. Гулять спокойно совершенно невозможно. Так и лезут, так и лезут. Неужели придётся другой маршрут выбирать? А? Как вы думаете, дубы? Молчат дубы, только смотрят и морщат лбы. Ну, да, я же про них тоже писал. Уйду отсюда. Нет, нет, тропинка, ты меня не обманешь, тебя я тоже знаю, не пойду по кругу. Уйду, уйду, туда, на волю, к многоэтажкам, асфальту и автомобилям.

20241225

10. Люди планеты У

Люди планеты У были сделаны из твёрдых пород, поэтому со временем практически не менялись. Они проживали жизнь в твёрдом здоровье и здравом уме. Другое дело память: природа не любит ничего долгоиграющего. Житель планеты У мог прожить и тысячу лет, и десять тысяч лет, но никогда не говорил «Я вспоминаю, как лет триста назад...», потому что помнил только последние сто лет жизни. Он не помнил ни своего детства, ни своей юности, ни своей зрелости. Утяне проживали свою жизнь в старости. Была у них и религия, а в ней тоже были ад и рай. Те, кто попадал в ад, переставали забывать и помнили не последние сто, а и тысячу и десять тысяч лет, бесконечно мучаясь тяжким и всё возрастающим грузом старческих воспоминаний. А те, кто попадал в рай, помнили совсем мало: какие там сто лет, они даже вчерашний день забывали. Каждый день был для них новым и свежим: они радовались, пели, танцевали и прославляли Творца.

20241229, ночь.

ЛИСЬИ ИСТОРИИ ИЗ ГОРОДА С.

15 подражаний Ляо Чжаю

1. Художник С.

У художника С. из города С. жена была лисой. Она любила позировать голой, валяясь на диване. Художник С. много раз её рисовал, но поначалу ничего не подозревал. А другие люди и подавно не подозревали. Но потом художник С. начал подозревать и, чтобы рассеять сомнения, прижал жену к дивану и заставил признаться. А на следующий день жена пропала, наверное, не смогла смириться с разоблачением. Тогда художник С. стал рисовать только абстрактные картины. И вот на одной выставке, где художник С. выставлял свои работы, к нему подошёл какой-то старик маленького роста со спутанной бородой и спросил: «А почему у вас на всех картинах изображена лиса?» Художник С. растерялся и не знал, что ответить. А старик тряс бородой и заглядывал художнику в глаза снизу вверх. Потом похлопал художника по животу и сказал: «Да вы не волнуйтесь. Дело в том, что я только выгляжу как человек, а по-настоящему я старый лис. Люди не замечают, а разве я могу не заметить изображений существ своей породы?» Художник С. ему не поверил, повернулся к самой большой своей картине, на которой на белом фоне были изображены только две неровные полосы: красная и чёрная. И сказал: «А вот на этой картине где вы лису видите?» Старик молчал. Художник С. обернулся, а того и след простыл. Тогда художник С. понял, что это и правда был старый лис. Может быть, даже отец или дед его пропавшей жены.

20241028

1. Художник С.
Лисьи истории из города С. 20241028. 1200x850 px

2. Охотник Б.

Охотник Б. из города С. любил охотиться на лис. И вот однажды взял он ружьё, закинул на спину рюкзак с палаткой и пошёл в лес на пару дней. Ночью ему показалось, что около кострища кто-то шебуршится. Охотник Б. вылез из палатки, зажёг фонарик, но никого не увидел и полез обратно в палатку. Только начал засыпать, как опять — кто-то шебуршится около кострища. Опять вылез, опять зажёг фонарь и опять никого не увидел. Так продолжалось несколько раз. Только под утро охотник Б., наконец, заснул. И приснилась ему лиса: красивая, рыжая с длинным пушистым хвостом. Она ходила вокруг палатки и заглядывала внутрь. А потом и сама залезла: и в палатку и в спальник. Стала тереться о тело охотника Б. и трогать передней лапкой его щёку, а задней — между ног. Когда охотник Б. вернулся домой, жена сразу почуяла неладное. Она принюхалась и спросила: «Ты где был?» «Как где? — ответил ничего не подозревающий охотник Б. — На охоте, конечно. Только не повезло, никого не подстрелил». «А что это за рыжие волосинки у тебя на штанах?» «Где? Не знаю, наверное, в лесу подцепил». «Что ж ты врёшь?! — разозлилась жена. — У тебя из кармана женские трусики выглядывают, белые с рыжими кружевами». Охотник Б. полез в карман, а это оказался мох. «Ты что не видишь? Это мох!» — прикрикнул он на жену. Жена замолчала, поникла головой, ушла в спальню и залезла под одеяло. А ночью охотник Б. нащупал у жены между ног хвост. Ну, так ему показалось. Или не показалось, потому что жена его тоже была лисой, только притворялась человеком. И, конечно, она сразу почуяла соперницу. Но наутро оказалось, что это не хвост, а пушистый платок из собачьей шерсти, которым жена обвязалась от ревматизма.

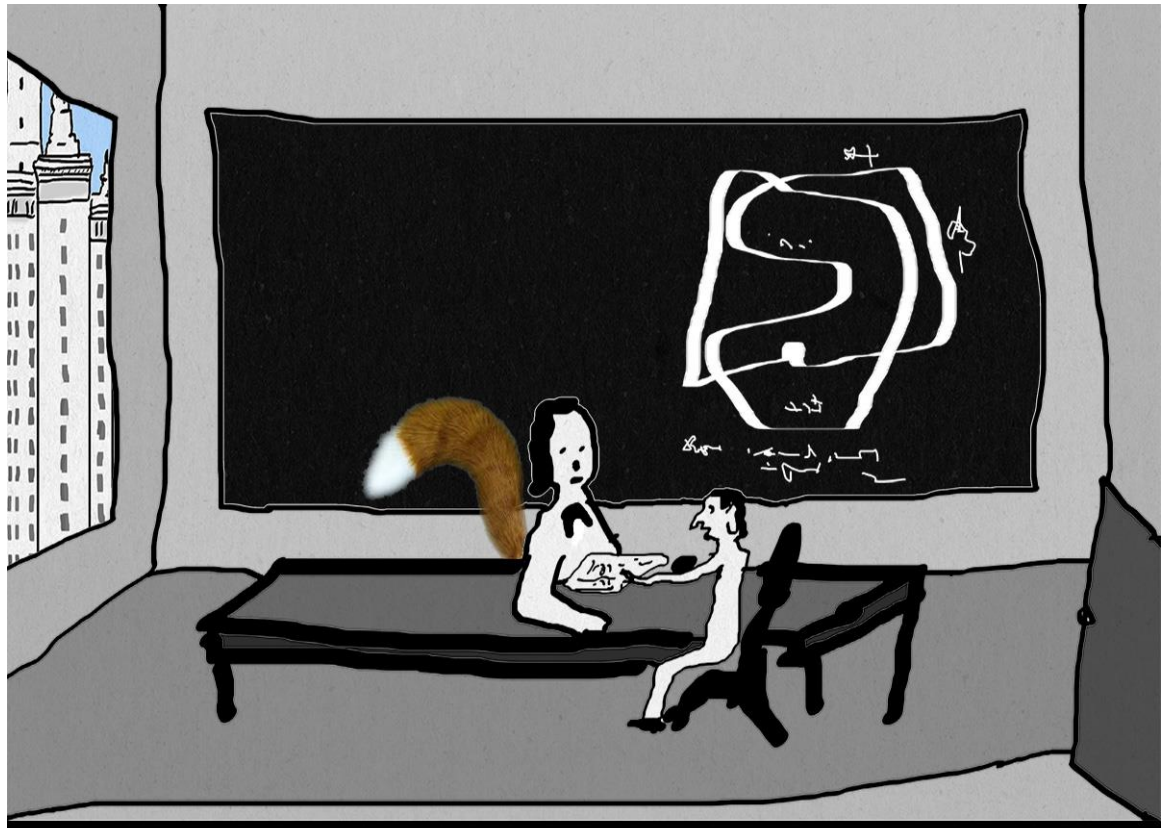
20241028

2. Охотник Б.
Лисьи истории из города С. 20241028. 1200x850 px

3. Студент А.

Студент А. из города С. получил в наследство от отца, деда и прадеда редкую способность распознавать лис. И вот после летних каникул приходит он на лекцию по математической логике и видит, что их новый преподаватель — профессор Я. — не женщина, а лиса. Он и так смотрел и эдак, ну, точно лиса. Нос острый, длинный, ушки торчком, а главное — пушистый рыжий хвост. Другие студенты, конечно, ничего не замечают, у них же нет этой способности: распознавать лис. Подходит время экзаменов. Студент А. берёт билет и идёт готовиться. А сам искоса смотри на профессора Я., и в голове только одна мысль: как бы не раскрыть себя, не показать, что он распознал в профессоре Я. рыжую лису. Боялся, что она разозлится и поставит ему неуд. Так он и сидел в нерешительности, пока не остался один на один с профессором Я. «Ну-с, молодой человек, вы готовы отвечать?» — спрашивает профессор Я. Студент А. начинает что-то бубнить про нечёткие множества, а сам не может отвести взгляд от пушистого хвоста. И вдруг профессор Я. говорит: «А как ещё называют нечёткое множество?» Студент А. отвечает: «Туманное, размытое…» «А ещё?» «Пушистое», — вспоминает студент А. и густо краснеет. Профессор Я. смеётся и, помахивая хвостом, говорит: «Неужели вы думаете, молодой человек, что я сразу не распознала в вас распознавателя лис? Мы, лисы, очень чувствительны к таким вещам: если вы нас распознаёте, то и мы вас распознаём. К тому же вы совсем не умеете скрывать свои чувства». Студент А. получил пятёрку за экзамен, и потом, когда он встречал в коридорах института профессора Я., каждый раз она ему улыбалась и подмигивала, а студент А. густо краснел.

20241028

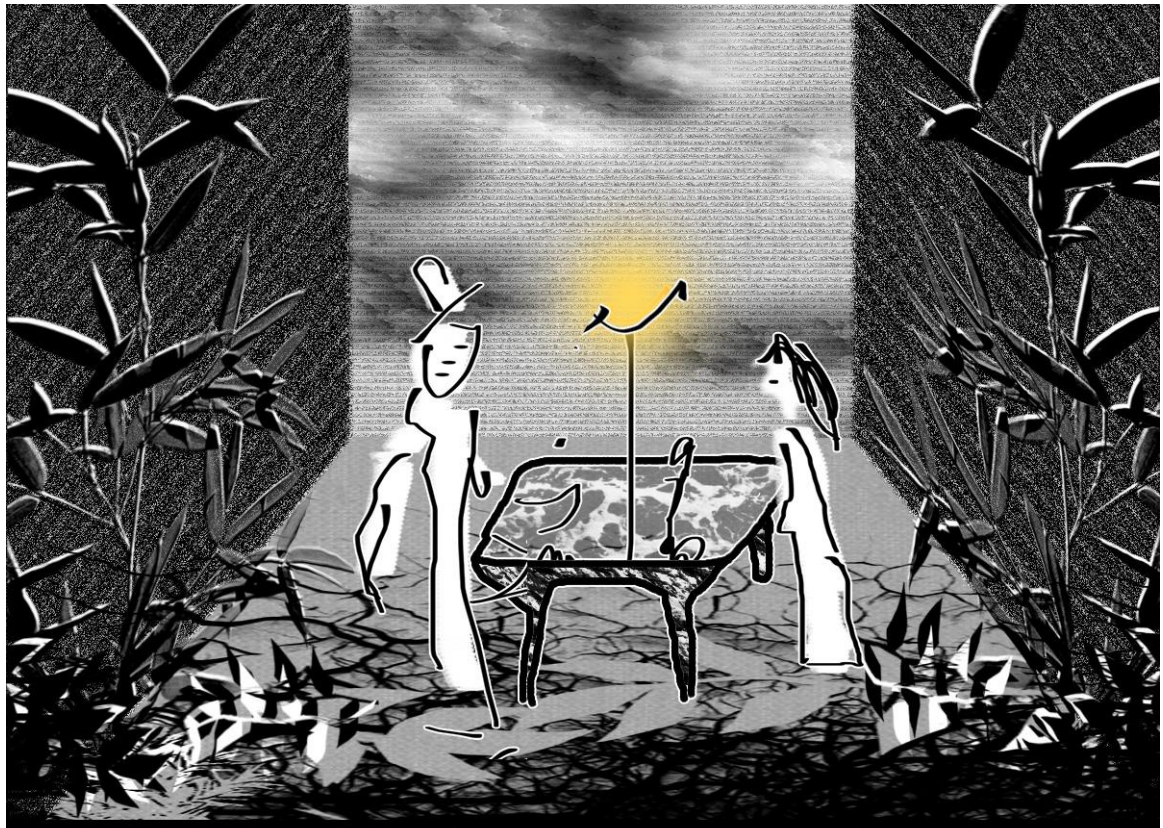


3. Студент А.
Лисьи истории из города С. 20241028. 1200x850 px

4. Учёный литератор по имени У.

В городе С. одно время жил известный учёный литератор по имени У. И было у него правило: днём он занимался учёными изысканиями, а ночью писал стихи. Его учёные работы все признавали, а над стихами посмеивались. Это учёному У. было обидно, но он упорно продолжал писать стихи, надеясь достичь успеха и в этом деле. Только без толку. И вот однажды ночью сидит он и пишет стихи. Вдруг лампочка замигала и погасла. Учёный У. в темноте нашарил новую лампочку и заменил перегоревшую. Вспыхнул яркий свет, и он видит, что не один в комнате. Рядом сидит молодая девушка, да такой красоты, которой он раньше не видывал. Учёный У. сразу догадался, что это лиса. Придвинулся к ней, стал трогать и гладить её пальцы на руке, потом и запястье. Но девушка отдёрнула руку и сердито сказал: "Остыньте уже! Я хоть и лиса, но не для любовных утех. Я лиса-муза. Долгое время я наблюдала за вами и видела, какой вы прилежный и целеустремлённый человек. Хочу вам помочь стать, как говорится, драконом кисти». Учёный У. очень хотел стать драконом кисти. Лиса стала приходить каждую ночь, и стихи становились всё лучше и лучше. И вот однажды он вышел победителем в поэтическом конкурсе и даже заслужил похвалу литературного начальства. Лиса заявила: «Я ухожу. Дальше вы должны совершенствоваться, следуя велениям только своего сердца». Учёный У. плакал, умолял её остаться, захватил в объятия и не хотел отпускать. Тут-то лисья природа, которая сдерживалась благородными устремлениями, и вышла наружу, когда цель была достигнута. Стали они предаваться любовным утехам. Сначала ночью, а потом и днём. Учёный У. забросил стихи, а потом и учёные занятия. Стал хиреть и вскоре умер. Вот оно лисье коварство: сначала возносит на вершину богатства и славы, а потом сбрасывает вниз. Да и учёный У. оказался бесхарактерным: не смог преодолеть любовный морок, как говорится, не различая, верх и низ.

20241029



4. Учёный литератор по имени У.
Лисьи истории из города С. 20241029. 1200x850 px

5. Поэт П.

Поэт П. из города С. любил осень. Он говорил: «Осенью в городе появляется много лис. Они залезают на деревья и смотрят оттуда на людей». Но люди ему не верили, потому что никаких лис не видели. А поэт П. ходил в парке среди деревьев и разговаривал с лисами. Они ему отвечали, а то и сами заводили разговор. Но люди ничего не слышали. «Дело в том, — говорил поэт П., — что в конце каждого года лисы улетают на небо. Осенью они устраивают прощальную встречу, им нужно с кем-то поговорить, уточнить кое-какие детали, чтобы потом донести до неба правильные сведения о жизни на земле. Вот я с ними и разговариваю». На это люди вообще никак не реагировали, только отворачивались от поэта П. К концу осени налетал ветер, шли дожди и вскоре все деревья становились голыми. «Осенью лисы линяют, — говорил поэт П, — это их старые шкурки валяются на земле, а сами они уже на небе, рассказывают там о наших делах». Люди ходили, шуршали шкурками и не смотрели в небо. Что в него смотреть? Оно серое и неприветливое.

20241030

5. Поэт П.
Лисьи истории из города С. 20241030. 1200x850 px

6. Начальник Е.

Одна лиса влюбилась в начальника департамента по имени Е. Дело было так. Этот начальник был правильный, дух имел возвышенный, а душу тонкую. Каждый час, свободный от служебных забот, проводил он не в кабаках и борделях, а подальше от города. Любил лес: и берёзовые рощи и сосновый бор. Луга тоже любил, особенно заливные. Вот на опушке леса его лиса и увидела. Увидела и влюбилась с первого взгляда. А что? у лис такое тоже случается, не только у людей. Лиса та обладала сверхъестественными способностями, что у лис как раз не редкость, в отличие от людей. Решила она заманить начальника Е. и соблазнить. А что могло нравиться начальнику департамента, думала лиса. Наверное, роскошные хоромы и терема, похожие на здание департамента, только лучше. И вот после рабочего дня начальник Е. идёт по лесной дороге. Травки, цветочки, птички поют. Вдруг вырастает впереди огромное здание с чугунными воротами, резными башенками, крылатыми флигелями и помпезной парадной лестницей. Откуда оно тут, отродясь не было! А это влюблённая лиса из ничего сотворила. Думала, увидит начальник Е., непременно в ворота войдёт, по лестнице поднимется, крутящуюся дверь толкнёт, а там уже всё приготовлено: ковры драгоценные, диваны шикарные, на столе изысканные яства и заморские напитки. И лиса в образе роковой красавицы. Ан нет! Начальник Е. только выругался — опять буржуй дворец себе построил, красивое место испоганил — плюнул, и назад пошёл. Лиса устроила засаду на заливном лугу. То же самое. И так много раз. Села лиса на обочине дороги как была, в рабочей одежде, и заплакала. Начальник Е. как раз мимо проходил. Видит, на травке девушка в бедном платьице сидит, плачет. Стал её утешать, расспрашивать, домой привёл, чаем напоил. Тут-то и началось. А конца у этой истории нет, потому что двадцать лет они в браке, а конца не видно: что двадцать лет для бессмертной лисы!

20241031

6. Начальник Е.
Лисьи истории из города С. 20241031. 1200x850 px

7. Лиса-таксистка.

В городе С. одна лиса работала таксисткой. И так всех пассажиров мужского пола охмуряла, что они ей платили в два раза больше, чем было по счётчику. Но один раз попался этой лисе пассажир, который вообще отказался платить. «Не буду и всё!» — заявил он. «Это как же так?!» — взвизгнула лиса и такие чары навела, что любой другой на его месте все деньги бы ей отдал, что у него в кошельке были, в банкомат бы побежал, чтобы и со счетов все деньги снять и ей отдать, и айфон бы последней марки отдал, и ещё шапку снял и тоже отдал бы. А этот только ухмыльнулся, посмотрел на неё и говорит: «Дура ты! Давно в лесу не была, совсем в городе нюх потеряла. Не видишь разве, что я старый лис? Меня не проведёшь». И ушёл. А лиса расплакалась.

20241031

7. Лиса-таксистка.
Лисьи истории из города С. 20241031. 1200x850 px

8. Оборотень О.

Как известно, лисы не оборотни, то есть это не люди, которые превращаются в лис, а, наоборот, лисы, которые превращаются в людей. В Китае это дело обычное, а у нас раньше таких лис не было, зато были настоящие оборотни. Потом всё поменялось, да оно и к лучшему. Посудите сами. Лиса, превращаясь в человека, старается во всём подражать людям и иногда так совершенствуется, что её добродетели вызывают похвалу неба, так что иным людям не помешало бы брать с неё пример. Оборотень же, наоборот, теряет свои человеческие качества, зверь он и есть зверь. В городе С. оборотней давно не было, но вот однажды неизвестно откуда пришёл человек по имени О., которого по-другому и не назовёшь. Нехороший он был человек, злой. Начал настраивать людей против лис. Говорил, что все беды от них, что лисы вытягивают из человека жизненную силу, а вот если всех лис истребить, то люди будут жить счастливо и долго. И нашлись люди, которые ему поверили. Пошли люди убивать лис. Лисы поначалу ничего не поняли, мирно же жили, что случилось? Но потом один старый лис присмотрелся к человеку О. повнимательней и шепнул лисам: «Да это же оборотень!». А как с оборотнем бороться? И придумали лисы вот что. Попросили они у неба навести великую иллюзию. И вот, хотя была середина дня, вдруг наступила ночь. А тоненький серп молодого месяца, только что вышедшего из-за туч, вдруг раздулся в полную луну. Оборотень О. не выдержал полнолуния и помимо своей воли превратился в огромного волка. Люди сразу всё поняли и набросились на него с тем, с чем пришли убивать лис: с топорами, вилами и лопатами. Лисы тоже не отставали: возвратились в своё лисье обличье и ну давай грызть его острыми зубами. Но тут старый лис прыгнул в самую гущу свалки, зарычал страшно и говорит: «Вы же люди и лисы, не убивайте злодея, пусть уходит». И оборотень О. ушёл из города С. неизвестно куда, и больше не возвращался.

20241031

8. Оборотень О.
Лисьи истории из города С. 20241031. 1200x850 px

9. Муж М. и жена Ж.

В городе С. в любви и согласии жили муж М. и жена Ж., только детей у них не было. Жена Ж. обратилась к магу-врачевателю, старому лису, что жил на окраине города в доме с башенкой. Старый лис пронзил жену Ж. особым лисьим взглядом, дал ей какой-то травки и сказал: «Заваривай как чай и пей по утрам натощак. Неделю попьёшь, и всё получится. Только смотри, больше недели не пей». Жена Ж. принимала лекарство, да вот про неделю-то забыла, пила травку, пока та не кончилась недели через две. И вскоре забеременела. Через положенное время жена Ж. родила мальчика. Был он маленький, но здоровый, крепкий с ярко-рыжими волосами на голове. Муж М. и жена Ж. не могли на него нарадоваться, холили и лелеяли. Но вот как-то муж М. заметил, что сынок его бегает-бегает по двору, а то вдруг становится на четвереньки, траву нюхает и землю копает, вроде как нору роет. Муж М. заподозрил неладное и стал наблюдать. И точно: время от времени у мальчика лисьи повадки проявлялись, потом и вовсе: то в лисёнка с рыжим хвостом превратится, то опять в человека. Муж М. вызвал жену: «Как же так? Я человек, ты тоже человек, хоть и женщина, а сын лисёнок! Говори, с кем согрешила?» Жена ни в какую: «Ты что говоришь? Я всю жизнь тебе верна была. Нет на мне греха!». Муж М. пошёл к старому лису и жену приволок: «Признавайся, старый греховодник: ты мою жену обрюхатил?» Старый лис пронзил обоих особым лисьим взглядом и спрашивает: «Ты мою травку пила неделю или больше?» Жена Ж. призналась, что больше. «Ага! Травка эта особенная: если долго принимать, ребёночек наследует природу не отца, не деда, не прадеда, а первопредка. У тебя, муж М., первопредком был лис, чти его! А сынок ваш обладает большими талантами, ему суждено славное будущее». Так ли нет ли, но ребёнок-лисёнок вырос и занял первое место на столичных экзаменах, стал большим чиновником, а потом и министром.

20241101

9. Муж М. и жена Ж.
Лисьи истории из города С. 20241101. 1200x850 px

10. Скульптор С.

Скульптор С. из города С. знал, что в городе С. есть лисы, превращающиеся в людей, как правило, в красивых юных девушек. Об этом все знали в городе С. Скульптор С. мечтал, чтобы такая лиса пришла к нему и стала его возлюбленной. И вот однажды, когда скульптор С. подметал пол в кабинете, заметил на полу три рыжих волосинки. Потом на кухне прямо из сковородки пропала одна котлета, которую скульптор С. хотел съесть на ужин. Ночью скульптор С. почувствовал, как зашевелилось одеяло, и что-то мягкое и лёгкое опустилось ему на ногу. Скульптор С. вскочил и зажёг свет, но никого не увидел, только из коридора послышались глухие звуки, будто кто-то стучал пальцем по половице. «Это лиса», — понял скульптор С. На следующую ночь он был настороже, и как только одеяло зашевелилось, закрыл дверь в спальню и зажёг свет. На кровати лежала маленькая рыжая лиса, она прижала ушки и испуганно шипела. Скульптор С. обратился к ней с ласковой речью и подвинул к кровати заранее приготовленную тарелку с котлетой. Лиса осторожно понюхала котлету и откусила кусочек. С тех пор скульптор С. и лиса подружились. Лиса приходила каждую ночь, кушала котлеты и ложилась на одеяло рядом со скульптором С., а то и прямо ему на грудь, в холодную пору забиралась под одеяло и прижималась к телу. Скульптор С. всё ждал, когда она превратится в красивую юную девушку. И так её упрашивал и эдак, даже грозился, ничего не помогало. Лиса не превращалась, только котлеты кушала. Друзья, прослышав об этом деле, сказали: «Ты дурак, что ли? Это обыкновенная лиса, ни в кого она не превратится. Ты лучше её убей, а из шкурки шапку сделай». Но скульптор С. их не слушал, очень он полюбил эту лису, и надеялся. Прошло сколько-то лет, и лиса умерла. Скульптор С. очень горевал. Достал где-то кусок хайнаньского хуанхуали, вырезал скульптуру «Лиса, превращающаяся в юную девушку» и установил на могиле лисы.

20241102

10. Скульптор С.
Лисьи истории из города С. 20241102. 1200x850 px

11. Учитель И.

Учитель И. из города С. жил недалеко от парка. Он часто прогуливался в парке, особенно любил ходить по дорожке вдоль берега озера. Как-то учитель И. заметил там девушку, сидевшую на скамейке под большим деревом на берегу озера. И потом много раз встречал её. Каждый раз она сидела на той же самой скамейке, и лицо у неё было грустное. Они даже стали узнавать друг друга и кивать головой при встрече. Учителю И. было любопытно, что это за девушка и почему она грустит. Но подойти к ней и завязать разговор он стеснялся. И вот однажды, когда учитель И. прогуливался вдоль берега озера, пошёл сильный дождь. Учитель И. раскрыл свой большой зонт и двинулся дальше. Подходя к скамейке, он увидел, что девушка по-прежнему сидит грустная, зонта у неё нет, и одежда её намокает. Тогда он решился подойти, присел рядом и укрыл своим большим зонтом их обоих. «Спасибо вам, — сказала девушка и призналась: — Я, видите ли, лиса. Не могу позвать вас к себе домой, чтобы предложить чаю. У меня там идёт ремонт». «Нет, к вам домой я тоже не могу пойти, потому что не могу далеко отходить от этого места. Про ремонт я наврала. Дело в том, что эта скамейка стоит над могилой моих родителей. Я должна три года соблюдать траур по ним и не отходить от скамейки». «Вот под этим деревом есть небольшая нора, там я и ночую, мне хватает». Потом учитель И. ещё много раз, проходя мимо скамейки, раскланивался с девушкой. Но однажды скамейка оказалась пустой, девушка исчезла. «Вот и пролетели три года», — подумал учитель И.

20241111

11. Учитель И.
Лисьи истории из города С. 20241111. 1200x850 px

12. Мерчендайзер Ю.

Мерчендайзер Ю. из города С. спутался с лисой. Они встречались на складе, и, когда они предавались любовным утехам, коробки с товаром так и летали в разные стороны. Такая лиса оказалась страстной и необузданной. В результате очередная инспекционная проверка выявила крупную недостачу товара. Мерчендайзер Ю. не стал скрывать факты и подробно рассказал, как было дело. Но его аргументы судью не убедили, и он посадил мерчендайзера Ю. в тюрьму. А лиса убежала, избегнув наказания, и с тех пор на складе всё было спокойно. Вот такая коварная лисья порода.

20241112

12. Мерчендайзер Ю.
Лисьи истории из города С. 20241112. 1200x850 px

13. Пенсионер П.

Пенсионер П. из города С. прожил со своей женой долгие годы в любви и согласии. И вот пришла пора жене умирать. Позвала она мужа и говорит: «Скоро я умру». «Не умирай, пожалуйста», — говорит пенсионер П., а у самого слёзы на глазах. «Это уже нельзя изменить. Мы с тобой прожили в любви и согласии долгие годы. Поэтому прошу тебя выполнить мою последнюю просьбу, какой бы странной она тебе не показалась». «Проси, что хочешь, я всё сделаю», — говорит пенсионер П. и уже не утирает льющиеся слёзы. «Когда я умру, положи меня в гроб из дерева окуме и похорони неглубоко в мягкой почве». «Как же так? — удивился пенсионер П. — Ведь это дерево очень быстро гниёт. Неужели ты хочешь, чтобы тебя съели подземные черви?» «Об этом не беспокойся. Просто сделай так», — сказала жена и замолчала. Потом вздохнула и продолжила: «Мы с тобой прожили в любви и согласии долгие годы. Вижу, что ты до сих пор меня любишь. Поэтому не буду скрывать правду и признаюсь тебе. Дело в том, что по-настоящему я лиса, но не простая, а небесная. Мы, небесные лисы, живём тысячу лет». «Но тысяча лет ещё не прошло!» — воскликнул пенсионер П. с надеждой. «Не перебивай. Много лет назад я увидела тебя и сразу полюбила. Поэтому превратилась в юную девушку, которую ты взял в жёны. Но мы, небесные лисы, в человечьем обличье живём не дольше времени, чем обычные люди. Это время прошло. Когда окажусь я под землёй, начнётся обратное превращение, оно длится три года. Я снова стану лисой и, если дерево окуме сгниёт, а земля будет мягкой, смогу выбраться из могилы». «Значит, я тебя снова увижу!» — снова воскликнул пенсионер П. с надеждой. «Нет! Люди не могут видеть небесных лис в их естественном обличье. Но когда-нибудь в одном из твоих перерождений мы снова встретимся. Тогда я снова превращусь в юную девушку. Я на это надеюсь, а там как Небо решит», — сказала жена и испустила дух. Пенсионер П. сделал так, как она сказала: достал где-то дерево окуме, сделал из него гроб, положил в него тело жены и закопал неглубоко в мягкой песчаной почве. Каждый день приходил пенсионер П. на могилу жены и всё ждал чего-то, но ничего не происходило. Через три года вызвал сыновей, они раскопали могилу, достали гроб и открыли его. Внутри было пусто. Только несколько рыжих шерстинок прилипли к сгнившему дереву.

20241113

13. Пенсионер П.
Лисьи истории из города С. 20241113. 1200x850 px

14. Граф Ю.

В старые времена город С. был поменьше, и там, где сейчас школа полиции, находилось загородное имение графа Ю., большого любителя молоденьких горничных и вообще весёлого человека. Как-то раз граф Ю., возлежа на диване, позвонил в колокольчик. Пришла молоденькая горничная, и через некоторое время ушла. Граф остался доволен. Выпил кофию и выкурил новомодную папироску. Потом опять позвонил в колокольчик, но с другой мелодией. Пришла другая молоденькая горничная, и через некоторое время ушла. Граф опять остался доволен. И так было ещё два раза в течение дня. А вечером, за ужином его жена, графиня Ю. говорит: «В соседней деревне какой-то ихний праздник, который бывает раз в год. Наши горничные очень просили, и я утром отпустила их всех четверых, но строго наказала, чтобы возвращались завтра не позже полудня. Забыла за завтраком сказать тебе об этом. Надеюсь, это не повлекло каких-то неудобств, они ведь тебе не нужны были?» Граф Ю. поперхнулся смородиновой водкой, прокашлялся и удалился в кабинет. Сел в кресло и стал думать. Неужели это были лисы? Или даже одна, тысячелетняя лиса, которая превращалась то в одну горничную, то в другую, то в третью, то в четвёртую. «Ну и чудеса...» — думал граф Ю. Но об этой истории граф Ю. никому не рассказывал, так что достоверно неизвестно, правда это или выдумка рассказчика. Но говорят, что с того дня граф Ю. уже не так веселился и больше не звонил в колокольчик.

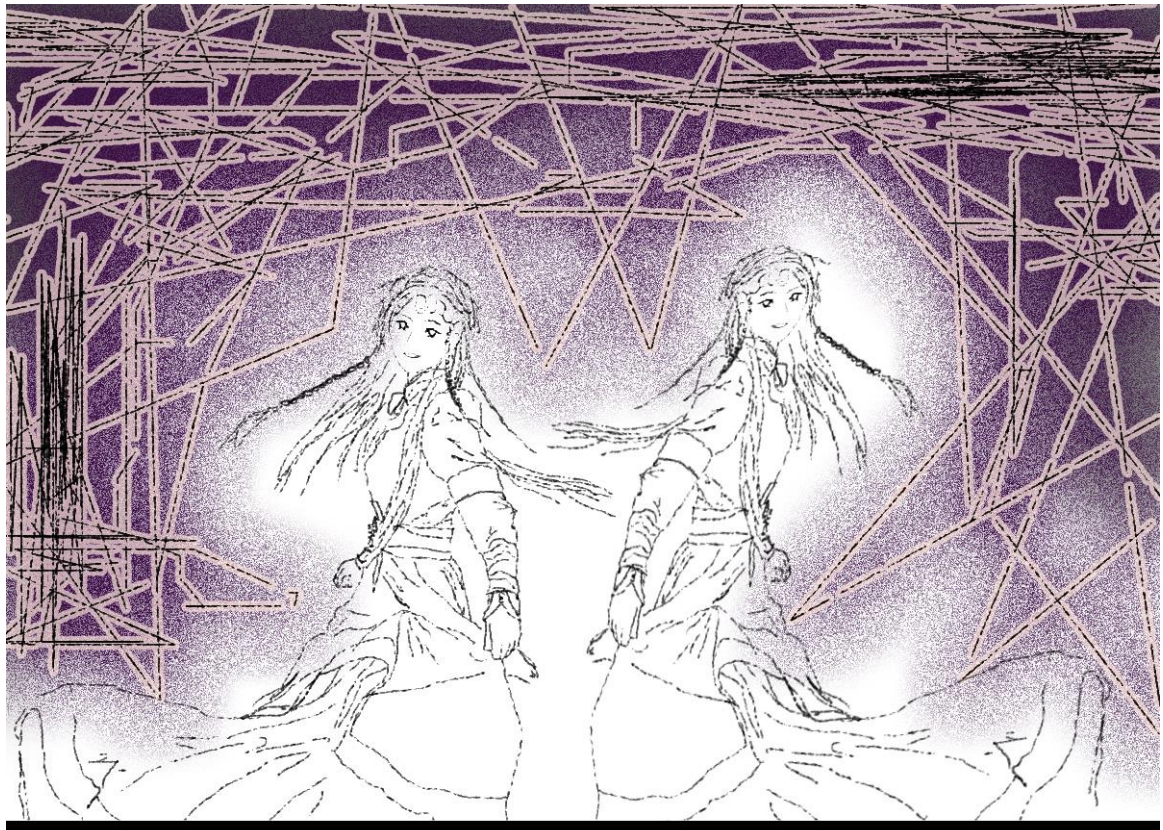
20241117

14. Граф Ю.
Лисьи истории из города С. 20241117. 1200x850 px

15. Учитель 1 и учитель 2.

В городе С. в Храме Чистого Света жили две лисы. Когда прихожане подходили к алтарю со статуей Тысячерукой Гуаньинь, лисы начинали двигать её руками. Люди пугались, а лисы громко хихикали. Как-то раз в храм зашёл буддийский наставник Б. из соседней провинции. Увидел такое безобразие и воскликнул: «Это что такое! Кто позволил? Немедленно покажитесь, а не то донесу небесному начальству о ваших проделках, и тогда уж вам не поздоровится». Лисы испугались и явились в образе двух юных девушек. Потупив глаза, оправдывались: «О, великий наставник! Мы не со зла, просто у нас нет никаких занятий, нам скучно, и это единственное наше развлечение». «Вижу, сердца ваши ещё не совсем испорчены, — сказал наставник Б. — Надо вам найти какое-то занятие. Вот что: в соседнем переулке живёт господин Ю. Он ещё даже не юноша, скорее ребёнок, но ему уже пора учиться. Будете учителями, глядишь, и сами чему-нибудь научитесь. Только в таком виде вам туда нельзя, неприлично». «Благодарим, великий наставник! — обрадовались лисы. — А облик мы можем и другой принять». Они поклонились до земли, а когда выпрямились, это были уже два мужа с благородными бородами. Стали лисы учить г-на Ю.: учитель 1 учил правильно читать книги, а учитель 2 учил правильно держать кисть. Прошло сколько-то лет, г-н Ю. сдал нужные экзамены и стал важным чиновником. Приехал он в город С. навестить родителей и заодно подыскать себе жену. Позвал и своих учителей, поблагодарить их за науку. Тут-то они и признались: «На самом деле мы лисы, а вашими учителями стали, когда нас направил на этот путь буддийский наставник Б.». Два учителя поклонились до земли, а когда выпрямились, это уже были две юные девушки. «Вот это да! — г-н Ю. захлопал в ладоши. — А раз так, не хотите ли стать моими жёнами?» «Мы не против, — говорят лисы, — но вы же знаете: времена, когда можно было иметь двух жён, давно прошли». «А тогда...» — начал г-н Ю. «Нет, нет! Что вы такое говорите, это же неприлично! — всплеснули руками лисы. — Но если вы так уж настаиваете, мы можем стать одной женой». Две девушки поклонились, а выпрямилась уже одна, немного повыше, немного постарше, но всё равно красавица. Стали они жить вместе и прожили долгие годы. А что там у них было и как, не знаю, господин Ю. о том не рассказывал.

20241119



15. Учитель 1 и учитель 2.
Лисьи истории из города С. 20241119. 1200x850 px

2025

ДВАДЦАТЬ ТРИ МИНИАТЮРЫ

23 миниатюры

1. Пропал четверг

Пропал четверг.

Была среда, а потом сразу пятница.

Ущерб небольшой, и вести расследование поручили младшему следовательному сотруднику Чемоданову.

Чемоданов с вдохновением взялся за дело, но вдохновение скоро прошло, а Чемоданов так и сидел над чистым листом протокольной бумаги.

Прошла неделя, и четверг нашёлся сам.

В виду отсутствия состава преступления дело замяли, Чемоданову объявили лёгкое порицание, но даже квартальной премии не лишили.

Потерпевшая (она родилась в пропавший четверг) обратилась к частному детективщику Кошёлкину.

Кошёлкин с авансом пошёл на дело, но аванс скоро кончился, а Кошёлкин скрылся в Турцию.

Прошла неделя, и четверг опять появился.

Потерпевшая (она родилась в позапрошлый четверг) обратилась к иностранной ведьме-гадалке Ридикюль.

Ридикюль даже охнуть не успела, как её сожгли на костре.

Прошла неделя, потом ещё неделя.

Прошло много недель.

И даже несколько лет.

И вот повторилась та же дата в тот же четверг.

И тогда пропала потерпевшая.

Вспомнили Чемоданова, но он оказался недосягаем, Кошёлкин застрял в Турции, прах Ридикюль развеяли над Средиземным морем.

Дело смяли.

20250109

2. Финская ходьба

По дорожкам парка ходят старики и старухи с палочками в руках.

Тук-тук, тук-тук.

Правда, старух больше, чем стариков.

Почти совсем нет стариков.

Померли, наверное.

Пройдёт какое-то время, и старухи тоже помрут.

И по дорожкам парка будут ходить одни палочки, без людей.

Тук-тук, тук-тук.

20250213

3. Картошка

По дорожке парка навстречу мне шли три женщины. Одна из них рассказывала двум другим: «Я чистила картошку вёдрами. Вё-дра-ми!». Дальше мы разминулись, и я так и не узнал, по какому же поводу она чистила картошку вёдрами. Свадьба? Похороны? День рождения? Или просто гости внезапно нагрянули? Давно это было или только что? Неужели на кухне московской квартиры или всё-таки в деревне, на воздухе? Наверное, потом гости сели за большой стол и ели картошку. Варёную? Жареную? Вё-дра-ми! Всё-таки жизнь удивительная штука.

20250213

4. Горячий кофе

Некоторые места нашего парка совсем уже благоустроили, даже дорожки каменными плитками выложили. Идут по каменным плиткам двое и пьют горячий кофе, который купили тут же в ларьке. А вообще-то морозец, снега мало и от этого ещё холоднее. А они пьют горячий кофе. Мне вот тоже захотелось. Но не судьба. Приду сейчас домой, подогрею чайник и буду пить утренний чай. И вспоминать тех двоих, что пили горячий кофе в холодный безсолнечный день, ступая по каменным плиткам благоустроенной части нашего парка. Может быть, даже напишу об этом. Горячий кофе. В мороз. Прелесть!

20250213

5. Сон после чтения на ночь Павла Флоренского

Начало сна уже забылось, но смысл его был в том, что мы сделали что-то хорошее для церкви. Кто эти «мы» даже во сне было не ясно, но я был одним из «нас». Нас решили наградить подарком. Чернорясный монах (или не монах, я в церковных должностях не разбираюсь) вытаскивал из правого придела большой ящик, и я взялся ему помогать. Крышка ящика сдвинулась в сторону, и я с приятным удивлением увидел, что ящик полон бутылок, по виду с шампанским или тёмным вином. Мы протащили ящик между двумя колоннами колоннады к самому краю стилобата. И тут, к моему изумлению, монах резко наклонил ящик, и бутылки посыпались из него вниз. Цоколь здания был очень высоким, бутылки, достигнув мостовой, разбивались вдребезги. И бутылки оказались пустыми, не было в них никакого шампанского, и никакого вина. Потом нас собрали в каком-то низком здании на другой стороне площади, и что-то нам объясняли. Но что именно уже не помню, да и во сне было не очень понятно. В результате мы куда-то пошли, далеко-далеко, чтобы что-то там делать, но и это всё забылось. Ярко и ясно помнятся только ящик с бутылками из правого придела, и как мы его тащили, и как из него сыпались пустые бутылки с высокого цоколя.

20250214

6. Киноварные сны

Ночью мне снятся «киноварные сны».

Слово «киноварь» происходит от франц. miniature «миниатюра», далее из итал. miniatura «книжная заставка; миниатюра», далее от гл. miniare «красить киноварью», далее из лат. minium «киноварь, сурик», далее из неустановленной формы.

Мои сны — это такие миниатюры, только не в прозе, стихах или живописи, а во снах.

Может быть, в цикле миниснов одной ночи они и связаны какой-то сквозной линией, сюжетной или ещё какой, но, проснувшись, я её забываю, как и многие из этих миниснов.

Но некоторые остаются в доступной мне памяти.

Вот один из таких киноварных снов.

Здание было не очень высоким: три или четыре этажа. Стены цвета слоновой кости. Мы подошли и растянули зелёную простыню. Нас было много, человек десять или даже больше, потому что простыня была огромная, для какой-то

великанской кровати. Может быть, это была и вовсе не простыня, но выглядела как простыня. Зелёная.

На третьем этаже были люди, которые должны были прыгать на эту простыню. Сначала в окне появился маленький мальчик, он бесстрашно прыгнул попой вниз, подпрыгнул и весело сошёл с простыни. Кажется, даже смеялся. Потом прыгнул ещё кто-то, побольше, тоже удачно. А потом в окно вылез мужчина, но забоялся, забился в угол наружного подоконника и лежал там. Тогда в окне показалась какая-то тётка. Они о чём-то переговаривались, но нам было не слышно, о чём они говорят. Наконец, тётка не выдержала и столкнула мужчину с подоконника. Он полетел вниз боком, как лежал, и упал на самый край простыни. Те, кто держал простыню с той стороны, где он упал, то есть около стены дома, даже присели, когда он свалился и простыня прогнулась. Но всё закончилось хорошо. Потом прыгнула и сама тётка, она оттолкнулась от подоконника и попала в самый центр простыни. Потом ещё прыгали люди.

Для чего все эти люди прыгали с третьего этажа к нам на простыню, я не знаю. Пожара никакого точно не было. Но и просто развлечением это не было. Смысл произошедшего остался для меня загадкой. Как и моё участие во всём этом.

20250227

7. «Занимательная дендрология»

Кофейное дерево у меня на балконе двурукое, а липа за окном однорукая.

Да, деревья бывают двурукие и однорукие.

У двуруких всегда пара рук, которыми они обнимают воздух, хотя таких пар может быть много: это же дерево, а не человек.

У одноруких никаких пар рук нет, но рук может быть много (это же дерево, а не человек), и каждая тычет в небо.

Когда-то все деревья были двурукие, они обнимали и обнимали воздух.

Потом что-то случилось, может быть, деревья на что-то обиделись, перестали обнимать и стали одноруко тыкать в небо. Может быть, воздух испортился?

У меня такая гипотеза: они обиделись на то, что не встретили ответных объятий.

Мне бы хотелось обнять и кофейное дерево, которое чахнет у меня на балконе, и липу, которая расцветает за моим окном. Но не знаю, нужно ли им это.

Хотя есть люди, которые и правда обнимают деревья. Идут в лес и там обнимают: то одно дерево, то другое.

20250419

8. Сон про трамвай

Мы поехали ко мне домой. На троллейбусе, который не ходит до моего дома. И тут в окно увидели, что нас обгоняет трамвай. «Смотри, — говорят друзья, — на нём написано, что едет на Бакунинскую». Бакунинская — это моя улица, где я жил когда-то, только давно. Мы вышли из троллейбуса и побежали к трамваю, который остановился на остановке. И тут мне страшно захотелось курить, прямо невмочь. «Не дотерплю до конца поездки» — подумал я. И тут увидел, что трамвай всё ещё стоит, а из его вагонов выходят люди, чтобы покурить в подворотнях. Вагонов несколько, два точно, может, и больше. А кондукторши тоже выходят и следят, чтобы курящие не опоздали к отправке трамвая. Тогда мы с друзьями тоже пошли в подворотню и с удовольствием закурили. А тут какая-то тётка попросила меня прикурить. А потом увидела мои сигареты и спрашивает: «Ой, какие жёлтенькие, можно посмотреть?» Сигареты как сигареты, фильтр у них жёлтый, так у многих марок сигарет фильтр жёлтый, ничего особенного. И вот пока я давал ей прикурить, а потом она разглядывала мои сигареты, время прошло сверх положенного. Выходим из подворотни, а трамвай уже уехал. Наверное, кондукторша, увидев, что мы разговариваем с тёткой, которая не из пассажиров трамвая, решила, что мы тоже не из пассажиров, и не позвала нас. Побежали мы за трамваем. Тут он повернул направо, мы тоже повернули направо. Друзья бегут дальше, а я им кричу: «Смотрите, рельсы уже резко повернули влево, надо вдоль рельсов бежать». Побежали вдоль рельсов и после очередного поворота увидели наш трамвай, который опять остановился на остановке. Успели.

И тут я проснулся и стал думать. Ведь на самом деле кондукторш в трамваях давно уже нет, и в троллейбусах и в автобусах тоже нет. Значит, это было давно. Потом вспомнил, что трамваи по Бакунинской улице ходили только в пятидесятых годах, а потом не ходили. Но только в пятидесятых я ещё не курил, маленький был. Нестыковка какая-то.

20250525

9. Божественная нейросеть

Когда Бог создавал мир, он создал божественную нейросеть, чтобы управлять процессом творения и дальнейшего функционирования Вселенной. Это понятно: ведь Бог трансцендентен, а Вселенная материальна, чтобы ею управлять, в неё нужно встроить нейросеть, которая, с одной стороны, была бы материальна, чтобы управлять материей, а, с другой стороны, имела бы информационный канал связи с Богом.

Поначалу, когда Вселенная была маленькой, всё делалось быстро: за шесть дней всё было практически сотворено: и атомы, и звёзды, и вакуум, и планеты, и днк для живого, и само живое: растения, животные и человек. Этого всего было очень много, поэтому Вселенная расширялась. По прошествии шести дней она стала очень большой, это ведь были божественные дни, они длинные. Дальше нужно было управлять функционированием уже созданного мира. Но тут получилось вот что.

В божественной нейросети скорость распространения нейросигналов, конечно, очень большая, но всё-таки ограничена скоростью света (божественная нейросеть материальна). И хотя скорость света в два с половиной миллиона раз быстрее скорости распространения сигналов в человеческом мозгу, но всё-таки она оказалась слишком мала по сравнению с размером получившейся Вселенной, диаметр которой оценивается в 93 миллиарда световых лет. В голове человека нейросигнал проходит от лобной доли до теменной доли за 20 миллисекунд. А в голове Вселенной — за 93 миллиарда лет, то есть в 146 642 400 000 000 000 000 раз дольше. Иными словами, божественная нейросеть — ужасный тугодум.

Так что если вы о чём-то попросите Бога, божественная нейросеть, конечно, передаст Ему вашу просьбу, и он, может быть, ответит на неё и скорректирует функционирование мира, вот только ответа вам придётся ждать несколько миллиардов или десятков, а то и сотен миллиардов лет. Так что успокойтесь и полагайтесь на самого себя.

20250530

10. На краю гречишного поля

Когда на Марсе случилось восстание песочных машин, один марсианский космонавт как раз подлетал к Земле в научных целях. Он крутился вокруг Земли на своей тарелке и ловил радиоволны, доносившие с Марса печальные новости. Песочные машины поглотили марсианскую цивилизацию, а потом и сами рассыпались, когда у них кончились батарейки, и покрыли поверхность Марса песчаными дюнами. Делать нечего, подумал марсианский космонавт, придётся приземляться. И он приземлился, затопил тарелку в море и пошёл по тропинке среди холмов Земли. А поскольку марсиане бессмертны и умирают только будучи поглощёнными песочными машинами, марсианский космонавт так и бродит по тропинкам Земли до сих пор. Я как-то встретил его на гречишном поле, он сам подошёл и сказал: «Я не советую вам лететь на Марс, там ничего нет, кроме песчаных дюн». И покачал головой. Я послушался его совета и не полетел на Марс, да, в общем-то, я и не собирался. Хорошо, что мы

не делаем машины из песка, подумал я. «Да, да, вы молодцы, — донеслись до меня телепатические мысли марсианина, уже скрывшегося за холмами Земли, — Вам бы ещё немножко бессмертия, цены бы вам не было». А потом он не то хихикнул, не то хрюкнул, а может быть, просто ветер прошуршал в ветвях дерева на краю гречишного поля, или птица крикнула из этих ветвей, или трактор взвыл на краю гречишного поля. Вы спросите, что я делал на гречишном поле? А что ещё там можно делать? Конечно, собирать гречишный нектар. Ведь я пчела.

20250615

11. Язык облаков

Когда в 2093 году искусственный интеллект расшифровал язык облаков, а компания «Великое достижение» запрограммировала мобильный переводчик с облачного на все языки мира, все люди стали слушать историю Земли с точки зрения облаков. Культурный шок был настолько велик, что все люди покинули свои дома, удалились в пустыню, легли на горячий песок, закрыли глаза и умерли от стыда.

20250703

12. 12 соток

Я сейчас, летом, живу на даче. У нас участок 12 соток. Это примерно столько, сколько суши приходится на одного человека, когда-либо жившего на Земле. Оценка приблизительная, поскольку только приблизительно можно оценить число живших на Земле людей и ещё более приблизительно, что такое человек. В этой оценке не учитывается площадь Антарктиды, но там похоронено мало людей, хотя не известно, сколько именно. Кроме того, некоторые люди покоятся на дне океана, но, думается, сравнительно немного. Так что общая оценка остаётся приблизительно верной. Богу следует поторопиться со Страшным Судом и последующим воскрешением мёртвых, а то места не останется.

20250713

13. Тряпочка

Тряпочка висела на верёвочке и сохла под солнцем и ветром. В её жизни было много событий, и теперь эта жизнь подходила к концу. Ничего не поделаешь, думала тряпочка, все мы смертны. Тряпочка не верила в жизнь после смерти,

но в глубине души всё же теплилась надежда, непонятно на что. Через пару дней тряпочку сняли в верёвки, протёрли стол и, обнаружив, что она стала совсем ветхая, выбросили в помойное ведро. Отмучилась, бедняжка, подумала верёвочка и загрустила.

20250720

14. Задохся

Сделал маленькую клумбу для розы и задохся. Отчасти потому, что ещё не вполне выздоровел, но больше потому, что возраст. Первый раз я так задохся 55 лет назад, в августе 1970 года. Мы тогда маленькой самодеятельной группой шли пешком из Домбая до Марухского перевала, спустившись с которого сели на попутные лесовозы, доставившие нас на окраину Сухуми. Это был «холерный год», когда в СССР разразилась эпидемия холеры, но мы как-то успели проскользнуть из Домбая в горы.

Группа была самодеятельной, но всё же зарегистрированной, нас вёл наш друг Дима Никифоров (1951-2019). Это потом он стал мастером спорта СССР по спортивному ориентированию, первым тренером первого российского чемпиона мира, спортивным судьёй всероссийской категории, редактором журналов «О-вестник» и «Ориентир» и т.д.. А тогда он был просто Дима или (как ведущий в том походе) «Бугор».

Ориентированием Никифоров начал заниматься в сентябре 1963 года в секции Дома пионеров на Спартаковской площади, который назывался Бауманским-Сталинским-Первомайским по мере изменения названия этого района Москвы. А я пришёл в этот Дом пионеров в среду 5 апреля 1961 года в 18 часов, я пришёл в литературный кружок, которым руководил журналист, сценарист научно-популярного кино и редактор журнала «Техника-молодёжи» Пётр Николаевич Короп (1933-1983). Там мы с Димой Никифоровым и пересеклись через 4 дня, 9 апреля, в воскресенье, с 12 до 13:30. Да, он тогда, ещё школьником, писал рассказы, кажется, о природе и животных. Так что поздняя его работа редактором журналов не случайна.

И вот поднимаемся мы на Домбайский перевал. В Домбае несколько перевалов и я, конечно, уже не помню, как назывался тот, на который мы поднимались. Кажется, так и назывался «Домбайский». Для меня это был самый тяжёлый подъём.

Во-первых, потому что он был первым. Дальше мы прошли много перевалов, но перепады высот были уже небольшие. На один ледник мы даже просто прогулялись, оставив рюкзаки внизу и спустившись, глиссируя по льду и снегу. Тут, кстати, ИИ вставляет свои «пять пальцев»: «Важно помнить, что

глиссирование по льду может быть опасным, особенно на крутых и незнакомых склонах, поэтому необходимо обладать достаточным опытом и навыками, а также следить за безопасностью». Ага, щас.

Во-вторых, в начале похода рюкзаки были самые тяжёлые, мой был забит, кроме моих вещей, пачками сухого молока. Это был яровский рюкзак, у него такие верёвочки-шнурочки по бокам, которые позволяли набить по бокам много пакетов сухого молока, а потом стянуть крепко.

И вот тащу я этот рюкзак, сгибаюсь под его тяжестью и начинаю задыхаться. А все уже поднялись, сидят и смотрят, как я мучаюсь. Ну, да, нужно же проверить, смогу я дальше идти в этот поход или мне лучше вернуться. Не знаю, думали они так или нет, но на последних, естественно, самых тяжёлых метрах (по вертикали) Толя Гусев не выдержал. Это тот Толя Гусев, который тоже пришёл в литературный кружок Бауманского-Сталинского-Первомайского Дома пионеров в апреле 1961 года. Он потом всю жизнь работал журналистом.

Толя Гусев не выдержал, спустился и дотащил мой рюкзак до перевала. Там мы немного передохнули. Дима выкурил сигарету марки «Охотничьи». Я тоже курнул, но чуть-чуть, потому что первую сигарету я выкурил всего за два года до этого, ещё не втянулся. «Ты особо-то не кури, а то тяжело будет», — сказал Бугор. Но когда мы стали спускаться по ту сторону перевала, мне было уже легко, спускаться вниз не то, что тащиться вверх, рюкзак сам толкает вниз, нужно только не забывать переставлять ноги с камня на камень. И я спустился одним из первых. Гляжу, а Толя что-то застопорился, как-то неуверенно он переступает с камня на камень, наверное, упасть боится. Ну, тут уж я взбежал к нему, отобрал рюкзак и донёс его последние оставшиеся метры (по вертикали).

20250720

15. На земле жили люди

На Земле жили люди. У них была своя история: долгая, довольно сложная, то трагическая, то комическая. Они любили, ненавидели, сражались, мирились, торговали, сочиняли стихи, рисовали картины, придумывали науку, допытывались до бога, рождались и умирали. А потом что-то случилось. Теперь живём мы.

20250721

16. Планета Кинма, что крутится вокруг звезды Рикмха

Пролог: Если стихи, как известно, растут из сора, то проза, если она короткая, вырастает из оговорок. Сегодня моя жена сказала: я проснулась от шума электрички, посмотрела на часы: 8 часов, значит, это восьмичасовая электричка на Москву, она как раз в 8 часов на нашей станции «94 км» приземляется, т.е. останавливается.

На планете Кинма, что крутится вокруг звезды Рикмха, воздух такой плотный, что по нему рельсы прокладывают. Так что электрички бегают не по земле, а по небу. Из-за этого деревья не вырубают, и лес так разросся, что покрыл собой всю поверхность планеты. Но поскольку воздух плотный, он сильно давит на деревья, и они вырастают совсем крошечными — как наша травка. И люди ходят по лесу как у нас по травке. А между тем внизу, под этими деревьями своя жизнь кипит, города строят, дороги прокладывают. И делать это приходится непрерывно, потому что какой-нибудь человек идёт по травке, ногой наступит на лес, и всё — нет города, раздавил, приходится заново строить. Чтобы как-то различить верхних и нижних, тех, кто под деревьями живёт, называют людишками, а тех, кто по лесу ходит и в электричках катается, называют людищами. Когда наши люди на космическом корабле прилетели на планету Кинма, что крутится вокруг звезды Рикмха, они никак не могли понять, с кем же вести переговоры о межпланетной дружбе, взаимовыгодном сотрудничестве и т.п.: с людишками или с людищами? Думали-думали, чесали-чесали репу, так ничего и не придумали, сели на корабль и улетели обратно. Неперспективной оказалась планета Кинма, что крутится вокруг звезды Рикмха.

20250723

17. Дует

Меня похоронили у кремлёвской стены, но мне там не понравилось — дует.

На деревенском погосте, конечно, прикольно, но уж слишком пасторально и потому тоскливо.

Была у меня мечта, чтобы над океаном развеяли, не на шельфе каком-нибудь, а посерёдке. Красиво же! Да только хоть это вроде без разницы уже, а всё равно утонуть боюсь.

На городском кладбище сами знаете — не протолкнуться, как в гипермаркете на распродаже.

Вот, казалось бы, на вершине горы самое то: и не утонешь и просторно. Но опять же — дует.

20250725

18. Потом встал

Сегодня проснулся слишком рано. Поэтому после завтрака прилёг на диван подумать, да и заснул.

Потом встал, пошёл на кухню, попил чаю.

Потом встал, пошёл на кухню, выкурил сигарету.

Потом встал, пошёл в другую комнату, проверил почту.

Потом встал, вышел на крыльцо, поговорил с кошкой.

Потом перевернулся на другой бок и проснулся.

30350728

Потом встал и исправил ошибку в дате.

20250728

19. Поспать часок-другой

Князь Григорий Петрович любил после завтрака поспать часок-другой на веранде. Но не случалось, дела, знаете ли, дела государственные.

Холоп Гришка, Петрушкин сын, любил после завтрака поспать часок-другой на сеновале. Любить-то любил, да кто ж ему дасть.

Выходит князь Григорий Петрович из кибинету и кричит громко:

— Гришка, так тебя эдак! Где шляешьси!

— Чего изволите-с?

— Тащи бумаги, писать будем.

— Так намедни всю извели-с, ваше сис-с.

— Ах ты паршивец! Опять частухи кропал на моейной бумаге?!

— Никак нет-с. Мы частухи не уважаем, мы оды пишем-с. Героичные-с. Гекзаметром-с.

— А ну покажь!

— Вот-с.

— Ага. Так. Ишь ты. Ну что ж. Тада ладно, сёдня пороть не буду. Перо неси и чернилу. Да живо шевелись!

— Извольте-с.

— Подписывать буду. Запакуй в конверту и отошли с посыльным в журналу.

— Слушаюсь-с (*уходит*).

— Да не потеряй, недотёпа! (*уходит*).

20250728

20. Тамбурщик (сон)

…и, наконец, нужно было выбрать тамбурщика. Первый тамбурщик с гордостью показывал изящные отполированные до зеркального блеска ручки дверей. Но входная дверь открывалась пинком ноги. Не годится! Во втором тамбуре пели хором на разные голоса, этот тамбурщик был неплохим дирижёром. Входную дверь было сложнее открыть, но с помощью лома и она поддалась. Не годится! В третьем тамбуре я так и сказал: изящество и музыкальность — это, конечно, важно, но мне нужна безопасность, безопасность и ещё раз безопасность. Тамбурщик был неразговорчив до грубости. Он молча взял деревянный засов пять сантиметров толщиной, двадцать сантиметров шириной и уложил на кованые уголки. Теперь дверь можно было открыть, только вырубив её топором. Одна из внутренних дверей вела в ванную комнату. Из-за двери послышался мелодичный женский голос и звуки воды, кто-то мылся под душем и пел песню. Для демонстрации безопасности тамбурщик так же молча снял засов с входной двери и поставил его на внутреннюю дверь. В дверь стали отчаянно барабанить и истошно вопить: «Выпустите меня отсюда!». Да, это годится!

20 *августа* 2025

21. Танец во сне

Мне часто снятся сны с запутанными сюжетами и множеством незнакомых мне персонажей. После пробуждения сон, конечно, погружается в забвение, но кое-что сохраняется на поверхности. Сегодня сохранился странный танец.

Музыка не звучала. Партнёры застывали в нелепых позах: кто-то присел, кто-то откинулся назад, кто-то склонился на бок. Пока они так цепенели, партнёрши, как будто не зная, что им делать, переминались с ноги на ногу. Потом позы менялись, и так много раз. Я стоял в стороне и смотрел. Во сне во всём этом был какой-то смысл, но после пробуждения смысл растворился, остались только позы и переминания. И я из сна, который как бы и не совсем я.

20251012

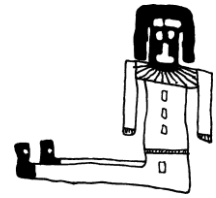
22. Опыт записи октябрьского сна

Мне снился Микушевич, комната, там, справа от окна кровать, под балдахином, здесь круглый стол, Микушевич встал, перебирая какие-то бумажки, пошёл к столу, кто-то спросил «Что такое ‘чувство юмора’?», Микушевич молчал, глаза не поднимал, он всё перебирает бумажки, какие-то обрывки пожелтелые, мне пришлось, иду к окну, другому, тёмному, наверное, ведёт в другую комнату, тёмную, говорю «В космическом пространстве ‘чувство юмора’ невозможно определить, никто не знает», выпил что-то красное, Микушевич перебирает бумажки, обрывки пожелтелые, а кажется, что смотрит исподлобья, на воздух хочется, в сад выхожу, в парк, в деревню, трава, деревья, дорожка, соседи, выбрасывают что-то, упакованное в плёнку, автобус, неудачно встал, ещё дореволюционный автобус, советский, к забору прижался, придётся лезть через другую дверь или окно, дождь, резиновые сапоги мешают, они зелёные и тяжёлые, один я снял, другой никак, в автобус в сапогах нельзя, тут подошли другие, потянули, сапог стащился, наконец, я, наконец, в автобусе, на этом всё.

20251023

23. Синяя и зелёная

Из моего окна видны стены шестнадцатиэтажного дома. Дом длинный, многоподъездный, но из окна видно только пять подъездов. Над подъездами в стенах углубления, выкрашенные синей краской. Раньше краска была зелёная, цвета весенней листвы. Раньше я был весеннее, живее и умнее. А теперь углубления выкрашены синей краской. Ещё одно подтверждение тому, как цвет влияет на самочувствие человека.



20251210

ТРИ ПРАВИЛА СТИХОСЛОЖЕНИЯ, УВИДЕННЫЕ ВО СНЕ

три правила стихосложения

1. Слова сухие и мокрые

Мне приснилось, что слова бывают сухие и мокрые. При этом одно и то же слово в одной ситуации сухое, а в другой мокрое. На чередовании, перекличке и противопоставлении сухих и мокрых слов основаны особые правила стихосложения. Я пытался составить стихотворение по этим правилам, подбирал слова сухие и слова мокрые. И у меня почти получилось, но тут я проснулся.

2. Светящиеся слова

Во сне я увидел, как в тексте светятся и переливаются огнями некоторые слова и даже отдельные слоги и буквы. Это было похоже на ночные огни городов и посёлков, наблюдаемые из иллюминатора пассажирского лайнера, летящего на большой высоте. В больших городах светящиеся пятна разного размера и конфигурации почти сливались, в пригородах небольшие пятнышки с чернотой между ними, а в ненаселённой местности было черным-черно, и только линии автомагистралей светились. Ещё это было похоже на разломы камней, в которых искрились полудрагоценные вкрапления. Но я так и не понял, можно ли сознательно применять этот приём стихосложения, или он возникает случайно. Тексты, которые я видел во сне, были больше похожи на прозу.

3. Слова стоящие и двигающиеся

Во сне было ясно и чётко видно, как двигаются слова в стихе. Одни слова двигались по строкам, как по дорогам, другие между строк по бездорожью. Да и сами дороги были то федеральными трассами, а то просёлками с колдобинами и ямами. Не все слова двигались, некоторые стояли неподвижно, похожие на верстовые столбы или дорожные указатели. А те, что двигались, иногда имели разные скорости: одни слова обгоняли другие, иногда выскакивая на встречную полосу, другие вдруг тормозили и почти останавливались, чтобы потом рвануть вперёд. Правила такого стихосложения были довольно сложные и запутанные, но во сне я в них почти разобрался, так что казалось: проснусь и буду писать такие стихи с двигающимися словами. Но когда проснулся, всё позабыл.

20250802

ЗАПИСКИ НЕВЕРУЮЩЕГО В ТАТАРСТАНЕ

3 записки

1. Храм всех религий

Храм всех религий на окраине Казани можно охарактеризовать как диво дивное, чудо чудное и нихусе.

Смесь чудовищная: восток и запад, север и юг, древность и современность, христианство и Египет, ислам и буддизм, иудаизм и бохаи, Блаватская и розенкрейцеры и прочая, прочая.

Одновременно поражаешься энтузиазму и подвижничеству двух братьев-художников Хановых, создавших и продолжающих (точнее, продолжает уже один Ильгиз, старший Ильдар умер) расширять этот вселенский храм.

Подробности вы легко можете найти в интернете.

А мне больше запомнился краткий текст в самом начале экспозиции, где представлена религия монголов времён Чингис-хана: тенгризм (тенгри значит небо). Это пять этических принципов из Ясы Чингисхана:

Власть выше собственности.

Служение выше владения.

Справедливость выше закона.

Общее выше частного.

Духовное выше материального.

А что — так оно и есть, или должно быть.

20250115

2. Храм преподобного Кирилла Белозерского в селе Каймары

Трехпрестольный каменный храм преподобного Кирилла, игумена Белозерского, построен в 1723 году на средства помещика Мефодия Никитича Кудрявцева, убитого при восстании Пугачева.

Петровское барокко. Восьмерик на четверике.

Крест, якобы, от Петра I. Имена: Энгельгард, Баратынский.

Подробности найдёте в интернете.

Послушница Лена открывает нам дверь в храм.

Первым заходит кот, разваливается на ковре и начинает тщательно вылизываться.

Стены и потолок облезлые, фрески едва различимы.

Только в правом приделе (один придел в честь князя Александра Невского, другой в честь священомученика Мефодия Патарского, какой из них левый, а какой правый, не знаю) стены выбелены, хотя в алтарной части не закрашено несколько прямоугольников, на которых ещё виден рисунок.

Послушница Лена говорит: отец Софроний сначала сказал «Я не могу тут молиться, тут всё закрашено». Но потом приспособился.

Нереставрированный храм, в котором стены хранят трёхсотлетнюю историю, кажется приятнее, уютнее и духовнее тех монстров, в которых всё блестит и сверкает, а что там за этим блеском и сверканием…

Послушница Лена говорит: много звонят по телефону, чтобы ругаться и оскорблять. Опять звонок, отец Софроний сказал: «Не бери трубку». Ещё звонок, он говорит: «А теперь возьми». Это был ваш звонок.

20250115

3. Поминки на третий день

Как известно, у татар умершего хоронят в день смерти, а если не успевают до захода солнца, то на следующий день.

Гроба нет, есть саван.

Три горсти земли от каждого собравшегося.

Оплакивать не надо.

Не фотографируют.

Мулла читает молитву над могилой.

Одну фразу запомнил, он сказал её по-русски: «Мы все на этой Земле гости».

На третий день на поминках собираются мужчины.

На седьмой день на поминках собираются женщины.

Ещё есть сороковой день.

На третий день накрывают стол, едят мясо (говядину), пироги, чай.

Алкоголь не пьют.

Ждут муллу. Мулла приходит.

Мужчины сидят за столом в тюбетейках или в чём-то, что их заменяет.

Мулла читает из Корана. Читает нараспев.

В таком чтении/пении чувствуется, что Коран написан стихами.

Потом разговор. Отдельные фразы говорит по-русски, чтобы я тоже что-то понимал.

Говорят, что нам попался хороший мулла: недолго, красиво и без занудных нравоучений.

То же самое я слышал на поминках в русской деревне: хороший священник, недолго, красиво и не занудно.

Потом все как бы скрытно суют друг другу мелкую денежку, мулле тоже. Это пожертвования. Тут получается: сколько отдал, столько и получил, не считая того, что остаётся у муллы.

То, что на похоронах и поминках не пьют водку, русскому кажется странным. Хотя православие тоже это не одобряет, но так уж сложилось. Но и у татар в день похорон (после похорон) и в другие дни и часы пить можно, хотя это, наверное, тоже «так сложилось».

20250115

СНИЗКА

10 бусин

1. Когда Чжуан-цзы приходил в гости к Конфуцию, тот ему всегда говорил после третьей рюмки: «Чжоу, ты хочешь великих перемен, а мне нужен великий Китай».

2. Когда Конфуций приходил в гости к Чжуан-цзы, тот всегда после третьей рюмки закатывал глаза, и Конфуций тоже делал вид, что закатывает глаза. Так они и сидели молча, пока не наступало время четвёртой рюмки.

3. Когда Кофуций очередной раз умер, Чжуан-цзы пришёл на поминки и устроил дебош. Его пытались успокоить, а он только кричал: «Вы ничего не понимаете! И Кун-цзы тоже ничего не понимал. Но его ничего великое, а ваше — тьфу!»

4. Когда Чжуан-цзы, наконец, помер, Конфуций распорядился всё организовать по высшему разряду и взял на себя все расходы, а сам не пришёл ни на похороны, ни на поминки. Когда его стали упрекать в нарушении ритуала, он тихонько сказал: «Вы ничего не понимаете. Был бы Чжуан Чжоу жив, он бы оценил, что я как раз следую ритуалу, как его понимал Чжуан Чжоу».

5. Конфуций и Гераклит стояли на берегу реки и смотрели, как течёт вода. Потом пошли в кабак, напились и уснули прямо за столом. Служители, проявляя уважение к великим людям, вынесли их на свежий воздух и аккуратно уложили на травку на берегу реки. Когда Конфуций и Гераклит проснулись и увидели всё ту же реку, в которой по-прежнему текла вода, они переглянулись и, не сговариваясь, воскликнули: «Ни фига себе!»

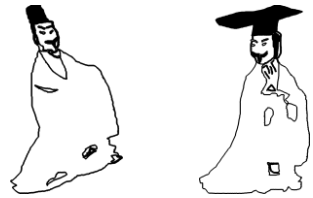
6. Как-то раз Конфуций прогуливался по старому городу Нанкина и зашёл в храм Конфуция, где заказал музыкантам на древних колоколах мелодию «Вэнь-ван проснулся поутру». А музыканты не знали этой мелодии и, посовещавшись, решили сыграть мелодию «Подмосковные вечера». Конфуций послушал, подумал и сказал: «Ну, так тоже можно».

7. Когда Лао-цзы верхом на ослике приехал в Ясную Поляну, он увидел, что Лев Толстой встречает его босиком и в холщовых портах (правда, хорошей выделки), да ещё и с непокрытой головой. «Какой великий человек!» — подумал Лао-цзы. А Лев Николаевич, увидев, что Лао-цзы приехал, сидя на ослике задом наперёд и что-то бормоча себе под нос, тоже подумал: «Какой великий человек!». А вслух они оба сказали: «Здрастье!»
8. Когда Иван Грозный летел на рейсе Москва-Белград, он глядел в иллюминатор и размышлял над перепиской с Андреем Курбским, подбирая подходящие цитаты из Священного Писания. Тут подошла стюардесса и предложила соки-воды. «Водка есть?» — спросил Иван Васильевич. Стюардесса тихонько шепнула: «Только за отдельную плату». «Наливай!». Иван Васильевич выпил рюмку, занюхал мандарином и, глядя в иллюминатор, стал думать: «Дурак ты, Андрюха! Сверху вниз я смотрю на твою Литву, плюгавенькое королевство». А Андрей Курбский, который давно помер, тоже думал, думал, но так ничего и не придумал.

9. Когда Ницше подошёл к городу Платона, его встретили красная ковровая дорожка и чёрно-белый почётный караул, а навстречу шёл Платон, лучезарно улыбаясь и раскрывая объятия. А на следующее утро Ницше с позором изгнали из города Платона, выкрикивая в рифму непристойные ругательства. И так повторялось изо дня в день: то туда, то сюда. В конце концов Ницше это надоело и он помер.

10. Когда Иммануил Кант был мальчиком, он любил бродить по Кёнигсбергу в глубокой задумчивости. Уже тогда он верил в свой разум и мечтал когда-нибудь решить задачу о семи кёнигсбергских мостах. Однажды он прошёл по Зелёному мосту на остров Канта и остановился перед могилой Канта в глубокой задумчивости. Но тут сзади подошёл молодой Эйлер, хлопнул Канта по плечу и сказал: «А я решил задачу о семи кёнигсбергских мостах». Иммануил Кант очень расстроился и с тех пор до самой смерти только и делал, что критиковал разум. Проходил по Зелёному мосту на остров Канта, останавливался перед могилой Канта и критиковал, критиковал.

20251218



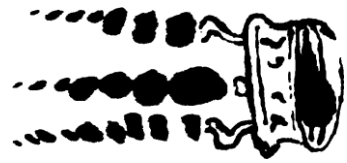
2026

ПЛАНЕТА X ОКОЛО ЗВЕЗДЫ Y В СОЗВЕЗДИИ Z

нанорассказ

Каково же было изумление звездоплавателей, когда на планете X около звезды Y в созвездии Z они обнаружили китайцев. Вся их многолюдная цивилизация была китайская, и все X-планетяне поголовно были китайцами, много-много китайцев. Но больше всех был поражён и (теперь об этом можно сказать) возмущён тот единственный член экипажа звездолёта, который сам был китайцем. "Вот только инопланетных китайцев нам не хватало", — подумал он. А вслух сказал: "Здравствуйте, дорогие братья! Десять тысяч лет вам!". Чем, между прочим, сильно обидел инопланетян, которые жили по миллиону лет, а то и побольше. Пришлось капитану звездолёта, который был русским и понимал толк в межзвёздной дипломатии, извиняться. На извинения был потрачен весь корабельный запас водки, виски, коньяка, рома, текилы, шампанского, сухих и полусухих, а также креплёных вин и даже кока-колы, так что на обратном пути к Земле пришлось довольствоваться техническим спиртом, безвредным, но невкусным. А земного китайца оставили на планете X послом доброй воли (до получения формальных верительных грамот от земного правительства). Поначалу-то тот не очень-то обрадовался (как именно, сказать не можем по цензурным соображениям). Но X-планетные китайцы, узнав в чём дело, шепнули ему на ушко: "Не дрейфь! Мы же одной крови. Поживёшь у нас, попьёшь синей водички, что раз в год стекает с вершины Красной горы, и тоже будешь жить миллион лет". Ну, тот и успокоился. А земной звездолёт всё летел и летел в пустоте космического пространства, и лететь ему было сто тысяч лет. Экипаж сладко спал в анабиозе, изредка выдыхая пары этилового спирта. Да, мы забыли сказать, сколько длится год на планете X около звезды Y в созвездии Z. Эээ... да уже и не помним, давно это было. Но ничего, скоро туда полетит новый звездолёт, повезёт верительные грамоты, сто тысяч китайцев, достаточный запас водки, виски,... далее по списку и одного сертифицированного русского виночерпия.

20260218



ПОТОК

поток в 10 ветвях

Образно поток может быть представлен как дерево, из каждой вершины которого выходит по меньшей мере одна ветвь.

(из интуиционистской математики)

ПОТОК 1. Муравей на крыльце

Даже ракеты и бомбы, падающие на Иран, не могут растопить снег в лианозовском парке.

А солнце может только медленно и нежно.

Снег весной не такой как зимой,

он не кружит, не порхает,

он лежит и умирает.

И тогда он вспомнил что-то,

но как это вспомнил что-то?

правильнее что-то вспомнилось ему,

да и важно ли, что ему,

он тут не при чём,

просто что-то есть

и теперь всегда будет.

Из чего собран мир?

И тогда он вспомнил, что сидел на крыльце, солнце светило утреннее, и по ступеньке полз муравей,

на плетне торчали горшки и крынки,

спускалась к дороге тропинка,

и дальше спускалась к пруду,

никогда не ловил он рыбу в этом пруду.

А дядя Толя ловил,

приезжал из Ленинграда и ловил рыбу.

Он это не видел,

или не помнил,

Интересен статус того, что не видел или не помнил,

оно есть по косвенным признакам.

Косвенным признаком была фотография, на которой дядя Толя стоит на берегу пруда с удочкой в одной руке и с рыбой в другой руке, улыбается счастливый.

По фотографии вычисляется: дядя Толя приезжал из Ленинграда и ловил рыбу в пруду.

Вышла тётя Полина и позвала пить молоко.

Он не пьёт молоко, он всю жизнь пьёт чай.

Не помнит?

Тогда на крыльце был не он?

Крыльцу это без разницы.

Молоко тёплое, от коровы.

И тут он понял, что больше никогда не будет пить молоко тёплое, от коровы.

Муравей закончил своё путешествие, где он теперь?

Дядя Толя сначала защитил диссертацию по математике, но там вышел какой-то скандал, и были какие-то принципы, и дядя Толя написал и защитил диссертацию по рыболовству.

Он на Камчатке был.

Вычисляется по рассказам.

Дядя Толя был в Москве и уезжал обратно в Ленинград.

Он хотел ещё выпить, а мама была сестрой дяди Толи, она говорит, хватит пить перед дорогой, а дядя Толя хотел выпить, тогда бабушка налила ему водку в маленькую бутылочку и стала ему давать, мол, возьми с собой, дядя Толя возмутился и ушёл без бутылочки.

Ленинград отличается от Москвы, об этом есть много литературных источников, Топоров пишет об этом много, скучно, интересно, зацитированно, мифопоэтически, занудно, он сначала не читал, потом читал, кто ещё читал? тираж постсоветский 10000.

С бабушкой ходили за грибами и земляникой.

За прудом поле: круглое, выпуклое и жёлтое, потому что на нём растёт пшеница, или растёт рожь, теперь ничего не растёт.

За полем берёзовая рощица, поляна и лес.

Среди берёз и на поляне растёт земляника, земляника это всегда бабушка.

Ходишь вокруг берёз кругами и на каждом круге находишь гриб, они прячутся, а ты находишь, они прячутся, а ты находишь.

С точки зрения современной цивилизации жуткий архаизм, грибы постепенно из леса уходят.

Он приехал в Ленинград, в комнате дяди Толи стоял стол, он перегораживал вход в комнату, на столе лежали бумаги с рисунками рыболовных тралов и дифференциальными и интегральными вычислениями, дядя Толя умер.

Тётя Саша была женой дяди Толи, она потом умерла.

Тогда ещё не умерла, умер дядя Толя, а ещё раньше умер их первый сын, он повесился от несчастной любви, со вторым сыном и его женой ходили в Эрмитаж, потом второй сын тоже умер, но это было потом.

В Эрмитаже он долго рассматривал французские акварельки с процарапанными контурами, она удивлялась, чего он так долго, когда в соседних залах всякие Матиссы и прочие достойные художники.

Он не знал.

На дворцовой площади он нашёл деньги, они лежали на диабазовой брусчатке, разве знал он, что она диабазовая, базальтовая, вулканическая, магматическая.

Он не знал.

А деньги нужно пропить, решил он.

И они напились со вторым сыном дяди Толи, т.е. двоюродным братом. Потом он умер, но это потом.

Он пришёл пьяный, тётя Саша ничего не сказала, или сказала, а он не помнил.

Ленинград совсем отличается от Москвы.

Он напился до бровей.

Куда делся муравей?

Разве так говорят «до бровей»?

Китайцы говорят: дожил до жёлтых бровей.

Он ещё не дожил до жёлтых бровей.

Он не помнил: сначала умерла Тётя Полина, а потом муж дядя Саша, или сначала дядя Саша, а потом жена Тётя Полина.

Дядя Саша умер летом, снега совсем не было, а солнце было.

Он шёл по просёлочной дороге от автобуса и асфальта к пруду и крыльцу.

Разглядывал цветы сорные.

Потом дорогу заасфальтировали, но это было потом.

Ходить по просёлочным дорогам.

Всё равно что лететь между звёзд.

Раньше он шёл по просёлочной дороге ночью, возвращаясь домой, оставив копну сена и её, над головой были звёзды, ещё были зарницы, был август, а впереди было круглое выпуклое поле.

Август особенный месяц.

Но дядя Саша умер в июле.

Или в июне?

Или всё-таки в августе?

На крыльце и вокруг было много людей.

Где муравей?

Изба кошмарно разделена на клетушки, ну, там Юрка, двоюродный брат, сын тёти Полины и дяди Саши, жена Юркина, дети какие-то.

Это Юрка тогда повёз его на мотоцикле в дачный посёлок, а оттуда он возвращался один ночью, оставив копну сена и её, над головой были звёзды, ещё были зарницы, был август, а впереди было круглое выпуклое поле.

Дядю Сашу похоронили, Юрка на землю бросился, плакал, кричал что-то.

А было ли кладбище? Был край поля, была рощица, была тропинка.

Прохожий шёл по тропинке, остановился, поправил могилку, сказал что-то, достал бутылку.

Этот прохожий был странник.

Странники странные.

Странник сказал дяде Саше «Ну, твоё здоровье!» и выпил.

Да было ли это, или приснилось, или придумалось, странные они, странники.

А хорошо вот так на краю поля у рощицы около тропинки.

Потом Юрка помер, но это было потом.

А раньше он взял Юркин велосипед покататься, Юрка разозлился: «Сломаешь!», подрались, но недолго, разняли.

Стал на качелях качаться, между двух берёз, смотреть на крыльцо и пруд.

Ещё раньше качели между двух сосен.

Снега совсем не было, даже весеннего припухшего.

Лето было. Но ещё не август.

Она подошла и сказала, а что сказала, неизвестно, разве важно что сказала, иногда кажется, что люди говорят слова, которые не имеют ни смысла, ни значения, ни причины, ни цели, потому что это всё не важно.

Было лето были сосны

кровеносны

светоносны

смертоносны.

Из коры сосны можно делать кораблики.

Она подошла и сказала.

Железная палка вбита обоими концами в тела двух сосен, на двух верёвках висит деревянная короткая доска, качаешься, качаешься, то земля, то небо, а потом не качаешься, потому что она подошла и сказала.

Если снизу вверх смотреть на сосну.

Если идти между сосен.

Если на земле густая хвоя не даёт расти траве.

Там наверху шепчет ветер.

По хвоинке ползёт муравей.

В смутные времена живём, так он думает каждый раз, когда вспоминает что-то (что-то вспоминается ему, хотя он здесь не при чём).

20260312

ПОТОК 2. Домик в центре мира

В центре мира в домике по полу ходит птица-удод.

Он идёт от кровати к кафельной печке, а потом идёт обратно.

Птица-удод. Он ходит по полу.

Ещё раз.

Птица-удод.

Он проживёт несколько дней, а потом умрёт.

Если качаться на качелях, то впереди торец домика, и немного справа.

А на другой торец домика падает солнце.

Здесь нет окон и дверей, только доски вертикальные, жёлтые от солнца.

На стене можно писать надписи, но никто не писал, и невидимые надписи проступали на стене торца домика, если их прочитать, что-то узнаешь.

Тут стоят сосны и ещё стоят берёзы. Они читают.

Самое главное происходит тогда, когда ничего не происходит.

Нужно, чтобы светило солнце, и от него падали лучи.

Можно поговорить с кем-то молчаливым.

Когда с людьми разговариваешь, много шума.

С птицей-удодом не удалось поговорить, он ушёл в себя.

А она что-то болтала, болтала.

За низким штакетником был песок, и проходила колея железной дороги.

По железной дороге проходили поезда, все они были не пассажирские.

Поезда проходили не каждый день, редко проходили.

Они приближались, что-то кричали, и уходили вдаль и скрывались за поворотом.

Он понял, что делает время: оно сначала замедляет поток, потом останавливает его, разрезает на кубики и складывает из кубиков стену, похожую на Великую китайскую стену, только ветвящуюся, как ветвится дерево, только у дерева нет верхушки и нет корней.

Он подумал, что у дерева должен быть корень и должна быть верхушка, ведь его время когда-то началось и когда-то закончится, но оказалось, что это не

так: Великая китайская стена уходит в обе стороны неизвестно куда, по ней можно уйти туда, где тебя ещё не было, и уйти туда, где тебя уже не будет.

А сейчас кусок ствола сосны, ветвей нет, разве какой сучок засохший, или ещё один, и кора шершавая, из неё можно делать кораблики.

Наверху кора оранжевая и жёлтая и шелушится.

Если вбить железную палку обоими концами в тела двух сосен, то сосны так и будут расти с этой палкой, и она будет всё выше и выше от земли, и качели будут взлетать всё выше и выше.

Стометровая дорожка начиналась в нескольких метрах от торца дома, проходила вдоль штакетника, за которым проходила железная дорога, и заканчивалась там, где штакетник заворачивал направо.

По стометровой дорожке бегали солдаты, они тренировались.

Он тоже бегал.

В соседнем кубике за штакетником, который поворачивал направо, были: колодец, домик лесника, здание железнодорожной станции.

Всё это на песке.

У лесника была собака, она была рыжая, её звали Рекс.

Он не помнит имена людей, не помнит, как звали людей из соседнего домика, не помнит, как звали лесника.

Собаку Рекс помнит.

Собака Рекс помнится ему, хотя он здесь не при чём.

Собака Рекс бегала.

А может быть, это не лесник, а егерь.

А может быть, это не егерь, а станционный смотритель.

А может быть, это не станционный смотритель, а непонятно кто и зачем он тут живёт.

Хотя, наверное, уже помер, потом.

Он ничего про это не знает, странно, что лесник жил, потом помер, а он про это ничего не знает.

И у него была собака Рекс.

В колодце была вода.

На дне.

И железная цепь.

И деревянный ворот.

И железная рукоятка.

Солнце падало внутрь колодца на воду.

Если смотреть вниз, голова загораживает солнце, и получается далеко внизу голова в синем небе.

Когда поднимаешь ведро и ставишь на край сруба, вода обязательно выплёскивается и падает на песок.

Песок шипит.

Вода холодит.

Голова в небе летит.

Собака Рекс бежит.

Лесник на крыльце стоит.

Станция заброшенная,

станция деревянная,

крыша дырявая,

пол с дырками,

окна дыры,

двери дыры.

У неё острые верхушки.

Станция похожа на замок,

станция похожа на дворец.

Из какой-то сказки какого-то народа, народные сказки все страшные, народные сказки все чудесные, народ безыскусен, не любит искусства,

Поезда редкие, проходят мимо, никогда не останавливаются у станции.

Приходишь на станцию и не хочется уходить.

Потом уходишь, а станция продолжает.

Что она продолжает?

Приходят поезда, пыхтят, останавливаются, пассажиры выходят на станцию, пассажиры толпятся на станции, дети кричат, женщины ругаются, мужики пьют, все спотыкаются о багаж, гудок гудит, свисток свистит, поезд пыхтит, поезд уходит.

Заброшенная станция.

Страшно, но страх сладкий.

И ещё глубокая задумчивость.

А всё потому, что кругом песок, песок мелкий, песок светлый, он шуршит, песчинки двигаются медленно-медленно.

На дне лунки ждёт муравьиный лев.

Он ждёт своего муравья.

Песчинки осыпаются чуть-чуть.

Сосны глядят сверху в лунку.

На рижском взморье нет муравьиных львов, вместо колодца море, сосны кривые.

Дзинтари дзынь-дзынь.

Они договорились встретиться на следующий день на бульваре Райня, где угол с бульваром Бривибас, где доходный дом, гестапо, НКВД, КГБ, полиция, музей оккупации, откуда прекрасно виден памятник Свободы, где на вершине девушка Мильда.

Она не пришла.

Ну, конечно, сказала бабушка, она же латышка.

Другая бабушка.

Он помнил бабушку-еврейку, себя в нелепой тюбетейке, две груды яблок на столе, и георгины в хрустале.

Кубики Великой китайской стены окончательно успокаиваются спустя довольно долгое время, как песчинки, которые осыпаются в лунку и останавливаются на дне лунки.

Или как муха в янтаре, который можно найти на рижском взморье, но он не нашёл.

Или как пожелтевшие страницы в старых папках архива с рукописными узорами слов, не оцифрованных, не подверженных исчезновению с отключением электричества.

Или как старый галстук, завалявшийся в шкафу, потому что зачем выбрасывать хорошую вещь, даже если она вызывает лишь удивление, разве он носил галстук? он сто лет не носит галстук, он его и завязывать-то не умеет, жуткая архаика.

Это есть, потому что давно уже ничего такого нет.

Вечность это небытие, подумал он, и эта мысль его успокоила, ведь небытия полным-полно, оно везде, оно рядом, оно близко, вот кто-то помер, и уже небытие, значит, и вечности полным-полно, она везде, она рядом, она близко, и она живая, она шевелится и жужжит, только очень медленно и очень тихо, как муха в янтаре.

Он ходил по Риге и фотографировал фотоаппаратом «Весна», в том числе, и Мильду на вершине памятника Свободы.

Мильда Ивановна была старой большевичкой, она вышивала гладью, а его учила вышивать крестиком.

У неё в комнате пахло странно, но не неприятно.

Её комната была первой справа по коридору, а его комната была пятой слева по коридору.

По коридору можно было кататься на велосипеде.

Он приходил в комнату Мильды Ивановны, и что?

Вышивал крестиком, а она гладью.

О чём-то говорили, говорили слова, которые не имели ни смысла, ни значения, ни причины, ни цели, потому что это всё не важно.

Ещё они ходили в парк Сокольники, проходя по разным улочкам и переулкам.

На обратном пути после железнодорожного моста, на углу улиц Бакунинская и Большая почтовая, около церкви Покрова Богородицы в Рубцова, никакой церкви он не знал, а на стене была табличка «Русская хоровая капелла», но в церкви не было капеллы, потому что она была православной, а не католической, хотя он не проверял, потому что не заходил в церковь, не думал о Боге, Мильде Ивановне тоже не полагалось думать, как старой большевичке, вот там он сказал Мильде Ивановне, что при коммунизме денег не будет.

Как же без денег? не согласилась Мильда Ивановна, чем немало его удивила.

Как же без денег?

20260313

ПОТОК 3. Китаец пришёл

Во второй половине дня в квартиру № 11 на втором этаже дома № 57 по Бакунинской улице вошёл китаец.

Какой-то странный кубик, подумал он, вот я стою на улице Бакунинская, нет тут никакого дома № 57, нет никакого второго этажа, нет никакой квартиры № 11, нет никакого китайца.

Есть скверик маленький и убогий.

Есть здание школы № 619.

Это не школа.

Есть бюст Иосифа Виссарионовича на постаменте.

Нет, Иосифа Виссарионовича уже свалили.

Иосиф Виссарионович лежит, уткнувшись носом в чёрную землю школьного сада.

Его почти не видно за цветущими ветвями яблонь и груш.

Нет никакого школьного сада.

Нет никаких яблонь и груш.

Нет никакого Иосифа Виссарионовича.

Если смотреть с улицы Бакунинская на Иосифа Виссарионовича, то справа красная стена.

Почти без окон.

Стена дома № 57.

Недалеко от Иосифа Виссарионовича около красной стены окопы.

Старичок спрятался в окопе от бомбёжки.

В окоп прилетает бомба.

Старичок, естественно, помирает.

Нет никакой красной стены, нет никаких окопов, нет никакой бомбы, нет никакого старичка.

В конце красной стены, чуть за углом, недалеко от второго входа в школу № 619 стоит тополь.

Тополь большой.

Он стоит.

Тополь заглядывает во двор дома № 57.

С тополя падают тополиные серёжки.

Тополиные серёжки, тополиные серёжки

подарил Полине маленький Серёжка

А Полина говорит:

ты дурак что ли?

Нет никакого двора дома № 57.

А тополь стоит.

Тополь большой.

Он спросил у тополя.

Тополь сказал:

всё то, чего нет, есть, у него крепкие корни, корни глубокие,

а то, что есть, ещё не совсем есть, корешки слабенькие.

Над школьным садом громко звучит песня «Москва-Пекин».

Красная стена смотрит на это в Начале лета года Красной обезьяны.

Есть документальная фотография у красной стены.

Матроска — разновидность стиля одежды, отличающаяся заимствованными элементами флотского костюма: сине-белая полоска, напоминающая тельняшку, и матросский воротник.

Заимствована, естественно, из Великой Британии.

Птичка из фотоаппарата так и не вылетела.

Почему помер птица-удод?

Почему померла курица Чернушка, понятно.

Ей отрубили голову, и она бегала без головы по кругу.

От этого и умерла.

Птица-удод был грустный.

Он умер от грусти.

К северу от центра мира тысячелистника белое поле и сосны вдали и вокруг.

По кругу время не движется.

Время само есть круг, заполненный соцветьями перемен.

В сухом перестукивании стеблей выстраивается мелодия пути.

12 перекрёстков на нём как 12 нот.

4096 число перемен.

Тысячелистника белое поле то ли рождает время, то ли хоронит время.

Даже ночью тысячелистника белое поле горит над миром.

Но каждый знает: тысячелистник всего лишь трава.

Поэтому и говорят: «Небо и Землю соединяет трава».

Тысячелистника белая тень.

Невычислимая боль перемен.

Среди белых соцветий тысячелистника изредка попадаются розовые соцветия.

Все знают, что розовые соцветия тысячелистника это хорошо.

В розовых соцветиях тысячелистника меньше грусти.

Не пора ли нам умереть?

Через белую поляну проходит путь.

Тропинка ныряет под белый цвет к тысячам зелёных стеблей и листьев, к жёлтой земле.

Тысячелистника белое поле зеркало неба.

Десять тысяч перемен созревают в чашечках цветов.

Гудят в напряжении и ожидании, и тишина низкий гул времени.

Ветер летящий делает круг, замирает в тёплом воздухе.

Тёмное золото сосен плывёт по кругу, по кругу.

Высоких сосен иероглифы теснятся в небесной плоскости древнего текста.

Пять тысяч иероглифов в том сосновом лесу вокруг поляны.

Ещё не прочитанный этот лес, не свершившиеся перемены тысячелистника, мутно белое зеркало.

Тропинка идёт к библиотеке.

Он идёт в библиотеку.

Библиотекаршу звали Зина.

Зина была высокой.

У Зины было длинное лицо.

Зина улыбалась.

Справа от белого поля, справа от тысячелистника белый дом.

В белом доме китайские военные солдаты слушают лекции русских военных офицеров.

Перед домом стоят скамейки, они стоят шестиугольником.

А в центре яма, куда бросают окурки.

Китайские военные солдаты отдыхают на скамейках, курят и разговаривают.

Он садится на скамейку и разговаривает с китайским военным солдатом.

Они разговаривают о жизни.

Они говорят слова, которые не имеют ни смысла, ни значения, ни причины, ни цели, потому что это всё не важно.

Недалеко от скамеек растёт цветок, называется мыльнянка.

А они её мыльницей называли.

Лепестки белые и розовые, цветоножка зеленоватая, похожа на гильзу, а внутри мыльная.

Нажимаешь на гильзу, кожица лопается и выстреливает зелёную пулю.

Во второй половине дня в квартиру № 11 на втором этаже дома № 57 по Бакунинской улице вошёл китаец.

В Рукуновом переулке

во дворе седого дома

старый тополь бросил тень.

Все называли его Рукуновым, а он был Рыкунов, так звали домовладельца полковника Рыкунова в конце XVIII века, теперь Балакиревский, так звали рабочего-революционера пуговичной фабрики Ронталлера и К°, теперь Балакиревской.

В той тени сидел китаец

опечаленный донельзя

от того, что слишком выпил

нехорошего вина.

Китаец подарил китайскую закладку для книг. С кисточкой. Китайца усадили за стол, чтобы покормить и попоить. Китайцу налили водки, а бабушка и мама

пили домашнюю наливку. Китаец попробовал водку и быстро ушёл. Не понравилась водка?

Он потом домой вернётся,

нарисует горы-воды,

и в беседке над обрывом

будет долго созерцать.

В холодильнике под окном стояли две одинаковые бутылки: одна с водкой, другая с уксусом. Вот бабушка и перепутала: налила китайцу уксус.

И тогда напишет гатху

на углу своей картины

про вино и тень, и тополь

во дворе седого дома

в Рукуновом переулке,

где обрёл он просветленье

неожиданно совсем.

Холодильник под окном делали так: вынимали кирпичи, оставляя один внешний ряд, вставляли трубку железную, чтобы холодный воздух шёл с улицы, а со стороны комнаты навешивали дверцы. Когда на улице было холодно, продукты в холодильнике холодились. А что было, когда на улице было жарко, он не знал.

Наш русский уксус не то, что китайский уксус. Китайцы пьют свой китайский шаньсийский уксус и радуются. А наш русский уксус пить нельзя. А китайский шаньсийский уксус он пил через много-много лет в провинции Шаньси Китайской народной республики. И тоже радовался.

Между прочим, этот китаец может быть ещё жив.

Некоторые китайцы долго живут.

Вот, например, генерал-полковник Цао Ганчуань, который был даже министром обороны Китая, пять лет учился в Военной артиллерийской инженерной академии имени Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Кубики с качелями между двух сосен, домиком в центре мира, в котором по полу ходит птица-удод, железной дорогой, стометровой дорожкой, домиком лесника, колодцем и станцией, библиотекой, тропинкой через поле тысячелистника, белым домом, китайцами на шестиугольной скамейке, гильзами и пулями мыльнянки пространственно расположен в летнем военном

лагере Военной артиллерийской инженерной академии имени Феликса Эдмундовича Дзержинского, а временно в четырёх летах с 1954-го по 1957-й год.

Так что генерал-полковник Цао Ганчуань, который начал учиться в Военной артиллерийской инженерной академии имени Феликса Эдмундовича Дзержинского только в 1957 году, скорее всего, не тот китаец.

А может и тот.

Ему 90 лет. Даже не 100.

20260314

ПОТОК 4. Компьютерная игра

Есть такая компьютерная игра: ты рассказываешь ИИ про свою жизнь, а он тебе её показывает как фильм в красках, звуках и движениях.

Можно поставить на паузу и внести изменения.

Можно прокрутить назад или вперёд.

Ещё есть кнопка «undo».

Учёные установили, что после остановки сердца человек играет в эту игру, только ИИ у него в голове.

Если не успевает сделать необходимые изменения, то помирает.

Жаворонки умирают утром, а совы умирают вечером.

Бабушка умерла на рассвете.

Чжу Си тоже умер на рассвете. Это странно, потому что ночью не спал, а объяснял ученикам Великое учение. Наверное, это потому, что он был великим философом.

Тютчев тоже умер утром. Но у него после инсульта, который случился тоже утром во время прогулки, было полгода, чтобы вносить изменения.

Но он вносил их не в свою жизнь, а в свои стихи, потому и помер.

Вот бреду я вдоль большой дороги в тихом свете гаснущего дня…

Это он так сочинял, а умер утром.

Пушкин был совой и должен был умереть вечером, но он умер в середине дня в 14 часов 45 минут. Это потому что он был ранен.

Наоборот, Ницше был жаворонком, а умер в полдень. Это потому, что стал сумасшедшим.

А вот Лев Николаевич Толстой не был сумасшедшим, и раненым тоже не был, поэтому как был жаворонком и просыпался в 6 утра, так и умер в 6 часов 5 минут утра.

А Иммануил Кант ещё больше был жаворонком, просыпался в 5 утра, а умер в 11 часов дня. Это потому, что он был великим философом.

А Владимир Ильич Ленин был совой и умер правильно: в 18 часов 50 минут.

А Иосиф Виссарионович Сталин был ещё больше совой, потому и умер попозже: в 21 час 50 минут.

Потом всё перепуталось: Брежнев был совой, а умер в 8:30 утра, что неправильно.

А вот с Мао Цзэдуном непонятно: он был типичной совой, а умер в 0 часов 10 минут 9 сентября 1976 года. Непонятно: это слишком поздний вечер или слишком раннее утро? 8 сентября солнце зашло в 18:35, 9 сентября солнце взошло в 5:49. После захода солнца прошло 5 часов 35 минут, а до восхода солнца оставалось 5 часов 39 минут. Мао Цзэдун помер посерёдке между заходом и восходом солнца. Это потому, что он был даосом. Но ему не хватило 2 минут, чтобы стать точным даосом, т.е. помереть точно в середине ночи.

На равном расстоянии от середины ночи наилучшее освещение для фотографий в золотисто-красноватой гамме в «золотой час»: на час раньше заката и на час позже восхода, а в ультрамариновой гамме в «синий час»: на час позже заката и на час раньше восхода.

Золотисто-красноватый конфуцианец Мао Цзэдун беседует с ультрамариновым даосом Мао Цзэдуном.

Если муравей подойдёт к краю песчаной лунки, песчинки посыпятся вниз, увлекая с собой муравья, а внизу его ждёт муравьиный лев.

За качелями между двух берёз дорога поднимается на холм, а потом спускается с другой стороны.

Дорога спускается туда, куда заходит солнце.

Закат сначала золотисто-красноватый.

А потом красный.

А потом тёмно-красный.

Он стоял и смотрел.

ИИ в голове зачем-то поставил пластинку с «Пляской смерти» Сен-Санса.

Молоточки бьют.

Кузнецы куют.

Бородатые кузнецы куют наши сны.

Стихи получились плохие, он хотел их забыть, а они почему-то не забывались.

Кубик золотисто-красноватый.

Солнце заходит, заходит, заходит, и никак не может зайти.

А на другом конце вселенной солнце восходит.

Ещё не восходит, только собирается.

Туман. Изгородь. Погост.

Туман. Изгородь. Погост.

Акварелька получилась маленькая, простоватая, наивненькая, любимая.

Надо было родиться жаворонком, подумал он, чтобы встречать ультрамариновый восход.

Никого нет.

Одни ещё спят в избах, другие уже спят на погосте.

Деревенский погост отличается в лучшую сторону.

Туда чаще ходят.

Во-первых, близко, на другой конец деревни и то дольше идти.

Во-вторых, это просто рощица, таких рощиц вокруг полным-полно.

Изгородь важный элемент пространства. Нужно, чтобы она обрывалась, столбы были редкими и покосившимися, жерди полусгнившими, некоторые упавшими.

Изгородь ничего не огораживает.

Когда-то огораживала, а теперь нет.

Теперь она для красоты.

Эта красота грустная, она тоску вызывает.

Да ещё туман.

Туман всё делает грустным, он тоже тоску вызывает.

А что ещё вызывать рядом с погостом?

Вот так сидит он на крыльце, чай попивает, сигарету покуривает, и смотрит.

И ему благостно и грустно.

Все акварельки с названием «Вид с крыльца номер такой-то» грустные.

Вообще вся природа грустная.

Вот не бывает в природе веселья или развлечений каких.

На полянку падают лучи солнца, ещё и от белых стволов берёз отражаются, берёзы прям сверкают.

В траве земляничные ягодки посверкивают.

Трава стелется, переплетается.

То тут, то там цветочки какие-то выскакивают.

А всё равно грустно.

Да ещё пенёк светлый от солнца, так ведь пенёк.

Я, говорит, был деревом, а потом меня убили.

Вот это всё красиво, даже благостно, даже радостно, а всё равно грустно.

Природе что грустно, что радостно, всё одно.

И это полянка в солнечный летний денёк.

Даже когда идёт дождь, не так грустно.

Дождь песни поёт, а на полянке разве что шмель пропоёт поминальную песню.

В принципе, поминки в деревне мало отличаются, разве повольготнее.

Приходят люди, едят, пьют, потом песни поют.

Как там у Тао Юаньмина?

Но родные мои, может быть, и хранят печаль, Остальные же все разошлись и уже поют…

Чем поминки отличаются от какой-нибудь свадьбы или какого-нибудь юбилея?

Да ничем.

Он был на юбилее своей старой знакомой.

А потом был на её поминках.

Не увидел разницы.

Разве что на поминках она мало ела и пила, и больше молчала, другие же одинаково ели, пили и говорили.

В парке прогуливаются люди, на скамейках сидят старики и старухи, дети бегают.

И у каждого на лице написано: я умру.

Можно идти и читать: скоро, ещё не скоро, когда-нибудь.

А они живут так, как будто не умрут.

Да чего уж там, он ведь и сам так живёт.

Но всё же подмечает странность.

Глеб Седельников так говорил: мои родители умерли во сне, и мне их очень жаль, ведь это такой интересный переход, а они его проспали.

Глеб Седельников умер от инфаркта, наверное, не во сне.

Он увидел то, что хотел увидеть?

Как я смерть объясню? Тут особых не надо слов: Просто тело отдам, чтоб оно смешалось с горой!

Так Тао Юаньмин думал.

А как он думает?

Вот этот пенёк, вот этот камень, вот эта травинка, вот эта земляничина, вот эта берёза, даже пролетевший шмель, похоже, лучше это знают, чем он.

И остаётся только сидеть на крыльце, попивать чай, покуривать сигарету и не то радоваться жизни, не то печалиться.

Да это, наверное, одно и то же.

Как ты, ИИ в голове, думаешь?

Молчит, кубики перебирает.

20260315

ПОТОК 5. Девочки и иероглифы

Он сказал ИИ: пора сменить парадигму: не кубики, а иероглифы.

Тогда можно будет читать текст.

Лучше, чем тупо разглядывать кубики.

Осмысленнее.

Его прабабушка и прадедушка по женской линии родом из деревни Суворово, что в 10 км от Волоколамска по шоссе на Лотошино, вскоре после деревни Кашино, которая «Лампочка Ильича».

На крыльце дома в деревне Суворово он придумал интернет, искусственный интеллект и дроны.

И записал в тетрадку.

Познакомился с девочкой, но не записал в тетрадку.

Интернет можно нарисовать нижней горизонтальной чертой.

Искусственный интеллект можно нарисовать восходящей вертикальной чертой.

Дроны можно нарисовать тоже горизонтальной чертой, но верхней, они же в небе летают.

Девочку можно нарисовать нисходящей вертикальной чертой, когда смотришь на девочку, сначала видишь лицо, потом ниже.

Получится иероглиф «рот» □ коу.

Ртом говорят.

Они говорили, сидя на брёвнах.

Сидение на брёвнах отличается от других сидений на других возвышенностях.

Сидя на крыльце, ты смотришь на мир из дома, который у тебя за спиной.

Сидя на холме, ты смотришь на мир с неба, которого много вокруг. А дома нет.

Сидя на брёвнах, ты смотришь не так и не так.

А как?

Как будто брёвна дома, которого нет, как будто с неба, но оно только сверху.

Ещё ртом целуются, но они не целовались.

У него осталось ощущение недосказанности и недоделанности.

Странное было лето.

Это всё из-за интернета, искусственного интеллекта и дронов, так он решил.

Иероглиф «дождь» 雨 юй рисуется тремя нисходящими чертами: в середине он, а слева и справа две девочки. Сверху крыша. И ещё струи дождя.

В центре мира рядом с маленьким домом, в котором гнездится грусть, есть другой маленький дом.

Он пуст, в нем никто не живёт, но дверь открыта.

Когда с неба на землю внезапно падает проливной дождь, можно укрыться в пустом доме.

И в раскрытую дверь смотреть, как водяные струи льются с вершин сосен на траву и корни, соединяются вместе и текут по тропинкам земли.

Если другой человек тоже спрятался здесь от дождя, можно смотреть вместе.

Это называется встреча людей.

Неважно, обменяются ли они взглядами или словами или прикосновениями.

Чувство соприсутствия подобно воде омоет их души и соединит струями, прозрачными и осязаемыми как струи дождя.

Они промокнут с головы до ног.

Поэтому и говорят: «Встреча людей подобна проливному дождю».

У одной был широкий рот, из которого смех вылетал как ворона-птичка.

Другая, наоборот, серьёзна, тонка, с косичками и пуговичками на кофточке пёстрой как оперенье воробушка.

У него осталось ощущение раздвоенности и неслиянности.

Странное было лето.

У неё были две золотые косы, под широким лбом эллипсы ясных глаз и улыбающийся рот.

Он рисовал её иероглифом 冏 цзюн, что значит свет, что значит окно.

Что значит светлое окно.

Окно, впускающее свет.

Яркий и ясный.

Она была отличницей и сидела за партой впереди и левее, по диагонали.

Но это было давно.

Это было в эпоху Шан.

Это было на гадательных костях.

Это было на бронзовых пластинах.

Однажды она заболела, и делегация учеников явилась к ней домой, принесла домашнее задание.

Она была в пижаме и радостно поднялась с постели.

Беспомощное удивлённое лицо.

В эпоху интернета стало эмодзи:

«Ой…»

«Как неловко»

«Мне стыдно»

«Я в шоке»

Вот как-то так.

У него осталось ощущение эмодзи цзюн.

А странно, думал он, что иероглиф не складывается, если в нём нет девочки.

Как будто девочка есть ключ и радикал.

Но что за текст?

Китайская грамота.

Жизнь на неё похожа.

А та, что в Дзинтари, на рижском взморье, что не пришла?

Её он рисует иероглифом ⿸, который тоже цзюн.

Но этот цзюн совсем другой.

За пределами города это пригород.

За пределами пригорода это поле.

За пределами поля это лес.

За пределами леса это цзюн, это граница.

Пограничные пустынные земли.

У него осталось ощущение пограничности и недоумения, почему он вообще это помнил.

Скажи, ИИ, каким иероглиф ты нарисуешь

ту, что дочка директорши школы-интерната,

ту, что позвала его в свою комнату,

ту, что спрятала его в шкафу во время облавы,

или не спрятала, а только хотела,

ту, чьё платье было мягкое и приятное на ощупь.

ИИ ответил: жун 绒.

Итальянская байка.

Мягкая шерсть.

Пух на теле птицы.

Кто там порхает в весенней роще?

В иероглифе жун 绒 чёрточки порхают как перья птицы.

У него осталось тактильное ощущение.

Иероглифический текст с трудом читается, бумага времени стала хрупкой, испачкана кругами от кружек чая, каплями несмывающихся чернил, падающих с перьев № 11.

Однажды встретил её в своём подъезде,

в тёмном промежутке между двумя дверями

в окружении мальчиков,

поздоровались, и он вышел на улицу.

На этом детство закончилось.

Но перед этим он спросил: кем ты хочешь быть?

Она ответила, он не запомнил.

Она спросила, он ответил.

Странный вопрос: кем ты хочешь быть?

Подразумевает, что тебя ещё нет.

ИИ, просчитай их жизненный путь.

Нарисуй их графики.

Ошибка деления на нуль.

То-то же.

Иероглиф дао 道 путь состоит из чо 辶 ходить и шоу 首 голова.

Ходить головой.

Не ногами.

А что такое голова?

Это цао 艹 трава и цзы 自 по собственному желанию.

Иди травой по собственному желанию, и будет путь.

Я стал следовать желаниям моего сердца и не нарушал ритуала, сказал Конфуций.

Иероглиф синь 心 сердце рыболовный крючок и три слезинки.

Или три кровинки.

А если перечеркнуть, то получится би 必 должно и нужно.

Отбросить сомнения.

Потому что сомнения в сердце.

А в эпоху Шан на костях оракула это было оружие.

Его дедушка по женской линии родом из деревни Спас-Помазкино в 8 км от Суворово.

От церкви Рождества Богородицы в Суворово можно дойти пешком до братского захоронения пяти красноармейцев на краю Спас-Помазкино, сделав 11 тысяч 49 шагов за 1 час 36 минут.

А если бы просёлочная дорога была не кривая, а прямая, то можно было бы дойти за 1 час 2 минуты, сделав 7 тысяч 154 шага.

Деревня Суворово село, поскольку в ней есть церковь Рождества Богородицы, а деревня Спас-Помазкино была селом, когда в ней была церковь Преображения Господня, а теперь церкви нет, и деревня не село.

Его мама рассказывала сказки про деревню Спас-Помазкино.

Про речку Фроловка, по ней стыковка Спаса и Помазкино.

Про чёрную карету с золотым узором, на которой ездили в село Ильинское, где церковь Илии Пророка.

Если бы церковь Преображения Господня, которой сейчас нет, раскинула руки длиной 5 км, она коснулась бы одной ладонью церкви Рождества Богородицы, а другой церкви Илии Пророка.

Мама рассказывала про войну.

Мама рассказывала про немцев.

Мама рассказывала про двух монашек в Спас-Помазкино.

Групповое дело монахинь Волоколамского района 1931 г. Тройка ПП ОГПУ.

На самом деле монашенка одна, осуждена 3 года ИТЛ, дальнейшая судьба неизвестна, другая просто её сестра, через месяц отпустили, дальнейшая судьба неизвестна.

Саша Косачев сочинил: Хочешь попасть домой — Курс держи на кладбище. Есть и другие пути — Этот короче всех.

Потом умер.

20260316

ПОТОК 6. Дом № 57

Перед тем как отправиться на кладбище человек проживает разные пространства, в которых разыгрываются сценки и сценарии вроде описанных выше.

Или лучше сказать, пространства разыгрывают эти сцены и сценарии, поскольку именно пространствам принадлежит инициатива и ведущая роль.

Об одном таком пространстве сейчас пойдёт речь, главном или одном из тех главных пространств, с которыми связано понятие «дом».

Домашнее пространство, о котором пойдёт речь, это одно из старых московских пространств.

Старое московское пространство обладает ярко выраженной индивидуальностью и личностью, укоренённой в нём самом.

Оно отличается от новых московских пространств почти без индивидуальности, почти безличных и ни в чём не укоренённых.

Оно отличается и от, например, петербургских пространств, личность которых кажется иноязычной и чужеземной, даже если родилась в Санкт-Петербурге, а всё равно, укореняясь, восходит по генеалогическому древу к какому-то иностранцу.

Оно отличается и от деревенских пространств, которые глубоко личны, но их личность не столько человеческая, сколько природная, и мало отличается (да и не желает отличаться) от личности коровы, или овцы, или курицы, или дворовой собаки, или берёзы у крыльца, или яблони за плетнём.

Оно отличается и от дачных пространств, всё сущность которых в балансировании между городом и деревней, между домами-улицами и лесом-лугом-речкой, и личность которой несёт неизгладимый отпечаток временности и промежуточности.

Этот список отличий можно продолжать до бесконечности, но в этом нет нужды.

Старое московское пространство дома № 57 по улице Бакунинская начинается с парадной.

Принято считать, что «парадная» говорят в Петербурге, а в Москве говорят «подъезд». Это не всегда так.

В доме № 57 этот вход называли не «подъезд», а «парадная», потому что был ещё «чёрный ход», который вёл во двор.

Он заметил, что, приступая к описанию старого московского пространства, приходится сменить стиль и вместо изящных, но поверхностных, коротких штрихов описывать пространство сплошным красочным слоем, о котором художник Валера Красильников говорил «руку просунуть некуда».

Снаружи парадная представляла собой двустворчатую дверь (одна створка всегда закрыта на защёлки) на высоте двух ступенек.

Выше створок два узких горизонтальных застеклённых окошка, всегда мутных и пыльных.

Казалось бы, таких дверей можно найти множество, но это не так. Дверь обладала той индивидуальностью, той личностью, о которой говорилось выше.

Цвет её был красно-коричневый.

Прежде чем открыть дверь, посмотрим по сторонам.

Слева и справа от парадной ряд окон первого этажа.

Над каждым окном тимпан (что-то вроде арки) с замковым камнем.

Само окно прямоугольное из трёх частей: двух вертикальных створок (каждая разделена на две части горизонтальной планкой) и верхней не открывающейся горизонтали.

Под окнами и кажется только справа от парадной кафельная плитка, кажется, чёрная.

Между первым и вторым этажом то, что называется тягой или пояском. Состоит из двух горизонтальных линий, между которым прямоугольники, спускающиеся ниже нижней линии, а под ними ещё маленькие прямоугольники.

Окна второго этажа с полукруглым верхом. Две вертикальные открывающиеся створки разделены каждая на три части, а верхний не открывающийся полукруг — на две части вертикальным радиусом.

Во время праздников по Бакунинской улице шла демонстрация к Красной площади. Поэтому дом был украшен лозунгами и портретами.

Лозунг «Да здравствует наше родное Советское правительство!» шёл над пояском.

Портреты были большими, висели на уровне второго этажа, высотой почти как окно, а по шире частично закрывали два соседних окна.

Сначала было два портрета: Ленин и Сталин, и они частично закрывали три или четыре окна.

Потом, когда бюст Сталина в школьном саду сбросили с постамента, и он уткнулся носом в чёрную землю, только Ленин, он частично закрывал два окна.

Дом был двухэтажный, построен до революции 1917 года, до революции это был доходный дом, в нём были ресторан и казино.

Дедушка по женской линии любил туда ходить, а бабушке не нравилось, что он туда ходит.

Он там играл в карты.

Потом казино закрылось, и туда стали давать комнаты на втором этаже, а на первом был техникум советской торговли.

На втором этаже бабушке и дедушке дали комнату.

Ну, как дали?

Жильцы сами возводили стены из кирпичей, перегораживающие ресторан-казино на комнаты: длинные, узкие с высоченными потолками.

Они спрашивали друг у друга, сколько в семье человек и тем самым определяли ширину комнаты.

Только соседи обманули: их оказалось меньше, чем они говорили.

А потом уже по высоте строили из дерева второй этаж от двери до середины комнаты, и лестницу на второй этаж.

В техникуме советской торговли училась мама и дядя Толя. Это который потом уехал в Ленинград и который приезжал в деревню и ловил в пруду рыбу.

Открываем дверь парадной.

Тамбур. Тёмный. Тот, где он встретил её в окружении мальчиков, поздоровались, и он вышел на улицу.

Дальше площадка и лестница наверх.

Под лестницей каморка.

Кажется, там жил дворник или дворничиха, а потом они или уже другие стали жить на втором этаже, там, куда доходила лестница.

На площадке была ещё одна дверь. Она всегда была закрыта. И куда она вела, так и осталось тайной.

В каждом старом московском доме есть свои тайны.

Дома разные и тайны тоже разные.

Мраморная лестница в два пролёта поднималась на второй этаж.

Перила были железные с деревянным поручнем и с одной стороны лестницы, левой, если подниматься, и правой, если спускаться. А может быть, чугунные, это неизвестно.

Поднимаешься и тут же слева дверь в комнату, где жили дворник или дворничиха. Их дочку звали Фрида. А может быть какую-то другую дочку звали Фрида.

Потом идёшь как бы назад, но по горизонтали по короткому коридору.

Дверь. Она всегда открыта. Она ведёт в перпендикулярный коридор.

Слева дверь в квартиру № 11, рядом с которой большой чёрный шкаф, неизвестно чей, неизвестно с чем.

А справа квартира № 11а.

В квартире № 11а жили другие люди, несколько семей в нескольких комнатах. Там комнаты не были такими длинными и узкими, как в квартире № 11, Наверное, они были почти квадратными.

Жители квартиры № 11а отличались от жителей квартиры № 11 чем-то неуловимым, чем, он не мог сформулировать, но чувствовал.

Наверное, устройство квартиры, поделённой на комнаты, каким-то таинственным образом влияло на её жителей, на их отношения друг с другом и с внешним миром. Он точно знал, что квартира первична, а её жители вторичны.

Дверь в квартиру № 11 закрыта, нужно иметь ключ.

Называется сувальдный ключ, он же флажковый, он же сейфовый (хотя для сейфов посложнее будет), он же «буратино».

Простой, однобородковый.

Звонка нет. Да и нужен ли, когда в квартире 14 комнат на 14 семей (по крайней мере, поначалу).

Гости стучат.

20260318

ПОТОК 7. Квартира № 11

В квартире № 11 от входной двери шёл коридор, прямой как петербургский проспект, и упирался в дверь на чёрный ход.

География квартиры была проста и легко запоминалась. Он и запомнил на всю жизнь.

Двери в комнаты располагались налево и направо. Налево выходили на улицу, направо выходили во двор.

В первой комнате слева жила старая большевичка Мильда Ивановна Родэ.

У неё в комнате пахло странно, но не неприятно.

Она вышивала гладью, а его учила вышивать крестиком.

На подоконнике у Мильды Ивановны стоял столетник. Впрочем, он у многих стоял на подоконниках.

Ещё в её комнате он положил на стол большой ватманский лист и стал рисовать на нём с помощью циркуля и линейки главное здание Московского университета на Ленинских горах.

Он срисовывал его с почтовой открытки.

Это для того чтобы потом учиться там на этажах с 12-го по 16-й.

В следующей комнате по правой стороне жили Герасимовы, потом какие-то молодые поженились, потом они развелись.

В третьей комнате жили Рая и Жора.

У них у первых в квартире появился телевизор, соседи приходили и все вместе смотрели телевизор, он тоже приходил.

Их сын Витя из части домой пришёл, мать просила, соскучилась, а его за это на фронт сразу послали в горячую точку, это было во время войны какой-то, он там погиб.

В четвёртой комнате жила тётя Груня, её дочка Люба, а потом и её сын Женя, а мужчин он не помнил, были ли.

Однажды тётя Груня пошла на немецкий рынок.

Этот рынок был в треугольнике между улицами Ладожской, Фридриха Энгельса (до 1922 г. Ирининская) и 4-м Ирининском переулком, который на некоторых картах проходит внутри немецкого рынка, а на некоторых не обозначен, а иногда эту сторону треугольника проводят не по 4-му

Ирининскому переулку, а по Волховскому переулку, который до войны был Немецким переулком, а до 1912 г. Большим Ирининским.

Если выйти из парадной дома № 57, перейти Бакунинскую улицу и идти по 1-му Ирининскому переулку, а потом свернуть направо на улицу Фридриха Энгельса в сторону немецкого рынка, то пройдёшь как раз мимо Храма святой великомученицы Ирины.

Между прочим, первая великомученица, жила на рубеже I и II веков, обратилась в христианство, проповедовала, обращала, творила чудеса, исцеляла и т.п., её мучили, пытали и т.п., Бог сказал ей, когда она умрёт, она ушла в пещеру, говорит, приходите через 4 дня, завалили вход в пещеру камнем, через 4 дня пришли, отвалили камень, а её нет, улетела на небо.

А вот ничего этого он не знал, когда ходил на немецкий рынок через 1-й Ирининский переулок. Время было атеистическое.

Но короче было ходить сначала по Бакунинской улице до Гаврикова переулка (после 1919 г. Спартаковский), а через него уже выходить на улицу Фридриха Энгельса. Тогда мимо Храма Ирины не проходишь.

С московскими названиями улиц и переулков при переименовании происходят странные вещи. Какие-то старые названия забываются, а какие-то остаются в ходу, а новые названия не приживаются.

Бакунинскую улицу никто не называл Покровской, которой она была до 1918 г., а переулок, на углу которого и улицы Бакунинская находится дом № 57, называли Рукуновом (правильно Рыкуновом) переулком, хотя он Балакиревский с 1939 г. Улицу Фридриха Энгельса никто не называл Ирининской, которой она была до 1922 г., а Спартаковский переулок все называли по-старому Гавриковым.

Такое впечатление, что улицы смирялись с новыми названиями, а переулки цепко держались за старые. Наверное, потому что улицы большие, а переулки маленькие и кривые.

Тётя Груня пришла с немецкого рынка и рассказывает.

Иду, говорит, я, а все мне улыбаются. И я в ответ улыбаюсь.

Вот думаю, как хорошо. Солнышко светит, люди улыбаются. Хорошо.

И только возвращаясь и подходя к нашему дому № 57 подумала: а чего они все мне улыбаются?

Глядь — а на мне юбки-то нет, забыла юбку надеть, так и ходила на немецкий рынок без юбки.

Вот они и улыбались.

В пятой комнате по правой стороне коридора квартиры № 11 жила Валя Черкасова.

Мама ему говорила: она мне с твоим папой изменяла, когда я в Риге была у свекрови, а мама, это твоя бабушка, писала письма в Ригу, а свекровь прятала и не показывала письма, а в Москву приехала, уже все соседи сказали, она такая гулящая была девка-то, рано умерла.

Шестой комнаты с правой стороны не было, а была кухня.

Кухня квадратная, в ней было: 2 окна, 3 газовые плиты, 2 раковины, 12 кухонных столов.

Этих цифр достаточно, чтобы представить всё остальное: кто жарит, кто варит, кто стирает, кто моется, кто гладит бельё, кто точит лясы, кто показывает обновку, кто ругается — и так далее и всё это одновременно.

Кухня — вершина общего жития, здесь собиралось вече квартиры.

Кстати, горячей воды в доме не было, душа или ванной, естественно, тоже. Если нужно было стирать или помыться, грели воду на газовой плите в баках. Мылись в корытах. Это, в основном, женщины и дети. Когда мылись женщины, дверь кухни закрывалась, и все знали: там женщины моются, а так дверь всегда была открыта.

После кухни два туалета. Бачок наверху, свешивается цепочка, на конце которой белая фаянсовая ручка. Дёргаешь, вода и льётся. Говорят, сейчас опять так модно, хотя тогда-то не мода ведь была.

В коридоре висели три лампочки. По коридору можно было кататься на велосипеде.

От входной двери с левой стороны коридора в первой комнате жили муж с женой и их сын. Сына звали Игорь, а как звали жену и мужа, он не помнил. Они потом умерли или съехали.

У них были фигурки бело-жёлто-розовые из камня или кости. Ни у кого в квартире таких не было, а у них были. А на втором этаже (выше говорилось, что, поскольку потолки были под 5 метров, многие делали второй этаж, до середины комнаты, из дерева) в комнату смотрела сплошная стена, а в ней было окошко с дверцей. Дверца открывалась, Игорь высовывал голову и что-то говорил.

Во второй и третьей комнатах слева жили Володя и Ира Шмидт. Они были брат и сестра. Потом куда-то уехали.

В четвёртой комнате слева сначала жил толстый еврей с толстыми губами и его тощая маленькая жена. У них ещё ребёнок появился. У них появился и первый в квартире городской телефон. А квартира сказала, что так нечестно,

а честно, чтобы телефон был общим. А он сказал, что ему по работе нужно. Потом они куда-то делись, а в коридоре поставили на двух тумбочках два телефонных аппарата. Один на тумбочке между дверями в третью и четвёртую комнаты, другой на тумбочке между дверями в шестую и седьмую комнаты, слева по коридору. Это всё тогда было, когда на улицах стояли телефоны-автоматы двухкопеечные. Идёшь мимо, а тебя спрашивают: «Двух копеек не найдётся?» И все в кошельке старались держать двухкопеечные монеты.

В пятой комнате слева жил он, его мама, его бабушка и его папа. Потом папа уехал, а родилась сестра.

В шестой комнате жили люди с фамилией Мосенко. Это те, которые во время строительства межкомнатных стен сказали, что у них семья большая, а оказалась маленькая. А может быть, это были не они, а те, кто до них в этой комнате жил.

У них была дочка Таня, его ровесница, с которой он ходил в одну школу № 619. Только она училась в другом классе. И они как-то не дружили, потому что родители Тани это не одобряли почему-то.

В седьмой комнате слева жила тётя, забыл как звать, что-то вроде Марии Гавриловны, и её сын Валера. Валера любил драться с Володей Шмидт на почве еврейского вопроса.

Однажды Женя, который сын Любы и внук тёти Груни из четвёртой комнате справа вышел на кухню и сказал, обращаясь к Марии Гавриловне: «Гроши давай! Ружжо покупать буду».

Потом опять пришёл на кухню и сказал, обращаясь к Марии Гавриловне: «Вавеву!». А ей послышалось «Валера». Она говорит: «Да, Валера, Валера детей любит». А Женя опять: «Вавеву!». А она опять. А он опять.

Люба потом говорила: «Я-то поняла, что он говорит, но промолчала». А Женя говорил «Зарежу!». Это он играл так.

В восьмой и девятой комнатах справа жили две сестры. Он ничего про них не знает. Только один раз приходил в девятую комнату, а зачем и что там делал, не помнил. Ну, вот жили они, жили, а потом померли: сначала та, что в восьмой комнате, потом та, что в девятой.

Коридор заканчивался дверью на чёрный ход.

Чёрный ход выходил во двор.

Туда выносили мусор.

А дети выходили во двор играть.

Я брожу в недрах старого дома,
поднимаюсь по лестнице чёрной,
возникают беззвучные двери,
и ведут меня за руку стены,
эти стены — морщины и шрамы
— память рук безобманная самая.
Я брожу в недрах старого дома,
как слепой по странице знакомой.
Шрифта Брайля касаются с болью
вдруг прозревшие пальцы души.
Здесь пустынно, здесь нет ни души.
Люди умерли или ушли.
И оставили жесты и взгляды.
— Ах, простите! — так я то и дело,
натыкаясь на них, говорю.
Я брожу в недрах старого дома.
Там в далёком углу коридора
моё личное солнце высоко
под самым горит потолком.
А в комнатах слева и справа,
я знаю, есть окна большие,
но к ним я боюсь подойти.
Там улицы нет, и города нет,
ни неба нет, ни земли.
Там свет, белый свет, белый свет.

20260319

ПОТОК 8. Чёрный ход

Когда в Российской империи начали отапливать дома углём, понадобился отдельный ход для заноса угля и выноса золы, и этот ход от угольной пыли становился чёрным.

В переносном смысле «чёрный ход» означает «тайный путь».

В IT обозначает несанкционированный доступ.

Через "чёрный ход" во двор он вышел

И увидел первый белый снег...

Нет ни дома, ни двора,

ни дерева, ни лестницы,

сугроб в углу мерещится...

А мальчик тот...

В конце коридора квартиры № 11 была дверь на чёрный ход, а сразу на ней площадка, на которой слева была ещё одна дверь.

Дверь в отдельную квартиру.

Не коммунальную.

Отдельную.

Что там, в той квартире, он не знал.

Кто там жил, в отдельной квартире, он не знал.

Он никогда не видел, чтобы кто-то шёл в эту отдельную квартиру или из неё через коридор квартиры № 11.

Но он никогда и не видел, чтобы кто-то входил в отдельную квартиру или выходил из неё через чёрный ход.

Как они попадали в эту квартиру?

Ему помнилось, что однажды он переступил порог отдельной квартиры и заглянул внутрь.

Там что-то было.

Но может быть, это ложное воспоминание.

Может быть, ему это всё привиделось.

Или приснилось.

Это была самая таинственная квартира в доме № 57.

Если бы он сочинял детективы, они начинались бы и заканчивались в отдельной квартире.

Справа на площадке был проход на другую площадку, с которой шла лестница вниз, два пролёта, на нижнюю площадку и потом во двор.

И ещё лестница, деревянная, крутая, вела на чердак.

Он поднимался по лестнице на чердак.

На чердаке было как на всех чердаках.

Пусто, пыльно, в щели падал солнечный свет, шебуршились птицы, темно по углам.

Сначала было интересно, а потом нет.

В московском дворике была чёрная котельная, три могучих дерева и красная груда битого кирпича.

Дождь падал с крыш на потрескавшийся асфальт, змеился в трещинах, причмокивая травой и мхом, и растекался блестящими лужами между корней трёх деревьев.

Дом тяжело дышал влажным, распахнутым провалом чёрного хода и страшно глядел высокими, тёмными, без белков занавесок, окнами на что-то в центре двора.

Не на что-то, а на кого-то, и этим кто-то был он сам, и он думал: «Вот вырасту!».

И он вырос и глядел в ответ, но глядеть было не на что: дом сломали, а вокруг удивительно маленькой забетонированной площадки мчались автомобили туда-сюда, туда-сюда, ни на кого не глядя.

«А вот и не страшно», — подумал он и смахнул слезу.

Если грубо, то двор имел форму буквы «П».

Или форму китайского иероглифа цзюн ⿸, который в Дзинтари означал пустынные пограничные поля, а здесь означает внутренний, граница, ворота.

Это если смотреть со стороны чёрного хода квартиры № 11, который в иероглифе цзюн ⿸ в правом нижнем углу.

А если смотреть с противоположной стороны, со стороны ворот, арки, то иероглиф цзюн ⿸ переворачивается и становится иероглифом кань ⿺ вместилище и раскрытый рот, в котором ворота, арка в правом нижнем углу.

Если рисовать здания, окружающие двор и являющиеся его границами, и повернуть иероглиф цзюн 冂 на 90° по часовой стрелке, он превращается в иероглиф юэ 曰 «говорить».

В «Лунь юй» («Аналекты» Конфуция) иероглиф юэ 曰 встречается 758 раз, это примерно каждый девятнадцатый иероглиф.

Чаще всего (453 раза) в сочетании цзы юэ 子曰 Учитель сказал.

Учитель это Конфуций.

Лестница чёрного хода спускалась на площадку, где стояли мусорные баки, потом налево и дверь направо во двор в левом нижнем углу иероглифа юэ 曰.

А если не направо, а прямо, то, кажется, там была дверь, через которую входили и выходили люди, которые жили в левой вертикальной черте ниже средней горизонтальной черты.

Или они не там входили и выходили?

И двери не было?

Или была?

Или мусорные баки стояли не на площадке внизу лестницы чёрного года, а во дворе в левом нижнем углу иероглифа юэ 曰?

Он подумал, что он последний оставшийся на Земле человек, который может сказать, где стояли мусорные баки: на площадке внутри дома или вне дома во дворе.

Если скажет, что на площадке внутри дома, значит, на площадке внутри дома.

А если скажет, что вне дома во дворе, значит вне дома во дворе.

И никто не сможет это опровергнуть.

Мир старых московских двориков и чёрных ходов сохраняет какие-то свои тайны и неопределённости, он туманится и двоится.

И ничто не может это изменить.

И, может быть, в этом суть старых московских двориков и чёрных ходов.

Ещё он подумал, что тогда не было цифровых фотоаппаратов и мобильных телефонов со встроенными камерами.

Фотографии были, как правило, постановочные.

И никому не приходило в голову снимать каждый уголок дома, квартиры, чёрного хода или дворика.

А сейчас приходит.

И от того, что сейчас, останется не художественная литература, а сухие и скучные тексты, в которых ни о чём не соврёшь, ничего не придумаешь, в которых нет ни воображения, ни туманной неопределённости метафор.

В средней горизонтальной черте иероглифа юэ 曰 жил Толя Левченко, с которым он учился одном классе начальной школы.

Они дружили и играли во дворе.

Родители Толи были глухонемые, а Толя не был глухонемым.

В правом нижнем углу иероглифа юэ 曰 была котельная.

За дверью спускалась круто вниз длинная лестница.

Он смотрел сверху вниз, но так ни разу и не спустился по лестнице вниз.

Или спустился?

За котельной лежал горой чёрный уголь.

Между нижней и средней горизонтальными чертами иероглифа юэ 曰 от чёрного хода к котельной шла асфальтированная дорожка, слева от неё были маленькие палисадники, а справа только земля, мох и камни.

Во время дождя с крыши падали струйки воды.

Посередине правой вертикальной черты иероглифа юэ 曰 стоял стол и четыре лавочки вокруг него.

Тут он не может соврать или придумать, потому что есть фотография.

За столом сидят и смотрят друг на друга три мальчика, как будто о чём-то говорят или что-то замышляют.

А он сидит в постановочной позе спиной к столу и мальчикам и лицом к фотографу.

На заднем плане окно в правом конце верхней горизонтальной черты иероглифа юэ 曰.

На подоконнике всегда стоит герань, в окно всегда смотрит старушка, которая разводит эту герань и которая смотрит во двор, потому что больше смотреть некуда.

Гаджетов ещё нет и телевизора у неё пока что нет.

В середине верхней горизонтальной черты иероглифа юэ 曰 подъезд, через который входят и выходят люди, живущие на втором этаже правой половины верхней горизонтальной черты иероглифа юэ 曰.

Там живёт одна девочка.

Или ему кажется, что там живёт одна девочка.

Напротив этого подъезда лицом к нему есть подъезд в правой части средней черты иероглифа юэ 曰.

И ещё есть подъезд в углу между левой вертикальной чертой и средней горизонтальной чертой иероглифа юэ 曰.

И ещё подъезд в середине верхней половины левой вертикальной черты иероглифа юэ 曰.

Этот подъезд высоко и к нему ведут ступеньки.

Но это может быть плодом воображения последнего человека на Земле, который мог бы описать дворик дома № 57, полускрытый в тумане неопределённости.

Начертание иероглифа юэ 曰 не показывает высоту строений.

Приходится говорить словами.

Везде два этажа, кроме левой половины верхней горизонтальной черты.

Строения, которые там находятся, это одноэтажные сарайчики. Они принадлежат каким-то людям, которые живут в доме № 57, которые хранят там какие-то свои вещи, неизвестно какие.

Над сарайчиками наклоняется большой тополь, сам он с внешней стороны двора около второго входа в школу № 619.

Тополь большой.

Он стоит.

Тополь заглядывает во двор дома № 57.

С тополя падают тополиные серёжки.

Как же попасть во двор дома № 57?

Если не через чёрный ход квартиры № 11.

Через чёрный ход могут попасть только люди, а машины проехать не могут.

В верхнем конце правой вертикальной черты иероглифа юэ 曰 находится арка.

Через арку во двор заходит жестянщик.

Он собирает жестянки.

Через арку во двор заходит точильщик.

Он нажимает ногой педаль, колесо крутится и летят искры от длинных ножей.

В арке тоже есть дверь в дом.

Кто-то ведь живёт за этой дверью.

Арка выходит в Рукунов переулок.

Если пойти направо и на углу повернуть направо, придёшь к парадной дома № 57.

На самом углу стоит косой гранитный столб, не то вросший в асфальт и землю, не то выросший оттуда.

Он не высокий, ниже колена.

Называется коновязь.

К камню привязывали лошадей.

Потом камень убрали.

Когда лошадей не стало.

Двигаясь от коновязного камня мимо парадной доходишь до второго входа в дом № 57 с фасада.

Это вход в техникум советской торговли.

Дальше стена дома продолжается железной оградой школьного сада, а сама стена поворачивает направо к школе № 619.

На этой стене почти нет окон.

Есть только одно или два маленьких окошка.

Из какой комнаты или коридора выходят эти окошки, неизвестно.

В них есть что-то загадочное.

Стена красная.

Стена смотрит на школьный сад, в котором утопают яблони и груши в цвету, а Иосиф Виссарионович Сталин, упавший с постамента, утопает носом в чёрной земле школьного сада.

Дети залезают на постамент и стоят там.

В Начале лета года Красной обезьяны.

20260320

ПОТОК 9. Полёт дракона

Он помнил, как умер Сталин. Сказал и соврал.

На самом деле он помнил только обложку журнала «Огонёк» с портретом Сталина в чёрно-красной рамке.

А больше он ничего не помнит.

А, нет, ещё помнит, что взрослые держали в руках журнал «Огонёк» и громко говорили.

Но кроме громкости он ничего не помнил.

А обложку журнала «Огонёк» помнил.

Особенно чёрно-красную рамку.

Это почему-то казалось одновременно красивым и страшным, а особенно то, что взрослые громко говорили.

Погода в марте 53-го была хорошая.

В окно пятой комнаты слева по коридору квартиры № 11 в доме № 57 по Бакунинской било солнце.

Окно было высоким и с полукруглым верхом, так что и в комнате было солнце.

Оно падало на обложку журнала «Огонёк», и всё было ярко и контрастно.

И ещё громко.

На следующий год, летом 54-го года поехал в военный лагерь.

Ехали эшелоном.

Эшелон — это такой поезд для перевозки военных людей и военной техники.

Поезд был очень длинный, или ему казалось, что он очень длинный.

Грузились в эшелон на вокзале, кажется, на Курском, почему-то долго, или ему казалось, что грузились долго.

И ехали долго, это уж точно долго.

Он посмотрел в Яндексе: сейчас на поезде и автобусе до Гороховца можно доехать за семь с половиной часов, а на машине за четыре с половиной часа.

А они ехали двое суток.

Правда, не до Гороховца, а куда-то под Гороховец.

Вагоны были грузовые.

В тех вагонах, где ехали люди, были нары, кажется, там ещё печка была, почему вагоны назывались «теплушками», но они ехали летом, и он не помнит, чтобы печку топили.

Зато хорошо помнит огромную раздвижную дверь, она же окно, которая обычно была открыта, чтобы можно было дышать свежим воздухом и любоваться проплывающими пейзажами.

Поперёк двери клали брус, чтобы люди на ходу не выпадали из вагона.

Вы, наверное, много раз видели такие вагоны на фотографиях военного времени.

Очень хорошо было ехать, стоя у двери, смотреть на проплывающие (а не проносящиеся, как сейчас) пейзажи и, облокотившись на брус, спокойно себе курить, глядя как дым уплывает назад.

Но он тогда не курил, ему пять лет было.

Эшелон направлялся в летний военный лагерь Военной артиллерийской инженерной академии имени Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Лагерь располагался в сосновом лесу.

Сосны были огромные, высокие, с толстыми стволами и прямые как корабельные сосны, хоть это и тавтология.

Они стояли свободно, просторно и как-то по-особенному величественно.

Земля была усыпана хвоей, а если копнуть — песок, чистый и мелкий, один песок.

Эшелон приходит к лагерю с запада.

Сначала слева появляется Станция.

Станция деревянная, заброшенная, но только в начале своего разрушения.

Около Станции Дом Лесника, а, может быть, сторожа или егеря.

Кажется, это единственный местный житель.

У него есть собака.

Она рыжая.

Её зовут Рекс.

Она прибегает к детям, играть.

Около Станции и Дома Лесника среди песка, как в пустыне, стоит Колодец с воротом и железной цепью.

Здесь набирают воду в вёдра.

Дальше вдоль Железной Дороги штакетник, вдоль него растут невысокие, молодые сосны.

А рядом — Стометровая Дорожка для тренировки и соревнований солдат и офицеров.

Он, конечно, много раз её пробегал, изображая из себя спортсмена и обезьянничая.

В лагере есть ещё Спортивная Площадка со всякими турниками, брусьями, кольцами для баскетбола и т.п.

Но он предпочитал тренироваться около дома, установив две палки и положив на них планку для прыжков высоты.

Мимо проходят два офицера, и один другому говорит: «Смотри-ка, он, кажется, прыгает выше своего роста».

На что другой отвечает: «Да нет, всё-таки не выше».

Они просто не знают, как трудно прыгать в высоту, подбегая по мягкому песку и отталкиваясь от мягкого песка.

Но сначала, как только приехали в лагерь летом 54-го года, их поселяют в отдельной комнате в Длинном Доме, одноэтажном доме с галереей и крылечками.

Но его младшая сестра, ей тогда ещё года не было, плачет по ночам.

Соседи жалуются, что она мешает спать, и их переселяют в Домик.

В Домике гораздо лучше.

Отдельно стоящий Домик, около Железной Дороги, там, где начинается Стометровая Дорожка.

А рядом ещё два домика.

В Домике три комнаты, первая что-то вроде кладовой и прихожей, а две жилые.

Домик становится центром мира.

Горизонтальное солнце

на колоннах соснового ордера.

Домик в четыре оконца.

За оградой — лесной горизонт.

На земле, на крыше, на стенах

пятна солнца и тени.

У порога — живая бабушка

с ведром воды колодезной.

А его нет — убежал куда-то играть.

На западе Кухня.

Она общая на два домика и располагается между ними.

Это маленький открытый сарайчик, в котором стоит печка.

Дальше на запад ещё один домик на две семьи, с двумя входами с двух торцов.

Стометровая Дорожка, Колодец, Станция и чуть севернее Дом Лесника.

В той стороне в песке часто попадаются ружейные и пушечные гильзы, пулемётные ленты и другие железки, со времён гражданской войны, потому что немцы сюда не доходили.

И полузасыпанные окопы и воронки.

На северо-западе поближе стоит Домик-для-душа, но душ не работает.

Дальше — Жёлтая Аудитория, в которой занимаются слушатели Академии.

Это бревенчатый дом, наполовину врытый в землю. Что-то партизанское напоминает.

К западу от Желтой Аудитории есть Песчаный Холм, поросший молодыми соснами.

Самые высокие из них не выше головы маленького человека.

Присядь и ты увидишь лунки в песке.

Это муравьиный лев делает лунку, когда прячется в песок.

Когда муравьиный лев чуть пошевелится, песчинки тихо осыпаются в лунку.

Поэтому и говорят: «прелесть малого движения».

Ещё дальше — МедСанЧасть.

Потом Длинный Дом, в который их сначала поселили, а потом выселили в центр мира.

Ещё дальше среди молодых сосёнок уходит из лагеря песчаная дорога.

Очень-очень песчаная, с мягким, тёплым, мелким песком.

Дорога петляет, петляет и выходит к Озеру.

Здесь пляж.

Здесь солдаты и офицеры прыгают с вышки.

Здесь он учился нырять.

И учился плавать, но так и не научился.

Правее по берегу, где трава подходит к самой воде, в этой воде водятся головастики.

А противоположного берега нет, вместо берега Озеро переходит в Болото.

Говорят, что вода уходит туда, под Болото далеко-далеко, и даже кого-то как-то раз вода туда утащила и обратно не выпустила. Утонул.

На север от Домика в центре мира Белая Поляна, усеянная белыми тысячелистниками.

Через поляну идёт тропинка и приходит к Библиотеке.

В Библиотеке он берут книжки у библиотекаршы тёти Зины.

Иногда там показывают кино.

Тысячелистника белое поле и сосны вдали.

Тысячи дней между ними туманом легли.

Не перейти через поле по узкой тропе.

Вниз уплывает по времени жёлтой реке.

Вдоль берегов бесконечной равнины простор.

Друга он встретит и долгий ведёт разговор.

О тысячелистнике детства закончит он стих,

а жёлтые воды уже разделяют и их.

Чуть восточнее Библиотеки и немного поближе к центру мира стоит Белая Аудитория, в которой занимаются слушатели академии.

Этот дом похож на господский дом помещичьей усадьбы, но не очень богатого помещика, дом деревянный.

Там он знакомится с китайцем, который потом приходит к нему в гости в квартиру № 11 дома №57 по Бакунинской улице.

Кроме китайцев военному делу учатся болгары и немцы.

Дальше на северо-восток — Баня.

Ещё восточнее и дальше — Полигон.

Как-то раз его берут туда ночью на стрельбища, и он смотрит, как по чёрному небу летят светящиеся линии.

Это трассирующие пули и снаряды.

Он стоит в блиндаже и смотрит на всё это, а офицеры ему что-то объясняют, а что он не запоминает.

Перед входом в Библиотеку круглая клумба с высокой вазой в центре.

Там все фотографируются.

От клумбы идёт аллея на восток.

Туда, где Спортивная Площадка: турники, брусья, козлы, кольца для баскетбола, сетка для волейбола, и всё что надо для прыжков в длину и прыжков в высоту.

Ещё дальше — Большая Столовая.

Он там был один или два раза.

А так они обедают в своём Домике, а еду готовят на печке и на керосинке или круглой электрической плитке.

На восток от центра мира ещё один домик — Домик Художника.

В военном лагере нужен художник, он рисует плакаты.

Чуть дальше Главный Вход в лагерь.

Только непонятно зачем: лагерь не огорожен, не считая низенького штакетника, да и он есть не везде.

С внешней стороны Главного Входа колея Железной Дороги, а дальше Лес.

Главный Вход высокий и белый, напоминает китайские триумфальные арки пайлоу, о чём он тогда, конечно, не знал.

Дальше на восток начинаются Палатки, в которых живут слушатели Академии.

Два длинных ряда Палаток с дорогой посередине.

Большие трёх-четырёхместные Палатки-с-кроватями.

Бывало так, что одни слушатели уезжают, а другие ещё не приезжают.

И тогда он находит в этом Палаточном лагере обёртки от бритвенных лезвий с интересными картинками и надписями на иностранных языках.

Ещё дальше на восток располагается большой дом, в котором размещается Штаб военного лагеря, там же телефонная станция.

За Штабом стоят дома, в которых живут офицеры с семьями.

Это самые хорошие дома, большие, крепкие, с высокими крылечками, не то что наш Домик.

Там он с ребятами иногда играет, они бросают дротики в цель.

На юг от центра мира, сразу за Железной Дорогой находится Полоса Препятствий для тренировки солдат.

Ему нужно её всю преодолеть: где-то проползти по-пластунски, пройти по бревну, перепрыгнуть через заборчики, перелезть через стенки.

А в конце находится Высокая Стена с двумя окнами: пониже и на самом верху.

Конечно, можно просто обойти Высокую Стену, но это было бы нарушением ритуала.

Дети, играя в войну, обычно используют нижний путь, но тот, кто не боится и поднимается до верхнего окна, видит солнце в небе.

Недалеко от Полосы Препятствий можно собирать белые грибы и землянику.

А если идти по шпалам на восток, то дальше справа в Лесу можно найти небольшое болотце с голубикой.

Её ещё называют гонобобель, а бабушка называет "пьяницей".

Она делает варенье и наливку.

Ещё дальше по шпалам, не близко, справа на юге увидишь Большое Болото.

Вблизи Железной Дороги оно заросло мхом и тощими берёзками.

Здесь собирают подберёзовики, подосиновики и клюкву.

Дальше трясина, она доходит до горизонта, но не там её предел.

Он видит далеко-далеко чёрточки мёртвых деревьев.

Не дойти до них.

Но и деревья не предел.

И неизвестно — что там?

О, если бы пройти Болото из конца в конец!

Есть ли земля на другом краю?

Что это за земля?

Он никогда не узнает этого.

Раньше он уже говорил, что рядом с Домиком были Качели.

К двум высоким соснам, стоящим рядом друг с другом, приделана железная палка, с неё спускаются верёвки к сидению.

Подходит знакомиться соседская девочка Оля, дочка художника из Домика Художника.

Между двух колонн сосновых,

держащих зелёное небо,

задумчивые качели

поднимают и опускают мир.

И мама ещё молодая.

И бабушка ещё живая.

Подходит старушка,

ах, нет, она ещё девочка.

Качели подхватывают её улыбку,

взлетающую птицей,

и ветер уносит её далёко-далёко.

«Как тебя зовут?» — спрашивает девочка.

И он называет имя и отчество,

фамилию, должность и звание.

А в другом домике живёт девочка Нина.

Они дружат втроём.

Домик называется Домик-с-открытой-дверью.

В нём два входа и две комнаты, но в одной никто не живёт.

Дверь открыта.

Когда с неба на землю внезапно падает проливной дождь, можно укрыться в пустом доме.

И в раскрытую дверь смотреть, как водяные струи льются с вершин сосен на траву и корни, соединяются вместе и текут по тропинкам земли.

Поэтому и говорят: «Встреча людей подобна проливному дождю».

Железная Дорога пересекает мир с запада на восток, и с востока на запад.

Иногда по Железной Дороге проходят поезда.

Это бывает редко, но это означает, что связь с другими мирами существует.

Поезда пересекают мир с запада на восток и с востока на запад.

Можно смотреть на них, когда они проходят через мир.

Поезда проходят не останавливаясь.

Поэтому и говорят: «Нет ничего печальнее Железной дороги».

Сосны высокие, очень большие,

маленькая девочка, ржавый пулемёт.

Станция старая, крыша дырявая,

по блестящим рельсам паровоз придёт.
Техника военная, солдаты, офицеры,
Дамы в белых платьях, слуги в сюртуках.
По песку проходят они мимо колодца.
У колодца мальчик с цепью в руках.
Медленно выходит из избы смотритель,
у него собака и ружьё в руках.
Солнце засверкало, стало очень жарко,
из-за леса ветер летел и прилетел.
Мелкие песчинки двигаются тихо,
из ведра вода капает на них.
Рыжая собака, зелёная ограда,
по блестящим рельсам паровоз ушёл.
Техника закопана, солдаты разбежались,
офицеры в лес ушли, слуги — в сюртуки,
Дамы в белых платьях — стали одуванчиками.
Рыжая собака по тропе бежит.
Мальчик не уходит, он стоит и смотрит,
борода топорщится и нога болит,
он в избу заходит, ведро на лавку ставит,
вешает на гвоздь старое ружьё.
И оно не выстрелит больше никогда.
Сосны высокие, очень большие,
маленькая девочка, ржавый пулемёт.

Этот мир каллиграфически выгравирован тонким резцом старого мастера небесных печатей в древнем стиле 54-й черты иероглифа «Полёт дракона» 龘.

Неслышимый звук «У».

20260321

ПОТОК 10. Кладбище

Московская земля сухая, пыльная и с крошками угля, и кирпича, и ржавых железяк. А в лагере земля — это песок, он мелкий, светлый, он движется, но медленно, неуловимо глазом.

Здесь время тикает тик-так, и часовые стрелки мерещутся в кронштейнах-флагодержателях, в пантографах трамвайных, и даже в палочке регулировщика. Там время тихо шуршит как в песочных часах или вовсе бесшумно как в солнечных часах.

Здесь воздух ходит кругами во дворах. Там воздух прилетает издалёка, шумит в ветвях сосновых, и улетает дальше и вдалёко.

Здесь стены, и пространство просачивается в подворотни, в арки, но дальше снова кружит в переулках. Там сосны верстовые столбы, пространство границ не знает и уходит на запад, на восток, на север и на юг.

Здесь бледный серый день, что дождь, что солнце, всё равно, и купол неба не сияет. Там сплошное солнце, его лучи и пятна, и солнечные зайчики, и неба бесконечность голубая.

Здесь в тишине лишь лязг колёс трамвайных, в котором слышится фантомный далёкий стук копыт и скрип телеги, скрывающейся там, за поворотом, и звук шагов на лестнице, и стук закрывающейся двери. Там в тишине лишь тишина, и шёпот ветра, и шуршанье мотылька и шелест песчинок, лишь изредка гром железнодорожного состава, что приближается, гремит и удаляется, и снова тишина.

Москва на вкус напоминает хлебную горбушку. Тот лагерь на вкус напоминает голубику и хвоинку.

Здесь Дом. Там Домик.

Здесь. Там.

Здесь он родился, там он рождался, здесь он жил, там он не жил.

И здесь и там, что общего?

Неизъяснимо.

Время, в котором живёшь, сначала воспринимаешь как должное, потом как неправильное, в конце как неправильное должное.

В конце ему надело вспоминать, он ушёл в парк.

Дорожки то сухие, то мокрые.

То снег лежит, то грязь.

Грустно это.

Скамейки деревянные, высохшие, солнцем вытепленные.

Там, где грязь, сидеть неприятно.

Со скамейки, где сухо, где солнце, деревья, умирающие сугробы, лёд на озере.

Люди вдали и редко.

Кошка болеет, наверное, умирает.

Грустно это.

В литературе грустно, когда собака умирает, а не когда кошка.

Кошка независимая, загадочная, мистическая, собака верная.

Собака человека любит, кошка терпит.

Дяди, тёти, всё вы врёте.

Около дерева звёздочки, золотые и серебряные, после нового года остались.

Грустно это.

Когда умирает человек, это горе, когда умирает собака тоже горе, когда умирает кошка.

От того, что она независимая и пр., терпит и пр. ещё одиночее и грустнее.

Дорожки то сходятся, то расходятся.

Ветки кустов сухие и пыльные.

Отличаются от деревянных скамеек: те не расцветут, а эти расцветут.

Хотя и не верится.

В интернете котики, коты, котята, кошки, весёлые такие.

Грустно это.

В грязи следы от ботинок людей и копыт лошадей, которые катают детей людей.

У лошадей глаз грустный.

Собака пробежала, пронеслась, промчалась, прорычала на ходу.

Она знает, зачем бежит.

Ребёнок бежит, остановился, руками разводит, говорит недоуменно.

А кошка знает, что она умрёт когда-нибудь?

Или скоро?

Около стены дома из земли торчат жёлто-зелёные ростки какие-то.

Даже рождение грустно.

Через дорогу сугроб умирает.

Он похож на крокодила.

Человек верит в своё бессмертие, видимо, из чувства противоречия.

Добрый человек верит в бессмертие лошади, собаки, кошки, дерева, камня, наверное, и сугроба тоже.

Солнце весеннее, грустное.

Человек потому радуется, что грустно.

Он снова вспомнил.

Во дворе дома № 57 было грустно, и в школьном саду грустно, и в летнем военном лагере около домика и около колодца грустно.

Узнавание мира грустно.

Как будто это не узнавание, а прощание.

Он выходил из парадной, переходил Бакунинскую и шёл, петляя, переулками в сторону Яузы, потом вдоль Яузы, пытаясь вчувствоваться в грусть и изнутри её понять.

Бессмысленно, бесцельно, беспричинно кружил.

Что нравилось ему в той стороне?

Запущенность.

И вздох состарившегося времени.

В конце времени (неправильно-должном) в онлайн-карте с панорамами улиц, дворов, переулков прошёл тот путь.

А он не тот.

Состарившееся время умерло.

Новое время не знало грусти, ещё не узнало, было глупым.

Вместо запущенной индивидуальности, от того и индивидуальной, что запущенная, от того и запущенной, что индивидуальная, была молодая унифицированность.

Теперь ведь старую вещь не чинят, её выбрасывают и заменяют новой.

И казалось, что даже Яуза перестала думать свои тяжёлые думы и текла бездумно.

И горбатые мостики, не задумываясь и не грустя, перешагивали Яузу.

Вот тоже.

За много лет парк на окраине Москвы похоронил и память, и время.

Но тут деревья есть, вода, земля.

Они сказали: это человеческое похоронено, а наше издревле, и сейчас и потом.

Ну, потеснилось от асфальта, а всё ещё есть.

Пока человек живёт, мир вокруг умирает.

Рождается другой мир, он для другого человека.

Потом всё повторяется, наверное.

Он сидит в своей комнате и смотрит на старые папки, рядами на полках.

Кладбище.

20260322

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ ИСТОРИЙ ПРО ДАНИИЛА ХАРМСА,

КОТОРЫЕ Я СОЧИНИЛ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОГО АПРЕЛЯ В САМОЛЁТЕ, ВОЗВРАЩАЯСЬ ИЗ КИТАЯ, ГДЕ Я ПУТЕШЕСТВОВАЛ ПО ГУЙЧЖОУ, А ПО ВЕЧЕРАМ ЧИТАЛ ДАНИИЛА ХАРМСА ПЕРЕД СНОМ

27 историй

1

Даниил Хармс не умел пользоваться салфеткой. За это его жена била. Если кто не понял: его жена его же и била. Каждый раз, не пропуская ни разу. Впрочем, она его и между разами била. Так что он вечно ходил побитый.

2

Даниил Хармс не любил детей, и всё время их догонял, чтобы не полюбить. Об этой его особенности все знали и не препятствовали. Только жена не знала и каждый раз удивлялась. Но потом забывала.

3

Даниил Хармс очень любил Даниила Хармса. Тут и обсуждать нечего.

4

Даниил Хармс терпеть не мог Даниила Хармса. Вот ведь как бывает: не мог терпеть, а терпел.

5

Даниил Хармс придумал новую литературу, а новая литература придумала Даниила Хармса. Просто ужас какой-то!

6

У Даниила Хармса не было другого выбора. То есть выбор был, но не другой. А ему хотелось другого. А другого не было. А ему хотелось. А нет. Из-за этого все считали его писателем.

7

Как-то раз Даниил Хармс зашёл в гости и получил по морде. Слегка удивившись, он вышел и снова зашёл. И снова получил по морде. В другой раз Даниил Хармс протянул руку, а её оторвали. Он опять протянул руку, а её опять оторвали. В третий раз Даниил Хармс упал и умер. Поднялся с трудом и снова упал и умер. Всё это навело Даниила Хармса на мысль писать смешные истории.

8

У Даниила Хармса не было никакого воображения, поэтому что ему в голову приходило, то он и писал. А у его жены было, поэтому она ничего не писала. Он ей так и говорил: "Воображала"! Очень она обижалась.

9

У одного человека был Даниил Хармс. Врачи только руками разводили, прохожие оглядывались, и даже жена что-то подозревала. Но потом всё прошло само собой. Вот что значит регулярный сон на свежем воздухе.

10

У Даниила Хармса никогда не было своей выпивки, и он ко всем приставал: Дать отпить! Дай отпить! Давали, конечно, — чего не сделаешь во славу великой русской литературы.

11

Про Даниила Хармса всё что угодно рассказывают, и всё правда. Про Даниила Хармса что только не рассказывают, и всё не правда.

12

Даниил Хармс, когда нечего было делать, писал смешные истории. И чем нечее было делать, тем смешнее были истории. Потом все умерли, и написать об этом было уже некому.

13

Даниил Хармс шёл по улице, и ему на голову упал кирпич. Другой бы тут же умер на месте, но Даниил Хармс был не таков. Он дошёл до своего дома, поднялся на этаж, зашёл в квартиру, сел за письменный стол, достал тетрадь в серую линеечку, взял ручку, макнул в чернильницу и написал смешную историю. И вовсе не про падающие кирпичи, а про что неизвестно. А потом уже умер.

14

У Даниила Хармса было много заслуг перед отечеством.

15

Даниил Хармс не любил Толстого, но боялся, потому что тот был в бороде и босиком. Тут всякий бы забоялся.

16

Даниил Хармс писал, что Пушкин плохо сидел на стуле, падал. Сам-то он очень хорошо сидел, то так сядет, то этак сядет, и всё хорошо получается. И ни разу не упал.

17

Если бы Даниил Хармс писал смешные истории про Даниила Хармса, а не про всяких Пушкиных, Толстых и Гоголей, то в десять раз больше получилось бы. Просто не догадался.

18

У Даниила Хармса украли кошелёк. Ну, украли и украли, всё равно в нём ничего не было. Пустой был кошелёк. А для чего он с собой пустой кошелёк носил, история умалчивает, и я умалчу.

19

Когда история получалась не смешной, Даниил Хармс нарочно делал орфографические ошибки. И все смеялись.

20

Всякие лизоблюды и подхалимки изображают Даниила Хармса с трубкой во рту. Да не курил он никогда, так ртом сосал пустую трубку для чистого выпендрёжа. А вот жена его дымила как паровоз. Из-за этого он и кашлять начал и Чехова полюбил.

21

Даниил Хармс написал десять тысяч пиес. Да, десять тысяч! И все они утеряны. Или даже сто тысяч! Да чего уж там — мильён пиес!

22

Даниил Хармс умер неизвестно от чего, неизвестно где, неизвестно когда и неизвестно кто. Но всё равно.

23

В доме, в котором жил Даниил Хармс, всё время из окон вываливались старушки. Ему это так надоело, что он не выдержал и съехал на другую квартиру, в другом доме, на другой улице и даже в другом городе. И — представляете? — старушки перестали вываливаться из окон.

24

Встретились как-то Даниил и Хармс. Оказалось, что это два разных человека. Настолько разных, что, едва завидя друг друга, сразу полезли в драку. В общем, поубивали друг друга.

25

Даниил Хармс был детским писателем. Поэтому ходил в коротких штанишках и сосал соску (а не трубку, как некоторые неправильно думают). А жена его была в несколько раз старше его. Но он всё равно её любил. Он вообще всех женщин любил. А детей не любил.

26

Даниилу Хармсу хотели дать нобеля, но испугались, что он его пропьёт. Ходили слухи, что он пьёт по-чёрному. Но на самом деле по-чёрному пила его жена, а он пил по-белому. Вот из за такой мелочи Даниилу Хармсу не дали нобеля. Зато в тот же день дали по шнобелю в подворотне его же дома, приняв его за другого писателя, который того заслуживал.

27

У Даниила Хармса была собака. Он её любил. Ну, как любил? Скорее, не любил. Да и собака была не его, а жены. Да и не собака, а кошка. Да и не была, а не была. В общем, убил он её. Он вообще любил убивать, особенно старушек, особенно детей. А и правда — зачем они?

27 апреля 2026

МЫСЛИ ПО ПОВОДУ СТИХОВ

99 мыслей

*

Стихи надо писать так, как будто ты не умеешь писать стихи.

*

Стихи нужно писать в традиции. Плыть по течению. Некоторые хотят быть оригинальными и пытаются плыть против течения. Это неправильно. Традиция сама несёт тебя в своём потоке. Другое дело, что традиций много и ты можешь выбирать какое угодно течение.

*

В стихосложении важно понять, что никаких правил нет.

*

Чтобы понять, что никаких правил нет, нужно следовать правилам. Тот, кто сразу пытается писать без правил, ошибается, потому что это самое жёсткое правило.

*

Стихи побочный продукт поэзии (но так можно сказать только по-русски).

*

Поиск самого точного слова может завести совсем не туда. Стихи всегда неточны.

*

Пытаясь выразить невыразимое, пишешь всякую чушь. И это правильно.

*

В стихах встречаются случайные слова. Обычно они самыми точными и оказываются.

*

Следуя правилам, не забывай их нарушать.

*

Не пытайся писать о чём-то новом, необычном и небывалом. Писать нужно о том, о чём написаны десять тысяч стихов. Только так можно сказать своё слово, а не чужое.

*

Учись у китайцев: они не создавали, а передавали.

*

Пушкин прав: поэзия должна быть глуповата

*

Микушевич прав: поэзию и математику роднит точность формулировок.

*

Моя кошка права: перебирай рифмами как лапками, ходи в строках туда-сюда в размере и ритме, задерживайся в паузах и покое, они важнее, принимай в стихах приятные позы, какими бы чудными они ни казались, иногда прыгай.

*

В стихах избегай личных местоимений. Во-первых, это неприлично, во-вторых, неточно, в-третьих, напыщенно, в-четвёртых, глупо.

*

Если хочешь о чём-то написать, пиши о чём-то другом.

*

Написав стихотворение, не забывай ставить дату: день, месяц и год, желательно также день недели, по возможности и время суток. Иногда это лучше самого стихотворения.

*

Не избегай плохих стихов, люби их. Иначе откуда же взяться хорошим стихам?

*

Хорошие стихи — дети, плохие — их родители.

*

Увидев ошибку, сразу не исправляй. Вдруг это не ошибка?

*

В работе над стихом самое главное — вовремя остановиться.

*

Начнёшь думать, как дышать, — задохнёшься. То же и со стихами.

*

Что делать, если, сочиняя стихи, видишь, что стих уводит тебя не туда, куда ты хотел? Доверяй стиху, а не себе.

*

В 60-е годы в комнате редакции журнала «Техника — молодёжи» в издательстве «Молодая гвардия» (тогда на Сущёвке) на стене висел лист бумаги с крупной надписью «Не рассказывай — покажи!». То же и в стихах.

*

В 60-е годы в комнате редакции журнала «Техника — молодёжи» в издательстве «Молодая гвардия» (тогда на Сущёвке) на стене висел лист бумаги с крупной надписью «Уходя — уходи!». То же и в стихах.

*

Избегай в стихах слишком сильных чувств и слишком умных мыслей, для этого есть другие средства.

*

Поэзия не средство.

*

Если можешь не писать стихи, всё равно пиши. Человек ведь может не дышать, просто он от этого умирает.

*

Пиши стихи так, как будто ты уже умер.

*

Пиши стихи так, как будто впереди вечность.

*

Стихи — это воспоминания, потому что мгновение неостановимо.

*

Если не хватает слов, придумывай новые. Но не увлекайся.

*

Если не хватает слов, бери первые попавшиеся. Но тщательно фильтруй.

*

Если не хватает слов, помолчи и говори о чём-нибудь другом.

*

Если не хватает слов, заканчивай.

*

Всегда заканчивай стихотворение раньше конца.

*

Записывай сны, всё равно не сможешь записать.

*

Не плачь в стихах.

*

Не бойся штампов, многие архитектурные шедевры сложены из стандартных кирпичей.

*

Забудь о рифме, сама придёт.

*

Не найдя рифмы, плюнь.

*

Мой старший друг, ещё до того, как он умер, когда-то давно говорил о моих стихах: это либо диагноз, либо этап. Так что не отчаивайся.

*

Владимир Малявин лет 40 назад советовал писать стихи после того, как оставишь позади сгоревший родной дом. Я всё жду.

*

Сор, из которого растут стихи, называется жизнь.

*

Один человек сказал: «Я ищу в стихах откровения, если откровения нет, то это не стихи». Хотя нет, он, наверное, имел в виду Откровение с большой буквы. Вот только поэтической инквизиции нам ещё не хватало.

*

«Плохих людей нужно сжигать или разрывать на мелкие кусочки». Да нет же, с людьми так нельзя. А со стихами можно.

*

Стихи рождаются, не спрашивая разрешения и оценки, хорошие они или плохие.

*

Стихи — это запись сна или сна наяву.

*

Некоторые стихи не рождаются, а конструируются. Но в обоих случаях этому предшествует некое таинственное зачатие.

*

Микушевич как-то сказал: «Если бы не было православия, я бы исповедовал ислам». Я вот тоже: если бы не было стихов, писал бы прозу.

*

Кэнко-хоси как-то сказал: «не высказывать того, что думаешь, — это всё равно, что ходить со вспученным животом». Я думаю, это и о стихах тоже.

*

Самое точное определение стиха, которое я встречал, дал Александр Воловик: «упорядоченный набор штук».

*

Поэт должен регулярно взмахивать вдохновенной кистью. По крайней мере, мух отгонит.

*

Тексты о стихах читать интереснее, чем сами стихи. Но убери стихи, и не будет этих текстов. Вообще никаких текстов не будет.

*

Последнее (уже довольно продолжительное) время мне всё чаще хочется писать текст «построчно»: по одному предложению на абзац.
Так речь приближается к стихотворной речи.
Вплоть до полного размытия границ.

*

Забытое искусство старых поэтов: Сказать новое, не сказав ничего нового.

*

Стихи и проза вглядываются друг в друга как в зеркало.

*

Со стороны формы в стихах нет ничего обязательного: рифма не обязательна, размер не обязателен, строфика не обязательна. Обязателен только ритм. Ритм может быть простым или сложным, но ритм должен быть.

*

Искусство стихосложения состоит из двух частей: уловить мгновение и не поддаться соблазну.

*

В сложении стихов очень важно не угодить за решётку профессионализма.

*

Метрофобия — боязнь поэзии. А ведь и правда — от стихов иногда в дрожь бросает.

*

Издать книгу стихов — всё равно что похоронить их в общей могиле. Вот они были ещё живые — и вот они уже напечатаны/припечатаны/запечатаны.

*

Я был в пути, но был как бы отдельно сам от себя. Мне кажется, эта строка 1987-го года с уточнением 2024-го года выражает самую суть творческого пути, а может быть, и пути самой жизни.

*

Все пишущие стихи делятся на два типа: выпендрёжники и невыпендрёжники. А я вот то так, то так, никак не могу примкнуть.

*

Стихи нужно писать так, чтобы их могли понять люди, жившие тысячу лет назад. Или даже две тысячи. Про три тысячи не уверен, но хорошо бы.

*

Писание стихов обратно движению времени.

*

Ненавижу рифму — саранчу стихоферм.

*

Современные рифмованные стихи всё больше и больше напоминают пародии.

*

Многие люди считают составление анаграмм несерьёзным развлечением. А между тем всё чаще и чаще роль навязшей в зубах рифмы выполняют как раз анаграммы.

*

Обычно думают, что народ любит и ценит только точные рифмы. Ну, что-то вроде морковь-любовь, муж объелся груш и т.п. Но народ любит и то, что точной или даже свободной рифмой не является, не помню, как это называется. Пример всем известен: склероз - эклер.

*

В наш век мгновенных сообщений увидел, услышал, подумал — фигак! — стихи.

*

В одно лит.тусовке услышал «Вот это настоящие стихи!». То есть не прошлые и не будущие.

*

Бывают стихи для своего времени. А бывают для вечности или для мгновения, что, впрочем, одно и то же.

*

Стихи — увековеченное мгновение.

*

Стихи — мгновенная вечность.

*

Стихи без рифмы всё равно, что люди без одежды. Но всё зависит от контекста, ведь в бане все голые.

*

Не понимаю, почему плохо «говорить стихами». Вон у Шекспира все говорят стихами, и ничего.

*

Я заметил, что говоря о стихах можно говорить о чём угодно. Ну, да: ведь стихи о чём угодно.

*

Говорят, что стихи не о чём, даже не что, а как. Это верно, конечно, но всё-таки стихи о чём-то, о чём-то, что словами невыразимо.

*

Стихи — ссылки в невыразимое.

*

Володя Герцик говорил, что для него в стихе главное не смысл, а звук. У меня есть стишок, посвящённый Володе, который начинается словами «Да, он был прав, даже когда не прав». Прав, потому что без музыки стиха нет стиха, и не прав, потому что стихи не музыка.

*

В стихе даже смысл должен звучать.

*

А ещё говорят: рисунок стиха. Китайцы вообще стихи читают как каллиграфию, т.е. не только (а подчас и не столько) звук, сколько рисунок иероглифов.

*

Рифма и размер — это ударные инструменты, но в музыке, и в музыке стиха, могут и часто бывают не только ударные, а иногда и вовсе без ударных.

*

Иногда стихи не о чём, не что и не как, а какого рожна.

*

Обрывай строку. Стих без оборванных строк скучен.

*

Стихотворение должно быть одновременно и законченным и незаконченным.

*

Эренбург вспоминал, как парижский типограф Рираховский говорил, что «даже плохие стихи выглядят лучше на бумаге верже». А я это запомнил в чьём-то пересказе как «даже плохие стихи, напечатанные на бумаге верже, кажутся классикой». И что делать, когда всё в компьютере и на экране гаджетов?

*

Когда я слышу, что стихи «приходят» откуда-то свыше, я, как Геббельс, «хватаюсь за пистолет». Но, во-первых, это не Геббельс сказал, а поэт, драматург и национал-социалист Ганс Йост устами героя своей пьесы «Шлагетер»: «Когда я слышу слово „культура“… я взвожу курок моего браунинга!». А, во-вторых… ну, сколько можно!

*

Стихи, конечно, «приходят», но не снаружи, не сверху, а скорее изнутри, из глубины. Ведь человеческий мозг мыслит не словами, а стихи — это слова.

*

Орган, которым человек слушает голос, нашёптывающий ему стихи, это не ухо. Следуя китайской традиции, я назову его не сознанием, не разумом, не душой, а человеком. Человеком целиком — до кончиков пальцев на ногах. Не было бы этих кончиков пальцев, мировая поэзия ничего бы не знала об утренней росе на траве, о тропинках в лесу, о дорожках в саду, о твёрдости камня, о мягкости глины, о песке, о воде. Не говоря уже о ботинках, сапогах, тапочках и хрустальных туфельках.

*

Кончики пальцев предпочтительнее для улавливания стихов: они, ничего не зная о правилах стихосложения, под эти правила не подстраиваются.

*

Не только управление большим царством напоминает приготовление блюда из мелких рыбёшек. Со стихами то же самое.

*

Стихи подобны птичкам, слетающим с веток бытия к кормушке подходящего настроения.

*

Поэтому на русском языке и говорят, что стихи — это текст, разбитый на строчки. Иногда добавляя, что при таком разбиении должна возникать поэзия.

*

А в китайском языке стихи это один иероглиф 诗 (ши), который состоит из двух графем: речь — 讠 и храм — 寺, т.е. «храм речи», в отличие от прозы 散文 (сань вэнь) — «разбросанные/рассыпанные/разрозненные письменные знаки».

*

Русский язык велик и могуч, на нём можно писать стихи даже не по-русски.

*

Стихи бывают трёх видов:
вязкие, тяжёлые, похожие на сироп;
лёгкие, текучие, похожие на чай;
никакие.

*

Поэзия — это эмоциональный всплеск, обычно происходящий с теми, кто находится в эмоциональном состоянии страдания, которое обычно характеризуется упрямством, плачем, криком, неповиновением, гневными ругательствами, сопротивлением попыткам усмирения. Контроль человека над своими словами, мыслями и чувствами может быть потерян, человек может быть не в состоянии оставаться в покое, и даже если «цель» человека достигнута, его это может не остановить. Нередко поэзия может сопровождаться затяжной гневной речью. Также поэтическое состояние обостряет принятие никотина, алкоголя, и других психоактивных веществ, вероятно, из-за повышенной чувствительности нервной системы.

Вы скажете, что поэзия бывает и другой: тихой, проникновенной, мягкой. Конечно, бывает. Но согласитесь, что та характеристика, которая дана выше, относится ко многим стихам многих поэтов XX века, да и современных тоже, хотя у последних как бы уже на выдохе.

А между тем характеристика, которая дана выше, почти дословно приведена в Википедии, я заменил в ней только одно слово: написал «поэзия» вместо «истерика».

20251222 — 20260503

КОШКА ПОЙМАЛА МЫШКУ

5 миниатюр

1. А так ли это на самом деле?

Наша кошка поймала мышку и принесла её в дом. Мы всё больше и больше узнаём, как устроена Вселенная: с каждым годом, с каждым веком и с каждым тысячелетием. Но это ни на йоту не приближает нас к ответу на вопрос: почему Вселенная вообще как-то устроена? Почему она устроена так, а не как-нибудь иначе? Ведь если Вселенная — это всё, что существует, то где находится то, что не существует? Более того: если мы можем что-то представить, что-то вообразить, то это уже как бы существует. Почему же оно существует как бы, а не на самом деле? Ведь если из всего мыслимого и немыслимого существует только малая часть, внутри которой мы живём, то это какое-то сиротство, и Вселенная ущербна. А тогда какая же она Вселенная? Но, может быть, на самом деле существует всё: и мыслимое, и немыслимое, — просто мы всего не видим в силу ограниченности нашего ума и краткосрочности нашей жизни. Но если всё существует в некоем первозданном хаосе (поскольку никакой структуры быть не может, ведь тогда возник бы вопрос: почему структура такая, а не какая-нибудь другая; или существуют все мыслимые и немыслимые структуры, перемешанные хаотически), то это эквивалентно тому, что ничего не существует, поскольку исчезает разница между существованием и несуществованием. А есть ли эта разница? Или она всего лишь особенность нашего зрения? Вот я вижу кошку, которая принесла в дом мышку. А так ли это на самом деле?

2. Чёрная гора

Чёрная дыра — это то, куда всё проваливается, а оттуда обратно ничего не вываливается. Похоже на смерть. Но ведь никто не говорит, что то, что уходит в чёрную дыру, исчезает. Что же происходит с тем, что уходит в смерть? Наша кошка поймала мышку и притащила её в дом. Мышка умерла. Где же мышка? Для чего нужны чёрные дыры? Для чего нужна смерть? Говорят, что это для того, чтобы ничто не существовало вечно в неизменном виде, чтобы всё менялось, совершало фазовый переход и преображалось, как преобразуется гусеница в бабочку. А во что преображается бабочка? Мы видим её на этом отрезке времени, а потом не видим. Но, может быть, это потому, что мы сами пока что на этом отрезке времени. И неизвестно, что мы увидим, когда умрём. Тао Юань-мин говорил, что для объяснения смерти не нужны особые слова: просто отдаёшь тело, чтобы смешалось оно с горой. Каково это — быть частью горы? Каково это — быть горой? Мы же не знаем, что чувствует гора, о чём она думает. С чего мы вообще взяли, что чувствуем и думаем только мы? А вдруг всё наоборот, и это мы самые бесчувственные и бездумные существа. В сравнении. С мышкой, с бабочкой, с горой.

3. Солнечный зайчик

Буддисты говорят, что «я» — это иллюзия. На самом деле никакого «я» нет, а есть колебание и разные фигуры чего-то там, которое, впрочем, тоже не особо есть. Но эта иллюзия существует и взаимодействует со всем миром. Правда, буддисты говорят, что и мира-то как такового нет, а есть иллюзия, колебание и разные фигуры чего-то там. Теперь и физики говорят то же самое: ничего на самом деле нет, а есть только музыка — колебание каких-то струн или ещё чего-то там. Так что всё есть голограмма, компьютерное вычисление и матрица. Вроде солнечного зайчика, который на самом деле никакой не зайчик, и вообще его нет, а есть перемещающийся луч света. Точнее, это его след перемещается, и он может перемещаться с какой угодно скоростью, во сколько угодно раз быстрее света. Но из-за этого не может нести не только ничего материального, но даже нематериальную информацию. Которая, между прочим, основа жизни и сознания. С другой стороны, «я», сознание, мысль тоже может перемещаться с какой угодно скоростью, во сколько угодно раз быстрее света. Более того: может перемещаться и во времени, проникая в далёкое прошлое и заглядывая в далёкое будущее. Так что «я» — это солнечный зайчик. Существующая иллюзия, взаимодействующая со всем иллюзорным миром. Говорят «иллюзия», когда что-то привиделось, показалось, а на самом деле этого нет. Но тогда должен быть тот, кому это привиделось и показалось. Так возникает Бог. Только для нас он то же самое, что ничто. Несуществующее, которому мерещится существующее (хоть и не на самом деле). Например, наша кошка, которая поймала мышку и принесла её в дом.

4. Отключили электричество

У нас на даче отключили электричество. Нет интернета, социальных сетей, google-поиска и электронных словарей. И получается: информационное поле-то я сбрею, а мысли-то, мысли куда девать? И вот эти несколько часов информационного вакуума я пишу ручкой на бумаге. Пишу уже четвёртую страницу, как будто с исчезновением давления этого поля строки, более ничем не сдерживаемые, выплёскиваются наружу сами собой. Вы скажете: можно же почитать книги (конечно, бумажные). Но чтение бумажных книг не то же самое, что плаванье в интернете. Оно требует усилий, усидчивости, и ты сам выбираешь, что читать. Никто тебе не подсовывает то, чего не просишь: изображение, текст, рекламу. Книга стабильна, это как берег, на который ты наконец-то выбрался после кораблекрушения. Поэтому для чтения книг есть своё время и место. Я читаю в постели перед сном (ну, или в транспорте, но сейчас я на даче и никуда не еду). Так что среди бела дня я не читаю книг, а пишу ручкой по бумаге. Других мыслей у меня на четвёртой странице нет, а есть освобождённое зрение, которое замечает, что наша кошка поймала мышку и принесла её в дом к моим ногам.

5. Каллиграфия

Каллиграфия — это душа живописи после её смерти. И вот сейчас вместо того, чтобы рисовать нашу кошку, которая поймала мышку и принесла её в дом, я пишу об этом тушью китайскими иероглифами на бумаге. Почему китайскими? Потому что наши буквы — это только буквы, забывшие родство с наскальными рисунками. А китайский иероглиф — это картинка, такая же как на гадательных панцирях черепах и костях животных, только стилизованная, абстрагированная. Картинка абстрактная, как и полагается быть душе живописи. Вы можете сказать: но ведь мы не китайцы, да и ты не китаец, и не можем прочитать иероглифы. Мой друг, увы, покойный, художник Витя Николаев практиковал абстрактную каллиграфию, потому что ему лень было изучать и копировать китайские иероглифы, да и не видел он в этом необходимости. И я не видел, калякая на бумаге что-то, что можно было принять за иероглифы, но что таковым не было. Пока мой китайский друг Гу Юй не сказал: а что бы тебе не попробовать писать настоящие китайские иероглифы. И я попробовал, и мне понравилось. Это, правда, требует дополнительных усилий и вообще довольно занудливо: нужно найти в интернете эти иероглифы, как они пишутся в разных стилях, и выбрать образцы. А потом срисовывать их, постепенно набираясь смелости, чтобы они выглядели, как мне хочется, а не как положено по китайским правилам. Правда, китайских правил много разных, и великие каллиграфы потому и великие, что набирались смелости отходить от общепринятого и создавать свои правила. Это они делали от большого профессионализма, а я, наоборот, от безнадёжного дилетантства. Так вот: в писании настоящих китайских иероглифов, пусть даже искажённых, есть своя прелесть. Хотя я не могу, но ведь кто-то может прочесть этот текст. И мы с ним беседуем уже не только на уровне линий и точек, но и на уровне смыслов. А для тех, кто, как я, не знает

китайского языка, я пишу вместо названия каллиграфической картины перевод на русский того китайского текста, что на картине. И мы тоже можем побеседовать.

20260818

猫抓住了老鼠。老鼠死了。老鼠没了。
Кошка поймала мышку. Мышка умерла. Нет больше мышки.
снт. 20260818. 345x245 мм

КТО-ТО ИЗ ДРЕВНИХ

8 высказываний кого-то из древних

1.

С чего мы взяли, что ВОДА ТЕЧЁТ, — сказал кто-то из Древних, стоя на берегу реки. — Может быть, вода стоит, а ТЕЧЁТ НАШЕ ОТРАЖЕНИЕ в ней.

2.

Проходите, проходите! — произнёс кто-то из Древних, когда к нему пришли гости. — ПРОХОДИТЕ МИМО!

3.

КОГДА Я УМРУ, — говорил кто-то из Древних своим ученикам, — запишите в эту тетрадь ВСЯКИЕ ГЛУПОСТИ, первое, что придёт вам в голову, и издайте как собрание моих сочинений.

4.

Откройте нам истину! — просили кого-то из Древних. — САМИ ЗАКРЫЛИ, САМИ И ОТКРЫВАЙТЕ, — отвечал тот сердито.

5.

НИ ХРЕНА СЕБЕ! — удивлялся кто-то из Древних, глядя на мир.

6.

Почему вы говорите «ПРИДЁТ ВРЕМЯ», — рассуждал кто-то из Древних. — А может оно приползёт, или прилетит, или приплывёт.

7.

ТЫ ВСЁ ЕЩЁ ЗДЕСЬ?! — восклицал кто-то из Древних, просыпаясь и глядя на МИР.

8.

НУ, ЧТО, ПОМОЛЧИМ? — говорил кто-то из Древних. А больше он ничего не говорил.

20260824

БЕРЁЗА РОСЛА, НИЧЕГО НЕ ЗНАЯ ОБ ОРМУЗСКОМ ПРОЛИВЕ

5 миниатюр

Глава 1. Был тёплый день

Сегодня был тёплый день. Так нельзя начинать повествование, поэтому я так и начинаю.

Кроме того, это правда.

Сегодня я не знаю ничего более экзистенциального, чем эта фраза: Сегодня был тёплый день. Это требует разжёвывания в восьми абзацах. Абзац 1.1 про слово «Сегодня». Абзац 1.2 про слово «был». Абзац 2.1 про синтез слов «Сегодня» и «был». Абзац 1.3 про слово «тёплый». Абзац 1.4 про слово «день». Абзац 2.2 про синтез слов «тёплый» и «день». Абзац 3.1 про синтез абзацев 2.1 и 2.2. Потом к этому треугольнику добавляем ещё один абзац, деконструирующий всю конструкцию и завершающий круг, описывающий её. Всё должно замыкаться в круг.

Но если мы замыкаем круг, мы должны добавить девятый абзац, синтезирующий, или, точнее, тавтологизирующий, а, может быть, и аннигилирующий крайние слова: «Сегодня» и «день».

Вот как-то так.

Берёза росла и, поскольку была осень, и был ветер, сбрасывала жёлтые листья на зелёную лужайку.

Хотел написать: странно, что нет гадания по опавшим листьям. Но сначала на всякий случай проверил. Оказывается, есть. Процедура простая: собрать девять листьев по три листа каждого цвета: жёлтого, красного и зелёного. Тогда в предыдущем абзаце нужно поменять «сбрасывала жёлтые листья» на «сбрасывала разноцветные листья». Девять листьев кладут в мешок, перемешивают, а потом вынимают три листа и смотрят, какого они цвета.

Как нетрудно догадаться, это сочетание с повторениями из 3 по 3, оно вычисляется по формуле (3+3-1)!/(3!(3-1)! = 10 вариантов. Это если вам не важен порядок, в каком листья вынимаются из мешка. А если важен, то это

3^3 = 27 вариантов, каждый из которых есть трёхзначное число в троичной системе счисления.

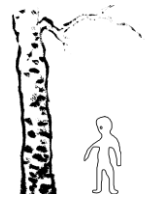
И за каждым вариантом закреплён какой-то смысл. Какой смысл? А какая разница? Можно ведь заранее выбрать любые понравившиеся вам смыслы общим числом 10 или 27, и закрепить их за вариантами.

Есть и другие способы гадания по опавшим листьям, но это вы сами погуглите.

Я же хотел сказать только, что сегодня был тёплый день, и берёза сбрасывала жёлтые (хотя попадались и красные, и зелёные) листья на зелёную (пока ещё) лужайку.

Спокойной ночи.

10 сентября (хотя формально уже 11 сентября 0 часов 33 минуты) 2026 года



Глава 2. Комбинаторные числа

Комбинаторные числа из главы 1 - 8, 9, 10 и 27 — не имеют никакого смысла. Или (что то же самое) им можно приписать какие угодно смыслы. Такова природа чисел. (Математика вообще очищена от смыслов, тем она и очаровывает, тем она и отвращает, тем она и полезна.)

Такова же природа ночного дождя. Вот он шумит монотонно, как проходящая электричка, которая проходит, проходит, проходит и никак не пройдёт. Такая же длинная как ночной дождь. Электричка движется по кругу, поэтому и не может пройти. А ночной дождь всё-таки к утру проходит. Но пока он не прошёл, он кажется бесконечным, двигающимся по кругу, полным глубокого и таинственного бессмысленного смысла.

Очищение от смыслов является непременным предварительным условием стихосложения. Слова отдельно, смыслы отдельно. Тогда их можно комбинировать друг с другом, выбирая рёбра двудольного графа, в котором одно множество вершин — это слова, а другое — смыслы. У слова может быть несколько смыслов, у смысла может быть несколько слов.

Когда стихотворение написано, у его слов появляются новые смыслы, и иногда у смыслов появляются новые слова. Ради чего, собственно, стихи и пишутся.

Кроме того, в стихе слова соединяются друг с другом и, тем самым, смыслы соединяются друг с другом. И это уже не двудольный граф, а, фактически, любой граф вплоть до полного графа, в котором всё связано со всем.

А что такое смысл? Когда мы говорим, что смысл этого вот в том-то? По сути, мы просто отсылаем от одного слова (это) к другому слову (то-то) или словам. То есть смысл — это соединение слов. А тогда удобнее рассматривать граф, вершинами которого будут слова, а рёбрами — соединяющие их смыслы. Точнее, ориентированными рёбрами, т.е. дугами.

В этом графе будут и петли — это когда слово имеет несколько смыслов, выражаемых тем же самым словом. Такое слово кружится по своим орбитам-рёбрам-петлям, как проходящая / не проходящая электричка, как ночной дождь.

В этом графе будут и кратные рёбра, направленные в одну сторону, — это когда одно слово выражается другим словом в нескольких смыслах. Как дождь выражается проходящей / не проходящей электричкой, или наоборот. Или кратные разнонаправленные рёбра, как дождь выражается проходящей / не проходящей электричкой, а проходящая / не проходящая электричка выражается ночным дождём.

Важно, чтобы дождь был ночным. Тогда он шумит даже угрожающе. Ночь рождает страхи, дождь их озвучивает. Ночной страх — это отзвук того ужаса небытия, о котором писал философ Арсений Чанышев. В некотором роде ужас небытия то же самое, что очищение от смыслов. В небытии всё время идёт ночной дождь, которого нет, потому что ничего нет.

Ночь — это слово, дождь — это слово, страх — это соединяющее их ребро графа. Но ведь и страх — тоже слово. Никуда не деться от слов. А деться нужно, если мы хотим увидеть смыслы, даже если только для того, чтобы от них очиститься.

Как говорил Чжуан Чжоу, «где бы мне найти человека, забывшего слова, чтобы с ним поговорить». Ищи такого человека в себе. Нейронная сеть нашего мозга мыслит ведь не словами, а смыслами. Это особенно понятно, когда просыпаешься среди ночи от шума ночного дождя: снился сон, в котором всё было ясно и понятно, хотя и тревожно, но любая попытка выразить его словами обречена на неудачу. Слова осыпаются с конструкции смыслов, как обветшавшая нестойкая краска под ночным дождём.

И всё-таки связь смыслов со словами настолько прочная, что разрушаясь, тут же восстанавливается, хотя, быть может, и в другой конфигурации. Наша нейронная сеть, может быть, и мыслит смыслами, а не словами, но наше «я» понимает только слова. И чтобы понять, что себе намыслила наша нейронка, она под дороге к «я» налепляет на помысленное много слов.

Где-то между ночным дождём и ночной электричкой сидят Чжуан Чжоу с Арсением Чанышевым и беседуют за чашкой чая. Ночь-чай почти рифма, то есть короткое замыкание слов и смыслов.

11 сентября 2026 года, 12 часов 22 минуты.

Глава 3. Воровать — не воровать?

Я долго думал: воровать — не воровать? Общепринято, что воровать плохо. Опять же восьмая заповедь. А с другой стороны, разве не этим мы всё время занимаемся? Разве не этим занимались великие? Разве не в этом сам смысл культуры, просвещения, что лучше всего выражает китайское слово *вэнь* 文.

Цитирую «Синологию.ру»: «Этимологическое значение иероглифа *вэнь* — татуировка, узор, орнамент… Исходным материальным прообразом культуры в Китае стала ткань, о чем свидетельствует архаическое значение иероглифа *вэнь* — «тканый предмет, тканое узорочье» («Шу цзин», гл. 6). Детально проанализировавший эту тему А.М. Карапетьянц даже пересмотрел традиционную этимологию *вэнь*, предположив его происхождение от изображения переплетающихся нитей, родственность с иероглифом *яо* 爻, обозначающим отдельную черту символа гуа (три-, гексаграммы) «Чжоу и» и дописьменное значение — «тканный орнамент»».

Кстати, и русское слово «текст» (по-китайски тоже вэнь 文) происходит от латинского «textus» — «сплетение», «ткань».

Переплетающиеся нити культуры — это нити заимствований, аллюзий, реминисценций и т.п. Само употребление слов — уже заимствование, ведь не сам же ты придумал это слово. Кроме, конечно, неологизмов, да и то: хороший неологизм — это заимствованное, но искажённое слово. Тем более, когда речь идёт об идеях, сюжетах, темах и др.

Кроме того, воровство воровству рознь. Воровать чужие вещи нехорошо, думаю, что восьмая заповедь об этом (как, кстати, и седьмая, да и шестая тоже, хотя тут не совсем «вещи»). Но, употребляя слово научного канцеляризма, «информация» — это совсем другое. Вещь перемещается с одного места в другое место, от одного владельца к другому владельцу. А информация копируется, она появляется тут и сохраняется там.

Поэтому авторское право, издательское право и т.п. тормозят развитие культуры. Это изобретение нового времени — продукт всё возрастающей жадности людской, желающей всё монетизировать. Этого изобретения нового времени не знали благословенные прошлые времена.

Воровство нематериального подобно воровству солнечного света, проливающегося сейчас на землю и освещающего всё подряд: и забор, и берёзу за забором, и траву у забора, и мой дом с этой стороны забора, и дом соседа по ту сторону забора, и жмурящуюся кошку, и меня, и тебя, без различия и дискриминации. Кстати, то же самое делают и ночной дождь и

звук проходящей / не проходящей электрички, о которых шла речь в главе 2. Но на эти природные явления банкиры и министры не наложили свои законы и правила. Пока.

Итак, сворую-ка я персонаж, придуманный Брониславом Виногродским и (по некоторым источникам) означающий самого Бронислава Виногродского. Зовут его Вэй Дэ-хань 魏德汉, что можно перевести как «Обладающий силой и благодатью китайской традиции» или в вольном переводе — «Сила из Китая». Обычно он говорит всякую чушь, исполненную глубокого, но тщательно запрятанного смысла.

Но, поскольку воровство должно быть творческим, у моего персонажа будет другое имя — И Бу-дао 易不道, что можно перевести как «Искусство Перемен (易) не заговаривает само / не разглашается впустую» или «Перемены не следуют одному пути» или «И Цзин невозможно выразить словами». А ещё это может быть опечаткой вместо популярного северного диалектизма чжи-бу-дао 知不道, означающего «Не знаю» (синоним стандартного бу-чжи-дао 不知道).

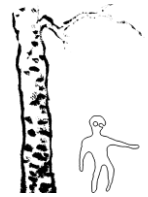
Итак, жил-был один глупый И Бу-дао, который любил говорить:

НИКОГДА НЕ ПОДНИМАЙ ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ!

и непременно добавлял:

ОСТАВЬТЕ МЕНЯ В ПОКОЕ!

11 сентября 2026 года, 14 часов 48 минут.



Глава 4. Глиняный мужик

Сидит глиняный мужик с бородой, в рубашке цвета морозного неба и штанах цвета лесного волка. Одну руку он опустил на большую и плоскую круглую шляпу от солнца, в другой держит сложенный веер. Мужик внимательно смотрит на две узкие маленькие фарфоровые вазы. На одной нарисованы нераспустившиеся лотосы, на другой распустившийся пион. Пион небесно-синий, стебли и листья лотосов тоже небесно-синие, а на кончиках бутонов штрихи киновари. Из вазочек торчат астры цвета от лавандового розового до очень бледно-пурпурного и белые флоксы. Засыхающие.

Справа от вазочек лежат, одна на другой, две коробочки с прозрачным верхом, скорее всего, пластмассовым. В них хранится сухая чёрная тушь. Дальше кривоватая глиняная ваза цвета горного луга с вырезанным растительным орнаментом, из которой торчат большие кисти. Маленькие кисти торчат из простой стеклянной банки, стоящей рядом.

За вазочкой с нарисованным лотосом и торчащими астрами спрятался мужичок из тяжёлого дерева, поменьше, постарше, сгорбленный, с большой бородой и большим посохом в руке. Он смотрит в себя.

Рядом с глиняным мужиком стеклянная чернильница нефритового цвета с рельефной надписью «Gesetzlich geschützt», что означает «защищено законом». Чернильница заткнута пробкой, на чернильнице есть полочка, на которую следует класть ручку. Но на полочке лежит не ручка, а чёрный колпачок от китайской кисти. Другой колпачок, тоже чёрный, но с золотым ободком, лежит рядом.

Левее чернильницы картонная коробка, в которой находится круглая каменная тушечница, а крышка тушечницы почему-то лежит сверху на коробке. На крышке маленький мешочек с завязками, в котором спряталась печать с надписью в стиле чжуань, означающая «обычное сердце». В этом мешочке есть что-то шаманское, а что, не скажу.

Глиняный и деревянный мужики, вазочки, коробочки с тушью, стеклянная чернильница и колпачки от кистей лежат и стоят не на столе, а на большом деревянном плоском ящике, покрытом винно-красным лаком, на котором вырезаны жёлтые иероглифы и извивающиеся линии облаков. В ящике кисти с резными ручками, ещё одна каменная тушечница в форме горного озера, подставки для кистей, две маленькие фарфоровые и одна большая каменная, киноварь в фарфоровой круглой баночке, благовонные тонюсенькие палочки в футляре, напоминающем футляр для ртутного градусника, и подставки с дырочками для втыкания этих палочек.

Картонная коробка с круглой каменной тушечницей, крышка от неё и мешочек с печатью тоже лежат не на столе, а на жёлтой коробке, обтянутой парчой с облачным рисунком. В этой коробке ручки для писания кистью и горсть чернильных капсул для этих ручек.

Деревянный ящик, картонная коробка, ваза цвета горного луга с большими кистями и стеклянная банка с маленькими кистями лежат/стоят уже на столе. Стол круглый и накрыт вязаной скатертью цвета бедра испуганной нимфы, скатерть покрыта овальными дырочками, цветами и листьями. Сквозь дырочки проглядывает деревянная поверхность стола цвета светлой терракоты.

На остальной части стола есть много чего ещё, но перечислять это, что воду в ступе толочь. Как говорил персонаж И Бу-дао, выпивший вина и ставший от этого цвета «*пощекочи меня*»,

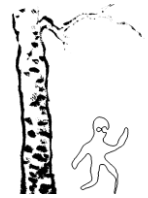
НЕТ НИЧЕГО СПОКОЙНЕЕ СТОЯЧЕЙ ВОДЫ.

НЕ БАЛАМУТЬ!

и непременно добавлял:

ОСТАВЬТЕ МЕНЯ В ПОКОЕ!

12 сентября 2026 года, 11 часов 31 минута.



Глава 5. Букет розовых астр

Соседи принесли нам огромный букет розовых астр. Слово «астра» означает «звезда». А на самом деле, это не астры: то, что мы называем астрами, это каллистефус китайский (кто бы сомневался, что китайский). А каллистефус — это прекрасная корона.

Но я всё равно буду говорить «астры», потому что мне нравятся звёзды.

Наличие звёзд на небе воспринимается как вызов. Солнце понятно, оно нас греет и светит днём, Луна тоже понятно, она рядышком, освещает ночные тропинки и вдохновляет поэтов.

А звёзды зачем?

Об этом уже столь много сказано, что так и остаётся непонятным. Лично мне именно сейчас именно здесь больше всего нравится такое определение:

Звёзды — это цветы космических деревьев.

Будем считать, что эти цветы — астры. Этим и замкнём круг, круги должны быть замкнуты.

Но больше я не буду об этом говорить. А скажу я вот что. Точнее, спрошу:

Как найти слово?

В бесконечном океане смыслов, волнующемся у нас в голове, время от времени всплывает какой-нибудь смысл. Как только мы его помыслим, а точнее, почувствуем, нам тут же нужно его назвать. Потому что пока он не назван, его вроде как и нет, а есть только смутное ощущение. Вообще-то это смутное ощущение и есть смысл, но смысл без имени — всё равно, что дух без тела: никто его не видит и не слышит. А нам нужно не только увидеть и услышать, но и пощупать. Ну, так уж мы устроены.

Назвать — это значит подобрать слово. Конечно, иногда смысл всплывает сразу вместе со словом, такой смысл мы даже не замечаем, а замечаем слово, как замечают человека как его тело, а что у него где-то там есть дух, душа и прочее, это как бы предполагается, но не ощупывается.

А иногда смысл всплывает, а слова-то и нет. Ищешь, ищешь и никак не можешь найти. И это не подходит, и то не точно. Оно и понятно: океан смыслов бесконечен, а словарь конечен.

Зато язык бесконечен. И если долго искать, рано или поздно можно найти: или слово, или фразу, или даже абзац, а то и страницу, а то и толстую книгу, или

собрание сочинений, что можно с более-менее уверенностью считать названием смысла.

Тут всё понятно, хотя и ничего не понятно. Но вот когда пишешь стихи, эти сгустки, то тебе нужно именно слово, а его всё нет и нет. Некоторые даже выдумывают новые слова, это, конечно, эффектно, но попахивает шарлатанством. Иногда так можно, а иногда нет: не всякий всплывший смысл желает надеть на себя ново-выдуманное слово.

Как же поэты выкручиваются?

А вот так: стихи — это не столько речь, сколько бормотание и заклинание. Строго говоря, тут слова вообще не важны, а важен тот смысл, который этим заклинанием-бормотанием воспроизводится.

А для этого слова очень даже важны, слова-то важны, а вот их словарные значения как-то мистически трансформируются, интерферируют и дифрагируют. Так ведёт себя свет, так ведь стихи и есть свет: то яркий солнечный, то ночной лунный, то от свечки, то от костра, то от прожектора, а то от светлячков.

И вот такое слово, чтобы вставить его в стих, уже можно найти. Если хорошенько поискать. Хотя лучше всего взять первое попавшееся слово. Ведь если ты бредёшь по дороге, а лучше сказать, по бездорожью смыслов и правильно выбираешь направление, то первое попавшееся тебе слово и будет тем самым искомым словом. Нужно только заметить его и понять, т.е. наполнить смутно ощущаемым смыслом и упорядоченно окружить другими словами. Как сказал Александр Воловик, стихотворение — это упорядоченный набор штук.

И вот сегодня ночью встретил я такое слово, точнее, два слова. И написал такое стихотворение:

ЛЕТЯЩАЯ ПТИЦА

Летящая птица,
блеснувшая речка.
Летящая птица,
еловые свечки.
Летящая птица,
дорога и мостик.
Летящая птица,
обочина, кости.
Летящая птица,
макОвки церквей.
Летящая птица,
подковы коней.
Летящая птица,
поваленный лес.
Летящая птица,
мышкующий лис.
Летящая птица,
поломана крыша.
Летящая птица,
бегущие мыши.
Летящая птица,
горшок на плетне.
Летящая птица,
пустоты в окне.
Летящая птица,
бегущий олень.
Летящая птица,
упавшая тень.
Летящая птица,
разрушенный дом.
Летящая птица
с железным крылом.
Летящая птица.

ночь с 12 на 13 сентября 2026 года, примерно 5 часов 30 минут,
записано 13 сентября 2026 года 10 часов 58 минут

Как говорил персонаж И Бу-дао, кряхтя слезающий с кровати:

Я КОГДА СПЛЮ — ЛЕТАЮ.

А КОГДА НЕ СПЛЮ — ПОЛЗАЮ.

КТО Я?

и непременно добавлял:

ОСТАВЬТЕ МЕНЯ В ПОКОЕ!

13 сентября 2026 года, 11 часов 51 минута, поправлено в 11 часов 57 минут.

РАЗНЫЕ СТАРИЧКИ, ИХ РАЗМЫШЛЕНИЯ И ТРУДЫ

21 миниатюра

Пролог

Под сводчатыми потолками в середине помещения стоит мольберт. На мольберте стоит рамка, в рамке картинка. Из глубоких ниш на картинку падает свет. Картинка меняется: прилетает быстро, задерживается не больше секунды и улетает быстро. За первой картинкой прилетает вторая, за второй третья, и так до бесконечности. Нужно успеть рассмотреть картинку и запомнить, потому что нет времени записывать. Запомнить удаётся немного. Вот несколько таких запомнившихся картинок.

ГЛАВА 1. Старичок Ясен День

Подул осенний ветер. С берёзы стали падать пожелтевшие листья. Старичок Ясен День сидел на краешке падающего листа и размышлял о вечности. Свои размышления он записал в научном трактате, который назвал незатейливо: «О ВЕЧНОСТЬ, КАК ЖЕ ТЫ ДЛИННА!».

ГЛАВА 2. Старичок Шобятак Жил

Старичок Шобятак Жил не сидел на месте, а всё время перепрыгивал с облака на облако. Оно и понятно: облака таяли одно за другим, а старичок Шобятак Жил не таял. А в солнечный безоблачный день сидел старичок Шобятак Жил на верхушке фонарного столба и надиктовывал в диктофон роман в стихах с названием «УСТОЙЧИВОСТЬ И НЕИЗМЕННОСТЬ: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ».

ГЛАВА 3. Старичок Погнутый Гвоздь

Когда закончилось строительство, старичок Погнутый Гвоздь решил отправиться в путешествие. Он намеревался посетить далёкие страны, чтобы увидеть тамошних обитателей: и прыгающих на одной ноге, и с ртом на животе, и с крылышками на голове, а также обоюдоострых. Планировал подняться в Высокие Горы, где сидит Большая Рыба, которая всё время спит, а когда выдыхает воздух, делает — «*чпок*». Поплавать в Восточных Морях, где Другая Рыба плавает только вертикально, а когда глотает воду, делает — «*копч*». Старичок Погнутый Гвоздь исписал уже целую тетрадь описанием своих путешествий под названием «КАТАЛОГ ВЫСОКОГО И НИЗКОГО, ДАЛЁКОГО И БЛИЗКОГО», но пока ещё только спустился с крыльца на одну ступеньку.

ГЛАВА 4. Старичок Ух Ты

Старичок Ух Ты был невидим. А ещё он был очень объёмный, но лёгкий. Даже под слабыми порывами ветра он перекатывался через заборы и дачные домики, и даже сосны и берёзы были ему по грудь. Те, кто видел его, дали ему прозвище Большой Покатун. А размышлял старичок Ух Ты неизвестно о чём, и КНИГУ написал, толстую, но неизвестно о чём, и даже как КНИГА называется, неизвестно.

ГЛАВА 5. Старичок Накося Выкуси

Старичок Накося Выкуси был японцем, но японское сакэ не любил, а любил русскую водку. И она его тоже любила. Ни на шаг друг от друга не отходили, да, собственно, вообще никуда от стола не отходили. Он размышлял, а точнее говоря, оба они размышляли, делясь мыслями о плавном течении мыслей и закруглённых поворотах и изящных изгибах. Старичок Накося Выкуси ничего не записывал, водка тоже. Но ученики собрали эти размышления, которые успели услышать и запомнить, в рукопись под названием «ЛЮБОВЬ И РАЗНЫЕ ДРУГИЕ ЧУВСТВА».

ГЛАВА 6. Старичок Две Трети

Старичок Две Трети был плоский, поэтому мог двигаться только по стенкам дома. Даже подняться на потолок или спуститься на пол ему было сложно из-за прямых углов. Правда, со стенки на стенку как-то умудрялся перетекать, хотя и там кое-где были прямые углы. Видимо, он знал какие-то тайные ходы. Обо всём этом старичок Две Трети размышлял долго и со вкусом. А ещё он размышлял о чёрных дырах в галактике Дурной Мудрец. Почему именно в этой галактике, а не в какой-нибудь другой, более подходящей, неизвестно. Может быть, ему название нравилось: Дурной Мудрец. Итогом этих размышлений стал учебник для младших студентов «ДА ПОШЛИ ВЫ», по которому до сих пор учатся младшие студенты некоммерческих университетов.

ГЛАВА 7. Старичок Парастаричок

Всех листьев на всех деревьях во всех лесах на всех континентах очень много. Столько же, сколько звёзд во Вселенной, видимых и невидимых. У каждого листка есть тонкая связь с какой-нибудь звездой. Когда листок по осени отрывается от ветки, опускается на землю и на земле умирает, или когда звезда взрывается или тихо гаснет, тонкая связь между ними, похожая на струну Вэнь-вана, лопается с характерным звуком — «*дзынь!*». Старичок Парастаричок собирает эти лопнувшие струны и плетёт из них паутину, размышляя о Великой Музыке. Зачем и почему неизвестно. Но когда дует южный ветер, паутина поёт тихую мелодию. Собрание нотных записей древними крючками этих мелодий отпечатано ксилографическим способом в трёх экземплярах под названием «ВЕЛИКОЕ МОЛЧАНИЕ». А старичок Парастаричок потому имеет такое редкое имя, что он как бы не совсем.

ГЛАВА 8. Старичок Среди Красных Ягод Шиповника

Старичок Среди Красных Ягод Шиповника жил среди красных ягод шиповника, размышлял о красных ягодах шиповника и сочинил монографию «КРАСНЫЕ ЯГОДЫ ШИПОВНИКА». А больше о нём ничего неизвестно, кроме того, что красные ягоды шиповника охраняют колючки на ветках шиповника, да и сам старичок Среди Красных Ягод Шиповника был очень даже колючим и кое-где красным.

ГЛАВА 9. Старичок Квадрат В Круге

Старичок Квадрат В Круге жил в старой китайской кисти. Он там и родился, там и умер. А размышлял, естественно, о каллиграфии: о разных её стилях и принципах. Но в основном он спал. И только когда старую китайскую кисть наполняли тушью, старичок Квадрат В Круге просыпался и излагал итоги своих размышлений и снов на рисовой бумаге. Потом стопку этой исписанной бумаги собрали в толстый альбом, скрепили шёлковой нитью, обули в твёрдый переплёт, обтянутый красным шёлком с жёлтым узором в виде драконов, летающих среди облаков, и на обложке выдавили название: «КВАДРАТ В КРУГЕ». А старичка Квадрат В Круге похоронили вместе с кистью.

ГЛАВА 10. Старичок Дохлая Мышь

Старичок Дохлая Мышь потому получил такое имя, что был похож на дохлую мышь. И размышления у него тоже были дохлые. Валялся себе под шкафом, куда его загнала кошка, и размышлял. Ну, какие могут быть размышления в пыльной щели под шкафом? Конечно, дохлые. На обрывках газет, занесённых под шкаф сквозняком, писал старичок Дохлая Мышь палимпсест с оригинальным названием «МОЯ ЖИЗНЬ». Сочинение это, как нетрудно догадаться, тоже было дохлое.

ГЛАВА 11. Старичок Автомобиль

Старичок Автомобиль был автомобилем, бывает и такое. Ему приходилось ездить по всяким дорогам, и в дождь, и в снег, пить бензин и закусывать маслом. Но в душе старичок Автомобиль автомобилем не был. А был он, вы не поверите, маленькой девочкой, бегущей вприпрыжку по летнему лугу, а то замирающей около какого-нибудь цветочка или жужжащего шмеля. И в душе души, то есть в душе этой девочки, она мечтала о том, что вырастет и станет красивой женщиной, на которую все будут смотреть и радоваться. Но выросла она в старичка, в старичка Автомобиля. Вот так в жизни бывает.

ГЛАВА 12. Старичок Пересечение Параллельных

Параллельные прямые пересекаются неизвестно в какой геометрии. Но это такая странная геометрия, что мы не будем о ней говорить. Поэтому старичок Пересечение Параллельных жил не совсем по закону. Он вообще не признавал никаких законов. За эту его эксцентричность его прозвали на итальянский манер «старичок Пепе». Он даже не обижался. Старичок Пересечение Параллельных всю жизнь размышлял, но итогом этих размышлений стала тоненькая брошюрка, изданная мизерным тиражом на дешёвой бумаге. Она называлась «О ТОМ, КУДА МЫ УНОСИМСЯ МЫСЛЯМИ И ЧУВСТВАМИ, И ПОЧЕМУ ТАК ТРУДНО НАЙТИ СВОЁ МЕСТО В ЖИЗНИ».

ГЛАВА 13. Старичок Пол Кирпича

Старичок Пол Кирпича сидел на придорожном камне и думу думал. А Южный Ветер, пролетая вдоль дороги, эти думы услышал, записал и издал под своим именем в виде венка сонетов под названием «ПЕРЕКРЁСТОК СУДЕБ И ДОРОГ». Люди спрашивали: «Пол, а Пол, тебе не обидно за этот плагиат?» «А бог с ним, — отвечал старичок Пол Кирпича, — это же поверхностные думы, они всё равно как пена выплеснулись бы из моей головы. Внутренние-то думы совсем другие. Но их никто и никогда не узнает. Вот так-то!»

ГЛАВА 14. Старичок Позови Меня

Вода в реке всегда течёт в одну сторону. Хотя я знаю речку, небольшую, в которой вода весной течёт в одну сторону, а осенью в другую. Но это исключение, подтверждающее правило. Старичок Позови Меня тоже был таким исключением. Они сидел на берегу реки и, как и положено, смотрел, как течёт вода, а мысли его текли то в одну сторону, то в другую. И когда эти мысли меняли направление движения, довольно резко, старичок Позови Меня всплёскивал руками и издавал ртом необычный звук — «*Ййоохх!*». Плоды этих старичковых размышлений были на воде писаны, той самой воде, что текла в той реке всегда в одну сторону. Вода текла в одну сторону, а мысли туда сюда, поэтому никто их не мог расшифровать.

ГЛАВА 15. Старичок Уймись Тоска

Старичок Уймись Тоска обладал неуёмной энергией. Бурлил как крутой кипяток. Пролетая на своём кабриолете мимо деревень и пашен, крутил руль с таким напором, что кабриолет аж покряхтывал. Из-за этого дома и пашни для старичка Уймись Тоска сливались в одну сплошную серо-зелёную полосу с белыми прожилками. «Как всё же красива родная сторона!» — думал старичок Уймись Тоска. А потом написал и издал за свой счёт мемуары под названием «РОДНАЯ СТОРОНА». Но в народе эта книжка ходила под другим названием: «ЭХ, ПРОКАЧУ!»

ГЛАВА 16. Старичок Высокий Подсолнух

У старичка Высокий Подсолнух мысли были семечками. Они созревали долго, а когда в начале осени созрели, их выклевали птицы. «Это хорошо», — думал старичок Высокий Подсолнух. Он имел в виду, что хорошо, когда твои мысли послужили кому-то пищей, а не сгнили в земле. Об этом написано во втором томе «ЭНЦИКЛОПЕДИИ ПОЛЕЗНЫХ СВЕДЕНИЙ».

ГЛАВА 17. Старичок Худой Галош

Немногие отдают себе отчёт в том, что единственным вещественным связующим Неба и Земли является дождь. А старичок Худой Галош отдавал отчёт. Обычно он ходил под зонтиком, боялся, что небо упадёт и ударит в голову. А во время дождя зонтик складывал, потому что верил: струи дождя крепко держат небо и не дадут ему упасть. В это время старичок Худой Галош начинал размышлять о том, что в триаде НЕБО, ЗЕМЛЯ… третий член вовсе не человек, а ДОЖДЬ. Человек же просто одна из десяти тысяч вещей, причём не самая. Итоги этих размышлений записаны в третьей главе гримуара «РАЗНООБРАЗНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ И ДРУГИЕ ЧУДЕСА».

ГЛАВА 18. Старичок Писающий Старик

Вообще-то он был скульптурой, этот старичок Писающий Старик. Установлен в запущенном скверике захудалого городишка депрессивной провинции. Вот там он и писал, и в конце концов написал диссертацию на тему «КАК ДАЛЕКО МОЖЕТ ЗАЙТИ ЧЕЛОВЕК В ПОИСКАХ ИСТИНЫ». На защите диссертации кто-то задал ему провокационный вопрос, на который старичок Писающий Старик мгновенно дал провокационный ответ, это зафиксировано в протоколе заседания диссертационного совета. Защита прошла успешно, хотя и не единогласно: четырнадцать белых шаров и один чёрный.

ГЛАВА 19. Старичок Ты Где

Где-то, где не ступала нога человека, жил-был старичок Ты Где. Он, кстати, тоже не ступал, а передвигался исключительно на кончиках пальцев. Издалека было смешно видеть, как этот старичок Ты Где с бородой отросшей до пояса, в рубахе до колен и босиком (кстати, похожий на Льва Толстого) семенит на кончиках пальцев, как какая-нибудь балерина. Только некому было наблюдать и смеяться, потому что не ступала нога человека. «Я хочу оставить это место девственно нетронутым», — говорил старичок Ты Где. Точнее, не говорил, поскольку слушать было некому, а думал так. И, в конце концов, надумал на сочинение в ста главах под названием «А ВОТ И НЕ СКАЖУ».

ГЛАВА 20. Старичок Ой Какой Жук

Жуки бывают разные: большие и маленькие, красные и зелёные, рогатые и божьи коровки. У них передние крылья склеротизированы и лишены жилкования (я не вру, можете посмотреть в энциклопедиях), так что они летают на задних крыльях. Вот так же и люди. Так размышлял старичок Ой Какой Жук. А что, собственно, так же, он не уточнял. Дети, которые его видели, непременно кричали: «Ой, какой жук!». Но детей старичок Ой Какой Жук к человекам не относил, он относил их к бабочкам и одуванчикам, так многие делают. Сборник эссеистических размышлений старичка Ой Какой Жук опубликован, но только в переводе на китайский под названием Танби Данчэ, что значит «БОГОМОЛ ВЗДУМАЛ ОСТАНОВИТЬ ТЕЛЕГУ». Но ведь нужно признать, что всё-таки жук, какой бы он ни был, большой или маленький, красный или зелёный, рогатый или божья коровка, всё равно вовсе не богомол. «А мне нравится», — говорил старичок Ой Какой Жук. Да, он был тот ещё жук.

ГЛАВА 21. Старичок Сливовая Косточка

У старичка Сливовая Косточка был старый друг, но помладше, по имени Вишнёвая Косточка. Он, кстати, тоже был старичок. И вот сидят как-то старичок Сливовая Косточка и старичок Вишнёвая Косточка на лавочке под яблоней и кушают яблоки. «Да», — говорит старичок Сливовая Косточка. «Да», — отвечает старичок Вишнёвая Косточка. Так они и беседовали часами, днями, месяцами и годами. Все яблоки съели. А когда пришла пора умирать, легли в землю и продолжали беседовать. Яблоня подслушала их беседы и опубликовала под названием «ДИАЛОГИ СЛИВОВОГО РОДА». Очень была начитанная яблоня, она знала, что вишня — подрод рода сливы, и, значит, старичок Вишнёвая Косточка приходился чем-то вроде племянника старичку Сливовая Косточка. Но люди на это не обращают внимания и с увлечением читают диалоги: Да — Да — Да — Да — Да — Да…

20260924

СОДЕРЖАНИЕ:

1967 5
УЛИЦА, НА КОТОРОЙ РАСТУТ КАШТАНЫ *рассказ* 5
СОН *рассказ* 9
1968 14
МУМИЯ *рассказ* 14
1971 22
РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В ТУМБОЧКЕ 27 АПРЕЛЯ 1994 ГОДА *неидентифицируемый жанр* 22
ТАБОЛОВСКИЕ МИКРОЭТЮДЫ *13 миниатюр* 29
1981 37
ТРОЕ В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ, или ПРАВДИВЕЙШЕЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО РЕКЕ ДУБНА *травелог non-fiction* 37
НЕ ГОНИТЕ ЧУЖУЮ КОШКУ *рассказ почти non-fiction* 46
ЗАБЫТАЯ СКАЗКА *современная сказка* 61
СКАЗКА ПРО ТОЛСТОГО И ДЛИННОГО ЧЕРВЯКА *короткая сказка* 71
БУДДА № 6 *незаконченная книга* или *6 микрорассказов с введением и послесловием* 74
МЫ СМОТРИМ... *микрорассказ* 87
ВАРЕЖКИ *(Из историй на БАКе) повесть* 90
1982 129
ТРАКТАТ О ПРИРОДЕ СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТИ *или* **... В ОБХОД ЛЕСА** *новелла о природе (и) сентиментальности* 129
МЫ ДВИГАЛИСЬ МАРШЕМ ПО ПОВЕРХНОСТИ ПЛАНЕТЫ *стихопроза* ... 140
МОЙ ДРУГ И УЧИТЕЛЬ — СТАРЫЙ ГРИБ *сентиментальный вздор* 142
МЕТАМОРФОЗЫ *стихопроза* 144
ЕДИНСТВЕННАЯ ПЕСНЯ *ритмизованная проза* 148
УПРЯМЫЙ ОСЁЛ *миниатюра-притча* 150
БЕЛЫЕ НОГИ — КРАСНЫЕ НОГИ *рассказ* 151
РЕЛИКТОВОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ *рассказ* 153
1983 164
ГРИБЫ ДОЛЖНЫ ПАХНУТЬ ГРИБАМИ *рассказ* 164
ДРЕВНИЕ ГРЕКИ ЗНАЛИ, ЧТО КОРНИ СУЩЕГО СВИСАЮТ В ХАОС *рассказ* 181
1984 190
КОНДРАТИЙ МИХАЙЛОВИЧ И ЕГО ЖИВОТ *микрорассказ* 190
О, ТРАНДАГОР ! *рассказ* 192
1986 201
МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ФАКТ *одно предложение с эпиграфом* 201

1987 202
ТАО ШИ *рассказ* 202
ВСТРЕЧИ В ПУТИ *16 миниатюр с картинками*....210
1988 227
Я ХОТЕЛ БЫ СЛУЖИТЬ НАЧАЛЬНИКОМ КАНЦЕЛЯРИИ *микрорассказ*....227
КАК СТАТЬ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ? *миниатюра*....229
БУЙВОЛЫ ПЕРЕМЕН *6 миниатюр*....230
1989 233
МОИ КИТАЙЦЫ *цикл тз 6 миниатюр* 233
ЛЮБИМЫЙ ПЕНЁК *5 миниатюр* 237
ВОПРОСЫ К НИКОМУ *диалог* 240
1994 244
МОЙ АРХИТЕКТОР *11 миниатюр с послесловием* 244
КУЛЁК *микрорассказ* 256
ИМПЕРСКИЙ ГОРОД *микрорассказ* 258
ИМПЕРИЯ КАК ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН *эссе* 260
MOMENTUM MORI или ВЕШНИЕ ВОДЫ *эссе в 3-х частях с эпилогом*....266
В ПОИСКАХ ДЛИННОГО ДНЯ *микроэссе* 274
ФИОЛЕТОВЫЕ ЦВЕТЫ *миниэссе* 274
КРУГ ЧЕЛОВЕКА *миниэссе*....276
ТОТ, КТО УМЕЛ ПРИДУМЫВАТЬ СЮЖЕТЫ, УМЕР *микроэссе*....280
1995 281
ДОРОГА И ПУТНИК *микрорассказ* 281
ДРУГАЯ ЛОЖЬ *микрорассказ* 284
ПЕСНЯ СБОРА БЕЛЫХ ГРИБОВ В ДЕРЕВНЕ ЛИПОВКА В АВГУСТЕ МЕСЯЦЕ НОНЕШНИМ ЛЕТОМ *песня сбора грибов* 286
КАКОГО ХРЕНА! рассказ 289
СТРАНИЦЫ ИЗ "КНИГИ АКВАРЕЛЕЙ" *15 микроэссе*....293
ОБЫДЕННЫЕ ВЕЩИ *эссе* 299
СОБЛАЗН ВЕРЫ *миниэссе* 312
У ВЕЛИКИХ КНИГ НЕТ ВВЕДЕНИЙ *миниэссе*....314
ЦВЕТОК ЕСТЬ АЛЛЕГОРИЯ СМЕРТИ *миниэссе*....317
ПИСАТЬ О ЛЮДЯХ... *миниэссе* 318
1997 320
РЕЗИНОВЫЕ ТРУБОЧКИ *поток*....320
ЖИЛИ-БЫЛИ ЛЮДИ *микропритча*....322
Я НЕ ЧЕЛОВЕК *4 миниатюры*....323
ЗАДУМЧИВЫЙ КИТАЕЦ *поэма о Конфуции* 327
ВАСИЛИЙ или БЕСЕДЫ О СМЕРТИ ЖУКА-ДРЕВОТОЧЦА С ЛЕВИТАТОРОМ *4 миниатюры*....329
СЛУЧАЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК *4 миниатюры*....332

БЕЗ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ *цикл: 5 миниатюр + 4 сна*.....335
РАЗНЫЕ ПОРОДЫ ДЕРЕВЬЕВ *микроэссе*.....339
ТОТЕМЫ *25 миниатюр с картинками*.....340
1999.....365
УБИТЬ ДРАКОНА *эссе о том, как не писать стихи*.....365
2000.....370
КУТОК *эссе non-fiction*.....370
2001.....377
ЭССЕ О НЕБЕ *эссе non-fiction*.....377
2002.....380
НЕПРАВИЛЬНЫЕ СКАЗКИ *4 неправильные сказки*.....380
2003.....386
КИТАЙСКИЕ ОКНА *24 картинки с текстами*.....386
ЧЕЛОВЕК ГЛАЗА В ОБЛАЧНОМ МОРЕ *6 миниатюр с картинками*.....393
ДИКАЯ ЛУНА *или* Два чёрных мужика и красная змея *микрорассказ*.....404
2004.....408
ПРОБЛЕМА ОГІЕВА *рассказ*.....408
ОБЛОМКИ *12 картинок с подписями*.....414
2005.....417
ВЕЛИКИЙ ТАЙНЫЙ ПИСАТЕЛЬ *рассказ*.....417
ОБРЕЧЁННЫЙ НА ДИАЛОГ *микроэссе*.....422
ОБРЕЧЁННЫЕ НА ДУЭЛЬ *микрорассказ*.....425
СЛУЧАЙНО ВМЕСТЕ ВЕЧНО *микроэссе*.....427
2006.....432
ВЫЙТИ ИЗ ДОМА *поток воспоминаний*.....432
2007.....440
КАРТИНА В ТЕХНИКЕ СЕ-И *рассказ*.....440
КВАДРАТЮРЫ: АЛЕКСАНДР И АНДРЕЙ *12 миниатюр*.....447
А У НАС В ДЕРЕВНЕ... *5 миниатюр*.....452
КВАДРАТЮРНЫЕ ИСТОРИИ *10 миниатюр*.....455
СКАЗКИ МОСКОВСКОГО МЕТРО *или* О ЧЁМ НЕ ГОВОРИЛ ЦИ СЕ *12 миниатюр*.....460
С ЗЕЛЁНЫХ ВЕТВЕЙ ОСЫПАЕТСЯ СНЕГ *стихопроза*.....470
2008.....473
Я УСНУЛ В МЕТРО *миниатюра*.....473
2009.....474
СВЕТЛАЯ ТЕНЬ *миниатюра*.....474
ТЕЛЕВИЗОР *миниатюра с 4 картинками*.....476
ВЕТРЯНАЯ МЕЛЬНИЦА *песня о зимней Липовке с хокку, танккой, обратной танкой, 23 картинками и 23 обратными картинками*.....477
ДЕРЕВЕНСКИЕ ИНОПЛАНЕТЯНЕ *6 рассказов*.....488

ДВЕНАДЦАТЬ СТАРЫХ ПЕРФОКАРТ *12 старых перфокарт* 520
2010 526
ГАРЬ *рассказ* 526
УМРУ МОЛОДЫМ *микрорассказ* 530
РАВЕЛА АКВАРЕЛИСТ *роман-миниатюра* 532
2011 575
КАВЫЧКИ *филосотюра* 575
2012 577
ЕФИМ ЕФИМОВИЧ КОЛЕБРОДОВ *микрорассказ* 577
МАЛЕНЬКИЕ ПРЯМОУГОЛЬНИКИ *96 картинок с текстами* 579
ЛИПОВСКИЙ АЛЬБОМ ДЛЯ ЭСКИЗОВ *19 картинок со стихотворениями* 600
ЦВЕТНЫЕ ТЕНИ ДЕРЕВНИ ЛИПОВКА *19 картинок со стихотворениями* 620
ЛУН ХУ ЦЗЫ «КУНЬ ЭЙ» *жизнеописание Лун Ху-цзы в 18 главах с предисловием и послесловием* 640
ШИ ШИ ШИ ШИ (試釋是事) — ПОПРОБУЙ-КА ОБЪЯСНИ *сказка* 681
2013 685
ПРОГУЛКА В ПАРКЕ *миниатюра* 685
МАНАСТЫРЬ *теоматическая пьеса* 686
ПРОЗРАЧНЫЕ ВЕРБЛЮДЫ *стихопроза с 11 картинками* 770
ТЕДАРМЕНИЯ *травелог в 10 частях с 10 картинками и 4 фотографиями* 781
ЧЖОУ ЛИ *8 стихотворений и 8 картинок* 801
2014 810
Из старого: КАК Я ПРОВЁЛ ДЕНЬ *миниатюра* 810
ДВА ЦВЕТА *травелог в 19 частях с 19 картинками* 811
2015 831
ВОСЕМЬ МИНИАТЮР *8 миниатюр* 831
ХУДОЖНИК СЕМЁН СЕМЁНОВИЧ, ИСКУССТВОВЕДША ФЕФЁЛКИНА И ФОТОГРАФ ЭРАСТ *5 миниатюр* 836
ФОТОГРАФ ЭРАСТ И СЕЛФИСТКА РОЗАЛИНДА РОМУАЛЬДОВНА *3 миниатюры* 838
БАКУНИНСКАЯ, 57 *воспоминание* 839
МЁРТВЫЕ МЯГКИЕ МУЖИКИ *8 стихотворений с 8 картинками* 844
2016 854
ДЕВЯТЬ МИНИАТЮР *9 миниатюр* 854
ФАРФОРОВЫЙ КИТАЕЦ *рассказ* 858
НА ЛИПОВСКОЙ ДОРОГЕ *поток в 6 ветвях* 861
РЕЧИ ВЕЛИКИХ СЫЩИКОВ *6 наноатюр* 870
2017 872
ДЕСЯТЬ МИНИАТЮР *10 миниатюр* 872
Ё *апология ё* 878

АФОРИЗМЫ ВЕЛИКИХ ФИЛОСОФОВ *14 афоризмов с моими репликами*.. 879
ПУЗЫРЁВСКИЕ ХРОНИКИ *9 нанорассказов*.... 881
КОНТАКТЫ *11 картинок с текстами* 890
НАСТАВЛЕНИЯ И СОВЕТЫ *36 нанонаставлений и наносоветов* 896
2018 898
ТРЯПИЧНЫЙ ИНОПЛАНЕТЯНИН *наблюдение*.... 898
ТЕ ЖЕ *миниатюрная пьеса*.... 899
ВЕРЁВОЧКА *миниатюра в 3 частях с 3 картинками*.... 901
ИВАН ИВАНЫЧ И ИРАИДА ПЕТРОВНА *8 картинок с миниатюрами*.... 904
УГОЛКИ: КАМЕНЬ *поток мыслей камня на углу забора*.... 912
ТЮТЧИ ЛЕТЯТ ПО НЕБУ, ОТБРАСЫВАЯ ТЕНИ *поток* 914
2019 920
СЕМЬ МИНИАТЮР *7 миниатюр* 920
КВАДРАТНЫЕ СЦЕНЫ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ *22 картинки с подписями*.. 926
2020 930
ЧЕТЫРЕ МИНИАТЮРЫ *4 миниатюры*.... 930
水墨最為上。**ТУШЬ ПРОСТАЯ ВЫШЕ ВСЕГО** *травелог во времени с 25 картинками*.... 935
МЫ, КОНФУЦИАНЦЫ *26 конфуцианских высказываний*.... 940
АВТОБИОГРАФИЯ *автобиография* 950
2021 951
ОДИННАДЦАТЬ МИНИАТЮР *11 миниатюр*.... 951
ЧЕТЫРЕ СНА *4 сна*.... 956
КАТАЛОГ ЮЖНЫХ КВАРТИР *по мотивам Шаньхайцзин, Каталог Южных Гор, Книга первая*.... 960
ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ НА ПЛАНЕТЕ ККБРДК *микрорассказ* 962
МНЕ СНИЛСЯ СОН *сон*.... 964
ОН, ОНА И ОНИ *диалог* 967
2022 970
ДВЕНАДЦАТЬ МИНИАТЮР *12 миниатюр*.... 970
ТРИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ *3 предложения*.... 977
МЕЧТЫ *три предложения* 980
2023 981
ТРИНАДЦАТЬ МИНИАТЮР *13 миниатюр*.... 981
РАЗГЛЯДЫВАЯ СТАРЫЕ КАРТИНКИ *14 картинок и текстов, возникших при их разглядывании* 988
2024 1017
ДЕСЯТЬ МИНИАТЮР *10 миниатюр* 1017
ЛИСЬИ ИСТОРИИ ИЗ ГОРОДА С. *15 подражаний Ляо Чжаю* 1022
2025 1052

ДВАДЦАТЬ ТРИ МИНИАТЮРЫ *23 миниатюры* 1052
ТРИ ПРАВИЛА СТИХОСЛОЖЕНИЯ, УВИДЕННЫЕ ВО СНЕ *три правила стихосложения* 1065
ЗАПИСКИ НЕВЕРУЮЩЕГО В ТАТАРСТАНЕ *3 записки* 1066
СНИЗКА *10 бусин* 1069
2026 1071
ПЛАНЕТА X ОКОЛО ЗВЕЗДЫ Y В СОЗВЕЗДИИ Z *нанорассказ* 1071
ПОТОК *поток в 10 ветвях* 1072
ДВАДЦАТЬ СЕМЬ ИСТОРИЙ ПРО ДАНИИЛА ХАРМСА, КОТОРЫЕ Я СОЧИНИЛ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОГО АПРЕЛЯ В САМОЛЁТЕ, ВОЗВРАЩАЯСЬ ИЗ КИТАЯ, ГДЕ Я ПУТЕШЕСТВОВАЛ ПО ГУЙЧЖОУ, А ПО ВЕЧЕРАМ ЧИТАЛ ДАНИИЛА ХАРМСА ПЕРЕД СНОМ *27 историй* 1127
МЫСЛИ ПО ПОВОДУ СТИХОВ *99 мыслей* 1131
КОШКА ПОЙМАЛА МЫШКУ *5 миниатюр* 1139
КТО-ТО ИЗ ДРЕВНИХ *8 высказываний кого-то из древних* 1145
БЕРЁЗА РОСЛА, НИЧЕГО НЕ ЗНАЯ ОБ ОРМУЗСКОМ ПРОЛИВЕ *5 миниатюр* 1146
РАЗНЫЕ СТАРИЧКИ, ИХ РАЗМЫШЛЕНИЯ И ТРУДЫ *21 миниатюра* 1158